Научное приложение. Вып. ???

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ФЕДОР СОЛОГУБ

Разыскания и материалы

Москва
Новое литературное обозрение
2016

ББК 71.04
УДК 930.85
А 84

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. ???

ББК 71.04
УДК 930.85

ISBN 5-86793-062-9

© Авторы. 1999

© Художественное оформление. «Новое литературное обозрение», 2016

От составителя

В 1997 году «Новое литературное обозрение» выпустило в свет сборник «Неизданный Федор Сологуб. Стихи. Документы. Материалы», подготовленный коллективом авторов по материалам архива писателя, хранящегося в Пушкинском Доме. Сегодня об этой акции издательства невозможно не вспомнить словами глубокой благодарности. У рукописи была непростая судьба: прежде чем обрести свой порт приписки, она в продолжение двух лет без движения лежала неприкаянным гостем сначала в одном, затем в другом издательстве. Книга стала десятой в учрежденной «Новым литературным обозрением» серии «Научная библиотека».

Сборник был задуман как продолжающееся издание, знакомящее читателя с неизданными творческими рукописями Сологуба и другими материалами его архива. С тех пор минуло почти двадцать лет; издание, по сей день не утратившее своей актуальности, тем не менее постепенно отодвигается в область истории науки о русском модернизме. Некогда лежавший мертвым грузом в Пушкинском Доме архив писателя[1] активно разрабатывается, о чем свидетельствуют регулярные публикации в книжках «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома», журнале «Русская литература» и др., а также сологубовские тома, выпущенные издательством «Наука»: роман «Мелкий бес» (2004), «Полное собрание стихотворений и поэм» (Т. I, 2013; Т. II, 2014; сер. «Литературные памятники»).

Настоящий сборник составили биографические, эпистолярные и справочные материалы, имеющие первоочередное значение для дальнейшего изучения творчества писателя и его литературного окружения[2].

Впервые публикуются сологубовские «Тетради посещений» с записями о литературных чтениях, проходивших у него на квартире (публикация сопровождена аннотированным указателем имен); двух-

---

[1] См.: *Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 43.

[2] Творческие рукописи в томе не представлены (за исключением неизданных поэтических переводов). Основной корпус неизданных художественных текстов Сологуба составляют драматические произведения, перевод поэмы Ф. Мистраля «Мирей» и рабочие материалы к прозе — весьма объемный массив, который целесообразно издать отдельным томом. Неизданные стихотворения включены в последний, третий том «Полного собрания стихотворений и поэм» Сологуба (в стадии подготовки).

сторонняя переписка с В. Э. Мейерхольдом; письма к Сологубу С. А. Соколова («Грифа») и Л. Д. Рындиной; Иванова-Разумника; новонайденные письма Ан. Чеботаревской; материалы по истории издания журнала «Дневники писателей» (1914) с привлечением большого корпуса ранее неизвестных документов и др.

В сборнике представлены статьи, освещающие биографические и творческие контакты Сологуба с К. Случевским, М. Ф. Гнесиным, А. Крученых и др., а также справочно-библиографические разыскания: библиография выполненных Сологубом переводов (в сопровождении подборки неизданных и несобранных поэтических переводов); дополнение к описанию книг из личной библиотеки писателя; аннотированный библиографический указатель критических и публицистических статей Ан. Чеботаревской.

Основной ракурс, с которого просматривается содержание большей части публикуемых материалов: Федор Сологуб в творческом диалоге с современниками и глазами современников — в отраженном свете. Эпиграфом к книге могли бы послужить слова П. Н. Медведева (1924): «Сологуб-человек больше Сологуба-писателя. Больше, глубже, мудрее, разнообразнее, с большим вкусом. По крайней мере — в эти годы. Раньше, говорят, было иначе»[3].

Выражаю глубокую признательность хранителям архива и музея Пушкинского Дома — Н. Н. Лавровой и В. С. Логиновой за содействие в работе в период подготовки сборника. Особая благодарность — А. Л. Соболеву за профессиональную помощь и предоставленные материалы.

[3] Павел Медведев о Федоре Сологубе / Вступ. заметка и публ. Д. А. и П. Н. Медведевых; примеч. М. М. Павловой // Звезда. 2013. № 9. С. 17.

I

ПУБЛИКАЦИИ

«ТЕТРАДИ ПОСЕЩЕНИЙ» ФЕДОРА СОЛОГУБА (1889—1907, 1912, 1913, 1915)

Вступительная статья, публикация и аннотированный указатель имен М. М. Павловой и А. Л. Соболева

Современное состояние науки о русском модернизме во многом обусловлено общей родовой чертой центральных ее героев: привычкой к педантизму в области документооборота. Дошедшие до наших дней почти в неповрежденном виде архивы А. Блока, М. Волошина, В. Брюсова, Вяч. Иванова, Ф. Сологуба и др. являют собой пример исключительно бережного отношения фондообразователей к вещественным свидетельствам трудов и дней: входящей и исходящей почте, беловикам и черновикам, корректурам и пригласительным билетам[1]. Более того, в литературном наследии большинства писателей этого круга зафиксированы обращения к жанру автобиографической хроники — либо ретроспективной, как у Андрея Белого[2], либо текущей — в форме записных книжек или дневников.

Подробное обсуждение (и даже перечисление) причин, определивших значение автобиографической нехудожественной прозы для эпохи модернизма, ныне, кажется, малоуместно; можно лишь констатировать исключительное богатство ее формальной палитры. Опыты подобного рода ощутимо разнятся от автора к автору: иные сочинители вели дневники десятилетиями (например, М. Кузмин); другие обращались к ним в ключевые моменты жизни (Вяч. Иванов[3]); иногда они изначально предназначались для публикации[4] или хотя

---

[1] Следует заметить, что практика эта опережала текущие взгляды общества: так, в 1903 году, обращаясь к подготовленной аудитории, Н. О. Лернер вынужден был почти оправдываться за чрезмерную дотошность: «Быть может, меня обвинят в излишнем пристрастии к подробностям, мелочам. На это обвинение я отвечу словами историка Туманского: “не должно думать, что это мелочи; иногда самая краткая записка, самое маловажное обстоятельство разливает великий свет в бытописании, — особливо потому, что при таковых кратких записках выражаются ясно имена, место, месяц, год, число”» (*Лернер Н.* Введение // А. С. Пушкин. Труды и дни. Хронологические данные, собранные Николаем Лернером. М., 1903. С. VIII).

[2] Подразумевается прежде всего его фундаментальный «Ракурс к дневнику» (январь 1899 г. — 3 июня 1930 г.) // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100.

[3] Ср. слова, которыми Вяч. Иванов открывает после долгого перерыва череду записей: «Наконец-то обновил я когда-то, давно, давно добытую для меня Кузминым книжку. В таких книжках писал он, а может быть, и теперь все пишет свой многолетний дневник. Но как я-то принялся за diarium? Признак досуга? Или ограничение событий? Или наступление последней поры?» (запись от 1 декабря 1924 г. // Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. III. С. 852).

[4] Характерный пример — путевой дневник Гиппиус, положенный в основу очерка: *Гиппиус З. Н.* Светлое озеро: Дневники // Новый путь. 1904. № 1—2.

бы декламации в дружеском кругу[5]; порой имели сугубо приватное значение, как, например, утраченные дневники Сологуба[6]. Случается (так было в практике Блока), дневники и записные книжки сосуществуют, значительно различаясь по отбору запечатленных событий и пространности комментария.

На фоне современников автобиографическая компонента в документальном наследии Сологуба сравнительно невелика, что вполне гармонирует с его классической апофегмой: «Моя биография никому не нужна. Биография писателя должна идти только после основательного внимания критики и публики к сочинениям»[7] etc. Между тем и он не избежал общего веления времени: вел тщательный учет визитов — как наносимых ему, так и возвращаемых.

В жанровом отношении эти записи парадоксальным образом напоминают аналогичные опыты В. Ф. Ходасевича, относящиеся к 1920—1930-м годам: текст их состоит, по сути, из дат и имен с редкими лаконичными пояснениями обстоятельств места и действия[8]. Ходасевич, озаглавив свои тетради «Камер-фурьерский журнал», зафиксировал — хотя и несколько травестийное — их родство с официальными хрониками двухсотлетней давности; реестры Сологуба названы просто «Тетради посещений» (ранние) и «Литературно-театральные записи» (поздние). Какой виделась их будущая роль — не вполне ясно: вряд ли им суждено было служить подспорьем при написании мемуаров или разборе архива. Но нынешнее их значение для реконструкции биографии писателя беспрецедентно: благодаря этим записям мы можем не только представить себе круг общения Сологуба (особенно в бедную на документальные свидетельства раннюю пору), но и приблизиться к построению детальной летописи его жизни и творчества.

---

[5] Это касается прежде всего Кузмина; ср. кружковую остроту, зафиксированную на второй год регулярного пополнения корпуса его быстро ставшего знаменитым дневника: «Сомов сказал, что на будущий сезон мне останется только читать свой дневник в общественных залах» (запись от 13 ноября 1906 г. // Кузмин М. Дневник 1905—1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 263).

[6] Об утраченных дневниках Сологуба см.: Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. Л. Бему / Публ., вступ. заметка и коммент. Ж. Шерона и Л. Шерон // Звезда. 2002. № 10. С. 148; *Павлова М.* Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007. С. 411—412.

[7] Письмо к М. Гофману // Книга о русских поэтах последнего десятилетия / Под ред. М. Гофмана. СПб.; М., 1909. С. 240.

[8] *Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал / Вступ. статья, подгот. текста, указатели О. Р. Демидовой. М., 2002. Дотошности ради стоит отметить, что в ряде случаев (особенно к 1930-м годам) записи Ходасевича становятся чуть менее лаконичными, включая время от времени комментарии, выходящие за рамки строгой хроники.

Отдельный интерес могут иметь открывающиеся возможности сопоставления сухой сологубовской хроники со сторонними отзывами о его вечерах. Так, например, литературное чтение 5 ноября 1906 года было подробно описано одним из его неприметных участников:

Одним из центров современной литературной жизни Петербурга несомненно являются интересные «воскресения» поэта и беллетриста Федора Сологуба.

У Ф. К. собирается тесный кружок писателей, преимущественно «нового направления».

Здесь бывает и г. Вячеслав Иванов «жрец Диониса», прославленный знаменитым обыском в прошлом году и шапкой Мережковского.

Его плавную речь и жесты великолепно копирует в приятельском кружке молодой писатель О. Дымов.

Здесь же звучат веселые шутки безобидного и своеобразного «мистификатора» А. Ремизова, автора «Кикиморы» и «Пруда».

Сидит он, маленький человечек в глубоком кресле, волоса — торчком, острые глазки прыгают и «вертя курносым носом» в сдержанно-ласковом тоне сообщает окружающим свою новую забавную теорию о «литературных двойниках».

Поодаль Александр Блок, кротко улыбаясь своим «восковым» оригинальным лицом и, слегка нагнувшись, слушает внимательно, только что вернувшуюся из-за границы, г-жу Вилькину, производительницу бесчисленных сонетов.

А. Кондратьев, создатель эротических картинок из домашнего быта древних богов, сатиров и «сатиресс» — пытливо и почтительно допрашивает замкнутого и насмешливого хозяина о Люциферианстве и других мрачных порождениях Средневековья. Тут же строгий и скучающий критик Волынский внимательно рассматривает нарисованную художником Добужинским «недотыкомку», спрятанную за стеклом широкого книжного шкафа.

* * *

Комнаты — столовая, гостиная, кабинет — наполняются.

Приходит Георгий Чулков, «мистический анархист». Появляются г. Бердяев, З. Венгерова, пр.-доц. Е. В. Аничков — толстяк и неистощимый говорун.

Стрелка на часах подвигается к 11.

* * *

Наконец Ф. К. приглашает всех собравшихся в просторный кабинет и приступает к чтению своей вещи.

В последний раз он читал — только что законченную: мистерию «Литургия Мне» (ритуал и стихи).

Чтение, прерываемое небольшими паузами, длится...

Монотонный, слегка усыпляющий голос звучит ровно и бесстрастно.

Вереницей мелькают «Змий» и «Дракон», отроки, девы — участники мистерии. Мерные, словно кованые стихи, производят сильное впечатление, несмотря на некоторую туманность содержанья.

* * *

Чтение мистерии кончается.

Возобновляются прерванные разговоры. Говорят обо всем: об услышанной мистерии, о вышедших и ожидаемых литературных новинках, о «красных песнях» Рославлева, о стихах Блока, о возникающем книгоиздательстве «Ярь», о приезде в Петербург Брюсова и обложке Добужинского к изданию Сологубовских сказок.

Приступают к чтению стихов.

Вот читает Блок. В звуках его ровного глубокого голоса отражается милая, больная русалка, заломившая руки и приникая <sic!> затуманенной головой к тихому тростниковому берегу... Шорох камышей... Бледный пейзаж веет бесконечной захватывающей грустью...

Блока просят прочесть его прекрасную «Незнакомку» («По вечерам, над ресторанами...»)

Федор Сологуб прочел «Колыбельную песню» и красивый «Романс», стихи, идущие в разрезе с его настоящим творчеством.

Кроме Блока и Сологуба, читали Чулков, Л. Андрусон, Я. Годин, Вилькина и мн. др.

Во втором часу ночи разошлись[9].

Публикуемые материалы являются частью более полного, в значительной части утраченного корпуса биографических, литературно-художественных и театральных записей Сологуба, которые в той или иной форме более или менее регулярно он вел на протяжении четырех десятилетий. В рукописях и бумагах писателя встречаются разрозненные листы с отрывочными записями, датированными более поздними годами (1914—1916, 1918—1919, 1923, 1925—1926), которые нам еще предстоит собрать и опубликовать[10].

---

[9] *Маска.* Литературный мир. У Федора Сологуба // Газета Шебуева. 1906. № 2. С. 5. За псевдонимом «Маска» скрывался Я. Годин, см.: *Азадовский К.* Эпизоды // Вячеслав Иванов: материалы и публикации / Сост. Н. В. Котрелев. М., 1994. С. 116—121 (Новое литературное обозрение. № 10; Историко-литературная серия. Вып. 1).

[10] Сведения об отдельных конкретных литературных вечерах у Сологуба, записи о которых утрачены (а возможно, и не велись), содержатся также в дневниках (например, М. Кузмина) и воспоминаниях современников, встречаются в газетных репортажах. См., например, воспоминания о рождественской елке у Сологуба в декабре 1916 г.: *Сазонова Ю.* Рождественские мелочи // Последние новости (Париж). 1937. 27 дек. № 6120. С. 3.

В общей сложности из всего некогда существовавшего корпуса «учетных» документов до нас дошло несколько — девять тонких школьных тетрадей, в которых в разные годы с разной степенью подробности Сологуб вел временами почасовую регистрацию своих контактов с внешним миром (такие же тетради использовались для творческих рукописей, черновых и беловых).

Тетради датированы: № 1 — «1889—1897 гг.» (в нее подложены отдельные листы из второй тетради с записями за 1898—1899, 1900); № 2 — «1898—1899, 1900 гг.» (продолжение тетради № 1); № 3 — «1906 г.»; № 4 — «1906—1907 гг.» (в действительности содержит и более поздние записи, в нее подложены разрозненные листы из несохранившейся тетради 1907/1908 гг.); № 5 — «Ноябрь 1912 г.»; № 6 — «Декабрь 1912 г.»; № 7 — «Январь 1913 г.»; № 8 — «Февраль 1913 г.»; № 9 — «Январь 1915 г.».

Ранние и поздние тетради различаются по структуре и содержанию записей.

В тетради № 1 (1889—1897) сводки посещений максимально детализированы: записи оформлены в два магистральных раздела, озаглавленных: «Я был» и «У меня были» (позднее сокращенно: «Я» — «У меня»), в колонтитуле указан год. Первоначально страница делилась на четыре поля, в первом Сологуб записывал дату (месяц и число, начиная с 5 мая 1893 года — день недели), во втором — свои визиты с указанием времени суток (утром, днем, вечером, ночью) и конкретных часов (например: 9 ½ — 1 ч. дня; почасовая разметка появилась после 5 мая 1893 года); в третьем поле вновь фиксировал дату и хронометраж своего дня, в четвертом соответственно — визитеров с их друзьями и домочадцами. Подобная структура (таблица) более или менее сохранялась до 1897 года, при этом эпизодически четыре поля раздвигались на разворот тетради, на одном листе складировались сведения раздела «Я был», на другом — «У меня были». В записях второй половины 1898—1900 годов преобладает последний тип регистрации посещений.

Позднейшие тетради (1906—1915) заполнялись не сплошной календарной фиксацией визитов, а с осени по май — по принципу столичных театрально-художественных сезонов, они получили название «Литературные вечера» (тетрадь № 2) и «Литературно-театральные записи, посещения» (№ 3—9).

В тетрадях 1906—1907 (1908) годов раздел «Я был» формально и фактически отсутствует. Вся информация сосредоточена вокруг литературных чтений на квартире Сологуба, фиксируются: список участников, параллельно или на соседней странице — список приглашенных на очередное собрание (оба реестра столбиком), рядом с именами участников периодически встречаются отметки о присутствии или отсутствии данного лица на вечере, рядом с именами приглашен-

ных — пометы о дате отправки «повестки» или устном приглашении («лично»). Под списком — графа «Читали» / «чтение», в которой Сологуб фиксировал, кто и что читали на вечере (стихи, прозу, драму). В сезон 1906/1907 годов чтения проходили (как и в предшествующие годы, начиная с 1899-го) в Андреевском городском училище, в сезон 1907/1908 годов — в Гродненском переулке, куда (вскоре после своей отставки из училища) писатель перебрался осенью 1907-го и где обосновался уже вместе с Ан. Чеботаревской.

В тетрадях 1912—1915 годов записи имеют несистематический пунктирный характер. Среди страниц с лаконичными, нередко в одно предложение, заметками встречаются датированные, но незаполненные листы, очевидно, под намеченные, но не осуществленные записи.

По содержанию поздние тетради (№ 5—9) уже мало напоминают сухой учетный документ («тетради посещений»), в большей степени они походят на записные книжки, аналогичные сохранившимся в архиве Сологуба (1914—1916)[11], с той лишь разницей, что в них отсутствуют творческие материалы. В заметках перечисляются события, соответствующие двум разделам ранних тетрадей — «Я был», «У меня были»: посещения театров (преимущественно Александринского и «Кривое зеркало», где в ту пору шли сологубовские «Заложники Жизни» и «Всегдашние шашни»); размеры полученных за постановки гонораров; реестры участников литературно-музыкальных и театрализованных вечеров, организованных Чеботаревской в их салоне на Разъезжей (д. 31); важные телефонные звонки и деловые встречи (например, собрание учредителей Общества для изучения еврейской жизни) и др.

Учитывая различную структуру и специфику оформления записей в тетрадях Сологуба, мы сочли целесообразным не сохранять визуальный образ публикуемых документов (во избежание неоправданных типографских трат).

Тетрадь № 1 печатается не в виде таблицы, а по типу обычной записи, с сохранением двух разделов: «Я был», «У меня были». Все авторские реестры участников литературных чтений и вечеров, записанные столбиком на страницах тетрадей № 2—4, печатаются в подбор с сохранением порядковых номеров (при их наличии).

Текст тетрадей изобилует множественными сокращениями. Все авторские сокращения, прочтение которых не вызывает сомнений и не имеет вариантов, раскрываются безоговорочно, без редакторских скобок. Сокращения, допускающие вариативное прочтение, не раскрываются. Например, в тетради № 1 повсеместно использованы сокращения, обозначающие разные формы родства гостей Сологуба, которые также могут быть отнесены к нему и его семье и вызвать

[11] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 80.

путаницу, например: «с.», «с с.»: 1) сестра, 2) супруги — в случае множественного числа (например: Ахутины, Заякины и т. п.), 3) с сестрой; «с м.», «с. м.»: 1) с матерью, 2) сестра, мать, 3) супруги, мать; «с. м. ж.», «с м., ж.»: 1) «сестра, мать, жена», 2) «с матерью и женой»; и т. п.

В ряде записей в датировках число и день недели не соответствуют сведениям календаря на конкретный год (как правило, это разница в сутки); подобные случаи специально не оговариваются. Все авторские датировки сохраняются независимо от их достоверности и аутентичности календарным данным. Все единичные пропуски дней недели в датировках (после 5 мая 1893 года) восстановлены в редакторских скобках.

В тетрадях № 3 и № 4 на отдельных записях встречаются авторские пометы, имеющие при одном значении различное графическое оформление. В общем реестре рядом с именами приглашенных / присутствовавших лиц может стоять единообразный крест — в значении «присутствовал», или прочерк — с тем же значением. Записи с подобными авторскими пометами отмечены после датировки значком астериска (*); в тексте отражены только особые пометы при именах, а также их отсутствие (в случае, если рядом со всеми другими именами в общем реестре помета имеется).

Например, если в списке единообразным значком отмечены имена всех участников (о чем сообщается при датировке), то авторские пометы в тексте не воспроизводятся, если же в общем списке рядом с одной или несколькими именами такой значок отсутствует, то об этом сообщается в редакторских скобках, например: <*бп*> — без пометы, и т. п.

Встречающееся в тексте вариативное написание некоторых фамилий, имеющих различные графические формы (например: Карвовская / Корвовская; Чернышев / Чернышов), не унифицировано. Последовательное написание фамилии М. Кузмина — «Кузьмин» исправлено безоговорочно, то же относится к вариативному у Сологуба написанию фамилий: Теффи / Тэффи, Венцель / Вентцель и др. Описки в инициалах участников собраний отмечены в тексте редакторской пометой.

Принимая во внимание практическое значение публикуемых материалов для исследователей русского модернизма[12], мы сочли

[12] См., например, «Дневники» М. А. Кузмина (1905—1907, 1908—1915), в примечаниях к которым Н. А. Богомолов и С. В. Шумихин систематически ссылаются на публикуемые материалы («Тетради посещений» и «Литературно-театральные записи»); то же относится и к помещенной в настоящем томе публикации переписки В. Э. Мейерхольда с Ф. Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской (подготовлена Ю. Е. Галаниной), а также к многочисленным статьям и публикациям, бывшим и будущим.

целесообразным на данном этапе работы вместо комментария, которого, безусловно, заслуживают «тетради посещений», сопроводить их аннотированным указателем имен (см. с. 000 наст. изд.). Минимальный комментарий по необходимости введен лишь в тех редких случаях, когда упомянутые в записи факты и события неочевидны или нуждаются в пояснениях.

В указатель включены все встречающиеся в тетрадях имена собственные. Сокращения, подразумевающие родственные связи («с с<естрой>», с «ж<еной>» и т. п.), восстанавливаются по мере возможности: в ряде случаев (особенно применительно к вытегорским годам жизни Сологуба) сведения о семейном круге упоминаемых лиц практически ненаходимы. Случаи предположительных атрибуций отмечены звездочкой.

Статьи содержат сведения о годах рождения и смерти комментируемого лица, основном роде его деятельности; для малоизвестных лиц (по преимуществу — впервые попадающих в словник какого бы то ни было справочника) приводится — по возможности — пунктирный очерк биографии. Источник сведений, восходящих к адресным книгам двух столиц, особо не отмечается. Фиксируются письма данного лица к Сологубу (обратные — лишь в случае их обнаружения вне главных архивов) и факты публикации их переписки, а также (при наличии) воспоминания о Сологубе.

Архаичные и ошибочные формы написания имен исправляются без отдельных оговорок; так же по умолчанию унифицируются имена и фамилии, встречающиеся в «тетрадях посещений» в двух и более графических формах.

Текст «Тетрадей посещений» и «Литературно-театральных записей» Ф. Сологуба воспроизводится по оригиналу: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81; орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной грамматической нормой.

1889

Октябрь

26 октября. Я, утром: Директор.
27 октября. Я, вечером: Ахутин.
29 октября. Я, полдень: Ахутин, днем: Дроздовы, Дворянский.

Ноябрь

2 ноября. У меня, вечером: Ахутин.
5 ноября. Я, днем: Соколов.
У меня, днем: Дворянский.
6 ноября, понедельник. Я, днем: Нечаев.
12 ноября. У меня: Нечаев.
21 ноября. Я, с сестрой: Ахутины, Соколовы.
У меня: Дроздов.
26 ноября. Я, с сестрой: Маккавеевы, Соколовы, Дроздовы, Дворянские, Нечаевы, Костин.
28 ноября. У меня, днем: Нечаева.

Декабрь

3 декабря. Я: Копытов.
У меня: Соколовы, Ахутины, Костин, Дроздовы.
6 декабря. Я, днем: Цветков, Шелюков.
У меня, днем: Копытов.
10 декабря. Я, вечером: Нечаевы, с сестрой.
17 декабря. Я, днем: Кикин, вечером: Ахутин, с сестрой.
У меня, днем: Шелюков, Цветков, Дворянские.
25 декабря. Я, днем: Суморин.
28 декабря. Я, вечером: Соколовы, с сестрой.
30 декабря. Я, днем: Веретенников, вечером: Ахутины, с сестрой.
У меня, днем: Кикин, вечером: Нечаевы.
31 декабря. Я, днем: Заякины.

1890

Январь

1 января. Я, днем: Маккавеевы, Копытов, Ахутины, Дурново, Введенский, Цветков, Шелюков, Дворянский, Суморин, Соколовы, Дроздовы, Нечаевы, Заякин, Мишурин.
У меня, днем: Заякин, Нечаев.
2 января. У меня, днем: Введенский, Цветков.
5 января. У меня, вечером: Ахутины, Соколовы.
6 января. У меня, днем: Дворянский, Дурново.

7 января. Я, днем: Дроздов, вечером: Нечаев, обедал.
У меня, вечером: Нечаевы.
8 января. Я, утром: Ахутин, днем: Маккавеев.
10 января. Я, днем: Ахутин.
16 января. Я, вечером: Дворянский, с сестрой.
18 января. Я, вечером: Ахутин.
23 января. У меня, днем: Мишурин, Веретенников, вечером: Ахутин, Костин.
24 января. Я, вечером: Соколовы, с сестрой.
28 января. Я: Ахутины, с сестрой и матерью.

Февраль
1 февраля. У меня: вечером Ахутины.
2 февраля. Я, днем: Копытов.
4 февраля. Я: Ельцов (карточка), вечером: Заякины (с сестрой).
8 февраля. Я: Ахутин (с сестрой).
У меня: Соколовы (с женой и сестрой).
11 февраля. У меня: днем: Ельцов, вечером: Ахутины, Заякины супруги.
20 февраля. Я, вечером: Нечаевы, с сестрой.
22 февраля. У меня: Кикин.
26 февраля. У меня: Соколовы — с женой и сестрой Ахутина.

Март
1 марта. Я: Дроздовы, с сестрой.
2 марта. Я, днем: Ахутин.
4 марта. У меня, вечером: Ахутин, Костин.
7 марта. У меня: Дроздовы, с женой.
9 марта. Я: Ахутин.
15 марта. У меня: Ахутины, ж., Костин.
23 марта. Я: Ахутины, с сестрой.

Апрель
1 апреля. Я, днем: Нечаев, Дурново.
У меня, вечером: Нечаевы.
2 апреля. У меня, днем: Ахутин, Соколов, Копытов.
Я, днем: Веретенников, вечером: Ахутин, с.
3 апреля. Я, днем: Ахутин, вечером: Соколовы, с.
4 апреля. У меня, днем: Вещезеров.
Я, днем: Нечаевы, с.
5 апреля. Я, днем: Ахутины, с., Костин, Копытов.
У меня, вечером: Ахутины, ж., Копытов, Костин.
6 апреля Я, днем: Костин, Нечаевы, с.
У меня, вечером: Нечаевы.

8 апреля. У меня, днем: Костин.
Я, вечером: Заякины, с.
9 апреля. У меня, вечером: Кикин.
10 апреля. У меня, Заякины, ж., м.
12 апреля. Я: Дроздовы, с.
14 апреля. Я: Заякины, с.
16 апреля. У меня: Костин, Ахутины.
17 апреля. Я: Кикин.
19 апреля. У меня: Костин.
20 апреля. Я, вечером: Ахутины, с.
21 апреля. Я, вечером: Костин.
22 апреля. У меня: Заякин, с.
25 апреля. У меня: Костин.
28 апреля. Я: Костин.
29 апреля. У меня: Ахутины, ж., Заякин, Костин.

Май

3 мая. У меня, днем: Костин.
5 мая. Я, вечером: Заякины, с.
14 мая. У меня, днем: Ахутин, вечером: Кикин.
15 мая. У меня: Костин, Заякины, с.
18 мая. Я: Костин.
21 мая. У меня: Костин.
23 мая. У меня: Костин.
25 мая. Я: Дроздов.
У меня: Дроздов.
27 мая. У меня: Соколовы, м., с.
28 мая. Я: Заякины, с.
31 мая. Я: Костин.

Июнь

1 июня. У меня, вечером: Костин.
3 июня. Я, днем: Ахутин.
5 июня. Я: Ахутин.
6 июня. У меня, вечером: Заякины, с., м., Кикин.
7 июня. У меня: Ахутины, м.
8 июня. Я, днем: Соколов.
У меня, днем: Соколов, вечером: Дроздовы, ж.
9 июня. У меня: Нечаева.
12 июня. Я: Ахутины, с.
13 июня. Я: Нечаевы, с.
14 июня. Я, вечером: Соколовы, с.
15 июня. У меня: Заякины, ж.

19 июня. У меня: Ахутины, м.
20 июня. Я: Заякины, с.
21 июня. У меня, днем: Соколов.
27 июня. Я, вечером: Заякины, с.
29 июня. Я: Ахутины, с.

Июль

8 июля. У меня: Нечаевы, ж.
11 июля. У меня, днем: Нечаева, Соколова.
13 июля. У меня, вечером: Ахутин.
17 июля. Я: Ахутины, с.
24 июля. Я: Заякины, с.
25 июля. Я: Нечаевы, с., м.
28 июля. У меня: Ахутин.
29 июля. Я: Соколовы, с.
30 июля. У меня: Ахутины.
Я: Ахутин, с.

Август

1 августа. Я, днем: Ахутин.
У меня, днем: Ахутины, ж.
6 августа. У меня, вечером: Соколовы, ж.
7 августа. Я, днем: Копытов, Ахутин.
8 августа. У меня: Дроздов.
10 августа. Я, утром: Копытов.
У меня, днем: Кикин.
13 августа. У меня: Заякин.
14 августа. Я: Ахутин.
15 августа. Я: Ахутин, вечером: Вещезеров.
У меня, вечером: Вещезеров.
17 августа. Я, днем: Костин.
У меня, днем: Вещезеров.
20 августа. Я, вечером: Соколовы, с.
21 августа. Я, вечером: Костин.
22 августа. У меня: Дворянские, м.; Нечаевы, ж. <?>; Заякины, ж. <?>, с.
23 августа. У меня: Костин.
26 августа. У меня, днем: Соколов.
30 августа. Я, вечером: Костин.

Сентябрь

1 сентября. У меня, вечером: Костин.
2 сентября. Я: Заякины, с.

3 сентября. Я: Ахутины, с.
5 сентября. Я, днем: Соколовы, с.
У меня, днем: Костин.
8 сентября. У меня, вечером: Ахутин, Костин.
10 сентября. Я: Костин.
13 сентября. Я: Костин.
14 сентября. У меня: Заякины, с.
15 сентября. У меня: Костин.
17 сентября. Я, днем: Нечаева, с.
18 сентября. Я, вечером: Костин.
19 сентября. Я, вечером: Кикин.
20 сентября. Я, вечером: Костин.
21 сентября. Я, днем: Костин.
22 сентября. У меня, вечером: Костин.
23 сентября. Я: Заякины, с.
26 сентября. У меня: Соколовы, ж. <?>, Ахутины, ж. <?>, Заякины, с.

Октябрь
1 октября. Я: Ахутины, с.
7 октября. Я: Заякины, с.
8 октября. У меня: Кикин.
10 октября. У меня: Нечаевы, ж. <?>
13 октября. Я: Дроздовы, с.
14 октября. У меня, вечером: Ахутины, м., Заякины, с., Костин.
17 октября. Я: Нечаевы, с.
20 октября. Я: Костин.
22 октября. Я: Заякины, с.

Ноябрь
7 ноября. Я: Ахутины, с.
9 ноября. У меня: Дроздовы, ж.
11 ноября. У меня, днем: Ахутин, Костин.
Я, вечером: Ахутин, с.
18 ноября. У меня: Костин, Заякины, с.
20 ноября. Я: Костин.
21 ноября. У меня: Ахутины, ж.
25 ноября. Я: Заякины, с., м.
29 ноября. Я: Соколовы, с.

Декабрь
6 декабря. У меня, днем: Костин.
7 декабря. Я, вечером: Ахутины, с.

10 декабря. Я: Дворянские, с.
13 декабря. У меня: Ахутин.
16 декабря. У меня: Соколовы, ж.
19 декабря. Я: Костин.
25 декабря. У меня: Ахутины, ж., Заякины, с., Костин.
26 декабря. У меня, днем: Копытов.
Я, вечером: Заякины, с.
28 декабря. Я: Ахутины, с.
У меня: Ахутин.
29 декабря. Я, вечером: Нечаевы, с.
30 декабря. Я, днем: Дворян<ский>.
31 декабря. Я, вечером: Заякины, с., м.

1891

Январь

1 января. Я, днем: Копытов, Кикин, Дроздов.
2 января. Я: Заякин.
У меня: Дроздов, Дворянский, вечером: Заякины, с.
3 января. У меня, днем: Кикин, Соколов, вечером: Нечаевы, ж.
4 января. У меня, днем: Костин.
6 января. У меня: Костин.
Я, вечером: Заякины, с.
7 января. Я, днем: Дроздов.
10 января. Я, вечером: Костин.
12 января. У меня, днем: Нечаевы.
13 января. Я: Копытов, вечером: Нечаевы, м., с.
14 января. Я: Соколовы, м., с.
16 января. Я: Дворянские, с.
18 января. Я: Ахутины, с.
19 января. Я: Костин.
20 января. У меня: Заякины, с., Костин, Смелов, Ахутины, ж.
22 января. Я: Заякин, Смелов, Костин.
27 января. У меня, днем: Костин, вечером: Соколовы, ж., Нечаевы, ж.
30 января. Я, вечером: Костин.

Февраль

2 февраля. Я: Заякины, с.
4 февраля. У меня: Костин, Смелов, Заякин.
5 февраля. Я: Ахутины.
9 февраля. Я: Смелов.
У меня: Ахутин.

10 февраля. Я: Цветковы, с.
12 февраля. Я: Костин.
У меня: Кикины, ж.
13 февраля. Я: Нечаевы, с.
14 февраля. У меня: Заякины, с., Костин, Кикин.
15 февраля. Я: Дроздовы, с.
17 февраля. Я: Заякины, с., м.
22 февраля. У меня: Ахутины, ж., Дурново.
24 февраля. Я, днем: Копытов.
25 февраля. Я: Заякин.
У меня, вечером: Заякины, с.
26 февраля. У меня, днем: Заякины, с., Смелов, Нечаева.
27 февраля. Я, вечером: Соколовы, с.
28 февраля. Я, днем: Дроздов.

Март
1 марта. У меня, вечером: Нечаевы, ж., Дворянские, ж.
2 марта. Я: Заякины, с., м.
У меня: Костин.
8 марта. У меня, днем: Ахутины, ж.
Я (вечером): Заякин.
9 марта. Я: Костин.
10 марта. У меня, днем: Костин, вечером: Заякины, с.
11 марта. Я: Ахутины, с.
16 марта. Я: Костин.
19 марта. У меня: Костин.
21 марта. Я: Заякины, с.
22 марта. У меня: Дроздовы, ж.
23 марта. Я: Смелов.
24 марта. Я: Нечаевы, с.
26 марта. У меня: Соколовы, ж.
31 марта. Я: Кикины, с.

Апрель
5 апреля. У меня: Костин, Заякин.
7 апреля. У меня: Ахутины.
21 апреля. Я, днем: Ахутин.
У меня, днем: Костин, Кикин.
22 апреля. Я: Заякин.
Я, вечером: Соколовы, с.
23 апреля. Я, днем: Ахутины, с., Кикин, Заякин.
У меня, вечером: Нечаевы, ж., Заякины, с.
25 апреля. У меня, днем: Костин.
Я: Костин.

26 апреля. У меня, вечером: Ахутины, ж., Костин, Смелов, Заякин, Цветковы, ж., д<ети — ?>
27 апреля. Я, вечером: Заякины, м., с.
28 апреля. Я: Нечаевы, м., с.

Май

2 мая. У меня: Соколовы, ж., Кикины ж., Ахутин.
4 мая. Я: Дурново.
5 мая. Я: Ахутины, с.
8 мая. Я, днем: Кикин.
9 мая. У меня, вечером: Заякины, ж., с.
12 мая. Я: Заякины, м., с.
14 мая. Я: Костин.
18 мая. У меня: Заякины, ж., с., Костин, Смелов.
20 мая. У меня: Ахутины, м. <?>, Костин.
21 мая. Я: Заякины, с.
22 мая. Я: Смелов.
26 мая. Я: Ахутины, с.
27 мая. Я: Соколовы, с., м.
28 мая. У меня: Заякины, ж., с.
30 мая. Я: Цветковы, с.

Июнь

1 июня. Я: Костин.
2 июня. Я: Заякины, с., м.
4 июня. У меня: Заякины, ж., с.
5 июня. У меня, днем: Смелов.
7 июня. У меня, вечером: Заякина, ж., Цветкова, ж.
12 июня. Я, днем: Дворянский, Маккавеев, Ельцов.
13 июня. Я: Маккавеев.
15 июня. Я: Латышев.
17 июня. Я, днем: Окрейц, вечером: Латышев.
18 июня. Я, днем: Гуревич.
19 июня. Я: Виленкин.
У меня: Агапов.
20 июня. Я, вечером: Латышев.
21 июня. Я, днем: Агапов, с с<естрой>.
24 июня. Я: Ахутин.
У меня, вечером: Заякина, ж.
25 июня. У меня: Ахутин.
27 июня. Я, днем: Нечаевы, вечером: Заякина, ж.
29 июня. У меня: Заякина, ж.
30 июня. Я: Ахутин, с.

Июль

1 июля. Я: Ахутин.
У меня: Ахутин.
2 июля. У меня: Ахутин, Цветкова, ж.
4 июля. Я, днем: Маккавеев.
У меня: Копытов.
5 июля. У меня, вечером: Заякина, м.
6 июля. Я: Заякина, с.
7 июля. У меня: Ахутины.
8 июля. Я: Ахутины, с.
9 июля. У меня, вечером: Дворянская, ж. <?>, Заякина, ж.
11 июля. Я: Дворянская, ж.
У меня, днем: Ахутин.
17 июля. У меня, вечером: Ахутины, ж.
18 июля. Я, днем: Копытов.
Я, вечером: Ахутины, с.
28 июля. У меня: Нечаевы, ж., Заякин.
29 июля. Я: Нечаевы, с., м.
31 июля. Я: Заякины, с.

Август

4 августа. У меня: Заякины, жена.
6 августа. Я, днем: Ахутин, вечером: Маккавеев, Ахутин.
У меня, днем: Дворянские, ж., вечером: Ахутины, ж.
11 августа. Я, днем: Суморин, Нечаев, вечером: Заякины, с.
13 августа. Я, днем: Суморин, Дроздов.
У меня, днем: Заякин.
14 августа. Я: Заякин.
У меня, вечером: Заякины, м., ж., с.
15 августа. У меня, днем: Подвысоцкий, вечером: Заякин.
17 августа. Я: Ахутины, с.
18 августа. Я, днем: Подвысоцкий, Веретенников, вечером: Соколовы, с.
19 августа. Я: Заякины, с.
20 августа. У меня, днем: Ахутин, Костин, Ахутин, вечером: Заякины ж., Костин.
22 августа. Я: г-жи Заякины, м., с.
23 августа. Я: Заякин.
25 августа. У меня, днем: Заякин.
26 августа. У меня, вечером: Заякины, ж.
29 августа. Я, днем: Заякин, вечером: Заякин.
У меня, днем: Дурново.
30 августа. Я, днем: Заякин, Костин, Дурново, Смелов, вечером: Заякин, Костин.

Сентябрь

1 сентября. Я, днем: Заякин.
5 сентября. Я, вечером: Смелов.
6 сентября. Я: Заякин, м.
8 сентября. У меня: Заякины, ж. <?>, Костин, Смелов.
11 сентября. Я: Дурново.
13 сентября. Я: Костин.
14 сентября. У меня: Ахутин, Костин.
Я: Ахутин.
15 сентября. Я: Заякин.
У меня, днем: Даукша.
17 сентября. Я: Нечаева.
18 сентября. У меня, вечером: Костин, Заякин, Цветков.
19 сентября. Я, вечером: Цветков.
22 сентября. Я, днем: Даукша.
У меня, вечером: Ахутины, ж.
Я, вечером: Кикины, м.
24 сентября. Я: Костин.
26 сентября. У меня, днем: Заякин.
Я, вечером: Костин, Подвысоцкий.
29 сентября. У меня: Подвысоцкий.

Октябрь

1 октября. Я: Ахутин.
2 октября. Я: Подвысоцкий, Дроздов.
3 октября. У меня: Заякины, м., ж., с.
6 октября. Я: Заякин.
10 октября. Я: Костин.
11 октября. У меня: Ахутин.
13 октября. У меня: Кикины, ж.
16 октября. Я: Ахутин.
22 октября. Я, днем: Заякины, вечером: Смелов.
24 октября. Я: Ахутин.
26 октября. У меня: Костин, Ахутин.
27 октября. Я, днем: Костин.
У меня, вечером: Костин, Ахутин.
29 октября. Я, днем: Заякин.

Ноябрь

1 ноября. Я, вечером: Костин.
2 ноября. Я: Ахутин.
3 ноября. У меня, вечером: Заякины, ж. <?>, Смелов, Костин.
6 ноября. Я, днем: Нечаев.
7 ноября. У меня, вечером: Ахутины, ж.

9 ноября. Я, днем: Костин, Ахутин.
У меня, вечером: Дроздов.
10 ноября. Я, днем: Дроздов.
У меня, утром: Ахутин.
14 ноября. Я, днем: Линевич, Костин
У меня, вечером: Ахутин.
15 ноября. Я: Заякин.
16 ноября. У меня: Дроздов.
17 ноября. У меня, днем: Суморин.
19 ноября. Я, вечером: Ахутин.
21 ноября. У меня: Костин.
23 ноября. У меня: Ахутин.
24 ноября. У меня, днем: Костин.
Я, вечером: Кикины, м.
26 ноября. Я: Ахутины, м.
27 ноября. У меня: Заякины, м. <?>
28 ноября. У меня: Нечаевы, ж. <?>

Декабрь

1 декабря. Я, днем: Копытов, вечером: Заякин.
3 декабря. Я: Ахутин.
4 декабря. Я: Костин.
6 декабря. У меня, днем: Костин, Ахутины.
8 декабря. У меня: Кикины, Соколовы, Ахутины.
12 декабря. Я: Смелов.
15 декабря. Я: Ахутин.
20 декабря. Я, вечером: Костин.
21 декабря. У меня: Заякины, ж.
25 декабря. Я, днем: Дроздов, вечером: Ахутин.
26 декабря. Я: Заякины, м.
27 декабря. У меня, днем: Ульрих, Юнкер.
Я, вечером: Ахутин, м.
28 декабря. У меня, днем: Ахутин.
Я, днем: Юнкер.
29 декабря. У меня: ф. Ульрих.
Я, вечером: Ахутин, м.
30 декабря. Я, днем: ф. Ульрих (у Юнкера).
31 декабря. У меня: Кикин, вечером: Заякины, ж., Смелов.

1892

Январь

1 января. Я, днем: Заякины г-жи, Заякины, уч., Цветков.
У меня, днем: Заякин, Смелов, Нечаев.
Я, вечером: Соколовы, м.

2 января. Я, днем: Ахутин.
У меня, вечером: Ахутины, ж., Ельцов.
3 января. У меня, днем: Копытов.
5 января. У меня, вечером: Заякины, ж., м., с.
6 января. Я, днем: Копытов.
9 января. Я, вечером: Смелов.
11 января. Я: Костин.
12 января. У меня, вечером: Заякины, ж.
Я, вечером: Заякины млад<шие>, м.
17 января. Я, вечером: Ахутин.
19 января. У меня: Костин, Смелов.
25 января. У меня: Заякины, ж.
26 января. У меня: Ахутины, ж.

Февраль
2 февраля. Я: Заякины г-да, м.
3 февраля. Я: г-жи Заякины, м.
4 февраля. Я: Нечаевы, м.
6 февраля. Я: Ахутин.
7 февраля. У меня: с 7, с 5 до 5 ½ Ахутины, ж.
9 февраля. Я, вечером: Костин.
У меня, вечером: Заякины, ж.
10 февраля. У меня, днем: Юнкеры, ж., вечером: Костин.
11 февраля. Я: Юнкеры, м.
13 февраля. Я днем: Заякины, г-жи.
14 февраля. Я: г-да Заякины, м.
15 февраля. Я: Заякины, Трошков, д<октор-?> Маклеонов.
У меня: г. Заякины, ж., вечером: Заякины, ж.
16 февраля. Я, днем: г. Заякины.
У меня, днем: Заякин, Костин, Смелов.
17 февраля. Я, вечером: Ахутин.
19 февраля. У меня: Ахутин.
22 февраля. У меня: Заякины, ж.
23 февраля. Я: Ахутины, м.
25 февраля. У меня: Кикин.
28 февраля. У меня: Ахутин.

Март
1 марта. Я: Заякины, м.
2 марта. У меня: Юнкер.
5 марта. У меня, вечером: Ахутины, Юнкеры, ж., Копытов.
6 марта. Я: Юнкеры, м.
7 марта. У меня: Заякины все.

8 марта. Я: Ахутины, м.
10 марта. Я: Костин.
15 марта. Я: г-да Заякины, м.
17 марта. Я: Ахутин.
18 марта. У меня: Заякины, ж.
19 марта. Я: Смелов.
22 марта. У меня: Соколовы, ж., с., Кикины, ж., Ахутины, ж.
29 марта. У меня: Кикин, Заякины, ж.

Апрель

1 апреля. Я, днем: Костин, Заякин.
3 апреля. Я: Подвысоцкий.
5 апреля. Я: Нечаев, г-жи Заякины, г-да Заякины, Костин, Смелов, Кикин, Соколов, Подвысоцкий.
У меня: Нечаев, Костин, Смелов, Подвысоцкий, Ахутины, ж., Юнкер, Копытов.
6 апреля. Я: Юнкер, Ахутин.
У меня: Заякин.
Я, вечером: Заякины г-да, м.
7 апреля. Я, днем: Копытов.
У меня, вечером: Кикин, Юнкер.
8 апреля. Я, днем: Копытов, Смелов, Ахутин.
9 апреля. У меня, днем: Костин, Смелов, вечером: Кикина, Соколова, Нечаевы, ж.
10 апреля. Я, днем: Костин, Смелов, Юнкер, вечером: Кикины, м.
11 апреля. Я, днем: Костин.
17 апреля. У меня, вечером: Костин.
19 апреля. Я, днем: Костин.
24 апреля. Я, вечером: Костин.
25 апреля. У меня, днем: Ахутин, вечером: Заякины, ж.
26 апреля. Я: Нечаевы, м.
29 апреля. У меня, днем: Ахутин.
Я: Ахутин.
30 апреля. Я, вечером: Ахутин.

Май

3 мая. Я, днем: Костин.
6 мая. Я, днем: Ахутин.
У меня, вечером: Костин, Ахутин, Кикин.
7 мая. Я: Костин.
8 мая. Я, днем: Кикин.
У меня, днем: Костин.
9 мая. Я: Заякин, Костин.

10 мая. У меня: Костин.
Я: Ахутин.
11 мая. У меня, вечером: Ахутин.
12 мая. Я, днем: Ахутин, Костин.
13 мая. У меня: Ахутин.
14 мая. Я, вечером: Ахутин.
15 мая. Я: Костин.
16 мая. У меня, днем: Е. И. Соколова, Ахутина.
У меня, вечером: Заякины, ж.
17 мая. У меня: Соколов, Костин, Юнкер, Ахутины, ж.
18 мая. Я, днем: Ахутины, с., вечером: Заякины (чета), с.
20 мая. Я: Смелов.
21 мая. Я, днем: Юнкер.
22 мая. Я: Соколовы, с.
24 мая. Я, днем: Ахутин.
У меня, вечером: Нечаевы, ж.
25 мая. У меня, днем: Костин.
26 мая. У меня, вечером: Ахутины, ж.
28 мая. У меня: Костин.
31 мая. У меня, днем: Заякин.

Июнь
1 июня. У меня: ф. Ульрих.
2 июня. Я: Ахутин.
У меня, вечером: Соколовы, ж., Кикины, ж.
3 июня. Я: Соколовы, с.
4 июня. Я: Ахутины, с.
5 июня. У меня, днем: Ельцов, вечером: Ахутин, Кикин.
6 июня. У меня: Ахутин.
7 июня. Я, днем: Копытов.
У меня. вечером: Кикин, Заякины, ж.
8 июня. Я: Кикины, с.
10 июня. У меня, вечером: [Заякины, ж.], Ахутины, ж., Кирикова Анна.
11 июня. Я, днем: Ахутин.
12 июня. Я, вечером: Заякины.
14 июня. Я, днем: Ахутина, с.
16 июня. Я, вечером: Заякины, с.
У меня: Заякины, ж.
17 июня. Я, днем: Юнкер.
У меня, днем: Ахутин.
18 июня. У меня, вечером: Заякины, ж.
20 июня. Я, днем: Ахутин, вечером: Ельцов.

22 июня. Я: Ахутины, с.
23 июня. Я: Заякины, с.
25 июня. У меня, днем: Заякин.
26 июня. Я, вечером: Нечаевы, с.
27 июня. У меня, днем: Ахутин.
28 июня. У меня, вечером: Заякины, ж.
30 июня. У меня: Ахутины, ж., Кикин, Юнкеры, ж.

Июль

2 июля. Я, днем: Ахутины, с., Юнкеры, м., с.
3 июля. Я, вечером: Заякины г-да, с.
5 июля. У меня, днем: Ахутин.
Я, вечером: Ахутины, с.
6 июля. Я: Соколова, м., с.
7 июля. У меня: Ахутины, ж.
9 июля. Я: Ахутины, м., с., Заякины г-да.
У меня: Заякин.
10 июля. Я: Заякины г-жи.
11 июля. У меня, днем: Заякина А. П., Нечаева, вечером: Заякины, ж., Юнкер.
16 июля. У меня, днем: Копытов.
17 июля. У меня, вечером: Юнкер.
18 июля. Я: Заякины г-да, с.
19 июля. Я, днем: Заякины г-жи, с.
20 июля. Я, вечером: Нечаевы, с.
22 июля. Я, днем: Копытов.
У меня, вечером: Заякины г-жи, Над. П., чета.
26 июля. Я: Соколовы, с.
30 июля. У меня, днем: Милюкова-Зая<кина-?>.

Август

2 августа. У меня: Заякин.
4 августа. Я, вечером: Заякины, с.
5 августа. У меня, днем: Юнкер.
6 августа. У меня, вечером: Юнкер.
13 августа. Я, днем: Заякины г-жи, с.
14 августа. Я: Юнкер.
16 августа. У меня, вечером: Юнкер, Заякины, ж.
17 августа. У меня: Соколовы ж., Кикин.
21 августа. Я: Юнкер.
23 августа. Я: Заякины г-да, с.
24 августа. У меня: Юнкер.
26 августа. У меня, днем: Заякины, ж.

27 августа. У меня, днем: Заякин.
Я, вечером: Юнкер.
28 августа. Я, днем: Юнкер, Кикин.
31 августа. У меня: Костин.

Сентябрь
1 сентября. Я, вечером: Костин, г-да Заякины, с.
2 сентября. Я, вечером: Соколовы, м., с.
3 сентября. Я: Кикины, м., с.
4 сентября. У меня: Костин, Заякины, м., ж., с.
5 сентября. Я, днем: Соколовы, с.
6 сентября. Я: Дроздовы, с., Нечаевы, с., г-жи Заякины, с., Цветковы, с., г-да Заякины, с., Копытов.
7 сентября. У меня, вечером: Цветков.
8 сентября. У меня, утром: Подвысоцкий, Копытов.

В Санкт-Петербурге
10 сентября. Я, вечером: Латышев.
16 сентября. Я: Агапов.
20 сентября. Я, днем: Латышев, Попов.
21 сентября. Я, днем: Виленкин, вечером: Попов.
22 сентября. Я, утром: Попов.
23 сентября. Я, утром: К.К. Сент-Илер, днем: Виленкин, вечером: Латышев.
30 сентября. Я, днем: Петров.
<*Между 1 октября и 10 ноября. — Край листа с датами оборван.* — Публ.>
Я, вечером: Латышев.
Я, днем: Попов.
Я, вечером: Латышев.
Я: Агапов.
Я: Латышев.

Ноябрь
10 ноября. Я, вечером: Скородумов.
27 ноября. У меня, днем: Вембер (карточка).
30 ноября. Я, вечером: Попов П. И.

Декабрь
2 декабря. Я: Латышев.
7 декабря. У меня: Скородумов.
28 декабря. У меня: Вл. Костин.
30 декабря. Я, вечером: Латышев.

1893

Январь

1 января. Я, днем: Попов, Латышев.
3 января. У меня: Попов (карточка).
20 января. Я, вечером: Латышев.
26 января. Я: Московский.

Февраль

14 февраля. У меня, вечером: Вл. Костин.
24 февраля. Я: Латышев.

Март

6 марта. Я, утром: Виленкин.
10 марта. Я, вечером: Латышев.
12 марта. Я, утром: Сент-Илер.
17 марта. Я, днем: Виленкин.
Я, вечером: Латышев.
27 марта. Я, днем: Виленкин.
28 марта. Я: Латышев.
29 марта. Я: Виленкин.
31 марта. У меня: Вл. Костин.
Я, вечером: Латышев.

Апрель

7 апреля. Я: Латышев.
9 апреля. Я, днем: Виленкин.
14 апреля. Я, вечером: Латышев.
21 апреля. Я: Латышев.
23—24 апреля. Я, днем: 5 — Виленкин.
28 апреля. Я: 2—4 — Виленкин, вечером Латышев.

Май

5 мая, среда. Я: 5 ½ — 6 ½ <ч> по полудни — Виленкин.
7 мая, пятница. Я: 7—12 — Е. В. Попова.
12 мая, среда. Я: 8—12 веч. — Латышев.
19 мая, <среда>. Я: 7 ½ — 12 ½ — Латышев.
20 мая, четверг. Я: 6 ¼ — 6 ¾ веч. — Виленкин.
25 мая, вторник. Я: вечером Е. В. Попова.
30 мая, воскресенье. У меня: Вл. Костин.

Июнь

2 июня, среда. Я: 7 ½ — 1 <ч> — Латышев.

6 июня, воскресенье. У меня: 1—1 ¼ дня — Копытов, 1—3 ¾ — Соколов, о. Павел.
8 июня, вторник. У меня: 1—5 — Соколов, о. Павел.
9 июня, среда. Я: 5—6 — Копытов.
У меня: 6 ½ — 7 ½ — Копытов.
Я: 8—12 — Латышев.
10 июня, четверг. Я: 1—3 — управляющий <учебным> округом Лаврентьев.
11 июня, пятница. Я: 2 ½ — Соколов.
16 июня, среда. Я: 1 ½ — 2 — Соколов, 8—12 — Латышев.
17 июня, четверг. У меня: 12—1 ½ — Соколов.
21 июня, понедельник. 1—4 ¾ — Латышев<?>.
23 июня, среда. Я: 8 ½ — 12 — Латышев.
29 июня, вторник. У меня: 9 ¾ — 11 ½ — Соколов.
30 июня, среда. Я: 1—1 ½ — Соколов.
У меня: 4—6 ½ — Соколов.

Июль

2 июля, пятница. Я: 3 — Соколов.
4 июля, воскресенье. Я: 7 ½ — Соколов.
5 июля, понедельник. У меня: 10—11 — Соколов.
7 июля, среда. Я: 8 ½ — 12 — Латышев.
10 июля, суббота. Я: 3 ½ — 5 ½ — Соколов.
11 июля, воскресенье. У меня: 11—3 — Соколов.
12 июля, понедельник. Я: 7—11 — Загребин.
14 июля, среда. Я: 8 ½ — 12 ½ — Латышев.
21 июля, среда. У меня: 12 ½ — 1 <ч> — Григорьев А., 3 ½ — 5.45 — Соколов.
Я: 8—1 ночи — Латышев.
27 июля, вторник. У меня: 9—10 утра — Костин; 3—5 ½ веч. — Костин.
28 июля, среда. У меня: 1—1 ½ дня — Костин.
Я: 8 ½ — 12 ¾ — Латышев.
29 июля, четверг. У меня: 1—5 — Соколов, 3—8 — Костин.
30 июля, пятница. У меня: 5—7 — Костин.

Август

1 августа, воскресенье. У меня: 5—8 — Соколов.
2 августа, понедельник. У меня: 2—5 — Соколов.
3 августа, вторник. Я: 1—2 — Соколов.
5 августа, четверг. У меня: 4—6 — Корехин.
6 августа, пятница. У меня: 9—11 — Соколов.
8 августа, воскресенье. У меня: 7—9 веч. — Корехин.

9 августа, понедельник. У меня: 11 ½ — 11 ¾ дня — Соколов.
10 августа, вторник. У меня: 11—1 дня — Соколов.
11 августа, среда. Я: 8—11 ¾ веч. — Латышев.
12 августа, четверг. У меня: 3—6 веч. — Корехин.
18 августа, среда. Я: 8—2 веч. — Латышев.
19 августа, четверг. У меня: 5—8 — Корехин.
29 августа, воскресенье. Я: 1 час дня — Скрябин, 2 — Щербацевич, 2 ½ — Астапович.

Сентябрь

1 сентября, среда. Я: 8 ½ — 11 — Латышев.
2 сентября, четверг. У меня: 6 — Иванов М. М.
5 сентября, воскресенье. У меня: 6—8 — Корехин, Ал. Костин.
9 сентября, четверг. У меня: 12—1 ½ — Соколов.
10 сентября, пятница. Я: 5 ½ — 7 — Соколовы (с., м.).
11 сентября, суббота. У меня: 8—10 ½ веч. — Соколовы.
12 сентября, воскресенье. Я: 6—8 веч. — Соколовы (м., с.).
14 сентября, вторник. У меня: 2 ч дня — Щербацевич.
15 сентября, среда. Я: 8 ¼ — 12 — Латышев.
19 сентября, воскресенье. Я: 2 ч дня — пр<отоирей> Смирягин.
21 сентября, вторник. Я: 8—12 ¾ — Попова.
29 сентября, среда. Я: 8—12 — Латышев.

Октябрь

1 октября, пятница. У меня: 1 <ч> — Щербацевич; 2 — Скрябин.
3 октября, воскресенье. У меня: 5 — Альпов.
6 октября, среда. Я: 8—12 — Латышев.
10 октября, воскресенье. У меня: 5—8 — Костин Алексей, Корехин.
18 октября, понедельник. У меня: 7—8 — Альпов.
23 октября, суббота. У меня: 4—5 — Альпов.

Ноябрь

6 ноября, суббота. У меня: 10 ½ — Альпов.
21 ноября, воскресенье. У меня: 5—7 — Костин Алексей, Корехин.
28 ноября, воскресенье. У меня: 5—8 ¾ — Корехин.

Декабрь

16 декабря, среда. У меня: 7 ¼ — 7 ½ — Альпов.
Я: 8—12 ½ — Латышев.
18 декабря, пятница. Я: 8—11 ½ — Латышев.
19 декабря, суббота. У меня: 6—9.35 — Корехин.
23 декабря, четверг. У меня: 2 дня — Корехин.
27 декабря, понедельник. У меня: 5—7 — Корехин.

29 декабря, среда. Я: 8—12 — Латышев.
30 декабря, четверг. У меня: 8—10 ½ — Корехин (без меня).
Я: 8 ½ — 11 — Альпов.

1894

Январь
1 января, суббота. Я: 12 — Латышев.
1 ½ — Скрябин.
2 — Щербацевич.
3 — Виленкин.
4 — Попова Ел. Вас.
У меня: <5>—10 — Корехин.
Я: 12 — Латышев.
9 января, воскресенье. Я: 2 ¼ — 4 ½ — Астапович.
15 января, суббота. У меня: 7—9 ½ — Костин Алексей, Корехин.
19 января, среда. Я: 8 ¼ — 11 ¾ — Латышев.
21 января, пятница. Я: 8—11 — Латышев.

Февраль
2 февраля, среда. Я: 2—3 — Виленкин.
11 февраля, пятница. Я: 8—2 — Латышев.
13 февраля, воскресенье. У меня: 5—7 — Корехин.
20 февраля, <воскресенье>. У меня: 7—10 — Корехин, Костин Алексей.
27 февраля, <воскресенье> У меня: 7—10 — Корехин.

Март
<Б.д.> У меня: 6 ч веч. — Григорьев А. П.
10 марта, четверг. У меня: 7—8 — Агапов.
14 марта, понедельник. Я: 2 ¼ — 2 ½ — Астапович.
27 марта, воскресенье. Я: 2 — Виленкин (карточка).

Апрель
1 апреля, пятница. Я: 8 ½ — 12 ½ — Латышев.
3 апреля, воскресенье. Я: 12 ½ дня — Латышев (с сестрой, не застали).
8 апреля, пятница. Я: 8—11 ½ — Латышев (с сестрой).
17 апреля, воскресенье (Пасха). Я: 11 ½ ч. — Латышев, 12 ч. — Попова Елиз. Вас.,
Соколова Ал<ексан>дра Вас., 2 ½ ч. — Скрябин, Щербацевич.
У меня: Скрябин, карточка по почте.

18 апреля, понедельник. У меня: Альпов, карточка по почте.
20 апреля, среда. Я: 11—12 — Виленкин.
21 апреля, четверг. У меня: Корехин.
22 апреля, пятница. Я: 8—11 — Латышевы, с сестрой.
27 апреля, среда. Я: 12—2 ч. — Флексер.

Май

6 мая, пятница. Я: 10—1 ч ночи — Латышев.
У меня: 5—9 ½ веч. — Смелов.
25 мая, среда. У меня: 5—9 — Костин Алексей, Корехин.
26 мая, четверг. У меня: 5—9 ½ — Смелов.

Ноябрь

29 ноября, вторник. Я: 9 ½ — 1 ч. Мережковские.

Декабрь

1 декабря, четверг. Я: 8—11 ½ — Елиз. В. Попова, с сестрой.
3 декабря, суббота. Я: 3—4 — Редакция «Северного Вестника».
8 декабря, четверг. Я: 9 ½ — 1 — Мережковские.
11 декабря, воскресенье. Я: 2—3 ½ — Флексер.
12 декабря, понедельник. Я: 7—12 — Александр Митрофанович и Лидия Карловна Федоровы.
15 декабря, четверг. Я: 9 ¼ — 1 — Мережковские.
16 декабря, пятница. Я: 9 ¼ — 12 ½ — Латышевы.
18 декабря, воскресенье. Я: 2—4 — Флексер, 6—1 — Любовь Иван. Гуревич.
25 декабря, воскресенье. Я: 9—5 ночи — Любовь Иван. Гуревич.
29 декабря, четверг. Я: 9 ½ — 1 ½ — А. М. Федоров; 6 ч веч. — Смелов (не застал).
30 декабря, пятница. Я: 8—12 ½ — Латышев (с сестрой).

1895

Январь

1 января, <воскресенье>. Я, днем: Латышевы, Л. И. Гуревич, Флексер, Л. Я. Гуревич (карточка), Мережковские, Лиз. Вас. Попова и Александра Соколова (карточки).
Я: ночью с 1 до 5 ч — Л. И. Гуревич.
У меня: днем Астапович (без меня).
У меня: 5 ½ — 5 ¾ — Як. Як. Гуревич, 5 — Смелов (без меня).
2 января, понедельник. Я: 7—10 — Смелов.
4 января, среда. Я: 9 ч. веч. — 4 утра — Л. Я. Гуревич.

5 января, четверг. Я: 9—10 веч. — Флексер; 10 ¼ — 1 <ч ночи> — Мережковские.
У меня: 7—7 ½ — Добролюбов.
7 января, суббота. У меня: 7—1 <ч. ночи> — Корехин, 8—1 — Добролюбов Алдр. Михайл.
8 января, воскресенье. Я: 1—3 дня — Флексер.
10 января, вторник. Я: 8—9 — Мережковский, 10—12 — Федоров.
11 января, среда. У меня: 7—1 <ч> — Добролюбов Алдр. Михайл., 7 ½ — 10 ½ —
Федоров Алдр. Митроф.
12 января, четверг. У меня: 3—5 дня — Ковшов.
13 января, пятница. Я: 8—12 — Латышев (с сестрой).
14 января, суббота. Я: 7 ¼ — 7.20 — Смелов.
У меня: 7 ½ — 10 ½ — Корехин.
15 января, воскресенье. У меня: 6—10 — Смелов.
18 января, среда. Я: 8 ½ — 11 — Добролюбов.
19 января, четверг. Я: 9—12 ½ — Мережковские.
20 января, пятница. У меня: 10 ½ — 11 ½ — Добролюбов.
21 января, суббота. У меня: 7—10 — Корехин.
22 января, воскресенье. Я: 9—2 ч ночи — Л. И. Гуревич.
26 января, четверг. Я: 9—3 — Мережковские.
29 января, воскресенье. У меня: 8—12 — Добролюбов.

Февраль

5 февраля, воскресенье. Я: 12 ½ — 2 ½ дня — Флексер.
10 февраля, пятница. Я: 8 ¼ — 11 ¼ веч. — Латышевы (с сестрой).
11 февраля, суббота. У меня: 8—12 — Корехин.
16 февраля, четверг. Я: 10—3 ½ — Мережковские.
18 февраля, <суббота>. У меня: 6—11 — Гиппиус.
19 февраля, четверг. Я: 1—3 — Флексер.
У меня: 8 ¾ — 11 — Ковшов.
21 февраля, вторник. Я: 11—12 ½ — Астапович.
23 февраля, четверг. Я: 9 ½ — 12 ½ — Мережковский.
25 февраля, суббота. Я: 7 ¼ — 7 ½ — Ковшов.
У меня: 7 ½ — 10 ½ — Корехин (без меня).
26 февраля, воскресенье. Я: 2—4 — Флексер.
28 февраля, вторник. Я: 7 ½ — 7 ¾ — Мережковские, 11—12 ½ — Астапович.

Март

1 марта, среда. У меня: 7— 1 — Корехин.
5 марта, воскресенье. Я: 2—3 ½ — Флексер.

8 марта, среда. Я: 8 ½ — 2 — Мережковские.
11 марта, суббота. У меня: 7—7 ½ — Ковшов.
12 марта, воскресенье. У меня: 5—7 — Як. Як. Гуревич.
15 марта, среда. У меня: 6 ½ — 10 — Смелов.
18 марта, суббота. У меня: 5—6 — Зин. Ник. Мережковская, Гиппиус, 6 ½ — 7 — Ковшов.
20 марта, понедельник. У меня: 6—11 — Гиппиус Влад. Вас.
22 марта, среда. Я: 8 ½ — 1 — Добролюбов.
24 марта, пятница. У меня: 7—10 — Корехин.
25 марта, суббота. Я: 8—9 — Мережковские.
26 марта, воскресенье. Я: 12—2 ½ — Флексер.
28 марта, вторник. Я: 10 ½ — 3 ½ — Мережковские.
29 марта, среда. У меня: 6—11 — Астапович.
30 марта, четверг. У меня: 9 ½ — 1 ¾ — Гиппиус.

Апрель

2 апреля, воскресенье (Пасха). Я: 11—11 ½ — Латышевы, 11 ¾ — 12 ¾ — Ковшов, 1 ¼ — Ел. В. Попова.
У меня: 8—1 <ч> — Астапович.
4 апреля, понедельник. Я: 6 ½ — 8 ¼ — Смелов.
7 апреля, пятница. Я: 8—12 — Латышев (<с> сестр<ой>).
8 апреля, суббота. У меня: <с> 6 до 12 следующего утра Корехин, <с> 8½ до 11 — Ковшов.
9 апреля, воскресенье. Я: 2—3 ½ — Флексер, 9—2 — Л. И. Гуревич.
У меня: 7—8 ½ — Добролюбов.
21 апреля, <пятница>. У меня: 6—10 — Гиппиус.
22 апреля, <суббота>. У меня: 6—11 ½ — Корехин.
29 апреля, суббота. Я: 12—6 — Флексер.
30 апреля, воскресенье. Я: 4—4 ½ — Л. Я. Гуревич.

Май

1 мая, понедельник. Я: 3— дня — Астапович, 10—2 ночи — Мережковские.
11 мая, четверг. Я: 2—4 — Щербацевич.
13 мая, <суббота>. У меня: 6—9 ¾ — Корехин.
17 мая, <среда>. У меня: 4 ¼ — 6 — Флексер.
28 мая, воскресенье. Я: 11—1 ½ — Минский.
31 мая, <среда>. У меня: 6—11 — Корехин.

Июнь

2 июня, пятница. Я: 8—12 веч. — Латышев.
6 июня. У меня: 7—11 — Александр Герас<имович> Костин.

7 июня. У меня: 8—11 ¼ — Александр Герас. Костин.
19 июня. У меня: 5—7.40 — Добролюбов Ал.
26 июня. У меня: 5—7 ½ — Добролюбов Ал.

Июль

5 июля. Я: 3—4 — Л. Я. Гуревич.
7 июля. Я: 3—4 — Л. Я. Гуревич, 5—6 — Агаповы М. М. и М. Е. 7—8 ¼ — К. Н. Льдов, 9—11 — Латышевы (с сестрой).
12 июля. Я: 1—1 ½ дня — Л. Я. Гуревич.
21 июля. Я: 3—3 ½ — Л. Я. Гуревич.
26 июля. У меня: 3—5 ½ — Добролюбов Ал.
27 июля. У меня: 1—5 ½ — Добролюбов Ал.

Август

2 августа. У меня: 11—1 дня — Овчинников Михаил.
15—16 августа. У меня: с 7 вечера до 9 утра — Костин Алдр. Герас.
20—21 августа. У меня: с 6 вечера до 7 утра — Астапович Ст. Викт.
24 августа. Я: 2—2 ½ — М. М. Заякин в гостинице.
У меня: с 11 <ч> — М. П. Заякин у меня в училище.
С 7 ч вечера до 7 ч утра — Заякины трое.
25 августа. У меня: до 12 ч — М. М. Заякин.
26 августа, суббота. У меня: вечером Заякины.
27 августа, воскресенье. У меня: весь день Заякины; вечером И. Д. Ковшов, С. В. Астапович, Ег. Котов.
28 августа, <понедельник>. У меня: обед и вечер Заякины.
29 августа, вторник. У меня: обед и вечер Заякины.
У меня: вечером Корехин.
30 августа, среда. Я: 1—2 — А. В. Скрябин (именины).
У меня: обед и вечер Заякины.
31 августа, четверг. У меня: обед и вечер Заякины.

Сентябрь

1 сентября, пятница. У меня: обед и вечер Заякины; вечером: 7 до 10 — Корехин.
2 сентября, суббота. У меня: обед и до 7 <ч> — Заякины, 7 — 10 — Ал. Лапшин-Соколов.
4 сентября, понедельник. У меня: 4—10 ½ веч. — Заякины.
5 сентября, вторник. Я: 6—6 ½ веч. — Смелов.
У меня: вечером Заякины, 8—11 — Смелов.
6 сентября, среда. У меня: днем и вечером Заякины, вечером 9—12 — Гиппиус.
7 сентября, четверг. Я: 8—11 — Астапович.

8 сентября, пятница. Я: 8—12 — Латышевы (с сестрой).
9 сентября, суббота. Я: 6—7 — Ковшов.
10 сентября, воскресенье. Я: 8—10 — Лапшин-Соколов.
16 сентября, суббота. У меня: 9—1 веч. — Гиппиус.
17 сентября, <воскресенье>. Я: 1—2 — Л. Я. Гуревич, 6 ¼ — А. М. Федоров (карточка), 7—8 ½ — Смелов.
20 сентября, среда. Я: 8—10 — А. М. — Добролюбов.
У меня: 7—10 — Корехин, 8—11 ½ — А. М. Федоров.
22 сентября, пятница. У меня: 7—11 — А. Добролюбов.
25 сентября, понедельник. У меня: 8—12 ½ — В. В. Гиппиус.
27 сентября, <пятница>. Я: 7 ½ — 12 — А. М. Федоров.
28 сентября, <четверг>. Я: 1 дня — Латышев.
30 сентября, суббота. У меня: 8—12 — В. В. Гиппиус.

Октябрь

1 октября, воскресенье. Я: 12 ½ — 2 ½ — Флексер, 2 ½ — 3 ¼ — Л. Я. Гуревич, 6 ¼ — 11 ½ — А.М. Добролюбов.
6 октября, <пятница>. У меня: 8—12 — В. В. Гиппиус.
7 октября, суббота. Я: 9 ½ — 12 веч. — Л. Я. Гуревич.
У меня: 5—9 — Корехин.
9 октября, понедельник. Я: 4—5 — А. И. Смелов.
13 октября, пятница. Я: 8 ½ — 12 — Латышевы, с сестрой.
У меня: 7—8 — Добролюбов.
14 октября, <суббота>. У меня: 7—11 — А. И. Смелов.
15 октября, воскресенье. Я: 12 — Флексер, 12 ½ — Минский.
У меня: 7—8 — Квашин-Самарин.
17 октября, вторник. Я: 11—1<ч> — Минский, 1 ½ Латышев.
18 октября, среда. Я: 12—2 дня — Астапович, 7 ½ — 9 — Ел. Вас. Попова (с сестрой).
19 октября, четверг. Я: 1—2 — Л. Н. Вилькина.
20 октября, <пятница>. У меня: 5—6 ½ — Добролюбов, 5—10 — Корехин.
21 октября, суббота. Я: 5—6 ¼ — М. М. Агапов.
22 октября, воскресенье. Я: 1—5 — Щербацевич, 6—7 — Федоров А. М.
У меня: 5 веч. — А. М. Федоров (не застал), 8—11 — Гиппиус.
23 октября, понедельник. У меня: 7—11 — Федоров А. М.
24 октября, вторник. У меня: 7—12 — Евг. Вас. Латышева.
26 октября, четверг. Я: 12—1<ч> — Минский.
28 октября, суббота. Я: 9—1 ночи — Л. Я. Гуревич.
29 октября, воскресенье. У меня: 11—12 дня — Квашнин-Самарин, 9—11 вечера — Астапович.

Ноябрь

1 ноября, среда. Я: 8—12 веч. — Добролюбов.

3 ноября, пятница. Я: 8—12 — Л. Н. Вилькина-Юрьева.
У меня: 6—7 ½ — Федоров.

4 ноября, суббота. Я: 11—11 ½ утра — Астапович.
У меня: 6—10 ½ — Корехин.

5 ноября, воскресенье. Я: 1 ½ — 3 — Соф. Сам. Вольтке.

6 ноября, понедельник. Я: 12—12 ¾ дня — Н. М. Минский.
У меня: 6—10 ½ — В. В. Гиппиус.

8 ноября, среда. У меня: 8—12 ⅓ — А. Смелов, 9 — 12 ⅓ — В. В. Гиппиус.

9 ноября, четверг. У меня: 8 ½ — 11 ½ — Я. И. Душечкин.

10 ноября, пятница. Я: 8 ½ — 11 ½ веч. — Латышевы (с сестрой).

13 ноября, понедельник. Я: 6—7 — М. М. Агапов.

15 ноября, среда. Я: 8—11 ½ — А. М. Добролюбов.

16 ноября, четверг. Я: 9—12 ½ — А. М. Федоров.

18 ноября, суббота. У меня: 7—10 — Корехин.

21 ноября, вторник. У меня: 4—5 веч. — А. М. Добролюбов (без меня).

29 ноября, среда. Я: 7—10 ½ — Елиз. Вас. Попова (с сестрой).

30 ноября, четверг. Я: 8 ¼ веч. — Я. И. Душечкин (не застал).

Декабрь

2 декабря. У меня: 7—11 — Корехин, 8—8 ½ — Алдр. Влад. Дурново. ТАК? Да.

3 декабря, воскресенье. Я: 8 ½ — 12 ½ веч. — Астапович, 2 ½ — А. В. Дурново (не застал).

5 декабря, вторник. У меня: 9—12 — Еф. Гр. Кот.

6 декабря, среда. Я: 10 веч. — С. Сам. Вольтке.

7 декабря, четверг. У меня: 8—12 — В. В. Гиппиус.

8 декабря, пятница. Я: 8 ½ — 12 — С. Сам. Вольтке.
У меня: 3 ½ — 4 ½ — А. М. Добролюбов.

14 декабря, четверг. Я: 6 ½ — 7 — М. М. Агапов.
У меня: 8 —11 ½ — В. В. Гиппиус.

15 декабря, пятница. У меня: 12 ½ — 12.40 — Льдов и А. М. Добролюбов (не застали), 2½ — 4 — Льдов, 2 ½ — 5 — А. М. Добролюбов, 7—8 — А. М. Добролюбов.

16 декабря, суббота. У меня: 8—10 ½ веч. — Астапович.

17 декабря, воскресенье. У меня: 6—9 ¾ веч. — Корехин.

19 декабря, вторник. У меня: 2—2.5 дня — Кот.

20 декабря, среда. Я: 5 ¾ — 6 — А. М. Добролюбов.

22 декабря, пятница. Я: 8.20 веч. — Астапович (не застал).

23 декабря, суббота. Я: 11—1.10 утра — Минский.

24 декабря, воскресенье. Я: 12 — З. Н. Мережковская, не п<риняла>.
25 декабря, понедельник. Я: 2 ½ — 3 — Л. Ив. Гуревич.
У меня: 6—10 веч. — Корехин, 7—9 — Астапович.
26 декабря, вторник. У меня: 3—7 — Корехин.
28 декабря, четверг. Я: 2 ½ — 3 ¼ — М. М. Щербацевич.
29 декабря, пятница. Я: 8—11 ½ — Латышевы (с сестрой).
30 декабря, суббота. Я: 5—6 ½ — А. И. Смелов.
У меня: 5 веч. — Федоров А. М. (без меня).
31 декабря, воскресенье. Я: 5 ½ — 6 — Л. К. Федорова.
У меня: 2 ½ — 4 — Щербацевич, 11 веч. — Корехин.

1896

Январь

1 января, понедельник. Я: 12 ½ — 1 <ч> — Латышева (с сестрой), 1 ½ — Ел. В. Попова и А. В. Соколов (карточки).
У меня: до 11 утра — Корехин, 2.45—2.50 дня — Астапович, 5—6 ½ веч. — А. М. Федоров, 7—12 — Астапович С. В.
2 января, вторник. Я: 6—6 ½ — А. В. Скрябин.
У меня: 2—5 ½ — Ушков, 3—5 — Квашин-Самарин, 8 веч. — Кот (без нас).
3 января, среда. Я: 1 дня — Кот, не застал.
У меня: 5 ½ — 6 ½ веч. — Федор Шперк, 6—11 ½ — Ушков, 6 ½ — 11 ½ — Смелов, 7—12 ¼ — Гиппиус.
4 января, четверг. У меня: 7—11 — Квашин-Самарин, Добролюбов.
5 января, пятница. У меня: 5—6 веч. — Шагина, уч<ительница>, 7—1 <ч> — Кот.
6 января, суббота. У меня: 6—11 — Корехин, 7—12 — Гиппиус.
8 января, понедельник. Я: 9 ½ — 11 ½ — Астапович.
10 января, среда. У меня: 8 ½ — 1 — Астапович.
14 января, воскресенье. У меня: 5 ½ — 10 — Корехин.
15 января, понедельник. У меня: 4 дня — Добролюбов (не застал).
17 января, среда. Я: 8 ½ — 1<ч ночи> — А. М. Добролюбов.
18 января, четверг. Я: 9 ½ ч веч. — З. А. Венгерова (не застал).
19 января, пятница. Я: 9—2 — Латышев (с сестрой).
У меня: 8—8 ½ веч. — Гиппиус.
20 января, суббота. Я: 9—1 ½ ночи — Л. Я. Гуревич.
21 января, воскресенье. Я: 2 ½ — 3 дня — Шапир.
22 января, понедельник. У меня: 7—11 — Гиппиус.
23 января, вторник. Я: 2—2 ½ — Астапович.
Я: 7 ½— 12 веч. — Кот.
27 января, суббота. У меня: 7—11 — Добролюбов.

28 января, воскресенье. У меня: 5—10 — Корехин.
29 января, понедельник. У меня: 8—11 — Гиппиус.
30 января, вторник. Я: 2—2 ½ дня — С. Г. Фруг.

Февраль

1 февраля, четверг. Я: 12—2 ½ — Щербацевич; 7—9 веч. — Ел. В. Попова.
У меня: 11—1 утра — П. Г. Философов; 2—2 ½ дня — Шапир Л. М.
2 февраля, пятница. Я: 1 ¼ — 3 ¼ дня — Скрябин.
3 февраля, суббота. Я: 10 ½ — 3 ночи — Л. Я. Гуревич.
У меня: 6—10 веч. — Корехин.
4 февраля, воскресенье. Я: 7 ½ — 11 ½ — Добролюбов.
5 февраля, понедельник. У меня: 8—12 — Гиппиус.
9 февраля, пятница. У меня: 9—11 ½ — Добролюбов.
11 февраля, воскресенье. У меня: 8—12 — Е. Г. Кот, В. А. и Е. В. Латышевы.
12 февраля, понедельник. У меня: 5—5.5 — А. Д. Стасов.
14 февраля, среда. Я: 7 ½ — 8 ½ веч. — Добролюбов.
20 февраля, вторник. У меня: 8—12 — Гиппиус, 8 ½ — 10 ¾ — Лапшин-Соколов и его жена.
23 февраля, пятница. Я: 9—12 — Лапшин-Соколов (с сестрой).
24 февраля, <суббота>. Я: 9—1 — Шапир, Лаз. М. и Ольга Андреевна.

Март

2 марта, суббота. У меня: 10 веч. — А. М. Добролюбов (не застал).
3 марта, воскресенье. У меня: 11 ½ — 1 ½ дня — А. М. Добролюбов.
5 марта, вторник. У меня: 9—1 ½ веч. — А. М. Добролюбов, В. В. Гиппиус.
13 марта, среда. Я: 9 ½ — 11 ¾ — Добролюбов.
14 марта, четверг. У меня: 9—12 ½ — В. В. Гиппиус.
17 марта, воскресенье. У меня: 2— дня — А. М. Добролюбов.
У меня: 6—9 веч. — Корехин.
24 марта, воскресенье. Я: 12—12 ¼ дня — Латышевы, с сестрой, 1 дня — Ел. Вас. Попова (не застали).
У меня: 12 ⅓ — 2 ночи — Корехин, разговор<?>, 5.50—5.55 дня — Щербацевич, 7—12 веч. — Кот, 7 ½ — 12 — Астапович.
25 марта, понедельник. Я: 1—1 ½ — Кот, 2 <ч> дня — Астапович не застал, 2 ¼ — 3 ¾ — Щербацевич, 7—10 <ч.> веч. — Лапшин-Соколов (с сестрой).
У меня: 6—6 ¼ веч. — Астапович <1 нрзб.>.

26 марта, вторник. Я: 10 ½ — 2 ½ — Л. Я. Гуревич.
У меня: 6—10 веч. — Смелов.
27 марта, среда. У меня: 7—11 — Корехин.
28 марта, четверг. У меня: 6—9 — Добролюбов, Гиппиус, 7—11 — Лапшин-Соколов А. И., его жена.
29 марта, пятница. Я: 8 ½ — 12 — Латышев (с сестрой).
30 марта, суббота. Я: 9 ½ — 2 ½ — Л. Я. Гуревич.

Апрель

2 апреля, вторник. Я: 5 ½ дня — З. А. Венгерова (занес книгу).
3 апреля, среда. У меня: 7 ½ — 12 — Гиппиус.
7 апреля, воскресенье. У меня: 6—10 — Корехин.
8 апреля, понедельник. У меня: 8—11 — Гиппиус.
10 апреля, среда. Я: 8 ½ — 12 веч. — Добролюбов.
13 апреля, суббота. Я: 2—2 ¼ дня — Астапович.
Я: 10—2 ½ ночи — Л. Я. Гуревич.
14 апреля, воскресенье. У меня: 3—7 — Зарецкая.
17 апреля, среда. У меня: 10—12 — Кот.
20 апреля, суббота. У меня: 6—8 — Корехин (без нас).
22 апреля, понедельник. Я: 2— ¼ дня — Астапович.
У меня: 6—10 — Страхова.
23 апреля, вторник. Я: 11 ¼ — 4 — юбилей Григор<овича>.
У меня: 7—10 — Гиппиус, Добролюбов.
24 апреля, среда. Я: 2—2 ¼ — Астапович.
У меня: 9 ½ — 2 ночи — Кот.
25 апреля, четверг. У меня: 3—9 ½ веч. — Корехин.
26 апреля, пятница. У меня: 7—10 ¾ — Лапшин-Соколов.
27 апреля, суббота. Я: 10—2 веч. — Л. Я. Гуревич.
28 апреля, воскресенье. У меня: 4—5 дня — Астапович.
29 апреля, понедельник. У меня: 9 ¼ — 9 ½ утра — Петров С. А.
30 апреля, вторник. У меня: 9 ¼ — 9 ½ — Петров С. А.

Май

2 мая, четверг. У меня: 12 ½ — 1 ¼ — Кот, 4 ½ — 6 дня — Кот.
3 мая, пятница. Я: 8—11 ½ — Латышевы, с сестрой.
4 мая, суббота. Я: 10—2 — Л. Я. Гуревич.
7 мая, вторник. У меня: 7—11 веч. — Гиппиус, Добролюбов, 8—8 ½ — Льдов.
11 мая, суббота. Я: 1—2 дня — М. Щербацевич, 6 — Щербацевич.
У меня: 7—10 ½ — Петров С. А.
12 мая, воскресенье. У меня: 6—10 — Корехин.
13 мая, понедельник. У меня: 6—9 — Смелов.
15 мая, среда. Я: 7—10 веч. — Лапшин-Соколов, с сестрой.

24 мая, пятница. Я: 9—10 ¾ — Латышевы, с сестрой. В Парголове.
25 мая, суббота. У меня: с 7 веч. — Корехин.
26 мая, воскресенье. У меня: до 3 ¾ дня — Корехин.
28 мая, вторник. Я: 1 ½ — 2 дня — Скрябин.
30 мая, четверг. Я: 2—5 — Скрябин.
У меня: с 8 веч. Ал<ексан>др Гер. Костин.
31 мая, пятница. У меня: до 10 утра — Алдр. Гер. Костин.

Июнь

4 июня, вторник. У меня: с 10 до 11 — Лапшин-Соколов.
9 июня, воскресенье. У меня: 4—11 — Петров.
10 июня, понедельник. Я: 2 ½ — 3 ½ — Агапова М. Е.
11 июня, <вторник>. У меня: 11 утра — 10 ½ веч. — Кот.
19 июня, среда. У меня: 10 утра — 8 ½ — Добролюбов.
24 июня, понедельник. У меня: 3 дня — 10 — Ахутин.

Июль

9 июля, вторник. У меня: 5—8 — А. П. Заякина.
11 июля, четверг. У меня: 12—11 — Кот, 6—11 — Лапшин-Соколов.
20 июля, суббота. У меня: 8—10 — Добролюбов с сестрой.
21 июля, воскресенье. У меня: 12—5 дня — Добролюбов с сестрой, 4 ½ — 11 — Петровы.
29 июля, понедельник. У меня: 1 дня — Заякина.

Август

1 августа, четверг. У меня: 7—10 веч. — Лапшин-Соколов.
4 августа, воскресенье. У меня: 2 <ч> дня — 9 веч. — Кот.
Нижний Новгород
7 августа, среда. Я: 8 веч. — Портнаго (с сестрой), не застал.
8 августа, четверг. 8 веч. у Портнаго мы с сестрой гостили, 9—10, 11 и 12 до 4 ч. дня.
У меня: 8—8 ½ утра — Портнаго.
<9 августа, пятница>. Портнаго.
17 августа, суббота, вечером. У меня: гостил Лапшин-Соколов до 1 сентября утра.
23 августа, пятница. У меня: 7—12 веч. — Добролюбов, Гиппиус.
27 августа, вторник. У меня: 11—1 дня — Гофштеттер.
30 августа, пятница. Я: 12—3 дня — Скрябин.

Сентябрь

1 сентября, воскресенье. У меня: с 7 вечера до 8 утра Корехин.
4 сентября, среда. У меня: 4—7 веч. — Корехин.
5 сентября, четверг. Я: 1—1 ½ — Скрябин.

11 сентября, среда. Я: 8—11 ½ веч. — Венгерова З.
14 сентября, суббота. У меня: 8—11 ½ — Астапов<ич>, 8 ½ — 11 ½ — Кот.
17 сентября, вторник. Я: 3—4 дня — Л. Я. Гуревич, 10—10 ½ утра — Флексер.
У меня: 4—10 веч. — Смелов, Алдр. Г. Костин.
18 сентября, среда. У меня: 9—10 веч. — Щербацевич.
19 сентября, четверг. У меня: 8—11 — Гиппиус.
20 сентября, пятница. Я: 8 ½ — 11 ½ веч. — Латышевы (с сестрой).
22 сентября, воскресенье. Я: 11 ½ — 2 — И. И. Ясинский.
24 сентября, вторник. У меня: 4—9 — Ф. Шперк.
26 сентября, четверг. У меня: 6—11 — Гиппиус.
27 сентября, пятница. Я: 2—2 ½ ч. веч. — Астапович, 7 — Гофштеттер, не застал.
28 сентября, суббота. Я: 7 ½ — 11 веч. — Шперк.
У меня: 3 ½ дня — Гиппиус.
29 сентября, воскресенье. Я: 6 ½ — 10 — Лапшин-Соколов (с сестрой).
У меня: 4—5 — Добролюбов и Квашнин-Самарин.
30 сентября, понедельник. Я: 5—6 — Агаповы.

Октябрь

1 октября, вторник. У меня: 5—10 веч. — Ф. Шперк, 6—9 — А. Г. Костин, 8—11 ½ — Гиппиус.
4 октября, пятница. Я: 7—10 — Шперк.
5 октября, суббота. У меня: 8—12 веч. — Кот, 8 ¼ — 12 — Астапович, 8 ½ — 11 ½ — Лапшин-Соколов.
6 октября, воскресенье. У меня: 7—7 ¾ — Астапович, 7 ⅔ — 7 ¾ — Гиппиус, 12—12 ½ ночи — Астапович.
8 октября, вторник. У меня: 7 ½ — 11 ½ веч. — Гиппиус.
11 октября, пятница. У меня: 4—6 — Гиппиус, 4 ½ — 11 — Шперк.
12 октября, суббота. У меня: 2 ½ — 3 дня — Шперк.
13 октября, воскресенье. Я: 1 дня — С. А. Петров (не застал).
14 октября, понедельник. У меня: 8 ½ — 11 веч. — В. А. Латышев, 8 ½ — 12 — А. В. Латышева, Ковшов.
16 октября, среда. У меня: 4—6 — Гиппиус.
17 октября, четверг. Я: 9—12 веч. — Федоров.
18 октября, пятница. Я: 9 ½ — 11 ½ веч. — Латышев.
У меня: 6—9 — Костин Алдр.
19 октября, суббота. У меня: 4—6 — Гиппиус.
21 октября, понедельник. У меня: 7—7 ½ — Астапович, 12 ½ — 1 ночи — Астапович.
22 октября, вторник. Я: 8—10 веч. — Е. В. Попова (с сестрой).

23 октября, среда. У меня: 8 ½ — 11 веч. — Кот.
24 октября, четверг. Я: 6—6 ½ — Льдов, 9 — 11 Федоров.
У меня: 7—7 ¼ — Федоров (без меня).
25 октября, пятница. У меня: 5—5 ¼ — Подвысоцкий.
26 октября, суббота. Я: 1 ½ — 2 ½ дня — Мережковские, 9 ½ — 2 ночи — Мережковские.
У меня: 3 ч. дня — Гиппиус, Астапович (без меня).
28 октября, понедельник. У меня: 8 ½ — 10 — Лапшин-Соколов, 8 ¾ — 10 ½ — Кот, 9—12 ½ — Гиппиус.
31 октября, четверг. У меня: 4—9 — Шперк, 8—11 — Костин, 8 ½ — 11 ½ — Кот.

Ноябрь

4 ноября, <понедельник>. У меня: 9 веч. — Гиппиус (не застал).
7 ноября, четверг. Я: 5 ¾ — 7 ¼ веч. — Шперк, 8—1 <ч. ночи> — Гиппиус.
У меня: вечером Гофштеттер (не застал).
8 ноября, пятница. Я: 8—11 веч. — А. А. Коринфский.
9 ноября, суббота. Я: 9 ½ — 1 ночи — Мережковские.
10 ноября, воскресенье. Я: 1—3 дня — Ясинский.
У меня: 8—11 веч. — Кот.
11 ноября, понедельник. У меня: 5—9 — Шперк, 7—12 — Гиппиус, 8—11 — Гофштеттер.
13 ноября, среда. Я: 8 веч. — Флексер (зашел с запиской).
14 ноября, четверг. Я: 7— ½ веч. — Лапшин-Соколов (с сестрой).
15 ноября, пятница. Я: 8 ¾ — 11 ½ — Латышевы (с сестрой).
У меня: 6 ½ — 8 ½ — Федоров А. М.
16—17 ноября, суббота — воскресенье. У меня: 12—12 ½ ночи — Астапович.
17 ноября, воскресенье. У меня: 11—11 ½ утра — Мартьянов, 5—6 ½ веч. — Петров, 8—11 — Гиппиус.
21 ноября, четверг. У меня: 8—12 — Душечкин, Костин.
22 ноября, пятница. Я: 7—10 — Шперк.
24 ноября, воскресенье. Я: 7 ½ веч. — Петров не застал.
25 ноября, понедельник. У меня: 8—11 — Гиппиус, 9—12 — Кот.
26 ноября, вторник. Я: 4—5 — Федоров.
У меня: 6—11 — Костин, 8—12 — Кот, 9—12 — Федоров.
27 ноября, среда. Я: 11 ¼ — 11 ¾ утра — Астапович.
У меня: 5—11 — Шперк, 6—11 — Костин, 7—1 — Петров, 8—12 — Кот.
28 ноября, четверг. Я: 2—2 ½ дня — Федоров.
У меня: 7 ½ веч. — Кот.
29 ноября, пятница. У меня: 8—11 ½ — Кот.

Декабрь

1 декабря, воскресенье. Я: 5—8 веч. — Душечкин, 8 ½ — 11 — Петров С. А.

2 декабря, понедельник. Я: 9—12 — Гиппиус.

4 декабря, среда. Я: 2—2 ½ дня — Астапович.

5 декабря, четверг. Я: 9 ½ — 2 ночи — Федоров.

6 декабря, пятница. Я: 6—8 ½ веч. — Смелов.

8 декабря, воскресенье. Я: 8—11 ½ — Астапович.

9 декабря, понедельник. У меня: 8—11 ½ — Кот.

12 декабря, четверг. У меня: 7 ½ — 10 ½ — Костин.

13 декабря, пятница. Я: 8 ½ — 11 ½ Латышев, с сестрой.

17 декабря, вторник. У меня: 7—10 ½ — Шперк.

18 декабря, среда. У меня: 7—11 — Гиппиус.

22 декабря, воскресенье. У меня: 8—12 — Душечкин, 8 ½ — 12 — Лапшин-Соколов.

25 декабря, среда. Я: 2—2 ¼ дня — Л. И. Гуревич.
У меня: 7 ½ — 12 веч. — Костин, 7 ½ — 1 <ч.> — Кот.

26 декабря, четверг. Я: 12—3 ½ — Душечкин.
У меня: 3—6 — Гиппиус.

27 декабря, пятница. Я: 8 ½ — 12 ½ веч. — Латышева, с сестрой.

29 декабря, воскресенье. У меня: 7—12 веч. — Петров.

30 декабря, понедельник. Я: 7—10 веч. — Лапшин-Соколов, с сестрой.

1897

Январь

1 января, среда. Я: 11 ¾ — 11.50 дня — Латышевы, с сестрой, 12 ½ дня — Е. В. Попова, не застали, карточка моя и сестры, 1 ½ — Л. Я. Гуревич (карточка), 1 ¾ — 2 — Л. И. Гуревич, 2 ½ — 3 — Агапов, 4 ½ — 5 — Щербацевич.
У меня, днем: Щербацевич, не застал, 8—12 веч. — Костин.

2 января, четверг. Я: 2—2 ¼ — Смелов.
У меня: 7—11 — Шперк.

4 января, суббота. У меня: 8—12 — Кот.

6 января, понедельник. У меня: 8—12 — Костин, 9—12 — Лапшин-Соколов.

7 января, вторник. У меня: 6—6.5 — В. Брюсов.

9 января, четверг. У меня: 8—12 — Гиппиус.

15 января, среда. Я: 2 ¾ — 3 — Астапович.

16 января, четверг. У меня: 7—10 — Смелов.

18 января, суббота. У меня: 7—11 — Шперк.

19 января, воскресенье. У меня: 8—12 — В. Гиппиус.
24 января, пятница. У меня: 4 дня — Ореус.
25 января, суббота. Я: 7 ½ — 9 — Кот, 9 ½ — 1 <ч ночи> — Мережковский.
26 января, воскресенье. Я: 7 ½ — 11 веч. — Лапшин-Соколов, с сестрой.
У меня: 8 веч. — Петров (без нас).
27 января, понедельник. Я: 8—11 — Шперк.
29 января, среда. У меня: 7—11 веч. — Гиппиус.
30 января, четверг. У меня: 7—10 ½ — А. Г. Костин.

Февраль
2 февраля, воскресенье. Я: 7—8 ¼ — Костин, 8 ½ — 12 ¾ — Бородин (проф.).
У меня: 8 — Петров, без меня.
3 февраля, понедельник. Я: 7 ½ — 8 — Петров С. А.
4 февраля, вторник. Я: 6 ½ — 7 — Кот.
5 февраля, среда. У меня: 7—12 веч. — Гиппиус, 8 ¾ — 11 — Лапшины-Соколовы.
7 февраля, пятница. Я: 8—12 — Латышевы, с сестрой.
8 февраля, суббота. Я: 2 ¼ — 2 ¾ дня — Редакция «Северного Вестника».
9 февраля, воскресенье. У меня: 12 ¼ — 1 ¾ дня — Соколова Р. П. с сыном<?> и знакомым.
У меня: 8—1 веч. — Шперк с женой.
12 февраля, среда. У меня: 7—12 — Гиппиус.
15 февраля, суббота. Я: 9 ½ — 1 ½ ночи — Мережковские.
16 февраля, воскресенье. У меня: 7—11 ½ — Петров.
17 февраля, понедельник. Я: 5 ½ — 6 веч. — Кот.
У меня: 8—12 веч. — Костин, 8 ¼ — 1 ночи — Лапшин-Соколов, 8 ½ — 1 <ч> — Астапович, 8 ¾ — 1 <ч.> — Кот, 9—1 <ч> — Скрябин, 9 ½ — 1 <ч> — Щербацевич. Обедали Соколова Р. П. и Витя, вечер с 8 ¼ <ч.> и ночевали.
18 февраля, вторник. Я: 8—10.5 — провожали с сестрой Р. П. Соколову.
19 февраля, среда. Я: 12—1 ½ дня — Щербацевич, 8—11 веч. — Шперк, с сестрой.
20 февраля, четверг. У меня: 8—12 веч. — Гиппиус.
21 февраля, пятница. Я: 8 ½ — 12 веч. — Латышев, с сестрой.
У меня: 2—4 <ч> дня — Кот, 2—7 — Астапович.
22 февраля, суббота. Я: 8—11 ½ веч. — Лапшины-Соколовы, с сестрой.

23 февраля, воскресенье. Я: 6—8 — Мережковские.
У меня: 10—1 веч. — Шперк и жена его.
24 февраля, понедельник. Я: 10—12.40 — Флексер.

Март

1 марта. Я: 2 ½ — 3 дня — Редакция «Северного Вестника».
2 марта. У меня: 8—10 ½ веч. — Гиппиус.
3 марта. Я: 9—12 веч. — Будищевы.
5 марта. У меня: 10—12 ½ — Мережковский.
6 марта. Я: 9—1 ночи — Федоров.
7 марта. Я: 8 ½ — 12.40 — Шперк.
8 марта. Я: 1 ½ — 2 ½ дня — Редакция «Северного Вестника».
У меня: 4 ½ — 5 ¼ — Lou Andres Salome.
9 марта. Я: 2 ½ — 3 ¼ — Л. Я. Гуревич, 3 ½ — Шапир, не застала, 3 ¾ — Lou Andres Salome, 4 ¼ — 4 ½ — Гуревич Л. Я.; 9—1 ночи — Мережковский.
У меня: 2 ½ дня — Гиппиус, не застала.
10 марта. Я: 8—11 ½ веч. — Собрание в Воздвиженском городском училище.
У меня: 3 ½ — 5 — Шперк.
12 марта, среда. Я: 10—12 — Пед<агогический> С<овет> <в> Рожд<ественском> гор<одском> уч<илище>.
13 марта, четверг. У меня: 9—12 ½ — Гиппиус, Н. Н. Май<нрзб.>.
16 марта, воскресенье. У меня: 11 ½ — 1 ¼ дня — Будищев.
17 марта, понедельник. У меня: 3 ½ — 4 ½ — Шперк.
19 марта, <среда>. Я: 8—11 — Шперки, с сестрой.
20 марта, четверг. У меня: 7—11 веч. — Гиппиус.
21 марта, пятница. Я: 8 ½ — 12 ½ — Латышевы.
22 марта, суббота. У меня: 5—11 — Шперк.
23 марта, воскресенье. У меня: 5—5 ¼ — Черниговец-Вишневский, 9 ½ — 12 веч. — Костин, 10—12 — Кот.
24 марта, понедельник. Я: 9 ½ — 11 ¾ — Л. Я. Гуревич.
25 марта, вторник. У меня: 9 ½ — 11 — Лапшин-Соколов.
26 марта, среда. У меня: 9 ½ — 11 ¾ — Щербацевич.
28 марта, пятница. Я: 9 ½ — 1 <ч.> — Мережковский.
У меня: 5—5 ¼ — Лу Андреас Саломе.
30 марта, воскресенье. У меня: 8—12 — Шперк с женой, 8 ¼ — 12 ½ — Гиппиус.

Апрель

2 апреля, среда. Я: 2—2 ½ <ч.> дня — Астапович.
3 апреля, четверг. Я: 9—11 ½ веч. — Федоров.

У меня: 9 веч. — Гиппиус и Мереж<ковские> (не застали).

4 апреля, пятница. У меня: 4—4 ½ дня — Флексер.

5 апреля, суббота. У меня: 8— 1 веч. Гиппиус.

9 апреля, среда. У меня: 3 ½ — 11 ½ — Шперк.

13 апреля, воскресенье. Я: 1 ½ — 2 дня — Латышевы, 3 ¾ — Мережковские, не застал, 4 ¼ — 4 ½ — Щербацевич, 5 — Агапов, не застал.

У меня: 1 дня — Кот, Добролюбов, не застали, 2 ¼ — 3 ¼ — Щербацевич; 8—11 ¼ веч. — Ахутины, Душечкин, 9—11 — Костин, 10.20—12 — Кот.

14 апреля, понедельник. У меня: 4 дня — Шапир, не застала.

У меня: 8—12 — Гиппиус.

15 апреля, вторник. Я: 1—3 — Душечкин, 7 ¾ — 8 — Лапшин-Соколова (сестра), не застал; у «Мира Искусства».

16 апреля, среда. Я: 9 ½ — 11 ½ — Шперк (сестра).

У меня: 9 утра — 3 дня — Корехин, 5—7 веч. — Корехин, ночевал, 6 ½ — 7 ½ — Петров, 7 ¼ — 8 — Лапшин-Соколов.

17 апреля, четверг. У меня: до 10 утра — Корехин, 3 ½ — 6 — Корехин.

18 апреля, пятница. Я: 5—5.5 дня — Добролюбов, 9—12 веч. — Латышевы (сестра).

У меня: 11—2 дня — Корехин, 12—3 — Ахутин, 4—4 ½ — Корехин, 8—8.40 веч. — Федоров, 9 — Добролюбов, не застал.

У меня: ночью Корехин.

19 апреля, суббота. Я: 2—2.15 дня — Наумов, 5—5 ½ — Кот, 6—6 ½ — Смелов.

У меня: 10 утра — Корехин, 7 ½ — 12 веч. — Кот.

20 апреля, воскресенье. Я: 12 дня — Ландау, не застал.

У меня: 3—5 дня — Астапович, 8 ½ — 1 ночи — Шперк с женой, 9—12 — Латышев, Ковшов.

22 апреля, вторник. Я: 8—8.10 веч. — Ясинский в редакции.

У меня: 7 веч. — Гиппиус, не застал.

23 апреля, среда. Я: 12 дня — Ландау, не застал.

У меня: 7—11 веч. — Гиппиус.

26 апреля, суббота. Я: 9 веч. — Ясинский, в редакции не застал, 10—12 веч. — Добролюбов.

27 апреля, воскресенье. Я: 12—12 ¼ дня — Ландау.

28 апреля, понедельник. У меня: 4—5 — Шперк, 7—7 ¼ — Шперк.

29 апреля, вторник. У меня: 8— 1 — Гиппиус.

30 апреля, среда. Я: 6 ½ — 7 ½ — Шперк.

Май

2 мая, пятница. Я: 8 ¼ — 11 веч. — Латышевы, с сестрой.
У меня: 2 дня — Шперк, 3 ½ — 4 ½ — Гиппиус.
4 мая, воскресенье. У меня: 1 ½ — 1 ¾ дня — Квашнин-Самарин.
5 мая, понедельник. У меня: 3—4 ½ — Шперки.
6 мая, вторник. Я: 7 ½ — 10 — Лапшин-Соколов, с сестрой.
У меня: 7 ½ веч. — Гиппиус, не застал, 9 — Кот, не застал.
7 мая, среда. У меня: 7—11 веч. — Гиппиус.
8 мая, четверг. У меня: 8—10 — Добролюбов.
9 мая, пятница. У меня: 8—11 — Петров.
10 мая, суббота. Я: 10 ¼ — 11 ½ утра — Вейнберг.
11 мая, воскресенье. Я: 9.20—1 ½ ночи — Щербацевич.
У меня: 7—9 — Гиппиус.
14 мая, среда. У меня: 4—6 дня — Гиппиус, 9—12 веч. — Кот.
16 мая, пятница. У меня: 8—11 — Гиппиус.
17 мая, суббота. Я: 12 ½ — 1 дня — Скрябин, в Поповке: 6—8 ½ веч. — Шперк.
20 мая, вторник. У меня: 9 ¾ утра — М. М. Иванов.
21 мая, среда. У меня: 7 ½ — 9 ½ веч. — Добролюбов, 9.25—12 ½ — Кот.
23 мая, пятница. Я: 5—5 ½ дня — Степанов.
30 мая, пятница. Я: 4 ½ — 4 ¾ дня — Степанов.
31 мая, суббота. У меня: 9—1 ночи — Кот.

Июнь

1 июня, воскресенье. У меня: 7—11 веч. — Гиппиус, 9—12 ½ — Кот.
3 июня, вторник. Я: 2—3 ¼ — Кот.
4 июня, среда. У меня: 6—7 — Костин, не застал.
6 июня, пятница. У меня: 7—11 — Костин.
7 июня, суббота. У меня: 8—12 — Кот.
9 июня, понедельник. У меня: 8—12 — Кот.
11 июня, среда. У меня: 4—7 — Кот, 8—12 — Костин.
12 июня, четверг. У меня: 8—11 — Кот.
13 июня, пятница. Я: 5—8 ½ — Лапшина-Соколова.
14 июня, суббота. У меня: 9—11 — Кот.
15 июня, воскресенье. У меня: 7—12 — Добролюбов.
16 июня, понедельник. У меня: 7 ½ — 12.40 — Кот.
19 июня, четверг. Я: 5—6 — Кот.
20 июня, пятница. У меня: 2—3 дня — Кот, 11—12 веч. — Кот.
21 июня, суббота. Я: 4—5 — Кот.
У меня: 9—12 — Кот.
24 июня, вторник. Я: 9—11 — Добролюбов.
У меня: 10 ½ — 11 ½ утра — Костин.
25 июня, среда. У меня: 3—9 веч. — Добролюбов.

26 июня, четверг. У меня: 8—12 — Кот.
27 июня, пятница. Я: 10—10 ½ утра — Кот.
У меня: 1—6 дня — Кот, 9—12 веч. — Кот.
28 июня, суббота. У меня: 9—12 — Кот.
29 июня, воскресенье. У меня: 5—5 ¾ дня — З. Н. Мережковская, 9 ½ — 12 веч. — Кот.

Июль

1 июля, вторник. Я: 1—2 дня — Кот.
У меня: 10—12 ¼ — Кот.
2 июля, среда. У меня: 10—11 — Кот.
3 июля, четверг. Я: 12 ⅓ — 1 ½ — прием у попечителя.
У меня: 8—10 ½ — Лапшин-Соколов, 10—11 ½ — Кот.
4 июля, пятница. У меня: 8—11 ½ — Добролюбов.
5 июля, суббота. У меня: 10—1 ¼ веч. — Кот.
6 июля, воскресенье. Я: 12 ½ — 1 ½ дня — Кот.
8 июля, вторник. Я: 9 ¾ — 9.50 веч. — Кот (с сестрой).
У меня: 10 ½ — 12 ¼ — Кот.
9 июля, среда. У меня: 10—11 ¾ — Добролюбов, 10—12 ¼ — Кот.
10 июля, четверг. У меня: 3—3 ½ дня — Кот.
11 июля, пятница. У меня: 1—1 ½ дня — Александров Василий, кончивший в <18>87 г. Великолукское училище (у<читель> села Варагасово <?>), 1 ½ — 5 — Кот, 9—11½ — Кот, 10—12 ½ — Добролюбов.
13 июля, воскресенье. Я: 10 — Добролюбов, не застал.
15 июля, вторник. Я: 9 — Добролюбов, не застал.
16 июля, среда. У меня: 1 дня — Кот, 9—11 веч. — Кот.
17 июля, четверг. Я: 1 дня — Попечитель.
18 июля, пятница. Я: 3 ½ — 4 ½ дня — Кот.
У меня: 10—12 — Кот.
22 июля, вторник. У меня: 8 — Щербацавич, не застал.
23 июля, среда. Я: 1—2 — Щербацевич.
24 июля, четверг. Я: 5 дня — Кот, не застал
25 июля, пятница. У меня: 1—3 дня — Лапшин-Соколов.
26 июля, суббота. Я: 11 <ч> — Кот — не застал.
У меня: 9 ½ — 11 веч. — Кот.
31 июля, четверг. Я: 4—5 — Кот.
У меня: 9—11 ½ — Кот.

Август

4 августа, понедельник. У меня: 10—12 — Щербацевич.
6 августа, среда. У меня: 6 ½ — 7 веч. — Кот.
7 августа, четверг. У меня: 9 ½ — 1 дня — Корехин, 4—12 веч. — Корехин, 10—12 — Кот.

8 августа, пятница. У меня: 2—6 — Корехин, 9—12 — Кот.
9 августа, суббота. У меня: 2 ¼ — 2 ¾ — Корехин.
11 августа, понедельник. У меня: 9—12 ½ — Кот.
12 августа, вторник. У меня: 10—1 <ч> — Кот.
14 августа, четверг. У меня: 9—10 ½ — Кот.
15 августа, пятница. У меня: 9—12 — Кот, Загребин Д. И.
17 августа, воскресенье. У меня: 9—11.40 — Кот.
18 августа, понедельник. У меня: 9—10 ½ веч. — Мамаев.
19 августа, вторник. У меня: 4—5 ½ — Сабуров, 7 ¼ — 8 ¼ — Орлов Ан.
20 августа, среда. У меня: 8—10 — Сабуров, 9—10 — Мамаев.
21 августа, четверг. У меня: 8—10 — Сабуров.
22 августа, пятница. У меня: 9—11 — Кот.
25 августа, понедельник. У меня: 9—11 ½ — Кот.
30 августа, суббота. У меня: 3—5 дня — Астапович.
31 августа, воскресенье. Я (днем): 2—9 ½ дня — Юбилей Латышева.

Сентябрь

2 сентября, вторник. Я: 8 ½ — 10 ½ веч. — Кот.
4 сентября, <четверг>. У меня: 8—11 веч. — Добролюбов.
5 сентября, пятница. Я: 2 ¼ — 2 ½ дня — Е. В. Попова.
6 сентября, суббота. Я: 8—11 веч. — Астапович.
8 сентября, <понедельник>. У меня: 7—11 — Петров, 8—10 — Добролюбов.
9 сентября, <вторник>. У меня: 7—11 — Гиппиус.
11 сентября, четверг. У меня: 7 ½ — 8 ½ веч. — Кот.
12 сентября, пятница. Я: 8 ¼ — 12 — Латышевы (с сестрой). У меня: 3—5 — Гиппиус.
13 сентября, суббота. Я: 8 ¼ — 12 — Астапович.
14 сентября, воскресенье. Я: 6 ½ — 10 — Лапшин-Соколов.
18 сентября, четверг. Я: 4 ¾ — 5 — Шартре <?>. У меня: 4—4 ½ дня — Латышев.
19 сентября, пятница. Я: 2—2 ½ дня — Астапович, 8 ½ — 11 веч. — Латышевы (с сестрой).
20 сентября, суббота. Я: 7—7 ½ — Скрябин.
21 сентября, воскресенье. У меня: 8 ½ — 11 веч. — Лапшин-Соколов.
23 сентября, воскресенье. Я: 7—7 ½ — Шуф, г-дин Федоров.
24 сентября, среда. У меня: 8—10 веч. — Кот.
26 сентября, пятница. У меня: 4—6 ½ дня — Гиппиус.
28 сентября, воскресенье. Я: 6—9 — Лапшин-Соколов (с сестрой). У меня: 9 веч. — Костин, не застал.
30 сентября, воскресенье. У меня: 9—11 — Кот.

Октябрь

3 октября, пятница. У меня: 8 ½ — 11 ¼ — Костин.

4 октября, суббота. Я: 2—2 ¼ дня — Астапович.

У меня: 9—12 — Астапович.

5 октября, воскресенье. У меня: 2 <ч> дня — Гиппиус, не застал.

6 октября, понедельник. У меня: 8 ½ — 11 ½ веч. — Я. И. Душечкин.

8 октября, среда. У меня: 10 ½ — 11 ½ — Кот.

10 октября, пятница. У меня: 7—11 веч. — Гиппиус.

11 октября, суббота. Я: 8 ¾ — 10 ½ веч. — Мамаев.

12 октября, воскресенье. У меня: 4 веч. — Гиппиус, не застал.

13 октября, понедельник. Я: 9 веч. — Я. И. Душечкин, не застал, 9 ½ — 11 ½ — Кот.

14 октября, вторник. У меня: 7 ½ — 9 ½ веч. — Гиппиус.

17 октября, пятница. Я: 8 ½ — 12 ½ — Латышевы (с сестрой).
У меня: 4—5 ½ дня — Гиппиус.

18 октября, суббота. Я: 12—6 веч. — Собрание Рождественского городского училища.
У меня: 7 ½ — 11 веч. — Костин.

20 октября, понедельник. Я: 6—6 ½ веч. — Скрябин, 7—10.40 — Я. И. Душечкин.

22 октября, среда. Я: 8 ¼ — 1 — Щербацевич.
У меня: 5 дня — Ев. В. Латышева.

26 октября, воскресенье. У меня: 7—11 веч. — Гиппиус.

27 октября, понедельник. Я: 8 ½ — 12 — Мережковские.

Ноябрь

1 ноября, суббота. Я: 4—8 — Совет в гор. уч.
У меня: 2 ч. дня — Гиппиус, не застал.

3 ноября, понедельник. У меня: 7—11 ½ веч. — Гиппиус.

7 ноября, пятница. Я: 9—12 — Латышев (с сестрой).

8 ноября, суббота. Я: 9— 1 ½ — Мережковская.

9 ноября, воскресенье. Я: 1—3 ½ дня — Диспут <у> Сент-Илера.
У меня: 11 ¾ — 12 дня — С. А. Петров, 9—11 ½ веч. — Лапшины-Соколовы.

10 ноября, понедельник. Я: 1 ¼ — 1 ½ — Латышева Е. В.

11 ноября, вторник. У меня: 8—12 — Гиппиус; 8 ¼ — 11 — Костин.

12 ноября, среда. У меня: 8—11.40 веч. — Добролюбов.

13 ноября, четверг. Я: 9—12 веч. — Мережковские.
У меня: 10 — Кот, не застал.

16 ноября, воскресенье. Я: 5—8 ¼ — Лапшины-Соколовы (с сестрой).

18 ноября, вторник. У меня: 9—11 веч. — Добролюбов, 9,5—11 — Гиппиус.

19 ноября, среда. Я: 12 ½ — 6 ½ дня — Серг<иевское> городское училище.
20 ноября, четверг. Я: 5.15—5.20 веч. — Скрябин, 9— 2 — Мережковские.
25 ноября, вторник. У меня: 9.15—11.50 — Кот.
26 ноября, среда. У меня: 8 ½ — 11 ½ — Гиппиус, 9—11 — Щербацевич.
28 ноября, пятница. У меня: 4—4 ½ дня — Алексей Морозов.

Декабрь

1 декабря, понедельник. У меня: 8 ½ — 11 ¼ веч. — Гиппиус.
4 декабря, четверг. Я: 4—5 ¼ дня — З. А. Венгерова.
5 декабря, пятница. Я: 9—11 ½ веч. — Латышевы (с сестрой).
6 декабря, суббота. Я: 8 ½ — 11 — Астапович.
7 декабря, воскресенье. У меня: 3—5 ½ дня — Гиппиус.
8 декабря, понедельник. Я: 4 ½ — 5 ½ — Смелов.
10 декабря, среда. Я: 9—1 веч. — Минский.
14 декабря, воскресенье. У меня: 3—5 ½ дня — Гиппиус.
15 декабря, понедельник. У меня: 10 ½ — 12 веч. — Астапович, Кот.
17 декабря, среда. У меня: 9—11 — К. Левин.
18 декабря, четверг. Я: 12 ½ — 4 дня — Собрание Вознесенского училища.
21 декабря, воскресенье. У меня: 9 ¼ — 12 — Лапшины-Соколовы.
22 декабря, понедельник. Я: 10—1 ¾ — Рождественское городское училище, 2 ¼ — 3 — Астапович.
У меня: 7—11 — Астапович.
23 декабря, вторник. У меня: 8—11 ¾ — Гиппиус, Н. Н. Майер мл<адший>.
24 декабря, среда. У меня: 7—7 ½ веч. — К. Левин.
29 декабря, четверг. У меня: 8—12 ¼ — Лапшин-Соколов (с женой), 8 ¼ — 11 ½ Латышев (с женой), И. Д. Ковшов.
30 декабря, пятница. У меня: 1—5 веч. — К. Н. Левин, 7—10 — Шаталов.
31 декабря, суббота. У меня: 10 ½ веч. — Корехин.

1898

Январь

1 января, четверг. Я: 1—1 ¼ — Латышевы.
У меня: до 12 ½ дня — Корехин, 2—2 ¼ дня — Щербацевич, 4 дня — Корехин.
2 января, пятница. Я: 9—1 ночи — Латышевы (с сестрой).
У меня: 12.10 — Корехин, 4—10 веч. — Корехин.

3 января, суббота. Я: 2—2.5 дня — Щербацевич.
У меня: 9 веч. — Мамаев (карточка).
6 января, вторник. У меня: 4—5 — Левин.
10 января, суббота. Я: 4—5.50 — Астапович.
У меня: 8—11.40 — Душечкин.
12 января, понедельник. У меня: 8 ½ — 12 — Костин.
13 января, вторник. Я: 8—12 — Совет в училище.
14 января, среда. У меня: 8—11.40 — Астапович.
16 января, пятница. Я: 8 ½ — 12 — Латышев, с сестрой.
17 января, суббота. Я: 9—2 ½ — Мережковские.
18 января, воскресенье. Я: 9—12 — Лапшины-Соколовы, с сестрой.
У меня: 2 ½ — 5 ½ дня — Гиппиус, 7—8 веч. — Астапович.
20 января, вторник. У меня: 8—11 — Гиппиус.
22 января, четверг. У меня: 7—12 ½ — Петров, 9—11 — Гиппиус, Добролюбов.
23 января, пятница. Я: 9—11 ¾ — Мережковские.
У меня: 7 ¼ — 8 ¼ — Гиппиус.
24 января, суббота. Я: 12 ½ — 7 дня — Собрание Воздвиженского городского училища.
26 января, понедельник. Я: 8 ½ — 11 веч. — Литературное общество.
28 января, среда. Я: 8—1 ночи — З. Венгерова.
31 января, суббота. Я: 2 ½ — 2 ¾ дня — Астапович.
У меня: 8 ½ — 11 — Лапшины Соколовы.

Февраль

2 февраля, понедельник. Я: 8 ¾ — 11 ½ веч. — Литературное общество.
6 февраля, пятница. Я: 8 ¼ — 12 — Латышевы, с сестрой.
7 февраля, суббота. Я: 2 ¾ — 3 дня — Астапович.
У меня: 6 ½ — 9 ¼ веч. — Добролюбов.
11 февраля, среда. Я: 1—5 дня — Собрание Владимирского городского училища.
12 февраля, четверг. Я: 1—3 дня — Собрание Владимирского городского училища.
13 февраля, пятница. У меня: 12 ½ — 4 дня — С. А. Петров, 1—3 — Астапович, 1 ½ — 4 — Лапшины-Соколовы.
14 февраля, суббота. Я: 1—3 ½ — Лапшины-Соколовы, с сестрой.
У меня: 11 ½ — 12.5 — Кот, 12—12.5 — Астапович.
15 февраля, <воскресенье>. У меня: 8—11 веч. — Кот.
17 февраля, <вторник>. У меня: 7 ½ — 11 веч. — Костин.
18 февраля, среда. Я: 2 ½ — 2 ¾ — Астапович.

19 февраля, четверг. Я: 8 ¼ — 12 ½ веч. — Пед. Совет.
22 февраля, воскресенье. У меня: 7—12 — Левин.
23 февраля, понедельник. Я: 8—11 — Лапшины-Соколовы, с сестрой.
У меня: 7 веч. — Гиппиус, когда мы уходили.
27 февраля, пятница. У меня: 7 ½ — 10 — Гиппиус.

Март

1 марта, воскресенье. Я: 2—6 — К. Левин.
2 марта, понедельник. Я: 2 ½ — 4 дня — Выставка Академии Наук.
6 марта, пятница. Я: 8 ¾ — 12 ¼ — Латышев, с сестрой.
У меня: 7 ½ — 8 ½ веч. — Гиппиус.
10 марта, вторник. Я: 8 ½ — 2 ночи — Порошин.
12 марта, четверг. Я: 8—1 ½ — Пед. Совет.
15 марта, воскресенье. У меня: 5—7 веч. — Лапшины-Соколовы.
20 марта, пятница. Я: 8 ¼ — 12 ½ — Латышев, с сестрой.
22 марта, воскресенье. У меня: 8.20 — 11 — Душечкин Я. И.
24 марта, вторник. У меня: 7—11 — Гиппиус.
26 марта, четверг. Я: 8 ½ — 12 ½ — Педагогический Совет.
У меня: 6 ½ — 7 ½ — Гиппиус.
29 марта, воскресенье. У меня: 6 ½ — 11 — Гиппиус, 6 ¾ — 10 ½ — Костин.
30 марта, понедельник. Я: 12 ¼ — 2 — Педагогический Совет.
31 марта, вторник. У меня: 4—4 ½ дня — Щербацевич.

Апрель

1 апреля, среда. У меня: 4—4 ½ — Скрябин, 6—6 ½ — Лапшин-Соколов, 8 ½ — 11 ½ — Астапович.
3 апреля, пятница. Я: 1.40 дня — Скрябин, не застал.
У меня: 1.20 дня — Скрябин, не застал.
5 апреля, воскресенье. Я: 1—1 ¾ дня — Латышев, 6 — Астапович, не застал.
У меня: 2—2 ¼ дня — Кот, 3 ½ — Астапович, не застал, 5—8 ½ — Дм. Фил<ософов>.
6 апреля, понедельник. Я: 12 ½ — Петров.
У меня: 11 ¾ — 12 ¼ — Петров.
7 апреля, вторник. Я: 7 ¾ — 10 ¼ — Лапшины-Соколовы (с сестрой).
8 апреля, среда. У меня: 7 ½ — 10 ½ веч. — Лапшины-Соколовы (2), 8—11 — Кот, 8 ½ — 12.25 — Астапович.
10 апреля, пятница. Я: 8.40 — 12 веч. — Латышевы (с сестрой).
У меня: 7—8 ½ — Гиппиус.
12 апреля, воскресенье. У меня: 2—5 дня — Гиппиус.

19 апреля, воскресенье. У меня: 3—5 дня — Гиппиус.
20 апреля, понедельник. Я: Литературное общество.
23 апреля, четверг. Я: 10—2 дня — Совет в училище.
У меня: 6—11 веч. — Порошин.
24 апреля, пятница. Я: 8—12 — Латышев (с сестрой).
25 апреля, суббота. Я: 8—10 — Лекция Введенского, Университет.
У меня: 10 ½ — 11 ½ <ч.> веч. — Астапович.
26 апреля, воскресенье. У меня: 3—5 дня — Гиппиус.
27 апреля, понедельник. Я: 1—5 — Собрание Владимирского училища.
29 апреля, среда. Я: 8—10 веч. — Университет, лекция Введенского.
30 апреля, четверг. У меня: 4 дня — Гиппиус, не застал.

Май

1 мая, пятница. У меня: 4—5 ½ — Гиппиус.
2 мая, суббота. Я: 8—10 — Университет, лекция Введенского.
3 мая, воскресенье. Я: 2—3 ¾ дня — Концерт городских училищ в Думе.
4 мая, понедельник. У меня: 2 ½ — 5 ½ — Гиппиус.
5 мая, вторник. У меня: 8 ½ — 11 ½ веч. — Лапшины-Соколовы, 9—11 ½ — Щербацевич, 9 ¼ — 11 ½ — Астапович.
7 мая, четверг. Я: 8—11 ½ веч. — Совет в училище.
9 мая, суббота. У меня: 7—11.40 — Гиппиус.
13 мая, среда. У меня: 9—11.20 — Кот.
15 мая, пятница. Я: 12—2 дня — Совет в училище, 8 ½ — 12 — Латышевы, с сестрой
17 мая, воскресенье. У меня: 3.40—5.15 — Кирик Левин.
Я: 7.30—10 — Порошин в Павловске.
18 мая, понедельник. У меня: 7—10 ½ — Гиппиус.
23 мая, суббота. Я: 10—3 дня — Экзамен в Ремесленном училище Технического Общества.
26 мая, вторник. Я: 9—3 дня — Экзамен в Ремесленном училище Технического Общества.
28 мая, четверг. Я: 7—11 веч. — Педагогический Совет училища.
29 мая, пятница. Я: 9—12 — Латышевы.
30 мая, суббота. У меня: 7—10 ½ — Гиппиус.

Июнь

1 июня, понедельник. Я: 8—11 — Педагогический Совет.
3 июня, среда. У меня: 10—1 дня — Корехин, 5—8 веч. — Корехин.
4 июня, четверг. Я: 8—12 — Крест<овский> Сад.
У меня: 1—3 дня — Корехин, 5 ½ — 8 веч. — Корехин.
5 июня, пятница. У меня: 11 ½ — 12 ½ дня — Корехин, 1 ½ — 2 — Корехин, 5—5 ½ — Корехин, 10—11 ½ веч. — Корехин.

6 июня, суббота. Я: 10 ½ <sic!>
У меня: 7 ½ — 9 — Левин.
13 июня, суббота. Я: 3 ½ — 6 дня — Лапшины-Соколовы, с сестрой. Теличшенко <?>
14 июня, воскресенье. У меня: 7—11 веч. — Левин, 7 ½ — 11 — Костин.
19 июня, пятница. У меня: 3—3 ¾ дня — Философова с сыном Петром.
21 июня, воскресенье. Я: 12 ½ — 10 ¾ дня — Мережковские в Дылицах.
27 июня, суббота. У меня: 7—10 веч. — К. Левин.
29 июня, понедельник. У меня: 5—10 ½ веч. — К. Левин.
30 июня, вторник. У меня: 2 дня — Левин (зашел), 6—9.25 — С. А. Петров.

Июль

2 июля, четверг. Я: 8—12 ½ веч. — Аркадия, с сестрой.
5 июля, воскресенье. Я: 6 ½ — 9 — К. Левин.
9 июля, четверг. У меня: 2—5 дня — Лапшин-Соколов, 5—8 веч. — К. Левин.
11 июля, суббота. У меня: 12—5 — К. Левин, 6—9 — Лапшина-Соколова, 8 утра — Варгасова.
15 июля, воскресенье. Я: 7—9 ½ — К. Левин.
23 июля, воскресенье. У меня: 6—8 ¾ веч. — Левин.
30 июля, четверг. Я: 7—9 — Левин, с сестрой.

Август

3 августа, понедельник. У меня: 9—11 ½ — Левин.
Я: 5—10 ½ дня — Мережковские, в Дылицах.
9 августа, <воскресенье>. У меня: 3 дня — Левин, не застал, с 10 веч. — Корехин.
10 августа, <понедельник> У меня: до 8 ч. утра — Корехин.
14 августа, пятница. У меня: 6—10 веч. — К. Левин.
15 августа, суббота. У меня: 8—11 — Мамаев.
16 августа, воскресенье. У меня: 7—11 — Астапович.
18 августа, вторник. У меня: 1—2 дня — Лапшин-Соколов.
19 августа, среда. Я: 12 ½ — 1 дня — Астапович.
20 августа, четверг. У меня: 3—5 дня — Гиппиус, 8—10 веч. — Астапович.
21 августа, пятница. У меня: 3—5 дня — Гиппиус.
30 августа, воскресенье. У меня: 3—4 дня — Астапович, 8—10 веч. К. Левин, Азиат.

Сентябрь

7 сентября, понедельник. Я: 7—7 ¼ веч. — Директор.

10 сентября, четверг. У меня: 7—10 веч. — Смелов, 8—10 — С. А. Петров.

17 сентября, четверг. У меня: 8—11 — Гиппиус.

18 сентября, пятница. Я: 2—2 ½ дня — Астапович.

20 сентября, воскресенье. У меня: 8.10—11 ¼ — Кот, 8 ¼ — 11 ¾ — Астапович с братом, 8½ — 11 ½ — Лапшины-Соколовы, 8 ½ — 11 ¾ — Щербацевич, 8 ½ — 11½ — Мамаев, 8 — 11 ¼ — М. И. Михайлова.

21 сентября, понедельник. У меня: 9—11 ⅓ — Костин.

23 сентября, среда. У меня: 8—11 ¼ — Гиппиус.

25 сентября, пятница. Я: 8—11 ½ веч. — Латышевы, с сестрой.

30 сентября, среда. У меня: 9—1 веч. — Латышевы, Ковшов.

Октябрь

1 октября, четверг. У меня: 2—4 ½ дня — Гиппиус.

4 октября, воскресенье. Я: 8—10 ¾ — Лапшины-Соколовы, с сестрой.

7 октября, среда. У меня: 8—11 веч. — Гиппиус.

20 октября, вторник. Я: 8 ½ — 11 — Мамаев.

24 октября, суббота. Я: 8 ½ — 11 — Астапович.

25 октября, воскресенье. Я: 1.45—4.30 — Собрание общества взаимопомощи бывших воспитанников Учительского института.

У меня: 7.20 — 8 веч. — Ап. Ап. Коринфский.

27 октября, вторник. У меня: 6—9 — Астапович.

29 октября, четверг. Я: 7—10 ½ — Педагогический Совет.

30 октября, пятница. Я: 9 веч. — Ап. Ап. Коринфский в редакции «Правительственного Вестника».

9 ¼ — 1 ночи: К. К. Случевский. Были: К. М. Фофанов, Лебедев, Лихачев, Михаловский, Черниговец-Вишневский, кн. Ухтомский, Ясинский, Ап. Коринфский, Фидлер, Вейнберг, Мережковский, Мережковская, Чюмина, Лохвицкая, Бальмонт.

31 октября, суббота. У меня: 7—11 — Гиппиус.

Ноябрь

1 ноября, воскресенье. У меня: 3.15—7 дня — Лапшин-Соколов, 8.15—8.45 веч. — Щербацевич.

3 ноября, вторник. У меня: 10.25—10.55 — Кот.

4 ноября, среда. Я: 4 ½ дня — О. Н. Чюмина, не застал.

У меня: 7 ½ — 11.50 — Гиппиус.

6 ноября, пятница. Я: Латышевы, с сестрой. Были: Кот, Е. В. Попова, Кот, Петров, Стариков, Линьков, Пешехонова, Ковшов, Коноплев с ж. и др.

8 ноября, воскресенье. У меня: 8—11 — Костин.

9 ноября, понедельник. У меня: 8—11 ½ утра — Гиппиус, 8 — 8 ½ — Корехин.

10 ноября, вторник. У меня: 4 ½—6 ½ веч. — Корехин, 8 ¾ — 11 ¼ — Корехин.

12 ноября, четверг. Я: 8 ½ — 12 — В. В. Гиппиус. Были: его брат, Н. Н. Майер мл., Ив. Иван. Ореус.

13 ноября, пятница. Я: от 8 ½ ч. до 12 — Мережковские, З. А. Венгерова, Miss.

15 ноября, воскресенье. У меня: 3—7 ½ — Корехин.

16 ноября, понедельник. Я: От 9 до 9 ½ — Мережковские, Гиппиус. От 9 ¾ — 12 веч. — «Мир Искусства», Философов, Мережковские, Гиппиус, Бальмонт с женой, Минский, Нувель, Розанов, Вейнберг и др.
У меня: 8 ¼ — 8 ¾ — Гиппиус.

17 ноября, вторник. Я: 4 ¼ — 4 ¾ дня — З. А. Венгерова, 9—2 ночи — <у> Бальмонта, <был> А. А. Коринфский.

19 ноября, четверг. Я: 9—2 ночи — Лохвицкая, Фидлер и его жена, Чюмина, Бальмонт, Минский и его жена (Юрьева, Вилькина), Коринфский.

20 ноября, пятница. Я: 10—1 ночи — Случевский К. К. Были: Мережковские, Чюмина, Лохвицкая, Бальмонт, Минский, гр. Голенищев-Кутузов, Быков, Черниговец-Вишневский, Лебедев, Коринфский, Фидлер, Ясинский.
У меня: 8 ½ — 12 — Румянцев.

21 ноября, суббота. Я: 1 ½ — 2 ½ дня — Лапшин-Соколов, 8—12 веч. — Малый Театр.

22 ноября, воскресенье. Я: 11—12 ½ — Мережковские. Были: г-жа Бальмонт, З. А. Венгерова, Андреевский.
У меня: 8—11 ½ — Лапшины-Соколовы (Михайлова).

23 ноября, понедельник. Я: 9—12 — «Мир Искусства». <Были:> Дягилев хозяин, Мережковский, Бальмонты, Философов, Андреевский, кн. Урусов, Минский.

24 ноября, вторник. Я: 4—5 дня — З. А. Венгерова. Был Минский.
У меня: 3—7 дня — Корехин.

25 ноября, среда. Я: 12 ½ — 5 — Собрание в Андреевском училище, 8—12 веч. — Михайловский театр, с сестрой. «Блестящая карьера».

26 ноября, четверг. У меня: 7—12 веч. — Корехин, 9—12 — Петров С. А.

27 ноября, пятница. Я: 8 ½ — 12 — Латышевы, с сестрой. Были: Лапшин-Соколов, Ел. В. Попова, Ковшов, Козырев, Комлев, Ремезов, Вирениус, Стариков и др.

28 ноября, суббота. Я: 6—8 ¼ веч. — Бальмонт. Был Коринфский. Обед.

29 ноября, воскресенье. Я: 12 ½ — 5 дня — Александринский театр, «Джентльмен», 9—12 веч. — Минские. Были: Коринфский, Бальмонт, Флексер, Л. Я. Гуревич.
У меня: 5—11 ½ — Корехин (Михайлова).

Декабрь

1 декабря, вторник. Я: 9 ¼ — 12.10 веч. — Ореус. Были: Формаковский.

2 декабря, среда. У меня: 9—11 веч. — Мамаев, Линьков.

3 декабря, четверг. Я: 8—12 — Панаевский театр, с сестрой. «Пробуждение Венеры» и «Веселые соседки». С Лапшиными-Соколовыми.

4 декабря, пятница. Я: Вечером — Случевский. Были: Сафонов, Фидлер, Коринфский, Соколов, Лихачев, Бальмонт, Мазуркевич.

5 декабря, суббота. Я: 9—2 ночи, Чюмина. Были: Мережковская и ее муж, Miss, M-lle, Минский, Венгерова, Коринфский, Бальмонт.

6 декабря, воскресенье. Я: 8—10 ½ веч. — Лапшины-Соколовы, с сестрой.
У меня: 3—7 — Корехин.

8 декабря, вторник. Я: 3 ½ — 4 ¾ дня — Венгерова. Были: Минский, Фридберг, Гимназист.

9 декабря, среда. Я: 9—1 ночи — Бальмонты. <Были:> Минский, Брюсов.

11 декабря, пятница. Я: 9—1 <ч. ночи> — Случевский. <Были:> Ясинский, Мазуркевич, Фидлер, Михаловский, Лихачев, Грибовский, Гайдебуров редактор, Коринфский, Сафонов, Брюсов, Бальмонт.

12 декабря, суббота. У меня: 8—2 ночи — Ореус, 8 ½ — 2 — Гиппиус, 9 ½ — 2 — Бальмонт, Брюсов, 10—1 ¼ — Минский, 10 ½ — 1 ½ — Лебедев, 11.40—2 — Коринфский.

13 декабря, воскресенье. Я: 8—11.30 веч. — Мережковские, З<инаида> Н<иколаевна> больна. <Были:> Мать З<инаиды> Ник<олаевны>, Мисс, Венгерова.

14 декабря, понедельник. У меня: 4—11 ½ веч. — Корехин ст., 4 ½ — 11 ½ — Корехин мл<адший>, 8—11 ½ — Костин.

18 декабря, пятница. Я: 9—1 веч. — Случевский. <Были:> Сафонов, Коринфский, Фидлер, Мазуркевич, Минский, Мережковский, Ясинский, Грибовский, Соколов, Михаловский, Лихачев, Бальмонт, Черниговец-Вишневский.

20 декабря, воскресенье. У меня: 5—11 веч. — Корехин.

21 декабря, понедельник. Я: 9—12 ½ — «Мир Искусства». <Были:> Философов, Минский, Мережковский, Бакст.

23 декабря, <среда>. Я: 9—1 веч. — Бальмонты. <Были:> Гиппиус, Ореус, Сабашникова, M-lle.

24 декабря, четверг. Я: 1—1 ½ дня — Латышева Е. В., с сестрой. Были: Ковшов, Линьков, Комлев etc.

8½ — 9 веч. — Мережковские.

9 ½ — 12 — Порошин. Были: брат его, Исаев... etc.

25 декабря, пятница. У меня: 12—11.40 — Корехин.

26 декабря, суббота. У меня: 7—12 — Румянцев.

28 декабря, понедельник. Я: 9—10 ¼ веч. — Литературное Общество. <Были:> Вл. Соловьев, Исаков, Загуляев, Репин, Меньшиков, Андреевский, Боборыкин, Оболенский.

10 ½ — 12 веч. — «Мир Искусства». <Были:> Философов, Мережковские, Андреевский, Бакст.

29 декабря, вторник. Я: 4 — Венгерова, не застал, 1—2 — Русский музей Александра III.

У меня: 7—11 — Лапшины-Соколовы.

30 декабря, <среда>. Я: 10.20 — 12.45 — Ореус; с Фридбергом, Гиппиус, Формаковский etc.

У меня: 7—11 — Фридберг, 8—11 — Кот.

31 декабря, четверг. Я: 3—3 ½ дня — Венгерова. <Был:> Минский.

1899

Январь

1 января, пятница. Я: 1 ¼ — 1 ½ — Латышевы с сестрой, 3—3.20 — Щербацевич.

У меня: 9—1 дня —Левин, 12—1 — Корехин, 12 ½ — 1 ¾ — Щербацевич, 3 ¼ — 3 ½ — Костин (без меня), 4—9.50 — Корехин, 7—10.45 — Исаев, 7 ½ — 10.45 — Румянцев.

2 января, суббота. У меня: 9—1.30 веч. — Гиппиус, 9.30—1.30 — Ореус, 9.30—12 — Минский, 10—1 — Мережковские, З. А. Венгерова, 10.15—1.15 — Бальмонты.

3 января, воскресенье. У меня: 12 ½ — 3 ⅓ дня — Дм. Фридберг, 8 веч. — Костин (не принял).

4 января, понедельник. Я: 2 ¼ — 3.35 — Археологическая выставка, с Кор<ехиным>

У меня: 10.10—1 <ч> дня — Корехин, 4—5 ½ — Корехин, 8—11 веч. — Порошин.

5 января, вторник. Я: 12.45—12.50 — Скрябин, 3.10—3.55 — Венгерова.

6 января, среда. Я: 6.45—9.30 веч. — Лапшины-Соколовы, с сестрой.

8 января, пятница. Я: 9.50—1.20 ночи — Случевский. Были: Коринфский, Соколов, Чюмина, Лихачев, Грибовский, Сафонов, Вишневский, Мазуркевич, Мережковские, Минский, гр. Голенищев-Кутузов, Фидлер, Быков.

У меня: 3.10—3.50 дня — Ореус, 7.45 веч. — Корехин (зашел по пути к Латышеву).

9 января, суббота. Я: 5.35—6.25 веч. — Бальмонт.

11 января, понедельник. Я: 7—7.30 — Латышев (канцелярия директора).

14 января, четверг. Я: 7.20—7.30 — Бальмонт Ек. Ал.; 7.40—9.50 — А. А. Шахматов с Е. А. Бальмонт.

15 января, пятница. Я: 8.30—11.30 Латышев с сестрой. Были: Е. В. Попова, Пешехонова, Пашковские, Петров С. А., Дилакторский, Ковшов, Никонов, Козырев, Лапшин-Соколов, д-р Уверский, Кот, Стариков.

У меня: 7.30 — Костин (не принял).

16 января, суббота. У меня: 6—8.45 — Костин.

18 января, понедельник. Я: 10—1 <ч> веч. — «Мир Искусства» (у Дягилева).

Были: Дягилев, Философов, Бакст, Мережковские, Минский, Андриевский и пр.

19 января, вторник. Я: 3 ¾ — 5 ¼ дня — Венгерова. Были: Нилова, Минский.

20 января, среда. Я: 9 ¾ — 1 ½ ночи — Чюмина. Были: ее муж, <Черниговец> Вишневский, Вейнберг, Виктор Острогорский, Мережковские с англ. мат., Льдов, Венгерова, Лихачев, Зоя Яковлева, Случевский, Коринфский, Гориневская, Трубачева, Позняков etc.

22 января, пятница. Я: 9 ½ — 1 ¼ ночи — Случевский. Были: гр. Голенищев-Кутузов, Лохвицкая, Грибовский, Сафонов, Фофанов, Мазуркевич, Коринфский, Минский, П. С. Соловьева (Allegro), Фидлер, Черниговец, Гайдебуров редактор, Мережковские, Чюмина.

23 января, <суббота>. У меня: 8—10.45 — Гиппиус.

24 января, воскресенье. Я: 12.15—12.25 дня — Директор, 2.10—2.35 — Афанасьев Ст. Тит., 2.50 — Минский, не застал.

У меня: 8—10.15 веч. — Кот, 8.30—11 — Фридберг, 9—11.30 — Корехин.

25 января, понедельник. Я: 3—3.15 дня — Шевченко, упр<авляющий>, 5.55—7.30 веч. — Андреевское городское училище (прием дел), 8.20—11 — Мережковские: Гиппиус и Венгерова.

26 января, вторник. Я: 3—3.15 дня — Шевченко, упр., 5.45—7.45 веч. — Андреевское городское училище (прием): Стариков и Серебряков, 8.30—1.15 — Лапшин-Соколов. Именины Мар. Ник. Много дали.

25 января, понедельник. У меня: 8 веч. — Гиппиус (по дороге к Мережковским).

28 января, четверг. У меня: 6—6 ¼ — Бальмонт.

29 января, пятница. Я: 3—3.10 — Директор народных училищ, 9—1.30 — Случевский, Вишневский, Грибовский, Коринфский, Минский, Щепкина-Куперник.

30 января, суббота. Я: 12—5.40 дня — Воздвиженское городское училище. Собрание.

31 января, воскресенье. Я: 4—4.45 — Бальмонт Ек. А. Были: Сабашников etc.

У меня: 12—1 дня — Корехин, 2 ч дня — Хорошевский, Альбом от II класса: Матысяк, Евсейчук, Хархорин.

Февраль

1 февраля, понедельник. Я: 10—12 ½ веч. «Мир Искусства». <Были:> Дягилев, Философов, Бальмонт, Ционглинский, Боборыкин, Бакст, etc.

У меня: 4 ч дня чарка от I класса: Сковоронский, Иванов Петр, Примечалов.

Андреевское городское училище

3 февраля, среда. У меня: 3 ч дня письм<енный> приб<ор> от III класса: Осипов, Бладасов, Рыжов, 8 ½ — 11 веч. — 1-е заседание

ком<иссии>: Лазарев, Нечай, Высоцкий, Петров, Галанин, Чернявский.

5 февраля, пятница. Я: 8 ½ — 12 веч. — Латышевы, с сестрой. <Были:> Е. В. Попова, Ковшов, Пашковский, Высоцкий, Л. Соколов, Линьков, Стариков, Попов, Загребин.

У меня: 3—3 ¼ дня — Гужов, серебряные вещи в футляре от IV кл.: Мокеев, Тюсман, Фролов, Айзуб, Козловский, Курский, Седов.

7 февраля, воскресенье. Я: 1—1.5 дня — Машукова, 1.20—1.30 — св. Ельцов, 1.50—1.55 — Лобойков, 2.10—2.15 — Лауберг, 3 дня — Эм. Фед. Эйрих, не застал, 3.30—3.50 — Стариков, 4.5—4.10 — Никонов, 4.20 — Серебряков, не застал, 4.30 — Чернышев <sic!>, не застал.

8 февраля, понедельник. Я: 4 — Эйрих, не застал.

У меня: 9—9.30 — <нрзб.> Ельцов, Стариков, Никонов, Чернышев <sic!>, Серебряков, Лауберг.

11 февраля, четверг. Я: 8.20—11 ½ ч. — Рождественское городское училище. <Были:> Скрябин, Персиков, Щербацевич, Л. Соколов, Линьков, Мамаев, Куликовский.

12 февраля, пятница. Я: 3—3 ½ дня — Директор, канцелярия.

14 февраля, воскресенье. Я: 9—2 веч. — Зал Павловой. Литературный вечер.

У меня: 2—2 ¼ дня — Лауберг, Никонов, 3—3 ¾ Стариков, 3.5—3 ¾ Чернышов, 3.15—3 ¾ — Лобойков.

15 февраля, понедельник. Я: 8—11 ½ — Благородное Собрание.

17 февраля, среда. У меня: 8—1 <ч> ночи — Серебряков, Скрябин, Персиков, Щербацевич, Лапшины-Соколовы, Линьков, Мамаев, Куликовский, Кот; 8 ½ — 12 ½ веч. — Корехин, Костин, Чернышов, Стариков.

18 февраля, четверг. У меня: 3 ½ — 5 ¾ дня — Гиппиус, 8 ¼ — 11 веч. — Лазарев, Нечай, Петров, 9 ½ — 11 — Чернявский.

19 февраля, пятница. Я: 9—10 ½ веч. — Случевский. <Были:> Порфиров, Коринфский, Грибовский, Вишневский, Фидлер, Мазуркевич, Михаловский, Быков, Лихачев, Я (ночью): 11—2 ночи — Мережковские. Были: Венгерова, Гиппиус, кн. Урусов, Чюмина etc.

21 февраля, воскресенье. У меня: 7 ½ — 10 — Исаев, Румянцев.

22 февраля, понедельник. У меня: 7—10 — Костин.

23 февраля, вторник. Я: 8—12 ½ ночи — Лапшины-Соколовы, Родственницы, О. Персиков с женой, Щербацевич, Линьков.

24 февраля, среда. Я: 12—6 дня — Собрание в Вознесенском <училище>, 6 ½ — 8 ½ дня — Венгерова. <Были:> Мережковские, Сем. А. Венгеров, Чюмина, Miss, Вера Мережковская, Бальмонт.

У меня: 11 ¼ — 11.40 утра — Чернышов, Стариков.

25 февраля, четверг. Я: 4—4 ½ дня — Бальмонты: г-жа? д<еви>ца? Monsieur?

У меня: 7 ½ — 11.40 — Исаев.

26 февраля, пятница. У меня: 12—8 дня — Корехин.

27 февраля, суббота. У меня: 1 ½ — 5 дня — Фридберг.

28 февраля, воскресенье. Я: 8 ½ — 9 веч. — Мережковские. <Были:> Зин. Венгерова, Вера Мережковская, Философов, Дягилев, 9—11 — искал Розанова, неуда<чно>.

Март

1 марта, понедельник. Я: 10—1 <ч> ночи — «Мир Искусства». <Были:> Философов и Дягилев, г-жа Философова, Нестеров, Мережковские, Зин. Венгерова etc.

3 марта, среда. У меня: 7—11 веч. — Совет: Никонов, Чернышев <sic!>, Серебряков.

4 марта, четверг. Я: 3—4 — Выставка «Мира Искусства». <Были:> Гофштеттер, Мережковские, Дягилев.

У меня: 8 ½ — 11 веч. — Комиссия: Чернявский, Петров, Высоцкий, Лазарев, Лаврентьев, Серебряков.

5 марта, пятница. Я: 10—1 <ч> веч. — Случевский. <Были:> Коринфский, Михаловский, Льдов, Грибовский, гр. Голенищев-Кутузов, Мазуркевич, Чюмина, Allegro, Лихачев, Фидлер, Мережковск., Быков, Бальмонт, Вишневский, Андриевский, Порфиров.

6 марта, суббота. У меня: 7—11 веч. — Корехин, 7 ½ — 11 — Гиппиус.

7 марта, суббота <в ночь на воскресенье. — Публ.> Я: 11 ½ — 2 ½ ночи — Чюмина. <Были:> Трубачева, Льдов, Фидлер и его жена, Мережковская, Грибовский, Miss, Бальмонт, Венгерова, <нрзб.>, гр<афи>ня?, Баранцевич, Случевский.

У меня: 7 ½ — 10 ½ — Лапшины-Соколовы, (М. И. Михайлова).

8 марта, понедельник. Я: 10—2 ночи — «Мир Искусства». <Были:> Дягилев, Философов, Мережковские, Венгерова, Аполлинарий Васнецов, Ционглинский, etc.

9 марта, вторник. Я: 9 ½ — 11.10 веч. — Ореус. Были: Гиппиус, etc. 3 ½ — 4 ¼ <ч> дня — З. Венгерова. <Была:> В. Мережковская, 4 ½ — 5 — Бальмонты.

10 марта, среда. У меня: 1—2 дня — Скрябин.

11 марта, четверг. <У меня:> 8 ½ — 11.20 — Комиссия мат<ематическая?> Петров, Чернявский, Лазарев, <нрзб.>.

12 марта, пятница. Я: 9 ½ — 11 ½ веч. — Латышевы (с сестрой). <Были:> Лапшины-Соколовы, Ковшов, Стариков, Вирениус, Фомин, Пашковские, Комлев, etc.

У меня: 8 ¼ — 9 веч. — Душечкин Я. И.

17 марта, среда. Я: 8—11 веч. — Уездный уч<илищный> совет <Были:> гр. Гудович, Семенов, Медер, пр. Вишняков и др.

18 марта, четверг. У меня: 7—10 ½ — Ореус.

19 марта, пятница. Я: 9—2 веч. — Случевский. <Были:> Быков, Коринфский, Фофанов, кн. Цертелев, кн. Барятинский, Фидлер, Мережковский, Мазуревич, Лохвицкая, Чюмина, Лихачев, Позняков, Бальмонт, Грибовский, Вишневский, Брюсов, Порфиров, Allegro.

21 марта, воскресенье. У меня: 4 ½ — 11 — Корехин.

23 марта, вторник. У меня: 8—10 — Серебряков.

25 марта, четверг. Я: 2—2 ¾ дня — Лихачев, 30-летний юбилей. <Были:> его жена, сын, дочь. Лохвицкая, Allegro, Случевский, Шуф, Коринфский, Баранцевич, Мазуркевич, Фидлер и его жена, etc.

3—3 ½ — Владимирской городское училище, после чтения. <Были:> Латышевы, Скрябин, Щербацевич, Лапшин-Соколов, Уверский<?>, Петров, Одинцов, Галанин, Кот, Корехин, Комлев с женой, Чернышов, Никонов, Линьков etc.

У меня: 12 ¾ — 1 дня — Серебряков, 4 ½ — 7 ¼ веч. — Корехин.

26 марта, пятница. Я: 10—2 ночи — Случевский (его младшая дочь), Михаловский, Коринфский, Лихачев, Фидлер, Позняков, Шуф, Порфиров, Мережковские, Лебедев, Лохвицкая, Allegro, Грибовский, Вишневский, Мазуркевич, Льдов, Бальмонт.

27 марта, суббота. Я: 2 ¼ — 3 утра — Шуф: Коринфский, Льдов, Лебедев, Вишневский, Фидлер, Грибовский, Лихачев, Порфиров.

29 марта, понедельник. Я: 10—2 ночи — Мир Искусства: Фил<ософов> и Мережковский, Венгерова, Розанов, Глупый студент, Пискун-студент etc.

30 марта, вторник. 7—11 — Гиппиус.

Апрель

1 апреля, четверг. Я: 10—2 ночи — Мережковские, Венгерова, Андреевский, Философов, Вейнберг, Дягилев, Перцов, Гиппиус, Miss, etc.

2 апреля, пятница. Я: 8 ¾ — 11 веч. — Латышевы. <Были:> Ковшов, Комлев с женой, Никонов, Стариков, Пашковский, Вирениус, Лазарев, Пешехонова, Ел. Вас. Попова, etc.

11 ¼ — 2 ночи — Случевский. <Были:> Мережковские, Случевский сын, Лохвицкая, Шуф, Щепкина-Куперник, Льдов, Allegro, Михаловский, Бальмонт, Лихачев, Быков, Порфиров, Вишневский, Лебедев, Мазуркевич.

Снимались — Булла: Фидлер, Коринфский, Грибовский, кн. Барятинский

3 апреля, суббота. Я: 1—6 дня — Собрание в Рождественском училище, 7—10 веч. — Лапшины-Соколовы, с сестрой.

4 апреля, воскресенье. У меня: 2 ½ — 11 — Корехин.

6 апреля, вторник. 9—1 ½ веч. — Гиппиус, 10—1 <ч> веч. — Философов, Дягилев, Серов академик, Нувель, 10 ½ — 1 <ч.> — Мережковский, Венгерова.

7 апреля, среда. У меня: 7—9 ½ веч. — Костин.

8 апреля, четверг. Я: 8 ¼ — 10 ¼ — Уездный училищный совет, выбор письменных работ.

9 апреля, пятница. Я: 9 ½ — 2 — Случевский. <Были:> Мережковский, Случевский-сын, Фидлер, Грибовский, кн. Барятинский, Лохвицкая, Льдов, Бальмонт, Мазуркевич, Порфиров, Черниговец-Вишневский, Коринфский, Гнедич.

У меня: 8—8 ¼ веч. — Ельцов, 8—8 ½ — Серебряков.

10 апреля, суббота. У меня: 5 ½ — 9 ¼ — Корехин, 7—10 ½ — Гиппиус, 8 ¾ — 9 ¼ — Серебряков.

12 апреля, понедельник. У меня: 8 ½ — 10 — Скрябин.

13 апреля, вторник. Я: 4.45—4.55 дня — Редакция «Правительственного Вестника»: Коринфский, Случевский.

5.50—10 веч. — Обед в «Медведе» Случевскому. <Были:> Шуф, Фидлер, К. К. Случевский и его сын, Лохвицкая, Allegro, Грибовский, Фофанов, Мережковский, Ясинский, кн. Барятинский, Льдов, Мазуркевич, Позняков, Андриевский, Порфиров, кн. Цертелев, Коринфский, Лихачев, Гнедич.

18 апреля, воскресенье. Я: 1.20 — 2 дня — Латышевы. <Были:> Ев. Вас., Ковшов, Иванов, Введенский, Лауберг, 2 ½ — 2 ¾ дня — А. О. Эйрих.

У меня: днем Лапшин-Соколов, днем и ночью — Корехин, 4—5 ½ — Серебряков, 4.50 — 5 — Лауберг.

19 апреля, понедельник. У меня: днем до 12.40 — Корехин.

21 апреля, среда. Я: 3—3 ½ — Управление городским водопроводом.

У меня: 6—8 дня — Корехин, 8 ¾ — 1 <ч> ночи — Латышевы.

23 апреля, пятница. Я: 9—12 веч. — Латышевы. <Были:> Ковшов, Ремезов, Вирениус, Морев, Нечай с женой, Кот, Линьков, etc.

24 апреля, суббота. Я: 2—4 дня — Чтение для IV кл. во Владимирском училище. <Были:> Латышевы. Чит<авший> студент. Уверский, Петров, Одинцов, Фролов, Лауберг, Серебряков, Скрябин, Щербацевич, Лапшин-Соколов, Четыркин etc.

6—8 ½ дня обед Лихачеву, Пивато. <Были:> Лихачев, жена, дочь, Случевский, Коринфский, Allegro, Лохвицкая, Назарьева, Черниговец, Мазуркевич, кн. Цертелев, Соколов, Фидлер, Порфиров, Ходнев <?>, Мордовцев, Горев, Гриневская, Скабичевский, Буткевич, Грибовский, Гнедич, Позняков, Сем. Венгеров, etc.

У меня: 8—11 веч. — Костин.

25 апреля, воскресенье. Я: 8—1 <ч> веч. — Воздвиженское городское училище Ужин Попов<у>. <Были:> П. И. Попов, его мать, брат Николай, Невеста, Латышевы, Небольсин, Скородумов, Нестеров, Шустров, законоучитель Воздвиженского училища, Уверские братья,

Флоров, Ксентицкий, Габанов <?>, Петров ст., Шерцингер, Комлев, Пашковский, Максимов, Афанасьев газетный, Скрябин, Щербацевич, Лапшин-Соколов, Васильев, Морев, Нечай, etc.

26 апреля, понедельник. Я: 6—9 ½ веч. — Совет у нас. Все, кроме Ст<арикова>.

У меня: 12 ½ — 1 ¾ завтрак: Е. В. Латышева, Э. Ф. Грюнталь, А. О. Эйрих, О. Д. Машукова.

29 апреля, четверг. У меня: 8—11 веч. — Лапшины-Соколов.

30 апреля, пятница. Я: 2 ¾ — 4 дня — Директор.

Май

1 мая, суббота. Я: 9 ½ — 12 — Случевский. <Были:> Случевский сын, племян., Лохвицкая, Коринфский. 1—2 ½ — репетиция концерта, 3—6 — Экзамен.

2 мая, воскресенье. Я: 1 ½ — 4 дня — Концерт, 10 ¼ — 12 — Экзамен Василеостровского нар<одного> <нрзб.>.

У меня: 12 ½ — 12 ¾ — Никонов, 12.40—12.45 — Серебряков.

3 мая, понедельник. Я: 6—9 ½ веч. — Совет, все, кроме Ст<арикова>.

7 мая, пятница. У меня: 12.10—12.30 — Серебряков, Никонов.

8 мая, суббота. Я: 10 ¾ — 5 дня — Экзамен школы Карт<онажной> фабрики, 8 ½ — 11 веч. — Лапшины-Соколовы, с сестрой.

У меня: вечером Корехин, не застал.

10 мая, понедельник. Я: 10 ½ — 1 ½ дня — Экзамен школы фабрики «Торнтон» <?>.

11 мая, вторник. У меня: 12.15 — 12.35 дня — Серебряков, Лауберг, вечером — Гиппиус, не застал.

12 мая, среда. Я: 10 ½ — 2 — Экзамен Петер. шк.<Петершуле? — *Публ.*>

15 мая, суббота. Я: 7.45 веч. — Корехин в Павл<овске?/ом?>, с сестрой, не застал.

У меня: 12.15—12.35 — Серебряков, Лауберг, вечером: Корехин, не застал.

16 мая, воскресенье. У меня: 12—10 веч. — Корехин.

17 мая, понедельник. У меня: 12.10—12.30 дня — Никонов, Чернышев <sic!>, влез Серебряков.

18 мая, вторник. У меня: 12.15—12.35 — Чернышов.

20 мая, четверг. У меня: 12.30—12.50 — Чернышов, Никонов.

21 мая, пятница. Я: 2—3 ½ дня. Канцелярия Директора.

24—28 мая. Я: 24 понедельник 12 ч дня по 28 пятница 8 ч утра — Поездка в Святые Горы.

29 мая, суббота. У меня: 6—8 ½ веч. — Совет, 4—7 веч. — Корехин.

30 мая, воскресенье. Я: 8—10 ½ веч. Собрание в Владимирском училище.

Июнь

3 июня, четверг. У меня: 4—9 веч. — Корехин.

4 июня, пятница. Я: 2—3 <ч.> дня. Канцелярия Директора.

13 июня, суббота. Я: 2—8 — Темяшкино у Лапшиных-Соколовых, с сестрой.

19 июня, суббота. У меня: 7—10 веч. — Гиппиус.

24 июня, четверг. У меня: 4 — ночевал Заякин.

Июль

4 июля, воскресенье. У меня: 12—12 ½ дня — Корехин младший.

11 июля, <воскресенье>. У меня: 12—3 дня — Корехин младший, 3 ½ — 7 — Лапшины-Соколовы.

18 июля, <воскресенье>. У меня: 12—7 — Корехин младший.

25 июля, <воскресенье>. Я: 3—9 — Темяшкино у Лапшиных-Соколовых, с сестрой.

У меня: 1 <ч> дня — Корехин младший, не застал.

30 июля, пятница. У меня: 7—9 веч. — Корехин младший.

Август

5 августа, четверг. У меня: 11—8 — Корехин старший.

6 августа, пятница. У меня: 5—8 — Корехин старший.

7 ноября, воскресенье. У меня: 3 ½ — 7 ½ — Корехин младший.

8 августа, воскресенье. У меня: 11—8 — Корехин младший.

11 августа, среда. У меня: 7—9 — Корехин старший.

12 августа, четверг. У меня: 2—3 <ч> дня Топрин <?>.

15 августа, воскресенье. У меня: 11—9 веч. — Корехин младший, 1 ½ — 9 Корехин старший.

18 августа, среда. У меня: 7—10 — Гиппиус, 8 — 9 ½ — Лапшин-Соколов.

21 августа, суббота. Я: 7 ½ — 10 ½ — Корехин, с сестрой.

29 августа, воскресенье. У меня: 11—9 ½ — Корехин младший.

30 августа, понедельник. У меня: 12—10 — Корехин старший.

Сентябрь

5 сентября, воскресенье. У меня: 11—11 ½ — Корехин младший, 2—10 — Корехин старший.

8 сентября, среда. У меня: 4—10 — Корехин младший.

12 сентября, воскресенье. У меня: 1 ч — 11 — Корехин старший, 8—11 — Лапшин-Соколов.

18 сентября, суббота. Я: 8—11 — Лапшины-Соколовы, с сестрой. Был: Корехин старший.

19 сентября, воскресенье. У меня: 4 ½ — 10 — Корехин младший.

26 сентября, воскресенье. У меня: 12—10 — Корехин старший, 4—10 — Корехин младший.

27 сентября, понедельник. У меня: 8 ½ — 10 ½ — Гиппиус.

Октябрь

3 октября, воскресенье. У меня: 12—10 — Корехин старший.

8 октября, пятница. Я: Случевский. Были: К. К. Случевский мл<адший>, Коринфский, Мережковские, Черниговец-Вишневский, Мазуркевич, Шуф, Михаловский, Фидлер, Гнедич, Порфиров, кн. Барятинский, Гайдебуров, Льдов, Лихачев.

10 октября, воскресенье. У меня: 12—10 — Корехин старший, 4—10 — Корехин младший.

15 октября, пятница. Я: Случевский. Были: К. К. Случевский младший, Коринфский, кн. Барятинский, Мережковские, Льдов, Allegro, Лихачев, Соколов (цензор), Ясинский, Мазуркевич, Порфиров, Михаловский, Андреевский, Фидлер.

17 октября, воскресенье. У меня: 4—11 — Корехины оба, 8—11 — Костин.

21 октября, четверг. У меня: 7—10 — Гиппиус.

22 октября, пятница. Я: 9—2 ч ночи. Случевский. Были: Случевский младший, Коринфский, Лохвицкая, Чюмина, Allegro, кн. Барятинский, Льдов, Мазуркевич, <Черниговец->Вишневский, Грибовский, Ясинский, Лихачев, Андреевский, Фидлер.

24 октября воскресенье. У меня: 4—11 — Корехины оба.

29 октября, пятница. Я: 9—2 ч ночи. Случевский. Были: Случевский младший, <Черниговец->Вишневский, Коринфский, Грибовский, кн. Барятинский, Лихачев, Мазуркевич, Быков, Льдов, Гайдебуров, Порфиров, Фидлер.

31 октября, воскресенье. Я: 1 ½ — 4 дня. Собрание Общества взаимного вспомоществования бывшим воспитанникам Санкт-Петербургского Учительского института. 10—12 веч. — Гиппиус.

У меня: 4—10 — Корехин старший, 4—10 — Лапшины-Соколовы.

Ноябрь

3 ноября, среда. Я: 8 ½ — 9 — Корехин младший. Был Корехин старший.

5 ноября, пятница. Я: 9—1 ½ — Случевский. Были: Случевский младший, Шуф, Коринфский, <Черниговец->Вишневский, Лихачев, Быков, Гайдебуров, Мазуркевич, кн. Барятинский, Порфиров, Грибовский.

12 ноября, пятница. Я: 9—1 ½ — Случевский. Были: Коринфский, Крылов, Вишневский, Чюмина, Лихачев, Фидлер, Мазуркевич, Будищев, Порфиров, Шуф, Грибовский, Сафонов, Льдов.

14 ноября, воскресенье. Я: 7 ¼ — 8. А. О. Эйрих <нрзб.>.

15 ноября, понедельник. Я: 10 ½ — 12. А. О. Эйрих <нрзб.>.

17 ноября, среда. Я: 8—10 веч. Правление Общества взаимовспоможения бывших воспитанников Санкт-Петербургского Учительского института. Были: Наумов, Каррик, Никифоров, Цируль, Воронов, Флоров etc.

18 ноября, четверг. Я: 7—10 веч. Комиссия матем<атическая> в Андреевском училище. Были: Нечай, Высоцкий, Чернявский, Потапов, Голубев.

19 ноября, пятница. Я: 8 ½ — 12 веч. Латышевы. Были: Е. В. Попова, Уверские 2 <брата>, Пешехонова, Пашковские, Ковшов, Петров, Стариков, Введенский, Никонов, Фомин, Вирениус.

21 ноября, воскресенье. У меня: 4—10 веч. — Корехин младший, 5—10 — Михайлова.

26 ноября, пятница. Я: 9—2 ч. ночи. Случевский. Были: Случевский младший, Коринфский, Фидлер, Порфиров, кн. Барятинский, Крылов, Вентцель —<нрзб.>, Шуф, Мазуркевич, Грибовский, Соловьев, Лихачев, Чюмина, Лохвицкая, Гайдебуров.

28 ноября, воскресенье. Я: 8—10 ½ веч. Лапшины-Соколовы, с сестрой. Были: 4 девицы Лапшины-Соколовы.

28 ноября, воскресенье. У меня: 4—7 — Корехин младший.

Декабрь

3 декабря, пятница. Я: 8 ½ — 12 веч. Латышевы, с сестрой.

5 декабря, воскресенье. У меня: 5—10 — Корехин младший.

10 декабря, пятница. Я: 9—2 ч. ночи — Случевский. Были: Случевский младший, Фидлер, Коринфский, Мазуркевич, Порфиров, Грибовский, Вентцель, Лихачев, Шуф, Гайдебуров, etc.

12 декабря, суббота. У меня: 5—10 — Корехин младший, 7— 0 — Корехин старший.

17 декабря, пятница. Я: 8 ½ — 11 веч. — Латышевы, с сестрой. Были: Лапшина-Соколова, Машукова, г-жа Щербацевич, Голубев, Корехин, Иванов, Высоцкий, Маслов, Коренев, Загребин с сыном, etc.

11 ½ — 2 ночи — Случевский. Были: Лохвицкая, Шуф, Лихачев, Случевский мл., Коринфский, Фидлер, гр. Голенищев-Кутузов, Черниговец, Грибовский, Мазуркевич, Гайдебуров, Вентцель, Порфиров.

18 декабря, суббота. Я: Собрание в Свято-Троицком училище — 12 ½ — 5.45 дня.

10—1 <ч> ночи — Порошин. Были: Комарская, Мартемьянов, Словинский etc.

23 декабря, четверг. Я: Правление общества взаимовспоможения бывших воспитанников Санкт-Петербургского Учительского института. <Были:> Наумов, Латышев, Соллертинский, Шафранов, Цируль, Никифоров, Попов, Матвеев.

24 декабря, пятница. Я: 2—2 ½ дня — Е. В. Латышева. Были: В. А. Латышев, Ковшов, Стариков, Петров, В. В. Васильев с женой etc.

25 декабря, пятница. У меня: 2—11 веч. — Корехин старший, 3 ½ — 11 — Ахутин, 4—11 — Корехин младший.

<27 декабря> В<оскресенье>: У меня: Ахутин, Душечкин, Костин, Исаев, <нрзб.>.

<Приписано внизу:> 7, 14, 21 у Случевского,

20 — у Порошина.

17 — У<ездное> у<чилище,> сов<ещание-?> etc.

1900

<Я был:>

7 января у Случевского вечером.

14 января вечер у Случевского.

17 января Уездное уч<илище,> сов<ещание-?>.

27 января — у Случевского.

28 января — у Случевского.

4 февраля — у Случевского.

11 февраля — у Случевского.

18 февраля — у Случевского и у Латышева.

25 февраля — у Случевского.

3 марта — у Случевского и у Латышева.

10 марта — [у Случевского] у Лохвицкой?

17 марта — у Случевского и у Латышева.

24 марта — у Случевского.

31 марта — у Случевского и у Латышева.

14 апреля — у Случевского и у Латышева.

21 апреля — у Случевского.

<У меня были:>

В январе. Были: Ахутин, Корехин младший.

Февраль

17: завтракали: Чернышев <sic!> 10 м, Никонов часа 2, вечером А. Костин, Лапшины-Соколовы.

20, воскресенье: Корехины.

III
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ (ПОСЕЩЕНИЯ), 1906 г.

<*Сверху вписано карандашом:*> «М<елкий> Бес», конец[1]

1906, февраля 12*

1. Уманов-Каплуновский, 2. с женою, 3. Мейснер, 4. Корехин, 5. Аничков Евгений В., 6. Годин <карандашом вписано:> уехал, 7. Сюннерберг, 8. Добужинский, 9. Леман <*волнистый прочерк*>, 10. Бучинская, 11. Габрилович, 12. Ремизов, 13. с женой, 14. Иванов В., 15. с женой.

На 19 февраля*

1. Бучинская, 15 февраля. *Была.* 2. Бердяева, 15 февраля. *Была.* 3. Блок, 16 февраля. *Был.* 4. Венгерова, 14 февраля. *Была.* 5. Габрилович, письмо 17 февраля. 6. Грибовский, письмо 17 февраля. 7. Добужинский, письмо 17 февраля. 8. Иванов, письмо 16 февраля. 9. Кондратьев, письмо 17 февраля. 10. Мережковские, письмо 17 февраля. 11. Сюннерберг, письмо 17 февраля. 12. Чулковы, письмо 17 февраля. 13. Щеголев, письмо 17 февраля. 14. Бакст, письмо 17 февраля. 15. Ясинский, письмо 18 февраля.

<*Сверху над датой вписано карандашом:*> «Милый паж»[2].

19 февраля были*

1. Блок. 2. Бархан. 3. Вентцель. 4. Габрилович. 5. Грибовский. 6. Дымов. 7. Евреинов. 8. Корехин. 9. Карвовская. 10. Леман. <*волнистый прочерк*> 11. Мейснер. 12. Пестовский. 13—14. Сюннерберги. 15. Тэффи. 16. Чулков.

На 26 февраля*

1. Мейснер, письмо 22 февраля. 2. Кондратьев, письмо 23 февраля.

26 февраля*

1. Аничков. 2. Бархан. 3. Дымов. 4. Корехин. 5. Корвовская. 6. Евреинов. 7. Кондратьев. 8. Мейснер. 9. Ремизов. 10. Сюннерберг.

Читали:

Ремизов — 2 рассказа.

Я — Стихи. «Два Готика» [3].

---

[1] Подразумевается финальная часть романа Сологуба «Мелкий бес», не вошедшая в журнальную публикацию (Вопросы жизни. 1905. № 6—11), которая прервалась на 24-й главе.

[2] «Милый паж» — рассказ Сологуба, изъятый цензурой из его книги «Жало смерти» (М., 1904) и впервые опубликованный в журнале «Весы» (1906. № 8).

[3] «Два Готика» — рассказ Сологуба. Впервые: Слово. 1906. 2 апр. № 430 (Литературное приложение № 9).

На 5 марта*

1. Сюннерберг, письмо 27 февраля. 2. Андрусон, письмо 27 февраля. 3. Грибовский, письмо 27 февраля. 4. Мейснер, письмо 27 февраля. 5. Краснов, письмо 27 февраля. 6. Корехин, письмо 28 февраля. 7. Уманов-Каплуновский, письмо 2 марта. 8. Измайлов, письмо 2 марта. 9. Чулков, лично 3 марта. 10. Щеголев, письмо 3 марта. 11. Allegro, письмо 3 марта. 12. Тэффи, письмо 4 марта. 13. Габрилович, письмо 4 марта. 14. Манасеина, письмо 4 марта.

5 марта*

1. Корехин. 2. Андрусон Л. И. 3. Андрусон В. И. 4. Грибовский. 5. Аничков. 6. Уманов-Каплуновский <В. В.>. 7. Уманова-Каплуновская <В. А.>. 8. Allegro. 9. Манасеина. 10. Потемкин П. П. 11. Городецкий С. М. 12. Краснов Плат. <*бп*> Н. 13. Бархан. <*бп*>

Читали: «В толпе»[4].

На 12 марта*

Бердяева, лично 6 марта. Сомов, лично 6 марта. Нувель, лично 6 марта. Иванов, лично 6 марта. Измайлов, [письмо 10 марта]. Чулков, лично 6 марта. Тэффи, письмо 10 марта.

12 марта*

1. Будищев. <*бп*> 2. Корехин. 3. Мейснер. 4. Пестовский. <*бп*> 5. Сомов. <*бп*> 6. Бархан. 7. Карвовская. <*бп*> 8. Дымов. 9. Тэффи. 10. Габрилович. 11. Чулков. 12. Бердяев. <*бп*> 13. Нувель. <*бп*>

Читали: «Литургия Мне» [5].

На 19 марта

Всех бывших. Добужинского, карточка 13 марта. Андрусона, письмо 14 марта. Ивановы, лично 15 марта. Дымов, лично 15 марта. Тэффи, лично 15 марта. Габрилович, лично 15 марта. Грибовский, письмо 17 марта. Allegro, лично 15 марта. Манасеина, лично 15 марта. Городецкий, лично 15 марта. Сюннерберг, лично 15 марта. Ремизов, лично 15 марта.

19 марта

1. Косьмин. 2. Корехин. 3. Гюнтер. 4. Мейснер. 5. Кондратьев. 6. Карвовская. 7. Добужинский. 8. Потемкин П. П. 9. Ремизов А. М. 10. Ремизова С. П. 11. Сюннерберг К. А. 12. Сюннерберг В. М. 13. Бархан. 14. Городецкий.

---

[4] «В толпе» — рассказ Сологуба. Впервые: Новая иллюстрация. 1907. 5 марта. № 5.

[5] «Литургия Мне» — пьеса («мистерия») Сологуба. Впервые: Весы. 1907. № 2.

Чтение: Стихи Мейснер, Карвовская, Сюннерберг, Городецкий.

Я — «Двойная звезда»[6].

На 26 марта

1. Ивановы, письмо 24 м<а>р<та>. 2. Умановы-Каплуновские, письмо 24 марта.

26 марта

1. Корехин. 2. Мейснер. 3. Уманов-Каплуновский. 4. Кондратьев. 5. Корвовская. 6. Пестовский. 7. Потемкин П. П. 8. Иванов Вяч. Ив. 9. Иванова Лид. Дм.

Читали: стихи Мейснер, Уманов-Капл<уновский>, Пестовский, Потемкин.

Я — «Тела и душа»[7].

На 2 апреля

Перцов П. П. — лично. Тернавцев — лично. Чулков, письмо 31 марта.

2 апреля

1. Корехин. 2. Мейснер. 3. Дымов.

Не читали.

На 9 апреля

1. Уманов-Каплуновский. 2. Перцов. 3. Иванов. 4. Щеголев. 5. Евреинов. 6. Чулков. 7. Андрусон. 8. Блок. 9. Кондратьев.

9 апреля

1. Корехин. 2. Уманов-Каплуновский. 3. Уманова-Каплуновская. 4. Мейснер. 5. Дымов. 6. Корвовская. 7. Кондратьев. 8. Сюннерберг <К. А.>. 9. Сюннерберг <В. М.>. 10. Жеребцова А. М. 11. Тэффи. 12. Габрилович.

Стихи: Уманов-Капл<уновский, Мейснер, Тэффи, Габрилович, Я.

Я: «Кремлев»[8].

16 апреля

1. Корехин. 2. Абрамов. 3. Лихачев. 4. Мейснер. 5. Вентцель. 6. Городецкий. 7. Корвовская. 8. Потемкин П. П. 9. Бархан. 10. Щего-

---

[6] «Двойная звезда» — перевод из Т. Готье, выполненный Сологубом. Впервые: Речь. 1906. 25 дек. № 252.

[7] «Тела и душа» — рассказ Сологуба. Впервые: Золотое руно. 1906. № 6.

[8] «Кремлев» — поэма («рассказ в стихах») Сологуба. Впервые: Золотое руно. 1908. № 12.

лев Пав. Е. 11. Щеголева Валент. Андр. 12. Чулков Георг. Ив. 13. Чулкова Над. Гр.

Читали: стихи Леонида Савельева.

На 23 апреля

1. Измайлов. 2. Аничков, 3. Уманов-Каплуновский.

23 апреля

1. Кименталь. 2. Корехин. 3. Савельев. 4. Манасеина. 5. Allegro. 6. Бархан. 7. Аничков. 8. Гиппиус Н. 9. Гиппиус Т. 10. Кузнецов. 11. Гюнтер. 12. Гриневская. 13. Дымов.

Читали: «Зверские дни»[9], Савельева.

30 апреля

1. Кожевников Петр Алекс. 2. Корехин. 3. Бархан. 4. Уманов-Каплун<овский> В. В. 5. Уманова-Каплуновская В. А. 6. Савельев. 7. Кондратьев. 8. Жеребцова. 9. Дымов. 10. Зарин.

Читали стихи покойного Полякова[10].

На 7 мая

Щеголевы, письмо 3 мая. Андрусон, письмо 3 мая. И. И. Ясинский, письмо 3 мая. Измайлов, письмо 3 мая. Грибовский, письмо 3 мая.

7 мая

1. Матвеев. 2. Корехин. 3. Грибовский. 4. Иванов Вяч. 5. Ремизов А. М. 6. Ремизова С. П. 7. Сюннерберг К. А. 8. Сюннерберг В. М. 9. Бархан. 10. Савельев Л. П. 11. Чулков Г. И.

<12. — пропущено. — *Публ.*>. 13. Чулкова Н. Г.

---

[9] «Зверские дни» — неустановленный текст.

[10] Имеются в виду стихи Виктора Лазаревича Полякова (1881—1906), покончившего с собой за полтора месяца до даты собрания. Почти наверняка это чтение было предпринято по инициативе А. А. Кондратьева, энергично пропагандировавшего его наследие.

IV
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА И ЧТЕНИЯ (ПОСЕЩЕНИЯ) 1906—1907 гг.

3 сентября 1906 г.*

1. Корехин. 2. *Бугаев (Белый)* <помета:> ? 3. Чулков. 4. Волынский (Флексер). 5. Шварцман (Шестов) <помета:> ? 6. Сюннерберг. 7. Иванов. 8. Кузмин. 9. Пестовский. 10. Ивановский. <помета:> ? 11. Ремизов.

Читали стихи:

Андрей Белый, Кузмин, Пестовский, я

10 сентября*

1. Корехин. 2. Аничков. 3. Потемкин П. П. 4. Гржебин. 5. Копельман. 6. Ремизовы А.М. 7. — — — С. П. 8. Флексер.

Чтения не было.

17 сентября

1. Корехин. 2. Сюннерберг К. А. 3. Сюннерберг В. М. 4. Годин. 5. Корвовская.

<Читали:> Стихи мои.

24 сентября

1. Корехин. 2. Годин. 3. Блок. 4. Кондратьев.

1 октября*

1. Корехин. 2. Уманов-Каплуновский В. В. 3. Уманова-Каплуновская В. А. 4. Годин. 5. Городецкий. 6. Кондратьев. 7. *Иванов Вяч.* 8. Верховский. 9. Корвовская. 10. Кузмин. 11. Гржебин З. И. 12. Копельман С. Ю. 13. Копельман В. Е.

Читали стихи: я, Годин, Иванов, Верховский, Кузмин.

8 октября*

1. Аничков Е. В. 2. Блок А. А. 3. Верховский Ю. Н. 4. Годин. 5. Городецкий С. М. 6. *Дымов И. И.* 7. Иванов Вяч. Ив. 8. Корехин В. И. 9. Кондратьев А. А. 10. Потемкин П. П. 11. Сюннерберг К. А. 12. Сюннерберг В. М. 13. Уманов-Каплуновский В. В. 14. Уманова-Каплуновская В. А. 15. Чулков Г. И.

Читал 1 и 2 д<ействие> «Дар мудрых пчел»[11].

15 октября*

1. Андрусон Л. И. 2. Аничков Е. В. 3. Бархан П. А. 4. Годин Я. В. 5. Корехин В. И. 6. Потемкин П. П.

Чтения не было.

---

[11] Драма Сологуба. Впервые: Золотое руно. 1907. № 2—3.

Званы на 22 октября письменно

Аничков — 1. Бердяевым Н. А. и Л. Ю. — 3. Блок — 4. Венгеровой и Вилькиной — 6. Гржебину — 7. Добужинскому — 8. Ивановым и Городецкому — 11. Кондратьеву — 12. Копельманам — 14. Корвовской — 15. Манасеиной — 16. Мейерхольду — 17. Перельману — 18. Пестовскому — 19. Рафаловичу — 20. Соловьевой — 21. Ремизовым — 23. Сюннербергам — 25. Умановым-Каплуновским — 27. Чулковым — 29. Щеголевым — 31.

Званы лично:

Волошины — 33. А. И. Орлова — 34.

22 октября*

1. Корехин. 2. Лапшины-Соколовы А. Н. и А. Е. 3. Иванова Л. Д. 4. Волошин М. А. 5. Соловьева П. С. 6. Манасеина Н. П. <так!>. 7. Андрусон Л. И. 8. Бархан П. А. 9. Орлова А. И. 10. Аничкова Е. В. 11. Годин Я. В. 12. Кондратьев. 13. Уманов-Капл<уновский> В. В. 14. Уманова-Каплуновская В. А. 15. Верховский Ю. Н. 16. Флексер А. Л.

Читал: «Дар мудрых пчел».

29 октября*

1. Корехин. 2. Годин. 3. Чулков Г. И. 4. Чулкова Н. Г. 5. Щеголева В. А. 6. Верховский Ю. Н. 7. Кондратьев. 8. Сюннерберг К. А. 9. Сюннерберг В. М. 10. Потемкин П. П. 11. Добужинский.

Читали стихи: Корехин. Годин. Чулков. Верховский. Потемкин. Я.

Драма «Любви» [12], я.

Званы на 5 ноября

1. Умановы-Каплуновские — 2. 2. Аничков — 3. 3. Флексер — 4. 4. Венгеровой и Вилькиной — 6. 5. Кондратьев — 7. 6. Корвовская — 8. 7. Мейерхольд — 9. 8. Чулковы — 11. 9. Щеголевы — 13. 10. Бархан —14. 11. Бердяевы — 16. 12. Блок — 17. 13. Верховский — 18. 14. Волошины и А. И. Орлова — 21. 15. Габрилович — 22. 16. Годин — 23. 17. Ивановы и Городецкий — 26. 18. Гржебин — 27. 19. Грибовский — 28. 20. Добужинский — 29. 21. Копельман — 30. 22. Кузмин — 31. 23. Перельман — 32. 24. Пестовский — 33. 25. Рафалович — 34. 26. Ремизовы — 36. 27. Соловьева — 37. 28. Манасеина — 39. 29. Сюннерберги — 41.

5 ноября*

1. Андрусон. 2. Бархан. 3. Бердяев Н. А. 4. Бердяева Л. Ю. 5. Блок. 6. Верховский. 7. Вилькина. 8. Венгерова. 9. Годин. 10. Иванов Евгений. 11. Корехин. 12. Кондратьев. 13. Пестовский. 14. Ремизов А. М. 15. Ре-

[12] Драма Сологуба. Впервые: Перевал. 1907. № 8/9.

мизова С. П. 16. Уманов-Каплуновский. 17. Флексер. 18. Чулкова Г. И. 19. Чулкова Н. Г. 20—22. Мейер, его жена и еще кто-то.

Чтение: «Литургия Мне».

Стихи: Андрусон. Блок. Верховский. Вилькина. Годин. Пестовский. Чулков. Я.

12 ноября*

1. Андрусон Л. И. 2. Ауслендер. 3. Годин Я. В. 4. Гофман. 5. Корехин В. И. 6. Копельман С. Ю. 7. Копельман, m-me. 8. Кузмин М. А. 9. Нувель В. Ф. 10. Потемкин П. П. 11. Сюннерберг К. А. 12. Сюннерберг В. М.

Читали стихи:

1. Андрусон. 2. Годин. 3. Гофман. 4. Корехин. 5. Кузмин. 6. Потемкин. 7. Я

19 ноября*

1. Андрусон Л. И. 2. Ауслендер. 3. Бархан П. А. 4. Блок А. А. 5. Вилькина Л. Н. 6. Верховский Ю. Н. 7. Годин Я. В. 8. Гофман. 9. Евреинов. 10. Корехин. 11. Кондратьев. 12. Корвовская М. Н. 13. Кузмин. 14. Потемкин П. П. 15. Рафалович С. Л. 16. Уманов-Каплуновский В. В. 17. Уманова-Каплуновская В. А.

Читали стихи:

Андрусон. Ауслендер (проза, отрывок из романа). Блок. Вилькина. Верховский. Годин. Гофман. Корехин. Корвовская. Кузмин. Потемкин. Я.

26 ноября*

1. Андрусон Л. И. 2. Allegro. 3. Бархан П. А. 4. Аничков Е. В. 5. Волошин М. А. 6. Верховский Ю. Н. 7. Годин Я. В. 8. Городецкий С. М. 9. Габрилович Л. Е. 10. Корехин В. И. 11. Куприн А. И. 12. 13. Манасеины Н. И., М. П. 14. Мунт Екат. Мих. 15. Потемкин П. П. 16. 17. Сюннерберги К. А., В. М. 18. Соколов М. П. 19. Сергеев-Ценский. 20. Тэффи. 21. Фалеев Н. И. 22. Цензор Дм. Мих. 23. Чеботаревская А. Н. 24. 25. Щеголевы П. Е., В. А.

Читали:

Волошин, свои стихи и перевод. Верховский, свои стихи. Годин, Городецкий — свои стихи. Габрилович, Потемкин — свои стихи и пародии. Тэффи, свои стихи. Щеголева В. А., стихи Брюсова и Блока.

Я, свои стихи и из Верлена[13].

3 декабря*

1. Андрусон Л. И. 2. Ауслендер. 3. Аничков Е. В. 4. Бархан П. А. 5. Бакст. 6. Вилькина Л. Н. 7. Веригина В. П. 8. Венгерова З. А. 9. Вер-

[13] Переводы Сологуба из Верлена были изданы отдельной книгой в 1908 г.

ховский Ю. Н. 10. Годин Я. В. 11. Гофман Модест Людвигович. 12. Корехин В. И. 13. Кондратьев А. А. 14. Кузмин М. А. 15. 16. Мейерхольд В. Э., О. М. 17. Мунт Е. М. 18. Потемкин П. П. 19. Пти, Софья Григорьевна. 20. 21. Ремизовы А. М., С. П. 22. Сомов К. А. 23. 24. Сюннерберг К. А., В. М. 25. Соловьева Поликс. С. 26. Чулков Г. И.

Читали:

Годин, Гофман, Потемкин — стихи. Ремизов 2 сказки. Чулков стихи.

10 декабря*

1. Бучинская, Тэффи Н. А. 2. Бархан П. А. 3. Василевский Л. М. 4. Годин Я. В. 5. Габрилович Л. Е. 6. Детерс Э. В. 7. Иванов Евг. П. 8. Корехин. 9. Кондратьев. 10. Корвовская. 11. Линдеман. 12. Потемкин П. П. 13. Щеголева В. А.

Читали:

Тэффи — стихи. Василевский. — стихи. Годин — стихи. Габрилович — стихи. Корехин — стихи. Кондратьев — стихи. Корвовская — стихи. Потемкин — стихи.

Я, стихи и 2 первых главы «Навьих Чар» [14].

17 декабря*

1. Андрусон. 2. Ауслендер. 3. Бархан. 4. Бучинская Тэффи. 5. Василевский. 6. Годин. 7. Гофман. 8. Габрилович. 9. Корехин. 10. Кондратьев. 11. Кузмин. 12. Потемкин П. П. 13. Пестовский В. А. <*бп*>. 14. 15. Умановы-Каплуновские.

Чтение:

Стихи: Тэффи. Василевский. Годин. Габрилович. Кондратьев. Кузмин. Потемкин.

Я: 1—3 главы романа «Навьи Чары».

24 декабря*

1. Ауслендер Серг. Абрам. 2. Бакст Л. С. 3. Бархан П. А. 4. Годин Я. В. <*бп*>. 5. Гофман М. Л. 6. Городецкий С. М. 7. Иванов В. И. <*бп*>. 8. Кондратьев А. А. 9. Корехин В. И. 10. Кузмин М. А. 11. Корвовская М. Н. 12. Нувель В. Ф.

Чтение:

Стихи: Годин. Гофман. Городецкий. Иванов. Кондратьев. Кузмин. Сологуб.

Проза: Я — рассказ «Страна, где воцарился зверь»[15].

---

[14] Роман Сологуба. Начат публикацией: Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». Кн. 3. СПб., 1907.

[15] Впервые: Речь. 1906. 25 дек. № 252.

31 декабря*

1. Корехин. 2. Корвовская. 3. Чулков.

7 января 1907*

1. Ауслендер С. А. 2. Бархан П. А. 3. Бердяев Н. А. 4. Вилькина Л. Н. 5. Венгерова З. А. <*бп*>. 6. Верховский Ю. Н. 7. Веригина В. П. 8. Волохова (актриса). 9. Габрилович Л. Е. 10. Гофман М. Л. 11. Иванова (актриса). 12. Корехин В. И. 13. Кондратьев А. А. 14. Корвовская М. Н. 15. Кузмин М. А. 16. Манасеина Н. И. 17. Нувель В. Ф. 18. Рафалович С. Л. 19. Тэффи Н. А. 20. Уманов-Каплуновский В. В. 21. Чеботаревская А. Н. 22. Чуковский К. И.

Читали:

Рафалович — драму «Отверженный Дон Жуан» [16]. Веригина — стихи мои.

Я — стихи и «Человек Человеку Дьявол» [17].

14 января*

1. Бакст Л. С. 2. Блок А. А. 3. Василевский Л. М. 4. Грибовский В. М. 5. Добужинский М. В. 6. Корехин В. И. 7. Корякин И. Н. <*бп*>. 8. Кондратьев А. А. 9. Карвовская М. Н. 10. Кузмин М. А. 11. Мейерхольд В. Э. 12. Мейерхольд О. М. 13. Сюннерберг К. А. 14. Сюннерберг В. М. 15. Тэффи Н. А.

Читали стихи:

Блок. Василевский. Корякин. Кондратьев. Кузмин. Тэффи. Я.

21 января*

1. Аничков. 2. Ауслендер. 3. Блок. 4. Бакст. 5. Городецкий. 6. Гржебин. 7. Детерс. <*бп*>. 8. Иванов Евг. П. 9. Кондратьев. 10. Корехин. 11. Кузмин. 12. Леман. <*бп*>. 13. Линдеман. <*бп*>. 14. Нувель. 15. Потемкин П. П. 16. Ремизов А. М. 17. Ремизова С. П. 18. Сапунов. <*бп*>. 19. Сюннерберг К. А. 20. Сюннерберг В. М. 21. Сомов. 22. Чуковский. 23. Чулков Г. И. 24. Чулкова Н. Г. 25. Щеголева В. А. 26. Ясинский И. И. <*бп*>.

Читали: Блок, Городецкий, Потемкин — стихи.

Ремизов: «Илья пророк» [18].

Я: «Царица поцелуев» [19].

---

[16] В первой публикации (отд. изд.: СПб., 1907) пьеса С. Рафаловича была напечатана под заглавием «Отвергнутый Дон Жуан», но для театральной постановки название было слегка изменено.

[17] Статья Сологуба. Впервые: Золотое руно. 1907. № 1.

[18] Рассказ Ремизова «Гнев Ильи Пророка». Впервые: *Ремизов А.* Лимонарь сиречь: луг духовный. СПб., 1907.

[19] Новелла Сологуба. Впервые: Перевал. 1907. № 5.

28 января*

1. Арцыбушев Ю. К. <*бп*>. 2. Ауслендер С. А. 3. Аничков Е. В. 4. Бархан П. А. 5. Бердяев Н.А. 6. Бердяева Л. Ю. 7. Верховский Ю. Н. 8. Вилькина Л. Н. 9. Волохова. 10. Веригина В.А. <так!> 11. Василевский Л. М. 12. Городецкий С. М. 13. Гофман М. Л. 14. Грибовский В. М. <*бп*>. 15. Дымов О. И. <так!> <*бп*>. 16. Евреинов Н. Н. <*бп*>. 17. Корелин В. И. 18. Карвовская М. Н. 19. Кузмин М.А. 20. Орлова А. И. и Лида. 21. Потемкин П. П. 22. Ремизов А. М. 23. Ремизова С. П. 24. Сергеев-Ценский С. Н. 25. Тэффи Н. А. 26. Фалеев Н. И. 27. Чулков Г. И. 28. Чуковский К. И.

Читали:

Чулков — драма «Тайга» [20].

Я — «Песни Билитис», перевод Кондратьева.

4 февраля*

1. Андрусон Л. И. 2. Билибин И. Я. 3. Бакст Л. С. 4. Бархан П. А. 5. Вентцель Н. Н. 6. Вилькина Л. Н. 7. Волошин М. А. <*бп*>. 8. Гофман М. Л. 9. Гржебин З. И. 10. Городецкий С. М. 11. Кузмин М. А. 12. Кустодиев Г. М. 13. Кондратьев А. А. 14. Корехин В. И. 15. Корвовская М.Н. 16. Копельман С. Ю. <*бп*>. 17. Копельман, m-me. <*бп*>. 18. Копельман, m-lle. <*бп*>. 19. Куприна М. К. <*бп*>. 20. Орлова А. И. <*бп*>. 21. Потемкин П. П. 22. Сомов К. А. 23. Сергеев-Ценский С. Н. 24. Сюннерберг К. А. 25. Сюннерберг В. М. 26. Тэффи Н. А. 27. Чеботаревская А. Н. <*бп*>. 28. Чуковский Корней — Ник. Вас. <*бп*>.

Чтение:

Из У. Уитмена — Чуковский,

«Мертвецкая» Сергеева-Ценского, читал Чуковский

Стихи: Андрусон. Волошин. Потемкин. Тэффи. Чуковский. Я

11 февраля*

1. Ауслендер. 2. Аничков. 3. Билибин. 4. Бархан. 5. Бакст. 6. Бердяев Н. А. <*бп*> 7. Бердяева Л. Ю. <*бп*> 8. Блок. 9. Бучинская — Тэффи. 10. Волохова Н. Н. 11. Верховский. 12. Иванов Евг. П. <*бп*> 13. Корехин. 14. Кузмин. 15. Мейснер А. Ф. 16. Манасеина. <*бп*> 17. Нувель. 18. Потемкин. 19. Серафимович. 20. Соловьева Аллегро. <*бп*> 21. Чулков Г. И. 22. Чулкова Н. Г. 23. Щеголева В. П. <так!> <*бп*> 24. M-lle Лида <*бп*>

Читали:

Кузмин — пастораль[21].

---

[20] Драма Г. Чулкова. Отдельное издание: СПб., 1907.

[21] В дневнике Кузмина под этим днем записано: «Хотели все ехать к Сологубу. Я заехал за Сережей. Там были Бердяевы, Allegro, Бакст, Нувель, студенты, Волохова, Аничков etc. Я читал пастораль, не понравившуюся, кажется. Читал Блок, Верховский, Сологуб, Мейснер. Шли домой с Потемкиным. Какая тоска» (*Куз-*

Блок, Мейснер, Чулков — стихи.

Я — «Змий» [22], 18 стихотворений.

18 февраля*

1. Бархан. 2. Бакст. 3. Вилькина. 4. Вентцель. 5. Городецкий. 6. Габрилович. 7. Добужинский. <*бп*>. 8. Потемкин. 9. Рафаилович. <*бп*>. 10. Сергеев-Ценский. <*бп*>. 11. Сюннерберг. 12. Серафимович. 13. Тэффи. 14. Уманов-Каплуновский. 15. Флексер. 16. Чуковский.

Читали:

Стихи: Городецкий. Потемкин. Тэффи. Я

25 февраля*

1. Ауслендер. 2. Билибин. <*бп*>. 3. Бархан. 4. Бакст. <*бп*>. 5. Вилькина. <*бп*>. 6. Верховский. 7. Василевский. 8. Веригина. 9. Габрилович. 10. Городецкий. <*бп*>. 11. Корехин. 12. Кузмин. 13. Кустодиев. <*бп*>. 14. Мейснер. 15. Нувель. 16. Сомов. 17. Сюннерберг К. А. 18. Сюннерберг В. М. 19. Тэффи.

Читали:

Стихи — Мейснер.

Я — стихи Селиванова[23].

Стихи: Кузмин. Верховский. Василевский. Тэффи. Городецкий. Я («Нюрнбергский палач» [24]).

4 марта

1. Бархан. <*прочерк*> 2. Волькенштейн. 3. Вентцель. 4. Волохова 5. Веригина 6. Иванова — актр<исы>. 7. Корехин. <*прочерк*> 8. Карвовская. 9. Кондратьев. 10. Лендер. 11. Мейерхольд В. Э. 12. Мейерхольд О. М. <*прочерк*> 13. Цензор. 14. Чуковский.

Читали:

Волькенштейн, Вентцель, Кондратьев, Цензор, Чуковский, Я — стихи

мин М. Дневник 1905—1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000 С. 320). По всей вероятности, имеется в виду текст: «Два пастуха и нимфа в хижине (пастораль для маскарада)». Впервые — в сборнике Кузмина «Три пьесы» (СПб., 1907).

[22] Небольшой сборник стихов Сологуба (СПб., 1907).

[23] Вероятно, имеется в виду Аркадий Александрович (по другой версии — Алексеевич) Селиванов (1876—1929) — прозаик, журналист, критик. Предположение основывается на том, что в его единственной книге стихов («Город мертвых». СПб., 1907) один из текстов посвящен А. Ф. Мейснеру, который не просто присутствовал на этом сологубовском вечере, но и читал там собственные произведения.

[24] Одно из известнейших стихотворений Сологуба. Впервые: Перевал. 1907. № 6.

11 марта*

1. Ауслендер. 2. Бархан. 3. Корехин. 4. Кондратьев. 5. Кузмин. 6. Нувель. 7. Потемкин. 8. Тэффи. 9. Фалеев. 10. Чапыгин. <*бп*>

Читали:

Ауслендер — повесть. Кондратьев — рассказ. Чапыгин — сказку. Потемкин — стихи. Я — сказку.

18 марта*

1. Бархан. 2. Блок. 3. Вилькина Л. Н. <*бп*>. 4. Габрилович. 5. Гофман. 6. Ге. <*бп*>. 7. Кондратьев. 8. Кузмин. 9. Корехин. 10. Мейснер. 11. Моисеев. 12. Нувель. <*бп*>. 13. Потемкин. 14. Сюннерберг. 15. Сомов. <*бп*>. 16. Тэффи. 17. Чулков. 18. Чулкова.

Читали стихи:

Блок. Гофман. Кондратьев. Кузмин. Мейснер. Потемкин. Я.

25 марта

1. Андрусон Леон. И. 2. Ауслендер. 3. Андрусон Вл. И. 4. Бархан. <*прочерк*> 5. Блок. 6. Василевский. 7. Верховский. 8. Гржебин. <*прочерк*> 9. Габрилович. <*прочерк*> 10. Гольдштейн, г-жа. 11. Корехин. 12. Кондратьев. <*прочерк*> 13. Моисеев. <*прочерк*> 14. Найденов Серг. Александр. 13 л<иния Вас. О. <?>, <д.> 44. <адрес приписан карандашом>. 15. Потемкин. <*прочерк*> 16. Серафимович. <*прочерк*> 17. Сюннерберг К. А. <*прочерк*> 18. Сюннерберг В. М. <*прочерк*> 19. Тэффи. <*прочерк*> 20. Уманов-Каплуновский В. В. 21. Уманова-Каплуновская В. А. 22. Флексер. 23. Чулков. 24. <*прочерк*> Чулкова, жена. <*прочерк*> 25. Чулкова, сестра старшая.

Читали:

Стихи: Андрусон. Блок. Василевский. Верховский. Кондратьев. Потемкин. Я.

Проза: «Четыре беса» [25] — Я

1 апреля

1. Аничков. 2. Бархан. 3. Габрилович. 4. Гржебин. 5. Гофман. 6. Зайцев. 7. Зайцева жена. 8. Кондратьев. 9. Кузмин. 10. Мейснер. 11. Мейерхольд г-жа. 12. Моисеев. 13. Потемкин. 14. Ремизов А. М. 15. Ремизова С. П. 16. Серафимович А. 17. — — — Вен. (Попов). 18. Сюннерберг К. А. 19. Сюннерберг В. М. 20. Тэффи. 21. Фалеев. 22. Чулков Г. И. 23. Чулкова Н. Г. 24. Шишмарев.

Читали:

Аничков — рассказ. Кондратьев — стихи. Кузмин — комедия.

Мейснер, Потемкин, Тэффи — стихи.

Запись не использов<али>: Попов Вен. Сер. Габрилович. Гофман. Я.

---

[25] Повесть Г. Банга, переведенная Сологубом. Впервые: Северные Сборники издательства «Шиповник». Кн. 1. СПб., 1907.

15 апреля, последнее

1. Андрусон Л. И. 2. Ауслендер. 3. Бакст. 4. Блок. 5. Бархан. 6. Вентцель. 7. Волькенштейн. 8. Верховский. 9. Верховская, жена. 10. Верховская, сестра. 11. Габрилович. 12. Гнесин. 13. Дымов. 14. Иванов Вяч. Ив. 15. Корехин. 16. Крандиевская. 17. Кузмин. 18. Гольдштейн. 19. Моисеев. 20. Потемкин П. П. 21. Сюннерберг К. А. 22. Сюннерберг В. М. 23. Тэффи. 24. Уманов-Каплуновский. 25. Чуковский. 26. Чулков Г. И. 27. Чулкова Н. Г.

Читали:

Гнесин — реферат о музыке.

Андрусон, Блок, Потемкин, Иванов, Кузмин, Я — Стихи.

1907

23 сентября

1. Кондратьев. 2. Копельман Соломон Юльев. 3. Копельман [m-me]. 4. Копельман [m-lle], Елизавета Юльевна Шлесс. 5. Гржебин. 6. Чулков. 7. Леонид Андреев. 8. Оскар Норвежский. 9. Маныч. 10. Сюннерберг. 11. Корехин.

10 февраля 1908 <г.>

1. Чеботаревская А. Н. 2. Щеголева В. А. 3. Сюннерберг К. А. 4. Сюннерберг В. М. 5. Тэффи Н. А. 6. Габрилович Л. Е.

Читали: «Багряный пир зари» [26].

20 глава «Навьих чар».

На 20-е званы:

Умановы-Каплуновские. Шиповники. Савитри. Сюннерберг. Щеголева. Чулков. Вентцель. Тэффи. Габрилович. Чеботаревская.

29 февраля были

1. Налепинский. <так!> 2. Копельман С. Ю. 3. Шлесс Елизавета Юльевна. 4. Гржебин. 5. Чулков Г. И. 6. Чулкова Н. Г. 7. Верховский Ю. Н. 8. Верховская А. П. 9. Тэффи. 10. Габрилович. 11. Евреинов Н. Н. 12. Бар. Дризен. 13. Зинаида Ал. 14. Ея брат. 15. Кименталь.

Чтение: «День 67-й» [27].

11 марта, вторник

1. Уманов-Каплуновский В. В. 2. Уманова-Каплуновская В. А. 3. Кондратьев Ал. Ал. 4. Розен Ева Сем. 5. Тихомиров Дм Ксеноф. 6. Копельман С. Ю. 7. Копельман Вера Евг. 8. Шлесс Елиз. Ю. 9. Блок А. А.

---

[26] Цикл из шести стихотворений Сологуба. Впервые: Золотое руно. 1908. № 2.

[27] Рассказ Сологуба. Впервые: Золотое руно. 1908. № 7—9.

10. Чулков Г. И. 11. Верховский Ю. Н. 12. Бучинская Н. А. Тэффи. 13. Габрилович Л. Е. 14. Налепиньский Тадеуш Ал. 15. Чеботаревская Ан. Н. 16. Щеголева Вал. Андр. 17. Сюннерберг К. А. 18. Сюннерберг В. М. 19. Корехин В. И.

Чтение: «Ванька-Ключник и Жеан паж»[28], драма.

25 марта, вторник

1. Корехин. 2. Потемкин. 3. Тихомиров. 4. Налепиньский. 5. Сюннерберг. 6. Блок. 7. Гржебин. 8. [Чеботаревская Вера Евг.]. 9. Щеголева. 10. Писаржевская. 11. Венгерова. 12. Копельман Сол. Юл. 13. Копельман В. Евг. 14. Шлесс Елиз. Юл. 15. Файншмидт Герм. Юл. 16. Файншмидт Иос. Ил. 17. Тэффи. 18. Габрилович.

Чтение: «Ночные пляски»[29].

3 апреля, четверг

1. Чулков. 2. Жилкин Ив. Вас. 3. Жилкина Зин. Андр. 4. Сюннерберг К. А. 5. Сюннерберг В. М. 6. Верховский Ю. Н. 7. Верховская А<лександра> Павловна.

<Читали:> «Ночные пляски».

8 апреля, вторник

1. Щеголева. 2. Чеботаревская. 3. Корехин. 4. Сюннерберг. 5. Жилкин И. В. 6. Жилкина З. А. 7. Верховский Ю. Н. 8. Верховская А. П.

<Читали:> «Очарование печали» [30].

19 апреля, суббота

1. Чулков Г. И. 2. Чулкова Н. Г. 3. Блок А. А. 4. Волошин. 5. Сюннерберг К. А. 6. Сюннерберг В. М. 7. Щеголева. 8. Ремизов А. М. 9. Ремизова С. П. 10. Новицкий Г. П. 11. Копельман С. Ю. 12. Копельман В. Е. 13. Шлесс Е. Ю. 14. Гржебин З. И. 15. Л. Д.? 16. Жилкины И. В. 17. — — — З. А. 18. Верховский.

<Читали:> «Белая березка»[31].

Стихи: Блок. Волошин. Сюннерберг. Новицкий. Верховский. Сологуб.

2 мая, пятница

1. Корехин. 2. Чулков Г. И. 3. Чулкова Н. Г. 4. Блок. 5. Волошина. 6. Сюннерберг К. А. 7. Сюннерберг В. М. 8. Щеголева. 9. Чеботаревская. 10. Тамамшева Н. А. 11. Тамамшева С. А. 12. Вилькина.

---

[28] Впервые: Новые мысли. 1908. № 1.

[29] Пьеса Сологуба. Впервые: Русская мысль. 1908. № 12.

[30] «Сентиментальная новелла» Сологуба. Впервые: Речь. 1908. 13 апр. № 89.

[31] Рассказ Сологуба. Впервые: Русская мысль. 1909. № 1.

13. Венгерова З. А. 14. Гржебин. 15. Шлесс С. Ю. 16. Жилкин И. В. 17. Жилкина З. А. 18. Верховский Ю. Н. 19. Верховская А. П. 20. Тэффи. 21. Габрилович.

<Читал:> Римбо[32] <так!>. «Ванька Ключник». Кон<ец>.

[32] Установить точно, какие именно переводы из А. Рембо читал Сологуб, не представляется возможным. Библиографию опубликованных см.: *Багно В. Е.* Федор Сологуб — переводчик французских символистов // На рубеже XIX и XX веков: Сб. науч. трудов. Л., 1991. С. 174—192.

V
ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЗАПИСИ

1912. № 1
Ноябрь

1 ноября четверг
<не заполнено>

3 ноября суббота
Первая репетиция «Заложников»[1].

5 ноября понедельник
2-я генеральная репетиция «Заложников Жизни».

6 ноября вторник
«Заложники Жизни», Александринский театр, 1-е представление. Ложа № 3.

7 ноября среда
Вечер у Дризена. Я один.

8 ноября четверг
«Заложники Жизни», 2-е представление.

9 ноября пятница
«Заложники Жизни», 3-е представление. Васильева упала[2].

---

[1] «Заложники жизни» — пьеса Сологуба. Премьера — 6 ноября 1912 г., Александринский театр, режиссер В. Э. Мейерхольд, художник А. Я. Головин.

[2] Об этом эпизоде см. в газетной хронике:

> В. Э. Мейерхольд может быть доволен. Благодаря его изобретательности посетители Александринского театра увидели новый «трюк»: падение заслуженных артистов на сцене.
>
> Вчера, на представлении «Заложников жизни» было положено начало этому удивительному нововведению. Как известно, специально для «Заложников жизни» г. Мейерхольдом устроен особый помост, возвышающийся приблизительно на поларшина над сценой. До рампы от него около 11 аршин. От действующих лиц во время игры на этом возвышении требуется смотреть под ноги.
>
> Увы! Привыкшие к нормальной сцене артисты не постигли нового сценического требования, и вчера почтенная Н. С. Васильева поплатилась за это довольно жестоко. Во втором действии сологубовской пьесы, увлекшись ролью, она оступилась и.... упала с полуаршинного помоста навзничь к рампе. Публика ахнула. Послышался нервный шепот. Можно было ждать еще большего волнения, если бы артистка почти сразу не

11 ноября воскресенье

Днем я у Мер<ежковских>.

12 ноября понедельник

«Заложники Жизни» отменены по болезни Васильевой.

14 ноября среда

Генеральная репетиция «Всегдашние Шашни»[3].

15 ноября четверг

«Всегдашние Шашни», Кривое Зеркало, 1-е представление.

16 ноября пятница

«Заложники Жизни». Александринский. 4 представление. Мы были. Опоздали на

1-е действие. «Всегдашние Шашни», 2 представление.

17 ноября суббота

«Всегдашние Шашни», 3 представление.

18 ноября воскресенье

«Всегдашние Шашни», 4 представление.

19 ноября понедельник

«Всегдашние Шашни», 5 представление.

20 ноября вторник

Вечер у З. В. Ратьковой-Рожновой.

Читали:

Мережковский. «Смерть Александра I»[4].

овладела собой. Оправляя платье и прическу, она снова поднялась на пресловутое возвышение.

В антрактах было много толков об этом удивительном случае на образцовой сцене.

— Теперь не достает только одного, — возмущался кто-то, — чтобы артисты падали в оркестр

(Несчастный случай на «Заложниках жизни» // Петербургская газета. 1912. 10 нояб. № 310).

[3] Комедия Сологуба — переделка его же пьесы «Ванька-ключник и паж Жеан». Премьера состоялась 15 ноября 1912 г. в театре «Кривое зеркало», режиссер Н. Евреинов, художник М. П. Бобышов.

[4] Вероятно, подразумеваются заключительные главы романа Д. С. Мережковского «Александр I».

Я — «Маркиз Телятников»[5].

Тиме, Тхоржевская, Вертер <так!>, Судейкина, Мунт, Голубев — стихи Мережковского, Гиппиус и мои.

21 ноября среда

«Всегдашние Шашни». 6 представление.

Вечер у Дризена. Доклад Ашкинази.

22 ноября четверг

«Заложники Жизни». Александринский. 5 представление.

«Всегдашние Шашни», Кривое Зеркало. 7 представление.

Театр Незлобина. Премьера: «Женщина и паяц» Пьера Луиса.

23 ноября пятница

Кривое Зеркало. «Всегдашние Шашни». 8 раз.

У нас: Отрывок из оперы Сенилова.

Чтение стихов.

Исполнители: А. Г. Андреева, Андреев.

Аккомп<анемент>: Иованович <?>.

Были: Сениловы, Каратыгин.

Бенуа, Сомов,

Потемкины, Гиппиус, Сюннерберги.

Тиме, Юрьев, Лаврентьев, Мейерхольды.

Аничков, Щеголевы, Венгерова, Арабажин.

Дризен, Ашкинази, Иванов-Разумник.

Ауслендеры.

Рындина, Вертер, Тхоржевская.

Тамамшева Н. А.

24 ноября суббота

«Заложники Жизни». Александринский. 6 представление.

«Всегдашние Шашни». Кривое Зеркало. 9 представление.

Именины Е. И. Владыкиной (Меликовской). Обед.

25 ноября воскресенье

«Всегдашние Шашни». Кривое Зеркало. 10 представление.

4—6 <ч> Соколов-Гриф. Разговор о Рампе[6].

6 <ч> Разговор с Философовым.

7 <ч> — Разговор с Дорошевичем.

8—9 <ч> — Мария Гуревич.

---

[5] Очевидно, Сологуб читал фрагмент романа «Творимая легенда», где действует герой с таким именем.

[6] Вероятно, о журнале «Рампа» или «Рампа и жизнь».

26 ноября понедельник

«Всегдашние Шашни», Кривое Зеркало, 11 раз.

Заседание Правления общества всп<омоществования> н<уждающимся> учащимся Андреевского городского училища. 8 ч.

Заехал к Шишмареву 10—11 ½.

27 ноября вторник

«Заложники Жизни». 7 представление.

«Всегдашние Шашни», Кривое Зеркало. 12 раз.

29 ноября четверг

«Всегдашние Шашни», Кривое Зеркало, 13 раз.

30 ноября пятница

«Заложники Жизни». Александринский, 8 представление.

VI

1912. № 2

Декабрь

1 декабря суббота

«Всегдашние Шашни», Кривое Зеркало, 14 раз.

3 декабря понедельник

«Заложники Жизни», Александринский театр, 9-й раз.

4 декабря вторник

«Всегдашние Шашни», Кривое Зеркало, 15 раз.

5 декабря среда

Вечер у Дризена о «Заложниках Жизни».

Читали: стихи Антона Крайнего — Андреевский.

Аничков, Ан. Н. Чеботаревская,

А. М. Калмыкова,

анонимного автора (Гречанинова) — Дризен.

Говорили: Богаевский, Аничков, Вальтер, я, Ашкинази, Рындина, Тиме.

7 декабря пятница

«Заложники Жизни», Александринский театр. 10 раз.

Ан<астасия> Н<иколаевна> уехала в Москву 10 ч веч.

8 декабря суббота

«Всегдашние Шашни», Кривое Зеркало, 16 раз.

Юбилей Будищева[7].

9 декабря воскресенье

Был Игорь Северянин.

10 декабря понедельник

«Заложники Жизни», Александринский театр, 11 раз. 600 + 343 за 5, и 1109 за 6 = 2052.

«Всегдашние Шашни», Кривое Зеркало, 17 раз. 150 за 10 и 105 за 7 = 255.

12 декабря среда

У Щеголевых я и Алекс. Ник. Чеботаревская.

14 декабря пятница

Утром вернулась из Москвы Ан. Ник.

Вечером на премьере «Профессор Сторицын»[8], Александринский театр.

Потом у Альбера[9] со Щеголевыми.

15 декабря суббота

Театр Незлобина, премьера «Дамы из Торжка»[10].

Разговор с Беляевым.

16 декабря воскресенье

Вечером концерт Гофмана в Дворянском собрании.

17 декабря понедельник

Разговор с Философовым о пасквиле Горького[11].

---

[7] Празднование 25-летия литературной деятельности А. Н. Будищева должно было отмечаться в сентябре 1912 г., но было перенесено на три месяца, чтобы успеть отметить юбилей умирающего Д. Н. Мамина-Сибиряка (подробности коллизии см.: *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения / Изд. подгот. К. М. Азадовский. М., 2008. С. 587—588).

[8] Драма Л. Андреева.

[9] Петербургский ресторан (Невский пр-т, 18).

[10] Комедия Ю. Д. Беляева.

[11] Имеется в виду «Сказка» Горького (Русское слово. 1912. 16 дек.), в которой изображен поэт Смертяшкин и его жена — Нимфодора Заваляшкина; в этих образах Сологуб (вероятно, не без оснований) узнал пародию на себя и Чеботаревскую. См.: *Никитина М. А.* М. Горький и Ф. Сологуб (К истории отношений) // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 185—203; см. также:

18 декабря вторник
«Заложники Жизни», Александринский театр.
Разговоры с Румановым о пасквиле,
с Философовым и Мер<ежковским> об новом обществе.

19 декабря среда
У Дризена. Доклад Каратыгина.

20 декабря четверг
<Нет записи>

21 декабря пятница
«Заложники Жизни», Александринский театр. 13 раз.

28 декабря пятница
«Заложники Жизни», Александринский театр. 14 раз.
505 <?> р. за 4 спектакля = 2557.

VII

1913. № 1
Январь

2 января среда
«Заложники Жизни», Александринский театр, 15 раз.
«Всегдашние Шашни», Кривое Зеркало, 18 раз.

3 января четверг
<Нет записи>

4 января пятница
<Нет записи>

5 января суббота
Обедали у Тамашевых.

6 января воскресенье
Днем был у Мережковских.

7 января понедельник
Литейный театр. «Царица Таир» Тэффи и др.

Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская: Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 233—239.

8 января вторник
«Заложники Жизни» Александринский театр>, 16 раз.
Дункан в Малом театре. «Орфей» Глюка и другие танцы.

12 января суббота
«Заложники Жизни» Александринский театр, 17 раз.
За 3 спектакля 511 = 3068.

20 января воскресенье
«Заложники Жизни» Александринский театр, 18 раз.
Отменено по болезни Васильевой.

26 января суббота
«Заложники Жизни» Александринский театр, [19 р.] 18 раз. <sic!>

29 января вторник
«Заложники Жизни» Александринский театр, 19 раз.

VIII

1913. № 2
Февраль

4 февраля понедельник
«Заложники Жизни» Александринский театр, 20 раз.

9 февраля суббота
«Всегдашние Шашни», Кривое Зеркало, 19 раз.
30 р. = 285 р.

13 февраля среда
«Заложники Жизни» Александринский театр, 21 раз.

19 февраля вторник
«Принц Карнавал»[12], Литейный театр. 1 раз. Пьеса Анс. Ник.

20 февраля среда
«Принц Карнавал», Литейный театр. 2 раз.

21 февраля четверг
«Принц Карнавал», Литейный театр. 3 раз.

---

[12] Пьеса Чеботаревской (на сюжет Хенрика Понтоппидана) «Таинственный гость (Принц Карнавал)»; впервые: Библиотека «Театра и искусства» (1915. № 6. С. 36—46).

21 февраля пятница <описка, надо: 22>
«Принц Карнавал», Литейный театр. 4 раз.

IX

1915. Январь

6 вторник
Поехали в Мустамяки, Нейвола[13].
Фальковские.

7 среда
Нейвола. У Чирикова.
Первая встреча с М. К. Иорданскою.

8 четверг
У М. К. Иорданской вечером. Чириков и Е. А. Фальковская.
«Бесплодная смоковница».

9 пятница
На ночь домой.

10 суббота
Мариинский театр. Два брата Лермонтова.
Балкон 58, 57. Спектакль Литературного фонда.

12 понедельник
Вечером у Слезкиных.

14 среда
Разговор по душам по телефону с Философовым.

15 четверг
В квартире Пантелеева редакционная комиссия Альманаха[14]. Чепуха ужасная.
Разговор по душам с Любочкою.

16 пятница
Днем в редакции «Биржевых». О поездке в Галицию: Чубинский, Ясинский. Сапоги. Пасха в Окопах[15]. Потом у Гаккебуша, у Измайлова.
Вечер у Тамамшевых. Верховский, Соловьева, Воробьевы. Стихи.

---

[13] Нейвола — деревня недалеко от Мустамяк (Финляндия).
[14] Вероятно, имеется в виду «Невский альманах жертвам войны» (Пг., 1915).
[15] Речь идет о материале для пасхального номера газеты «Биржевые ведомости».

17 суббота

Собеседование об обществе изучения еврейской жизни[16].

Председ<атель> я. Были: Горький, Андреев, Познер, Кальмакович, Тривус, Воронцов, Бунин, Иванов-Разумник, Пришвин, проф. П. Виноградов, Зелинский, Ал. и Анс. Чеботаревские, Тихонов, Карташев, Лутугин, О. К. Нечаева, Калмыкова.

Не могли быть Милюков, Пантелеев, Пешехонов, Мякотин.

Говорили о воззвании. Долго.

Потом о беседах и лекциях.

Предложение Горького о книге воззваний.

18 воскресенье

В 3 ч. Горький, потом Андреев.

Окончательно установлено воззвание, и подписано тремя.

Потом Познер, Гржебин.

Издательское совещание. Проект книгоиздательства, товарищества на паях.

Разговор о статьях для книги.

Вечером Тиняков, Маныч с вином. Послали за Северяниным. За 200 р. отдал инсценировку «Тяжелых Снов»[17]. Написали в бумаге 350; остальные 150 р. Маныч обещал в рассрочку. Ушли в 4 ч. утра.

---

[16] Русское общество для изучения еврейской жизни, созданное в начале войны по инициативе Сологуба и Чеботаревской, совместно с Л. Андреевым и М. Горьким.

[17] По-видимому, речь идет о передаче авторской инсценировки по роману «Тяжелые сны» в киноателье для экранизации.

Аннотированный указатель имен

Условные сокращения

АС — Сологуб Ф. Алфавитный список знакомых, им самим составленный: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 83.

бп — без авторской пометы.

ЕРОПД — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома.

Неизданный Сологуб — Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997.

Отчет 1909 — Отчет о деятельности Правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся С.-Петербургского Андреевского 4-классного городского училища за 1909 год. СПб., 1910.

Павлова М. Писатель-инспектор — Павлова М. Писатель-инспектор. Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007.

Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой — Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой / Публ. Т. В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 224—271.

Список 1891 — Список должностным лицам гражданского, военного и других ведомств Олонецкой губернии. 1-го января 1891 г. Петрозаводск, 1891.

Тридцатилетие Учительского института — Тридцатилетие С.-Петербургского Учительского института 1872—1902 гг. СПб., 1903.

* * *

Allegro — *см. Соловьева П. С.*

Andreas Lou Salome — *см. Андреас С. Л.*

M-lle Лида — спутница А. И. *Орловой*.

* **Miss, M-lle** — Овербек Елизавета фон (Agnes Elisabeth Overbeck; 1870—1919) — немецкая пианистка и композитор, получившая образование в Англии (с чем связано частое титулование ее англичанкой) подруга Гиппиус, жившая в России в первой половине 1899 г. (когда и состоялось ее знакомство с Сологубом); ср. в письме Гиппиус к А. П. Философовой от 26 января 1899 г.: «Баронесса Овербек живет еще выше меня, она будет в отчаянии, если Ваш визит к ней отразится на здоровье, я передам ей Ваш привет, а если Вы когда-нибудь захотите ее видеть — она с величайшим удовольствием приедет к Вам сама» (РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 107. Л. 3—3 об.). История знакомства с Овербек изложена в интимном дневнике Гиппиус «Contes d'Amour» (*Гиппиус Зинаида*. Дневники: В 2 т. / Вступ. статья и сост. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. Т. 1. С. 64—67). Об отношениях Гиппиус и Овербек см. в примеч.: *Гиппиус Зинаида*. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч.

А. В. Лаврова. СПб., 1999. С. 464—466; в публ.: Письма Зинаиды Гиппиус к В. Д. Комаровой / Предисл., публ. и коммент. Н. А. Богомолова // In memoriam: Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж: Феникс-Atheneum, 2000. С. 191—230. Согласно новым сведениям, полное имя героини романа — Агнесс Элизабет Овербек (10 октября 1870, Дюссельдорф — 12 ноября 1919, Штутгарт; псевд.: Элла Овербек, барон Евгений Борисович Львов-Онегин), она была потомком любекского бургомистра, внучатой племянницей известного художника Фридриха Овербека и племянницей археолога Йоганнеса Адольфа Овербека. После развода (или разъезда) родителей мать увезла ее и сестер в Лондон, где Овербек окончила Royal College of Music и получила диплом дирижера, композитора, пианиста, органиста. Была знакома с Г. Крэгом и написала музыку к одному из его спектаклей. После прекращения отношений с Гиппиус в конце 1902 г. или самом начале 1903-го она вернулась из России под именем Львова-Онегина, выдавая себя за внучатую племянницу автора гимна «Боже, царя храни!» композитора А. Ф. Львова. До своей смерти жила в Штутгарте вместе с известной оперной певицей Зигрид Онегин (1889—1943). См.: URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Agnes_Elisabeth_Overbeck; дата обращения — 11 ноября 2012).

* **Абрамов —** неустановленное лицо.

Агапов Михаил Михайлович (1848—1911?) — чиновник Государственного контроля; позже — Министерства путей сообщения; его сестры — Агапова Галина Михайловна (в замужестве Витберг) и Агапова Антонина Михайловна (в замужестве Бороздина). **Агапова** Мария Евгеньевна (1855 — ?) — урожденная Баумгартен, жена М. М. Агапова, художница. О роли семейства Агаповых в биографии Сологуба см.: *Мисникевич Т. В.* «...Я имел достаточно “натуры” вокруг себя» (Новые материалы к ранней биографии Ф. Сологуба) // Лица. Биографический альманах. Т. 8. СПб., 2002. С. 499—515). В архиве Сологуба сохранились 10 писем семейства Агаповых к нему: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 906.

Азиат — неустановленное лицо. В письме к Сологубу от 11 ноября 1898 г. *Кирик Левин* сообщал: «Азиата из Колпина зовут и величают так: Христофор Петрович Разумовский» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 398. Л. 2 об.). Согласно данным адресных книг, Х. П. Разумовский был инженером.

Айзуб Николай — ученик III класса Рождественского городского училища (*АС*. Л. 1).

Александров Василий — выпускник Великолукского училища.

Аличаев — неустановленное лицо.

Альпов Василий Васильевич — преподаватель Рождественского городского училища.

Андреас Саломе Лу (Andreas Salome Lou; вар.: Лу Саломе; 1861—1937) — писательница, врач, философ.

Андреев Леонид Николаевич (1871—1919) — писатель. В архиве Сологуба сохранились 6 писем и 3 телеграммы Андреева: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 20.

* **Андреев** Николай Васильевич (1882—1919) — певец и режиссер; муж певицы *Жеребцовой-Андреевой*.

Андреева А. Г. — *см. Жеребцова-Андреева А. Г.*

Андреевский Сергей Аркадьевич (1847—1918) — юрист, писатель.

Андрусон Владимир Иванович (1872—1928) — врач-лепролог, директор лепрозория Санкт-Петербургской губернии, брат *Л. И. Андрусона*, в соавторстве с ним переведший «Саломею» О. Уайльда для книгоиздательства «Гриф» (М., 1903).

Андрусон Леонид Иванович (1875—1930) — поэт.

Аничков Евгений Васильевич (1866—1937) — публицист, историк литературы. В архиве Сологуба сохранились 2 его письма к нему: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 27; 6 писем к Ан. Чеботаревской: Там же. Оп. 5. Ед. хр. 17; и 2 письма ее к нему: Там же. Ед. хр. 2.

Арабажин Константин Иванович (1866—1929) — критик, журналист, литературовед. В архиве Сологуба сохранилось его письмо: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 32.

Арцыбушев Юрий Константинович (1877—1952) — художник. В архиве Сологуба сохранились 4 его письма к нему: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 35.

Астапович Станислав Викторович — преподаватель Рождественского городского училища.

Ауслендер Сергей Абрамович (1866—1937) — писатель. **Зборовская** (Зноско-Боровская; Ауслендер) Надежда Александровна (?—1952) — актриса, его первая жена. В архиве Сологуба сохранилось письмо Ауслендера: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 38.

* **Афанасьев** Леонид Николаевич (1864—1920) — поэт, сотрудник «Нового времени».

Афанасьев Степан Титович — инспектор Андреевского училища.

Ахутин Никифор Иванович (1857 — ?) — преподаватель русского языка и истории Вытегорской учительской семинарии (см.: *Список 1891*. С. 96); впоследствии — преподаватель Череповецкой учительской семинарии; с 1908 г. — в Санкт-Петербурге; фольклорист (см. серию публикаций под общим заглавием «Современные народные песни» в «Новгородских губернских ведомостях» за 1895—1896 годы; описание см.: Русский фольклор. Библиографический указатель. 1881—1900 / Сост. Т. Г. Иванова. Л., 1990. С. 130); автор нескольких книг по педагогике. См. также: *Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой* (ук.); *Неизданный Сологуб* (ук.); год рождения по: Новгородский архивный

вестник. Вып. 1. Новгород, 1999. С. 178. **Ахутина** Александра Михайловна — жена *Ахутина*. В архиве Сологуба сохранились 10 его писем к нему: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 41.

Ашкинази Зигфрид (Иосиф) Григорьевич (1880 — ?) — журналист, художественный критик. См. о нем: *Серков А. И.* Русское масонство 1731—2000. М., 2001. С. 74—75; Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова. Т. 1: А—Л. СПб., 2001. С. 94. В архиве Сологуба сохранились 2 его письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 42, одно письмо к Ан. Чеботаревской: Там же. Оп. 5. Ед. хр. 27.

Бакст (наст. фам. Розенберг) Лев Самойлович (1866—1924) — театральный художник, график, живописец.

Балаховская-Пети Софья Григорьевна (Balakhovsky-Petit; 1870—1966) — дочь киевского промышленника, писательница, юрист, доктор права Сорбонны; близкая приятельница З. А. Венгеровой и Н. М. Минского. См. о ней: Неопубликованные письма Зинаиды Николаевны Гиппиус к Софье Григорьевне Балаховской-Пети / Вступ. статья, публ. Р. Нежинской // Russian Literature. 1995. Т. 37. Р. 49—92; *Мережковский Д. С.* Письма к супругам Пети / Публ. Р. Нежинской // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 109—117; *Ливак Леонид*. Ранний период русской эмиграции. По материалам Софии и Эжена Пети // A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes / Ed. by Lazar Fleishman, Hugh McLean. Stanford, 2006. P. 416—451.

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) — поэт; его жена (по состоянию на 1898 г.) — **Бальмонт** Екатерина Алексеевна (урожд. Андреева; 1867—1950). В архиве Сологуба сохранились 4 их письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 48 и 49.

Баранцевич Казимир Станиславович (1851—1927) — писатель. В архиве Сологуба сохранилось его письмо 1909 г.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 51.

Бархан Пауль (Павел) Абрамович (наст. имя Хаим; 1876—1942) — немецкий журналист, переводчик и художественный критик. С 1900 г. жил в Петербурге, с 1908 г. — в Берлине, где выпустил книгу «Petersburger Nachte» (Berlin, 1910), описывающую, в частности, петербургскую литературную жизнь. О нем см.: *Азадовский К. М., Лавров А. В.* К истории издания «Аполлона»: неосуществленный «немецкий выпуск» // Россия. Запад. Восток: Встречные течения: К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. СПб., 1996. С. 215; *Тименчик Р.* Разметанные листы // Лехаим (Москва). 2006. № 6. С. 55—57; *Хазан В.* Два сюжета на тему «Русская литература Серебряного века и Запад» // L'âge d'argent dans la culture russe. Lyon: Universite Jean — Moulin. 2007. P. 184—191, 198—200; *Кратц Г.* «Тень Тургенева» над

столыпинской Россией: Павел Бархан и его немецкая книга «Петербургские ночи» // Тургеневские чтения. Вып. 4. М., 2009. С. 249—271. В архиве Сологуба сохранились 4 его письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 52.

Барятинский Владимир Владимирович, кн. (1874—1941) — драматург. В архиве Сологуба сохранилось его письмо: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 55.

Белый Андрей (наст. имя и фам. Борис Николаевич Бугаев; 1880—1934) — прозаик, поэт, критик. Письма его к Сологубу напечатаны: *Лавров А. В., Гречишкин С. С.* Символисты вблизи. Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 361—375. См.: *Белый Андрей*. Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подгот. А. В. Лавров. СПб.: Наука, 2015. С. 87—88 (сер. «Литературные памятники»).

Беляев Юрий Дмитриевич (1876—1917) — драматург, театральный критик, прозаик.

Бенуа Александр Николаевич (1870—1960) — художник. См.: *Бенуа А.* Мои воспоминания: В 5 кн.: В 2 т. М.: Наука, 1990. Т. 2. С. 48.

Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — философ. В архиве Сологуба сохранились 7 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 63.

Бердяева Лидия Юдифовна (урожд. Трушева, в первом браке Рапп; 1889—1945) — переводчица.

Билибин Иван Яковлевич (1876—1942) — художник.

Бладасов Павел — учащийся Рождественского городского училища (*АС*. Л. 5).

Блок Александр Александрович (1880—1921) — поэт. Его письма к Сологубу напечатаны: *Блок А. А.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 8: Письма. М.; Л., 1963 (ук.). Ответные: РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 409. См. также: Письма А. А. Блока к Анастасии Чеботаревской / Публ. Д. Е. Максимова // Ученые записки ЛГПИ. Факультет языка и литературы. Т. IV. Вып. 2. Л., 1940. С. 271—282.

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1921) — писатель.

Богаевский Борис Леонидович (1882—1942) — филолог, историк и археолог, работавший в сезоне 1912—1913 гг. консультантом у Мейерхольда и Головина (см.: *Волков Н. Д.* Мейерхольд. Т. 2. М.; Л., 1929. С. 269—271).

Бородин Иван Парфенович (1847—1930) — ботаник и физиолог.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт. Письма его к Сологубу напечатаны: *Брюсов В. Я.* Письма к Ф. Сологубу / Публ. В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского // *ЕРОПД на 1973*. Л., 1976. С. 104—125; письма Сологуба к Брюсову: *Соболев А. Л.* Летейская библиотека. Т. 2. М., 2013. С. 320—372.

Будищев Алексей Николаевич (1864—1916) — прозаик, поэт. **Будищева** Шарлотта (Любовь) Федоровна — его жена.

Бунин Иван Алексеевич (1870—1953) — прозаик, поэт, переводчик. Его письма к Сологубу напечатаны: *Бунин И. А.* Письма 1905—1919 годов. М. 2007. С. 172, 214, 217, 225. О Сологубе см.: *Бунин И. А.* Публицистика 1918—1953 годов / Под общей ред. О Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. С. 304—305; Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977—1982. Т. 1. 1977. С. 154.

* **Буткевич** Андрей Степанович (1865—1933) — врач, педагог, писатель.

Бучинская — *см. Тэффи Н. А.*

Быков Петр Васильевич (1844—1930) — поэт, историк литературы.

Вальтер Рейнгольд фон (Walter Reinhold von; 1882—1965) — филолог, переводчик и преподаватель немецкого языка. В архиве Сологуба сохранились 6 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 110.

Варгасова Дарья Ивановна, см.: *АС.* Л. 5. Упоминается в «Канве к биографии» Сологуба, см.: *Неизданный Сологуб.* С. 256.

Василевский Лев Маркович (наст. имя Янкель-Лейба-Мордкович; 1876—1936) — поэт, журналист, беллетрист, литературный и театральный критик.

* **Васильев** Василий Васильевич — преподаватель Вознесенского городского училища.

Васильева Надежда Сергеевна (1852—1920) — актриса Александринского театра.

Васнецов Аполлинарий Михайлович (1856—1933) — живописец и график.

Введенский Александр Иванович (1856—1925) — философ и психолог.

Введенский Александр Иванович — врач Вытегорской учительской семинарии (*Список 1891.* С. 96).

* **Введенский** Сергей Михайлович (1874—1918) — преподаватель гимназии и реального училища К. Мая.

Вейнберг Петр Исаевич (1831—1908) — поэт.

Вембер Петр Васильевич — соученик Сологуба по Учительскому институту, впоследствии инспектор народных училищ г. Либава. См.: *Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой* (ук.); *Попов И. И.* Минувшее и пережитое. Ч. 1. Л., 1924. С. 51, 67.

Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — историк литературы, библиограф. В архиве Сологуба сохранились 6 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 125.

Венгерова Зинаида Афанасьевна (1868—1941) — критик, историк литературы, переводчица. В архиве Сологуба сохранились 5 ее писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 124.

Вентцель Николай Николаевич (1855—1920) — поэт.

Веретенников Николай Алексеевич — вытегорский купец, мировой судья, почетный смотритель двуклассного городского училища, член училищного совета. См.: Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год. Петрозаводск, 1902. С. 70, 76, 94, 109.

Веригина Валентина Петровна (1882—1974) — актриса. В архиве Сологуба сохранились 2 ее письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 128.

Вернер — вероятно, неточно, имеется в виду: **Вехтер** Ольга Николаевна (наст. фам. Вехтерштейн; 1881 — ?) — актриса. В осенне-зимний сезон 1911/12 г. в Тенишевском театре действовала антреприза О. Н. Вехтер (она дала ему имя «Комедия и драма»); здесь была поставлена пьеса Сологуба «Мечта-победительница» с участием О. А. Глебовой-Судейкиной, в декорациях Н. К. Калмакова, см.: *Петровская И., Сомина В.* Театральный Петербург. Начало XVIII века — октябрь 1917 года. Обозрение-путеводитель / Под общ. ред. И. Ф. Петровской. СПб., 1994, С. 329—330.

Верховская Александра Павловна — жена Ю. Н. Верховского.

Верховская (в замуж. Каратыгина) Ольга Никандровна — сестра Ю. Н. Верховского, жена В. Г. Каратыгина. О ней см.: Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь. Т. 4. Кн. 2. СПб., 1995. С. 229.

Верховский Юрий Никандрович (1878—1956) — поэт, историк литературы. Его письма к Сологубу опубликованы: Письма Ю. Н. Верховского к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. Т. В. Мисникевич // Русская литература. 2003. № 2. С. 121—140.

Вещезеров Вячеслав Иванович — помощник бухгалтера вытегорского уездного казначейства (см.: *Список 1891*. С. 89; *АС*. Л. 11).

Виленкин — *см. Минский Н. М.*

Вилькина Людмила Николаевна (в замуж. Виленкина; 1873—1920) — писательница. Юрьева (точнее — Л. Юрьева) — ее ранний и редко употреблявшийся псевдоним (см., например: *Юрьева Л.* Под низким небом // Север. 1898. № 3—4). В архиве Сологуба сохранились 2 ее письма к нему: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 132, 5 писем к Ан. Чеботаревской: Там же. Оп. 5. Ед. хр. 63.

Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925) — историк западноевропейского Средневековья.

Вирениус Александр Самойлович (1832—1910) — врач-гигиенист, один из основоположников школьной гигиены; был преподавателем Сологуба (см.: *Попов И. И.* Минувшее и пережитое. Ч. 1. Л., 1924. С. 56, 61).

Вишневский — *см. Черниговец Ф. В.*

* **Вишняков** Николай Петрович (1841—1911) — протоиерей.

Владыкина Екатерина Ивановна — участница Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге (см.: *Ермичев А. А.* Рели-

гиозно-философское общество в Петербурге (1907— 917). Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 301).

Волохова Наталья Николаевна (1878—1966) — актриса.

Волошин (Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877—1932) — поэт, критик, художник. Его письма к Сологубу вошли в новейшее издание переписки: *Волошин М.* Собр. соч. Т. 8—12. М., 2009—2013. Ответные: М. А. Волошин и Ф. Сологуб / Публ. В. П. Купченко // *ЕРОПД на 1974*. С. 151—164.

Волошина — *см. Сабашникова М. В.*

Волынский Аким Львович (наст. имя и фам. Хаим Лейбович Флексер; 1861—1926) — литературный критик. Письма Сологуба к нему напечатаны: *Сологуб Ф.* Письма к Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынскому / Публ. И. Г. Ямпольского // *ЕРОПД на 1972*. С. 112—130. См.: *Старый Энтузиаст* [*А. Л. Волынский*]. Ф. Сологуб // Жизнь искусства. 1923. № 39. С. 9; перепеч.: *Сологуб Федор*. Творимая легенда. Кн. 2. С. 219—225.

* **Волькенштейн** Владимир Михайлович (1883—1974) — драматург.

Вольтке София Самуиловна (1864 — после 1932) — врач, участница революционного движения.

Воробьева (Владимирова) Прасковья Семеновна — дочь ветеринара, учительница из Майкопа, организатор первой публичной библиотеки на Кубани, сотрудница тифлисских и екатеринодарских газет, близко стоявшая к изданию газеты «Кубанский курьер», критик, корреспондентка Блока (обширную цитату из ее письма к нему см.: Блок и литераторы / Публ. и коммент. Р. Д. Тименчика // Литературное наследство. 1987. Т. 92, кн. 4. С. 551); круг ее общения отчасти реконструируется по краткой аннотации ее переписки (*Добровольский Л. М., Малова М. И.* Обзор историко-литературных материалов... // Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома. Т. 5. М.; Л. 1955. С. 135). Ср. рекомендацию И. Рукавишникова: «Сейчас вспомнил, что у Вас есть соседи, хорошие люди, Владимир Егорович и Прасковья Семеновна Воробьевы, с которыми Вы, м. б., даже знакомы; могли встретиться у Тамамшевых. А если не знакомы, пойдите и познакомьтесь» (письмо к А. И. Тинякову от 8 сентября 1917 г. // РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 35. Л. 46). Ее статья о Сологубе была перепечатана в сб. «О Ф. Сологубе» (СПб., 1911. С. 306—318). Подробнее о ней см.: *Бардадым В.* Литературный мир Кубани. Краснодар, 1999. С. 161—165. Сохранились 3 письма (1913—1922) Сологуба к ней: ИМЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 9, а также 17 ее писем (1910—1912) к Сологубу: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 150; и 14 писем к Ан. Чеботаревской: Там же. Оп. 5. Ед. хр. 69. **Воробьев** Владимир Егорович — ее муж.

* **Воронов** Иван Константинович — член-учредитель Общества вспомоществования нуждающимся бывшим и настоящим ученикам

Воздвиженского училища. См.: Исторический очерк развития и деятельности Общества вспомоществования нуждающимся бывшим и настоящим ученикам СПБ Воздвиженского четырехклассного городского училища за первое десятилетие его существования. СПб., 1911 (оборот передней обложки).

Воронцов Василий Павлович (псевд. В. В.; 1847—1918) — публицист, экономист-народник.

Высоцкий — неустановленное лицо.

* **Габанов** Василий Степанович — школьный преподаватель из Царского Села.

Габрилович Леонид Евгеньевич (псевд. Л. Галич; 1878—1953) — критик, физик, философ.

Гайдебуров Павел Александрович (1841—1893) — писатель, редактор журнала «Неделя».

Гаккебуш Михаил Михайлович (1874—1929) — журналист, редактор «Биржевых ведомостей» и журнала «Огонек». В архиве Сологуба сохранились 11 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 162.

Галанин Дмитрий Дмитриевич — преподаватель Никольского уездного училища (*АС*. Л. 12 об.); возможно: ***Галанин** Павел Васильевич — преподаватель Свято-Троицкого училища.

Ге Григорий Григорьевич (1867—1942) — племянник Н. Н. Ге, драматург, актер.

Гимназист — неустановленное лицо.

Гиппиус Владимир Васильевич (1876—1941) — поэт, учитель. В архиве Сологуба сохранились 12 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 185. Его брат — **Гиппиус** Александр Васильевич (1878—1942) — поэт, юрист.

Гиппиус Зинаида Николаевна (в замуж. Мережковская; 1869—1945) — писательница. Ее письма (1894—1922) к Сологубу: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 183; РГАЛИ. Ф. 482. Оп. 2. Ед. хр. 21; и четыре письма (1912—1919) к Чеботаревской: ИРЛИ. Оп. 5. Ед. хр. 81. См.: *Гиппиус З.* Отрывочное. О Сологубе / Гиппиус З. Стихотворения. Живые лица. М.: Художественная литература, 1991. С. 361—371. Впервые: *Гиппиус З.* Отрывочное. О Сологубе // Последние новости (Париж). 1924. 14 апр.; отд. изд. впервые: Живые лица. [Вып. 2.] Прага: Пламя, 1925. С. 95—113.

Гиппиус Наталья Николаевна (1880—1963) — художница, сестра З. Н. и Т. Н. Гиппиус.

Гиппиус Татьяна Николаевна (1877—1957) — художница, сестра З. Н. и Н. Н. Гиппиус.

Глебова-Судейкина Ольга Афанасьевна (1885—1945) — актриса. Часть ее переписки с Сологубом опубликована, см.: Два письма О. А. Глебовой-Судейкиной к Ф. К. Сологубу / Публ. и примеч. Ирины Кравцовой // Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 220—224.

См. также: *Мок-Бикер Э.* «Коломбина десятых годов...» Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Париж; СПб., 1993. С. 80—85. В архиве сохранились также 15 ее писем (1910—1921) к Чеботаревской: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 272.

Глупый студент — неустановленное лицо.

Гнедич Петр Петрович (1855—1925) — прозаик, драматург, критик.

Гнесин Михаил Фабианович (1883—1957) — композитор и педагог, автор романсов на стихи Сологуба «Недотыкомка» (М.: изд. П. Юргенсона, 1909) и «Он шел путем зеленым...» (М.: изд. П. Юргенсона, 1914). См. публикацию П. В. Дмитриева (с. 000. наст. изд.).

Годин Яков Владимирович (Вульфович) (1887—1954) — поэт. См. о его отношениях с Сологубом: *Азадовский К.* Эпизоды // Новое литературное обозрение. № 10. 1994. С. 116—121. В архиве Сологуба сохранились 3 его письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 188.

Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913) — поэт.

Голубев Андрей Андреевич (1881—1961) — драматический артист, муж актрисы *Е. М. Мунт*. В архиве Сологуба сохранились 3 его письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 189.

Голубев Федот Михайлович — учитель пения Рождественского и Воздвиженского училищ, автор книг «Цель занятий пением в городских 4 кл. училищах и средства к ее достижению» (СПб., 1909) и «Светлой памяти в Бозе почившего Августейшего Покровителя Павловского высшего начального училища — Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича» (Пг., 1916).

* **Гольдштейн** Моисей Леонтьевич (1868—1932) — журналист, публицист, юрист, общественный деятель. **Гольдштейн** Софья Наумовна (?—1932) — его жена.

* **Горев** Федор Петрович (наст. фам. Васильев; 1850—1910) — актер.

Гориневская — неустановленное лицо, возможно, *И. А. Гриневская*.

Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт. В архиве Сологуба сохранились 12 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 198.

Горький Максим (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков; 1868—1936) — писатель. Фрагменты его переписки с Сологубом воспроизведены в: *Никитина М. А.* М. Горький и Ф. Сологуб (К истории отношений) // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. Вып. 1. М., 1989. С. 185—203.

Гофман Модест Людвигович (1887—1959) — поэт, филолог, пушкинист. В архиве Сологуба сохранилось его письмо: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 200.

Гофштеттер Ипполит Андреевич (1860—1951) — общественный деятель, публицист, писатель, поэт; сотрудник «Нового времени»; приятель Розанова (ср. его характеристику: «Ипполитушка Гофште-

тер (sic!) отвратительный и страшный гипнотизер» (В. В. Розанов о ближних и дальних / Публ. А. В. Ломоносова // Литературоведческий журнал. 2000. № 13/14, ч. 1. С. 99). Его заметки о декадентстве привлекли внимание Блока: «Кто такой Гофштеттер — автор статьи о декадентстве в августе “Вестника иностранной литературы” за 1902 год?» (*Блок А.* Записные книжки. М., 1965. С. 35). В библиотеке Сологуба хранилась его книга «Генрих Сенкевич как психолог современности» (СПб., 1896).

Гречанинов Александр Тихонович (1864—1956) — композитор, дирижер и пианист. В архиве Сологуба сохранились 2 его письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 204.

Гржебин Зиновий Исаевич (1869—1929) — художник и издатель. В архиве Сологуба сохранились 20 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 205.

Грибовский Вячеслав Михайлович (1867—1924) — писатель, юрист.

Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899) — писатель.

Григорьев Алексей Петрович — однокурсник Сологуба по Учительскому институту и сослуживец по Крестецкому народному училищу; прототип Молина из «Тяжелых снов». О «деле Григорьева» см.: *Павлова М. Писатель-инспектор*. С. 72—29. Там же — о его визите к Сологубу 21 июля 1893 г.

Гриневская Изабелла Аркадьевна (урожд. Фрейдберг; 1864; по др. сведениям — середина 1850-х гг. — 1942 или 1943) — поэтесса, переводчица.

Грюнталь (Мурашкинцева-Грюнталь) Эмма Федоровна — преподавательница Покровской женской гимназии; позже — учредительница и начальница женского коммерческого училища; член Неофилологического общества при Санкт-Петербургском университете (см.: Записки Неофилологического общества при Императорском С.-Петербургском университете. Вып. VII. СПб., 1914. С. 82).

Гудович Василий Васильевич (1866—1945) — граф, общественный деятель.

Гуревич Любовь Яковлевна (1866—1940) — писательница, переводчица; издательница журнала «Северный вестник». **Гуревич** Любовь Ивановна (урожд. Ильина) — ее мать. **Гуревич** Яков Яковлевич (1869—1942) — ее брат; прозаик и педагог. Письма Сологуба к Л. Я. Гуревич напечатаны: *Сологуб Ф.* Письма к Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынскому / Публ. И. Г. Ямпольского // *ЕРОПД на 1972*. С. 112—130; *Rabinowitz Stanley J.* From the Early History of Russian Symbolism: Unpublished Materials on Fedor Sologub, Akim Volynsky, and Lyubov’ Gurevich // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1994. Vol. XXVII. P. 121—146. См. также: *Гуревич Л.* История «Северного Вестника» // Русская литература XX века (1890—1910) / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. С. 238—264.

* **Гуревич** Мария — родственница Л. Я. Гуревич, проживавшая большую часть времени в Лондоне (ср. в письме А. А. Смирнова к Л. Вилькиной от 16 июля (н. ст.) 1906 г.: «<...> познакомился с неск<олькими> интересными людьми, между прочим, с Марией Гуревич. Она меня не потрясла, не влюбила в себя, но очень, очень понравилась. Она прелестный человек. Была страшно добра (за что??) ко мне, и я почти растрогался, когда прощался. Очень милая...» (Письма А. А. Смирнова к Л. Н. Вилькиной / Публ. и коммент. Дж. Мальмстада // *ЕРОПД на 2011*. С. 337); ср.: «Из знакомых здесь <...> Мария Гуревич — она уже ассистент у Кельгренов. Она очень занята, и мы редко видаемся» (письмо З. А. Венгеровой к С. Г. Балаховской-Пети от 6 апреля (н. ст.) 1906 г. / Publ., comment., et notes de R. Neginsky // Revue des études slaves. 1995. T. 67, fasc. 4. P. 704).

Гюнтер Иоганнес Фердинанд фон (1886—1973) — немецкий поэт и переводчик. В архиве Сологуба сохранились 5 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 222. Сологуб многократно упоминается в его мемуарах: *Гюнтер И. фон.* Жизнь на восточном ветру. Между Петербургом и Мюнхеном. М., 2010.

Даукша — неустановленное лицо. Упоминается в списке знакомых Сологуба (*АС*. Л. 16).

Дворянский Петр Иванович — преподаватель естествоведения Вытегорской учительской семинарии (см.: *Список 1891*. С. 96); председатель педагогического совета женской прогимназии, казначей городского благотворительного общества, впоследствии инспектор народных училищ Новгородской губернии (*Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой*. С. 233, 234, 244).

Детерс Эрна Владимировна (1876—1961) — живописец, график. В 1890-е гг. училась у И. Е. Репина в школе княгини М. К. Тенишевой. Автор обложки для книги Сологуба «Родине». Член ревизионной комиссии Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Андреевского училища (см.: Отчет о деятельности Правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся С.-Петербургского Андреевского 4-классного городского училища за 1909 год. СПб., 1910. С. 3). Участница выставки «Импрессионисты» (ср. отзыв Н. Брешко-Брешковского: «Приятные здоровые нотки слышатся в пейзажах г-жи Детерс. И рисованы они добропорядочно, и есть правда в тонах» // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1910. 26 марта. № 11632. С. 5). После 1917 г. жила в Финляндии. С 1930 г. была членом Общества русских художников в Финляндии, участвовала в его ежегодных выставках.

Дилакторский Леонид Николаевич — преподаватель Городского училища при Санкт-Петербургском учительском институте, член Общества взаимного вспомоществования бывших воспитанников Учительского института; впоследствии работал в Тотьме, был членом Вологодского общества изучения Северного края.

Директор — *см. Маккавеев М. Е.*

Добролюбов Александр Михайлович (1876—1945?) — поэт. Его сестра — **Добролюбова** Мария Михайловна (1880—1906) — учительница, член партии эсеров.

Добужинский Мстислав Валерианович (1875—1957) — художник. См. его очерк «Сологуб» в кн.: *Добужинский М. В.* Воспоминания / Изд. подгот. Г. И. Чугунов. М.: Наука, 1987. С. 275—276.

Дорошевич Влас Михайлович (1865—1922) — журналист, публицист, прозаик.

Дризен (Остен-Дризен) Николай Васильевич фон (1868—1935) — театральный деятель. В архиве Сологуба сохранились 8 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 242.

Дроздов Иван Кузьмич — в 1875—1880 гг. — учитель гимназии в Устюжне (см.: *Кузнецова В. И.* История Устюженской женской гимназии (1875—1918 гг.) // Устюжна. Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда, 2002. С. 218); в 1890-х гг. — преподаватель математики Вытегорской учительской семинарии (см.: *Список 1891*. С. 96); впоследствии — заведующий винным складом г. Вытегры (см.: *Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой*. С. 235—236); член совета губернского благотворительного общества, агент страхового общества «Россия» (см.: Памятная книжка Олонецкой губернии на 1904 год. Петрозаводск, 1904. С. 170, 173); служащий страхового отдела Олонецкой губернской земской управы, член Вытегорского отделения Православного карельского братства (см.: Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 год. Петрозаводск, 1910. С. 26, 108, 113). **Дроздова** Оттилия Робертовна — его жена.

Дурново Александр Владимирович (1841—1915) — помощник начальника Вытегорского округа путей сообщения; впоследствии — член комитета управления внутренними водными путями и шоссейными дорогами; мемуарист (*Дурново А. В.* Из воспоминаний о пятидесятилетнем юбилее Института корпуса инженеров путей сообщения. СПб.: тип. Ю. Н. Эрлих, 1910) и библиограф. Состоял в переписке с Сологубом в 1890-е гг. (письма Дурново: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 247); в обширном архиве Дурново (РГИА. Ф. 933) эпистолярия практически отсутствует.

Душечкин Яков Иванович (1864—1920) — педагог, автор педагогических трудов и хрестоматий, редактор журнала «Учительское дело»; соученик Сологуба по Учительскому институту (см.: *Попов И. И.* Минувшее и пережитое. Ч. 1. Л., 1924. С. 51, 67, 89); после окончания института служил учителем и инспектором городских училищ Вытегры, Новгорода и Петербурга. См. его портрет, оставленный современником: «В противоречие со своей фамилией, звучащей так женственно и нежно, Як. Ив. был мужчиной высокого роста, — косая сажень в плечах, с окладистой, русой бородой, — этакий огромный

неуклюжий медведь, с умными хитрыми глазами, с широким, добрым российским лицом.

Кончил он Учительский Институт и сделался педагогом по призванию, одним из известнейших русских педагогов, — специалистом по начальному образованию» (*Каменский С.* Век минувший (воспоминания). Париж, 1967. С. 58). См. также: Краткий очерк биографии: Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова. Т. 1: А—Л. СПб., 2001. С. 377—378 (к приведенным фактам следует добавить, что он находился под тайным надзором полиции, см.: ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 1187). В библиотеке Сологуба сохранилась книга с его инскриптом 1909 г. (*Неизданный Сологуб*. С. 492); в архиве — его визитная карточка (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 248).

Дымов Осип (наст. имя и фам. Иосиф Исидорович Перельман; 1878—1959) — прозаик, драматург. Переписка его с Сологубом опубликована: *Дымов О.* Вспомнилось, захотелось рассказать... Из мемуарного и эпистолярного наследия. Т. 2: В творческом и дружеском кругу Дымова / Сост. и коммент. В. Хазана. Иерусалим, 2011. С. 358—365.

Дягилев Сергей Павлович (1872—1929) — театральный и художественный деятель.

Евреинов Николай Николаевич (1879—1953) — критик, драматург, режиссер. В архиве Сологуба сохранились 12 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 254.

Евсейчук — неустановленное лицо.

Ельцов Александр Афанасьевич — священник, законоучитель Андреевского училища, настоятель (с 1898 по 1918 г.) храма при Демидовских учебно-воспитательных заведениях (см.: Святыни Санкт-Петербурга: энциклопедия христианских храмов. СПб., 2010. С. 208; *Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В.* Православные храмы Санкт-Петербурга. 1917—1945: справочник. СПб., 1999. С. 102).

Ельцов Алексей Федорович — почтово-телеграфный чиновник в Вытегре (*Список 1891*. С. 88).

Жеребцова (Жеребцова-Андреева; в первом браке Евреинова) Анна Григорьевна (1868—1944 или 1945) — камерная певица.

* **Жеребцова** Анна Михайловна (1885 — после 1939) — художница. Парижская знакомая и корреспондентка Л. В. Шапориной (см. ее письма Шапориной: *ЕРОПД на 2007—2008*. СПб., 2010. С. 332—357 (Публ. А. Г. Носовой)). Возможно, одно лицо с вкладчицей альманаха: Сборник русских поэтов и поэтесс. СПб.: тип. Н. Н. Клобукова, 1901.

Жилкин Иван Васильевич (1874—1958) — журналист. В архиве Сологуба сохранились 2 его письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 263.

Жилкина (Жилкина-Вершинина) Зинаида Андреевна (в первом браке Волпянская; 1875—1940-е) — прозаик, поэтесса.

Загребин Дмитрий Иванович — преподаватель Охтинского ремесленного училища; в 1900-х гг. был инспектором городского Охтинского 4-классного училища; см., кстати, его подпись под благодарственным адресом академику Платонову (Архив академика С. Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Каталог. Вып. 1. СПб., 1994. С. 279).

Загуляев Михаил Андреевич (1834—1900) — писатель.

Зайцев Борис Константинович (1881—1972) — писатель. Письма его Сологубу опубликованы: *Зайцев Б.* Собр. соч.: в 11 т. Т. 10: Письма. 1901—1922 гг. М., 2001 (ук.). **Зайцева** Вера Алексеевна (урожд. Орешникова; 1877/78 — 1965) — его жена.

Заякин Михаил Павлович — выпускник Учительского института (на три года младше Сологуба; см.: *Тридцатилетие Учительского института.* С. 61); заведующий Вытегорским городским училищем; член совета Общества пособия бедным учащимся (см.: Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год. Петрозаводск, 1902. С. 128). **Заякина** Анна Павловна — его сестра, преподавательница женской прогимназии в Вытегре; **Заякина** Мария Матвеевна — его жена.

Зелинский Фаддей Францевич (1859—1944) — филолог-классик. В архиве Сологуба сохранились 4 его письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 278.

Зинаида Ал. — неустановленное лицо.

Зиновьева-Аннибал Лидия Дмитриевна (1865—1907) — писательница. По поводу визита 26 марта 1906 г. она отзывалась в письме к М. М. Замятниной: «После 12 поехали к Сологубу. Какая-то удручительная и мрачно бесовская атмосфера. Читал сказку, т. е. рассказ с бесовскими штучками. Ловко, но скверно. И публика очень подозрительная: какие-то плохие поэты сатанинского пошиба. Дома к 4 утра!» (*Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 178).

Зорин — неустановленное лицо.

Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — писатель. Его жена — *Л. Д. Зиновьева-Аннибал.* Письма Иванова к Сологубу напечатаны: Вячеслав Иванов. Письма к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // *ЕРОПД на 1974.* С. 136—150.

Иванов Евгений Павлович (1879—1942) — писатель, конторщик в Правлении КВЖД, ближайший друг А. А. Блока.

Иванов Иван Иванович — математик (*АС.* Л. 20).

Иванов Михаил Михайлович — учащийся Сампсониевского городского училища (*АС.* Л. 20).

Иванов Петр Константинович (1886 — ?) — обучался в Рождественском городском училище, затем в Учительском институте, работал на железной дороге. Сохранилось его письмо Сологубу от 21 ноя-

бря 1909 г. с просьбой помочь ему получить постоянную литературную работу в какой-нибудь редакции (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 294).

Иванов-Разумник (псевд. Иванова Разумника Васильевича; 1878—1946) — критик, публицист, историк литературы. Его письма к Сологубу см. наст. изд., с. 000.

Иванова Вера Викторовна (1880 — после 1917) — драматическая актриса.

Иванова Лид. Дм. — *см. Зиновьева-Аннибал Л. Д.*

* **Ивановский** Владимир Николаевич (1867—1931) — философ, профессор Казанского университета; друг Вяч. Иванова.

Измайлов Александр Алексеевич (1873—1921) — литературный критик, прозаик, поэт. О его отношениях с Сологубом см.: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // *ЕРОПД на 1995*. СПб., 1999. С. 194—293.

* **Иованович** Милан-Брача (1904—1964) — сербский скрипач-вундеркинд.

Иорданская М. К. — *см. Куприна М. К.*

* **Исаев** Александр Алексеевич — член Петербургского педагогического общества взаимной помощи.

Исаков Петр Николаевич (1852—1917) — экономист, учредитель Литературного общества.

Калмыкова Александра Михайловна (1849—1926) — издательница, общественный деятель. В архиве Сологуба сохранились 3 ее письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 310.

Кальманович Самуил (Самэль) Еремеевич (1858—1930) — присяжный поверенный, адвокат.

Капустин Михаил Николаевич (1828—1899) — юрист, с 1899 г. — попечитель Санкт-Петербургского учебного округа.

Каратыгин Вячеслав Гаврилович (1875—1925) — композитор и музыкальный критик.

Карвовская М. Н. — *см. Корвовская М. Н.*

Каррик Валерий Васильевич (Вильям Вильямович) (1869—1942) — художник и писатель, член Общества взаимопомощи бывших воспитанников Санкт-Петербургского учительского института (*АС*. Л. 22).

Карташев Антон Владимирович (1875—1960) — историк церкви, публицист, профессор С.-Петербургской духовной академии (1900—1905), преподавал на высших женских Бестужевских курсах (1906—1917); в 1909—1917 гг. — председатель Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге.

Картожинский (псевд. Оскар Норвежский) Оскар Моисеевич (Ошер Мовшевич; 1882—1933) — писатель. Сохранился его инскрипт Сологубу (*Неизданный Сологуб*. С. 450).

Квашнин-Самарин Евдоким Николаевич (1879—1920) — моряк, историк флота, поэт, близкий друг А. М. Добролюбова.

Кикин Иван Иванович — учитель приготовительного класса (как и Сологуб) Вытегорской учительской семинарии (*Список 1891.* С. 96). См. отзыв В. П. Калицкой: «И. И. Кикин окончил Вытегорскую учительскую семинарию и несколько лет учительствовал. Но учительское жалованье было слишком мало для большой семьи; И<ван> И<ванович> перешел на службу в очистительный винный склад, где много лет был заведующим; служил он и в земской управе и в Округе путей сообщения... Прослужив больше сорока лет, он вышел, наконец, в отставку в прошлом году. Но и теперь — это живой человек, всем интересующийся и незлобивый. Так же ровна и доброжелательна к людям и Е. В. Кикина» (*Неизданный Сологуб*. С. 275). **Кикина** Екатерина Васильевна — его жена. В архиве Сологуба сохранились 9 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 326.

* **Кименталь** Виктор Викторович — юрист и педагог; две его книги с инскриптами хранились в библиотеке Сологуба. Был членом правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Андреевского училища (см.: *Отчет 1909.* С. 3).

Кирикова Анна — неустановленное лицо.

Ковшов Иван Дмитриевич (1871 — после 1922) — выпускник Педагогического института и естественного факультета Петербургского университета. Преподаватель биологии Рождественского городского училища, член Общества взаимного вспомоществования народных училищ. Позднее — заведующий 4-м реальным училищем; с 1918 по 1922 г. — директор трудовой школы № 19, созданной на базе Мариинского института (см. очерк его биографии: URL: http://sch163.narod.ru/history/dir.htm). См. о нем: *Липшиц С. Ю.* Русские ботаники. Т. 4: Кабанов—Кюз. М., 1952. С. 232.

Кожевников Петр Алексеевич (1871—1933) — прозаик, литературный критик. В библиотеке Сологуба хранились книги с его инскриптами (*Неизданный Сологуб*. С. 491, 495). Его письмо к Сологубу: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 337.

Козловский Борис — учащийся Рождественского училища (*АС.* Л. 23).

* **Козырев** Платон Тимофеевич — преподаватель пения Александровской, Коломенской и Царскосельской женских гимназий и Коммерческого училища.

Комарская — неустановленное лицо.

Комлев Иван Лаврентьевич — член Общества вспомоществования недостаточным ученикам 2-й прогимназии. Его жена — **Комлева** Мария Ивановна.

Кондратьев Александр Алексеевич (1876—1967) — прозаик и поэт. В архиве Сологуба сохранились 12 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 342. См. его воспоминания о Сологубе: *Кондратьев А.* Из

литературных воспоминаний. I. Первая встреча с Сологубом // За свободу (Варшава). 1927. 23 апр. № 92; Последние известия (Ревель). 1927. 6 янв. № 5; Из воспоминаний о Федоре Кузьмиче Сологубе // Меч (Варшава). 1934. № 10.

Коневской Иван (наст. имя и фам. Иван Иванович Ореус; 1877—1901) — поэт. В архиве Сологуба сохранились 3 его письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 509.

Коноплев Василий Степанович (1863—1919) — преподаватель городского 5-классного училища; позже — инспектор городского училища в Гатчине, Архангельской и Вологодской губерниях, Ярославле и Москве (см. биографическую справку, составленную правнуком: URL: http://www.proza.ru/2014/11/29/2163). Его жена — **Коноплева** Людмила Евгеньевна (урожд. Попова; 1868—1930).

Копельман Соломон Юльевич (1881—1944) — основатель и совладелец издательства «Шиповник». Его жена — **Копельман** Вера Евгеньевна (урожд. Беклемишева; 1881—1914) — писательница, переводчица. **Копельман** Елизавета Юльевна (в замуж. Шлесс) — его сестра, хозяйка книжного магазина (в 1911 г. Ф. Фидлер зафиксировал ее беседу с Сологубом: тот излагал ей свою систему игры в рулетку: *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов. Характеры и суждения / Изд. подгот. К. Азадовский. М., 2008. С. 562); член Религиозно-философского общества (см.: *Ермичев А. А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907—1917). Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 312). В архиве Сологуба сохранились 12 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 347.

Копытов Иван Александрович — учитель рисования, черчения и чистописания Вытегорской учительской семинарии (*Список 1891.* С. 96). Возможно, одно лицо с вольнослушателем Академии художеств: «Копытов Иван Александрович. Сын учителя. Вольноприход. уч. Акад. Худож. с 1858 г. В 1860 г. — звание учит. рисования в уездных училищах» (*Кондаков С. Н.* Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской Академии Художеств. [Пг. 1914]. С. 97).

Корвовская (Карвовская) Мария Николаевна — волынская учительница (см.: Памятная книжка Волынской губернии на 1915 год... <Житомир>, 1915. С. 457); знакомая З. Венгеровой, регулярный персонаж дневника М. Кузмина (см.: *Кузмин М.* Дневник 1905—1907. СПб., 2000 (ук.)); приятельница О. К. Тетерниковой (см.: *Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой.* С. 224). Сохранился черновик (?) письма Сологуба к Карвовской: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 2. Ед. хр. 45; и ее письма к нему: Там же. Оп. 3. Ед. хр. 318.

* **Коренев** Александр Александрович — сотрудник 4-классного городского училища Императрицы Екатерины II или **Коренев** Александр Петрович — член Комиссии по народному образованию.

Корехин Василий Иванович (псевд. Корин, Горицвет) — петербургский писатель, сослуживец Сологуба, автор книги «Зарницы.

Стихи и песни» (Вып. 1—2. СПб., 1898—1901), эпизодический корреспондент А. Блока (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 287; аннотация: Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 2. Письма к Александру Блоку. М., 1979. С. 290—291); редкий посетитель «башни» Вяч. Иванова (см.: *Богомолов Н. А.* Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М., 2010. С. 41, 43). В архиве Сологуба сохранилось 41 его письмо и 5 стихотворений: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 352а, б.

Коринфский Аполлон Аполлонович (1868—1937) — поэт.

Корякин (Карякин) Иосиф Николаевич (1872 — после 1932) — поэт, житель Кубанской области. В автобиографии он вспоминал о посещении Сологуба: «С рекомендательным письмом от друзей я поехал в Петербург. <...>. Побывал на субботах Федора Сологуба, где встретился с Блоком, С. Городецким, Кузьминым и другими. Там я прочел свое стихотворение “Уход в пустыню”, которое впоследствии было напечатано в альманахе “Корабли”» (*Соболев А. Л.* Журнал «Поэт» (1907—1908): роспись с выносками // Тихие песни. Историко-литературный сборник к 80-летию Л. М. Турчинского. М., 2014. С. 368—369).

Костин Александр Герасимович — учитель приготовительного класса Вытегорской учительской семинарии (*Список 1891.* С. 96). Постоянный шахматный партнер Сологуба в годы его учительства в Вытегре. В архиве Сологуба сохранились 10 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 917. **Костин** Алексей Герасимович — его брат (*АС.* Л. 25 об.). **Костин** Вл. — вероятно, родственник.

Косьмин — неустановленное лицо.

Кот — Котов Ефим Григорьевич (*АС.* Л. 24).

Крандиевская Анастасия Романовна (урожд. Тархова; 1865—1938) — писательница.

Краснов Платон Николаевич (1866—1924) — переводчик, критик, публицист.

Крылов Виктор Александрович (псевд. Александров; 1838—1906) — драматург,журналист.

Ксентицкий Александр Онуфриевич — инспектор городского Вознесенского училища.

Кузмин Михаил Алексеевич (1872—1936) — поэт. В архиве Сологуба сохранилось его письмо от 4 сентября 1907 г., в котором он извиняется за инцидент, произошедший во время чтения, и просит разрешить ему посещать Сологуба (см.: *Кузмин М.* Стихотворения. Из переписки / Сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. М., 2006. С. 9). О посещениях «воскресений» Сологуба см.: *Кузмин М.* Дневник. 1905—1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2000 (ук.); *Кузмин М.* Дневник 1908—1915 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2005 (ук.).

Кузнецов Василий Васильевич (1882—1923) — скульптор.

Куликовский Федор Константинович — священник, викарный митрополит Римско-католической церкви.

Куприн Александр Иванович (1870—1938) — писатель. **Куприна** Мария Карловна (урожд. Давыдова, во втором браке Иорданская; 1881—1966) — его жена. В архиве Сологуба сохранились 2 его письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 377.

Курский — неустановленное лицо.

Кустодиев Борис Михайлович (1878—1927) — художник. В архиве Сологуба сохранилось его письмо 1913 г.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 384.

Лаврентьев Андрей Николаевич (1882—1935) — актер и режиссер.

Лаврентьев Леонид Иванович (1837—1914) — юрист, в 1881—1885 гг. — инспектор Московского учебного округа, впоследствии — помощник попечителя С.-Петербургского учебного округа. Биографию см. в его некрологе: Исторический вестник. 1914. Нояб. С. 701. См. также коммент. А. И. Червякова: *Анненский И. Ф.* Письма. Т. 1: 1879—1905. СПб., 2007. С.184—186.

Лазарев — неустановленное лицо.

Ландау Адольф Ефимович (1842—1902) — издатель и редактор журнала «Восход». В 1893—1896 гг. Сологуб эпизодически помещал свои стихи в этом журнале.

Лапшин-Соколов Александр Николаевич — преподаватель Рождественского училища, приюта малолетних сирот Петербургского Мещанского общества; в 1917 г. жил в Царском Селе, где заведовал училищем (см.: *Векслер А., Крашенинникова Т.* Московский проспект. Очерки истории. М.; СПб., 2014. С. 463). Его жена — **Лапшина-Соколова** Анна Ефимовна.

Латышев Василий Алексеевич (1850—1912) — педагог-математик, автор нескольких учебных пособий, редактор-издатель журнала «Русский начальный учитель» (1881—1911), общественный деятель. Преподавал в С.-Петербургском Учительском институте, где с ним и познакомился Сологуб. См. о нем: *Паликовский Н. А.* Из воспоминаний. Николай Федорович Бунаков и Василий Алексеевич Латышев // Голос Юга. 1904. 8 (21) янв. № 3. С. 2; *Манковский В. П.* Василий Алексеевич Латышев // Математика в школе. 1975. № 5. С. 81—83. **Латышева** Евгения Васильевна — его жена. В архиве Сологуба сохранились 54 его письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 392.

Лауберг Петр Андреевич — сотрудник городского Владимирского училища; позже был воспитателем балетной школы. См.: Прошлое балетного отделения Петербургского театрального училища ныне Ленинградского Государственного хореографического училища. Л., 1939. С. 213 (Материалы по истории русского балета. Т. 2).

Лебедев Владимир Петрович (1869—1939) — поэт, прозаик, переводчик.

Левин Кирик Никитович (1876—1922) — историк, публицист, участник революционного движения. В 1898 г. преподавал в Колпине, в сентябре перевелся в Тамбов. Сохранились 4 его письма (1898—1899) к Сологубу, из которых явствует, что они строили планы работать в соавторстве над произведением из школьной жизни (см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 398). 8 января 1899 г. Левин писал Сологубу: «Несмотря на мою глубокую веру в Ваш художественный талант, дорогой Федор Кузьмич, я теперь убежден, что из нашей совместной работы ровно ничего не выйдет: настолько у нас различные взгляды и убеждения. А потому я за лучшее считаю оставить навсегда мечту о произведении, которое мы задумали воплотить совместно; сделать это не поздно, так как Вы еще не начинали работу» (указ. ед. хр. Л. 7).

Леман Борис Алексеевич (псевд. Дикс; 1882—1945) — поэт, критик.

* **Лендер** Николай Николаевич (наст. фам. Рейхельт; 1864 — после 1923) — прозаик.

Линдеман Агнесса Эдуардовна — художница и вышивальщица; член ревизионной комиссии Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Андреевского училища (см.: *Отчет 1909*. С. 3); автор обложки для книги Сологуба «Змий» (СПб., 1907).

Линевич — судебный следователь (*АС*. Л. 26 об.); упоминается в вытегорских записях Сологуба (*Неизданный Сологуб*. С. 255).

* **Линьков** Николай Дмитриевич — преподаватель Городского казенного четырехклассного училища, инспектор торговых школ, учредитель бухгалтерских курсов.

Лихачев Владимир Сергеевич (1849—1910) — поэт, драматург, переводчик. **Лихачева** Надежда Михайловна — его жена. **Лихачева** Мария Владимировна — его дочь, учительница (см.: *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения / Изд. подгот. К. Азадовский. М., 2008. С. 479).

* **Лобойков** Николай Порфирьевич (1853 — ?) — врач, работавший, среди прочего, в Андреевском училище (см.: Российский медицинский список, изданный медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1895 год. СПб., 1895. С. 152).

Лохвицкая Мирра (Мария) Александровна (в замуж. Жибер; 1869—1905) — поэтесса.

Лутугин Леонид Иванович (1864—1915) — геолог, общественный деятель.

Льдов Константин (наст. имя и фам. Витольд Константин Николаевич Розенблюм; 1862—1937) — поэт.

Любочка — неустановленное лицо.

Мазуркевич Владимир Александрович (1871—1942) — поэт, прозаик. В архиве Сологуба сохранилось его письмо от 17 дек. 1910 г.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 433.

Маккавеев Митрофан Егорович — директор Вытегорской семинарии (*Список 1891*. С. 96). См. о нем: *Неизданный Сологуб*. С. 263, 265, 281—282; *Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой*. С. 232.

Маклеонов (Маклионов) Андрей Никитич — дьякон, законоучитель Кумчезерско-Покровского уездного училища (*Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой*. С. 258).

* **Максимов** — Максимов Ал. Дмитриевич — преподаватель Ком<мерческого> городского училища (*АС*. Л. 27), или Максимов Даниил — учащийся Рождественского городского училища. В списке имеются еще три Максимова: Максимов Петр Парменович, и также два без инициалов: «уч<итель>-ин<спектор> Нов<город>», «уч<итель> пом<ощник> Нов<город>».

Мамаев Яков Васильевич — преподаватель Рождественского училища.

Манасеина Наталья Ивановна (1869—1930) — писательница, издательница журнала для детей «Тропинка» (совместно с П. С. Соловьевой). Ее муж **Манасеин** Михаил Петрович (1860—1917) — врач.

Маныч Петр Дмитриевич — писатель, журналист. О нем см.: *Пильский П*. Угарные дни (отрывки воспоминаний) / Публ. Ю. Абызова // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. IV. Рига., 1999. С. 263—264. Общепринятая дата его смерти (1918) ставится под сомнение воспоминаниями Г. Ф. Устинова: «Сидим: Есенин, Скиталец, Кусиков, Петр Маныч и я. Петр Маныч, изумительный рассказчик, рассказывает содержание своей новой повести, которую он называл, кажется, “Варсонофий-Невходящий-во-Храм”. Это был замечательный рассказ о монахе, совершившем какое-то тяжкое преступление и в муках искупающем свой грех. Он не может войти во храм до тех пор, пока не кончит наложенного на него искуса. Маныч рассказывал долго, водка была забыта. Есенин слушал, впрочем, как и все мы, с напряженным вниманием. Когда Маныч кончил повествование, Есенин с пылающими глазами прочитал свою “Марфу Посадницу”. И прочитал так, что даже для Есенина такое чтение можно было считать исключительным по силе. Водка по-прежнему стояла нетронутой. Чтение Есенина оставило едва ли меньшее впечатление, чем рассказ Маныча» (Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. М., 1997. С. 484—485). Летопись Есенина относит эту встречу к апрелю, марту или сентябрю 1919 г. (Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 2. М., 2005. С. 262). В архиве Сологуба сохранилось его письмо: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 440.

Мартемьянов — неустановленное лицо.

* **Мартьянов** Петр Кузьмич (1827—1899) — писатель и журналист.

Маслов — неустановленное лицо.

* **Матвеев** Прохор Прохорович — экономист, банкир, почетный смотритель училища при Учительском институте (см.: *Тридцатилетие Учительского института.* С. 45).

Матысяк Григорий — учащийся Рождественского городского училища (*АС.* Л. 27); велика вероятность, что он же — Григорий Францевич Матысяк, заведовавший в 1910-х гг. коммерческой конторой Торгового дома «С. И. Растеряев».

* **Машукова** Ольга Дмитриевна — преподавательница Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств.

Мишукова З. Д. <?> — неустановленное лицо.

Мишурин, о. Петр (*АС.* Л. 28).

Медер Николай Богданович (1844—1902) — педагог, преподаватель нескольких петербургских средних учебных заведений, член Императорского Русского технического общества, автор учебника по географии (см. о нем: Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Путеводитель. Т. 2. СПб., 2009. С. 406).

* **Мейер** Александр Александрович (1875—1939) — философ. Его жена (по состоянию на 1906 г.) — **Мейер** Прасковья Васильевна (урожд. Тыченко; 1872—1942).

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940) — театральный режиссер, актер, педагог. **Мейерхольд** Ольга Михайловна (урожд. Мунт; 1874—1940) — его первая жена. В архиве Сологуба сохранились 36 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Публикуются в наст. изд., с. 000—000.

Мейснер Александр Федорович (1865—1922) — поэт. В архиве Сологуба сохранились 7 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 453.

Меньшиков Михаил Осипович (1859—1918) — публицист.

Мережковская Вера Сергеевна (1877 — ?) — младшая сестра Д. С. Мережковского.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1941) — писатель. В архиве Сологуба сохранились 4 его письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 456.

Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — историк, публицист, политический деятель.

Милюкова-Зая<кина — ?> — вероятно, родственница вытегорских Заякиных.

Минский Николай Максимович (наст. фам. Виленкин; 1855—1937) — поэт, журналист. В архиве Сологуба сохранилось его письмо: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 460. Письма Сологуба Н. М. Минскому за 1891—1905 гг. (с приложением 10 стихотворений и 9 сказок) см.: ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 345.

Михайлова — неустановленное лицо.

Михайлова М. И. — неустановленное лицо.

* **Михаловский** Дмитрий Лаврентьевич (1828—1905) — поэт и переводчик.

Моисеев — неустановленное лицо.

Мокеев — один из учащихся Рождественского городского училища.

Мордовцев Даниил Лукич (1830—1905) — писатель и историк.

* **Морев** Владимир Михайлович — преподаватель нескольких Санкт-Петербургских училищ; инспектор Выборгского городского училища (*АС.* Л. 30).

* **Морозов** Алексей — вытегорский ученик Сологуба (см.: *Неизданный Сологуб.* С. 273; *АС.* Л. 30).

Московский Николай Павлович (*АС.* Л. 30).

Мунт Екатерина Михайловна (1875—1954) — драматическая артистка, свояченица В. Э. Мейерхольда. В архиве Сологуба сохранилось ее письмо: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 472.

Мунт Ольга Михайловна — *см. Мейерхольд О. М.*

Мякотин Венедикт Александрович (1867—1937) — историк, публицист.

* **Назарьева** Капитолина Васильевна (урожд. Манкошева; 1847—1900) — писательница.

Найденов Сергей Александрович (1868—1922) — драматург.

Налепиньский Тадеуш (1885—1918) — польский поэт, литературный критик и публицист. Его воспоминания о Сологубе и письма к нему см.: *Кучинская М.* «Скучная лампа моя зажжена...». Ф. Сологуб и Т. Налепинский // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации: Материалы IV Международной научной конференции / Сост. М. М. Павлова. СПб.: Коста, 2010. С. 134—173.

Наумов Яков Николаевич — преподаватель, а позже — директор Санкт-Петербургского учительского института (см.: *Тридцатилетие Учительского института.* С. 44); автор книг: «Краткий учебник анатомии и физиологии человека» (СПб., 1886 и сл.); «Элементарный курс анатомии и физиологии человека» (СПб., 1903 и сл.).

* **Небольсин** (Неболсин) Александр Григорьевич (1842—1917) — статистик, деятель народного образования.

Нестеров Михаил Васильевич (1862—1942) — живописец.

* **Нестеров** Николай Федорович — воспитатель и преподаватель Коммерческого училища.

* **Нестеров** Сергей Гаврилович — преподаватель Воздвиженского училища (*АС.* Л. 31).

Нечаев Павел Тимофеевич — преподаватель пения в Вытегорской семинарии, гласный городской думы, член учетного комитета при

Вытегорском городском общественном банке. Его жена — **Нечаева** Вера Сергеевна, учительница в женской прогимназии Вытегры. Оба они послужили прототипами героев рассказа Сологуба «Червяк» (см.: *Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой*. С. 244, 255, 267, 269).

Нечаева Ольга Константиновна (1860—1926) — общественная деятельница.

Нечай Андрей Петрович — преподаватель Свято-Троицкого городского трехклассного училища; впоследствии — инспектор народных училищ на Украине.

Никифоров Иван Никифорович — штатный преподаватель училища при Учительском институте (см.: Тридцатилетие С.-Петербургского Учительского института 1872—1902 гг. СПб., 1903. С. 45).

* **Никонов** Петр Григорьевич — член Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Андреевского училища (см.: Отчет о деятельности Правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся С.-Петербургского Андреевского 4-классного городского училища за 1909 год. СПб., 1910. С. 14).

Нилова Ольга Дмитриевна (1855 — после 1934) — приятельница Мережковских в 1890-е гг. О ней см.: *Павлова М. М.* Об адресате новеллы З. Н. Гиппиус «Три дамы сердца» и писем Мережковских к «Снежной Королеве» // Русская литература. 2015. № 1. С. 110—116.

Новицкий Григорий Петрович (1885 — после 1955) — лесной инженер, лесовод, поэт и художественный критик.

Норвежский Оскар — *см. Картожинский О. М.*

Нувель Вальтер Федорович (1871—1949) — чиновник канцелярии Министерства двора; один из организаторов общества и журнала «Мир искусства».

Оболенский Леонид Егорович (1845—1906) — писатель.

Овчинников Михаил — неустановленное лицо.

Одинцов Алексей Яковлевич — преподаватель Сампсониевского и Андреевского училищ.

Окрейц Станислав Станиславович (1836—1922) — писатель, журналист, издатель журнала «Луч» и одноименной газеты.

Ореус И. И. — *см. Коневской И.*

Орлов Ан. — неустановленное лицо.

Орлова Александра Иосифовна (урожд. Бедункевич, во втором браке Лукьянчикова; 1876 — ?) — учительница; приятельница М. Волошина.

Осипов — учащийся Рождественского городского училища. В списке знакомых Сологуба — 5 учащихся Рождественского училища с фамилией Осипов: Василий, Алексей, Михаил и два Николая (*АС*. Л. 32).

Острогорский Виктор Петрович (1840—1902) — педагог, писатель.

Павел, о. — *см. Соколов П. И.*

Пантелеев Лонгин Федорович (1840—1919) — публицист; издатель. В архиве Сологуба сохранились 3 его письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 524.

Пашковский Михаил Федорович — выпускник Учительского института; работал в городском училище г. Лодейное Поле; впоследствии — в Коломенском училище в Санкт-Петербурге. Его жена — **Пашковская** Софья Дамазиевна, в 1910-е гг. работала в Санкт-Петербургском Городском Вознесенском училище.

Перельман — *см. Дымов Осип.*

Персиков Илья Васильевич (1860—1913) — священник, настоятель Церкви Собора Пресвятой Богородицы при приюте и убежище Принцессы Ольденбургской; работал (среди прочего) в городском Рождественском училище и в городском Сергиевском училище.

Перцов Петр Петрович (1868—1947) — публицист, критик, издатель. См. воспоминания о Сологубе начала 1900-х гг.: *Перцов П. П.* Литературные воспоминания 1890—1902 гг. / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 2002 (ук.); см. также публ. О. Л. Фетисенко в наст. изд. с. 000—000.

* **Петров** Сергей Александрович — преподаватель городского Владимирского училища.

Пешехонов Алексей Васильевич (1867—1933) — политический деятель, публицист. В архиве Сологуба сохранились 2 его письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 545.

* **Пешехонова** Александра Васильевна — соавтор другой знакомой Сологуба, Елизаветы Васильевны *Поповой*, по изданию пособия «Грамотей. Букварь и первые уроки чтения» (М., 1894 и сл.).

* **Писаржевская** (Писсаржевская) Лидия Дмитриевна — уроженка Бессарабской губернии, окончившая в 1903 г. историко-филологическое отделение Бестужевских курсов. Есть основания полагать, что ее перу принадлежит заметка: *Писаржевская Л.* Трагический конец Анны Мар // Журнал для женщин. 1917. № 7. С. 14; и книга: *Писаржевская Л.* Санаторий любви и смерти. Кишинев: «Бессарабия». [Б. г. 1921?]. Судя по всему, именно она 15 января 1927 г. читала в парижской Школе социальных наук лекцию «Женщина древнего мира» (см.: Историческая наука российской эмиграции 20—30-х гг. XX века. Хроника. М., 1998. С. 72). См. также: *Тончу Е.* Россия — женская судьба. Век XIX—XX. СПб., 2004. С. 334—335. В архиве Сологуба сохранилось 10 ее писем (1909—1916) к Ан. Чеботаревской: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 207.

Пискун-студент — неустановленное лицо.

Подвысоцкий Николай Валерианович — учитель естествоведения Вытегорской семинарии. О нем см.: *Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой*. С. 239, 240, 242 и сл. Его воспоминания (в которых он, в свою очередь, передает мемуар своего дяди Н. И. Величко о Пуш-

кине) помечены: Новгород. 1899. 27 января (*Подвысоцкий Н. В.* Из моих воспоминаний // Пушкинский сборник (в память столетия дня рождения поэта). СПб., 1899. С. 589). Вероятно, он же — сотрудник сибирских периодических изданий, см.: Сотрудники «Восточного обозрения» и «Сибирских сборников» (1882—1906). Биобиблиографические материалы // Попов И. И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск. 1989. С. 345

Познер Соломон Владимирович (1876—1946) — журналист, прозаик. В архиве Сологуба сохранились 13 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 549.

Позняков Николай Иванович (1856—1910) — поэт и педагог.

Попечитель — *см. Капустин М. Н.*

Попов Вениамин Сергеевич — неустановленное лицо.

Попов Иван Иванович (1862—1942) — журналист; соученик Сологуба по Никольскому приходскому училищу и Учительскому институту; автор мемуаров о нем. См.: *Попов И. И.* Минувшее и пережитое. Ч. 1. Л., 1924. С. 16—17, 66—67.

Попов Павел Иванович — в конце 1880-х и до 1899 г. был инспектором Воздвиженского училища (см.: Исторический очерк развития и деятельности Общества вспомоществования нуждающимся бывшим и настоящим ученикам СПБ Воздвиженского четырехклассного городского училища за первое десятилетие его существования. СПб., 1911. С. 9).

Попова Елизавета Васильевна — преподавательница Начального городского училища, автор (совместно с А. В. Пешехоновой) учебного пособия «Грамотей. Букварь и первые уроки чтения», выдержавшего несколько изданий (первое: М., 1894); составитель прописей «Систематическое списывание для детей, начинающих заниматься» (Ч. 1— . М., 1912). Вероятно, она же — член Религиозно-философского общества (см.: *Ермичев А. А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907—1917). Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 323).

Порошин Иван Александрович (1864—1931) — учитель, впоследствии писатель и мемуарист, автор двухтомных «Записок учителя» (СПб., 1905). В библиотеке Сологуба сохранились несколько книг с его инскриптами (см.: *Неизданный Сологуб.* С. 440—441). Атрибуция **брата** затруднительна: в адресных книгах Петербурга из пяти значащихся там Порошиных четыре имеют отчество «Александрович»; один из них (Дмитрий) живет по тому же адресу, что и Иван Александрович.

Портнаго Петр Иванович — учитель столярного ремесла в ремесленных классах при городском училище Великих Лук, прототип Володина из «Мелкого беса» (см.: *Улановская Б. Ю.* О прототипах романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Русская литература. 1969. № 3. С. 182); см. о нем также: *Пульхеров А. И.* Великолукское городское общественное

управление. 1875—1891. Историческое обозрение. Великие Луки. 2012. С. 168—169.

Порфиров Петр Федорович (1870—1903) — поэт.

* **Потапов** Александр Яковлевич — преподаватель Выборгского городского училища.

Потемкин Петр Петрович (1886—1926) — поэт. Его жена — **Хованская** (Потемкина) Евгения Александровна (1887—1977) — актриса. В архиве Сологуба сохранилось одно ее письмо к нему: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 719; и два ее письма к Ан. Чеботаревской: Там же. Оп. 5. Ед. хр. 305.

Примечалов — неустановленное лицо, учащийся Рождественского городского училища.

Пришвин Михаил Михайлович (1873—1954) — писатель.

Пти Софья Григорьевна — *см. Балаховская-Пети С. Г.*

Пяст Владимир Алексеевич (наст. фам. Пестовский; 1886—1940) — поэт. См.: *Пяст Вл.* Встречи / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Р. Тименчика. М., 1997 (ук.).

Ратькова-Рожнова Зинаида Владимировна (урожд. Философова; 1871—1966) — сестра Д. В. Философова.

Рафалович Сергей Львович (1875—1943) — поэт и драматург. В архиве Сологуба сохранились 8 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 576.

* **Ремезов** Иван Сократович (1828—1901) — писатель, крупный чиновник; член Общества взаимопомощи учителей и учительниц Санкт-Петербургской губернии.

Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957) — писатель. **Ремизова** Серафима Павловна (урожд. Довгелло; 1876—1943) — его жена. В архиве Сологуба сохранились 16 писем Ремизова и одно письмо Ремизовой-Довгелло: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 580, 928. О взаимоотношениях Ремизова и Сологуба см.: *Грачева А. М.* К истории отношений Алексея Ремизова и Федора Сологуба (Введение к теме) // Блоковский сборник XV. Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX—XX вв. / Ред. Л. Пильд. Тарту, 2000. С.171—181; *Обатнина Е. Р.* 1) От маскарада к третейскому суду: «Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А. М. Ремизова // Лица. Биографический альманах. Вып. 3. М.; СПб., 1993. С. 448—465; 2) Реалистический подтекст символической пьесы Ф. Сологуба «Ночные пляски» // Русская литература. 2010. № 2. С. 54—60 (об участии А. М. Ремизова в постановке пьесы).

Репин Илья Ефимович (1844—1930) — художник.

Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — писатель, философ. Сохранились 3 письма Розанова к Сологубу: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 234; 4 ответных: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. О Сологубе и Чеботаревской см.: *Розанов В. В.* Опавшие листья. [Короб первый]. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2015. С. 291—292, 459—460.

Розен Ева Семеновна — эпизодический автор журнала «Золотое руно» (см., например, подборку стихов: 1908. № 6. С. 12—14); ср. упоминание о ней в письме Г. Э. Тастевена к Ф. Сологубу от 5 августа 1908 г.: «Стихотворения Евы Розен будут помещены в № 6, который выйдет в середине июля. В этом № будут помещены стихотворения молодых поэтов, еще не печатавшихся. Мы были бы очень признательны Вам, глубокоуважаемый Федор Кузьмич, если бы вы при случае указали нам наиболее талантливых из начинающих дарований» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 672. Л. 20). Она же — автор книги стихотворений «Мираж» (М., 1910) с большим количеством чрезвычайно аристократических травелогов (Швейцария, Англия, Италия). В архиве Сологуба сохранилось одно ее письмо к нему: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 588; и одно письмо к Чеботаревской (от 26 февр. <1907?>): Там же. Оп. 5. Ед. хр. 246.

Румянцев Александр — учащийся Андреевского городского училища (*АС*. Л. 37).

Рыбакова Л. И. — *см. Чулков Г. И., его сестра*.

Рыжов Семен — учащийся Андреевского городского училища (*АС*. Л. 37).

Рындина Лидия Дмитриевна (наст. фам. Брылкина; 1883—1964) — актриса, мемуаристка; вторая жена С. А. Соколова (Кречетова). Письмо ее к Сологубу напечатано: Из дневников Л. Д. Рындиной / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова // Лица. Биографический альманах. Т. 10. СПб., 2004. С. 231. Другие письма Рындиной к Сологубу и Чеботаревской см. в наст. изд. с. 000—000.

Сабашникова Маргарита Васильевна (в замуж. Волошина; 1882—1973).

Сабуров Алексей — учащийся Вытегорской семинарии (*АС*. Л. 38 об.), искавший у Сологуба протекции для поступления в Учительский институт. В архиве Сологуба сохранились 3 его письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 930.

Савельев Леонид Петрович — инженер-технолог, автор поэмы «Зверским днем», в 1906 г. побывал у Сологуба, читал ему свои стихи. Сохранилось его письмо к Сологубу от 26 февраля 1909 г. (почт. шт.): ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 606.

Савитри (наст. имя и фам. Анна Густавовна Загорская, Anna Zahorska, урожд. Эльценберг (Elzenberg); 1878/1882 — 1942) — польская писательница; эпизодическая участница петербургской литературной жизни (ср.: *Кузмин М.* Дневник 1905—1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова, С. В. Шумихина. СПб., 2000 (ук.)); посетительница «башни» Вяч. Иванова (см. упоминания в его дневнике: *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. Брюссель. 1974. Т. 2. С. 783) и его корреспондентка (ее письма к нему сохранились: РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 5); вкладчица альманаха «Женщина» (М., 1910). См.

о ней: *Налепинский Т.* Письма к Конст. Эрбергу (К. А. Сюннербергу) / Публ. М. Кучинской // *ЕРОПД на 2009—2010*. С. 732 (здесь, в частности, впервые правильно названо ее имя: до этого в отечественной литературе она именовалась Хеленой). В архиве Сологуба сохранились 3 ее письма (1908—1909): ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 607.

Сапунов Николай Николаевич (1880—1912) — художник.

Сафонов Сергей Александрович (1867—1904) — поэт, прозаик, актер.

Северянин Игорь (наст. имя и фам. Игорь Васильевич Лотарев; 1887—1941) — поэт. Очерк истории его отношений с Сологубом см.: Игорь Северянин. Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. Л. Н. Ивановой и Т. В. Мисникевич // *ЕРОПД на 2005—2006*. СПб., 2009. С. 693—755.

Седов Александр — учащийся Рождественского городского училища (*АС*. Л. 42).

Семенов — неустановленное лицо.

Сенилов Владимир Алексеевич (1875—1918) — композитор. Автор романсов на стихи Сологуба и музыки к драме «Ванька-ключник и паж Жеан» (1908); в архиве сохранилось одно его письмо к Сологубу: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 618, одно письмо к Чеботаревской: Там же. Оп. 5. Ед. хр. 239, а также семь писем его жены — Марии Леонидовны Сениловой — к Ан. Н. Чебоатревской (1909—1920): Там же. Оп. 5. Ед. хр. 240.

Сент-Илер Карл Карлович (1834—1901) — ученый-зоолог, преподаватель Учительского института. О его роли в биографии Сологуба см.: *Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой* (ук.); *Неизданный Сологуб* (ук.). Письмо его к Сологубу приводится: *Павлова. Писатель-Инспектор*. С. 30—31.

Серафимович Александр Серафимович (наст. фам. Попов; 1863—1949) — писатель.

Сергеев-Ценский Сергей Николаевич (наст. фам. Сергеев; 1875—1958) — писатель.

Серебряков А. И. — преподаватель Андреевского городского училища.

Серов Валентин Александрович (1865—1911) — художник.

Скабичевский Александр Михайлович (1838—1911) — литературный критик.

Сковоронский Михаил — учащийся Рождественского городского училища (*АС*. Л. 40).

Скородумов Михаил Алексеевич — преподаватель городского Воздвиженского училища (*АС*. Л. 38 об.).

Скрябин Александр Васильевич — преподаватель Рождественского училища; позже — его учитель-инспектор.

Слезкин Юрий Львович (1885—1947) — писатель. **Слезкина** Татьяна Владимировна — его жена.

* **Словинский** Максим Антонович (1868—1945) — поэт, переводчик, сотрудник журнала «Вестник Европы» или **Словинский (Славинский)** Александр Иванович (1852 или 1860—1945) — преподаватель 2-й тифлисской гимназии, позже — инспектор Кавказского учебного округа.

Случевская Александра Константиновна (в замуж. Коростовец; 1890—1977) — младшая дочь К. К. Случевского, поэтесса.

Случевский Константин Константинович (1837—1904) — поэт и государственный деятель. Его сын и полный тезка (1873—1905) — поэт и морской офицер. О биографических и творческих контактах Сологуба и Случевского-старшего см. статью Е. А. Тахо-Годи в наст. изд. с. 000—000. Хронику «пятниц» см.: *Сапожков С.* «Пятницы» К. К. Случевского (по новым материалам); Альбом «пятниц» / [Публ. С. Сапожкова] // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 335; *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литературы / Вступ. статья, сост., пер. с нем., примеч., указатели и подбор иллюстраций К. М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение, 2008 (ук.).

Смелов Александр Иванович — соученик Сологуба по Учительскому институту, помощник учителя в Вытегорском городском училище; позже вернулся в столицу и поступил на юридический факультет университета; писатель. См. о нем: *Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой* (ук.).

Смирягин Николай Григорьевич (1839—1919) — протоиерей, законоучитель Рождественского городского училища, настоятель Церкви Рождества Христова, что на Песках.

Соколов Иван Иванович (1868—1918) — поэт, посетитель «пятниц Случевского», где и зафиксирована встреча с ним (см.: *Смиренский В.* К истории пятниц К. К. Случевского // Русская литература. 1965. № 3. С. 224); *АС.* Л. 41. В библиотеке Сологуба сохранился его инскрипт: «Многоуважаемому Федору Кузьмичу Сологубу (сатане) на добрую память от преданного автора. 1901 г.» (*Неизданный Сологуб*. С. 442).

Соколов Л. — неустановленное лицо. Возможно, сокращенное: Лапшин-Соколов.

Соколов М. П. — неустановленное лицо (вероятно, он же — в реестре подписчиков центрального символистского журнала: Весы. 1906. № 12. С. 91).

Соколов Николай Матвеевич (1860—1908) — поэт и цензор. О нем см.: Цензоры Российской империи. Конец XVIII — начало XX века. Биобиблиографический справочник. СПб., 2013. С. 332.

Соколов Павел Иванович — священник, законоучитель Вытегорской учительской семинарии (*Список 1891.* С. 96). Его сестра **Соколова**

Евгения Ивановна и жена **Соколова** Раиса Петровна. Подробнее см.: *Неизданный Сологуб*. С. 257, 284. В архиве Сологуба сохранились 15 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 933.

Соколова Александра Васильевна — неустановленное лицо.

Соллертинский Василий Иванович — преподаватель Санкт-Петербургского учительского института; член Математического общества.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — философ, богослов и поэт.

Соловьева Поликсена Сергеевна (псевд. Allegro; 1867—1924) — поэтесса и художница. В архиве Сологуба сохранились 3 ее письма к нему: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 638.

Сомов Константин Андреевич (1869—1939) — живописец, график. В архиве Сологуба сохранилось одно его письмо к нему: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 640; а также 30 писем к Ан. Чеботаревской: Там же. Оп. 5. Ед. хр. 267.

Стариков Дмитрий Григорьевич — сотрудник городского Андреевского училища. В архиве Сологуба сохранилось одно его письмо: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 643.

* **Стасов** Андрей Дмитриевич (1870—1944) — юрист.

Степанов Николай Иванович — учитель училища (*АС*. Л. 42).

Страхова — возможно, Софья Абрамовна (урожд. Сафронович) — жена Ивана Ивановича Страхова — учителя Великолукского реального училища (*АС*. Л. 38 об.). Супруги послужили прототипами главных персонажей романа «Мелкий бес». См.: *Улановская Б. Ю.* О прототипах романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Русская литература. 1969. № 3. С. 181—184.

Судейкина О. А. — *см. Глебова-Судейкина О. А.*

Суморин Илья Иванович (1845 — ?) — выпускник Олонецкой духовной семинарии; учитель Кондушского двухклассного сельского образцового училища Вытегорского уезда Олонецкой губ., позже — помощник классного наставника в 7-й Санкт-Петербургской гимназии. В 1889—1905 гг. — член Вытегорского уездного отделения Олонецкого епархиального училищного совета; в 1894—1897 гг. — гласный Вытегорской городской думы (Сорокин В., пр. Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) и его церковно-просветительская деятельность // Богословские труды. Сборник двадцать девятый. М., 1989. С. 159). См. также: Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год. Петрозаводск., 1902. С. 51, 90.

Сюннерберг Константин Александрович (псевд. Конст. Эрберг; 1871—1942) — критик, историк искусства, поэт. **Сюннерберг** Варвара Михайловна (урожд. Щукина, псевд. Карачарова; 1876—1924) — его жена, писательница. В архиве Сологуба сохранились 16 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 660, в архиве Эрберга — 48 писем Сологуба

(ИРЛИ. Ф. 471. Оп. 3. Ед. хр. 261—263) и 39 писем Чеботаревской (Там же. Ед. хр. 281). См.: *Эрберг Конст. (Сюннерберг К. А.).* Воспоминания // Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи. СПб.: Скифия, 2004. С. 233—243.

Тамамшева Нина Артемьевна — учительница, поэтесса, составительница литературных сборников и устроительница лекций, знакомая М. Кузмина и А. Блока. **Тамамшева** Софья Артемьевна — ее сестра; участница ряда ее проектов. В архиве Сологуба сохранились 3 письма Н. А. и 7 писем С. А.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 665, 666.

Теличшенко — неустановленное лицо.

Тернавцев Валентин Александрович (1866—1940) — писатель-богослов; чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода.

Тетерникова Ольга Кузьминична (1865—1907) — сестра Сологуба; акушерка. Биографию ее см.: *Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой.* С. 224—230.

Тиме — Качалова Елизавета Ивановна (1888—1968) — актриса Александринского театра; адресат экспромта Сологуба: «Влюбившись в Т<име>, / Поэт завял, / И только вымя / Ее сосал» (внесен в записную книжку: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 80. Л. 129). О ней см.: *Тименчик Р. Д.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Пути искусства. Символизм и европейская культура XX века. М., 2008. С. 457—458.

Тиняков Александр Иванович (1886—1934) — поэт. В архиве Сологуба сохранилось одно его письмо к нему: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 679; и девять писем к А. Н. Чеботаревской: Там же. Оп. 5. Ед. хр. 284.

Тихомиров Дмитрий Ксенофонтович — неустановленное лицо.

Тихонов Александр Николаевич (псевд. Серебров; 1880—1956) — писатель. В архиве Сологуба сохранились 3 его письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 680.

Топрин — неустановленное лицо.

Тривус Моисей Львович (1865—1955) — публицист.

Трошков Петр Гордеевич — преподаватель Вытегорского одноклассного мужского училища (Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год. Петрозаводск. 1902. С. 95).

* **Трубачева** Евгения Александровна — знакомая А. А. Коринфского (см. адресованный ей инскрипт: *Башмаков А. И., Башмаков М. И.* Голос почерка. СПб., 2009. С. 180).

Тхоржевская Наталья Корнелиевна (в замуж. Эрдели; 1889—1925) — актриса Александринского театра, исполнительница роли Лилит в «Заложниках жизни» Сологуба; в эмиграции — в Югославии, преподавательница Харьковского женского института в Белграде; впоследствии — начальница Русско-сербской гимназии в Великой Кикинде (см.: *Арсеньев А.* Вклад беженцев в хоровое искусство и цер-

ковное пение в Сербии // Новый журнал. 2010. № 259. С. 141; годы жизни установлены С. В. Волковым, см.: URL: http://swolkov.org/). В архиве Сологуба сохранилось ее письмо к Чеботаревской: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 292.

Тэффи Надежда Александровна (урожд. Лохвицкая, в замуж. Бучинская; 1876—1952) — писательница. Ее письма к Сологубу приведены в публ.: *Фетисенко О. Л.* Тэффи и Федор Сологуб (К творческой истории книги «Семь огней») // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. IV. Музей-квартира А. Блока. СПб., 1999. С. 288—299; *Haber Edythe C.* The Queen of Laughter and the Knight of Death: Nadezhda Teffi and Fedor Sologub // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz / Ed. by Catherine Ciepiela and Lazar Fleishman. Stanford, 2014. P. 173—187.

Тюсман Владимир — учащийся Рождественского городского училища (*АС.* Л. 43 об.).

Уверский Михаил Иванович — учитель-инспектор Владимирского городского училища. Его брат **Уверский** Александр Иванович (он же — доктор Уверский; 1847 — ?) — врач того же училища (год рождения установлен по: Российский медицинский список, изданный медицинским департаментом Министерства Внутренних Дел на 1895 год. СПб., 1895. С. 264).

Ульрих Александр Федорович фон — лесничий Важинского лесничества Олонецкой губернии (см.: *Список 1891.* С. 26; *АС.* Л. 44).

Уманов-Каплуновский Владимир Васильевич (1865—1939) — поэт, переводчик; чиновник Кабинета его Императорского величества. **Уманова-Каплуновская** Варвара Александровна — его жена. В архиве Сологуба сохранились 14 писем В. В. и одно письмо В. А.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 695, 897, 694.

Урусов Александр Иванович (1843—1900) — юрист, литературный и художественный критик.

Ухтомский Эспер Эсперович (1861—1921) — поэт, публицист.

Ушков — неустановленное лицо.

Файншмидт Герман Юльевич — неустановленное лицо.

Файншмидт Иос. Ил. — неустановленное лицо.

Фалеев Николай Иванович (1873 — 1930-е гг.) — актер и драматург.

Фальковский Федор Николаевич (1874—1942) — драматург, театральный критик. Его жена **Фальковская** Евгения Алексеевна — актриса. В архиве Сологуба сохранилась его записка к нему: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 698; и одно письмо к Ан. Чеботаревской: Там же. Оп. 5. Ед. хр. 296.

Федоров Александр Митрофанович (1868—1949) — писатель. **Федорова** Лидия Карловна (1866—1937) — его жена.

Фидлер Федор Федорович (Фридрих Фридрихович; 1859—1917) — поэт-переводчик, библиограф, автор монументального дневника, где среди прочего зафиксированы многочисленные встречи с Сологубом. **Фидлер** Любовь Михайловна (урожд. Соколова; 1868—1915) — переводчица, его жена. В архиве Сологуба сохранились 17 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 17. См. также: *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литературы / Вступ. статья, сост., пер. с нем., примеч., указатели и подбор иллюстраций К. М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение, 2008 (ук.).

Философов Дмитрий Владимирович (1872—1940) — публицист, литературный критик. См.: *Философов Д. В.* Облики Федора Сологуба // За свободу! (Варшава). 1927. 11 дек. № 284. С. 2. В архиве Сологуба сохранились 12 его писем к нему: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 708; и 8 писем к Ан. Чеботаревской: Там же. Оп. 5. Ед. хр. 300.

Философов Иван Никитич — педагог, впоследствии преподававший в Брестской гимназии (см.: *Александров Н.* Учителя Бреста как созидатели истории города над Бугом // Брестский курьер. 2013. 2 окт. (электронная версия: URL: http://www.bk-brest.by/ru/203/columnist/6656/?tpl=55). **Философова** Павла Григорьевна — его жена. Петя — их сын (*АС.* Л. 45).

Флексер А. Л. — *см. Волынский А. Л.*

* **Флоров** Степан Фролович — сотрудник Воздвиженского городского училища (Отчет о деятельности правления Общества взаимного вспоможения бывших воспитанников С.-Петербургского Учительского Института за девятый год существования Общества. СПб., 1899. С. 34).

* **Фомин** Дмитрий Дмитриевич — преподаватель Александро-Невского мужского училища.

* **Формаковский** Борис Владимирович (вар.: Фармаковский; 1870—1928) — преподаватель 6-й гимназии, впоследствии — крупный археолог.

Фофанов Константин Михайлович (1862—1911) — поэт.

Фридберг Дмитрий Наумович (1883—1961) — поэт, переводчик, журналист.

Фролов Иван — учащийся Рождественского городского училища (*АС.* Л. 45).

* **Фролов П. А**. — лицо, связанное с Воздвиженским училищем (см.: Исторический очерк развития и деятельности Общества вспомоществования нуждающимся бывшим и настоящим ученикам СПБ Воздвиженского четырехклассного городского училища за первое десятилетие его существования. СПб., 1911. С. 15).

Фруг Семен Григорьевич (1860—1916) — поэт, прозаик.

Хархорин — учащийся Рождественского городского училища (*АС*. Л. 46).

* **Ходнев** Константин Николаевич (1866—1922) — окружной инспектор Санкт-Петербургского учебного округа.

Хорошевский — неустановленное лицо.

Цветков Зосима Васильевич — сокурсник Сологуба по Учительскому институту (что следует из протоколов педагогического совета, см.: Новые материалы из поэтического архива Федора Сологуба / Публ. М. М. Павловой // *ЕРОПД на 2009—2010*. С. 518; в списке выпускников он отсутствует, см.: *Тридцатилетие Учительского института*); член уездного училищного совета в Вытегре. О нем см.: *Неизданный Сологуб*. С. 252—253, 264—265.

Цензор Дмитрий Михайлович (1877—1947) — поэт.

Цертелев Дмитрий Николаевич, князь (1852—1911) — поэт, философ.

Ционглинский Ян Францевич (1858—1912) — живописец.

Цируль Карл Юрьевич (1857—1924) — выпускник Учительского института, педагог.

Чапыгин Алексей Павлович (1870—1937) — писатель.

Чеботаревская Александра Николаевна (1869—1925) — переводчица, ее сестра. Письма Сологуба к жене опубликованы: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // *Неизданный Сологуб*. С. 303—370, а также в наст. изд. с. 000 — 000.

Чеботаревская Анастасия Николаевна (1876—1921) — жена Ф. Сологуба, писательница.

Чеботаревская Вера Евгеньевна — вероятно, описка, правильно: Копельман В. Е.

Черниговец Федор Владимирович (наст. фам. Вишневский; 1838—1916) — поэт и переводчик.

Чернышев (Чернышов) Василий Ильич (1867—1949) — преподаватель Андреевского училища, автор нескольких книг, две из которых сохранились в библиотеке Сологуба (см.: *Неизданный Сологуб*. С. 441, 442); впоследствии — крупный ученый-языковед, фольклорист и диалектолог; чл.-корр. Академии наук.

Чернявский Иван Иванович — инспектор Казанского городского училища; член Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Андреевского училища (см.: *Отчет 1909*. С. 15).

* **Четыркин** Федор Федорович — преподаватель городского Коломенского училища.

Чириков Евгений Николаевич (1864—1932) — прозаик, драматург. В архиве Сологуба сохранилось одно его письмо: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 741.

* **Чубинский** Николай Павлович — автор статей по украинскому вопросу.

Чуковский Корней Иванович (наст. имя и фам. Николай Васильевич Корнейчуков; 1882—1969) — писатель, критик. Его письма к Сологубу напечатаны: *Чуковский К.* Собр. соч.: в 15 т. М., 2008. Т. 14: Письма. 1903—1925 / Общ. ред., подгот. текстов и коммент. Е. Ивановой и Е. Чуковской. (ук.).

Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — писатель. Его жена **Чулкова** Надежда Григорьевна (урожд. Петрова, в первом браке Степанова; 1875—1961) — переводчица. Его сестра **Рыбакова** Любовь Ивановна (1882—1972) — художница. В архиве Сологуба сохранились 9 писем Г. И. и 3 письма Н. Г. к нему: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 746, 747; 5 писем Г. И. и 5 писем Н. Г. к Ан. Чеботаревской: Там же. Оп. 5. Ед. хр. 325, 326. *Чулков Г. И.* Годы странствий. М.: Эллис Лак, 1999. С. 167—177. *Чулкова Н. Г.* Моя жизнь с Г. И. Чулковым и встречи с замечательными людьми // ИРЛИ. Р. I. Оп. 35. № 192. Л. 96—108.

Чюмина Ольга Николаевна (в замуж. Михайлова; 1864—1909) — поэтесса, переводчица. Ее муж **Михайлов** Гавриил Петрович (1857—1937) — офицер.

Шагина — неустановленное лицо.

Шапир Ольга Андреевна (урожд. Кислякова; 1850—1916) — писательница. О ней см.: *Юкина И. И.* Ольга Шапир — идеолог российского феминизма // «Ей не дано прокладывать новые пути?..»: Из истории женского движения России. СПб., 1998. Вып. 2. С. 127. **Шапир** Лазарь Маркович (1845—1906) — ее муж, доктор и благотворитель, врач Рождественского городского училища (*АС.* Л. 49 об.).

Шартре — неустановленное лицо.

Шаталов Иван Логгинович (Лонгинович) (1869—?) — однокурсник Сологуба; преподавал в Дерпте (см.: Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. 1 (до 1940 г.). Словник / Сост. проф. С. Г. Исаков. Тарту. 1994. С. 102). В архиве Сологуба сохранились 15 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 939.

Шафранов Петр Александрович (1859 или 1860 — после 1924) — историк, преподаватель Учительского института, архивист; до 1918 г. возглавлял архив Министерства земледелия, после 1918 г. работал в Петроградском отделении государственного архивного фонда. В 1924 г. был осужден за уничтожение архивных документов (сжег несколько поздравительных открыток из фонда в. к. Ольги Александровны — вероятно, спасая их авторов от репрессий); см.: *Соминич Г. А.* Коллекция документов личного происхождения в РГИА как исторический источник по истории интеллигенции в России конца XIX — начала XX века // Деятели русской науки XIX—XX веков. Вып. 1. СПб., 2000. С. 164.

Шахматов Алексей Александрович (1864—1920) — языковед.

* **Шевченко** Иван Ефимович — член нескольких педагогических и благотворительных обществ.

Шелюков Флегонт Сергеевич — уездный исправник, член уездного училищного совета Вытегры; член Вытегорского благотворительного общества (см.: *Список 1891.* С. 86, 97, 102).

Шерцингер Виктор Александрович — инспектор Санкт-Петербургского выборгского 4-классного городского училища.

Шестов Лев Исаакович (наст. фам. Шварцман; 1866—1958) — философ.

Шиповники — *см. Копельман С. Ю. и Гржебин З. Е.* (владельцы издательства «Шиповник»).

Шишмарев Владимир Федорович (1874—1957) — филолог. Состоял, как и Сологуб, пожизненным членом правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Андреевского училища (см.: *Отчет 1909. С.* 3). В архиве Сологуба сохранились 8 его писем: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 768.

Шлесс Елизавета Юльевна — *см. Копельман Е. Ю.*

Шлесс С. Ю. — неустановленное лицо.

Шперк Федор Эдуардович (1872—1897) — публицист, поэт, философ. Его жена — **Шперк** Анна Лавровна (урожд. Безух). Сестра — возможно, Сидония Эдуардовна **Шперк** (1883 — ?) — собирательница английских книг (о ней см.: Невский библиофил. Альманах. Вып. 11. СПб., 2006. С. 44). В архиве Сологуба сохранились 4 его письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 773.

Шустров Алексей Игнатьевич — преподаватель Воздвиженского училища.

Шуф Владимир Александрович (1864—1913) — поэт.

Щеголев Павел Елисеевич (1877—1931) — историк. Его жена **Щеголева** Валентина Андреевна (урожд. Богуславская; 1878—1931) — актриса. В архиве Сологуба сохранились 22 его письма к нему: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 778, 779; ответные: ИМЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 17; а также 2 письма Щеголевой: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 905; письма его (3) и ее (8) к Ан. Чебоатревской: Там же. Оп. 5. Ед. хр. 338, 339.

Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874—1952) — поэтесса. Одно ее письмо сохранилось в архиве Сологуба: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 780.

Щербацевич Мокий Леонтьевич — преподаватель Рождественского городского училища. Его жена — **Щербацевич** Елизавета Ивановна — начальница частного учебного заведения.

Эйрих Адольф Оттович — сотрудник Покровской женской гимназии. Его жена — Эмма Федоровна — *см. Грюнталь Э. Ф.*

Юнкер Константин Николаевич — лесничий Вытегорского лесничества. Его жена — **Юнкер** Федосья Андреевна (*АС.* Л. 51.).

Юрьев Юрий Михайлович (1872—1948) — актер Александринского театра. В архиве Сологуба сохранилось его недатированное письмо: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 790.

Яковлева Зоя Юлиановна (урожд. Рушиц; 1862—1908) — писательница.

Ясинский Иероним Иеронимович (1850—1931) — прозаик, поэт, критик. В архиве Сологуба сохранились 2 его письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 802. См.: *Ясинский И. И.* Роман моей жизни. Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010 (ук.).

ПИСЬМА С. А. СОКОЛОВА И Л. Д. РЫНДИНОЙ К Ф. СОЛОГУБУ И АН. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ (1904—1915)

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. А. Богомолова

Сергей Алексеевич Соколов (псевд. Сергей Кречетов; 1878—1936) и его жена Лидия Дмитриевна Рындина (наст. фамилия Брылкина; 1883—1964)[1] состояли в переписке с Сологубом и его женой на протяжении более чем десяти лет. В настоящее время известно 99 писем. Из них самый большой корпус составляют письма Соколова к Сологубу. Ответные письма, к сожалению, неизвестны и, скорее всего, утрачены. Небольшой личный фонд Соколова в НИОР РГБ этих писем не содержит, не зафиксированы они и среди отдельных поступлений в российских и зарубежных архивах. Вместе с тем содержание сохранившихся писем Соколова и Рындиной вполне дает возможность понять, чему эти письма были посвящены.

Но сначала скажем несколько слов об авторах писем.

С. А. Соколов был довольно успешным московским юристом, земским деятелем, после 1905 года — видным кадетом. С 1903 года он активно занимался издательской и журнальной деятельностью: до 1914 года просуществовало издательство «Гриф», в 1905 году он входил в редакцию журнала «Искусство», потом на протяжении полугода был редактором литературного отдела журнала «Золотое руно»; поссорившись с его издателем, Н. П. Рябушинским, на деньги молодого поэта В.В. Линденбаума издавал журнал «Перевал», который продержался на поверхности год. Заведовал литературным отделом газеты «Час», активно сотрудничал и в других московских изданиях, в том числе в большой ежедневной газете «Утро России». Заметной была его деятельность в дирекции Московского литературно-художественного кружка. Вместе с коллегой по земским делам, известным депутатом и даже председателем Государственной думы Ф. А. Головиным, попробовал внедриться в железнодорожные проекты, что удалось, хотя и не без труда. К 1914 году он стал директором небольшой Копорской железной дороги, что сулило хороший постоянный заработок. Однако в дело вмешалась война: Соколов ушел на фронт, служил в артиллерии, в начале 1915 года был тяжело ранен и попал в плен. Летом 1918-го, после Брестского мира, вернулся в Москву, где пробыл недолго, устремившись на юг, на территорию, контролируемую белыми войсками.

---

[1] Как и многие дамы, особенно актрисы, Рындина скрывала свои года, поэтому в различных источниках встречаются разные даты ее рождения.

Там он служил в ОСВАГе, довольно много печатался, выпустил номер примечательного журнала «Орфей». Потом перебрался в Париж, а затем в Берлин, где провел более десяти лет. Создал загадочную организацию — «Братство русской правды», о которой до сих пор не утихают споры: была ли это реальная организация, ведшая активную диверсионную работу на территории СССР, или же вся эта деятельность — чистая мистификация Соколова[2]. В 1934 году его активность прекратилась, он был вынужден покинуть Германию и последние годы жизни провел на покое во Франции.

Его первой женой была хорошо известная историкам литературы не только как плодовитый автор, но и как связанная со многими писателями-символистами близкими отношениями Н. И. Петровская[3]. Летом 1905 года в вагоне поезда, шедшего по территории Польши, он познакомился с барышней без определенных занятий, дочерью довольно крупного чиновника[4] — Лидией Брылкиной. По его приглашению она перебралась в Москву, стала постоянной спутницей, а в ноябре 1907 года и официальной женой. Еще до встречи с Соколовым она пробовала свои силы на поприще живописи, потом под его влиянием занялась литературой, но более всего известной стала как актриса. Именно этой своей стороной она чаще всего предстает как в письмах мужа, так и в своих собственных. При этом мы более всего видим ее в начале пути, совсем неопытной и занятой в малозначительных ролях. О времени триумфа, особенно кинематографического (в годы войны по степени популярности ее превосходили только Вера Холодная и Вера Каралли), в письмах практически ничего нет. Лишь мельком мы узнаем и о ее литераторской деятельности, и уж вовсе ничего — о мартинистской.

Если попробовать подытожить, чем же существенны публикуемые письма, то в первую очередь следует сказать, что они позволяют

---

[2] С наибольшей отчетливостью первую точку зрения представляет монография: *Базанов П. Н.* Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья. М., 2013, вторую — большая статья: *Будницкий О.* Братство Русской Правды — последний литературный проект С. А. Соколова-Кречетова // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 114—143.

[3] Ныне ее литературное наследие собрано. См.: *Петровская Н.* Разбитое зеркало: Проза. Мемуары. Критика / Сост. М. В. Михайловой; вступ. статьи М. В. Михайловой и О. Велавичюте; коммент. М. В. Михайловой и О. Велавичюте при участии Е. А. Глуховской. [М., 2014]. Ср. также: Валерий Брюсов и Нина Петровская. Переписка / Вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. Н. А. Богомолова и А. В. Лаврова. М., 2004.

[4] Судя по всему, ее отец — Дмитрий Михайлович Брылкин, по специальности горный инженер, первый начальник Домбровского горного училища в Польше, с 1903 г. — заместитель начальника Западного горного управления, с 1913 г. — начальник этого управления.

уточнить некоторые подробности о печатании и непечатании произведений Сологуба в издательстве Соколова «Гриф». Это издательство было образовано в начале 1903 года, когда Брюсов записывал в дневнике: «Борьба за новое искусство. Сторонники были “Скорпионы” и “Грифы” (новое книгоиздательство). <...> С Грифами я познакомился так. Затеяли они издавать журнал <...> После они издали альманах “Гриф” — серый и по обертке, и по содержанию»[5]. Подобно «Скорпиону», «Гриф» возникал как сугубо «идейное» издательство и даже литературный кружок[6], однако близкие к издательству лица ощущали, что «*“Грифы”* — люди <...>, не имеющие *столь определенного внутреннего пути*, как, например, Брюсов, Балтрушайтис и т. д.»[7]. Тем не менее напряжение во взаимоотношениях между «Скорпионом» и «Грифом» на первых порах было весьма значительным, издатели и авторы были втянуты в острую борьбу. Сологуб, сколько мы можем судить, до поры до времени оставался от нее в стороне. В двух первых альманахах «Грифа» он не участвовал и тем самым остался вне скандала, разгоревшегося вокруг намерения Андрея Белого печататься во втором альманахе, изменив «Скорпиону»[8]. В 1903—1904 годах Сологуб — постоянный автор первого и главного символистского издательства. Достаточно сказать, что одна за другой выходят две его книги: в ноябре 1903 года — «Собрание стихов. Книга III и IV», а летом 1904 года — сборник рассказов «Жало смерти». Однако следует заметить, что незадолго до второго события он предлагал туда роман «Мелкий бес» и получил отрицательный ответ[9]. Таким образом, у него должно было сложиться впечатление, что в сношениях с главным издательством символистов необходимо сделать перерыв, и он обращается к Соколову. Как видно из первого письма, он предлагал несколько книг, но принята была только одна — «Книга сказок» (М., 1905; вышла в октябре 1904). С этого времени начинается регулярное сотрудничество Сологуба

---

[5] *Брюсов В.* Дневники. М., 1927. С. 130—131. Запись датирована февралем-мартом 1903 г.

[6] См., например, в письме Блока к матери от 14—15 января 1904 г.: «После чаю едем на собрание “Грифов”» (*Блок А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 83).

[7] Письмо Андрея Белого к Блоку первой половины ноября 1903 г. // Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903—1919. М., 2001. С. 118.

[8] Подробнее см. в письме Брюсова к Андрею Белому от 5 декабря 1903 г. и комментарии С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова к нему (Литературное наследство. 1976. Т. 85. С. 371—374).

[9] Хронологическая канва событий выстроена на основании переписки Брюсова с Сологубом (*Брюсов В. Я.* Письма к Ф. Сологубу / Публ. В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 106—107; Письма Федора Сологуба В. Я. Брюсову // Соболев А. Л. Летейская библиотека: Страннолюбский перебарщивает; Сконапель истоар. М., 2013. С. 333—338). Прямого отрицательного ответа о «Мелком бесе» в письмах нет, однако сам невыход книги в «Скорпионе» является прямым свидетельством.

с «Грифом». Соколов быстро оценил значимость этого сотрудничества и печатал практически все предлагавшееся Сологубом, если оно не вызывало цензурных затруднений. Главное, пожалуй, его упущение — тот же «Мелкий бес», доставшийся в итоге «Шиповнику», издание которого могло бы принести «Грифу» солидную выгоду. Но — не получилось.

В дальнейшем переговоры ведутся об участии Сологуба в третьем альманахе издательства, в «Золотом руне», в «Перевале», об издании сборника рассказов «Истлевающие личины». Соколов посвящает его в подробности литературных отношений, рассчитывает на его помощь в самых разнообразных своих начинаниях и планах. И постепенно становится ясно, что издатель все более и более подчиняется автору, готов идти практически на все условия, которые тот ставит. По самому тону и интонациям писем наглядно видно, как Сологуб превращается в одного из наиболее популярных русских писателей своего времени, тогда как Соколов явно разочаровывается в идее сделать свое издательство приносящим выгоду или хотя бы не вводящим в значительные расходы, а потому вынужден идти к наиболее коммерчески успешным авторам на поклон.

После прекращения «Перевала»[10] Соколов еще пытается создать нечто общественно значимое, но это у него плохо получается. Широко задуманное Бюро провинциальной прессы не принесло предполагавшегося результата, деятельность в качестве одного из руководителей Московского литературно-художественного кружка также не была вполне успешной. Вдобавок провалилась книга стихов Сергея Кречетова, вышедшая в 1907 году. Уже совсем на роль просителя в отношениях с Сологубом ему пришлось перейти в 1909-м. В начале этого года вторая жена Соколова становится актрисой киевского театра «Соловцов»: «...я приглашена (за то, что у меня есть литературные связи) играть в Киеве. Причем сказано: “Да внешность хорошая и туалеты”, и в результате даром»[11]. Роли были незначительные, часто совсем неинтересные, мало кто из театральных критиков ей симпатизировал, и для прорыва нужна была какая-то хорошая роль.

В это время Сологуб закончил пьесу по мотивам «Мелкого беса»[12], предназначая ее для московского театра К. Н. Незлобина, однако Соколову и киевскому театру удалось перехватить пьесу и быстро поставить. В итоге премьера состоялась 7 ноября 1909 года, Рындина

---

[10] По воспоминаниям В. Ф. Ходасевича, Соколов (едко названный «литературных дел мастер») едва ли не расчетливо растратил сравнительно небольшое наследство В. В. Линденбаума на непомерную роскошь и высокое жалованье себе самому.

[11] Из дневников Л. Д. Рындиной // Богомолов Н. А. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М., 2010. С. 384.

[12] Подробнее о драме и о ее сценической судьбе см. коммент. М. М. Павловой: *Сологуб Ф.* Мелкий бес. СПб., 2004. С. 807—820

играла Дарью Рутилову. Особенного успеха спектакль не имел, но зато внес серьезные изменения в судьбу Рындиной: из второстепенной актрисы киевского театра она вскорости стала исполнительницей той же роли Дарьи Рутиловой в спектакле театра К. Н. Незлобина, очень заметного в московской театральной жизни. Вероятно, именно этот момент следует считать началом ее блестящей карьеры сперва театральной, а затем и кинематографической актрисы, которая была прервана только событиями революции и Гражданской войны.

В начале 1910-х годов театральные новости занимают в публикуемых письмах едва ли не более значительное место, чем литературные. Это связано, конечно, еще и с тем, что Соколов становится театральным критиком, причем очень активным. Московский журнал «Рампа и жизнь» постоянно печатает его статьи, в основном посвященные театру Незлобина, но нередко — и Сологубу.

Казалось бы, после этого Соколов должен был бы еще почтительнее относиться к Сологубу, однако вышло совсем не так. У нас нет точных свидетельств, но похоже, что причиной тому стала довольно успешная деятельность Соколова в железнодорожных делах на высоких постах, явно приносившая и серьезные деньги. Окончательно закрепить их новые отношения (не случайно на рубеже 1909 и 1910 года они переходят на «ты») помог оглушительный успех «Громокипящего кубка» Игоря Северянина с предисловием Сологуба. Первый тираж вышел в Великом Посту 1913 года, а уже в 1915-м был последний, седьмой[13]. Как бы ни относиться к творчеству поэта, введенного Соколовым и Сологубом в литературу, очевидно, что получился триумф, которым «Гриф» смог воспользоваться лишь отчасти из-за начавшейся войны и ухода своего основателя на фронт. И даже ссора Рындиной с Анастасией Чеботаревской, причиной которой, по словам самой Рындиной, послужило «их охлаждение, их недоверье и их глубокое убеждение в моей бездарности»[14], к чему добавился ее роман с Северяниным, не привела к окончательному разрыву, что случалось у Сологубов в других случаях достаточно часто.

Финальным аккордом переписки являются письма Соколова с фронта и из плена. События Первой мировой войны стали важными для многих и многих русских писателей. Сологуб по возрасту призыву уже давно не подлежал, корреспондентом на позиции он также не поехал, но проблемы, связанные с войной, стали частыми темами его публицистики и художественного творчества. И первая была едва ли не более существенна и интересна для русской литературы. Если рассказы и стихи военного времени вызывали в критике преимущест-

[13] Отметим, что начиная с третьего издания предисловие Сологуба не печаталось.

[14] *Богомолов Н.А.* Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. С. 394.

венно скептическую реакцию, доходившую до издевательств[15], то публицистика его явно выделялась, вокруг нее шла полемика, и исследователи наших дней относятся к ней всерьез[16]. В отличие от военной продукции Сологуба книга Соколова «С железом в руках, с крестом в сердце: Записки офицера» (Пг., 1915) резонанса не вызвала, однако, как кажется, заслуживает внимания, поскольку являет собою редкий образец литературы, существующей синхронно с войной, написанной профессиональным литератором, не лишенным наблюдательности, владеющим словом и в то же время передающим непосредственные впечатления. В этом своем качестве она, пожалуй, может быть поставлена в один ряд с «Письмами прапорщика-артиллериста» Ф. Степуна и «Записками кавалериста» Н. Гумилева.

Некоторые подробности к ней добавляют письма Соколова к Сологубу и Чеботаревской, не проходившие военной цензуры. Не то чтобы автор их раскрывал нечто объявленное военной тайной, но просто свобода повествования добавляла естественности его рассказам. Если когда-либо у этой книги появятся комментаторы, письма станут для них серьезным подспорьем. Сейчас же отметим, что они, как и вся последующая судьба С. А. Соколова, не дают возможности сомневаться в его ненаигранном патриотизме, столь решительно контрастирующем с тыловой обстановкой, многократно описанной во множестве текстов. Однако переписка вскоре угасла и в послеоктябрьскую эпоху уже не возобновилась, хотя возможности для того, несомненно, были.

Основной массив публикуемых писем хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Письма Соколова к Сологубу — ф. 289, оп. 3. № 636, к Чеботаревской — ф. 289, оп. 5, № 258; письма Рындиной к Сологубу — ф. 289, оп. 3, № 602, к Чеботаревской — ф. 289, оп. 5, № 636. Письма Соколова к Сологубу № 1, 2, 6, 14 и 15 хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства — ф. 482, оп. 1, ед. хр. 426.

В письмах Соколова довольно часто начало или конец абзаца обозначаются, для экономии места, двумя косыми чертами. Мы не

---

[15] См., например, подборку отзывов о сборнике стихов «Война»: Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891 — октябрь 1917). М., 2005. Вып. 3: 1911 — октябрь 1917. С. 371.

[16] См.: *Hellman B.* Poets of Hope and Despair: The Russian Symbolists in War and Revolution (1914—1918). Helsinki, 1995. Специально о публицистике: *Павлова М. М.* Первая мировая война в публицистике Федора Сологуба // Политика и поэтика: Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. М., 2014. С. 15—29; *Верташов Д.* Две войны в газетной публицистике Ф. Сологуба // Политика и поэтика: Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны. М., 2013. С. 235—242.

соблюдаем этой особенности, начиная каждый абзац с красной строки. Простое подчеркивание передается курсивом, двойное — полужирным курсивом.

Когда писатели перешли на «ты», это обращение Соколов писал сперва стабильно с прописной буквы, потом стал путать прописную и строчную. Этот разнобой, свидетельствующий о степени человеческой близости, мы сохраняем.

Приносим сердечную благодарность М. М. Павловой, всячески помогавшей при подготовке публикации.

С. А. СОКОЛОВ — Ф. СОЛОГУБУ

1

31 июля <1>904 <года>

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

Отвечая на Ваше письмо, могу сообщить Вам, что «Гриф» с удовольствием готов издать одну из предложенных Вами книг, — именно — «Сборник сказок»[1]. Мы охотно издали бы и две книги, но на очереди у нас стоит уже целый ряд изданий, и тогда дело очень затянулось бы. Между тем книгу сказок мы можем выпустить осенью, — не позднее начала зимы, — даже, вернее, значительно раньше.

Что касается условий «Грифа», то они одинаковы для всех имеющихся там авторов. По каждому изданию ведется подробная отчетность. Из доходов от издания первоначально покрываются издержки по нем, а дальнейшие поступления, составляющие чистый доход, делятся между автором и «Грифом» пополам.

Если условия «Грифа» кажутся Вам подходящими, то присылайте Ваши сказки. Мои соображения о формате, обложке, продажной цене книги и прочих деталях издания я сообщу Вам тогда на обсуждение.

Одновременно с Вашей книгой ближайшими осенними изданиями будут: 1) Стихи А. Блока, 2) «Литургия Красоты» К. Бальмонта, 3) «Возврат» Андрея Белого и 4) «Ведьма» А. Миропольского[2].

Готовится Альманах 905 г., имеющий выйти в январе. В нем в силу нашей традиции принимают участие *все* издающиеся у нас авторы, и, следственно, мы надеемся, не откажетесь и Вы, чье участие было бы для «Грифа» желанным и дорогим[3].

С совершенным уважением

С. Соколов

Мой адрес: 1) до 15 авг<уста> — Московско-Казанск<ая>ж. д., ст. Малаховка.

2) с 15 авг<уста> — Москва. Никитские ворота. д. Якунина. 12

(Сергею Алексеевичу Соколову).

Письмо на бумаге со штемпельной надпечаткой «Книгоиздательство “Гриф”».

[1] Речь идет о многократно обсуждаемой далее «Книге сказок» Сологуба (М.: Гриф, 1905).

[2] «Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока вышли в свет в конце октября 1904 г. Подробнее об истории работы над книгой и ее издании см.: *Блок А. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 1997. Т. 1. С. 394—401. Сборник стихов К. Д. Бальмонта «Литургия красоты» был издан в декабре 1904 г. Третья симфония Андрея Белого «Возврат» появилась в середине ноября 1904 г. Соединенные под одной обложкой две поэмы А. Л. Миропольского (А. А. Ланга) «Ведьма» и «Лествица» с предисловием Андрея Белого были разрешены цензурой в сентябре, а вышли в свет, видимо, в ноябре 1904 г. На титульном листе каждого из перечисленных изданий указан 1905 г.

[3] Об участии Сологуба в третьем альманах «Грифа» см. п. 2, примеч. 2.

2

12 окт<ября> <1>904 <года>

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

«Книга Сказок» выйдет дней через 7—8. Будет их 40, сколько и прислано[1].

За стихотворения большое спасибо: они великолепны и пойдут все целиком[2]. Очень прошу прислать обещанный рассказ для Альманаха[3]. Думаю его выпустить к Рождеству. Обложка «Сказок», работы М. Дурнова[4], будет несколько иная, чем думалось: на белом фоне черный квадрат, как в «Только Любовь»[5], где рука отдергивает занавес, на котором смутно сквозят сказочные лики, а за ним — черная бездонность со звездами. <Рисунок>

Преданный Вам

Гриф

P. S.

За приглашение чрезвычайно благодарен. Лишь только буду в Петербурге, немедля воспользуюсь.

В свою очередь надеюсь, что если Вы попадете в Москву, то доставите мне удовольствие видеть Вас, прибыв в «Гриф».

Лишь только Сказки выйдут, вышлю тотчас Вам 20 экз<емпляров> для «даров».

Написано на бланке (лист из блокнота) издательства «Гриф» красными чернилами.

[1] Это утверждение верно: в «Книгу сказок» вошло именно 40 произведений.

[2] Речь идет об альманахе книгоиздательства «Гриф» на 1905 г., где были опубликованы следующие 12 стихотворений Сологуба: «Алой кровью истекая в час всемирного томленья...» (с. 54); «Высоко я тебя поставил...» (с. 55); «В недосягаемом чертоге...» (с. 55—57); «Безумием окована земля...» (с. 57); «Громадный живот...» (с. 57—58); «Не сияет весна моя...» (с. 58—59); «Порочный отрок, он жил один...» (с. 59); «Луны безгрешное сиянье...» (с. 59—60); «Лживые двери твои безучастны...» (с. 60—61); «Поет печальный голос...» (с. 61); «В село из леса она пришла...» (с. 62); «Когда звенят согласные напевы...» (с. 62).

[3] О каком рассказе идет речь, мы не знаем. В альманахе он напечатан не был. Возможно, имеется в виду новелла «Милый паж», отвергнутая цензурой в сборнике «Жало смерти» и впервые напечатанная в «Весах» (1906. № 8).

[4] Дурнов Модест Александрович (1868—1928) — художник, архитектор, выступал также как поэт. Ему принадлежит рисунок логотипа издательства «Гриф».

[5] Имеется в виду сборник стихов К. Д. Бальмонта «Только любовь: Семицветник» (М.: Гриф, 1903).

3

28 апр<еля> <1>905 <года>

Глубокоуважаемый

Федор Кузьмич!

Большое спасибо за письмо. Мне очень радостно знать, что Вы не сожалеете об участии в «Грифе» и знак его для Вас благоприятен.

Посылаю Вам тот греческий журнал, где есть перевод нескольких сказок[1]. Мне известно, что намереваются несколько сказок перевести и на английский язык. Постараюсь достать № чешского «Moderni Revue», где отзыв о сказках[2].

Преданный Вам

Гриф

Письмо на почтовой бумаге издательства «Гриф».

[1] См. в хронике: «Panathenaia. Перевод пяти сказочек <...> из последней “Книги сказок” Ф. Сологуба...» (Весы. 1905. № 1. С. 80).

[2] Переводы сказочек Сологуба на английский нам разыскать не удалось. Под отзывом в чешском журнале, возможно, имеется в виду рецензия на альманах «Северные цветы», в которой упоминается Сологуб (*Kříž Gustav.* «Severni kvety» // Moderni Revue. 1904. № 1, říjen (октябрь). S. 52); об этой рецензии Сологубу сообщил Брюсов в ноябрьском письме 1904 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 108 / Публ. В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского). Отметим также, что в переводе на чешский язык был опубликован рассказ «Красота» (Moderni Revue. 1904. № 3, prosinec).

4

3 февр<аля> <1>906 <года>

Одновременно с № посылаю гонорар за рассказ «Призывающий Зверя»[1], в коем находится 338 строк, т. е. ½ листа, 2 строки [наш печатный лист заключает 672 строки, но иногда мы вынуждены раздвигать их, т. к. французский текст выходит длиннее]*.

Гонорар = 50 р. 30 к.

На отрезном купоне почтового перевода. Штемпель журнала «Золотое руно». Помета: «От “Золотое руно”. Редакция. Москва. Новинский бульвар, дом Рогожина».

[1] Рассказ опубликован: Золотое руно. 1906. № 1. С. 53—61. Сологуб присутствовал уже на первом собрании потенциальных петербургских сотрудников будущего журнала, состоявшемся 30 ноября 1905 г. (см.: *Ремизов А.М.* Кукха: Розановы письма. СПб., 2011. С. 34) и регулярно печатался в нем до конца 1908 г. с небольшим перерывом во второй половине 1906 г. (см. об этом ниже).

5

4 февр<аля> <1>906<года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Могло ли «Золотое Руно» забыть Вас, одного из его ближайших и самых ценных сотрудников? Эпизод с неполнотой телеграммы — случайный недогляд, объясняемый торопливостью и отвлекающими условиями шумного пиршества, с коего посылались телеграммы[1].

Номер «Руна» послан Вам еще вчера: могли ли Вы думать, что Вам пришлось бы его покупать. Сегодня или завтра в СПБ будут посланы почтой гонорары[2].

---

* *Прямые скобки принадлежат Соколову.*

Во II № рассчитываю поместить часть Ваших стихов[3]. В будущем очень хотелось бы иметь еще Ваш фантастический рассказ[4]. «Призывающий Зверя» — великолепен[5]. Крепко жму руку.

Ваш всегда

Гриф

Письмо на почтовой бумаге журнала «Золотое руно». На обороте карандашом (по-видимому, рукой Сологуба):

350 стр., а не 338 — 1 р. 79 к.

31—32 тыс. букв, а не 24 800.

L'evocateur. Les pied nus (jambes).

L'adolescent. Aristomaque aux pieds legers[6].

---

[1] Речь идет о телеграмме, посланной с банкета в честь выхода первого номера «Золотого руна», состоявшегося 31 января 1906 г. Полученная Сологубом телеграмма не сохранилась, однако ее можно реконструировать. См. в письме Л. С. Бакста к К. А. Сомову от 1 февраля:

> Дорогой Костя,
>
> Вчера ночью получил такую депешу: «Празднуя выход первого номера "Золотого Руна", пьем здоровье ваше, Сомова, Лансере, Добужинского — Н. Рябушинский, Тароватый, Гриф».
>
> Ты не рассердишься на меня, что я позволил себе, не спрашивая предварительно тебя (ввиду сокращения времени) послать ответную депешу такую:
>
> «Приветствуем выход "Золотого Руна" да здравствует искусство. Сомов, Лансере, Добужинский, Бакст».
>
> (РГАЛИ. Ф. 869. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 4).

[2] См. п. 4.

[3] Во втором номере журнала стихов Сологуба не было, поскольку там была опубликована «Я. Книга совершенного самоутверждения» (С. 76—69; см. также п. 6). Два стихотворения Сологуба были напечатаны в третьем номере (см. п. 6).

[4] Судя по всему, имеется в виду рассказ «Тела и душа» (Золотое руно. 1906. № 6. С. 34—40).

[5] См. п. 4.

[6] Записи связаны с рассказом «Призывающий зверя». Подсчеты — ср. п. 4. Французские выражения относятся к заглавию (в журнале — L'evocateur de la bête), к переводу словосочетания «с голыми ногами» (С. 54), к аналогу сологубовского «отрок» (l'adolescent) и «быстроногий Аристомах» (С. 57). Видимо, Сологуб сомневался в точности перевода.

6

20 февр<аля> <1>906 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

От души благодарю Вас за Ваше расположение и любезное внимание... По поводу вопросов, возбуждаемых Вами, спешу ответить, что «Я» появится во II же №[1].

Рады будем получить небольшую статью о «Грядущем Хаме», но для отдела критико-библиографического, т. к. не усматриваем в «Грядущем Хаме» повода посвящать ему *особо выделенную от других* статью, — тем более, что в ближайшем № будет особая статья о «Трилогии» Мережковского. Желательный размер рецензии о «Хаме» — 3—4 стр<аницы>, т. е. строк 150—200[2].

«Литургию Мне» поместить, к сожалению, не можем[3]. В принципе решено не помещать *больших* стихотворных вещей, ибо: 1) стихи, остающиеся без перевода, и так уже являются некоторым нарушением обязательств перед иностранными подписчиками[4]; 2) нас к тому приводит горький опыт «Октав»[5], столь громадных по размеру, что ими загружен стихотворный отдел на 4 №№; 3) количество стихов, находящихся в распоряжении «Руна», — громадно, и хочется отразить в этом направлении по возможности всех интересных писателей.

Будем очень рады получить для дальнейших №№ Ваш фантастический рассказ. Для III № намечены 2—3 Ваших стихотворения[6].

Преданный Вам душой

Сергей Соколов

Письмо на почтовой бумаге журнала «Золотое руно».

[1] См. п. 5, примеч. 3.

[2] Рецензия Сологуба на книгу Д. С. Мережковского «Грядущий Хам» была напечатана в четвертом номере «Золотого руна» за 1906 г. (С. 102—105). Первой «трилогии» Мережковского была посвящена статья Андрея Белого «Мировая Ектения» (Золотое руно. 1906. № 3. С. 72—83). Отметим, что 3 марта Соколов писал Белому: «“О хаме” уже собирается писать Сологуб — пока не могу Вам предложить эту рецензию» (РГБ. Ф. 25. Карт. 23. Ед. хр. 2. Л. 29).

[3] Мистерия Сологуба «Литургия Мне» была в конце концов издана отдельной небольшой книгой (М., 1907).

[4] В первых пяти номерах «Золотого руна» проза и статьи переводились на французский язык, что, как полагал Н. П. Рябушинский, должно было содействовать популяризации русской литературы на Западе. Стихи же оставались без перевода. В № 6 был проделан опыт перевода и стихов, для чего из Франции был выписан поэт Эсмер-Вальдор (Александр Мерсеро). Опыт, однако, оказался неудачным во всех отношениях. Подробнее см.: *Богомолов Н. А.* Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М., 2010. С. 338—360 (гл. «Символистская Москва глазами французского поэта»).

[5] Речь идет о поэме Д. С. Мережковского «Старинные октавы», печатавшейся в первых четырех номерах журнала. См. о ней в воспоминаниях В. Ф. Ходасевича «О меценатах»: «Один писатель, знаменитый уже в ту пору, всучил Л-ву нуднейшую и длиннейшую свою поэму, получил по рублю за строчку, уехал за границу и там вдруг испугался, что недобрал. Прислал телеграмму: “Если журнал хочет сохранить мое идейное сочувствие, прошу дополнительно выслать пятьсот рублей”. Л-в, надо ему отдать справедливость, нашелся. В ответ он телеграфировал: “В сочувствии не сомневаемся, денег не высылаем”» (*Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 331—332). В дневниково-мемуарных его записях история выглядит следующим образом: «В начале 1906 г. я видел буквально такую телеграмму Мережковского

в “Золотое Руно”: “Если журнал хочет сохранить мое идейное сочувствие, прошу немедленно перевести столько-то (не помню) рублей авансом”. Рябушинский не послал, т. к. за Мер<ежковским> уже был аванс. Его рукопись (поэма [не помню названия] “Старинные октавы”) была уже в редакции. Эта поэма и напечатана в № 1 “Зол<отого> Руна”, но в дальнейшем идейное сочувствие Мер<ежковского> действительно прекратилось: больше он у Ряб<ушинского> не печатался» (Columbia University Libraries. Bakhmetieff Archive Ms Coll M.M. Karpovich. F. 18).

[6] Было напечатано два стихотворения: «В тихий вечер, на распутьи двух дорог...» и «В день Воскресения Христова» (С. 42).

7

1 марта <1>906 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Увы! — как ни печально мне это, я должен лишить себя удовольствия видеть «Мелкий Бес» напечатанным в «Грифе»[1]. Дело в том, что благодаря общим условиям книжного рынка книги сейчас расходятся страшно медленно, и это парализует финансовую энергию «Грифа», которому трудно вложить в дело новые средства, еще не вернув почти ничего из затраченных ранее. Другая причина — та, что благодаря «Руну» у меня страшно загромождено время, и я все еще не могу выпустить уже начатых изданий: «Intentions», «Портрет Дориана Грэя», книга Вилькиной и книга Курсинского[2].

Очень прошу Вас, дорогой Федор Кузьмич, если Вы согласны взять на себя статейку в критико-библиографическом отделе о «Хаме»[3], выслать ее *как можно скорее* (числу к 6—7), и во всяком случае меня о том уведомить теперь же. Было бы также очень приятно получить Ваш II рассказ из серии фантастических: очень важно вообще получать материал *заранее*, — только при этом условии можно успеть перевести вовремя и не затянуть[4].

Ваш

Сергей Соколов

Письмо на почтовой бумаге журнала «Золотое руно».

[1] О допечатной истории и журнальной публикации романа см.: *Павлова М. М.* Творческая история романа «Мелкий бес» // Сологуб Ф. Мелкий бес. СПб., 2004. С. 753—757.

[2] Речь идет о следующих изданиях: *Уайльд О.* Замыслы / Пер. А. Минцловой. М.: Гриф, 1906; *Уайльд О.* Портрет Дориана Грэя / Пер. А. Минцловой. М.: Гриф, 1906 (обе появились в июне); Мой сад [Сонеты и рассказы] Л. Вилькиной (Минской) / С предисл. В. В. Розанова. М., 1906 (книга вышла без указания издательства в ноябре); *Курсинский А.* Сквозь призму души. М.: Гриф, 1906 (появилась в июне). 7 июня 1906 г. Соколов писал А. М. Ремизову: «Только что выпустил “Дориана Грэя”; сейчас выпускаю “Замыслы” Уайльда и книгу Курсинского. Осенью предстоят: книги Минской, Кондратьева, Петровской и Альманах» (РНБ. Ф. 634. № 203. Л. 21).

[3] См. п. 6, примеч. 2.

[4] См. п. 5, примеч. 4.

8

Малаховка.

М<осковско>-Казанск<ая> ж. д., Св<оя> дача.

9 июля <1>906 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Я сложил с себя заведование литературной частью «Золотого Руна»[1].

Так как журнал — таким, как он существовал, был создан мной, то, оставляя дело, которое теперь намерен вести г. Рябушинский самолично, я считаю своей обязанностью осветить Вам, в ком я видел всегда одного из ближайших и наиболее ценных сотрудников «Руна», настоящее положение вещей, как и те возможности, которые из него открываются.

Для этой цели прилагаю копию мотивированного отказа, посланного мной г. Рябушинскому[2].

Осенью намерен организовать серию сборников (которую со временем разверну в журнал), где Политика (не злободневная, более отрешенная) шла бы рядом с Искусством[3]. Кроме политических статей, там будут допускаться и стихи, и художественная проза, с содержанием хотя бы и окрашенным политикой, но при условии, что от этого они не перестанут удовлетворять требованиям художественности формы и стиля. Наряду с этим будут и произведения чистого искусства.

Очень рассчитываю на Вас. Вы — один из немногих, кто способен творить песни, которые — призывный клич — для минуты, произведения искусства — для поколений.

Очень прошу дать согласие. Примите уверение в моем глубоком уважении.

Преданный Вам

Ваш Гриф

---

[1] Об истории первого года «Золотого руна» и причинах ухода Соколова из журнала см.: *Лавров А. В.* «Золотое руно» // Лавров А. В. Русские символисты. М., 2007. С. 457—485; *Богомолов Н. А. К* истории «Золотого руна» // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 41—83.

[2] Письмо Соколова к Рябушинскому было отпечатано на пишущей машинке и разослано многим писателям. Полученную Сологубом копию мы не публикуем. Текст письма см.: *Богомолов Н. А.* От Пушкина до Кибирова... С. 42—46. 24 июля Соколов сообщал В. Ф. Ходасевичу: «Из крупных уходит Сологуб, приславший мне очень сочувственное письмо, где сообщает, что со дня моего ухода из “Руна” считает свои отношения с “Руном” порванными» (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 16 об.), а 5 августа повторял: «Сологуб из “Руна” ушел, — прислал туда об этом письмо» (Там же. Л. 18). Однако вскоре, после двух тактически верных ходов Н. П. Рябушинского, Сологуб возобновил свое сотрудничество в «Золотом руне» (подробнее см.: *Богомолов Н. А.* От Пушкина до Кибирова... С. 54—56).

[3] 5 августа 1906 г. Соколов писал В. Ф. Ходасевичу: «Милый Владя! Через день после Вашего отъезда ко мне неожиданно явился..... Линденбаум. Оказывается, он раскаялся, ему стыдно за себя и он предлагает дать деньги на 3 сборника в течение зимнего сезона (сошлись на 500 руб. — каждый), а будущей осенью он предлагает мне сделаться полномочным редактором журнала, на который он дает 15 тыс. рублей. Я согласился, уповая на журнал, хотя от сборников я лично не получу ничего. Зато, благодаря им, мы не исчезнем с литерат<урного> горизонта. Сборники будут под общим именем. Марка "Грифа", но имя — не "Гриф". Платить можно будет: проза 10 коп., стихи 20 к. Великим людям: проза: 12, maximum — 15 к.; стихи: 25—30. В каждом сборнике около 100 страниц. Предполагаю — в формате "Poesia", так что нумерованных страниц будет 50 [*Уничтожено дыроколом*: в] 2 столбца каждая. Первый сборник думаю выпустить в сентябре. Цена будет гривен 8» (Там же. Л. 18). 9 августа он сообщал Н. М. Минскому: «Теперь я приступаю к выпуску серии сборников под одним общим именем (кстати, не посоветуете ли его?), которые должны составить базу, откуда со временем развернется журнал. Деньги в количестве, нужном *для журнала*, придут ко мне только в 907 году. Надеюсь, к тому времени Вы будете в России и мы поработаем вместе. Пока очень прошу Вас принять участие в сборниках. Искусство и Общественность будут там объединены на равных правах. В основу этого синтеза должен лечь тот принцип, что и Свобода Искусства, и Свобода общественная имеют один источник — верховное стремление человеческого духа к избавлению от мертвых, извне налагаемых догм. Дух Свободы, в каких бы областях он ни проявлялся, един и неделим, как един и неделим, во всем многообразии своих масок, вечный враг его, Деспотизм. Движимая этим духом Революция есть всегда низвержение догматических кумиров, будь то догмы политики, морали, искусства. Но часто наступление производится не по всему фронту революции одновременно, и разные струи ее обособляются. Надо подчеркивать единство их источника и вскрывать их внутреннее родство. Все восставшие во имя Свободы — братья, будут ли то революционеры Политики, Морали или Искусства. Вот приблизительная, в общих чертах, "платформа", на которой, думается, Искусство и Политика могут сойтись, не тесня друг друга. Думаю, что в общем она не противна Вашим взглядам. Сборники будут небольшие (в 100 стр. — каждый) и непременно дешевые. Сделаю все, чтобы обеспечить им широкое распространение» (ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 1. № 343. Л. 12). О дальнейшей судьбе этого плана см. далее.

9

Москва, Арбат, Б. Николопесковский пер.,
д. Голицына, кв. 48
28 авг<уста> <1>906 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Счастлив сообщить Вам, что явилась возможность начать прямо журналом, минуя всякие промежуточные фазы в виде сборников[1].

Подписной год начнется с ноября и I № выйдет числа 6-го ноября. Название: «Перевал». Сегодня же подаю прошение о выдаче разрешения.

По количеству материала журнал будет подобен «Весам», но будет гораздо дешевле[2]. Надеюсь на широкое распространение.

Гонорар могу Вам предложить — такой же, как в «Зол<отом> Руне», т. е. 50 коп. за стихотворную строку и 100 руб. за лист прозы.

Очень жду для I № стихов и статью о Чулкове[3]. Очень прошу, дорогой Федор Кузьмич, пришлите политических стихов.

Вероятно, буду в СПБ на съезде К. Д. — зайду непременно[4].

Черкните, прошу, о получении этого письма.

Крепко жму руку.

Любящий Вас

Гриф

Журнал по внешности будет весьма изящен.

Публикации начну с конца сентября. Хотелось бы поскорее получить материал.

На днях снимаю помещение для редакции: адрес тотчас сообщу[5].

---

[1] Речь идет о журнале «Перевал», который начал выходить с ноября 1906 г. О нем см.: *Лавров А. В.* «Перевал» // Лавров А. В. Русские символисты. С. 486—498; *Соболев А. Л.* Перевал: Журнал свободной мысли 1906—1907: Аннотированный указатель содержания. М., 1997. 22 августа Соколов писал В. Ф. Ходасевичу: «С Линденбаумом налаживается *журнал*. Он оказался очень милый и с душой. Золотых рек, правда, не будет, но позиция спасена. Считайте себя секретарем. Больше чем руб. на 30 в месяц не надейтесь, но дело, конечно, не в деньгах. Была бы спасена “честь”. Тороплюсь. Пишу карандашом. Вечером выезжаю на 3 дня в Ярославль, к Линденбауму. Журнал начнем с ноября. Сборники — к дьяволу! Брюсов отказался участвовать. Прочие будут. Из “Руна” ушли еще: Миропольский, Кондратьев, Бачинский» (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 19—20). Сообщая 26 августа Н. М. Минскому о планах журнала, Соколов писал: «Общие идейные основы — те, о которых я Вам писал и по поводу коих Вы так сочувственно откликнулись: эстетизм + общественность (радикальная, но надпартийная)» (ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 1. № 343. Л. 13).

[2] Номер журнала стоил 50 коп., подписная цена на год — 4 руб. В 1906 г. «Весы» объявили подписную цену в 5 руб. на год, в 1907-м предлагали покупать годовые комплекты по 6 руб. См. также п. 10.

[3] В первом номере журнала Сологуб напечатал две «Простые песенки» («В день погрома» и «Жалость») и статью «О недописанной книге», посвященную работе Г. И. Чулкова «О мистическом анархизме».

[4] 4-й съезд партии конституционных демократов (партии народной свободы) состоялся в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки) 23—28 сентября 1906 г. Соколов принимал в нем участие (см. его письмо к Л. Н. Вилькиной от 30 сентября 1906 г.: ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 3. № 927. Л. 19, а также запись в дневнике Л. Д. Рындиной от 26 сентября).

[5] См. п. 10.

10

9 сент<ября> <1>906 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Довольно давно уже я послал Вам письмо, но, не получая просимого ответа, боюсь, что оно пропало, ибо послано не заказным.

Там я писал Вам, что явилась возможность начать прямо журнал, без той промежуточной фазы в виде сборников, о коей я писал Вам вскоре после нашего свидания в Москве.

Дело с журналом обстоит вполне твердо: готовимся к I №.

Сняли и устраиваем помещение: Пречистенский бульв., угол Сивцева Вражка, д. Тарасова, кв. 1, куда прошу адресовать на мое имя письма.

Журнал будет называться «Перевал» и будет построен на основе объединения эстетизма и общественности (как мы говорили при свидании). Выходить будет ежемесячно, под моей редакцией. По количеству материала будет в роде «Весов», но по подписке дешевле (4 руб.— год). Печататься будет сразу в значит<ельном> числе, и будут приняты все меры к наиболее широкому распространению.

Очень прошу Вас, дорогой Федор Кузьмич, прислать обещанные стихи (хотя бы отчасти с *политическим оттенком*); статью о Георгии Чулкове да помыслить и о рассказе. I № выйдет ноября 7-го (подписной год начнется с ноября), а объявления начнутся еще в конце сентября.

Гонорар *Вам* могу предложить в *самом высоком у* нас размере: 50 к. — за строку стихов и 100 р. за лист прозы в 32 тыс<ячи> букв.

Очень прошу — присылайте материал поскорее, — хочется поскорее же отдать в набор: с I № в типографском смысле всегда больше хлопот, а сделать хочется повыдержаннее.

Хочу думать, что журнал Вам понравится и с внешней стороны. Несмотря на дешевизну, он будет напечатан на очень хорошей бумаге и будет весьма изящен.

Пока до свидания, дорогой Федор Кузьмич! Жду ответа.

Надеюсь в конце сентября быть в Петербурге по поводу кадетского съезда, — тогда увидимся непременно. Крепко жму руку.

Любящий Вас

Гриф

11

27 нояб<ря> <1>906 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Ваши «Сказочки» получил[1]. Спасибо большое. Не напишете ли для «Перевала» несколько ядовитых сказочек[2]. Для журнала, рассчитанного на широкие круги читателей, а не только на «посвященных», сказочки Ваши — вещь глубоко подходящая.

«Любви» пойдет в одном из ближайших №№[3].

Кстати, в числе рассказов, присланных для «Истлевающих личин», нет ли не бывшего в печати? Его можно бы сперва провести в «Перевале»[4].

«Личины» начну печатать тотчас после Рождества. К Рождеству очередь за «Сатирессой» Кондратьева[5].

Из «Простых песенок» две решился пустить в I №, две другие отложил до лучших дней[6]. Не черкнете ли Ваше мнение о I №? Теперь Вы его уже получили.

Жму руку от души.

Вас любящий

Гриф

Портрет послал.

Письмо на почтовой бумаге журнала «Перевал». ТАК?

[1] Речь идет о книге Ф. Сологуба «Политические сказочки» (СПб., 1906).

[2] Этот план был реализован лишь отчасти: Сологуб прислал сказочку «А третий — дурак», но ее не напечатали. См. ниже, п. 15, 19, 22.

[3] Пьеса «Любви» была опубликована в «Перевале» 1907. № 8—9. С. 51—58.

[4] Речь идет об издании: *Сологуб Ф.* Истлевающие личины. Книга рассказов. М.: Гриф, 1907. Вышла в апреле 1907 г. (см. п. 17). Предварительной публикации какого бы то ни было рассказа Сологуба в «Перевале» не было.

[5] Имеется в виду книга А. Кондратьева «Сатиресса: Мифологический роман» (М.: Гриф, 1907). Вышла в декабре.

[6] См. п. 9, примеч. 3. Других «Простых песенок» в «Перевале» не печаталось.

12

27 янв<аря> <1>907 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

«Истлевающие Личины» набираются. Выйдут во II половине февраля. Как быть с корректурами? Посылать Вам, или Вы доверитесь мне? В первом случае очень надеюсь, что Вы не будете задерживать их долго.

Адресую Вам просьбу: пришлите политических «сказочек», а также стихов. Еще другая просьба: не пришлете ли рассказ. Тогда я его пустил бы в первую голову, а «Любви» — во вторую. «Любви» — очень хорошая вещь, но мечталось бы сперва поместить рассказ. Конечно, если сейчас рассказа в работе у Вас нет, сперва поместим «Любви»[1].

Жму Вашу руку. Искренний привет.

Весь Ваш

С. Соколов

Письмо на почтовой бумаге журнала «Перевал». Помета Сологуба: «Ответ 29 янв. 07».

[1] См. п. 11, примеч. 3.

13

31 янв<аря> <1>907 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Мне очень улыбается Ваша мысль о «Демонах Поэтов»[1].

Весьма уверен, что это будет нечто весьма интересное.

Чем скорее начнете присылать их, тем приятнее.

Стихи беру с удовольствием[2].

Жму руку.

Ваш душой

С. Соколов

Письмо на почтовой бумаге журнала «Перевал».

[1] Большая статья Сологуба под таким названием была опубликована в двух номерах «Перевала» за 1907 г.: № 7. С. 48—51 (первая часть, под названием «Круг демонов») и № 12. С. 46—50 («Старый черт Савельич»).

[2] Ближайшее стихотворение Сологуба появилось в шестом номере «Перевала», но имелось в виду явно не оно (см. п. 15). Подборка из трех стихотворений была напечатана в № 11.

14

5 февр<аля> <1>907 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

«Царица Поцелуев» — поистине великолепна. Пускаю ее в 5 №, хотя бы пришлось расплатиться конфискацией и 1001 статьей[1].

О «Демонах поэтов» уже писал и пишу снова, что я буду бесконечно рад видеть столь интересно задуманные вещи на страницах «Перевала».

Жму руку.

Ваш душой

С. Соколов

Письмо на почтовой бумаге журнала «Перевал».

[1] Рассказ Сологуба действительно напечатан в № 5 (С. 18—22). Статья 1001 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» вместе с двумя последующими трактовала вопрос «о противных нравственности и благопристойности сочинениях, изображениях, представлениях и речах», т. е. о порнографии. 31 марта Соколов писал Г. И. Чулкову: «Ждем конфискации за стихотворение Минского и рассказ Сологуба» (РГБ. Ф. 371. Карт. 4. Ед. хр. 2. Л. 13). Как следует из п. 16, журнал не подвергся никаким преследованиям.

15

17 марта <1>907 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

«Царицу поцелуев» я все-таки рискну пустить в № 5. Очень уж нравится, хотя, признаться, побаиваюсь.

3 дня назад вышел февральский № (4), застрявший из-за типографского локаута. № 5 спешно набирается в другой типографии и выйдет к 25 марта.

Очень меня одолевает нахлынувшая волна произведений из области Эроса. Силюсь ставить прямо механические преграды, иначе «Перевал» станет прямо-таки специальным журналом[1].

Относительно Вашей политической сказки нащупывал частным образом почву в цензуре. Выясняется, что одна фраза в самом конце может взорвать №. Я ее отметил карандашом и посылаю Вам: если можно, переделайте[2].

Сборник Ваших рассказов застрял благодаря тому же типографскому локауту: он выйдет в самом конце марта, по моему расчету.

Слышал в «Русской мысли», что там было Ваше стихотворение о «Нюренбергском палаче», коего нервы почтенного журнала не вынесли. Если это — не очень огромная вещь, не пришлете ли?[3]

Жму руку.

Ваш

С. Соколов

Новость: «З<олотое> Руно», откуда за последнее время ушло много народу: Л. Андреев, Зайцев, Бунин, уничтожает литер<атурный> отдел, допечатает лишь уже принятый материал[4].

Письмо на почтовой бумаге журнала «Перевал».

[1] Ср. в письме Соколова к М. А. Кузмину от 12 июля 1907 г.: «В Вашем письме в словах о “наименьшем эротизме” Вы угадали мои тайные желания. Желать “наименьшего эротизма” заставляет — увы — стратегия и сознание, что круг наших читателей далеко не совпадает с кругом, скажем, “Весов”» (РНБ. Ф. 124. № 2233. Л. 1).

[2] См. п. 11, примеч. 2. О какой именно фразе идет речь, мы не знаем.

[3] Стихотворение было опубликовано в шестом номере «Перевала» за 1907 г (С. 3; подзаг. «Из переживаний»).

[4] Этот слух широко распространился в первой половине марта. См., например, письмо В. Я. Брюсова к К. И. Чуковскому от 8 марта (Контекст: Историко-литературные и теоретические исследования 2008. М., 2009. С. 333 / Публ. А. В. Лаврова), письмо С. М. Городецкого к В. Я. Брюсову от 12 марта (РГБ. Ф. 386. Карт. 83. Ед. хр. 36. Л. 16), недатированное письмо М. Ф. Ликиардопуло к Сологубу (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 410. Л. 22) и др. Однако в конечном итоге он оказался недостоверен, литературный отдел существовал до закрытия журнала.

16

6 апреля, <1>907 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Мне очень хотелось бы, чтобы в № 7 (май), который откроет собой II полугодие, появилась I из обещанных Вами серии литературных характеристик «Демоны поэтов»[1].

Потому весьма умоляю: пришлите к 1 мая. Будет в самое время.

«Змея» и «Мелкого Беса» получил[2]. Благодарю от души.

В № 6, который выйдет к Пасхе, идут Ваши стихи[3].

«Царица Поцелуев» прошла благополучно.

Жму Вашу руку.

Любящий Вас

Сергей Соколов.

Дела «Перевала» неплохи.

Письмо на почтовой бумаге журнала «Перевал».

[1] См. п. 13, примеч. 1.

[2] Речь идет о следующих книгах: *Сологуб Ф.* Змий. Стихи. Кн. 6-я. СПб., 1907 (появилась в апреле); *Он же.* Мелкий бес: Роман. СПб.: Шиповник, 1907 (вышел в марте).

[3] См. п. 15, примеч. 3.

17

19 апр<еля> <1>907 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Сегодня выходит книга Ваша[1], и сегодня же высылается в Петербург. Будьте добры, возьмите у Митюрникова (Литейный, 31) для себя 25 экз<емпляров>. Если понадобится больше, можно потом взять еще. Книга издана с таким расчетом, чтобы можно было продавать ее за 1 рубль. Это я сделал потому, что мне очень хочется, чтоб она не лежала и лучше расходилась. А достичь этого можно лишь одним способом — недорогой ценой.

Опоздала книга так сильно по следующим причинам. Она была в большей части набрана в той типографии, где печатался и «Перевал»[2], еще до типографской забастовки. Когда во время типогр<афского> локаута та типография проявила к «Перевалу» недостаточно внимательное отношение, отказавшись дать «Перевалу» готовый набор № для перевозки в другую типографию, и когда «Перевал» в виде кары за это был вынужден переменить типографию[3], — прежняя стала затягивать в отместку выпуск Вашей книги и вот дотянула до Пасхи.

В этом есть, впрочем, и одна хорошая сторона. Иначе ведь книга вышла бы одновременно с «Мелким Бесом»[4] и это уменьшило бы эффект.

Весьма жду обещанных «демонов поэтов», — вещь, которую тщетно анонсирую, но от Вас о ней ни слуху, ни духу.

Привет, дорогой Федор Кузьмич, жму Вашу руку.

Ваш

Сергей Соколов.

Изумляюсь, почему так слабо идут Ваши «Сказки» в издании «Грифа».

Письмо на почтовой бумаге журнала «Перевал».

[1] Имеется в виду сборник рассказов «Истлевающие личины».

[2] На пятом и шестом номерах «Перевала» (март—апрель) типография не обозначена, и мы не знаем, где печатался журнал и сборник «Истлевающие личины». Обратим внимание, что Соколов тщательно скрывает название типографии.

[3] С № 7 журнал печатался в типографии В. М. Саблина.

[4] См. п. 16, примеч. 2.

18

30 апр<еля> <1>907

Дорогой

Федор Кузьмич!

Очень горюю по поводу Ваших трех огорчений. Не сердитесь, ради Бога. Я писал Вам, что делала со мной типография, где издавалась Ваша книга.

Чтоб успеть выпустить ее к Пасхе, потребовался миллион усилий и в последние дни перед выходом (на Страстной неделе) царила дьявольская спешка. Отсюда указанные Вами промахи.

Особенно смущают меня Ваши слова об опечатках: корректуру держал я сам, и очень тщательно: казалось бы, их не должно быть много.

Ожидаю начало «Демонов». Стихи и прежние и новые, разумеется, пойдут в начальных №№ лета. Тогда же и драма[1]. Я ее все время придерживал потому, что очень много накопилось материала из области Эроса и приходится проводить его не потоком, а отдельными «дозами».

Посылаю Вам мои стихи — «Алую Книгу»[2].

Жму Вашу руку.

Ваш всей душой

Сергей Соколов

Письмо на почтовой бумаге журнала «Перевал».

[1] О стихах Сологуба в «Перевале» см. п. 13, примеч. 2; о драме «Любви» — п. 11, примеч. 3.

[2] Имеется в виду одноименный сборник стихов С. Кречетова (М.: Гриф, 1907; вышел в конце апреля). Ср. в письме к Г. И. Чулкову от 30 апреля 1907 г.: «Я очень рад, что Вам понравился мой сборник. Типографские недочеты Вы извините, если узнаете, что он набирался, печатался и выходил ровным счетом три дня» (РГБ. Ф. 371. Карт. 4. Ед. хр. 2. Л. 14).

19

24 июля <1>907 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Ждал Вашего нового адреса и, не узнав, решаюсь писать по старому.

Понимаю глубоко всю горечь и остроту Вашей утраты. Страшно и одиноко становится, когда умирает человек, с которым рядом проживешь долгие ряды лет[1].

И пустоты, — пролета, который внезапно получается в жизни, не заполнить ничем и никогда.

А ведь одновременно с этим перевернут и разрушен даже весь внешний уклад Вашей жизни, отняты даже привычные стены, в которых работалось и думалось[2].

Но, верится, жизнь не сломает Вас, с Вашей волей и силой духа.

Пишу о делах: «Русско-монгольскую сказочку»[3] получил, но с ней вышла неприятность. С неделю назад в «Перевале» был ночью обыск, при коем было взято несколько рукописей, — и в том числе Ваша.

Все мои хлопоты о возвращении их и вообще о выяснении дела оказались бесплодными.

Приходится тревожить Вас просьбой восстановить вещь по черновику и прислать вторично[4].

В последних числах июля выйдет двойной №, где будет Ваша драма[5].

Очень грущу, что не прислали продолжения «Демонов». Надеюсь, пришлете к августу[6].

Жму руку от души

любящий искренно

Сергей Соколов

Письмо на почтовой бумаге журнала «Перевал».

[1] Речь идет о смерти сестры Сологуба Ольги Кузьминичны (1862—1907), скончавшейся 28 июня. Об их отношениях см.: Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой / Публ. Т. В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 224—271.

[2] Практически в то же самое время Сологуб был уволен со службы и лишен казенной квартиры. См. в письме А. А. Блока к Л. Д. Блок от 2 июля: «Я был на отпевании Ольги Кузьминичны — один. Федор Кузьмич был очень трогателен и, кажется, рад. Понес гроб — маленький, без шляпы, и вдруг — потерял туфлю. Тут я подошел и крепко поцеловал его. Потом мы шли за гробом, и он рассказал мне, что его, за выслугой срока, отставили от места инспектора и дали крошечную пенсию — всего 500 рублей. Все это случилось одновременно. Что ему необходимо печататься, и он будет писать в “Руно” большую статью: “Вечная сестра”, что истинная трагедия потерять сестру, больше, чем потеря Прекрасной Дамы и матери» (Литературное наследство. 1978. Т. 89. С. 212 / Публ. Л. М. Розенблюм и К. Н. Суворовой).

[3] См. п. 11, примеч. 2; п. 11 и п. 22.

[4] См. п. 22.

[5] См. п. 11, примеч. 3.

[6] См. п. 13, примеч. 1. Окончание появилось в октябрьском (12-м) номере журнала.

20

31 авг<уста> <1>907 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Сообщаю Вам желаемые подробности о «Руне». Там была напечатана статья Вольфинга «Борис Бугаев против музыки»[1]. Находя, что автор допустил в ней некоторые неверные освещения, притом личного характера, Белый послал в «Руно» опровержение, в форме письма в редакцию, на обычных началах, как на это дает право Цензурный Устав.

«Руно» объявило Белому, что оно напечатает опровержение лишь при том условии, что он вернется в число его сотрудников[2]. Белый, находя, что это попытка учинить над ним насилие, опубликовал всю историю в газетах[3]. Стороны обменялись двукратными ответами[4]. Тут уж пошла со стороны «Руна» какая-то непозволительная *муть** «Руно» в своих письмах, придравшись к каким-то совершенно невинным строкам Белого в ненапечатанном опровержении (оно, кстати, будет в № 10 «Перевала»[5]) стало подмигивать что-то о «сыске»[6]. В результате ушла возмущенная «Руном» масса народу с Брюсовым, Мережковским и Гиппиус во главе[7].

Здесь очень ждут, как поступят петербуржцы[8].

«Руно» вообще хиреет. Номера опаздывают, ибо Рябуш<инский> запутался денежно, не платит типографии, проживает последнее[9].

Вот и все.

Жму руку.

Вас любящий

Сергей Соколов

Письмо на почтовой бумаге журнала «Перевал».

[1] Подробнее об этом инциденте см.: *Богомолов Н. А.* От Пушкина до Кибирова... (С. 61—83), поэтому в дальнейшем мы даем лишь отсылки к конкретным фактам и документам. Статья Вольфинга (Эмилия Карловича Метнера; 1872—1936) была напечатана: Золотое руно. 1907. № 5. С. 56—62.

[2] Письмо Г. Э. Тастевена от 31 июля с таким заявлением см.: *Богомолов Н. А.* От Пушкина до Кибирова... С. 67.

[3] См.: Столичное утро. 1907. 5 авг. № 58.

[4] Ответ Н. П. Рябушинского, второе открытое письмо Белого и ответ на него Рябушинского см.: Там же. 9 авг. № 60; 11 авг. № 62; 17 авг. № 66.

[5] См.: *Бугаев Б. (Андрей Белый).* Amicus Plato, sed magis amica veritas // Перевал. 1907. № 10. С. 58—60.

[6] В своем ответе Белому Н. П. Рябушинский говорил: «В моем письме было указано, что причиной отклонения статьи <Андрея Белого> была резкость тона, выразившаяся, между прочим, в употреблении выражений “провокация” и “сыск”...» (Столичное утро. 17 авг. № 66). См. также письмо Метнера к Андрею Белому: «Ваше письмо, помещенное в № 58 “Столичного Утра”, выставляет меня как литературного *паразита*, и Ваше второе письмо мало поправляет сказанное в первом. — Вы должны были бы быть особенно осмотрительны ввиду *своей* знаменитости и *моей* неизвестности. Будь за мною несколько книг, достаточно нашумевших, Ваши замечания не могли бы в такой мере бросить на меня тень. А теперь Вольфинг пристукнут. Я учинил над Вами “сыск”. Да кто же это такое этот Вольфинг? Да, говорят, бывший сотрудник *“Московских Ведомостей”* и цензор! А, ну конечно: перенес полицейско-сыскные приемы и в свою художественную критику! — Конечно, опубликованием этого ужасного термина “сыск” я обязан недогадливости *“Золотого Руна”*; но *Вами*-то о “сыске” было упомянуто в статье, которую Вы рассчитывали увидеть напечатанной!» (Письмо Э. К. Метнера к Андрею Белому от

---

* Подчеркнуто карандашом дважды, возможно, рукой Сологуба.

17/30 августа 1907 г. // РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 3. Л. 15. Написано карандашом. Копия — РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 6). Далее этот сюжет развивается во многих подробностях в нескольких письмах. Переписка Белого с Метнером в настоящее время готовится к печати.

[7] См.: Столичное утро. 1907. 21 авг. № 70 (заявление В. Я. Брюсова, Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус о выходе из числа сотрудников «Золотого руна»); Там же. 22 авг. № 71 (заявление Ю. К. Балтрушайтиса, М. А. Кузмина и М. Ф. Ликиардопуло о том же).

[8] Имеются в виду в первую очередь Блок, Сологуб и Вяч. Иванов. См. также письмо Брюсова к Сологубу от 31 августа (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 110—111 / Публ. В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского). Однако все они остались сотрудниками «Золотого руна».

[9] Так, например, № 5 журнала вышел лишь во второй половине июня, в начале августа лишь готовился № 6, № 7/8/9 появился в конце октября. 2 августа побывавший в Москве В. Ф. Нувель сообщал М. А. Кузмину: «“Руно” и “Перевал” скоро погибнут естественной смертью. Это факт достоверный. Останутся одни “Весы”» (*Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин: статьи и материалы. М., 1995. С. 283). Слухи о закрытии журнала продолжались по крайней мере до конца 1907 г.

21

20 сент<ября> <1>907 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Весьма убедительно прошу Вас не забыть, что Вы обещали «Перевалу» для 12 № (октябрь) рассказ. Пришлите таковой, — умоляю, — хотя бы и не очень большой[1].

«Демоны поэтов» пойдут тоже в октябре. В сентябре место запружено огромными продолжениями Минского и Борового[2]. В этом № (11) пойдут Ваши стихи[3].

Жму руку. Надежды «Перевала» расцветают[4].

Ваш

С. Соколов

Письмо на почтовой бумаге журнала «Перевал».

[1] Рассказа, о котором просил Соколов, в последнем номере «Перевала» нет.

[2] В № 11 была напечатана статья Н. М. Минского «Рабочая партия и рабочий класс» (С. 17—29), которая формально не была продолжением его предыдущей статьи (Социализм и анархизм // Перевал. 1907. № 7. С. 34—45; Социализм и анархизм. II // Перевал. 1907. № 8—9. С. 14—29). Большая работа А. А. Борового «Реформа и революция» печаталась в № 7, 8—9, 11 и 12.

[3] В данном номере были напечатаны три стихотворения Сологуба: «В чародейном, темном круге...», «Преодолел я дикий холод...» и «Прикован тяжким тяготеньем...» (С. 6).

[4] Судьба журнала была решена еще весной 1907 г., когда издатель В. В. Линденбаум отказался его финансировать на второй год. Однако осенью Соколов еще пытался отыскать нового издателя, но не преуспел. См. подробнее: *Лавров А. В.* Русские символисты. С. 498.

22

13 окт<ября> <1>907 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Помните, я писал Вам, что Ваша русско-монгольская сказочка «А третий — дурак» захвачена при обыске. Неисповедимыми путями она нашлась при разборке бумаг, перепутанных во время обыска. Мне смутно помнится, что за это время она уже была где-то напечатана. Если это не так, мы напечатаем ее в № 12. Очень прошу, ответьте теперь же[1].

Подыскиваем нового издателя для «Перевала». Еще не решено дело, но шансы есть сильные[2].

Ваш всегда

С. Соколов

Письмо на почтовой бумаге журнала «Перевал».

[1] Сказка была напечатана не в «Перевале», а в мимолетном журнале «Луч», выпустившем единственный номер в октябре 1907 г. Возможно, Соколов и имел в виду эту публикацию.

[2] Нового издателя для журнала найти не удалось.

23

8 ноября <1>907 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Некоторые из редакций провинциальных газет обратились к нам с просьбою помочь им в привлечении к их изданиям столичных литературных сил.

Усматривая в этом признаки общего нарастания в провинции интереса к литературе, мы организуем и с 1-го декабря этого года начинаем дело систематического снабжения литературным материалом прогрессивных органов провинциальной печати.

Думаем, что дело это не может не заинтересовать Вас, так как, направляя в провинциальные издания произведения наших сотрудников, мы создаем им совершенно новую аудиторию с сотнями тысяч читателей, и для каждого писателя открываются широкие перспективы идейной и литературной пропаганды.

Кроме того, если предприятие наше разовьется до размеров, на которые мы надеемся, то у нас явится возможность и значительно повысить существующие в России писательские гонорары.

Механизм нашего предприятия следующий: каждое литературное произведение, принятое редакцией, воспроизводится при помощи одного из размножительных аппаратов, рассылается провинциальным газетам, вошедшим с нами в соглашение (одной в каждом городе), и приблизительно одновременно воспроизводится на страницах

этих газет*) Каждая газета платит нам очень незначительный, вполне доступный самому скромному газетному бюджету, построчный гонорар (около 1 ½ коп.), мы же, черпая средства из целого ряда этих копеечных построчных плат за одну и ту же вещь, получаем возможность предложить Вам гонорар в размере 35 коп. за среднюю газетную строку беллетристики в 35 печатных знаков (т. е. приблизительно** за печатный лист), стихи 50 к. строка.

Приглашая Вас вступить в состав организуемой нами группы писателей, просим не замедлить ответом, дабы успеть внести Ваше имя в число наших сотрудников, со списком которых мы должны заранее познакомить провинциальные редакции.

Так как все рассылаемые нами произведения предназначаются исключительно для газет, то желательно, чтобы эти произведения не превышали размера, удобного для размещения в одном № (т. е. не свыше 400—500 строк).

Нами предположено доставлять провинциальной прессе: 1) стихотворения и беллетристику, 2) критические очерки по русской и иностранной текущей литературе, 3) сжатые очерки по общим вопросам и текущей жизни литературы и искусства, 4) фельетоны общественного характера, 5) сжатые очерки по политико-экономическим и социальным вопросам текущей жизни, 6) популярно-научные очерки из области последних открытий и изобретений, 7) культурно-общественные корреспонденции из главнейших городов Европы, 8) систематические обзоры литературы и библиографические и 10) календарь писателя.

Полное сочувствие нашему начинанию и обещание содействия уже выразили следующие лица: Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, А. М. Федоров, Б. К. Зайцев, Андрей Белый, Н. Д. Телешев, П. А. Кожевников, П. М. Ярцев и др.

Сергей Кречетов
Сергей Глаголь[1].

На бумаге с печатным текстом и с грифом: «Снабжение прогрессивной провинциальной печати литературным материалом». Слово «беллетристики» и расценки вписаны Соколовым.

Далее также рукой Соколова:
Москва. Волхонка.
Позади Музея Александра III.
д. Петрово-Соловово. кв. 11-ый.
Дорогой Федор Кузьмич!
Примыкайте.
Если пойдет дело, выйдет нечто большое.
С. Соколов

---

* Ни одной из столичных московских или петербургских газет литературный материал сообщаем не будет.

** *Пропуск в тексте.*

[1] Голоушев Сергей Сергеевич (псевд. Сергей Глаголь; 1855—1920) — врач, литератор. О состоянии дел с Бюро провинциальной прогрессивной печати см. в следующих письмах.

24

2 янв<аря> <1>908 <года>
Тверская, Козицкий пер.
д. Бахрушина, кв. 198
Дорогой
Федор Кузьмич!

Примите мои приветствия по поводу Нового Года. Желаю, чтобы был он Вам благоприятен на всех Ваших путях.

Благодарю от души за присылку «Победы Смерти» и переводов из Верлэна[1]. Глубоко ценю, что не забываете о моем существовании.

Вожусь с Бюро Провинциальной Прессы, которое, правда, понемногу, но все же развертывается. Очень прошу, — пришлите одно-два стихотворения и еще, о чем я хочу Вас просить, две-три сказочки строк в 150—200 газетных[2]. Просить Вас о большой вещи пока не решаюсь, ибо основных капиталов у нас в Бюро нет, а получения наши пока весьма неогромны и заставляют очень осторожно формировать бюджет.

Думаю, что кроме Бюро (которое, несомненно, имеет будущее) удастся в конце концов сладить большую новую газету.

Все это время ведал литературным отделом в газете «Час». Но не очень всерьез. Эта газета дышит на ладан, плохо платит и мне надоела[3].

Привет от души. Когда-то увидимся?

Вас любящий всегда
Сергей Соколов.

Правда ли, что Вы разрешили Воротникову ставить в Москве Вашу «Победу Смерти»? И будет ли существовать его театр? Не миф ли он?[4]

Весьма умоляю, пришлите, о чем прошу. Буду благодарен без конца.

---

[1] Имеются в виду следующие книги: *Сологуб Ф.* Победа смерти: Трагедия в 3 действиях с прологом. СПб.: Факелы, 1908 (вышла в декабре 1907 г.); *Верлен П.* Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб.: Факелы, 1908.

[2] Судя по всему, Сологуб ничего не прислал, а вскоре деятельность Бюро приостановилась.

[3] О том, что он стал заведующим литературным отделом газеты, Соколов сообщал А. А. Блоку 5 или 6 ноября (Литературное наследство. 1980. Т. 92, кн. 1. С. 548). 17 ноября 1907 г. он писал Андрею Белому: «Заведую литерат<урным> отделом “Часа”, но толку от этого мало. Белевский и издатель Мамиков (он тоже сует нос в газету) при ближайшем рассмотрении оказались людьми, не имеющими никакого понятия о литературе, и связывают мне руки, так что я не помещаю там

почти ничего, они же помещают помимо меня всякую дрянь. Если Вы не связаны обязательствами с другими газетами Москвы, присылайте статью. Одно только (прошу не для себя, а для них): не очень “по-весовски” написанную, — эти господа вечно ноют насчет “общепонятности”» (РГБ. Ф. 25. Карт. 23. Ед. хр. 2. Л. 42 об.).

[4] Антоний Павлович Воротников (1857—1937), театральный режиссер, литератор. Находился в дружеских отношениях с Сологубом. Организованный им в Москве Новый драматический театр, насколько мы знаем, «Победу смерти» не ставил, хотя Воротников рецензировал ее постановку в театре В. Ф. Коммиссаржевской (см.: *Воротников А.* «Победа смерти» Федора Сологуба // Золотое руно. 1907. № 11/12. С. 108).

25

16 марта <1>908 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Бюро провинциальной прогрессивной печати, с февраля приостановившееся, основательно финансировалось и воскресает[1]. Около Пасхи[2] начнем рассылку материала.

Весьма умоляю, осуществите данное еще в ноябре согласие сотрудничества.

Был бы бесконечно обрадован, получив от Вас рассказ строк в 300. Гонорар гарантирую в размере 40 коп. — строка. Быть может, удастся даже 45. Ст<р>ока — 36 букв. Рассылать материал будем в виде уже набранных гранок. Оттиск можем прислать.

Очень прошу также, пришлите 2 стихотворения. Стихов мы будем вообще посылать немного. Платить будем за строку стихов — 50 к.

Гонорар высылаем тотчас по отправке вещи в провинц<иальные> газеты. Половину, при желании, можем выслать тотчас по получении нами рукописи.

Адрес Бюро с 20 марта: Б. Никитская. Калашный пер. д. кн. Шаховской кв. 32, мне.

Был бы бесконечно обязан, если бы Вы ответили теперь же, могу ли я рассчитывать на рассказ, и когда.

Я жажду получить его, как можно скорее.

А с осени есть виды на возрождение «Перевала» и расширенном виде[3].

И еще: дорогой Федор Кузьмич: был бы я рад до крайности, если бы вы прислали «Книгу разлук»[4] с автографом. Она у меня есть, но без надписи.

Будем писать о ней в ближайшем литературном обзоре, рассылаемом провинц<иальным> газетам[5].

Жму руку. Буду ждать ответа.

Любящий Вас

Сергей Соколов.

Тот же адрес.

---

[1]13 апреля 1908 г. Соколов писал Г.И. Чулкову: «Бюро Пров<инциальной> Прессы одно время приостановилось, но теперь воскресло, добыв денег, под моей редакцией (без Сергея Глаголя). С 15 апреля начнется рассылка материала вновь абонировавшимся газетам» (РГБ. Ф. 371. Карт. 4. Ед. хр. 2. Л. 19—19 об.).

[2] В 1908 г. Пасха приходилась на 13 апреля.

[3] Эти планы не осуществились.

[4] Речь идет о книге: *Сологуб Ф.* Книга разлук: Рассказы. СПб.: Шиповник, 1908.

[5] Такой обзор нам неизвестен. Отметим, однако, статью: *Джонсон И.* В мире мечты // Киевские вести. 1908. 30 июля. № 202. Перепеч.: О Федоре Сологубе: Критика. Статьи и заметки / Сост. А. Чеботаревская. СПб., 2002. С. 184—197.

26

27 марта <1>908 <года>

Б. Никитская. Калашный пер.,

д. Шаховской, кв. 32.

Дорогой Федор Кузьмич!

Я дней восемь назад писал Вам письмо, сообщая о возобновлении деятельности Бюро Провинц<иальной> Прогрессивной прессы, где Вы еще в ноябре дали согласие участвовать. Очень умолял, и делаю это снова, дать рассказ и два стихотворения[1].

Пожалуйста, черкните, не откладывая, можно ли мне рассчитывать на рассказ и когда. Гонорар, как писал, 40—45 коп. строка (36 букв).

Приходится запасаться материалом заранее, т. к. мы будем рассылать его в печатных гранках, и эта процедура требует много времени.

Примите мои приветствия.

Очень надеюсь вскорости получить Ваш ответ.

Любящий Вас

Сергей Соколов

---

[1] Возможно, Сологуб прислал стихотворение «Идет весна, широко сея...» (Одесские новости. 1908. 13 (26) апр. № 7492).

27

7 мая 1908 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Посылаю 100 руб. в счет дохода по Вашим изданиям. 25 р. — по «Книге Сказок», 75 р. — по «Истл<евающим> Личинам». О получении не откажите уведомить. Очень печалюсь, что Вы не ответили ни слова на мои 2 письма, где я просил Вас дать небольшой рассказ для «Бюро Провинц<иальной> Прессы».

Ваш

Сергей Соколов

Написано на купоне почтового перевода.

28

30 ноября <1>908 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Очень был обрадован, получив от Вас одобрительные строки о Швобе[1]. Лида благодарит Вас без конца за похвалу ее переводу и ужасно гордится Вашим отзывом.

Увы! М. Швоб уже конфискован, и против меня возбуждается судебное преследование за порнографию и кощунство[2]. Для начала недурно! Не знаю, чем кончится эта история. Полиции удалось конфисковать только 124 экз.

Жму Вашу руку. Я и Лида очень приветствуем Анастасию Николаевну.

Любящий Вас

Гриф.

Грущу, что в Кружке Вы собираетесь читать после Рождества[3], и до тех пор, следовательно, вряд ли увидимся.

---

[1] Имеется в виду книга: *Швоб М.* Вымышленные жизни. Vies imaginaires / Пер. Лидии Рындиной под ред. Сергея Кречетова. М.: Гриф, 1909.

[2] 16 мая 1909 г. Соколов сообщал М. А. Волошину: «На днях судили за М. Швоба. 50 руб. штрафа или 2 недели ареста. Подаю жалобу в Суд<ебную> Палату» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1126. Л. 13 об.).

[3] Об этих планах см. следующие письма.

29

19 янв<аря> <1>909 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Вы обещали во II половине этого сезона прочесть реферат[1] в Кружке.

Вот взываю к Вам от лица литературной комиссии. Исполните обещание. Предлагаем Вам на выбор 2 вторника: 3 февраля и 24 февраля.

Очень прошу — не отвечайте молчанием и черкните мне несколько строк. Если бы Вы выбрали 3 февраля, то 28 января мы уже должны иметь тезисы Вашего реферата для получения разрешения администрации и для распубликования.

Жму руку. Привет.

Ваш всегда

Сергей Соколов

P. S. Очень умоляю: независимо от присылки тезисов, ответьте о принципиальном согласии вскорости, на днях.

На бланке с грифом: Московский Литературно-Художественный Кружок, директор. Помета Сологуба: «Отв<ечено> 26 янв<аря> <19>09».

[1] О каком реферате идет речь, неизвестно.

30

26/I 1909 <года>

Телеграфируйте согласие читать реферат Кружке свободны третье и 24 февраля

Серг. Соколов

Телеграмма. Помета Сологуба: «Отв<ечено> 26 янв<аря>».

31

11 марта <1>909 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

В этом сезоне мне пришлось председательствовать почти на всех «вторниках» Литерат<урно>-Худож<ественного> Кружка и в качестве председателя не раз одерживать <sic!> различных хулиганов, выступавших с скандальной руганью против «декадентов», — хулиганов вроде всемирно-известного А. Бурнакина («Белый Камень»)[1].

После «вторника» 3 марта, когда я лишил слова Бурнакина, дикая часть публики устроила скандал и мне пришлось прикрыть заседание[2].

Теперь газетчики в течение целой недели ежедневно поливают меня самыми гнусными помоями. Конечно, я являюсь в этом случае лишь символом, — целят через мою голову. Теперь готовится в мою защиту коллективный литературный протест. Его содержание таково: «Выражая резкое осуждение той травле, которая ведется последнее время в части московской прессы по адресу С. А. Соколова (С. Кречетова) как председателя многих “вторников” М<осковского> Литер<атурно>-Худож<ественного> Кружка, мы считаем нужным изъявить открыто С. Кречетову наше совершенное сочувствие»[3].

Собираются подписи в Москве и в Петербурге. Белый писал В. Иванову и Мережковским[4].

Помня, как хорошо Вы всегда относились ко мне, позволяю себе обратиться к Вам лично. Черкните, можно ли поставить Ваше имя под протестом.

Печатать придется в 2 понедельничных газетах («Р<усское> Слово» — против)[5]. Сдавать в печать надо в субботу, 14.

Потому очень прошу, ответьте короткой телеграммой: Москва Козицкий д. Бахрушина. 198. Соколову. Согласен или несогласен. Сологуб. Попросите Анастасию Николаевну присоединить свое имя[6].

Я отнюдь не пожелал бы беспокоить Вас зря. Но в Москве кружковские «вторники» — фактор заметный и общественно видный.

Оставить газетную травлю без реагирования значило бы заставить Москву думать, что «декаденты» совсем разгромлены, раз не могут вступиться за председателя «вторников», повинного лишь в том, что он не допускал *нецензурного* способа изругивать представителей Нового Искусства.

Жму руку. Жду ответа.

Привет мой Анастасии Николаевне.

Лида шлет обоим свой привет.

Вас любящий

Гриф

Все москвичи подписи дают.

Дадут, несомненно, и некоторые петербуржцы.

---

[1] Бурнакин Анатолий Андреевич (ум. 1932) — журналист, издатель скандально известного альманаха «Белый камень». Подробнее о нем и о его литературной позиции см.: Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1 (статья Д. М. Магомедовой). В письме к И. Ф. Анненскому от 23 февраля 1909 г. Соколов писал о Бурнакине: «Очень печалюсь и о том, что в свое время Вы не запросили меня относительно Анатолия Бурнакина и “Белого камня”. Конечно, я предупредил бы Вас вовремя и Вам не довелось бы фигурировать в такой неподходящей компании. Анатолий Бурнакин есть совершенно непристойный литературный хулиган, бьющий на скандал и живущий только скандалом. Как характерный штрих для той известности, которой он здесь пользуется, могу сообщить следующий факт: у нас есть общество Деятелей Печати и Литературы, корпорация чрезвычайно многолюдная. Когда Бурнакин проявил желание баллотироваться в члены этого общества, Совет общества единогласно и закрытой баллотировкой постановил вернуть его прошение назад, даже не допуская его до баллотировки в общем собрании» (*Анненский И. Ф.* Письма: В 2 т. СПб., 2009. Т. II. С. 273—274).

[2] Речь идет о докладе С. М. Городецкого «Ближайшая задача русской литературы», состоявшемся в Литературно-художественном кружке 3 марта 1909 г. В обсуждении выступили М. Я. Шик и А. А. Бурнакин (см., например: Русские ведомости. 1909. 4 марта. № 51; Наша газета. 1909. 6 марта. № 53).

[3] Вероятно, непосредственным поводом для протеста послужила неподписанная заметка в крупнейшей московской газете: «Ставший “известным” по скандалу на лекции г. Городецкого г. Соколов вчера сидел уже *около* председательского кресла. Председателем был Н. Н. Баженов. На днях г. Соколов получил по своим заслугам в дирекции кружка. Директоры указали ему на всю нетактичность его поступков на лекции г. Городецкого и вообще на его “дурное поведение” в тот вечер» (В Литературно-художественном кружке // Русское слово. 1909. 11 марта. № 57).

[4] Письмо Белого к Иванову см.: Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова (1904—1920) / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада // Русская литература. 2015. № 2. С. 53—55). Письмо к Д. С. Мережковскому нам неизвестно.

[5] См. примеч. 3.

[6] Письмо подписали: Федор Сологуб, Андрей Белый, А. Ремизов, Сергей Соловьев, Эллис, Ю. Балтрушайтис, М. Ликиардопуло, Борис Садовский, А. Кондратьев, Нина Петровская, М. Шик, Н. А. Попов, прив.-доц. А. О. Бачинский, Г. Г. Шпетт, А. Чеботаревская, Alexander (А. Я. Брюсов), Сергей Городецкий, Борис Зайцев, Геор-

гий Чулков, прив.-доц. С. Шамбинаго, прив.-доц. А. Боровой, Г. Тастевен, Василий Милиоти, А. Тимофеев, П. К. Иванов, В. Ходасевич, Одинокий (А.И. Тиняков), Е. Янтарев (см.: Письмо в редакцию // Руль. 1909. 16 марта. № 162).

32

24/VIII 1909 <года>

Присоединяюсь изо всех сил <к> просьбе Киевского Театра Соловцов<.> Театр дружественный и настоящий<,> режиссирует [1 нрзб] режиссер Московского Малого Театра Попов[1]<.> Художественная высота обеспечена<.>[2]

Привет<.> Подробности письмом<.>

Сергей Соколов

Гриф

Телеграмма, отправленная по адресу: Меррекюль Эстляндской. Шмецке дача Бормана. Тетерникову.

[1] Попов Николай Александрович (1871—1949) — театральный режиссер, журналист.

[2] Речь идет о постановке автоинсценировки по роману Сологуба «Мелкий бес». Подробнее см. в комментариях М. М. Павловой: *Сологуб Ф.* Мелкий бес. СПб., 2004. С. 807—813.

33

30 авг<уста> 1909 <года>. Киев.

Дорогой Федор Кузьмич!

Пишу Вам из Киева, где я уже несколько дней и где пробуду до 4 сентября. Я уже писал Вам, что Лида служит этот сезон в киевском театре «Соловцов»[1]. Вот причина, почему Киев мне стал очень по дороге.

С очень чистым сердцем послал Вам телеграмму, поддерживая просьбу киевского театра относительно «Мелкого Беса»[2]. Театр действительно очень хороший, с прекрасно поставленной технической и декоративной частью и с хорошею труппой. С этого сезона здесь главным режиссером Н. А. Попов, покинувший моск<овский> Малый театр и здесь имеющий неограниченные полномочия. Человек он тонко чувствующий и очень культурный, и за постановку, безусловно, можно не опасаться. Я был очень рад, узнав, что после обмена телеграмм Вы дали свое согласие на постановку[3].

Раз «Мелкий Бес» пойдет в Киеве, у меня есть к Вам огромная просьба, на которую я решаюсь, зная Ваше многолетнее доброе ко мне отношение. Здесь играет Лида... Ей дают роли, — и неплохие. Она много занята. Но когда жене Грифа приходится играть Гнедичей и Рышковых[4], нельзя не мечтать ей о роли в *настоящей* вещи. Вот теперь она спит и видит играть в Вашей пьесе. По обычному ходу вещей возможно, что ей там дадут роль, но возможно — и нет: она уже занята во многих пьесах, а постановка «Мелкого Беса» будет крупным

событием, и актеры будут наперебой стремиться получить там роль. Вот почему я решаюсь просить Вас: черкните Николаю Александровичу Попову (Киев, театр Соловцов), что Вы желали бы, чтобы Лида (по сцене — Лидия Дмитриевна Рындина) была занята в Вашей пьесе. Она, как и я, глубоко любит Ваше творчество и, думаю, имеет много больше внутренних прав участвовать в Вашей пьесе, чем большинство ее товарищей по сцене.

Я не знаю, как расположились персонажи в переделке, и потому не могу очень говорить об определенной роли. Думаю все же, что Лиде шла бы роль одной из Рутиловых[5].

Если Вам представилось бы тоже, то было бы чудесно, если б Вы упомянули об определенной роли. Если нет, — было бы достаточно и пожелания в общей форме об ее участии в «М<елком> Бесе».

Вот моя просьба, дорогой Федор Кузьмич, как и просьба Лиды, которая не решается обратиться к Вам сама.

Если можно — исполните, буду благодарен без конца. Если нельзя, не пишите Попову, а черкните мне *прямо*, уже по Московск<ому> адресу (Тверская, Благовещенский пер., д. Синицына, кв. 22). Очень надеюсь, что моя просьба останется совершенно между нами, и если Вы напишете Попову, то напишете вполне от себя.

Жму руку Вам и целую руку Анастасии Николаевны. Лида шлет обоим привет и благодарность за память о ней (Я ей показал Вашу открытку).

Любящий Вас Гриф

Закрытое письмо. Отправлено по тому же адресу, что и п. 32.

[1] О карьере Л. Д. Рындиной на киевской сцене подробнее см. в ее дневнике: *Богомолов Н. А.* Вокруг «серебряного века». М., 2010. С. 384—388.

[2] См. п. 32.

[3] Такое письмо неизвестно.

[4] Имеются в виду Петр Петрович Гнедич (1855—1925) и Виктор Александрович Рышков (1862—1924), популярные драматурги того времени.

[5] В итоге Рындина играла роль Дарьи Рутиловой.

34

20 ноября <1>909 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Как-то Вы поживаете? Очень скучаю по Вас и по Анастасии Николаевне. За те несколько дней, что Вы были в Москве[1], я к Вам ужасно привык, и теперь Ваше отсутствие кажется мне очень ощутительным. Вы ведь один из очень немногих, кто относился ко мне неизменно хорошо и от кого за ряд лет не видал я ни разу никакого худа. Верьте, я это очень ценю и запомню навсегда.

После того, как мы расстались, успел я побывать в Бронницах на Земском собрании и вернуться оттуда. Борьба была очень ожесточен-

ная. Я и Ф. А. Головин[2], несмотря на все старания правых, прошли в губернские гласные. Очень меня убеждали идти в председатели Земской Управы. Я отказался, хотя выбор был обеспечен. Не хочу я сидеть в Бронницах, или, лучше, метаться между Бронницами и Москвой и вязнуть в земских дрязгах. И ко всему видеть Лиду урывками.

Из Киева имею известия приятные: Лида очень усовершенствовалась в изображении Дарьи. Играла уже третий раз. Говорят, насколько ушла от первого, что прямо узнать нельзя. На третьем спектакле ее даже иные пытались вызывать. И еще одно: поручили ей внезапно, по чьей-то болезни, накануне спектакля, хорошую роль в пьесе «Дурак»[3]. Сыграла она с одной репетиции и очень удачно. Хвалили и в театре, и в газетах.

Ах, дорогой Федор Кузьмич! Хочу Вам напомнить Ваше обещание написать о ней Незлобину[4]. Сегодня я получил от Лиды письмо, что через несколько дней о ней будет писать Незлобину Попов, прося принять ее в труппу на будущий год — на жалованье рублей в 125. Поповские ей рекомендации как актрисе способной и развивающейся будут самые горячие. Было бы очень хорошо, если бы вслед за письмом Попова пришло и Ваше[5]. Перед таким ударом Незлобин бы не устоял. Было бы очень важно, если б в Вашем письме Вы, говоря о желательности принятия Лиды на будущий год и о ее актерских данных, упомянули, *как бы не зная* об письме Попова к Незлобину, что Незлобин может ближайшим образом справиться о ней у Н. А. Попова. О жалованьи не пишите, — это сделает Попов.

Не сердитесь, что тревожу Вас этой просьбой. Я подхожу к Вам просто и открыто, как Вы позволили. Без Лиды мне очень тяжко, и жить или не жить нам вместе в будущем году, нам почти — быть или не быть.

Черкните, если не трудно, *теперь же* несколько мне строк о Вашем согласии в нужный момент написать Незлобину письмо.

Тогда, зная о Вашем согласии еще раз, я, лишь только получу из Киева известие, что Поповское письмо послано, протелеграфирую Вам, что время посылать Ваше, дабы не был сорван эффект одновременности писем.

Очень верю, что Вы не откажете.

Целую Вас крепко. Анастасии Николаевне очень нежно целую руки. Жду книги. Любящий Вас Гриф.

Выругал Гумилев в «Аполлоне»[6]. Ах, я начинаю привыкать.

Посылаю для забавности вырезку из «К<евской> Мысли» о «Мелком Бесе»[7].

Написано на почтовой бумаге со штампом: С. А. Соколов (К-во «Гриф»). Москва, Тверская, Благовещенский пер., д. Синицына, кв. 22. Тел. 159—22.

[1] Сологуб был в Москве в начале ноября. 11 ноября, посмотрев генеральную репетицию спектакля «Шлюк и Яу», он вернулся в Петербург.

[2] Головин Федор Александрович (1867—1937) — политик, один из руководителей партии кадетов, председатель II Государственной думы, депутат III Государственной думы (сложил полномочия в 1910 г. в связи с получением железнодорожной концессии, о чем см. ниже). Был видным земским деятелем Московской губернии.

[3] Пьеса Лео Фульды. Л. Д. Рындина исполняла роль Лизбеты, о чем записала в дневнике: «Потом играла — спешно, удачно — Лизбету в “Дураке”, вот играю Агату в “Лестнице славы” Скриба» (*Богомолов Н. А.* Вокруг «серебряного века». С. 387).

[4] Незлобин (Алябьев) Константин Николаевич (1857—1930) — театральный режиссер и антрепренер. Л. Д. Рындина играла в его театре и вспоминала его всегда с благодарностью.

[5] В письме к Сологубу от 1 мая 1910 г. Незлобин в ответ на его просьбу о принятии в труппу актрисы Хованской вспоминал о его недавнем протежировании Рындиной: «Многоуважаемый Федор Кузьмич, Вы и сами понимаете, с каким большим удовольствием мне хотелось бы сделать Вам удовольствие и принять Евг. Ал. Хованскую, но, дорогой Федор Кузьмич, на будущий сезон это просто невозможно, состав труппы уже давно, давно полон, даже больше. <...> Ваших 2 хороших слова за г-жу Рындину, и она тотчас была принята, но сейчас, к моему несчастью, Ваше предложение чрезвычайно поздно» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 484. Л. 9).

[6] См.: *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1909. № 2. С. 21—22 (2-я паг).

[7] Вероятно, речь идет о статье: *Яблоновский А.* Кривое зеркало // Киевская мысль. 1909. 10 нояб. № 311.

35

1 декабря <1>909 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Спасибо большое за письмо и за согласие написать Незлобину. Верьте, Вашу добрую готовность ценю без конца.

Теперь дело стоит так, что появилась вероятность, что Н. А. Попов вскорости будет в Москве по делам и увидится с Незлобиным. Потому пока вопрос о письме откладывается. Когда будет момент, я обращусь к Вам и сообщу о желательном времени написания.

В Москве очень плохо, и я пребываю в большой мрачности. Сижу в моей башне и слушаю, как воет по ночам ветер.

В Москве все ровно — ничего не происходит. Хоть бы московский Волошин дал пощечину московскому Гумилеву![1]

Очень благодарен за библиографию. Из Ваших книг у меня нет: «Политических сказочек», «Книги разлук», «Книги очарований», «Кандида» и Мопассана[2]. Целых шести. Совестно так грабить Вас.

Прочел, как мерзостно изругал меня Гумилев в «Аполлоне»[3]. Думаю, что он очень зелен.

У нас тоже плясала босоножка, только я ее не глядел[4]. А вот «Шлюка и Яу» у Незлобина видел[5]. Декораций нет. Есть шесты и на

шестах надписи: «Се лес». Шекспир да и только![6] Видите, какие мы, москвичи.

Целую руку Анастасии Николаевны. Вашу жму и Вас обнимаю.

Ваш всегда

Гриф

Закрытое письмо.

[1] Речь идет о событиях, предшествовавших дуэли М. А. Волошина и Н. С. Гумилева, состоявшейся 22 ноября 1909 г.: 19 ноября во время сбора петербургских литераторов для изображения на портрете работы А. Я. Головина Волошин дал Гумилеву пощечину. Подробнее см.: *Кобринский А.* Дуэльные истории Серебряного века: Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб., 2007. С. 63—158.

[2] Имеется в виду «Библиография сочинений Федора Сологуба» (СПб., 1909). Далее Соколов перечисляет следующие издания: Политические сказочки. СПб.: Шиповник, 1906; Книга разлук: Рассказы. СПб.: Шиповник, 1908; Книга очарований. СПб.: Шиповник, 1909; *Вольтер*. Кандид, или Оптимизм / Пер. Федора Сологуба. СПб., 1909; *Мопассан Г. де.* Полн. собр. соч.: В 13 т. СПб.: Пантеон, 1909. Т. 5: Сильна, как смерть / Пер. Федора Сологуба. О запутанной истории последнего издания см.: *Голлербах Е. А.* Семейные ценности: Федор Сологуб в издательстве «Пантеон» // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации. СПб., 2010. С. 44—58.

[3] См. п. 35, примеч. 4.

[4] Для Сологуба пластический танец, связанный с освобождением (полным или частичным) от одежды, был принципиально важен. См. его статью «Мечта Дон-Кихота: Айседора Дункан» (Золотое руно. 1908. № 2. С. 71—76). Судя по всему, здесь речь идет о гастролях ученицы А. Дункан Стефании Домбровской, которая в октябре 1909 г. гастролировала в Москве, а в ноябре — в Петербурге. Также в Петербурге был концерт еще одной такой танцовщицы, Мод Аллан, но мы не знаем, приезжала ли она в Москву. См.: *Лукомский Г.* Пластические танцы // Аполлон. 1909. № 3. С. 40—41 (2-я паг.).

[5] Речь идет о постановке комедии Г. Гауптмана в театре К. Н. Незлобина, осуществленной в 1909 г. К. А. Марджанишвили (Марджановым). См. в хронике: «Режиссер театра Незлобина К. А. Марджанов, который будет ставить пьесу Г. Гауптмана “Шлюк и Яу”, сообщил нам следующее:

“Последнее время чувствуется жажда освободить актера от мелочей на сцене, которые навязчиво лезут в глаза и заслоняют собой игру исполнителей. Поэтому я решил поставить “Шлюка и Яу” так, как поставили бы заезжие комедианты шекспировской эпохи, то есть декорации будут отсутствовать и будут заменены общим фоном, из обстановки же будет сохранено только то, что необходимо по ходу действия. Указание же о том, где и когда происходит действие, будет написано на отдельных дощечках, повернутых в сторону зрителя. Так как при постановке пьесы Гауптмана я беру эпоху конца XVI века, — это даст мне возможность придерживаться в декоративном отношении примитивов. Думаю, что, задавшись такой целью, я тем самым предоставляю актерам широкую возможность свободно трактовать свои роли. Единственная же забота режиссера будет заключаться в том, чтобы отдельные трактовки свести к общему ансамблю и, конечно, к основной мысли автора”» (Театр. 1909. № 520; цит. по: Константин Александрович Марджанишвили: Творческое наследие; Воспоминания; Статьи и доклады; Статьи о Марджанишвили. Тбилиси, 1958. С. 76).

[6] Имеется в виду, что в английском театре елизаветинской эпохи декорации были сведены к минимуму.

36

12 марта <1>910 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Очень опечален известием об аресте 4-го тома из-за «Рождественского мальчика»[1].

Но думаю, что Шиповники отъедут благополучно благодаря своей предусмотрительности с вырезкой. Если их все же притянут к суду, скажи им, ради Господа, чтоб они ни в каком случае не упоминали о «Грифе»[2].

Очень надеюсь, что они так и сделают, — тем более, что по судебной практике факт перепечатки ничуть не оправдывает перепечатавшего.

Издание уничтожать пока, думаю, не стоит. В крайности, припрячу.

Очень счастлив Твоему хорошему отзыву о Лиде.

В середине III недели еду в Петербург. Увидимся.

Обнимаю Тебя с дружеской нежностью. Анастасии Николаевне целую руку.

Любящий Тебя

Гриф.

Закрытое письмо.

[1] Речь идет о четвертом томе Собрания сочинений Сологуба (СПб.: Шиповник, 1909), где был напечатан рассказ «Рождественский мальчик».

[2] Соколова тревожило то, что рассказ ранее был напечатан в изданной им книге Сологуба «Истлевающие личины», тираж которой не разошелся до конца. См. также п. 37.

37

3 апреля <1>910 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Некоторое время колебался, наконец, сделал по Твоему совету, — уничтожил все, что было[1]. Жалко было до крайности. О неисповедимая человеческая тупость, от которой спасаясь, Прекрасному приходится прибегать к самосожжению! И все-таки оно не умрет и вновь возникнет в тысяче образов.

Находимся теперь в предотъездном состоянии. Решили двинуться в четверг на 7 неделе. Поедем через Берлин, числа 23 будем в Италии. Очень я как-то устал за эту зиму.

Новостей у нас тоже не сыщешь. 6-го будет лекция Городецкого — решительно обо всем[2]. Опять, в числе прочего, об «Аполлоне». Значит, новые обиды.

Макс Волошин очень грустит об коварной опечатке. Где-то вместо «*безкрылый* образ» вышел «*безрылый*»[3]. А сам непременно желал держать корректуры. Бывают случаи.

Литка <sic!> сегодня уже II раз играет Дарью. Здесь на I представлении «М<елкого> Беса» народу было много[4].

Обнимаю Тебя дружески и нежно. Анастасии Николаевне целую руки. Литка шлет обоим нежнейший привет.

Любящий Тебя

Гриф

Закрытое письмо.

[1] См. п. 36, примеч. 2.

[2] О лекции С. М. Городецкого в Политехническом обществе «Апостолы сна и смерти» см. анонс в газете «Столичная молва» (1910. 5 апр. № 115).

[3] Имеется в виду опечатка в первом стихотворении цикла «Киммерийские сумерки»:

Я сам — уста твои, безгласные, как камень!
Я тоже изнемог в оковах немоты.
Я свет потухших звезд, я слов застывший пламень,
Незрячий и немой, безрылый, как и ты.
(*Волошин М.* Стихотворения МСМ—МСМХ. М.: Гриф, 1910. С. 85).

[4] Речь идет о спектакле театра Незлобина «Мелкий бес». Премьера состоялась 7 января 1910 г., и Сологуб на ней присутствовал, так что речь, по всей вероятности, идет о первом спектакле, где Л. Д. Рындина (здесь и далее Соколов пишет ее имя с рассчитанным искажением), как и в Киеве, играла Дарью Рутилову.

38

3 мая <1>910 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Вспоминаю тебя с чувством дружбы и глубокой нежности.

Вчера почему-то думал о тебе, бродя по Форуму. Жаль, что тебя нет, чтобы взглянуть на эти замыслы гигантов, ключи между камнями и старые водоемы, оплетенные дикими красными розами.

Нынче видел Колизей. Столько там крови пролито, а земля все не удобрилась и растет чахлая мелкая трава.

Нынче около Колизея шумно. Какие-то «muratori»[1] манифестируют, их разгоняют конные карабинеры. Ах, везде разгоняют неумирающие карабинеры. Только здесь это весело, и дети толкаются, и цветы продают!

Не очень пока жарко в Италии. Небо чаще серое, и дождь не редкость. Обнимаю тебя дружески. Анаст<асии> Ник<олаевне> привет. Твой Гриф.

Если бы вздумал часом черкнуть 2 строчки, то: Napoli, poste rest<ante>, Serge Sokoloff. До 17 мая.

Приветствую Вас, Федор Кузьмич дорогой, и Анастасию Николаевну. Ваша Лидия

Открытка с видом: Chiesa dei Capuccini — Capella Mortuaria. Отправлена по адресу: Петербург. Гродненский, 11.

[1] каменщики (*ит.*).

39

28 авг<уста> <1>910 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Целое лето не имею я от тебя известий и не знаю, где ты и Анастасия Николаевна находились. Узнал твой новый адрес в театре Незлобина, но не очень уверен, что ты уже в Петербурге.

Мы с Литкой весной чудесно проехались в Италию, были там 1 ½ месяца во всяких местах. Писал тебе оттуда не раз. Не знаю, доходило ли[1].

Лето все прожили в Малаховке[2], в большой тихости. Впрочем, это больше касается Литки, которая бегала по лесу в сандалиях и в каких-то эфемерных одеждах. Я же возился с делами (нелитературными) и часто ездил в Москву. В конце июля был даже в Петербурге дня на три, только этот город был пуст.

Летом кое-что писал. Несколько стихотворений. Один рассказ напечатал в «Утре России», другой недавно закончил[3].

Весьма негодовал, прочтя в последнем № «Аполлона» гумилевскую на Тебя хулу[4]. Знаешь, Федор Кузьмич, подобало бы привести мальчишек к должному решпекту. Конечно, в Твоих глазах, как и в глазах зрителей, Гумилев — моська, и притом не особо породистая, но ведь, бывает, и мосек бьют, когда они лезут под ноги. В Москве все очень поражены выходкой Гумилева и еще более тем, что она — не в случайном месте, а в «Аполлоне», руководители коего не могли ее «просмотреть».

У нас в Москве новость: В. Брюсов стал литературным редактором «Русской Мысли»[5]. Надо надеяться, возьмет определенный курс. Как слышал от него, очень надеется на Тебя. Хорошо, если будет место, где можно будет дать отпор новым выступлениям В. Иванова против поэзии во имя «теургии». Весьма понимаю сомнения В. Брюсова, будет ли он лучшим теургом, чем поэтом[6].

Хорошо, если б Ты удосужился черкнуть мне, как мыслишь об «Аполлоне», о дерзостях Гумилева и о Блоко-Ивановском теургическом курсе[7].

Литка работает у Незлобина. Очень довольна атмосферой. Поминаем Тебя тысячу раз добром за Твое содействие. Она пишет Анастасии Николаевне[8].

Не сообщишь ли, кончена ли Твоя новая пьеса и в чем примененный в ней новый прием (помнишь, Ты говорил?), и не своевременно ли пустить о ней что-либо в Московской прессе[9].

Обнимаю Тебя дружески. Мой нежный привет Анастасии Николаевне.

Любящий Тебя

Гриф

Написано на почтовой бумаге со штампом Соколова. Помета Сологуба: «Отв<ечено> 1 сент<ября>».

[1] См. п. 38. Поездка прошла по маршруту: Варшава, Вена, Венеция, Флоренция, Равенна, Рим, Неаполь (Помпея), Анкона, Фиуме (от Анконы до Фиуме по Адриатическому морю), Будапешт, Берлин, опять Варшава и Москва — Малаховка (*Богомолов Н. А.* Вокруг «серебряного века». С. 389).

[2] В подмосковной Малаховке матери Соколова принадлежал большой земельный участок, который он именовал то «дачей», то «имением».

[3] Возможно, речь идет о рассказе «Антреприза» (Утро России. 1910. 2 июля. № 187). В доступных нам экземплярах газеты пропечатано только имя автора, но не фамилия, и, таким образом, это может быть рассказ Кречетова или Сергея Гарина (Гарфильда).

[4] Речь идет о публикации: *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1910. № 9. С. 35—36 (2-я паг.), где он рецензирует первый и пятый тома Собрания сочинений Сологуба издательства «Шиповник» с большим скепсисом.

[5] В. Я. Брюсов был редактором литературного отдела большого журнала «Русская мысль» с осени 1910 до осени 1912 г.

[6] Отсылка к статье В. Я. Брюсова «О “речи рабской”, в защиту поэзии» (Аполлон. 1910. № 9. С. 31—34 (1-я паг.)), где он полемизировал со статьей Вяч. Иванова «Заветы символизма», напечатанной в том же «Аполлоне» номером ранее.

[7] Помимо упомянутых в примеч. 4 и 6 публикаций речь идет также о статье А. А. Блока «О современном состоянии русского символизма», напечатанной в одном номере с «Заветами символизма» и являющейся вариацией на заданные Ивановым темы.

[8] См. Рындина — Чеботаревская, п. 4.

[9] Имеется в виду пьеса Сологуба «Заложники жизни», к тому времени еще не опубликованная (впервые: Альманахи издательства «Шиповник». СПб., 1912. Кн. 18. С. 1—108). См. о ней далее в письмах.

40

23 октября <1>910 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Приветствую Тебя очень нежно. Знаешь, я очень несчастен. Прибыл на сутки в Москву из Бронниц, где был несколько дней по всяким земским поводам (ревизия, земское собрание), и вот через 10 минут снова отбываю туда же производить рекрутский набор. Днем утомительная работа, а вечерами выслушивание интереснейших истин вроде «Ученье — свет, неученье — тьма», только во многих словах. Еще несчастен потому, что в моем стихотворении в Альманахе, изданном «Студенческой жизнью» (Ты его, наверно, получил)[1], есть опечатки, из коих пара удивительно гнусных.

Вместо «Эребе» оказалось «гребе» (!?), а вместо «мироточеньем» вышло «миротечением»[2]. Если попадется на глаза, ради Господа, не числи на мой счет.

Незлобинцы очень тревожно и нетерпеливо ждут «Заложников»[3]. Не менее нетерпеливо жду их услышать я.

Какому театру думаешь Ты их отдать в Петербурге? Ежели Левантy[4], дружественно убеждаю Тебя, — не давай ему поставить раньше Незлобина. Сам знаешь, Левант аккуратно до изумительности губит все новые пьесы и создает тем для них неприятнейшую рекламу, каковая после, если иметь в виду, что публика вообще глупа, весьма худо отражается на успехе пьесы в других театрах. Незлобин же, как-никак, «Мелкого Беса» поставил неплохо, и «Мелкий Бес» идет в репертуаре и теперь.

Не собираешься ли Ты прибыть когда-нибудь в Москву? Я был бы страшно Тебе рад. Сколько уж времени мы с Тобой не видались! Вероятно, зимой и меня занесет в Петербург (я вошел в одно дело по получению огромнейшей железнодорожной концессии[5]), только вряд ли приеду очень скоро. Вернее, после Нового Года.

Литка в театре Незлобина чувствует себя неплохо. Играет пока мало. Очень уж много там девиц понабрано, и престрашных, надо сказать, пьес же мало. Впрочем, мало и радости играть в «Gaudeamus»'е какомнибудь или в «Тайфуне»[6].

Сборы в этом году Незлобин делает хорошие, ходит — потирает руки, круглится, полнеет, очень поправился.

Напиши мне. Через три дня я уже буду опять в Москве. Очень мне большое удовольствие причиняют Твои письма. Ах, если б нашелся у Тебя лишний экземпляр «Заложников» для меня.

До свидания! Обнимаю Тебя крепко. Верь, что у Тебя в Москве есть друг, который Тебе не изменит и Тебя не предаст никогда.

Литка шлет Тебе и Анастасии Николаевне самый нежный привет, я же целую А. Н. ручки.

Любящий Тебя

Гриф.

---

[1] Имеется в виду «Общедоступный литературно-художественный альманах» (М.: Студенческая жизнь, 1911), где было напечатано стихотворение Кречетова «Бессилие». Слова «Ты его, наверно, получил» связаны с тем, что Сологуб также участвовал в альманахе.

[2] Слово «миротеченьем» написано через ижицу, т. е. является производным от слова «миро».

[3] См. п. 39, примеч. 9.

[4] Имеется в виду Новый драматический театр, открывшийся в октябре 1909 г. в Петербурге под руководством антрепренера А. Я. Леванта. Пьеса Сологуба поставлена там не была.

[5] Об участии Соколова в железнодорожных делах этого времени мы практически ничего не знаем. О более позднем времени см.: «Избрал себе деятельность по проведению железнодорожных концессий и постройке новых железн<ых> дорог. Состоял секретарем и участником различных банковых и учредительских групп по разным железнодор<ожным> проектам. Перед войной был директором правления Копорской жел<езной> дороги» (*Шевеленко И.* Материалы

о русской эмиграции 1920—1930-х гг. в собрании баронессы М. Д. Врангель. Stanford, 1995. С. 116).

23 ноября 1913 г. он писал Андрею Белому:

> Скажу несколько о себе. За последние годы, перевалив за 30 лет и убедившись, что литература не может и не хочет кормить меня ни в какой форме («Гриф» был всегда алтарем жертв, а не доходной статьей!), решил я сделать деловую карьеру и, как я говорил Вам, когда мы виделись, пустился в железнодорожные проекты, поставив себе целью стать директором железной дороги. Три года бился на этом поле, набил руку, сделал в соответственных кругах имя, и вот на днях становлюсь директором одной новой жел<езной> дороги. Пока она будет невелика (около 100 верст), но, во-первых, будет быстро развиваться, а во— вторых, я работаю в нескольких других железнодорожных проектах и, если что-либо из них выгорит, устроюсь и там. Во всяком случае, полагаю, что я на верном пути и моя деловая карьера обеспечена.
>
> (РГБ. Ф. 25. Карт. 23. Ед. хр. 2. Л. 61 об.).

А 25 февраля следующего, 1914 г. несколько развивал сказанное:

> У меня очень много берут теперь времени железнодорожные мои дела, в которых наметил и осуществляю я деловую линию моей жизни, тоже становлюсь строителем. Вы строите храм, я — железные дороги. Не сочтите сравнение одиозным. Меня просто занимает идентичность *внешних* моментов: у Вас постройка (камни, рабочие, цемент и т. д.), и у меня постройка (камни, рабочие, цемент и т. д.). Стал я директором железной дороги, раз литература прочно отказалась меня кормить. И не жалею. Дорога, которую будем строить (к югу от Финского залива), пока маленькая (100 верст), но после вырастет, и еще работаю по нескольким железнодорожным проектам, из которых хоть что-нибудь, наверно, тоже превратится в реальное предприятие.
>
> (Там же. Л. 67 об. — 68).

См. также п. 50, примеч. 3.

[6] «Gaudeamus» — пьеса Л. Н. Андреева, поставленная на сцене театра Незлобина 21 сентября 1910 г. «Тайфун» — пьеса венгерского драматурга Мельхиора (Мельхерта) Ленгиеля (Melchior Lengyel; 1880—1974), шла в театре Незлобина, как и в других московских театрах. См. в хронике: «Сезон откроется 4-го сентября новой пьесой Андреева "Gaudeamus". На другой же день идет переводная пьеса "Тайфун"» (Рампа и жизнь. 1910. № 30. С. 496). В дальнейшем сроки выхода переменились, но оба спектакля были сыграны.

41

4 декабря <1>910 <года>

Милый и дорогой

Федор Кузьмич!

Очень я был рад получить от Тебя письмо и рукопись «Заложников». Прочтя пьесу, я точно убедился, что она Незлобинцам совершенно не по носу. Где им. Начать с того, что, как мне теперь это вполне

очевидно, они ее вовсе и не поняли, раз могли мыслить об изъятии мистического элемента. Изъять его было бы все равно, что отрезать у человека голову.

Не поняли они и того тончайшего приема Твоего, в силу коего зритель, с начала пьесы и в дальнейшем ее течении видящий истинных «героев» в Михаиле и Кате, к Лилит же относящийся недоверчиво, должен в конце перевернуть, перерасценить уже сложившиеся в нем чувства и до тех пор безразличную для него правду Мечты поставить выше правды Жизни.

Не знаю, сумеет ли дать то, что надо, театр Леванта. Особливо боюсь, сумеют ли там понять, как надо, некоторые очень земные слова Лилит в самом конце II-го акта.

Посылаю Тебе вырезку из «Утра России» с моей заметкой о Твоей пьесе[1]. Должен заметить, что окаянный редактор Алексеевский[2] под предлогом недостатка места вычеркнул все мои хвалительные рассуждения о Тебе и о пьесе, оставив один сочувственный пересказ.

Вчера вечером у нас состоялось чтение Твоей пьесы (театральных людей не звал), был больше литературный народ. Пьеса произвела очень впечатление. После очень оживленно о ней толковали.

Очень был изумлен Твоим сообщением о моей антрепризе в Ярославле. Купил «Театр и Искусство». Точно! Всеми буквами[3]. Догадываюсь, в чем дело: в Москве есть некий актерский человек, С. А. Соколов, о коем я знаю потому, что я Литературном кружке мне предъявляют его неоплаченные ужинные счета. Очевидно это он.

Относительно Твоего замысла о создании театра в Петербурге[4] скажу, что это было бы очень своевременно, только надо непременно серьезно финансировать дело. Я, увы! вкладчиком войти не мог бы по той простой причине, что не только проживаю все, что получаю, но проживаю и более того. Есть у меня виды упрочиться денежно с разрешением железнодорожной концессии, к коей я близко стою, но концессия эта еще не состоялась, и это дело — вопрос года или вроде того. К тому же упроченность эта тогда выразится в виде места с крупным окладом, а не в виде единовременной суммы.

Когда Ты прибудешь в Москву? Мы с Литкой были бы ужасно рады увидеть Вас обоих. Есть у меня замысел просить Тебя участвовать в торжественном литературном вечере, устраиваемом 14 января Кружком и организуемом мною[5], но о сем по выяснении ассигновки от Кружка напишу умоляющее письмо особливо.

Обнимаю Тебя дружески и целую руки Анастасии Николаевне. Литка нежно приветствует обоих.

Любящий Тебя крепко Гриф

---

[1] См.: *Кречетов С.* «Заложники жизни»: Новая пьеса Федора Сологуба // Утро России. 1910. 4 дек. № 317.

[2] Аркадий Павлович Алексеевский (1871—1943) возглавлял газету «Утро России» после ее возобновления в конце 1909 г.

[3] См. заметку в хронике о перспективах ярославского театра: «...в городскую управу заявления о желании снять театр поданы следующими лицами <...> неким С. А. Соколовым из Москвы» (*Ива*... [*Иваньшин*] *Н.* // Театр и искусство. 1910. № 47. С. 910—911).

[4] См. также п. 42. Эта идея осуществлена не была.

[5] См. п. 42, примеч. 1.

42

16 декабря <1>910 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Только дня три, как я встал я постели после недельного лежания. Очень был болен, в почках оказались какие-то камни, увы, не драгоценные, и было это весьма мучительно. И теперь чувствую себя все еще не очень хорошо.

Хочется мне ответить на Твой вопрос относительно суммы, нужной, чтобы создать театр. Мне не раз приходилось говаривать на эту тему с Н. А. Поповым, весьма понимающим в этом толк и добрую половину своего состояния прожившим на театр. Он всегда утверждал, что при осторожном ведении дела, не кидаясь деньгами, но и не дрожа над грошом, можно создать большое театральное дело в столице, имея около 75 тысяч рублей.

А принимая в расчет, что театр утонченный и благородный, каковым был бы Твой, не может ехать на полных сборах, думаю, что цифру надо увеличить до 90 или 100 тысяч рублей. Совсем, конечно, иное дело, если бы по помещению театр был не столь огромен и рассчитан на более избранную публику. Тогда и труппа не так многолюдна, и все дело потребует *много* меньше. Вот мои мысли о стоимости.

Большая у меня к Тебе, Федор Кузьмич, просьба. Литерат<урно>-Худож<ественный> Кружок собирается устроить 14 января литературный вечер (чисто литературный, без музыки), который ближайшим образом с благословения исполнительной комиссии буду устраивать я. Не согласился ли бы Ты принять в нем участие и, прибыв, прочесть несколько стихотворений. На дорожные расходы будет уплачено 100 рублей. Если бы Ты согласился, в *личное мне одолжение*, был бы Тебе благодарен бесконечно. Очень прошу, напиши мне о том, по возможности *скоро* и *определенно*. Последнее нужно мне затем, что надо заранее провести через Дирекцию финансовый расчет вечера, для чего надо твердо знать, кто будет и кто нет. Из петербуржцев приглашаются Ремизов, Городецкий и Толстой, из москвичей будут, между прочим, Зайцев, Брюсов, Волошин[1].

Очень буду ждать Твоего ответа и очень умоляю согласиться. Получив Твой ответ (а тем временем вопрос здесь решится вообще

о вечере окончательно), я тотчас извещу Тебя и попрошу прислать хотя бы два стихотворения для представления московской администрации.

Был бы ужасно рад случаю увидеть Тебя в Москве.

Еще напиши, пожалуйста, когда «Заложники» пойдут у Леванта и как там разошлись роли Михаила, Кати и Лилит[2].

Дружески обнимаю Тебя. Анастасии Николаевне целую руку. Лида шлет Вам обоим нежный привет. Она каждый вечер играет то в «Орленке», то в «Обнаженной», а днем репетирует в пьесе Н. А. Попова для Рождества, получившей премию на незлобинском конкурсе[3].

Твой всегда
Сергей Кречетов

---

[1] В «Вечере литераторов» в московском Литературно-художественном кружке приняли участие М. А. Волошин, С. М. Городецкий, Б. К. Зайцев, И. А. Новиков, Н. И. Петровская, А. М. Ремизов, А. С. Серафимович, Соколов, С. М. Соловьев, А. Н. Толстой, И. С. Шмелев. Ю. Л. Ракитин читал стихи М. А. Кузмина. В. Я. Брюсов присутствовал на вечере, но не выступал (см.: *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества 1877—1916. СПб., 2002. С. 263).

[2] См. п. 40, примеч. 4.

[3] С осени 1910 г. Л. Д. Рындина играла в театре Незлобина роли Дарьи Рутиловой в «Мелком бесе», Нини в «Обнаженной» А. Батайля, Фанни Эльслер в «Орленке» Э. Ростана, принцессы Эльзы в спектакле по пьесе Н. А. Попова «Оле-Лук-Ойе, или Андерсеновы сказки», Анаисы в «Как поживешь, так и прослывешь» («Дама с камелиями») А. Дюма-сына.

43

24 дек<абря> <1>910 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Я как-то писал Тебе, прося согласиться участвовать в литературном вечере в Кружке 14 января, и весьма умолял ответить.

Теперь вечер вполне решен на 14 января, Ты же безмолвствуешь.

Очень прошу Тебя, — *ответь*, можешь или нет приехать на 14-е и читать стихи[1]. Так как вечер связан с финансовым вопросом (петербуржцу Кружок платит 100 руб. подъемных), то мне *непременно надо знать заранее и вскорости*, можешь ли Ты быть или нет. Ежели согласишься, как о том очень прошу, пришли хотя бы 2 стихотворения для показания администрации.

Дружески обнимаю. Анастасии Николаевне целую руку. Лида нежно приветствует обоих. Жду *скорого* ответа.

Твой всегда
Гриф

---

[1] См. п. 42, примеч. 1.

44

26 июля <1>911 <года>. Малаховка.

Дорогой Федор Кузьмич!

Прости, ради Господа, за гнусную бумагу. Дня три, как вернулся домой, ничего нет под руками. Во второй половине июня совсем неожиданно пришлось уехать в Лондон, по железнодорожным делам (переговаривали заранее, на случай удачи, об условиях облигационного займа), где и пробыл добрый месяц.

Поездка была не слишком радостная: во-первых, вечная возня с делами не давала толком осмотреться, а во-вторых, кроме единственного дня, когда удалось вырваться к морю, просидел безвыездно в Лондоне, где все время была жара совершенно неописуемая. Накаленные дома, накаленные мостовые и сплошная лава автомобилей и автобусов на улицах, отравляющих гарью и без того душный воздух. Бывали дни, когда приходилось с полудня уходить в какой-нибудь парк (их в Лондоне целый ряд, и преогромных, с бесконечными лугами и вековыми деревьями) и там сидеть под деревьями, за столиком кафэ до вечера.

Любопытные у англосаксов нравы. В театрах дамы — декольтэ, а мужчины — во фраках, однако ж последние дымят сигарами, что особливо гнусно, и кладут ноги на спинки стульев, впереди находящихся. И еще: часов с пяти в каждом парке тысячи парочек, сидящих рядом или лежащих на траве в обнимку и целующихся взасос с совершенной непринужденностью, как если б были они в Сахàре. В праздник на Темзе множество лодочек, на дне подушки, на подушках обнявшиеся пары. Весело, приятно и удобно.

Вот теперь я опять дома. Меняю квартиру. С 15 августа: Моховая 10.

Очень был я обрадован, узнав из письма Литке Анастасии Николаевны, что постановка «Заложников» в Александрин<к>е почти что обеспечена[1]. Да исчезнет и это «почти». Чудесно и то, что «Навьи Чары» кончены[2].

Подобает Тебе осенью приехать в Москву, что причинит нам большое удовольствие. Я же с делами в Петербурге бывать буду.

Обнимаю Тебя дружески и крепко, целую. Анастасии Николаевне мой нежный привет. Написал бы Ты мне.

Твой

Гриф

---

[1] «Заложники жизни» были поставлены в Александринском театре В. Э. Мейерхольдом (премьера — 6 ноября 1912 г.).

[2] Речь идет о романе «Дым и пепел» (третья, заключительная часть трилогии «Творимая легенда», первоначально именовавшейся «Навьи чары»), опубликованном в 1912—1913 гг.

45

Моховая, 10, кв. 17.
13 авг<уста> <1>911 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Спасибо Тебе, что и среди многих работ не поленился ответить. О «Московской газете» скажу, что, по-моему, Ты поступил правильно, согласившись[1]. Газета, как думаю, будет в общем веселенькая и довольно легковесная, но *литературный отдел*, по видимости, будет поставлен не плохо. Янтарев — человек небольшого калибра, но все же крещение получил в «Грифе», и советы я ему стараюсь давать благие[2]. Деньги у «Московской газеты» будут. Издателем будет некий Меснянкин, субъект с миллионом[3]. В литературный отдел зовут народ приличный. Брюсов уже дал стихи[4].

Новостей в Москве особых пока нет, кроме того, что, как говорят, сюда перебирается на житье Алексей Толстой, которому, очевидно, стало не очень уютно в Петербурге[5].

Печалюсь, что вопрос с «Заложниками» стоит не так твердо, как я заключил из письма Анастасии Николаевны[6]. А то было обрадовался.

Участь железной дороги решится сравнительно скоро. Примерно в сентябре. Исход угадать трудно. Обе стороны готовят последние удары. Надежды не теряю. Думаю все же, что скорее выгорит.

Последние дни и перебирался с дачи, и сразу перевозился на новую квартиру. Она — приятная и больше той. Впрочем, и дороже. Надеюсь на звезду.

Литка утром и вечером торчит в театре. Обычная Незлобинская система: ничего наперед неизвестно, заходи и жди, пока определится программа дня. Из постановок пока определились: мольеровский «Мещанин», пьеса Ашешова (о!) «В золотом доме» и пьеса какого-то Черешнева из быта педагогов. Еще возобновят «Орленка», «Красный кабачок» Беляева и, говорят, поставят его «Псишу» (из Павловских времен)[7]. Рощина заменена южно-русской «примадонной» Юреневой, каковой еще нет[8].

Завтра будем ночевать в новой квартире. Пока же привитаем <sic!> в разных родственных и дружественным местах.

Литка шлет обоим нежный привет. Я Тебя обнимаю, Анастасии же Николаевне целую ручки. Как Ваши театральные планы?

Твой

Гриф

---

[1] 2 августа 1911 г. Сологуб получил письмо: «Многоуважаемый Федор Кузьмич! С 1-го сентября в Москве будет выходить большая ежедневная “Московская Газета”. Широко поставив все отделы, газеты уделит много места литературному отделу.

Свидетельствуя Вам свое уважение, редакция “Московской Газеты” просит Вас не отказать в сотрудничестве в этом отделе. Гонорар по соглашении. При согласии может быть выслан аванс. Заведующий литературным отделом Е. Янтарев» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 799. Л. 1). Во втором письме, датированном 10 августа, Янтарев сообщал, однако, что такого аванса, как просил Сологуб за будущий рассказ, дать не может (Там же. Л. 3—3 об.). 15 августа Янтарев попытался объясниться более подробно: «Что же касается аванса, то я и не думаю отрицать, что предлагал Вам его. Но все дело в сумме. Не предполагая, что Вы пожелаете такой высокий гонорар (за прозу), я имел в виду аванс, не превышающий обычно размера (100 р.). Все относительно. Если Вы считаете 300 р. “скромной” суммой, то это, смею думать, все же не значит, что она действительно скромна. В заключение должен заметить, что, приглашая Вас сотрудничать в литературном отделе, я никак не предполагал, даже если бы и хотел этого, печатать ежедневно Ваши рассказы. По условиям газетной работы это совершенно невозможно и к тому же разорительно. Несколько рассказов (2—3 в год) — вот максимальная возможность от всякой газеты. В “Утре России”, где Вы числитесь сотрудником, Вы печатаете не более, если не менее, и, сколько мне известно, неудовольствия не выражаете» (Там же. Л. 7—7 об).

Окончательный итог Сологуб подвел в письме, черновик которого сохранился:

> 19 августа 1911 г.
>
> Многоуважаемый Ефим Львович,
>
> Размер гонорара написан Вам такой, какой мне платят и другие газеты. Рассказы мои в «Утре России» приблизительно вдвое больше указанной Вами нормы. Рассказы очень маленькие мне писать гораздо труднее. Об еженедельном печатании рассказов в моих письмах не было речи. Я работаю медленно, и не могу написать много. Если Вы серьезно предположили, что я могу давать Вам «ежедневно громадные рассказы», то, конечно, Вы сделали совершенно невероятное предположение: если Вы это написали в насмешку, то не понимаю, зачем это Вам понадобилось. Вообще, я не понимаю, какую цель Вы имели, и думаю, что Вы позволите мне надеяться, что настоящим письмом наша переписка прекращается.
>
> Деловая часть наших сношений закончилась неудачно, но на это Вам не стоит сердиться. О противоречиях, которые я усматривал в Ваших первых письмах, я написал Вам только для того, чтобы мотивировать, почему мой второй ответ противоречит первому, — и напрасно Вы на это столь обиделись.
>
> (Там же. Л. 5—6).

[2] Янтарев Ефим Львович (Бернштейн Хаим Лейбович; 1880—1942) — поэт, журналист, секретарь «Московской газеты». Дебютировал в альманахе «Гриф» в 1905 г., печатался в «Перевале», почему Соколов и говорит о «крещении в “Грифе”». Подробнее см.: *Эдельштейн М. Ю.* Литературно-критическая деятельность Е. Л. Янтарева в «Московской газете» (1911—1915) // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 3 (в печати). Письма Соколова к нему: РГАЛИ. Ф. 1714. Оп. 1. Ед. хр. 12.

[3] Имеется в виду Николай Прокофьевич Меснянкин, издатель «Московской газеты».

[4].В газете было опубликовано одно стихотворение В. Я. Брюсова — «Летняя гроза» (1911. 1 сент. № 97).

[5] Соколов подразумевает результат скандального разбирательства конфликта между Сологубом и А. Н. Толстым: 3 января 1911 г. в квартире Сологуба и Ан. Н. Чеботаревской был маскарад, для которого Чеботаревская по просьбе Толстого раздо-

была обезьянью шкуру; от нее по непонятной причине был отрезан хвост, который использовал в своем костюме А. М. Ремизов. В результате третейского суда по этому поводу Толстой принес свои извинения Сологубу, но прощен не был. Согласно некоторым воспоминаниям, переезд Толстого на жительство из Петербурга в Москву был связан именно с затруднениями, которые стал ему чинить Сологуб в различных литературных замыслах. Подробнее см.: *Обатнина Е. Р.* От маскарада к третейскому суду («Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А. М. Ремизова) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. [Т.] 3. С. 448—465; *Она же.* Царь Асыка и его подданные: *Обезьянья Великая и Вольная палата А. М. Ремизова* в лицах и документах. СПб., 2001. С. 60—77. Из второй названной выше работы узнаем, что вольный пересказ этого эпизода Кречетов огласил на вечере памяти Сологуба, а Л. Д. Рындина зафиксировала в своих мемуарах (см.: Там же. С. 76, 63—64).

[6] См. п. 44, примеч. 1.

[7] Речь идет о «Мещанине во дворянстве» («Мещанин-дворянин») Мольера, премьера которого состоялась 1 сентября; новой пьесе Николая Петровича Ашешова (1866—1923), премьера — 3 ноября; «Орленке» Э. де Ростана, уже шедшем ранее, и о двух популярных пьесах Юрия Дмитриевича Беляева (1876—1917), в которых играла Рындина. «Красный кабачок» действительно был возобновлен, премьера же новой его пьесы «Псиша», пользовавшейся большим успехом, состоялась 6 октября (материалы о ее постановке см.: Рампа и жизнь. 1911. № 41 и 42). Пьеса Николая Федоровича Черешнева (наст. фам. Новиков; ум. 1916) называлась «Частное дело» (см. не слишком восторженную рецензию: *Софит* // Рампа и жизнь. 1911. № 39. С. 7—8. Помимо названных, в театре Незлобина готовились к постановке «Снег» С. Пшибышевского с В. Юреневой в главной роли, а также «Фауст» по трагедии Гете (спектакль не вышел).

[8] Речь идет о Екатерине Николаевне Рощиной-Инсаровой (1883—1970), служившей в театре Незлобина в 1909—1911 гг., а потом перешедшей в Малый театр. Вера Николаевна Юренева (1876—1962) пришла в театр Незлобина из киевского театра «Соловцов». У Незлобина служила в 1911—1914 и 1916—1918 гг.

46

2 сентября 1911 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Предъявитель сего письма, секретарь Совета Общества Деятелей печати Лев Исаевич Гальберштадт[1] уполномочен Обществом к записи на граммофонных пластинках в пользу Общества живой речи известных и примечательных современников[2].

Очень прошу Тебя, не откажи ему в согласии «наговорить» в граммофонную трубу твои стихи, ибо весьма подобает Твоему голосу быть увековеченным.

Сделав просимое, окажешь Обществу, членом Совета которого я состою, честь, мне же большое удовольствие.

Обнимаю Тебя дружески.

Твой всегда

Сергей Кречетов

(Гриф)

Письмо на почтовой бумаге Общества деятелей периодической печати и литературы. Адрес: Москва, Б. Дмитровка, д. Востряковых.

[1] Л. И. Гальберштадт (1878 — ?) — журналист, сотрудник многих газет и журналов.

[2] См. в хронике: «Обществом деятелей периодической печати и литературы в этом году будут выпущены новые пластинки для граммофона. Совет и правление общества обращаются к известным общественным деятелям, писателям, ученым, артистам с просьбой оказать свое содействие в деле воспроизведения их голоса посредством граммофона» (Утро России. 1911. 2 сент. № 202). Это Общество существовало в Москве в 1907—1918 гг.

47

5/9 1911 <?>

Адрес неизвестен<,> спишемся<.> Петербургским грамофоном все устрою<.> Гриф

Телеграмма. Датируется по неразборчиво написанной помете телеграфиста.

48

22 окт<ября> <1>911 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Боюсь, не опоздало бы мое письмо. Я кручусь, как белка в колесе, с моими железнодорожными делами, — чуть что не ночую в вагоне. Лида вот уже дней 12 в Петербурге, играет Зидзелиль в «Шлюке и Яу», поет нежные песенки с арфой[1]. Думаю, на днях вернется. Я же завтра опять в Петербург на целую неделю. Очень радуюсь, что «Заложники» пройдут в Александрин<к>у[2]. Черкни, когда думаешь в Россию[3]. Целую Тебя дружески, Анастасии Николаевне ручки целую не без нежности.

Твой Гриф.

Открытка Общины Св. Евгении: К. Сомов. Весна. Отправлена по адресу: Монте Карло. Mr Théodore Teternicoff (Sologoub). Hôtel Orient. Monte Carlo. Monaco.

[1] См. п. 35, примеч. 5. Осенью 1911 г. театр Незлобина постоянно ставил спектакли не только в Москве, но и в Петербурге.

[2] См. п. 44, примеч. 1.

[3] В сентябре — октябре 1911 г. Сологуб и Чеботаревская совершили поездку в Европу, побывали в Германии, Италии, Франции, Монако.

49

25 декабря <1>911 <года>

Моховая, 10, кв. 17.

Дорогой

Федор Кузьмич!

Со времени Твоей осенней открытки из Монте-Карло, на которую я туда же Тебе ответил, нет от Тебя никаких вестей.

Слух идет, что Ты вернулся, и вот пишу, ибо очень по Тебе соскучился. Бывал я в Петербурге осенью — как раз когда был Ты в отъезде. Был дважды в конце ноября, начале декабря, но оба раза от утра до

вечера, и эти немногие утопали в безотрывных делах. Все — с железной дорогой. Боремся с Московско-Казанским Обществом[1] изо всех сил. То сей, то оный на бок гнется[2]. Сейчас дело грозит пойти в оттяжку, но все же есть много шансов, что Твой Гриф кончит-таки тем, что станет железнодорожным директором, однако ж не переставая, конечно, быть Грифом и даже, надеюсь, более деятельным Грифом.

А то малоденежье (сия неприятная, но — увы — не покидающая меня болезнь) не дает толком развернуть Грифа, как то подобало бы его величественной природе. В начале января выпущу первую за этот сезон книгу: «Зарево зорь» Бальмонта[3].

Лида играет в этом году роли хорошие, но немногие: очень уж огромное количество народу держит Незлобин. Осенью возили ее со «Шлюком и Яу» в Петербург, играла она прекрасную принцессу Зизелиль и пела под арфу меланхолическую песню[4].

Я всю эту осень очень много работал с железнодорожными делами — времени они берут уйму. Так до Рождества было. Вот только дня три как отдыхаю, наступило затишье.

Написал на днях в «Утре России» статью с воспоминаниями о Бальмонте по поводу его 25-летнего юбилея[5]. Не знаю, читал ли Ты ее.

Очень мне хочется знать, чем кончилась история с Александринкой и «Заложниками» и кто пересилил в этом деле[6]. И еще хочется мне знать, что Ты теперь пишешь. И еще хочется знать, может ли статься, что Ты и Анастасия Николаевна приедете в Москву.

В Москве царствует Валерий Брюсов. Представительствует на всяких юбилеях, подносит от Кружка венки и говорит речи на банкетах. Как-то выпустил в Обществе Своб<одной> Эстетики 20 юных поэтов. Читали и поодиночке, и попарно (сразу одно и то же! Факт!)[7]

Приветствую Анастасию Николаевну, Тебя же обнимаю дружески.

Твой всегда

Сергей Кречетов.

---

[1] Речь идет об акционерном обществе Московско-Казанской железной дороги, ведшей в это время активное строительство.

[2].Из поэмы И. И. Дмитриева «Ермак» (1794).

[3] Книга вышла в январе 1912 г.

[4] См. п. 44, примеч. 1 и п. 48.

[5] См.: *Кречетов С.* Бальмонт: Из моих воспоминаний // Утро России. 1911. 23 дек. № 295. См. также: Соколов — Чеботаревская, п. 5.

[6] См. п. 44, примеч. 1 и п. 50, примеч. 9.

[7] О понимании Брюсовым своей роли в литературной жизни Москвы начала 1910-х гг. см. в его письме к Вяч. Иванову более позднего времени: «Что до Москвы поэтов <...> то надеюсь на тебя очень. За моим отсутствием ты, вероятно, принял по праву принадлежащую тебе державу в этом царстве» (Литературное наследство. 1976. Т. 85. С. 533 / Публ. С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова). 15 янва-

ря 1912 г. он сообщал жене: «Жизнь моя <...> идет по-прежнему, — работаю, бегаю, опять работаю, — дирекция-президиум <Литературно-художественного кружка>, банкет, комиссия, корректуры, письма» (Цит. по: *Ашукин Н., Щербаков Р.* Брюсов. М., 2006. С. 368). Чтение, о котором сообщает Соколов, — скорее всего, вечер (не исключительно молодых поэтов и в меньшем количестве) 3 ноября 1911 г., где А. И. и М. И. Цветаевы выступали с совместной декламацией стихов М. Цветаевой (см.: Там же. С. 366—367).

50

Малаховка. М<осковско->Каз<анской> ж. д.

Соколовский проезд. Св<оя> дача.

17 июля <1>912 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Все ждал, что Ты черкнешь мне, каков Твой летний адрес, и, не дождавшись, пишу по зимнему в расчете, что перешлют.

Я с 15 мая живу в Малаховке. Лида на май уезжала в Париж[1], к июню вернулась, играет здесь в Малаховском театре, одно время была занята очень сильно, теперь несколько освободилась[2].

В конце мая и начале июня несколько раз наезжал в Петербург, всегда звонил Тебе, и всегда было молчание.

Ты, наверно, знаешь из газет, что Головинская концессия лопнула. Однако ж мы не сложили оружия. Сорганизовалась новая финансовая группа, где я также принимаю участие, и притязает вырвать из рук М<осковско->Казанского общества его собственный проэкт, одобренный Советом министров. Так как финансовые условия, предлагаемые этой группой Правительству, выгоднее условия М<осковско->Каз<анского> общества, то борьба пока идет не без успеха и окончательно разрешится в августе или сентябре. Шансы есть несомненные[3].

Осенью же поступят в рассмотрение два других железнодорожных проэкта, к коим я прикосновен, так что мне, наверно, придется бывать в Петербурге очень часто. Последнее еще более несомненно потому, что Лида в будущем сезоне будет служить в *Петербургском* театре Незлобина, где сбор труппы назначен 20 сентября[4]. В августе Лида намерена развязаться с своим апендицитом <sic!> путем операции, ибо летом он опять причинял ей неприятности[5].

Сейчас в железнодорожных делах моих настал перерыв до августа, и я живу, отдыхаючи. Гуляю, играю в крокет, катаюсь на велосипеде и читаю книжки.

В Москве особых новостей нет, если не считать скорого переезда «Русской Мысли» в Петербург[6] и скорого разрешения Веры Зайцевой от бремени[7].

Стихов пишу немного. Очень был изумлен, когда на днях вдруг написалось стихотворение радикально-политического тона.

Радовался, узнав из газет, что «Заложники» утвердились и в Петербурге, и в Москве. Очень верю, что в конце концов Ты победительно завладеешь российским Театром[8].

Не без приятности прочел нынче Твое письмо в «У<тре> России» Твое письмо о «любезной и просвещенной Дирекции»[9]. Пускай *не*просвещенные и *не*любезные к истинным путям искусства молчаливо ощутят сию иронию.

Обнимаю Тебя и целую дружески. Анастасии Николаевне целую ручки. Лида шлет нежный привет обоим.

Напиши!

Любящий Тебя

Гриф

Переадресовано: Меррекюль Эстляндской губ. деревня Адриас дача Раутса.

[1] О поездке Рындиной в Париж, связанной с ее оккультными интересами, см. запись в ее дневнике от 24 мая 1912 г. опубл. в кн.: *Богомолов Н. А.* Вокруг «серебряного века». С. 392.

[2] См.: *Кречетов С.* Летний театральный стиль и Малаховский театр // Рампа и жизнь. 1912. № 32. С. 10—11; Там же. № 33. С. 11—12.

[3] См. описание событий:

> ...Общество Московско-Казанской железной дороги выступило в 1909 году с предложением постройки линии от Казани до пункта Пермской железной дороги, близ Екатеринбурга <...> Вслед за ходатайством Общества Московско-Казанской железной дороги в октябре 1910 года в Правительственные учреждения поступило ходатайство группы московских капиталистов, во главе с бывшим председателем 2-ой Государственной Думы Ф. А. Головиным, о разрешении им сооружения линии Нижний Новгород — Малмыж — Екатеринбург — Курган <...> Рассмотрение всех этих проектов в Комиссии о новых дорогах тянулось очень долго, в течение 4-х месяцев, с марта по июнь 1911 года, и возбудило ожесточенную борьбу городов, местностей и общественных организаций, как в Правительственных учреждениях, так и в печати. <...> В течение 1912 года, в целом ряде заседаний были рассмотрены детально оба проекта <...> В Особом Совещании не было достигнуто единогласного решения, и представители Министерства Путей Сообщения и Государственного Контроля высказывались за отдачу концессии Обществу московских капиталистов и за выкуп существующих линий Общества Московско-Казанской железной дороги. В Совете Министров, куда поступило на дальнейшее рассмотрение решение Совещания, после долгих обсуждений восторжествовало мнение о желательности предоставления сооружения названных линий Обществу Московско-Казанской железной дороги (Краткий очерк развития сети Общества Московско-Казанской железной дороги. [М.], 1913. С. 55—57).

Окончательно вопрос в пользу Общества Московско-Казанской железной дороги был решен 14 мая 1913 г.

[4] Осенью 1911 г. театр Незлобина попробовал существовать на двух сценических площадках, но эксперимент был не слишком удачен. Однако с сезона 1912—1913 гг. он действительно существовал сразу в обеих столицах. См.: *Кречетов С.* Открытие петербургского театра К. Незлобина // Рампа и жизнь. 1912. № 43. С. 12.

[5] О перенесенной операции Рындина подробно записала в дневнике (см.: *Богомолов Н. А.* Вокруг «серебряного века». С. 392—393).

[6] Редакция «Русской мысли» переместилась в Петербург в августе 1912 г.

[7] Имеется в виду Вера Алексеевна Зайцева (урожд. Орешникова, в первом браке Смирнова; 1879—1965), жена Б. К. Зайцева. Их дочь — Наталья Борисовна, в замуж. Соллогуб (1912—2008). См. также: Рындина — Чеботаревская, п. 8.

[8] Речь, по-видимому, идет о хроникальной заметке «Ф. Сологуб и Императорские театры» (Утро России. 1912. 13 июля. № 161), в которой сообщалось, что «Заложники жизни» после авторских исправлений будут приняты в Александринский и московский Малый театры. См. также примеч. 9.

[9] Приводим текст этого письма: «М. Г., г. редактор! По поводу помещенного в № 161 вашей уважаемой газеты извещения о том, что я, по желанию дирекции Императорских театров, сделал изменения в моей новой пьесе “Заложники жизни”, — я считаю своим долгом заявить, что любезная и просвещенная Дирекция Императорских театров не предъявляла мне таких требований» (Утро России. 1912. 17 июля. № 164).

51

Четв<ерг> 20 сент<ября 1912 года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Лида выезжает завтра, в пятницу, в 12 ч., курьером и, пользуясь Твоей <sic!> и Анастасии Николаевны любезным приглашением, намерена остановиться у Вас. Ergo[1], часов в 11 утра она прибудет на Разъезжую[2].

Твой всегда

Гриф

Открытка. Почтовые штемпели: Москва. 20.9.12. С. Петербург 21.IX.12.

[1] Следовательно (*лат.*).

[2] 21 сентября 1912 г. Сологуб писал Чеботаревской: «Сегодня я получил письмо от Соколова; он пишет, что Лидия Дмитриевна выедет сегодня ночью и будет у нас завтра в 11 утра» (Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 319 / Публ. А. В. Лаврова), а через несколько дней прибавлял: «Лидия Дмитриевна ведет деятельный образ жизни, — днем и вечером в своем театре и подыскивает квартиру» (Письмо от 24 сентября // Там же. С. 321). С этого времени следует исчислять ее постоянное проживание в Петербурге, где она играла в той части труппы театра Незлобина, которая обосновалась там.

52

23 сент<ября> <1>912 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Прими Александра Ивановича Тинякова (он же Одинокий), одного из литературных крестников «Грифа», молодого поэта, ныне

переезжающего в Петербург, — благосклонно и простри над ним Твое благоволение[1].

Твой всегда

Гриф

[1] Столичный литературный дебют А. И. Тинякова (1886—1934) состоялся в альманахе «Гриф» 1904 г. В 1912 г. в издательстве «Гриф» вышла первая книга его стихов «Navis nigra». По рекомендации Соколова он стал частым посетителем дома Сологуба, печатался в его журнале «Дневники писателей». Однако в январе 1913 г., явившись к ним пьяным, вынудил Соколова извиняться перед Сологубами, а самому Тинякову написать вразумляющее письмо (см.: РНБ. Ф. 774. № 39. Л. 11—12). Затем отношения все же возобновились и продолжались до окончательной ссоры в феврале 1915 г. (см. письма Тинякова к А. Н. Чеботаревской: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 284).

53

15 февраля <1>913 <года>

Милый

Федор Кузьмич!

Для меня нет вопроса, что лучше: назвать ли эгофутуризм Игоря Северянина «скорбными шаржами» или сохранить Твое предисловие, потому «шаржи» вычеркиваю[1].

Делаю это с тем большей решительностью, что до сей поры у меня было впечатление, что этот подзаголовок кажется нужным и правильным не только мне, но и автору книги.

Раз, как теперь вижу, я ошибался, и то, что казалось мне авторским со мною единомыслием, в сущности было лишь деликатною с его стороны уступчивостью, я, естественно, даже и безотносительно к твоему желанию не стал бы учинять над автором никаких насилий.

Я ошибся, не уяснив себе действительного его мнения или не сумев его угадать, и я извиняюсь, что зря причинил Вам обоим хотя бы и малое неудовольствие, — надеюсь, бесследное ввиду поправимости дела.

Обнимаю Тебя дружески. Анастасии Николаевне привет.

Твой всегда

Сергей Кречетов.

[1] Речь идет о предисловии Сологуба к первой большой книге Игоря Северянина «Громокипящий кубок» (М.: Гриф, 1913). Вышла в апреле 1913 г. Подзаголовка «Скорбные шаржи» у книги не было.

54

17/2 1913

Поздравляю, <с> днем рождения<,> крепко целую, желаю, еще минимум сто лет прекрасного и творческого труда<.> Любящий Сергей Кречетов

Телеграмма.

55

23 февр<аля> <1>913 <года>

Милый

Федор Кузьмич!

Посылаю Тебе вырезку из «Рампы» с маленькой моей заметкой по поводу дня Твоего рождения[1].

Книга И. Северянина отпечатана, — дело только за брошюровкой и обложкой. Выпущу в конце первой недели.

Привет Анастасии Николаевне. Дружески обнимаю.

Твой всегда

Сергей Кречетов.

---

[1] См.: *Кречетов С.* Федор Сологуб: К 50-летию со дня рождения // Рампа и жизнь. 1913. № 8. С. 5—6. Отметим, что номер был датирован следующим днем, 24 февраля.

56

16 июня <1>913 <года>

Милый

Федор Кузьмич!

Не знаю Твоего адреса — потому пишу по зимнему. Шлю это письмо из Малаховки, куда приехал на один день в отпуск. Я ведь с мая месяца — состою под знаменами Российской армии в почтенном чине прапорщика легкой артиллерии. Живу в лагере при селе Клементьеве, в 20 верстах за Можайском. Стреляю из пушек, езжу верхом, выделывая на ученьи всякие вольты направо и налево, встаю в 7, в 6, в 5 и даже в 4 часа утра, питаюсь кашей черной и белой, яичницей и простоквашей (если б знал Ты, сколь ужасны эти продукты при ежедневном потреблении!) и перед сном беседую с моим денщиком, милым круглолицым хохлом из секты Иеговистов, о бессмертии души и о вечных соотношениях Бога и Дьявола. В лагере стоит 90 батарей (весь московский округ), и потому пальба идет в окружности, не умолкая ни днем, ни ночью. Впрочем, к этому привыкаешь, и под нее отлично спится. Обитаю в деревне, в крестьянской избе, оклеенной лубочными картинками мнимых побед русских над японцами, хозяйка каковой избы, старуха Василиса, баба деловитая и мудрая, советуется со мною ежедневно о предстоящем урожае и о мерах ограждения ее огорода от противозаконной предприимчивости рядом квартирующих солдат мортирного дивизиона. Вот моя жизнь.

В начале мая был на встрече Бальмонта[1] (уже в военном виде), пытался сказать ему приветствие, но был вдвинут в рамки законности жандармским подполковником. Провел с Бальмонтом весь день, — между прочим, — он говорил о Тебе с чувством большой нежности и благодарности за содействие празднованию его юбилея[2]. После уехал

я в лагерь и больше его не видал, — дней через 10 он уехал к родным в имение[3].

Выпускаю II издание Игоря Северянина (уже набирается), ибо первое приходит к концу[4].

Военщине моей конец через несколько дней (20 июня), после чего буду в Малаховке, где Лида живет все время.

Нежно обнимаю Тебя, искренний привет Анастасии Николаевне. Лида сердечно приветствует обоих.

Любящий Тебя всегда

Гриф.

Получил Твою книгу от «Сирина» с пометкой «от автора»[5]. Спасибо за память.

Переадресовано: ст. Иевве деревня Тойла д. Егора Мягге. Малаховский адрес.

[1] Речь идет о возвращении К. Д. Бальмонта из эмиграции. 5 мая его встречали на вокзале, 7 мая в Обществе свободной эстетики состоялось чествование. См.: *Романов А. Ю.* Возвращение поэта: Материалы к биографии К. Д. Бальмонта (по газетным публикациям 1913 г.) // Солнечная пряжа. Иваново; Шуя. 2008. Вып. 2.

[2] Подробнее о выступлениях Сологуба на двух вечерах в честь 25-летия литературной деятельности Бальмонта см.: *Павлова М. М.* К вопросу о датировке цикла Ф. Сологуба «К. Д. Бальмонту» (1912). Мистификация, инерция, закономерность? // Судьбы литературы Серебряного века и русского Зарубежья. Сб. статей и материалов памяти Л. А. Иезуитовой. СПб., 2010. С. 56—67.

[3] Адрес Бальмонта в это время: Нара-Фоминская, Московской губернии, имение Плесенское (см.: Литературное наследство. 1991. Т. 98, кн. 1. С. 233).

[4].Второе издание «Громокипящего кубка» вышло в конце августа 1913 г.

[5] В это время издательство «Сирин» выпускало Собрание сочинений Сологуба. О каком томе этого издания идет речь, сказать трудно.

57

Москва. Тверская.

Пименовский пер. 2, кв. 20.

23 сент<ября> <1>913 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Знаю, что 1-го октября Ты уезжаешь в поездку[1], и не уверен совершенно, придется ли мне до тех пор попасть в Петербург. Потому очень прошу Тебя: вышли, если возможно, теперь же, на днях, стих, что Ты обещал для альманаха, и карточку. Очень я тороплюсь с этим делом, ибо Альманах связан юбилейным своим значением и должен выйти к началу ноября, чтоб не утратить смысла[2]. Обнимаю Тебя дружески. Анастасии Николаевне сердечный привет

Твой всегда

Гриф

---

[1] Речь идет о поездке Сологуба по России с чтением лекции «Искусство наших дней» (Курск, Житомир, Елисаветград, Чернигов и др.). См. также п. 59, примеч. 3.

[2] Имеется в виду замысел, о котором более подробно Соколов писал Вяч. Иванову 21 сентября 1913 г.:

> Имею к Вам просьбу: в этом году исполнилось 10-летие существования «Грифа» (903—913). По этому поводу я намерен издать юбилейный альманах с портретами авторов и библиографическим указателем их произведений.
>
> Участвовать будут только лица, за истекшие 10 лет издававшиеся в «Грифе», или печатавшиеся в его альманахах. Вы изволили принять участие в одном из Альманахов Грифа, и потому я решаюсь просить Вас не отказать принести на Грифский алтарь жертву в виде нескольких стихотворений.
>
> От большинства участников (в их числе — В. Брюсов, Сологуб, Бальмонт, Блок) вещи уже получены. Очень прошу исполнить мою просьбу вскорости, т. к. очень тороплюсь с изданием. <...>
>
> Вместе со стихами не откажите дать фотографию и библиографический перечень.
>
> (РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 54. Л. 6—7).

Вышел альманах, однако, лишь в январе 1914 г. (см. п. 60).

58

29 сент<ября> <1>913 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Очень грущу, до сих пор не получая от Тебя стиха для «Грифа» и фотографии. Пошли их, пожалуйста, *перед* твоим отъездом в двухнедельную поездку. Ждать твоего возвращения — с набором и версткой невозможно. Если можно, сообщи район поездки и *издаваемые там газеты*. Я пошлю туда для отзыва II изд<ание> Северянина.

Обнимаю дружески.

Привет Анастасии Николаевне.

Твой

Гриф.

Открытка.

59

27 окт<ября> <1>913 <года>

Милый Федор Кузьмич!

Стихотворение Твое для Альманаха получил. Очень за него благодарен. Жалею, что так и не дал Ты мне карточки Твоей, — пришлось помещать прежнюю, с усами и бородой[1].

Не так давно вернулся я в Москву, — был много времени в различных деловых разъездах.

Альманах весь набран и верстается. В силу своей громоздкости (клишэ, автографы и проч.) выйдет ноября 20-го. Будут участвовать положительно все, не мог сыскать только А. Белого в его заграничных скитаниях[2].

Как сошла Твоя поездка? Получив письмо Твое, поместил заметку в «У<тре> Р<оссии>» об большом успехе Твоего турнэ, с указанием упомянутых в письме городов[3].

Вожусь с делами моими. Завтра думаю поехать дня на 3 в Саратов. В ноябре буду непременно в СПБ. и у Тебя.

Жму руку дружески. Мой сердечный привет Анастасии Николаевне.

Твой

Гриф

Битковые сборы делает у Незлобина «Ревность»[4]. Обидно, что имеет успех такая дрянь.

---

[1] См.: Альманах «Гриф» 1903—1913. М.: Гриф, 1914. С. 151—153. Отметим, что в альманахе было помещено не одно стихотворение, а два: Сонет («Мудрец мучительный, Шакеспеар...») и «Холодный ветерок осеннего рассвета...».

[2] В конце июля 1913 г. Андрей Белый уехал из России, в 1913 г. жил преимущественно в Германии.

[3] По-видимому, имеется в виду неподписанная хроникальная заметка: «Федор Сологуб и А. Н. Чеботаревская совершают поездку по городам северо-западного края с лекцией о новом искусстве, иллюстрируемой чтением стихов и рассказов. Уже состоялись с большим успехом их вечера в Витебске, Двинске и Либаве» (Утро России. 1913. 12 окт. № 235).

[4] Спектакль по пьесе М. П. Арцыбашева. См. в газетной хронике: «Вчера в театре Незлобина на пьесе “Ревность” во время сцены в последнем акте, когда Семен Семенович душит Елену Николаевну, с верхов раздались свистки и крики: “Долой!” Публика партера стала кричать: “Хамы, хулиганы!.. Стыдно мешать!” Свистки и крики усиливались. Появилась полиция, успокоила протестантов и прекратила скандал» (Раннее утро. 1913. 29 окт. № 249).

60

28 дек<абря> <1>913 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Поздравляю Тебя и Анастасию Николаевну с наступающим Новым Годом, — да будет он для обоих счастливым и удачным.

Очень сожалею, что не пришлось увидаться за последние мои приезды в СПБ, — очень был я задушен железнодорожными делами.

Альманах Грифа получишь на праздниках, — в продажу он поступит после 8 января.

Прими мой сердечный привет.

Твой

Гриф

P. S. Сдал в набор III издание «Громок<ипящего> Кубка»[1]. Зная, что Ты прекратил отношения с Северяниным[2], недоумеваю, как быть с предисловием, и во всяком случае не решаюсь поместить его в новом издании *без Твоего согласия*[3]. Очень прошу Тебя ответить, считаешь

ли Ты меня вправе пользоваться предисловием для дальнейших изданий «Кубка». Северянин также просил меня не помещать его без Твоего согласия. Будь добр, черкни вскорости, ибо книга должна числа 10-го января выйти.

С.

Запросить Тебя почитаю своим долгом, чтобы ненароком не сделать неприятного Тебе и не поставить в ложное положение себя.

---

[1] Третье издание упоминаемой книги вышло в свет в январе 1914 г.

[2] Разрыв был связан с тем, что после успеха совместного с Сологубом и Чеботаревской турне по городам России весной 1914 г. Северянин отказался ехать в подобное же турне осенью. См. в письме Северянина Л. Д. Рындиной от 31 октября 1913 г.: «О Сологубах ты, конечно, уже все слышала. В свою очередь могу сказать, что инициатором нашей размолвки я себя отнюдь не считаю; не поехал по следующим причинам: 1) Болезнь мамы, 2) неполучение аванса, 3) “бесписьменность”, 3) угрозный тон телеграмм его и ее: они угрожали... прекращением знакомства! Что же! я и прекратил знакомство с ними. Не жалею, — слишком возмущен. Заискивать не рожден. И ведь не акмеист же какой-нибудь, наконец, я! Против него ничего не имею: он действовал под давлением. Ею прямо-таки возмущен. И давно уже. Короче: я доволен своему “освобождению”. Я ликую, Лида! Пусть они не забывают, эти Сологубы, что они “только Сологубы”... не более. Воображаю ее “самочувствие”. На письма ее не отвечаю. Лида, Лидия! ты отмщена! И уже давно все шло к этому. За тебя мстить — сладостно! Но высшая месть — тебе весь сборник!» (Игорь Северянин. Царственный паяц: Автобиографические материалы. Письма. Критика. СПб., 2005. С. 104—105). О размолвке Рындиной с Чеботаревской см. ниже в ее письмах. Рындиной был посвящен сборник стихов Северянина «Златолира».

[3] Начиная с третьего издания «Громокипящего кубка» предисловие Сологуба не печаталось.

61

Действующая армия. Северный фронт.

22 сент<ября> <1>914 <года>

Дорогой Федор Кузьмич!

Давно собирался тебе написать о своих похождениях военных, но кратко очень не хотел, да и почта была плохо налажена. Там, где я теперь, она работает исправно. И вот пишу. (Прости, что — карандашом!).

С 13 августа Гриф в действ<ующей> армии и с чрезвычайной быстротой вступил на вражескую территорию. В военном бытии его уже сменилось 4 фазы (четвертая течет).

I фаза. Мы быстро наступали в Вост<очную> Пруссию. Стремительные переходы. Покоренные города, куда Гриф въезжал не без важности на рыжем коне, созерцая хмурые лица жителей, фальшиво-яростные улыбки одних и открытые слезы других, более экспансивных.

Артиллерия, с грохотом катящаяся по прекрасным плиточным мостовым, и конница, едущая по бульварам, — картина, без сомнения, очень живописная. Сперва жизнь была типа военной прогулки.

Чего стоит один Тильзит. Освещенные электричеством, полные быстро осмелевшим населением улицы, рестораны, кафе, изящные продавщицы, с любезной ловкостью обсчитывавшие нас несмотря на принудительный курс в 2 ½ марки за рубль. Учтивости, поклоны... Только по ночам стрельба в разъезды по окрестностям да торжественные похороны убитых с музыкой и «Коль славен», так странно звучащими на улицах элегантного немецкого города.

II фаза. Поход вглубь страны. Ночевки то в палатках, но на немецких перинах бежавших немецких помещиков и офицеров. Насильственно взятые у чужого еще теплого уюта минуты комфорта и отдыха, то ночной холод в палатках, то отличные мраморные ванны с меховыми коврами для ног. Но атмосфера все суровей. Постоянная стрельба в разъезды, подозрительные колодцы, откуда лучше не пить даже лошадям, ночные пожары, зажигаемые ради сигнализации немецкими шпионами. Наконец, — долгое стояние на позициях против далеко вынесенных вперед передовых укреплений Кенигсберга. Атмосфера уже вполне суровая. Артиллерийские перестрелки, укрывание Грифа в лесу от противно гудящего коршуновидного аэроплана, норовящего кинуть бомбу (это они проделывали довольно часто!), бешеные скачки по обстреливаемым шоссе, тайные немецкие телефоны, разматываемые собаками с катушкой проводов на шее, шпионы, шпионы без конца, редко расстреливаемые, часто отпускаемые по славянскому добродушию. Отличные немецкие яблоки и груши. Пламенно-кровавые закаты, которыми любуешься, сидя на немецком крылечке, под недальнюю перестрелку. Словом, все отлично. Только было хотели лезть через какую-то немецкую илистую реку, опутанную проволокой, как вдруг перед нами оказались массы нем<ецких> войск, отвлеченных нами на себя из Франции, и, выполнив эту, как оказалось, заранее нам поставленную задачу, пришлось быстро уходить. Уходили в порядке, но это дорого стоило. Шли днями и ночами, спали по 2 часа в день на земле, ели сухари или не ели ничего. Немцы шли по пятам и, что главное, забегали с боков, чтобы отрезать. Потому шли почти ежедневно с боем. Так 7 дней, пока не поступили под могучую защиту скверных отечественных дорог. Раз, при отходе, пришлось очень туго, бились целый день, чтобы открыть дорогу. За этот день (бой при Куссене) Гриф представлен к ордену «За храбрость».

Наконец, дав последний бой на переправе у Немана, выкатились и через неск<олько> дней прибыли в отлично укрепл<енный> город[1].

IV фаза. Там временно стоим и «лечим раны», комплектуемся. Проскользнула сюда на 3 дня чудом жена моя, Лида, — я был ей рад безмерно[2]. Она прилетела, напуганная газетной уткой о моей тяжкой ране[3].

Сейчас немцев гонят назад. Вероятно, двинемся скоро и мы. Черкни мне по адресу: Действ<ующая> армия, 53 артилл<ерийская> бригада. Прапорщику: имя, отч<ество>, фам<илия>...

Обнимаю тебя дружески. Анастасии Николаевне мой почтительный привет. В случае чего, не поминайте лихом.

Твой Гриф

Карандашом.

[1] Речь идет о Ковно (ныне Каунас, Литва).

[2] Краткая запись об этом визите есть в дневнике Рындиной (см.: *Богомолов Н. А.* Вокруг «серебряного века». С. 401). См. также: Рындина — Чеботаревская, п. 14.

[3] Такого известия нам отыскать не удалось.

62

10 октября <1>914 <года>
Из темных пространств, неподалеку
от границы.

Дорогой
Федор Кузьмич!

Твое письмо до меня докатилось и причинило мне много удовольствия. Последний год мне казалось, что Ты как будто охладел ко мне, и мне было так радостно прочесть Твои прежние, Твои настоящие ко мне слова.

Я же любил Тебя всегда, и люблю все так же и теперь.

Спасибо Тебе за похвалу моим писаниям. Тем более ценна она мне, что писались и пишутся теперь они наскоро, на клочках бумаги, карандашом, в обстановке, когда отделывать их некогда[1].

Дней пять назад послал с одной верной оказией еще 1 очерк, который писал ночами, под сплошной гул канонады, от которой тряслись стекла жалкого литовского фольварка, где я жил.

Теперь пишу третий очерк. На днях закончу и буду искать случая переправить, чтобы не пропало на почте (у нас это случай постоянный!)

После войны, как ты советуешь, выпущу целую книгу[2].

За то время, что я писал Тебе, утекло много воды. Мы уже давно, числа с 25 сент<ября>, покинули крепость, откуда я Тебе писал. Пытались вновь явиться в гости к немцам, но на сей раз они отказались принять нас и, укрепившись вдоль границы, несмотря на наши упорные несколькодневные усилия категорическим образом отразили все наши попытки.

Теперь обе стороны стоят друг против друга, окапываются, укрепляются и занимаются мелкими кавалерийскими наездами, стычками

между разъездами и дозорами и артиллерийскими перестрелками. Изредка налетают немецкие аэропланы и кидают бомбы. В нашем отряде бомбам этим не удалось в эти дни укокошить никого. В общем, житье довольно мирное. Несколько ночей провел при передвижениях, под случайными кровлями. Потом жил ряд дней в глухом литовском фольварке. Ежели Ты видел в Худож<ественном> Театре «Бориса Годунова»[3], то вспомни сцену в литовской корчме. Низкий потолок с толстыми закопченными балками, глиняные плохо выбеленные стены, небольшие окна, длинный дубовый стол со скамьями. Огромная печь. В стороне прядильный станок. Добавь к этому вечного сверчка за печкой, и ты получишь полную картину. Постановка, что называется, «по Станиславскому». Лежишь ночью, глядишь на оплывающую свечку в старом медном подсвечнике и думаешь: где я? что я? Лежишь одетый совершенно, снята лишь шашка и сапоги, — все это рядом, чтобы надеть в одну секунду. А стекла дрожат от артиллерийской стрельбы, хотя ночи темные, ни зги не видно. Иногда выйдешь на крыльцо и видишь взлеты немецких ракет и огненные белые пальцы прожекторов, бороздящих небо.

Вот два дня, как квартира переменилась. Мы в нескольких верстах от старого места, в другом фольварке. Огромный каштановый парк. Большой господский дом и всякие конюшни и стройки. Было богато. Теперь разорено. Немцы были, все взяли, все съели. В главном доме генерал, в маленьком командир нашей бригады (я при нем теперь начальником ординарцев и связи) его адъютант и я. Пальба эти дни тише, — все больше днем, по ночам немного.

Живем помещиками, ездим по позициям, расставили в комнате 3 походных постели, имеем организованную еду.

Бреюсь каждый день упорно, при всяких обстоятельствах, и еще душусь. Это все, что осталось от эстетики. Впрочем, еще белый воротник (марка «линоль»)[4].

Обнимаю тебя дружески и нежно. Верю, что свидимся. Если нет, не поминай лихом.

Анастасии Ник. целую ручки. Ей напишу особо.

Твой любящий Гриф

Посылаю письмо со случайной оказией. Его опустят в России.

Карандашом. Почтовый штемпель: 17.10.14. Щелканово Калуж.

[1] О каких именно очерках Соколова идет речь, нам неизвестно.

[2] Книга его военных очерков вышла не по окончании войны, а после того, как он оказался в немецком плену. См.: *Кречетов С.* С железом в руках, с крестом в сердце. [Пг., 1915].

[3] Спектакль по трагедии Пушкина «Борис Годунов» был поставлен в Московском Художественном театре в 1907 г.

[4] См. в очерке Соколова: «Прежде всего, конечно, бриться. Это моя маленькая слабость. <...> я храню мой грифский стиль, ношу крахмальные воротники (ради

похода марка “Линоль”, — весьма остроумное изобретение!) и упорно бреюсь каждый день, несмотря на удивление и улыбки окружающих. Бреюсь при всяких обстоятельствах и чем угодно» (*Сергей К.* От Тильзита до Кракау // Отечество. 1914. № 7. С. 11).

63

7 ноября <1>914 <года>. Ночь.

Дорогой Федор Кузьмич!

Выпал удобный случай послать завтра утром письма с оказией в Россию. Спешу черкнуть тебе. Гриф жив, невредим и здоров на редкость. С конца сентября добрых 3 недели толкались мы с ужаснейшим шумом в немецкие двери, а они все не пускали. Наконец двери сорвали с петель и мы вторглись в В<осточную> Пруссию совершенно против воли хозяев. Они упорно стараются выбить нас назад, но мы не менее упорно и очень настойчиво осаживаем назад их самих. Сопротивляются, барахтаются, но отходят. Население в панике бежит к своим. Весь край безлюден. Оставлено все, как было. Теперь очень холодно и, конечно, гостиная или зал, где ночевали 2 роты солдат, несколько утрачивает салонный характер, но на войне очень привыкаешь к очень странному соотношению ценностей и ничуть не удивляешься тому, что за фунт табаку охотно отдадут корову или за электрич<еский> фонарь — экипаж.

Вчера ночевали в нетопленном мезонине барской усадьбы, укрывшись полушубком и слушая сквозь сон артиллерийское уханье. Третьего дня — в вековой пуще, в охотничьем домике кайзера (лес шумит, костры в белом тумане). Сейчас пишу в комнате приличной квартиры немецкого города. Город пылает, погромленный артиллерией, — это зрелище, даже через окно, очень красиво. Но дом мой на окраине, и сюда пожар не доскочит. Завтра дальше.

Обнимаю тебя нежно. В «У<тре> Р<оссии>» должны быть мои писания вновь[1]. Анастасии Никол<аевне> целую ручки.

Вспоминаю обоих с хорошим чувством.

Я 2— Гриф.

Пишите!

Открытка.

[1] Действительно, две такие публикации нам известны: *К. Сергей.* Из дневника офицера // Утро России. 1914. 6 дек. № 303; *Кречетов С.* Из писем офицера // Утро России. 1914. 30 дек. № 326.

64

24 ноября <1914 года>

Бывшие владения Гильома II-го [1]*, ферма,*

брошенная хозяевами.

Милый Федор Кузьмич!

Привет Тебе! Это я — Гриф, упорно живущий.

Не раз писал я Тебе с войны после Твоего и Анастасии Николаевны милых мне писем, но ответа ни от Тебя, ни от нее больше не получал.

Хочется написать еще.

После всевозможных странствований и ночлегов (причем маятник удобств качался от зловоннейшей хижины до охотничьего дворца Вильгельмова), вот уже четвертый день я на новой, очень неплохой квартире. Богатая крестьянская немецкая ферма, обширная в ней теплая комната с изразцовой печью и очень обстоятельная немецкая постель, в которой каждую ночь я сплю, раздевшись преисправно. Стекла пробиты пулями, но мы заклеили дырки бумагой, и не дует нисколько. Равным образом моему сну нимало не препятствует то обстоятельство, что за последние дни немцы избрали подлую манеру устраивать ночную канонаду, и всякую ночь начинается довольно свирепая музыка тяжелой артиллерии в нежном сопровождении мелодически стрекочущих пулеметов. Я теперь ординарец при командире, — мое дело телефоны, рассылка конных ординарцев и объезды позиций с командиром да экстренные разъезды, во время же «нормальной» ночной стрельбы я сплю на самом законном основании. Упорно держатся городские привычки, из коих одну (поздно ложиться) мне удается осуществлять беспрепятственно, другую же (поздно вставать), увы, почти никогда.

Сейчас уже дней 12, как мы уперлись в подобие реки Эн, реку А.....н[2]. Немцы засели на том берегу, настроили там четырехъярусных окопов, колючих проволочных заграждений в 7 рядов, наготовили фугасов, нарыли волчьих ям и вообще напутали всякой дряни, понаставив везде, где можно, орудий.

Мы никаких проволок не натягивали и ям не рыли, полагаясь на Господа, ибо хотим наступать, а не защищаться, но штыки, орудия и пулеметы имеются в достаточном количестве. Вот так пока и стоим, ведем артиллерийскую обработку, пылают деревни, в цепях и разъездах некрупные стычки, по ночам взаимные попытки к аттакам <sic!> силами не свыше двух-трех рот. Что дальше, один Бог знает. На днях, думаю, будет сильный бой.

Я очень здоров, чувствую себя хорошо, скучать себе не позволяю, хотя иногда обидно, что гадалка Тэб, читая сивиллину книгу, видимо, перепутала хронологические обозначения страниц![3]

Писания мои продолжаю. После того первого в «У<тре> Р<оссии>», что Ты одобрил, написал еще четыре, закончив тем первый прусский поход. Посылаю их Лиде. Она писала, что один отправлен в «Отечество», — вероятно, не без Твоего содействия[4]. Я Тебя хочу очень просить, — помоги устройству их скорому в Петрограде, в приличных местах по Твоему усмотрению. Ты писал, что манера моих военных

писем Тебе очень нравится. Значит, я могу с спокойной душой просить Твоего содействия, не опасаясь, что это будет дружеским насилием.

Мои вещи не являются отнюдь подобием корреспонденций, гоняющихся за текущим моментом в тесном смысле (корреспонденты все наперечет и, собственно говоря, писание из армии о военных действиях строго воспрещено!). Да в обстановке, где я живу, и немыслимо найти время быстро отметить момент без опоздания. Но зато у меня есть то, что трудно иметь корреспондентам (сидящим в глубоком тылу), — *живые краски войны и боя*.

Они больше слышут о том, что пишут, я же *видел* все, что изображаю. Таким образом мне кажется, что мои рассказы, будучи притом по форме беллетристическими, имеют значение, даже и не отличаясь *узкой* злободневностью. Мои вещи — у Лиды. Если будешь их устраивать почаще, буду очень благодарен. Мне этим издали очень трудно заняться. Тебе же виднее. Вот есть «Отечество». Может, можно в «День» или «Солнце России», или «Современник», или еще куда.

Милую Анастасию Николаевну очень прошу об этом.

Здесь мои вещи в большой цене. Странно было видеть, как недавно, слушая один из моих рассказов, молодой офицер и седой генерал плакали.

С «У<тром> Р<оссии>», т. е. с Аркадием Алексеевским[5] не очень хочется иметь дело. Существо он грубое, тянет, смеет урезывать и Литю норовит обсчитать.

Обнимаю и целую Тебя дружески и крепко. Анастасии Николаевне привет нежный. Целую ей руки.

Твой всегда Гриф.

Карандашом.

[1] Гильом (Гийом, Guilhomme) — французская огласовка имени Вильгельм.

[2] Река в Восточной Пруссии, полное название — Ангерон (см. Соколов — Чеботаревская, п. 10).

[3] Отсылка к стихотворению Сологуба «Утешение Бельгии»:

Вот Сивилла развернула книгу тёмную судеб,
И прочла одну страницу в книге той гадалка Тэб.

«Прежде чем весна откроет ложе влажное долин,
Будет нашими войсками взят заносчивый Берлин,

И, награбленной добычей поживиться не успев,
Злой народ, который грабит, испытает Божий гнев»

(День. 1914. 21 окт. № 286; вошло в книгу «Война», но Кречетов еще не мог ее знать, поскольку она вышла в январе 1915 г.). Книги Сивилл — сборники предсказаний (в стихотворной форме), приписывавшихся древнегреческим Сивиллам. Гадалка Тэб — французская прорицательница Анна Викторин Савиньи (1845—1916), выступавшая под псевдонимом Мадам де Тэб.

[4] Первая публикация очерков Соколова, о которой мы достоверно знаем: *К.* Письма офицера // Утро России. 1914. 19 сент. № 225. Журнал «Отечество: Иллю-

стрированная летопись жизни» выходил под редакцией З. И. Гржебина в 1914—1915 гг. Сологуб и Чеботаревская входили в число ближайших его сотрудников. Об участии Соколова в нем см. п. 65, примеч. 2.

[5] См. п. 41, примеч. 2.

65

28 дек<абря> 1914 <года>

Милый

Федор Кузьмич!

Это я, Гриф, который упорно существует на свете.

Сидим мы все на нашей анафемской реке Ан....н, в Восточной Пруссии. Теперь зима, нанесло много снегу, мы покупили («покупить» есть специфический военно-бытовой термин, весьма отличный от «купить») основательные немецкие сани и в мирных направлениях ездим на них, — в немирных, конечно, ездишь всегда верхом. Зима здесь коварная, то и дело оттепели, — тогда дороги превращаются в гнусную кашу.

Сейчас у нас праздники. Ах, сумрачно встречать Рождество и Новый Год «в чужедальней стороне», как поется в песенке[1]. Однако ж и здесь веселятся, как умеют. С одной позиции на другую ездят друг к другу «в гости» в санях, покрытых немецкими коврами. Устраивают в открытом поле у позиций елки. Солдаты поют, пляшут, играют на балалайках и гармониках. Немцы издали глазеют и слушают, но не стреляют. Мы им не портили стрельбой их Рождества и Нового Года. По-видимому, и они хотят отплатить любезностью за любезность.

Вчера ездили верст за 8 в тыл, в лазарет, на елку к докторам. Там уж вовсе мирное царство. Елка честь-честью, песенники, ужин и даже 4 бутылки Абрау-Дюрсо, — это уж вовсе невиданная вещь, ибо трезвость в войсках весьма свирепая.

Это все время вообще у нас затишье. И немцы и мы укрепились — каждый с своей стороны реки так основательно, что перейти в решительное наступление здесь (к тому же середина реки еще не замерзла) было бы весьма рискованным для начавшего. Идут больше ружейные перестрелки. Бывают дни, когда орудия вовсе молчат. Но, конечно, бывают и горячие дни. Немцы давно еще притащили приморские орудия, очень огромные, и стреляют бронебойными снарядами.

Мне частенько приходится ездить на позиции по местам, находящимся в обстреле, но пока Бог милует.

Гриф получил боевую награду — Св. Анну 4 степ<ени> с надписью «за храбрость».

Видел рассказ в 3 №№ «Отечества»[2]. Лида писала, что послала давно еще один в распор<яжение> Анастасии Николаевны — для «Вершин»[3], должно быть.

Милый Федор Кузьмич! Попроси Анастасию Николаевну принять меры: 1) чтоб гонорар из «Отечества» и «Вершин» незамедлительно

выслали жене: Тверская. Пименовский пер. д. 2. кв. 20, 2) чтоб уплатили подороже, не менее 20 коп. за строку во всяком случае (так платят в «У<тре> Р<оссии>»). В отсутствии моем финансы мои напряжены, и это весьма существенный рессурс <sic!>.

Поздравляю тебя с Новым Годом, а равно и милую Анастасию Николаевну. Я писал ей дней 10 назад. Надеюсь, в новом году встретимся. Книгу стихов твоих не получил. Целую тебя нежно.

Твой Гриф

Нельзя ли попросить высылать мне сюда «Вершины» и «Отечество»?

Карандашом.

[1] Из песни на стихи Н. Г. Цыганова, начинающейся строками: «Каркнул ворон на березе... / Свистнул воин на коне... / Погибать тебе, красотке, / В чужедальней стороне!..» Двумя последними строками четверостишия песня завершается (см.: Песни русских поэтов: В 2 т. Л., 1988. Т. 1. С. 411—412).

[2] Кречетов имеет в виду «Записки офицера» (Отечество. 1914. № 4. С. 68—70 [в журнале общая пагинация]; 1914. № 5. С. 86—88; 1914. № 6. С. 108—109). К первому фрагменту было сделано примечание: «Эти записки принадлежат перу одного из наших известных поэтов Сергея К., призванного из запаса в июле месяце. Сергей К. — офицер-артиллерист».

[3] «Вершины» — журнал, издававшийся в 1914—1915 гг. Публикаций Соколова там не было.

66

20 янв<аря> 1915 <года>
действ. армия
53 артилл. бригада
прапорщику
такому-то.
Милый

Федор Кузьмич!

Здравствуй! Это я, Гриф, который продолжает существовать. Обитаю по-прежнему в Восточной Пруссии, все в той же немецкой халупе с пробитыми пулей стеклами. Наша стоянка здесь стала неожиданно долгой. Немцы сильно укрепились за рекой, а зимнее время и снег мешают решительным продвижениям. Война здесь стала позиционной.

Впрочем, в последнее время началось оживление. На праздниках было совсем затишье. Были дни, когда орудия вовсе молчали, в другие же почти молчали. Немцы в одном из соседних отрядов выкинули одну гнуснейшую низость, которая окончательно убедила меня в совершенном отсутствии у них всякой воинской порядочности.

В первый день праздника подошли они к реке (человек 15 с офицером), махая белым платком, без оружия. К другому берегу подошли наши. Немцы стали поздравлять, говорить любезности и напросились в гости «на слово». За ними послали лодку, перевезли их к себе, уго-

стили, поболтали... Потом стали прощаться. Стали они звать наших с ответным визитом на стакан пива. Наших переехало к ним человек 7 с поручиком, безоружные также. На них там набросились, схватили и увели в плен. Какая низость! Ни самой малой тени джентльменства, которое обязательно у воина через все, через вражду, через бой, через кровь. Наши пришли в ужасную ярость.

Теперь всякие галантности кончились и опять пошли разговоры исключительно орудийные, ружейные и пулеметные. Как-то подбили их аэроплан. Он свалился на немецкую зону. К нему сбежались со всех сторон немцы, — и конные, и пешие, и на автомобилях примчались. А наша артиллерия как начала шпарить это сборище, — половина разлетелась, половина осталась.

Наши разведчики по ночам лазят к немцам в белых саванах, чтоб быть не видными. Стригут у них проволочные заграждения, кидают ручные бомбы, охотятся за часовыми. Как-то «сняли» двух немецких дозорных и приволокли живьем.

У немцев нашли занятные не отправленные еще письма на родину. Рассказывают, как их фельдфебель объявлял им о взятии Парижа. Очень ругают своих офицеров.

Вчера наши продвинулись вперед и заняли у немцев одну очень важную деревню. Жаль, что подлецы успели-таки ее минировать. За ½ суток уже 2 фугаса взорвалось — несколько человек пострадало.

Я пока что здоров, хотя, в конце концов, житье часто не из самых приятных.

К Тебе и к Анастасии Николаевне имею просьбу. В «Вершинах» и в «Лукоморьи» есть 2 рассказа Кречетова, туда принятые[1]. Кречетов недавно очень просил меня, нельзя ли через Вас *поторопить их появление*, ибо они оба должны войти в объединенный цикл первых пяти рассказов, имеющий быть перепечатанным, в немного переработанном виде, в другом месте. Притом же и сами рассказы вовсе не выигрывают от бесконечного лежания. Очень прошу — надавите педаль.

Обнимаю Тебя нежно и дружески. Анастасии Николаевне целую ручку.

Любящий Тебя Гриф

Книжки стихов Твоих, обещанных Ан. Ник., не получал[2].

---

[1] Ни в том, ни в другом журнале публикаций очерков Кречетова не было.

[2] Речь идет о сборнике Сологуба «Война».

67

11/24 августа <1>915 <года>

Дорогой Федор Кузьмич.

Пишу со случаем. Ты, думаю, знаешь, что я ранен и в плену[1]. Могу добавить, что бился я честно, до последнего. Последние дни не выхо-

дил из огня, двух лошадей подо мною убило. Совесть моя чиста и ясна. Здесь храню бодрость духа, верю упорно в светлое будущее. Много работаю, изучаю английский язык. Рана зажила (на щеке), крупный рубец поправим операцией. Теперь в Петрограде должна выйти (в изд. Михайлова) книга моих последних «поэм»[2]. Прочти ее и, если можно, черкни о ней где-либо рецензию[3]. Очень обяжешь. Пиши мне иногда открытку. Сюда можно. Мы можем не часто.

Тебя обнимаю, Анастасии Ник. целую ручки.

Твой всегда

Гриф

Открытка. Карандашом. Поперек текста надпечатка: Русский Комитет. Стокгольм.

[1] Сам Кречетов писал в автобиографии: «Весною <19>15 года при отступлении 20 корпуса из Вост<очной> Пруссии, при гибели остатков корпуса в Августовских лесах, был тяжко ранен шрапнелью в голову (с раздроблением скулы и трещиной в челюсти) и взят в плен германцами. Закончил свою военную деятельность в чине поручика. Был представлен (уже из плена) к награждению орденом Св. Владимира III ст<епени> с мечами и бантом за последние многодневные бои. <...> В плену находился 3 с половиной года» (*Шевеленко И. Д.* Материалы о русской эмиграции в собрании баронессы М. Д. Врангель. С. 116—117). В дневнике Рындиной запись о плене Соколова сделана 4 марта, однако уже 12 февраля она писала о том, что отсутствие писем заставляет ее подозревать гибель или плен мужа.

[2] Речь идет о книге очерков «С железом в руках, с крестом в сердце».

[3] Такой рецензии Сологуб не написал.

68

24 февраля (11 февр. ст. ст.) 1916 <года>

Дорогой Федор Кузьмич! Писал тебе раза три из плена, ты не отвечаешь. Пишу еще раз. Недавно мне сделали операцию, разрезали и сшили шрапнельную мою рану, чтобы придать приличный вид. Теперь много лучше — заметно, но не безобразно будет. Я здоров, много работаю, изучаю английский язык. Худ, очень мускулист (гимнастика и холодная вода). Вечная здесь жажда книг. Не скажете ли кое-кому (напр<имер>, «Шиповнику»), чтобы прислали книг для пленных на мое имя. К тебе просьба: купи 1 экз<емпляр> книги Кречетова «С железом в руках» (изд. «Прометея») и пошли мне почтой простой бандеролью. Черкни мне, как ты нашел эту книгу. И вообще — напиши хоть строчку. Вы оба забыли меня, а я жив, жив. Целую тебя крепко, Ан. Ник. целую ручки. Не забывайте. Привет всем, кто помнит. Твой всегда

С. Соколов

На открытке с пометой: Kriegsgefangenesendung. Allemagne. Germany. Offizier-Kriegsgefangenenlager Gütersloh. Почтовый штемпель: Gütersloh. 7.3.16.

С. А. Соколов — Ан. Н. Чеботаревской

1

1/II 1904 <года>

<Б>ал прессы отложен<,> будет интересный маскарад тринадцатого <в> субботу <,> компания зайцевых<.>

Привет

Гриф

Телеграмма.

2

22 февраля <1>910 <года>

Дорогая Анастасия Николаевна!

Привет Вам! Это я, Гриф. Очень извиняюсь, что долго не сообщал рецепт салата, — вылетело из головы, заметался с разными делами.

Он таков: испанский лук, картофель, селедка, яблоки, прованское масло, сахар, соль, немного горчицы, перец по вкусу, уксус. Очень просто, оказывается.

Посылаю для забавы вырезку из «Нижегородского Листка». О человеческая безграмотность! Вот и пиши для таких![1]

Воротников говорит, что Литке письмо отправлено[2]. Все еще неясно, удастся ли ей выбраться раньше из Киева, чтобы заехать ко мне в Москву. В начале I недели поста будет в Петербурге, тотчас заявится к Вам.

Приеду в Петербург непременно, но думаю — после начала спектаклей. Надеюсь на Вас, что Вы там Литку в обиду не дадите.

Федора Кузьмича обнимаю, Ваши ручки целую очень нежно.

Ваш Гриф

Закрытое письмо. Отправлено по адресу: Петербург, Гродненский, 11. ЕВ Анастасии Николаевне Чеботаревской. Почтовые штемпели: Моск. 23.II. 1910, Пб. 24.II.1010 <sic!>

[1] Вырезка при письме не сохранилась.

[2] Речь идет о принятии Л. Д. Рындиной в труппу театра Незлобина.

3

17 окт<ября> 1910 <года>

Дорогая

Анастасия Николаевна!

Вам и Федору Кузьмичу самый нежный привет!

Издать сборник статей и заметок о Федоре Кузьмиче — Вы очень мудро задумали[1]. Жалко, что в моих критических писаниях (ведь это были по большей части рецензии) нет ничего, что стоило бы выкопать и перепечатать.

Думаю, что материалов у Вас целое море, и сборник при самом строгом выборе выйдет весьма объемистый.

У Вас в Петербурге, кажется, очень литературно, театрально и шумно. Вся жизнь ушла туда, а Москва обратилась в деревню. Ах, давно ли и у нас было всяческое кипение!

Относительно «интермедии» думаю, что вряд ли это будет очень прочно[2]. Г-жа Томашевская[3] (она москвичка, бывшая Журина), по здешним сведениям, имеет не слишком много денег, и притом хочет не потерять, а заработать, почему скоро обожжется.

С величайшим интересом жду «Заложников Жизни»[4]. Хорошо бы попасть к Незлобину на чтение. Вот поручили бы мне там читать, а то будут читать с актерскими ужимками. Первое чтение должно быть ясное, спокойное и отчетливое. В театре пьесы очень ждут и весьма заинтригованы, в чем тот таинственный новый прием, который там применен Федором Кузьмичом.

Очень много я занят. Вошел в одно огромное дело по получению железнодорожной концессии (из-за которой ушел из Думы Головин[5]) и, гляди, стану крупным железнодорожником.

Когда Вы теперь попадете в Москву? Как мы с Литкой были бы счастливы видеть Вас обоих. Литка будет в Петербурге лишь постом с труппой, я же, возможно, попаду по делам и раньше.

В Москве литературных новостей нет. В. Брюсов в «Р<усской> Мысли» изнемогает под бременем принятого до него хлама[6]. Много толкуют о деле В. Стражева. Будет третейский суд между ним и «Р<усскими> Ведомостями». Не сомневаюсь, что Стражев[7] будет вполне реабилитирован.

Говорят, у Вас теперь весьма изумительная квартира, с театральным залом[8].

Увы мне! Завтра еду до 25-го октября в г. Бронницы по земским делам (ревизия, земское собрание, рекрутский набор). Ужасные вечера в кругу земной местной интеллигенции и принципиальные разговоры их на тему о пользе обязательного обучения!

Целую Ваши руки очень нежно. Федора Кузьмича дружески обнимаю. Литка Вас целует, на днях напишет[9], Федору Кузьмичу очень кланяется.

Искренно Ваш

Сергей Кречетов

Отправлено по адресу: Петербург, Разъезжая. 31. ЕВ Анастасии Николаевне Чеботаревской.

[1] Имеется в виду изд.: О Федоре Сологубе: Статьи и заметки / Составлено Анас. Чеботаревской. СПб., [1911]. Материалов Соколова там не было.

[2] Речь идет о театре «Дом интермедий», открывшемся 12 октября 1910 г. Он действительно просуществовал недолго.

[3] Бонч-Томашевская Анастасия Ивановна (1885 — ?) — жена М. М. Бонч-Томашевского, антрепренера «Дома интермедий».

[4] Подробнее см. Соколов — Сологуб, п. 41 и далее.

[5] См. Соколов — Сологуб, п. 34, примеч. 2.

[6] См. Соколов — Сологуб, п. 39, примеч. 5. 29 августа 1910 г. Брюсов писал Н. С. Гумилеву: «К сожалению, ближайшие книжки “Русской Мысли” уже предопределены тем материалом (весьма плачевным), который достался мне в наследие от моих предшественников» (Литературное наследство. 1994. Т. 98, кн. 2. С. 499 / Публ. Р. Д. Тименчика и Р. Л. Щербакова).

[7] Стражев Виктор Иванович (1879—1950) — поэт, впоследствии педагог, литературовед. См. письма Соколова к нему: РГАЛИ. Ф. 1647. Оп. 2. Ед. хр. 18. В 1910 г. его гражданская жена О. Ф. Путята (иногда встречается написание Пуцята, Пуцята-Руссиновская), уже разоблаченная, призналась В. Л. Бурцеву, что была агентом Охранного отделения и муж об этом знал. Газета «Русские ведомости» сообщила об этом, после чего Стражев потребовал разбирательства. Третейский суд состоялся весной 1911 г. и признал Стражева невиновным. Подробнее см.: *Зайцев Б.* Собр. соч. М., 1999. Т. 6. С. 54—60; *Зайцев Б.* Собр. соч. [Т. 10]: Письма 1901—1922. М., 2001. С. 74—75, 77; *Телешев Н.* Записки писателя. М., 1980. С. 52—54.

[8] Речь идет о квартире, адрес которой указан на письме.

[9] Вероятно, Рындина — Чеботаревская, п. 6.

4

18 ноября <1>910 <года>

Дорогая

Анастасия Николаевна!

Не меньше Вас изумлен и поражен оборотом, какой приняло в Незлобинском театре дело с пьесой Федора Кузьмича[1], но объективных причин и корней происшедшего до сих пор, *несмотря на самое упорное старание*, докопаться не могу.

Дело в том, что с самого начала, как и теперь, меня и Лиду держат вдали от всего, связанного с пьесой Ф. К., и, что называется, не подпускают к ней. Например, я просил помощника директора Мамонтова[2] передать Незлобину мою просьбу дать мне возможность присутствовать на чтении пьесы. Просьба была, по всем приметам, передана, но на чтение меня не позвали.

Чтение имело место не при обычной обстановке, в театре и в присутствии всей труппы, а на квартире у Незлобина, и было там человек девять, — в том числе Ком<м>иссаржевский, Татищев, Воротников, Рощина, еще 3—4 актера и актрисы и муж г-жи Васильевой, доктор[3].

Какие там высказывались мнения и как разделились партии, окутано тайной, и, во всяком случае, от нас с Лидой скрывается весьма тщательно. Вообще в загораживании от меня всего течения дела с пьесой Ф. К. вижу акт не случайный, а *вполне намеренный*. Все, что мне удалось проведать, это — что лично Незлобин был *за* постановку пьесы в том виде, как она прислана. От всей труппы ход совещания, бывшего после чтения, скрывается. Глухо толкуют что-то о режиссерских трудностях при воспроизведении «иррационального» элемента.

Мое личное мнение, что после громового провала Ярцевской пьесы[4] все незлобинские вершители судеб стали подобны пуганым воронам и всего боятся. Особливо же боятся всего нетрафаретного. А так как при чтении и обсуждении пьесы Ф. К. не было, как я считаю, *ни одного* человека с подлинным литературным вкусом, то, значит, и некому было заставить их понять, что нетрафаретности бывают не только в плохую сторону (как у Ярцева), но и в прекрасную (как у Сологуба), и что вообще между Ярцевым и Сологубом дистанция огромного размера[5]. Сильно подозреваю, что именно потому меня и не позвали на чтение, что боялись столкнуться с моими аргументами, спасовать и потерять свободу решения.

На днях, по слухам, в Петербург едет Воротников и будет объясняться с Ф. К. Я бы на месте Ф. К., не ожидая Воротникова, сам потребовал личных объяснений, а не письменных. Мыслимы ли какое-либо уступки в смысле переделок, суждения не имею, ибо о пьесе не имею понятия.

Виделся с Н. А. Поповым[6]. Он очень негодует. Мечтает ставить пьесы Ф. К. в Моск<овском> Малом театре, где с будущего года будет режиссером.

Целую Ваши руки. Ф. К. нежно обнимаю. Лида шлет обоим лучший привет. Она так мечтала быть занятой в пьесе Ф. К.

Ваш

Гриф

Был бы очень рад, если бы Ф. К. поручил мне быть его представителем и предложил Незлобину выяснить все детали своих недоумений для передачи Ф. К. мне.

Ах, зачем Вы не написали Незлобину, чтобы пьесу читал я!

---

[1] См. Соколов — Сологуб, п. 41.

[2] Мамонтов Платон Николаевич (1880—1950) — племянник знаменитого С. И. Мамонтова.

[3] Коммиссаржевский Федор Федорович (1882—1954) — театральный режиссер, брат В. Ф. Коммиссаржевской; Татищев Владимир Константинович (1874—1934) — театральный художник и режиссер; о Воротникове см. Соколов — Сологуб, п. 24, примеч. 4; о Рощиной см. Соколов — Сологуб, п. 45, примеч. 8; Васильева Юлия Васильевна (урожд. Соболева; 1867—1942) — актриса.

[4] Петр Михайлович Ярцев (1870—1930) — театральный режиссер и критик, драматург. См. в хронике: «Вчера в театре Незлобина на премьере “Милое чудо” произошел небывалый скандал. Публика все время прерывала действие хохотом, кашлем, замечаниями. В третьем акте с госпожами Лядовой и Вульф сделались истерики. Акта не кончили. В четвертом акте у Лядовой сделались судороги лица и рук на сцене. Часть публики призывала к порядку, другая громко возмущалась пьесой. По окончании часть апплодировала <sic!>, часть свистала» (*Бескин* // Театр и искусство. 1910. № 45. С. 843). В хронике бульварной «Петербургской газеты» (1910. 19 нояб.) события представлены еще более радикальными. Более спокойным тоном отличается рецензия М. Юрьева (Рампа и жизнь. 1910. № 45. С. 737).

[5] Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие II, явление 5; слова Скалозуба).

[6] См. Соколов — Сологуб, п. 32, примеч. 1.

5

30 марта <1>912 <года>

Дорогая

Анастасия Николаевна!

Не сердитесь, ради Господа, — никак я не могу приехать на 5-е![1]

Во-первых, мои железнодорожные дела слагаются так, что все эти дни я нужен буду неотрывно в Москве, во-вторых, в конце Фоминой[2] в Москве будет спектакль литераторов в пользу голодающих («Ревизор»), где я играю, причем 5-го будет генеральная репетиция, от коей удрать совершенно невозможно[3].

Если хотите, дайте какому-нибудь голосистому юноше прочесть мои «воспоминания» (они у Вас есть), а лучше всего попросту выкиньте этот номер и замените его какой-либо декламацией[4].

Лида еще в Москве. Едет в Париж числа 25 апреля[5]. Очень Вас целует и Федора Кузьмича приветствует нежно.

Целую Ваши ручки весьма длительно и умоляю не злобиться, — ежели Гриф мог бы исполнить Ваше желание, конечно, он его бы исполнил с особой приятностью. Ф. К. обнимаю.

Ваш

Сергей Кречетов

---

[1] В этот день состоялось чествование К. Д. Бальмонта (он сам на вечере не присутствовал) в театре «Комедия» с участием Е. В. Аничкова, К. И. Арабажина, Сологуба, С. М. Городецкого, И. С. Рукавишникова. Драматической частью вечера распоряжался В. Э. Мейерхольд. Отчеты см.: Речь. 7 марта. № 65; *М. П.* // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 6 марта. № 12822. В список выступающих (по явной ошибке) включено также имя Соколова. Этот вечер следует отличать от гораздо более известного вечера в Неофилологическом обществе, прошедшего 11 марта. См. также Соколов — Сологуб, п. 56, примеч. 2.

[2] Фомина неделя — вторая по Пасхе. В 1912 г. Пасха приходилась на 25 марта.

[3] См. в комментарии А. Н. Дубовикова: «“Ревизор” был представлен в Литературно-художественном кружке 8 апреля 1912 г., сбор с него предназначался в пользу пострадавших от неурожая. Почти все роли в спектакле исполняли литераторы и журналисты, в том числе К. С. Баранцевич (Земляника), В. Я. Брюсов (Коробкин), Н. Н. Вильде (Хлестаков), С. Кречетов (Шпекин), С. Д. Махалов (Осип), Телешов (Держиморда); в роли купцов выступили И. А. Белоусов, Ю. А. Бунин, Б. К. Зайцев и др. Роль городничего исполнил артист Малого театра Н. М. Падарин. Постановщик спектакля — режиссер Малого театра И. С. Платон. Программа спектакля воспроизведена в наст. кн., стр. 609. Материалы о “спектакле литераторов” (рецензия, финансовый отчет, фотографии, рисунки, шаржи) были помещены в журн. “Рампа и жизнь”, 1912, № 14, 15, 16» (Литературное наследство. 1973. Т. 84, кн. 1. С. 610; ср. также: *Ашукин Н., Щербаков Р.* Брюсов. С. 378—379).

[4] Речь идет об уже упоминавшихся воспоминаниях Соколова о Бальмонте (см. Соколов — Сологуб, п. 49, примеч. 5).

[5] См. Соколов — Сологуб, п. 50, примеч. 1.

6

4 апр<еля> <1>912 <года>

Миленькая Анастасия Николаевна!

На днях отослал Вам по Вашей открытке мои «воспоминания» о Бальмонте, перефасоненные для чтения на вечере. Ради Господа, верните их мне после Вашего вечера. Здесь в Москве тоже готовится числа 12—15 Бальмонтовский вечер, и эта рукопись мне понадобится[1]. Целую ручку.

Весьма задерганный всякими делами Ваш

Гриф

---

[1] Сведений о таком вечере у нас нет.

7

8 августа <1>912 <года>

Малаховка. М<осковско->Каз<анская> ж. д.

Дорогая

Анастасия Николаевна!

Не думайте, что я бездействую с «Войной и Миром»[1].

Вскоре по получении Вашего письма я запросил А. Л. Толстую[2] телеграммой о возможности приехать в назначенный день в Телятники[3] по делу. Она ответной телеграммой просила предварительно приезда переговорить с ее другом П. И. Бирюковым[4] в Москве. Он оказался во временном отсутствии. Наконец, я вчера его поймал и навинтил всевозможными доводами, указывая, что если Толстая не разрешит переделку, выполненную честно подлинным писателем, корректно обращающимся за разрешением, то тем самым откроет дорогу скверным переделкам разных личностей, которые не будут вовсе заботиться о разрешении. Бирюков вполне расположился в нашу пользу и едет в Телятники уговаривать Толстую. Его несколько смущает то обстоятельство, что роман «Война и Мир» продан ей на 2 ½ года в исключит<ельное> пользование Сытина. Я доказывал ему, что «Война и М<ир>» продана *как роман*, и право разрешать сценич<еские> переделки не перешло к Сытину.

О гонораре вопрос стоит так. Так как обращение Ф. К. за разрешением квалифицируется как корректность человека, не желающего выпускать переделку без согласия, то дело ставится двояко:

1) Если Толстая даст согласие «домашним» порядком, т. е. обяжется не протестовать против появления переделки, то из гонорара ничего не получает.

2) Если она даст Ф. К. авторизацию открытую и право ставить на пьесе официальный штамп: «Переделка, единственно разрешенная наследниками», то участвует в гонораре до 50%.

Конспект пришлось дать Бирюкову для показания в Телятниках. Ответ будет на днях. Тотчас сообщу.

В завещании «В<ойна> и М<ир>» *не* входит в те вещи, которые поступают в общее пользование. Но надо выяснить вопрос о праве сценич<еских> переделок вообще.

Надеюсь, дело кончится благополучно.

Целую руки Вам, Ф. К. обнимаю. Лидя шлет привет обоим. Чрез дней 6 ей будут резать апендицит <sic!>[5].

Ваш Гриф.

Когда переедете в СПБ.?

Письмо отправлено по адресу: Почт. ст. Меррекюль Эстл. Губ. Дер. Удриас дача Адама Раутса ЕВ Анастасии Николаевне Чеботаревской.

[1] Речь идет об инсценировке: Война и мир: Картины из романа Л. Н. Толстого, избранные и приспособленные для сцены Федором Сологубом. СПб.: изд. журнала «Театр и искусство», 1912 (литографированное издание). В работе над текстом принимала участие также Чеботаревская.

[2] Александра Львовна Толстая (1884—1979), дочь Л. Н. Толстого, после смерти отца стала распорядительницей его литературного наследия.

[3] Телятники (недалеко от Ясной Поляны) — имение В. Г. Черткова, где довольно продолжительное время жила А. Л. Толстая, покинув его в сентябре 1912 г.

[4] Бирюков Павел Иванович (1860—1931) — толстовец, биограф Л.Н. Толстого.

[5] См. Соколов — Сологуб, п. 50, примеч. 5.

8

24 окт<ября 1912 года > утро

Вчера, дорогая Анастасия Николаевна, удалось мне, наконец, выколотить от Сфинкса[1] рукопись.

Телефонил Блюменбергу, нынче они рукопись возьмут[2]. Черкните точно, когда будет премьера «Заложников»[3]. Если в воскресенье, надеюсь — приеду. Место лучше бы оставить.

Есть у меня такой план. Не возьметесь ли писать в «Рампу» письма о петербургских театрах? (Там я взял на себя московский Незлобинский)[4]. Платят, конечно, гроши, но, мне думается, по разным соображениям Вам стоило бы за это взяться, и памятуя о Москве, и памятуя о Петербурге.

Помыслите об этом. При встрече потолкуем.

Ф. К. целую в уста сахарные, Вас же — увы! — только в ручку.

Ваш

Гриф

Закрытое письмо.

[1] Имеется в виду московское книгоиздательство «Сфинкс», с которым Чеботаревская и Сологуб сотрудничали (см., например: *Дюваль П.* Астарта / Пер. А. Н. Чеботаревской; предисл. и пер. стихов Ф. Сологуба. М.: Сфинкс, 1911).

[2] По-видимому, имеется в виду Георгий Густавович Блюменберг, вместе со своим отцом руководивший деятельностью «Московского книгоиздательства». Это дает основания предположить, что речь идет о рукописи «Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века» (сост. Анастасией Чеботаревской; предисл. Федора Сологуба. [М.:] Московское книгоиздательство, [1913]).

[3] См. п. 44, примеч. 1.

[4] Имеется в виду московский театральный журнал «Рампа и жизнь». Кречетов напечатал там в конце 1912 г. следующие статьи: Открытие петербургского театра К. Н. Незлобина // 1912. № 43. С. 12; «Турандот» // 1912. № 44. С. 7—9; «Заложники жизни» Ф. Сологуба в Александринском театре // 1912. № 46. С. 6—7; Нечто о двух режиссерах и о новой Незлобинской постановке // 1912. № 47. С. 5—7. А. Н. Чеботаревская отметилась единственной статьей: Петербургские впечатления («Заложники жизни) // 1912. № 47. С. 4—5.

9

10 октября 1914 <года>
Дыдвиже
фольварк близ границы,
в 8 верстах от Владиславова
Дорогая
Анастасия Николаевна,

письмо Ваше меня разыскало. Я очень ему обрадовался. Был какой-то между нами серый туман за последний год, и очень я счастлив, что он рассеялся и что Вы написали Лиде[1]. Я люблю ее, и Ваше к ней охлаждение невольно клало какую-то преграду и между мною и Вами. Счастлив, что этого нет больше. Наше время — такой котел, в котором, действительно, должно сгореть все случайное, все мелкое. Теперь надо не разделяться, а внутренно объединяться, сплачиваться.

Очень доволен, что Вам и Ф. К. понравились мои писания. Буду усиленно работать дальше. Впечатлений сколько угодно. На любую книгу хватит уже теперь. А вот дальше еще целый непочатый ларец, если только придется его разобрать до конца.

Когда писал я Вам, стояли мы на отдыхе в Ковно, ждали осады после отступления из Вост<очной> Пруссии. После все изменилось. Мы снова перешли в наступление и отшвырнули немцев к границе. Но к ним вторично ворваться прочно до сих пор, увы, не удалось.

Период с 26 сентября по 1 октября был для нашей группы войск очень тяжким. Проникли было в Пруссию, но недалеко и были оттеснены назад с большим уроном. Особенно доняла нас тяжелая немецкая артиллерия. По их сторону границы все у них там налажено, расстояния для стрельбы измерены и вообще все рассчитано тонко и гибко.

Теперь мы стали верстах в 8—9-ти по нашу сторону границы, укрепились, окопались, готовимся к будущему. Если на Силезском

театре немцев попрут назад, мы перейдем в наступление. Если там наших отгонят, придется обороняться и нам. Пока что мелкие стычки и артиллерийские дуэли.

Потери в нашем отряде очень сильные. В нашей бригаде из 6 батарейных командиров 3 убиты. В некоторых наших пехотных полках выбито по 75% офицеров и батальонами командуют прапорщики. Вообще с пруссаками расправляться много труднее, чем с австрийцами.

Сейчас кончаю это письмо после двухчасового перерыва, — ездили верхом изучать позиции.

Очень сильно нынче стреляют немцы. Красивая была картина. Желтый, червонный лес и над ним на ясном вечернем небе огоньки взрывающихся снарядов и после медленно плывущие белые облачки. Дорогою провезли пятерых пленных, только что захваченных нашим разъездом немецких «бессмертных гусар». У них черные меховые высокие шапки с серебряным рельефным знаком черепа и скрещенных костей[2].

Тороплюсь отправить письмо с оказией. Денщик затопил печку дровами из разобранной крыши — значит, буду спать в тепле. Заперли ставни, чтобы ночью немцы не палили по освещенным окнам.

Привет Вам, милая Анастасия Николаевна. Целую Ваши руки попрежнему дружески и нежно.

Сердечно Ваш Гриф

Черкните еще опять так же: Действ. армия, 53 *арт*. бригада, прап. такому-то.

Это письмо один едущий в Россию обещал опустить за пределами цензуры.

Карандашом. Почтовый штемпель: Щелканово Калуж. 17.10.14.

[1] См. Рындина — Чеботаревская, п. 14.

[2] Судя по всему, у Соколова возникла путаница. В германской армии еще со времен Фридриха II существовал полк т. н. «гусар смерти». По легенде, в 1813 г. во время сражения при реке Каубахе они действовали совместно с 5-м Александрийским гусарским полком русской армии. После боя, проходившего в бурю и под проливным дождем, немецкий генерал Блюхер по ошибке поздравил с удачной атакой вместо «гусар смерти» — Александрийских гусар, а их командир, выясняя недоразумение, доложил, что это русские «бессмертные гусары». Имея в виду немецких «гусар смерти», Кречетов именует их «бессмертными», используя неформальное название русского полка. О противопоставлении немецких «гусар смерти» и русских «бессмертных гусар» см.: *Степанов Е.* Поэт на войне: Николай Гумилев. 1914—1918. М., 2014. С. 284—285.

См. также синхронную историю, рассказанную популярным журналом: «“Гусары смерти”. Так называется один из германских полков. Трагизму имени соответствует ужасная эмблема полка на знамени и на эполетах: два меча, скрещенных над черным черепом. Удручающему символу вполне отвечает и история полка, по сгущенному трагизму напоминающая фантастические вымыслы Эдгара По. Жестокому прусскому полководцу, воевавшему с поляками, пришла в голову дьявольская

мысль: под самый огонь польских отрядов он выслал полк, сформированный исключительно из поляков. Бравые гусары, несмотря на железную прусскую “выучку”, не подняли однако руки против своих братьев. В авангарде немецкой армии покорно вышли они против неприятеля, но не сделали из своих ружей ни одного выстрела и не обнажили своих мечей. Мрачно-торжественно, один за другим, падали они под неприятельским огнем и оставили на поле битвы гору трупов. Жалкие остатки полка были пополнены, и полк остался в составе германской армии, но получил свое мрачное наименование и страшную эмблему» (Нива. 1914. № 40. 4-я с. обл.).

10

15 декабря <1>914 <года>

Милая Анастасия Николаевна!

Нынче получил Ваше письмо. Спасибо Вам, милая, за память. Так приятно здесь, вдали, знать, что о тебе не забыли.

Больно слышать, конечно, что наше общество начинает уставать и унывать от войны. Но это, в сущности, очень понятно. Я убежден, что всем оставшимся в России и вечно думающим об ушедших близких: «Где-то они, что-то с ними, а может, сидят в окопах, а может, ворон уже клюет им очи и т. д.», — гораздо больнее и тревожнее, чем нам. У нас есть, правда, опасность, под которой мы живем, но зато какое великолепное есть спокойствие души. Для тех, кто дома, карты, у которых они спрашивают о нас, всегда загадочны, смутны и неясны, а у нас — все карты нашей жизни лежат открыто перед глазами. Нет ни вопросов, ни гаданий далеких. Все вопросы близки и *все в пределах одного дня*. Дома, бывало, еще осенью думаешь о том, что предпринять весной, и голова ломится от всевозможных комбинаций и планов на будущее. А здесь простота необычайная. Заботишься *только* о ближайшем, никаких заглядываний в туман. Если находишься в походе, — думаешь: вот придем, надо найти ночлег, дом, где не побиты окна и не разрушены стены и не провалилась крыша. И еще: надо ухитриться добыть съестного и накормить лошадей. Найдешь — и слава Богу. Остается только велеть разобрать какой-нибудь немецкий забор и протопить печку. Раскинуть походную кровать. Лег, покрылся пледом. Есть папиросы, — чего еще желать человеку. И к опасности до крайности привыкаешь. Она двух сортов: которой можно как-то избегать и которой нельзя избегнуть.

Если я еду на позиции и вижу, что по моей дороге стреляют, я норовлю объехать ее низиной. Я *вижу* опасность и, как умею, стараюсь избегнуть.

А вот, например, дом, где я живу, находится в сфере обстрела тяжелой немецкой артиллерии, теоретически в любой миг немецкий «чемодан»[1] может упасть в этот дом. Но на эту опасность я *не* обращаю внимания, ибо бороться с ней бессилен, и, значит, ее вероятность для меня то же, что вероятность крушения, когда я еду по жел<езной> до-

роге. Каждый день читаешь в газетах, бывало, о крушениях, и каждую неделю спокойно едешь в С<анкт->П<етер>Б<ург>, ничуть не думая о крушениях.

Поэтому здесь, у нас, хотя, бывает, и щемит сердце по родине, настроение упорное и бодрое. Армия (если можно говорить о таком едином существе!) не хочет бросить дела *не* доведенным до конца.

Лично о себе скажу, что артиллерийская служба безмерно лучше пехотной. Вот пехотинцы, бедняги, те много в окопах валяются и в походе на своих на двоих двигаются. Мы же в походе на лошади, и на позициях чаще в домах ночуем, окопы и землянки — исключение, хотя и бывают нередко.

Я ординарцем при командире, поэтому мои ночлеги всегда, сравнительно, очень приличны.

Привык ездить верхом, сколько угодно часов подряд, без всякой усталости.

Мы теперь чуть не месяц на реке Ангерон. По ту сторону укрепились немцы очень сильно. Артиллерийские бои с утра до ночи. По ночам мелкие пехотные попытки к наступлению. Трещат пулеметы вот сию минуту верстах в трех, но я отлично знаю, что сейчас загудят орудия и немцев отшибут. Поэтому, кончив письмо, спокойно лягу спать.

На позиции от командира идут телефоны, чуть что — мигом скажут.

Война, видимо, затянется. Что делать! У нас становится скучновато от сидения на месте. В походе веселей.

Спасибо за чудесные стихи Ф. К. Прочел и позавидовал. На войне у меня что-то не пишутся стихи[2].

Вот рассказы (если можно назвать рассказами эту окрашенную цветом моей души действительность) пишу охотно. Послал Лиде уже седьмой. Спасибо за устройство в «Отечество». Черкните, что такое «Вершины». И еще: нельзя ли попросить «Отечество» высылать мне сюда журнал в будущем и выслать, в частности, № 4 и 5, где мой рассказ. Только обидно, что он так изуродован «красными чернилами»[3], — вся острота вырезана.

Целую Вашу руку. Ф. К. обнимаю дружески и нежно. Книгу его жду с нетерпением.

Ваш всегда Гриф

Карандашом.

[1] Просторечное название тяжелого артиллерийского снаряда.

[2] О каких именно стихах Сологуба идет речь, сказать трудно: сборник его военных стихов вышел лишь в январе 1915 г.

[3] Имеется в виду вмешательство военной цензуры. О публикациях Соколова в журналах того времени см. Соколов — Сологуб, п. 65, примеч. 2.

Л. Д. Рындина — Ф. Сологубу

1

<21 декабря 1909 года>

Дорогой Федор Кузьмич,

спасибо за открытку, а еще большую <sic!> за память обо мне и за Вашу готовность дать обо мне отзыв Незлобину[1]. Я уже с ним лично говорила — почти все закончено — он полуобещал. Я только одно хочу Вас попросить, если он будет Вас обо мне спрашивать, при свидании замолвить за меня слово. Для меня это будет решающим. Ради Бога простите, что я Вас об этом прошу, но Вы были всегда так ласковы ко мне. Мне больно одно, что Вы видели меня только в «Дарии»[2], да и то 1-ый раз — последующие разы я многое переменила, и было много лучше. И мне тем более больно, что Вы видели 1-ый, что Вы были единственно перед тем в Киеве, мне хотелось сыграть по-настоящему.

Весной, если с Незлобиным будет решено, думаю ехать в Париж поучиться[3].

Если Вы не откажете замолвить слово в случае свидания с Незлобиным, я уверена, что я буду в Москве.

Федор Кузьмич, пожалуйста, пришлите мне Вашу карточку — я буду ей так рада.

Простите за беспокойство.

С глубоким уважением и нежностью

Л. Рындина

Датируется по почтовым штемпелям: Шт. Киев 21.12.09. Петербург 23-12-09.

[1] См. Соколов — Сологуб, п. 34—35.

[2] Имеется в виду исполнение Рындиной роли Дарьи Рутиловой в постановке «Мелкого беса» на сцене театра «Соловцов» в Киеве. Сологуб присутствовал на премьере.

[3] Этот план не был осуществлен.

2

<17 февраля 1910 года>

Благодарю. Буду помнить всегда привет. Лидия Рындина.

Телеграмма из Киева. 17.II.1910. Отправлена по адресу: Моховая. Национальная гостиница. Тетерникову.

Л. Д. Рындина — Ан. Н. Чеботаревской

1

<Конец ноября 1909 года>

Дорогая, хорошая Анастасия Николаевна, спасибо Вам за весточку из Москвы. Вы уже в Петербурге. Здесь у нас оттепель — там морозно,

верно, — мне почему-то кажется, что ясное розовое небо — мои воспоминания рисуют мне Петербург не в тумане, как об этом говорят, а именно светлым. Как Вы поживаете, устраивается ли что интересное у Вас?

Здесь скверно очень. Дуван[1] решил, что хорошенького понемножку, и говорит, что теперь ничего нового рисовать к пьесам не будут — костюмных пьес не пойдет — и на каждую пьесу будет дано не более 4 репетиций. Можете представить, как все это приятно. Хотя нельзя сказать, чтоб дела театра были плохи, просто ему кто-то из друзей посоветовал. Николай Александрович[2] — уже снял свое имя с афиши и добывает до конца скрепя сердце. «Мелкий бес» прошел 3 раза — 2-ой раз было не много публики, но на 3-й очень много, хорошо[3]. Должен был еще идти. Но Будкевич[4]* — перерезала себе вены — в ванне. Случайно к ней зашел один артист и узнав, что она в 8 часов пошла в ванну (а это было в 10), встревожился — стали к ней стучать, ответа не было — выломали — ванна полная крови — она без чувств, без пульса — привезли в больницу. Если бы это был мущина <sic!>, он был бы мертв, но женщины привыкли к потере крови — ей что-то вспрыскивают, лежит поправляется, голова свежая — веселая, говорит: не от горя, жить скушно <sic!>, не стоит — все равно покончу. Жутко, Анастасия Николаевна, у нас, очень жутко.

Я за это время успела сыграть с одной репетиции (накануне дали) Лизбет в «Дураке» (вот наш теперешний репертуар!), заменила больную. И вот теперь отказалась от роли Агаты[5] — в Скрибе Чарусская[6], играю я — волнений много, но радости нет, хотя меня хвалят — не того хочется, хочется быть у искусства, в настоящем театре. Так я верила, что он здесь будет! Сейчас смотрю как на технику и больше ничего. Здесь по-прежднему <sic!> бесконечные «кабаре» — (пишется трамвай, а выговаривается конка), скушно, и от Сережи далеко.

Видите, как у нас скверно. Ваш приезд[7] был лучом, пахнуло чем-то иным, нездешним. Крепко, крепко Вас целую. Большое спасибо и привет Федору Кузьмичу — ужасно он хороший. Не забывайте меня.

Ваша Лидия Рындина.

Датируется по смыслу. См. Соколов — Сологуб, п. 34, датированное 20 ноября, где речь идет о тех же событиях.

[1] Исаак Эзрович Дуван-Торцов (1873—1939), режиссер и антрепренер, в 1909 г. арендовал театр «Соловцов».

[2] Н. А. Попов. См. Соколов — Сологуб, п. 32—33.

[3] См. Соколов — Сологуб, п. 34.

[4] Будкевич Наталья Антоновна (ум. 1928) — актриса. Между прочим, играла в «Победе смерти» по пьесе Сологуба, поставленной В. Э. Мейерхольдом в театре В. Ф. Коммиссаржевской.

---

* *В оригинале*: Буткевич.

[5] См. п. 34, примеч. 3.

[6] Чарусская Елизавета (?—1932) — актриса.

[7] Сологуб и Чеботаревская приезжали в Киев на премьеру «Мелкого беса» 7 ноября 1909 г.

2

<21 декабря 1909 года>

Анастасия Николаевна, дорогая,

спасибо за весточку — я очень рада была ей. Значит, Вы живете ничего. Я это время мыкалась ужасно. Была в Москве — у Незлобина лично. Весной — на часть марта, апрель и май — решила ехать или работать, или учиться. Вернее всего, что уеду в Париж, поучусь внешней технике у француженок — очень они ловкие. Внутреннее не уйдет, если оно есть, а внешнее поможет ему выявиться. Думаю прямо с французской актрисой пройти несколько ролей — конечно, комедийных (трагедия их мне ничего не говорит). Сейчас приезжает Сережа, будем вместе праздники. Работа есть, но не очень много.

Будкевич уже поправилась, играет, но мрачна очень[1].

Очень мне радостно думать, что Вы и Федор Кузьмич меня помните. Я буду все время вспоминать Вас с любовью.

Крепко, крепко Вас целую.

Если будет время — черкните. Верю, что мы скоро увидимся где-нибудь, и радуюсь при этой мысли. Не примите за банальную фразу. Мало было людей, которые бы так ко мне хорошо отнеслись, как Вы, — а я умею ценить это.

Большой привет.

Лидия

Если Вы удачны, пошлите мне Вашу карточку и попросите у Федора Кузьмича. Мой адрес Вы помните: Николаевская 9, кв. 14. Пришлите!

Датируется по почтовому штемпелю: Киев. 21.12.09. СПб. 23-12-09.

[1] См. Рындина — Чеботаревская, п. 1.

3

<10 апреля 1910 года>

Целую Вас, дорогая Анастасия Николаевна, крепко и помню что есть сил.

От Москвы еще не очнулась, но все еще не могу забыть Петерб<ург>. Милый Петерб<ург>! И Вы, и все, что около Вас, стоит и помнится <sic!> Вами[1].

Лидия

Не забывайте меня. Фед<ору> Куз<ьмичу> привет.

Сережа кланяется.

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 10.4.10. СПб. 11.IV.10. Открытка с изображением: Эрмитаж, зал античной скульптуры.

[1] См. в дневнике: «Из Киева была пост с Незлобиным в Петербурге, жила у тети Ляли, затем в Москве» (*Богомолов Н. А.* Вокруг «серебряного века». С. 389).

4

<Конец августа — начало сентября 1910 года>

Анастасия Николаевна,

дорогая, думаю, что Вы уже в Петербурге и потому смело пишу Вам туда по адресу, котор<ый> мне и Сереже сообщил Воротничков[1]. — Как Вы поживаете — знаю, что Вы сняли квартиру с аркой, где будут происходить действа разные. Как Вы провели лето? Я с Сережей после Италии жили мирно. Я вообразила, что в Малаховке есть лес, моя дача — и больше ничего, и жила только лесом и и <sic!> солнцем, и сейчас утешаюсь, что живу на башне, что солнечный путь от восхода до заката мне виден, что люди далеко от меня, когда я этого хочу, и близко, когда люблю их. Это моя домашняя жизнь — но ею я живу сейчас мало, и больше я в театре, где занимаюсь драмой и пластикой. Часто, часто вспоминаю Вас и Федора Кузьмича, благодаря Вам я попала в этот театр.

Здесь очень-очень хорошо. Нет ни интриг, ни сплетен, ни премьерства — есть театр и работа в нем. Незлобин прелестный человек — в нем есть самодурство, но это все тонет в его прелестном отношении к актерам. Мы, актеры, живем дружно и хорошо. Это совсем не театр — вроде Корша[2], и я очень, очень счастлива, что я здесь. Если есть Лихачев[3], то он сам по себе так мил, что это не важно.

Я получила роль в «Орленке» Фанни Эльслер[4], очень милую, танцую там, для чего усердно занимаюсь пластикой. 2-м спектаклем после открытия идет «Мел<кий> бес» — усердно его подрепетируем. Ставят пьесы старательно, Коммиссаржевский очень мило ставит «Не было ни гроша, да вдруг алтын»[5]. Ждем пьесу Федора Кузьмича[6] — вообще дело в разгаре, работа идет хорошо, все счастливы и довольны — и только Корш своими перехватами пьес дает минуты неприятного ощущения нечистоплотности. Приезжайте к нам — Вас радостно ждут.

Милый, милый театр Незлобина, что-то он мне даст как актрисе; как человеку мне хорошо в нем, светло. Сережа поглощен массой каких-то дел. Написал рассказ, переводит стихи Гюго и принимает участие в грандиозных предприятиях, имеющих всероссийское значение, — не хочу отнимать радость у него самому сообщить об этом и потому подробно об этом не скажу[7].

Жизнь литературная у нас замерла. Брюсов — редактор «Рус<ской> Мысли», живет — никого не принимая, и его визиты к нам происходят

главным образом тогда, когда у нас никого нет[8]. Был у нас Г. И. Чулков — проездом Ауслендер с женой[9] (бывшие в Москве в виде свадебной поездки), Зайцевы в Италии; вот видите, жизнь мирная и не новая. Ничего нового не происходит. —

Погода прекрасная, Солнце светит вовсю. Сейчас я сижу одна, — буду учиться, а потом пойду смотреть на солнце.

Крепко, крепко целую Вас, дорогая, хорошая Анастасия Николаевна — привет Федору Кузьмичу.

Искренне любящая Вас и уважающая

Л. Рындина

Датируется по смыслу. Ср. Соколов — Сологуб, п. 39.

[1] Прозвище А. П. Воротникова в кругу Сологубов.

[2] В театре Корша Рындина служила в 1907—1909 гг.

[3] Лихачев Василий Ильич (1879—1965) — актер театра Незлобина. Играл, в частности, вместе с Рындиной герцога Рейхштадтского в «Орленке», в «Мелком бесе» — Сашу Пыльникова.

[4] Спектакль по пьесе Э. Ростана в постановке Ф Ф. Коммиссаржевского. Фанни Эльслер — не только персонаж пьесы, но и знаменитая балерина (1810—1884).

[5] Премьера состоялась 4 сентября 1910 г., спектакль имел успех. См.: *Коммиссаржевский Ф.* О театре Островского // Рампа и жизнь. 1910. № 36. С. 587.

[6] Речь идет о «Заложниках жизни».

[7] По-видимому, речь идет об участии Соколова в железнодорожных концессиях.

[8] Приняв на себя редактирование литературного отдела «Русской мысли», Брюсов оказался чрезвычайно занят. К этому добавлялось и то, что в августе 1910 г. он переезжал в новый дом на 1-й Мещанской.

[9] Писатель Сергей Абрамович Ауслендер (1886—1937) и его жена актриса Надежда Александровна (урожд. Зноско-Боровская, по сцене Зборовская; ум. 1952). Их свадьба состоялась 22 августа 1910 г.

5

<25 октября 1910 года>

Как Вы поживаете, дорогая Анастасия Николаевна, что поделываете? Как-то все новое и более-ли менее <sic!> интересное теперь в Петербурге, а здесь — все довольно скучно. Вся жизнь около Вас там, а Москва живет каким-то прежним <sic!> старым — по инерции.

Незлобин начал завоевывать публику. Все время полные сборы. Сам он прелестен, любит искусство, и я очень, очень привыкла к нему, хороша и Апол. Иван.[1] — и Воротничков трогателен, Лихачев — но, конечно, не все таковы, этого требовать нельзя, чтоб все были приятны, но, слава Богу, что есть приятные люди, — в театре это так редко. Вне театра лично я живу ничего — бываю в других театрах, учусь, читаю, и время летит с невероятной быстротой. Вот уже скоро ноябрь месяц. Зима завернет. Да — что-то я буду говорить в конце зимы. Очень хотелось бы Вас видеть. Милый, милый Петербург — с нежностью вспоминаю его.

Вы пишете, что театр интермедия не очень интересен; с самого начала их разговоров я знала это — и это все очень быстро рухнет[2]. Что «Аполлон» и его дети?[3] Ждем пьесу Федора Кузьмича. Сейчас усер<д>но репетируют пьесу Ярцева, обреченную уже заранее на гибель[4]. Она абсолютно не сценична, хотя не лишена внутреннего действия. Коммиссаржевский (между нами говоря) в сценическом искусстве знает и понимает только внешнюю сторону — декорации, бутафорию и т. д. Актеры же в его спектаклях не чувствуют тона и абсолютно идут кто в лес кто по дрова — немудрено: в два года работы с Верой Федоров<ной>[5] нельзя было выучиться ставить пьесы. Лучший режиссер у нас — сам Незлобин. У него нет особенной фантазии, но он знает сцену. Очень он милый — я даже не ожидала. Сережа завален всевозможными делами, я рада, что с ним, и вспоминаем с нежностью, что этим счастьем мы обязаны Вам. Когда дело идет о Вас и о Федоре Кузьмиче, у Сергея глаза блестят и он прямо вдохновляется. До свидания, Анастасия Николаевна, привет Федору Кузьмичу. Вас крепко любящая

Лидия Рындина

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 25.X.10.

[1] Аполлинария Ивановна Незлобина-Алябьева (урожд. Морозова), жена артиста и антрепренера К. Н. Алябьева (Незлобин — его сценическое имя), училась в Академии художеств, руководила костюмерной мастерской в антрепризе мужа. «В отсутствие мужа исполняла обязанности директора и администратора театра» (*Дроздов М. С., Филаткина Н. А.* Опыт родословия. Ногинск, 1995. С. 41; *Филаткина Н. А.* Морозовы и русский провинциальный театр рубежа XIX—XX вв. // Старообрядчество. История, культура, современность. М., 2000. С. 366—373). См. ее письмо к Сологубу: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 483.

[2] См. Соколов — Чеботаревская, п. 3, примеч. 2.

[3] По-видимому, имеется в виду так называемая «молодая редакция» журнала «Аполлон», и в первую очередь Н. С. Гумилев. См. выше, в письмах Соколова к Сологубу.

[4] См. Соколов — Чеботаревская, п. 4, примеч. 4.

[5] Имеется в виду В. Ф. Коммиссаржевская (1864—1910), знаменитая актриса, старшая сестра Ф. Ф. Коммиссаржевского.

6

<31 октября 1910 года>

Анастасия Николаевна,

я вот уже три дня начинаю Вам писать об одном деле и рву письмо — не решаюсь. Не думайте обо мне худо, я Вас прошу, и просто, просто, не стесняясь, ответьте отказом, если это найдете нужным. Видите ли, у нас в театре сейчас несколько течений. Коммиссаржевский — очень милый, но который усиленно ведет свою линию и своих людей. Рощина-Инсарова — свою Тихомирову, Васильева[1] — своих учениц, и, наконец, Незлобин. При его большой корпуленции он

иногда слабохарактерен, и нужно какое-то слово извне. Я со всеми в хороших отношениях, но не принадлежу ни к прежним <sic!> сотрудникам Коммиссаржевского, ни к группе Рощ<иной>-Инсаровой, ни к учениц<ам> Васильевой (хотя с последней в очень милых отношениях).

Ведет меня один Незлобин и Воротничков. У нас 35 женщ<ин>. Вот почему я решилась Вас просить. Вы меня простите. Пьеса <sic!> Ф. К. ожидают с нетерпением, и все, конечно, хотят играть в ней. Я пьесы не знаю, не знаю также, есть ли там для меня подходящая роль. Но если Вы думаете, что есть, если Федор Кузьмич не против, как счастлива бы я была, если бы мне позволили сыграть там. Вот почему я прошу Вас, Анастасия Николаевна, — если Вы или Ф. К. черкнули к Незлобину об этом[2]. Лишнее слово за меня так многое значит в театре. Простите, что тревожу Вас. Сейчас репетирую «Орленка», где играю Фанни Эльслер, — Незлобин меня хвалил; играю «Обнаженную» — роль «Нини», очень противная роль, сил нет — пошла донельзя, но ничего, не ругают за нее[3]. Сережа говорит, что, конечно, будет настаивать на художнике Кал<макове> или Судейкине[4]. Сейчас он выбирает пьесу для Рождества. Он в жюри. Пока еще ничего интересного не прислали[5].

Все по-прежднему <sic!>. Рощина делает сборы, и потому с ней очень считаются. Я приглашена на концерты читать, уже в одном читала очень успешно. Читала вещи Федор<а> Кузьмича. Сейчас мне сделала художница Браиловская[6] (в виде рекламы, *очень смешно*) платье очень интересное — ни на что не похожее — в Византийском стиле, взяла только стоимость материяла <sic!>. Первый раз его одену на концерт в здешнем аристократическом кругу, куда приглашена в числе немногих.

Все это очень, конечно, мило, но для души это ничего особенного не даст. Очень помню о Вас. Привет Вам, Анастасия Николаевна, и Федору Кузьмичу. Насчет моей просьбы — то если Вы найдете это неудобным, простите и верьте, что у Вас есть большие друзья — в лице Сережи и меня.

Ваша

Лидия Рындина

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 31.X.10.

[1] См. Соколов — Чеботаревская, п. 4, примеч. 3. Об актрисе Е. Д. Тихомировой нам пока не удалось собрать сведений (ее портрет см.: Рампа и жизнь. 1910. № 33. С. 540; там же на с. 541 помещен портрет Рындиной).

[2] См. Соколов — Сологуб, п. 34, примечания.

[3] См. Соколов — Сологуб, п. 42, примеч. 3.

[4] Речь идет о художниках, которые могли бы оформлять спектакль по пьесе Сологуба «Заложники жизни», Николае Константиновиче Калмакове (1873—1955) и Сергее Юрьевиче Судейкине (1882—1946). О первом из них см.: «Настроение

кошмара и маскарада...»: Письма Н. К. Калмакова А. Н. Чеботаревской 1909—1915 / Публ., вступ. статья и коммент. Е. И. Струтинской // Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М., 2009. Вып. 4. С. 302—311. Подробнее о его оформлении спектаклей по пьесам Сологуба «Ночные пляски» и «Мечта-победительница» см.: *Струтинская Е. И.* «Единственный в своем роде» Николай Калмаков // Там же. М., 2004. Вып. 3. С. 455—458, 463—467.

[5] См. следующее письмо.

[6] Браиловская Римма Никитична (урожд. Шмидт; 1877—1959) — художница.

7

<16 декабря 1910 года>

Дорогая Анастасия Николаевна, получила Ваше письмо и спешу написать Вам. Я рада, что Вы чувствуете себя хорошо — и живете среди работы, искусства и веселья. Ангина неприятна, но не опасна. Что касается меня, то я ежедневно играю или «Обнаженную» или «Орленка», и то и другое занимает время и черезмерно не радует. Смотрю на это как на ступень для будущего. Беру уроки пения ежедневно. Танцую. Сейчас играю главную роль в Сказке для Рожд<ественских> утренников, выбранной жюри литературным. Пьеса Н. А. Попова, и он ее ставит в сотрудничестве с Коммиссаржевским[1]. Н. А. Попов взял «Залож<ников> жизни», мечтает провести их на Малую сцену «императорскую»[2]. Не знаю, одолеет ли их, он питает надежду, что «да». Очень люблю Петерб<ург>, мечтаю попасть в него. Сережа, верно, поедет туда зимой по своим жел<езнодорожным> делам. Я верю в то, что я могу быть актрисой, работаю, закрыв глаза на окружающую обстановку. Нигде не вижу света в ней. Да «свой» истинный театр мерещится — и не веришь, что он может быть.

Устаешь среди *них* всех. Но ничего — пока веришь в будущее, это ничего. И вот еще знаешь, что где-то вдали есть люди любящие, творящие искусство и жизнь, как Вы — и что ж, ничего, еще жить можно.

Крепко целую Вас, привет бесконечный Федору Кузьмичу — Любящая Вас всей душой

Лидия Рын.

Сережа шлет свой привет, он был это время болен. Камни в почках. Сейчас ничего, уже выходит.

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 16.XII.10.

[1] Речь идет о роли принцессы Эльзы в спектакле по пьесе Н. А. Попова «Оле-Лук-Ойе, или Андерсеновы сказки».

[2] План не осуществился. См. также Соколов — Сологуб, п. 50, примеч. 8 и 9.

8

<7 сентября 1911 года>

Анастасия Николаевна, милая, наконец-то я услышала Ваш голос и могу написать Вам. Я замоталась совсем, и репетиции и переезд бе-

рут уйму времени и сил, и я прямо устала. Не знаю, поеду ли в Петербург, это еще вопрос не решенный. Но одно знаю, что Незлобинским актерам строго запрещено выступать где бы то ни было. А как бы я хотела поиграть у Вас — вот, верно, будет интересно[1].

Живу сейчас ничего, мечтаю, когда все наладится и внешне и внутри — а то все еще как-то не налажено на зимний лад. Здесь ничего пока интересного нет. Приезду и жизни в Москве Толстых не радуюсь — с инцидента с Вами для меня они весь интерес потеряли, и дружить с ними я больше не могу[2]. Уехали Зайцевы за границу — их отъезду я не опечалена — не очень я люблю ее, всем знаменитостям виснет на шее, хватает за неприличные места и говорит «ты»[3]. Ну вот, видите, какая я злая. — Ну, не думайте, что я уж во всем так, о нет, я никогда не лгу, и пока любила ту же Веру Зайцеву, этого не говорила, а сейчас я у них почти не бываю — не люблю их — вот пусть они дружат с Толстыми, кстати, он у них останавливался в последний приезд и жил там.

Театральные дела мои ничего, скорей недурно. Обещает этот сезон интересную работу. Сережа занят своими делишками, строчит стихи еще. Народ у нас толчется разный — вот Макс Волошин, появился и исчез в Париж[4]. Садовской[5] — и еще разные «молодые силы». *Столпов*, как Вы знаете, у нас Брюсов да Белый — тот женился на «Асе Тургеневой», 18-ти лет — мила, без денег, живут под Москвой. (Это ее настоящее имя)[6]. Брюсов редактирует «Р<усскую> М<ысль>» и председательствует в «Литер<атурно->Худ<ожественном> Кружке». Вот все наше. Крепко, крепко целую Вас, привет Ф. К. Как хорошо, что вышла книга о нем[7]. Ваша Л. Рындина

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 7.9.11. Пб. 8.9.11. Написано на бумаге с вытесненным вензелем: L. R.

[1] Возможно, речь идет о планах создания собственного театра Сологуба и Чеботаревской. См. Соколов — Сологуб, п. 42.

[2] См. Соколов — Сологуб, п. 45, примеч. 5. Речь идет также о жене А. Н. Толстого, художнице Софье Исааковне Дымшиц (1884—1963). Следует иметь в виду, что осенью 1909 г. у Рындиной был роман с Толстым.

[3] Об отношении Рындиной к В. А. Зайцевой см.: *Богомолов Н. А.* Вокруг «серебряного века». С. 391.

[4] М. А. Волошин уехал в Париж 6 сентября 1911 г.

[5] Садовской Борис Александрович (наст. фам. Садовский; 1881—1952) — поэт, прозаик, мемуарист.

[6] Тургенева Анна Алексеевна (Ася) (1891—1966) — художница, антропософка, первая жена Андрея Белого.

[7] См. Соколов — Чеботаревская, п. 3, примеч. 1.

9

<20 апреля 1912 года>

Дорогая Анастасия Николаевна, шлю Вам свой привет. Еду через 5 дней в Париж, рада этому очень[1]. Сережа не едет. Вот одно, что меня

огорчает — утешаюсь мыслей <sic!>, что скоро вернусь. Но так все ничего. Вспоминаю с радостью, что осенью буду в Питере у Вас*. Где Вы будете жить, не забудьте дать свой адрес. Привет Федору Кузьмичу и поцелуй от души Вам.

Ваша Л. Рындина

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 20.IV.1912.

[1] О поездке в Париж 1912 года, связанной с оккультными интересами, см. запись в дневнике Рындиной (*Богомолов Н. А.* Вокруг «серебряного века». С. 392).

10

<15 (2) мая 1912 года>

Дорогая Анастасия Николаевна, привет Вам по дороге в Париж, куда еду с сестрой, писала я Ол. Ник. <?>[1], думая, что она наверно едет; оказывается, что нет. А Вы писали, что больны и тоже там не будете. Будете если, не забудьте дать знать. Из Парижа черкну адрес. Привет и поцелуй.

Ваша Л. Рындина

Открытка с видом: Berlin. Neuer Dom. Датируется по почтовому штемпелю: 15.5.12. Berlin.

[1] Если наше прочтение сокращенного имени верно, то речь идет о сестре Чеботаревской, Ольге Николаевне Черносвитовой (1872—1943). Подробнее о ней см.: *Черносвитова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба / Публ. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. С. 221—226.

11

<25 июля 1912 года>

Анастасия Николаевна, милая, давно не получала я от Вас известий. Сережа решил Вам (не зная Вашего летнего адреса) писать в Петерб<ург>[1]. Не знаю, получили ли Вы его письмо? Я уже полтора месяца как вернулась из Парижа. Получили ли Вы мои открытки оттуда? Здесь я уже успела сыграть 4 хороших роли. Правда, в старых затасканных пьесах. Но для опыта роли, сыгранные с Императорскими актерами, большие (главные) и с 3 репетиций — мне очень полезны[2]. Вижу теперь, что я освоилась очень со сценой и что теперь пойдет самая интересная работа — уже отделка ролей, их истолкование и т. д. Помешал мне мой апендицит <sic!>, который я решила вырезать в августе месяце. Играть зимой буду (если выживу операцию <sic!>) главным образом в Петербурге. Жаль мне Сережу — но я очень люблю Петербург, и сами догадайтесь, кого в нем, и чей дом меня тянет, где можно набраться «творимой жизненной радости»[3] и жить потом этим.

Сейчас, сию минуту принес почталион письмо Ваше Сереже, и он сегодня же будет звонить и узнавать подробности — где и что Алекс.

---

* *Фраза, написанная поверх картинки, не читается.*

Львовна — и думает предпринять все что возможно[4]. Вы знаете его нежность и отношение к произведениям Фед. Кузьмича. Как живут Судейкины — очень они милые — я больше знаю ее, т. ч. невольно свое отношение к нему строю на отношении к ней[5]. Здесь сейчас жарко, и если бы не предстоящая операция, все было бы ничего — но как себя ни успокаиваешь, трудно относиться к этому спокойно. Спросите Серг. Юльевич. Судейкина — получил ли он мое письмо (просила у него ко<н>трам<арку> на Дягилева), ответа на него я не получила — писала на театр (в Париж). Крепко целую Вас, Анастасия Николаевна. Мой привет Фед. Кузьмичу.

Всей душой Ваша

Л. Рындина

Датируется по почтовому штемпелю: Вагон Воронеж—Москва. 25.7.12. Написано на бумаге с вытесненным вензелем: L. R.

[1] См. Соколов — Сологуб, п. 50.

[2] Речь идет о летних спектаклях в Малаховском театре.

[3] Отсылка к названию трилогии Сологуба «Творимая легенда».

[4] См. Соколов — Чеботаревская, п. 7.

[5] Речь идет о первой жене Судейкина — актрисе Ольге Афанасьевне Глебовой-Судейкиной (1885—1945).

12

<20 февраля 1913 года>

За многолетние хорошие отношения — за то, что не только я ничего дурного Вам сознательно не сделала, не говорила *никому никогда* на свете о Вас дурно, но даже и о Вас при себе не позволяла иначе говорить, как хорошо. Я задаю Вам вопрос, который даже приговоренные к полевому суду имеют право задать: *за что*? И что *«все»* Вы знаете. Фальшь мне так чужда, и я никогда *не лгу*. Сейчас это письмо пишу не для того, чтобы бывать у Вас — я когда меня и приглашают, не лезу со своими посещениями, а теперь... Да я и на днях уезжаю, а на будущий год в Петер<бурге> не буду, верно, совсем. *«За что?»*, Анастасия Николаевна. И вот разбилась еще одна драгоценная лампада, ведь женщина не может быть ничем, кроме женщины — они все — *«как все»*. Разве бы мущина написал бы такое письмо, *не спросив, не узнав*, обвинил в чем-то, не сказав, в чем. И вот Вы, Анастасия Чеботаревская, жена Сологуба — так поступили, а я *маленькая актриска* говорю — я ради дружбы отказалась раз в жизни от любимого человека, когда мне еще было *19 лет. И* счастлива этим, и горда. И боль была ясная, чистая. И теперь теряюсь в догадках, *за что* — Ваше письмо. Мне жаль, что я Вас так любила, так верила Вам, когда я видела тени на Вашем лице, мне хотелось пасть пред Вами на колени. И Вы этому не поверили, а какая-то гнусная сплетня (что же другое?) все разбила. Прощайте —

я никогда дурно о Вас никому не скажу, я верна, и в прошлом я очень Вас любила, и нельзя предавать старых богов — прежднюю веру. Что я думаю, я знаю одна... Прощайте. Я даже не сержусь — все нужно в мире. Я просто ухожу.

Лидия Рындина

Датируется по почтовому штемпелю: С.-Петербург. 20.2.13. Написано на бумаге с вытесненным вензелем: L. R.

13

<26 февраля 1913 года>

Анастасия Николаевна, я не лгала, когда говорила, что люблю Вас, и вот теперь из-за одного (пусть даже в моих глазах несправедливого) окрика — я не могла измениться, что бы стоила моя дружба! Вы оттолкнули, я отошла — больно, но что ж делать. Вот получила Ваше последнее письмо, вдруг точно лучи света на все. Поехала по Разъезжей — простилась. И как-то когда Вы ушли совсем, Вы стали еще дороже. Мы не ценим того, что у нас есть. Хорошо, что я уезжаю, тяжело, чтоб были Вы близко и так далеко. Хотя верно — Вы давно отошли, да, верно, месяца 2, как Вы пишете; я чувствовала, хотелось что-то сказать, не понимала, не знала — что, почему, отчего.

Понимала, что я бездарна по-Вашему — потому. Хотелось сказать: «Но ведь я не виновата!» Ведь мне это еще больней, и потом хотелось прийти домой и угара какого-нибудь, чтоб забыть себя, свое бессилье, — хотелось быть легкомысленной — и не могла и это и в результате. Измученная, истерзанная я искала у Вас поддержки — но жалкие люди противны, и Вы оттолкнули меня. Но разве Вы виноваты? ведь душе не закажешь. Вы хорошо сделали, ложь была бы еще больше, и Вы не были бы Вы. Ах, если бы Вы знали, как я себя ненавижу сейчас — все, все, что я делаю — я не хочу делать. И я вполне поняла Вас и Ваше отношение ко мне. Если Вы можете, поверьте мне. Это мое письмо — нежное «прости» Вам. Я буду думать о Вас светло и любовно, Ваше последнее письмо я спрячу. Сергею я ничего еще не писала — и не знаю, что скажу, но я Ваш друг, и если бы когда-нибудь я не стала Вам более так противна, я была бы рада — но я не жду этого. Того, что хочешь и ждешь — не приходит ко мне.

Не смею просить верить мне, но время это докажет, и если не доказала моя дружба — пускай докажет Ваша вражда ко мне, что я не лгала, и не лгу, и не буду лгать.

Л. Рындина

Датируется по почтовому штемпелю: СПб. 26.2.13. Написано на бумаге с вытесненным вензелем: L. R.

14

<29 сентября 1914 года>

Дорогая Анастасия Николаевна,

Я была рада Вашим строкам — я почему-то ждала их и знала, что все временное — отойдет, и будет настоящее, то, что нельзя разъединить, то, что крепко спаяно — интересами: — жизни, искусства, веры в единую прекрасную страну Ойле[1].

Сережа теперь опять в бою — я застала его на временном отдыхе в Ковно — бодрым, жаждущим дела и, несмотря на мою печаль, мне было радостно видеть его настоящую храбрость и веру в будущее России. На позициях вообще очень хорошо, Анастасия Николаевна, люди все бодрые, блестящие глаза, глядящие с такой верой в свое правое дело. Сергей много пишет там, когда они на отдыхе — но, конечно, во-первых, они мало на отдыхе, во-вторых, сейчас еще очень мало что можно печатать. Его статью привезла я с собой. Вы читали мою заметку в «У<тре> Р<оссии>», это лишь сжатый коротенький штрих из моей поездки[2]. На всю жизнь мне останется в памяти 10 дней моего пути — из которых 4 дня я была с Сергеем. Сколько ласки и привета я встретила у этих бесконечно милых людей — загорелых, твердых. Даже солдатики с риском для своей жизни пытались мне помочь в розысках Сергея. Когда я одна среди снарядов, на тюках солдатских вещей спала тяжелым сном под охраной маленького солдатика-артиллериста — одна женщина среди сотней <sic!> солдат — я поняла, что я уже стала другая, и ничто человеку не страшно, когда ищет он своего любимого, и ничто не может с ним случиться.

Теперь я со своего приезда все собирала теплые вещи для солдат — бригады, где Сергей. Иногда казалось, что не хватит сил выполнить начатое — одеть всю бригаду в теплое, и руки опускались. Но сильна воля человека: во вторник офицер этой бригады увозит от меня 3 тысячи вещей. Мои солдатики одеты — 2 тысячи попадет в артиллерию, 1 тысяча — пехоте, ее охраняющей. Артиллерию, всю бригаду одела — но всей дивизии, 17 тысячам я не могла дать. Сергей артиллерист. Я устала — но рада. Это моя маленькая благодарность милым, дорогим воинам. Сергея адрес: Действующая армия, 53 артиллерийская бригада. Прапорщику Сер. Ал. Соколову. Нежный привет Федор<у> Кузьмичу и Вам. Искренне Вам дружеская

Л. Рындина

Датируется по почтовому штемпелю: 29.9.14.

[1] Регулярно встречающаяся в творчестве Сологуба мифологема.

[2] См.: *Рындина Л. В* поисках: Из вчерашних впечатлений // Утро России. 1914. 18 сент. № 221.

15

<14 декабря 1914 года>

Дорогая Анастасия Николаевна,

У меня остался один Сережин рассказ — я шлю его на Ваше имя (я плохо разобрала адрес на Вашей открытке). Вы будете такой милой потелефоните туда, и они кого-нибудь могут прислать за ним. Я дала — меня просило «Отечество» (кажется, по Вашей рекомендации). Потом в «Лукоморье»[1] — больше пока Сергей не присылал. Насчет гонорара — не знаю, как в «Вершинах», «Отечество» плотит <sic!> 20 к. за строч<ку>, остальные 25 коп. Хотя это вопрос сейчас для нас и интересный, но, конечно, могу дать этот рассказ и несколько дешевле. Деньги они могут прямо мне выслать. Ради Бога простите, что я Вас этим затрудняю, но я знаю, что Вы к Сережику хорошо относитесь и потому решаюсь это сделать. Не сердитесь за беспокойство — но я не умею с чужими журналами разговаривать, особенно трудно — это сидя в Москве говорить с Петроградом.

Нежно приветствую Федора Кузьмича — читаю его в «Отечестве»[2], и радуется душа, что русские поэты так чувствуют войну. Спасибо ему большое. Спасибо за все Вам. Сережа пока благополучен. Я хочу верить в будущее, но часто не хватает сил. В этой большой мировой катастрофе — трудно сохранить равновесье и мудрость.

Нежно Вас целую. Черкните мне, если будет не трудно, как и что с рассказом. Простите меня, если у Вас не будет времени, пусть придет кто-нибудь из редакции. — Целую нежно.

Ваша Л. Рындина

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 14.12.14.

[1] См. Соколов — Сологуб, п. 65, примеч. 2.

[2] В пятом номере «Лукоморья», вышедшем в этот день, была напечатана статья Сологуба «Выбор ориентации», в предыдущем (6 дек.) — стихотворение «Гимн».

16

<1 января 1915 года>

Дорогая Анастасия Николаевна, нежно Вас приветствую и поздравляю с праздником и Новым Годом. Праздники я встречала в монастыре. Новый год встречаю в обществе двух матерей — Сережиной и моей. Очень грустно на душе, и хочется верить, что когда-нибудь, и даже будущий год это будет иначе. Сергей пишет часто — т. ч. пока еще это меня немного успокаивает. Надеюсь, Вы получили мою бандероль и мое письмо. Нежный привет Ф. К. Желаю Вам всего, всего хорошего. Ваша

Л. Рындина

Датируется по почтовому штемпелю: 1.1.15.

17

13 февр<аля> <1915 года>

Дорогая Анастасия Николаевна, я бесконечно благодарна Вам за Ваше милое письмо и Ваше изумительное отношение к Сереже. Я имела телегр<амму> от 3-го из Гродно, а теперь там бои — и сведений нет. Одному Богу известно, что я переживаю эту зиму — но что смею я говорить, когда пол-Европы переживает то же. Трудно жить, двигаться, играть. Все кажется ненужным и чужим. Стараюсь все-таки работать, как могу. Есть милые друзья, которых так ценишь сейчас. Спасибо Ф.К. за книгу. За его русские — хорошие, бодрые стихи[1]. Читая их, легче переносить это время. Спасибо ему. Спасибо Вам. Милая, верьте мне — я всей душой ценю Ваше отношение в это тяжелое время и искренно Вам друг — была и буду.

Ваша Л. Рындина

---

[1] *Сологуб Ф.* Война. Пг.: Изд. журнала «Отечество», 1915.

18

<10 марта 1915 года>

Дорогая Анастасия Николаевна — нет слов сказать Вам свою благодарность за Вашу ласку в это время. Верьте мне, если можете — я ценю ее бесконечно. Сережа, кажется, жив и цел, хотя ранен. Все это время как безумный кошмар, как дикий хаос. Страшно думать мне и жить. Нежно благодарю Вас и Ф.К. милого. Я Ваша всей душой

Л. Рындина

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: 10.3.15. Пг.

19

<29 августа 1915 года>

Дорогая Анастасия Николаевна, спасибо за память. Я все время в работе, летнего отдыха я не знала[1]. От Сергея изредка есть вести, пока он здоров. Нежно приветствую Вас и Ф. Куз. Если будете проезжать Москвой, загляните ко мне. Нежный привет Вам. Л. Рындина.

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Сочи. 29.8.15. Отправлена по адресу: П/о Пясочное Ярославской губ. с. Красное д. Тихмесовых.

Фамилию владельца дачи Рындина пишет неточно. Верно: Тихменевых.

[1] О напряженной работе Рындиной в кинематографе летом 1915 г. см. записи в ее дневнике (*Богомолов Н. А.* Вокруг «серебряного века. С. 403—404).

Ф. СОЛОГУБ И АН. Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ ПЕРЕПИСКА С В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДОМ (1906—1924)

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Ю. Е. Галаниной

Переписка Федора Сологуба и Анастасии Николаевны Чеботаревской с режиссером Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом, охватывающая 1906—1927 годы, дает интереснейший материал для изучения сложного процесса развития символистской драмы и освоения этого пласта культуры русским театром.

В 1913 году Ан. Чеботаревская писала: «Вовлечение в сферу театральных интересов, которым Сологуб предался, горячо отстаивая идеи “нового театра”, совпало со знакомством с В. Э. Мейерхольдом, которому Сологуб неоднократно доверял постановки своих пьес»[1].

Вхождение Сологуба в число самых репертуарных авторов символистского лагеря начиналось с овладения техникой создания произведений для сцены в тесном контакте с Мейерхольдом.

Для Мейерхольда, тяготевшего к метафорическому искусству, сближение с Сологубом способствовало использованию новых принципов модернистской литературы для обогащения сценического искусства и открывало возможность для выхода из кризисного состояния, в котором находился современный театр.

Публикуемая переписка не содержит пространных описаний фактов художественной жизни, неожиданных открытий и откровений. Но скрывающиеся за ней события складываются в некую ярко выраженную фабулу, составлют динамический сюжет, где, пользуясь распространенным театральным термином, главным «предметом для игры», поддерживающим интригу, становятся пьесы Сологуба.

Знакомство Сологуба с Мейерхольдом следует отнести к осени 1905 года, когда после переезда в столицу режиссер стал посещать собрания на Башне Вяч. Иванова[2]. Мейерхольд и Сологуб были причастны к замыслу создания театра «Факелы», опирающегося на театральные теории Иванова[3], его труды о соборности, о «хоровом действе», несущем очищение, как соединении в духе разобщенного человечества.

---

[1] *Чеботаревская Ан.* Ф. Сологуб: Биографическая справка // Русская литература XX в. (1890—1910) / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: Мир, 1915. Т. 2. Ч. 1. С. 12.

[2] См.: *Галанина Ю. Е.* В. Э. Мейерхольд на Башне Вяч. Иванова // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 194.

[3] О театральных взглядах В. И. Иванова см.: *Стахорский С. В.* Вячеслав Иванов и русская театральная культура начала XX века: Лекции. М., 1991; *Степанова Г. А.* Идея «соборного театра» в поэтической философии Вячеслава Иванова. М., 2005.

В августе 1906 года Мейерхольд приступил к работе в Драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской на Офицерской улице. С этого времени установились более тесные отношения Сологуба с Мейерхольдом, о чем свидетельствует завязавшаяся тогда между ними переписка.

Ранние драматические произведения Сологуба мало подходили для сцены и были в большей степени декларацией эстетических и философских взглядов писателя на искусство. В них действовали «не люди, а оловянные солдатики, которых автор дергает за шнурок»[4].

Перед открытием сезона в театре Федор Сологуб, строгий инспектор Андреевского училища, «кирпич», «сухарь» и затворник, отказывавшийся из-за застенчивости от участия в вечерах нового искусства[5], вопреки обыкновению, согласился прочесть свою пьесу на театральной «субботе» в театре Комиссаржевской. Приготовленное для почтенного сорокалетнего писателя стилизованное античное ложе явно не соответствовало его статусу и возрасту. Но обладающий скрытой склонностью к лицедейству, Сологуб включился в театральную игру со всей присущей ему внешней невозмутимостью. Драматургу была необходима связь с живым театром.

В письме к Блоку Сологуб признавался, что первые постановки режиссера-модерниста в театре Комиссаржевской он воспринял как «предсказание и торжество нового театра, того, которого еще нет, который будет»[6]. Писатель настойчиво приглашал Мейерхольда на литературные собрания в своей квартире, стремясь ввести его в русло исканий русского символизма.

В прочитанную на «субботе» в театре Комиссаржевской пьесу Сологуба «Дар мудрых пчел»[7], повествовавшую о фессалийской царице Лаодамии, умолившей богов вернуть к ней на одну ночь погибшего мужа Протесилая, драматург ввел сцену дионисийских плясок, поклонения богу умирания и возрождения Дионису. В этом сказывалась безусловная близость к теориям Вяч. Иванова[8]. Но подлинного дио-

---

[4] *Пильский П.* О красоте и пустоте <о пьесе Сологуба «Любви»> // Свободные мысли. 1907. 20 авг. (2 сент.). № 14. С. 3.

[5] Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 297.

[6] *Блок А. А.* Письма к Анастасии Чеботаревской / Публ. Д. Е. Максимова // Учен. зап. Ленинградского пед. ин-та им. М. Н. Покровского. Факультет языка и литературы. Л., 1940. Т. IV. С. 271—272.

[7] Первая публикация: *Сологуб Ф.* Дар мудрых пчел. Трагедия в пяти действиях // Золотое руно. 1907. № 2. С. 38—48; № 3. С. 41—53; перепеч.: *Сологуб Ф.* Собрание пьес. СПб.: Навьи чары, 2001. Т. 1. С. 45—114.

[8] См.: *Иванов В.* Письма к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 136—150; *Богомолов Н. А.* Федор Сологуб на Башне Вячеслава Иванова // Федор

нисийского возрождения в трагедии Сологуба не происходило. Он «не видел в соборности средство общественного переустройства»[9]. Его Лаодамия, вынужденная наутро расстаться с любимым навсегда, бросалась в огонь и гибла в пламени, своей любовью побеждая смерть, разлучившую ее с любимым.

В критическом восприятии теорий Вяч. Иванова Сологубу был близок Мейерхольд, обстоятельно изучавший труды ученого-классика. Увлеченный ивановской ориентацией на античный театр, мечтавший об уничтожении рампы, разъединявшей сцену и зрителей, режиссер оставил без внимания идеи Иванова о дионисийском экстазе, оргийности, об освободительных функциях вакхических плясок[10] и предпочел им стихию народного балагана (что отразилось в его постановке блоковского «Балаганчика»). Мейерхольд на долгие годы сохранил влюбленность в античную трагедию Сологуба, в ее мистический тезис о вечном несоответствии идеала и действительности, о преодолении смерти любовью, как противостоянии неизбежному Року. В то же время он видел те особенности пьесы, которые могли помешать ее прохождению через цензуру.

Сологуб мечтал о постановке Мейерхольдом пьесы «Дар мудрых пчел». Его письма к режиссеру 1906—1907 годов наполнены назойливыми напоминаниями и несправедливыми упреками в бездействии, проистекавшими из свойственной Сологубу мнительности и обидчивости. Писатель стремился привлечь к трагедии внимание Комиссаржевской, сценическому дарованию которой был близок образ главной

Сологуб: Биография, творчество, интерпретации. Материалы IV Международной научной конференции / Сост. М. М. Павловой. СПб., 2010. С. 5—16.

[9] См.: *Иванов В.* Письма к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова. С. 138; *Титова Г.* Мейерхольд и Комиссаржевская: модерн на пути к Условному театру. СПб., 2006. С. 115; *Павлова М. М.* Вяч. Иванов и Федор Сологуб. «Противочувствия». Из истории отношений 1905—1906 гг. // Europa Orientalis. XXI. 2002: 2. С. 9—18.

[10] *Титова Г.* Мейерхольд и Комиссаржевская: модерн на пути к Условному театру. С. 18; *Уварова И.* Мейерхольд и Дионис // Мейерхольд, режиссура в перспективе века = Meyerhold, la mise en scène dans le siècle: материалы симпозиума критиков и историков театра. Париж, 6—12 ноября 2000 г. М., 2001. С. 236. Настороженное отношение Мейерхольда к дионисийскому экстазу теорий Вяч. Иванова отразилось и в том, что, предлагая И. Л. Рубинштейн в 1912 г. постановку «Дара мудрых пчел», он соглашался с ее сомнениями по поводу дионисийской пляски. Режиссер признавал «основательным» ее опасение относительно «вакхического акта» и замечал: «моей работы в этом акте нет совсем», считая, что «успех акта в большой мере стоит в зависимости от искусства балетмейстера и композитора» (*Мейерхольд В. Э.* Переписка: 1896—1939. М., 1976. С. 151). В 1920-х гг. он заявлял о своем несогласии «с абстрактно-мистической трактовкой понятия хора и возникновения трагедии» Вяч. Ивановым (*Мальковати Ф.* Мейерхольд и Вяч. Иванов: последняя глава, Рим, 1925 год // Мейерхольд, режиссура в перспективе века = Meyerhold, la mise en scène dans le siècle. С. 152).

героини, предлагал лично пойти к цензору добиваться разрешения на постановку пьесы. Стремясь увидеть свою трагедию на сцене, строгий мэтр русской поэзии прислушивался к замечаниям Мейерхольда, внося правку и сокращая текст по его предложению.

Новый вариант трагедии «Дар мудрых пчел» настолько отличался от первоначального, что получил новое наименование — «Очарованный кумир»[11]. В пьесу были внесены существенные изменения: сняты упреки и проклятия Лаодамии богам, приглушена тема запретной любви Протесилая к Лисиппу, замены погибшего Протесилая восковым изваянием и ласк к нему Лаодамии, в сцене дионисийской пляски смягчен мотив неистовства, вакхического исступления, объятий и поцелуев пляшущих, сбрасывания одежд, иссечения ветвями их нагих тел и сделаны другие, менее значительные изъятия.

Пьеса в этой редакции получила цензурное разрешение в декабре 1907 года, но конфликт с Комиссаржевской и уход Мейерхольда из ее театра не позволили осуществить постановку. Трагедия не была также включена в репертуар гастрольной поездки Мейерхольда в 1908 году и ни разу не ставилась на сцене ни этим, ни, по нашим сведениям, каким-либо другим режиссером. Необходимо отметить, что в дальнейшем при переизданиях этой пьесы Сологуб никогда не публиковал ее вариант, переделанный по рекомендациям Мейерхольда, — «Очарованный кумир»[12]. Но работа над этим текстом, безусловно, была для Сологуба школой обучения технике драматического мастерства.

Пиком взаимопонимания и взаимосогласия Сологуба с Мейерхольдом стала постановка его трагедии «Победа смерти». Пьеса была написана по мотивам средневековой легенды. Ее премьера в первой авторской редакции[13] состоялась 6 ноября 1907 года, в период конфликта и назревшего разрыва Комиссаржевской с Мейерхольдом. В день премьеры Комиссаржевская, присутствовавшая накануне на

---

[11] Пьеса «Очарованный кумир» сохранилась в машинописных копиях в РГАЛИ (Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 3096) и в Отделе рукописей и редких книг Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки (№ 27244; далее — ОРИРК СПбГТБ).

[12] При жизни Сологуба четырежды был напечатан полный первоначальный текст пьесы в пяти действиях под заглавием «Дар мудрых пчел» (Золотое руно. 1907. № 2. С. 38—48; № 3. С. 41—53; *Сологуб Ф.* Собр. соч.: [В 12 т.] СПб.: Шиповник, [1910]. Т. 8. С. 57—131; То же: [В 12 т.]. СПб.: Сирин, 1913. Т. 8. С. 57—131) и в отдельном издании (Пг.: Театральный отдел Народного комиссариата по просвещению, 1918).

[13] Ранние редакции пьесы свидетельствуют, что в процессе работы в текст были внесены изменения, отразившиеся в 1907 г. в постановке Мейерхольда и, возможно, сделанные по его совету. Так, первоначально, согласно ремарке, пьеса завершалась сценой рушащегося замка, что не могло быть воспроизведено на сцене. В текст другой, более поздней редакции был введен заключительный текст, произносимый «бесстрастным голосом» и напоминающий о герое поставленной Мейерхольдом «Жизни человека» Л. Андреева, именуемого «Некто в сером» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 203. Л. 220).

генеральной репетиции пьесы, в письме к Сологубу желала успеха и выражала сожаление, что из-за болезни не сможет присутствовать на спектакле[14]. Через день после премьеры в письме к В. Я. Брюсову она писала: «Мейерхольд поставил “Победу смерти” как может это сделать совсем растерявшийся человек, — тут было все: неудачная попытка дать актерам позы пластической древней трагедии (!!!!!), мейнингенская толпа, хохот актеров из труппы Московского Художественного театра, читка актеров (ритмическая, которую мы слышим), когда Федор Кузьмич сам произносит монологи из своих пьес и неизбежная картинность движений и мимики всех, за очень малым исключением, участвующих. Все это понравилось отчасти публике и вполне рецензентам петербургских газет, признавших почти единогласно, что Мейерхольд наконец “опомнился”, так как вернулся к старым формам. Я была на генеральной репетиции и сказала, что это плохо от начала до конца. Была не в силах пойти на спектакль, так сжата у меня была душа»[15]. 9 ноября Комиссаржевская объявила об отставке Мейерхольда.

Тем не менее постановка «Победы смерти» имела безусловный и общепризнанный успех[16]. Сологуб писал Мейерхольду: «Не умею найти слов, чтобы благодарить Вас за превосходную постановку Вашу моей трагедии. Я бесконечно рад, что писал эту трагедию в тех формах, которые казались мне соответствующими задачам и устремлениям театра, как Вы его ведете. О некоторых подробностях и кое о чем существенном я бы возразил, и как-нибудь при случае скажу Вам это, — но это нисколько не меняет того, что сделанное Вами — сделано благородно и строго»[17].

Завершающие трагедию слова: «Смертию побеждает любовь, любовь и смерть — одно»[18] — были продолжением главной идеи «Дара мудрых пчел», составляющей основной тезис высоких трагедий Сологуба.

Однако после состоявшейся премьеры Сологуб предпринял неожиданный шаг — внес в пьесу изменения и дополнения, которые вошли в ее канонический текст. В ноябре 1907 года он написал «Про-

---

[14] «Многоуважаемый Федор Кузьмич, меня держит дома невралгия лица, надеялась, что будет легче и я приду хоть ко 2му акту, но, увы, боль не унимается и я хочу хоть письменно пожелать Вам от души успеха и выразить искреннее сожаление, что не могу сделать этого лично. Крепко жму Вашу руку В. Комиссаржевская» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 339. Л. 5—6).

[15] Цит. по: *Рудницкий К.* Режиссер Мейерхольд. М., 1969. С. 109.

[16] Мейерхольд в русской театральной критике: 1892—1918. М., 1997. С. 427, 451, 452.

[17] *Сологуб Ф.* Письмо к Мейерхольду В. Э. 7 ноября 1907 г. // РГАЛИ. Ф. 998. Оп.1. Ед. хр. 2383. Л. 36—36 об.

[18] *Сологуб Ф.* Собрание пьес. Т. 1. С. 154.

лог» к трагедии, согласно которому спектакль начинался не на сцене, а в зрительном зале. Актеры, вступая в игру, начинали диалог в проходе между кресел и по ходу действия демонстративно усаживались среди публики, утверждая тем самым общность зала и сцены, актеров и публики, подготавливали зрителей к участию в игре. Также драматург счел необходимым добавить «Предисловие» к своему произведению («Автор трагедии заменил маску полумаскою, но все еще не открывает своего лица. <...> Всеми словами, какие находит, он говорит об одном и том же. К одному и тому же зовет неутомимо. <...> И Она с ним, Змеиноокая»[19]). Тем самым он обнажал лик демиурга[20], вершащего свою волю не только на сцене, но и в зале, которому неизменно сопутствовала «Змеиноокая», персонификация идеи Смерти-избавительницы, утверждение единственно возможного, трагического варианта разрешения конфликта.

В «Победе смерти» Сологуб также изменил заключительный эпизод второго действия, во время которого происходит наказание и истязание разоблаченной Альгисты: ее мать Мальгиста, в раннем варианте пьесы убегавшая от грозившей ей опасности, теперь, оставаясь среди придворных, пыталась защитить дочь. В новой редакции действие заканчивалось «воплем Мальгисты»: «Добрые люди, добрые люди, спасите дочь мою Альгисту!»[21] Ее крик прорезал сгущавшийся мрак погружавшейся в темноту сцены и звучал как прямое обращение к зрителям, побуждавшее их вмешаться в ход действия. Если бы со стороны публики последовала ответная реакция, произведение Сологуба лишилось бы своего конфликта, фабула пьесы была бы разрушена. Однако этот призыв Мальгисты сохранялся во всех изданиях пьесы Сологуба[22].

---

[19] Там же. С. 115.

[20] В 1907 г. был написан театральный манифест Сологуба — «Театр одной воли», в котором утверждалось, что «уже скоро зритель, утомленный сменою чуждых ему зрелищ, захочет стать участником мистерии», так как «задача театрального деятеля — драматического автора, режиссера и актера — в том и состоит, чтобы, возводя театральное зрелище ко всем тем совершенствам, которые только достижимы для зрелища, приблизить его к соборному действию, к мистерии и литургии». При этом создающий драму поэт «является выразителем неизбежного, не трагическим героем, а его роком», «нет разных людей, — есть только один человек, один только Я во всей вселенной, волящий, действующий, страдающий, горящий на неугасимом огне, и от неистовства ужасной и безобразной жизни спасающийся в прохладных и отрадных объятиях вечной утешительницы — Смерти» (*Сологуб Ф.* Театр одной воли // Театр. Книга о новом театре: Сборник статей А. Луначарского, Е. Аничкова, А. Горнфельда, Александра Бенуа, Вс. Мейерхольда, Федора Сологуба, Георгия Чулкова, С. Рафаловича, Валерия Брюсова и Андрея Белого. СПб.: Шиповник, 1908. С. 182, 184, 185).

[21] *Сологуб Ф.* Собрание пьес. Т. 1. С. 146—147.

[22] *Сологуб Ф.* Победа смерти. Трагедия в трех действиях. СПб.: Факелы, 1908; перепеч.: *Сологуб Ф.* Собрание пьес. Т. 1. С. 115—155.

Г. И. Чулков в рецензии на «Победу смерти» писал: «По-видимому, автор хотел в этом моменте переступить заветную черту, “разрушить рампу”. И это было бы возможно осуществить не только в зрелище, но и в действии, продолжив лестницу сцены до уровня зрительного зала, совершив трагическую игру в круге зрителей»[23].

В 1913 году Мейерхольд в «Примечаниях к списку режиссерских работ» повторил эти слова критика, заключив их собственным замечанием: «Сцена была во всю ширину покрыта ступенями, параллельными линии рампы. Оставалось только спустить их вниз в партер. Театр испугался этого, оставшись на полпути в стремлении своем перешагнуть черту рампы»[24].

В недатированных черновых набросках о «мистико-реалистическом театре» Мейерхольд утверждал, что в театре «деяние» зрителей должно было прийти на смену пассивным переживаниям[25]. Но осуществить это в реальности режиссер не мог. В архиве постановщика сохранилась интересная запись, относящаяся к этому эпизоду пьесы: «Проект, толпа, спускающаяся с лестницы, идет в публику (лестница д<олжна> б<ыть> продолжена до первых рядов кресел).

Декорация рельефная.

Мать Альгисты — Волохова»[26].

В этом наброске, если рассматривать его как замысел превращения зрелища в действие, важна не столько лестница, спускающаяся в зал к зрителям, сколько упоминание матери Альгисты, произносящей слова, провоцирующие публику к действию.

Призыв к вмешательству зрителей был, возможно, радикальной идеей самого Сологуба, не связанного обязательствами перед театром, но, безусловно, он возник под влиянием разговоров с Мейерхольдом, в результате совместных размышлений в процессе работы над пьесой.

В одной из статей о Сологубе упоминалось, что во время его переговоров с московским Малым театром (конец 1907 года) драматург настаивал, чтобы на сцене обязательно была упомянутая в его ремарке лестница, спускающаяся до партера («Ни за что не хотел ею поступаться»), он хотел, чтобы в сцене растерзания Альгисту сводили вниз в партер[27], т. е. фактически настаивал на том, чтобы действие происходило в зрительном зале.

---

[23] *Ч.* [*Чулков Г. И.*] Театр В. Ф. Комиссаржевской. «Победа смерти», Трагедия Федора Сологуба // Мейерхольд в русской театральной критике: 1892—1918. С. 167.

[24] *Мейерхольд В. Э.* Статьи, письма, речи, беседы: В 2 ч. М., 1968. Ч. 1: 1891—1917. С. 252.

[25] Опубликовано А. Л. Порфирьевой в статье «Мейерхольд и Вагнер» (Русский театр и драматургия начала XX века: сборник науч. тр. Л., 1984. С. 131).

[26] *Мейерхольд В. Э.* «Победа смерти». Режиссерские заметки к пьесе Ф. Сологуба, поставленной в Театре В. Ф. Комиссаржевской. Октябрь—ноябрь 1907 г. // РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 3.

[27] *Старый друг.* [*Эфрос Н. Е.*] «Победа смерти» и поражение Сологуба // Театр. 1910. 21 и 22 февр. № 604. С. 8—11.

Актриса московского театра К. Н. Незлобина[28] Павла Вульф вспоминала работу над постановкой «Победы смерти» в 1910 году: «Символист-эстет Федор Сологуб, присутствуя на репетициях, давал оригинальные объяснения: “Надо, чтобы публика, когда слуги по лестнице тащат избитую, искалеченную Альгисту, вскочила с мест, отняла, освободила ее”. Но этого не случилось. Публика спокойно сидела на своих местах и скучала, не стремясь в “царство красоты”. Скучали и мы, актеры, играя эту, никому не нужную, никого не убеждающую фантазию Сологуба. Пьеса не имела успеха и скоро была снята с репертуара»[29].

Попытка «слить воедино зрителей и сцену», предпринятая еще в 1901 году Р. Ролланом в драме о взятии Бастилии, где он призывал «перебросить мост в зал, претворить драматическое действие в реальность»[30], была продолжена Вяч. Ивановым, провозглашавшим: «Довольно лицедействовать, мы хотим действа. Зритель должен стать деятелем, соучастником действа»[31]. А. Белый в статье 1907 года «Символический театр: К гастролям Комиссаржевской» упоминал об одном из путей развития символистской драмы, который может привести к разрушению театра, к разрушению условий современной жизни и к созиданию новых жизненных ценностей, «новых форм жизни»[32]. Обобщая эти интенции, исследовательница русского театра Т. М. Родина отмечала в символической драме стремление «научить человечество творчеству жизни»: «Театр <...> должен был умереть как вид искусства, чтобы возродиться как сила, организующая общественный быт и общественное сознание»[33].

Сологуб высоко ценил постановку своей драмы Мейерхольдом. Не случайно единственная сохранившаяся дарственная надпись писателя, адресованная режиссеру, была сделана на отдельном издании пьесы, вышедшем в 1908 году[34]: «Дорогому Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду с любовью, уважением и сочувствием Федор Сологуб»[35].

---

[28] Незлобин Константин Николаевич (1857—1930) — антрепренер, режиссер, актер. В 1909—1917 гг. — руководитель московского театра, в котором осуществил постановку драмы Сологуба «Мелкий бес»; осенью 1911 г. открыл филиал театра в Петербурге, действовавший до 1918 г.

[29] *Вульф П. Л.* В старом и новом театре. М., 1962. С.193.

[30] *Роллан Р.* Примечание к последней сцене драмы «Четырнадцатое июля» // Роллан Р. Собр. соч.: В 14 т. М., 1954. Т. 1. С. 112—113.

[31] *Иванов В.* Предчувствия и предвестия. Новая органическая эпоха и театр будущего // Иванов В. Родное и вселенское. М., 1994. С. 44.

[32] *Белый А.* Символический театр: К гастролям Комиссаржевской // Утро России. 1907. 16 сент. № 1. С. 7.

[33] *Родина Т.* Александр Блок и русский театр начала XX века. М., 1972. С. 72, 73.

[34] *Сологуб Ф.* Победа смерти. Трагедия в трех действиях с Прологом. СПб.: Факелы, 1908.

[35] РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 39.

Через три дня после успешной премьеры «Победы смерти», 9 ноября, Мейерхольд был извещен Комиссаржевской об отставке из-за разногласий во взглядах на театр.

В открытом письме в газету «Русь», протестуя против этого решения, Мейерхольд вызвал директрису театра на суд чести, пригласив судьей со своей стороны Сологуба. Заседание третейского суда под председательством известного юриста О. Я. Пергамента[36] и при участии секретарей А. А. Виленкина[37] и А. И. Гидони[38] состоялось 20 декабря. А. Тыркова-Вильямс вспоминала, что Сологуб во время суда пытался поддержать Мейерхольда: «Сологуб больше молчал. Лицо его оставалось неподвижным и непроницаемым. Тонкие, как у ребенка, веки были опущены. Неожиданно они приподымались. На нас смотрели прекрасные голубые, детски-ясные глаза. Раздавался умно поставленный на помощь Мейерхольду вопрос. Но Веру Федоровну не легко было сбить. Фехтоваться и она умела. Суд кончился вничью»[39]. Выдвинутые Мейерхольдом обвинения были отвергнуты, поступок Комиссаржевской — признан законным, хотя в прессе активно обсуждался вопрос о его некорректности — увольнении режиссера в середине сезона.

Сологуб видел в Мейерхольде прежде всего художника, поднимающего серьезные проблемы в масштабных драматических произведениях, упуская из виду стремление режиссера добиться сгущенной выразительности в малых жанрах традиционного искусства, балаганах, кабаре и т. д. Может быть, именно поэтому написанные вполне в духе мейерхольдовских исканий пьесы «Ночные пляски» и «Ванька-ключник» автор предоставил для постановки не ему, а Н. Н. Евреинову. С этим решением Мейерхольд был вынужден смириться, хотя, согласно письмам, чувствовал себя уязвленным.

---

[36] Пергамент Осип Яковлевич (1868—1909) — присяжный поверенный, член Государственной думы, участвовал в крупных политических процессах (по делу о кишиневском погроме, о бунте на Черноморском флоте — дело лейтенанта Шмидта и др.).

[37] Виленкин Александр Абрамович (1883—1918) — присяжный поверенный, политический деятель. В 1906 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. В рецензии на пьесу Сологуба «Победа смерти» охарактеризовал ее как губительную для общества, охваченного эпидемией самоубийств, так как у Сологуба «...смерть-губительница стала смертью-избавительницей» (*Виленкин А.* Настроения. 2 // Студенческая речь. СПб., 1907. 22 нояб. № 2).

[38] Гидони Александр Иосифович (1885—1943?) — помощник присяжного поверенного, драматург, прозаик, критик, в 1905—1909 гг. обучался на юридическом факультете Петербургского университета.

[39] *Тыркова-Вильямс А.* Тени минувшего. Вокруг Башни // Возрождение (Париж). 1955. № 22. С. 90—91. Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (псевд. Вергежский; 1869—1962) — писатель, публицист и общественный деятель, в третейском суде Мейерхольда с Комиссаржевской выступала судьей со стороны директрисы театра.

Между тем воодушевленный успехом постановки «Победы смерти» Сологуб стремился найти новый подходящий для сцены сюжет на более актуальную современную тему. Так была написана пьеса «Заложники жизни» (1910)[40], ставшая наряду с авторской инсценировкой романа «Мелкий бес» самым известным драматическим произведением Сологуба, постановки которого были осуществлены не только в столицах, но и в провинции[41].

Принимая во внимание отрицательное отношение к модернистской драматургии со стороны чиновников императорских театров, на службу в которые к этому времени поступил Мейерхольд, Сологуб первоначально предложил новое произведение в Московский Художественный театр В. И. Немировичу-Данченко, однако вскоре выяснилось, что пьеса театру «не подходит»[42]. Так же отнеслись к «Заложникам жизни» и в московском театре К. Н. Незлобина, ранее успешно осуществившем постановку «Мелкого беса». Опытный антрепренер Незлобин, озадаченный новаторской формой пьесы, в ноябре 1910 года просил автора «несколько переделать» его произведение[43], на что Сологуб ответил категорическим несогласием: «Переделок никаких не будет. Прошу вернуть пьесу»[44].

В год постановки «Заложников жизни» праздновалась 100-летняя годовщина Отечественной войны 1812 года. Значительная часть писем Сологуба и Мейерхольда этого времени посвящена работе писателя и его жены над инсценировкой романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Газеты называли это драматическое произведение «праздником на улице петербургских театров»[45]. Мейерхольд пытался включить эту инсценировку в репертуар Александринского театра, но она встретила сопротивление Театрально-литературного комитета императорских театров (далее: ТЛК) и на заседании 9 января 1913 года не была одобрена к постановке на казенной сцене[46].

После долгих хлопот пьеса «Заложники жизни» в сентябре 1911 года все-таки получила разрешение на постановку в императорских

---

[40] *Сологуб Ф.* Заложники жизни. Драма в пяти действиях // Альманах издательства «Шиповник». Кн. 22. СПб., 1912. С. 1—108; перепеч.: *Сологуб Ф.* Заложники жизни. Драма в пяти действиях // Сологуб Ф. Собрание пьес. СПб.: Навьи чары. 2001. Т. 2. С. 122—226.

[41] *Галанина Ю.* Вокруг «Заложников жизни» // Мейерхольд и другие: Документы и материалы. М., 2000. С. 157—175.

[42] Музей МХАТ. Н.-Д. № 5754.

[43] *Незлобин К. Н.* Письма к Ф. Сологубу 1908—1912 гг. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 484. Л. 11—12.

[44] *Мазуркевич В.* «Переделок никаких не будет» // Обозрение театров. 1910. 5 дек. № 1252. С. 17.

[45] *Двинский М.* Ф. Сологуб об инсценировании романа Л. Н. Толстого «Война и мир» // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 6 сент. № 13129. С. 4.

[46] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 878. Л. 39.

театрах[47]. Месяцем раньше Сологуб писал Мейерхольду: «Вы не можете себе представить, с какою приятностью я вспоминаю Вашу постановку “Победы Смерти”, и как был бы рад, если бы и “Заложники” мои Вы ставили!»[48] Сообщение о включении пьесы в репертуар Александринского театра появилось в печати в начале 1912 года[49]. 29 апреля вчерне подготовленная постановка была показана Теляковскому, Сологубу, Чеботаревской и др.[50] Дальнейшие работы длительное время проходили без участия автора.

Продолжая тему о разладе мечты и действительности, писатель яркими мазками изобразил обыденную жизнь, лишенную Красоты, во всей ее грубости, пошлости и дисгармоничности. В ней процветает расчет, жажда наживы, компромисс и безнравственность. Бунт молодых героев — Кати и Михаила — против плена закостенелой, несправедливо устроенной жизни оказался игрой по ее же правилам, привел к нарушению долга верности, измене любимому, замужеству по расчету.

Накануне премьеры заведующий репертуаром императорских театров Н. А. Котляревский заявлял, что наиболее значительным в пьесе считает ее бытовой план, «воплощение нашей повседневной жизни»[51].

Однако у символиста Сологуба реализм, преувеличенный до грани возможного, оборачивался своим отрицанием. Обыденная жизнь принимала черты ирреального, призрачного. Этот прием превращения реального в символическое Сологуб обосновал в 1910 году в связи с переделкой романа «Мелкий бес» в драму, о которой писал: «Она изображает быт, доведенный до крайности и потому впавший в свою противоположность, в безумие, ужас, безобразие, кошмар»[52]. В «Заложниках жизни» преувеличенность деталей быта доходит до предельной степени, они теряют связь с реальностью и обретают черты иной, инфернальной реальности. Наиболее ярко переход в инобытие отразился в созданном Сологубом портрете бонны, воспитывающей детей Кати: «Лицо у бонны длинное, сухое, желтое, постное, но сладкое. Глаза рыбьи, с застывшим выражением тупого любопытства. Уши торчат. Нос длинный и острый. <...> На плоском лбу совершенно

---

[47] РГИА. Ф. 497. Оп. 10. Ед. хр. 1151. Л. 31.

[48] *Сологуб Ф.* Письмо к Мейерхольду В. Э. 5 августа 1911 г. // РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 17.

[49] Театр и искусство. 1912. 1 янв. № 1. С. 3.

[50] *Теляковский В. А.* Из дневников // Мейерхольд и другие: Документы и материалы. С. 96.

[51] *Котляревский Н.* О современном репертуаре // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 3 нояб. № 13230. С. 5.

[52] *Марк.* [*Оссендовский А. М.*] У Федора Сологуба: Автор о своей пьесе «Мелкий бес». О Новом театре. Новые замыслы драматурга и беллетриста // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1910. 10 марта. № 11606. С. 3—4.

явственно написано: сплетница. И даже все боннино платье шумит сплетнею»[53]. И далее: «На ее лице — жадное любопытство, от которого нос ее кажется длиннее, острее и желтее обычного; он, точно из крашеного свинца, тяжелый, и тянет ее голову вперед. Глаза моргают часто. В руках, странно сжатых, колышется ридикюльчик, — и, кажется, что там колышется грязненькая сплетнишка»[54]. То же в первой картине последнего, пятого действия, когда дым от папиросы отца Михаила «как-то странно соответствует черному хитону Лилит»[55].

Мейерхольд заявил в печати, что считает пьесу Сологуба «насквозь символичной»: «реалистическая основа пьесы (родители Кати и Михаила) углублена автором до той грани, когда быт превратился в явление сверхнатуральное и потому символическое»[56]. Герои Сологуба приобретают черты социального типажа, сгущенного до схемы, до формулы, исчерпывающегося одной чертой характера. Таков жених Кати Сухов, «хищник», у которого «только два принципа — не зевай и угождай сильным мира сего»[57]. Особенно выпукло эти характеристики отражены в ремарках писателя. О Рогачевой, матери Кати, Сологуб пишет «...она заряжена большим количеством самомнения и <...> очень уверена в своем дворянском превосходстве над людьми иных положений». Таков и ее муж, «прогорающий помещик» Рогачев, отец Кати: «Манеры у него барские <...> а движения суетливые, в глазах беспокойная ласковость, и в мыслях путаница и суета. <...> Он обладает тою степенью приспособляемости, которая помогает людям его типа держаться кое-как на поверхности жизни и при случае играть кое-какую роль в обществе»[58].

Черты характеров, конкретные детали происходящего утрированы, окарикатурены, пронизаны сологубовской иронией. Так, Рогачева «любит и умеет занимать деньги, делает она это с истинно барской непринужденностью»[59]. Родители Михаила, Чернецовы, в высшей степени «принципиальные» люди, скрывают за непроницаемыми синими очками свои истинные лица. Сологубовские характеристики, доведенные до неправдоподобия, оборачиваются своей противоположностью и оказываются насмешкой над героями.

---

[53] *Сологуб Ф.* Заложники жизни. Драма в пяти действиях. С. 211.

[54] Там же. С. 222.

[55] Там же. С. 219.

[56] *Бинокль.* [*Витвицкая Б. И.*] Новые постановки В. Э. Мейерхольда («Заложники жизни», «Электра», «Королева Мая», «Маскарад», новая пьеса В. Э. Мейерхольда). Беседа с В. Э. Мейерхольдом // Петербургская газета. 1912. 17 авг. № 225. С. 4.

[57] *Сологуб Ф.* Заложники жизни. Драма в пяти действиях. С. 149; см. там же: С. 150—151, 153.

[58] Там же. С. 127—128.

[59] Там же. С. 131—132.

Мейерхольду фантасмагоричность обыденного открылась давно и была связана с понятием «гротеск», принципы которого режиссер начал разрабатывать в 1910—1912 годах[60]. В статье «Балаган», написанной летом 1912 года, когда готовилась постановка «Заложников жизни», Мейерхольд утверждал: «Гротеску дано по-иному подойти к быту. Гротеск углубляет быт до той грани, когда он перестает являть собою только натуральное. В жизни, кроме того, что мы видим, есть еще громадная область неразгаданного. Гротеск, ищущий сверхнатурального, связывает в синтезе экстракты противоположностей, создает картину феноменального, приводит зрителя к попытке отгадать загадку непостижимого. <...> Основное в гротеске это — постоянное стремление вывести зрителя из одного только что постигнутого им плана в другой, который зритель никак не ожидал»[61]. В этой характеристике гротеска Мейерхольд, как ранее Сологуб, утверждал возможность придать быту сверхреалистическое значение.

В отзывах на премьеру «Заложников жизни» театральная пресса привычно писала о реалистическом плане пьесы, считая его главным в постановке и не сумев разгадать своеобразия изображенного писателем быта. Новаторство постановки отметил лишь С. Ауслендер: «На фоне утрированно бытовых разговоров удалось передать с тонкостью почти гениальной атмосферу того странного мира Сологубовского, где все реальное и нереальное одинаково возможно, где будто все бытовое, давно знакомое и вместе с тем странное, призрачное, как бы во сне виденное»[62].

Метафорическое значение быта Мейерхольд воплощал с помощью символики колористического оформления, контрастов в цвете и освещении (светлые одеяния Лилит в начале пьесы сменялись черными кружевами в финале; зловещий оранжевый свет торжествующей пошлости врывался в ее лунный танец; имперский красный цвет гостиной Сухова подчеркивал его материальное благополучие)[63]. Обозреватель «Ежегодника императорских театров» Ю. Слонимская обратила внимание на принцип построения мизансцен, при котором благодаря встроенным дверям одни герои постоянно сменяли других

---

[60] См.: *Рудницкий К.* Режиссер Мейерхольд. С. 143—144; *Волков Н.* Мейерхольд. Т. II: 1908—1917. М.; Л., 1929. С. 236—238; *Галанина Ю.* К истории петербургского «Дома интермедий» (по неизданной переписке А. А. Голубева и Е. М. Мунт) // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М., 2009. С. 98.

[61] *Мейерхольд В. Э.* Статьи, письма, речи, беседы. Ч. 1. С. 226—227.

[62] *Ауслендер С.* Петербург. Художественная жизнь. Театры // Русская художественная летопись. 1912. Нояб. № 17. С. 233.

[63] *Бинокль.* [*Витвицкая Б. И.*] «Предисловие» к сегодняшней премьере «Заложников жизни» (Беседа с режиссером В. Э. Мейерхольдом) // Петербургская газета. 1912. 6 нояб., № 306. С. 7.

на сцене, создавая эффект бесконечного и бессмысленного круговращения обыденной жизни[64].

Иное значение имело «идеальное начало пьесы»[65] — образ «лунной сказки»[66] Лилит (Лилечки Лунагорской), странной, нездешней, неземной, почти бесплотной, некоего воплощения мечты, кажущейся безумной в мире расчета и выгоды. Сценическое воплощение этой героини крайне волновало Сологуба. Он облек эту символическую роль животрепещущей плотью, наделил реальными, бытовыми чертами (Лилит — художница, рисует портреты и пейзажи, свои переживания выражает в танце, ведет прозаические разговоры о «денежках» и «кабачках»).

По мысли автора, Лилит помогает творческим подвигом с помощью мечты и искусства преодолеть тяготы жизни, забыть и победить грубое бытие. В финале, покидая Михаила, она зовет других героев к новым подвигам и свершениям.

Сологуб строил образ Лилит по типу неприкаянных, неземных героинь Мейерхольда периода театра Комиссаржевской (Гедды Габлер, Беатрисы, Мелизанды и др.), подчеркивая в ремарках ее медленные и «странные» движения, ровный, лишенный выразительности голос («говорит тихо, без внешнего пафоса и без замедления слов»[67]), ориентируясь на символистскую теорию «неподвижного театра»[68] и на высказывания Мейерхольда об особой ритмической пластике и о холодной бесстрастности слов в символистском театре[69].

Боготворивший творчество А. Дункан, в котором видел «чудо преображения обычной плоти» в Красоту[70], Сологуб ввел в пьесу танец Лилит, утверждающий связь ее земной жизни с космической гармонией, с идеальным миром.

---

[64] *Слонимская Ю.* Впечатления сезона: «Заложники жизни», пьеса в пяти действиях Федора Сологуба // Ежегодник императорских театров. 1912. № VII. С. 74.

[65] *Бинокль.* [*Витвицкая Б. И.*] Новые постановки В. Э. Мейерхольда... С. 4.

[66] *Сологуб Ф.* Заложники жизни. Драма в пяти действиях. С. 219.

[67] Там же. С. 194.

[68] См.: Театральные термины и понятия: Материалы к словарю. Вып. I. СПб., 2005. С. 149—150; *Метерлинк М.* Сокровище смиренных // Метерлинк М. Полн. собр. соч. Пг., 1915. Т. 1. С. 68—74.

[69] См. записи Мейерхольда, относящиеся к Театру-Студии (1905): «Звук должен падать в глубокую бездну» (*Рудницкий К.* Режиссер Мейерхольд. С. 55); впоследствии, в период театра Комиссаржевской, режиссер неоднократно настаивал на том, что необходима чистая, холодная и отрывистая манера произнесения текста, при которой «слова должны падать с уст словно капли воды на дно глубокого колодца» (Там же. С. 60; см. также: *Веригина В. П.* Воспоминания. Л., 1974. С. 71; *Дейч А.* Немногое, что память сохранила... // Встречи с Мейерхольдом. Сборник воспоминаний. М., 1967. С. 63).

[70] *Сологуб Ф.* Мечта Дон-Кихота (Айседора Дункан) // Золотое руно. 1908. № 1. С. 79.

Однако именно сценическое воплощение идеального образа этой героини вызвало недовольство Сологуба. Режиссер, сосредоточивший внимание на сверхреальности быта, продолжил тот же прием и в трактовке роли Лилит. Задуманный Сологубом ее прощальный, наполненный грустью, медленный танец под звуки «Лунной сонаты» Бетховена Мейерхольд заменил вакхической «бешеной пляской», «вихрем»[71] движений под музыку В. Г. Каратыгина, написанную специально для спектакля. Этот эпизод режиссер построил как бытовой эпизод урока танцев (первоначально предполагалось ввести в спектакль пианистку, переговаривающуюся с Лилит), напоминающий вставной номер. Такое постановочное решение совершенно не соответствовало замыслу Сологуба и вызвало его крайнее раздражение, о чем писатель не замедлил сообщить постановщику в письме, отправленном незадолго до премьеры, и сумел настоять на том, чтобы удалить со сцены абсолютно разрушающую весь тон сцены пианистку, введенную Мейерхольдом для бытовой мотивировки танца.

Режиссер изменил и финал пьесы. Согласно ремарке драматурга, он строился как апофеоз Мечты, воплощением которой была идеальная героиня Лилит: медленно уходил в сторону занавес в глубине комнаты Михаила, открывая «обширный высокий белый зал» с «залитой ярким светом широкой лестницей», на вершину которой была вознесена Лилит, облаченная в черный хитон и увенчанная золотой диадемой и «торжественным светом облито ее лицо». Такой заключительный аккорд придавал особую выразительность заключительным словам героини, акцентируя внимание на ее победе, на продолжении ее пути, ее подвига: «Устала я, устала смертельно. Многие века прошли надо мною, — ко мне зову я человека, — и, свершив подвиг мой, ухожу. И все не увенчана Дульцинея, и путь мой далек предо мною»[72].

В спектакле Мейерхольда этот финал сменила лишенная торжественного пафоса картина: Лилит, проходя вглубь сцены, приподнимала край занавеса, за которым открывался пейзаж, символизирующий ее дальнейший путь; лицо ее освещалось «кругом серебряного света», и она произносила свои печальные заключительные слова[73].

Тем не менее постановка достигла своей цели — ей удалось пробудить в душах зрителей дремавшие благородные чувства, поставить перед обществом острые вопросы. Ведущий театральный критик начала XX века А. Кугель писал о главном достижении постановки: «...важно, что нейтральная публика почувствовала силу и обаяние Сологуба, и не разбираясь в тонкостях литературных направлений,

---

[71] Мейерхольд и другие: Документы и материалы. С. 175—176.

[72] *Сологуб Ф.* Заложники жизни. Драма в пяти действиях. С. 226.

[73] См.: *Ярцев П.* Александринский театр. О представлении «Заложников жизни» // Речь. 1912. 8 (21) нояб. № 307. С. 6; *Гуревич Л.* Петербургские театры. Драма Федора Сологуба // Русские ведомости. 1912. 10 нояб. № 260. С. 2.

прощая ошибки и слабости, поддалась чарам поэта»[74]. Ему вторила Чеботаревская в статье «Чья победа?»: «То, что сейчас в Петербурге нет *равнодушного* читателя и зрителя “Заложников”, <...> то, что о ней спорят, пишут, читают рефераты по всей России, то, что молодежь, чуткая во всех своих восприятиях, после каждого спектакля вызывает к рампе *Лилит*, все это только подтверждение того мнения, что чары ее *властны*, *сладостны* и *мощны*, что победила *Лилит—Мечта*, а не Катя—Жизнь. Это *она* дала силы маленькой группе людей, зажженных ее образом бороться *одним против всех*, это *она* объединила и воодушевила к идейной борьбе режиссера, художника, артистов, всё это сделала она, та, чье имя — Мечта — Вдохновение — Лилит!»[75]

Для Сологуба постановка его произведения на императорской сцене была связана с рядом компромиссов. Не случайно вскоре после премьеры Чеботаревская заявила в печати: «Мы не совсем согласны с реалистическим толкованием роли Лилит»[76]. А по более позднему признанию Сологуба, разделяющего ее мнение о спектакле, постановка была «и радостью и мукой» из-за «самовольства» постановщиков[77]. Однако и Сологуб, и Чеботаревская должны были принять эту сценическую интерпретацию пьесы[78] для того, чтобы «Заложники жизни» увидели свет рампы.

Тем не менее «Заложники жизни» доказали возможность постановки модернистской пьесы на престижной императорской русской сцене и явились серьезным признанием драматического таланта Сологуба.

«Заложники жизни» сплотили актеров вокруг Мейерхольда, которому удалось увлечь их своими постановочными идеями: кто-то уже был занят в его более ранних работах[79], другим предстояло выступить в спектаклях этого режиссера[80], а некоторые с осени 1913 года стали посещать занятия Студии Мейерхольда[81].

---

[74] *Homo novus.* [*Кугель А. Р.*] Заметки // Театр и искусство. 1912. 11 нояб. № 46. С. 903.

[75] *Чеботаревская А.* Чья победа? // Новая жизнь. 1913. № 1. С. 269—282.

[76] *Чеботаревская А.* Петербургские впечатления («Заложники жизни») // Рампа и жизнь. 1912. 18 нояб., № 47. С. 4—5.

[77] Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова. С. 381.

[78] См. заявление Сологуба накануне премьеры: «...я лично очень доволен постановкой» (*Д.* На генеральной репетиции «Заложников жизни» в Александринском театре // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 5 нояб. № 13232. С. 6).

[79] Н. К. Тхоржевская — в «Шуте Тантрисе» Э. Хардта, Н. С. Васильева, Е. И. Тиме и Б. А. Горин-Горяинов — в «Живом трупе» Л. Толстого, Горин-Горяинов — в «Пигмалионе» Б. Шоу (Хиггинс).

[80] П. И. Лешков — в «Стойком принце» П. Кальдерона, Л. А. Чарская — в «Грозе» А. Н. Островского, Горин-Горяинов и Тиме сыграли в «Маскараде» М. Ю. Лермонтова, И. В. Лерский репетировал роль Неизвестного для того же спектакля.

[81] Например, Н. С. Васильева, Лешков, Н. В. Ростова, М. П. Воротынцева.

Постановка имела большую прессу и широко обсуждалась в обществе. А. А. Блок писал о «Заложниках жизни» в дневнике: «...Сологуб изменил самому себе, запутался в собственной биографии. Та, которая здесь зовется Мечтой и Лилит, — в лучшие времена была для Сологуба смертью-утешительницей, и все было тогда для него — верно и стройно. Та же, которая здесь полу-милая Так? Через дефис? жизнь, — была прежде “бабищей дебелой и безобразной”[82]. Женившись и обрившись, Сологуб разучился по-сологубовски любить Смерть и ненавидеть Жизнь»[83]. Этим знаменитым пассажем Блок резко, но точно определил значение творческого содружества Сологуба с Чеботаревской. О том, что Чеботаревская перекроила «по-ненужному» жизнь Сологуба, и «дух отлетел от него», писала Н. А. Тэффи[84].

Под влиянием Чеботаревской повседневная жизнь занимала все большее место в драматургии Сологуба. В период совместного творчества Чеботаревская вторгалась в художественный текст писателя, дополняя и по-своему переиначивая его. В результате символический смысл драматургии Сологуба размывался, банальные жизненные ситуации выходили на первый план.

Этот процесс ярко отразился в новой пьесе, написанной в соавторстве, — «Любовь над безднами». Как свидетельствует переписка, Мейерхольд проявлял большой интерес к новому произведению, завершенному Сологубом по сообщениям прессы, в 1911 году[85]. В первоначальном варианте пьесы рассказывалось о том, как Мечтателя, уединившегося от людей в горах над бездной, покидает возлюбленная, плененная соблазнами земной жизни, и уходит с Человеком земли. Не вынеся разлуки, Мечтатель гибнет. Его возлюбленная и Человек земли признают себя виновными в произошедшей трагедии. Не в силах пережить тяжести содеянного, они находят единственный выход — смерть-избавительницу, добровольный уход из жизни.

В неопубликованном «Предисловии», сохранившемся в архиве Сологуба и относящемся к ранним редакциям драмы «Любовь над безднами», писатель изложил свое понимание конфликта произведения: «В пьесе три главные, символические, почти единственные

---

[82] См. сказочку Сологуба «Плененная смерть» (Книга сказок. М.: Гриф, 1905).

[83] *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 185.

[84] *Тэффи Н. А.* Федор Сологуб // Сологуб Ф. Собр. соч.: В 6 т. М., 2002. Т. 6. С. 472, 474.

[85] Первоначально сообщалось о завершении Сологубом пьесы в трех действиях под названием «Любовь над бездной» (Театр и искусство. 1911. 7 авг. № 32. С. 599). В сентябре 1913 г. была закончена пьеса в четырех действиях «Любовь над безднами», написанная в соавторстве с Чеботаревской (Обозрение театров. 1913. 13 сент. № 2201. С. 16). В конце 1913 г. из печати вышла 22-я книга альманаха «Шиповник», где была впервые опубликована пьеса (СПб., 1914. С. 155—224); перепеч.: *Сологуб Ф.* Собрание пьес. Т. 2. С. 227—299.

лица: Мечтатель, Она и Человек земли. Остальные резко отличаются игрою, — они вводны и реальны. <...>

Основные идеи пьесы: круговая ответственность людей; Мечтателю нет места на земле, где царят грубость и реальность, гонящиеся за ним, отнимающие у него последнее. Но, умирая, он верен себе. Он верит, что искусство должно преобразить мир»[86]. Сологубовская тема противостояния мечты и действительности дополнилась темой «круговой ответственности людей».

Позднее в работу над этим произведением включилась Чеботаревская. Драма была закончена лишь в 1913 году.

Сологуб, переживший тернии постановки «Заложников жизни», заявлял в печати: «Я не собирался изобразить в своей пьесе символическую картину нашей жизни, дать что-либо отвлеченное»[87].

Стремясь сделать произведение более сценичным, авторы пытались обосновать, мотивировать, объяснить на бытовом уровне тезис писателя о смерти-утешительнице, о предопределенности человеческой жизни волей рока. В результате произведение увеличилось на одно действие, сюжет оброс многочисленными подробностями: сгущенной атмосферой большого города, автомобилями, рысаками, продажными дельцами, репортерами, торговцами, сплетнями, интригами и пр. Главные герои получили имена Он (ранее: Мечтатель) и Она (его возлюбленная, ранее: Женщина, Любовь). Человек земли — строитель мостов, железных дорог и хозяин жизни, первоначально напоминавший Михаила из «Заложников жизни», — трансформировался в типичный образ энергичного предпринимателя, не упускающего своей выгоды. Параллельно основному сюжету закручивалась новая интрига: появлялась бывшая возлюбленная Человека земли, фигурирующая в пьесе под именем Другая, — актриса, роковая женщина, которая не может примириться с уходом любимого и устраивает сцену ревности, грозит облить серной кислотой свою соперницу. Пытаясь отомстить покинувшему ее возлюбленному, она направляет мчащийся автомобиль «в бездну» и гибнет. Словом, использовался богатый арсенал неврастенических изломов и мелодраматических эффектов бульварных пьес[88].

---

[86] ИРЛИ. Ф. 289. Оп.1. Ед. хр.198. Л. 87.

[87] [*Б. п.*] «Любовь над безднами» (Новая пьеса Федора Сологуба) [Беседа с Ф. Сологубом] // Новая жизнь (Харбин). 1913. 3 окт. № 254. С. 5.

[88] Ср. в воспоминаниях Н. А. Тэффи: «Работал Сологуб по-прежнему много, но больше все переводил. Новые повести писал в сотрудничестве с Чеботаревской. Они были не совсем удачны, а иногда настолько неудачны и так не чувствовалось в них даже дыхания Сологуба, что многие, в том числе и я, решили, что пишет их одна Чеботаревская, даже без присмотра Сологуба. Впоследствии эта догадка оказалась верной» (*Тэффи Н. А.* Федор Сологуб. С. 481).

В газетном интервью Сологуб объяснял, что пьеса рассматривалась авторами как продолжение «Заложников жизни», осуждающее измену и утверждающее необходимость неразрывной зависимости людей друг от друга. «Но так как жизнь лучше всего испытуется своим верховным пределом — смертью, то и в данном случае ощущение всеобщей ответственности дается в ощущении невозможности жить после того, как наши действия приводят к смерти того, кто был любим, кому изменили»[89].

Риторические, назидательные рассуждения Сологуба на бытовые темы вызвали раздражение критиков. В рецензии на пьесу Г. Чулков писал о том, что «нравоучительная заповедь» Сологуба напоминает «решение какой-то логической, алгебраической задачи», не совпадающей с правдой реальной жизни, не совсем оправданной психологически, недостаточно убедительной[90].

Чулкову вторил известный киевский критик И. В. Джонсон (Иванов), озаглавивший свою статью о пьесе «Драма алгебраических знаков». Объявив Сологуба проповедником, моралистом, а его пьесу тенденциозной, «драматизированной формулой», не имеющей «ни плоти, ни крови», он заявлял: «Сологуб хотел написать пьесу с отвлеченными персонажами, почти алгебраическими знаками, должно быть, для того, чтобы “случайные признаки”, которые, именно, и придают жизнь художественным образам, не затемнили авторской идеи»[91].

Столь же критически высказался о пьесе Е. Лундберг, увидевший в ней «упрощенные силуэты», вследствие чего «язык лишен обычной сологубовской сочности и сознательно банален. То же можно сказать и о так называемых “символах”. И язык, и силуэты действующих лиц принесены в жертву обнаженности темы»[92].

Отзывы Мейерхольда, как уже упоминалось, проявлявшего большой интерес к пьесе до знакомства с ней, ни в переписке, ни в печати не обнаружены. Можно лишь предположить, что по прочтении она не пробудила у режиссера намерения осуществить ее постановку. К переговорам по поводу включения этой пьесы в репертуар императорских театров был привлечен молодой режиссер Ю. Л. Ракитин.

Возможно, пьеса «Любовь над безднами» послужила причиной осложнения отношений Сологуба и Чеботаревской с Мейерхольдом, начавшегося весной 1915 года и отразившегося в переписке. Под-

---

[89] [*Б. п.*] «Любовь над безднами» (Новая пьеса Федора Сологуба). [Беседа с Ф. Сологубом]. С. 5.

[90] *Чулков Г.* Глухие выстрелы // Отклики: Литература, искусство, наука. 1914. № 1. С. 4—6 (Бесплатное приложение к газете «День», 9 янв. № 8).

[91] *Джонсон И.* Драма алгебраических знаков // Киевская мысль. 1914. 3 апр. № 93. С. 3.

[92] *Лундберг Е.* Две драмы (Альманах изд-ва «Шиповник», кн. 22) // Заветы. 1914. № 2. С. 8—11 (3-я паг.).

тверждением этого служат также и распространившиеся слухи о последовавшей осенью этого года ссоре Мейерхольда с Сологубом[93].

Художественная и гражданская позиции Сологуба, отразившиеся в его драматургии, были сформулированы им во вступительном слове на диспуте о современной литературе 20 января 1914 года[94] и в статье «Искусство наших дней»[95]. «Конкретизацией мечты о преображении жизни»[96] становится Первая мировая война, изменившая жизнь Сологуба и его жены, пробудившая их общественную активность. Писатель видел в войне стимул для разрешения проблем политической и нравственной жизни, для духовного возрождения русского общества. В годы войны Сологубом написано большое количество патриотических произведений, отражающих события реальной жизни. Одновременно из его драматургии ушли любимые символистские темы.

В это время писатель и его жена много времени уделяли устройству всевозможных вечеров, организовывали художественные диспуты, в которых участвовал и Мейерхольд[97].

Следующая пьеса Сологуба и Чеботаревской, «Камень, брошенный в воду», была закончена в сентябре 1915 года[98]. В ней нет ни мистического рационализма, ни морализаторской заданности. Действие разворачивается в приволжской усадьбе, куда на лето приезжают две молодые пары. Между героями завязываются сложные отношения, постепенно приближающие их к адюльтеру. Начавшаяся война останавливает это движение по опасному пути, герои обретают смысл жизни.

---

[93] 1 октября 1915 г. Н. А. Котляревский сообщал актрисе Александринского театра В. С. Враской: «Вчера у Екатерины Павловны [Корчагиной-Александровской] встретил Сологуба и из разговоров понял, что он с Дапертутто [Мейерхольдом] переругался. Неужели?» (*Котляревский Н. А.* Письмо к Враской В. С. 1 октября 1915 г. // ИРЛИ. Ф. 454. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 22).

[94] *Сологуб Ф.* Вступительное слово на диспуте о современной литературе // Заветы. 1914. Кн. 2. Отд. 2. С. 71—77; перепеч.: *Сологуб Ф.* Собр. соч.: В 6 т. М., 2002. Т. 6. С 400—406.

[95] *Сологуб. Ф.* Искусство наших дней // Русская мысль. 1915. № 12. Отд. 2. С. 35—62; перепеч.: *Сологуб Ф.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. С. 411—444.

[96] *Герасимов Ю. К.* Драматургия символизма // История русской драматургии: Вторая половина XIX — начало XX века. До 1917 г. Л., 1987. С. 592.

[97] См.: *Чеботаревская Ан.* О театральных диспутах (СПб., 27 ноября и 21 декабря 1913 г.; Москва, 30 января 1914 г.) // Любовь к трем апельсинам (1914—1916): В 2 т. СПб., 1914. Т. 1. С. 166—168.

[98] В сентябре 1915 г. в печати сообщалось о завершении работы Сологуба и Чеботаревской над пьесой «Семья Воронцовых», позднее получившей новое название «Камень, брошенный в бездну» ([*Б. п.*] Новая пьеса Ф. К. Сологуба // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1915. 23 сент. № 15106. С. 4). Драматические сцены в четырех действиях Сологуба и Чеботаревской «Камень, брошенный в воду (Семья Воронцовых)» были впервые опубликованы в 1915 г. в серии изданий журнала «Театр и искусство»; перепеч.: *Сологуб Ф.* Собрание пьес. Т. 2. С. 317—383.

Пьеса пронизана воинственным патриотизмом, напыщенным пафосом, снижающими художественный уровень произведения: «Великие испытания ждут нашу страну... Мы должны с радостью пойти навстречу ее судьбе», «Я с радостью пойду послужить родине в такой час. Умереть в открытом бою...», «Только там и жизнь, а здесь у нас прозябанье».

Пьесу передали Мейерхольду после того, как она получила одобрение Теляковского. Отзыв режиссера на это произведение не обнаружен, словно он избегал высказываться о пьесе, написанной совместно двумя авторами.

Современники оценили «Камень, брошенный в воду» негативно. Вероятно, об этом произведении 18 октября 1915 года упоминал в дневнике К. А. Сомов: «Звонил Сологуб, пригласил на вечер чтения его и ее (А. Чеботаревской) пьесы. Пришел ко второй половине чтения пьесы. Ужасно пошло и безвкусно, конечно, война — фон, на котором все происходит. Читал к тому же Сологуб, более Настино, чем его, он только ее рекупировал»[99]. А. А. Измайлов в своих традиционных очерках о новых литературных произведениях Сологуба воздержался от оценки этого произведения[100]. Пресса писала: «...это не пьеса, это — ряд сентенций в лицах, и по поводу свободы любви и личности, и по поводу смысла и значения войны, <...> словом, конгломерат философии и суждений авторов, вместе с тем, что-то детски-наивное, сентиментальное, беспомощно-назидательное...»[101].

Из писем Мейерхольда следует, что гораздо больший его интерес, чем произведения, написанные Сологубом и Чеботаревской в соавторстве, вызывала переделанная из повести «Барышня Лиза» пьеса Сологуба «Узор из роз»[102]. В этом произведении, пронизанном тонкой иронией, автор пародировал идеализированную жизнь крепостной усадьбы, дискредитируя не только ее, но и связанный с ней более актуальный пафос социального обличения. Однако поставить Мейерхольду новую драму было не суждено: в ноябре 1916 года Сологуб переслал ее В. И. Немировичу-Данченко, в декабре этого же года

---

[99] Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников / Сост., вступ. статья и примеч. Ю. Н. Подкопаевой и А. Н. Свешниковой. М., 1979. С. 148.

[100] Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 261, 264—265.

[101] *Ф. М.* «Камень, брошенный в воду». Драматические сцены в 4 д<ействиях> Ф. Сологуба и Чеботаревской // Южный край. 1915. 21 нояб. № 13054. С. 6; цит. по: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым. С. 268—269.

[102] *Сологуб Ф.* Узор из роз. М.: 2-я студия МХАТ. 1920; перепеч: *Сологуб Ф.* Узор из роз. Драма в пяти действиях и семи картинах // Сологуб Ф. Собрание пьес. Т. 2. С. 434—513.

она была принята к постановке в МХТ, которая была осуществлена в 1920 году[103].

Несмотря на периодически обострявшиеся отношения из-за обидчивости и мнительности Сологуба, вне театра до октября 1917 года художники занимали позицию творческого единомыслия. Известный писатель оказывал поддержку Мейерхольду в сложных ситуациях: участвовал на его стороне в третейском суде с В. Ф. Комиссаржевской, защищал режиссера и позднее. Особенно это проявилось после театрального диспута 27 ноября 1913 года, которому предшествовала постановка на императорской сцене бытовой пьесы И. Д. Сургучева[104] «Торговый дом», оцененной как альтернатива «нетеатральности» «Заложников жизни» Сологуба, как произведение, написанное по законам сцены[105]. Выступая на диспуте, Мейерхольд позволил себе неосторожные высказывания по поводу «Торгового дома». В первых отзывах на диспут не было упоминаний об этом[106]. Лишь в отклике А. Р. Кугеля отмечалось: «Мейерхольд обращается к аудитории со словами (текстуально): "наберите моченых яблок и приходите в театр". В устах режиссера казенного театра это звучит особенно пикантно»[107]. Спустя две недели конфликт обострился. 10 декабря корифеи Александринского театра заявили о нетактичности высказывания Мейерхольда[108] и о своем решении воздержаться от участия в пьесах, которые тот будет ставить, до тех пор, пока не будут опровергнуты газетные сообщения[109]. На следующий день, 15 декабря, в двух петербургских газетах было напечатано открытое письмо Мейерхольда и Сологуба, вынужденных заявить, что во время диспута «не было употреблено никаких неуважительных выражений по адресу артистов Александринского театра»[110].

Сотрудничество писателя и режиссера продолжалось в руководимых ими журналах: Сологуб и Чеботаревская печатали свои

---

[103] *Галанина Ю.* Пьеса Ф. Сологуба «Узор из роз» и Московский художественный театр // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации. Материалы IV Международной научной конференции / Сост. М. М. Павловой. С. 17—38.

[104] Сургучев Илья Дмитриевич (1881—1956) — драматург, публицист, прозаик, близкий к кругу «писателей-знаньевцев».

[105] *Батюшков Ф.* Новая пьеса // Речь. 1912. 5 (18) нояб. № 304.

[106] См.: *Мейерхольд В. Э.* Выступление в зале Калашниковской биржи на диспуте о современном театре и записи, сделанные на диспуте. 27 ноября 1913 г. // РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 432.

[107] *Homo novus.* [*Кугель А. Р.*] Заметки // Театр и искусство. 1913. 1 дек. № 48. С. 988.

[108] *Волков Н.* Мейерхольд: В 2 т. Т. 2: 1908—1917. С. 326—239; [*Б. п.*] *К* инциденту с г. Мейерхольдом // Петербургская газета. 1913. 12 дек. № 341. С. 15.

[109] [*Б. п.*] Театр и музыка // День. 1913. 14 дек. № 339. С. 4 (раздел «Хроника»).

[110] Петербургская газета. 1913. 15 дек. № 344. С. 11; День. 1913. 15 дек. № 340. С. 5.

произведения в театральном журнале Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам»[111], предполагалось участие Мейерхольда в журнале Сологуба и Чеботаревской «Дневники писателей» и в «Вестнике Союза деятелей искусств». Мейерхольд принимал участие в вечерах, организованных Сологубом в годы войны, привлек писателя к съемке фильма по его роману «Навьи чары».

Февральскую революцию оба художника восприняли как единомышленники. 12 марта 1917 года они приняли участие в грандиозном митинге в Михайловском театре, на котором был выражен протест против государственного руководства делами искусств (комиссии М. Горького и А. Н. Бенуа) и учрежден Союз деятелей искусств. Союз был создан для организации и сплочения культурных сил страны и для планировавшегося коллегиального руководства культурой[112]. Включившись в деятельность Союза деятелей искусств (СДИ), Сологуб и Мейерхольд были избраны в его руководящий орган — Комитет временных уполномоченных Союза.

Писатель и режиссер приняли активное участие в работе по культурному строительству: Сологуб, развернувший активную деятельность в СДИ, возглавил Комиссию по организации лекций, посвященных историческому и художественному значению памятников искусства; Мейерхольд, осуществивший в канун революции знаменитую постановку пьесы М. Ю. Лермонтова «Маскарад», которая прозвучала как «реквием империи», «панихида миру, погибавшему в эти дни»[113], выступил инициатором создания Союза мастеров сценических постановок[114].

После Октябрьского переворота Сологуб вынужден был довольствоваться периодическими гонорарами за публикации статьей на злободневные темы, участвовал в литературных вечерах, редактировал переводы в издательстве «Всемирная литература».

Мейерхольд наряду с Блоком, Маяковским и др. был среди тех, кто первым отозвался на призыв сотрудничать с новой властью. С начала

---

[111] В журнале были опубликованы стихи Сологуба, статья Чеботаревской, также они предоставляли сведения для публикации в «Хронике» журнала (см. недатированное письмо Чеботаревской к Мейерхольду, относящееся к концу марта 1914 г.).

[112] См.: *Павлова М. М.* Федор Сологуб: Выступление в Академии художеств 31 марта 1917 года // De visu. 1994 № 1/2. С. 40—41; *Перхин В. В.* Союз деятелей искусства и его литературная курия (1917—1918 гг.): Из хроники событий // Из истории литературных объединений Петрограда—Ленинграда 1910—1930-х годов: Исследования и материалы. СПб.: Наука, 2002. Кн. 1. С. 47—124.

[113] *Рудницкий К.* Режиссер Мейерхольд. С. 203.

[114] Биржевые ведомости. 1917 (утр. вып.). 1917. 26 июля. № 16354. С. 6. См. также: *Мейерхольд В. Э.* Переписка: 1896—1939. С. 396; *Лапшин В. П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 360—361, 387.

1918 года он был одним из руководителей Театрального отдела Наркомпроса, участвовал в многочисленных организациях и начинаниях в области культурной жизни.

Несмотря на антагонизм Сологуба по отношению к новой власти, между писателем и режиссером сохранялись прежние доброжелательные отношения. Мейерхольд упоминал в одном из писем к Сологубу: «Часто вспоминаю о Вашем доме, где текли такие радостные дни и ночи»[115].

В 1918 году был создан Театральный отдел Наркомпроса (ТЕО), его возглавила О. Д. Каменева[116], Мейерхольд активно сотрудничал в работе ТЕО и различных его секций. Под эгидой Театрального отдела Наркомпроса вышла из печати любимая пьеса Мейерхольда — сологубовский «Дар мудрых пчел» (Пг., 1918). В середине сентября 1918 года ТЕО был переведен в Москву[117]. С этого времени руководство Петроградским отделом театров и зрелищ (позднее — Петроградское театральное отделение — ПТО) перешло к М. Ф. Андреевой. 1918—1919 годы были периодом сосуществования двух дублирующих деятельность друг друга театральных отделов, московского и петроградского, и соперничества возглавляющих их Каменевой и Андреевой. 6 января 1919 года А. А. Блок в дневниковой записи упоминал «борьбу двух отделов и двух дам»[118]. Вероятно, именно к этому периоду относится стихотворный экспромт Сологуба, сохранившийся в архиве Мейерхольда и свидетельствующий о доверительности их отношений:

— Получи от нас мандат! —
Бабы члену говорят.
Член немедленно встает
И от баб мандат берет.

Но случился тут феномен, —
Всякий орган автономен,
И с мандатами у баб
Очень скоро член ослаб.

Занялися члены вздором,
И у них растаял кворум,
И, мандатами богат,
Лишь один сидит собрат.

---

[115] См. п. 162.

[116] Каменева Ольга Давыдовна (урожд. Бронштейн; 1883—1941) — сестра Л. Д. Троцкого и первая жена Л. Б. Каменева; с января 1918 г. — председатель бюро Театрального совета Наркомпроса, заведующая Театральным отделом Наркомпроса со времени его образования до июля 1919 г.

[117] Советский театр: Документы и материалы. Русский советский театр 1917—1921. Л., 1968. С. 74, 76.

[118] *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 354.

(На конверте надпись Мейерхольда: «Рукопись Сологуба. Порнограф<ические> стихи Ф. Сологуба (экспромты)»)[119].

В 1917—1921 годах автор «Заложников жизни» неоднократно напоминал режиссеру о поставленной им в Александринском театре пьесе, тема которой — «строительство новой жизни» — обретала особую актуальность в послеоктябрьской России[120]. В 1921 году планировалась постановка этой пьесы в Москве. Трагическая смерть Ан. Н. Чеботаревской не дала осуществиться этим планам.

11 феврале 1924 года в Александринском театре торжественно праздновалось 40-летие литературной деятельности Сологуба. Поэт был избран почетным членом Всероссийского союза поэтов и других организаций. Мейерхольд отозвался на это событие приветственной телеграммой, в которой высоко оценил значение творчества писателя:

ЖУТКОЕ ЭХО ПРЕЖНЕЙ РОССИИ ВАШИ КНИГИ ЛУЧШИЙ ХЛЫСТ ОТСТАЛЫМ НА ПУТИ К НОВОМУ БЫТУ СОЛОГУБУ АВТОРУ МЕЛКОГО БЕСА ТЕАТР И МАСТЕРСКИЕ ВСЕВОЛОДА МЕЙЕРХОЛЬДА[121].

Однако к концу 1920-х годов желание расквитаться с прошлым теряет свою привлекательность для Мейерхольда. В творчестве художника все яснее обнаруживались трагедийные мотивы, нарастал конфликт с современностью, сближающий его с Сологубом.

Публикуемая переписка Сологуба и Чеботаревской с Мейерхольдом позволяет проследить историю взаимоотношений этих художников как отражение художественной жизни России первой трети XX века. Мейерхольдом была раскрыта оригинальность и своеобразие драматургии писателя, произведения которого заняли заметное место в русской культуре начала XX века. В свою очередь творческий метод Сологуба оказал влияние на формирование новой театральной системы режиссера-реформатора, устремленной к преображению реальности с помощью искусства.

Письма Сологуба, Чеботаревской и Мейерхольда печатаются по автографам, хранящимся (за исключением нескольких специально оговоренных документов) в фонде Ф. Сологуба в ИРЛИ (Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452 — Мейерхольда к Сологубу; Там же. Оп. 5. Ед. хр. 160 —

---

[119] *Сологуб Ф.* Стихотворный экспромт. [1917—1918] // РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 3097. Впервые опубл.: Из поздних замыслов Федора Сологуба. Фрагмент романа «Опостен» (1925—1926) / Публ. М. Павловой // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. С. 510.

[120] В начале 1921 г. Сологуб писал Мейерхольду: «Мне кажется, волевое упорство строителя Михаила вполне подходит к тому, что надо современности. Его монолог (Я буду строить новую жизнь) — это и есть то, что надо повторять» (п. 161).

[121] Телеграмма-приветствие Ф. Сологубу по случаю 40-летия его литературной деятельности. 11 февраля 1924 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 159.

Мейерхольда к Чеботаревской) и в фонде Мейерхольда в РГАЛИ (Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383—2384 — Сологуба к Мейерхольду; Там же. Оп. 1. Ед. хр. 2569 — Чеботаревской к Мейерхольду). Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами. Подчеркивания в тексте обозначены курсивом. Восстановленные зачеркнутые слова вводятся в прямых скобках; редакторские конъектуры — в угловых. Недатированные письма расположены по хронологии в соответствии с оговоренной в примечаниях атрибуцией.

1906

1
Сологуб — Мейерхольду
17 декабря 1906 года. Петербург

17 окт<ября> 1906 г<ода>

Многоуважаемый

Всеволод Эмильевич,

К этой субботе, 21 октября, я не сумею приготовить мою трагедию[1]. Я ее почти кончил, работы осталось мало, но, к сожалению, не все мое время достаточно свободно. Если Вы пожелаете, после 22 октября[2] я прочту у Вас в какой угодно вечер мою трагедию. Она называется «Дар мудрых пчел»[3].

С истинным уважением,

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 1—2.

На именной почтовой бумаге. Адрес: СПб. В. О., 7 линия, 20[4].

[1] Речь идет о трагедии Сологуба «Дар мудрых пчел».

[2] Сологуб предполагал предварить выступление в театре публичным чтением пьесы на литературно-художественном «воскресенье» в Андреевском училище, которые с 1899 г. устраивал для узкого круга приглашенных в своей квартире. 8 октября автор читал первое и второе действия (присутствовало 15 человек, в числе которых были Е. В. Аничков, А. А. Блок, Ю. Н. Верховский, С. М. Городецкий, О. И. Дымов (И. И. Перельман), В. И. Иванов, Г. И. Чулков и др.). 22 октября было прочитано все произведение полностью (присутствовали 22 человека из 34 приглашенных), в том числе М. А. Волошин, П. С. Соловьева, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, Л. И. Андрусон, Я. В. Годин, А. Л. Флексер (Волынский) и др. Мейерхольд на чтении отсутствовал (см. публикацию «Тетрадей посещений» в наст. изд. С. 000).

[3] Трагедия Сологуба «Дар мудрых пчел» является одной из трех русских модернистских пьес на тему античного мифа о царице фессалийского города Филака Лаодамии (см.: *Силард Л.* Античная Ленора в XX веке (К вопросу об античном наследии в русском символизме) // Studia Slavica Hungarica. XXVIII. 1982. С. 313—331). Кроме произведения Сологуба этот сюжет отражен в трагедии И. Ф. Анненского «Лаодамия» (1902, опубл.: Северная речь. 1906. С. 137—208) и В. Я. Брюсова «Протесилай умерший» (Русская мысль. 1913. № 9. С. 1—31). В 1899 г. польский драматург модернистской ориентации Станислав Выспянский создал свою трагедию «Протесилай и Лаодамия» (русский перевод 1911 г. в кн.: *Щепкина-Куперник Т. Л.* Драматические переводы. М., 1911. Т. 2. С. 72—121). Согласно характеристике историка драматургии, «<...> Анненский создал стилизованную, “условно-античную” трагедию, <...> Сологуб — образец символической мистерии, <...> Брюсов реставрировал древнюю форму трагедии, подчиняя ее законам “новой драмы” ...» (*Бабичева Ю. В.* «Новая драма» в России начала XX века // История русской драматургии. Вторая половина XIX — начало XX века. До 1987 г. Л., 1987. С. 491). По свидетельству Сологуба, в основу его трагедии легла статья Ф. Ф. Зелинского «Античная Ленора» (Вестник Европы. 1906. № 3. С. 167—193). М. Волошин, назвавший трагедию Сологуба «одним из прекраснейших произведений нашего времени» (М. Волошин и Ф. Сологуб. /

Публ. В. П. Купченко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 158), писал о ней: «Мертвенным классическим совершенством веет и от замысла, и от строгой простоты этой трагедии. Как послушный, гибкий воск, гнется русская речь под руками ваятеля. Это законченность священной чаши, из которой подобает производить возлияние только подземным богам. На лице самого поэта надета золотая маска» (*Волошин М.* Лики творчества. Л., 1988. С. 437).

[4] Адрес Андреевского городского мужского четырехклассного училища, где Сологуб служил учителем-инспектором.

2
Сологуб — Мейерхольду
24 декабря 1906 года. Петербург

24 октяб<ря> 1906 г<ода>

Многоуважаемый
Всеволод Эмильевич,

Моя пьеса закончена. Ее название: «Дар мудрых пчел», трагедия в 5 действиях. Будьте добры уведомить меня, желаете ли, чтобы я прочитал ее в ближайшую субботу[1]. С истинным уважением,

Федор Тетерников.

P. S. Как жаль, что Вы не хотите посетить меня ни в одно воскресенье! Право, соберитесь когда-нибудь, — буду очень рад.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 3.

На именной почтовой бумаге.

[1] 28 октября 1906 г. на «субботе» в театре Комиссаржевской кроме Сологуба свои стихи читали Вяч. И. Иванов и приехавший из Москвы В. Я. Брюсов (см.: *Рыбакова Ю. П.* В. Ф. Комиссаржевская. Летопись жизни и творчества. СПб., 1994. С. 335). К. Эрберг в воспоминаниях описывал этот вечер так: «...Сологуба <...> посадили на какое-то возвышение, откуда он, сидя, вернее, полулежа на мягкой кушетке, должен был читать свою трагедию, освещенный почему-то свечами. “Посмотрите на Федора Кузьмича, — говорил я подошедшей Комиссаржевской, — и ему неудобно, и нам с Вами за него неудобно. И потом к чему эта рампа, эта театральщина. В фойе рампа губит и читающего и читаемое. А слушающие чувствуют себя не “у камелька” (foyer — очаг), а на каком-то зрелище. Надо подчеркнуть, что мы здесь собрались для дружеского объединения. Между тем эстрада и рампа (свечи) портят все”. — “Да, Вы правы, — говорила Вера Федоровна, — так никакого понимания друг друга у нас не выйдет. Я просто голову теряю!”» (*Эрберг К. (Сюннерберг К. А.).* Воспоминания // Лавров А. В., Гречишкин С. С. Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб.: Скифия, 2004. С. 229). Этот же вечер вспоминала А. Тыркова-Вильямс в мемуарах «Тени минувшего»: «Вера Федоровна <Комиссаржевская> с большим юмором рассказывала мне, что, открывая театр, она решила устраивать у себя в фойэ вечера, посвященные современным русским поэтам.

— Я начала с Федора Сологуба. Читала я его усердно, но мы не встречались. В его стихах такая классическая прозрачность, значит фойэ надо устроить на классический лад. Мы расставили греческие бюсты, бутафорские, но все-таки Элладой пахнет. Долго обсуждали, на что мы Сологуба посадим? Что для него приготовить? Кресло? Ложе? И вот Сологуб вошел. Я увидала невзрачного, лысого человека. Черная широкая тесемочка от пенснэ через все лицо. А на носу огромная бородавка.

Как я была счастлива, что мы для него все-таки приготовили кресло, а не ложе. Ну, подумайте, как бы это было, Сологуб, возлежащий на античном ложе?!

Она смеялась молодым, серебристым смехом, таким же пленительным в жизни, как на сцене, и, лукаво глядя на меня умными, сияющими глазами, прибавила:

— Ну а венок лавровый мы все-таки умудрились ему приготовить и на него напялить.

Я на этом аттическом приеме не была и не знаю, выдумала она этот венок, как иногда хорошие, даже правдивые, рассказчики присочиняют живописную подробность, или действительно лысина Сологуба была в тот вечер увенчана лаврами» (*Тыркова-Вильямс А.* Тени минувшего: Вокруг Башни // Возрождение (Париж). 1955. № 42. С. 84).

Другие мемуаристы дополняли историю первого публичного выступления Сологуба. В. П. Веригина писала: «Театр ремонтировался, и гостей пришлось принимать на Мастерской в помещении Латышского клуба, там же, где шли репетиции. Мейерхольд и Пронин попросили художника Н. Н. Сапунова как-нибудь украсить нескладную комнату с узкой эстрадой. Все были удивлены его изобретательностью. Голубое ажурное полотно, напоминавшее причудливо сплетенную сеть, окутало стены. Это была часть декорации из “Гедды Габлер”. Убогая кушетка закрылась ковром. На покрытом темным сукном столе стояли две красные свечи, которые были зажжены, когда Федор Сологуб начал читать свою пьесу “Дар мудрых пчел”. Труппа собралась заранее. Настроение было праздничное, приподнятое» (*Веригина В. П.* В театре на Офицерской // Вера Федоровна Комиссаржевская. Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы. Л.; М., 1964. С. 265—266). М. А. Кузмин упоминал этот вечер в своем дневнике: «У Комиссарж<евской> было устроено убранство Судейкиным очень хорошо. <...> Трагедия была интересна, но скучновата для публичного чтения, притом Сологуб читал как архиерей на 12 еванг<елиях>» (*Кузмин М.* Дневник 1905—1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 251).

Более пространное, беллетризированное описание этой «субботы» содержится в повести Кузмина «Картонный домик»: «В глубине длинного зала, украшенного камелиями в кадушках, серо-зелеными полотнами и голубыми фонарями, на ложе, приготовленном будто для Венеры или царицы Клеопатры, полулежал седой человек, медлительным старческим голосом, как архимандрит в Великий Четверг, возглашая:

— Любезная царица наша Алькеста, мольбы бессонных ночей твоих услышаны богами, вернется цветущее радостное здоровье супруга твоего царя Адмета (Кузмин в своем произведении использованный Сологубом сюжет о Лаодамии и Протесилае заменяет мифом об Адмете и Алкестиде. — *Ю. Г.*).

— Зачем Вы устроили ему такое поэтическое ложе?

— Я же не знал, какого он вида и возраста» (*Кузмин М.* Картонный домик // Белые ночи: Петербургский альманах. СПб., 1907. С. 123—125). О неприязненном отношении Сологуба к произведению Кузмина см.: *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М., 1996. С. 120).

3
Сологуб — Мейерхольду
1 ноября 1906 года. Петербург

1 ноября 1906 г<ода>

Многоуважаемый
Всеволод Эмильевич,

Посылаю Вам «Дар мудрых пчел». Очень извиняюсь за поправки карандашом и пером на некоторых страничках[1]. Это произошло из-за

того, что болезнь моего переписчика замедлила переписку, и потому я не успел заменить новыми все неисправленные листки.

Преданный Вам

Федор Тетерников.

P. S. А когда надлежит делать взнос за места[2], которые Вы были любезны записать за мною?

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 4.

На именной почтовой бумаге.

[1] Рукописи трагедии «Дар мудрых пчел» хранятся в архиве Сологуба в Пушкинском Доме (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 190). В архиве Мейерхольда находится переработанная для сцены трагедия Сологуба «Очарованный кумир (Дар мудрых пчел)» (РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 3096).

[2] В связи с предстоящим открытием сезона в театре Комиссаржевской была объявлена запись на абонементы. На последней «субботе» в театре 28 октября велась запись на абонементы для «друзей» театра (*Кузмин М.* Дневник 1905—1907. С. 251).

4
Мейерхольд — Сологубу
4 ноября 1906 года. Петербург

4 ноября 1906 <года>

Многоуважаемый
Федор Кузьмич!

«Дар мудрых пчел» получил.

Еще просьба: пришлите нам, пожалуйста, то драматическое произведение Ваше, которое Вы читали у себя в прошедшее воскресенье[1]. Может быть, мы сумеем разыграть его <sic!> на одной из наших «суббот»[2].

Относительно времени взноса за места, которые я записал Вам[3], будьте любезны проследить по газетам: будет объявление о записях от театра.

В воскресенье вечером у нас 1-ая генеральная репетиция пьесы «В городе»[4]. Если репетиция окончится до 11-ти, буду у Вас непременно[5]. Если не приеду к Вам, знайте, что я рвался к Вам, но... дела не пустили. Ваш всей душой

Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 1—2.

[1] 29 октября на очередном «воскресенье» Сологуб читал свою драму в двух действиях «Любви» (Перевал. 1907. № 8/9. С. 51—58) в присутствии 11 человек, среди которых были Ю. Н. Верховский, М. В. Добужинский, П. П. Потемкин, К. А. Сюннерберг, Г. И. Чулков, В. А. Щеголева и др. Мейерхольда не было на этом чтении (см. «Тетради посещений». С. 000). Эта пьеса Сологуба трактовала тему любви отца к дочери как мятеж человеческой личности против мещанских условностей морали и вызвала резкое неприятие критики (см.: Театр и искусство. 1906.

12 нояб. № 46. С 706; *Дмитриев П.* Журнальное обозрение // Образование. 1907. Кн. XI. С. 111—113).

[2] С открытием сезона 10 ноября 1906 г. в Драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской театральные «субботы» прекратились.

[3] На открытие сезона в Драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской.

[4] Премьера пьесы С. Юшкевича «В городе» в театре Комиссаржевской состоялась 13 ноября.

[5] В записях Сологуба о посещении его разными лицами упомянуто, что на чтении 5 ноября было приглашено 29 человек, среди которых названо имя Мейерхольда. Собралось 22 человека, в том числе «Мейер<хольд>, его жена и еще кто-то» (возможно, Е. М. Мунт или В. В. Веригина), А. А. Блок, Н. А. Бердяев, Ю. Н. Верховский, В. А. Пестовский (Пяст), А. Л. Волынский, Г. И. Чулков и др. В этот день Сологуб читал мистерию «Литургия мне» (М., 1907) и стихи, затем свои произведения читали Л. И. Андрусон, Блок, Верховский, Л. Н. Вилькина, Я. В. Годин, Пяст и Чулков (см. «Тетради посещений». С. 000). «Литургия мне» — программное произведение Сологуба, предваряющее идеи и темы, развитые в его первом теоретическом выступлении о театре — статье «Театр одной воли». Сологуб считал это произведение образцом «литургической мистерии», необходимой для возрождения современного театра. В газетном интервью он заявлял: «Старая драма не может больше удовлетворять современного человека. Драма, бывшая вначале религиозной мистерией, ставшая затем игрою, зрелищем, неизбежно должна снова стать мистерией, литургией, в которой человек обрел бы соборность, стал бы экстатическим участником того, что происходит на сцене, а не холодным, скучающим, равнодушным, а в лучшем случае — только тронутым зрителем. <...> Новая драма должна вернуть новому зрителю эту порвавшуюся связь между ним и сценой, слить зрителя и актера в едином порыве тоски и экстаза. Это может быть только литургическая мистерия» (*Поляков С. У* Федора Сологуба // Русское слово. 1907. 10 окт. № 232. С. 3). См. также: Газета Шебуева. [1906]. № 2. С. 4.

5
Сологуб — Мейерхольду
30 ноября 1906 года. Петербург

30 ноября 1906 г<ода>

Многоуважаемый
Всеволод Эмильевич,

Сегодня днем я был у Вас, да не застал Вас дома. Хотел спросить Вас, как решили Вы относительно «Дара мудрых пчел». Не знаю, годится ли моя трагедия для Вашего театра, — но, насколько я понимаю, Ваш театр именно такой, на котором мне приятно было бы ее видеть, потому что у Вас она была бы поставлена и исполнена наиболее, мне кажется, близко к тому, что мне мечталось, когда я ее писал. Она громоздка, может быть, и ее следовало бы для постановки несколько сократить[1]. Я ее думаю напечатать, — м. б., в «Золотом Руне»[2]. Если Вы имеете на нее какие-нибудь намерения, то, при случае, будьте любезны

мне об этом сообщить — тогда я Вам пришлю другой список ее, в той редакции (несколько измененной против того списка, который у Вас), которую я приготовил для печати. Очень буду рад, если Вы соберетесь ко мне в воскресенье[3]. Каждое воскресенье жду Вас, и до сих пор еще не дождался. Знаю, что Вы очень заняты[4], и все-таки надеюсь, что Вы найдете какой-нибудь свободный час.

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 5—6 об.

На именной почтовой бумаге.

[1] Мейерхольд, считавший «тяжеловесность» одним из недостатков современного театра (РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 386. Л. 5), вероятно, поддержал мнение Сологуба о необходимости сокращения пьесы (см. вступ. статью).

[2] В журнале «Золотое руно» (1906—1909) Сологуб ранее печатал свои стихотворения и прозу, рецензии, также в этом издании публиковались рецензии на его книги.

[3] В списке присутствовавших на «воскресеньях» Сологуба 12, 19 и 26 ноября 1906 г. имя Мейерхольда не упоминается (на чтении 26 ноября, где читали свои стихи Сологуб, М. А. Волошин, Ю. Н. Верховский, С. М. Городецкий и другие, присутствовала актриса театра Комиссаржевской Е. М. Мунт — свояченица Мейерхольда). Режиссер, его жена О. М. Мунт и актрисы театра Комиссаржевской — В. П. Веригина и Е. М. Мунт — были на следующем «воскресенье» у Сологуба — 3 декабря (см. «Тетради посещений». С. 000).

[4] Мейерхольд в это время был занят подготовкой четвертого спектакля сезона — пьесы С. Пшибышевского «Вечная сказка», премьера которого состоялась 4 декабря.

6
Сологуб — Мейерхольду
18 декабря 1906 года. Петербург

18 дек<абря> 1906 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Как жаль, что Вы вчера[1] не были, — и Вы, и никто из Ваших. — Посылаю первый акт, бывшие 1 и 2: есть перестановки, сокращения, кое-что, — мало — нового. М. б., можно еще сократить. А что остальные акты? Когда можно поговорить с Вами об этом? По всей вероятности, и там придется кое-что изменить.

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 7—8.

На именной почтовой бумаге.

[1] См. «Тетради посещений». С. 000.

7
Сологуб — Мейерхольду
22 декабря 1906 года. Петербург

22 дек<абря> 1906 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Утром получил Ваше письмо и 4-й акт (бывший 5-й). Исправил его, сообразно Вашим замечаниям, его переписали, и в субботу — завтра — утром отнесут к Вам. Буду очень рад, если изменения Вас удовлетворят. Итак, завтра Вы уезжаете в Финляндию[1]. Желаю Вам провести так <sic!> эти дни приятно и празднично.

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 9—10.
На именной почтовой бумаге.
[1] Имеется в виду поездка Мейерхольда в Финляндию на Рождество.

8
Сологуб — Мейерхольду
30 декабря 1906 года. Петербург

30 дек<абря> 1906 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Хочу сказать Вам два слова о том, что обе эти постановки («Балаганчик» и «Антоний»[1]) чрезвычайно радуют меня, и я очень радуюсь тому, что пьеса Блока поставлена так заботливо и любовно[2]. То, что я видел, гораздо больше того, что я ожидал, — а ожидал я многого, потому уже, что люблю Блока и все, что он пишет. Впрочем, «Балаганчик» нравится мне гораздо меньше «Короля на площади». Как жаль, что тот не цензурен[3]!

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

P. S. И Вы, дорогой Всеволод Эмильевич, и Ваши все, не хотите бывать у меня, что есть, конечно, ересь. Вспомните вечер воскресный!

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 12—13.
На именной почтовой бумаге.
[1] 30 декабря 1906 г. в Драматическом театре Комиссаржевской состоялась премьера — Мейерхольдом были поставлены «лирическая драма» Блока «Балаганчик» и пьеса М. Метерлинка «Чудо святого Антония» (по цензурным соображениям название было изменено на «Чудо странника Антония»). Сологуб был также на второй генеральной репетиции «Балаганчика» утром 28 декабря (см.: *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2014. Т. 6. Кн. 1: Драматические произведения (1906—1908). С. 449; *Рыбакова Ю. П.* В. Ф. Комиссаржевская. Летопись жизни и творчества. С. 344).

[2] В письме к Блоку 30 декабря 1906 г. Сологуб писал: «Дорогому и милому Александру Александровичу сердечный привет и радостное поздравление с превосходною постановкою “Балаганчика”. Очень желаю, чтобы он долго оставался на сцене, — и уж вижу в нем предсказание и торжество нового театра, того, которого еще нет, который будет. И очень благодарю за то, что Вы “Балаганчиком” дали мне увидеть, услышать и почувствовать. Сердечно любящий Вас Федор Тетерников» (*Блок А. А.* Письма к Анастасии Чеботаревской / Публ. Д. Е. Максимова // Учен. зап. Ленинградского пед. ин-та им. М. Н. Покровского. Факультет языка и литературы. Л., 1940. Т. IV. С. 271—272).

[3] 17 октября 1906 г. Мейерхольд сообщал Блоку о решении театра поставить его пьесу «Король на площади» (*Мейерхольд В. Э.* Переписка: 1896—1939. М., 1976. С. 78—79). В ответном письме Блок обещал доставить рукопись драмы не позднее 21 октября (см.: Новый мир. 1979. № 4. С. 160). Однако «Король на площади» не был разрешен цензурой (см.: *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 6, кн. 1. С. 472). Эскиз художника Н. Н. Сапунова к неосуществленной мейерхольдовской постановке этой пьесы был опубликован в журнале «Золотое руно» (1907. № 4. С. 34—35). Летом 1907 г. в финской местности Оллила силами петербургской Музыкальной студии Мейерхольд намеревался поставить ряд запрещенных в России пьес, в том числе «Короля на площади» (*Мейерхольд В. Э.* Переписка: 1896—1939. С. 90), однако планы эти не были осуществлены. Позднее, в 1923 г., Мейерхольд предполагал поставить в московском Театре Революции спектакль, включающий драматические произведения Блока «Рамзес», «Король на площади» и инсценировку поэмы «Двенадцать» (см.: Известия ВЦИК. 1922. 8 дек. № 278. С. 5). Постановка пьесы «Король на площади» впервые была осуществлена лишь в 1920 г. в Одессе режиссером Г. К. Крыжицким (см.: Нева. 1980. № 11. С. 196).

1907

9
Мейерхольд — Сологубу
1 января 1907 года. Петербург

1 янв<аря> 1907<года>

Глубоко тронут Вашим любезным письмом, дорогой Федор Кузьмич! Ваш отзыв о моей работе был для меня всегда самым ценным, но сегодня он явился для меня еще и целебным бальзамом после того, что я прочитал в газетах о нашей последней премьере[1].

Не думайте, пожалуйста, что не хотим бывать у Вас.

Вчера уезжал на целый день в Финляндию. Не то был бы у Вас непременно. В следующее воскресенье буду непременно[2].

В ближайшие дни будет у нас заседание о репертуаре второй половины сезона.

О, если бы Вы знали, как я волнуюсь!...

Готов молиться![3]

Любящий Вас

Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 3—4.

[1] О противоречивой реакции публики на постановку «Балаганчика» см.: Мейерхольд в русской театральной критике: 1892—1918. С. 89—105, 424—426, 434—437; *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 6, кн. 1. С. 454—462; *Рудницкий К.* Режиссер Мейерхольд. М., 1969. С. 93—94. Первые отклики на спектакль были резко отрицательными: Влад. Азов (В. А. Ашкенази) окрестил пьесу «Бедламчиком», назвав ее «историей Ваньки Рютютю, пропущенной сквозь призму мистического миропонимания» (Речь. 1907. 1 (14) янв. № 1. С. 5), Смоленский (А. А. Измайлов) писал: «Жалкая белиберда г. Блока “Балаганчик”, в которой разберется разве один Поприщин, — последнее слово того модернизированного искусства, которому хочет служить театр г-жи Комиссаржевской» (Биржевые ведомости (утр. вып.). 1907. 1 янв. № 9673. С. 6).

[2] См. «Тетради посещений». С. 000.

[3] Речь идет о намерении Мейерхольда включить в репертуар театра пьесу Сологуба «Дар мудрых пчел». Однако он имел основание опасаться сопротивления постановке этой символической пьесы со стороны части старой труппы, вошедшей в реформированный театр. Репертуарная политика театра определялась дирекцией в составе В. Ф. Комиссаржевской, ее брата Ф. Ф. Комиссаржевского и К. В. Бравича. В отдельных случаях возникающие вопросы обсуждались Художественным бюро театра, куда кроме членов дирекции входили также режиссеры Мейерхольд и Р. А. Унгерн (*Мейерхольд В. Э.* Переписка: 1896—1939. С. 373).

10
Сологуб — Мейерхольду
4 января 1907 года. Петербург

4 января 1907 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Понятно, что идиотское отношение газет должно Вас огорчать. Публика не понимает «Балаганчика», — он для нее слишком неожидан, м<ожет> б<ыть>, следовало бы сначала поставить какую-нибудь старую арлекинаду; — сам автор теперь находит, что многое в пьесе слишком кратко, не развилось для сцены[1]. Но все это не освобождает газетных театралов от обязанности понимать. — Надеюсь, что Вы сообщите мне, когда будет решен вопрос о репертуаре, пойдет ли моя трагедия. Что больше я смотрю на Ваши постановки, то больше убеждаюсь, что моя трагедия у Вас пойдет превосходно. И даже, — как угадать суд публики? — с успехом. —

В воскресенье у нас С. Л. Рафалович[2] будет читать пьесу[3], которая пойдет у Гайдебурова[4]. Она не велика, в чтении менее часа. Надеюсь, что Вы побываете у меня в это воскресенье, Вы и Ваши, которые захотят быть любезны посетить меня[5].

Сердечно любящий Вас
Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 14—15 об.

На именной почтовой бумаге.

[1] Блок определял жанр «Балаганчика» как «лирическую драму», в которой, отразились «переживания отдельной души». 22 декабря он писал Мейерхольду «Мне кажется, что это не одна лирика, но есть уже и в нем остов пьесы» (*Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 6, кн. 1. С. 444, 449).

[2] Рафалович Сергей Львович (Зеликович) (1875—1944) — драматург, поэт, прозаик, театральный критик.

[3] О чтении 7 января 1907 г. драмы С. Л. Рафаловича «Отвергнутый Дон Жуан» см. «Тетради посещений». С. 000.

[4] Гайдебуров Павел Петрович (1877—1960) — актер и режиссер. В Передвижном театре Гайдебурова и Н. Ф. Скарской (сестры В. Ф. Комиссаржевской), открытом в 1905 г., пьеса Рафаловича была поставлена 12 марта 1907 г. Гайдебуров, выступивший как режиссер, также исполнил роль Дон Жуана (см.: П. П. Гайдебуров. Литературное наследие. Воспоминания. Статьи. Режиссерские экспликации. Выступления. М., 1977. С. 434).

[5] На чтении у Сологуба 7 января 1907 г. Мейерхольд отсутствовал; среди приглашенных были актрисы театра Комиссаржевской В. П. Веригина, Н. Н. Волохова и В. В. Иванова (см. «Тетради посещений». С. 000). Кузмин в дневнике писал: «Поехали к Солог<убу> в башлыках и масках, было весело ехать бесформенными кувалдами. Там была куча народа, 3 актрисы, Городецкий написал стихи про бумажный бал: “Милый Кузмин, помнишь 30-е, ты сидел у меня на коленях?”, относящиеся к Ивановой. Мне очень нравится Чуковский. Драма Рафаловича была очень скучна» (*Кузмин М.* Дневник 1905—1907. С. 304). О «вечере бумажных дам» см.: *Веригина В. П.* Воспоминания. С. 107—108.

11
Сологуб — Мейерхольду
11 января 1907 года. Петербург

11 января 1907 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Я слышал стороною, что Вы не будете ставить моей трагедии; этот слух подтверждается и объявлением в газетах о двух новых постановках[1]. Удивляюсь, что Вы не хотите сообщить мне Вашего решения о пьесе, которая уже так давно находится в Вашем распоряжении. Будьте милы, и напишите мне хоть в двух словах, пойдет у Вас или не пойдет «Д<ар> м<удрых> п<чел>». Право, мне это очень интересно знать.

Сердечно преданный Вам
Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 16—17.

На именной почтовой бумаге.

[1] 11 января в газетных анонсах спектаклей театра Комиссаржевской впервые сообщалось о готовящихся постановках пьес Г. Фон Гофмансталя «Свадьба Зобеиды» и Г. Ибсена «Комедия любви» (Речь. 1907. 11 (24) янв. № 8. С. 1; Биржевые ведомости (веч. вып.). 1907. 11 (24) янв. № 9690. С. 1).

12
Мейерхольд — Сологубу
26 января 1907 года. Петербург

Пятница

Дорогой

Федор Кузьмич,

Сегодня вечером дадут мне ответ[1].

Шансы есть!!! Я о Вас соскучился. Ольга Мих<айловна>[2] в Москве — гостит у старшей дочки, которая учится там в гимназии[3]. Привет Ан<астасии> Ник<олаевне>[4].

Ваш *Всеволод*.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 30.

Датируется по содержанию следующего письма.

[1] О включении в репертуар пьесы Сологуба «Дар мудрых пчел».

[2] Имеется в виду Ольга Михайловна Мейерхольд (урожд. Мунт; 1874—1940), первая жена Мейерхольда.

[3] Речь идет о Марии Всеволодовне Мейерхольд (1897—1929), старшей дочери Мейерхольда. По настоянию врачей из-за болезни легких ей пришлось переехать в Москву, где она поступила в пансион Арсеньевской гимназии (см.: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. М., 1992. С. 38).

[4] Анастасия Николаевна Чеботаревская (1876—1921) — прозаик, переводчик, литературный критик, жена Сологуба.

13
Мейерхольд — Сологубу
26 января 1907 года. Петербург

26 января 1907<года>

Дорогой Федор Кузьмич!

К моему великому огорчению — в этом сезоне Ваш «Дар» на нашем театре не может быть представлен.

Я очень-очень увлечен Вашей трагедией и приложу все старания к тому, чтобы рано или поздно поставить ее на сцене.

Любящий Вас

Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 5.

На бланке Драматического театра В. Ф. Комиссаржевской.

14
Сологуб — Мейерхольду
27 января 1907 года. Петербург

27 янв<аря> 1907 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Совершенно не стоит говорить о том, «чтобы рано или поздно поставить» мою трагедию. Она была в Вашем распоряжении до начала Вашего сезона, разговор об ней был у Вас со мною, если не ошибаюсь, еще в августе[1], — с самого начала я выразил согласие на все те переделки, которые Вам понадобятся, — стало быть, времени для постановки у Вас было так много, как и для постановки всего почти, что у Вас шло, и нежелание ставить мою пьесу только то и обозначает, что нет желания поставить ее. В этом Вы совершенно правы — Вы найдете для Вашего театра много авторов и без меня, от Юшкевича[2] до Блока[3]. Но я не понимаю, почему Вы давно мне не сказали того, что я слышал стороною уже давно, что пьеса не пойдет; да еще заставили меня тратить время, — очень для меня дорогое, — на никому не нужную переделку пьесы[4]. Будьте добры возвратить мне рукописи трагедии, которые я Вам передавал в разное время, т. к. в настоящее время они Вам, конечно, не нужны. Надеюсь, что Вы доставите мне удовольствие видеть Вас у меня в воскресенье[5]. В это воскресенье Чулков прочтет свою драму «Тайга»[6].

Искренне преданный Вам

Федор Тетерников.

P. S. Еще раз скажу, что я был бы очень рад видеть «Дар мудрых пчел» в Вашей постановке (конечно, еще при моей жизни, а не рано или поздно потом), — но приведен к горестному убеждению, что Вы *никогда* не поставите этой пьесы.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 18—19 об.

На именной почтовой бумаге.

[1] Согласно контракту с Комиссаржевской Мейерхольд начал службу в ее театре 1 августа 1906 г. Из переписки следует, что Сологуб впервые известил Мейерхольда о пьесе «Дар мудрых пчел» в первом письме к нему — 17 октября 1906 г. 1 ноября того же года он переслал режиссеру текст трагедии.

[2] В 1905 г. М. Горький рекомендовал Комиссаржевской пьесу С. С. Юшкевича «Голод» для постановки в ее театре (*Рыбакова Ю. П.* В. Ф. Комиссаржевская. Летопись жизни и творчества. С. 299). Пьеса С. Юшкевича «В городе» была поставлена Мейерхольдом в театре Комиссаржевской 13 ноября 1906 г. Комиссаржевская считала эту постановку «ошибкой» театра (Театр и искусство. 1907. 11 февр. № 6. С. 100). В то же время в январе 1907 г. в печати широко обсуждалась новая пьеса Юшкевича «Король», что, возможно, и послужило поводом для упоминания в письме Сологуба имени Юшкевича.

[3] Кроме «Балаганчика» в театре Комиссаржевской предполагалась постановка двух других «лирических драм» Блока — «Король на площади» (см. письмо Блока

к В. Я. Брюсову от 17 октября 1906 г.: *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 164). Однако в январе 1907 г. драма была запрещена цензурой (*Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 6, кн. 1. С. 472—473). Другую пьесу, предполагаемую к постановке, — «Незнакомку» — Блок передал Мейерхольду в ноябре 1906 г.; в январе 1907 г. он сообщал А. В. Гиппиусу о возможной постановке пьесы на следующий сезон. В ноябре 1907 г. пьеса была представлена в Главное управление по делам печати, но разрешения на постановку не последовало (*Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 6, кн. 1. С. 497).

[4] См. п. 5, примеч. 1.

[5] В воскресенье 28 января на чтении у Сологуба Мейерхольда не было, но присутствовали актрисы театра Комиссаржевской Веригина и Волохова (см.: «Тетради посещений». С 000).

[6] *Чулков Г.* Тайга. СПб.: Оры. 1907.

15
Сологуб — Мейерхольду
1 февраля 1907 года. Петербург

1 февра<ля> 1907 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Приятно, когда отвечают на письма. Одно переданное мне слово[1] не могу счесть за вразумительный ответ, тем более что все огорчения на моей стороне. Искренне преданный Вам

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 20.

На именной почтовой бумаге.

[1] Речь идет о постановке пьесы Сологуба «Дар мудрых пчел».

16
Сологуб — Мейерхольду
5 февраля 1907 года. Петербург

5 февраля 1907 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

26 января Вы известили меня, что моя пьеса в этом сезоне на Вашем театре не может быть представлена, и затем в выражениях достаточно ясных дали мне понять, что вопрос о постановке этой пьесы в будущем сезоне и не ставился. Я ответил Вам просьбою возвратить мне рукопись, Вам уже ненужную[1]. Ответа не было. Не ответили Вы и на второе мое письмо[2]. Надеялся видеть Вас вчера[3] — но и эта надежда осталась тщетною. Чтобы не длить положения, которое становится смешным, прошу Вас возвратить рукопись трагедии, отдавши ее моему посыльному. Если рукопись не у Вас, будьте любезны направить подателя письма с Вашею запискою к лицу, у которого рукопись на-

ходится. Если список пьесы потерян, то будьте любезны об этом написать. Искренне преданный Вам

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 21—22.

На именной почтовой бумаге.

[1] См. п. 14.

[2] Имеется в виду п. 15. О попытках Мейерхольда заинтересовать руководителей театра пьесой Сологуба свидетельствуют следующие публикации: 26 февраля газета «Родная земля» сообщала: «В театре Комиссаржевской будет принята к постановке трагедия Ф. Сологуба “Дар мудрых пчел”» (1907. № 8. С. 4); двумя днями позже извещение о намеченной в театре в следующем сезоне постановке этой пьесы было опубликовано в петербургской газете «Слово» (1907. 28 февр. № 86. С. 6). В апреле 1907 г. сообщение о включенной в репертуар пьесе Сологуба было напечатано в «Обозрении театров» (1907. 23—25 апр. № 106. С. 23).

[3] На литературном чтении в воскресенье 4 февраля у Сологуба ни Мейерхольд, ни актрисы театра Комиссаржевской не присутствовали (см. «Тетради посещений». С. 000).

17
Мейерхольд — Сологубу
5 февраля 1907 года. Петербург

Понедельник.

(тяжелый день)

Дорогой

Федор Кузьмич!

Письмо Ваше получил на репетиции. Не мог написать, потому что не мог уйти со сцены, где шла энергичная работа[1].

Не пришли Вы мне такого резкого письма, все равно имел намерение непременно быть у Вас сегодня.

На те два письма не ответил потому, что хотел быть у Вас вчера вечером, но измученный работой — кисну. Вы имеете право так бранить меня, как бранили, и я прошу лишь смягчить мне степень наказания. Приношу тысячу извинений за все, за все... И прошу не разлюбить меня (если только любили хоть чуточку, как говорят институтки), после того, как так вспылили...

Ваша пьеса «*Дар мудрых пчел*» будет представлена на сцене нашего театра в будущем зимнем сезоне 07/08 [наверное] *непременно**.

Если хотите, не пускайте меня к себе на глаза до тех пор, пока это не случится.

Но такое недоверие мне было бы перенести слишком тяжко.

---

* *Подчеркнуто двойной волнистой чертой.*

Любящий Вас
и ласкового,
и сердитого
одинаково сильно
Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 20—21.

Датируется по содержанию предыдущего письма Сологуба.

[1] Речь идет о репетициях пьесы Г. фон Гофмансталя «Свадьба Зобеиды» в постановке Мейерхольда (премьера состоялась 10 февраля) (*Рыбакова Ю. П.* В. Ф. Комиссаржевская. Летопись жизни и творчества. С. 349; см. также: Речь. 1907. 10 февр. № 34. С. 5).

18
Сологуб — Мейерхольду
5 февраля 1907 года. Петербург

5 февраля 1907 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Вы ко мне очень несправедливы, а я вовсе не вспылил, не рассердился... Я стремился выяснить это дело, как вопрос чисто деловой, Вы мне не отвечали, — вот ситуация. Если бы Ваш театр не был мне так мил, я относился бы безразлично к тому, поставят ли на нем мою пьесу или нет. А впрочем, и в самом деле о моей трагедии не стоит много разговаривать. Итак, поставим на этом точку, — пока, если хотите. А я все-таки люблю Ваш театр, люблю Вас совсем не так, как институтка, а по мотивам основательным. Вот вчера[1] Вы у нас не были, и прошлое воскресенье тоже[2]. Пожалуйста, не забывайте наших воскресений. Как досадно, что мы разошлись! Я ведь тоже был у Вас сегодня. Привет Ольге Михайловне.

Сердечно преданный Вам
Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 23—24.

На именной почтовой бумаге.

[1] О литературном чтении у Сологуба в воскресенье 4 февраля 1907 г. см. «Тетради посещений». С. 000.

[2] Имеется в виду «воскресенье» у Сологуба 28 января (см. «Тетради посещений». С.000).

19
Мейерхольд — Сологубу
9 марта 1907 года. Петербург

9 марта 1907 г<ода>

Дорогой

Федор Кузьмич!

Поручил Б. К. Пронину[1] доставить Вам экземпляры Ваших пьес: «Литургия Мне»[2], «Любви»[3] и «Дар мудрых пчел» (первая редакция), находившиеся в литературном бюро нашего театра.

Когда получите, известите меня.

Теперь мой постоянный адрес: станция *Куоккала Финляндской* жел<езной> дор<оги>[4].

Вторую редакцию «Дара мудрых пчел» оставляю у себя[5].

Летом буду готовиться к постановке ее[6]. Если придут в голову какие-нибудь сокращения (незначительные) или переделки[7], Вы позволите обратиться к Вам? Все время будете жить в Петербурге?[8] В случае будете менять адрес[9], известите, пожалуйста.

В субботу еду в Москву. Пробуду там всю вторую неделю[10]. На третьей буду жить в Финляндии. Наезжать в Питер буду. Ваши «воскресенья» не отменяются?[11]

Привет сестре Вашей[12].

Любящий Вас

Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 6—7.

[1] Пронин Борис Константинович (1875—1946) — актер, режиссер, антрепренер, директор-распорядитель «Дома интермедий», основатель литературно-художественных кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов». В сезон 1906/1907 гг. — помощник режиссера в театре Комиссаржевской (*Рыбакова Ю. П.* В. Ф. Комиссаржевская. Летопись жизни и творчества. С. 351—352).

[2] См. п. 4, примеч. 5. В апреле 1907 г. в печати сообщалось, что «“Литургия мне” Ф. Сологуба, изданная отдельной книжкой, арестована по постановлению московского комитета по делам печати за “кощунство”» (Театр и искусство. 1907. 29 апр. № 17. С. 277).

[3] См. п. 4, примеч. 1.

[4] После закрытия сезона в театре Комиссаржевской 4 марта 1907 г. Мейерхольд с семьей поселился недалеко от Петербурга в финской дачной местности Куоккала (ныне — пос. Репино Курортного района Петербурга). Летом 1907 г. в пос. Оллила, вблизи с Куоккалой, была организована Музыкальная студия, одним из руководителей которой был Мейерхольд. См.: *Волков Н. Д.* Мейерхольд: В 2 т. М.; Л., 1929. Т. 1: 1874—1908. С. 297—302.

[5] В п. 14 Сологуб напомнил Мейерхольду, что, передавая ему пьесу, он выразил свою готовность внести в ее текст любые исправления и переделки, которые понадобятся для постановки. Мейерхольд, вероятно, воспользовался этим предложением, стремясь приспособить произведение Сологуба для сцены. В результате возник другой вариант пьесы с тем же заглавием, но сокращенный до 4 действий, (первое действие было соединено со вторым). 7 июля 1907 г. представленный в цензуру текст был «к представлению признан неудобным» (ОРИРК СПбГТБ. № 23402); см.: Золотое руно. 1912. № 7—8—9. С. 157; Театр. 1907. 27 окт. № 84. С. 17.

[6] Свой план постановки пьесы по методу «круглого театра» — на сценической площадке, окруженной зрителями, Мейерхольд изложил Ф. Ф. Комиссаржевскому, с которым должен был вести подготовительные работы к новому сезону. 21 апреля брат актрисы сообщал Мейерхольду о невозможности осуществить его постановочное решение «Дара мудрых пчел»: «Я узнавал насчет возможности (со стороны властей предержащих) помещения зрителей на сцене и устройства сценического

представления в середине зала. Это невозможно, ибо помещать зрителей на сцене и устраивать там сидения — запрещено» (*Волков Н. Д.* Мейерхольд. Т. 1. С. 305). 18 мая Комиссаржевский снова писал Мейерхольду о своих сомнениях по поводу его режиссерских замыслов, касающихся трагедии Сологуба: «Постановку “Дара <мудрых пчел>” в круглом театре всю целиком не вижу. Танцы — да, а всю пьесу — нет. И маски примитивной античной трагедии Эсхила не годятся тут. По античной канве расшита символическая трагедия с идеей о неприятии мира. Тут ремарки Сологуба очень важны, и недостроенный дом Протесилая и Аид, превращающийся в дом Протесилая, и завеса Мрака, и в заключении белая завеса — смерть-освободительница, закрывающая сцену, т. е. мир. Для постановки этой трагедии нужны упрощенные формы, сливающие античность с современностью. Не знаешь, где начинается одна и кончается другая» (Там же. С. 11).

[7] Новая переделка пьесы под названием «Очарованный кумир» получила цензурное разрешение лишь 31 декабря 1907 г. (ОРИРК СПбГТБ. № 27244); см. вступ. статью.

[8] В связи с болезнью и смертью сестры Сологуба О. К. Тетерниковой лето 1907 г. писатель провел в Петербурге.

[9] См. п. 20.

[10] В марте 1907 г. Мейерхольд на несколько дней выезжал в Москву (вторая неделя поста?) (см.: *Мейерхольд В. Э.* Переписка: 1896—1939. С. 84, 368).

[11] Воскресные чтения у Сологуба продолжались до 15 апреля, затем на лето были прерваны (см. «Тетради посещений». С. 000).

[12] Имеется в виду Ольга Кузьминична Тетерникова (1865—1907), сестра Сологуба.

20
Сологуб — Мейерхольду
31 июля 1907 года. Петербург

31 июля 1907 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Я очень жалею, что в субботу 28 июля не мог приехать на вечер нового искусства[1]. Я обещал, и собирался, но вышло так, что настроение того дня было совсем невозможным для публичных выступлений[2]. — Не знаю точно Вашего адреса, — в Куокалле? в Олилле? пишу на удачу. — Теперь я в Петербурге, на новой квартире, на Петербургской стороне, Широкая, 19[3]. — Соберитесь когда-нибудь ко мне, — сердечно рад буду Вас видеть. Если хотите, прочту Вам мою новую трагедию (она короткая, 3 акта, первый длиннее, два других короче) «Победа Смерти»[4].

Вы знаете, конечно, что умершие всегда благосклонны к тем, кто при жизни был им приятен. Поэтому мне отрадно передать Вам привет и пожелание счастья от моей сестры Вам и Вашим. Сестра была в прошлую зиму на всех Ваших постановках, кроме «Норы» и «Зобеиды»[5].

Сердечно любящий Вас

Федор Тетерников.

P. S. В субботу подал Вам телеграмму[6] в Олиллу, в театр, что не приеду.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 25—26.

На именной почтовой бумаге. Вместо зачеркнутого адреса «СПб. В. О., 7 линия, 20» справа приписано: Широкая, 19, кв. 2.

[1] Вечер нового искусства, состоявшийся 28 июля 1907 г. в летнем Ермоловском театре (платформа Ермоловская, вблизи Сестрорецка), повторял программу вечера, устроенного 13 июля в Финляндии в Териоках (ныне г. Зеленогорск Курортного района Санкт-Петербурга), организатором и участником которого был Мейерхольд. По сравнению с териокским вечером программа ермоловского выступления была расширена, в частности предполагалось выступление Сологуба с чтением своих произведений (см.: Речь. 1907. 28 июля. № 176. С. 4).

[2] Дата проведения вечера совпала с печальным для Сологуба днем — месяц назад, 28 июня 1907 г., скончалась горячо любимая им сестра О. К. Тетерникова, кончину которой он переживал очень тяжело.

[3] Переезд Сологуба на новую квартиру был связан со смертью его сестры и вынужденным выходом в отставку из Андреевского городского училища, в котором он занимал казенную квартиру.

[4] Трагедия Ф. Сологуба «Победа смерти», посвященная сестре писателя О. К. Тетерниковой.

[5] Драма Г. Ибсена «Нора» («Кукольный дом»), поставленная для Комиссаржевской в феврале 1904 г. режиссером А. П. Петровским, была возобновлена Мейерхольдом в ее театре 18 декабря 1906 г.; о постановке пьесы Г. фон Гофмансталя «Свадьба Зобеиды» см. п. 17, примеч. 1.

[6] Телеграмма Сологуба не обнаружена.

21
Сологуб — Мейерхольду
17 августа 1907 года. Петербург

17 авг<уста> 1907 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич, Манускрипт[1] посылаю, — и очень было бы приятно, — в интересах Шиповника[2], — если бы Вы его возвратили очень скоро. Дело в том, что работы над редакцией было гораздо больше, чем я ожидал. Пришлось переделывать чуть не каждую фразу[3]. Дело усложнилось появлением другого перевода[4]. Я сличил и его, чтобы по возможности избежать совпадений. А их было много, т. к. оба перевода одинаково плохи. Не уверен, что и теперь все в порядке. Теперь текст перевода для Шиповника еще не успел приготовить. Да они мне только вчера дали рукопись Федера — а сцена с гравюрами у Гансика Рилова в Вашем списке вырезана[5], — не переводить мне было ее вновь! Способ редактирования они выбрали странный, — послали рукопись Федера не мне, для редактирования, а в типографию, а мне прислали корректуру первого действия, включительно до сцены в лесу Вендлы и Мельхи-

ора, с прутом[6]. Правка была отчаянная, — т. ч. типография находит удобнее набирать вновь. Между тем все поправки я делал на Вашем списке, за неимением в руках Федоровского; делать их заново, на память — уж очень скучно. Переписано для Шиповника меньше половины; мой переписчик пока на летнем положении ходит только 2 раза в неделю, другого пока не нашел, стукаю сам. Вот какие дела! Итак, если скоро возвратите рукопись, то очень выручите и меня, и Шиповник, который торопит книжку к 15 сент<ября>.

Сердечно любящий Вас

Федор Тетерников.

<Карандашом на полях первой страницы:>

Понед<ельник> — комиссия 1 ½ дня.

Вторн<ик> — увозят декорации.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 27—28 об.

На именной почтовой бумаге. Вместо зачеркнутого адреса «СПб. В. О., 7 линия, 20» справа приписано: Широкая, 19, кв. 2.

[1] Речь идет о редактировании Сологубом перевода Г. М. Федером «детской трагедии» Ф. Ведекинда «Пробуждение весны». (Перевод Федера, получивший цензурное разрешение 16 июня 1907 г. и содержащий цензурную правку и многочисленные изъятия, хранится в ОРИРК СПбГТБ (№ 54991); редакция Сологуба опубл.: *Ведекинд Ф.* Пробуждение весны. Детская трагедия в переводе Федера под ред. Федора Сологуба. СПб.: Шиповник, [1907].

Пьеса Ведекинда о пробуждении в подростках жизненного и полового инстинкта, их неподготовленности к этому и трагических последствиях, следующих за этим, получила редкую популярность в России. Виктор Гофман в журнале «Аполлон» писал: «Отрадно было, что в Россию проникает, наконец, оригинальный, яркий и глубокий писатель, беспощадная мудрость, трагический юмор и возвышенный пессимизм которого так исключительны и потрясающи» (1907. № 10. С. 58). Александра Чеботаревская (сестра Ан. Н. Чеботаревской) назвала важнейшей темой Ведекинда «эстетический пересмотр моральных воззрений нашего времени», утверждая, что «об этом периоде детской жизни у нас нет более человеческого документа » (Русская мысль. 1907. № 10. С. 195, 197).

Хлопоты о проведении драмы в переводе Федера через цензуру Мейерхольд начал в апреле 1907 г. (см.: *Мейерхольд В. Э.* Переписка: 1896—1939. С. 86, 88, 89). 16 июня 1907 г. пьеса была дозволена к представлению (ОРИРК СПбГТБ. № 54991). 17 июля 1907 г. Мейерхольд сообщал Ф. Ф. Комиссаржевскому, что О. Дымов рекомендует поставить «Frühlings Erwachsen» <«Пробуждение весны»> и предлагает свой перевод, на что Мейерхольд ответил, что «пьеса уже взята в переводе Федера, принятом “Шиповником” и редактируемом Бор. Зайцевым» (*Мейерхольд В. Э.* Переписка: 1896—1939. С. 103—104). Однако значительные цензурные исключения, а также качество перевода, по-видимому, не удовлетворяли режиссера, и редактирование имеющегося текста было поручено Сологубу.

[2] Редактируемый Сологубом перевод Федера готовился к печати в возглавляемом З. И. Гржебиным и С. Ю. Копельманом издательстве «Шиповник» (1906—1922), где вышел из печати в 1907 г. в серийной обложке драматических произведений работы К. Сомова. В 1908 г. в этом же издательстве было опубликовано двухтомное

издание пьес Ведекинда, в котором пьеса «Вампир» была представлена в переводе Мейерхольда, а также имевший большой резонанс сборник статей «Театр: Книга о новом театре», включавший программные статьи Мейерхольда и Сологуба. В «Шиповнике» было издано 12-томное Собрание сочинений Сологуба (1909—1912) и другие произведения писателя.

[3] См.: ОРИРК СПбГТБ. № 54991.

[4] В 1907—1908 гг. вышли из печати несколько других переводов пьесы Ведекинда: Ел. Кугель (Библиотека Театра и искусства. 1907 и 1908), В. О. Шмидт (Литография Рассохиной, 1907), Н. Васина (М.: Лотос, 1908), Евг. Маурина (под названием «Весенние побеги», СПб.: изд-е «Петербургской книжной экспедиции» Я. Левенштейн, 1908), фон Гиршберга (Одесса: М. С. Козман, 1907), а также анонимные переводы в Киеве и Одессе (1908). В статье «Ведекинд по-русски» В. Гофман назвал отредактированный Сологубом перевод Федера «наиболее обдуманным и выношенным переводом Ведекинда» (Аполлон. 1907. № 10. С. 61).

[5] Имеется в виду сцена рассматривания гимназистом гравюр с изображением обнаженной Венеры, изъятая цензурой (сцена третья второго действия). Сцена вошла в опубликованный текст: *Ведекинд Ф.* Пробуждение весны / Пер. Федера под ред. Ф. Сологуба. СПб.: Шиповник, [1907]. С. 97—101.

[6] Эротическая сцена встречи юных Мельхиора и Вендлы на сеновале (сцена хлестания Мельхиором Вендлы) — исключенная цензурой пятая сцена первого действия (Там же. С. 65—69).

22
Сологуб — Мейерхольду
22 августа 1907 года. Петербург

22 авг<уста>1907 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Посылаю 2 сцены, 3 и 4 второго действия[1]. Наконец кончил это дело. Теперь осталась только корректура. — Буду рад, если мои поправки Вас вообще удовлетворят. — Поклон и привет Ольге Михайловне.

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 29.

На именной почтовой бумаге. Адрес: СПб. В. О., 7 линия, 20.

[1]13 августа 1907 г., театральный обозреватель Авель (Л. М. Василевский) в рецензии на пьесу Ведекинда сообщал о ее постановке Мейерхольдом: «На сцене появятся две изъятые цензурой сцены: первая, где Мориц <так! Надо: Мельхиор. — *Ю. Г.*> бьет Вендлу хлыстом и вторая — на сеновале», т. е. пятая сцена первого действия и четвертая — второго. Премьера состоялась 15 сентября 1907 г. Судя по упоминанию первого эпизода в письме Л. Д. Блок, сцена с хлыстом была включена в мейерхольдовскую постановку («Потом Мундт <Вендла> заставляет ужасного Давидовского <Морица> бить себя хлыстом, п<отому> ч<то> приятно, чтобы было больно. Сцена на сеновале пропущена<...>» (Литературное наследство. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 303—304).

23
Сологуб — Мейерхольду
13 октября 1907 года. Петербург

13 окт<ября> 1907 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Три имею к Вам просьбы.

Первая: я думаю, что лучше будет, если я схожу к цензору, который смотрит «Дар мудрых пчел» и поговорю с ним, не откладывая в долгий ящик; так будьте добры сообщить, кто этот цензор и где его можно видеть.

Вторая: пожалуйста, сообщите, думаете ли Вы ставить «Победу смерти»[1], и если да, то когда.

Третья: будьте добры сообщить, когда и с соблюдением каких обрядов можно получить мою долю за «Пробуждение весны»[2].

Простите за беспокойство. Не соберетесь ли как-нибудь ко мне? Если напишите заблаговременно, буду Вас очень ждать.

Привет Ольге Михайловне и Екатерине Михайловне[3].

Преданный Вам

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 30—31.

На именной почтовой бумаге. Вместо зачеркнутого адреса «СПб. В. О., 7 линия, 20» справа приписано: Широкая, 19, кв. 2.

[1] Над трагедией «Победа смерти» Сологуб работал летом 1907 г. 25 июня в печати появилась информация о том, что пьеса близка к завершению (*[Б. п.]* Календарь писателя // Свободные мысли. 1907. 25 июня (8 июля). № 6. С. 4), однако последовавшая 28 июня кончина горячо любимой сестры, вероятно, прервала работу. По-видимому, по этой же причине не состоялось публичное чтение пьесы на квартире писателя. 31 июля Сологуб предлагал Мейерхольду познакомить его с трагедией. О ее завершении сообщалось в августе 1907 г. (см.: [*Б. п.*] Среди писателей и артистов // Столичное утро. 1907. 10 авг. № 61. С. 4). Впервые сведения о включении пьесы в репертуар театра Комиссаржевской появились 27 августа (*Авель*. «Победа смерти» // Свободные мысли. 1907. 27 авг. (9 сент.). № 15. С. 4). 24 октября в «Обозрении театров» было напечатано следующее сообщение: «Театр В. Ф. Комиссаржевской приступил к репетициям трагедии “Победа смерти” Сологуба. Первая пьеса Ф. Сологуба “Дар мудрых пчел” имела идти в этом же театре, но к постановке на сцене была запрещена. Таким образом, как драматург автор “Мелкого беса” появится перед публикою впервые» (1907. № 229. С. 13).

[2] Премьера «Пробуждения весны» на сцене театра Комиссаржевской состоялась 15 сентября 1907 г. (см. обзор критики: *Волков Н.* Мейерхольд. Т. I. С. 332—333).

[3] Екатерина Михайловна Мунт (1875—1954), драматическая актриса, свояченица Мейерхольда, сестра его первой жены О. М. Мунт, познакомилась с будущим режиссером на любительских спектаклях в Пензе в 1890-х гг.; одновременно с Мейерхольдом окончила Музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества, вступила в труппу Московского Художественного

театра и покинула его, под руководством Мейерхольда выступала в Товариществе новой драмы (Херсон, Тифлис), Драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской, вошла в труппу Театра-студии при Московском Художественном театре и участвовала в других связанных с Мейерхольдом художественных начинаниях.

24
Сологуб — Мейерхольду
15 октября 1907 года. Петербург

15 окт<ября> 1907 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Как я слышал (напечатано в Своб<одных> м<ыслях>[1]), ближайшими Вашими постановками будут «Вампир» Ведекинда и пьеса Ремизова. Позвольте поэтому считать мою пьесу[2] свободною. Я постараюсь поставить ее на другом театре.

Ваш *Федор Тетерников.*

P. S. Писал Вам на днях[3], ответа, конечно, не получил.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 32.

На именной почтовой бумаге. Вместо зачеркнутого адреса «СПб. В. О., 7 линия, 20» справа приписано: Широкая, 19, кв. 2.

[1]«Свободные мысли» (1906—1907) — петербургская «политическая, общественная и литературная газета» (ред.-изд. Ф. Б. Давидсон), в которой печатались произведения писателей-модернистов, в том числе Сологуба. Ведущим сотрудником и фактическим издателем был И. М. Василевский (Не-Буква). Газета в статьях Л. М. Василевского (Авеля), О. Л. Ошера (О. Л. Д'Ора), Н. А. Тэффи помещала наиболее подробную и объективную информацию о театре Комиссаржевской. 15 октября (№ 22) в газете сообщалось, что в театре Комиссаржевской готовятся к постановке две новые пьесы — «Вампир» («Дух земли») Ведекинда (пьеса, переведенная Мейерхольдом) и «Бесовское действо» А. Ремизова. Пьеса Сологуба не упоминалась.

[2] Имеется в виду «Победа смерти».

[3] См. п. 23.

25
Сологуб — Мейерхольду
17 октября 1907 года. Петербург

17 окт<ября> 1907 г<года>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Вы ко мне очень немилостивы, и не упускаете случая поставить мне в упрек что-нибудь в моих письмах. А я и сам знаю, что надоел Вам с моими трагедиями. Но ведь на деле так и выходит, что Вы ставите новые и новые пьесы, кроме моих. Должно быть, и теперь Вы заняты другою постановкою, не моею, и потому Вам некогда

переговорить с цензором. Я, конечно, могу сходить к нему, но выйдет ли из этого толк? Я боюсь, что Вы опасаетесь материального неуспеха моих пьес[1]. Мне очень хотелось бы видеть их поставленными у Вас, но я уже начинаю испытывать смущение при мысли о том, что могу вовлечь театр в убыток. Но, во всяком случае, я думаю, что вопрос о постановке моих пьес следует выяснить теперь, а не тянуть бесконечной канители. Поэтому Вы меня очень обрадуете, если сообщите мне решительно и ясно — думаете ли Вы поставить мою пьесу в очередь, или предпочитаете оставить ее на когда-нибудь? Конечно, если захотите это сообщить. А не захотите, так само дело покажет.

Желаю Вам всего хорошего.

Сердечно преданный Вам

Федор Тетерников.

P. S. Вы мне говорили, что Фед<ор> Фед<орович> К<омиссаржевский> будет любезен вместе со мною побывать у цензора[2]. Был бы очень рад, если бы это осуществилось, но можно ли это?

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 33—34 об.

На именной почтовой бумаге. Вместо зачеркнутого адреса «СПб. В. О., 7 линия, 20» справа приписано: Широкая, 19, кв. 2.

[1]10 мая 1907 г. Мейерхольд писал Ф. Ф. Комиссаржевскому в связи с предлагаемой постановкой «Ревизора»: «С точки зрения материальной выбор *всякой* пьесы для репертуара данного сезона *риск.* И рисковать должен и тот, в руках которого материальный расчет дела» (*Мейерхольд В. Э.* Переписка: 1896—1939. С. 92).

[2] Одновременно с письмом Мейерхольду 17 октября 1907 г. Сологуб обратился к В. Ф. Комиссаржевской и Ф. Ф. Комиссаржевскому с аналогичной просьбой похлопотать перед цензором о пьесе «Дар мудрых пчел». В письме к актрисе он писал: «Многоуважаемая Вера Федоровна, очень благодарен Вам за Ваше любезное сообщение и за Ваше лестное для меня доброе мнение о моих пьесах. Я, кажется, очень уже успел надоесть Вам и Вс<еволоду> Эм<ильевичу> моими трагедиями, но извинением мне может послужить вполне понятное желание видеть свои пьесы поставленными у Вас и исполненными с участием такой артистки, как Вы, — и я был бы очень счастлив, если бы это мое желание исполнилось. К цензору я собираюсь, но, может быть, было бы лучше, если бы с цензором говорил кто-нибудь более меня знакомый с театром и с цензурою. Всев<олод> Эм<ильевич> обнадежил меня, что Федор Федорович будет любезен вместе со мною побывать у цензора, — не знаю, исполнится ли это? С истинным уважением Федор Тетерников» (Встречи с прошлым. 2-е изд. М., [Вып.] 3. 1986. С. 343). Ф. Ф. Комиссаржевскому в тот же день Сологуб писал: «Многоуважаемый Федор Федорович, Всеволод Эмильевич несколько дней тому назад подал мне надежду на то, что Вы, может быть, будете любезны вместе со мною побывать у цензора, читавшего “Дар мудрых пчел” и выяснить, не найдутся ли возможности, ценою каких-нибудь сокращений, получить разрешение пьесы. Очень был бы Вам признателен, если бы Вы нашли время исполнить это. С истинным уважением Федор Тетерников» (РГАЛИ. Ф. 778. Оп. 2. Ед. хр. 161. Л. 2—2 об.).

26

Сологуб — Мейерхольду

3 ноября 1907 года. Петербург

3 н<оя>б<ря> 1907 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Сегодня я говорил с К. В. Бравичем[1] о поспектакльной плате за пьесу[2]; он сказал — 2% за акт, всего 6%. Подумав, нахожу, что это мало. Поэтому написал К. В. Бравичу, что хочу получить 10%; но согласен, однако, за первое представление 6%, за второе и третье 8%, с четвертого по 10%. Для пьесы оригинальной, еще ненапечатанной, написанной хорошо это мне кажется пределом умеренности. Пишу Вам об этом для сведения.

Сердечно любящий Вас

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 35—35 об.

На именной почтовой бумаге. Вместо зачеркнутого адреса «СПб. В. О., 7 линия, 20» справа приписано: Широкая, 19, кв. 2.

[1] Бравич (Баранович) Казимир Викентьевич (1861—1912) — драматический актер, партнер В. Ф. Комиссаржевской по сцене, член дирекции ее театра.

[2] Имеется в виду «Победа смерти».

27

Сологуб — Мейерхольду

7 ноября 1907 года. Петербург

7 ноября 1907 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Не умею найти слов, чтобы благодарить Вас за превосходную постановку Вашу моей трагедии. Я бесконечно рад, что писал эту трагедию в тех формах, которые казались мне соответствующими задачам и устремлениям театра, как Вы его ведете[1]. О некоторых подробностях и кое о чем существенном я бы возразил, и как-нибудь при случае скажу Вам это, — но это нисколько не меняет того, что сделанное Вами — сделано благородно и строго. Очень благодарен, и буду счастлив, если сумею дожить до того, что Вы поставите и «Дар мудрых пчел».

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 36—36 об.

На именной почтовой бумаге. Вместо зачеркнутого адреса «СПб. В. О., 7 линия, 20» справа приписано: Широкая, 19, кв. 2.

[1] В августе 1907 г. во время гастролей петербургской труппы в Москве театр Комиссаржевской в печати называли «театром Мейерхольда» (*Волков Н.* Мейерхольд. Т. I. С. 331—332).

28
Сологуб — Мейерхольду
30 ноября 1907 года. Петербург

30 н<оя>б<ря> 1907 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Помнится, Вы говорили, что не будете читать сегодня на стильном вечере. Я — тоже[1]. Спасаюсь в Александринку[2], ложа № 19 третьего яруса с левой стороны. Пожалуйста, приезжайте с Ольгой Михайловной. Я вчера заходил, а сегодня напоминаю для верности.

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 37—38.

На именной почтовой бумаге. Вместо зачеркнутого адреса «СПб. В. О., 7 линия, 20» справа приписано: Широкая, 19, кв. 2.

[1] «Первый стильный вечер нового искусства» с предполагаемым участием Мейерхольда и Сологуба состоялся 30 ноября 1907 г. в театре «Комедия» (концертный зал Тенишевского училища). Согласно программе предполагалось, что Сологуб выступит с чтением своих произведений, а Мейерхольд — стихотворений Вяч. Иванова (РО ГРМ. Ф. 115. Ед. хр. 470. Л. 1—1 об.; см. также: Обозрение театров. 1907. 26 нояб. № 261. С. 15; Там же. 29 нояб. № 264. С. 14; Русь. 1907. 26 нояб. (9 дек.). № 317. С. 3). По сообщению прессы, Сологуб должен был прочесть свои стихотворения «Дышу дыханьем ранних рос...» и «Нюрнбергский палач», Мейерхольд — произведения из книги Вяч. Иванова «Эрос» (Товарищ. 1907. 25 нояб. № 433. С. 6). Однако в отзыве на вечер было напечатано: «<...> Первое отделение, которое должно было состоять из лекции г. Андрея Белого о символизме, было отменено <...> Из объявленных программой, не объяснив причин неявки уклонились от суда публичного гг. Ф. Сологуб, Мейерхольд и Рукавишников, вызвав громкий, но заслуженный упрек в неделикатности» (Русь. 1907. 2 дек. № 323. С. 5).

[2] 30 ноября 1907 г. в Александринском театре впервые шла комедия Б. Шоу «Доходы миссис Уоррен» (в современном варианте — «Профессия миссис Уоррен») в режиссуре Ю. Э. Озаровского. Редактор и рецензент «Обозрения театров» И. Осипов, отрицательно отозвавшийся о постановке пьесы, высоко оценил выступление М. Г. Савиной в заглавной роли (*Осипов И.* Александринский театр. Первое представление пьесы Бернарда Шоу «Доходы миссис Уоррен» // Обозрение театров. 1907. 2 дек. № 267. С. 15).

1908

29
Сологуб — Мейерхольду
15 января 1908 года. Петербург

15 янв<аря 19>08 <года>

Широкая, 19

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Сегодня получил из цензуры «Очарованный кумир»; к представлению дозволено, без исключений[1]. — Имею к Вам просьбу: если в Вашей поездке[2] Вы будете где-нибудь ставить «Победу Смерти» с прологом[3], то будьте милы мне заблаговременно написать об этом: хочу приехать посмотреть[4]. — Привет и поклон Ольге Михайловне и Екатерине Михайловне.

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 40—40 об.

[1] Пьеса Сологуба «Дар мудрых пчел» под заглавием «Очарованный кумир» была разрешена цензурой к постановке 31 декабря 1907 г. (см. цензурный экземпляр: ОРИРК СПбГТБ. № 27244).

[2] После конфликта с В. Ф. Комиссаржевской и увольнения из ее театра в ноябре 1907 г. Мейерхольд организовал гастрольную труппу, куда вошли его сторонники по театру на Офицерской ул., и с февраля 1908 г. отправился в поездку по городам Западной России. Репертуар состоял из пьес, поставленных в театре Комиссаржевской, и постановок, подготовленных Мейерхольдом для Товарищества новой драмы (см.: *Галанина Ю.* Л. Д. Блок в гастрольной поездке труппы В. Э. Мейерхольда (1908) // Вопросы театра / PROSCAENIUM. 1908. № 3—4. С. 220—239).

[3] См. вступ. статью. В конце ноября — начале декабря 1907 г. в печати сообщалось о предстоящем открытии спектаклей труппы А. П. Воротникова в московском театре «Студия», готовящей к постановке пьесу Сологуба «Победа смерти», которая ставится «под личным наблюдением» автора ([*Б. п.*] Литературный календарь // Час. 1907. 5 дек. № 62. С. 5), в другой газете указывалось: «Специально для московской постановки своей пьесы Ф. Сологуб пишет пролог» ([*Б. п.*] Театральные мелочи // Сегодня. 1907. 29 нояб. № 387. С. 4). Намеченная постановка не состоялась. Пролог был впервые показан в постановке Мейерхольда во время гастрольной поездки 1908 г.

[4] См. п. 31, примеч. 4.

30
Сологуб — Мейерхольду
Январь 1908 года. Петербург

Милый Всеволод Эмильевич,

Посылаю Вам два экз<емпляра> «Дара мудрых пчел». Первый — не одобренный цензурою, а второй — одобрен. Оба по 4 акта, т. ч.

разница только в том, что в первом списке есть лишние сравнительно со вторым списком стихи во втором действии — пляска, и еще какие-то мелочи.

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 11.

Датируется на основании цензурного разрешения на постановку пьесы «Очарованный кумир» (31 декабря 1907 г.).

31
Сологуб — Мейерхольду
4 марта 1908 года. Петербург

СПБ. Широкая 19, кв. 2

4 марта 08

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Д. К. Тихомиров[1] выслал Вам «Победу смерти»[2] в Минск[3], должно быть, 26 февраля. Но так как книга <sic!> выслана Вам по моему заявлению, то Тихомиров считает эти книги за мною. Поэтому деньги за проданные книги, пожалуйста, посылайте мне, переводом по почте. А теперь будьте добры уведомить, дошли ли эти книги до Вас. — В «Столичной почте» было две заметки о Витебской постановке «Победы смерти»: одна — до спектакля, а другая о том, что трагедия шла с прологом, имела успех, что поэта играли Вы и т. п.[4] — Пишу Вам в Минск, в надежде, что Вы еще там. Если получите письмо, будьте любезны черкнуть слово, чтобы я знал, что письмо Вас застало. — Надеюсь, что Ваши дела блестящи. Говорят, что в Минске хороший театр. — Прошу передать мой поклон и привет Дульцинее — Альгисте — Берте[5], всем, помнящим иногда меня.

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 42—43.

[1] Тихомиров Дмитрий Ксенофонтович — владелец издательства «Факелы», сын московского книготорговца Ксенофонта Иивановича Тихомирова, магазин которого находился на Кузнецком мосту.

[2] В начале 1908 г. вышло отдельное издание «Победы смерти» с прологом (СПб.: Факелы, 1908). Высланные Сологубом книги предназначались для продажи.

[3] В Минске труппа Мейерхольда давала спектакли с 3 по 8 марта 1908 г.

[4] «Столичная почта» — ежедневная политическая, литературная и общественная газета, выходившая в Петербурге в 1906—1908 гг. Краткие заметки о постановке «Победы смерти» в Витебске 22 февраля 1908 г. были напечатаны в газете 22 февраля (№ 244. С. 5 (анонс)) и 26 февраля: «В Витебске на днях была поставлена трагедия Федора Сологуба “Победа смерти” с прологом, который не ставился в Петербурге.

Поэта играл Мейерхольд, Дульцинею — г-жа Волохова. На спектакле присутствовал автор. Спектакль имел успех» (№ 247. С. 5).

[5] В гастрольной поездке исполнительницами ролей «Дульцинеи — Альгисты — Берты» были актрисы театра Комиссаржевской Н. Н. Волохова, Н. А. Будкевич, В. П. Веригина.

32
Мейерхольд — Сологубу
7 марта 1908 года. Петербург

Дорогой Федор Кузьмич!

Книги получил. Деньги за проданные книги буду посылать Вам по почте. Заметки в «Столичной почте» читал. Вчера играли в Минске «Победу Смерти». Поэт и дама, войдя в партер из коридора, начали свой диалог, говорили его, идя по партеру, шли к оркестру, где была лестница на сцену; остановились на словах дамы: «Здесь тихо»... Дальше шло, как в Витебске. В финале я позволил себе экспромт и считаю своим долгом сообщить Вам о нем, чтобы Вы меня или выругали, или сказали, что я смел сделать то, что сделал. Вместо «она говорит об интимном театре, посмотрим», я сказал: «Она говорит об интимном театре; останемся здесь, среди этого народа (указывая на публику, сидящую в партере), который пришел смотреть на зрелище. Сядем»[1].

И поэт, и дама сели в партере среди публики. И ушли, когда пролог был окончен. Очень удались здесь в Минске декорации: они были неизмеримо выше, чем в Петербурге. Очень жалел, что Вас не было. Хотим изменить маршрут[2]: вместо Тифлиса ехать на запад — Варшава, Лодзь[3] и т. д. Когда решится куда едем — сообщу.

Пишите. Горячо любящий Вас

Вс. Мейерхольд.

7 марта 1908 года

Минск

<На полях:> Писал под диктовку секретарь К. Э. ф. Гибшман[4].

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 8—9, л. 10 — конверт.

[1] Произнесенные Мейерхольдом слова не вошли в канонический текст трагедии Сологуба.

[2] После разрыва с Комиссаржевской в ноябре 1907 г. в печати сообщалось, что Мейерхольд снял на Великий пост и Пасху Тифлисский театр, по окончании сезона труппа отправится в поездку по Закавказью, летом будут играть в Боржоме (Сегодня. 1907. 30 нояб. № 388. С. 3). В дальнейшем планы изменились. Великопостная поездка труппы Мейерхольда проходила по следующему маршруту: Витебск (17—24 февраля) — Минск (3—7 марта) — Могилев (8—11 марта) — Витебск (12—13 марта) — Смоленск (14 марта) — Херсон (25—28 марта) — Полтава (30—31 марта, 2—4 апреля) — Кременчуг (1 апреля) — Киев (14—17 апреля) — Харьков (18—21 апреля) — Екатеринослав (22—24 апреля) — Павлоград (1 мая).

Летом часть труппы под названием «Товарищество драматических артистов под управлением Р. А. Унгерна и Б. С. Неволина» (без участия Мейерхольда) выступала в Боржоме (июнь—август).

[3] Намеченные выступления в Тифлисе, так же как и выступления в Варшаве и Лодзи, не состоялись.

[4] Гибшман Константин Эдуардович фон (1884—1943 (1942?)) — драматический и эстрадный актер в театре Комиссаржевской в 1906—1907 гг. Участвовал в мейерхольдовской постановке «Арлекин — ходатай свадеб» (1911—1912). Сотрудничал с Мейерхольдом в Доме интермедий, в Териокском товариществе актеров, писателей, художников и музыкантов, в Студии на Бородинской. Во время болезни Мейерхольда в гастрольной поездке выполнял обязанности его секретаря.

33
Сологуб — Мейерхольду
7 марта 1908 года. Петербург

Широкая 19

7 м<а>р<та> 08

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Сейчас получил Вашу телеграмму[1]. Не знаю, что могу сказать. Н. А. Попов[2] все еще не дал мне окончательного ответа, и я не знаю, как все это устраивается[3]. Напишите, пожалуйста, где в Москве Вы хотите играть, и какими щедротами от Ваших сборов хотите меня наделить, — Москва же ведь город большой и богатый, и, стало быть... Вы мне не написали, получили ли Вы книжки «Победы смерти» в Минск или нет; уж будьте добры, напишите. Или, может быть, мое письмо не застало Вас в Минске? Черкните, пожалуйста: очень нужно знать.

Ваш сердечно *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 44—44 об.

[1] Телеграмма не обнаружена.

[2] Попов Николай Александрович (1871—1949) — режиссер, драматург. Первый постановщик драмы Сологуба «Мелкий бес» (7 ноября 1909 г., Киев, театр «Соловцов»). В 1902—1907 гг. (с перерывом) руководил Народным театром Василеостровского общества народных развлечений, в 1904—1906 гг. — режиссер театра Комиссаржевской (покинул театр до прихода Мейерхольда), в 1901—1910 гг. — главный режиссер киевского театра Соловцова, в 1907—1910 и 1929—1934 гг. — режиссер московского Малого театра.

[3] Вероятно, речь идет о неосуществленном намерении Мейерхольда показать «Победу смерти» в Москве во время гастрольной поездки. 15 ноября 1907 г. Н. А. Попов телеграфировал Сологубу: «Прошу немедленно выслать пьесу для ознакомления и решения найдутся ли подходящие исполнители включение в репертуар в принципе очень желательно спешной передачей Воротникову буду огорчен» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 556. Л. 1). Очевидно, с письмом и намерениями Попова были связаны две заметки: опубликованное 30 ноября в «Биржевых ведомостях» сообщение о переговорах с московским Малым театром о постановке «Победы смерти» (Биржевые ведомости (веч. вып.). 1907. 30 нояб. № 10229. С. 4)

и заметка от 7 декабря 1907 г. в московской газете «Раннее утро»: «Пьеса Федора Сологуба “Победа смерти”, к которой автор уже написал пролог, передана в литературно-театральный комитет Императорских театров» (Раннее утро. 1907. 7 дек. № 17. С. 4). Это означало, что предполагается ее постановка на императорской сцене — в петербургском Александринском или московском Малом театре. Однако в модернистских кругах попытку постановки пьесы в чуждавшемся всего нового Малом театре оценили весьма скептически. В журнале «Золотое руно» отмечалось: «“Победа смерти” Федора Сологуба предположена к постановке в Московском Малом театре; автор написал к ней Пролог, с которым трагедия и будет исполнена в Москве, если, конечно, ее не ждет та же участь, как “Эроса и Психею” Жулавского и “Короля” Юшкевича, долго подготовлявшихся к постановке и снятых с репертуара по распоряжению властей» (Золотое руно. 1907. № 11—12. С. 118). Обе пьесы не были поставлены в Малом театре. «Король» прошел в Александринском театре лишь четыре раза. 5 января «Московские ведомости» сообщали о том, что «Победа смерти» пойдет в Малом театре «не ранее Великого поста» (Московские ведомости. 1908. 5 янв. № 4. С. 4). Вероятно, после письма Мейерхольда от 7 марта 1908 г. Сологуб обратился с запросом к Попову, который 9 марта телеграфировал Сологубу: «Ленский <главный режиссер Малого театра. — *Ю. Г.*> подготовил литературный комитет рассмотрению пьесы вместе прологом воздержитесь давать разрешение Мейерхольду подробности письмом» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 556. Л. 2.). Однако постановка эта осуществлена не была: большие надежды в плане реформирования Малого театра, которые возлагались на сезон 1907—1908 гг., не были осуществлены из-за крушения реформистской деятельности Ленского и его смерти осенью 1908 г.

34
Чеботаревская — Мейерхольду
15 октября 1908 года. Петербург

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич!

Федор Кузьмич просит Вас зайти завтра, <в> четверг, к нам, поговорить о Сениловской[1] вещи. Вечером будет и Сенилов, т<а>к что, если Вы свободны, приходите, пожалуйста.

С приветом

Анс. Чеботаревская.

15/ X 08.

Гродненский, д. 11, кв. 7.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 2—3.

[1] Сенилов Владимир Алексеевич (1875—1918) — композитор. В 1899—1901 гг. изучал музыку в Германии, в 1902—1906 гг. учился в Петербургской консерватории, окончил класс Н. А. Римского-Корсакова, автор многочисленных произведений различных музыкальных жанров. «Русская музыкальная газета» писала о его романсах на слова современных поэтов: «В смысле тщательного отношения к поэтическим текстам Сенилов вне упрека: не искажая, не изменяя и не перетасовывая слов в угоду музыке, он крайне бережно относится вместе с тем к просодии стиха. Характер вокальных партий — декламационный по преимуществу; Сенилов не любит широких кантилен; сжатость, компактность и лаконичность его голосовых партий доведены до высокой степени; следствием чего является относительная

недоступность романсов для исполнителей среднего уровня. Настроение общее романсов — сосредоточенно-суровое, с оттенком скорбно-задумчивых, подчас даже мрачных переживаний...» (*Тюнеев Б.* В. А. Сенилов // Русская музыкальная газета. 1916. № 8—9. С. 182).

Осенью 1908 г. Сологуб и Сенилов были привлечены Мейерхольдом к задуманному им театру «Лукоморье» (см. далее, п. 35, 42—48, 50). Сенилов был автором музыки к романсам на слова Сологуба (1908—1916), к драмам Сологуба «Ванька-ключник и паж Жеан» (декабрь 1908),«Ночные пляски» (1909), «Мелкий бес» (1909) и«Победа смерти» (1909). В августе 1909 г. Сенилов сообщал Сологубу о переговорах с режиссером петербургского Нового драматического театра А. А. Саниным о музыке к намеченной на конец этого года постановке «Мелкого беса» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 618. Л. 1—1 об.). Планы эти не были осуществлены (см.: *Болхонцева С. К.* Леонид Андреев и Новый драматический театр в Петербурге // Русский театр и драматургия начала XX века: сб. науч. тр. Л., 1984. С. 98). 23 ноября 1912 г. у Сологуба Сенилов исполнял отрывки из своей оперы (см. «Тетради посещений». С. 000).

35
Мейерхольд — Сологубу
Между 8 и 17 октября 1908 года. Петербург

Четверг

Дорогой Федор Кузьмич,

Сегодня быть у Вас не могу. Если <бы> получил Ваше любезное приглашение днем раньше, быть может, смог бы так устроить, чтобы быть у Вас, а теперь — связан словом быть в другом месте. У меня к Вам — дела, когда удобнее застать Вас? Привет Сенилову. Давайте соберемся в ближайшие дни, сговорившись заблаговременно[1]. Жму руку.

Ваш *Вс. Мейерхольд.*

Горячий привет Анаст<асии> Никол<аевне>.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 32—33.

Датируется по ответному письму Сологуба (17 октября 1908 года).

На л. 33 помета Мейерхольда карандашом: «отв. 17». На л. 33 об. его же помета карандашом о получении: «Окт. 08».

[1] Речь идет о собраниях по организации Мейерхольдом при петербургском Театральном клубе «театрика» «Лукоморье», призванного объединить модернистов. Его программа, ориентированная на немецкие кабаре Э. фон Вольцогена «Überbrettl» («Сверхподмостки»), состояла из заранее подготовленных коротких пьес, декламации, музыкальных и танцевальных номеров и, в отличие от французских кабаре, была лишена импровизационного начала (см.: Замысел «сверхподмостков». Мейерхольд в 1908 году // Мейерхольд и другие. Документы и материалы. С. 251—294). 18 октября в печати сообщалось, что Сологуб в числе других авторов предоставил свои произведения для театра (Речь. 1908. 18 (31) окт. № 250. С. 5), однако в программу спектакля произведения Сологуба не были включены

(см.: *Галанина Ю. Е.* Мейерхольд в «Лукоморье» // Мейерхольд и другие: Документы и материалы. С. 255—271).

36
Сологуб — Мейерхольду
17 октября 1908 года. Петербург

17 окт<ября> 1908 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Позвольте обратиться к Вам с большою просьбою. Вчера я был в кассе Михайловского театра взять билеты на 3 ноября, спектакли г-жи Рубинштейн[1], но мне сказали, что билеты все уже расписаны. Очень обяжете меня, если дадите мне возможность получить три места в партере, кресла 4—8 ряда. Раньше не мог позаботиться об этом, потому что не знал о том, что билеты записываются заблаговременно. — Рад буду, если Вы когда-нибудь ко мне соберетесь; меня застать можно днем <в> 1—2, или в 6—7, а вечером, если раньше черкнете, буду ждать.

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 45—46.

На именной почтовой бумаге. Адрес: СПб. Гродненский пер. 11, кв. 7.

[1] 3 ноября 1908 г. в императорском Михайловском театре предполагалась постановка пьесы О. Уайльда «Саломея» (реж. Мейерхольд), где в заглавной роли должна была выступить инициировавшая эту постановку И. Л. Рубинштейн (см.: *Дунаева Н. Л.* Неосуществленная постановка «Саломеи» О. Уайльда» на сцене Михайловского театра // Записки Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки. Вып. 2. СПб., 1999. С. 51—68; История неосуществленной постановки «Саломеи» Оскара Уайльда: Подготовка спектакля и его запрет в 1908 г. / Публ. К. Триббла // Театральное наследие. I. Публикации. Обзоры. Библиография. СПб.: Гиперион, 2005. С. 223—276). 26 сентября газета «Речь» сообщала о намеченной на конец октября постановке «Саломеи» (Речь. 1908. 26 сент. (9 окт.). № 230. С. 5). Более подробная информация была напечатана двумя неделями позже: «8-го ноября, в Михайловском театре будет дан в пользу русского театрального общества спектакль, устраиваемый И. Л. Рубинштейн. Пойдет трагедия Оскара Уайльда “Пляска царевны”. Специально для этой пьесы композитор А. К. Глазунов написал музыку, причем будет лично дирижировать оркестром (60 человек). Ставит трагедию Вс. Э. Мейерхольд, декорации и костюмы по рисункам Л. С. Бакста, балет (пляска семи покрывал) — под управлением М. М. Фокина. Главные роли в пьесе распределены между И. Л. Рубинштейн, П. В. Самойловым, Н. Н. Ходотовым и В. А. Блюменталь-Тамариным» (Там же. 11 (24) окт. № 243. С. 5). Продажа билетов на этот впоследствии запрещенный спектакль была объявлена на квартире Рубинштейн (см.: Обозрение театров. 1908. 26 сент. № 528. С. 7).

37
Сологуб — Мейерхольду
18 октября 1908 года. Петербург

18 окт<ября> 1908<года>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Простите за беспокойство, но будьте добры сообщить, найдутся ли те билеты, о которых я вчера просил.

Привет Ольге Михайловне.

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 47.
На именной почтовой бумаге.

38
Мейерхольд — Сологубу
После 18 октября 1908 года. Петербург

Постараюсь, дорогой, сделать все возможное. Скажу заведующим спектаклем Вашу просьбу. Надеюсь, что устроим. Привет! Пишу за обедом. Простите за каранд<аш>*. Спешу уехать. Тороплюсь.

Ваш *Вс. Мейерхольд.*

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 85.
Датируется по содержанию писем Сологуба от 17 и 18 октября 1908 года.
На визитной карточке: Всеволод Эмильевич Мейерхольд
W. Meyerhold.
Ул. Жуковского, 11[1]

[1] По адресу: ул. Жуковского, 11, кв. 7 Мейерхольд проживал с августа 1908 до марта 1909 г. (Дело Дворцовой полиции о Мейергольде В. Э. // РГИА. Ф. 508. Оп. 2. Ед. хр. 1883). В этой квартире проходили занятия его студии, организованной совместно с М. Ф. Гнесиным (см.: *Волков Н.* Мейерхольд. Т. II: 1908—1917. С. 40—41).

39
Сологуб — Мейерхольду
19 октября 1908 года, Петербург

19 окт<ября> 1908 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Не свободны ли сегодня вечером? Я дома, и почти никого не будет[1]. — А как насчет билетов?

Ваш Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 48.

---

* Фраза *Простите за каранд<аш>* приписана сбоку на полях.

На именной почтовой бумаге.

[1] В «Тетрадях посещений» сведения о воскресенье 19 октября 1908 г. отсутствуют.

40

Сологуб — Мейерхольду

21 октября 1908 года. Петербург

21 окт<ября> 1908 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Приходите сегодня вечером, Кузмин сыграет часть своей оперетки[1].

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 50.

На именной почтовой бумаге.

[1] См. запись М. А. Кузмина 21 октября 1908 г. об исполнении «оперетки» «Забавы дев» у Сологуба: «Решили заехать к Сологубу, узнать относительно вечера. <...> Сологуб был очень мил, но Настя разослала 15 телеграмм, не считая писем, приглашая на меня. К счастью, Мережковских не было. <...> Куча народа. Кажется, понравилось» (*Кузмин М. А.* Дневник 1908—1915 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 82).

41

Сологуб — Мейерхольду

29 октября 1908 года. Петербург

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Спешу сообщить Вам, что билеты на спектакль г-жи Рубинштейн я сегодня купил в кассе. Оказывается, что там можно еще достать сколько угодно билетов на места от 5 руб., так что предварительная запись, по-видимому, не имела большого успеха.

Ваш *Федор Тетерников.*

<На полях>: Загляните как-ниб<удь> — буду рад.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 49.

Датируется по почтовому штемпелю.

Почтовая карточка.

42

Сологуб — Мейерхольду

26 ноября 1908 года. Петербург

26 н<оя>б<ря> 1908 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Будьте добры сообщить, когда открытие театра при Театральном клубе? 28 или 30?[1] Мне это очень надо знать, потому что с этим связаны некоторые другие предположения относительно времени. Хотя газеты почему-то называют меня, без всякого основания, одним из организаторов этого предприятия[2], но я, как видите, не знаю даже дня и часа; никто не пожелал даже меня хоть на репетицию позвать[3]. Пожалуйста, сообщите; и еще, где и когда доставать билеты?

Ан<астасия> Ник<олаевна> и я еще просим, если можно, записать н<а>м билеты на «Тр<истана> и Изольду»[4], ряд 4 в партере, 2 кресла. Загляните как-нибудь, буду рад.

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 51—51 об.

На именной почтовой бумаге. Адрес: СПБ. Гродненский пер. 11, кв. 7.

[1] Дата открытия театра менялась несколько раз, в печати назывались разные даты: конец октября (Театр и искусство. 1908. 7 сент. № 36. С. 616), 10 ноября (Речь. 1908. 28 окт. (10 нояб.). № 260. С. 5), 30 ноября (Там же. 23 нояб. (6 дек.). № 286. С. 6; Театр и искусство. 1908. 23 нояб. № 47. С. 822), 4 декабря (Там же. 30 нояб. № 48. С. 842). Открытие состоялось 6 декабря 1908 г.

[2] См.: Обозрение театров. 1908. 24 нояб. № 586. С. 4.

[3] В первых собраниях по организации «Лукоморья» принимали участие в основном художники — А. Н. Бенуа, К. А. Сомов, М. В. Добужинский, А. Я. Головин, А. К. Шервашидзе. Из писателей в них участвовали только А. М. Ремизов и С. М. Городецкий.

[4] Мейерхольд был принят на службу в императорские театры для постановки драматических и музыкальных спектаклей. Премьера оперы Р. Вагнера «Тристан и Изольда» в его постановке состоялась в Мариинском театре лишь 30 октября 1909 г.

43
Сологуб — Мейерхольду
Ноябрь1908 года. Петербург

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Пожалуйста, сообщите, когда же открытие в Т<еатральном > к<лубе> — 28 или 30? Если можно, поскорее. — И как насчет билетов. — Мне бы их 3.—

И еще просьба, — пожалуйста, запишите на «Тр<истана> и Из<ольду>» нам два кресла ряда четвертого.

Мой телефон 106-44.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 4—4 об.

Датируется по содержанию письма Сологуба от 26 ноября 1908 года.

На визитной карточке с текстом: «Федор Кузьмич Тетерников».

44

Сологуб — Мейерхольду

27 ноября 1908 года. Петербург

27 н<оя>б<ря> 1908 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Будьте любезны записать мне для Анаст<асии> Ник<олаевны> Чеботаревской одно место рядом с тем, которое будет оставлено бесплатно для меня, но, пожалуйста, не в удалении от сцены, т.е. в одном из первых пяти рядов.

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 52.
На именной почтовой бумаге.

45

Мейерхольд — Сологубу

28 ноября 1908 года. Петербург

28 — XI — 08.

Дорогой Федор Кузьмич,

Не надо сердиться, что Вас не извещают о репетициях нашего кружка[1]: мы так торопимся, все так заняты, так много всяких дел, что голова идет кругом. Все сделаю. На открытие (оно состоится 4-го декабря) Вам и Ан<астасии> Ник<олаевне> будут билеты. Запишу и на «Тристана» (пойдет в январе). Жму Вашу руку. Любящий

Вас *Вс. Мейерхольд.*

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 11—11 об., л. 12 — чистый, л. 13 — конверт.

[1] Группа организаторов театра «Лукоморье».

46

Сологуб — Мейерхольду

3 декабря 1908 года. Петербург

3 д<е>к<абря> 1908 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Неделю тому назад я написал Вам, что прошу записать 4 билета по 2 р. для наших знакомых. Только сегодня оказалось, что этих билетов нет. Это совершенно невозможно, потому что ставит меня в глупейшее положение перед нашими знакомыми, которым билеты обещали: так как во всех газетах пропечатано о том, что я принимаю участие

в устройстве этих спектаклей, то такой неожиданный пассаж будет отнесен, без сомнения, к моей грубой невежливости. Очень прошу Вас это уладить и 4 билета по 2 р. мне как-нибудь достать, — мне в высокой степени неприятно оказаться столь невежливым по отношению к моим добрым знакомым.

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 53—53 об.
На именной почтовой бумаге.

47
Мейерхольд — Сологубу
3 декабря 1908 года. Петербург

Дорогой Федор Кузьмич,
билеты, записанные Вам (2 в 4 ряду, по 6 р. 20* каждый и 4 б<илета> по 4 р. 20, (*NB* двухрублевых не хватило, т. к. выдались по очереди записного листа)** можно уже взять: Литейный, 42[1]. Жму руку.

Ваш *Вс. Мейерхольд.*

P. S. Членам комиссии отведены места на хорах. Не удалось, вследствие этого, устроить так, чтобы билет для А<настасии> Н<иколаевны> был рядом с Вашим. На хорах нет платных мест.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 14.
Датируется по почтовому штемпелю.
Почтовая карточка.
[1] Адрес особняка З. Н. Юсуповой, где разместился Театральный клуб.

48
Мейерхольд — Сологубу
До 6 декабря 1908 года[1]. Петербург

Дорогой Федор Кузьмич,
спешу уступить Вам билеты, заказанные мною для моих знакомых. Так как я надеюсь уладить как-нибудь с моими знакомыми, прошу Вас не считать этого жертвой с моей стороны. Оторвите 2-ой листок этого письма и пошлите его в кассу Театр<ального> клуба. Жму руку. Любящий Вас

Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 34.
[1] Дата открытия «Лукоморья».

---

* *Вписано карандашом:* 6 р. 20 каждый.

** *Вписано карандашом:* 4 р. 20, (*NB* двухрублевых не хватило, т. к. выдались по очереди записного листа).

49
Сологуб — Мейерхольду
13 декабря 1908 года. Петербург

13 д<е>к<абря> 1908 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Завтра, в воскресенье, в 10 ч. веч., я прочту новый рассказ[1]; пожалуйста, приходите с Ольгою Михайловной.

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 54.

На именной почтовой бумаге.

[1] В «Тетрадях посещений» нет сведений о литературном чтении 14 декабря 1908 г.

50
Мейерхольд — Сологубу
17 декабря 1908 года. Петербург

Многоуважаемый

Федор Кузьмич!

Группа «Лукоморье» будет продолжать свою деятельность в другом помещении. (Собрание будет созвано по выяснению материальной стороны дела). В виду того, что в распоряжении исполнителей совершенно нет интересного материала для постановки в ближайшем будущем, покорнейше прошу Вас прислать что-нибудь для театра типа Ueberbrettl <sic!>[1].

Уважающий Вас

Вс. Мейерхольд.

Ул. Жуковского, д.11.

Автограф: ИРЛИ, Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 15, л. 16 — конверт.

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Театр «Лукоморье» был закрыт после восьмого спектакля, состоявшегося 12 декабря 1908 г. Замысел устроителей театра создать представление, состоящее из кратких, ярких и углубленных по смыслу номеров программы, не был принят членами клуба, где процветала картежная игра, не был понят публикой и подвергся критическим отзывам прессы. После закрытия театра Мейерхольд писал Л. Я. Гуревич: «Группа образует “Общество интимного театра”. Ближайшая задача: создание художественного *балагана*. Освобожденный от чада Игорного Дома, каким является Театральный клуб, Балаган наш может процветать только в атмосфере, не зараженной отрыжками (простите столь вульгарное выражение!) клубменов». 14 декабря в газете «Слово» было опубликовано письмо организаторов «Лукоморья», подписанное, в частности, Мейерхольдом и Сологубом, о том, что «продолжать свою деятельность в стенах Театрального клуба они далее считают невозможным» (*Галанина Ю. Е.* Мейерхольд в «Лукоморье». С. 266).

1909

51
Сологуб — Мейерхольду
26 января 1909 года. Петербург

26 янв<ря> 1909 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Имею к Вам большую просьбу. Вы очень обрадуете меня, если согласитесь принять участие в спектакле 27 февраля в зале Павловой в пользу итальянцев[1]; и исполнить роль короля Политовского[2] в моей пьесе «Ночные пляски»[3]. Ставит ее Н. Н. Евреинов[4], декорации Калмакова[5], музыка Сенилова, примут участие Городецкий[6], Ремизов[7], Чулков[8], Кузмин[9] и еще кто-то[10]; из дам Валерская[11], и еще просим других[12]. Пожалуйста, не откажите; Ваше имя на афише очень посодействует привлечению публики. — Ольге Михайловне привет. Поклон Вам обоим от Ан<астасии> Ник<олаевны>.

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 1.

На именной почтовой бумаге.

[1] О предстоящем спектакле пресса сообщала: «В пользу пострадавших в Мессине на будущей неделе в зале Павловой поставлена будет новая пьеса Сологуба “Ночные пляски” (*Сологуб Ф.* Ванька-ключник и паж Жеан. Драма в 12 двойных действиях. Музыка В. Сенилова. СПб., изд. ж-ла «Театр и искусство», 1909); в спектакле кроме ряда представителей молодой литературы выступят также художники Сомов, Бакст, Добужинский. Декорации Калмакова, музыка Сенилова, пляски ставит Фокин. В числе 12 босоножек (королевны) — г-жи Есипович, Тиме, Потапенко, Валерская и др.» (Речь. 1909. 16 февр. № 45. С. 4). См. также: Обозрение театров. 1909. 23 февр. № 665. С. 6; Речь. 1909. 25 февр. № 54. С. 4; Новое время. 1909. 27 февр. № 11840. С. 21; Новая Русь. 1909. 22 февр. (7 марта). № 51. С. 5; Там же. 6 (19) марта. № 63. С. 6; 11 (24) марта. № 68. С. 5). Спектакль состоялся 9 марта в Литейном театре (см. программу спектакля: СПбГМТиМИ. КП7572/78. ОАП 28316), затем он был повторен 20 марта в зале Павловой на Троицкой ул., 13; полный сбор от этого спектакля пошел в пользу партии большевиков (см.: *Обатнина Е.* Реалистический подтекст символической пьесы Федора Сологуба «Ночные пляски» // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации: Материалы IV Международной научной конференции. С. 318—328).

[2] В состоявшихся спектаклях роль Короля Политовского, отца двенадцати королевен, исполнил В. Квятковский, актер Старинного театра в первый сезон его деятельности, исполнитель роли Теофила в миракле «Действо о Теофиле» (1907 г.).

[3] Впервые: Русская мысль. 1908. Кн. XII. С.144—167; перепеч.: *Сологуб Ф.* Собрание пьес. Т. 1. С. 156—195.

[4] Евреинов Николай Николаевич (1879—1953) — режиссер, драматург и теоретик театра. В 1907—1908 и 1911—1912 гг. — режиссер Старинного театра в Петербурге; в 1908—1909 гг. был приглашен режиссером в Драматический театр В. Ф. Комиссаржевской на место ушедшего В. Э. Мейерхольда, где 8 января 1909 г.

осуществил постановку пьесы Сологуба «Ванька-ключник и паж Жеан». С октября 1910 по 1917 г. — режиссер театра «Кривое зеркало», где поставил переделку этой пьесы под названием «Всегдашни шашни». В связи с подготовкой постановки пьесы Сологуба «Ночные пляски» Евреинов писал: «Я бывал у них <у Сологуба и Чеботаревской> чуть не ежедневно вечером, когда у них в доме шли репетиции, потом, после премьеры, ходил к нему просто в гости, на интимные обеды и вечера, затем, в связи с вызовом мною барона Н. В. Дризена на третейский суд, часто заходил к Сологубу как выбранному мною арбитру и, наконец, по настойчивому зову его и Чеботаревской, гостил у них несколько дней в Меррекюле (Эстонии)». (*Евреинов Н.* В школе остроумия: Воспоминания о театре «Кривое зеркало». М., 1998. С. 291).

[5] Калмаков Николай Константинович (1873—1955) — художник, театральный художник. Член группы «Мир искусства» в 1912—1916 гг. Оформлял спектакли в петербургских и московских театрах. Выступил как оформитель двух спектаклей по произведениям Сологуба: «Ночные пляски» (1909, пост. Евреинова), «Мечта-победительница» (1912). Также готовил костюмы к несостоявшейся постановке пьесы Э. Штуккена «Гаван» в переводе Сологуба и Ан. Чеботаревской (опубл.: Русская мысль. 1912. Кн. XI. С. 1—48). Чеботаревская посвятила статью творчеству Калмакова (К выставке картин Н. К. Калмакова // Солнце России. 1913. 23 марта. № 13. С. 13—14). См. также публикацию писем Калмакова к Чеботаревской: «Настроение кошмара и маскарада...»: Письма Н. К. Калмакова А. Н. Чеботаревской / Публ., вступ. статья и коммент. Е. И. Струтинской // Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века. Вып. 4 / Ред.-сост. В. В. Иванов. М.: Индрик, 2009. С. 302—311.

[6] Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт. В постановке «Ночных плясок» исполнял роль Юного поэта. Первоначально на эту роль Сологуб и Чеботаревская приглашали А. А. Блока, отказавшегося от участия в спектакле (см.: *Блок А. А.* Письма к Анастасии Чеботаревской / Публ. Д. Е. Максимова. С. 275—276.)

[7] Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957) — прозаик, переводчик, художник. В первом спектакле (в Литейном театре) выступил в роли Кошмара (сон). См. его воспоминания об этой постановке: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 37—38.

[8] Имя Г. И. Чулкова не упоминается среди исполнителей в программах первого и второго спектакля.

[9] Имя М. А. Кузмина не значится в программах спектаклей. По его дневниковой записи 20 марта 1909 г. (дата второго спектакля) можно предположить, что он участвовал в спектакле: «Шили костюмы. <...> Было скучно на вечере. Картины. Я был чертом с хвостом к восторгу мальчишек. Танцевали. <...> Я всех гримировал» (*Кузмин М. А.* Дневник 1908—1915. / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. С. 118). В книге воспоминаний Евреинов называет Кузмина среди участников спектакля (*Евреинов Н.* В школе остроумия: Воспоминания о театре «Кривое зеркало». С. 125).

[10] В спектаклях также участвовали писатели С. А. Ауслендер, Ю. Н. Верховский, М. А. Волошин, Н. С. Гумилев, О. Дымов, П. П. Потемкин, А. Н. Толстой, художники И. Я. Билибин, Л. С. Бакст, Б. М. Кустодиев и др.

[11] Валерская Елена Константиновна (наст. фам. Мельницкая; 1885—1945?) — актриса, жена актера Малого (Суворинского) театра Б. С. Глаголина. В постановке «Ночных плясок» сыграла роль 4-й королевны и вместе с Е. Хованской исполнила «Танец двух королевен» во второй картине второго акта.

[12] Женские роли также исполняли (во втором спектакле): Д. М. Мусина, А. Ф. Гейнц, А. А. Бел-Конь-Городецкая, С. И. Толстая, З. Шадурская, С. Христофорова, О. Н. Высоцкая.

52
Мейерхольд — Сологубу
27 января 1909 года. Петербург

27 янв<аря>09

Дорогой Федор Кузьмич,

Хоть мне и больно, что обо мне Вы вспомнили после того, как первые шаги работы пройдены (чтение пьесы уже было[1]), всё же большое спасибо за любезное приглашение.

К сожалению, я не могу принять участия в этом интересном спектакле.

Дирекция Императорских театров взяла с меня подписку — не ставить спектаклей и не участвовать актерски ни в спектаклях, ни в вечерах *вне* императорских спектаклей и вечеров[2].

Любящий Вас

Вс. Мейерхольд.

Очень прошу Вас записать мне 2 билета в ряду 6—8 на Ваш спектакль.

Привет Ан<астасии> Ник<олаевне>.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 17—18.

[1] Согласно записям Сологуба, чтение пьесы «Ночные пляски» состоялось на его квартире 25 марта 1908 г. и было повторено 3 апреля 1908 г. Мейерхольд, находившийся в это время в гастрольной поездке, на чтениях не присутствовал (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 66—66 об.). 14 января 1909 г. Евреинов писал Чеботаревской: «Общий план у меня уже готов. Хотелось бы представить его на Ваше с Федором Кузьмичем усмотрение» (Там же. Оп. 5. Ед. хр. 100. Л. 1). В письме, датированном 25 января, режиссер сообщал Сологубу имена предполагаемых участников спектакля (Там же. Оп. 3. Ед. хр. 254. Л. 9).

[2] Действительно, это условие оговаривалось в типовом контракте Дирекции императорских театров с актерами и режиссерами, однако причина отказа режиссера заключалась в соперничестве Мейерхольда и Евреинова (см.: *Купцова О.* Мейерхольд и Евреинов // Мейерхольд, режиссура в перспективе века: Материалы симпозиума критиков и историков театра. Париж, 6—12 ноября 2000 г. С. 120—134). См. характеристику Евреинова в воспоминаниях его ученицы О. Н. Высотской: «Слава Мейерхольда не давала ему покоя, он часто говорил, что не Мейерхольд, а он создает новый театр» (*Высотская О. Н.* Мои воспоминания // Театр. 1994. № 4. С. 80).

53
Сологуб — Мейерхольду
После 27 января 1909 года[1]. Петербург

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Очень жаль, что Вы не хотите принять участие в нашем спектакле. Мы не обращались к Вам раньше потому, что сомневались, не будет ли Вам неприятно участвовать в спектакле, режиссером которого

будет Н. Н. Евреинов; думали, что для Вас, м<ожет> б<ыть,> еще сохранили силу те соображения, по которым в прошлом году Вы отказались участвовать в вечере с «Курантами любви», хотя Ваше имя было на афише[2]. Но желание, очень сильное, воспользоваться Вашим участием, которое мне, автору, было бы в высокой степени приятно, а устроителям очень дорого, преодолело наши сомнения. Обратился я к Вам все же не так поздно, как Вы думаете. Я не знаю, почему Вы пишете, что чтение пьесы уже было: ни мне, ни устроителям вечера, ни многим участникам об этом чтении ничего не известно; я слышал от устроителей, что чтение еще будет в конце этой недели; Н. Н. Евреинов говорил мне вчера, что только в субботу он может сообщить мне результаты своих соображений относительно постановки[3]. Так что я думаю, что известие о чтении пьесы пока еще упреждает события. — Все-таки позвольте просить Вас еще раз обсудить Ваше решение; если Ваш отказ Вы замените согласием, то этим весьма обрадуете меня.

Сердечно Вам преданный

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 2—3.

[1] См. п. 52.

[2] Сологуб путает два вечера, на которых исполнялась пастораль М. А. Кузмина «Куранты любви». 30 ноября 1907 г. в театре «Комедия» состоялся «первый стильный вечер нового искусства», в программе которого кроме «Курантов любви» значились среди прочего выступления Мейерхольда с чтением стихотворений Вяч. Иванова из книги «Эрос» и чтение Сологубом своего стихотворения «Нюрнбергский палач» (см. п. 28, примеч. 1). Однако ни Мейерхольд, ни Сологуб в этом вечере не участвовали (см.: Русь. 1907. 2 (15) дек. № 323. С. 5). См. отчет о вечере: *Кузмин М.* Дневник 1908—1915 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 429 и 557. Сологуб участвовал в «Вечере искусств» 23 апреля 1908 г. в зале Павловой, в котором также исполнялись «Куранты любви» Кузмина ([*Б. п.*] «Вечер искусств» // Речь. 1908. 25 апр. (8 мая). № 98. С. 5; *Кузмин М. А.* Дневник 1908—1915. С. 33, 594), но Мейерхольд, находившийся в это время в гастрольной поездке, согласие на участие в этом вечере дать не мог.

[3] 9 февраля 1909 г. Евреинов сообщал Сологубу: «Сегодня заберусь к Вам пораньше, часов в 7, чтобы распределить примерно роли, приготовить все для считки (думаю, что можно будет прорепетировать даже первое действие) и потолковать.

Приедет Калмаков; рисунки новых костюмов восхитительны.

Позвал из актеров, кого надо и актрис» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 254. Л. 11). Первое сообщение в печати о готовящемся спектакле появилось 2 февраля (Речь. 1909. 2 (15) февр. № 32. С. 3). Имя Мейерхольда в связи с этой постановкой ни в письмах Евреинова, ни в печати не упоминалось ни разу.

54
Сологуб — Мейерхольду
Январь—февраль 1909 года. Петербург

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Пожалуйста, сообщите адрес и имя той барышни, которую Вы обещали нам для «Ночных плясок»; она, конечно, танцует?

И еще, пожалуйста, не можете ли указать еще несколько танцующих барышень[1]. Очень обяжете. — Поклон Ольге Михайловне. — Ан<астасия>Н<иколаевна> кланяется Вам и О<льге> М<ихайловне>.

Ваш

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2383. Л. 41.

Датируется по времени подготовки спектакля.

[1] Мейерхольд, очевидно, рекомендовал пригласить ученицу руководимой им студии на ул. Жуковского Анну Федоровну Гейнц, выступившую в роли 11-й королевны.

55
Чеботаревская — Мейерхольду
Декабрь 1909 года. Петербург

Милый Всеволод Эмильевич

Вот два бил<ета> для маскарада 2го янв<аря>[1], кот<орые> надо *захватить с собой*. Приезжайте *непременно*. Костюмы могут быть стилизованные — античные, восточные, египетские и т. п. только не жанр, не современные и не «nu» п<отому> ч<то> собирается кажется много народу, а Ваши замыслы[2] удобнее осуществить в интимной компании, в другой раз.

С приветом

Анс. Чеботаревская.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 4—4 об.

Датируется по содержанию.

[1] Речь идет о карнавале у Сологуба, состоявшемся 2 января 1910 г. (*Кузмин М. А.* Дневник 1908—1915. С. 201, 662).

Ср. недатированное письмо Чеботаревской к А. Н. Бенуа, относящееся к этому же времени:

> Многоуважаемый
> Александр Николаевич
>
> У нас опять будет маскарад 2-го янв<аря> — на этот раз чтобы не было чрезмерной пестроты, мы хотели бы выдержать костюмы (и «действия»!) в одном характере — античные, восточные, азиатские, приблизительно одной эпохи — Вообще не современные, — не жанр. Если Вы будете так милы приехать, уговоритесь с общими знакомыми — составляются группы. Вход будет только по именным билетам, которые я пошлю на днях, чтобы избежать нашествия совершенно посторонних лиц. Ф<едор> К<узьмич> Вам кланяется и просит передать привет и приглашение — обычно, впрочем, Вами отвергаемое.
>
> С приветом
> Анс. Чеботаревская
> Гродненский 11
> Тел. 106-44 (ОР ГРМ. Ф. 137. Ед. хр. 1703).

Мейерхольд был на карнавале у Сологуба в январе 1909 г. — см. описание этого карнавала в дневнике Ф. Ф. Фидлера (*Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения / Изд. подгот. К. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 511).

[2] Возможно, речь идет о планах, осуществленных Мейерхольдом в апреле следующего, 1910 г. на Башне Вяч. Иванова (спектакль «Башенного театра»).

1910

56
Мейерхольд — Чеботаревской
3 января 1910 года. Петербург

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,
очень жалко, что Ольга Мих<айловна> и я не смогли воспользоваться Вашим любезным зовом быть у Вас 2 января на маскараде[1]. Я внезапно захандрил, разболелся, а Ольге Мих<айловне> не захотелось ехать одной. Очень жалеем.

Привет Федору Кузьмичу.

Ольга Мих<айловна> кланяется.

Уважающий Вас

Вс. Мейерхольд.

3 янв<аря> 1910.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 160. Л. 1, л. 2 — конверт.

[1] В дневниковой записи М. А. Кузмина, относящейся к карнавалу 1910 г. у Сологуба, отмечено: «...заходил к Мейерхольду, он ехать не хочет» (*Кузмин М.* Дневник 1908—1915. С. 201). См. запись о карнавале в дневнике Ф. Ф. Фидлера (Мейерхольд среди присутствовавших не упомянут): (*Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения. С. 526—527).

57
Сологуб — Мейерхольду
23 января 1910 года. Тула[1]

Привет из Харькова Ольге Михайловне и Всеволоду Эмильевичу. Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 5.

Почтовая карточка с изображением Сумской ул. в Харькове. Датируется по почтовому штемпелю: Тула. Вокзал.

[1] 23 января 1910 г. петербургское издание «Обозрение театров» сообщало, что Ф. Сологуб уехал в Харьков, где будет присутствовать на первом представлении «Мелкого беса» (№ 971. С. 10). Спектакль состоялся в харьковском Драматическом

театре (Дирекция А. Н. Соколовского); см. телеграмму Соколовского Сологубу из Харькова 15 ноября 1909 г.: «Предполагаю постановку Беса второй половине декабря до праздников. Соколовский» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 878. Л. 4). Согласно отзыву о спектакле, постановкой руководил сам автор, в спектакле участвовали артисты Двинский (Передонов), Надеждин (Володин), Воронина (Варвара), Ильина (Грушина), Кварталова, Валента и Костицына (сестры Рутиловы), Соболевский (Саша Пыльников). Публика встретила спектакль аплодисментами и шиканьем. «После нескольких картин дружно вызывали автора. Сологубу был поднесен “красивый венок”» (*В. Ш.* «Мелкий бес» (Вместо рецензии) // Харьковские ведомости. 1910. 22 янв. № 307. С. 2—3).

58
Мейерхольд — Сологубу
8 февраля 1910 года. Петербург

Дорогие Анастасия Николаевна
и
Федор Кузьмич,
11 февраля[1] (четверг) просим Вас к нам. Приходите непременно.
Ваши
О. и Вс. Мейерхольды.
8 — II — 1910.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 23—24, л. 25 — конверт.

[1] Карл-Теодор-Казимир Мейерхольд, родившийся 28 января 1874 г. (ст. ст.), в 1895 г. при переходе в православие сменил имя на Всеволод. 11 (24) февраля — день памяти благоверного князя Всеволода Мстиславича, в крещении Гавриила, Псковского, внука Владимира Мономаха (ум. в 1138 г.).

59
Мейерхольд — Сологубу
11 февраля 1910 года. Петербург

По случаю смерти Веры Федоровны Комиссаржевской[1] сегодняшнее собрание у нас[2] отменяется.
Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 26.

Телеграмма.

[1] В. Ф. Комиссаржевская скончалась в Ташкенте 10 февраля 1910 г.

[2] См. письмо Мейерхольда от 8 февраля 1910 г. Аналогичное телеграфное сообщение было отослано Вяч. И. Иванову, что дало основание составителям сборника «Мейерхольд В. Э. Переписка: 1896—1939» (С. 382) предположить, что собрание планировалось посвятить устройству спектаклей «Башенного театра» в квартире Вяч. И. Иванова.

60
Мейерхольд — Чеботаревской
11 февраля 1910 года. Петербург

По случаю смерти Веры Федоровны Комиссаржевской сегодняшнее собрание у нас отменяется

Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 160. Л. 3.
Телеграмма.

61
Чеботаревская — Мейерхольду
До 15 марта 1910 года. Петербург

Милый Всеволод Эмильевич

Если Вы еще не видели «М<елкого> беса»[1] — вот В<а>м карточка, с кот<орой> — лучше всего в понедельник (наиболее удобный для театра день) но можно, конечно, и в другой день — посылайте к 8 ч<асам> в кассу театра и дадут 2 места в 1-ом ряду. С приветом

Ан<а>с<тасия> Чеботаревская

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 49.

Датируется по содержанию ответного письма Мейерхольда от 15 марта 1910 года.

[1] Пьеса «Мелкий бес», переделанная Сологубом из романа и поставленная 7 января 1910 г. в московском театре К. Н. Незлобина, в марте этого же года в измененной редакции была показана в Петербурге (см.: *Сологуб Ф.* Мелкий бес / Изд. подгот. М. М. Павлова. СПб., 2004. С. 807—814).

62
Мейерхольд — Чеботаревской
15 марта 1910 года. Петербург

15. III — 1910.

Многоуважаемая

Анастасия Николаевна,

Вам и Федору Кузьмичу большое спасибо за контрамарки на «Мелкого беса». Сегодня быть не удастся, т. к. идет «Шут Тантрис»[1]. Пойду на этой неделе непременно.

Ваш

Вс. Мейерхольд.

<На полях:> Ольга Мих<айловна> кланяется и благодарит.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 160. Л. 4—5, л. 6 — конверт.

[1] Премьера пьесы Э. Хардта «Шут Тантрис» (худ. А. К. Шервашидзе, муз. М. А. Кузмина) состоялась в Александринском театре 9 марта 1910 г., 15 марта шел третий спектакль.

63

Сологуб — Мейерхольду

До 28 апреля 1910 года. Петербург

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Посылаю Вам 4 действие «Мелкого беса». По моему плану, нарушенному в том издании[1], которое у Вас есть, пьеса состоит из 5 действий и 2 эпизодов.

I действие у Передонова.

I эпизод у Коковкиной.

II действие в городском саду.

II эпизод у Рутиловых.

III действие у Передонова на новой кварт<ире>.

IV — « — « — после свадьбы (его и посылаю).

V — « — Маскарад

Теперь вот что: я получил кое-какие основания думать, что «Мелкий бес» на Императорскую сцену не попадет. Это отнимает от меня охоту засесть *сейчас* за переделку. По-моему, целесообразнее попытаться предложить «Мелкого Беса» Вашему театру в его теперешнем виде. Если он будет принят, я над ним поработаю; не будет, так отложу это до более свободного времени. Что Вы на это мне скажете?

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 18—19.

На именной почтовой бумаге. Датируется по содержанию ответного письма Мейерхольда от 28 апреля 1910 года.

[1] Имеется в виду литографированное издание журнала «Театр и искусство» (СПб., 1909), в котором после текста пьесы были напечатаны два дополнительных эпизода (2-я паг., с. 1—14). «Эпизод первый» содержал авторское указание «Между первым и вторым действиями», «Эпизод второй» — «Между вторым и третьим действием».

64

Мейерхольд — Сологубу

28 апреля 1910 года. Петербург

28 — IV — 1910

Дорогой

Федор Кузьмич,

очень извиняюсь, что своевременно не известил Вас о получении Вашего письма и рукописи к «Мелкому бесу». Очень жалею, что Вы

лишили меня возможности хлопотать во всеоружии. Пошлю Вашу пьесу г. Директору[1] в Карлсбад. Умышленно не давал ему этой пьесы здесь, т. к. был уверен, что здесь он не стал бы ее читать, а на отдыхе он прочитает ее непременно. Есть основание строить такое предположение. Крепко жму Вашу упрямую руку, любимый поэт.

Ваш

Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 27—28, л. 29 — конверт.

[1] Имеется в виду директор императорских театров Владимир Аркадьевич Теляковский (1860—1924).

65
Чеботаревская — Мейерхольду
Апрель 1910 года. Петербург

Милый Всеволод Эмильевич!

Не хотите ли покутить с нами в среду вечером — праздновать возвращение Сомова[1]? Если да — приходите к н<ам> к 10 ч. в<ечера> у н<а>с будут Толстые[2] и еще кое-кто и мы решим куда направиться.

Ф<едор> К<узмич> шлет привет. Скажите по тел<ефону> 106—44.

С приветом

Анс. Чеботаревская.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 1.

[1] Сомов Константин Андреевич (1869—1939) — художник, посетитель вечеров и маскарадов у Сологуба, автор его портрета (1910), эскиза обложки к серии книг «Театр» (1907), в которой был опубликован, в частности, отредактированный Сологубом перевод Федером пьесы Ф. Ведекинда «Пробуждение весны». В 1906 г. Сомовым был начат цикл портретов писателей и деятелей искусств — Вяч. Иванова (1906), А. Блока (1907), Е. Лансере (1907), М. Кузмина (1909), М. Добужинского (1910), Сологуба (1910) и др. Возможно, речь идет о возвращении Сомова в апреле 1910 г. после трехмесячного пребывания в Москве, когда он собирался начать писать портрет Сологуба. В статье 1910 г. о творчестве Сомова Чеботаревская писала о своеобразии его портретной живописи, об упреках критиков в отсутствии «реального» сходства» в его портретах, «Но для художника Сомова характер важнее сходства, и этим предопределяется трагическое устремление его портретов-картин» (*Чеботаревская Ан.* К. А. Сомов (родился в 1869 году в С.-Петербурге) // Солнце России. 1910. № 36. С. 10). См. также ее вторую статью о Сомове: *Чеботаревская Ан.* К. А. Сомов // Новая жизнь. 1912. № 2. С. 118—127. В архиве Сологуба сохранилось одно письмо Сомова к Сологубу 1911 г. (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 640) и 30 писем Сомова к Чеботаревской 1908—1917 гг. (Там же. Оп. 5. Ед. хр. 267).

[2] Алексей Николаевич Толстой (1882—1945), писатель, и его гражданская жена Софья Исааковна Дымшиц (1884—1963), художница, в 1910—1911 гг. были частыми посетителями Сологуба. Дымшиц вспоминала: «В это период нашей петербургской жизни мы стали посещать ряд писательских домов. Бывали мы у Вячеслава Иванова на его “средах”, бывали у А. М. Ремизова, у Федора Сологуба. <...> Я довольно

охотно бывала в доме Сологубов, ибо здесь часто появлялись художники — Бакст, Сомов, Кустодиев, Бенуа и другие. Алексея Николаевича же в доме Сологуба забавляла и немного раздражала хозяйка, окружавшая смешным и бестактным культом почитания своего супруга, который медленно и торжественно двигался среди гостей, подобный самому Будде» (*Дымшиц-Толстая С. И.* [Б. н.] // Воспоминания об А. Н. Толстом: Сборник. 2-е изд., доп. М., 1982. С. 67—68). Толстые участвовали в маскараде у Сологуба в 1911 г., А. Н. Толстой имел непосредственное отношение к знаменитому «делу об обезьяньем хвосте».

66
Чеботаревская — Мейерхольду
29 апреля 1910 года. Петербург

Милый Всеволод Эмильевич!

Наша поездка перенесена на четверг, т<а>к что если свободны, приходите к 10 ч. к н<а>м будем очень рады В<а>с видеть. К<онстантин> А<ндреевич Сомов>[1] тоже Вас хочет <видеть>.

Ваша А. Чеб<отаревская>

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 5.

Датируется по почтовому штемпелю.

Почтовая карточка.

[1] См. п. 65. Возможно, имеется в виду Константин Александрович Сюннерберг (1871—1942) — критик, поэт и переводчик.

67
Сологуб — Мейерхольду
5 ноября 1910 года. Петербург

5 н<оя>б<ря> 1910 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Прошу Вас и Ольгу Михайловну к нам, послушать мою новую пьесу[1]. Я буду читать ее два раза: в воскресенье 7-го и во вторник 9-го; приезжайте, когда Вам будет удобнее. Начинать буду в 9 часов.

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 9.

На именной почтовой бумаге. Адрес: СПБ. Разъезжая 31, кв. 4.

[1] Речь идет о драме в пяти действиях «Заложники жизни» (о ее постановке Мейерхольдом см.: *Галанина Ю. Е.* Вокруг «Заложников жизни». С. 157—175). 16 ноября 1910 г. Сологуб, предлагая В. и. Немировичу-Данченко прислать ему «для ознакомления» свою новую пьесу, писал: «Как и всякий русский драматический писатель, я, конечно, был бы счастлив увидеть свою пьесу поставленную Художественным театром, и буду очень рад, если Вы пожелаете с нею познакомиться. Готовый к услугам Федор Тетерников» (Музей МХАТ. Н.-Д. № 5753). Однако пьеса не заинтересовала МХТ (*Галанина Ю. Е.* Вокруг «Заложников жизни». С. 19), и 27 ноября писатель отправил Немировичу-Данченко телеграмму следующего со-

держания: «Москва. Художественный театр Немировичу-Данченко. Конечно если не подходит возвратите без преставления репертуарному комитету=Тетерников» (Музей МХАТ. Н.-Д. № 5754).

1911

68
Сологуб — Мейерхольду
21 января 1911 года. Петербург

21 янв<аря> 1911 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

25 декабря я послал Вам мою драму «Заложники жизни». М<ожет> б<ыть>, Вы за это время успели ее просмотреть. Как Вы знаете, я был вынужден обещать эту пьесу Новому драматическому театру[1], взамен «Мелкого беса», которого мне пришлось от них взять[2]. Теперь, к моей искренней радости, выяснилось, что этот театр от моей пьесы отказывается. Скажите мне, стоит ли попытаться провести ее в Александринский театр, и нравится ли она Вам лично. «Буду рад, коли понравится»[3].

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 10—10 об.

На именной почтовой бумаге.

[1] Речь идет о Новом драматическом театре (1909—1911) на Офицерской ул., 39, где в 1906—1907 гг. давал спектакли Драматический театр В. Ф. Комиссаржевской под режиссурой Мейерхольда. Антреприза А. Я. Леванта. Фактически художественным руководителем был Л. Н. Андреев, мечтавший создать подлинный театр исканий. Главный режиссер — А. А. Санин (см.: *Болхонцева С. К.* Леонид Андреев и Новый драматический театр в Петербурге. С. 92—112).

[2] 28 января 1911 г. К. А. Марджанов, режиссер Нового драматического театра, постановщик «Мелкого беса» в театре Незлобина в 1910 г., сообщил Сологубу, что его пьеса «Заложники жизни» «по своим техническим особенностям, своеобразной архитектонике и по конструкции развития ролей (особенно трех главных) не укладывается в рамки сценического исполнения», и театр вынужден от нее отказаться (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 878. Л. 16). См. также письмо А. Я. Леванта от 20 января 1911 г. к Сологубу:

> Милостивый Государь Федор Кузьмич,
>
> Письмо Ваше от 10-го января заставляет меня предположить, что память Вам изменяет, по крайней мере относительно истории сношений Нового драматического театра с Вами. Поэтому считаю необходимым восстановить факты.
>
> Пьеса Ваша «Мелкий бес» не была выпрошена у Вас, как Вы пишете, а была приобретена у Вас на совершенно ясных и определенных условиях.
>
> В прошлом году ее не удалось поставить, так как Вы не пожелали, чтобы пьесу ставил наш режиссер Бережной. Не желая идти против Вашего запрещения, театр (хотя и имел право поручать постановку пьес кому

находил нужным или возможным) перенес постановку «Мелкого беса» на следующий сезон.

К моему глубокому изумлению Вы дали Незлобину не принадлежавшее Вам разрешение ставить принадлежащую нам пьесу в Петербурге. Вы, по-видимому, так строго относитесь к вопросам приличия, что я предоставляю Вам судить о степени пристойности этого поступка. Чтобы вывести Вас же из создавшегося неловкого для Вас положения, театр предложил Вам заменить пьесу «Мелкий бес» другой Вашей пьесой, которую Вы обещали доставить в мае 1910 года. Мы терпеливо ждали обещанного, но когда прошел май, июнь, июль, август, а пьесы все еще не было, театр Вам напомнил о Вашем обязательстве. Присылку ее, несмотря на обещания, Вы откладывали со дня на день. Наконец 12-го ноября Вы прислали пьесу. Я передал ее в наш репертуарный совет, члены которого отнеслись к ней чрезвычайно внимательно. Вопрос о постановке Вашей пьесы обсуждался на нескольких заседаниях; решение совета Вам было сообщено.

Если между поступлением пьесы в совет и сообщением Вам ответа прошло около двух месяцев, то произошло это потому, что у театра есть постоянная текущая работа, заседания совета происходят в определенные дни и для того, чтобы пяти членам совета прочесть пьесу и обсудить затем вопрос о принятии или непринятии ее к постановке, нужно время.

Я настаиваю на том, что пристойность и приличия не были ни разу нарушены театром в сношениях с Вами.

Остальных возбужденных Вами вопросов как-то: неосновательности мотивов отказа, способности театра ставить только шаблонные пьесы, а остальные проваливать, предположения о моей неосведомленности в литературе, я предпочитаю не касаться, так как в одних Вы заинтересованная сторона, а тон Вашего письма заставляет меня сильно усомниться в Вашей способности быть беспристрастным, других (моя неосведомленность в литературе) Вы не знаете.

К заключению Вашего письма я безусловно присоединяюсь: правда, прошлогодняя история с “М<елким> б<есом>” должна была бы подсказать театру большую осторожность в сношениях с Вами, но так хочется видеть людей лучшими, чем они есть, что иногда оказываешь им доверие в ущерб своим интересам.

С совершенным почтением А. Я. Левант.

20 января 1911 г. (ИРЛИ. Ф 289. Оп. 3. Ед. хр. 394. Л. 6—6 об.).

[3] Строчка из стихотворения Н. А. Некрасова «Коробейники» (1861).

69
Мейерхольд — Сологубу
17 февраля 1911 года. Петербург

17 февр<аля> 1911<года>

Дорогой

Федор Кузьмич,

ко мне из Царского[1] приехали дети[2]. Очень рад им, но и досадно, что не могу быть у Вас[3]. А. Я. Головину[4] передал Ваше приглашение. Без меня он вряд ли приедет. Его в гости калачом не заманишь. Сговоримся

по телефону, когда бы отправиться к Головину в мастерскую. Там и потолкуем о Вашей чудесной пьесе[5]. Привет Анастасии Ник<олаевне>.

Уваж<ающий> Вас

Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 35—36, л. 37 — конверт.

[1] Царское Село под Петербургом.

[2] От первого брака с О. М. Мунт у Мейерхольда было три дочери: Мария (см. п. 12, примеч. 3), Татьяна (1902—1992) и Ирина (1905—1981).

[3] На именинах Ф. Сологуба.

[4] Головин Александр Яковлевич (1863—1930) — театральный художник, оформил большинство постановок Мейерхольда в императорских театрах («У царских врат» К. Гамсуна, «Дон Жуан» Ж.-Б. Мольера, «Борис Годунов» М. П. Мусоргского, «Орфей» Х.-В. Глюка, «Заложники жизни» Сологуба, «На полпути» А. Пинеро, «Зеленое кольцо» З. Н. Гиппиус, «Романтики» Д. С. Мережковского, «Маскарад» М. Ю. Лермонтова и др.).

[5] Имеется в виду пьеса «Заложники жизни».

70
Мейерхольд — Сологубу
3 апреля 1911 года. Петербург

3 апреля 1911 <года>

Дорогой Федор Кузьмич, не думайте, что я забыл о чудесных «Заложниках жизни».

Только теперь представляется возможным говорить о пьесе Директору.

А. Я. Головин взял на себя предложить Вл. А. Теляковскому прочитать пьесу[1].

Привет Ан<астасии> Ник<олаевне>.

Ваш *Вс. Мейерхольд.*

532-88 тел. Театральная пл., 2

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 38, л. 39 — конверт.

На конверте помета Мейерхольда о получении: «5. IV. 1911».

[1] Пьеса Сологуба, неофициально рассмотренная на последнем в сезоне заседании Театрально-литературного комитета 21 апреля 1911 г., была отрицательно оценена всеми членами Комитета, кроме Д. С. Мережковского. Глава петербургского Комитета Ф. Д. Батюшков 22 апреля в приватном письме Сологубу писал: «<...> Ваша пьеса, к<ото>рую я прочел, может вызвать некоторые возражения и в Комитете. Если же и дирекция, к<ото>рая может не считаться с особыми мнениями в Комитете, не предполагает включить в репертуар Вашу пьесу, то может быть, Вы сочтете излишним и вообще предоставлять ее на рассмотрение, даже осенью» (*Батюшков Ф. Д.* Письма Ф. Сологубу // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 56. Л. 10). См. записи в дневнике Теляковского: «23 апреля. Говорил по телефону

с Мейерхольдом — завтра он будет у меня с Головиным, чтобы переговорить по поводу пьесы Сологуба <...>. 24 апреля. У меня собирались Лаврентьев <Андрей Николаевич Лаврентьев (1882—1935) — режиссер. — *Ю. Г.*>, Мейерхольд, Головин, чтобы говорить по поводу пьесы Сологуба, а на вечер я еще вызвал членов Театрально-литературного комитета Мережковского, Батюшкова и Морозова <Петр Осипович Морозов (1854—1920) — историк театра, литературовед. — *Ю. Г.*>. <...> ... Члены литературного комитета высказались по поводу пьесы Сологуба "Заложники жизни". Кроме Мережковского, все другие говорили такую чепуху, что прямо было тошно слушать. Все безнравственное старики считают нравственным, и наоборот» (*Теляковский В. А.* Из дневников // Мейерхольд и другие: Документы и материалы. С. 87, 89).

71
Сологуб — Мейерхольду
8 апреля 1911 года. Петербург

8 апр<еля>1911 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Большое спасибо за Ваше милое письмо. — Не соберетесь ли Вы к нам как-нибудь пообедать? День назначьте сами. И попросите от нас А. Я. Головина, чтобы он приехал с Вами. Ан<астасия>Ник<олаевна> и я будем очень рады Вас увидеть и поговорить.

Ваш *Федор Тетерников.*

Нам пока все дни удобны (кроме, кажется, 10-го[1]). Когда выберете свободный для Вас и А. Я. Головина день, скажите по телефону.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 11.
На именной почтовой бумаге.
[1]10 апреля 1911 г. — Пасхальное воскресенье.

72
Чеботаревская — Мейерхольду
Конец апреля — до 25 мая 1911 года. Петербург

Многоуважаемый и милый Всеволод Эмильевич

Хотела все поговорить с Вами по телеф<ону>, но не удавалось — а сейчас лежу в постели, больна, и потому мы задержались в городе. Спасибо за Ваше письмецо по поводу книжек[1], — но только мне бы не хотелось чтобы Вы заподозрили меня в к<аких>-либо намерениях — просто захотелось послать В<а>м любимого Вами — а в данном случае и мною — автора. Мы еще здесь до понедельника[2] — если поправлюсь. Будем ждать В<а>с потом в *Удриас*[3]. Пока всего лучшего и всякого успеха

С приветом *Анс. Чеботаревская.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 20—20 об.

Карандашом.

Датировка этого письма вызывает определенные затруднения: упоминание эстонской деревни Удриас, где Сологуб отдыхал в 1911 и 1912 гг., позволяет отнести его к началу лета как 1911-го, так и 1912 г. В пользу 1911 г. говорит упоминание отосланных Мейерхольду книг Сологуба (в этом году в издательстве «Шиповник» вышли три книги из 12-томного собрания сочинений писателя (т. 2, 9, 11), в 1912 г. — только один: последний, 12-й). С другой стороны, упоминание Удриаса без всяких пояснений может свидетельствовать о том, что Мейерхольд уже был осведомлен о пребывании Сологуба и Чеботаревской в этой эстонской местности прошлым летом.

[1] Письмо не обнаружено.

[2] Понедельники в мае 1911 г. приходились на 2, 9, 16, 23.

[3] Эстонская деревня Удриас вблизи Нарвы, в 1 ½ верстах от почтовой станции Меррекюль. Близость к Балтийскому морю Сологуб очень ценил и отдыхал в прибрежных районах Эстляндской губернии с 1909 г.: *в* 1911 и 1912 гг. — в Удриасе, в 1913 г. — в деревне Тойла (п/о Йеббе) (см.: *Мисникевич Т.* Федор Сологуб и Эстония: заметки к теме // Блоковский сборник 18. Тарту, 2010. С. 112—124).

73
Сологуб — Мейерхольду
25 мая 1911 года. Удриас

Дорогой Всеволод Эмильевич, шлю Вам сердечный привет из Удриаса. Как поживаете? Что слышно о «Зал<ожниках> жизни»? Мой адрес: Почт<овое> отд<еление> Меррекюль, Эстл<яндской> губ<ернии>, деревня Удриас, дача Адама Раутса. — Привет Ольге Михайловне. А<настасия> Н<иколаевна> кланяется Вам обоим.

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 12.

Открытка с видом: дача П. А. Кочнева в Удриасе[1].

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Дача П. А. Кочнева была одной из достопримечательностей Удриаса. Павел Алексеевич Кочнев (1853—1906), лесопромышленник, сын купца второй гильдии, имел лесопильный завод в Нарве и фанерную фабрику в Усть-Нарве (Гунгерберг). Дача принадлежала его жене Ольге Александровне Кочневой (урожд. Лаврецовой; 1860—1942).

74
Мейерхольд — Сологубу
3 июня 1911 года. Петербург

3 — VI — 1911

Дорогой Федор Кузьмич, как только Директор[1] вернулся из Парижа, снова был поднят вопрос о «Зал<ожниках> жизни». Директор, уезжая в Париж, поручил А. Д. Крупенскому[2] отправить один из Ваших списков в Москву, к некоему Давыдову[3], одному из членов

Московского литерат<урно>-театрального комитета, и спросить его мнение — может ли пьеса пройти в Московском комитете. Давыдов еще не ответил Вл. А. Теляковскому.

Я и Головин пишем по поручению последнего письмо Давыдову, просим ускорить ответ. Директор не изменил своего отношения к пьесе: ему она нравится и он старается уладить дело, если не с петербургским, то с московским комитетом.

Н. А. Котляревский[4] зол на меня. Вяч<еслав> Ив<анович Иванов>[5] передал ему: я сообщил Вам, что Н. А. Котляревский делал особый «доклад» Директору, отрицательный о «Зал<ожниках> жизни».

Напрасно Вы сказали это Вяч<еславу> Ив<ановичу>. Я сообщил Вам нечто конфиденциальное: Н. А. Котляревский писал о пьесе Директору, что комитет ее не пропустит. Директор, сообщая мне об этом, вряд ли хотел, чтобы об этом знали многие.

«Письмо» выросло в «доклад».

Котляревский обозвал меня Вяч<еславу> Ив<анови>чу «интриганом».

По этому поводу мне придется писать Директору, объясняться. Скучно. Прошу Вас написать, какой был у Вас разговор с Вяч<еславом> Ив<ановичем>. Это важно знать.

А. Я. Головин получил Ваше письмо (как и я — открытку[6]). Кланяется. Благодарит за память.

Мне хочется к Вам в Удриас.

Крепко жму руку Вашу.

Любящий Вас *Вс. Мейерхольд.*

P. S. Все списки «Зал<аложников> Ж<изни>» у Директора. А мне надо иметь список для подготовки материалов.

Автограф[7]: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 40, л. 41 — конверт.

[1] В. А. Теляковский.

[2] Крупенский Александр Дмитриевич (1875—1939) — чиновник особых поручений при директоре императорских театров с 1903 г., управляющий петербургской Конторой императорских театров с 1907 по 1913 г.

[3] Давыдов Николай Васильевич — председатель московского отделения Театрально-литературного комитета. 11 мая 1911 г. от имени Крупенского Давыдову был отослан экземпляр пьесы Сологуба «Заложники жизни» для ознакомления и сообщения Теляковскому «личного отзыва» Давыдова о пьесе (см.: РГИА. Ф. 497. Оп. 10. Ед. хр. 1147. Л. 4).

[4] Котляревский Нестор Александрович (1863—1925) — историк литературы, переводчик, критик. В 1908—1917 гг. — заведующий репертуаром Александринского театра. Один из устроителей и первый директор Пушкинского Дома.

[5] Согласно дневниковым записям М. А. Кузмина, 23 мая и 1 июня Мейерхольд был у Вяч. И. Иванова; 27 мая в связи со своим посещением Мейерхольда Кузмин замечает: «там все интриги и интриги» (*Кузмин М.* Дневник 1908—1915. С. 285—

287). Позднее, 13 июля 1911 г., Вяч. Иванов, В. К. Шварсалон вместе с жившей этим летом в Эстляндской губернии М. М. Замятниной, домоправительницей Ивановых, навещали Сологуба. Чеботаревская в это время была в Москве (см.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова. С. 317). В написанном Ивановым 16 июля 1911 г. стихотворном послании к Сологубу «Vox populi» («Милый мастер, сочините нам комедию в стихах...») заметны отзвуки пьесы Сологуба «Заложники жизни» («За волшебной эпопеей, образ жизни повседневной — дайте в прозе нам роман!» (*Иванов Вяч.* Письма к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. С. 145).

[6] См. п. 73.

[7] В архиве Мейерхольда сохранилась копия этого письма Сологубу, возможно, для представления Теляковскому (РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 969. Л. 1—1 об.).

75
Сологуб — Мейерхольду
5 июня 1911 года. Удриас

5 июня 1911 г<ода>
Дорогой Всеволод Эмильевич,

Сейчас получил Ваше письмо. Я очень тронут Вашим вниманием и Вашими заботами о моей пьесе. Будем надеяться, что они увенчаются успехом. Мне очень досадно, что разговоры Вячеслава Ивановича причинили Вам досаду и огорчение. Но дело в том, что ни я, ни Анастасия Николаевна не имели никакого разговора с Вячеславом Иванов<ичем> относительно постановки моей пьесы. Я знаю, что Вяч<еслав> Ив<ванович>, узнав о том, что я отправил пьесу[1] в Лит<ературно>-Т<еатральный> Комитет, захотел оказать мне дружескую услугу, и беседовал о ней с Котляревским. Знаю это не от него самого, а из рассказов третьего лица. — Соберитесь как-нибудь к нам в Удриас, мы с Ан<астасией> Ник<олаевной> будем очень рады. Погода здесь начинает поправляться, здесь тихо, мирно, малолюдно, легко и спокойно, — словом, хорошо. Ехать к нам надо на станцию *Корф*[2] Балт<ийской> ж<елезной> д<ороги> (первая за Нарвою станция), оттуда 4 версты, на станции бывают днем извозчики, а если извозчика нет (ночью), то дает лошадь и экипаж начальник станции; если же сообщите заранее, с каким поездом приедете, то пришлем на станцию нашего хозяина, Адама Раутса, — он занимается этим делом. Помещение для ночлегов у нас есть. Приезжайте, — отдохнуть от Петербурга и всего прочего.

Ан<астасия> Ник<олаевна> кланяется.

Жму крепко Вашу руку.

Сердечно Вас любящий

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 13—14.

На именной почтовой бумаге. Вместо зачеркнутого адреса «СПб., Разъезжая, 31 кв. 4» вписано: Меррекюль Эстл<ляндской губернии.

[1] Имеется в виду пьеса «Заложники жизни».

[2] Ныне — Аувере; станция находилась в 14 верстах от Нарвы и 7 верстах от Меррекюля.

76
Чеботаревская — Мейерхольду
6 июня 1911 года. Удриас

Милый Всеволод Эмильевич! Спасибо за милое письмо. Жаль, что «Заложники» окружены такими терниями[1], но надо бороться до конца. Приезжайте к н<а>м — выберете только сносную погоду — будем Вам очень рады. С приветом

Анс. Чеботаревская

Ехать надо до ст. Корф Балт<ийской> ж<елезной> д<ороги> (1-ая <станция> за Нарвой).

Это парк — рядом с нами.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 6.

Открытка с видом парка Монплезир[2].

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] См. п. 74.

[2] Монплезир — деревня и парк вблизи деревни Удриас.

77
Сологуб — Мейерхольду
25 июня 1911 года. Удриас

25 июня 1911 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Очень извиняюсь, что не успел доставить Вам рукопись[1]. Дело в том, что я забыл здесь, на даче, ключ от шкапа, где у меня лежит на городской квартире эта пьеса. Ужасно досадно. Но, конечно, это дело поправимое. Когда Вам понадобится пьеса, я приеду в город, и ее Вам доставлю. — Соберитесь к нам, у нас очень хорошо. — Привет Ольге Михайловне. — Ан<астасия> Н<иколаевна> кланяется Вам обоим.

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

(Меррекюль, Эстл<яндской> губ<ернии>, дер<евня> Удриас, дача Адама Раутса).

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 15—15 об.

На именной почтовой бумаге. Адрес «СПб., Разъезжая, 31 кв. 4» и телефон «106—44» зачеркнуты.

[1] Речь идет о рукописи «Заложников жизни», понадобившейся для представления в Московский Театрально-литературный комитет.

78

Мейерхольд — Сологубу

15 июля 1911 года. Петербург

15—VII—1911

Дорогой Федор Кузьмич,

очень извиняюсь, что долго не отвечал на письмо Ваше от 25 июня.

Узнал, что в библиотеке при нашем театре имеется один экземпляр «Заложников жизни», возвращенный кем-то из читавших по поручению Директора.

Возьму этот экземпляр.

К Вам приеду непременно. В двадцатых числах (в начале) Вы никуда не собираетесь уезжать?

Шлю привет милой Анастасии Николаевне. Ольга Михайловна в Саратовской губернии[1].

Крепко жму Вашу руку.

Дружески Ваш

Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 42—43, л. 44 — конверт.

[1] Летом 1911 г. О. М. Мейерхольд с детьми, а также муж ее сестры Е. М. Мунт А. А. Голубев отдыхали в имении сестры О. Мейерхольд Марии Михайловны Михайловой (урожд. Мунт) Лопатино (ст. Чаадаевка Саратовской губернии Кузнецкого уезда).

79

Сологуб — Мейерхольду

16 июля 1911 года. Удриас

16 июля 1911 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Пожалуйста, приезжайте, будем очень рады. Погода у нас такая хорошая, что можно отбавить, — что называется, благодать Господня. Мы пока никуда не собираемся, и в начале двадцатых чисел этого месяца будем здесь. Ехать к нам на станцию Корф Б<алтийской> ж<елезной> д<ороги> (первая за Нарвой), оттуда 4 в<ерсты> на извозчике.

Ан<настасия> Н<иколаевна> кланяется.

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

<Вверху листа:> Меррекюль, Эстл<яндской> г<убернии, деревня> Удриас, д<ача> Адама Раутса.

<В правом нижнем углу:> P. S. Написал скверно — наскрябал, — потому что очень уж жарко.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998 Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 16.

На именной почтовой бумаге. Адрес «СПб., Разъезжая, 31 кв. 4» и телефон «106—44» зачеркнуты.

80
Сологуб — Мейерхольду
5 августа 1911 года. Удриас

5 авг<уста> 1911 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Что же Вы не приезжаете[1]? Июль у нас (как и везде, впрочем) был великолепен, так что мы уже начинали было, по легкомыслию, роптать на жару, — и мы Вас ждали, ждали, ждали. Теперь погода не того, но, м. б. все-таки выберете ясные денечки? Как дела с пьесой? Можно ли иметь сладостные надежды? Или, м<ожет> б<ыть>, уже все решено в наилучшем смысле, и мы можем радоваться победе? Вы не можете себе представить, с какою приятностью я вспоминаю Вашу постановку «Победы Смерти», и как был бы рад, если бы и «Заложники» мои Вы ставили! — Если не приедете, черкните об этом строчку. А лучше приезжайте.

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

<Сверху вписано:> Меррекюль, Эстл<яндской губернии>, дер<евня> Удриас, д<ача> Адама Раутса.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 17.

На именной почтовой бумаге. Адрес «СПб., Разъезжая, 31 кв. 4» и телефон «106—44» зачеркнуты.

В верхней части листа помета Мейерхольда: «Ответил 6 — VIII —11».

[1] В июле 1911 г. Мейерхольд был занят напряженной работой по подготовке к постановке пьес М. Ю. Лермонтова «Маскарад» и Л. Н. Толстого «Живой труп».

81
Мейерхольд — Сологубу
6 августа 1911 года. Петербург

6 — VIII — 1911.

Любимый

Федор Кузьмич,

уж Вы не сердитесь. Не мог приехать. И вряд ли смогу приехать. — Пока еще нет ответа из Москвы. Но я почему-то уверен, что ответ будет благоприятный. Я говорю об ответе Моск<овского> Лит<ературно>-

Театр<ального> Комитета касательно «Заложников жизни». Большое спасибо за доверие. И я мечтаю о постановке «Заложников». Мы победим уже по одному тому, что нам очень мешают.

Анаст<асии> Ник<олаевне> мой нижайший привет. Когда Вы вернетесь в Питер?

Ваш

Вс. Мейерхольд.

Ольга Мих<айловна> кланяется.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 45—45 об., 46, л. 47 — конверт.

82
Сологуб — Мейерхольду
6 октября/23 сентября 1911 года. Мюнхен

Милый Всеволод Эмильевич,

Шлем Вам и Ольге Михайловне привет из Мюнхена, где живем уже несколько дней, были в кабачке Simplicissimus[1], видели Сюзан Депре[2] в гнусной пьесе Ротшильда <sic!>[3] и Rosencavalier'a[4]; в кабаре было очень мило и весело. Познакомились с Ведекиндом[5], были на немецких балаганах (Octoberfest)[6]. Как Вы поживаете? Черкните в Монте-Карло[7], где поживем несколько дней. Ан<астасия> Николаевна> кланяется.

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 20.

Открытка с видом ратуши и Мариенплатц в Мюнхене (München. Rathaus und Marienplatz).

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Кабачок Simplicissimus («Simpl») был открыт в 1903 г. при знаменитом мюнхенском сатирическом еженедельнике «Simplicissimus» (1896—1944). Владелицей кабачка, располагавшегося на Türkenstrasse, 57 и пережившего период расцвета в 1903—1912 гг., была Кати Кобус. Здесь встречалась интеллектуальная элита баварской столицы: Ф. Ведекинд, Людвиг Тома, Томас Теодор Гейне и др. (см.: *Walter D.* Die Künstlerkneipe Simplicissimus — Geschichte eines Münchener Kabaretts 1903 bis 1960 / Mit einem Vorwort von Konstantin Wecker. München: München Verlag, 2008).

[2] Депре Сюзан (наст. имя и фам. Жозефин Шарлотт Бувале; 1874—1951) — французская актриса театра и кино, жена Орельена-Франсуа-Мари Люнье-По, в 1893—1929 гг. руководившего парижским театром символистов «Эвр», одним из предшественников условного театра Мейерхольда. Также играла в театрах «Водевиль», «Жимназ», в театре Антуана, «Комеди Франсез» и др. В статье 1915 г. «Правда искусства» Сологуб упоминал имя Сюзан Депре, художественными приемами творившей высокое искусство на сцене, выражал сожаление, что русская публика не имела случая видеть ее выступления (Театр и искусство. 1915. 19 апр. № 16. С. 274).

[3] Ротшильд (Рашильд) — псевдоним французской писательницы Маргерит Валет (Marguerite Vallette, урожд. Маргарита Эмери; 1860—1953). Ее произведения шли в театре В. Ф. Комиссаржевской: пьесы «Продавец Солнца» (была поставлена Р. А. Унгерном в один вечер с «Победой смерти» Сологуба 6 ноября 1907 г.) и «Го-

спожа Смерть» в режиссуре А. П. Зонова (впервые 17 октября 1908 г.). Во Франции в театре «Эвр» была поставлена пьеса Рашильд «Хрустальный паук» (1894).

[4] Комическая опера Рихарда Штрауса «Кавалер роз» (правильное название: «Кавалер розы»), созданная в 1909—1910 гг. на либретто Г. фон Гофмансталя, впервые была поставлена М. Рейнхардтом в январе 1911 г. в Дрездене, в том же году состоялись премьеры в Мюнхене (1 февраля 1911 г. — в Королевском придворном и национальном театре) и в других городах.

[5] Ведекинд Франк (1864—1918) — немецкий драматург, актер и кабареттист. Мейерхольд и Ф. Ф. Комиссаржевский в апреле 1907 г. были в Берлине, увидев пьесу Ведекинда «Пробуждение весны» в постановке М. Рейнхардта, решили поставить ее в своем театре.

[6] Октоберфест — пивной фестиваль, ежегодные народные гуляния в Мюнхене, проходящие с 1810 г. в середине сентября — начале октября, для которых изготовляются особые сорта пива. Праздник сопровождается костюмированными шествиями, аттракционами и устройством балаганов, в которых выступают бродячие артисты со всей Германии.

[7] Согласно письму Сологуба к К. А. Сюннербергу, 11 октября 1911 г. Сологуб и Чеботаревская уехали из Мюнхена в Цюрих (см.: ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 261. Л. 61).

83
Сологуб — Мейерхольду
16/3 октября 1911 года. Генуя

Милый Всеволод Эмильевич, здравствуйте.

Шлю Вам сердечный привет из Генуи (тоже город! Бог прости ему и итальянцам, — а лучше немцев никто не приютит странника). Дошел до меня слушок, что «З<аложники> ж<изни>» одобрены[1]; черкните, милый Всеволод Эмильевич, что и как, в Монте-Карло, poste restante*. — Ольге Михайловне привет и поклон. Ан<астасия> Н<иколаевна> Вам обоим кланяется.

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 21.

Открытка с видом фонтана на площади Колумба в Генуе.

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] 18 сентября 1911 г. на заседании московского отделения Театрально-литературного комитета пьеса Сологуба была признана «допустимой к постановке на сцене императорских театров» (РГИА. Ф. 497. Оп. 10. Ед. хр. 1151. Л. 31).

84
Мейерхольд — Сологубу
23 октября 1911 года. Петербург

23 октября 1911.

Дорогой Федор Кузьмич,

---

* до востребования (*франц.*).

на Ваши любезные открытки с чужбины, за меня, больного[1], — ответил Вам Г. Г. Гюнтер[2]. Письмо отправлено было в Monte-Carlo, *p<oste> r<estante>*. Справьтесь на почтамте.

Московский комитет «одобрил» Вашу пьесу. Следовательно, вопрос о постановке ее решается в положительном смысле. О времени постановки Вашей пьесы надо решить нам всем совместно с Вами у Директора. Когда Вы возвращаетесь? Пишите. Привет Ан<астасии> Ник<олаевне> мой и Ольги Михайловны. Кланяемся и Вам.

Любящий Вас

Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 19, л. 19-а — конверт.

[1] Мейерхольд страдал периодическими обострениями туберкулеза плечевого сустава.

[2] Гюнтер (Günter) Иоганнес фон (1886—1973) — немецкий поэт, драматург и переводчик, автор книги воспоминаний «Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München: Erinnerungen. München. 1969». Неоднократно посещал Петербург, некоторое время жил на «Башне» Вяч. Иванова, где и состоялось его знакомство с Мейерхольдом (см. публикацию фрагмента, в том числе о встречах с Мейерхольдом: *Гюнтер фон И.* Жизнь на восточном ветру. Из книги / Пер., подгот. текста и коммент. К. М. Азадовского // Наше наследие. 1990. № 6. С. 64). См. письмо Гюнтера Сологубу:

Петербург, 14 окт. 11

Многоуважаемый

Федор Кузьмич.

Я только что зашел к Всеволоду Эмильевичу и нашел его больным в постели, и так как у него совершенно не действует правая рука, то он попросил меня написать Вам за себя: 1) В. Э. благодарит за открытки из Монте Карло и Генуи; 2) «Заложники жизни» московским комитетом одобрены и следовательно вопрос о постановке Вашей пьесы на александринской сцене решается в положительном смысле. 3) В<севолод> Э<мильевич> и Ольга Михайловна Вам и Анастасии Николаевне низко кланяются.

С совершенным почтением

Иоганнес фон Гюнтер. (ИРЛИ. Ф 289. Оп. 3. Ед. хр. 222. Л. 10—10 об.)

85
Сологуб — Мейерхольду

Конец октября — начало ноября 1911 года. Монте-Карло[1]

Monaco, Condamine[2],

Hotel d'Orient.

Милый Всеволод Эмильевич,

Спасибо за добрые вести. Письма Ваши я получил; очень рад, что заботы Ваши увенчались успехом, и теперь с радостным нетерпением буду ждать, когда Вы приступите к постановке. Вернемся в Петербург мы недели через 2 (около 15 ноября), но разве надо мне быть в Петербурге, чтобы мог быть решен вопрос о времени постановки? Мое

скромное авторское мнение в этом отношении может быть только одно: чем скорее, тем лучше, и, м. б., к нашему возвращению в Петербург Вы уже приготовите приятную весть о том, что пьеса пойдет тогда-то. — Здесь очаровательная погода, и только порою (как вчера и сегодня) дождь и пасмурно, но все же тепло. Наша Кондамина, где мы живем, — уютное и милое место, откуда близко ко всему, что здесь есть. Живем тихо, читаем «Речь», которая приходит к нам на пятый день, понемножку играем, слушаем музыку в концертном зале здешнего Казино. — Шлем сердечный привет Ольге Михайловне и Вам.

Ваш *Федор Тетерников.*

P. S. Если захотите черкнуть словечко, то письмо еще может застать, надеюсь, или его перешлют нам в Париж.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 23—23 об.

Датируется по содержанию.

[1] 27 октября 1911 г. Сомов писал в Монако Чеботаревской: «Как игра? Все удача?» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 267).

[2] La Condamine — один из районов Монако, расположенный на побережье Средиземного моря в бухте между мысами Монако и Монте-Карло, порт и деловой центр Монако.

86
Сологуб — Мейерхольду
30/17 октября 1911 года. Монте-Карло

Милый Всеволод Эмильевич, здравствуйте!

Шлю привет Вам и Ольге Михайловне. Здесь хорошо, ясно и тепло, а у Вас, кажется, морозцы? Черкните, как с моей пьесою, мы еще пробудем здесь дней 10. Мой адрес: Monaco, Monte-Carlo, boulevare de la Condamine, Hotel d'Orient. Ан<астасия>Н<иколаевна> Вам обоим кланяется.

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 22.

Открытка с видом: Musée Océanographique de Monaco. — Façade Principale (Delafortrie, architecte)[1].

[1] Океанографический музей в Монако. Главный фасад. Архитектор Делафортри.

87
Сологуб — Мейерхольду
До 21 декабря 1911 года. Петербург

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Посылаю пьесу[1], но должен оговориться, что, в виду кое-каких обстоятельств, этим не предрешается с моей стороны вопрос о ее постановке.

Маленькое предварительное замечание к предмету нашего вчерашнего разговора: нельзя ли, в виду несложности «З<аложников>ж<изни>», втиснуть «З<аложники> ж<изни>» между «Орф<еем>» и «Маск<арадом>» и поставить в январе? Само собою разумеется, что без участия А.Я. Головина ставить пьесу эту никак нельзя.

Ваш

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 28—28 об.

Датируется по содержанию (премьера оперы Х.-В. Глюка «Орфей» в Мариинском театре (реж. Мейерхольд) состоялась 21 декабря 1911 г.).

[1] Имеется в виду пьеса «Заложники жизни».

88
Сологуб — Мейерхольду
До 22 декабря 1911 года. Петербург

Милый Всеволод Эмильевич,

Не могу удержаться от того, чтобы написать Вам несколько слов восхищения и восторга[1]. Вы и Головин доставили нам такую радость, какую редко приходится испытывать в театре. Я знаю, как много шло здесь от Вас лично; во множестве подробностей и в целом замысле я с величайшим волнением (потому что я Вас очень люблю) узнавал Вашу руку, Вашу мысль, Вашу смелость и красоту замысла. Настоящих слов для выражения моего восторга я и найти не сумею, но не устал бы хвалить Вас много, много. Примите мою большую, искреннюю благодарность за испытанное.

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

P. S. В четверг вечером 22[2] ждем Вас и Ольгу Михайловну.

P. P. S. Танцы Фокина[3] хороши, но кое-что в них слишком знакомо, мне кажется, что он не так много работал, как мы читали в его интервью.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 25—25 об.

Датируется по содержанию.

[1] После премьеры постановки Мейерхольдом оперы «Орфей» Теляковский отметил в дневнике: «Спектакль был самым выдающимся в этом сезоне» (*Теляковский В. А.* Из дневников // Мейерхольд и другие. С. 95).

[2] 22 декабря — день поминовения великомученицы Анастасии, именины Чеботаревской.

[3] Фокин Михаил Михайлович (1880—1942) — балетмейстер и артист балета, постановщик балетных сцен в опере «Орфей».

1912

89
Мейерхольд — Сологубу
23 февраля 1912 года. Петербург

Дорогой
Федор Кузьмич,
так как я, как Вы увидите из прилагаемого расписания, занят с 10 3/4 до 12 3/4 часов утра (в воскресенье, 26-го) на репетиции «Маскарада», — заехать за Вами, как обещал, не смогу[1]. Приезжайте к 1 часу дня один с «*Артистического подъезда*», велите подать мне Вашу визитную карточку, я тотчас встречу Вас и проведу на сцену. Вход в «Артистический подъезд» со стороны Театральной улицы[2].

/Рис: Театральная улица Александринский театр./

Привозите экземпляр[3]. Тот, который был у меня (получил из библиотеки Имп<ераторских> т<еатров>), отдан переписчице ролей. Если у Вас нет экз<емпляра>, сообщите по телефону. Тогда я на воскресенье вытребую мой экз<емпляр> от переписчицы.

Жму руку. Ваш

Всеволод Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 48—49, л. 50 — конверт.

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Речь идет, очевидно, о приглашении Сологуба в Александринский театр, связанном с постановкой «Заложников жизни». Согласно дневнику Теляковского, Сологуб присутствовал на репетиции своей пьесы 29 апреля 1912 г. (*Теляковский В. А.* Из дневников. С. 96). В августе 1912 г. в интервью «Петербургской газете» Мейерхольд сообщал, что весной этого года постановка пьесы Сологуба «...была настолько готова, что на последней репетиции перед тем, как разъехаться на лето, пьесу смотрели: Вл. А. Теляковский, Ф. Сологуб (автор пьесы), В. Г. Каратыгин, которому заказана музыка к пьесе, и несколько артистов труппы, незанятые в пьесе» (Петербургская газета. 1912. 17 авг. № 225. С. 4).

[2] Ныне — ул. Зодчего Росси.

[3] 1 января 1912 г. в петербургском еженедельнике «Театр и искусство» (1912. 1 янв. № 1. С. 3) впервые было официально извещено, что пьеса Сологуба принята к постановке на сцене Александринского театра (см.: *Галанина Ю. Е.* Вокруг «Заложников жизни». С. 157—175). 11 марта 1912 г. сообщалось: «В Александринском театре в настоящее время идут репетиции пьесы Ф. Сологуба “Заложники жизни”» (Театр и искусство. 1912. 11 марта. № 11. С. 235).

90
Чеботаревская — Мейерхольду
До 25 марта 1912 года. Петербург

Дорогой Всеволод Эмильевич!

Вечер с Вашей пантомимой[1] назначен у нас 7-го апр<еля>, но я сегодня с огорчением узнала, что Анна Фед<оровна>[2] будет это

время в поездке (и 5-го — хоровод[3]!); Ольга Афанас<ьевна>[4] очень хочет играть с Вами (!) т<а>к что может ее заменить — зависит только от Вас — захотите ли Вы, но Вы — милый, и хотя не следует Вас тревожить, но я все же надеюсь, что Вы срепетируете с нею и все наладится... .

Как Ваше здоровье? Если будет настроение — приходите к нам под Пасху, мы с Судейкиными[5] идем гулять, а потом вернемся к нам. Пока до свидания!

Ваша Анс. Ч<еботаревская>.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 8—9.

Датируется по содержанию. Пасха в 1912 г. праздновалась 25 марта (ст. ст.) / 7 апреля (н. ст.).

Над текстом помета Мейерхольда: «весна 12 г.».

[1] Речь идет о благотворительном вечере в квартире Сологубов, на котором была показана пантомима В. Н. Соловьева «Арлекин — ходатай свадеб» (реж. В. Э. Мейерхольд и В. Н. Соловьев), впервые поставленная 8 января 1911 г. в зале Дворянского собрания на вечере М. А. Ведринской. В течение сезона 1911/1912 гг. пантомима была показана не менее шести раз на различных площадках. Сценарий пантомимы был сочинен Соловьевым с целью реконструкции сценических приемов итальянской комедии масок, которые, по мнению постановщиков, могли возродить современный театр, переживающий глубокое кризисное состояние. На вечере у Сологуба, в отличие от других спектаклей, не были использованы традиционные костюмы героев комедии дель арте, пантомима была представлена «актерами в смокингах, фраках и бальных костюмах, причем добавлением к современным костюмам служили лишь типичные атрибуты commedia dell'arte: маска, бубен, палочка Арлекина, головные уборы, оттеняющие ту или иную особенность характера» — использован прием, спустя десятилетие вошедший в практику сценического искусства под названием «игра с вещью», с «театральным прибором» (см.: Театральные термины и понятия: Материалы к словарю. Вып. 1. С. 175—176).

[2] Имеется в виду Анна Федоровна Гейнц (1885?—1927) — актриса; ученица Студии Мейерхольда на ул. Жуковского (1907). Сотрудничала с Мейерхольдом в Доме интермедий, Териокском товариществе и Студии на Бородинской.

[3] 5 апреля 1912 г. в Литейном театре «Мозаика» (гл. реж. В. А. Казанский), с которым ранее сотрудничал Мейерхольд (см.: *Тучинская А.* Мейерхольд и «Театр сильных ощущений»: антреприза Казанского. 1909 год // Вопросы театра. PROSCAENIUM. 2013. № 1—2. С. 244—255), был показан сборный спектакль, в программу которого входил «Хоровод» (Русские пляски) в постановке Б. Г. Романова. Исполнители: «парни» — Маргаритов, Полозюк, Вася Полозюк, Вреден-Полевой, Радошанский, Корвет, Санина, Успенский; «девушки»: Никитина-Тамарина, Прикот, Стафьянова, Лебединская, Морская (см.: Обозрение театров. 1912. 5 апр. № 1692. С. 22).

[4] Имеется в виду Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина (1885—1945) — актриса, танцовщица, художница, модельер, жена художника С. Ю. Судейкина, знакомая Чеботаревской (см. ее письма к Чеботаревской за 1910—1921 гг.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 272).

[5] О. А. Глебова-Судейкина и Сергей Юрьевич Судейкин (1882—1946) — живописец, театральный художник. Сотрудничал с Мейерхольдом в Театре-студии на Поварской, театре Комиссаржевской и Доме интермедий.

91
Чеботаревская — Мейерхольду
2 апреля 1912 года. Петербург

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Хороводницы оповещены на вторник к н<а>м в 9 ч. в<ечера> — если Вы не сможете в эт<от> час — то пока позанимаемся одни. А кто в «пантомиме» Соловьева[1] заменит Гейнц (7-го у нас) Судейкина очень хотела, но Вл<адимир> Ник<олаевич>, кажется, пригласил другую — жаль, она могла бы и потанцевать там. С приветом Анс. Чеботаревская.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 7—7 об.

Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Соловьев Владимир Николаевич (1888—1941) — филолог, актер, режиссер, театральный критик, драматург, театральный деятель, специалист в области комедии дель арте, один из основоположников русского театроведения. Сближение с Мейерхольдом, начавшееся в 1911 г., переросло в тесное творческое сотрудничество. В 1913—1916 гг. — ведущий преподаватель Студии на Бородинской и сотрудник журнала «Любовь к трем апельсинам». Сопостановщик Мейерхольда и автор пантомимы «Арлекин — ходатай свадеб», показанной в квартире Сологуба в 1912 г. Постановщик пьесы М. Сервантеса «Саламанкская пещера», показанной в том числе на организованном Сологубом и Чеботаревской в 1915 г. вечере современного искусства.

92
Сологуб — Мейерхольду
11 июня 1912 года. Удриас

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Как поживаете? Что поделываете? Мы живем полегоньку в Удриасе[1] и воображаем, как Вы открываете в Териоках[2]. Не забывайте и нас, а наш адрес, если писать: Меррекюль, Эстл<яндской> губ<ернии>, деревня Удриас, дача Адама Раутса, а если ехать: Ст<анция> Корф, Балт<ийской> ж<елезной> д<ороги>, а дальше то же самое. — Ольге Михайловне привет. Ан<астасия> Ник<олаевна> Вам обоим кланяется.

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 26.

Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] См. п. 72, примеч. 3.

[2] Открытие спектаклей Товарищества актеров, писателей, художников и музыкантов под руководством Мейерхольда состоялось в Териоках 9 июня 1912 г. Спектакли давались в местном театре «Казино», для актеров была снята дача, где жили коммуной. Постановки Товарищества, на которые публика специально при-

езжала из Петербурга, носили экспериментальный характер (*Галанина Ю. Е.* Любовь Дмитриевна Блок: Судьба и сцена. М., 2009. С. 132—157).

93

Сологуб — Мейерхольду

30 июня 1912 года. Удриас

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Шлю Вам дружеский привет из Удриаса. Как поживаете? Писал Вам на днях в город[1], не знаю, получили ли Вы письмо. — Черкните, пожалуйста, не слышали ли Вы чего-нибудь относительно постановки «Зал<ожников> ж<изни>» в Москве. Читаю в газетах, что эта постановка в М<алом> театре под сомнением, а в чем дело, не знаю[2]. — Привет Ольге Михайловне. От Ан<астасии> Н<иколаевны> Вам обоим привет.

Сердечно Ваш

Федор Тетерников

Меррекюль, Эстл<яндской> губ<ернии>, дер<евня> Удриас, дача Адама Раутса.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 27.

Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] См. п. 92.

[2] 9 июня 1912 г. в анонимной заметке «Малый театр» в газете «Русское слово» сообщалось, что «предположительный репертуар Малого театра для будущего сезона получил утверждение директора Императорских театров». В числе постановок русских авторов, принятых к постановке, названы «Заложники жизни», по поводу которых уточнялось: «Под большим сомнением находятся “Заложники жизни” Ф. Сологуба, по поводу которых директором театра затребованы дополнительные объяснения...» (Русское слово. 1912. 9 (22 июня). № 132. С. 4).

В тот же день московская газета «Утро России» извещала: «Первоначальный проект плана новых постановок, представленный на утверждение директора императорских театров кн. А. И. Сумбатовым, претерпел некоторые изменения. <...> Под большим сомнением находятся также “Заложники жизни” Ф. Сологуба. По поводу постановки этой пьесы А. И. Сумбатову предстоит обширная переписка» ([*Б. п.*] Малый театр // Утро России. 1912. 9 июня. № 132. С. 4). 14 июня было опубликовано сообщение, что план постановок в московском Малом театре подвергся изменениям: «Из пьес современных русских авторов оставлено место только для пьес Найденова и Рышкова, остальные же намеченные пьесы отложены» (Речь. 1912. 14 (27) июня. № 160. С. 5), т. е «Заложники жизни» не были включены в репертуар следующего сезона. 17 июня в журнале «Театр и искусство» было напечатано, что в репертуар будущего сезона этого театра «Заложники жизни» Сологуба включены «условно» (1912. № 25. С. 499). 30 августа в московской газете «Русское слово» приводился репертуар театра, в который пьеса Сологуба не была включена (1912. 30 авг. (12 сент.). № 200. С. 6). Предполагаемая постановка «Заложников жизни» в московском императорском Малом театре не состоялась (см.: Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. № 26. С. 7).

94
Мейерхольд — Сологубу
12 июля 1912 года. Петербург

12 июля 1912

Дорогой

Федор Кузьмич,

обе открытки Ваши получил. Спасибо, что не забыли меня. Простите, что не тотчас ответил. — Не думаю, что «Заложников» поставят в Москве без нашего давления. Надо, чтобы кто-нибудь из актрис Малого театра влюбился в Лилит или Катю[1] или кто-нибудь из режиссеров влюбился в пьесу. Тогда или эта актриса, или этот режиссер начнут хлопотать о пьесе. Репертуаром в Малом театре заведует А. И. Южин[2], человек, которого тянет к Рышкову[3] и Шекспиру, к Тимковскому[4] и Бомарше, к «свеженькому товару» современности и к тем классикам, о которых он слышал в гимназии.

Если никто из режиссеров московских и актрис не заинтересуется пьесой, сделаем так: когда «З<аложники> ж<изни>» пройдут у нас (особливо, если с успехом), я попрошу В. А. Теляковского командировать меня в Москву и я поставлю пьесу и там[5]. Меня много раз хотели командировать туда, да все не удавалось по разным случайным причинам осуществить эту затею. Привет Ан<астасии> Ник<олаевне>. Целую ее ручку. Целую Вас в губы. Любящий В<ас>

Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 51—51 об., 52—52 об., л. 53 — конверт.

[1] Героини пьесы Сологуба «Заложники жизни».

[2] Южин Александр Иванович (наст. фам. Сумбатов; 1857—1927) — актер, драматург, театральный деятель. С 1882 г. и до конца жизни в московском Малом театре, с 1909 г. — управляющий труппой театра.

[3] Рышков Виктор Александрович (1862/63—1924) — драматург и прозаик, один из репертуарных авторов, пьесы которого подвергались резкой критике за избитую ходульность сюжетов, натурализм, устаревшие формы, пошлость обывательской позиции автора.

[4] Тимковский Николай Иванович (1863—1922) — прозаик и драматург, один из основателей и активных членов знаменитого московского литературно-художественного кружка «Среда». Произведения Тимковского отличаются публицистическим морализированием, им свойственны бытовой реализм и бесцветность стиля.

[5] Согласно договору Мейерхольд как режиссер императорских театров обязан был ставить спектакли во всех императорских театрах — в Александринском, Михайловском театрах в Петербурге и Малом в Москве.

95

Чеботаревская — Мейерхольду

После 13 июля 1912 года. Удриас

П. о. Меррекюль. Удриас.

Д<ача Адама> Раутс

(ст<анция> Корф Балт<ийской> ж<елезной> д<ороги>)

Дорогой Всеволод Эмильевич,

пересылаю В<а>м — может интересное для Вас письмо Ф<едора> К<узьмича>, вынужденное целым рядом заметок о «переделанной» им пьесе для *Малого* Моск<овского> театра (?)[1], о которой не было и речи. Сейчас мы очень огорчены: Ф<едор> К<узьмич> переделал или вернее мы вместе — 12 картин из «Войны и мира» для сцены[2]; вышло очень интересно и сценично[3], а сегодня получили известие что «наследники» не желают разрешать «В<ойну> и м<ир>» на сцене[4]...

А Вы к н<а>м так и не приехали! Закружились с «домом Мольера»[5] в Териоках! Мы ждем сегодня Судейкиных. Живем в общем ничего — с тюленями («реальные» тюлени в море)...

Были у Мережковских — они около Ямбурга[6]...

«Гавана» берет театр Рейнеке[7], также к<а>к предполагал взять «В<ойну> и м<ир>»[8]. Воротников[9] навещает нас усиленно... «Любовь над безднами» еще не готова... Переводим еще Клейста[10] пьесы для одного издательства московского[11].

Всех Вам благ до «Дымшиц[12]» включительно! Ф<едор> К<узьмич> целует. А о «двойном бытии»[13] так и не рассказали! А может еще к нам заглянете? Мы остаемся здесь до 1 сент<ября>. Когда пойдут «Заложники» — известно?

С приветом

Анс. Чеботаревская.

Привет Ольге Мих<айлов>не от Ф<едора> К<узьмича> и от меня.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 12—13 об.

Датируется по содержанию.

[1] 13 июля 1912 г. в газете «Утро России» была помещена следующая заметка: «У нас сообщалось при помещении сведений о плане репертуара новых постановок в Малом театре в будущем сезоне, что директор театров отрицательно отнесся к включению А. И. Южиным в репертуар новой пьесы Ф. Сологуба “Заложники жизни”. После этого дирекция театров частным образом вступила в переговоры с Сологубом относительно изменения некоторых деталей пьесы. Сологуб сделал соответствующие изменения, после чего последовало разрешение на включение “Заложников жизни” в репертуар в Москве и Петербурге» ([Б. п.] Ф. Сологуб и Императорские театры // Утро России. 1912. 13 июля. № 161. С. 5.) На эту заметку Сологуб отозвался письмом в редакцию:

Письмо в редакцию

М. Г., г. редактор! По поводу помещенного в № 161 вашей уважаемой газеты извещения о том, что я, по желанию дирекции Императорских театров сделал изменения в моей новой пьесе «Заложники жизни», — я считаю своим долгом заявить, что любезная и просвещенная дирекция Императорских театров не предъявляла мне таких требований.

Федор Сологуб.

(Утро России. 1912. 17 июля. № 164. С. 5).

[2] Опубликовано как литографированное издание: Война и мир. Картины из романа Л. Н. Толстого, избранные и приспособленные для сцены Федором Сологубом. СПб.: изд. журнала «Театр и искусство»Ю [1912]. В связи с празднованием в 1912 г. столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. многие петербургские театры отозвались на эту дату: Александринский театр открыл сезон исторической хроникой А. И. Бахметьева «Двенадцатый год», Малый (Суворинский) театр поставил инсценировку романа Толстого в переделке П. В. Данильченко, кроме этого, в театре Луна-Парка шла пьеса Ю. Беляева «Двенадцатый год» и др.

[3] См. отзыв о переделке Сологубом и Чеботаревской романа Толстого для сцены:

Русского театрала можно приветствовать с хорошей переделкой «Войны и мира» для сцены, сколько-нибудь возмещающей его за полулубочные трагедии из эпохи 12-го года. За это дело взялся Ф. К. Сологуб и давно закончил его.

Остановка была только за разрешением гр. А. Л. Толстой.

Вчера, наконец, получено разрешение на постановку.

Все представление — в 12-ти картинах. Человек высокой чуткости, Сологуб, конечно, сохранил подлинный текст Толстого, насколько это было возможно.

Он гнался не за эффектами сцены, а за возможным воплощением идей Толстого. С этой целью сохранена, напр<имер> беседа Пьера в плену с Каратаевым.

(Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 10 авг. № 13085. С. 4).

См. также: [*Б. п.*] «Война и мир» в инсценировке // Там же. 16 авг. № 13093. С. 3).

[4] О переделке для сцены романа Л. Н. Толстого «Война и мир» А. В. Воротников писал Чеботаревской 9 июня 1912 г.: «...я спросил мнение Е. П. Карпова, и он думает, что нужно спросить мнение, вернее разрешение наследников Льва Толстого относительно переделки “Войны и мира”. По его словам, некий Данильченко (личность неизвестная) спрашивал такое разрешение и сделал переделку для театра “Войны и мира”, которая где-то шла один раз, что указывает ясно на достоинства этой работы» (*Воротников А. П.* Письма Ан. Н. Чеботаревской // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 70. Л. 20—20 об.). В печати неоднократно сообщалось об отказе наследников Л. Н. Толстого дать согласие на переделку романа «Война и мир» для сцены (см.: Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 20 июля. № 13050. С. 4; Речь. 1912. 31 июля (13 авг.). № 207. С. 3; Театр и искусство. 1912. 29 июля. № 31. С. 594). Сологуб дважды, 17 и 27 июля 1912 г., писал дочери писателя А. Л. Толстой, которая дала разрешение на подготовку инсценировки лишь 5 августа 1912 г. (Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым. С. 225).

[5] Сравнивая териокскую труппу со знаменитым театром «Комеди Франсез» («Дом Мольера»), Сологуб подразумевал, что обе труппы основывались на принципах театрального «товарищества».

[6] Ямбург — уездный город Петербургской губернии на р. Луга, ныне — г. Кингисепп. Мережковские летом 1912 г. жили на даче в Верино под Ямбургом (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 224). См. фото Сологуба и З. Н. Гиппиус в Верино (Наше наследие. 1990. № 4. С. 63).

[7] Имеется в виду выполненный Сологубом и Чеботаревской перевод мистерии немецкого драматурга Эдуарда Штуккена (Стуккена; 1865—1936) «Гаван» (опубл.: Русская мысль. 1912. Кн. 11. С. 1—48), переданный для постановки в Русский драматический театр А. К. Рейнеке (театр располагался в б. Панаевском театре на Адмиралтейской наб., 4). Театр открылся 15 сентября 1912 г., главным режиссером был приглашен Е. П. Карпов. См. сообщения о намеченной на первую половину сезона постановке пьесы: Театр и искусство. 1912. 5 авг. № 32. С. 610; Новая студия. 1912. 7 сент. № 1; см. также: Дневники писателей. 1914. № 2. С. 56—57. Для постановки художник Н. К. Калмаков сделал полный комплект эскизов декораций, костюмов, бутафории, но спектакль не был поставлен из-за начавшейся Первой мировой войны, когда Рейнеке, призванный на войну, ликвидировал свой театр, а из репертуаров театров были исключены все немецкие пьесы.

[8] В Русском драматическом театре А. К. Рейнеке «Война и мир» не была поставлена.

[9] Воротников Антоний Павлович (1857—1937) — режиссер, драматург, беллетрист, переводчик, антрепренер (см.: Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 489—490). С 1906 г. посещал «воскресенья» Сологуба, с которым его связывали длительные творческие связи. В 1908 г. вступил режиссером в труппу театра К. Н. Незлобина, в котором по его совету была осуществлена постановка «Мелкого беса» Сологуба. В 1912 г. перешел в Русский драматический театр А. К. Рейнеке.

[10] Клейст Генрих фон (1777—1811) — поэт, драматург, писатель-романтик. Сологуб перевел три пьесы Клейста: трагедию Клейста «Пентезилея» (совместно с Чеботаревской), комедию «Разбитый кувшин» и «рыцарское зрелище» «Кетхен из Гельбронна, или Испытание огнем».

[11] Переводы делались для Собрания сочинений Клейста, планируемого издательством К. Ф. Некрасова, но неосуществленного. В 1917 г. велись переговоры о также неосуществленной публикации этих переводов в издательстве М. и С. Сабашниковых. В 1923 г. переводы вошли во 2-й том Собрания сочинений Клейста, опубликованного в издательстве «Всемирная литература» (см.: Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 348).

[12] С. И. Дымшиц — «Гр. С. И. Толстой» — посвящена одна из самых выдающихся дореволюционных режиссерских работ Мейерхольда — «Дон Жуан» Мольера (*Мейерхольд В. Э.* Статьи, письма, речи, беседы. Ч. 1. С. 235). Сближение Толстого и Дымшиц с Мейерхольдом относится к 1908 г., периоду подготовки к открытию театра «Лукоморье». В 1913 г. Дымшиц посещала Студию Мейерхольда на Бородинской, вместе с профессиональными актерами входила в ее «актерскую группу», участвовала в «Блоковском спектакле» («Она» в первой паре влюбленных в «Балаганчике» и одна из «слуг просцениума»). О посещениях Толстыми Сологуба в 1910—1911 гг. см. п. 65, примеч. 2.

[13] «Двойное бытие» — цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «О вещая душа моя...» (1855), в драме Сологуба «Заложники жизни» использована для определения жизни Кати с Суховым (см.: *Сологуб Ф.* Собрание пьес. Т. 2. С. 207).

96
Мейерхольд — Чеботаревской
30 июля 1912 года. Териоки

30 июля 1912 <года>

Дорогая Анастасия Николаевна,

очень хорошо, что Ф<едор> К<узьмич> выступил с письмом по поводу «переделок» «З<аложников> ж<изни>». Меня ужасно возмущали газетные заметки, особенно в «Пет<ербургской> газете»[1].

Я собирался к Вам, собираюсь, но постоянно сижу без денег, откровенно говоря.

Этим летом нет «двойного бытия». Лето провели, вообще, скучно. Но работал. Написал статью. Называется «Балаган»[2]. В ней немного полемического. Против Бенуа[3]. Помните его «обман, каботинаж»[4].

Был недавно в Петербурге. Виделся с А. Я. Головиным. Макеты готовы к «З<аложникам> Ж<изни>». М. П. Зандин[5] тотчас приступит к подготовительной работе, как только в декорационном зале Мар<иинского> театра окончится ремонт. «З<аложники> ж<изни>» пойдут в начале октября непременно[6]. Со стороны Головина задержек не будет.

Головину особенно удались: синяя комната 2 акта с *портретами* и красная с золотом 4 акта. 1-й акт в *макете*, конечно, не эффектен так, как 2 и 4 акты, потому, что пейзаж, — *главную силу 1-го акта*, немыслимо показать в макетах[7].

Попросите Ф<едора> К<узьмича> мне первому после Вас прочесть «Любовь над безднами».

P. S. Целую Федора Кузьмича.

Ольга Мих<айловна> шлет Вам обоим привет.

<На полях:> Любящий Вас *Вс. Мейерхольд.*

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 160. Л. 9—10.

[1] 12 июля в «Петербургской газете» была опубликована следующая заметка: «Новая пьеса Сологуба “Заложники Жизни” подверглась со стороны автора переделке, которая была им сделана по указанию дирекции Императорских театров. Пьеса пойдет в будущем сезоне в Александринском театре» ([*Б. п.*] Новая пьеса Сологуба // Петербургская газета. 1912. 12 июля. № 189. С. 13). См. также сообщение, где указывалось, что «некоторые находят эту пьесу порнографической», видят в ней «элемент пикантности», «По поводу “пикантности” пьесы состоялось целое заседание в дирекции и нашли, что “Заложники жизни” никого и никак не могут шокировать» (Там же. 19 июля. № 196. С. 13).

[2] Статья «Балаган» была впервые опубликована в книге Мейерхольда «О театре» (1913).

[3] Имеется в виду полемика с Бенуа против статьи «Мистерия в русском театре» (Речь. 1912. 27 апр. (10 мая). № 114. С. 2) о постановке «Братьев Карамазовых» в МХТ и о мейерхольдовской постановке «Дон Жуана».

[4] В статье 1912 г. «Балаган» Мейерхольд, цитируя Бенуа, называвшего «каботинаж» «обманом» («Все, что удается Comédie Française, все, что может удасться

Рейнхардту и Мейерхольду, все, что обман, каботинаж, — все это им недоступно»), заключал: «Слову каботинаж Бенуа придает отрицательное значение. Бенуа как бы укоряет кого-то в том, что в театре царит вредное дело. Люди, озабоченные реформированием современной сцены, вводят публику, по мнению Бенуа, в обман, создавая какую-то фикцию обновленного театра» (*Мейерхольд В. Э.* Статьи, письма, речи, беседы. Ч. 1. С. 209).

[5] Зандин Михаил Павлович (1882—1960) — театральный художник, с 1907 г. помощник декоратора в петербургских императорских театрах, писал декорации по эскизам Головина.

[6] Премьера состоялась 6 ноября 1912 г.

[7] См.: Мейерхольд и другие. С. 162.

97
Чеботаревская — Мейерхольду
9 августа 1912 года. Удриас

Дорогой Всеволод Эмильевич

Пересылаю В<а>м заметку Измайлова из «Русского Слова»[1] инспирированную мною, — последняя часть ее может В<а>м быть интересна...

Сегодня Ф<едор> К<узьмич> получил разрешение от А. Л. Толстой на постановку «Войны и мира»[2]. «Любовь над безднами» еще не кончена, — конечно, прочтена будет *Вам* первому. Приедем около 20-го августа. Пока всех благ! Ф<едор> К<узьмич> целует Вас нежно. Я — жму лапку...

С приветом

Анс. Чеботаревская.

Ольге Михайловне привет от нас обоих.

Киевский Кручинин[3] просил «Заложников» . Ф<едор> К<узьмич> послал.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 19—19 об.

Датируется по письму Сологуба к А. А. Измайлову с указанием даты получения письма от А. Л. Толстой (Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым. С. 225).

[1] В анонимной статье «Писатели на летнем отдыхе» (в действительности принадлежала А. А. Измайлову, см.: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым. С. 222—224) сообщалось:

> Ф. К. Сологуб, по обычаю последних годов, провел лето в совершенно уединенной рыбацкой деревушке за Меррекюлем — Удриас, на самом морском берегу.
>
> Это — маленькая деревушка, всего в несколько домиков, без всяких еще посягательств культуры, где нет ни театров, ни кинематографов, — есть только луга, леса и море, а население представляют эстонцы.
>
> Не особенно далеко около Ямбурга живут Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, И. С. Рукавишников, критик Гершензон.
>
> Ф. К. ведет чисто-летний образ жизни, купается во всякую погоду в море. Литературный труд он считает не трудом, а отдыхом, и много пишет.

Его роман «Навьи чары» уже давно окончен и осенью появится одновременно в московском альманахе «Земля» и в немецком переводе Фриш, в Мюнхене, у Мюллера, с предисловием А. Н. Чеботаревской.

С последнею частью перед критиком и читателем, наконец, раскроются все карты автора этого утопического романа. Более чем где-либо Сологуб отвоевывает здесь права художника на вольное творчество по хотению своего сердца.

— Не будем критиковать роман Сологуба с филистерской точки зрения — бывает или не бывает, — пишет Чеботаревская в предисловии к немецкому переводу. — Если не было, — пусть будет, или давайте об этом помечтаем, — а уж это-то не возбраняется поэту и мыслителю!..

В «Новой Жизни» сейчас печатается другой роман Сологуба — «Слаще яда», — история девушки, жаждущей подвига любви и светлого, солнечного героя.

Роман еще не закончен, но будет напечатан без перерывов.

Чтение воспоминаний о двенадцатом годе побудило Ф. К. заняться инсценировкой двенадцати картин из толстовского романа «Война и мир». Сологуб старался сохранить подлинные слова Толстого и дух романа. Сохранена даже беседа в плену Пьера с Каратаевым.

Впрочем, постановка этих сцен еще всецело в руках судьбы, которая, как известно, не выпускает из своих рук сочинений Толстого.

Осенью в Александринском театре идет пьеса Сологуба «Заложники жизни». Дирекция Императорского театра оказалась более прогрессивной, чем некоторые частные театры, и собирается ставить пьесу, не вымарав из нее ни одного слова.

(Русское слово. 1912. 5 (18) авг. № 181. С. 7).

[2] См. письмо Александры Львовны Толстой к Сологубу от 5 августа 1912 г.: «Согласно Вашему желанию, выраженному в письмах ко мне от 17 и 27 июля, разрешаю Вам инсценировать выбранные Вами места из “Войны и мира”» (Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым. С. 225).

[3] Кручинин Антон Николаевич — актер и антрепренер, организатор гастрольных поездок В. Ф. Комиссаржевской, М. В. Дальского, К. А. Варламова, В. Н. Давыдова и др. В 1909—1912 гг. руководил киевским Драматическим театром, дававшим спектакли в театре Бергонье. Сохранились две телеграммы Кручинина Сологубу, в одной из которых (27 июля 1912 г.) он сообщает, что принимает условия Сологуба («пьесу считаю за собой») — вероятно, речь идет о «Заложниках жизни». 15 августа того же года Кручинин писал: «Прошу предоставить исключительное право постановки вашей переделки Война и мир Киеве Кручинин» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 369).

98
Мейерхольд — Чеботаревской
11 августа 1912 года. Петербург

11 августа 1912 <года>

Дорогая

Анастасия Николаевна,

если Ф<едор> К<узьмич> никому не отдал «Войны и мира», убедительно прошу прислать эту пьесу мне. Тотчас по приезде Влад<имира>

Арк<адьевича> Теляковского (он уехал по делам в Москву и *скоро* вернется), я прочитаю ему пьесу. Дело в том, что, как сегодня узнал, Дирекция Императорских театров не хочет ограничиваться постановкой Бахметевской пьесы в память Двенадцатого года[1], т. к. эта пьеса крайне неудовлетворительна. Дир<екция> Имп<ераторских> театров, задумав торжественный спектакль, с самого начала мечтала об инсценировке Толстовского романа, но не имела подходящей переделки. Жду.

Очень важно, что Вы энергично отбиваете вылазки прессы против «Зал<ожников> жизни»[2].

Просите киевского Кручинина не ставить «Заложников» раньше Александринского театра.

Крепко целую Фед<ора> К<узьмича>. Крепко целую Вашу ручку. О<льга> М<ихайловна> шлет обоим привет и благодарит за память. Мы очень рады, что Вы приезжаете около 20-го августа. Значит — скоро увидимся.

Любящий Вас

Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 160. Л. 11—12, л. 13 — конверт.

[1] Премьера исторической хроники А. И. Бахметьева «Двенадцатый год» состоялась в Александринском театре 26 августа 1912 г.

[2] См.: *Сологуб Ф.* Письмо в редакцию // Русские ведомости. 1912. 23 авг. № 194. С. 5 (ответ на статью Л. Козловского «Отклики жизни. Salve qui peut! (О севшем на мель корабле и смелом прыжке г. Сологуба)», напечатанную в «Русских ведомостях» 17 августа 1912 г. (№ 189. С. 2) и направленную против обращения Сологуба к творчеству Л. Н. Толстого; см. также: *Сологуб Ф.* Письмо в редакцию // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 20 сент. № 13153. С. 8 (см. То же: Обозрение театров. 1912. 21 сент. № 1856. С. 11; Театр. 1912. 21 сент. № 23; Петербургский листок. 1912. 22 сент. № 261; Театр и искусство. 1912. 24 сент. № 39).

99
Чеботаревская — Мейерхольду
Между 11 и 17 августа 1912 года. Удриас

Прилагаю конспект, который *очень* прошу никому не давать[1].

Дорогой Всеволод Эмильевич!

Пьеса готова[2], но Ф<едор> К<узьмич> ждет выписанный им экземпляр *нового* издания, чтобы добавить, если есть что новое; некоторые сцены, впрочем, пошлет Вам уже *завтра* — в н<и>х не предвидится изменений. По-моему эта постановка во всех отношениях заслуживает внимания и интереса: 1) литературного 2) художественного — ибо задача художника здесь очень интересна и значительна (дать кусочек бала, вечер у Безуховой, где актриса Жорж[3], можно французскую актрису из Мих<айловского> театра?), обстановка Ростовых — все это «ампиристое» и «екатерининское» очень забавно... Вместе с тем

не представляет особых затруднений, ибо можно дать лишь «уголки» (танцы, напр<имер>, в соседнем зале), а батальных сцен и «полей сраженья» Ф<едор> К<узьмич> намеренно избегал — есть лишь «бивак», но в сумерках и в отдалении...[4]. Ф<едор> К<узьмич> будет очень рад, если пьеса пригодится В<а>м. — Пока он еще ее не давал, хотя вел некоторые переговоры с Воротник<овым> — но этот театр с Карповым[5] — по-видимому — чепуха.

Вот пока все — бегу опускать письмо. Привет, поцелуи (от Ф<едора> К<узьмича>) и пр.

Ваша Анс. Чеботаревская.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 14—14 об.

Датируется по содержанию писем Мейерхольда от 11 и 17 августа 1912 года.

[1] Конспект отсутствует.

[2] 12 августа 1912 г. «Воскресная вечерняя газета» (№ 12. С. 3) сообщала, что выполненная Ф. Сологубом переделка для сцены романа Л. Толстого «Война и мир» принята к постановке в Александринском театре.

[3] Маргерит Жозефин Жорж (George, наст. фам. Веймер; 1787—1867) — французская актриса, бывшая фаворитка Наполеона I. В 1808—1812 гг. гастролировала в Москве и Петербурге.

[4] Пространное интервью с Ф. Сологубом о «Войне и мире» было опубликовано 6 сентября 1912 г.:

> На улице петербургских театралов праздник: Ф. Сологуб приспособил для сцены роман Л. Н. Толстого «Война и мир» <...> .
>
> — Во-первых, — сказал нам маститый драматург, — это не переделка романа, как многие полагают, — а только приспособление его для сцены, причем язык Толстого и порядок романа даже со всеми его анахронизмами мною сохранены в полной неприкосновенности.
>
> Инсценировка состоит в том, что повествовательному тону я придал характер разговорно-диалогический. В чем я каюсь, это — в перестановке некоторых сцен и прибавлении пяти-шести фраз от себя, но в этом уже чувствовалась явная необходимость в виду скудости диалогов в этом романе.
>
> — Главное, чего я избегал, это — изображения батальных сцен, почему я и пропустил все те картины, в которых изображены военные действия. Я полагаю, что при всей элементарной и игрушечной в наших глазах технике тогдашней войны воспроизвести ее теперь на сцене, однако, немыслимо и невозможно. Из сцен, связанных с военными операциями, я оставил только картину совета в Филях, но опять я ее составил по Толстому, а не по Данильченко, у которого она с исторической точки зрения более верна и правдоподобна. Как на явный анахронизм укажу вам на то, что Кутузов во время совета в Филях называет Бенигсена «вашим сиятельством», между тем, как Бенигсен получил титул графа только в 1813 году. Но повторяю, в мои задачи не входит исправлять Толстого.
>
> Главной целью моего инсценирования является дать полную картину душевной драмы Наташи и настроения современного общества, проходящие через призму общественной трагедии Двенадцатого года.

Главное доминирующее лицо в пьесе, это — Наташа. Кроме нее также выводится вся семья Ростовых, Пьер Безухов, семья князей Болконских, Элен Курагина, Наполеон, Кутузов, княгиня Друбецкая.

Пьеса разделена на 14 картин и начинается, как в романе, с вечера у Анны Павловны, причем сцены идут в следующем порядке: 1) вечер у Анны Павловны; 2) именины Наташи; 3) в доме князя Болконского; 4) бал в Петербурге у екатерининского вельможи 31-го декабря 1809 года; 5) в гостиной княгини Безуховой; 6) у Ростовых в Москве; 7) стоянка Наполеона 25-го августа 1812 года; 8) совет в Филях; 9) Наполеон на Поклонной горе; 10) на крыльце дома Ростопчиных; 11) комната в ярославском доме Бронникова, где проездом остановились Ростовы с раненым князем Андреем; 12) барак военнопленных; 13) 23 октября 1812 года. Дорога близ помещичьей усадьбы, где засели французы, конвоировавшие пленных и 14) конец января 1813 года в доме Болконских на Воздвиженке в Москве.

В пятой картине в гостиной графини Безуховой m-lle Жорж читает монолог из «Федры». Для исполнения этой роли будет приглашена одна из артисток французской труппы Михайловского театра.

В седьмой картине интересно получение Наполеоном портрета своего сына короля римского.

Сцена совета в Филях заканчивается словами Кутузова:

— Да нет же! Будут они лошадиное мясо жрать, как турки, будут они, только бы...

Вся пьеса заканчивается разговором Наташи и кузины Марьи.

Нигде нет никаких фраз «под занавес», но зато настоящий язык Толстого.

Эти картины, по всей вероятности, пойдут в будущем сезоне в Александринском театре. Главное, что меня пока озабочивает, это — отсутствие подходящего исполнителя для роли Наполеона. Но будем надеяться. Может быть, грядущий сезон даст нам какого-нибудь «корсиканца», который мог бы покрыть настоящий наполеоновский дефицит.

(*Двинский М.* Ф. Сологуб об инсценировании романа Л. Н. Толстого «Война и мир» // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 6 сент. № 13129. С. 4).

[5] Карпов Евтихий Павлович (1857—1926) — режиссер, драматург, театральный критик. В 1912 г. был главным режиссером в Русском драматическом театре А. К. Рейнеке. С 1916 г. — управляющий труппой и режиссер Александринского театра. В режиссерских работах Карпова сказалась его склонность к натурализму, неприятие сценических исканий. А. Р. Кугель утверждал, что деятельность Карпова не имеет будущего (см.: Театр и искусство. 1916. 17 апр. № 16. С. 329), А. Блок афористически замечал: «Искусство кончается там, где начинается Евт. Карпов» (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 450).

100
Сологуб — Мейерхольду
Между 12 и 17 августа 1912 года. Удриас

Милый Всеволод Эмильевич,

Сердечно благодарен Вам за Ваше любезное внимание. Посылаю Вам сейчас только 9 картин из 12, остальные три пришлю дня через

два. Но и на эти прошу смотреть не как на окончательную редакцию; многое, в случае надобности, *можно* переделать, кое-что и *надобно* изменить. Все бы это было готово уже давно и окончательно, если бы не сбивший нас с толку слух, по газетам[1], что наследники Толстого против инсценировки В<ойны> и М<ира>, а потом долгое молчание Ал<ександры> Л<ьвовны Толстой> на мои письма[2]. — Как Вы себя чувствуете? Хорошо ли отдохнули после лета[3]. — Привет Ольге Михайловне.

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 8.

Датируется по содержанию писем Мейерхольда от 11 и 17 августа 1912 года.

Над текстом помета Мейерхольда: «“Война и мир” — (молчание наследников Т<олсто>го».

[1] См. п. 95, примеч. 4.

[2] См. п. 97, примеч. 2.

[3] Спектакли в Териоках прекратились в первой половине августа, но Мейерхольд уехал раньше (см.: *Волков Н.* Мейерхольд. Т. II. С. 249), август провел в Петербурге, готовясь к сезону в императорских театрах (*Мейерхольд В. Э.* Переписка: 1896—1939. С. 144—146).

101
Мейерхольд — Сологубу
17 августа 1912 года. Петербург

17 августа 1912 <года>

Дорогой Федор Кузьмич,

«Войну и мир» получил. Вы не прислали картин 2, 5 и конца.

Еще не прочитал. Очень занят чтением корректур (издаю книгу своих статей)[1]. Вл<адимира> А<ркадьевича> Теляковского еще нет[2]. Как только приедет, буду хлопотать о пьесе. Как поживаете? Очень соскучился. Скорее приезжайте. 1-й акт «З<аложников> Ж<изни>» уже пишется[3]. Посылаю Вам и А<настасии> Ник<олаевне> газетную вырезку[4].

Шлю сердечный привет Ан<астасии> Ник<олаевне>. Благодарю за сообщения, касающиеся «З<аложников> Ж<изни>». Письмо Ан<астасии> Ник<олаевны> я получил[5]. И очень извиняюсь, что до сих пор не ответил.

Крепко целую Вас.

Любящий Вас

Вс. Мейерхольд.

Ольга Мих<айловна> кланяется.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 54—55, л. 56 — конверт.

[1] Речь идет о работе над книгой «О театре», вышедшей из печати в конце 1912 г. (на обложке — 1913 г.).

[2] См. сообщения об отъезде Теляковского в Москву (Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 24 авг. № 13107) и о возвращении в Петербург (Там же. 30 авг. № 13117).

[3] Имеется в виду работа над декорациями.

[4] 17 августа 1912 г. в «Петербургской газете» (№ 225. С. 4) была опубликована статья за подписью «Бинокль» (псевд. Б. И. Витвицкой) «Новые постановки В. Э. Мейерхольда ("Заложники жизни", "Электра", "Королева мая", "'Маскарад', новая пьеса В. Э. Мейерхольда"). Беседа с В. Э. Мейерхольдом», большая часть которой была посвящена «Заложникам жизни».

[5] П. 99.

102
Чеботаревская — Мейерхольду
19 августа 1912 года. Удриас

19/ VIII

Дорогой Всеволод Эмильевич

Письмо и вырезку получили сегодня — благодарю. Вчера Ф<едор> К<узьмич> послал Вам последние сцены «В<ойны> и м<ира>»; 3-ая картина есть еще запасная[1] — сцена бала, она на тот случай если бы сцена с убийством Верещагина не прошла в цензуре. Картины *не* одинаковой величины — их так удобнее комбинировать в акты. Какую-то очень безграмотную переделку «В<ойны> и м<ира>» ставят в Суворинском театре (г. Данильченко[2] — казак или* офицер!) но это на мой взгляд, не должно смущать театр, ибо довольно странно, если эту пьесу — Льва Толстого, гордость русской литературы поставит в гнусном виде частный черносотенный театр, а Императорский русский театр — пропустит. Пока просит ее еще Кручинин в Киев, и, кажется, в Ригу и Тифлис. В I-ой картине есть длинноты — можно сократить. Пишу очень нескладно — мешают Воротников и Рот[3], которые тут же, в комнате. У нас сейчас хорошо, тепло, так что решили остаться еще на неделю.

Хорошо как, что Вы выпускаете книжку[4]! Непременно напишу рецензию... И пьесу[5] — молодец. Как я люблю Вас за эту неугомонность, неуспокоенность, искательство... с удовольствием увидала милый кудрявый профиль на страницах даже... «Петербургской газеты» (!)[6]

Ну, пока всех благ!

Ф<едор> К<узьмич> нежно Вас целует.

Ваша Анс. Чеботаревская.

Привет Ол<ьге> Мих<айловне>

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 10—11 об.

---

* казак или — *над строкой.*

На почтовой бумаге с видом: Iris Garden Horikiri, Tokio. Над текстом помета Мейерхольда: «1912».

[1] О запасных («резервных») картинах к инсценировке романа «Война и мир» см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. С. 231.

[2] Данильченко Петр Васильевич (1873 — ?) — в 1912 г. — капитан, с 1913 г. — полковник л.-гв. Измайловского полка, известный театрал, секретарь кружка «Измайловский досуг», возглавляемого великим князем Константином Константиновичем, один из инициаторов и организаторов постановки запрещенной пьесы К. Р. «Царь Иудейский» в Эрмитажном театре 9 января 1914 г. (см.: Военная быль. 2014. 5 окт.).

[3] Вероятно, кличка собаки.

[4] *Мейерхольд В. Э.* О театре. Пб.: Просвещение, 1913.

[5] Неосуществленный замысел пьесы «Игроки Венеции», задуманной Мейерхольдом совместно с В. Н. Соловьевым (см.: *Бинокль [Витвицкая Б.].* Новые постановки В. Э. Мейерхольда...).

[6] Имеется в виду фотография Мейерхольда, помещенная в статье «Новые постановки В. Э. Мейерхольда...».

103
Сологуб — Мейерхольду
19 августа 1912 года. Удриас

Милый Всеволод Эмильевич,

Вчера я послал Вам 11 и 12 сцены, третьего дня 3-ю, а сегодня посылаю другую, запасную, 3-ю, которая может быть вставлена для заполнения числа 12, если выпустить какую-нибудь из картин. По тому плану, который я Вам послал с первыми картинами[1], стоит именно эта, посылаемая теперь сцена, т. ч. добавочною можно считать ту, которая была послана раньше. В хронологическом порядке раньше стоит та сцена, которая в доме старого князя Болконского, а потом эта, на балу у Екатерининского вельможи. — Было бы очень интересно узнать Ваше мнение об этой всей переделке. Буду очень рад, если напишите. Не соберетесь ли к нам в Удриас? Мы еще несколько дней пробудем здесь, числа около 25-го думаем перебраться в город.

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 6.

Датируется по письму Чеботаревской от 19 августа 1912 года.

Над текстом помета Мейерхольда: «Сологуб /Война и мир/».

[1] Возможно, имеется в виду «конспект», упоминаемый в п. 99.

104
Сологуб — Мейерхольду
Между 19 и 23 августа 1912 года. Петербург

Милый Всеволод Эмильевич,

Посылаю Вам еще одну добавочную сцену, IV А, между четвертою и пятою; кроме того, посылаю сцены IV и XII, т. к. в них сделаны кое-

какие вставки, так что их можно поставить вместо тех тетрадок, которые я Вам посылал. — Как поживаете? Пребываете в трудах? Скоро увидимся. А, м<ожет> б<ыть>, Вы еще к нам соберетесь?

Привет Ольге Михайловне.

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 7.

Датируется по письмам Чеботаревской и Сологуба от 19 августа и письму Мейерхольда от 23 августа 1912 года.

Над текстом помета Мейерхольда: «Война и мир».

105

Мейерхольд — Сологубу

23 августа 1912 года. Петербург

23 августа 1912 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич,

Сегодня рукопись «Войны и мира» передана Вл<адимиру> А<ркадьевичу> Теляковскому. Принципиально он высказался *за**[1]. Очень заинтересовался. В противовес бахметевской пьесе[2], первый сп<ектакль> которой совпадает с открытием Театра, Вл<адимир> А<ркадьевич> Теляковский считает необходимым играть переделку великолепного произведения Л. Н. Толстого.

Пьесу Вл<адимир> А<ркадьевич> Т<еляковский> взял и обещал прочитать сегодня же, в вагоне (едет опять в Москву)[3].

Сейчас, вернувшись с генеральной репетиции бахметевского «1812 года», получил от Вас нов<ую> редакц<ию> IV и XII и IV А. Тотчас отправил их Вл<адимиру> Арк<адьевичу> эстафетом <sic!>. Сам эти нов<ые> ред<акции> прочесть не успел.

Пьесу прочитал вчера вечером. Превосходно сделано[4]. Имею только кое-что сказать по поводу карт<ины> смерти Андрея. Но это при свидании. Приезжайте только.

Прошу Вас передать дорогой Анаст<асии> Никол<аевне> мое спасибо за ласковое письмо ее. В данное время очень-очень занят и очень-очень извиняюсь, что вместе с этим письмом не шлю и Ан<астасии> Ник<олаевне> моего ответа.

Крепко Вас целую.

Целую ручку Ан<астасии> Ник<олаевне>.

Любящий Вас

Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 57—58, л. 59 — конверт.

---

* за — *подчеркнуто тремя чертами.*

[1] В сентябре 1912 г. в письме к А. А. Измайлову Чеботаревская писала: «Вчера же из цензуры получили “Войну и Мир” без всяких изменений (Ф<едор> К<узьмич> боялся за картину — убийство Верещагина и даже заготовил две картины “запасных”, так что получилось всего 14 картин, — в случае надобности режиссер сумеет “сократить”). Требуют пьесу пока в провинции, в Александринском, несмотря на желание Мейерхольда, которому инсценировка очень нравится, еще не решили — везде свои интриги и “политика”; Теляковский принципиально высказался “за”, говорят, что он человек сам по себе нерешительный, очень подпадающий разным влияниям, впрочем, прислушивается и к прессе, так что, с этой стороны, хорошо бы поместить заметку, поощряющую его к такому шагу, а то вроде странно, если отзовется на “Войну и Мир” не “образцовый” казенный, а частный Суворинский театр» (Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым. С. 230).

[2] См. п. 98, примеч. 1.

[3] См. п. 101, примеч. 2.

[4] Инсценированные Сологубом сцены из романа «Война и мир», переданные в октябре 1912 г. в петербургское отделение Театрально-литературного комитета, 9 января 1913 г. не были одобрены к постановке на сценах императорских театров (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 878. Л. 39).

106
Мейерхольд — Сологубу
12 октября 1912 года. Петербург

12 октября 1912 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич,

посылаю Вам листок о репетициях «Зал<ожников> жизни». Пьеса войдет в репертуар следующей недели[1].

Крепко жму руку.

Привет Ан<астасии> Ник<олаевне>

Любящий Вас

Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 60—61, л. 62 — конверт.

[1] Первая генеральная репетиция «Заложников жизни» состоялась 3 ноября, 5 ноября — вторая генеральная репетиция. Первое представление — 6 ноября. См. обзор рецензий: *Галанина Ю.* Вокруг «Заложников жизни». С. 166—172.

107
Сологуб — Мейерхольду
До 15 октября 1912 года. Петербург

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Сейчас у меня был Каратыгин[1], играл музыку к Заложникам. Музыка превосходная, но я в ужасе. Позвольте написать Вам мое мнение совершенно откровенно. Эта музыка, сама по себе очаровательная, до такой степени не соответствует тексту пьесы и моим намерениям,

что даже смешно становится[2]. Лилит, пляшущая в таком темпе, совершенно немыслима; моя Лилит так отплясывать не может вообще, и в особенно<сти> в этот переживаемый ею момент и в связи с произносимыми ею словами[3]. Вообще в этом месте не нужно так много музыки, не надобно такой внешне-блестящей музыки, и совершенно ни к чему урок танцев[4]. Лилит переживает исключительно значительный момент, говорит печальные и откровенные слова о своей судьбе, и в этот момент ей не до того, чтобы интересоваться какою-то абсолютно не нужною пианисткою[5], переговариваться с нею о каких-то нотах, перебивать и поправлять ее. Каратыгин говорил мне, что Вы хотите, чтобы Лилит привела эту пианистку, чтобы для нее зажигали свечи, — все это для автора прискорбно, для понимающей части публики смешно, для наивной публики бесполезно, а для Вашей собственно цели (избежать дешевого декадентства) вредно, ибо, спасаясь от того, что Вам кажется декадентством, Вы именно и впадаете в него. Ведь, что выходит: барынька берет урок Дунканских танцев[6] и вдруг начинает ломаться и произносит какие-то напыщенные и глупые (в этой совершенно ненужной для пьесы обстановке танцевального урока) слова. Эти слова, которые человек о себе посмеет сказать только раз в жизни, один сам с собою, с близкими людьми, — и вдруг она вставляет их в рамку танцевального урока, — поучилась, поболтала языком, поспорила из-за музыки с учительницей, — для чего нужен этот ужасный рышковский реализм[7]? Ради Бога, милый Всеволод Эмильевич, отправьте к черту или хоть за кулисы* эту кошмарную пианистку, — я протестую против нее всеми силами моей души, я не хочу видеть в моей пьесе этот трагикомический персонаж. (Пусть сидит за кулисами, за роялем, который может быть даже виден)**.

Крепко целую Вас.

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 29—29 об., 30—30 об.

Датируется на основании письма Сологуба к А. А. Измайлову: «Надеюсь, что Вы захотите пойти на “Заложников жизни”, пойдут они после 15 октября. Репетиции уже возобновились. На днях я был у Головина, смотрел эскизы и те декорации, которые уже готовы; все это очаровательно. На днях слушал музыку Каратыгина к этой пьесе; она мне очень понравилась» (Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым. С. 232).

[1] Каратыгин Вячеслав Гаврилович (1875—1935) — музыкальный критик и композитор. Автор музыки к спектаклям театра В. Ф. Комиссаржевской 1908—1909 гг.,

---

* или хоть за кулисы — *над строкой.*

** (Пусть сидит за кулисами, за роялем, который может быть даже виден) — *в правом нижнем углу перед подписью.*

к постановке «Заложников жизни» в Александринском театре и др. (см.: В. Г. Каратыгин. Жизнь. Деятельность. Статьи. Материалы. Л., 1927).

[2] В статье о постановке «Заложников жизни» Чеботаревская писала: «Музыка г. Каратыгина, сама по себе чрезвычайно красивая, пожалуй, чересчур блестяща и самостоятельна» (*Чеботаревская Ан.* Петербургские впечатления («Заложники жизни») // Рампа и жизнь. 1912. 18 нояб. № 47. С. 5). Рецензент, выступивший под псевдонимом Черномор, называл музыку к спектаклю «вполне совпадающей с замыслом автора пьесы. <...> Музыка Каратыгина сама по себе представляет большой интерес как ряд прелестных по форме, по конструкции, по оригинальной и характерной гармонии и по изяществу фортепианных пьес, кстати сказать, великолепно исполненных пианисткой. Среди них выделяются 3-й танец, построенный на красивой теме восточного характера и 2-й танец, — полный жизни и движения. По характеру своей музыки пьесы принадлежат к лучшим образцам современного модернистского направления» (*Черномор.* О музыке к «Заложникам жизни» // Театр. 1912. 11 (24) нояб. № 74. С. 2).

[3] В отзывах на спектакль более всего писали о прощальном танце Лилит, исполнительница которого, Н. К. Тхоржевская, соединила элементы классической хореографии с танцем «неопределенного рисунка. Артистка выплясывает к самой рампе, как балерина, сумбурно выкидывая руки и ноги вне ритма и темпа музыки» (*Волынский А.* Балетный номер // День. 1912. 8 нояб. № 37). Более подробное описание замысла танца — в письме Тхоржевской к Мейерхольду от 10 мая 1912 г.: «...мы мечтаем, чтобы танец этот явился бы ни характерным, ни бытовым, ни à la Дункан? <...> Чтобы он как бы постепенно творился на глазах публики. Творился бы в забвении об этой публике и дошел бы до экстаза. <...> На последней репетиции вы дали новый mise en scène. Лилит отходит от рояля (перед вакхическим отрывком, как сомнамбула, вглядываясь в себя, как бы перекидывая воздушный мост от одного берега к другому. От плоской действительности к стране вымысла... Вот он загорается, как радуга. Лилит дает знак аккомпаниаторше, как бы всматриваясь в грезы, в сны, нисходящие во мраке по этому воздушному мосту к ней, которой дано их видеть. Звуки ее зовут, волна забвения поднялась и понесла ее. Вот она закружилась, полузакрыв глаза, в странной ритмической то мучительно томительной, то бешеной пляске... <...> Думается, необходимо, чтобы музыка была бы написана не самостоятельно, а на тему определенную, <...> на тему, прочувствованную и режиссером, и художником, и ставящим танец, и актрисой, и композитором сообща и детально. Лишь такое объединение может создать что-нибудь действительно исключительное чудесное, нечто из “З<аложников> ж<изни”>». Актриса просит режиссера углубить сцену в этой картине, чтобы «дать в танце вихрь, настоящее движение. <...> Нестись, нестись стихийно», чтобы воплотить «нашу идею об ассирийском первозданном танце» (*Тхоржевская Н. К.* Письма к В. Э. Мейерхольду / Подгот. З. П. Удальцова // Мейерхольд и другие. С. 175—176).

[4] Прощальный танец Лилит был первоначально поставлен Мейерхольдом как танец под аккомпанемент пианистки. Критикой этот эпизод был оценен как «вставной номер», выпадающий из пьесы и вместе с финальным «апофеозом» оцененный как «самое плохое в представлении» (*Ярцев П.* Александринский театр. О представлении «Заложников жизни» // Речь. 1912. 8 (21) нояб. № 307. С. 6).

[5] Роль, введенная Мейерхольдом.

[6] См.: *Сологуб Ф.* Мечта Дон-Кихота (Айседора Дункан) // Золотое руно. 1908. № 1. С. 79—80.

[7] См. п. 94, примеч. 3.

108
Чеботаревская — Мейерхольду
21 октября 1912 года. Петербург

<Приписано сверху:> Кугель сегодня в «Заметках» «Т<еатра> и И<скусства>» признал весьма своевременной постановку «Заложников»[1].

Глубокоуважаемый Всеволод Эмильевич!

Не могу удержаться, чтобы не сообщить Вам мои и Ф<едора> К<узьмича> впечатления от вчерашней репетиции[2], касающейся роли «Лилит», из-за которой уже — и нами сломано столько копий, что не говорить об ней было бы странно... Тем более — не сказать Вам, к которому, как Вы знаете, мы относимся с таким доверием и сочувствием, что я сочла нужным отвести Вам место в биографии Ф<едора> К<узьмича>, писанной мною на днях для Венгеровского словаря[3], т. е. для будущих поколений...

Не знаю, была ли то причина вчера болезнь Тхоржевской, или это ее понимание роли, но вчера она в значительной степени уменьшила то приятное впечатление, которое произвела весною, и которое открывало возможность на действительное «одоление» г-жи Ведринской. Вчера она не давала никакого образа, никакого *лиризма*, из которого соткана вся роль Лилит, — мало чувства, какие-то вскрики, явное непонимание иных произносимых ею слов («и в безнадежности есть счастье», «Я — первозданная Лилит» и пр.) какая-то беготня, разрывающая монологи и лишающая *значительности* произносимые слова — словом, образ, лишенный нежности и «лунности», о которых все время напоминает автор и в ремарках, и в словах. Я очень хочу верить, что это было именно *вчера* — п<отому> ч<то> в иных местах она давала нужные интонации, и весною ее интерпретация звучала гораздо более близко к Сологубовскому образу — Мечты, Утешающей и Вдохновляющей. Нельзя лишить его символического оттенка, — это барышня, расхаживающая по сцене (даже свой последний монолог «ждала я», который по пьесе она говорит *стоя* на ступенях, недвижно) в ее вчерашнем облике не может никого утешить, — даже самого отъявленного бытовика. Дать ей налет «потусторонности», тихой мечтательности и нежности, *бесконечной нежности*, которой проникнуто каждое ее движение — по замыслу Ф<едора> К<узьмича> — в этом нет ничего страшного, ничего «дунканского» и никого это не испугает, после многого того, что писано и сказано о «Заложниках» и будет еще написано. Иначе — выйдет гораздо хуже — придут в театр с готовым образом «тихой, лунной Мечты» и встретят разгуливающую барышню, из-за которой еще заварена такая каша, и потому требования будут очень *повышенные*... Поэтому, милый Всеволод Эмильевич, — сер-

дитесь на меня, ругайте, как хотите, я решила В<а>м сказать все это (*все то же думает Ф<едор> К<узьмич>*); я считаю, что помимо чисто внешней работы, я настолько близко вхожу в творчество Ф<едора> К<узьмича>, что имею право выразить это мое — и в данном случае его мнение. Считаться с ним или нет — это уже Ваше дело[4].

С искренним уважением

Анс. Чеботаревская.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 15—16 об.

Датируется по времени публикации упомянутой статьи Кугеля.

[1] Homo novus [А. Р. Кугель] 21 октября в еженедельных «Заметках» писал: «Совершенно верно, что в искусстве идет вечная борьба между новым и старым, и конечно, постановку такой пьесы, как “Заложники жизни” нужно признать вполне своевременной» (Театр и искусство. 1912. 21 окт. № 43. С. 831).

[2] По сообщению прессы, 5 ноября 1912 г. Сологуб присутствовал также на генеральной репетиции «Заложников жизни» (*Д*. На генеральной репетиции «Заложников жизни» в Александринском театре // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 5 нояб. № 13232. С. 6).

[3] См. вступ. статью.

[4] В «Поминальных записях об Ан. Н. Чеботаревской» Сологуб наиболее открыто и четко охарактеризовал свое и Чеботаревской отношение в мейерхольдовской постановке этой пьесы: «Постановка “Заложников жизни” ей была и радость и мука. Самовольство Мейерхольда и Головина чрезвычайно огорчало ее» (Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова. С. 381).

109
Чеботаревская — Мейерхольду
21 октября 1912 года. Петербург.

Дорогой Всеволод Эмиль<евич>

Не попробовать ли опустить занавес во время танца — музыка будет звучать тише и «отвлеченнее» и скроется «пианистка», кот<орая> теперь окончательно не нужна. Ф<едор> К<узьмич> просит.

<Сложена как записка, на обороте надпись:> «Мейерхольду».

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 17.

Датируется по содержанию предыдущего письма.

110
Чеботаревская — Мейерхольду
До 6 ноября 1912 года. Петербург

Милый Всеволод Эмильевич

Посылаю Вам текст программки — может он обширен, хотя всего две странички «Обозрения»[1] или сократите кое-какие слова, только не

трогайте о «детях», о рассказе Кати об ее «подвиге любви» и о «подвиге вдохновения» Лилит[2] — это я считаю существенно важным для понимания пьесы. Пока всех благ! Только бы в типографии не переврали.

<По верхнему полю:> Если нужно еще экз<емпляр> пришлю.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 18.

Датируется по содержанию.

[1] Имеется в виду петербургская газета «Обозрение театров», печатающая ежедневный репертуар с кратким изложением содержания пьес. Содержание пьесы Сологуба впервые было напечатано в день премьеры 6 ноября 1912 г. (№ 1902. С. 23).

[2] «Катя и Михаил расстаются, решив отдать себя жизни в “заложники”. Для них наступают тяжелые годы плена. Восемь лет проходит. Катя живет с Суховым под маской покорной жены и матери. Михаил завоевал жизнь творческим трудом; тихая, светлая Мечта-Лилит вдохновляла его в его одинокой борьбе. Михаил вновь встретился с Катей, вновь вспыхнула в них любовь, и он требует от нее разрыва с Суховым. Лилит, совершив свой подвиг вдохновения, прощается с Михаилом. Катя приходит, объясняется с Л<илит> и говорит о подвиге любви. <...> Финал — Катя и Михаил наконец вместе, светлая Мечта-Лилит оставляет их; закончен ее подвиг вдохновения» (Там же).

111
Чеботаревская — Мейерхольду

Между 7 и 22 декабря 1912 года. Петербург.

Милый Всеволод Эмильевич

Верно опять на нас сердитесь, но право не за что — на фельетон Бенуа[1], — я, хотя это было в день моего отъезда в Москву[2], реагировала письмом[3], смысл которого <в том> что не смотря ни на какие недоразумения частного характера (вероятно он слышал от Каратыгина!) общность идейного устремления т<а>к велика, что ведать об этом публике совершенно излишне и только вредно поощрять ее нездоровое любопытство в этом направлении; и во всяком случае и у нас и у Мейерхольда столько настоящих врагов, что грызться из-за мелких поводов, как бы хотелось Бенуа — немыслимо и невозможно.

В М<оск>ве тоже все полно разговоров, толков, вопросов относительно Заложников!

Милый Всеволод Эмильевич, если Вы сердитесь — то напрасно и не за что... Приходите лучше к нам с Ол<ьгой> Мих<айловной> и с Ракитиным — забыла его телеф<он> 22 дек<абря>[4] когда мне приятно видеть всех милых нам, будет и елка. Головину я не пишу, п. ч. на все приглашения он отвечал нам в этом году молчанием. Но, конечно, были бы очень рады, если бы он пришел.

Анс. Чеб<отаревская>.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 34—35 об.

Датируется по времени публикации статьи Бенуа и по содержанию письма.

[1] *Бенуа А. Н.* Художественные письма. О постановке «Заложников жизни» // Речь. 1912. 7 (20) дек. № 336. С. 2.

[2] 8 декабря 1912 г. в письме к жене Сологуб справлялся, хорошо ли она доехала (см.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская. С. 323).

[3] В недатированном письме к А. Н. Бенуа Чеботаревская писала:

Дорогой Александр Николаевич

Все это очень хорошо и верно — даже очень *нужно*, — то, что Вы написали сегодня о Заложниках, но вот только в чем мы, вероятно, разойдемся с Вами. — Несогласия, недоразумения, конечно, были при постановке, но при характере Ф<едора> К<узьмича> — очень мягком, *не* настойчивом, склонном к уступкам, очень деликатном — конечно, все *наши* требования были оставлены «без последствий», но кричать об этом мы не хотели; ведь, право, столько есть действительных, коренных, настоящих врагов, один Батюшков чего стоит, что еще бороться и расходиться с теми единственными — пусть и не вполне понимающими, и не вполне цельными друзьями — уж очень не ко времени — ведь Вы сами знаете, как это тяжело. Режиссер же вообще даже очень интеллигентный, даже считающий себя «другом» (к<а>к Мейерхольд и Евреинов — к нам) все-таки (почему — не знаю) предпочитает автора *не пускать* или пустить — как неизбежное зло — на генеральную репетицию, — когда уже ничего сделать нельзя. Другая причина — и очень важная — на нее указывал Философов — это в *ненормальности* вообще театрального дела в казенных театрах, где репертуар в руках совершенно беззаботных к искусству людей, а новому искусству надо было забегать откуда-то с *заднего крыльца*, чуть ли не по трупам этих гг. Батюшковых (ради конкуренции и сохранения чего — Рышковых, Гнедичей и т. д. и т. п.?), а раз это «вторжение» уж так обставлено странно, то и держаться приходится странно, — незванным гостем. Потому-то перед публикой все же нам надо быть с М<ейерхоль>дом, а не *против* него, хотя бы и кошки скребли на сердце, и победа наша обвеяна «утомлением и печалью». Что же делать? С кем же быть? Вы знаете, как слабы, разрозненны, разъединенны наши силы — помните, я раз писала Вам уже об этом — а ведь такие ссоры только еще окончательно обессиливают, а врагам придают бодрость и сплоченность. Победа и утешение единственно в том, что впервые — за много лет, со сцены Александринки слышится хороший *литературный* язык — ведь этого отрицать нельзя, — язык *поэта*, а не театрального закройщика. А относительно *веры* — это все не так. Единственного человека я знаю, который свято, беззаветно и безраздельно верит в свое искусство, в дело, в театр — это Сологуб и есть. Но он не борец в житейском смысле — он — поэт — весь с головы до ног и грызться не может и не умеет ни с кем. Теляковский же вел себя чрезвычайно *мужественно*, *прямо* и *достойно* — так что это — напрасно! Ведь как его травили этой слабостью к «Заложникам», к<а>к он только все вынес! А все же спасибо Вам за добрые слова!

Ваша поклонница

Анс. Чеботаревская-Сологуб

(ГРМ. Ф. 137. № 1763. Л. 8—11).

[4] В «Тетрадях посещений» Сологуба нет сведений о собрании в субботу 22 декабря 1912 г.

112
Чеботаревская — Мейерхольду
Декабрь 1912 года. Петербург

Милый Всеволод Эмильевич,

Не хотите ли поработать над устройством нового кабаре[1], или клуба — называйте, к<а>к хотите; недавно, собравшись у Тэффи[2], решили устроить таковой своими силами, собрать 10 пайщиков по 50 р<ублей> — из своих же, или участвовать трудом. Помещение есть очень хорошее — в четверть больше Собаки — 170 р<ублей> в месяц; средства добыть путем устройства вечера в фойе Литейного театра[3], которое дадут бесплатно. Словом, если Вы сочувствуете идее такого учреждения — без «хозяина» (подобно Собаке) — приходите <в> субботу, от 4-х час<ов> (до 7 ч<асов> в<ечера>) к Н. А. Тэффи (Бассейная, 17). Там соберемся и поговорим обо всем этом. Скажите по тел<ефону> 106—44 Ваше *принципиальное* мнение. С приветом

Анс. Чеботаревская.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 36—37 об.

Датируется по содержанию письма Сологуба к Чеботаревской о посещении Тэффи (Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская. С. 323). См. также: *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1983. Л., 1985. С. 203.

[1] В декабре 1908 г. Сологуб входил в число устроителей театра «Лукоморье», организованного Мейерхольдом и ориентированного на программы немецких кабаре «Überbrettl» Э. фон Вольцогена (см. п. 35, 42—49), осенью 1911 г. поэт посещал немецкие кабаре, познакомился со знаменитым немецким кабаретистом Ф. Ведекиндом (см. п. 82). О замысле кабаре см.: *Галанина Ю. Е.* Кабаре Ф. Сологуба и Ан. Чеботаревской // Русская литература. 2004. № 1. С. 225—234.

[2] См. примеч. 1. Чеботаревская с 7 по 14 декабря 1912 г. находилась в Москве (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 88, 91 об.).

[3] В 1909 г. в Литейном театре В. А. Казанского, куда перешли близкие Мейерхольду актеры театра Комиссаржевской В. П. Веригина, М. А. Бецкий, была поставлена мелодрама Мейерхольда «Короли воздуха и дама из ложи» (реж. П. П. Ивановский), в 1910 г. — переведенная с немецкого языка старинная японская трагедия Такеды Идзумы «Теракойя». 10 марта 1909 г. в Литейном театре показали пьесу Сологуба «Ночные пляски» (реж. Н. Н. Евреинов). В 1912 г. в театре играла О. Глебова-Судейкина.

1913

113
Мейерхольд — Чеботаревской
6 января 1913 года. Петербург

НЕОБХОДИМОСТЬ УЕХАТЬ НА СЕГОДНЯ В ПЕТЕРГОФ ЗАСТАВЛЯЕТ ПЕРЕНЕСТИ МОЙ ВИЗИТ К ВАМ НА ЗАВТРА[1] СГОВО-

РИМСЯ ПО ТЕЛЕФОНУ ПРИВЕТ ФЕДОРУ КУЗЬМИЧУ = МЕЙЕРХОЛЬД

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 160. Л. 18.

Телеграмма.

[1] 6 января 1913 г. (воскресенье) в «Тетрадях посещений» (С. 000) отмечено: «Днем был у Мережковских», 7 января — «Литейный театр. “Царица Таир” Тэффи и др.».

114

Чеботаревская — Мейерхольду

12 января 1913 года. Петербург

Милый Всеволод Эмильевич!

Завтра, <в> воскресенье[1], мы решили собраться в 4 ч. дня у нас — насчет cabaret — пожалуйста, придите, м<ежду> п<рочим> Игорь Северянин написал маленькую вещицу, очень милую, которая могла бы пойти в программе. С приветом

Анс. Чеботаревская.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 21.

Секретка.

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] В «Тетрадях посещений» нет таких сведений.

115

Сологуб — Мейерхольду

Июнь 1913 года. Тойла[1]

Милый Всеволод Эмильевич,

Как поживаете? Я слышал, что Ваша Парижская поездка была великолепна и счастлива[2]. Очень радуюсь за Вас. Мы живем немного дальше, чем в прошлом году. У нас очень приятно и тихо. Говорят, что Вы на днях должны увидеться с Теляковским для разных совещаний. Это мы вычитали из газет[3] — они по-прежнему внимательны к Вам. Не найдете ли случая напомнить Теляковскому насчет постановки «Заложников жизни» в Москве в Малом театре[4]. Я писал кн. Сумбатову, и получил от него слишком дипломатический ответ: он употребляет все старания, чтобы включить пьесу в репертуар, встречает препятствия в артистическом отношении, постарается еще относительно этого сезона, наверное, ответить сможет только после 20 августа[5]. — Желаю Вам приятного лета.

Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 31—32.

Датируется по помете о получении письма.

Помета Мейерхольда в левом верхнем углу: «Получено в СПб 5—6—13, в Ассерне[6] 4—7—13».

[1] Летом 1913 г. Сологуб и Чеботаревская отдыхали в деревне Тойла (дача Егора Магара) Эстляндской губернии.

[2] С конца мая по начало июля 1913 г. Мейерхольд находился в Париже, где в театре «Шатле» поставил «Пизанеллу» Г. Д'Аннунцио (премьера 12 июня 1913 г.). См.: *Волков Н.* Мейерхольд. Т. II. С. 278—295.

[3] О встрече Мейерхольда с Теляковским сведений не обнаружено.

[4] См. п. 93, примеч. 2.

[5] См. письмо А. И. Сумбатова (Южина) к Сологубу от 25 мая 1913 г.:

Управляющий Драматической труппою
императорского Московского Малого театра
25 мая 1913
Глубокоуважаемый
Федор Константинович, <sic!>

Я только что вернулся в Москву, где застал Ваше письмо без даты, полученное в начале мая, и только поэтому невольно задержал ответ на него. Надеюсь, Вы простите мне эту невольную неаккуратность.

Я уже второй сезон включаю в проект постановок «Заложники жизни» и поставить мне ее мешают не режиссерские, а артистические стороны ее исполнения у нас. Позвольте не распространяться в этом письме обо всех этих мотивах и отложить более подробный ответ до конца августа. Я все силы употреблю для того, чтобы пьеса Ваша вошла в репертуар, и представлю Директору императорских театров все свои соображения по этому вопросу, а также напишу Вам вполне определенно около 20-ых чисел августа. Теперь я уезжаю на все лето за границу.

Прошу принять уверение в глубоком уважении и преданности
Князь Сумбатов

(ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 656. Письмо на бланке Министерства Императорского Двора. На конверте поверх адреса «на Разъезжей 31, кв. 4» красными чернилами: Д. Jebbe. Дер. Тойла. Дача Егора Мячара <sic!>).

[6] После возвращения в Россию с июля до начала августа 1913 г. Мейерхольд отдыхал на Рижском взморье в Ассерне (с 1919 г. — Асари) Лифляндской губернии на границе с Карлсбадом (другое название — Мелужи, Дюнная ул., 30, усадьба Брувер) на даче с женой и дочерьми и с семьей Е. М. Мунт — А. А. Голубева.

116
Чеботаревская — Мейерхольду
До 9 июля 1913 года. Тойла

Милый Всеволод Эмильевич

Предъявитель этого письма Як<ов>Льв<ович> Дынкин[1], устроитель лекции Ф<едора> К<узьмича> в Харькове[2], очень симпатичный и умелый организатор; думает устроить в Дуббельне[3] «поэзоконцерт» — вечер поэзии. Ф<едор> К<узьмич> и Игорь Сев<ерянин> будут читать стихи и сказочки (Ф<едор> К<узьмич>), очень желательно, чтобы Вы приняли какое-либо участие — может вместе

с Ек<атериной> Мих<айловной Мунт> и Андр<еем> Андр<еевичем Голубевым>[4] поставите к<акую->н<ибудь> сцену, пантомиму или что-нибудь в этом роде. Заранее благодарю и очень прошу не оставить содействием. Ф<едор> К<узьмич> шлет В<а>м привет — я тоже. Анс. Ч<еботаревская>.

Ст. Jebbe[5], Орро[6], д<ача> Мегар.

<На полях:> Ф<едор> К<узьмич> шлет В<а>м привет — я тоже. Анс. Ч<еботаревская>.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 24.

Секретка. Датируется по упоминанию «поэзоконцерта» в печати (см. п. 119, примеч. 1).

[1] Дынкин Яков Львович — организатор вечеров, лекций и пр. В архиве Сологуба сохранилось письмо к нему Дынкина от 2 июля 1913 г. (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 250).

[2] Ф. К. Тетерников (Сологуб) заключил договор с Е. И. Якобсоном на устройство с 1 марта по 5 апреля 1913 г. в Петербурге, Москве и других городах лекций и вечеров с участием Чеботаревской и И. Северянина (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 39. Л. 9—9 об.). Лекция Сологуба «Искусство наших дней», впервые прочитанная в Петербурге в зале Тенишевского училища 1 марта 1913 г. (отчет за подписью «Г. И.» см.: Аполлон. 1913. № 4. С. 50), была повторена в Минске, Вильне, Харькове, Екатеринославе, Одессе, Полтаве, Симферополе, Ростове-на-Дону, Екатеринодаре, Баку, Тифлисе, Кутаисе и Батуме. По словам писателя, цель поездки заключалась в желании непосредственно пообщаться со своими читателями: «В общении с публикой на лекциях, из отдельных разговоров я убедился в существовании в провинции непосредственного интереса к новой литературе. <В Харькове, Ростове и Тифлисе я встретил общество, не уступавшее обществу столицы по своему высокому интеллектуальному уровню>» (см.: Федор Сологуб о своей поездке // День. 1913. 28 апр. № 112.).

[3] Дуббельн (Дубулты) — курортная местность на берегу Рижского залива в Юрмале.

[4] Голубев Андрей Андреевич (1881—1961) — драматический актер, муж Е. М. Мунт. Выступал под руководством Мейерхольда в Драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской, в гастрольной поездке 1908 г., в Доме интермедий и др.

[5] Jebbe (Йеббе) — железнодорожная станция Балтийской железной дороги.

[6] Орро — парк в усадьбе Г. Г. Елисеева рядом с деревней Тойла.

117
Мейерхольд — Сологубу
4 июля 1913 года. Ассерн

4 июля 1913 <года>

Любимый Федор Кузьмич,

письмо Ваше, полученное в Петербурге 5—VI—13, в Ассерн попало только 4—VII—13. В письме моем к Анастасии Николаевне я объяснил — почему это так случилось[1].

В Париже всегда-всегда вспоминал о Вас.

Ах, как же это в этом году Александринка без Вас!? Неужели «Любовь над безднами»[2] не готова? И неужели Вы так-таки не дадите Вашу новую пьесу нам? Мне так хочется поставить еще что-нибудь Ваше!

Относительно «Заложников жизни» советую Вам написать Владимиру Аркадьевичу Теляковскому по адресу: Почт<овая> ст<анция> «Песочное», «Отрадное», через г. Рыбинск.

Газеты выдумали — будто я должен иметь совещание с Теляковским.

Я вот в Ассерне и пробуду здесь до начала августа.

Напишите мне, пожалуйста, — будете Вы писать Вл<адимиру> Арк<адьевичу> Т<еляковскому> о «Заложниках жизни» сами или хотите, чтобы я написал Головину, который, вероятно, в течение июля будет видеть Т<еляковского>. Мне кажется, удобнее всего, если Вы сами напишите Т<еляковскому>. Впрочем, Вы лучше меня знаете — как сделать. Жду наставлений. Сделаю все для Вас с величайшей радостью, ибо люблю Вас по-прежнему.

Ах, как хочется скорее услышать чтение «Любви над безднами»[3]!

Крепко целую Вас,

дорогой Федор Кузьмич!

Сердечно Ваш

Всеволод Мейерхольд.

Адрес:

Ассерн, Лифляндской губ., Дюнная, 30.

P. S. Если вечер Ваш в Дуббельне состоится, значит, скоро увидимся? Радость какая.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 63—64, л. 65 — конверт.

[1] Письмо не обнаружено.

[2] Сологуб и Чеботаревская работали над пьесой летом 1913 г. в Тойле.

[3] Отзывы Мейерхольда на пьесу «Любовь над безднами» не обнаружены. В переписке Мейерхольда с Сологубом и Чеботаревской и в прессе не упоминаются планы постановки пьесы «Любовь над безднами» в Александринском театре. 3 октября 1913 г. в интервью во время гастрольной лекционной поездки по России Сологуб говорил: «Куда определю драму свою — я еще не знаю; в то время, как в некоторых кругах имя мое вызывает чуть ли не ярость, трудно решать вопрос о судьбе пьесы» ([*Б. п.*] «Любовь над безднами» (Новая пьеса Федора Сологуба) <Беседа с Ф. Сологубом>. Пьеса, дозволенная к постановке 23 декабря 1913 г. (ОРИРК СПбГТБ. № 49179), 3 марта 1916 г. московским отделением Театрально-литературного комитета не была одобрена к постановке на сценах императорских театров (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 878. Л. 51).

118
Чеботаревская — Мейерхольду
После 4 июля 1913 года. Тойла

Jebbe, Балт<ийской> ж<елезной> д<ороги>,

Орро, д<ача> Мегар

Дорогой Всеволод Эмильевич!

Очень обрадовалась Вашему письмецу — думала совсем нас забыли, т<ем> б<олее>, что Ф<едор> К<узьмич> очень просил Ол<ьгу>

Мих<айловну Мейерхольд> сообщить летний адрес, чтобы можно было списаться с Вами о разных делах и просто поболтать.

Дынкину (Иос<ифу> Льв<овичу>) Вы помогите! Я держусь взгляда, — Вам вероятно, известного, что надо *всюду* и *всегда* пропагандировать новое искусство, поэтому Ф<едор> К<узьмич> и Игорь согласились участвовать в «поэзоконцерте», но их одних мало, надо еще человека 3 — хорошо бы к<акую>-н<ибудь> сценку, пантомиму, инсценировку... расходы и небольшой гонорар должен уплатить Дынкин; мы согласились за «путевые издержки», из симпатии к новому искусству и Дынкину; он в Харькове показал себя очень милым устроителем. Высылаю для Ек<атерины> Мих<айловны> те стихотворения, которые имеются у меня в *цензурованном* уже экземпляре; к сожал<ению> здесь только Ф<едора> К<узьмича> и Игоря, хорошо было бы ей прочитать Гиппиус то, что она читала зимой у Ратькова-Рожнова[1] («Благовещение»[2] и «Единый раз вскипает пена...»[3]). Лучше назначить вечер попозже — в 20-ых числах, но с приличной программой. Хотелось бы, чтобы стихи поэтов сопровождались вступлением музыкальным — но надо найти пианиста, или выписать Каратыгина. Предполагалась еще Судейкина и Рукавишников[4], но 1-ая уехала, а 2-ой еще не нашелся.

Так что уж, пожалуйста, Вс<еволод> Эм<ильевич> — Вы не откажите в В<аше>м любезном содействии Д<ынки>ну. Может Андр<ей> Андр<еевич Голубев> вернется к 20-му? Или у В<а>с там есть новые этуали — танцующие или декламирующие?[5] Мы живем недурно, работаем, здесь живописно и уединенно. Мысль о «кабарэ», несмотря на холодность всех «участников» — не оставляем.

Всегда Вас любящая Анс. Чеботаревская.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 25—26 об.

Датируется по письму Мейерхольда от 4 июля 1913 года.

[1] Имеются в виду Ратьковы-Рожновы Зинаида Владимировна (1871 — после 1964), дочь А. П. Философовой и кузина С. П. Дягилева, и ее муж Александр Николаевич (1859 — около 1940), возглавлявший Главное правление уральских предприятий Демидовых. Упомянутый Чеботаревской вечер состоялся 20 ноября 1912 г.: Д. С. Мережковский читал фрагмент из романа «Александр I» — «Смерть Александра I», Сологуб — фрагмент из романа «Творимая легенда» — «Маркиз Телятников», артисты Е. И. Тиме, Н. К. Тхоржевская, Вертер (Н. Вехтер?), О. Судейкина, Е. М. Мунт и А. А. Голубев — стихи Мережковского, З. Н. Гиппиус и Сологуба.

[2] Возможно, имеется в виду стихотворение «Благая весть» («Дышит тихая весна...», 1904).

[3] «Любовь — одна» («Единый раз вскипает пеной...», 1896).

[4] Рукавишников Иван Сергеевич (1877—1930) — поэт, позднее печатался в журнале Сологуба «Дневники писателей».

[5] Из переписки Е. М. Мунт с А. А. Голубевым (ИРЛИ, фонд А. А. Голубева) следует, что Голубев, уезжавший в июле в Петербург из Ассерна, намеревался вернуться для участия в концерте, в котором, в частности, предполагалось, что

«“Лилит” <возможно, стихотворение Сологуба 1905 г. «Волшебница Лилит» («Я был один в моем раю...»). — *Ю. Г.*> будет читать Королева из театра П. П. Гайдебурова <возможно, Вера Николаевна Королева, участница инициированного Мейерхольдом театра «Лукоморье», его Студии на Жуковской (1908—1909) и Студии на Бородинской. — *Ю. Г.*>».

119
Мейерхольд — Сологубу
13 июля 1913 года. Тойла

13 июля 1913 <года>

Дорогой

Федор Кузьмич,

книги Ваши с нежными надписями я получил. Низко кланяюсь Вам и крепко Вас целую.

Г. Дынкин скрылся с нашего горизонта. В хронике местной газеты «Взморье» была заметка, что в скором времени состоится «поэзоконцерт», приведены наши имена[1], а Дынкин не является. Ждем у моря погоды.

Жду известий о Вашей новой пьесе[2].

Ольга Михайловна кланяется Вам. Кланяются Вам и Голубевы.

До скорого свидания!

Ваш *Вс. Мейерхольд.*

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 66—67, л. 68 — конверт.

[1] Ранее, 23 июня 1913 г., Сологуб и Игорь Северянин выступали в Тойле на вечере в пользу единственной административной организации в деревне — местной пожарной команды (*Сологуб Ф.* Письмо к Сюннербергу К. А // ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 261. Л. 66). В упомянутой в письме Мейерхольду заметке сообщалось: «Дуббельн. “Поэзоконцерты” с участием писателя Федора Сологуба, поэта Игоря Северянина, проживающего на рижском взморье режиссера императорских театров Мейерхольда, артистки Мунт и пианиста Каратыгина устраиваются в ближайшем будущем в Дуббельне и Эдинбурге <Дзинтари. — *Ю. Г.*>. Г. Мейерхольд поставит несколько сцен из пьесы Сологуба “Заложники жизни”» (Взморье. 1913. 9 июля. № 21. С. 2). В этот же день в газете «Рижское взморье» была опубликована также анонимная заметка под заглавием «Мейерхольд на взморье»: «После неудачи, постигшей режиссера императорских театров Мейерхольда с постановкой в Париже “Пизанеллы” для Иды Рубинштейн, театральный новатор приехал отдыхать на наше взморье. Здесь г. Мейерхольд собирается также проявить свое искусство устройством оригинальных концертов. Мейерхольдом для этой цели уже приглашены: известный писатель Ф. Сологуб, проживающий на даче в Эстляндии, поэт-декадент и эгофутурист И. Северянин и некоторые артисты и артистки, которые выступят в качестве мелодекламаторов.

Концерты г. Мейерхольд собирается ставить в Дуббельне, а в Эдинбургском театре, под его режиссерством и указаниями автора, пойдут несколько сцен из “Заложников жизни” Ф. Сологуба» ([*Б. п.*] Мейерхольд на взморье // Рижская мысль. 1913. 9 июля. № 1785. С. 3). Намеченный концерт не состоялся. 20 июля Мейерхольд

в той же газете опубликовал свое письмо в редакцию: «<...> Прошу Вас, милостивый государь, дать место в Вашей газете следующему моему заявлению:

1) “Проявить свое искусство устройством оригинальных концертов” на рижском взморье я не собирался и не собираюсь. 2) Концерты в Дуббельне устраивать я не собирался и не собираюсь. 3) В Эдинбургском театре “Заложники жизни” Ф. Сологуба под моим режиссерством никогда не пойдут.

Примите уверение в совершенном почтении.

Режиссер Императорских театров

В. Мейерхольд.

Ассерн, 19 июля» (Рижская жизнь. 1913. 20 июля. № 1795. С. 6).

[2] Имеется в виду пьеса «Любовь над безднами».

120
Чеботаревская — Мейерхольду
16 июля 1913 года. Тойла

Дорогой Всеволод Эмильевич — не произошли ли недоразумения? Д<ынки>н ведь считает В<а>с в *Карлсбаде*[1] — он н<а>м т<а>к и писал В<а>ш адрес. Если вечер будет, то, конечно *все* должны участв<овать> — это очень мило, что Андр<ей> Андр<еевич> привез фрак — даже — страш<но> — шикарно! О кабаре поговорим подробно — есть надежда на небольшие *средства* для начала. А вот адр<ес> Дынкина в Дуббельне (кот<орый> Маламед[2]): Церковная, 7. Ваша А<настасия> Ч<еботаревская>.

<Сверху приписано:>

Сердечный привет от Ф<едора> К<узьмича> и меня *всем* вашим.

А<настасия> Ч<еботаревская>.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 22.

Датируется по почтовому штемпелю.

Открытка с видом залива и надписью: «Gruss aus Orro»*.

[1] Мейерхольд летом 1913 г. жил в Ассерне на границе с Карлсбадом (см. п. 115, примеч. 3).

[2] Ср. упоминанание Сологубом имени «Маломет», устроителя его лекций в Сибири осенью 1916 г. (Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская. С. 363).

121
Чеботаревская — Мейерхольду
22 июля 1913 года. Ассерн

Дорогой Всеволод Эмильевич!

Мы от Д<ынкина> тоже эти дни ничего не имеем, хотя в «Речи» читали о вечере. Как Вы живете? Вчера узнала, что в Своб<одном> театре[1] собираются ставить «Малэн»[2], отчего бы Вам не поставить?

---

* «Привет из Орро» (*нем.*).

Может Рощина[3] могла бы дать что-нибудь интересное в этой роли? С сердечным приветом

Анс. Чеботаревская.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 23.

Секретка.

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Свободный театр К. А. Марджанова был открыт в Москве в течение одного сезона — с 21 октября 1913 г. до 2 мая 1914 г.

[2] «Принцесса Мален» — пьеса М. Метерлинка (1889). Перевод Ан. Н. Чеботаревской см.: *Метерлинк М.* Принцесса Мален / Пер. с франц. Анастасии Чеботаревской. М.: Польза, [1909]. В чьем переводе предполагалась постановка пьесы в Свободном театре, установить не удалось. В намеченной постановке должна была участвовать А. Г. Коонен, но пьеса Метерлинка «была отвергнута» (см.: *Коонен А.* Страницы жизни. М., 1965. С. 163, 173).

[3] Драматическая актриса Екатерина Николаевна Рощина-Инсарова (урожд. Пашенная; 1883—1970) приобрела широкую известность стилизованным в духе искусства модерна изображением современных героинь. Много гастролировала в провинции, играла в театре Литературно-художественного общества, в театре Незлобина, в московском Малом театре, с 1910 по 1918 г. — в Александринском театре. Мейерхольд считал ее «самой талантливой в Александринке». Роли в постановках Мейерхольда: «На полпути» А. Пинеро, Элиза Дулитл («Пигмалион» Б. Шоу); создала яркий образ Катерины в «Грозе» Островского (премьера 9 января 1916 г.); также сыграла роли Финочки в «Зеленом кольце» З. Н. Гиппиус, Вареньки в «Романтиках» Д. С. Мережковского, Нины в «Маскараде» М. Ю. Лермонтова.

122
Чеботаревская — Мейерхольду
31 августа 1913 года. Тойла

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Здесь так хорошо, так красива осень, что уезжать жаль и попадем в П<етербург> только 3 или 4. «Глашатай»[1] будет выходить в виде литературной газеты 1го и 15го регулярно — давайте нам побольше сведений для хроники. Пьесу[2] Ф<едор> К<узьмич> кончит в П<етербурге> — все равно уж к этому сезону не успеть. Всего доброго! Привет О<льге> М<ихайловне>.

Ваша Ан<а>с<тасия Чеботаревская>.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 27.

Датируется по почтовому штемпелю.

Открытка с видом. На правом поле помета Мейерхольда: «получено 2—IX—1913 Вс. М».

[1] В 1912 г. с 12 февраля по 15 ноября вышли четыре номера газеты эгофутуристов «Петербургский глашатай», неофициальным редактором которой был поэт, критик и теоретик футуризма Иван Васильевич Игнатьев (наст. фам. Казанский; 1892—1914). В 1912—1914 гг. под маркой одноименного издательства печатались

книги эгофутуристов. Осенью 1913 г. предполагалось возобновление газеты «Петербургский глашатай», в которой Мейерхольд и Сологуб «обещали близкое свое участие» (см.: Литературное наследство. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 421). Однако продолжение издания не состоялось из-за самоубийства Игнатьева (см.: *Чеботаревская А.* К самоубийству Казанского // День. 1914. 24 янв. № 23. С. 3).

[2] Имеется в виду пьеса «Любовь над безднами».

123
Чеботаревская — Мейерхольду
22 сентября 1913 года. Петербург

Милый Всеволод Эмильевич!

Был ли у В<а>с Игнатьев с анкетой? К<а>к В<а>м кажется, недурно было бы написать заметку для «Глашатая» об отказе от членов комит<ета> Блока[1] к<а>к нежелательном абсентизме-квиэтизме*, кот<орый> на руку только «троице»[2] литер<атурно> «убожественного» комитета? Может написали бы Вы — если хотите под псевдонимом. И в Хронику и в «Вести ниоткуда» готовьте сведения. Кстати у Вас есть какая-то «Студия»[3]? Всего доброго. Звоните. Привет! Анс. Чеботаревская.

<На правом поле:> Южину относительно «Заложников» хочу сама написать.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 28.

Секретка. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] В конце 1912 г. А. А. Блок был приглашен вступить в члены Театрально-литературного комитета императорских театров, занимающегося отбором драматических произведений для императорских театров, членами которого состояли Д. С. Мережковский, П. О. Морозов, Н. А. Котляревский, Ф. Д. Батюшков. 24 августа 1913 г. в газете «День» было опубликовано сообщение: «Поэт А. А. Блок отказался от предложения дирекции императорских театров занять место пятого члена в СПб отделении Театрально-литературного комитета». Однако судя по сохранившейся в рукописи неопубликованной заметке, предназначавшейся для газеты «Русское слово», вопрос об участии Блока в комитете не был поэтом решен столь однозначно: «В некоторых изданиях появились сообщения о том, что известный поэт А. А. Блок получил предложение войти в состав Театрально-литературного комитета, и что будто бы А. А. Блок от этого предложения отказывается. Лица, близкие к А. А. Блоку, нам передают, что никакого отношения к этим сообщениям он не имеет, и что никаких решений в этом направлении он не принимал, да и принимать не мог» (см.: Литературное наследство. Т. 92, кн. 3. С. 420).

[2] Чеботаревская имеет в виду Н. А. Котляревского, Ф. Д. Батюшкова и П. О. Морозова, сопротивлявшихся проникновению на Александринскую сцену пьес модернистского репертуара, что проявилось при прохождении через комитет драмы Сологуба «Заложники жизни».

[3] Студия Мейерхольда, получившая в дальнейшем известность под названием «Студия на Бородинской», открылась 7 сентября 1913 г. (о Студии см.: Мейерхольд и другие. С. 352—470; Любовь к трем апельсинам (1914—1916): В 2 т. СПб., 2014)

---

* *Здесь:* равнодушное, безучастное отношение к общественной жизни.

и существовала до 1918 г. Сологуб и Чеботаревская, входившие в состав «друзей Студии», сотрудничали в журнале Студии «Любовь к трем апельсинам».

124
Чеботаревская — Мейерхольду
Осень 1913 года. Петербург

Дорогой Всеволод Эмильевич!

Мне Игнатьев передавал, что В<а>с настолько огорчило имя Слонимской[1], что Вы... замолкли, и ни строки для злосчастного «Глашатая» не дали... Меня это очень удивило и огорчило. Вы знаете, как трудно, почти невозможно создать, сплотить, сорганизовать что-либо в теперешних условиях... Укажите же Вы кого-либо взамен Слонимской, которая никогда (это условие *всем* сотрудникам) здесь Вас бы не ругала и вообще неизвестно даже — скажет ли хоть слово.

Чрезвычайно прискорбно, что дело начинает разваливаться в самом начале — из-за чего? Так создать ничего невозможно — и все это на руку нашим врагам. Пожалуйста, сообщите *Ваше* (а не Игнатьева) мнение по этому поводу. А так же пойдут ли «Заложники» на этой неделе — н<а>м очень нужно знать.

С приветом

Анс. Чеботаревская.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 31—32 об.

Датируется по содержанию.

[1] Слонимская Юлия Леонидовна (в замуж. Сазонова; 1887—1957) — прозаик, поэт, литературный критик, публицист, историк театра, режиссер кукольного театра. Относилась к группе критиков, в статьях которых «вполне открыто выражалось непонимание и нежелание понять смысл, направление и задачи режиссерских исканий: идеи Мейерхольда вообще не осмыслялись, а высмеивались с позиций “здравого смысла” и вкуса, ориентированного на хрестоматийную классику и обывательскую современную драму» (Мейерхольд в русской театральной критике: 1892—1918. С. 457).

125
Чеботаревская — Мейерхольду
15 ноября 1913 года. Петербург

Дорогой Всеволод Эмильевич!

Вечер (театр<альная> бес<еда>) назначается 27-го ноября[1] в зале Калашник<овской> биржи. К В<а>м будет звонить Долидзе[2] (устроитель) его адр<ес>: Невский, 76, кв. 16, тел. 201—38.

Напоминайте Аничкову[3]. Если что надо печатать, то дайте Ховину[4] — Невский, 160. Тел. 45—90 для «Зачарованного странника»[5].

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 29.

Датируется по почтовому штемпелю.

Почтовая карточка. Без подписи.

[1] Диспут 27 ноября 1913 г. в зале Калашниковской биржи под председательством Сологуба был посвящен вопросам современного репертуара. Как сообщалось в анонсах, предметом обсуждения должны были стать последние «боевые» пьесы — «Не убий» Л. Андреева, «Торговый Дом» И. Сургучева, «Ревность» М. Арцыбашева и «ряд неигранных пьес»: «Роза и крест» А. Блока, «Земля» В. Брюсова и др. (День. 1913. 27 нояб. № 322. С. 6). Вступительную речь «Два искания в современном русском репертуаре» произнес Е. Аничков. В прениях выступали В. Н. Соловьев, К. А. Вогак, А. И. Гидони, Ю. Л. Сазонова-Слонимская, Г. И. Чулков, Ю. Э. Озаровский, В. В. Чехов, Е. П. Карпов и Мейерхольд (см.: Петербургская газета. 1913. 29 нояб. № 328. С. 6; [*Б. п.*] Кризис театра // День. 1913. 28 нояб. № 323. С. 5; *З. Б.* <Зноско-Боровский Е. А.?> Беседа о современном театре // Россия. 1913. 17 дек. № 2483. С. 2; Любовь к трем апельсинам. 1914. № 2. С. 60; *Бродский А.* Театральная жизнь Петербурга // Маски. 1914. № 3. С. 58—59).

[2] Долидзе Федор Евсеевич (1883? — ?) — устроитель театральных вечеров и лекций.

[3] Аничков Евгений Васильевич (1866—1937) — критик, историк литературы, прозаик. Статья Аничкова «Традиция и стилизация» опубликована в сборнике театральных манифестов начала XX в. «Театр. Книга о новом театре» (СПб.: Шиповник, 1908. С. 41—66). На «театральной беседе» 27 ноября 1913 г. под председательством Ф. Сологуба Аничков произнес вступительную речь «Два искания в современном русском репертуаре».

[4] Ховин Виктор Романович (1891—1944) — критик, журналист и издатель.

[5] Имеется в виду альманах интуитивной критики «Очарованный странник» (1913—1916), выходивший под редакцией Ховина. В 10 книгах альманаха были напечатаны произведения Ф. Сологуба, И. Северянина, В. Р. Ховина, Д.А. Крючкова, Анс. Н. Чеботаревской, Н. Н. Евреинова, С. М. Вермеля, В. В. Хлебникова, В. Г. Шершеневича.

126
Чеботаревская — Мейерхольду
16 ноября 1913 года. Москва

Дорогой Всеволод Эмильевич! Здравствуйте — из Москвы! Лекция сошла отлично — вызывали множество раз[1]. К 24-му вер<оятно> вернемся! 27 назначена «театр<альная> беседа», подгоняйте, инспирируйте Аничкова! Хорошо бы еще раз — до 27 собраться! На днях выйдет «Зачарованный странник»[2] № 2 (изд. Ховин — тел 45—90 — попросите его В<а>м прислать — от меня) т<а>м мои 2 заметки («Гаэтан» и Ан<а>с<тасия> Чеб<отаревская>)[3] — прочтите. Читали ли пьесу Ф<едора> К<узмича>[4]? Она слегка схематична. Но можно интересно сыграть — психологично а 3 м<ожет> б<ыть> акт — гротескно. Сегодня идем <на> «Беса»[5]. Доход от вечера 27 на устр<ойство> «клуба».

Привет от Ф<едора> К<узьмича> и меня Ан<а>с<тасии> Ч<еботаревской>.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп 1. Ед. хр. 2569. Л. 30.

Датируется по почтовому штемпелю.

Открытка с видом гостиницы «Люкс» в Москве.

[1] Лекция Сологуба («Искусство наших дней») была прочитана в Москве 15 ноября 1913 г. См. отклики: [*Б. п.*] «Искусство наших дней»: Лекция Федора Сологуба // Раннее утро. 1913. 16 нояб. № 265. С. 5; Голос Москвы. 1913. 16 нояб.

[2] Альманах интуитивной критики и поэзии «Очарованный странник».

[3] Во втором номере «Очарованного странника» (1913. С. 9—11 и 13—14) была напечатана статья за подписью Чеботаревской — «По поводу некоторых юбилеев» и заметка, подписанная «Гаэтан», — «Очередное недоумение».

[4] Пьеса «Любовь над безднами» была опубликована в 22-й книге альманаха «Шиповник» (1914), вышедшем в конце 1913 г.

[5] Имеется в виду постановка «Мелкого беса» в театре Незлобина в Москве.

127
Мейерхольд — Сологубу
15 декабря 1913 года. Царское Село

ПРИШЛОСЬ ВЫЕХАТЬ К БОЛЬНОЙ ДОЧЕРИ К РЕШЕНИЮ СОБРАНИЯ[1] ПРИСОЕДИНЯЮСЬ = МЕЙЕРХОЛЬД

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 69.

Телеграмма.

[1] Вероятно, имеется в виду собрание по поводу диспута о театре, состоявшегося 27 ноября 1913 г. и получившего широкий резонанс (см. вступ. статью). 15 декабря 1913 г. в «Петербургской газете» и в газете «День» было опубликовано следующее письмо Мейерхольда и Сологуба:

> Милостивый Государь г. Редактор.
>
> По моему адресу в печати так часто появляются неточные сведения, что я давно уже решил не выступать ни с какими опровержениями, о чем даже заявлял однажды печатно.
>
> Недавно в газетах появилось сообщение — будто я в публичной речи своей на беседе о современном репертуаре (в зале Калашниковской биржи, 27 с<его> ноября) «рекомендовал бросать гнилыми яблоками в артистов, играющих такие пьесы, как “Торговый Дом”» <в рецензии Ф. Батюшкова, опубликованной 5 ноября 1912 г., в день генеральной репетиции «Заложников жизни», пьеса И. Д. Сургучева «Торговый Дом» рассматривалась как альтернатива произведению Сологуба, как «доброкачественное» произведение, написанное по законам сцены, с яркими и жизненными ролями, противостоящее «нетеатральности» «Заложников жизни» (*Батюшков Ф.* Новая пьеса // Речь. 1912. 5 (18) нояб. № 304. С. 3)>.
>
> Я бы и на этот раз оставил без внимания обычную неточность, если бы извращенные сообщения газет не являлись оскорбительными кроме меня еще и для моих товарищей. Поэтому я вынужден выступить со следующим заявлением:
>
> В речи своей я только в одном месте коснулся актеров, когда упомянул три имени, стоящих на страже подлинных традиций Островского, отзываясь о лицах, носящих эти имена (О. О. Садовская, В. В. Стрельская и К. А. Варламов) с величайшим уважением.

Главной темой моей речи был зритель. Сравнивая отношение к современным футуристам двух аудиторий: французской и русской, я приглашал русского зрителя, когда он приходит на спектакли нового искусства, сбрасывать с себя броню равнодушия и скептицизма, создавать атмосферу, в которой искусство могло бы свободнее проявляться, и потом уже выражать свое порицание, хотя бы бросая на сцену мочеными яблоками. Таким образом, как видно, слова мои относились исключительно к спектаклям новых направлений. И совершенно непонятно, как слова мои могли быть отнесены к таким пьесам как «Торговый Дом». И притом мне кажется наивным понимать фигуральное выражение в буквальном смысле.

Всеволод Мейерхольд.

<Приписка Ф. К. Сологуба:> Как председатель беседы 27 ноября я считаю долгом, в добавление к письму В. Э. Мейерхольда, заявить, что ни им, ни кем другим из участников беседы не было употреблено никаких неуважительных выражений по адресу артистов Александринского театра. Федор Сологуб.

(Петербургская газета. 1913. 15 дек. № 344. С. 11; см. также: День. 1913. 15 дек. № 340. С. 5; Черновик письма: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 51).

Отзывы о диспуте см.: [*Б. п.*] Инциденты на диспуте о театре // Речь. 1913. 22 дек. № 350. (1914. 4 янв.). С. 4; *Я. Л.* Диспут о театре // Там же. 23 дек. № 351. С. 3; [*Б. п.*] Инциденты на диспуте // Обозрение театров. 1913. 25—26 дек. № 2303—2304. С. 26—27; Рампа и жизнь. 1913. 29 дек. № 52. С. 14—15; *Г-н В. К* гастролям футуристов (Письмо из Петербурга) // Южные ведомости (Симферополь). 1913. 31 дек. № 293. С. 3. В первых откликах на диспут нет упоминаний об этом неосторожном высказывании Мейерхольда (ср.: *Мейерхольд В. Э.* Выступление в зале Калашниковской биржи на диспуте о современном театре и записи, сделанные на диспуте. 27 ноября 1913 г. 14 л. // РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 432). Лишь в статье А. Р. Кугеля отмечалось: «Мейерхольд обращается к аудитории со словами (текстуально): “Наберите моченых яблок и приходите в театр”. В устах режиссера казенного театра это звучит особенно пикантно» (*Homo novus* [*Кугель А. Р.*]. Заметки // Театр и искусство. 1913. 1 дек. № 48. С. 988). Спустя две недели конфликт обострился (см.: [*Б. п.*] К инциденту с г. Мейерхольдом // Петербургская газета. 1913. 12 дек. № 341. С. 15; [*Б. п.*] Театр и музыка // День. 1913. 14 дек. № 339. С. 4 (Хроника)). После публикации 15 декабря открытого письма Мейерхольда и Сологуба инцидент был исчерпан, тем не менее обострившиеся отношения с премьерами императорской сцены породили слухи об уходе Мейерхольда из Александринского театра: «“Театр и Искусство” сообщал, что В. Э. Мейерхольд приглашен дирекцией Малого Суворинского театра на пост главного режиссера театра с окладом 16.000 руб. в год. По слухам, В. Э. Мейерхольд предложение это принял и с осени будущего года переходит в Малый театр» (День. 1913. 23 дек. № 348. С. 7).

128
Чеботаревская — Мейерхольду
Декабрь 1913 года. Петербург

Письмо в редакцию

Мы, группа студентов, удивленные письмом «группы» слушательниц В. Ж. К. от 21 декабря[1] с. г. заявляем, что В. Э. Мейерхольд, новаторский путь которого вообще не усыпан розами, нисколько не

отвергался от слов им произнесенных на театральном диспуте 27 ноября, но слова эти были произнесены именно в применении к пьесам нового направления, а не «торговым домам».

<Внизу и по правому полю карандашом приписка:> Уважаемый Всеволод Эмил<ьевич> подтекст письма, написанного мною по просьбе Долидзе и для группы студентов. С приветом Ан<а>ст<асия>.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 33.

Датируется по содержанию.

Текст письма студентов — машинопись.

[1] См. публикацию в «Биржевых ведомостях» в день второго диспута о театре с участием Сологуба и Мейерхольда, состоявшегося 21 декабря 1913 г. в зале Соляного городка:

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

М. Г., г. Редактор!

На днях в некоторых петербургских газетах было напечатано письмо г. Мейерхольда, в котором он, не имея, видимо, гражданского мужества, отрекается от тех слов, которые были им произнесены на диспуте в зале Калашниковской биржи.

Мы, группа курсисток, настаиваем, что слова г. Мейерхольда о гнилых яблоках были сказаны не только по адресу футуристов, но и по адресу реалистической школы.

Г. Мейерхольд буквально сказал, что символизму мешают футуристы, с одной стороны, и «торговые дома» (подлинное выражение), — с другой, и их нужно забрасывать гнилыми яблоками и огурцами...

Совершенно непонятно, почему г. Мейерхольд от этих слов теперь отрекается.

По поручению товарищей, слушательница

В. Ж. К. *Т. Бочарова*.

(Биржевые ведомости (веч. вып.). 1913. 21 дек. № 13919. С. 8).

1914

129
Мейерхольд — Чеботаревской
6 января 1914 года. Петербург

Добрейшая

Анастасия Николаевна,

Стихи Ф. Сологуба (дорогого Федора Кузьмича) получил[1]. Низко кланяюсь.

Вл<адимир> Н<иколаевич Соловьев>[2] будет сегодня на карнавале[3]. Переговорите с ним там, т. к. сегодня в «Студию» я опоздал и не успел с ним переговорить. Посылаю контрамарку[4].

Преданный Вам

Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 160. Л. 7, л. 8 — конверт.

Датируется по содержанию.

[1] Вероятно, речь идет о передаче стихотворений Сологуба. 12 февраля 1914 г. Мейерхольд переслал их Блоку для журнала «Любовь к трем апельсинам» (см.: *Мейерхольд В. Э.* Переписка 1896—1939. С. 161).

[2] О Соловьеве см. п. 91, примеч. 1. В Студии Мейерхольда на Бородинской Соловьев вел класс по изучению комедии дель арте.

[3] Речь идет о карнавале («традиционном маскараде») «Под золотым дождем» (Folle nuit chez les artistes du Petit Théâtre) в пользу вторых артистов в Суворинском (Малом) театре, где 16 декабря 1913 г. Мейерхольдом была поставлена мелодрама французских авторов Ф. Нозьера и Г. Мюллера «Севильский кабачок» и куда, по сообщениям прессы, он был приглашен главным режиссером (см.: Обозрение театров. 1913. 27 дек. № 2305. С. 18; *Фантомас.* Около театра // День. 1915. 10 янв. № 9. С. 6; см. также: *Кузмин М. А.* Дневник 1908—1915. С. 424, 745). Впоследствии Мейерхольд принимал участие в ряде других постановок театра (см.: *Волков Н.* Мейерхольд. Т. II. С. 300; *Петровская И. Ф., Сомина В. В.* Театральный Петербург. Начало XVIII века — октябрь 1917 года: Обозрение-путеводитель. СПб., 1994. С. 205). В анонсе карнавала сообщалось: «Содействовать успеху маскарада любезно согласились: г-жи О. М. Антонова, А. С. Абрамян, А. А. Арабельская, З. Ф. Бауэр, Е. К. Валерская, О. А. Глебова, О. Г. Гуриэлли, Е. М. Грановская, К. Л. Истомина, А. П. Инсарова, Е. М. Хованская, А. А. Суворина, Т. П. Карсавина, О. Н. Миткевич, заслуж<енная> арт<истка> Имп<ераторских> театр<ов> О. И. Преображенская, В. А. Миронова, К. М. Рошковская, Е. А. Русланова, Е. А. Мирова, М. А. Мерцалова, Н. А. Натанская, С. В. Христофорова, И. В. Мандражи, Н. Н. Музиль-Бороздина, Н. К. Дмитриева, В. М. Шувалова, Е. К. Карина, Е. Ленар, г. *, г. *, г.*, и др. Гг. Н. М. Антонов, Б. А. Валентинов, Б. А. Вардт, Б. А. Мезенцов, Б. С. Трояновский, Г. Кякшт, М. А. Ростовцев, г. Улих, Ф. А. *, В. Р. *, В. О. Топорков, В. Н. *, Ю. Морфесси, Саша Макаров, и Де-Лазари и др. Аккомпанирует М. Т. Дулов, Conferencier: Б. С. Глаголин, В. В. Сладкопевцев. МАССА ТРЮКОВ! ВЫХОД БЕЛОГО СЛОНА! КЛЮЧИ СЧАСТЬЯ 1914 ГОДА. Традиционные сюрпризы для публики!!! 200 слонов в публике и на сцене». Карнавал должен был состояться после окончания вечернего спектакля в 12 часов ночи (День. 1914. 6 янв. № 5. С. 1).

[4] Контрамарка на карнавал.

130
Чеботаревская — Мейерхольду
7 февраля 1914 года. Петербург

Милый Всеволод Эмильевич!

На масляница или 1-ой нед<еле> поста[1] я обещала устроить у себя вечер[2] (благотворит<ельный> — вроде того — тогда[3]) и очень хочу В<а>с просить В<а>с помочь участием учеников Ваших — к<а-кую>-н<ибудь> сценку, пантомиму и т. п. Необходимые расходы будут сделаны, конечно. Я стремлюсь на Пинеро[4], но жду Ф<едора> К<узьмича> — он вернется только 13-го[5], а я из Москвы прямо приехала домой 1 февраля[6].

С прив<етом> Анс. Чеботаревская.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 38.

Секретка. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Пасха 1914 г. праздновалась 6/19 апреля. Великий пост начался 2 марта, масленица — 23 февраля.

[2] Вечер у Сологуба состоялся до 2 марта 1914 г. (см. п. 132 с благодарностью за помощь и участие А. А. Сувориной).

[3] Имеется в виду вечер 7 января 1912 г., когда была показана пантомима «Арлекин — ходатай свадеб» (см. п. 90 и 91).

[4] Премьера пьесы А. Пинеро «На полпути» в Александринском театре в постановке Мейерхольда состоялась 30 января 1914 г.

[5] 13 февраля Сологуб предполагал вернуться из лекционного турне после выступления в Воронеже, Тамбове, Саратове, Пензе, Самаре, Казани и Нижнем Новгороде (см.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская. С. 333—344).

[6] Чеботаревская вернулась в Петербург после диспута о театре, состоявшегося в Москве 30 января 1914 г. Сологуб, принявший участие в диспуте, продолжил турне с лекциями «Искусство наших дней» (см.: Там же. С. 332).

131
Чеботаревская — Мейерхольду
22 февраля 1914 года. Петербург

Милый Всеволод Эмильевич!

Послала В<а>м вчера статейку свою о Театр<альных> дисп<утах>[1] — очень спешила и наврала числа — надо непременно *исправить*: 1-ый дисп<ут> в Пет<ербурге> был *27* ноября, 2-ой — 21 дек<абря> (а у меня напис<ано> 20 дек<абря> и 5 янв<аря>). А также в тексте «Философов и Ярцев[2] брюзжали на стр<аницах> “Речи”» и вместо «Ярцев» — *«Левин»*[3] (Ярцев не писал). Очень прошу это исправить — особенно числа[4]. 27-го ждем Вас.

С приветом Анс. Чеботаревская.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 39.

Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Статья Чеботаревской «О театральных диспутах (Спб., 27 ноября и 21 декабря 1913 г.; Москва, 30 января 1914 г.)» была опубликована в журнале «Любовь к трем апельсинам» (1914. № 2. С. 59—60; см. современное переизд.: Любовь к трем апельсинам. Т. 1. С. 166—169).

[2] Ярцев Петр Михайлович (1871—1930) — театральный критик, драматург, режиссер, печатался в журналах «Театр и искусство», «Золотое руно», в газетах «Речь», «Литературно-художественная неделя» и др.

[3] Д. Левин в статье о диспуте 27 ноября 1913 г. по поводу образовавшейся тесноты из-за большого стечения народа заявлял, что «устроители <...> собрали огромную толпу и, по-видимому, немалую денежную жатву» для извлечения «наибольшей выгоды», «это был также отчасти базар литературного тщеславия», так как «беседа» происходила «напоказ, для публики» (*Левин Д.* Наброски // Речь. 1914. 24 янв. (6 февр.). С. 2). Ф. Сологуб ответил на это письмом в редакцию следующего содержания: «24 января в газете “Речь” г. Левин в статье “Заметки”, говоря о со-

стоявшемся под моим председательством в зале Калашниковской биржи собеседовании о русской литературе, счел возможным приписать устроителям этого вечера соображения литературного тщеславия и денежной корысти. Посланное мною в газету “Речь” письмо с выражением моего протеста против этого навязывания мне и моим товарищам недостойных побуждений не было напечатано. Поэтому прошу Вас не отказать мне в любезности поместить в вашей уважаемой газете эти строки. С истинным уважением

Федор Сологуб» (День. 1914. 30 янв. № 29. С. 4).

[4] Даты диспутов в опубликованной статье были исправлены, фрагмент о Философове и Левине — отсутствует.

132
Чеботаревская — Мейерхольду
2 марта 1914 года. Петербург

Дорогой Всеволод Эмильевич!

Для хроники Вашего журнала могу сообщить, что Ф<едор> К<узьмич> закончил перевод трагедии Клейста «Пентезилея» и кончает (того же автора) «Разбитый кувшин» и «Катхен из Хейльбронна»[1]. Окончательно решено, что мистерия Суккена «Рыцарь Гаван»[2] пойдет у Незлобина[3] в декорац<иях> Калмакова — ставить будет новый режиссер Сазонов[4] (Глаголин[5] не предлагает никаких условий — потому мы не сочли возможным отнимать у Незлобина) Рафалович написал новую пьесу «Марфа и Мария»[6] — вот и все кажется из театральной хроники нового. Еще раз благодарю В<а>с за помощь нашему вечеру[7] и за А. Суворину[8] — она всем понравилась. Завтра, <в> понедельник вечером (после 11) у н<а>с будет Минский (он сегодня приехал)[9] надо его немножко «фетировать»*[10] — приходите пожалуйста хотя бы и поздно.

Пока до свидания

С приветом Анс. Чеб<отаревская>.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 40.

Датируется на основании даты возвращения Минского (*Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения. С. 628).

[1] См. п. 95, примеч. 10—11. В «Хронике» журнала «Любовь к трем апельсинам» (1914. № 2) сообщалось: «Федор Сологуб закончил перевод трагедии Клейста “Пентезилея”» (Любовь к трем апельсинам. Т. 1. С. 176, 180).

[2] См. п. 95, примеч. 7.

[3] В 1913/1914 гг. Незлобин обосновался в Петербурге в Русском драматическом театре К. Н. Незлобина и А. К. Рейнеке, после призыва на фронт А. К. Рейнеке театр перешел под его руководство.

[4] Сазонов Петр Павлович (1882—1969) — актер и режиссер, был в труппе Старинного театра, театра П. П. Гайдебурова, режиссер Русского драматического театра (см.: Театр и искусство. 1914. 23 марта. № 12. С. 268), театра Л. Яворской (1915/1916).

[5] Глаголин Борис Сергеевич (наст. фам. Гусев; 1879—1849) — драматический актер и режиссер. В 1900—1917 гг. с перерывами — в театре Литературно-художе-

---

* От fêter (*франц.*) — поздравлять, чествовать.

ственного общества (Суворинский, Малый театр). В 1914 г. в печати сообщалось: «Б. С. Глаголин предполагает поставить в Малом театре символическую драму “Рыцарь Гаван”. По этому поводу ведутся переговоры с Ф. Сологубом, которому принадлежит единственный авторизованный перевод пьесы» (День. 1914. 11 янв. № 10. С. 6).

[6] Рафалович Сергей Львович (1875—1944) — поэт, прозаик, драматург, театральный критик. «Марфа и Мария» (1914) — пьеса, написанная на сюжет евангельской притчи.

[7] См. п. 130.

[8] Суворина Анастасия Алексеевна (в замуж. Мясоедова-Иванова; 1877—1930) — актриса, антрепренер, переводчица, дочь А. С. Суворина. С 1910 г. — актриса театра Литературно-художественного общества (Суворинского), брала уроки сценического мастерства у Мейерхольда. После смерти А. С. Суворина в 1913 г. в печати сообщалось о приглашении Мейерхольда на пост главного режиссера Суворинского театра (Обозрение театров. 1913. 27 дек, № 2305. С. 18). С 1 мая 1914 г. театр перешел в ведение наследников А. С. Суворина — М. А. Суворина и А. А. Сувориной. Здесь Мейерхольд поставил «Севильский кабачок» Ш. Мюллера и Ф. Нозьера (16 декабря 1913), принял участие в постановках «Дамы с камелиями» А. Дюма (19 апреля 1914) и «Чайки» (30 августа 1916). 15 августа 1914 г. для благотворительного концерта А. А. Сувориной выступил режиссером инсценировки рассказа Г. де Мопассана «Мадемуазель Фифи».

[9] Минский Николай Максимович (наст. фам. Виленкин; 1856—1937) — поэт, драматург, публицист, переводчик. Находясь под арестом за публикации в руководимой им газете «Новая жизнь», призывающие к «ниспровержению существующего строя», в декабре 1905 г. нелегально выехал за границу. Вернулся в Россию 2 марта 1914 г. (см.: *Чеботаревская А.* К приезду Минского // Дневники писателей. 1914. Март. № 1. С. 41—44.; *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения. С. 628—629), где «старые друзья <...> с Федором Сологубом во главе устроили ему радушную встречу» (Русская литература XX века (1890—1910): В 3 т. / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. Вып. 3. С. 363). Мейерхольд не был на чествовании Минского у Сологуба, но 15 марта он, Сологуб, Минский, Ф. Ф. Зелинский, Е. В. Аничков и др. участвовали во втором литературном диспуте о символизме и реализме в зале Калашниковской биржи, где, как отмечала критика, Мейерхольд выступил с «остроумной речью» (Дневники писателей. 1914. № 1. Март. С. 54.).

[10] 10 марта у Сологуба был вечер в честь Минского, на котором присутствовали: З. А. Венгерова, Минский, Ф. Ф. Зелинский, Н. А. Тэффи, П. Е. Щеголев, Вл. Гиппиус, Г. И. Чулков, К. А. Сюннерберг, Миртов (Э. Э. Розенфельд), Вас. Немирович-Данченко, Е. Аничков (*Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения. С. 632—633).

1915

133
Чеботаревская — Мейерхольду
15 февраля 1915 года. Петроград

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Приходите к н<а>м <во> вторник, 17—го — день Ангела Ф<едора> К<узьмича>[1], — вечером. У меня к В<а>м большая просьба: нельзя

ли сцену из «Гамлета»[2] дать нам поставить на вечере «современного искусства», кот<орый> я устраиваю скоро в пользу лазарета деят<елей> иск<усств> в Г<ородской> Думе — будет читать Ф<едор> К<узьмич>, Игорь[3] и Ахматова, петь Лодий[4] и Жеребцова[5] и в заключении или «Гамлет» или интермедии[6] — что Вы посоветуете? Скажите поскорее по тел<ефону>. Ваша Анс. Чеб<отаревская>.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 42.

Секретка. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] 17 февраля — день рождения Сологуба и день поминовения святого великомученика Феодора Тирона.

[2] Сцены «Мышеловка» и «Смерть Офелии» из Первого вечера Студии, состоявшегося 12 февраля 1915 г. в своем помещении на Бородинской, 6 (см.: Мейерхольд и другие. С. 423, 434—438).

[3] Игорь Северянин.

[4] Лодий Зоя Петровна (1886—1957) — камерная певица (лирическое сопрано), педагог. Училась в Петербургской консерватории у Н. А. Ирецкой (1906—1909), брала уроки у А. Г. Жеребцовой-Андреевой. Концертировала с 1906 г. в России и за границей.

[5] Жеребцова-Андреева Анна Григорьевна (урожд. Жеребцова, в первом браке Евреинова, во втором — Андреева; 1868 (1870, 1872) — 1945) — камерная певица (меццо-сопрано) и педагог. Окончила Петербургскую консерваторию по классу Ирецкой, вела активную концертную деятельность, гастролировала в России и в Европе.

[6] См. заметку о вечере в квартире Сологуба и Чеботаревской: «Очень интересный литературно-музыкальный вечер был устроен третьего дня в квартире у А. Н. Чеботаревской и Ф. К. Сологуба. С большой задушевностью прочитал Максим Горький отрывок из “Детства”, вызвав бесконечные овации по своему адресу. Ф. К. Сологуб прочел несколько своих новых стихотворений. Н. А. Тэффи выступала с новым юмористическим рассказом. С подъемом продекламировала М. Ф. Андреева стихотворение Зинаиды Гиппиус, Ю. М. Юрьев исполнил монолог из “Эрнани”; смешил Ю. Л. Ракитин в монологе собственного сочинения “Репетилов в Петрограде”, с чувством передала французские шансонетки М. А. Прохорова. Большой успех имели Е. И. Тиме и Н. Н. Ходотов, исполнившие дуэт из “Дочери полка” и Де-Лазари, исполнявший под собственный аккомпанемент на гитаре романсы. В вокальном отделении еще выступили г-жа Мейчик (ария из “Орфея” Глюка) и г-жа Андреева-Жеребцова, исполнявшая французские песенки 18 века. Шумные одобрения встретили танцы г-жи Глебовой-Судейкиной, которая с г. Полевым исполнила менуэт, а затем “соло” исполнила “русскую”. Пианистка г-жа Полуцкая-Емцова исполнила несколько произведений Скрябина, учащиеся школы Петровского живо разыграли пьеску “Вечер настроений” в постановке Ю. Л. Ракитина.

С большим вкусом была декорирована художником Григорьевым эстрада в концертном зале.

Присутствовавший среди публики Леонид Андреев по болезни не мог выступить. Интересная обстановка вечера, на который собралось свыше 100 человек, и прекрасная программа оставили среди собравшихся исключительно приятное впечатление» ([*Б. п.*] Благотворительный вечер // Обозрение театров. 1915. 22 апр. № 2733. С. 11). См. письмо Ю. Л. Ракитина к Чеботаревской от 27 апреля 1915 г.: «Радуюсь успеху вечера — да у Вас это и не могло быть иначе» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 223.)

Студия В. Э. Мейерхольда и Сологуб 28 марта 1915 г. приняли участие в организованном в пользу лазарета деятелей искусств в Зале армии и флота вечере современного искусства «Поэты — воинам». См. анонс: День. 1915. 20 марта. № 77. С. 5. Вечер начался интермедией Сервантеса «Саламанкская пещера» в исполнении учеников Студии Мейерхольда, затем Сологуб и А. А. Блок прочли свои произведения, связанные с войной (Сологуб читал стихотворения «Пасха Новая», «Россия»). Также выступали А. Ахматова, артистки М. Потоцкая, В. Стахова (читали стихотворения О. Мандельштама, Ф. Сологуба, В. Брюсова), в музыкальном отделении участвовали Полоцкая-Емцова, З. Артемьева, В. Каратыгин, Глебова-Судейкина, Семенова и др. (см.: [*Б. п.*] «Поэты — воинам» // Речь. 1915. 31 марта. № 87. С. 5; 16 апр. № 103. С. 5; Биржевые ведомости (веч. вып.). 1915. 28 марта. № 14750. С. 6).

134
Чеботаревская — Мейерхольду
22 апреля 1915 года. Петроград

Глубокоуважаемый[1]

Всеволод Эмильевич!

Пожалуйста, не утруждайте себя записью на «Пигмалиона»[2]. В<а>м так трудно исполнить малейшую нашу просьбу, что больше обращаться к В<а>м не буду. На репетиции Ваших постановок ходят буквально *все*, кому не лень, но для драматурга Сологуба — места не находится. Излишне распространяться от <sic!> нормальности подобного положения дел.

Анс. Чеботаревская.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 43.

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] В обращении к Мейерхольду Чеботаревская употребила эпитет «глубокоуважаемый», означив этим начало обострения отношений. Возможно, причина недовольства жены Сологуба заключалась в том, что Мейерхольд длительное время воздерживался от отзыва о драме Сологуба и Чеботаревской «Любовь над безднами».

[2] Мейерхольд был крайне занят все предшествующее время: 25 апреля в Александринском театре состоялась премьера его постановки «Стойкого принца» Кальдерона (юбилейный спектакль Ю. Э. Озаровского), 26 апреля он режиссировал спектакль Е. Н. Рощиной-Инсаровой в пользу Сербии «Пигмалион» Б. Шоу.

135
Сологуб — Мейерхольду
14 октября 1915 года. Петроград

14 октября 1915 г<ода>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Может быть, Вам интересно будет просмотреть нашу новую пьесу «Камень, брошенный в воду»[1]. В. А. Теляковский с нею познакомился, и я с ним имел разговор о пьесе. Я посылаю Вам пьесу уже в исправленном виде; по-видимому, Директору она понравилась, и он не прочь

ее поставить, если она пройдет «спасенья узкий путь и тесные врата»[2] Комитета, здешнего или московского[3]. Мне будет очень приятно, если пьеса Вас заинтересует.

Издавна сердечно преданный Вам

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 33—33 об.

На именной почтовой бумаге.

[1] О завершении работы Сологуба и Чеботаревской над пьесой «Семья Воронцовых» (другое название «Камень, брошенный в воду») Чеботаревская писала А. А. Измайлову 30 августа 1915 г. (см.: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым. С. 261). См. сообщения в печати о завершении работы над пьесой: [*Б. п.*] Новая пьеса Ф. К. Сологуба // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1915. 23 сент. № 15106. С. 4; Обозрение театров. 1915. 24 сент. № 2880.С. 11.

[2] Строчка из стихотворения А. С. Пушкина «Странник» (1835).

[3] 22 сентября 1915 г. пьеса Сологуба и Чеботаревской «Семья Воронцовых» была «дозволена» к постановке (ОРиРК СПбГТБ. № 7015919). 19 октября 1915 г. с некоторой переработкой она была разрешена к представлению под названием «Камень, брошенный в воду» (Там же. № 53338). 14 ноября пьеса «Камень, брошенный в воду», рассмотренная Петроградским отделением ТЛК, не была одобрена к постановке на сценах императорских театров (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 878. Л. 47).

Авторы пытались предложить новую пьесу для постановки в Московский Художественный театр. 19 сентября 1915 г. Немирович-Данченко отвечал Чеботаревской: «...относительно “Семьи Воронцовых” я, не скрою, нахожусь в большом затруднении. Пьеса красивая, умная /простите за высказываемое суждение/ мне кажется, сценичная, захватывающая если не драматическими ситуациями, то, во всяком случае, благородством современных идей, — но как управляющему театром для настоящего времени мне кажется под очень большим сомнением все настроение 4-го действия. Чем лучше оно будет выполнено, тем больше, извините за грубое выражение, раздирательное произведет впечатление. Может быть до истерик.

Сколько бы не говорилось сейчас о необходимости в данное время театральных представлений, нельзя не признать в этом большой натяжки: с идеально-гражданственной точки зрения они сейчас не нужны. А уж если мириться с ними, то можно ли ставить их на путь таких впечатлений, какое должна произвести “Семья Воронцовых”? Этот вопрос я, во всяком случае, не берусь решать сам. Я должен передать его на обсуждение Совета Театра. Знаете ли, что под давлением даже лучшей части нашей публики мне приходится отказываться в настоящее время от “Братьев Карамазовых”?» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 180. Л. 5—6).

В ответном письме авторы пытались убедить режиссера, что пьеса «далека от того художественного “максимализма”, который иногда побуждает автора писать вещи, с трудом проходящие на сцену или совсем сценою неприемлемые. В частности, 4 действие не без намерения и не без оглядки на те соображения, о которых вы пишете, написано с особою сдержанностью. Будут ли истерики, кто знает, но я надеюсь, что этот акт внесет светлое, очищающее настроение. Постановкою можно достигнуть еще большего просветления и сдержанности. Быть может, по совещании с Вами, и авторы могли бы в этом отношении кое-что сделать. Если пьеса Вам в общем нравится, то отдельные места в ней для авторов не представляются забронированными» (*Сологуб Ф., Чеботаревская А. Н.* Письмо В. И. Немировичу-Данченко. Черновик. <1915, сентябрь—октябрь> // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 2. Ед. хр. 33. Л. 1—1 об.).

136
Сологуб — Мейерхольду
14—16 октября 1915 года. Петроград

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Все жду, что Вы обрадуете авторов пьесы Вашим отзывом. М<ожет> б<ыть>, как-нибудь заглянете к нам хоть на минутку? Или к Вам можно заглянуть? Или черкнете строчку? Или по телефону звякнете? Все способы в Вашем распоряжении.

Всегда Вам преданный

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 34.
Датируется на основании п. 135 и 137.

137
Мейерхольд — Сологубу
16 октября 1915 года. Петроград

16 окт<ября> 1915<года>

Дорогой Федор Кузьмич,

Ваше любезное письмо и пьесу[1] я получил. Раньше воскресенья мне не удается познакомиться с пьесой. Прочитав, немедленно напишу Вам или поговорю по телефону. Как угодно? Мой поклон Анастасии Николаевне.

Неизменно Ваш

Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 70, л. 71 — конверт.
[1] Очевидно, имеется в виду пьеса «Камень, брошенный в воду».

138
Мейерхольд — Сологубу
23 октября 1915 года. Петроград

Дорогой Федор Кузьмич,
в воскресенье мне помешали дочитать пьесу; на этой неделе окончу. Не забуду известить Вас — когда и где увидимся, чтобы поговорить[1]. Ваш

Вс. Мейерхольд.

23 октября 1915.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 72, л. 73 — конверт.
[1] Вероятно, пьесу предполагалось передать для постановки Ю. Л. Ракитину (см. письмо Ракитина к Чеботаревской от 12 ноября 1915 г.: «Относительно моего запроса у Батюшкова... — это по нашей этике не совсем удобно, так как я ни от

Н. А. Котляревского, ни от директора, ни от Лаврентьева не получал никакого уведомления, что пьеса поручена мне. Так что мне делать запросы в Комитет, с которым мы, режиссеры, обыкновенно никогда не сносимся, неудобно. Вот поэтому я не смог делать какую-либо рекогносцировку относительно “Камня”. Пьесу я получил и на днях перечту ее сам еще несколько раз и тогда буду ждать Вас, чтобы переговорить о своих планах» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 223. Л. 4—5). Этот план осуществлен не был.

139
Чеботаревская — Мейерхольду
Между 23 и 30 октября 1915 года. Петроград

Глубокоуважаемый Всеволод Эмильевич!

В пятницу[1] Ф<едор> К<узьмич> уезжает с лекцией до 15 го ноября[2] и т<а>к к<а>к и он тоже «занят» и не совсем здоров эти дни, то я взяла на себя смелость сообщить В<а>м об этом. Я не совсем понимаю, что вынуждает В<а>с уклоняться от выражения В<а>ш<его> мнения о пьесе — Ф<едор> К<узьмич> ведь т<а>к привык к осуждениям, и ничего не просит кроме *искренности*. Если вещь В<а>м не нравится, или Вы слишком «заняты», чтобы уделить время на ее постановку, — то почему не сказать этого с полною и ни к чему не обязывающей откровенностью? Мне кажется, что мы в своих отношениях к В<а>м всегда соблюдали эту искренность и ничем кроме любезности и услуг Вам, *наши* отношения к Вам как мне кажется — Вы вспомнить не можете. Судьбе было угодно, чтобы — даже и не Вы, а другое лицо[3] за В<а>с ответило нелюбезностью на единственную просьбу, с кот<орой> мы — в силу необходимости к В<а>м обратились весной[4]. Мы и этим не «оскорбились» и никого не «оскорбили», а только на время опечаленно отошли в сторону, пораженные таким незаслуженным к себе отношением. Так что делать из этого «grande cause» к<а>к бы и не приходится. Извините и на этот раз за обращение. Уважа<ющая> В<а>с

Анс. Чеб<отаревская>.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 44.

Датируется по содержанию письма Чеботаревской к А. А. Измайлову от 20 ноября 1915 г. (см. примеч. 1).

[1] Очевидно, 30 октября. В поездке Сологуба участвовала Чеботаревская. В письме к А. А. Измайлову она сообщала, что 20 ноября 1915 г. вернулась из поездки после «трех недель тряски по поездам, вечерам, лекциям, обедам, приглашениям» (Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым. С. 267).

[2] 25 ноября печать извещала о возвращении в Петроград Сологуба, прервавшего свое лекционное турне на один день (см.: [*Б. п.*] Турне Ф. К. Сологуба // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1915. 25 нояб. № 15232. С. 4).

[3] Возможно, имеется в виду Ракитин. См. его недатированное письмо к Чеботаревской: «Очень интересуюсь пьесой Федора Кузьмича. Ужасно обидно. Но не судьба. <...> Ставить пьесы Федора Кузьмича или Вашу — для меня большая гордость и радость» (*Галанина Ю. Е.* Юрий Ракитин в России (1905—1917) // Лица: Биографический альманах. [Т.] 10. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2004. С. 113).

[4] Возможно, речь идет о просьбе рекомендовать пьесу «Любовь над безднами» в Александринский театр. См. письмо Ракитина к Чеботаревской, датируемое по почтовому штемпелю 27 апреля 1915 г.: «Относительно пьесы Федор<а> Кузьмич<а> и Михайловского театра могу сказать следующее: Он находится всецело в руках Нестора Александровича Котляревского и репертуар его должен быть, как велось все это время, строго классический — как приспособленный для учащейся молодежи.

Рекомендовать же мне пьесу Федора Кузьмича, мне кажется, будет бесцельно, т. к. Нестор Алекс<андрович> не принимает в расчет вкусы и желания режиссеров, а выбирает пьесы сам, проводя затем их через Комитет.

Вообще моя рекомендация пьес несколько раз отклонялась, так что я не решаюсь снова даже в частной беседе указать Нестору Александр<овичу> на то или другое произведение. Вот почему я боюсь только повредить делу» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 223. Л. 1). См. также п. 138, примеч. 1. Ответные письма Чеботаревской к Ракитину не обнаружены.

1916

140
Чеботаревская — Мейерхольду
16 февраля 1916 года. Петроград

Милый Всеволод Эмильевич, завтра, 17 ф<евраля> в день Ангела Ф<едора> К<узьмича> Вы бы его порадовали, если бы зашли к нему — мы весь день дома, а вечером будут у нас блины и кое-какие друзья.

С приветом

Анс. Чеботаревская.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 48.

Секретка. Датируется по почтовому штемпелю.

141
Мейерхольд — Сологубу
17 февраля 1916 года. Петроград

Многоуважаемый

Федор Кузьмич,

в день Вашего Ангела покорнейше прошу принять мое сердечное поздравление и наилучшие пожелания.

Уважающий Вас

Вс. Мейерхольд.

17 — II — 1916.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 74, л. 75 — конверт.

142
Мейерхольд — Сологубу
17 мая 1916 года. Петроград

Многоуважаемый
Федор Кузьмич,
нахлынуло на меня сейчас одно экстренное дело, и вот я не могу лично поговорить с Вами сегодня. Посылаю Вам сценарий «Портрет Дориана Грея»[1] (это — первая редакция, последняя с надписями осталась в Москве). Прошу потом сценарий — вернуть мне. А ведь у меня нет «Навьих чар»[2]. Будьте любезны прислать мне книгу.

Уважающий Вас
Вс. Мейерхольд.

17 мая 1916.

Мой летний адрес:
Новороссийск Черном<орской> г<убернии>,
Широкая балка, дача Ягодинского.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 76, л. 77 — конверт.

Письмо опубликовано: *Февральский А.* На пути к синтезу: Мейерхольд и кино. М., 1978. С. 57.

[1] Очевидно, Мейерхольд отсылает киносценарий по роману О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1915, постановщик и исполнитель роли лорда Генри — Мейерхольд) в качестве образца, по которому Сологуб должен начать работу над сценарием «Навьих чар».

[2] В феврале 1916 г. в прессе сообщалось, что получено согласие Сологуба на инсценировку его романа «Навьи чары» (1907) в двух сериях (первая серия «Навьи чары», вторая — «Капли крови»). Первая часть романа под заглавием «Творимая легенда» начала печататься в 1907 г. в третьей книге альманаха «Шиповник». В дальнейшем произведение было переработано в роман-трилогию под наименованием «Творимая легенда» (*Сологуб Ф.* Собр. соч.: В 20 т. СПб.: Сирин, 1913—1914. Т. 18—20), а название «Навьи чары» осталось как принадлежавшее фильму.

143
Сологуб — Мейерхольду
17 мая 1916 года. Кострома

17 мая 1916 г<ода>

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич,

Благодарю очень за присылку сценария. Посылаю Вам 18 и 20 том, первую и третью часть «Творимой Легенды»[1], то, что хочет ставить фирма. Послал бы 19 том[2], но его у меня нет под рукою[3].

С совершенным уважением
Федор Тетерников.

Мой летний адрес[4]: Кострома, усадьба Набатовой «Княжнино».

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 35.

На именной почтовой бумаге. Адрес: ПЕТРОГРАД Разъезжая 31, кв. 4. Телефон 106-44.

[1] *Сологуб Ф.* Творимая легенда. Роман. Ч. 1: Капли крови (Сологуб Ф. Собр. соч.: В 20 т. Т. 18) и Ч. 3: Дым и пепел // Там же. Т. 20.

[2] *Сологуб Ф.* Творимая легенда. Роман. Ч. 2: Королева Ортруда // Там же.

[3] 31 мая в хронике московской газеты «Сине-фоно» (№ 13/14. С. 45) сообщалось, что Мейерхольд в Москве приступает к работе над картиной «Навьи чары» (по Сологубу) — драме в 6 частях.

[4] См.: *Зверева Я. В.* Федор Сологуб в Костроме 1916—1920 годов // Русская литература. 2015. № 1. С. 171—182.

144
Сологуб — Мейерхольду
9 августа 1916 года. Кострома

9 авг<уста 19>16 <года>

Кострома
усадьба Набатовой
Княжнино

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Как поживаете? Надеюсь, лето было для Вас приятно и работа над «Навьими Чарами» не была Вам скучною. М<ожет> б<ыть> черкнете, как стоит <sic!> дело с этою фильмою. А пока имею к Вам еще одну просьбу: не кажется ли Вам, что следует возобновить «Заложники Жизни»[1]? Эту Вашу превосходную постановку (по-моему, мои пьесы, которые Вы ставили, оба раза давали Вам предлог для прелестнейших постановок) жаль хоронить так рано; следует показать ее той новой публике, которая наполняет теперь столицы, возобновить ее в Петрограде и поставить в Москве. Роль Михаила, строителя мостов над безднами и строителя жизни, вполне отвечает переживаемому нами моменту. Роль Лилит можно было бы поручить Коваленской[2], если Вы не захотите дать ее Ведринской[3]. Мне будет очень приятно, если на этот раз Вы захотите похлопотать об этом. В. А. Теляковскому я тоже пишу[4]. Привет Ольге Михайловне.

Сердечно Вам преданный
Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 36—36 об., 37.

Помета Мейерхольда синим карандашом: «Отв 22-VIII 16».

[1] В Александринском театре пьеса Сологуба «Заложники жизни» была показана 32 раза, последний спектакль состоялся 28 февраля 1914 г.

[2] Коваленская Нина Георгиевна (1888—1993) — драматическая актриса. В Александринском театре с 1909 по 1919 г. Была одной из наиболее близких к Мейерхольду актрис этого театра (роли в его постановках: Дон Фернандо в «Стойком принце» П. Кальдерона, Эльвира в «Дон Жуане» Ж.-Б. Мольера, Лидочка в «Свадьбе Кречинского» А. Сухово-Кобылина, Вера Лиговская в «Двух братьях» М. Ю. Лермонтова, Катерина в «Грозе» А. Н. Островского, Варенька в «Романтиках» Д. С. Мережковского, Нина в «Маскараде» Лермонтова).

[3] Ведринская Мария Андреевна (1877—1947) — драматическая актриса. Играла в Василеостровском театре, в театре Яворской (1903—1904), в театре В. Ф. Комиссаржевской (1904—1906). В Александринском театре с 1913 по 1924 г. В постановках Мейерхольда сыграла Изольду в «Шуте Тантрисе» Э. Хардта и Элиду в пьесе Г. Ибсена «Дочь моря». Была намечена на роль Лилит в «Заложниках жизни», но из-за болезни была заменена другой актрисой, что послужило основанием для конфликта с Мейерхольдом накануне премьеры (см.: [*Б. п.*] К инциденту М. А. Ведринская — В. Эм. Мейерхольд // Петербургский листок. 1912. 13 окт.; [*Б. п.*] Во имя справедливости // Театр. 1912. 14 окт. № 46; [*Б. п.*] К «инциденту» Ведринская — Мейерхольд // Обозрение театров. 1912. 15 окт. № 1880. С. 12—13).

[4] Ответ Теляковского см. п. 146, примеч. 2.

145
Мейерхольд — Сологубу
22 августа 1916 года. Петроград

22—VIII—16.

Многоуважаемый

Федор Кузьмич,

1) я приехал в Москву слишком поздно (в середине июля) для того, чтобы быть в состоянии вступить с Вами в переписку по вопросу о Вашем сценарии (для кинематогр<афа>) по роману «Творимая легенда». Дело в том, что господа Тиманы[1] ждали от Вас основной обработки сценария. Ни я, ни они не решались переделывать роман без Ваших указаний. Ну, словом — вместо «Творимой легенды» я поставил (очень быстро: в 2 недели моего пребывания в Москве) пьесу по тому сценарию, который получил «взамен» («Сильный человек» Ст. Пшибышевского[2]).

2) «Заложники жизни» возобновлю с наслаждением, но надо, чтобы Вл. А. Теляковский сделал соответствующее распоряжение теперешней новой администрации (Е. П. Карпов). Немедленно напишите просьбу Вл<адимиру> А<ркадьевичу>. А для Москвы это была бы очень сильная новинка.

3) Прошу Вас покорнейше прислать мне Вашу новую пьесу[3] — хочется ознакомиться. Быть может, возможно будет провести ее в Алекс<андринский> театр. Жду Вас в Петрограде. А когда Вы к нам?

Привет Ан<астасии> Ник<олаевне>.

Уваж<ающий> Вас

Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 78.

[1] Имеются в виду владельцы российской кинофирмы «Тиман и Рейнгардт» (основана в 1909 г.) Пауль Тиман и Фридрих Рейнгардт. В начале войны Рейнгардт был выслан из России. В 1915 г. Тиман был сослан в Уфу, передав руководство компанией своей жене. Вскоре после этого кинокомпания прекратила существование.

[2] «Сильный человек» (премьера 9 октября 1917 г., реж. Мейерхольд). Сценарий составлен из трех романов Ст. Пшибышевского. Фильм не сохранился.

[3] Имеется в виду драма «Узор из роз».

146

Сологуб — Мейерхольду

27 августа 1916 года. Кострома

Кострома, 27 авг<уста> 16<года>
усадьба Набатовой
Княжнино.

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Я послал Вам заказною бандеролью мою пьесу «Узор из роз»[1]. Надеюсь, что Вы уже получили ее. Буду рад, если она Вам понравится. О «Заложниках Жизни» я писал Теляковскому в тот же день, как и Вам, и вскорости получил от него весьма благоприятный ответ: он обещал сделать все, от него зависящее, вернувшись в Петроград, поговорить с Котляревским, а в Москве в сентябре — с Южиным[2]. Если удастся возобновление «Заложников» в Александринском театре, то не лучше ли будет «Узор из роз» передать в Суворинский Малый театр[3]? Где-то в газетах я читал, что Вы получите командировку в Москву для постановки одной пьесы; м<ожет> б<ыть>, можно было бы с этим соединить постановку в Москве «Заложников Жизни». — Имею к Вам еще вот какую просьбу: не найдется ли у Вас возможности пристроить в театр Викторию Чекан[4]? По-моему, она напрасно пропадает без дела. — Привет Ольге Михайловне.

Преданный Вам

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 38—38 об.

Помета Мейерхольда — «Получил 30-VIII—16».

[1] См. вступ. статью.

[2] 15 августа 1916 г. В. А. Теляковский писал Сологубу: «Вчера получил Ваше письмо от 9 августа и спешу Вам ответить. В двадцатых числах я буду в Петрограде — а в начале сентября в Москве и переговорю как с Котляревским, так и с Южиным. Принципиально ничего не имею против возобновления Вашей пьесы и все, что возможно, постараюсь сделать» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 675. Л. 1—1 об.).

[3] Предположения о предстоящем переходе Мейерхольда в Суворинский театр, возникшие в 1913 г. (см. п. 132, примеч. 8) усилились после назначения в 1916 г. Е. П. Карпова заведующим труппой Александринского театра (Театр и искусство. 1916. 17 апр. № 16. С. 319). Мейерхольд, помогавший наследникам Суворина как режиссер, с 1 августа 1916 г. по 1 февраля 1917 г. числился заведующим художественной частью в Суворинском театре, но непосредственного участия в подготовке спектаклей не принимал (см.: *Волков Н.* Мейерхольд. Т. II. С. 300—301, 349—350,

450—451), посещая лишь заседания дирекции (см.: Театральная газета. 1917. 15 янв. № 3. С. 13).

[4] Чекан Виктория Владимировна (1888—1974) — драматическая актриса. Участвовала в спектаклях Старинного театра, входила в труппу териокского Товарищества артистов, художников, писателей и музыкантов. Сохранилось 20 писем Чекан к Чеботаревской (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 317). В письме к Сологубу, датируемом по почтовому штемпелю 18 августа 1916 г., Чекан просила устроить ее в театр к Незлобину (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 729).

147
Чеботаревская — Мейерхольду
25 сентября 1916 года. Петроград

Уважаемый Всеволод Эмильевич, мы переехали, новый адрес: Вас<ильевский> о<стров>, 9-ая л<иния>, д. 44, кв. 19. тел. 488—41 (у швейцара пока). Ф<едор> К<узьмич> в четверг[1] уезжает в поездку[2].

С приветом

Анс. Чеб<отаревская>

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 46.

Почтовая карточка. Карандашом. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Ближайший четверг после 25 сентября — 28 сентября 1916 г.

[2] Турне Сологуба с лекцией «Россия в мечтах и ожиданиях» (см.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская. С. 359—370).

148
Чеботаревская — Мейерхольду
Между 28 сентября и 8 октября 1916 года. Петроград

Глубокоуважаемый Всеволод Эмильевич, Ф<едор> К<узьмич> уезжая просил меня узнать Ваше мнение о пьесе[1] и стоит ли ее давать Директору[2]? Он ничего не имеет также против того, чтобы дать ее в Суворинский т<еат>р[3], если ее прилично поставят. Н<а>ш тел<ефон> пока 488-41 вызвать у швейцара.

<Приписано на полях справа:> Адрес: В<асильевский> о<стров> 9-ая л<иния>, д. 44. С приветом Ан<а>с<тасия Чеботаревская>.

<Приписано сверху над текстом письма:> Адрес В<а>ш забыла!

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 45.

Почтовая карточка. Адресована в Александринский театр. Датируется на основании п. 147 и 149.

[1] Имеется в виду пьеса «Узор из роз».

[2] См. п. 151.

[3] О работах Мейерхольда в Суворинском театре см. п. 129, примеч. 3, п. 132, примеч. 8 и п. 146, примеч. 3.

149
Мейерхольд — Чеботаревской
8 октября 1916 года. Петроград

Многоуважаемая
Анастасия Николаевна,

Ваши любезные письма[1] я получил. Извините, что не известил Вас об этом своевременно. В день отъезда Ф<едора> К<узьмича> я позвонил к Вам, хотел сговориться, хотел тотчас отправиться к Вам, был убежден, что вечером отойдет поезд, с которым собрался уезжать Ф<едор> К<узьмич>. Швейцар ответил, что Вы только что уехали на вокзал. Это было днем. Меня обстоятельство это (что позвонил слишком поздно) привело в уныние. Заеду к Вам в понедельник 10-го окт<ября>, в 3 S часа дня. Если Вы не можете принять меня в этот час, будьте любезны позвонить мне об этом по телефону фойэ Александринского театра (253—68). Отсутствие ответа буду понимать как знак согласия на мой визит.

С приветом
Вс. Мейерхольд.
8 — X — 16.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 160. Л. 14, л. 15 — конверт.
[1] П. 147 и 148.

150
Чеботаревская — Мейерхольду
11 ноября 1916 года. Петроград

Многоуважаемый
Всеволод Эмильевич,

Ф<едор> К<узьмич> вчера вернулся из поездки, но 9-го снова уезжает[1]. Т<а>к к<а>к, вероятно, с «Б<арышней> Лизой»[2] ничего не выйдет (Рощина[3] ничем не отозвалась!), то не будет ли своевременным возобновить разговоры о «Заложниках Жизни», которые Теляковский обещал Ф<едору> К<узмичу> возобновить еще осенью (Лилит — Коваленская или Панчина[4] — танец можно заменить монологом). Ведь роль строителя — Михаила («Я буду строить...») к<а>к нельзя более подходит к моменту и для молодежи оч<ень> назидательна. Не откажите поэтому на этот раз в В<аше>м содействии Теляковскому.

С приветом
Анс. Чеботаревская.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 47.

Секретка. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Турне с лекцией «Россия в мечтах и ожиданиях» (см.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская. С. 349—370.

[2] Вероятно, имеется в виду драма «Узор из роз», переделанная Сологубом из его повести «Барышня Лиза» летом 1916 г. (см. вступ. статью).

[3] О Е. Н. Рощиной-Инсаровой см. п. 121, примеч. 3.. В марте 1915 г. театральный обозреватель «Биржевых ведомостей» писал о том, что секрет продвижения на сцену пьес опытными драматургами заключается не в том, чтобы увлечь своими произведениями Театрально-литературный комитет, а в том, что пьеса должна понравиться премьерам труппы — М. Г. Савиной, В. А. Мичуриной, Е. Н. Рощиной-Инсаровой, В. Н. Давыдову и другим (см.: *Муравей.* Театральный муравейник / Биржевые ведомости (веч. вып.). 1915. 31 марта. № 14756. С. 4). Вероятно, этим советом воспользовался Сологуб, обратившись к премьерше Александринского театра Рощиной-Инсаровой с предложением своей пьесы.

[4] Панчина Ольга Алексеевна (урожд. Берестовская, в первом браке Алексеева, во втором — Барятинская; 1881—1974) — драматическая актриса. В 1899 г. окончила императорское Театральное училище по балетному отделению, была принята в балетную труппу императорских театров, в 1903 г. переведена в драматическую труппу, в которой служила до 1916 г.

151
Чеботаревская — Мейерхольду
1916, декабрь. Петроград

Глубокоуважаемый Всеволод Эмильевич!

Спешу В<а>с известить, что Худож<ественный> театр взял пьесу Ф<едора> К<узьмича> «Узор из роз»[1], и, следовательно, вопрос о постановке в Малом театре[2] отпадает. Пьеса также понравилась Теляковскому, и он хочет ее ставить на будущий сезон[3], а в этом он хочет возобновить «Заложники Жизни». Ф<едор> К<узьмич> между 12 и 16 будет в поездке в Полоцк, а если у В<а>с выдастся время в эти дни, может у Вас будет время заглянуть к нам (дома всегда <в> 11—2 и 5—8) скажите по тел. 488—41 если можете побывать в эти дни. Также очень прошу — нельзя ли н<а>м записать 2 билета на премьеру «Маскарад» (19 дек.?)[4] или это надо у Юрьева[5]?

С приветом сердечно

Анс. Чеботаревская.

В. О. 9-ая л. д. 44.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2569. Л. 50—51.

Письмо на сильно пожелтевшей дешевой бумаге. Датируется по содержанию.

[1] См. вступ. статью.

[2] См. п. 146.

[3] Пьеса Сологуба «Узор из роз» в петербургских императорских театрах поставлена не была.

[4] Премьера пьесы М. Ю. Лермонтова «Маскарад» в Александринском театре состоялась 25 февраля 1917 г.

[5] Юрьев Юрий Михайлович (1872—1948) — драматический артист, исполнитель роли Арбенина в «Маскараде» Лермонтова. Премьера «Маскарада» была юбилейным бенефисом Юрьева, отмечавшим 25-летие творческой деятельности.

152
Мейерхольд — Чеботаревской
27 декабря 1916 года. Петроград

Многоуважаемая
Анастасия Николаевна,

Ваше последнее письмо с известиями об «Узоре из роз» я получил. Простите, что я посылаю Вам ответное письмо с некоторым запозданием. О том, что Вл<адимир> Арк<адьевич> Теляковский решил поставить эту пьесу в будущем сезоне, мне случилось узнать еще до получения Вашего любезного письма. — В Малом театре я отныне не принимаю никакого участия[1]. Попытки мои направить театр А. А. Сувориной на добрые пути встретили такой отпор, что я решил прекратить с этим театром всякие сношения. Какие билеты на бен<ефис> Юрьева (премьера «Маскарада») Вы хотите иметь? Примите к сведению, что цены местам шаляпинские. А на «Каменном госте» Пушкина — Даргомыжского[2] в Мариинском театре Вы хотите быть? Премьера в начале 20-х чисел января. Шлю привет Фед<ору> Кузьмичу. О «Заложниках жизни» переговорю с Е. П. Карповым. Распредел<ение> репетиций в его руках. Впрочем теперь, когда мне приходится часть утра проводить в Александр<инском> театре (репетиции трилогии Сухово-Кобылина)[3], а часть в Мар<иинском> театре («Каменный гость»), вряд ли представится возможность возобновить «Заложники» в первой половине января. После того, как я сдам спектакль Даргомыжского, моя работа сосредоточится в одном театре, и тогда примусь. Непременно загляну к Вам. А Фед<ор> Кузьмич не укатит опять в провинцию? <Нрзб., фраза зачеркнута. — *Ю. Г.*> Простите за помарку, мало похожую на виньетку.

Уважающий Вас
Вс. Мейерхольд.
27 — XII — 1916.
Петроград.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 160. Л. 16—16 об., л. 17 — конверт.

[1] См. п. 146, примеч. 3.

[2] Опера А. С. Даргомыжского «Каменный гость» была поставлена Мейерхольдом в Мариинском театре 27 января 1917 г.

[3] Премьера «Свадьбы Кречинского» А. В. Сухово-Кобылина состоялась в Александринском театре 25 января 1917 г.

1917

153
Сологуб — Мейерхольду
Март—апрель 1917 года[1]*. Петроград*

В. Э. Мейерхольду

Сегодня Вы увидите Юрьева, может быть, Вы сговоритесь с ним, когда и где сойтись завтра утром перед посещением Львова[2].

---

[1] После того как 13 марта 1917 г. министр-председатель Временного правительства Г. Е. Львов узаконил под названием «Особое совещание по делам искусств» статус Министерства изящных искусств, предложенного «комиссией Горького», Сологуб, Мейерхольд, Юрьев и другие представители Союза деятелей искусств (СДИ), признавшие деятельность группы Горького узурпацией власти в области культуры, решили обратиться к правительству, чтобы заявить о своем мнении по важнейшим вопросам искусства. 10 апреля 1917 г. была избрана делегацию к Комиссару над бывшим Министерством Двора и уделов (комиссару б. императорских театров) Ф. А. Головину в составе: Сологуб, С. С. Прокофьев, Мейерхольд, К. И. Арабажин, В. Б. Шкловский, Юрьев, М. А. Сонгайло, П. Е. Щеголев, П. П. Гайдебуров. 15 апреля Президиум Временного комитета уполномоченных СДИ отправил письма председателю Временного правительства Г. Е. Львову и в исполком Совета рабочих и солдатских депутатов с сообщением об избрании делегации для представления Временному правительству и Совету своего мнения «относительно важнейших вопросов искусства» (см.: *Перхин В. В.* Союз деятелей искусства и его литературная курия (1917—1918 гг.): Из хроники событий // Из истории литературных объединений Петрограда—Ленинграда 1910—1930-х годов: Исследования и материалы. Кн. 1. С. 49—65).

[2] Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) — министр-председатель (председатель совета министров) Временного правительства с марта по июль 1917 г.

154
Сологуб — Мейерхольду
Март—апрель 1917 года. Петроград

Я являюсь инициатором пригласить, инициативы в Вашем смысле нет, были разговоры у левых, обнаружившие устремление интереса к делу и я счел полезным для дела привлечь моих единомышленников. Зная, как они ценят Вас, я не поколебался сделать зов. Но если я Вам помешал, я *могу не быть, и они. Видите, как Вы мне не доверяете.*

У нас было уже условлено, что как Вы, так и я пригласим, кого найдем полезным. Ваш список я уже переписал себе, и в этом нет вопроса. Боялся только столкновения многих проектов, но если готовых проектов нет, то, очевидно, привет Вашим друзьям!

<Наверху листа помета Мейерхольда:> Мой разговор с Фед<ором> Сологубом на одном из заседаний С.Д.И.

<Наверху листа рукой Сологуба:> Если у левых[1] уже есть инициатива, то пусть они ее и развивают. Зачем я стану им мешать?

< На полях приписка Мейерхольда: > Фуй! Пфуй! Ай! Ой! Эй!

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 969. Л. 2—3.

[1] В первые дни революции Мейерхольд консолидировался с представителями «левого» искусства, 11 марта он участвовал в заседании союза «Свобода искусству», на котором комиссии Горького были противопоставлены кандидатуры Н. Альтмана, И. Зданевича, В. Маяковского, Н. Пунина и др. (см.: *Лапшин В. П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 91—92): 19 марта вместе со Зданевичем и Пуниным он опубликовал протест против «группы Горького» (*Зданевич И., Мейерхольд Вс., Пунин Н.* По поводу собрания в Михайловском театре / Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 19 марта. № 16144. С. 7), 28 марта подписал обращение деятелей «левого» искусства (О. Брика, Л. Бруни, В. Ермолаевой, Ил. Зданевича, Э. Лассон-Спировой, М. Ле-Дантю, А. Лурье, Н. Любавиной, В. Маяковского, В. Татлина, С. Толстой, В. Шкловского) о помощи «революционным партиям и организациям в проповеди революционных идей путем искусства» (Русская воля. 1917. 28 марта. С. 7; перепеч.: *Афанасьев В.* Забытое обращение // Вопросы литературы. 1969. Февр. № 2. С. 250).

155
Сологуб — Мейерхольду
11 апреля 1917 года. Петроград

Милый Всеволод Эмильевич, хоть у Вас 14 и «Маскарад»[1], но все же Ан<астасия> Н<иколаевна> очень просит, и я тоже, приезжайте в Тениш<евский> зал[2], хоть попозже. Очень на Вас рассчитываем. Ваша тема Революция в театре[3]. Привет.

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 39.

Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] 14 апреля 1917 г. состоялся 10-й спектакль мейерхольдовского «Маскарада» в Александринском театре.

[2] Речь идет о беседе «Революция. Война. Искусство» 14 апреля в зале Тенишевского училища, организованной обществом «Искусство для всех» (создано в 1915 г. по инициативе Сологуба, Чеботаревской и др. для объединения любителей искусства и его распространения «в широких массах»). В беседе участвовали: Мейерхольд, Сологуб, Маяковский, Тэффи, К. И. Чуковский, В. Денисов, и др. (см. отчеты: Речь. 1917. 16 апр. № 88. С. 7; Там же. 20 апр. № 91. С. 7; *Витвицкая Б.* «Революция, Искусство, Война» // Театр и искусство. 1917. 30 апр. № 18. С. 297—298).

Сологуб выступил на тему «Преображение жизни Искусством и Революцией». Он говорил о неразрывной связи трех понятий: «войны, революции и искусства». По его словам, в мирные времена «искусство революционизировало мысль. Говорило о завоевании лучшей жизни, о преображении жизни. <...> Только творчество дает освобождение. Всякий, кто умеет что-нибудь сделать, знает это. Революции всегда устраиваются теми, кто работает.

<...> Во дни переворотов не надо забывать об искусстве» *(Витвицкая Б.* «Революция, Искусство, Война». С. 297—298).

[3] В своем выступлении Мейерхольд заявил, что подтверждение связи социальной революции с революцией в театре было продемонстрировано в 1905 г., когда в период назревавшего народного «волнения» в организованном МХТ Театре-студии готовилась постановка пьесы М. Метерлинка «Смерть Тентажиля», «где невидимая, но страшная чудилась фигура королевы. Жуткое ощущение вызывал этот призрак, от мертвого дуновения которого трепетало все живое на сцене». Режиссер говорил о необходимости ставить революционные пьесы «для крестьян, солдат, рабочих и той интеллигенции, которая скажет: довольно спать! Тогда театр будет на высоте» (Там же. С. 297—298).)

156
Мейерхольд — Сологубу
4 июня 1917 года. Москва[1]

4 июня 1917 <года>

Дорогой Федор Кузьмич,

работаю над «Навьими чарами». И с удовольствием. Хочу дать картину интереснее, чем «Портрет Дориана Грея»[2]. Привлек к работе художника Татлина[3].

Прошу Вас сообщить мне Ваш летний адрес[4].

Будьте добры сообщить, подвинулось ли дело с устройством Кружка ревнителей художественного репертуара. Избранная комиссия, которая должна была написать проект устава[5], собиралась?

Поздравляю Анастасию Николаевну и Вас с успехом, который выпал на долю Дня популяризации Займа Свободы[6].

Я по Вас соскучился.

Напишите мне.

А Эрмитажный театр[7]? Его кто-нибудь уже зацепил в свои руки? Ф. Батюшков с Евт<ихием> Карповым не завладели этим театром для «Зарева»[8].

Вы не могли бы пожаловать в Москву летом[9]?

Ведь Вы, кажется, собираетесь отдыхать где-то в этом районе, неподалеку от Москвы?

Ну, до свидания.

Кланяюсь Анастасии Николаевне.

Ваш

Всеволод Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 80—81.

[1] Мейерхольд находился в Москве с мая до середины августа 1917 г.

[2] Речь идет о съемках фильма по роману Сологуба «Навьи чары» и о фильме «Портрет Дориана Грея» (см. п. 142, 143).

[3] Татлин Владимир Евграфович (1885—1953) — живописец, график, театральный художник, дизайнер, родоначальник конструктивизма. Работал в области театра, ему принадлежат: сценическое оформление к спектаклю «Царь Максемьян» (1911), эскизы для оперного спектакля «Жизнь за царя» М. И. Глинки (1913) и к «Летучему голландцу» Р. Вагнера (1915), также позднее он исполнил работы для Камерного театра, Центрального театра Красной Армии. О сотрудничестве Татлина с Мейерхольдом см.: *Февральский А.* На пути к синтезу: Мейерхольд и кино. С. 64.

[4] Сологуб и Чеботаревская летом 1916 и 1917 гг. отдыхали в имении Набатовой в Костромской губ.

[5] Сологуба всегда волновала проблема отсутствия достойных пьес для постановок. В своих выступлениях на театральных диспутах он призывал прежде всего ориентироваться на репертуар из модернистских пьес (см.: *Сологуб Ф.* Нет пьес // Театр и искусство. 1912. 21 окт. № 43. С. 825—827).

[6] «Заем Свободы», организованный Временным правительством, инициированный министром финансов М. И. Терещенко и выпущенный 27 марта 1917 г. для финансирования военных расходов, стал проявлением социально-политической борьбы и определяющим отношение к войне и правительственному курсу. Образовавшиеся комитеты по пропаганде займа проводили лекции, митинги, выпускали газеты, воззвания, листовки, публиковали призывы в органах печати. Заем был поддержан всеми политическими силами, кроме большевиков. Сологуб и Чеботаревская были избраны в комиссию по пропаганде «Займа Свободы» (см.: *Перхин В. В.* Союз деятелей искусства и его литературная курия (1917—1918 гг.): Из хроники событий. С. 77, 80).

Впервые «День Займа Свободы» прошел в Петрограде 25 мая 1917 г. Колонны, украшенные транспарантами, прошли по центральным улицам города, на открытых сценах выступали поэты и ораторы (см.: *Страхов В. В.* «Заем Свободы» Временного правительства // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 31—45).

[7] С Эрмитажным театром (Дворцовая наб., 22, арх. Дж. Кваренги (1783)) связана идея Мейерхольда о создании показательного экспериментального театра. Вопреки распространенному мнению, что идея «использовать Эрмитажный театр для представлений для народа» родилась после октябрьского переворота и исходила от наркома просвещения А. Луначарского, а Мейерхольд лишь «эту идею подхватил» (см.: *Громов Н.* Эрмитажный театр // Петербургский театральный журнал. 1996. № 10. С. 29), письмо Мейерхольда Сологубу доказывает, что еще летом 1917 г. Эрмитажный театр был в поле зрения Мейерхольда и режиссер имел планы на его использование. В 1919 г. по замыслу Мейерхольда возник показательный Эрмитажный театр, сохранивший это название, хотя спектакли его проходили не в историческом здании, а в Гербовом зале Эрмитажа. Мейерхольд, уехавший в мае 1919 г. на лечение в санаторий и оказавшийся на полтора года отрезанным от Петрограда, участия в деятельности театра не принимал. Спектакли начались 12 июля 1919 г. Предполагалось, что театр воплотит в жизнь теоретические положения о создании народного театра, разработанные Театральным, Музыкальным и Изобразительным отделами Наркомпроса (режиссеры: Мейерхольд, Соловьев, Ю. П. Анненков, С. Э. Радлов и др.). Из-за проблем с финансированием 13 ноября 1919 г. театр прекратил свое существование.

[8] Имеется в виду пьеса Е. П. Карпова «Зарево».

[9] Мейерхольд находился в Москве с мая по август 1917 г. Вернулся в Петроград после состоявшегося 10 августа организационного собрания Союза мастеров сценических постановок». См.: Воззвание к режиссерам и художникам-декораторам // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 26 июля. № 16354. С. 6.).

157
Сологуб — Мейерхольду
16 июня 1917 года. Кострома

16 июня 1917 <года>

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Очень рад был Вашему письму и очень рад тому, что Вы занялись «Навьими чарами». Уверен, что это будет очень хорошо и интересно. — Но вот пишу Вам почти на удачу. Адреса Вашего московского[1] наверное не знаю, приходится адресовать на фирму Тиман, — передадут, авось? Мой же летний адрес, как и в прошлом году:

Кострома, усадьба Набатовой Княжнино.

— В редакционный совет Вестника[2] Союза Деятелей Искусства выбраны: редакторы я и Сюннерберг[3], помощники ред<акторов> Карелин и Денисов[4]; заведующий хозяйственной частью Малышев. Хотим придать Вестнику характер живой и *боевой*. Отсюда сам собою напрашивается вывод: *дайте статью* или *ряд статей*, и возможно *скорее*. Размер статьи около 200 строк. Пришлите или мне, или Денисову, как Вам будет удобнее. — Выбор редакторов произошел вот как: в противовес левому блоку образовался деловой блок (граф Зубов[5], Ракинт[6] и др.), куда мы с Ан<астасией> Н<иколаевной> и вошли. Редакция избрана по соглашению: Сюннерб<ерг> и Денисов от левого, я и Карелин от делового, на Малышеве согласились все. — Кружок ревнителей художественного репертуара пока в летаргии. Подождем Вашего возвращения, — так будет лучше. А мы с Ан<астасией> Н<иколаевной> занимались газетою «Во имя свободы» 25 мая[7] и концертом-митингом[8]. Много возни и огорчений. — Вообще много огорчений с нашим Союзом. Как будто чье-то злое влияние тяготеет над ним. И ничего он достигнуть не может. А около Головина-комиссара[9] образован им Новый совет, и воссели там Горький, Бенуа, Петров-Водкин[10], Батюшков, Таманов[11], гр. Зубов и др. Наш же Союз вынес резолюцию о неучастии в этом совете[12], что не мешает отдельным членам участвовать. Словом, какая-то закулисная ерунда. — Долго ли пробудете в Москве? Соберитесь к нам — от Москвы до Костромы одна ночь, а от Костромы до нас 6 верст. Можно на извозчике или на дачном пароходе Набатовой до пристани Нагорово, откуда пройти версты полторы-две.

Привет.

Ваш *Федор Тетерников.*

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 40—41 об.

В левом верхнем углу помета Мейерхольда: «отв. 3 июля 1917».

[1] Свой московский адрес Мейерхольд сообщил в ответном письме.

[2] Издание «Вестника Союза деятелей искусств» не было осуществлено. Выход первого номера предполагался в августе 1917 г. (см. недатированное письмо В. В. Денисова Сологубу: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 330. Л. 2). В архиве Сологуба сохранилось обращение «От редакции», которое предполагалось напечатать в первом номере «Вестника» (Там же. Л. 2 об.).

[3] Константин Андреевич Сюннерберг. См. п. 66, примеч. 1.

[4] Денисов Владимир Васильевич — член СДИ, сотрудник редакции «Вестника Союза деятелей искусств».

[5] Зубов Валентин Платонович (1884—1969) — основатель и директор Института истории искусств в Петрограде, член СДИ, директор Гатчинского дворца-музея.

[6] Ракинт Владимир Николаевич (1876—1956) — историк искусства, специалист по европейскому искусству эпохи Средних веков.

[7] В «День Займа Свободы» 25 мая 1917 г. по инициативе Сологуба и Чеботаревской с целью способствовать подписке на «Займ Свободы» была выпущена однодневная газета Союза деятелей искусств «Во имя свободы», в которой были опубликованы стихотворения А. Ахматовой, Ю. Верховского, С. Есенина, Г. Петникова, И. Северянина, Ф. Сологуба («Довольно ликовать...»), В. Хлебникова, С. Черного, заметки А. Амфитеатрова, Л. Андреева, З. Венгеровой, Ф. Зелинского, Н. Карабчевского, Н. Тэффи, статья А. Чеботаревской «Когда же, наконец?», рассказы А. Ремизова, А. Аверченко и др. (см. также: *Перхин В. В.* Союз деятелей искусства и его литературная курия (1917—1918 гг.): Из хроники событий. С. 86—87; *Крусанов А. В.* Русский авангард. 1907—1932. М., 1988. Т. 2. Кн. 1. С. 19).

[8] Завершением «Дня Займа Свободы» стал большой митинг-концерт, в котором участвовали известные представители творческой интеллигенции, члены Государственной думы и др. видные общественные деятели. Для поддержки «Займа Свободы» был организован кортеж декорированных автомобилей и карет, сопровождаемый отрядом казаков и конных юнкеров, бойскаутов и герольдов. В частности, в каретах, посвященных отдельным отраслям искусства, следовали: от театра — В. Н. Давыдов, Ю. В. Корвин-Круковский, А. И. Южин, Ю. М. Юрьев, от литературы — Л. Н. Андреев, Ф. Сологуб, Н. А. Тэффи. Автомобили были декорированы аллегорическими фигурами, изображающими Жанну Д'Арк, Минина и Пожарского и др. «С автомобиля "Искусство для всех" раздавалась декламация стихотворений Щепкиной-Куперник, Сологуба, Л. Лесной, Каратыгиной, посвященных настоящему дню». Затем участники шествия выступали со специально устроенных эстрад, с платформ грузовиков с речами, декламацией и небольшими театральными представлениями (см: *Observator.* Шествие свободного искусства // Биржевые ведомости. 1917. 26 марта. № 16250.) В этот день подписка на заем в Петрограде составила 75 млн руб. (в дальнейшем ежедневная подписка на заем составляла около 20 млн руб.) См. также: *Чеботаревская А. Н.* Как был устроен 25-го мая «День займа» в Петрограде // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 29.

[9] См. п. 153, примеч. 1.

[10] Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878—1939) — живописец. Участвовал в собрании на квартире Горького 4 марта 1917 г., на котором была выдвинута идея создания Министерства изящных искусств.

[11] Таманов (Таманян) Александр Иванович (Оганесович) (1878—1936) — архитектор, заведующий художественной частью Комитета по художественному надзору при Кабинете Его императорского величества. В 1914 г. удостоен звания академика. С 1917 г. — председатель Совета Академии художеств. Председатель Временного комитета уполномоченных СДИ.

[12] См.: *Перхин В. В.* Союз деятелей искусства и его литературная курия (1917—1918 гг.): Из хроники событий. С. 87—88.

158
Мейерхольд — Сологубу
3 июля 1917 года. Москва

3 июля 1917 <года>

Многоуважаемый, дорогой

Федор Кузьмич,

письмо Ваше милое я получил. Шлю привет Анастасии Николаевне и Вам. Может быть, мне удастся побывать у Вас. Надо только наверное знать: Вы будете жить в Княжинке <sic! > безвыездно в июле?

Все еще работаю над «Навьими чарами». С Татлиным ничего не вышло, теперь привлечен другой художник, парижанин, ученик Родэна, некий Шадр[1]. Елисавету играет Коваленская. Нашел хорошее имение близ Москвы. Там уж снято несколько сцен exterieur'ных. Там нашлись замечательные гроты и подземные ходы.

Благодарю за приглашение написать боевую статейку для «В<естника> С<оюза> Д<еятелей> И<скусств>». Боюсь только: смогу ли написать скоро. Я очень устаю от работ кинематографических.

Жаль, что «Союз деят<елей> иск<усств>» не оправдывает наших надежд. Мне кажется, что Таманов ведет двойную игру[2]. Для него Союз лишь трамплин его карьеристических скачков. Вот отчего Союз все еще без почвы. Как Вам кажется?

Ну, до свидания.

Ваш

Вс. Мейерхольд.

Мой адрес:

Москва,

Сретенка,

Мясной пер., 10, кв. 5.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 79.

[1] Шадр (Иванов) Иван Дмитриевич (1887—1941) — скульптор. Работал художником в киноателье А. А. Ханжонкова (см.: *Февральский А.* На пути к синтезу: Мейерхольд и кино. С. 65).

[2] См.: *Перхин В. В.* Союз деятелей искусства и его литературная курия (1917—1918 гг.): Из хроники событий. С. 88.

159
Сологуб — Мейерхольду
Между 3 июля и 15 августа 1917 года. Кострома

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Рад был получить Ваше письмо. Еще больше буду рад, если побываете у нас. Мы все время будем здесь. Ехать к нам надо: до Костромы прямое сообщение по железной дороге, от Костромы на дачном па-

роходе Набатовой до пристани Нагорово (вторая от города). — Про «Союз Деятелей Искусств» я думаю почти то же, что и Вы. Большие надежды возлагаю на журнал[1] — он при удаче может стать очень полезным и значительным. Но Ваше участие безусловно необходимо, и Вы это, конечно, знаете. Думаю, что до осени не удастся выпустить первого номера, а стало быть, Вы успеете дать что-нибудь.

Привет.

Ваш

Федор Тетерников.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 42—42 об.

Датируется на основании п. 158 и 160.

[1] См. п. 157, примеч. 2.

160

Сологуб — Мейерхольду

15 августа 1917 года. Кострома

Кострома, 15 авг<уста> 1917<года>

усадьба Набатовой,

Княжнино.

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Посылаю Вам привет и усердную просьбу. Мы с Ан<астасией> Ник<олаевной> вошли в здешний Комитет Общественного Содействия Займу Свободы, и меня выбрали председателем. Устраиваем в Костроме 30 августа День Займа Свободы. Предполагаются гулянье в саду, шествия, концерт, митинг[1]. Может быть, Вы пожелали бы в виде отдыха приехать к нам погостить дня на 3 перед 30 авг<уста>, и помогли бы в устройстве художественной части, что будет нам очень ценно, а для нас лично доставит радость встречи. Путевые расходы на счет нашего Комитета. Вторая просьба: для участия в концерте-митинге будьте добры привлечь певца или певицу (хорошо бы Собинова)[2]. Исполнить надо нечто соответствующее идее дня: Мусоргского «Полководец»[3], или арию Шакловитого[4] из «Хованщины»[5], вообще, что-нибудь в этом роде, не интимное, не лирическое. В виду общенациональной цели и ограниченности средств наших, придется просить об ограничении гонорара возможным минимумом, напр<имер> руб. 200 на дорожные расходы. Очень обрадуете, если поможете нам и исполните и то, и другое. Письмо передаст Вам Владимир Иванович Постников, который состоит в нашем Комитете товарищем председателя. Он даст Вам необходимые пояснения, а Вы будьте любезны и добры, пользуясь его кратким пребыванием в Москве, поговорить с ним и, м. б., дать ему адреса, письма, указания и т. п.

Преданный Вам

Федор Сологуб.

Сообщение Москва — Кострома удобное, без пересадки по жел<езной> дороге одна ночь.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 43—44 об.

На л. 44 об. помета: «Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду [*Зачеркнуто*: Сретенка, Мясной пер., 10, кв. 5. Москва] г. Петроград, 6-ая рот<а>, д. 8, кв. 5. От Ф. К. Тетерникова — Сологуба».

[1] В костромской газете «Поволжский вестник» (орган Костромского отделения Партии народной свободы) с 20 августа публиковалось подписанное Сологубом «Воззвание ко всем гражданам Костромы» об устраиваемом 30 августа «Дне Займа Свободы», в котором говорилось: «Надо, чтобы этот день вышел красивым и значительным. Надо помочь родине, надо дать средства государству, надо собрать воедино все наличные общественные, демократические, художественные силы» <...> Председатель комитета Ф. К. Сологуб» (1917. 20 авг. № 3223. С. 1). Неделей позже сообщалась программа «Дня Займа»: «В среду 30 августа “День Займа Свободы”. Комитетом будут устроены: 1) *Грандиозные лотереи-аллегри*. Цена билета 2 р., выигрыша — облигации Займа Свободы в 1000, 500, 100, 40, 20 р. 2) *Большое гулянье на Городском бульваре* (военный оркестр, хор и выступления членов художественного кружка общества Потребителей <...>. 3) вечером в 8 час в Городском театре *концерт-митинг* (выступление артистов Е. Д. и М. Д. Денисовых (сопрано и контральто), Б. М. Шишмаревой, писателя Ф. Сологуба, представителей партий с-р, с-д меньшев. и к-д)» (Там же. 27 авг. № 3229. С. 1). В заметке «Ко Дню Займа Свободы» к горожанам обращались с призывом «Доверьте свои сбережения гос-ву, которому они нужны ежечасно на покрытие все возрастающих расходов по устроению страны, следовательно, на нужды всех нас!», и сообщалось, что в «День Займа» выступит городской голова Н. И. Воробьев, городской комиссар А. Н. Козлов, художники Царнах, Трегубов и другие работают над изготовлением художественных плакатов (Там же. С. 3). В отчете о «Дне Займа свободы» было напечатано: «30 августа с утра по городу стали разъезжать украшенные красными флагами и плакатами автомобили, разбрасывая летучки о дне займа свободы. На бульварах, скверах и площади выставлены плакаты-картины. В разных местах успешно проводились лотереи. В банках проводилась продажа облигаций» (Там же. 31 авг. № 3231. С. 3), собрано около 60 тыс. р. и 30 тыс. р. дала лотерея. По мнению автора заметки, незначительность подписки объяснялась тем, что финансовые учреждения, собиравшие деньги, работали недостаточно длительное время ([*Б. п.*] «Результаты подписки» // Там же. 5 сент. № 3235. С. 3).

[2] Собинов Леонид Витальевич (1872—1934) — певец (лирический тенор), один из ярчайших представителей классической вокальной школы.

[3] Имеется в виду сочинение «Полководец» из вокального цикла М. П. Мусоргского на слова А. А. Голенищева-Кутузова («Грохочет битва, блещут брони...»). Текст написан не позднее 1875 г. Оркестровано Н. А. Римским-Корсаковым.

[4] Ария Шакловитого из 3-го акта оперы Мусоргского «Хованщина» («Спит стрелецкое гнездо...») — один из самых проникновенных, глубоких, патриотических моментов оперы.

[5] Опера М. П. Мусоргского «Хованщина» написана на тему стрелецких бунтов конца XVII в. Над оперой композитор работал с 1872 г. до конца жизни. В 1883 г. она была оркестрована Н. А. Римским-Корсаковым.

1921

161
Сологуб — Мейерхольду
До 29 января 1921 года. Москва[1]

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Примите мой привет и поздравления с благополучным приездом[2]. Не думаете ли Вы познакомить наконец Москву с Вашею очаровательною постановкою «Заложников Жизни»? Мне кажется, волевое упорство строителя Михаила вполне подходит к тому, что надо современности. Его монолог (Я буду строить новую жизнь) — это и есть то, что надо повторять.

С приветом,

Федор Сологуб.

Мой петроградский адрес: В. О. 10 линия, 5, кв.10.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 48—48 об.

Помета В. Э. Мейерхольда — «Ответил 29/I /21». На обороте: «В. Э. Мейерхольду От Сологуба» (на листке линии сгиба, как у записки).

[1] 27 января 1921 г. Сологуб выступал в Москве на Первом вечере Всероссийского профессионального союза писателей в Политехническом музее (см.: Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. М., 2006. Т. 1. Ч. 2: Москва и Петроград. 1921—1922 гг. / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. С. 16—17).

[2] Вероятно, имеется в виду возвращение Мейерхольда в Москву в 1920 г. после вынужденного отъезда в Ялту и Новороссийск, ареста деникинцами и освобождения Красной армией.

162
Мейерхольд — Сологубу
29 января 1921 года. Москва

Вс. Мейерхольд

Неглинная 9

ТЕО Наркомпроса[1] 29/I 21.

Дорогой Федор Кузьмич,

Ваше любезное письмо получил давно. Уж Вы не сердитесь, что только теперь вот отвечаю Вам на него: сильно уставал от работ по Театральному отделу[2]; все свободное время (а его бывает всегда очень мало) вынужден был отдавать только сну. Болезнь моя (туберкулез) точит меня все настойчивей и настойчивей.

Как постановщик я работаю в так называемом 1 театре РСФСР[3]. В этом театре в текущем сезоне не удастся поставить пьесу, о которой Вы мне напоминаете: репертуар перегружен, — не успеем поставить и то, что обещали авторам.

Разрешите предложить Вам Вашу пьесу «Заложники жизни» 2-му театру РСФСР (б. Незлобина)[4]. Мое наблюдение распространяется и на этот театр. Таким образом, я могу и консультировать при постановке Вашей пьесы.

Согласен с Вами, пьеса такова, что и теперь все еще она не потеряла остроты.

Расскажите мне о себе: как поживаете? Новой пьесы не задумываете ли? Быть может, уж пишите? Как Анастасия Николаевна? Привет мой ей, и Вам. Часто вспоминаю о Вашем доме, где текли такие радостные дни и ночи.

Дружески Ваш

Вс. Мейерхольд.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 452. Л. 82—83, л. 84 — конверт.

[1] Театральный отдел (ТЕО) Наркомпроса был образован в 1918 г.

[2] Мейерхольд начал сотрудничество в ТЕО до своего отъезда в Ялту и Новороссийск. По возвращении из Новороссийска 16 сентября 1920 г. он был назначен заведующим ТЕО, в этой должности оставался до 26 февраля 1921 г. (Советский театр. Документы и материалы: Русский советский театр 1917—1921. Л., 1968. С. 74).

[3] Театр РСФСР—1, монументально-героический театр под руководством Мейерхольда, открылся 7 ноября 1920 г. После двух постановок — «Зори» Э. Верхарна (7 ноября 1920 г.) и «Мистерия-буфф» В. Маяковского (1 мая 1921 г.) — 6 сентября 1921 г. театр был закрыт.

[4] Бывший московский театр Незлобина в период руководства Мейерхольда ТЕО Наркомпроса получил наименование Театр РСФСР—2. Был закрыт в декабре 1921 г.

163
Сологуб — Мейерхольду
27 февраля 1921 года. Петроград

Ф. К. Сологуб, 27 февраля
Петроград, 1921 г.
В.О. 10 линия, 5, кв.1.

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Был я 6 недель в Москве[1], хотел повидаться с Вами, но в ТЕО мне сказали, что Вы больны и невидимы. Возвратившись в Петроград на днях, застал Ваше письмо, на которое ответил бы тотчас же, если бы не целая туча неприятных забот, так как в наше отсутствие квартира была жестоко обокрадена (платье, белье, пальто, множество вещей и даже все, что было съестного)[2]. Сегодня пользуюсь оказией — в Москву едет Алекс<андра> Ник<олаевна> Чеботаревская[3], — и пишу. За Ваше милое внимание и память очень благодарю. Где поставить «Заложников Жизни», вполне полагаюсь на Вас, и потому ничего не имею против того театра, о котором Вы пишете. Вы знаете, как приятна была мне Ваша превосходная постановка этой пьесы, и мне остается только

желать возможно точного повторения. А другое желание вот какое: т<ак> к<ак> очень нужны деньги, — я же нигде не служу, книги мои не печатаются[4], и поэтому я изображаю рака на мели, — то желательно получить возможно-скоро возможно-большой аванс за эту пьесу. «Узор из роз»[5] с понижением цен стали давать удручительно мало. Если устроите мне этот аванс, буду очень благодарен. —

Надеюсь, что пребывание в лечебнице Вам хорошо помогло. Желаю всех радостей и успехов. Сердечный привет от Анаст<асии> Н<иколаевны> и от меня Ольге Михайловне и Вам.

Всегда любящий Вас

Федор Сологуб.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 49—50.

[1] См. п. 161, примеч. 1.

[2] См.: *Павлова М.* «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». Материалы к поздней биографии Федора Сологуба // «Радость ждет сокровенного слова...»: Сборник научных статей в честь профессора Латвийского университета Людмилы Васильевны Спроге. Рига: Изд-во Латвийского университета, 2013. С. 184—195.

[3] Чеботаревская Александра Николаевна (1869—1925) — сестра жены Сологуба, переводчица.

[4] В 1921 г. были изданы: в Петрограде — роман «Заклинательница змей», сборники стихотворений «Одна любовь» и «Фимиамы», в Ревеле — книги Сологуба «Сочтенные дни» (проза) и «Небо голубое» (стихи).

[5] Пьеса Сологуба «Узор из роз» 19 марта 1920 г. была поставлена во 2-й студии Московского Художественного театра и имела большой успех.

1924

164
Театр[1] и Мастерские[2] Мейерхольда — Сологубу

11 февраля 1924 года. Москва

«ЖУТКОЕ ЭХО ПРЕЖНЕЙ РОССИИ ВАШИ КНИГИ ЛУЧШИЙ ХЛЫСТ ОТСТАЛЫМ НА ПУТИ К НОВОМУ БЫТУ СОЛОГУБУ АВТОРУ МЕЛКОГО БЕСА ТЕАТР И МАСТЕРСКИЕ ВСЕВОЛОДА МЕЙЕРХОЛЬДА»[3].

Автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 159.

Телеграмма. Отправлена по адресу: Издательство «Всемирная литература». Моховая, 36.

[1] Театр им. Вс. Мейерхольда открылся 4 марта 1923 г., в 1926 г. получил статус государственного (Государственный театр им. Вс. Мейерхольда). 7 января 1938 г. театр был закрыт приказом Комитета по делам искусств при Совнаркоме РСФСР.

[2] Государственные экспериментальные театральные мастерские им. Вс. Мейерхольда (ГЭКТЕМАС, осень 1923—1931).

[3] 11 февраля 1924 г. в Александринском театре торжественно отметили 40-летие литературной деятельности Сологуба (см.: Юбилей Федора Сологуба (1924 год) / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 г. СПб., 2006. С. 315—343).

Недатированные записки

165
Сологуб — Мейерхольду
<1912?> Петербург

Всеволод Эмильевич,

Сейчас должен уйти[1]. Когда же мы завтра сойдемся, и где? Не в Ал<ександринском> ли театре?

Федор Сологуб.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 46.

Записка карандашом. На обороте подписано: «В. Э. Мейерхольду». Линии сгиба указывают на отсутствие конверта. Написано по старой орфографии.

[1] Вероятно, написано на каком-то диспуте или заседании.

166
Сологуб — Мейерхольду
Петербург (Петроград?)

Дорогой Всеволод Эмильевич,

Будьте любезны выслушать подателя этой карточки, Рихарда Лорберга, и, если возможно, что-нибудь сделать для его устройства. Сердечный привет.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2384. Л. 45—45 об.

На обороте визитной карточке с именем «Федор Кузьмич Тетерников». На лицевой стороне карандашом приписано Мейерхольдом: «Б. Зеленина 9, 29 Рихард Ганс Лорберг[1]».

[1] Согласно блокадной Книге памяти, Рихард Гансович Лорберг, родившийся в 1892 г., проживавший по адресу: Костромской пр., д. 24, кв. 15, похоронен в сентябре 1941 г. в братской могиле на Пискаревском кладбище (Блокада. 1941—1944. Ленинград. Книга памяти: В 25 т. СПб., 2005. Т. 18. С. 497). В Справочной книге «Весь Петербург на 1901 г.» в списке жителей столицы значится вдова действительного статского советника Цецилия Романовна Лорберг, проживающая по адресу: Б. Зеленина, д. 9.

А. В. Лавров

НОВОНАЙДЕННЫЕ ПИСЬМА АНАСТАСИИ ЧЕБОТАРЕВСКОЙ К ФЕДОРУ СОЛОГУБУ (1907—1916)

В 1997 году увидела свет наша работа о Федоре Сологубе и Анастасии Чеботаревской, включавшая публикацию около половины от общего состава писем писателя к жене (72 письма из сохранившихся 134, а также 13 телеграмм)[1]. В текстологической справке к публикации сообщалось: «Ответные письма Чеботаревской к Сологубу, по всей вероятности, не сохранились, — и это лишает нас возможности прояснить в комментарии некоторые реалии и обстоятельства, которые подразумеваются в публикуемых письмах» (НС. С. 301)[2].

Несколько лет спустя после появления этой работы, в ходе просмотра неразобранных архивных «закромов» Рукописного отдела Пушкинского Дома, были выявлены неучтенные ранее фрагменты архива Федора Сологуба, по случайности или по недосмотру отколовшиеся от основного собрания документов. Самой значительной из этих находок оказалась тетрадь с автографами 94 неизвестных юношеских стихотворений Сологуба 1877—1890 годов, о существовании которых ранее было известно лишь по фиксациям их заглавий или первых строк в авторских регистрационных сводках написанного; ныне этот рукописный корпус текстов составил самостоятельную публикацию[3]. В числе новонайденных рукописей обнаружилась и подборка писем Анастасии Чеботаревской к Сологубу: 40 писем и 24 телеграммы[4].

---

[1] См.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 290—384. Далее ссылки на эту работу приводятся в тексте сокращенно, с указанием в скобках: НС и номера страницы.

[2] Ко времени подготовки этой публикации было выявлено лишь одно из писем Ан. Чеботаревской к Сологубу, от 16 мая 1907 г., сохранившееся в собрании А. Е. Бурцева и присоединенное к фонду Сологуба; оно было опубликовано в комментарии к первому письму Сологуба к Чеботаревской (14 мая 1907 г.), как ответное на него (НС. С. 304).

[3] См.: Новые материалы из поэтического архива Федора Сологуба: первая рабочая тетрадь. Неизвестные стихотворения 1877—1890 гг. / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009—2010 годы. СПб., 2011. С. 438—539. Стихотворения, вошедшие в эту публикацию, включены в кн.: *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2012. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1877—1892 / Изд. подгот. М. М. Павлова (сер. «Литературные памятники»).

[4] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 937. Далее письма Чеботаревской к Сологубу приводятся или цитируются по этому источнику.

В публикации писем Сологуба к Чеботаревской была предпринята попытка объяснить отсутствие в архиве ответных писем: «Скорее всего, эти письма были уничтожены после смерти Чеботаревской — самим Сологубом или, после его кончины, его наследниками. В составленном Сологубом перечне материалов своего архива, которые он начал уничтожать в октябре 1921 г. (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 85), письма Чеботаревской не значатся» (НС. С. 301). Новообретенная находка, на наш взгляд, лишь корректирует, но не исключает начисто правомерность высказанного предположения. Эту правомерность подтверждает прежде всего количественная несоразмерность писем двух корреспондентов: 134 письма Сологуба и 40 писем Чеботаревской, — при том что Чеботаревскую, отличавшуюся неумеренным темпераментом, в равной мере сказывавшимся в жизненном поведении и в творческо-организационной деятельности, трудно заподозрить в эпистолярной инертности. Что касается отправленных ею Сологубу телеграмм — посланий сугубо информативного характера, то их уцелело почти вдвое больше, чем телеграмм Сологуба к ней: 24 — ее, 13 — его; вряд ли из этого можно сделать вывод, что энергии Чеботаревской хватало в основном на телеграммы. Известно, что перед сдачей архива Сологуба в Пушкинский Дом его предварительной разборкой занимались сестра Чеботаревской О. Н. Черносвитова и Р. В. Иванов-Разумник, проводившие не только классификацию, но также ревизию и отбор обнаруженных ими материалов, в ходе чего часть рукописей и документов было решено не передавать на государственное хранение, а какую-то часть — даже уничтожить[5]. В числе рукописей утаенных или уничтоженных могли оказаться и невыявленные письма Чеботаревской к Сологубу. Последний, впрочем, и сам мог предпринять соответствующую селекцию после гибели жены. Основная возможная причина подобной предполагаемой селекции — отражение в письмах признаков спорадически проявлявшейся наследственной душевной болезни Чеботаревской, того, что сам Сологуб в печати определял как ее «чрезвычайную впечатлительность и нервность»[6], которая в конце концов привела к трагическому финалу, либо очень откровенное, интимное содержание текстов. Следует, однако, подчеркнуть лишний раз, что эти соображения остаются всецело в сфере предположений.

Обнаруженные письма Чеботаревской к Сологубу делятся на две четко обозначающиеся хронологические группы: написанные до на-

---

[5] Свидетельство Д. Е. Максимова, которому о своей работе с архивом Сологуба рассказывал Иванов-Разумник. Об истории передачи архива Сологуба в Пушкинский Дом см.: Письмо О. Н. Черносвитовой Т. Н. Чеботаревской / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 317—320.

[6] Вступительная статья Ф. Сологуба о Чеботаревской в кн.: *Сологуб-Чеботаревская Ан.* Женщина накануне революции 1789 года. Пб., 1922. С. 10.

чала совместной супружеской жизни с осени 1908 года (1907—1908) — и позднейшие письма (1911—1916). Большинство писем (27 и одна телеграмма) относится к первой группе, остальные (13 писем и 23 телеграммы) — ко второй.

Вторая группа писем — это ценный документальный источник при составлении хроники жизни и деятельности Сологуба, но как эпистолярный текст она существенного интереса не представляет. Как видно из проведенных подсчетов, в этом комплексе преобладают телеграммы, в основном с сообщениями о приездах и отъездах, но и в письмах (в значительной части на открытках) вполне выдержан телеграфный стиль: их содержание — краткие информативные сводки, даваемые посредством стандартных, обезличенных эпистолярных формулировок.

Первая же подборка писем дает возможность осветить историю знакомства и постепенного сближения Сологуба и Чеботаревской — с необходимой оговоркой: осветить отнюдь не исчерпывающим образом. Известно, что Сологуб, человек замкнутый, не склонный к исповедальному самовыражению, раскрывал себя в эпистолярном жанре не слишком щедро; письма его, как правило, лаконичны, суховаты по стилю, сосредоточены на сугубо «внешних», конкретных темах. В этом отношении в своих письмах к будущему супругу Чеботаревская, вольно или невольно, отобразила его манеру. Письма ее по большей части кратки, довольно сбивчивы и небрежны по стилю, полны намеков на события, обстоятельства общения, темы бесед, о которых стороннему читателю часто приходится только догадываться или недоумевать. Существенно, что лишь часть писем Чеботаревской соотносится по хронологии и содержанию с письмами Сологуба к ней той же поры — письмами хотя и более логично и четко выстроенными, но также в основном краткими и очень «закрытыми», утаивающими эмоциональную сторону общения или позволяющими догадываться о существовании таковой лишь посредством глухих намеков. Внятного диалога в большинстве случаев не возникает, линия взаимоотношений прослеживается лишь пунктиром. В этом отношении переписка Сологуба и Чеботаревской 1907—1908 годов не выдерживает никакого сравнения с такими эпистолярными комплексами их современников, как, например, переписка А. Блока с невестой Л. Д. Менделеевой или переписка М. Волошина с М. Сабашниковой[7], дающими глубокое и яркое представление о содержании внутреннего мира и тональности переживаний корреспондентов.

---

[7] См.: Александр Блок. Письма к жене / Вступ. статья и коммент. Вл. Орлова // Литературное наследство. 1978. Т. 89; *Волошин М.* Собр. соч. Т. 11, кн. 1: Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903—1905 / Сост. К. М. Азадовского, Р. П. Хрулевой, подгот. текста Р. П. Хрулевой, коммент. К. М. Азадовского. М., 2013.

Возможно, в обстоятельствах сближения Сологуба и Чеботаревской и отчасти иллюстрировавшей это сближение переписке сказывался тот немаловажный психологический фактор, что в данном случае завязывались контакты между двумя зрелыми, вполне сформировавшимися людьми. Сологубу было тогда 44 года, и ко времени знакомства с Чеботаревской он достиг наконец широкой литературной известности. 30-летняя Чеботаревская к тому времени уже вполне вписалась в литературную среду: побывала слушательницей в парижской Русской высшей школе общественных наук, где состояла личным секретарем у ее основателя М. М. Ковалевского[8], печаталась в «Русском богатстве», «Журнале для всех», провинциальных газетах (рассказы, статьи об искусстве, литературно-критические обзоры и рецензии, переводы); с 1905 года, переехав в Петербург, работала в редакции «Журнала для всех», а с 1906 года — в газете «Товарищ»[9]. Весной 1907-го Чеботаревская задумала составить и издать книгу автобиографий современных русских писателей, что побудило ее обратиться с соответствующей просьбой ко многим авторам, в том числе и к Сологубу (Чеботаревская сумела собрать большую подборку писательских автобиографий, но книгу опубликовать не удалось[10]). Формально завязавшееся на этой почве знакомство привело к последующим теплым дружеским отношениям, некоторые этапы которых можно проследить по переписке. Первое письмо Сологуба к Чеботаревской, ответное на запрос об автобиографических сведениях, датировано 14 мая 1907 года (НС. С. 303).

Хотя переписка Сологуба и Чеботаревской скорее намекает на содержание взаимоотношений корреспондентов, чем раскрывает их, правомерным представляется определить эволюцию этих взаимоотношений, по аналогии с заглавием шекспировской комедии, как «укрощение строптивого». Такие неотъемлемые черты индивидуальной психологии Сологуба, как мизантропия, эгоцентризм, мнительность и обидчивость, — все то, что вбирает в себя тогда еще не сформулированное понятие «некоммуникабельность», — не могли способствовать сближению с кем бы то ни было. 28 июня 1907 года умерла младшая

---

[8] Сохранилось несколько рекомендательных писем, аттестовывавших Чеботаревскую как «одну из лучших и дипломированных слушательниц нашей Школы» (Ю. С. Гамбаров, 20 мая 1904 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 351); «А. Н. Чеботаревская, наша бывшая студентка, заведывавшая библиотекой Р<усской> В<ысшей> Школы, по профессии талантливая литераторша, искусная переводчица и неутомимый общественный деятель» (М. И. Тамамшев, 19 мая 1904 г. // Там же. Ед. хр. 354).

[9] Подробнее см. в нашей вступительной статье к публикации «Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская» (НС. С. 291—292).

[10] См.: Собрание автобиографий Анастасии Чеботаревской / Предисл., публ. и коммент. О. А. Кузнецовой // Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб., 2003. С. 411—453.

сестра Сологуба, вместе с которой он прожил долгие годы[11], и тяжелая утрата только усиливала мрачную тональность его мироощущения. Чеботаревская, как могла, сглаживала эти особенности личности и противостояла им своей мягкостью и уступчивостью, но иногда не скрывала неудовольствие и обиду, побуждая тем самым писателя-анахорета исправлять положение дел, идти ей навстречу, и тем самым шаг за шагом все более втягивала его в зону своего притяжения, побуждала к осознанию неотвратимости их жизненного союза.

Первое по хронологии из новонайденных писем Чеботаревской к Сологубу — благодарственное за приглашение на премьеру его драмы «Победа смерти» 6 ноября 1907 года в Театре В. Ф. Коммиссаржевской в постановке В. Э. Мейерхольда, прошедшую с шумным успехом (автору был поднесен лавровый венок)[12]:

> 7/XI.
>
> Дорогой Федор Кузьмич!
>
> Пишу Вам эти слова за ту радость, и муку, которые я ощущала вчера в театре. О, какой Вы счастливый, как я завидую Вам (нет, впрочем — последнее неправда), как радуюсь Вашему торжеству (пожалуй, это «торжество смерти»?). Может, пьеса оттого так волновала меня, что многое было слишком близко мне, слишком пережито. Нет, конечно, главное, оттого, что она написана великим мастером, чудесным пером «Великого (!) беса», огромным, ценным талантом. Счастье, что можно пользоваться им — и большое, большое спасибо за 6-ое ноября... Понять это могут все-таки только те, кто качался на «хребте жизни», глядел в лицо смерти. Простите, что так нескладно написала.

Следующее ее письмо (открытка с почтовым штемпелем: 12 декабря 1907 г.), также благодарственное, за только что вышедшую книгу Поля Верлена «Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом» (СПб., 1908), но уже с обыгрыванием шутливого прозвища, которое получила Чеботаревская в ходе их общения:

> Спасибо, спасибо, дорогой Федор Кузьмич, за книжку и стихи. Очень люблю и Верлэна и Вас. А вот вечером (30-ого) Вы не зарезали... ну, дело прошлое... Всего Вам лучшего — счастья и веселья желаю... А если поедете по трамваю

---

[11] См.: Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой / Публ. Т. В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 годы. СПб., 2003. С. 224—271.

[12] См.: Мейерхольд в русской театральной критике. 1892—1918. М., 1997. С. 165—170.

Невскому, заходите к Плаксе, которая будет Вам очень рада и живет в «Версале»[13], —

писала она же.

Еще одно письмо Чеботаревской к Сологубу, относящееся к зиме 1907—1908 годов, отправлено после, видимо, запланированной, но не состоявшейся их вечерней встречи в ресторане «Вена». Письмо — краткое, но полное намеков на обстоятельства, безусловно, понятные двойнику «Логина» — главного героя сологубовских «Тяжелых снов», всецело автобиографического персонажа:

Янв<аря> 15 1908 г.

Дорогой Федор Кузьмич.

Вчера Вы верно хотели отплатить той же монетой — не пришли в «Вену»[14] — а я Вас ждала с Сюннерб<ергом>, Кожевниковым, «Немцем»[15] и проч. Оттого и не писала ничего, п<отому> ч<то> была уверена, что встретимся — Вы после Дункан, а я после Белого[16]. Потом зашла даже в 59 №, посмотрела, не увлечены ли Вы наживой, но и там не было. Там ели отвратительное мороженое и ушли домой. Нехорошо... А хотела еще спросить кое-что про «Нюту»...[17] А про пари — ведь это, надеюсь, всё «blague» <шутка. — *франц.*>? «Логин» на это не способен. Да и к чему? Право, — здесь ни красоты, ни радости нет. Да Вы шутите только, конечно... Ну, всего лучшего! Жаль, что вчера не исполнили своих предначертаний...[18]

Ваша Плакса.

---

[13] «Версаль» — меблированные комнаты на Лиговской ул. (д. 35), близ Знаменской площади.

[14] «Вена» — петербургский ресторан (ул. Гоголя (Малая Морская), д. 13/8), популярный в литературно-художественной среде. Подразумевается сходная ситуация, о которой идет речь в письме Сологуба, датированном ночью 12—13 января 1908 г.: «По моему скромному мнению, *так* хорошие плаксы не поступают; *т а к* (!) поступают только злые критики. Сами написали, чтобы я приехал в “Вену”, — я Вам ответил телеграммой, что да, а Вы не приехали» (НС. С. 306).

[15] Сюннерберг Константин Александрович (псевдоним Конст. Эрберг; 1871—1942) — теоретик искусства, критик, поэт. Кожевников Петр Алексеевич (1872—1933) — прозаик, археограф. «Немец» — Иоганнес фон Гюнтер (Guenther; 1886—1973)— немецкий поэт, переводчик русских писателей на немецкий.

[16] 15 января 1908 г. состоялся вечер Айседоры Дункан («Danses idylles») в театре Литературно-художественного общества (Малый театр). В тот же день Андрей Белый выступил с лекцией «Искусство будущего» в зале Тенишевского училища.

[17] Нюта — Анна Ермолина, героиня романа «Тяжелые сны».

[18] 20 января 1908 г. Сологуб отвечал: «Я не был в “Вене” во вторник без всякого злого умысла; если бы я наверное знал, что Вы там будете, я бы пришел. — О “Логине” Вы думаете неправо. В чем Ваша, по-моему, ошибка, я Вам скажу после того, как Вы напишете статью о Нюте и Дункан. Тогда я Вам сообщу мысль не менее ин-

Последующие письма свидетельствуют, что отношения развивались неровно, но неуклонно в сторону сближения, о чем можно судить, например, по письму Чеботаревской, содержавшему довольно экстравагантную просьбу (23 марта 1908 г. — датировка почтового штемпеля):

> Дорогой Федор Кузьмич.
>
> Не можете ли оказать мне одну огромную услугу — только, пожалуйста, чтобы это было между нами — обращаюсь к Вам, п<отому> ч<то>, несмотря на н<а>ши ссоры, чувствую к Вам какое-то доверие и думаю, что можете помочь мне в этом деле. Мне нужно познакомиться с к<акой>-н<ибудь> женщиной — или несколькими — так назыв<аемого> «легкого поведения» (это не я их так называю), чтобы узнать чрез них некоторые необходимые мне данные. Может, у Вас есть т<а>к<ие> знакомые? Буду страшно благодарна. Пока до свиданья — может, во вторник не придется быть — тогда напишите или зайдите. В<а>ш<а> Плакса[19].

Упомянутый в письме вторник — 25 марта. Видимо, при встрече, состоявшейся в этот день, Сологуб отрицательно отреагировал на провокативную просьбу своей корреспондентки — судя по его письму к ней от 27 марта 1908 года: «Не сердитесь и не огорчайтесь, — не стоит. И “интеллигенция” не виновата в том, что мы с Вами раздражительны и нервны. Вы очень милая, и то, что Вы говорили “по существу” об этой затее, — искренне и глубоко; хотя лучше было бы, может быть, если бы Вы отошли от этих мыслей» (НС. С. 309—310)[20].

тересного сопоставления. — Ошибка и в том, что “ни красоты, ни радости”. И красота, и радость, — но Вы хотите взять в малом то, что надо брать в великом. На эту тему <...> мое стихотворение “Измученный жгучею болью” <...>» (НС. С. 306—307).

[19] Практический смысл этой просьбы, возможно, был обусловлен интересом Чеботаревской к женскому движению. Тема проституции была затронута в ее докладе «Женщина настоящего и женщина будущего», прочитанном на Первом Всероссийском женском съезде в Петербурге 14 декабря 1908 г. (см.: *Грачева А. М.* Диалоги Януса. Беллетристика и классика в русской литературе начала XX века: Портреты. Этюды. Разыскания. СПб., 2011. С. 106—120).

[20] О том, что характер общения Сологуба с Чеботаревской уже тогда мог приобретать весьма нетривиальные формы, свидетельствует дневниковая запись М. А. Волошина от 26 апреля 1908 г., в которой со слов Г. И. Чулкова рассказывалось, как проводили время в ресторане «Квисисана» и затем в меблированных комнатах будущие супруги, он сам, Л. Н. Вилькина, А. Блок и «проститутка — новая подруга Блока»: «...нас разделили по отдельным комнатам. Сологуб потребовал, чтобы получить долг Чебот<аревской>. Он должен был ее высечь. Мы с Вилькиной бежали в ужасе от это<го> разврата. Но всё так и осталось неизвестным» (*Волошин М.* Собр. соч. М., 2006. Т. 7, кн. 1. С. 294—295).

Примечательно, что озабоченностью, о которой поведала Сологубу Чеботаревская, писатель позднее наделил главную героиню своего романа «Слаще яда» (1912). В главе 56-й романа говорится: «Все слаще и настойчивее возникала в Шаниной душе мечта о сладком уделе гетеры. Шаню стал интересовать своеобразный быт женщин, из любви сделавших ремесло. Она принялась усердно читать книги на эту тему, расспрашивать знакомых. Так много отвратительного, страшного, жуткого! Как в змеином логовище должна чувствовать себя женщина в этих притонах. Но какое опьянение! И какое жуткое торжество — побеждая собою, заклинать змей!»[21] Далее повествуется о том, как «в отдельном кабинете ресторана <...> сошлись Шаня, два журналиста и Марья Ивановна, девица с Невского проспекта», после чего Шаня «несколько раз звала к себе Марью Ивановну. С жутким любопытством расспрашивала ее о всех подробностях ремесла»[22].

В письме к Сологубу от 6 апреля 1908 года Чеботаревская, откликаясь на предложение прийти к нему вместе с В. А. Щеголевой во вторник 8 апреля (см.: НС. С. 310), предприняла вполне определенную попытку к тому, чтобы перевести развивавшиеся взаимоотношения в более интимную плоскость; показательно, что уже в этом письме упоминается имя Малим, которым Сологуб и Чеботаревская называли друг друга в доверительном, «домашнем» общении (см.: НС. С. 294):

Дорогой Федор Кузьмич,
спасибо за стихи, только зачем «вздыхая» — в этих случаях и чаще и — красивее «рыдая», как было прежде у Вас...[23]

Насчет вторника — если у Вас никого не будет, приду с радостью, а если будут гости, не обещаю: я никого стараюсь не видеть, целые дни провожу на диване с книжкой. Все мои мысли устремлены теперь на то, чтобы уехать — partenza[24], partenza... Уехать из этого города, где мне бывало так тяжело и скучно, увидать еще раз все, что люблю, и потом — заснуть, не проснуться, не вернуться, катаясь в море... Но нужно «одолевать пространство» (знаете, как это скучно — по крайней мере Малим это зна<л)> <?>[25] и разные препятствия... — сдать дачу, напр<имер>. Может, Вы бы ее пересняли у меня? Домик (Черная речка) очень миленький, — 4 комн<аты>, терраса, под окном рожь,

[21] *Сологуб Ф.* Собр. соч. СПб.: Сирин, 1914. Т. XVI. С. 223.

[22] Там же. С. 224, 225.

[23] Речь идет о стихотворении Сологуба «Восторги слез» («Вошла, вздыхая, в светлый храм...», 24 мая 1906), впервые опубликованном в журнале «Отечество» (1914. 9 нояб. № 2. С. 31). С измененной первой строкой («Вошла, вздыхая, в Божий храм...») вошло в книгу Сологуба «Война. Стихи» (Пг.: Изд. ж-ла «Отечество», 1915. С. 40).

[24] Отъезд, отправление (*ит.*).

[25] *Край листа с текстом оторван.*

луг, лесок, никого вблизи — 75 р. Гуляете ли Вы на островах — там теперь д<олжно> б<ыть> хорошо, и от Вас близко?..[26] Итак, до свиданья. За «кроткую» В. А.[27] ничего ответить не могу, но наверное она придет. Я зайду за ней. Мы-то к Вам ходим, а Вы никогда ко мне не приходите. А у меня сейчас ландыши распустились — такие милые, бледные, и гиацинт — прелестный, зелено-розовый... Право, они мне дают больше радости, чем все приходящие ко мне.

Предложение провести вечер 8 апреля вдвоем Сологуб проигнорировал (7 апреля — Чеботаревской: «Пожалуйста, приезжайте. Люди будут, но очень немногие, и все свои; буки не будет, ни одной, и недотыкомка спрячется» — НС. С. 310), а на предложение поселиться летом на даче, которую она снимала на Черной речке (Ваммельсуу Выборгской губернии), отреагировал даже резко (11 апреля 1908 г.): «Относительно дачи я уже сказал Вам во вторник, что мне не хочется жить летом в этой местности. Теперь могу повторить то же самое» (НС. С. 310). Трудно поверить, что в данном случае решающую роль сыграло неприятие финских лесных ландшафтов.

О том, что общение Сологуба и Чеботаревской в первой половине 1908 года сплошь и рядом оказывалось цепочкой неудовлетворенных амбиций и недоразумений, можно судить по письмам, приуроченным к Пасхе (13 апреля).

12 апреля Сологуб написал Чеботаревской: «Не захотите ли Вы встретить праздник у меня? и похристосоваться со мною в эту ночь, милую для детей?» (НС. С. 311).

Последовал ответ — вечером того же дня или на следующий день:

> Спасибо за приглашение, милый Федор Кузьмич, — вряд ли придется им воспользоваться, — боюсь показываться тем, кто могут радоваться — настроение такое ужасное, что единственное желание ничего не видеть и не чувствовать. Если же, вопреки всему, вечером выйду или зайду к Вам — не дразните меня, пожалуйста, — всё болит... А людей всех ненавижу (и себя тоже), и на детей — никто из них не похож — целую Вас заочно и желаю хорошо провести этот вечер.

Однако вечером 14 апреля Чеботаревская отправила Сологубу телеграмму: «Приезжайте сегодня Михайловский театр христосоваться подарю яичко я Щеголева Плакса».

---

[26] Подразумевается парковый район на северной окраине Петербурга (Каменный, Елагин, Крестовский и Петровский острова). Сологуб в это время проживал на Петербургской стороне: Широкая ул., д. 19, кв. 2.

[27] Валентина Андреевна Щеголева (урожд. Богуславская; 1878—1931) — актриса, жена П. Е. Щеголева; подруга Ан. Чеботаревской.

14 апреля в Михайловском театре начались спектакли Московского Художественного театра, был представлен «Росмерсгольм» Г. Ибсена. Сологуб отправился в театр еще до получения телеграммы; при встрече там с Чеботаревской, видимо, произошла неловкая сцена. Последовало письмо:

> Многоуважаемый Федор Кузьмич!
>
> Вчера я была несколько в ненормальном состоянии (нетрезвом...) и послала Вам телеграмму — поэтому *очень* прошу Вас с ней не считаться. Также и *всё* то, что я Вам говорила из своей жизни, — пожалуйста, вычеркните из памяти, п<отому> ч<то> очевидно и эти разы я была в подобном же состоянии. Очень извиняюсь... А насчет дачи я тогда написала Вам, не разобрав, что Вы говорили, когда мотивировали нежелание отсутствием реки. Прошу еще раз извинить — я иногда бываю глуповата, и не сразу понимаю.
>
> С уважением Анс. Чеботаревская.
>
> 15/IV 08.

В тот же день Сологуб отправил спешно, с нарочным, ответное письмо, в котором пытался разрешить все недоразумения:

«Дорогая Анастасия Николаевна, Ваша телеграмма вчера запоздала: я ее увидел уже по возвращении из Михайловского театра, и не имел потому никакого представления о том, что в этот вечер Вы меня туда звали. В театр я поехал потому, что у меня абонемент. Из дому я вышел не позже половины восьмого, а телеграмма Ваша была подана в 6 ч. 42 м. вечера. Очень тронут вашим желанием подарить мне яичко, — но мне кажется, что это можно сделать и не в театре. Причины Вашего гнева мне совершенно не понятны. В последнем Вашем письме Вы очень определенно писали, что теперь Вы не в таком настроении, чтобы быть на людях, и при встрече в толкотне разъезда не сказали мне, что хотите продолжить наш разговор или чтобы я Вас подождал. Ваша просьба не считаться с телеграммою, — как это понять? как же можно считаться с запоздалым приглашением на вчерашний вечер? Вычеркнуть из своей памяти то, что Вы мне говорили из своей жизни, совершенно невозможно уже потому, что Вы никогда не были со мною настолько откровенны, чтобы рассказывать что-нибудь из Вашей жизни, кроме одного эпизода, — но в этом отношении (т. е. относительно рассказанного) Вы никогда не будете иметь поводов упрекать себя или меня. — Не понимаю, почему Вас сердит моя неохота снять Вашу дачу, — не все ли Вам равно? какое это может иметь для Вас значение? — Вообще, нехорошо, что Вы так часто неосновательно сердитесь

на меня. Напишите лучше, будете ли в среду в Михайловском[28], и где Вас там увидеть. Ваш Федор Тетерников» (НС. С. 311—312).

Последующим уже почти каждодневным встречам помешала болезнь Чеботаревской. 20 апреля она писала Сологубу:

> Дорогой Федор Кузьмич!
>
> Вчера ужасно к Вам стремилась, но доктор не пустил, ни за что. Так что, ввиду моего такого горького положения, *очень* прошу Вас, милый, добрый, дорогой Федор Кузьмич, — не будируйте против следующих вещей: 1) Завтра, т. е. понедельник, приезжайте в «Вену» (ч<асов> в 12), уж я вырвусь во что бы то ни стало. 2) Привезите непременно *портрет* — тот — в профиль, кот<орый> у Вас есть — старый. 3) В среду, смилосердитесь — чтобы мне не ездить на Петерб<ургскую> сторону за Вами, приезжайте *сами* на вечер, билет пришлю[29]. 4) На все это ни в коем случае не отвечайте *нет*, а милым, приветливым *да*. — Тогда я Вас буду еще больше любить. Ваша возвращающаяся к жизни Плакса.
>
> Я читала «Тени» теперь и очень понравилось. Особенно «К звездам»[30]. Сегодня хочу выйти. Надоело немножко — 5 суток лежать — но в общем ничего.

Опуская несколько писем, относящихся к той же поре, приведем письмо Чеботаревской к Сологубу, датируемое, видимо, 20 мая 1908 года — накануне ее отъезда на дачу в Ваммельсуу:

> Милый Федор Кузьмич.
>
> Я сегодня не зашла — но ведь это не было нужно, правда ведь — это я чувствовала? Я Вас утомила и вчера у Вас не было никакого entrain[31] — поэтому я поехала сегодня покутить немного — у нас оказались *разные* настроения. Сейчас вернулась домой — так было красиво, луна, вода голубая, розовая заря,

---

[28] В среду 16 апреля вечером в Михайловском театре был представлен «Доктор Штокман» Г. Ибсена — спектакль Московского Художественного театра.

[29] 23 апреля 1908 г. в Зале Павловой (Троицкая ул., 13) состоялся вечер, в программу которого входили «Куранты любви» М. Кузмина (с участием артистов Старинного театра), выступления Ф. Сологуба, А. Блока, М. Кузмина, А. Ремизова, И. Рукавишникова, М. Волошина, П. Потемкина, мелодекламация на слова Ф. Сологуба и Вяч. Иванова (в исполнении В. А. Щеголевой) и др. В архиве Сологуба сохранилась афиша этого вечера (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 57). См. также: Литературное наследство. Т. 92, кн. 3. С. 325.

[30] Речь идет о книге Ф. Сологуба «Рассказы и стихи» (Кн. 2. СПб., 1896; на обложке: «Тени. Рассказы и стихи»), в которую входит рассказ «К звездам».

[31] Воодушевления (*франц.*).

вино, музыка, я еще больше *утвердилась* в своем намерении. Я Вас очень люблю, но ведь это «впустую» — ничего не будет, Вам это совсем *не* нужно... Ну, что ж, «весны не будет, и не надо»[32]. Но для такой изуродованной жизни логичен такой же исковерканный конец... А потому «и будет то, что будет». Завтра — среда[33], уезжаю — 12.30 дня (или 1 ч. 30). Сейчас Вал<ентина> Андр<еевна> поет, — в окно так заманчиво смотрит белая ночь, и на душе грустно и вместе с тем ничего не надо. — Не будет и не надо... К черту...

Вал<ентина> Андр<еевна> просит Вас зайти к ней к<ак>-н<ибудь> вечером.

Высказанная в этом письме горечь относительно перспектив развития завязавшихся отношений, по всей вероятности, не соответствовала переживаниям и устремлениям Сологуба, который умел скрывать их под манерами внешнего поведения, но не мог не отразить в лирическом творчестве, — например, в написанном 30 мая 1908 года стихотворении, начинавшемся строфой:

Блаженство в жизни только раз,
Безумный путь, —
Забыться в море милых глаз
И утонуть, —

и кольцеобразно заканчивавшемся:

О, знойный путь! о, путь в Дамаск!
Безумный путь!
Замкнуться в круге сладких ласк,
И утонуть[34].

Развивая образный строй стихотворения В. Брюсова «В Дамаск» (1903), в котором обращению Савла, ослепленного светом с неба и услышавшего голос Иисуса, уподобляются переживания плотской страсти, Сологуб возвещает о собственном «обращении», которое принесла ему встреча с Чеботаревской.

---

[32] Строка из стихотворения А. Блока «Второе крещенье» («Открыли дверь мою метели...», 1907), входящего в цикл «Снежная Маска» (*Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 2. С. 146).

[33] 21 мая.

[34] *Сологуб Ф.* Собр. соч. СПб.: Сирин, 1914. Т. IX. С. 203—204. Машинописный текст этого стихотворения, озаглавленного «Путь в Дамаск», Сологуб выслал Чеботаревской с письмом от 31 мая 1908 г. (см.: НС. С. 314).

Зарождавшийся «роман» перешел летом 1908 года в форму романа в письмах. В этом отношении Чеботаревская проявляла себя особенно активно: сохранилось 13 ее писем к Сологубу, относящихся к этой поре. Первое из них отправлено из Териок 30 мая / 12 июня (в автономном Великом княжестве Финляндском был принят григорианский календарь):

30/V.

Дорогой Федор Кузьмич!

На этих бумажках буду писать только *Вам*[35]. Они очень милые — Вы тоже милее всех других, а потому — Вам.

Сегодня хорошо, жарко, я лежу на траве, хочу читать, но лень и тоска. И вспоминаю Чехова... «Бог дал нам необъятные поля, широчайшие горизонты, прекрасные сады... Какая красивая жизнь *могла бы быть* возле этих деревьев!»[36] — Да *могла* бы быть, но люди — грязные, злые, тупые, портят и сады, и поля, и горизонты. Впрочем, это все, д<олжно> б<ыть>, от себя... Мне больно и досадно, что я опять «ожглась», и на этот раз вина не в другом, а во *мне*, — в моем услужливом воображении, подсказавшем мне то, чего совсем нет и не может быть. Но ведь это ужасно — всю жизнь мечтать — и никогда не видеть наяву — одни сны, одни выдумки...

Ел. Никол<аевна>[37] вчера вечером уехала, мы с ней гуляли, был хороший день... Она посоветовала мне какие-то пилюли — для прояснения моей головы, и занесет Вам рецепт. А Вы — будьте такой милый — закажите в аптеке и привезите мне — может быть, это поможет. Я в отчаянии оттого, что так мало и плохо работаю — это для меня небывало и пугает во всех отношениях. Если увидите Сюн<н>ерб<ерга>, попросите — он обещал мне итал<ьянскую> грамматику.

Как Вы живете? Плохо в городе? Вчера видели здесь много хорошеньких домиков и дач — пустых... Но, впрочем, молчу... Целую Вас крепко (в уме, — так теперь не буду), милый, дорогой. Очень хочу, чтобы Вы приехали <в> *воскресенье* — на 2 праздника[38], но пожал<уйста>, — если можно, без никого.

Простите, что так затрудняю Вас просьбами.

---

[35] Письмо — на почтовой бумаге с картинкой: женская головка.

[36] Текст восходит к словам Тузенбаха в драме «Три сестры» (действие 4-е): «Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!» (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1978. Т. 13. С. 181).

[37] Неустановленное лицо (видимо, дачная соседка).

[38] Воскресенье 1 июня и понедельник 2 июня — Троицын день и Духов день.

В ответном письме от 31 мая Сологуб всячески пытался развеять душевный сумрак, уловленный в признаниях его корреспондентки: «О Вашей жизни Вы написали несправедливые слова: она у Вас прекрасная, и сами Вы очень милая, и душа у Вас благородная, смелая и прямая». Но на приглашение навестить ее отреагировал однозначно: «А я в это воскресенье не могу приехать» (НС. С. 314), — что вызвало у Чеботаревской бурный эмоциональный всплеск (письмо от 1/14 июня):

Воскресенье.

Сейчас получила письмо Ваше и плачу, слезы так и катятся, т<ем> б<олее> что знаю, что не на кого сердиться, никто не виноват; — у меня — все быстро, с огнем, без удержу, у Вас — ничего похожего на это. И несмотря на то, что я решила все равно «оторваться» от Вас, и опять блуждать в тоске и одиночестве — о, каком бесконечном, — все-таки сегодня хотелось побыть с Вами, выбежать в садик встретить... Нет, для меня нет радости, нет счастья нигде и никогда... Я искала его повсюду, во всех городах и странах, нет, и *это* было *последнее* <?>. Вы знали, как огорчите меня этим письмом, и все-таки сделали... Сейчас снимаю розовое платье... Зачем я не уехала далеко, далеко. Как ненавижу, как презираю себя — нет слов, — до того, что готова убить себя. Стихи очень милые[39]. Желаю Вам всего лучшего.

А. Ч.

Неужели за каждый *миг* радости такие мученья — часами, неделями, годами...

Однако уже на следующий день Чеботаревская попыталась исправить тот негативный эффект, который могло произвести ее послание:

2/VI.

Дорогой Федор Кузьмич! (Хотела написать . . . . . .)

Вчера я написала Вам такое гадкое, злое письмо, сгоряча — уж очень было велико огорчение — простите, родной, разорвите его, сожгите. — И простите, не сердитесь на меня, забудьте... Сегодня дождь льет, но тепло, пахнет дивно, — дождь летний, теплый, милый... В город не хочется, он меня будоражит, волнует; здешнее «отупение» полезнее. — Впрочем, один Бог знает, что нам полезно.

Сгоряча, с налету, я не подумала вчера — мало ли почему Вы не могли приехать, какие могли быть причины. Какое-то почти детское упрямство в достижении желаемого. Вал<енти-

[39] Стихотворение «Путь в Дамаск» (см. примеч. 34).

на> Андр<еевна>, конечно, не явилась[40]. Ее нужно взять, посадить в поезд — иначе не выйдет ничего. Но разве она не в Юрьеве?

У меня душа болит оттого, что Вам не удается работать[41]. Я знаю это состояние — к несчастью, сама больна им — хуже нет — чувствуешь, как будто не имеешь права жить... А сколько людей живут, ничего не делая... (это, впрочем, кажется, из Чехова — извините).

Хотя Вы и рассердитесь, а я все-таки посоветую Вам посмотреть здесь комнату — есть очень милая, с балконом — 10 р. в мес<яц>. Можете приезжать на неделю и работать — никто не помешает, а как захотите — в город. Иначе — в Питере не дадут, — если же заедете далеко, тоже будете скучать, захотите людей, не высидите долго один. Нанимать же дачу на к<акие>-н<ибудь> 2 мес<яца> не стоит, т<ем> б<олее> что лето неважное. Говорю все это *не* потому, что хочу, чтобы были близко от меня (хотя — какой в этом грех — поэт?), а п<отому> ч<то> думаю — будет для Вас удобно и не потребует трат.

Напишите мне письмецо, что не сердитесь. Только не об «творимом»[42] — довольно уж этих «творений» — всю жизнь уложила и так на них, а о чем-ниб<удь> осязаемом. Мечты хороши, но когда *одни* они — хочется иногда хлеба (вместо камней?). Целую Вас. Ради Бога, исполните одну просьбишку: В семенном магазине — напр<имер>, Запевалова позади Казанск<ого> Собора, на углу канала, купите на 30 коп. *Вагнеровского* удобрения[43], мои маки гибнут, и я чуть не плачу, не зная чем помочь.

Ответного письма Сологуба не обнаружено; возможно, его и не было, а вместо письма последовал визит в Ваммельсуу: ведь Чеботаревская связала своего корреспондента необходимостью выполнить ее просьбу по благоустройству цветника, к которой добавилась и книжная просьба (4/17 июня 1908 г.: «Бедные мои маки, кажется, не дождутся воскресенья. <...> Приезжайте поскорее, если можно, дорогой. Нет ли у Вас “Pélléas et Mélisande” по-франц<узски>? Если да — при-

[40] В письме от 31 мая Сологуб сообщал Чеботаревской о В. А. Щеголевой: «Собирается к Вам Валентина Андреевна в воскресенье» (НС. С. 314).

[41] Сологуб сообщал в том же письме: «А я все еще не нашел дачи. И все еще не могу приняться даже и за одну из десяти моих книг. Печально!»

[42] В том же письме Сологуб замечал: «...Вы сами хорошо знаете, что данного счастия нет, — есть только счастие творимое».

[43] Семенной магазин Надежды Алексеевны Запеваловой на Казанской пл. (д. 3). Удобрение — по имени химика-органика Егора Егоровича Вагнера (1849—1903).

везите — нужна»[44]). Сологуб навестил Чеботаревскую в воскресенье 8 июня, на следующий день она отослала ему письмо (вновь на бумаге с женской головкой):

> Милый, дорогой!
>
> Сегодня снились «тяжелые сны» и утром думала все о Вас и так обо многом... Жизнь такая неожиданно-страшная, что постоянно чувствую теперь к<акую>-т<о> тревогу, так и ждешь — вот, вот новый капкан, новая ловушка... *Очень* прошу Вас, — милый Федор Кузьмич, — сходите к доктору до отъезда — Явейн[45] очень хороший и серьезный (уг<ол> Суворовск<ого> и 2-ой Рожд<ественской> — от 7 ч<асов> в<ечера> — вт<орник>, четв<ерг>, субб<ота>), пусть он скажет Вам про ванны и все такое, прошу Вас — а то беспокоюсь о Вас, и Вы, надеюсь, не будете спорить à la Tolstoï о медицине, окажетесь культурнее...
>
> Господи, я не знаю, готова что угодно отдать, только бы Вы были здоровы, только бы хоть немножко счастья... Милый, милый... Я мечтаю — так что голова кружится... Вы говорили вчера, что я не ценю свою жизнь и себя... Нет, все это прекрасно — и жизнь моя была яркая и интересная до сих пор, но есть моменты, когда хочется притихнуть, притаиться, прижаться к чему-то бесконечно-дорогому, не двигаться, не нарушать тишины и красоты мгновенья. И когда чувствуешь, как скользишь — как осыпается земля, — в эту минуту, кот<ору>ю хочется так продлить — так жутко, так темно делается. Зачем? Ведь так жизнь еще прекраснее — в 1000 раз — еще милее. Простите меня за то, что, не понимая, мучала Вас... Только — все-таки, молю Вас, ради моего, ради нашего счастья, скажите *нет* — когда «наложить запрет»... (Это из «Струй»)[46]. И все-таки, я рада, бесконечно рада, что нашла Вас, *почти* «именно — то что мне нужно» (помните — в «Чайке»)[47] — нежность, внимание и понимание — без которых нет и не может быть

---

[44] «Пелеас и Мелисанда» (1892) — драма Мориса Метерлинка. Она была опубликована в переводе Чеботаревской в издательстве «Польза», В. Антик и К° (М., [Б. г.]) в серии «Универсальная библиотека» (№ 82).

[45] Георгий Юльевич Явейн, главный врач городского Рождественского барачного лазарета; принимал по адресу: Суворовский пр., д. 4.

[46] Возможно, подразумевается строка из стихотворения Сологуба «Водой спокойной отражены...» (1903): «Стопами белых ног едва колеблют струи» (*Сологуб Ф.* Пламенный круг. Стихи. Книга восьмая. М.: Изд. ж-ла «Золотое Руно», 1908. С. 127).

[47] Возможно, ассоциация со словами Треплева («Чайка», действие 4-е): «...я все еще ношусь в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно» (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. Т. 13. С. 59).

настоящей любви — что бы ни говорили эротоманы... С какой бы радостью я Вам помогла переезжать[48] и все бы делала... Но... que faire[49]. Сейчас буду заним<аться> итал<ьянским>. Сандалии премилые, — я в них. А от «введения в философию»[50] пахнет В<а>ш<ими> духами — и это тоже хорошо. Целую, целую, целую. Если найдется у Вас гамак — захватите.

Новое приглашение в Ваммельсуу последовало в письме от 12/25 июня: «Приезжайте в субботу к вечеру — буду ждать. Вчера читала “сказочки”[51], какие они прелестные!.. Очень Вам завидовала. <...> Маки поправились». После этого визита Сологуб отправился на летний отдых в имение Ельцы близ станции Суйда Варшавской железной дороги.

О том, что после приезда Сологуба в Ваммельсуу в субботу 14/27 июня тональность его отношений с Чеботаревской существенно изменилась, приобрела более интимный и откровенный характер, наглядно свидетельствует ее письмо, сочинявшееся с 17/30 июня на 18 июня / 1 июля:

Вторник 1 ч<ас> н<очи>

Радость моя!

Сейчас выходила в сад — светло как никогда, — небо золотое, чирикают птички, светло, светло, легко — до странного... Так бы проходить, просмотреть — совсем до утра, до того как станет обыденно и земно (относительно).

Звенят коровы. Думаю, думаю... О ком? Какая ассоциация? Чудно́...

Я сегодня вернулась — к вечеру. Заманчиво немножко было поехать на выставку — но это было *не* с Вами — я вспомнила, — и поехала на поезде... к 3-му звонку...

У меня в саду ждала Радость — мак распустился, увидала еще издали, подъезжая.

Варила варенье. Холодно было и оспа зудит, но настроение прелестное, тихое и кроткое. (?)

---

[48] Речь идет о запланированном переезде Сологуба на новую квартиру: Гродненский пер., д. 11, кв. 7.

[49] что делать (*франц.*).

[50] Видимо, имеется в виду принадлежавшая Сологубу кн.: *Виндельбанд В.* История древней философии с приложением истории философии средних веков и эпохи Возрождения / Пер. <...> под ред. проф. А. И. Введенского. 4-е изд. СПб., 1908. См.: *Шаталина Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию // Неизданный Федор Сологуб. С. 477.

[51] Речь идет о книге Ф. Сологуба «Политические сказочки» (СПб.: Шиповник, 1906).

Помните, вчера «оршад»[52]? Хорошо было, правда?

Читала «Пламенный Круг»[53]. Ужасно понравилось «Люби меня ясно»[54] — завтра выучу... Вот бы мне в альбом. (Какое это слово я — пошлое.) — Завтра хочется солнца. А как в «Суйд'е»? — Особенно хорошо там про ручей...[55] Простите, миленький, — пишу несвязно, спать хочется, сейчас ложусь. Завтра кончу.

Спасибо, родной, за все. Покойной ночи!

(Конфетки кофейные очень милые. И я еще пахну «розой». — И сегодня утром это мне всё напоминало...)

До завтра!

Совсем уже утро. И как хорошо. Милый, приезжайте в субботу[56], если будет ясно — встречать солнце. Вот будет радость!

День холодный, ветер...

Сижу дома, занимаюсь и мечтаю об Италии....

До скорого свиданья, родной.

Целую.

Целую.

Целую.

Целую.

Целую.[57]

Если будете проездом в городе, — привезите одеколон, тот, что у Вас. Он очаровательный...

---

[52] Прохладительный напиток из миндального молока.

[53] «Пламенный круг. Стихи. Книга восьмая» Ф. Сологуба (М.: Изд. ж-ла «Золотое Руно», 1908); была отпечатана в марте 1908 г., поступила в продажу (после прекращения цензурного преследования) в середине мая 1908 г. См. послесловие М. М. Павловой в репринтном переиздании книги: *Сологуб Ф.* Пламенный круг. Стихи. Книга восьмая. М.: Прогресс-Плеяда, 2008. С. 281—284.

[54] «Люби меня ясно, как любит заря...» (1904) — стихотворение, входящее в «Пламенный круг» (С. 108).

[55] Подразумевается заключительная строфа того же стихотворения:

Люби меня просто, как любит ручей,
Звеня и целуя, и мой, и ничей.
Прильни и отдайся, и дальше беги.
Разлюбишь, забудешь, — не бойся, не лги.

[56] 21 июня / 4 июля.

[57] В автографе начертания этого слова образуют стороны квадрата (левая сторона — двойное начертание) с пустотой посередине (подразумевающей, видимо, след от поцелуя).

Приезжал ли Сологуб в Ваммельсуу в субботу 21 июня / 4 июля, нельзя утверждать с уверенностью, но, скорее всего, приезжал, поскольку, как выясняется из последующего письма Чеботаревской от 25 июня / 8 июля, он предупредил ее о невозможности прибыть к ней в субботу 28 июня / 11 июля — в первую годовщину смерти сестры. Показательно в этом и в некоторых последующих письмах сочетание двух форм обращения («Ты» и «Вы»); определенно, летом 1908 года линия их взаимоотношений претерпевала психологическую ломку, колебалась и на разные лады варьировалась:

25/VI[58].

Золото мое!

Отчего не напишешь? Сегодня ждала голубого конвертика, и нехорошо, что нет желания его надписать...

Вчера я перевела — *30* стр[59]. Моя работоспособность возвращается, и я рада, бесконечно рада этому... Пожалуй, все-таки это — главное в жизни.

Сегодня солнце — первый раз за много дней. И лужок у меня под окном весь пестреет лиловыми, желтыми букетиками, ужасно милый... Мне весело, хорошо. Вечером, молясь Богу, я ничего не прошу, — только благодарю, да еще иногда: Сохрани... Это последнее, недавнее настроение...

Как Вы поживаете? В субботу — не «захотите видеть ни меня, и никого»... На это скажу только: Ничем не оскорблю Вашего настроения — уж за это ручаюсь. Я его тоже переживаю — по-своему... Ваше горе и мое тоже... Так что, не бойтесь... Вечером буду сидеть на балконе, ждать, не покажется ли лошадка. А если нет, — то воскресенье. Делай как хочешь, как будет настроение. А мое всегда одно...

Ничего не привози, только себя. А то на «вещи» уходит часть внимания, которое должно быть — всё одному. Целую «голубые глазки»...[60]

Учу еще стишки.

АЧ.

---

[58] Авторскую датировку Сологуб дополнил своей карандашной пометой: «(1907?)» — явно ошибочной.

[59] Чеботаревская работала в это время над переводом драмы Метерлинка «Пелеас и Мелисанда».

[60] Возможно, намек на заключительную строфу стихотворения Сологуба «На могилу милой...» (4 июня 1889 г.): «Буду вспоминать я // Голубые глазки, // Нежные объятья, // Радостные ласки», — впервые опубликованного под заглавием «Барвинок» (Наблюдатель. 1897. № 12. С. 212). См.: *Сологуб Ф.* Полн. собр. соч. и поэм: В 3 т. Т. 1. С. 409.

Надписала «нужное», чтобы не затеряли письма на станции[61].

Следующее письмо Чеботаревской, вероятно, не сохранилось. «Сейчас получил Ваше письмо, — отвечал Сологуб 3/16 июля, — и очень огорчен дурным поведением Вашего бока. Пожалуйста, не хворайте: это совсем не хорошо» (НС. С. 314); он предлагал встретиться в Петербурге в понедельник 7 июля либо приехать к нему на дачу, а также выражал готовность перевести стихотворный фрагмент из «Пелеаса и Мелисанды» (в ответ на ее просьбу). В тот же день, еще до получения этого письма, Чеботаревская сообщила Сологубу («3 июля 2 ч<аса> д<ня>»): «Сегодня мне лучше — очевидно, что была простая простуда, — я вымазала бок иодом, и это помогло»; также она касалась возможностей дальнейших встреч, литературных тем («“Жало смерти” читала уже в вагоне — “Красота” ужасно понравилась, — прелестный рассказ. Захватите “Весы” посл<едний> (6-ой) с собой — если получите, — я только мельком видела рецензию Брюсова — интересно»[62]) и сугубо бытовых вопросов, по характеру которых уже было ясно, что затрагивались они в перспективе намеченной совместной жизни: «Материи не купила — денег не хватило, — так что, если будешь в городе в субботу и будут деньги, купи, пожалуйста, в Гостин<ом> Дворе <...> *7 арш<ин> пикэ* темно-голубого», и т. д. Об этой будущей жизни в новой квартире в Гродненском переулке говорилось в письме и впрямую: «Хорошо там было — наверху... Мне *низ* отчего-то не нравится у вас — как-то пусто и мрачновато, а *вверху* очень хорошо. На кушеточке читать у окна... А на балконе будем смотреть восход? Правда? миленький. Целую мою радость». В том же письме Чеботаревская переписала песню Мелисанды («Les trois sœurs aveugles») с просьбой ее перевести, между строк оригинала Сологуб карандашом нанес пробы перевода.

Следующее из сохранившихся писем Чеботаревской, недатированное, написанное около 1 августа ст. ст., затрагивает уже проблему обустройства на новой петербургской квартире:

Миленький!

Писем нашла целую груду — Мирэшка *не* приедет, — у нее работа спешная — может, приедет сестра Таня[63]. Во всяком

---

[61] Подразумевается надпись на конверте от письма (не сохранился).

[62] Речь идет о книге рассказов Ф. Сологуба «Жало смерти» (М.: Скорпион, 1904), в которую входит рассказ «Красота», и о статье Валерия Брюсова «Две книги» (Весы. 1908. № 6. С. 49—53), включающей отзывы о драме Д. С. Мережковского «Павел I» (СПб., 1908) и о «Пламенном круге» Сологуба. См.: *Брюсов В.* Среди стихов. 1894—1924: Манифесты. Статьи. Рецензии / Сост. Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев. Вступ. статья и коммент. Н. А. Богомолова. М., 1990. С. 270—275.

[63] Упоминаются прозаик и переводчик Мирэ (А. Мирэ, наст. имя и фам. Александра Михайловна Моисеева; 1874—1913) и старшая сестра Чеботаревской Татьяна Николаевна Чеботаревская, жившая в Москве, врач (ум. в 1968 г.).

случае — в пятницу на той неделе[64] я думаю быть в городе — с поезда проеду прямо в Гродненский, так что около 2½ ч<асов> буду там — ждите меня *там*, милый. Как переехали? Хочу немножко сосредоточиться на статье, потому раньше не ездить. Корректура «Пелеаса» тоже ждала[65]. Спешу писать, меня ждут дети гулять — потому кончаю; целую крепко, крепко моего миленького, золотого, мою радость. Черкните словечко

Настичке.

Маки новые дивные расцвели — черный один.

Еще одно письмо Чеботаревской, отправленное из Териок 6/19 августа по новому совместному петербургскому адресу, развивает темы предыдущего письма:

Родной мой! Сама назначила пятницу — и жду не дождусь — кажется бесконечной эта неделя — так соскучилась... Приеду в поезд<е> в 2 ч<аса> и проеду прямо на квартиру — жди меня там — в 3 ч<аса> я просила принести диванчик. Сегодня получила письмо от Вал<ентины> Анд<реевны> — она прибывает завтра...[66] Идет дождь, — я делаю что-то с грибами, и пишу что-то несуразное (вроде — но не похоже — на статью). Как долго еще до после-завтра — целый день и две ночи! Расцелую уж за все это время... Получила деньги от Антика — 50 р.[67], так что могу отдать часть долга. Тучи очень красиво свисли над моим окном... Ну, до свиданья, родной, миленький.

Ваша (*Toute* à vous[68])

Настичка.

6/VIII 08. 7 ч<асов> в<ечера>.

Подготавливая квартиру для совместного проживания, Чеботаревская и Сологуб продолжали основное время проводить на дачах. Новая супружеская жизнь, по убеждению Чеботаревской, должна

---

[64] 8 августа.

[65] О высылке корректуры перевода «Пелеаса и Мелисанды» Метерлинка издательство «Польза» оповестило Чеботаревскую 28 июля 1908 г. (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 20).

[66] В письме к Чеботаревской из Юрьева (Дерпт, ныне Тарту) от 3 августа 1908 г. В. А. Щеголева сообщала: «Приеду только 7-го утром» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 339. Л. 6).

[67] Антик Владимир Морицевич (1882—1972) — основатель и руководитель издательства «Польза», выпускавшего массовую серию «Универсальная библиотека». Подразумевается часть гонорара, причитавшегося Чеботаревской за перевод «Пелеаса и Мелисанды» Метерлинка.

[68] *Вся* Ваша (*франц.*).

была радикально изменить весь прежний, привычный для писателя уклад (ее сестра О. Н. Черносвитова свидетельствует в письме к Ал. Н. Чеботаревской от 8 сентября 1908 года, впервые встретившись с Сологубом: «Настя, конечно, обрабатывает его в своем стиле, заставляет продавать старомодную бархат<ную> мебель и покупать новую “ампир, вие-роз” и т. д., но он всеми силами держится и борется за это свое старье, с чем он прожил добрую половину жизни»[69]). 14/27 августа в письме из Ваммельсуу в Ельцы Чеботаревская касалась деликатной темы — необходимости для нее избавить Сологуба от привычной бытовой опеки Дарьи Ивановны Варгасовой, знавшей его с детских лет и ведавшей его хозяйством в прежней квартире на Широкой улице[70]:

> 14/VIII.
>
> Родной!
>
> Опять без меня приезжал гость! — итальянец-синдикалист, о кот<ором> я тебе говорила — ужасно неловко.
>
> Приехала домой не без удовольствия — выспалась как следует; еще хорошо, тепло, несмотря на дождь...
>
> Миленький — очень прошу: сделай, чтобы Д. И. знала *до* моего приезда, что я буду жить, чтобы не быть мне в неловком положении какой-то «Intruse»[71], явившись потом... Не сердись за то, что пишу об этом, — нужно предупреждать всякие такие вещи. Целую крепко. С каждым разом ниточка (та — красная, о которой я говорила как-то) затягивается все крепче. Жду в субботу[72] *очень*. Привези, миленький, мне 10 раков (купить в лавке у вокзала, где мы тогда покупали — там написано — на *левой* стороне), очень, очень целую и люблю. Принимаюсь за статью. Солнце, — небо голубое, и у меня тоже внутри голубое...
>
> Настичка.

---

[69] Цит. по вступ. статье М. М. Павловой к «Материалам к биографии Федора Сологуба» О. Н. Черносвитовой // Неизданный Федор Сологуб. С. 223.

[70] Ср. заключительную запись в составленной Сологубом «Канве к биографии»: «ШИРОКАЯ. Дарья Ив<ановна>. Сначалась стеснялась. Потом разошлась вовсю» (Там же. С. 256). Судя по сохранившимся 16 письмам Д. И. Варгасовой к Сологубу за 1908—1916 гг. (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 112), она поддерживала контакты с ним и в годы его супружеской жизни, но вопреки желанию Чеботаревской (в частности, 2 июня 1909 г. Варгасова писала Сологубу: «Я не могу завтра у Вас быть <...> Я поняла, что я вовсе не желательна для Анастасии Николаевне <*так!*> <...> Вы знаете, что я Вас душевно люблю и уважаю и знаю с детства, я хотела остаться, несмотря на различные неудобства, но они не желают, а я не хочу быть навязчивой; не обид<ь>тесь на меня»).

[71] Intruse (*франц.*) — втершаяся, посторонняя. Варианты перевода названия пьесы Метерлинка «L’intruse» (1890) — «Непрошенная», «Втируша».

[72] 16 августа.

Последнее письмо Чеботаревской к Сологубу из Ваммельсуу перед переездом на постоянное жительство с ним в Петербурге отправлено 24 августа / 6 сентября 1908 года на Гродненский переулок:

> Миленький!
>
> Приеду во вторник[73], вероятно, с поездом, кот<орый> приходит в П<етербург> в 4 ч<аса> 12 м<инут> (из Р<айволы> в 2 ч<аса>). Меня ожидала здесь корректура рассказа, кот<орый> Крашен<ин>ников безбожно искромсал и изуродовал[74], — так что я прямо в отчаянии. Кроме того, получила 25 р., но соблазнилась в Териоках занавесками для «салона» и все истратила. Вчера приехала ко мне Елена Николаевна и сейчас у меня. Раньше вторника не соберусь уложиться — известная валанда. Не встречай меня, п<отому> ч<то> очень много вещей; Машу[75] берет Ел<ена> Ник<олаевна> к себе. Уже я соскучилась по тебе; кажется, что давно, давно не видала, миленький. Не сердись, родной, что я тебе скажу... Мне немножко жаль Д. И.[76] — она так ведь тебе предана, так что ты что-нибудь ей подари из вещей, ей близких по памяти, и вообще будь поласковее. Я знаю, что ты и так это сделаешь — не мне учить — но я так говорю это свое желание. Если же ей нужно уйти раньше вторника, я думаю, можно не дожидаться меня.
>
> Целую, целую, целую...
>
> Настроение чудное, сейчас идем за грибами. Как Вы?
>
> Настя.
>
> 24/VIII.

После этого начались годы совместной жизни, совместных литературных предприятий, совместной — в том числе и соавторской — писательской работы. Официальное бракосочетание Федора Сологуба и Анастасии Чеботаревской состоялось лишь 14 сентября 1914 года.

---

[73] 26 августа.

[74] Николай Александрович Крашенинников (1878—1941) — прозаик, драматург; в 1907—1908 гг. — составитель «товарищеских сборников» «Новое слово» и «Слово». Ни в сборнике «Новое слово» (Кн. 3. М., 1908), ни в сборнике «Слово» (Кн. 1. М., 1908) рассказ Чеботаревской не появился.

[75] Видимо, прислуга.

[76] Д. И. Варгасова.

ПИСЬМА АН. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ К Е. А. ЛЯЦКОМУ (1912—1917)

Вступительная статья, публикация и примечания Дж. Меррилла

Письма Анастасии Николаевны Чеботаревской (1876—1921) к Евгению Александровичу Ляцкому (1868—1942) до настоящего времени, по вполне понятным причинам, не привлекали исследователей. Отношения корреспондентов были в значительной степени формальными и носили исключительно эпизодический характер. Письма Чеботаревской охватывают период с 1912 по 1917 год, ответные письма Ляцкого не сохранились, за исключением одного — от издательства (1915).

Вместе с тем в контексте творческой биографии Чеботаревской ее реляции к главе издательства «Огни» заслуживают внимания, поскольку содержат дополнительные сведения к истории издания выпущенного ею сборника «Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века». Этому сборнику Чеботаревская придавала особое значение, позиционируя его как опыт коллективного творчества символистов (предисловие Ф. Сологуба, автор обложки С. Ю. Судейкин, заставки Судейкина и Н. К. Калмакова; посвящение К. А. Сомову)[1].

Как явствует из публикуемых писем, Ляцкому дважды было суждено стать несостоявшимся издателем этой книги.

Самое раннее упоминание о работе над «любовными письмами» относится к лету 1912 года, 25 июля Чеботаревская сообщала А. А. Измайлову: «я работаю сейчас над сборником любовных писем выдающихся (писателей, художников, музыкантов) людей искусства. “Любовный курган” <первоначальное название сборника. — *Дж. М.*> окончила»[2]. К осени работа по сбору писем еще продолжалась, тем

---

[1] История создания сборника Чеботаревской и анализ его в контексте символистского дискурса о любви см.: *Меррилл Дж.* Сборник Анастасии Чеботаревской *Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века* и символистский дискурс о любви // «Życie serca» Duch-dusza-ciało i relacja Ja-Ty w literaturze i kulturze rosyjskiej XX—XXI wieku. Люблин, 2012. С. 315—325.

[2] Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 223. Вероятно, уже на раннем этапе работы над книгой Чеботаревская начала подыскивать издательство. Например, в апреле 1912 г. она отправила запрос об условиях издания рукописи объемом в 15 печатных листов в издательство «Шиповник» (заглавие не указано, возможно, речь шла о задуманном «Любовном кургане»). Сологуб плодотворно сотрудничал с этим издательством, выпустившим его Собрание сочинений в 12 т. (1909—1912) и др. книги, а также составленный Чеботаревской сборник «О Федоре Сологубе. Статьи и заметки» (1911). 16 апреля

не менее в сентябре Чеботаревская обратилась к Ляцкому с просьбой издать ее «Любовный курган».

Издательство «Огни», выпускавшее художественные, историко-литературные и научно-популярные книги, вполне подходило для осуществления этой задачи. Например, в 1912 году в «Огнях» были выпущены: «Граф А. К. Толстой: Материалы для истории жизни и творчества» А. А. Кондратьева, «Гончаров: Жизнь, личность, творчество: Критико-биографические очерки» самого Ляцкого. В том же году «Огни» выпустили «Картины Отечественной войны. 1812 год: Из романа "Война и мир" Л. Н. Толстого. Извлеч. М П-ой» — книга близкая драматическому произведению «Война и мир. Картины из романа Л. Н. Толстого, избранные и приспособленные для сцены Федором Сологубом» (СПб., 1912).

Из первых двух посланий к Ляцкому, отправленных в сентябре 1912 года, следует, что Чеботаревская не имела представления о действительном статусе адресата. Сначала она обращается к нему как «многоуважаемому г. редактору», имени которого не знает, в следующем письме — как знатоку и издателю наследия Чернышевского; при этом она извиняется, что не знакома с ним лично, и сообщает о полученном из «Огней» отказе издать ее сборник и намерении передать рукопись другому издательству.

Между тем, полагаясь на воспоминания Андрея Белого, можно заключить, что личное знакомство Чеботаревской с Ляцким состоялось еще до начала их переписки — в феврале 1912 года в их с Сологубом квартире на Разъезжей (д. 31)[3]. Об этом ужине Андрей Белый вспоминал в мемуарах: Сологуб «как римский сенатор, которого мненье — закон, произнес мне как писателю панегирик; от этого сотряслися издатели: Ляцкий, Некрасов и Гржебин восчувствовали интерес к "Петербургу", которым пренебрегали доселе»[4]. Невозможно представить, что в тот вечер хозяйки салона не было дома, вероятно, в хлопотах о приеме гостей она могла не запомнить всех присутствовавших.

Предложение Чеботаревской издать «Любовный курган» не заинтересовало Ляцкого. Сборник увидел свет в Московском книгоиздательстве (1908—1921, основано Г. А. Блюменбергом), выпускавшем литературные сборники «Земля». Сологуб уже сотрудничал с этим издательством: в третьем сборнике (1909) была напечатана его повесть

из «Шиповника» ей выслали смету и условия издания книги (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 334), однако этот предварительный план осуществлен не был.

[3] Андрей Белый. Письма к Е. А. Ляцкому / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 219.

[4] *Белый А.* // Начало века. М., 1990. С. 489. «Вероятно, на обеде у Сологуба в феврале 1912 г. состоялось знакомство Белого с Ляцким» (Андрей Белый. Письма к Е. А. Ляцкому / Публ. А. В. Лаврова. С. 219).

«Старый дом» (написана совместно с Чеботаревской), в десятом (1912) и одиннадцатом (1913) «Дым и пепел» — заключительный роман трилогии «Творимая легенда» (1907—1914).

Дополнительные сведения об истории продвижения рукописи в печать содержатся в письмах от представителей Московского книгоиздательства Блюменберга и Д. Ребрина. Прежде всего они предложили Чеботаревской изменить заглавие книги, 3 октября Ребрин обратился к ней с просьбой: «Не найдете ли вы возможность дать книге другое заглавие? “Любовный курган” для Моск<овского> к<нигоиздательст>ва очень уж пасмурно, да и мало понятно для широкой публики, между тем как книга и для нее может оказаться интересной»[5]. 11 октября, очевидно получив ответ от Чеботаревской на высказанную просьбу, Блюменберг резюмировал: «Пусть будет по-Вашему “Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века”», «просим вас сохранить вышеуказанное заглавие книги»[6].

Одновременно начались переговоры об условиях издания. 3 октября 1912 года Ребрин писал Чеботаревской: «Все-таки то, что вы назначаете за книгу — дорого. Трудно и нам что-нибудь заработать. Вот наши максимальные условия: гонорар 800 руб., предисловие — 50 руб., обложка и пр. 100 руб., печатать 2500 экз...»[7]. Чеботаревская, очевидно, просила больше, 11 ноября Блюменберг уведомил ее, что они «согласны издать при условии платежа — 850 рублей гонорара, 50 рублей за предисловие и 150 рублей за обложку с заставками»[8]. Договор (предполагавший выплату аванса в размере 150 рублей) был подписан 18 октября 1912 года.

По условиям договора книга должна была выйти из печати не позднее 1 ноября 1912 года. Однако корректуру сборника Чеботаревская получила только 4 марта 1913 года, причем с просьбой вернуть ее как можно скорее[9]. 19 апреля Блюменберг сообщал ей: «...очень сожалею, что с выпуском Вашей книги вышла маленькая задержка, но в настоящее время половина книги уже напечатана, осталось работы еще на несколько дней, так что через неделю книга будет разослана всем книжным магазинам»[10].

Издание появилось на книжных прилавках в мае. В сборнике были представлены письма (около 200) западноевропейских (62) и русских (25) писателей, мыслителей, музыкантов, и политических деятелей к своим супругам, невестам, возлюбленным. Хронологические рамки западноевропейского раздела (письма печатались в переводе Чебо-

[5] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 169. Л. 3.
[6] Там же. Л. 5.
[7] Там же. Л. 3.
[8] Там же. Л. 5.
[9] Там же. Л. 10.
[10] Там же. Л. 11.

таревской): конец XVII века (Нинон де Ланкло — маркизу Севинье), 1898 год (Генрих Ибсен — Эмилии Бардах), русского: 1789 год (Екатерина II — Потемкину), 1883 год (А. И. Эртель — М. В. Огарковой). Тексты сопровождены биографическими справками об авторах.

Книга вызвала широкий резонанс в прессе и ряд критических отзывов, основная масса которых (всего 12), содержит отрицательные оценки — критиковали идею и состав сборника, справки об авторах писем, а также перевод Чеботаревской[11]. Образец сдержанной рецензии дал А. А. Измайлов. 29 мая 1913 года в «Биржевых ведомостях» появилась его заметка «Квитанция любви». Вероятно, зная обидчивый нрав Сологуба и Чеботаревской (оба были постоянными сотрудниками газеты, в которой он вел литературный отдел) и опасаясь рассориться с ними[12], он ограничился цитированием нескольких эпистолярных образцов из книги и общими выводами о пользе чтения любовных посланий. Критик заявил: «не без радости вы убеждаетесь, что даже в смысле страстности и темперамента русское сердце не уступает сердцу пламенных итальянцев или мечтательных германцев»; «После выхода в свет книги А. Чеботаревской, пожалуй, можно надеяться на то, что письма современных влюбленных станут глубже, талантливее, страстнее»[13].

Согласно контракту, Чеботаревская должна была получать 750 рублей за каждое переиздание книги (тиражом 2500 экземпляров). Из письма Ребрина от 11 марта 1914 года следует, что, получив последние деньги от издательства в сентябре 1913 года, она рассчитывала на скорое переиздание сборника. В ответ он писал: «Одно время “Любовь в письмах” шла действительно очень хорошо, но, к сожалению, не долго; сейчас у нас на складе остается около 300 экз<емпляров>»»[14].

Через два года, 16 июля 1916 года, Чеботаревская повторила свою просьбу и опять получила отказ, Ребрин сослался на неблагоприятные обстоятельства военного времени — недостаток бумаги и рабочих рук.

---

[11] Обзор рецензий на книгу приведен в статье М. М. Павловой «Ан. Н. Чеботаревская» для биографического словаря «Русские писатели» (Т. 5; готовится к печати).

[12] За годы дружбы между Сологубом и Измайловым на литературной почве не раз возникали конфликты и непонимание, см.: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым. С. 239, 255, 271.

[13] *Измайлов А.* Квитанция любви // Биржевые ведомости. 1913. 29 мая. № 13571. С. 5—6. В письме от 4 июня 1913 г. Чеботаревская благодарила Измайлова «за милые слова» о ее книге и признавалась: «не моя вина в некоторых погрешностях издания (грубоватая обложка, бумага, корректурные ошибки — и в датах и пр.)» (Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым. С. 248). Чеботаревская перечислила «погрешности», на которые Измайлов указал в своей рецензии.

[14] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 169. Л. 14.

В ноябре того же года с той же просьбой она обратилась к Ляцкому (см. п. 7), и вновь ее предложение не встретило положительного отклика. Возможно, на решение Ребрина и Ляцкого повлияли не только трудности военного времени, но и критический «портфель» сборника, содержавший по преимуществу негативные рецензии.

В числе инициатив Чеботаревской, отклоненных «Огнями», следует упомянуть и еще одну: в 1915 году она предложила издательству выпустить свой перевод с французского книги Ж. Ш. Мардрюса «101 сказка 1001 ночи»[15], но получила очередной отказ (см. п. 5 — ответ Ляцкого на имя Сологуба); идея перевода так, по-видимому, и заглохла.

Издание книги — не единственный сюжет в эпизодическом общении сторон. В письмах Чеботаревской содержатся ранее неизвестные детали, уточняющие и дополняющие отдельные биографические сведения. Например, из ее письма к Ляцкому за апрель 1913 года следует, что перед войной у писательской четы возникла мысль о покупке собственной земли, которую они намеревались приобрести поблизости от владений дружественных им литераторов-петербуржцев (по-видимому, доходы от изданных книг существенно увеличили их благосостояние).

Летом 1910, 1911 и 1912 годов Сологуб и Чеботаревская отдыхали в Меррекюле Эстляндской губернии, в деревне Удриас (на даче Адама Раутса)[16]. Весной 1913 года они подыскивали новое место для летнего отдыха. Игорь Северянин вспоминал, что супруги «думали обосноваться в “Ливонской Швейцарии” (в нынешней Латвии) — Вендене или Зегевольде»[17]. Тогда же Чеботаревская, узнав от П. Е. Щеголева, что у Ляцкого была дача в Латвии, обратилась к нему за рекомендациями для покупки земли. Как известно, в конечном результате они выбрали не Латвию, а эстонскую Тойлу, где в 1913 и 1914 годах их соседями были Игорь Северянин и Щеголевы (жили «через дорогу»)[18]. Идею покупки собственной земли супруги так и не реализовали,

---

[15] Имеется в виду Жозеф Шарль Мардрюс (Joseph-Charles Mardrus; 1868—1949) — французский врач, поэт и переводчик, выполнивший перевод сказок «Тысячи и одной ночи», издание в 16 т. выходило в Париже в 1898—1904 гг., посвящено Ст. Малларме, который вдохновил автора на перевод. Издание сочли литературным памятником эпохи fin de siècle, поскольку Восток у Мардрюса предстал увиденным глазами символиста, декадента. Среди других переводов: Коран, египетская Книга мертвых, Песнь песней.

[16] См.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Публ. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 316—317; Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым. С. 214, 222.

[17] *Северянин И.* Эстляндские триолеты Сологуба // Северянин И. Сочинения: В 5 т. СПб., 1996. Т. 5. СПб., 1996. С. 54—55.

[18] *Северянин И.* Сологуб в Эстляндии // Там же. С. 51.

с 1915 года они арендовали усадьбу Княжнино под Костромой (в последний раз Сологуб приезжал в усадьбу летом 1922 года).

Особого комментария заслуживает письмо Чеботаревской от 12 марта 1917 года, в котором она предлагает Ляцкому переиздать повесть Сологуба «Старый дом» (написана совместно с нею, опубликована под его именем)[19]. Революционная тематика повести, посвященной казненному брату писательницы («Памяти Михаила Чеботаревского»), вполне отвечала духу времени. В марте 1907 года Михаил был арестован вместе с товарищами после нападения на полицейский патруль в центре Москвы. На следующий день все были повешены по приговору военно-полевого суда[20]. Другой брат Чеботаревской (по отцу), Константин Николаевич, за участие в революционной деятельности был приговорен к 14 годам заключения и ссылки в Сибирь. В октябре 1910 года Чеботаревская после пятнадцатилетней разлуки разыскала брата, между ними установилась переписка[21].

В письме к Ляцкому она ссылается на положительную оценку повести «Старый дом», данную Львом Троцким (до настоящего времени источник высказывания не выявлен). Знакомство с Троцким, вероятно, состоялось в 1911 году во время поездки Сологуба и Чеботаревской в Европу[22]. Впрочем, Чеботаревская могла встречаться с Троцким и раньше. В начале 1900-х годов она была близка к социал-демократическим кругам[23], знакома с А. В. Луначарским, с которым виделась в Париже в годы обучения в Русской высшей школе общественных наук М. М. Ковалевского (1903—1905), а позже сотрудничала в журнале «Правда». Автобиография Луначарского сохранилась в материалах

---

[19] Повесть Ф. Сологуба «Старый дом» (совместно с Ан. Чеботаревской) впервые была напечатана в сборнике «Земля» (1909. Вып. 3), затем в Собрании сочинений в 12 т. (СПб.: Шиповник,1912. Т. 12. С. 47—111) и Собрании сочинений в 20 т. (СПб.: Сирин, 1914. Т. 12. С. 55—138). Повесть была переведена на английский язык и опубликована в Англии в сборнике: The Old House and Other Tales. By Fedor Sologub / Transl. from the Russian by John Cournos (Martin Secker, 1915); на книгу были положительные рецензии: The Times Literary Supplement. 1915. June 24. P. 212 и Sologub and Artzibashief // The Outlook. 1915. June 26. P. 830—831 (автор Ford Madox Hueffer). См. в наст. изд.: *Павлова М. М.* Материалы к библиографии Ан. Н. Чеботаревской. С. 000.

[20] URL: http://www.makhno.ru/forum/calendar.php?do=getinfo&day=2014—3—14&c=1.

[21] Федор Сологуб: Письма к Анастасии Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова. С. 364.

[22] См. письмо Троцкого от 4 октября 1911 г. (в ответ на письмо Сологуба): *Константинов С.* Троцкий, Федор Сологуб и журнал «Крокодил»: Лев Давидович в роли покровителя муз // Независимая газета. 2000. 1 дек. № 228 (229).

[23] См.: В. В. Вересаев. Воспоминания о Федоре Сологубе. Переписка / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 450—501.

к задуманной Чеботаревской книге «Краткие биографические данные русских писателей за последнее 25-летие русской литературы» (замысел издания не был осуществлен)[24].

В своих литературно-критических статьях, например «Белый бычок и культура» (1909), «Чуковский» (1912), Троцкий не раз упоминает Сологуба. В статье «Нечто об анекдотах» (1912) он довольно подробно пишет о его рассказах, однако повесть «Старый дом» не называет. Примечательно, что одна из ранних статей Троцкого о символизме в литературе была озаглавлена «Старый дом»[25].

В ответ на просьбу Чеботаревской переиздать «Старый дом» Ляцкий посоветовал ей обратиться к Петру Осиповичу Морозову (1851—1920), пушкинисту, историку литературы и театра, переводчику. Однако она этим советом не воспользовалась. В 1911—1912 годах Морозов состоял членом санкт-петербургского отделения Театрально-литературного комитета при Дирекции императорских театров, отклонившего для постановки на Александринской сцене пьесу Сологуба «Заложники жизни». В ноябре 1913 года Морозов оказался в центре большого скандала, произошедшего в «Бродячей собаке» во время чествования Константина Бальмонта (вечер закончился дракой между Бальмонтом и сыном Морозова, вступившимся за отца, которому поэт нанес оскорбление). Сологуб и Чеботаревская присутствовали на этом вечере и приняли горячее участие в дальнейших событиях, связанных с урегулированием конфликта и реабилитацией Бальмонта на страницах печати[26].

В очередной раз Морозов и Сологуб столкнулись в мае 1915 года в связи с инцидентом, возникшим из-за отклонения для публикации в «Невском альманахе» (оба состояли членами его редакционного комитета) стихотворения Сергея Городецкого «А. С. Пушкину», в котором поэт обращается к Пушкину на «вы». Морозов утверждал, что «ни у одного народа в мире не существует обращения к великим теням минувших веков на “вы”». Сологуб в свою очередь заявил, что «трудно найти» «аргументацию, оправдывающую» Городецкого, но тем не менее оказался единственным членом редакционного комитета, проголосовавшим за публикацию стихотворения[27].

---

[24] См.: Собрание автобиографий Анастасии Чеботаревской / Публ. О. А. Кузнецовой // Писатели символистского круга: новые материалы. СПб., 2003. С. 437—438.

[25] Восточное обозрение. 1901. 14 янв. № 10.

[26] См.: *Фидлер Ф. Ф.* // Из мира литераторов. М., 2008. С. 613—614; *Соболев А. Л.* Хроника одного скандала // Соболев А. Л. Летейская библиотека: Очерки и материалы по истории русской литературы XX века. М.: Изд-во «Трутень», 2013. Т. 2. С. 217—242.

[27] «Вы» и «ты»: литературный инцидент // Биржевые ведомости. 1915. 7 мая. № 14830. С. 4.

Попытки писателя переиздать «Старый дом» продолжались и в позднейшие годы. В своих письменных обращениях в правительство за разрешением ему и Чеботаревской выехать за границу для поправки здоровья и литературного заработка он не раз приводил слова Троцкого о повести «Старый дом», рассматривая, вероятно, их как некую охранную грамоту. В письме к В. И. Ленину от 5 июля 1920 года Сологуб жаловался: «Государственное издательство не приобрело от меня ни одной книги, хотя еще более года тому назад моя жена предлагала т. Ионову издать хоть один рассказ “Старый дом”... т. Ионов этого рассказа не одобрил и не принял». К этому письму Л. Б. Каменев сделал примечание: «Я не верю, что Сологуб не будет поливать нас грязью за границей. Полагаю дать ему здесь паек, поселить в санатории, издать “Старый дом” (что действит<ельно> хорошая вещь, очень!). Л. Каменев. 21.06.20»[28]. Сологубу так и не удалось переиздать «Старый дом». В январе 1921 года он подарил Троцкому рукописный сборник «Кануны» (экз. № 1), возможно уповая на его содействие в получении заграничных виз.

В последнем письме Чеботаревской (апрель 1917) помимо книжных предложений издательству «Огни», содержится просьба к Ляцкому прийти на заседание Союза деятелей искусства. Союз был сформирован в марте 1917 года после прихода к власти Временного правительства, оба супруга играли в его деятельности активную роль (4 апреля Сологуб был избран в Президиум Временного комитета уполномоченных по восьми куриям от литературной курии, которую возглавил)[29].

В дальнейшем пути корреспондентов разошлись. В 1917 году Ляцкий выехал из России, в эмиграции он продолжал заниматься изданием книг — сначала в Швеции, где основал издательство «Северные огни», потом в Праге, куда переехал в 1922 году и стал одним из создателей издательства «Пламя». Судя по всему, никаких деловых контактов с Сологубом после отъезда у него не было.

Публикуемые письма вносят дополнительные штрихи к психологическому портрету спутницы Сологуба, они несут на себе печать ее порывистой, импульсивной личности. Все письма не датированы (датируются по содержанию, в двух случаях — по почтовому штем-

---

[28] «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу»: Документы российских архивов о писателе Ф. Сологубе. 1920-е гг. / Публ. Н. А. Мышова // Отечественные архивы. 2006. № 6. С. 87.

[29] См.: *Перхин В. В.* Союз деятелей искусства и его литературная курия (1917—1918 гг.): Из хроники событий // Из истории литературных объединений Петрограда—Ленинграда 1910—1930-х годов. Исследования и материалы. СПб., 2002. Т. 1. С. 47—124; Федор Сологуб: Выступление в Академии художеств 31 марта 1917 года / Публ. М. М. Павловой // De Visu. 1994. 1/2 (14). С. 40—43.

пелю). Почерк Чеботаревской изменчив, нередко она продолжает текст на полях, часто в произвольном порядке. Современники не раз отмечали специфические особенности ее «руки»: «письмо, доставившее немало труда моим бедным глазам: почерк она имела ужасный» (Амфитеатров)[30], «Она, видно, писала пьяная?» (З. Гиппиус о письме Чеботаревской, со слов Фидлера)[31]. Все это затрудняет чтение и делает некоторые прочтения предположительными.

В публикации представлены восемь писем Ан. Н. Чеботаревской и одно письмо Федора Сологуба к Е. А. Ляцкому, а также одно письмо Сологубу из издательства «Огни». Письма печатаются по автографам: ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 2. Ед. хр. 540, 474; Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 862; орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной грамматической нормой.

[30] *Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. С. 392.

[31] *Фидлер Ф. Ф.* // Из мира литераторов. М., 2008. С. 613.

1

Ан. Н. Чеботаревская — Е. А. Ляцкому

1 сентября 1912 года

1 с<ентября> Разъезжая 31, кв. 4

тел<ефон> 106-44

Многоуважаемый г. редактор,

Простите — пишу, не зная Вашего имени, и не будучи знакома лично. Не пожелали бы Вы издать мою книгу, сборник любовных писем людей искусства (поэтов, художников, выдающихся мыслителей, писателей) под названием «Любовный Курган», который я теперь заканчиваю собирать и намереваюсь издать в конце сентября. Хотелось бы издать красиво, с обложкой и заставками худ<ожника> С. Судейкина и предисловием моего мужа — Ф. Сологуба. — Цену назначить рубля 3. У меня собраны письма (только характерные, выбранные по 1—2) Герцена, Успенского, Огарева, Жуковского, Пушкина, Тургенева, Мирабо, Гете, Шиллера, Лассаля, Гамбетты, Стендаля, Бетховена, Вагнера, Клейста, г-жи Ролан, г-жи Сталь, В. Гюго, Ж. Занд, Ал. Мюссе и много других[1]. Идея книги — характер человека в его любовном проявлении. От издателя хотелось бы получить процентов 25 стоимости книги, — часть денег при сдаче рукописи (листов 16—18). Благоволите сообщить Ваш принципиальный ответ Анст. Чеботаревской-Сологуб.

Датируется по содержанию.

[1] Письма всех упомянутых Чеботаревской авторов вошли в сборник.

2

Ан. Н. Чеботаревская — Е. А. Ляцкому

Сентябрь — начало октября 1912 года

СПб Разъезжая, 31

Глубокоуважаемый Евгений Александрович!

Простите, что обращаюсь к Вам, не зная Вас лично. Не будете ли Вы так добры и любезны сообщить мне — *где* и могу ли я найти письма Чернышевского к жене (или невесте) сердечного характера для моего сборника «Любовный Курган», где я собрала письма более 40 авторов — русских и иностранных[1]. Я предлагала этот сборник «Огням» — но за их уклонением, передала издание другому изд<ательст>ву. Буду Вам бесконечно благодарна за ответ хотя бы по телеф<ону> 106—44. Анаст. Чеботаревская-Сологуб.

Датируется по содержанию.

[1] Ляцкий был женат на Вере Александровне Пыпиной (1864—1930), художнице и дочери историка Александра Николаевича Пыпина, двоюродного брата Н. Г. Чер-

нышевского, что дало Ляцкому доступ к архиву Чернышевского. В 1912—1913 гг. он подготовил и выпустил трехтомное издание «Чернышевский в Сибири: переписка с родными» (СПб.: Огни). В эмиграции Вера Ляцкая выпустила книгу «Любовь в жизни Чернышевского» (Пг., 1923). «Любовь в письмах» содержит три письма Чернышевского к жене от 1868, 1870 и 1872 гг. (М. 1913, с. 531—537). В сборнике Чеботаревская не указала источника, по которому печатала письма Чернышевского; то же касается, за редким исключением, и писем других авторов.

3

Ан. Н. Чеботаревская — Е. А. Ляцкому

Весна 1913 года

СПб.
Разъезжая, 31
тел<ефон> 106-44

Многоуважаемый Евгений Александрович!

Через Щеголевых[1] я слыхала, что где-то в той местности Эстляндии, где вы живете, можно купить дешево землю[2]. Если бы Вы были так бесконечны <sic!> добры, что не отказались бы сообщить, где *именно* (от какой станции, сколько верст) это место, — есть ли лес, вода и нельзя ли приобрести десятины 3 по возможности с небольшим домом, — мы были бы Вам безмерно признательны. С искренним приветом Анс. Чеботаревская-Сологуб.

---

[1] Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) — историк литературы, пушкинист и его жена Валентина Андреевна Щеголева (Богусловская; 1878—1931) — актриса, поэтесса, входили в близкий круг Сологуба и Чеботаревской, регулярно посещали их литературные чтения (см. «Тетради посещений» в наст. изд.). В предисловии к сборнику «Любовь в письмах» Чеботаревская выразила «искреннюю благодарность» Щеголеву за «добрые указания в деле создания этой книги». Щеголев сотрудничал с издательством Ляцкого: редактировал и написал предисловия к книгам «Мое время: Записки Г. С. Винского» и «В. П. Колесников. Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату», вышедших в «Огнях» в 1914 г.

[2] Часть лета 1912 г. Ляцкий провел в Европе, где лечился после длительной болезни (Андрей Белый. Письма к Е. А. Ляцкому / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л.: Наука, 1980. С. 225—226). Дача Ляцких находилась в поселке Меддум (Медуми), к югу от города Двинска (Даугавпилс) (см.: *Неминущий А. Н.* К. И.Чуковский и другие (меддумский «парадиз») // Славянские чтения II. Даугавпилс: Резекне, 2002. С. 153—157).

4

Ан. Н. Чеботаревская — Е. А. Ляцкому

Апрель 1913 года

Глубокоуважаемый Евгений Александрович

Вы были так любезны, что разрешили мне обратиться к Вам весною относительно покупки земли близ Вашего имения. Быть мо-

жет, могли бы сообщить — есть ли таковая земля 2—3 десят<ины> с небольшим домиком — и можно ли смотреть теперь — мы хотим воспользоваться праздниками, чтобы съездить...[1] Звонила к Вам, но сказали, что Вы уехали сюда.

СПб Разъезжая 31

С приветом

Анс. Чеботаревская

Датируется по содержанию.

[1] Речь идет о пасхальных днях: в 1913 г. Пасха пришлась на 27 апреля.

5

Е. А. Ляцкий — Ф. Сологубу

15 октября 1915 года

[На бланке издательства]

Петербург. 15 октября 1915 г.

Многоуважаемый Федор Кузьмич

Совет т<оварищест>ва «Огни» не нашел возможным, к сожалению, воспользоваться Вашим предложением издать «101 сказку 1001 ночи» в переводе Анастасии Николаевны. Прекрасное издание Мардрюса[1], по отзывам специалистов, возбуждает, однако, слишком большие сомнения в отношении самого текста: французского переводчика упрекали в слишком произвольном толковании многих мест арабского оригинала[2]. Мы могли бы принять на себя издание русского перевода лишь под условием сличения его с арабским подлинником, что в настоящее время представило бы, несомненно, большие трудности.

С искренним уважением и преданностью

Евг. Ляцкий.

---

[1] Имеется в виду Жозеф Шарль Мардрюс. См. вступ. статью, примеч. 15.

[2] Мардрюс использовал в переводе различные варианты текста, восстановил лакуны и купюры в старом переводе, выполненном Антуаном Галланом (1646—1715).

6

Ф. Сологуб — Е. А. Ляцкому

21 ноября 1915 года

[На личном бланке]

Федор Кузьмич

ТЕТЕРНИКОВ

(Федор Сологуб)

ПЕТРОГРАД
Разъезжая 31, кв. 4
Телефон 106—44
21 ноября <19>15
Многоуважаемый Евгений Александрович,

Я хотел бы сделать Вашему издательству Огни еще одно предложение[1], но т<ак> к<ак> это несколько сложно для письма, то желательно бы поговорить лично. Будьте добры сообщить, когда я мог бы застать Вас, или, м<ожет> б<ыть>, Вы будете любезны заглянуть к нам, сговорившись предварительно о часе.

Готовый к услугам,
Федор Тетерников

---

[1] О каком предложении идет речь, неизвестно.

7
Ан. Н. Чеботаревская — Е. А. Ляцкому
21 ноября 1916 года

Е. А. Ляцкому
Фонтанка, 88
Книгоизд<ательст>во «Огни»
Многоуважаемый Евгений Александрович!

Не хотели ли бы «Огни» переиздать мою книгу «Любовь в письмах», издание разошлось, а издатель, за недостатком бумаги, не в состоянии его повторить[1]. Везде книги идут хорошо, и эта — не исключение! Не приедете ли к нам в эту среду 23 н<оября>. Ф<едор> К<узьмич> здесь на короткое время — между лекциями[2], прочтет свою новую пиесу «Барышня Лиза» (сюж<ет> из 30-ых годов)[3]. Будем очень рады случаю Вас повидать у себя. С приветом Анс. Чеботаревская.

Живем теперь: В. О. 9-ая л<иния> д. 44 кв. 19 (уг<ол> Среднего, трамв<аи> 8, 18, 4, 24.)

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] В ответ на вопрос о переиздании сборника Московским книгоиздательством Д. Ребрин 16 июля 1916 г. писал Чеботаревской: «К сожалению раньше ноября—декабря, как теперь выяснилось, мы не могли бы приступить к переизданию книги, задерживает не только недостаток бумаги, но не хватает в типографии и рабочих рук. Привет Федору Кузьмичу» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 169. Л. 16).

[2] В октябре 1916 г. Сологуб предпринял турне по городам России с лекцией «Россия в мечтах и ожиданиях», в перерыве он на несколько дней приезжал в Петроград. В первой половине ноября он возобновил лекционное турне, 15 ноября выступал в Воронеже (Федор Сологуб: Письма к Анастасии Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 370).

[3] Повесть «Барышня Лиза» опубл.: Сирин. 1914. № 3. С. 277—354. Здесь имеется в виду пьеса «Узор из роз» (по повести «Барышня Лиза»). См.: *Сысоева А.* Драматургические источники пьесы Федора Сологуба о Барышне Лизе // Филологические науки. Вопросы теории и практики (Тамбов). 2012. № 6 (17). С. 180—184; см. также публикацию Е. Ю. Галаниной в наст. изд. С. 000—000.

8
Ан. Н. Чеботаревская — Е. А. Ляцкому
Февраль 1917 года

Глубокоуважаемый Евгений Александрович, обращаюсь к Вам с просьбой — если Вас не слишком затруднит указать — в каких изданных Вами за последнее время мемуарах заключаются черты из быта 30-ых годов, годные для характеристики женских типов того времени (20—35 гг.)[1] — мне это нужно для одной работы[2]. Также была бы очень признательна, если бы Вы мне дали что-либо новое для отзыва в Бирж<евых> Вед<омостях>.

Не пожалуете ли к нам в пятницу 17 ф<евраля> вечером (день Федора Тирона)[3] соберутся друзья Ф. К. Живем теперь В. О. *9 л<иния> д. 44 кв. 19* (тр<амваи> *4, 24, 18* и *8* до десят<ой> <линии>). Читала ли Вера Алекс<андровна>[4] мою статью в Б<иржевых> В<едомостях> о школе нар<о>д<ного> иск<усст>ва?[5]

С приветом Анс. Сологуб-Чеботаревская

Датируется по содержанию. Сологуб и Чеботаревская переехали на Васильевский остров в сентябре 1916 г.

[1] С 1914 по 1917 г. издательство Ляцкого выпускало серию под названием «Библиотека мемуаров издательства “Огни”», вышли издания: «Записки графа Комаровского» (1914); «Мое время: Записки Г. С. Винского» (1914); «В. П. Колесников. Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату» (1914); «В. М. Хижняков. Воспоминания земского деятеля» (1916); «Воспоминания братьев Бестужевых» (1917); «Записки Н. В. Басаргина» (1917).

[2] Об этой работе Чеботаревской мы сведениями не располагаем.

[3] 17 февраля — день рождения Сологуба и день его именин. Феодор Тирон — святой, почитаемый в лике великомучеников, день памяти в православной церкви — 17 февраля.

[4] Имеется в виду жена Ляцкого Вера Александровна.

[5] Имеется в виду очерк «Нечаянная радость (школа народного искусства в Петрограде)» (Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 28 июня. № 15615. С. 4), в котором Чеботаревская рассказала об открывшейся в Петрограде школе народного искусства для девушек из простонародья (преимущественно приехавших из провинции), где их обучали разным народным промыслам и искусствам. В том начинании Чеботаревская увидела прообраз будущей России: «Вот эта будущая обновленная Россия и “спасет через красоту мир”, по предсказанию нашего гениального писателя-интуита» (в тексте использована цитата из предисловия Ф. Сологуба к книге Игоря Северянина «Громокипяший кубок», 1913, ср.: «воистину нечаянная радость в серой мгле северного дня»).

9
Ан. Н. Чеботаревская — Е. А. Ляцкому
12 марта 1917 года

СПб
Е. А. Ляцкому
Фонтанка, 80
Книгоиздат<ельст>во «Огни»
Глубокоуважаемый Евгений Александрович,

не хотите ли — в порядке спешности издать в «Огнях» мой перевод Мишле «Женщины Революции», который я скоро кончу[1]? Также повесть Ф. К. «Старый Дом»[2], написанную на сюжет трагической судьбы моего брата (в 1906 г.) и признанную известным Троцким (б<ывший> предс<едатель> Совета Рабочих Депутатов 1905) *лучшей* беллетристикой из революционного быта[3]? — Черкните или скажите по тел<ефону> 488—41. С приветом Анс. Сологуб.

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Жюль Мишле (1798—1874) — французский историк и публицист, представлял интерес для Чеботаревской как автор книг «Любовь» (L'Amour, 1858) и «Женщина» (La Femme, 1859, русский перевод — Одесса, 1863). Здесь речь идет о книге Мишле «Les femmes de la Révolution» (Париж, 1855), проект перевода осуществлен не был; текст послужил одним из источников последней работы Чеботаревской «Женщина накануне революции 1789 года» (Пг., 1922).

[2] См. вступ. статью.

[3] Источник отзыва Троцкого о «Старом доме» не обнаружен, возможно, подразумевается устный отзыв (во время поездки в Европу осенью 1911 г. Сологуб и Чеботаревская встречались с Троцким в Вене).

10
Ан. Н. Чеботаревская — Е. А. Ляцкому
Начало апреля 1917 года

Глубокоуважаемый Евгений Александрович!

Соблаговолите прислать Вашего представителя в Союз Деятелей Искусств в Литературную Курию. Союз собирается каждое воскресенье в 2 ч<аса> д<ня> — в Академии Художеств[1]. Если любопытно — загляните. Также есть к Вам предложение: не хотите ли издать книгу Dreufus'a *L'art et les Artistes pendant la Periode revolutionaire* — обстоятельное описание всех учреждений, празднеств, музеев, песен, гимнов и всего искусства великой франц<узской> Революции[2]. Если стесняет размер, можно ее будет сократить. Повесть «Старый Дом» (напеч<атанная> в Шиповнике т. XII) я не послала П. О. Морозову, п<отому> ч<то>, зная его отношение к творчеству Ф. К., думала, что это бесполезно[3].

В ожидании скорого ответа, остаюсь уважающая Вас Анс. Чеботаревская-Сологуб.

(тел<ефон> 488—41. В<асильевский> О<стров> 9 л<иния> д. 44)

24 мая мы уезжаем[4], так что хотелось бы ответ иметь до тех пор. Перевод мог бы быть представлен через месяц. Или Россия помирится с парадоксом, что в стране неграмотных книг при новом строе печататься не будет, как к тому идут дела?

Датируется по содержанию.

[1] В качестве представителя издательства «Огни» Ляцкий присутствовал 20 апреля (четверг) 1917 г. — на втором заседании, см.: *Перхин. В. В.* Союз деятелей искусства и его литературная курия (1917—1918 гг.): Из хроники событий // Из истории литературных объединений Петрограда—Ленинграда 1910—1930-х годов. Исследования и материалы. СПб., 2002. Т. 1. С. 72.

[2] Морис Дрейфус (Maurice Dreyfous; 1843—1924) — французский писатель и издатель, автор книги «Les arts et les artistes pendant la période révolutionnaire (1789—1795)» (Париж, 1906). Дрейфусу принадлежат несколько книг об эпохе Французской революции (в том числе и «Les femmes de la revolution française (1789—1795)». Париж, 1903). Тема книги Дрейфуса была близка Чеботаревской, см. ее рецензию на вышедшую в 1918 г. в переводе К. М. Жихаревой книгу Ж. Тьерсо «Празднества и песни Французской революции»: *Чеботаревская Анс.* Как относилась Великая Французская Революция к искусству? // Театр и искусство. 1918. № 10—11. С. 115—118.

[3] Имеется в виду Петр Осипович Морозов, см. вступ. статью.

[4] Речь идет об отъезде в Княжнино под Кострому, где Сологуб и Чеботаревская проводили лето в арендованном имении (в последний раз писатель приезжал в Княжнино летом 1922 г.). См.: *Зверева Я. В.*: Федор Сологуб в Костроме 1916—1920 годов // Русская литература. 2015. № 1. С. 171—182.

ИВАНОВ-РАЗУМНИК В ПЕРЕПИСКЕ С ФЕДОРОМ СОЛОГУБОМ И АНАСТАСИЕЙ ЧЕБОТАРЕВСКОЙ (1910—1927)

Вступительная статья, публикация и комментарии А. В. Лаврова

Упоминая в письме от 10 августа 1937 года к другу с юношеских лет А. Н. Римскому-Корсакову о своих наиболее сильных и устойчивых связях в литературном мире, Иванов-Разумник отмечал: «“Приятелями моими” были, среди многих других, Ремизов, Сологуб, Белый, Блок <...>»[1]. Документальные материалы (главным образом сводящиеся к переписке), которые характеризуют историю личных и литературных взаимосвязей критика и публициста, историка русской литературы Иванова-Разумника (псевдоним Разумника Васильевича Иванова; 1878—1946) с А. М. Ремизовым, Андреем Белым, А. А. Блоком, уже введены в оборот[2]; картина взаимоотношений с Федором Сологубом и его женой Анастасией Николаевной Чеботаревской (1876—1921) до сих пор не становилась предметом специального рассмотрения.

Изначально по отношению к Сологубу — впрочем, в той же мере и по отношению к Ремизову, Блоку и Андрею Белому — Иванов-Разумник был литератором с «другого берега»: как представитель радикальной общественной мысли, воспитанный на идеалах народничества, он не мог не относиться с предубеждением к «декадентскому» мировидению и панэстетизму адептов «нового» искусства. Однако по мере вхождения критика в текущую литературную жизнь и самоопределения в ней все больший удельный вес в его оценках и предпочтениях обретают писатели символистской школы или тесно связанные

[1] «Нравственные письма» из 1937 года: Иванов-Разумник А. Н. Римскому-Корсакову / Публ. В. Г. Белоуса // Из фондов Кабинета рукописей <Российского института истории искусств>: Публикации и обзоры. СПб., 1998. С. 170.

[2] Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944 гг.) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; Вступ. заметка и коммент. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. Вып. II. СПб., <1998>. С. 19—122; Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942—1946 годов / Публ., вступ. статья, подгот. текста и коммент. Ольги Раевской-Хьюз. М.; Париж, 2001. С. 73—117, 292—296 (переписка Иванова-Разумника и В. Н. Ивановой с А. М. и С. П. Ремизовыми); Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А. В. Лаврова и Джона Мальмстада; Подгот. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Джона Мальмстада. СПб., 1998; Переписка <А. А. Блока> с Р. В. Ивановым-Разумником / Вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Литературное наследство. 1981. Т. 92, кн. 2. С. 366—414.

с символизмом. Показательно, что в первом издании монументальной «Истории русской общественной мысли» (1907), которой Иванов-Разумник фактически дебютировал в литературе, в заключительной главе «В преддверии XX века» Сологуб лишь упомянут в группе «первых представителей русского романтизма» наряду с Мережковским, Бальмонтом и Розановым, а также отмечен в связи с публикацией в «Вопросах жизни» начальных глав «Мелкого беса»: «Типично чеховское отношение к мещанству мы найдем в оригинально задуманном романе Ф. Сологуба “Мелкий бес” (“Вопросы Жизни” 1905 г.)»[3]. Книга Иванова-Разумника приобрела широкую популярность, неоднократно переиздавалась с новыми авторскими добавлениями к тексту, и десять лет спустя в пятом ее издании (1918) появились дополнительные главы, освещавшие литературную жизнь начала XX века, в которых творчество Сологуба получило обобщающую характеристику. По убеждениям Иванова-Разумника, Сологуб — один из трех (наряду с Бальмонтом и Брюсовым) больших поэтов-«декадентов», «заложивший позднее первые камни “нового реализма”»: «Ф. Сологуб, вечный “декадент” по духу, отточил новые формы романа, показав, что роман “бытовой” <...> есть в то же время роман “мировой”»[4].

«Мировой» — то есть, по мысли критика, затрагивающий «мировые вопросы», касающиеся сущности человеческого бытия. Именно в этом аспекте провел свой анализ творчества Сологуба Иванов-Разумник в книге «О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов» (1908). Избранные им три современных автора могли бы сказать про себя: «Все мы вышли из Ивана Карамазова», — поскольку более всего озабочены вопросом о смысле, цели и оправдании жизни отдельного человека и общей жизни человечества; они полагают «вопрос о смысле жизни в основу всего своего миропонимания, являясь в то же самое время одними из наиболее выдающихся представителей современного русского художественно-философского творчества»[5].

Стремясь показать, как именно пытается разрешить для себя «карамазовские вопросы» Федор Сологуб, Иванов-Разумник предпринимает подробный обзор его творчества от первого стихотворного сборника 1895 года до последних к тому моменту печатных новинок — книги стихов «Пламенный круг» и трагедий «Дар мудрых пчел» и «Победа смерти». Критик намечает последовательные стадии, которые характеризуют эволюцию творческого мировоззрения Соло-

---

[3] *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. СПб., 1907. Т. II. С. 472, 474.

[4] *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли: В 3 т. М., 1997. Т. 3 / Подгот. текста, послесл. и примеч. И. Е. Задорожнюка и Э. Г. Лаврик. С. 216, 237.

[5] *Иванов-Разумник.* О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов. СПб., 1908. С. 5, 6.

губа: констатация бессмысленности жизни и поиски выхода в грезах, в мирах мечты и фантазии, в соблазнах красоты, в солипсическом самоутверждении, в полноте переживания действительности. Обозначая тем самым определенные вехи идейной эволюции, которую обычно не распознавали современники Сологуба и стали отмечать лишь исследователи новейшего времени[6], Иванов-Разумник, однако, подчеркивает, что развитие мировоззрения Сологуба нельзя представить «одной длинной и последовательно развивающейся нитью»: «... у Ф. Сологуба <...> мы имеем целый ряд отдельных нитей, развивающихся одновременно и то переплетающихся, то расходящихся. Вот почему с самых первых его произведений намечаются те мотивы, которые потом, в один из моментов его творчества, делаются временно главенствующими <...> вот почему, наконец, у Ф. Сологуба такая масса противоречий, быстрой смены настроений и взглядов. В этом отношении он, быть может, наиболее переменчивый и “текучий” из наших поэтов, хотя критика и читатели чаще всего считают его неизменным и установившимся»[7].

Разбираясь в «переменчивостях» и внутренних противоречиях Сологуба и выстраивая аккумулированные в его творчестве разнообразные темы и мотивы в логически развивающуюся цепочку, Иванов-Разумник руководствуется вырабатываемыми им критериями собственного миропонимания. Обосновываемый критиком «имманентный субъективизм» — система мировоззрения, отрицающая объективную осмысленность и целесообразность бытия и признающая самодовлеющей ценностью полноту, широту и интенсивность человеческих переживаний, — определяется в своих контурах в ходе анализа творчества Сологуба; в равной мере той же задаче подчинены интерпретации двух других писателей-мыслителей, Леонида Андреева и Льва Шестова. Произведения Сологуба становятся необходимым строительным материалом для той идейной конструкции, которую созидает Иванов-Разумник: «С одной стороны Ф. Сологуб воздвигает причудливые миры своей фантазии, в которых он ищет смысла и спасения от бессмысленности окружающего мещанства; с другой стороны он начинает ценить красоту не только в своем вымышленном, но и в действительном мире. Оба эти мира он совмещает: надо жить всей полнотой переживаний в данном нам мире трех измерений и надо восполнять эти переживания творчеством мира четырех измерений, полетом “за пределы предельного”... В общей полноте

---

[6] См. статью З. Г. Минц и Н. Г. Пустыгиной «“Миф о пути” и эволюция писателей символистов», в которой выделены семь основных этапов творческой эволюции Сологуба (Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 147—152; *Минц З. Г.* Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 140—143).

[7] *Иванов-Разумник*. О смысле жизни. С. 70.

переживаний и заключается единственный смысл, поднявшийся над уровнем передоновщины; но смысл этот — исключительно субъективный, а объективного нет и быть не может»[8].

Хотя и подчиненная предустановленной авторской концепции, трактовка творчества Сологуба в книге Иванова-Разумника была чрезвычайно значимым шагом вперед в деле осмысления и оценки писателя, совсем недавно, с выходом «Мелкого беса» (1907), получившего всероссийскую известность. Впервые под пером критика-современника Сологуб представал, в итоге подробного и непредвзятого анализа многих его произведений, как значительная литературная фигура, как создатель суверенного и цельного художественного мира, отразившего всю неповторимость и все причуды авторской индивидуальности. Иванов-Разумник предостерегает от банальных оценок и характеристик, снимающих с произведений Сологуба лишь поверхностный смысловой срез; предостерегает, в частности, от трактовки «Мелкого беса» как «сатиры на провинциальную жизнь»[9], игнорирующей внутренний смысл романа, в котором находит воплощение целостное метафизическое понимание действительности. В книге «О смысле жизни» неизменно подчеркивается высокий статус Сологуба в современном литературном процессе: Шестов, Андреев и он — «талантливейшие из современных писателей», «сильный и своеобразный талант», «тоскливая и больная, но великолепная поэзия Ф. Сологуба», и т. д.[10] Иванов-Разумник завершает свои построения определением места Сологуба в современной литературной жизни и в историко-литературной перспективе; его выводы тем более вески, что они вытекают из анализа, предпринятого в подчеркнуто объективистской тональности и стилистике: «Ф. Сологуб занимает в нашей литературе узкое, но высокое место. Его “Мелкий Бес” один закрепляет за ним такое место в литературе, если даже не говорить об его стихах и о таких маленьких шедеврах, как многие мелкие рассказы Ф. Сологуба <...>. Такое же узкое, но высокое место занимает Ф. Сологуб и своими стихами: в истории русской поэзии девяностые и девятисотые годы будут охарактеризованы именами К. Бальмонта и В. Брюсова, а Ф. Сологуб со своей тонкой, интимной поэзией и здесь займет обособленное место — узкое, но высокое»[11].

---

[8] Там же. С. 81.

[9] Там же. С. 40.

[10] Там же. С. 18, 19, 20.

[11] Там же. С. 83. Эта характеристика творчества Сологуба прочно вошла в читательское сознание, о чем свидетельствует ее использование в некрологической статье Зел. Штеймана «Федор Сологуб», опубликованной в «Красной газете» (веч. вып.) 6 декабря 1927 г.: «Иванов-Разумник справедливо писал когда-то, что Федор Сологуб “занимает в литературе узкое, но высокое место”. С такой же справедливостью Иванов-Разумник утверждал, что Сологуб “слишком интимный,

Глава о Сологубе в книге Иванова-Разумника — самый развернутый и разносторонний опыт интерпретации творчества писателя на момент ее появления, поэтому совершенно закономерно, что Анастасия Чеботаревская, ставшая в 1908 году спутницей жизни создателя «Мелкого беса» и приступившая в 1910 году к подготовке сборника критических статей «О Федоре Сологубе», сочла необходимым не только включить в него работу Иванова-Разумника, но и поместить ее первой, вслед за составительским предисловием, предваряя остальные статьи и рецензии 30-ти авторов[12]. Местоположение внутри сборника давало повод к восприятию статьи Иванова-Разумника как некоего основополагающего суждения о Сологубе — даже при том, что она была значительно сокращена по сравнению с текстом из книги «О смысле жизни» (эту работу с согласия автора проделала Чеботаревская ради достижения большей соразмерности с другими материалами сборника). С переписки, возникшей в связи с этой публикацией работы Иванова-Разумника, и завязались взаимоотношения критика с Чеботаревской и Сологубом.

На протяжении ряда лет эти взаимоотношения развивались как преимущественно деловые. Они активизировались в 1912 году в связи с началом издания в Петербурге ежемесячного журнала «Заветы» — весной — и основанием издательства «Сирин» — осенью этого года. Литературный и общественно-политический журнал «Заветы», первый номер которого, вышедший в апреле, открывался портретами А. И. Герцена и Н. К. Михайловского, придерживался радикального, неонароднического направления и в политической плоскости отражал установки партии эсеров. Издательство «Сирин», деятельность которого субсидировалась просвещенным капиталистом М. И. Терещенко и его сестрами, было организовано ими в ходе общения с А. М. Ремизовым и А. А. Блоком и ставило своей целью публикацию произведений наиболее крупных писателей модернистского направления. В обоих начинаниях важнейшую роль играл Иванов-Разумник: с сентября 1912 до августа 1914 года, когда «Заветы» были закрыты правительственным распоряжением, был в журнале фактическим руководителем литературного отдела и ведущим критиком, помещавшим свои статьи из номера в номер в авторской рубрике «Литература и общественность»; в «Сирине» он исполнял полномочия редактора и организатора издательского делопроизводства. Активно трудясь на протяжении двух лет в «Заветах» и «Сирине», Иванов-Разумник

слишком индивидуальный поэт, чтобы занять своим именем десятилетие, создать эпоху, школу”... Иванов-Разумник ошибся только в том, что именем Федора Сологуба занято было не одно десятилетие<...>».

[12] См.: О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. Составлено Анастасией Чеботаревской. СПб., 1911. Переизд.: СПб.: Навьи чары, 2002.

наглядным образом воплощал две свои идейно-эстетические установки — ту, что генетически восходила к ортодоксальному народничеству и традиционному русскому реализму, и ту, которая отражала его усиливавшееся с годами тяготение к писателям символистской школы.

Одно из наиболее масштабных начинаний «Сирина» — издание Собрания сочинений Федора Сологуба в 20 томах, которое выходило в свет под непосредственным наблюдением Иванова-Разумника. В переписке работа над этим изданием не нашла всестороннего отражения, поскольку основные деловые вопросы, возникавшие у Сологуба, жителя Петербурга, и Иванова-Разумника, проживавшего в Царском Селе и регулярно бывавшего в редакции «Сирина», решались при непосредственном контакте. Аналогичным образом и сотрудничество Сологуба и Ан. Чеботаревской в «Заветах» документировано достаточно скудно. За два с небольшим года существования журнала Сологуб опубликовал в нем стихотворный цикл «Мечта» (1913. № 7), цикл триолетов «Земля родная» (1914. № 3), рассказ «Жена умного человека» (1914. № 2) и текст дискуссионного выступления под общей рубрикой «Символисты о символизме» (Там же). При этом публикация цикла триолетов сопровождалась статьей Иванова-Разумника «“Земля родная” (Стихи Ф. Сологуба)»,[13] в которой основное внимание было уделено мотивам «приятия мира» в стихах Сологуба последнего времени, удивившим многих критиков. Отсылая к наблюдениям, сделанным им в книге «О смысле жизни», Иванов-Разумник показывает, что такие мотивы и ранее звучали в лирике поэта: «...никакого перелома в его творчестве нет: стала только громче звучать и выделяться одна из вечных нот этого творчества. <...> поистине, велика сила “жизни”, если любить ее призывает верный рыцарь иной Прекрасной Дамы, бледной и молчаливой Смерти...»[14]

С началом мировой войны наступила пора идейного размежевания Иванова-Разумника с супружеской четой Сологубов, которое не привело к расторжению личных отношений, но, безусловно, отразилось на их тональности. Иванов-Разумник был одним из немногих, занявших последовательно антивоенную позицию (он ее обосновал

---

[13] См.: Заветы. 1914. № 3. Отд. III. С. 53—56.

[14] *Иванов-Разумник.* Творчество и критика: Статьи критические. 1908—1922. Пб., 1922. С. 183—184. Эта статья Иванова-Разумника наряду с другими его публикациями в «Заветах» перепечатана в кн.: Литературно-критические выступления Р. В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы» / Сост., автор вступ. статьи и примеч. Н. В. Новикова. Саратов, 2007. С. 181—185. Нереализованным остался относящийся к 1912 г. замысел статьи Иванова-Разумника о трилогии «Навьи чары», романе «Слаще яда» и драме «Заложники жизни». В рабочей тетради под рубрикой «Темы» он зафиксировал: «О последних произведениях *Ф. Сологуба* (когда будет окончание “Навьих Чар”). Заодно о “Слаще яда” и “Заложниках жизни”» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 47).

в статье «Испытание огнем», распространявшейся в гектографических копиях[15]); Сологуб и Ан. Чеботаревская влились в число тех многих литераторов, которые с упоением поддались патриотическим чувствам и соответственно насытили ими свое творчество и руководствовались ими в литературно-общественной деятельности (в частности, Чеботаревская составила сборник «Война в русской поэзии» (Пг., 1915), к которому Сологуб написал предисловие, а в статье «В защиту “военной” литературы» заявляла, что «изо всех великих грехов сейчас самый великий в России — это молчалинство и умыванье рук в том великом деле народной обороны, ради которого льются ручьи крови и потоки слез»[16]). В пятом издании «Истории русской общественной мысли» Иванов-Разумник расценил такую позицию как «падение и разложение *политическое*»: «Большие поэты, видные представители социалистической мысли — все очутились в общей толпе принимающих, восхваляющих, оправдывающих эту мировую войну; К. Бальмонт или Ф. Сологуб разделили в этом судьбу Г. Плеханова и многих сотен и тысяч “народников” и “марксистов”. В тине духовного мещанского болота одинаково запачкались высшие представители двух разных станов русской интеллигенции»[17].

Еще более резкое противостояние обозначилось в 1917 году, когда Иванов-Разумник объединил вокруг себя группу писателей-«скифов», отстаивавших идеи революционного максимализма и духовного преображения мира, которые по ряду параметров соотносились с идеологией партии левых социалистов-революционеров, ставших сподвижниками большевиков в ходе Октябрьского переворота и в первые месяцы после него[18]. Сологуб и Чеботаревская восприняли большевистскую власть однозначно негативно; их отношение к происходившему лаконично заявлено в поэтических строках Сологуба: «Умертвили Россию мою, // Схоронили в могиле немой!»[19] Оба они отказались участвовать в курируемых Ивановым-Разум-

---

[15] Впервые опубликована: Скифы. Сб. 1. <Пг.>, 1917. С. 261—304.

[16] Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 4 дек. № 15249. С. 2.

[17] *Иванов-Разумник*. История русской общественной мысли. Т. 3. С. 255. Иванов-Разумник мимоходом охарактеризовал позицию Сологуба по военному вопросу и в статье «Испытание огнем»; упомянув, что К. Бальмонт и Н. Минский выливают «ушаты неблаговонного остроумия и такой же злобы на Германию», он добавил: «Не менее решительны в своих выражениях Федор Сологуб и другие наши известные поэты <...>» (Скифы. Сб. 1. С. 263).

[18] См.: *Леонтьев Я. В.* «Скифы» русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М., 2007.

[19] Петроградский голос. 1918. 11/24 февр. № 32. С. 2. См. обзор политической публицистики Сологуба, печатавшейся в первой половине 1918 г. в «Петроградском голосе»: *Сегал Д.* «Сумерки свободы»: О некоторых темах русской ежедневной печати 1917—1918 гг. // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 3. Paris, 1987. С. 174—178.

ником изданиях — в сборниках «Скифы» и газете «Знамя труда». Более того, Чеботаревская выступила с полемической отповедью Иванову-Разумнику, напечатавшему во 2-м сборнике «Скифы» вслед за «Словом о погибели русской земли» Ремизова свой контраргумент писателю — статью «Две России», в которой он пытался свести весь смысл и пафос «Слова...» к ретроградным политическим взглядам автора[20]. В статье «Стрельба по своим» Чеботаревская характеризует Иванова-Разумника как клеветника «на безответного сказочника Ремизова, оплакивающего на своем языке, своими потрясающими словами и образами гибель земли русской»; там же она протестует и против антимилитаристских высказываний «скифов»: «Г. Разумник Иванов ведь сознательно говорит неправду, утверждая, что Бальмонт, Брюсов, Гумилев, Сологуб, Л. Андреев и др. “славословили мировую бойню”. Всякий грамотный читатель знает, что славословили и Пушкин, и Лермонтов, и Языков, и Баратынский, и Тютчев, и все те, в ком билось сердце поэта, отнюдь не бойни, а те эмоции огромного духовного подъема, в которые облекаются в эпоху войн чувства героизма, подвига, самопожертвования во имя чести, во имя родины, во имя защиты земли своих предков»[21].

Идейная полемика, впрочем, в данном случае не получила дальнейшего развития — и по внешним причинам: небольшевистская печать в июле 1918 года была запрещена, — и в силу того, что политическая ситуация в России неуклонно делала разногласия между четой Сологубов и их оппонентом непринципиальными и малосущественными: по мере угасания максималистской романтики в сознании Иванова-Разумника, которому уже несколько месяцев спустя после Октября стало ясно, что «скифским» надеждам не суждено осуществиться в нарождающейся тоталитарной государственности. Но в литературно-общественных начинаниях, в изобилии возникавших в первые пореволюционные годы, он и Сологуб по-прежнему фактически не пересекались[22]. Сологуб и Чеботаревская сосредоточили свою деятельность в Союзе деятелей искусства (1917—1918; Соло-

---

[20] См.: *Грачева А. М.* «Слово о погибели русской земли» А. М. Ремизова и его критик — Иванов-Разумник // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. Вып. II. С. 195—207.

[21] Новый вечерний час. 1918. 4 янв. № 3. Подпись: Ан. Чеб—ская.

[22] О попытках возобновления творческого сотрудничества свидетельствует машинописное письмо Сологуба к Иванову-Разумнику, не включенное в нашу публикацию, поскольку бóльшая часть его текста утрачена. В нем (насколько можно судить по сохранившимся фрагментам) содержалось предложение участвовать в готовящемся сборнике стихотворений и других материалов, посвященном деятельности разогнанного Учредительного собрания и аресту его членов; предлагалось представить тексты по адресу Сологуба не позднее 26 ноября (1918 г.), оговаривались гонорарные ставки (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 327). Издание этого сборника не состоялось.

губ — председатель литературной курии Союза) и в Союзе деятелей художественной литературы (1918—1919; в мае — октябре 1918 г. Сологуб — первый председатель Совета)[23]; Иванов-Разумник к этим объединениям не был причастен. Аналогичным образом Сологуб игнорировал Вольную Философскую Ассоциацию, учрежденную в 1919 году в основном стараниями Иванова-Разумника; в данном случае писатель не считал для себя приемлемым входить в объединение, сформированное на «скифской» идеологической почве, хотя во многих аспектах и оппозиционное по отношению к восторжествовавшему марксизму.

Новое сближение, постепенно переросшее в тесную дружбу, наступило во взаимоотношениях Сологуба и Иванова-Разумника уже после трагической гибели Ан. Чеботаревской (23 сентября 1921 г.)[24]. Утрата жены подкосила Сологуба. 10 июня 1924 года В. П. Полонский, ходатайствуя о назначении Сологубу пенсии, писал о нем Л. Д. Троцкому: «Он, говорят, очень плох. <...> Сейчас он одинок, беспомощен и [очень] болен»[25]. При этом Сологуб продолжал активную литературно-организационную деятельность: в марте 1924 года он был избран председателем Правления Всероссийского союза писателей (Ленинградское отделение)[26]. На этом посту он заявил о себе и как ответственный и пунктуальный руководитель, и как активный повседневный работник. «...Работает за всех один Сологуб <...> Если бы у молодых было столько энергии и желания работать, мы бы горы сдвинули», — писала А. В. Ганзен секретарю Правления Союза М. В. Борисоглебскому[27], а сам Борисоглебский в воспоминаниях о Со-

---

[23] См.: *Ширмаков П. П. К* истории литературно-художественных объединений первых лет советской власти: Союз деятелей художественной литературы // Вопросы советской литературы. Вып. 7. М.; Л., 1958. С. 454—475; *Перхин В. В.* Союз деятелей искусства и его литературная курия (1917—1918 гг.): Из хроники событий // Из истории литературных объединений Петрограда — Ленинграда 1910—1930-х годов: Исследования и материалы. СПб., 2002. Кн. 1. С. 47—124; Союз деятелей художественной литературы (1918—1919 гг.) / Публ. В. П. Муромского // Там же. С. 125—196.

[24] Подробности см. в нашей вступительной статье к публикации «Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская» (Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 300—301).

[25] «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу»: Документы российских архивов о писателе Ф. Сологубе. 1920-е гг. / Публ. Н. А. Мышова // Отечественные архивы. 2006. № 6. С. 93.

[26] В июне 1924 г. Союз писателей, уже под председательством Сологуба, арендовал помещение на набережной Фонтанки (д. 50, кв. 26), которое принадлежало ранее запрещенной в том же году Вольной Философской Ассоциации (см.: *Кукушкина Т. А.* Всероссийский союз писателей. Ленинградское отделение (1920—1932). Очерк деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 104—105): Сологубу суждено было принять казенное имущество от детища Иванова-Разумника.

[27] Там же. С. 106.

логубе утверждал: «Почти до последнего дня своего он не переставал интересоваться Союзн<ыми> делами. <...> Любя Союз, Ф. К. отдавал ему все свои последние силы и всячески старался развить и укрепить его»[28]. Сологуб воспринимал Союз писателей как цитадель литературы, независимой от политической власти и от нее отчужденной; руководству страны такое объединение было бесполезно и тем самым вредно, а его руководитель воспринимался как чуждый и тем самым враждебный элемент. Парадоксальным образом руководитель действующей писательской организации оказывался «бывшим» писателем, выброшенным на обочину литературы, не имевшим возможности публиковать свои оригинальные произведения и вынужденным зарабатывать на хлеб насущный переводами (которые к тому же либо не печатались, либо медленно доходили до читателя). И в этом плане внешне респектабельное положение Сологуба мало отличалось от участи, которая к середине 1920-х годов постигла Иванова-Разумника, попавшего в проскрипционные списки литераторов, неприемлемых для текущей литературы; ему оставалось заниматься только подготовкой историко-литературных изданий, к которым за отсутствием квалифицированных и одновременно в марксистской идеологии продвинутых профессионалов его пока допускали. В письме к М. Г. Веселковой-Кильштет от 23 сентября 1928 года Иванов-Разумник признавался с лаконической четкостью: «...у меня нет теперь никаких журнальных и издательских связей <...>»[29].

Чествование Федора Сологуба 11 февраля 1924 года в бывшем Александринском театре, организованное в ознаменование сорокалетия его литературной деятельности при ближайшем участии Иванова-Разумника[30], стало финальным публичным актом благодарного воздаяния его творчеству, состоявшимся при жизни автора. Последние годы жизни Сологуба прошли в той же нише, в которой оказался и Иванов-Разумник, — нише литературных отверженцев, «внутренних эмигрантов», последовательно враждебных утвердившемуся режиму и не желающих идти с ним ни на какие компромиссы. И глубоко знаменательно, что значительную часть этого времени Иванов-Разумник и Сологуб провели под одной крышей, в царскосельском доме на Колпинской улице, в котором Иванов-Разумник прожил долгие годы и в котором Сологуб снимал квартиру в 1923—1925 годах[31]. «Три года

---

[28] *Борисоглебский М. В.* Последнее Федора Кузьмича / Подгот. текста и примеч. М. М. Павловой // Русская литература. 2007. № 2. С. 107.

[29] ИРЛИ. Ф. 43. Ед. хр. 244.

[30] См.: Юбилей Федора Сологуба (1924 год) / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 315—343.

[31] Судя по сообщению в письме А. Н. Чеботаревской к Иванову-Разумнику от 9 октября 1923 г., Сологуб впервые обосновался в этой квартире 11 или 12 октября: «Ф. К. Сологуб задержан в городе своими литературными делами, а я —

прожили мы с ним “стена в стену”, — писал Иванов-Разумник Андрею Белому 7 декабря 1927 года, в день похорон Сологуба, — и я благодарен судьбе, что она дала мне узнать милого, простого, детски смеющегося Федора Кузьмича, а не того Сологуба, каким раньше я его знал (вернее — представлял): “комантного”, обидчивого, брюзгливого, резкого, тщеславного. Все это — было, но было той внешней шелухой, за которой таилась детская, добрая душа <...>»[32]. Каждодневное общение способствовало укреплению дружеских связей, глубине взаимопонимания, доверительности и откровенности во взаимоотношениях, которая в советских условиях стала возможной лишь в самом узком кругу. И в общении с царскосельским соседом Сологуб был предельно откровенен; в мемуарной книге «Писательские судьбы» Иванов-Разумник, суммируя опыт этого общения, свидетельствует: «Сологуб до конца дней своих <...> люто ненавидел советскую власть, а большевиков не называл иначе, как “туполобые”»; «С одной стороны, Сологуб — бессменный председатель Союза писателей, лояльный гражданин СССР, вполне подчинившийся государственной власти, — одно лицо, одна жизнь. Другая жизнь, другое лицо — ненависть к “туполобым”, ожидание чуда, ожидание свержения ненавистной власти»[33].

По мере сил и возможностей Иванов-Разумник в последние годы жизни Сологуба содействовал и помогал в его литературных делах; в частности, незадолго до его кончины составил для государственного издательства сборник его избранных стихотворений 1920-х годов, который так и не удалось выпустить в свет[34]. Иванов-Разумник оставался рядом с Сологубом в ходе его предсмертной болезни, вплоть до последних дней жизни; об этом он подробно рассказал в письме к Андрею Белому от 7 декабря 1927 года[35] и в позднейших воспоминаниях «Писательские судьбы». Уже в декабре 1927 года Иванов-Разумник вместе с Д. М. Пинесом и свояченицей покойного О. Н. Черносвитовой приступил к разбору и описанию литературного архива Сологуба перед сдачей его в Пушкинский Дом[36]. «...Весь декабрь проходит у меня под знаком Сологуба, — сообщал он Белому 21 декабря 1927 года. — Ежедневно продолжаю с помощью Дм<итрия> Мих<айловича> разбирать архив Сологуба и составлять опись. На поверхностную опись — нужны недели, на полную — месяцы, а на

ремонтом <...>. Но в конце этой недели мы оба приедем в ваше соседство <...>. Ф. К. предполагает приехать в четверг или в пятницу (вернее)» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 338 а).

[32] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 553.

[33] *Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 36, 44.

[34] См. об этом: Там же. С. 41—43.

[35] См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 552—555.

[36] См. письмо О. Н. Черносвитовой к Т. Н. Чеботаревской от 13 апреля 1928 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 317—320 / Публ. М. М. Павловой).

разработку архива — годы и годы»[37]. Из материалов, относящихся к этой работе, в архиве Иванова-Разумника (в значительной части утраченном во время немецкой оккупации Пушкина (Детского Села), когда он был оставлен без присмотра в брошенном и разрушенном доме) сохранились подготовленные им описание «Последняя тетрадь Федора Сологуба» с изложением произведений и планов 1927 года[38] и опись (без окончания и отдельных листов) «Архив и библиотека Федора Сологуба»[39].

Одновременно Иванов-Разумник участвовал в подготовке вечера памяти Сологуба, инициированного Ленинградским отделением Всероссийского союза писателей и от его Правления — Е. И. Замятиным; вслед за этим вечером, состоявшимся 1 февраля 1928 года, прошел вечер 5 марта, посвященный чтению неизданных произведений Сологуба[40]. Иванов-Разумник входил также (наряду с А. Ахматовой

---

[37] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 555.

[38] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 98.

[39] Там же. Ед. хр. 33. Согласно акту, составленному в квартире Сологуба 27 апреля 1928 г., от Р. В. Иванова-Разумника (как представителя Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей) и М. А. Павлюченко (представителя Ленинградского отделения Литфонда) научные сотрудники А. А. Достоевский и П. И. Зиссерман «приняли на хранение в Пушкинский Дом шкаф с 16 коробками архива Ф. К. Сологуба-Тетерникова и три отдельные коробки с тем же архивом» (ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 144. Л. 60). Часть архивных материалов Сологуба не была передана после предварительной разборки в Пушкинский Дом и отложилась в архиве Иванова-Разумника. На сегодняшний день в архивном фонде Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4) имеются (в скобках приводятся номера единиц хранения) произведения Сологуба: «Атолл». Стихотворения и переводы. 41 л. (148); «Белая собака». Рассказ, без окончания. 11 л. (149); «В тени аллей прохлада...». Стихотворение. 1 л. (150); «Георгий Казарин». Поэма, гл. 2. 20 л. (151); «Дорожные триолеты». 13 л. (152); «Из дневника». Стихотворный цикл. 81 л. (153); «Из последней тетради». Стихотворения 1926—1927 гг. 15 л. (154); «Комод». Пьеса. 4 л. (155); «Полночный отрок». Драма (156); кроме того, фотографии Сологуба (1922) и Сологуба с Ан. Чеботаревской (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 6. Ед. хр. 25, 26). Из этих материалов цикл «Из дневника» в полном объеме опубликован М. М. Павловой (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. С. 109—159). Известно также, что в распоряжение Иванова-Разумника поступили дневники Сологуба и что, возможно, он взял их с собой в 1942 г. при депортации в Германию. Перечисляя в письме к А. Л. Бему от 5 февраля 1944 г. подготовленные им к печати собственные произведения, Иванов-Разумник упоминает: «... большая статья о “Дневниках” Федора Сологуба <...> содержание дневников Сологуба настолько неожиданно и жутко, что я еще не решил, может ли эта статья увидеть свет <...>» (Звезда. 2002. № 10. С. 140. Публикация Жоржа Шерона и Лилии Шерон). Никаких достоверных сведений о судьбе как дневника Сологуба, так и основанной на них статьи Иванова-Разумника установить не удалось.

[40] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 559—560; Неизданный Федор Сологуб. С. 387—388 (вступ. статья А. Ю. Галушкина и М. Ю. Любимовой к переписке Ф. Сологуба и Е. И. Замятина).

и Замятиным) в специальный Комитет, задачей которого была подготовка сборника воспоминаний о Сологубе[41]. Книга (в составе которой значился и текст Иванова-Разумника) была собрана и представлена в 1929 году издательству «Федерация», однако во все более сгущавшейся литературной атмосфере, на фоне политического шельмования Замятина и Б. Пильняка, издание сборника, полагавшего начало посмертной славы писателя-«декадента», было, как мягко объяснял Замятину А. Н. Тихонов, входивший в руководство «Федерации», «не своевременно»[42] — а в последовавшие годы и совсем невозможно. Неосуществленным остался и замысел издания посмертного собрания сочинений Сологуба, к которому также имел непосредственное отношение Иванов-Разумник[43].

О том, каким запечатлелся Федор Сологуб в памяти Иванова-Разумника, можно судить лишь по кратким мемуарным зарисовкам в его «Писательских судьбах» (1942). А те слова, которыми помянул Сологуба Иванов-Разумник в печати вскоре после его кончины, имели специфический характер: анонимный некролог был обнародован в № 1 журнала «Шахматы» за 1928 год, и речь в нем шла о Сологубе-шахматисте, который, по его собственным словам, отобразил в любительском увлечении суть своего творческого мировидения:

И кто мне помешает
Воздвигнуть все миры,
Которых пожелает
Закон моей игры?[44]

Воспроизвести переписку Иванова-Разумника с Федором Сологубом и Анастасией Чеботаревской в пропорционально соотносимых

---

[41] См.: Там же. С. 388; Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 582—583; *Павлова М. М.* М. В. Борисоглебский и его воспоминания о Федоре Сологубе // Русская литература. 2007. № 2. С. 101—102.

[42] Письмо Тихонова к Замятину цитируется в указанной статье А. Ю. Галушкина и М. Ю. Любимовой (Неизданный Федор Сологуб. С. 388). В архиве Иванова-Разумника сохранился предназначавшийся для этого сборника мемуарный очерк В. П. Абрамовой-Калицкой; см.: Федор Сологуб в Вытегре (Записи В. П. Абрамовой-Калицкой) / Вступ. статья, публ. и коммент. К. М. Азадовского // Там же. С. 261—289.

[43] 19 июня 1928 г. Секретариат Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей избрал Комиссию по изданию сочинений Ф. Сологуба в составе А. А. Ахматовой, Е. И. Замятина, Р. В. Иванова и Д. М. Пинеса (ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 138).

[44] Неточная цитата из стихотворения «Не я воздвиг ограду...» (1901; *Сологуб Ф.* Стихотворения / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. М. И. Дикман. Л., 1975. С. 257 («Библиотека поэта». Большая сер.)). Некролог атрибутирован и переиздан в работе Дм. Зубарева и М. Павловой «Об одном анонимном некрологе Федора Сологуба» (Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации. Материалы IV Международной научной конференции. СПб., 2010. С. 110—122).

друг с другом частях не представляется возможным: писем Сологуба и Чеботаревской к Иванову-Разумнику в его архиве, в огромной части погибшем в 1942—1944 годах, сохранилось лишь несколько. Согласно составленной Ивановым-Разумником перед войной описи своего архива, в нем насчитывалось 67 писем Сологуба (1912—1927) и 20 писем Ан. Н. Чеботаревской (1910—1918)[45]. О содержании утраченных писем отчасти можно судить по письмам Иванова-Разумника, отложившимся в архиве Сологуба, возможно, даже в полном объеме, но некоторые реалии и суждения в них остаются непроясненными.

Письма Иванова-Разумника к Сологубу печатаются по автографам, хранящимся в фонде Сологуба в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 296 — основной корпус писем; Там же. Оп. 6. Ед. хр. 134. Л. 1 — письмо от 15 января 1924 г., опубликованное нами ранее в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 315—316); его письма к Ан. Н. Чеботаревской — по автографам, хранящимся там же (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 109).

Письма Сологуба к Иванову-Разумнику печатаются по автографам, хранящимся в архиве Иванова-Разумника там же (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 327); письма Ан. Н. Чеботаревской к Иванову-Разумнику — по автографам, хранящимся там же (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 338).

[45] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 6.

1
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

5 окт<ября> 1910 г.
Царское Село.
Колпинская, 20.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,
охотно предоставляю Вам напечатание отрывков из моей статьи в составляемом Вами сборнике о Ф. Сологубе. Выбор отрывков, мне кажется, удобнее произвести Вам, в зависимости от размеров сборника и от содержания статей других авторов[1].

Благодарю Вас за приглашение, которым надеюсь воспользоваться[2]. Со своей стороны буду очень рад, если Вы и Федор Кузьмич, будучи в Царском Селе, посетите нас.

С совершенным уважением Разумник Иванов.

---

[1] В несохранившемся письме Ан. Чеботаревская испрашивала у Иванова-Разумника разрешения включить фрагменты из статьи «Федор Сологуб», входящей в его книгу «О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов» (СПб., 1908. С. 19—85), в составляемый ею сборник «О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки» (составлено Ан. Чеботаревской. СПб.: Шиповник, 1911; переизд.: СПб.: Навьи чары, 2002). Статьей Иванова-Разумника открывается сборник, она сопровождена составительским примечанием: «Вследствие ограниченного размера сборника статья эта, с любезного разрешения автора, появляется здесь в несколько уменьшенном объеме». В действительности статья при включении в сборник была сокращена более чем вдвое.

[2] Безусловно, подразумевается приглашение посетить Сологуба и Чеботаревскую в их новой квартире на Разъезжей ул. (д. 31), в которой они обосновались летом 1910 г.

2
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

Царское Село. 7 — XII — 1910.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,
против указанного вами объема статьи ничего не имею[1]; за обещание доставить экземпляр сборника очень благодарен[2].

Готовый к услугам Р. Иванов.

Текст — на обороте видовой открытки: Царское Село. Мраморный мост.

[1] См. п. 1, примеч. 1. В неизвестном нам письме (видимо, от 6 декабря 1910 г.) Чеботаревская сообщала Иванову-Разумнику конкретные предложения по объему сокращений его статьи.

[2] Сборник «О Федоре Сологубе» вышел в свет в августе 1911 г.

3
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

2 окт<ября> 1912 г<ода>

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,

извиняюсь за промедление в ответе, — я уезжал в Финляндию и вернулся только сегодня. — На Ваш вопрос не могу, к сожалению, дать удовлетворительного ответа: письма Белинского к невесте и жене все уже напечатаны и в них нет интересующего Вас материала[1]; что же касается писем Чернышевского, то советую Вам обратиться к лицу, разрабатывающему архив Ч<ернышевск>ого; это — Евгений Александрович Ляцкий[2]. Адрес его мне теперь неизвестен — но писать ему можно на редакцию журнала «Современник»[3].

Готовый к услугам Р. Иванов.

---

[1] Вопросы Чеботаревской были связаны с подготовкой ею сборника «Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века» (М., 1913). Письма В. Г. Белинского к невесте и затем жене Марии Васильевне Орловой (Белинской; 1812—1890), классной даме московского женского Александровского института, к 1912 г. в большинстве своем были опубликованы Г. А. Джаншиевым в «Русских ведомостях» (1895. 4 апр. № 101; 15 июня. № 163; 7 июля. № 185; 1898. 25 июня. № 112; 7 июля. № 124) и в сборниках «Помощь голодающим» (М., 1892), «Почин» (М., 1896), «Памяти В. Г. Белинского» (М., 1899), «Дело» (М., 1899), а также А. В. Орловой в сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» (М., 1897). Часть писем Белинского жене была впервые опубликована позднее — в изд.: *Белинский*. Письма / Редакция и примеч. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. III. В сборник, составленный Чеботаревской, включены письма Белинского к М. В. Орловой от 7 и 14 сентября 1843 г. (С. 475—484).

[2] Литературный критик, этнограф и историк литературы Е. А. Ляцкий (1868—1942) был с 1904 г. женат вторым браком на В. А. Пыпиной, дочери А. Н. Пыпина, которому отошел архив Н. Г. Чернышевского; после смерти Пыпина хранительницей архива стала его дочь. На основе материалов архива Ляцкий в 1900—1912 гг. опубликовал цикл статей о Чернышевском. В сборник «Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века» вошли три письма Чернышевского к О. С. Чернышевской — от 18 апреля 1868, 29 апреля 1870 и 11 октября 1872 г. (С. 531—537).

[3] Ляцкий был редактором петербургского ежемесячного литературно-политического журнала «Современник» с февраля 1912 до июля 1913 г. См.: *Муратова К. Д.* «Современник» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Большевистские и общедемократические издания. М., 1984. С. 168—195.

Еще ранее (видимо, 1 сентября 1912 г.) Чеботаревская обратилась к Ляцкому, как руководителю петербургского акционерного издательства «Огни», с предложением опубликовать подготовленный ею сборник, положительного отклика не получившим. Приводим текст ее письма (ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 2. Ед. хр. 540):

Многоуважаемый г. редактор.

Простите — пишу, не зная Вашего имени, и не будучи знакома лично. Не пожелали бы Вы издать мою книгу, сборник любовных писем людей искусства (поэтов, художников, выдающихся мыслителей, писателей) под

названием «Любовный Курган», который я теперь заканчиваю собирать и намереваюсь издать в конце сентября. Хотелось бы издать красиво, с обложкой и заставками худ<ожника> С. Судейкина и предисловием моего мужа — Ф. Сологуба, — цену назначить рубля 3. У меня собраны письма (только характерные — выбранные по 1—2) Герцена, Успенского, Огарева, Жуковского, Пушкина, Тургенева, Мирабо, Гете, Шиллера, Лассаля, Гамбетты, Стендаля, Бетховена, Вагнера, Клейста, г-жи Ролан, г-жи Сталь, В. Гюго, Ж. Занд, Ал. Мюссе и много других. Идея книги — характер человека в его любовном проявлении. От издателя хотелось бы получить процентов 25 стоимости книги, — часть денег при сдаче рукописи (листов 16—18). Благоволите сообщить Ваш принципиальный ответ

Анст. Чеботаревской-Сологуб.

4
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

2 окт<ября> 1912 г<ода>

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

не можете ли Вы дать журналу «Заветы» (в редакцию которого я вступил с сентября месяца)[1] Ваши стихотворения и рассказы? Быть может, есть у Вас что-либо и большего размера на 1913 год? Очень хотел бы получить от Вас утвердительный ответ.

С совершенным уважением

Р. Иванов-Разумник.

Текст — на почтовой бумаге журнала «Заветы».

[1] Ежемесячный литературный и общественно-политический журнал «Заветы» издавался в Петербурге с апреля 1912 г. Иванов-Разумник с сентября 1912 г. заведовал в нем литературно-критическим отделом, став одним из трех (наряду с В. С. Миролюбовым и В. М. Черновым) руководителей издания.

5
СОЛОГУБ — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

<3 октября 1912 г. Петербург>

Многоуважаемый Разумник Васильевич,

Очень благодарен Вам за Ваше лестное внимание ко мне, и с удовольствием исполню Ваше желание, если, конечно, условия гонорарные не окажутся отпугивающими; может быть, Вы будете любезны ознакомить меня с этою стороною дела. Надеюсь, что Редакция Заветов будет любезна высылать мне этот журнал.

С истинным уважением Федор Тетерников.

Ответ на п. 4. Датируется по почтовому штемпелю. Карандашная помета рукой Иванова-Разумника: «3/X 1912. СПб.».

6
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

5 окт<ября> 1912 <года>

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

очень рад я, что Вы согласны дать «Заветам» свои произведения и тем самым содействовать молодому журналу. — Что касается гонорарных условий, то конечно, журнал (к тому же только организующийся) не может предложить сотрудникам такого гонорара, который для них обычен в альманахах. Высший гонорар, полученный пока в «Заветах»*, равняется 300 р. за лист (40000 букв); такую сумму получили А. Ремизов и М. Пришвин[1]. Выше этой полистной платы журнал пока не в состоянии идти.

Стихотворения (Блока, Балтрушайтиса)[2] оплачивались журналом по 50 к. за строчку.

Если подобные условия представляются Вам приемлемыми, то не откажите сообщить, что именно могли бы Вы дать журналу и в ближайшем будущем, и, предположительно, на 1913 г. Последнее необходимо для составляемого нами «проспекта» на будущий год.

О высылке Вам «Заветов» мною сделано распоряжение.

С совершенным уважением

Р. Иванов.

Ответ на п. 5. Текст — на почтовой бумаге журнала «Заветы».

[1] Подразумеваются публикации в «Заветах»: «Иван-Осляничек (Из сказаний у Семибратского кургана)» М. М. Пришвина (1912. № 2, май. С. 5—30; № 3, июнь. С. 5—29) и, видимо, к тому времени еще не вышедший в свет «Бисер малый от словес Дебренского старца» А. М. Ремизова (1912. № 8, ноябрь. С. 42—60).

[2] К тому времени в «Заветах» были опубликованы стихотворения А. Блока «Авиатор» (Апр. № 1. С. 62—63), «Сусальный ангел», «Повеселясь на буйном пире...» (№ 2. С. 56—57), стихотворения Ю. Балтрушайтиса «Мой щит» (Июль. № 4. С. 44), «Вехи», «Слухом новым» (Сент. № 6. С. 129—130).

7
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

23 октября 1912. СПб.

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

ввиду того, что Вы желали выяснить, в каком направлении мог бы быть изменен Ваш договор с изд<ательством> «Шиповник» в случае перехода собрания Ваших сочинений изд<ательст>ву «Сирин»[1], — я уполномочен этим последним издательством сообщить Вам три основных пункта этого предполагаемого договора:

---

* После моего вступления в редакцию. (*Примеч. Иванова-Разумника.*)

1. Гонорар Ваш устанавливается в размере 25% с номинальной стоимости каждой новой издающейся и старой переиздающейся книги собрания Ваших сочинений.

2. Срок договора, вместо имеющегося ныне в Вашем договоре пункта: «до продажи 30000 экз<емпляров> “Мелкого Беса”», — определяется *5-ью годами*, т. е. по октябрь 1917 года.

3. Долг Ваш изд<ательст>ву «Шиповник» уменьшается до размера около 5200 рублей (приблизительно; точную цифру сообщу), которые Вы и погашаете изд<ательст>ву «Сирин» следующим образом: из 25% авторского гонорара Вы получаете 70%, а 30% идут на погашение этого долга, который таким образом может быть погашен в 2 ½ года при ежегодном издании 4-х книг.

Если эти условия для Вас приемлемы, — изд<ательство> «Сирин» немедленно подписывает такой договор с Вами и приобретает от «Шиповника» Ваше собрание сочинений; если условия покажутся Вам неприемлемыми, — то отпадает и самое приобретение издания «Шиповника».

Срок подписи договора между «Шиповником» и «Сириным» — четверг 25 октября. Но, повторяю, договор этот будет подписан только в случае Вашего согласия на него, которое Вы закрепите соответственным письмом в «Шиповник»; в случае Вашего отказа — изд<ательство> «Сирин» ограничится приобретением собр<ания> соч<инений> А. Ремизова, письменное согласие которого уже имеется[2].

Таким образом переход в новое издательство или оставление в старом — зависит теперь всецело от Вас, многоуважаемый Федор Кузьмич. В ожидании Вашего ответа остаюсь

с совершенным уважением

Р. Иванов[3].

---

[1] Петербургское издательство «Сирин» было основано 10 октября 1912 г. сахарозаводчиком и меценатом М. И. Терещенко и его сестрами П. И. Терещенко и Е. И. Терещенко, ближайшее отношение к начинанию имел А. М. Ремизов, к ведению редакционных дел издательства был привлечен Иванов-Разумник (см.: «Сирин» — дневниковая тетрадь А. Ремизова / Предисловие, публикация и примечания А. В. Лаврова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб.; Салерно: Europe Orientalis, 2003. С. 229—248; *Голлербах Е. А.*, *Мухаркин Д. М.* Издательство «Сирин» // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: Сб. научных трудов. Вып. 12. СПб., 2004. С. 57—70). Собрание сочинений Федора Сологуба (т. 1—12) было осуществлено петербургским издательством «Шиповник» в 1909—1912 гг. 20 октября 1912 г. М. И. Терещенко писал А. А. Блоку: «Мы сегодня покончили с Шиповником, Ремизов и Соллогуб <sic!> с ними порвали и переходят к нам» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 425; ср. изложение этих слов в дневниковой записи Блока за тот же день: *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 167).

[2] Сочинения А. М. Ремизова (т. 1—8) были выпущены в свет «Шиповником» в 1910—1912 гг.; в издательстве «Сирин» это же издание было повторено не в полном составе (т. 4, 5, 7, 8) с другими титульными листами и библиографией. Ср. запись Ремизова от 27 октября 1912 г.: «За меня сегодня заплатили 1040 рб. 23 к.

“Шиповнику” и контракт мой перешел к “Сирину”» («Сирин» — дневниковая тетрадь А. Ремизова. С. 245).

[3] Текст данного письма переписан Ремизовым в его тетрадь «Сирин» (Там же. С. 244—245).

8
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

28 окт<ября> 1912. СПб.

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

от имени изд<ательст>ва «Сирин» я уполномочен сообщить Вам следующее:

После обсуждения выяснилось, что, к сожалению, ни один из выставленных вами девяти пунктов не является приемлемым для изд<ательст>ва «Сирин»[1]. — Но, разумеется, изд<ательст>во не желало бы заключать договор, из которого исключены все высказанные автором desiderata*. Если бы такой договор и был заключен, то вряд ли способствовал он совместной и дружной работе автора и издательства. — Ввиду этого, изд<ательст>во «Сирин» должно отказаться от самой мысли — приобрести от изд<ательст>ва «Шиповник» собрание Ваших сочинений[2].

С совершенным уважением

Р. Иванов.

---

[1] Речь идет о предложенных Сологубом условиях договора с «Сирином» на издание его собрания сочинений в ответ на «три основных пункта», сообщенных Ивановым-Разумником (см. п. 7, примеч. 1). 25 октября состоялась встреча Иванова-Разумника и Сологуба с целью обсуждения этого вопроса. Согласно дневниковой записи Ремизова от 23 октября 1912 г., у Терещенок и Иванова-Разумника относительно издания Сологуба было принято предварительное решение: «Приехал М. И., а за ним П. И. и Е. И., подошел Р. В. Речь о Сологубе. Решили так: заломается, — Бог с ним» («Сирин» — дневниковая тетрадь А. Ремизова. С. 243); ср. записи Ремизова от 25 октября: «Р. В. о Сологубе докладывал. Нет, с ним дело не выйдет»; от 27 октября: «Сологубу отправлен отказ» (Там же. С. 245).

[2] Ср. дневниковую запись А. Блока от 29 октября 1912 г. (со слов Ремизова): «С Сологубом “Сирин” переговоры прекратил <...>» (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 171).

9
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

31/X 1912.

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

из письма к Вам Михаила Ивановича Вы знаете, что, согласно Вашему желанию, переговоры наши возобновятся в пятницу[1];

---

* пожелания (*лат.*).

очень буду рад, если на этот раз мы придем к положительному результату[2].

С совершенным уважением

Р. Иванов.

Текст — на почтовой бумаге журнала «Заветы».

[1] См. п. 8, примеч. 1, 2. Пятница — 2 ноября. В письме от 30 октября 1912 г. М. И. Терещенко предлагал Сологубу зайти к нему в этот день вместе с Ивановым-Разумником: «Как он, так и мои сестры и я очень будем рады возобновить переговоры» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 676). Инициативу в данном случае проявил Сологуб; 30 октября Ремизов записал: «Сологуб прислал письмо М. И. Пишет, что не требования представлял он, а пожелания» («Сирин» — дневниковая тетрадь А. Ремизова. С. 247).

[2] В результате переговоров между Сологубом и «представителем издательства “Сирин”» Р. В. Ивановым был заключен в ноябре 1912 г. договор сроком на 5 лет (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 39. Л. 4—5); приводим его основные положения:

> 1) Ф. К. Тетерников предоставляет издательству «Сирин» право издания собрания всех своих стихотворных, беллетристических, драматических и критических произведений (а из переводных — стихотворения Верлена), как уже опубликованных или уже в рукописях находящихся, так и впредь могущих быть написанными во время существования сего договора. При этом Ф. К. Тетерников обязуется во время действия сего договора ни самолично, ни чрез другие издательства не издавать своих оригинальных произведений и стих<отворений> Верлена ни отдельными книгами, ни собраниями, за исключением книг небольшого размера, стоимостью до 30 коп. за книгу, или изданий роскошных, цена которых должна быть не менее 50 коп. за печатный лист, причем и тех и других может быть им издано не более, как по одной книге в год.
>
> 2) Собрание сочинений заключает в себе 12 томов, изданных издательством «Шиповник». Сверх этого издательство «Сирин» обязуется выпускать из печати все представляемые Ф. К. Тетерниковым новые томы Собрания сочинений или отдельные книги, но не больше четырех томов в год и не позднее 3 месяцев со дня представления Ф. К. Тетерниковым оригинала тома или книги. Каждый новый том, размером не менее 12 листов в 40000 букв, должен быть издан в количестве 2000 экземпляров. <...>
>
> 7) Издательство «Сирин» уплачивает Ф. К. Тетерникову в качестве гонорара 25% с номинальной цены каждой вновь выходящей в издательстве его книги, причем номинальная цена определяется издательством; гонорар этот уплачивается в день выхода книги из печати. При подписании договора издательство «Сирин» уплачивает издательству «Шиповник» долг последнему со стороны Ф. К. Тетерникова, в размере <пропуск в тексте. — *А. Л.*>, причем долг этот подлежит постепенному погашению со стороны Ф. К. Тетерникова издательству «Сирин» из гонорара за издаваемые издательством «Сирин» книги сочинений Ф. К. Тетерникова, а именно: из причитающейся на основании сего пункта суммы, 30% удерживается в погашение аванса и 70% выдается на руки Ф. К. Тетерникову.

10
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

13 ноября 1912*.

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

извиняюсь, что не могу заехать сегодня сам и прочесть Вам договор в окончательно выработанной формулировке[1]. Все Ваши поправки и пожелания вошли в договор, за исключением пп. 10 и 11, которые остались в прежней формулировке изд<ательст>ва. Новые две фразы внесены в пп. 3 и 10 — но они выражают то, о чем мы уже говорили при последнем разговоре. Внесено и еще несколько новых фраз (пп. 1, 4).

Если бы Вы успели до завтра прочесть прилагаемый договор и побывать *завтра, 14-го, около 4 ч. дня в «Сирине»* для последнего обмена мнениями — (о существенном и крупном говорить уже не придется), то в четверг или пятницу мы могли бы уже и подписать договор.

С совершенным уважением

Р. Иванов.

P. S. В заключение — просьба, с которой Вы разрешили мне обращаться к Вам: нельзя ли через Ваше содействие получить на *четверг* 15-го *два* билета (кресла) в «Кривое Зеркало», где идет Ваша премьера[2]? Очень обяжете.

Р. И.

---

[1] Речь идет о договоре между издательством «Сирин» и Федором Сологубом об условиях издания его Собрания сочинений. См. п. 9, примеч. 2.

[2] 15 ноября 1912 г. в Екатерининском театре «Кривое зеркало» З. В. Холмской состоялась премьера спектакля «Творимые легенды» в постановке Н. Н. Евреинова в трех частях: I. «Всегдашни шашни». Драматическая сказка в 2-х действиях Федора Сологуба (сценическая версия его драмы «Ванька ключник и паж Жеан»); II. «Объявляется перерыв». Юмореска Д. Джансона; III. «Священный черный лебедь (Капитолия)» в 2-х действиях Б. Гейера, музыка В. Г. Эренберга. См.: Обозрение театров. 1912. 15 нояб. № 1911. С. 5, 32.

11
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

17 декабря 1912 г.

Г-же А. Н. Чеботаревской.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,

Михаил Иванович уехал в Москву, и ответить на Ваше письмо к нему (и ко мне) поручили мне издательницы[1]. Ответ этот заклю-

---

* В *автографе описка:* 1913.

чается в том, что издание переводной литературы пока совершенно не входит в предположения издательства; таким образом и интересный роман Стендаля не может быть, к сожалению, напечатан у нас[2].

С совершенным почтением Р. Иванов.

Текст — на почтовой бумаге издательства «Сирин». Машинопись; подпись — автограф.

[1] Владельцы издательства «Сирин» — М. И. Терещенко и его сестры Е. И. и П. И. Терещенко.

[2] Речь идет о выполненном Чеботаревской переводе романа Стендаля «Красное и черное» («Le rouge et le noire», 1831), — первом его полном переводе на русский язык, который вышел в свет в Москве в издательстве К. Ф. Некрасова в 1915 г.

12
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

18 декабря 1912 <года>

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,

вчера я отправил Вам ответ «Сирина» о романе Стендаля[1]; сегодня мне подумалось — не подойдет ли этот роман для напечатания в «Заветах» 1913 г. — Будьте любезны обратиться с этим предложением к Ю. К. Балтрушайтису, который теперь, с 1913 г., заведует отделом переводной беллетристики в «Заветах»[2]. Адрес его: Москва, Покровка, д. 10, кв. 18.

С совершенным уважением Разумник Иванов.

---

[1] См. п. 11.

[2] Поэт и переводчик Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873—1944) стал руководить подготовкой переводных произведений для журнала «Заветы» с января 1913 г. См.: Ю. К. Балтрушайтис. Письма к В. С. Миролюбову и Р. В. Иванову-Разумнику / Публикация Б. Н. Капелюш // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 159—177. Последовала ли Чеботаревская совету Иванова-Разумника, неизвестно.

13
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

11-го марта 1913 г.

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

письмо Ваше получено, расписание дней и городов также[1]; оригинал тома XIII-го, примечания к III тому и указатели к тому пятому доставлены в «Сирин»[2]. Ждем теперь от Вас только т. VI, с которым необходимо поспешить[3].

Правильно ли доставляет вам корректуры типография?

Прилагаю к этому письму два образца бумаги для обложек. Если Вы остановитесь на одном из них, то тома III, V, VI, XIII выйдут

уже в переплете и с новыми буквами Н. К. Калмакова (его «второй вариант»)[4].

С искренним пожеланием всего лучшего

Р. Иванов.

P. S. Насчет бумаги желателен самый скорый ответ, хотя бы телеграммой № бумаги.

Текст — на почтовой бумаге издательства «Сирин». Отправлено в Симферополь до востребования (штемпель получения: 13.3.13).

[1] В неизвестном нам письме Сологуб оповещал Иванова-Разумника о предпринятом им в марте 1913 г. турне по югу России совместно с Ан. Н. Чеботаревской и Игорем Северянином; в программу выступлений входили лекция Сологуба «Искусство наших дней», чтение стихотворений Сологуба автором, Ан. Н. Чеботаревской и Северянином и чтение стихотворений Северянина автором. Письмо содержало указания о том, в какие дни в каких городах Сологуб будет находиться. См.: Игорь Северянин. Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. Л. Н. Ивановой и Т. В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб., 2009. С. 705—709.

[2] Подразумеваются библиографические примечания к тому III («Земные дети. Рассказы») Собрания сочинений Сологуба (СПб.: Сирин, 1913. С. 233) и указатели алфавитный и хронологический к тому V («Восхождения. Стихи». СПб.: Сирин, 1913. С. 221—237). Том XIII — «Жемчужные светила. Стихи» (СПб.: Сирин, 1913).

[3] В томе VI Собрания сочинений Сологуба (СПб.: Сирин, 1913) был помещен роман «Мелкий бес» (6-е издание).

[4] Живописец, график, театральный художник Николай Константинович Калмаков (1873—1955) выполнил эскизы обложек для Собрания сочинений Сологуба в издательстве «Сирин».

14
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

22 — V — 1913. СПб.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,
рецензия Ваша пойдет в одном из ближайших №№ «Заветов»[1]; — статья Долинина о Федоре Кузьмиче будет напечатана у нас с очень большими изменениями и сокращениями[2].

Благодарю Вас за приглашение и рад буду побывать у Вас при первой возможности[3], — но это удастся мне сделать только в начале следующего «сезона».

С совершенным уважением Р. Иванов.

---

[1] Речь идет о рецензии Ан. Чеботаревской на кн.: Утренняя звезда. Сб. стихов для отрочества. Стихи Бальмонта, Брюсова, Блока, Гиппиус, Фета, Сологуба, Мережковского, Тютчева и др. по выбору Н. и С. Тамамшевых. Изд-во «Просвещение» (Заветы. 1913. № 9. Отд. II. С. 228—229).

[2] Аркадий Семенович Долинин (наст. фам. Искоз; 1880—1968) — историк русской литературы, критик. Имеется в виду его статья «Отрешенный (К психологии творчества Федора Сологуба)» (Заветы. 1913. № 7. Отд. II. С. 55—85).

[3] См. п. 1, примеч. 2.

15
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

31 мая 1913 г.

Дорогой Федор Кузьмич,

сегодня «Сирин» послал Вам телеграмму; по получении ответа можно будет вновь приступить к переплету 3, 5, 6 и 13-го томов[1].

В начале июня Вы еще застанете меня в Петербурге; я уеду, вероятно, не раньше 10-го и вернусь к 1-му июля. Заведующего конторой зовут Сергей Яковлевич Осипов[2], — сообщаю на случай, если Вам понадобится обратиться в Сирин в мое отсутствие.

Ваш цикл стихов, статья о Вас и заметка Анастасии Николаевны — все это пойдет в июльском номере «Заветов»[3]. В июньском я печатаю серию стихов одного малоизвестного поэта, — его стихами за последнее время я сильно увлекаюсь[4]. Интересно будет знать Ваше впечатление. Стихи эти я уже читал и Белому, и Брюсову, когда они на днях были проездом в Петербурге[5]; оба — обрадованы, а Вал<ерий> Яковл<евич> согласился даже написать предисловие к сборнику этих стихов[6]. Будете в Петербурге — я у Вас отниму минут десять и прочту некоторые стихотворения.

Искренний привет.

Ваш Р. Иванов.

P. S. Еще одно частное дело. Вы знаете о том смешном и ненужном споре, который вот уже месяц ведется на страницах газет, — сказал ли председатель рел<игиозно>-фил<ософского> о<бщест>ва напечатанные мною его слова[7]. Теперь уже и сам Карташев отрекся от них[8]; такого малодушия я не ожидал. С последней статьей в № 5 «Заветов» — заканчиваю навсегда всю эту «полемику»[9], Карташеву уже написал личное письмо. Но все-таки мне очень ценны «воспоминания» людей, бывших на этом заседании конца января. Если я не ошибаюсь, были на нем Анастасия Николаевна и Вы; я очень был бы благодарен за пару строк по поводу этих слов председателя. Никакому опубликованию эти строки, конечно, подлежать не будут, — я больше ни в какие «полемики» с рел<игиозно>-фил<ософским> о<бщест>вом вступать не буду. Заранее благодарю за какой бы ни было ответ.

Ваш Р. Иванов.

Текст — на почтовой бумаге издательства «Сирин». Отправлено по адресу: Иевве Балтийской жел. дор., дер. Тойла, дача Егора Мягара. (Сологуб и Чеботарев-

ская прожили в Тойле все лето 1913 г. — с 26 мая по 6 сентября.) Помета Сологуба на конверте: «отв. 3 ин.».

[1] См. п. 13, примеч. 3, 4.

[2] С. Я. Осипов (1888—1948) — бухгалтер на книжном складе М. М. Стасюлевича, с октября 1912 г. — заведующий конторой издательства «Сирин». См. о нем предисловие Е. Р. Обатниной к ее публикации «Переписка А. М. Ремизова с С. Я. Осиповым (1913—1923)» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 218—223).

[3] Подразумеваются цикл из 8 стихотворений Федора Сологуба «Мечта» (Заветы. 1913. № 7. Отд. I. С. 5—12), статья А. Долинина «Отрешенный» (см. п. 14, примеч. 2) и рецензия Ан. Чеботаревской, перенесенная в № 9 «Заветов» (см. п. 14, примеч. 1).

[4] Речь идет о цикле из 8 стихотворений поэтессы Марии Людвиговны Моравской (1889—1947) «Немного жалости» (Заветы. 1913. № 6. Отд. I. С. 5—12).

[5] Иванов-Разумник встречался с Андреем Белым в Петербурге 11 мая, а также в конце мая 1913 г., когда Белый направлялся через Петербург в Гельсингфорс и на его обратном пути из Гельсингфорса (см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 8, 9). В. Я. Брюсов приезжал в Петербург в середине третьей декады мая 1913 г.

[6] Первая книга стихов Моравской «На пристани» (СПб., 1914) вышла в свет без предисловия Брюсова. О том, что Брюсов пытался написать таковое, свидетельствует отложившаяся в его архиве заметка «Объективность и субъективность в поэзии» (РГБ. Ф. 386. Карт. 37. Ед. хр. 5. Л. 27). Рукописный сборник стихотворений Моравской Иванов-Разумник отправил Брюсову 8 июня 1913 г., добавляя в письме: «Очень много раз перечитал я эти стихотворения, и продолжаю ценить в них то “свое”, что создает лицо книги. Есть зависимость (от Блока, Кузмина — но не от Анны Ахматовой, которая менее “я”; менее талантлива) <...>» (*Суперфин Г. Г., Тименчик Р. Д.* Письма А. А. Ахматовой к В. Я. Брюсову // Cahiers du monde russe et soviétique. 1974. Vol. XV. № 1/2. С. 186). 29 мая 1913 г. Иванов-Разумник писал жене, В. Н. Ивановой: «Я очень увлекся стихами Моравской, больше чем Игорем Северяниным; прочел их Брюсову и убедил его написать к сборнику этих стихов предисловие» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 198).

[7] Религиозно-философское общество в Петербурге было основано в 1907 г., его председателем был с 29 октября 1912 г. Антон Владимирович Карташев (1875—1960), богослов и историк церкви. В статье «Клопиные шкурки» (из авторского цикла «Литература и общественность») Иванов-Разумник, критически оценивая деятельность Религиозно-философского общества, в частности, сообщал: «На одном из последних заседаний общества сам председатель его в горячей речи назвал то, что они там делают, — религиозным блудом, религиозным развратом. Это очень резко сказано; но я готов думать, что председатель религиозно-философского общества глубоко и печально прав» (Заветы. 1913. № 2. Отд. II. С. 108). После этого в «Письме в редакцию» газеты «Речь» Д. В. Философов (товарищ председателя Общества) обвинил Иванова-Разумника в «искажении фактов» («поклеп») и в извращении действительного смысла выступления Карташева, который не относил слова о «религиозном блуде» к деятельности Общества в целом (1913. 6 мая. № 121. С. 5). В ответ Иванов-Разумник заверял Философова, что доподлинно передал смысл слов Карташева: «Я еще раз утверждаю, что слова эти были произнесены г. А. Карташевым, я имею основание думать, что от мысли своей он не может отречься» (Речь. 1913. 11 мая. № 126. С. 6); вместе с его «Письмом в редакцию» был напечатан и «Ответ» Философова, в котором статья Иванова-Разумника расценивалась как «неудачный, литературно-непринятый выпад журналиста против

руководителя известного общественного дела»: «Восстановить же истину я <...> счел своим прямым долгом, особенно ввиду временного отсутствия Карташева» (Там же. С. 6—7). См.: *Ермичёв А. А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907—1917). Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 143.

[8] В «Письме в редакцию» (Аббация, 21 мая) А. В. Карташев, касаясь «странного спора» между Ивановым-Разумником и Философовым, сообщал: «Только пребывание вдали от Петербурга не позволило мне вступить в этот спор своевременно» — и заявлял:

«Никогда, ни в одном из заседаний религиозно-философского общества, председателем коего имею честь состоять, я не называл его деятельность религиозным блудом и развратом и назвать не мог, находясь в здравом уме и твердой памяти.

Конечно, и публично, и в частной беседе, я произносил и, вероятно, еще тысячу раз буду произносить такие же, или точнее сказать, — лишь подобные слова, но по совершенно другому, враждебному нам, адресу.

Возникшее отсюда чудовищное недоразумение могло явиться только у людей, чуждых понимания религии» (Речь. 1913. 27 мая. № 142. С. 4). Ср. отклик Иванова-Разумника в письме к жене от 29 мая 1913 г.: «А читала ты “отречение” Карташева? Вот малодушие! Печатно я ему больше ничего не отвечу, а личное письмо напишу большое» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 198).

[9] В статье «“Полемика” и “критика”» (в авторской рубрике «Литература и общественность») Иванов-Разумник, подводя итоги своей полемике с Философовым и Антоном Крайним (З. Н. Гиппиус) по поводу статьи «Клопиные шкурки», заключал: «...для чего они начали всю эту нелепую полемику, в которой их так легко побить фактами? Мне стыдно перед читателями, что я трачу время на такую праздную “полемику”, вынужденный на это обвинениями гг. Крайних и Философовых в “чудовищном искажении факта”. Но теперь, когда всякому ясно, кто пытался искажать факты, я только спрошу: удалось ли руководителям религиозно-философского общества затушевать подобными “полемическими приемами” сущность моей статьи об этом обществе? Думаю, что нет» (Заветы. 1913. № 5. Отд. II. С. 140). С многочисленными подробностями вся эта история освещена в статье: *Белоус В.* Об одном инциденте в петербургском Религиозно-философском обществе и его последствиях // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009. С. 55—69.

16
ЧЕБОТАРЕВСКАЯ — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

<Начало июня 1913 г. Тойла>

Глубокоуважаемый Разумник Васильевич.

На вопрос Ваш — были ли мы свидетелями слов Карташова в Рел<игиозно>-Фил<ософском> Об<щест>ве, сообщаю: я — была свидетельницей (Ф. К. *не* был тогда в заседании). Карташов, конечно, сказал тогда *буквально* все эти слова, но я думаю, что *не в* том смысле, какой можно было придать его словам (буквальным), принимая во внимание всю его деятельность и увлечение идеями этого Об<щест>ва. Но сказано было это все край<не> неосторожно и нетактично (как председателю Об<щест>ва публично нельзя таких

«п<о>каяний» приносить — это мож<но> «интимно» — внутри, в Совете что ли, «между собой»). Помню <?> даже, когда я, сойдя вниз с провожавшим меня А. Румановым[1], встретила у вешалки К. Арабажина и Е. Семенова[2], то слышала, как последние оба злорадствовали по поводу этих слов (это все, конечно, я пишу *Вам*) говоря: Ну, кажется, первый раз здесь раздались «настоящие» слова. — Выходит, по-моему, значит: что Вы *несомненно* правы, но и Философов и Гиппиус вправе волноваться[3] (<*нрзб*>) п<отому> ч<то> Карташов подразумевал очевидно что-то другое под своими словами.

Мне лично очень жаль, что вся <?> эта глупая и ненужная полемика разгорелась между людьми, которых мы *всех* уважаем, любим и знаем как почти равноценно относящихся ко многому в жизни и литературе. Ведь так много *настоящих* врагов, так много и упорно надо бороться!

10-го июня я буду в П<етербурге>. — Если Вы будете в «Сирине», я зайду (позвоню) за книжками Ф. К.[4] Пока — всего лучшего! С искренним приветом

Анс. Чеботаревская.

Ответ на п. 15. Текст поврежден.

---

[1] Аркадий (Абрам) Вениаминович Руманов (1876—1942) — помощник присяжного поверенного, директор правления издательства «Т-во А. Ф. Маркс», журналист, заведующий петербургским отделением московской газеты «Русское слово». См. о нем: *Яковлева Е. П.* Блок и А. В. Руманов // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. IV. Музей-квартира А. Блока: материалы научных конференций. СПб., 1999. С. 232—245.

[2] Константин Иванович Арабажин (1866—1929) — литературный и театральный критик, историк литературы. Евгений Петрович Семенов (Соломон Моисеевич Коган; 1861? — 1944) — журналист, корреспондент журнала «Mercure de France».

[3] Зинаида Николаевна Гиппиус (Антон Крайний) подвергла критике статью Иванова-Разумника «Клопиные шкурки» в своем обзоре «Журнальная беллетристика»: «... статью скорее можно бы охарактеризовать как “распространение заведомо ложных слухов”. <...> Относительно петербургского религиозно-философского общества г. Иванов-Разумник <...> говорит: “сам председатель назвал его религиозным блудом, религиозным развратом”. Г. Иванов-Разумник *знает*, что этого не было. И не могло быть, потому что г. Карташев, председатель, естественно ушел бы тогда от председательства; назвать свое дело “блудом” и затем продолжать его мог бы только человек больной, невменяемый» (Русская мысль. 1913. № 4. Отд. III. С. 28—29). В ответной реплике («постскриптуме» к статье «Было или не было?») Иванов-Разумник замечал: «Г. Антон Крайний отрицает факт произнесения председателем произнесенных им слов, и заявляет: “этого не было”. Но ведь на заседании присутствовало сотни полторы человек, и я не сомневаюсь, что многие из них обратили внимание на эти слова председателя и, несомненно, подтвердят, что *было* то, о чем г. Антон Крайний утверждает обратное истине» (Заветы. 1913. № 4. Отд. II. С. 150).

[4] В первую декаду июня 1913 г. вышел в свет том XIII Собрания сочинений Федора Сологуба. См. также п. 17.

17
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

11 июня 1913 г.

Дорогой Федор Кузьмич,

очень благодарен за память — за присылку Вашей книги с надписью[1]. Вышел уже т. V, на днях выходит т. VI[2]; по указанному Вами списку экземпляры разосланы конторой «Сирина».

Вы очень верно отметили большую зависимость молодого и начинающего Евг. Замятина от А. М. Ремизова[3]; хотя это и не «одно лицо», но стиль, тема, разработка ее — все «ремизовское». Но я не думаю, что это только «эпигонство», т<ак> к<ак> в рассказе много премилых «своих» черточек. С интересом буду ждать второй вещи этого начинающего писателя.

Я уезжаю из Петербурга на две недели (15—30 июня)[4]; мой адрес — Везо, Эстляндия, дача Нелуса. Сегодня хотела заглянуть в «Сирин» Анастасия Николаевна, которой я вручу и это письмо, и новый том (V), только что вышедший.

Искренне уважающий

Р. Иванов.

P. S. Стихи, о которых я Вам писал, — не Эренбурга[5]. Я вышлю Вам их оттиск из VI книги «Заветов».

Текст — на почтовой бумаге издательства «Сирин».

[1] См. п. 16, примеч. 4.

[2] Том VI «сиринского» Собрания сочинений Сологуба («Мелкий бес») зарегистрирован «Книжной летописью» как вышедший в свет лишь во второй половине сентября 1913 г.

[3] Видимо, в несохранившемся письме к Иванову-Разумнику от 3 июня 1913 г. (см. п. 15) Сологуб отозвался о повести Евгения Ивановича Замятина (1884—1937) «Уездное», опубликованной в «Заветах» (1913. № 5. Отд. I. С. 46—99).

[4] Ср. сообщение в письме Иванова-Разумника к А. М. Ремизову от 11/24 июня 1913 г.: «Еду я завтра в Везо и пробуду там до 1-го июля» (Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944 гг.) / Публикация Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона. Вступ. заметка и коммент. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. Вып. II. СПб., <1998>. С. 78).

[5] См. п. 15, примеч. 4. Предположение об Эренбурге Сологуб, видимо, высказал в том же несохранившемся письме. К лету 1913 г. Илья Григорьевич Эренбург (1891—1967) был уже автором четырех поэтических сборников: «Стихи» (Париж, 1910), «Я живу» (СПб., 1911), «Одуванчики» (Париж, 1912), «Будни» (Париж, 1913).

18
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

24 июля 1913 г<ода>

Дорогой Федор Кузьмич,
обращаюсь к Вам со следующей просьбой: не пожелаете ли Вы дать для «1-го сборника Сирина» (выйдет в сентябре) цикл стихотворений? Содержание сборника такое: предполагаемые Ваши стихи, начало романа А. Белого «Петербург», пьеса А. Блока и «лимонарные» вещи Ремизова[1].

Если бы Вы прислали цикл стихов (стихотворений 8—12, по Вашему желанию) еще до конца этого месяца, то я успел бы поместить эти стихи в начале сборника. — Если у Вас есть уже готовых несколько циклов, то, быть может, Вы пришлете их в «Сирин» для ознакомления?

И еще одно: когда предполагаете Вы доставить нам 2-ой том «Слаще яда»[2]? Том XIV уже отпечатан[3].

Всего лучшего, жму Вашу руку.

Р. Иванов.

P. S. Цикл «Мечта» напечатан в № 7 «Заветов» (выйдет на днях)[4]; к сожалению, из-за недостатка места пришлось поместить лишь 8 стихотв<орений>. В том же №-ре найдете и статью о себе[5].

Р. И.

Текст — на почтовой бумаге издательства «Сирин».

[1] «Сирин» (Сб. первый. СПб., 1913) вышел в свет во второй половине октября 1913 г. В нем были напечатаны главы I и II романа Андрея Белого «Петербург», драма А. Блока «Роза и Крест», прозаический цикл А. Ремизова «Цепь златая». Сборник открывался циклом триолетов Федора Сологуба «Очарования земли» (С. 7—17; тридцать триолетов).

[2] Роман Федора Сологуба «Слаще яда» (1912) помещен в томах XV и XVI «сиринского» Собрания сочинений. Оба тома зафиксированы «Книжной летописью» как вышедшие в свет во второй половине сентября 1913 г.

[3] Том XIV Собрания сочинений Федора Сологуба («Неутолимое. Рассказы») зафиксирован как вышедший в свет в середине сентября 1913 г.

[4] Цикл стихотворений Федора Сологуба (см. п. 15, примеч. 3).

[5] Речь идет о статье А. С. Долинина «Отрешенный (К психологии творчества Федора Сологуба)». См. п. 14, примеч. 2.

19
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

30 июля 1913 г.

Дорогой Федор Кузьмич,
все, посланное Вами, получено: письма, стихи, роман[1]. (Седьмую часть романа вышлите, пожалуйста, прямо в типографию).

Пересылаю Вам полученное мною из Тифлиса и касающееся Вас письмо[2]; быть может, Вы найдете возможным дать, хотя бы через третье лицо, ответ на него.

Завтра я уезжаю на две недели из Петербурга (адрес — Везо, дача Нелуса, Эстляндия)[3]. Большое спасибо за стихи, — мне они очень нравятся; я тотчас же переслал их всем «сиринцам».

Искренний привет.

Ваш Р. Иванов.

Текст — на почтовой бумаге издательства «Сирин».

[1] Подразумеваются запрошенные в п. 18 цикл триолетов «Очарования земли» и текст романа «Слаще яда».

[2] О каком письме здесь говорится, неизвестно.

[3] Ср. сообщение в письме Иванова-Разумника к А. М. Ремизову от 2 августа 1913 г.: «Я уехал на две недели в Везо, — с 1 по 15 августа, может быть даже до 19-го, в виду двух праздников» (Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. Вып. II. С. 81).

20
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

10 авг<уста> 1913 <года>

Везо, Эстляндия. Дача Нелуса.

Дорогой Федор Кузьмич,

письмо Ваше мне только вчера переслали из Петербурга, — я с начала августа на даче, и пробуду здесь еще дней десять. Сегодня же пишу в «Заветы» о высылке Вам гонорара[1].

Не в Ваших ли краях находится Е. Г. Лундберг[2]? Мне надо ему послать письмо. Не знаете ли Вы его адреса, если он в Петербурге?

«Шелушея» — правда Ольги Форш (оглашению сие не подлежит)[3]. Сильно под Ремизова, но ведь правда — очень недурно? На днях получу ее новый большой роман[4].

Привет Анастасии Николаевне, жму Вашу руку.

Ваш Р. Иванов.

---

[1] Речь идет о гонораре за опубликованный в «Заветах» цикл стихотворений Сологуба «Мечта» (см. п. 15, примеч. 3); о нем Сологуб запрашивал Иванова-Разумника в несохранившемся письме. В тот же день (10 августа) Иванов-Разумник писал А. И. Иванчину-Писареву: «...просит гонорар за № 7 Ф. Сологуб. Его необходимо удовлетворить поскорее, — тогда получим от него обещанных два-три рассказа. Гонорар — такой же, как и К. Д. Бальмонту (контора знает)» (ИРЛИ. Ф. 114. Оп. 2. Ед. хр. 170. Л. 13).

[2] Евгений Германович Лундберг (1883—1965) — прозаик, критик; его статьи печатались в «Заветах» в 1912—1913 гг.

[3] «Шелушея» — рассказ Ольги Дмитриевны Форш (1873—1961), опубликованный в «Заветах» (1913. № 7. Отд. I. С. 13—20) под псевдонимом А. Терек.

[4] Видимо, подразумевается роман «Оглашенные», замысел которого возник в 1912 г. Работа над ним растянулась на ряд лет. Роман остался незавершенным (была окончена его первая часть), из его текста были выделены несколько самостоятельных произведений. См.: *Тамарченко А.* Ольга Форш. Жизнь, личность, творчество. Изд. 2-е, доп. Л., 1974. С. 121—134.

21
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

26 сент<ября> 1913. СПб.

Дорогой Федор Кузьмич,

сердечно благодарю за память — за только что полученные мною книги Ваши[1].

Искренне уважающий

Разумник Иванов.

---

[1] Подразумеваются, видимо, вышедшие в издательстве «Сирин» тома Собрания сочинений Федора Сологуба.

22
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

25 октября 1913 г<ода>

Дорогой Федор Кузьмич,

сборник II-ой уже заканчивается печатанием[1], размер его — достиг своего «максимального предела» (и по листам, и по гонорару). Если бы двумя-тремя неделями раньше Вы сказали о «Барышне Лизе», то, быть может, дело еще можно было бы устроить[2]. Впрочем, подробнее поговорим в воскресенье[3] вечером, когда я непременно у Вас буду.

Искренне уважающий

Р. Иванов.

Текст — на почтовой бумаге издательства «Сирин».

[1] Имеется в виду сборник второй «Сирин» (СПб., 1913), вышедший в свет в декабре 1913 г.

[2] В несохранившемся письме, судя по ответу Иванова-Разумника, Сологуб предложил для 2-го сборника «Сирин» свою повесть «Барышня Лиза».

[3] 27 октября.

23
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

5 ноября 1913 г.

Дорогой Федор Кузьмич,

пишу Вам поздно вечером, после редакционного собрания[1]. Вот с какой просьбой поручено мне обратиться к Вам: «Барышню Лизу»[2] *За-*

веты очень и очень хотели бы иметь, — если Вы сочтете возможным отдать ее журналу за *1200 р.*; при этом первые 400 р. журнал обязуется уплатить Вам *не позднее 15 ноября*, вторые 400 р. — *не позднее 15 декабря,* и третьи 400 р. — *не позднее 15 января*. Ваш гонорар — будет высший, как ни трудно журналу превысить свою «максимальную» норму — 300 р. Очень и очень просил бы Вас — не отказать «Заветам» в этой повести.

Если Вы дадите ее журналу, то мы напечатаем ее в *январьском* и *февральском* номерах (уплатив деньги авансом). На конец года ее жаль пускать[3]. И в таком случае у меня будет к Вам еще одна просьба: нельзя ли, кроме «Барышни Лизы», дать «Заветам» на *ноябрь* ту небольшую вещь, о которой мы говорили сегодня? Срок доставления ее — *11-ое ноября*, гонорар — по выходе в свет ноябрьской книги[4].

«Триолеты о футуристах» жду с интересом[5]; впрочем, это не так уж спешно: футуристский цикл пойдет в «Заветах» только в феврале месяце[6].

Искреннее пожелание всего лучшего.

Ваш Р. Иванов.

Текст — на почтовой бумаге журнала «Заветы».

[1] Собрание членов редакции журнала «Заветы».

[2] См. п. 22, примеч. 2.

[3] «Барышня Лиза» была опубликована не в «Заветах», а в сборнике третьем «Сирин» (СПб., 1914), также составлявшемся Ивановым-Разумником и вышедшем в свет в марте 1914 г.

[4] В ноябрьском номере «Заветов» за 1913 г. произведений Сологуба не было помещено. Ближайшая по времени его публикация в журнале — рассказ «Жена умного человека» (Заветы. 1914. № 2. Отд. I. С. 82—95).

[5] Подразумеваются датированные 7 октября 1913 г. триолеты Сологуба «Будетлянка другу расписала щеку...», «На щеке прекрасной будетлянки...», «Позолотила ноготки...», впервые опубликованные в «сиринском» Собрании сочинений Сологуба (Т. XVII. Очарования земли. Стихи 1913 года. СПб., 1914. С. 219—221).

[6] В № 2 «Заветов» за 1914 г. стихотворения Сологуба не были напечатаны, но в следующем (№ 3) был опубликован его цикл из 8 стихотворений «Земля родная (Триолеты)» (Отд. I. С. 1—8).

24
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

9 ноября 1913 < года>

Дорогой Федор Кузьмич,
очень досадно мне, что не могу быть у Вас сегодня вечером; только что выяснилось, что мне необходимо вернуться к вечеру в Царское Село. А очень хотелось бы провести вечер у Вас и повидать Бальмонта[1].

Искренний привет Анастасии Николаевне.

Ваш Р. Иванов.

P. S. «Барышню Лизу» вручите, пожалуйста, подателю этого письма[2].

---

[1] 8 ноября 1913 г. в Петербурге состоялось чествование К. Д. Бальмонта в литературно-художественном кабаре «Бродячая собака» (см.: *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983. Л., 1985. С. 215). На следующий день должен был состояться прием в честь Бальмонта в квартире Сологуба и Чеботаревской, на который сам герой торжества, под влиянием происшедшего накануне публичного скандала, не явился (см.: *Соболев А. Л.* Страннолюбский перебарщивает. Сконапель истоар (Летейская библиотека. II. Очерки и материалы по истории русской литературы XX века). М., 2013. С. 231—234 («Хроника одного скандала»)).

[2] Рукопись повести Сологуба «Барышня Лиза» Иванов-Разумник запрашивал для ее последующего опубликования — либо в журнале «Заветы», либо в 3-м сборнике «Сирин», где она и появилась (см. п. 23, примеч. 4).

25
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

17 января 1914 г<ода>

Дорогой Федор Кузьмич,

просьба к Вам: написать несколько строк устроителю вечера 20 янв<аря>[1], чтобы он пропустил (и дал возможность устроиться за столом) двум стенографистам. Записку об этом — передайте подателю сего.

И еще просьба: контора «Заветов» очень хотела бы (в составе 3—4 человек) быть на том «диспуте», который будет увековечен на страницах журнала[2]; нельзя ли было бы получить оной конторе хотя бы «стоячие» контр-марки?

Ваш Р. Иванов.

Текст — на почтовой бумаге журнала «Заветы».

[1] Речь идет о публичном диспуте о современной литературе, состоявшемся в Петербурге 20 января 1914 г. в зале Калашниковской биржи с участием Ф. Сологуба, Вяч. Иванова, Г. Чулкова, Е. Аничкова, В. Чудовского, Н. Недоброво, Н. Кульбина и др. (см.: Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891 — октябрь 1917). Вып. 3. 1911 — октябрь 1917. М., 2005. С. 286).

[2] В журнале «Заветы» материалы диспута были помещены в разделе «Символисты о символизме» (1914. № 2. Отд. II. С. 71—84): выступления Федора Сологуба, Георгия Чулкова и Вячеслава Иванова. В редакторском предисловии к разделу, написанном Ивановым-Разумником (подпись: «*Ред.*»), сообщалось: «В конце января настоящего года в Петербурге состоялся публичный “Диспут о современной литературе”, при участии Федора Сологуба, Вячеслава Иванова, Г. Чулкова, Евг. Аничкова и многих других представителей так называемого “символизма” и позднейших литературных течений. В сущности “диспута” никакого не было, а было только изложение с разных точек зрения мнений самих символистов о символизме. Мы предлагаем читателям здесь стенографическую запись наиболее интересных речей трех из выступавших на этом диспуте ораторов: вступительное

слово Федора Сологуба и речи Вячеслава Иванова и Георгия Чулкова. Суждения о “символизме” таких крупных представителей его, как Ф. Сологуб или В. Иванов, не могут не быть глубоко интересными и поучительными — хотя бы против них пришлось и возражать, хотя бы с ними пришлось и не соглашаться. Наше суждение о символизме читатели найдут в следующей книге журнала (в статье “Вечные пути”), а в этих речах читатели пока познакомятся с отношением к “символизму” самих современных “символистов”» (С. 71). Упомянутая статья Иванова-Разумника «Вечные пути (Реализм и романтизм)» была опубликована в № 3 «Заветов» за 1914 г. (Отд. II. С. 93—110).

26
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

24 февраля 1914 г<ода>

Дорогой Федор Кузьмич,

пересылаю Вам полученное «Сириным» письмо, касающееся Вас; сам я не могу ответить развязному иностранцу, так как не знаю, какие Ваши произведения переведены на английский и французский язык[1].

Ваш Р. Иванов.

Текст — на почтовой бумаге издательства «Сирин».

[1] Приложено письмо неизвестного (подпись неразборчива, обратный адрес: University College. Gower St. W. C. Londres) от 3 марта (н. ст.) 1914 г. на французском языке с обозначенными Ивановым-Разумником вопросами (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 296. Л. 43—43 об.).

27
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

7/20 мая 1914. СПб.

Дорогой Федор Кузьмич,

«книжные поручения» Ваши исполнены конторой «Сирина»; тт. XVII—XIX вышли[1], хорошо бы к 1 июня иметь уже в типографии и т. XX-ый[2]. Впрочем, о делах поговорим, когда вернетесь в Россию.

Берлинские впечатления Ваши напомнили мне мое пребывание в Берлине — и даже целую большую статью, посвященную описанию этого пребывания[3]. Я напечатал ее в «Заветах» года полтора тому назад (курьеза ради посылаю ее Вам). Берлин для меня — то же, что «Петербург» для Андрея Белого: кошмар; но вполне «реальный», с кровью и мясом (— с пивом и сосисками)[4]. От кошмара этого никуда не спрячешься — и он все больше и больше проявляется в нашей русской жизни. Отмахнуться от него нельзя, преодолеть его, пройти через него — надо.

Искренний привет.

Ваш Р. Иванов.

Письмо отправлено в Монако (почтовый штемпель получения: 6.6.14), где Сологуб и Чеботаревская побывали в ходе своего заграничного путешествия.

[1] Том XVII Собрания сочинений Федора Сологуба («Очарования земли. Стихи 1913 года») вышел в свет в начале мая 1914 г., одновременно с ним вышел том XIX («Творимая легенда. Часть 2. Королева Ортруда»). Том XVIII («Творимая легенда. Часть 1. Капли крови») появился раньше, в конце марта — начале апреля 1914 г.

[2] Том XX Собрания сочинений («Творимая легенда. Часть 3. Дым и пепел». СПб., 1914) вышел в свет в середине января 1915 г.

[3] О своем посещении Берлина в июне 1912 г. Иванов-Разумник рассказал в очерке «Человек и культура (Дорожные мысли и впечатления)», опубликованном под псевдонимом Скиф (Заветы. 1912. № 6. Отд. II. С. 46—68).

[4] Иванов-Разумник воспринял Берлин как концентрированное воплощение негативных черт современной западноевропейской цивилизации: «... самый благоустроенный город в мире, Берлин, уже с самого начала наводит на меня щемящую тоску своим асфальтом, своей вылизанностью, своими в нитку вытянутыми улицами-аллеями, своими грандиозными домами-коробками, всем своим культурным и тоскливо-скучным обличьем» (Там же. С. 59). Ср. его суждения в письме из Берлина к А. М. Ремизову от 4 июня 1912 г.: «В Берлине меня глубоко поразили две вещи — Sitzplatz'ы для семейного отдохновения и клозеты в ресторане Кемпинского. Это разрез современной “культуры”, по ним можно воссоздать всю жизнь города и удавиться с тоски» (Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. Вып. II. С. 72 / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона).

28
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

20/V — 2/VI 1914. СПб.

Дорогой Федор Кузьмич,

спасибо за стихи — я постараюсь поместить их в июньский №-р. — Впрочем, лучше было бы, если бы Вы могли прибавить к этим двум еще 3—4 таких же «Парижских песни», и тогда целым циклом они открыли бы 7-ую книжку журнала[1]. Черкните мне по этому поводу из Монако, — я тогда задержу их печатание и отложу на месяц.

О «сиринских» делах поговорим по Вашем возвращении; пока же — всего лучшего и до скорого свидания.

Ваш Р. Иванов.

---

[1] Судя по этим словам, Сологуб прислал для публикации в «Заветах» цикл из двух стихотворений «Парижские песни» («1. Раб французский иль германский...», «2. Здесь и там вскипают речи...», 10 мая 1914, Париж). См.: *Сологуб Ф.* Стихотворения / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примечания М. И. Дикман. Л., 1975. С. 390—392 («Библиотека поэта». Большая сер.). В «Заветах» этот цикл не появился; № 7 «Заветов» оказался последним: с началом Первой мировой войны издание журнала было запрещено.

29
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

27 августа 1914 г.

Дорогой Федор Кузьмич,
хотя я по-прежнему убежден в полной уместности напечатать *именно теперь* «социальные» парижские стихотворения, но подчиняюсь Вашему авторскому решению[1]. Нельзя ли бы только было «пойти на компромисс»? Именно, — готов допустить, что в стихотв<орении> «Здесь и там вскипают речи» можно найти намек на современные события («Но придут иные музыканты, и пойдет уж музыка не та»...[2]); уступаю Вам это стихотворение, как мне его ни жаль. (Хотя, скажу в скобках, возможность такого «намека» делала это стихотворение еще более «современным»). Но Вы могли бы уступить мне другое стихотв<орение> — «Раб парижский иль берлинский...»[3] Оно — интернационально, ибо касается и Парижа и Берлина..., а теперь более чем когда-либо художник должен, в ответ на повальное националистическое озверение, показать ту «основу», на которой ткется современная историческая ткань. Война кончится через год, а новой «коммуны» раньше или позже все равно не избежать — «и в Берлине и в Париже...»[4] Обидно, если в такую минуту, как нынешняя, русская поэзия даст только «барабанную поэзию», или патриотические стихотворения и военные корреспонденции Валерия Брюсова[5]. Вот почему я так стою за Ваши набранные уже в «Заветах» стихи, не впадающие в общее русло.

Ваш Разумник Иванов.

Текст — на почтовой бумаге журнала «Заветы».

[1] Речь идет о цикле стихотворений Сологуба «Парижские песни» (см. п. 28, примеч. 1). Видимо, в несохранившемся ответном письме на п. 28 Сологуб отказался публиковать этот цикл в «Заветах» в связи с кардинально изменившейся общественно-политической обстановкой — началом Первой мировой войны в августе 1914 г.: социально-критические мотивы «Парижских песен» могли показаться автору несвоевременными.

[2] Цитата из стихотворения «Здесь и там вскипают речи...» (*Сологуб Ф.* Стихотворения. С. 391).

[3] Первая строка в опубликованном варианте текста первого стихотворения цикла «Парижские песни»: «Раб французский иль германский».

[4] Обыгрываются заключительные строки первого стихотворения из «Парижских песен»: «...Теперь взгляни же // И пойми хотя на миг, // Кто в Берлине и в Париже // Торжество свое воздвиг» (Там же. С. 391). Их Иванов-Разумник поставил эпиграфом к своей статье «Испытание огнем», в которой обосновывал занятую им последовательно антивоенную позицию (см.: Скифы. Сб. 1. <Пг.>, 1917. С. 261). Под «коммуной» подразумевается Парижская коммуна (18 марта — 28 мая 1871 г.) — временное революционное правительство, захватившее власть после поражения Франции во франко-прусской войне 1870—1871 гг. (ср. строки из того же стихотворения Сологуба: «Ты во дни святых восстаний // Торжество победы знал»).

[5] Подразумеваются опубликованные в «Русских ведомостях» стихотворение Брюсова «Польше» («Провидец! Стих твой осужденный...» // 1914. 8 авг. № 181. С. 2; *Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 2. С. 147) и его очерки «Путь на запад», «В Вильне», «Проездом через Варшаву» (1914. 19 авг. № 189. С. 2; 21 авг. № 191. С. 4; 26 авг. № 195. С. 3—4). В конце июля 1914 г. Брюсов отправился в зону боевых действий как военный корреспондент «Русских Ведомостей».

30
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

7 X 1914 г.

Дорогой Федор Кузьмич,
посылаю Вам проекты 2-х писем: Вашего «Сирину» и «Сирина» Вам[1].
Жму Вашу руку.

Ваш Р. Иванов.

Текст — на почтовой бумаге издательства «Сирин».

[1] К письму приложены два машинописных текста (на почтовой бумаге издательства «Сирин»):

Господину Ф. К. Тетерникову (Сологубу)
здесь.
Милостивый Государь Федор Кузьмич,
согласно Вашего желания, настоящим подтверждаем, что рукопись двадцатого тома собрания Ваших сочинений доставлена Вами издательству, согласно договора, вполне своевременно.
С совершенным почтением
за изд-во СИРИН <*подпись отсутствует*>

В издательство «Сирин» в Петрограде.
Милостивые Государи,
в виде временного дополнения к пункту 2 моего договора, заключенного с издательством 16 ноября 1912 года, настоящим прошу не выпускать из печати в продажу двадцатый том собрания моих сочинений («Творимая легенда», кн. 3-я) до времени окончания военных действий. Точное определение времени выпуска книги в продажу будет определено по соглашению с издательством.

(ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 296. Л. 52, 53).

См. п. 27, примеч. 2.

31
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

27 ноября 1914 г<ода>
Господину Ф. К. Тетерникову
здесь.
Милостивый Государь
Федор Кузьмич,
на Ваше письмо от сего числа относительно издания отдельной книгой, вне собрания сочинений, «сборника Ваших стихотворений, навеянных

последними событиями», издательство настоящим имеет честь сообщить, что с его стороны препятствий для издания Вами указанной книги в другом издательстве не встречается[1].

С совершенным почтением
за изд<ательст> во СИРИН
Р. Иванов.

Текст — на почтовой бумаге издательства «Сирин». Машинопись; подпись — автограф.

[1] Речь идет о сборнике стихотворений, объединенных военной тематикой. Книга Федора Сологуба «Война. Стихи» (Пг.: изд. ж-ла «Отечество», 1915) вышла в свет в январе 1915 г.

32
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

12 декабря 1914 г<ода>

Дорогой Федор Кузьмич,
простите за беспокойство: — направляю к Вам г-жу Зинаиду Петровну *Карево*[1] по следующему делу: у нее есть давно написанная и напечатанная повесть «Госпожа Нищета», которая в свое время была весьма отмечена М. Горьким. Теперь она желала бы повесть эту, с предисловием М. Горького, издать отдельно[2]. Быть может, это заинтересует редакционную комиссию О<бщест>ва писателей[3]? Часть прибыли могла бы пойти в пользу этого О<бщест>ва, а часть — автору, который очень нуждается.

Искренне уважающий

Р. Иванов.

Текст — на почтовой бумаге издательства «Сирин».

[1] См. краткие биографические сведения о ней в кн.: Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова. Аннотированный указатель в двух томах. Т. 1 / Под ред. В. А. Мыслякова. СПб., 2001. С. 477.

[2] Упомянутая повесть была опубликована в журнале «Образование» (1904. № 5, 6, 7). В начале декабря 1914 г. З. П. Карево писала Горькому: «Если помните еще мою “Г-жу нищету”, Вы писали мне о ней Ваш добрый отзыв. Сейчас есть подходящий случай ее издать. Так вот обращаюсь к Вам как к большому писателю и как к товарищу с просьбой не отказать написать хотя несколько слов к предисловию к ее изданию» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма.: В 24 т. М., 2004. Т. 11. С. 393 (коммент. А. А. Макарова при участии Т. Р. Гавриш, О. В. Шуган)). «Эту Корево <sic!> Вам бы держать в сфере Вашего внимания — очень интересный человек она!» — писал Горький Н. Н. Суханову (Гиммеру) 15/28 декабря 1914 г. (Там же. С. 142). Запрошенное предисловие Горький не написал, отдельное издание повести Карево не состоялось.

[3] Подразумевается Общество русских писателей для помощи жертвам войны, существовавшее в Петрограде в 1914—1917 гг.

33
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

30 янв<аря> 1915 <года>

Царское Село. Колпинская, 20. Тел<ефон> 4—57.

Дорогой Федор Кузьмич,

мне «звонила» П. И. Терещенко, чтобы через меня просить Вас о разрешении перенести срок уплаты «неустойки» на первые дни первой недели поста (т. е. на 2—5 февр<аля>)[1]. Хотя я к «Сирину» отношения больше не имею[2], но обещал П. И. передать Вам ее просьбу, — что́ и исполняю.

Начиная с 5-го февр<аля> я буду бывать в Петербурге по понедельникам и четвергам от 1 до 4 ч. дня, адрес — Чернышев пер. 20, кв. 50[3], телеф<он> 216—70. Сообщаю «на всякий случай».

Искренний привет.

Ваш Р. Иванов.

---

[1] Пелагея Ивановна Терещенко — одна из сестер М. И. Терещенко, совладелица издательства «Сирин». Речь идет о выплате причитающейся Сологубу суммы гонорара за издание Собрания сочинений.

[2] С 1915 г. издательская деятельность «Сирина» была практически прекращена, семья Терещенко направила свои основные денежные средства на обеспечение военных нужд. 12 января 1915 г. А. Блок сообщал жене: «“Сирин” окончательно ликвидируется — теперь уже это не секрет» (Литературное наследство. Т. 89. Александр Блок. Письма к жене. М., 1978. С. 347). См.: *Голлербах Е. А., Мухаркин Д. М.* Издательство «Сирин». С. 67—68.

[3] Адрес квартиры Василия Александровича Иванова, отца Иванова-Разумника.

34
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

2 мая 1915.

Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Федор Кузьмич,

после разных поездок я вернулся в Питер — и через день снова уезжаю, теперь уже до сентября[1]. Если Вы завтра (в воскресенье) будете дома около 1 ч. дня — загляну к Вам переговорить о разных делах; предварительно позвоню по телефону.

Привет Анастасии Николаевне.

Ваш Р. Иванов.

---

[1] Речь идет об отъезде на лето в Песочки Псковской губернии, близ станции Сольцы Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги. 9 июня 1915 г. Иванов-Разумник писал оттуда А. М. Ремизову: «...вот уже месяц, как мы здесь, — и так здесь хорошо, что и в войну перестаешь верить, и в погромы московские, и в сутолоку петербургскую» (Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. Вып. II. С. 85).

35
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

12 — VII — 1916.

Сольцы, Пск<овской> губ<ернии>,
дер<евня> Песочки.

Дорогой Федор Кузьмич,
под-костромской адрес Ваш я по непростительной оплошности так хорошо запрятал, что и до сих пор найти не могу. Это вдвойне было бы досадно, если бы осуществилась моя летняя волжская поездка мимо Костромы; но и теперь приходится направлять эти строки на Вашу петербургскую квартиру[1].

Летом читаю «Бирж<евые> Вед<омости>» и Ваши в них статьи о костромской деревне[2]; костромские впечатления в корне не сходятся с новгородскими. Не попадаются ли Вам «Русские Ведомости»? В них из Песочков пишет изредка про «деревенское» некий Вл. Холмский, мой знакомый[3]. Деревня здесь в год—два выросла на двадцать лет. — За последнее время, впрочем, статьи Ваши встречаю редко, а потому предполагаю, что осенью или зимой буду читать большую повесть или новый роман.

Если письмо это дойдет до Вас еще летом, то буду рад получить известие о Вас еще в знаменитых Песочках, где пробуду еще месяца полтора. Зимняя страда начнется рано, и зима предстоит тяжелая в этом году.

Анастасии Николаевне привет и пожелание всего доброго; Вам — хорошо отдохнуть и хорошо поработать.

Искренний привет.

Ваш Разумник Иванов.

---

[1] Лето 1916 г. Сологуб и Чеботаревская проводили в усадьбе Княжнино (близ Костромы, в двух верстах от села Минского), арендованной у М. И. Набатовой. Письмо переадресовано в Кострому (штемпель получения: 17. 7. 16). См.: *Зверева Я. В.* Федор Сологуб в Костроме 1916—1922 годов // Русская литература. 2015. № 1. С. 171—182.

[2] Летом 1916 г. в «Биржевых ведомостях» за подписью Федора Сологуба были опубликованы статьи и очерки «Зло добру служит» (утр. вып. 17 мая. № 15563), «С тараканами» (утр. вып. 9 июня. № 15607), «Наш дом» (утр. вып. 11 июня. № 15611), «Лекарство впрок» (веч. вып. 13 июня. № 15616), «Есть честность!» (утр. вып. 26 июня. № 15641).

[3] Вл. Холмский — псевдоним, под которым Иванов-Разумник печатал в «Русских ведомостях» цикл очерков «Деревенское». Ко времени написания письма были опубликованы первые три очерка цикла: «“Меню”» (23 июня. № 144), «Бабье дело» (30 июня. № 150), «Лошадиный разговор» (12 июля. № 160). Весь цикл «Деревенское» в составе десяти очерков (май—сентябрь 1916 г.) вошел в кн.: *Иванов-Разумник.* Перед грозой. 1916—1917 г. Пг.: Колос, 1923.

36
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

23/XI 1916.

Дорогой Федор Кузьмич,
сегодняшний вечер был у меня уже занят, когда я получил вчера приглашение Анастасии Николаевны на чтение «Барышни Лизы»[1]; очень об этом сожалею. — Надеялся повидать у Вас Леонида Николаевича — и убедить его ради всех богов развязаться с той петлей, в которой он так досадно запутался[2]. Гаккебуш-Горелов на ежедневных утренних приемах[3]! Неужели и теперь не достаточно ясно?

Крепко жму Вашу руку; надеюсь — до скорого свидания.

Ваш Р. Иванов.

---

[1] «Барышня Лиза» — повесть Федора Сологуба, опубликованная в альманахе «Сирин» (Сб. 3. СПб., 1914). Здесь речь идет о переработке повести для театра — драме в пяти действиях «Узор из роз» (отд. изд.: М.: 2-я студия МХТ, 1920; см. также: *Сологуб Ф.* Собрание пьес. СПб.: Навьи чары, 2001. Т. 2. С. 434—513), написанной Сологубом летом 1916 г.

[2] Речь идет о Л. Н. Андрееве (1871—1919) и его сотрудничестве с начатой изданием с 15 декабря 1916 г. ежедневной петроградской газетой «Русская воля» (издатель А. Д. Протопопов, редактор А. В. Амфитеатров; газета субсидировалась промышленными и финансовыми кругами, см.: «Русская воля», банки и буржуазная литература / Публ. Ю. Оксмана // Литературное наследство. 1932. Т. 2. С. 165—186), в которой он возглавил литературно-критический и театральный отделы. Об участии Андреева в организуемой газете было объявлено в июле 1916 г. (см.: Речь. 1916. 21 июля. № 198; подробнее см. в комментариях к публикации А. И. Наумовой «Из писем и статей Горького»: Литературное наследство. 1965. Т. 72: Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. С. 456—457). О перспективах работы в «Русской воле» Андреев писал брату, А. Н. Андрееву, 24 июня 1916 г.: «...имею сколько угодно помощников и приглашаю *кого угодно*, независимо от редакции. Иными словами, влияя на общее положение дел, я имею в газете как бы свой собственный журнал по вопросам наиболее мне близким и важным <...> жалованье за заведывание и статьи 36 000 в год <...>, за беллетристику 1500 р. с листа <...> без усилия я могу вырабатывать в газете до 45—50 тысяч. Такое финансовое великолепие мне и не снилось! <...> есть возможность широко выразить свое литературное кредо, наложить печать своего на творчество и т. д.» (Русский современник. 1924. № 4. С. 148—149. Публ. К. Чуковского).

[3] Михаил Михайлович Гаккебуш (1874—1929) — журналист; в 1906—1916 гг. член редакции и неофициальный редактор «Биржевых ведомостей»; в 1914 г., с началом Первой мировой войны, сменил фамилию на «Горелов» (ср. дневниковую запись Ф. Ф. Фидлера от 6 мая 1916 г.: «Гаккебуш (теперь он официально именуется Гореловым) <...>» // Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения / Издание подготовил Константин Азадовский. М., 2008. С. 685). Гаккебуш-Горелов был одним из организаторов «Русской воли», постоянно общался с ее издателем А. Д. Протопоповым, министром внутренних дел (с сентября 1916 г.). Именно эти контакты подразумевает Иванов-Разумник; ср. дневниковую запись С. Д. Протопопова от 28 сентября 1916 г.: «Гаккебуш каждое утро у “министра”: это редактор! А не лакей ли?» (приведено в примечаниях М. Г. Петровой в кн.: *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма.: В 24 т. М., 2006. Т. 12. С. 363).

37
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

16/XII 1916.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,
с удовольствием загляну повидать Вас и Федора Кузьмича в мой обычный питерский день — понедельник[1], и воспользуюсь Вашим любезным приглашением — без церемонии прийти к обеду. До скорого свидания.

Р. Иванов.

P. S. Искренно рад за Федора Кузьмича — за разрыв с «Русской Волей»[2], и искренно жалею Леонида Николаевича — *что́* он там пишет[3]!!

P. P. S. Не может ли Ф. К. к понедельнику приготовить (т. е. дать переписать) цикл «Европейских песен» для сборника[4]? Пора сдавать в набор.

Р. И.

Текст — на обороте видовой открытки. Почтовый штемпель: Царское Село. 16.12.16.

[1] 19 декабря.

[2] См. п. 36, примеч. 2. В перечне именитых лиц, принимающих «ближайшее участие» в газете «Русская воля», помещенном в объявлении о подписке, которое было опубликовано 15 декабря 1916 г. в № 1 газеты, Федор Сологуб не был упомянут.

[3] В № 1 «Русской воли» были напечатаны «Открытое письмо гг. членам Гос. Думы» Леонида Андреева (гневный ответ на обвинения «думцев» В. М. Пуришкевича и Н. Е. Маркова 2-го в том, что эта газета издается на немецкие деньги) и его статья «Горе побежденным!», направленная против пораженческих настроений: «...нам нужна победа, как никому из ныне борющихся. Победу или почти верную гибель всего русского народа — вот что несет нам неизвестное будущее <...> вне победы для нас нет спасения» (С. 7).

[4] Речь идет о первом сборнике «Скифы» (<Пг.>, 1917) и, видимо, о цикле стихотворений Сологуба, включавшем его «Парижские песни» (см. п. 28, примеч. 1). В «Скифах» Сологуб не принял участия. Стихотворения, составлявшие цикл «Парижские песни», Иванов-Разумник опубликовал в 1917 г. в газете «Дело Народа»: «Раб французский иль германский» — 15 марта. № 1. С. 2; «Здесь и там вскипают речи...» (3 мая. № 39. С. 2).

38
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

1 янв<аря> 1917.

Царское Село. Колпинская, 20.

Дорогой Федор Кузьмич,
не будете ли Вы дома в среду (4 янв<аря>) вечером? Если да, то я зашел бы к Вам часов после 7-ми вечера. Молчание сочту, как водится, за

знак согласия. — Хотел очень зайти к Вам и Мих<аил> Мих<айлович> Пришвин, чтобы возобновить знакомство; ныне он Ваш василеостровский сосед[1].

С Новым годом!

Искренно Ваш Разумник Иванов.

---

[1] В это время Сологуб и Чеботаревская жили в Петрограде по адресу: Васильевский остров, 9 линия, д. 44, кв. 19.

39
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

11 января 1917 <года>

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,

Постараюсь в ближайшие дни зайти к Вам, — и по Вашему, и по моему делу, — вероятнее всего это будет вечером 16 янв<аря>. К тому времени и Федор Кузьмич, вероятно, вернется из Москвы.

Пока — всего хорошего.

Р. Иванов.

P. S. Собирался я к Вам и Федору Кузьмичу на прошлой неделе (4/I); но А. М. Ремизов уверил, что Ф. К. в Москве, — что, повидимому, не соответствовало действительности тогда. Р. И.

Текст — на обороте открытки с рисунком И. Билибина, 1901: «У колодца». Почтовый штемпель: Пг. 11.1.17.

40
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

19 янв<аря> 1917 <года>

Дорогой Федор Кузьмич,

прилагаю письмо Осипова (в котором есть и № его телефона); извиняюсь, что не могу зайти к Вам сегодня, но т<ак> к<ак> Осипова не будет, то и деловая причина моего визита отпадает[1].

К тому же с сегодняшнего дня я отношусь довольно безнадежно к Вашим переговорам с «Сирином». Дело в том, что сегодня я узнал в складе Стасюлевича, что за свои книги («Брюсова» и «Сологуба») бывший «Сирин» ежегодно выручает «чистых» от 6 до 9 тысяч рублей[2]. Ясно поэтому, что ни на какие менее выгодные условия «Шиповника» Терещенки не согласятся, несмотря на свои десятки миллионов[3].

Но если в год продается этих книг на 9000 р., то, быть может, надо только усилить объявления в газетах от нуля до некоего градуса? Подробнее распрошу Лемку[4] и сообщу о результатах Вам.

С искренним приветом

Разумник Иванов.

---

[1] В упомянутом письме от 18 января 1917 г. (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 296. Л. 69) С. Я. Осипов сообщал Иванову-Разумнику, что до 1 февраля у него «совершенно нет свободного времени»: «Постараюсь в четверг <19 января. — *Ред.*> быть у Ф. К., но если не приведется, то разрешите переговорить с Вами по телефону о том деле, которое Вы решите с Ф. К.». На намечавшейся встрече предполагалось затронуть деловые и финансовые вопросы взаимоотношений Сологуба и издательства «Сирин».

[2] Подразумеваются собрания сочинений В. Брюсова и Ф. Сологуба, предпринятые издательством «Сирин». На книжном складе М. М. Стасюлевича была сосредоточена печатная продукция «Сирина».

[3] Речь идет о передаче прав на издание собрания сочинений Сологуба от «Сирина» (в лице трех его владельцев — Е. И., М. И. и П. И. Терещенко) издательству «Шиповник». Практического развития этот проект не получил.

[4] Михаил Константинович Лемке (1872—1923) — историк русской общественной мысли, журналистики и цензуры, был управляющим в типографии М. М. Стасюлевича.

41
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

26 янв<аря> 1917.

Царское Село. Колпинская, 20.

Дорогой Федор Кузьмич,

только что получил новое письмо от Осипова, и снова пересылаю его Вам[1]. Следовало бы вызвать юношу к Вам, хотя бы после 1 февраля, и поговорить с ним подробно. Адрес его: Пушкинская, 10, кв. 40. Я отвечаю ему, что письмо его пересылаю Вам и прошу его написать Вам, чтобы Вы ему назначили день и час посещения. Если, сговорившись с ним, Вы известите меня об этом «дне и часе», то охотно заеду к Вам в это время.

Анастасии Николаевне кланяюсь.

А что слышно о «скифском» цикле Ваших стихов[2]? Когда мне можно будет заехать за ними?

Всего доброго.

Ваш Р. Иванов.

---

[1] В этом письме от 24 января 1917 г. (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 296. Л. 72) С. Я. Осипов сообщал: «...несколько раз пытался дозвониться к Вам по телефону в Царское, с целью узнать Ваши с Фед<ором> Кузьм<ичом> решения относительно его изданий, но тщетно: очередь столь большая, что я не мог дождаться». См. п. 40, примеч. 1.

[2] См. п. 37, примеч. 4.

42
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

6 февр<аля> 1917 <года>

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,

узнав по телефону от швейцара, что Федор Кузьмич уехал, я не напоминал больше Осипову[1], — по возвращении из Киева Федору Кузьмичу следовало бы вызвать его по телефону и назначить день и час. А еще бы лучше — позвонить Терещенкам (сестры — 559—58, брат — 216—52, так по крайней мере было три года тому назад), — и сговориться с ними без посредников.

«День», действительно, реформируется, в него входят заведующими отделами 6 «скифов» (худож<ественный> отд<ел> — Петров-Водкин, внутренний — Мст<иславский>, научный — Метальников, провинциальный — Пришвин и Добронравов, литературный — я)[2]. Очень досадовал я, что некоторые знакомые связаны с «Биржевыми Ведомостями». — Впрочем, в «Дне» не будет ни поэзии, ни «беллетристики»:

Одна назойливая критика
Справляет ша́баш, и — шаба́ш!..

Привет Федору Кузьмичу, возвращающемуся.

Ваш Р. Иванов.

---

[1] См. п. 40, 41. В первые дни февраля 1917 г. Сологуб посетил Киев и Харьков (см. его письма к Ан. Н. Чеботаревской: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 266. Л. 70, 71, 73).

[2] «День» — ежедневная газета радикально-либерального направления, выходившая в Петербурге — Петрограде с октября 1912 до апреля 1918 г. Под «скифами» подразумеваются участники формировавшихся Ивановым-Разумником сборников «Скифы» или сочувствующие идейным установкам, в них обозначенным: живописец Кузьма Сергеевич Петров-Водкин (1878—1939) — автор обложки и марки сборников «Скифы»; публицист, прозаик, деятель эсеровской партии Сергей Дмитриевич Мстиславский (наст. фам. Масловский; 1876—1943) — один из редакторов и издателей «Скифов»; директор Петроградской биологической лаборатории Сергей Иванович Метальников (1870—1946); прозаик, драматург, публицист Леонид Михайлович Добронравов (1887—1926).

43
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

7 февр<аля> 1917 <года>

Дорогой Федор Кузьмич,

не успел вчера в театре сообщить Вам, что завтра, *8 февраля*, состоится четвертый скифский вечер (там же)[1], на который я уполномочен передать приглашение Вам и Анастасии Николаевне. Билетом для входа на наши вечера является любезное обязательство господ художников

слова: прочесть что-нибудь — особенно такое, что может потом войти в один из ближайших набегов «Скифов» (набег I-ый выходит в конце февраля)[2].

Собираемся мы к 8 ч. вечера.

Хотели быть и читать — Бугаев, Ремизов, Клюев, Чапыгин и еще кое-кто[3].

Надеюсь, до свидания.

С искренним приветом Разумник Иванов.

---

[1] Где именно прошел этот приватный «скифский» вечер, не установлено. По свидетельству А. М. Ремизова, первая встреча редакторов и авторов сборников «Скифы» состоялась на казенной квартире С. Д. Мстиславского в Николаевской академии в январе 1917 г. с участием В. Н. Фигнер (*Леонтьев Я. В.* «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М., 2007. С. 166). 6 февраля 1917 г. Сологуб и Иванов-Разумник виделись в Александринском театре на премьере пьесы Л. Н. Андреева «Милые призраки» в постановке Е. П. Карпова (см.: Обозрение театров. 1917. 5—6 февр. № 3357—3358. С. 19). Свою скептическую оценку спектаклю Иванов-Разумник дал в статье «Овсяный кисель» (см.: *Иванов-Разумник*. Перед грозой. 1916—1917 г. Пг.: Колос, 1923. С. 122—126).

[2] Имеется в виду 1-й сборник «Скифы» (<Пг.>, 1917). Сданный в типографию в декабре 1916 г., он вышел в свет значительно позднее намеченного срока; ср. сообщение в письме Иванова-Разумника к Андрею Белому от 1 августа 1917 г.: «Сегодня — вышли “Скифы” (наконец-то!)» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 127).

[3] Трое упомянутых — Андрей Белый (Б. Н. Бугаев), А. М. Ремизов, поэт Николай Алексеевич Клюев (1884—1937) — участвовали в сборниках «Скифы», прозаик Алексей Павлович Чапыгин (1870—1937) — не участвовал (возможно, что он предложил для 3-го, невышедшего сборника «Скифы» роман «Одна душа», который печатался в 1918 г. в журнале «Наш путь» (№ 1—2), выходившем под редакцией Иванова-Разумника, Б. Д. Камкова, С. Д. Мстиславского). Ср. суждения в «Объяснительной записке» С. Д. Мстиславского по поводу организации журнала «Основы» (1922): «До революции — было мыслимо содружество “Скифов”: содружество “одиноких”, объединяемых одним признаком — отрицанием старого режима, мещанской культуры. Талант давал каждому такому “одинокому” собственное лицо, и это многоразличие лиц лишь усиливало интенсивность и дружественность общения. *Тогда* — мыслимо было видеть на “Скифских вечерах” в нашей столовой, рядом — Сологуба и Есенина, Л. Андреева и Клюева, Пришвина и Белого, Ремизова и Веру Фигнер» (*Белоус В.* Вольфила (Петроградская Вольная Философская Ассоциация). 1919—1924. Кн. 2: Хроника. Портреты. М., 2005. С. 231—232).

44
Чеботаревская — Иванову-Разумнику

<4 января 1918 г. Петроград>

Уважаемый Разумник Васильевич.

Узнав, что Вы заседаете <в?> захваченной Вами <...> литераторов <...> под охраной штыков, спешу Вам сообщить, что при наличии подобных условий, совершенно не вяжущихся с моим представлением об элементарной этике, — не считаю возможным <...> для <...>

(лучше пойду снег <убир>ать!), а также прошу вернуть перевод пьесы Р. Ролана[1].

Анс. Чеботаревская.

4 янв<аря>.

Открытка; отправлена по адресу редакции газеты «Знамя труда». Текст сильно поврежден (смытые чернила), восстанавливается лишь частично. В нем содержится ответ на приглашение к сотрудничеству в ежедневной газете левых эсеров «Знамя труда» (в этой газете с 30 декабря 1917 г. (№ 107) помещалось объявление об основанном в ней «Литературном отделе под редакцией Р. В. Иванова-Разумника»); редакция газеты, которой 28 декабря 1917 г. был придан статус органа ЦК Партии левых социалистов-революционеров, с этого дня располагалась в помещении бывшего великокняжеского дворца (Галерная ул., д. 40), где заседал эсеровский ЦК и помещался Петроградский комитет Партии социалистов-революционеров. См.: *Леонтьев Я. В.* «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. С. 184, 186.

[1] Речь идет о рукописи драмы французского прозаика, драматурга и публициста Ромена Роллана (1866—1944) «Волки» («Les loups», 1898) в переводе Ф. Сологуба и Ан. Чеботаревской (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 213). Было подготовлено ее отдельное издание под маркой «Скифов»; сохранились начальные страницы верстки (Там же).

45
СОЛОГУБ — ИВАНОВУ

8 января 1918 г<ода>

Многоуважаемый Разумник Васильевич,

Прошу Вас не печатать в «Скифах» моих парижских песен[1]. Теперь это совершенно не своевременно. Кроме того, <я впо>лне* разделяю мнение Анастасии Николаевны, выраженное в ее письме к Вам[2].

С истинным уважением Федор Сологуб.

Текст — на именном бланке: «Федор Кузьмич Тетерников (Федор Сологуб)». Машинопись; подпись — автограф.

[1] См. п. 28, примеч. 1, п. 37, примеч. 4.

[2] Имеется в виду п. 44. Тем самым Сологуб отказывался от участия в газете «Знамя труда».

46
ЧЕБОТАРЕВСКАЯ — СОЛОГУБУ

<17 февраля 1918 г. Петроград>

Разумник Васильевич, 2 нед<ели> тому назад я просила В<а>с вернуть рукопись, ибо была возможность устроить ее вместе с «14 июля» того же автора в моем переводе[1]. Вы лишили н<а>с этой возможности

---

* *Лист с текстом поврежден.*

и не даете денег за взятую и якобы набранную уже вещь. Прошу В<а>с прислать деньги и корректуру тотчас, — иначе придется обратиться к вмешательству 3-<ь>их лиц.

Анс. Чеботаревская.

P. S. На эти резкости вынуждают Ваши поступки.

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Петроград. 17.2.18. Отправлено по адресу: «Галерная, 40 (где прежде была Биржевая, а теперь “Знамя Труда”)».

[1] См. п. 44, примеч. 1. «14 июля» («Le 14 juillet», 1902) — драма Р. Роллана; вместе с драмой «Волки» входит в драматический цикл «Театр Революции». Переводы драм Роллана, выполненные Чеботаревской, остались неопубликованными.

47
СОЛОГУБ — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

<6 марта 1918 г. Петроград>

Многоуважаемый Разумник Васильевич,

Когда я разговаривал с Вами относительно пиесы «Волки» первый раз, то Вы совершенно определенно сказали мне, что гонорар будет прислан вместе с корректурою[1]. Поэтому прошу Вас, во исполнение Вашего обещания, прислать обусловленные 500 р. (за 5 листов по 100 р.) теперь же.

С истинным уважением Федор Тетерников.

Текст — на именном бланке. Машинопись; подпись — автограф. Датируется по указанию в п. 48.

[1] См. п. 44, примеч. 1.

48
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

26 марта 1918 г.

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

только что вернувшись из Москвы, получил Ваше письмо от 6/III[1]. Запрошенная мною контора «Скифов» сообщила мне, что «Волки» выходят в первых числах апреля и что одновременно Вам будет выслан гонорар (по расчету 100 р. за лист в 40000 б<укв>).

Готовый к услугам

Р. Иванов.

Ответ на п. 47. Текст — на почтовой бумаге издательства «Скифы».

[1] Видимо, подразумевается дата на почтовом штемпеле (авторской датировки письмо Сологуба не имеет). Иванов-Разумник находился в Москве с 12 по 24 марта 1918 г. как делегат IV Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, кресть-

янских и казачьих депутатов, состоявшегося 14—16 марта (см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 161).

49
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

13 декабря 1918 г.

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

под моей редакцией издаются Репертуарной Секцией Театрального Отдела пьесы русских авторов от Чехова до наших дней[1]. Был бы очень рад одним из первых номеров выпустить «Дар мудрых пчел» или «Победу Смерти»[2]. Независимо от времени выхода в свет гонорар (500 р. за 40000 букв) выплачивается Театральным Отделом по утверждении протокола Секции о напечатании пьесы.

Пьесе будет предшествовать вступительная «критическая» статья, а в приложении — статья театрально-режиссерского характера. Если бы Вы пожелали переговорить об этих подробностях, то по понедельникам и четвергам (кроме четверга 19/XII) я к Вашим услугам в Репертуарной Секции около 2—3 ч. дня. (Ул. Халтурина, быв<шая> Миллионная, 27. Театральный Отдел. Комната № 19).

С совершенным уважением

Разумник Иванов.

Текст — на бланке: Народный комиссариат по просвещению. Театральный отдел. Репертуарная секция.

[1] Как сообщил А. А. Блок в письме к Вяч. И. Иванову от 21 декабря 1918 г., в Репертуарную секцию Наркомпроса входит редакционная группа, включающая подгруппу, «издающую оригинальные пьесы (редакторы пр<офессор> Котляревский и Разумник-Иванов)»; подгруппа разделялась, в свою очередь, на занимавшихся драматургией «до Чехова» и «после Чехова» (Неизданное письмо Блока Вяч. Иванову / Публ. Ю. К. Герасимова // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987. С. 238). Членом Репертуарной секции Иванов-Разумник был избран 19 сентября 1918 г.; на заседании Бюро Репертуарной секции 11 ноября 1918 г. было постановлено «считать Иванова-Разумника ведающим изданием пьес» (документальные данные приведены в публикации Е. В. Ивановой «Блок в Театрально-литературной комиссии и ТЕО Наркомпроса»: Литературное наследство. 1993. Т. 92, кн. 5. С. 161, 173).

[2] Видимо, по получении ответа Сологуба Иванов-Разумник внес на заседании Бюро Репертуарной секции 16 декабря 1918 г. предложение «включить в русский современный репертуар пьесы Сологуба “Дар мудрых пчел” и “Барышню Лизу”», которое было принято (Там же. С. 187). На очередном заседании Бюро Репертуарной секции (23 декабря 1918 г.) А. Блок сообщил, что сданы в набор 28 пьес, в том числе «Узор из роз» Сологуба (инсценировка его повести «Барышня Лиза»), и предложено «немедленно сдать в печать» еще 33 пьесы, в том числе «Дар мудрых пчел» (Там же. С. 192). Запланированные в ТЕО Наркомпроса издания пьес Сологуба не состоялись.

50
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

3/XII 1922.
Царское Село. Колпинская, 20.

Многоуважаемый Федор Кузьмич,
не будете ли Вы дома в четверг (7 дек<абря>) утром? И не слишком ли раннее время — 12 ч. дня? Если и то и другое Вам не неудобно, — я заехал бы к Вам в этот день и в этот час; если неудобно — может быть, Вы будете добры черкнуть мне об этом по указанному выше адресу.

Преданный Вам Р. Иванов.

51
Иванов-Разумник — Сологубу

15 января 1924. Царское Село.

Дорогой Федор Кузьмич,
сердечный привет и поздравление из Царского Села: и с минувшим Новым Годом, и с наступающим завтра днем 40-летнего юбилея Вашей литературной работы[1]. Правда, с этим праздником мы поздравим Вас в Александринском Театре 28 января в торжественной обстановке, но пока скромно и сепаратно шлет Вам поздравления «Колпинская, 20, 2»[2].

В начале будущей недели в закрытом заседании Вольфилы[3] мы начинаем серию чествований (еще предстоят: в Институте Живого Слова[4], в Университете, в Госиздате и т. д.), и обращаемся к Вам с просьбой: не могли ли бы Вы дать нам для оглашения в этом заседании серию неизданных Ваших стихотворений — любых годов, от 1884-го до 1924-го, и в любом количестве, которое сами найдете нужным. Если можно — большое спасибо заранее.

Расскажу Вам, когда вернетесь в Царское, много интересного о последних заседаниях юбилейного комитета; последнее заседание будет в ближайшую пятницу[5].

Портрет Ваш, в ожидании переезда в Русский Музей, «сохнет» у нас на рояле[6], так что, отсутствуя из Царского Села, Вы все же присутствуете в нем.

Еще раз сердечные поздравления и пожелания, к которым присоединяется Варвара Николаевна[7].

Искренне Ваш Разумник Иванов.

---

[1] Первоначально юбилейный вечер, посвященный Сологубу, был назначен на 28 января 1924 г., без необходимого пересчета 12 дней: 28 января 1884 г. ст. ст. — 9 февраля н. ст. Здесь Иванов-Разумник проделал пересчет дней по недоразумению в обратном направлении. Подробно о праздновании см.: Юбилей Федора Сологуба /

Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 315—343.

[2] По этому адресу (д. 20, кв. 2) Иванов-Разумник проживал в Царском (Детском) Селе с 1907 по 1929 г.

[3] Вольфила — Вольная Философская Ассоциация (1919—1924), товарищем председателя (и фактическим руководителем) которой был Иванов-Разумник. См.: *Федоров В. С.* «Академия исканий»: Петроградская Вольфила (1919—1924 гг.) // Из истории литературных объединений Петрограда — Ленинграда 1910—1930-х годов. Исследования и материалы. СПб., 2002. Кн. 1. С. 197—249; *Белоус Вл.* Вольфила (Петроградская Вольная Философская Ассоциация). 1919—1924. М., 2005. Кн. 1—2; Вольная Философская Ассоциация. 1919—1924 / Изд. подгот. Е. В. Иванова при участии Е. Г. Местергази. М., 2010.

[4] Институт живого слова был открыт в Петрограде в ноябре 1918 г. (ректор — В. Н. Всеволодский-Гернгросс).

[5] Ср. дневниковую запись Б. М. Эйхенбаума от 13 января 1924 г.: «11-го заседание юбилейного комитета по чествованию Сологуба (были Волынский, Раз<умник>-Иванов, Замятин, Эрберг, В. Рождественский, Кубасов, П. Медведев). Будет 28-го в Александринском театре. Мне поручено говорить о поэзии Сологуба» (приведено в комментариях Е. А. Тоддеса в кн.: *Эйхенбаум Б.* О литературе: Работы разных лет. М., 1987. С. 508).

[6] По предположению М. М. Павловой, речь идет о портрете Сологуба в образе Передонова работы К. С. Петрова-Водкина, хранящемся ныне в частном собрании.

[7] В. Н. Иванова (урожд. Оттенберг; 1881—1946) — жена Иванова-Разумника.

52
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

[*М. П. С.*
УПРАВЛЕНИЕ
С.ПЕТЕРБУРГ-ВАРШАВСКОЙ [*КОПИЯ.*]
казенной железной дороги.] Станция Петербург
Февраля 17 *дня 19*24 г.
№ 1

1924 года. Федору Кузьмичу Сологубу
Царское Село, Колпинская, 20, кв. № 5.
[*Форма Л.*]
[*В Управление дороги.*]

от Разумника Васильевича Иванова

Донесение о происшествии.

1) *Время происшествия* 16 *число* февраль *месяц* 10 *ч.* 30 мин. вечера.

2) *Место происшествия* Зал Певческой Капеллы (лекция Андрея Белого)[1].

3) *Изложение происшествия* Во время перерыва на означенной лекции подошла ко мне, нижеподписавшемуся, Александра Николаевна Чеботаревская[2] и передала, для передачи Вам в Царское Село,

следующее: 1) коробку с сотней папирос; 2) три письма на Ваше имя; 3) удостоверение от Всемирной Литературы[3], и 4) записку от некоего А. Н. Берегового[4], устроителя лекций Андрея Белого. Все эти вещественные доказательства при сем препровождаются и вручены Вам, одновременно с настоящим донесением, Варварой Николаевной. По поводу означенных вещественных доказательств имею сделать нижеследующие разъяснения:

1) коробка с папиросами, кажется, слегка помялась, за что приношу извинения: она путешествовала целый день по Петербургу;

2) из трех писем — одно от Тихонова, который одновременно прислал Вам два договора с Московским Госиздатом[5]; они остались на Ждановке[6];

3) удостоверение от Всемирной Литературы передайте мне, когда я во вторник[7] вернусь в Царское Село; я с ним пойду к уполномоченному; кроме того Александра Николаевна просила передать, что, по ее мнению, теперь, в связи с двумя договорами Московского Госиздата, можно взять такую же бумажку у Белицкого[8]; если Вы это аппробуете, то сообщите ей — она начнет действовать; и наконец —

4) Береговой ждет ответа на свою записку к понедельнику, когда состоится 2-ая лекция Андрея Белого. Варвара Николаевна завтра едет на поезд 7 ч. 10 м. веч<ера> и может отвезти Ваши письма и Береговому, и Александре Николаевне.

Доводя обо всем этом до вашего сведения, пребываю в ожидании Ваших инструкций.

Инспектор маневренных путей
(Inspecteur d. voies de triage)

Р. Иванов.

Дорогой Федор Кузьмич — простите за карандаш и за глупости: пишу лежа и голова болит; совсем расклеился.

Ваш Р. Иванов.

Текст — на ведомственном бланке (печатный текст бланка воспроизводится курсивом).

[1] 16 февраля 1924 г. Андрей Белый выступил в Певческой капелле с лекцией «Одна из обителей царства теней», основанной на его впечатлениях от пребывания в Германии в 1921—1923 гг. Материал лекции лег в основу одноименной книги Белого (Л.: Гос. изд-во, 1924). Ср. информационную заметку «Вечера Андрея Белого»: «На днях в Ленинград на несколько дней приезжает недавно вернувшийся из-за границы писатель Андрей Белый, выехавший из России в 1921 году. В субботу, 16 февраля, в зале Гос. Академ. Капеллы (Мойка, 20, у б. Певческого моста) состоится его вечер, посвященный заграничным впечатлениям, под названием “Одна из обителей царства теней”. Второе и последнее выступление писателя перед широкой публикой состоится там же в понедельник, 18-го февраля;

на этом втором вечере Андрей Белый прочтет еще ненапечатанный отдел своих воспоминаний об Александре Блоке, а также ряд стихотворений последних лет, большей частью также еще не появлявшихся в печати» (Последние новости. 1924. 11 февр. № 6 (84). С. 4).

[2] Ал. Н. Чеботаревская (1869—1925) — переводчица, критик; старшая сестра Ан. Н. Чеботаревской.

[3] «Всемирная литература» (1918—1924) — издательство, основанное в Петрограде при Наркомпросе РСФСР.

[4] Абрам Наумович Береговой — член Общества друзей радио.

[5] Александр Николаевич Тихонов (псевдонимы: А. Серебров, Н. Серебров; 1880—1956) — прозаик, литературно-издательский деятель, редактор ряда журналов и издательств. Здесь речь идет о договорах Сологуба с Государственным издательством от 8 февраля 1924 г. на перевод поэмы провансальского поэта Фредерика Мистраля «Мирейо» и на Избранные стихотворения из «Кобзаря» Т. Шевченко — с обязательствами представить выполненную работу соответственно к 1 августа и к 1 июля 1924 г. (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 39. Л. 23—23 об., 25—25 об.).

[6] Подразумевается квартира А. С. Ященко, в которой Ал. Н. Чеботаревская занимала комнату и в которой Сологуб проживал в это время в Петрограде (угол Малого пр. Петроградской стороны и набережной реки Ждановки, д. 3/1, кв. 22).

[7] 19 февраля.

[8] Ефим Яковлевич Белицкий (1895—1940), ранее заведующий отделом управления Петроградского Совета (1917—1922), был с 1922 г. заместителем заведующего Ленинградского отделения Госиздата. Подразумевается справка, удостоверяющая факт сотрудничества Сологуба с Государственным издательством, которая могла способствовать получению неких льгот и привилегий.

53
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

13 — VI — 1924.

Дорогой Федор Кузьмич,

вчера я вернулся домой к 2-м часам ночи, и Варвара Николаевна была в городе до вечера, так что не могли воспользоваться стенным телеграфом[1]. Александра Николаевна[2] просила передать, что приедет сегодня, в начале дня; поручения Ваши передал. О заседании и делах расскажу Вам, когда Вы мне протелеграфируете о приходе; впрочем, может быть, Александра Николаевна сделает это раньше меня.

Наш общий привет и до скорого свиданья.

Ваш Р. Иванов.

---

[1] В. Н. Иванова. Под «стенным телеграфом» подразумевается условный стук в стену — способ контакта с Сологубом, проживавшим в соседней квартире дома № 20 на Колпинской улице в Детском Селе, в котором жил Иванов-Разумник.

[2] Ал. Н. Чеботаревская.

54
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

10/III 1925.

Дорогой Федор Кузьмич,

во-первых:

Е. Я. Белицкий в этот четверг будет дома; он очень обрадовался, узнав, что Вы собираетесь к нему. Не перепутал ли я: говорили ли Вы о четверге 12 марта, или следующем?

во-вторых:

В конторе «Былого» отказались выдать мне для Вас № 27—28, заявив, что номер для Ф. К. Сологуба отложен «у самого Щеголева»[1]. Встреченный мною в Госиздате, «сам Щеголев» подтвердил это и сообщил, что № этот должна была передать Вам его супруга[2].

в-третьих:

В пятницу я с утра и до вечера в городе (опять Госиздат и прочие мытарства), Варв<ара> Ник<олаевна> тоже, — поэтому в 6 ч<асов > в<ечера> стука в Вашу стену не будет[3], а я зайду к Вам часов в 9—10, вернувшись из города.

Сердечный привет.

Преданный Вам Р. Иванов.

Открытка. Почтовые штемпели: Детское Село. 11.3.25; Ленинград. 13.3.25.

[1] Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) — литературовед, историк революционного движения; издатель историко-революционного журнала «Былое», выходившего в Петербурге в 1906—1907 гг. и возобновленного в 1917 г. (прекращен в 1926 г.). См.: *Лурье Ф. М.* Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990. В серии «Библиотека журнала “Былое”» вышла в свет книга: *Сологуб-Чеботаревская А. Н.* Женщина накануне революции 1789 года / Вступ. статья Ф. К. Сологуба. Пг., 1922. В переводе Сологуба (с французского) в «Былом» были опубликованы стихотворения А. П. Барятинского «Послание к Ивашеву», «П. Пестелю» (1926. № 1 (35). С. 11—13).

[2] Валентина Андреевна Щеголева (урожд. Богуславская; 1878—1931) — актриса. См. о ней и о ее общении с Сологубом и Ан. Чеботаревской: *Литвин Е. Ю., Гречишкин С. С.* Блок и В. А. Щеголева // Литературное наследство. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 850—856.

[3] Ср. мемуарное свидетельство Иванова-Разумника о Сологубе: «Жил он <...> в Царском Селе, стена в стену с нашей квартирой на Колпинской улице, и ежедневно — в ответ на мой условный стук в стену — приходил к нашему послеобеденному чаю» (*Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 36).

55
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

30 сент<ября> 1925 г.
Царское Село[1].

Дорогой Федор Кузьмич,
неделю тому назад я отправил Вам (городским заказным) письмо, полученное здесь на Ваше имя[2]. Третьего дня m—me Пурпиш[3] принесла еще одно письмо, а сегодня — бандероль, которые я собирался отвезти Вам на Ждановку завтра. Но как назло у меня опять «насморк простудился», а посему этот пакет отвезет Вам сегодня в Союз Писателей Варвара Николаевна, которой сегодня по делам надо быть в Петербурге. — Кроме письма и бандероли прилагаю еще открытку Hachette'у[4]; в случае, если не имеете возражений против ее содержания, — будьте добры, бросьте в почтовый ящик — NB: надо там вписать № Вашей квартиры, в котором я не уверен.

Чтобы исчерпать все царскосельские дела — довожу до Вашего сведения, что вышеназванная m-me Пурпиш (Марья Антоновна) заявила мне, что Вы по ошибке передали нам на хранение складное полотняное кресло, которое-де принадлежит им, Пурпишам. Я отдал им кресло, но сказал, что запрошу об этом Вас.

Теперь дела петербургские. Были у меня Гизетти и Форш[5]. Первый сообщил о желании бюро секции историков литературы и критиков, чтобы я выступил со вступительным (извините за плеоназм) словом о стихах Данько перед прочтением ею «Простых мук»[6]. Боюсь, что дело это не устроится, главным образом потому, что вряд ли через неделю я освобожусь от лихорадки и насморка. Но это причина — внешняя (хотя почему? — насморк — внутренняя болезнь), а есть и причина внутренняя (а в действительности очень внешняя, так как зависит от целого ряда внешних обстоятельств): не считаю себя человеком опасным, но думаю, что мое выступление может оказаться неудобным и для Союза Писателей, и для меня. Не будучи формалистом — к стихам Данько отношусь тематически, и темою моего вступительного слова могло бы быть только одно: как большевики извратили революцию. Думаю поэтому, что лучше мне воздержаться. — Докладчиком, более тактичным, чем я, может стать Гизетти, хорошо знающий стихи Данько. Жаль, что Д. М. Пинес[7] не член Союза Писателей: у него как раз есть докладик на тему о «Простых муках» Данько, а выступал он у нас в Вольфиле всегда очень умно и талантливо.

Форш сообщила мне о литературном вечере в Филармонии 5 окт<ября>[8]; очень будет досадно, если моя лихорадка помешает мне быть на нем. — Кстати: Форш принесла мне на прочтение сентябрьский

№ «Красной Нови», где в статье московского футуриста Третьякова есть упоминание (сердитое) рядом о Вас и обо мне: оказывается, этих двух авторов читают и изучают молодые китайцы в ставке Фын-юн-сея... (кажется, не соврал? Впрочем, сам не читал статьи, а прослушал в чтении Форш)[9].

При лихорадке люди становятся болтливы, — этим и объясняется такое длинное письмо, дорогой Федор Кузьмич. После Вашего отъезда у нас стало глухо и неуютно. Впрочем, Вы обещали наезжать в Царское Село; а я, как только поправлюсь, соберусь во един из четвергов вечером к Вам на Ждановку.

Пока же — всего лучшего; привет от всей кв. № 2 по Колпинской д. 20 и от всего Царского Села.

Искренне преданный Вам Р. Иванов.

---

[1] Над текстом — помета Сологуба: «Отв. 1 окт.».

[2] К письму приложен конверт, отправленный по ленинградскому адресу Сологуба («Городское. Заказное», «от Р. В. Иванова, изд-во “Колос”»); почтовые штемпели: Ленинград. 24.9.25; Ленинград. 25.9.25.

[3] Хозяйка квартиры, которую снимал Сологуб в Детском Селе.

[4] La Librairie Hachette (Либрери Ашетт) — французское акционерное общество по изданию и распространению книг и периодической печати, созданное в Париже в 1919 г. Сологуб и Иванов-Разумник обратились туда с заказом на книги. Представитель фирмы В. Топоров отвечал Сологубу 18 августа 1925 г. (на бланке «Messageries de Journaux Librairie Hachette»), сообщая о высылке только что изданного романа Клода Фаррера «Une jeune fille voyagea» («Девушка путешествовала», 1925): «...имеем честь подтвердить получение Вашего письма от 23-го истекшего июля с содержащимся в нем заказом и суммы в фр. 50 (пятьдесят франков), предназначенной на его покрытие. Мы с удовольствием будет снабжать Вас и г-на Иванова наиболее интересными новинками французской беллетристики, согласно указаниям Вашего письма. Мы, однако, просим Вас иметь в виду, что беллетристические произведения весьма часто не пропускаются на территорию СССР цензурой и пролеживают в ней очень долго» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 887. Л. 67).

[5] Александр Алексеевич Гизетти (1888—1938) — критик, публицист, социолог; один из активных участников Вольной Философской Ассоциации («Вольфилы»), как и прозаик Ольга Дмитриевна Форш (урожд. Комарова; 1873—1961).

[6] Елена Яковлевна Данько (1898—1942) — поэтесса, детская писательница, художница; участница поэтического кружка «неоклассиков». Ее единственный сборник стихотворений «Простые муки» сохранился в рукописи, ныне опубликован вместе с воспоминаниями Данько о Сологубе (*Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992. С. 190—261).

[7] Дмитрий Михайлович Пинес (1891—1937) — член партии эсеров, в 1917—1918 гг. левый эсер; библиограф, историк литературы, издательский работник; библиотекарь и секретарь (1922—1924) «Вольфилы».

[8] Сведений об упомянутом вечере обнаружить не удалось; возможно, что он не состоялся.

[9] Сергей Михайлович Третьяков (1892—1939) — поэт, драматург, очеркист; член литературной группы ЛЕФ. Упоминается Фэн Юйсян (1882—1948) — китайский военный и политический деятель, маршал Китайской республики с 1927 г.

В очерке «В ставке Фын-Юй-Сяна (Путевые заметки)», говоря об интересе китайской молодежи к русской литературе, Третьяков, в частности, сообщает:

«Один <...> с исступлением переводил чеховского “Дядю Ваню” <...>, а попутно грыз одну за другой статьи ... Иванова-Разумника, затолмачивая себе мозги его народнической поповщиной.

Другой был свежее. Он знал и пролетпоэтов, и Леф, и Пильняка. Переводил журнальные статьи о современной русской литературе, но тайную и нежную приязнь лелеял к строфам Федора Сологуба, насчет сокровенного символьного смысла каковых теребил меня немало, не смущаясь моей брезгливо выпяченной губой» (Красная новь. 1925. Сент. № 7. С. 295).

56
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

9/X 1925.
Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Федор Кузьмич,

простите за то, что с опозданием пересылаю Вам прилагаемое письмо[1]. Дело в том, что всю эту неделю (а вчера, в четверг — особенно) я собирался к Вам и думал передать письмо лично. Но снег и холод в комбинации с моим летним пальто и простудой — сложное сочетание элементов! — заставили меня вчера поспешить домой. Надеюсь непременно попасть к Вам в ближайшее же время; а если будут приходить на Ваше имя письма, то буду немедленно пересылать, чтобы не вышло такой же задержки, как с прилагаемой открыткой.

Привет от всех нас.

Сердечно преданный Вам Р. Иванов.

---

[1] Письмо, полученное по детскосельскому адресу Сологуба после того, как он переехал в Ленинград.

57
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

21/X 1925.

Дорогой Федор Кузьмич,

так как я не знаю, удастся ли мне побывать у Вас завтра, в четверг, и даже не знаю, попаду ли вообще в город, то пишу настоящее письмо и прошу знакомого завтра бросить его в городе в почтовый ящик. За мною долг — обещанное приветствие от Союза Писателей Ек<атерине> Ив<ановне> Зариной[1]; оно при сем прилагается, но откровенно скажу — никуда не годится. Для меня это наитруднейший род и вид литературы. В самом лучшем случае — Правление может взять из прилагаемого проекта два-три фактических указания, а все остальное предать корзине и забвению.

Привет от всей нашей семьи.

Искренно любящий Вас Р. Иванов.

P. S. Еще раз перечел третью страницу, — никуда не годится! «Только приделать ручку, да выбросить», как говорится у Гоголя[2].

Почтовые штемпели на конверте: Ленинград. 24.10.25; Ленинград. 27.10.25. Помета Сологуба: «27 окт. 25».

[1] Е. И. Зарина (урожд. Новикова; 1837 или 1835—1940) — прозаик. Приветствие — юбилейное, к 90-летию со дня рождения (1/13 октября).

[2] Такого выражения в текстах Н. В. Гоголя не обнаружено.

58
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

1/XII 1925. Вторник.

Дорогой Федор Кузьмич,

Вы, вероятно, уже получили мое письмо дня три-четыре тому назад[1]. А так как спешная работа моя вряд ли кончится и к этому четвергу, то снова пишу Вам, на этот раз по экстренному поводу.

У старушки Е. И. Зариной вчера хлынула горлом кровь[2]. Удалось остановить, но предписано долгое лечение. Средств, как обычно, никаких. Она вызвала меня и просила обратиться с просьбой о помощи в Союз Писателей. Так как заседание Правления будет, если не ошибаюсь, завтра, в среду, то спешно пишу это письмо, надеясь, что опущенное в городе, оно дойдет до Вас вовремя. Адрес Зариной известен секретариату Правления.

Очень соскучился, не видя Вас так давно; в первый же свободный день соберусь к Вам, а пока шлю заочный привет.

Преданный Вам Р. Иванов.

---

[1] Имеется в виду п. 57.

[2] Е. И. Зарина жила в 1920—1930-е гг. в Детском Селе.

59
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

15/XII 1925.

Дорогой Федор Кузьмич,

до конца ноября я не ездил в город из-за уймы спешных работ (к 1/XII должен был закончить Салтыкова)[1]; в декабре — расхворался, и хотя надеюсь в ближайший четверг поехать, но лишь «обороткой»[2], на два-три часа, так что и на этот раз не удастся побывать у Вас. Но независимо от того, что я должен вернуть Вам бессовестно задержанную книгу («Argo»)[3], просто хотелось повидать Вас, без всякого дела и повода. Надеюсь сделать это не позднее будущей недели.

Впрочем, и дело есть: я получил, наконец, от Hachette'а еще одну книгу[4]; привезу ее Вам, хотя, по моему мнению, она никуда не годится: полу-быт, полу-жанр, полу-исторический роман из эпохи Наполеона III, да вдобавок и скучный. Совсем не умеют они там выбирать подходящую литературу; а ведь, кажется, ясно было определено в заказе, что требуется нам для удовлетворения вкусов господ издателей.

Недели полторы-две тому назад я писал Вам по поводу Зариной[5]; на днях она получила 10 р. при письме от А. В. Ганзен[6]. Деньги пришли как нельзя более кстати: старушка поправляется, нуждается в питании. Сама написать еще не может, так что по ее просьбе я сегодня написал А. В. благодарственное письмо Союзу Писателей; через несколько дней, вероятно, напишет и сама. Доктор сказал, что в таком возрасте внешнее кровоизлияние спасает жизнь: не будь его, было бы кровоизлияние внутреннее и паралич. Так что все хорошо, что хорошо кончается.

Мы живем здесь по-прежнему; в 6 ч. вечера, за послеобеденным чаем, обыкновенно вспоминаем Вас: некому стучать три раза и звать на чаепитие[7]! Впрочем — за стеной никого и нет: жилец, въехавший после Вас, выехал через неделю, и все три комнаты стоят пустые, а Кукиши[8] горюют. Подвиги домашнего вора, впрочем, продолжаются: на днях был взломан чердак.

Писал мне Сюннерберг[9], что давно собирается навестить Вас, но тяжел на подъем, одному не собраться. Если Вы ничего не имеете против, то, направляясь к Вам, заеду к нему и заберу его с собою. Скоро явится к Вам, но уже самостоятельно, Лундберг[10], который к Новому году переезжает в Петербург.

Не откажите передать наш общий привет Ольге Николаевне[11] и домочадцам. Очень бы хотелось повидать Вас нам всем; да, видно, раньше весны или лета Вы не соберетесь в Царское Село. А потому я, вспомнив, что Магомет должен идти к горе, буду у Вас в первый же свой приезд в Петербург.

Сердечно преданный Вам Р. Иванов.

---

[1] Речь идет, вероятно, об издании «Избранные отрывки из сочинений» М. Е. Салтыкова-Щедрина (М.; Л.: ГИЗ, 1926) с биографическим очерком и примечаниями Иванова-Разумника, а также, возможно, о приуроченном к 100-летию со дня рождения писателя юбилейном издании «Сочинений» Салтыкова-Щедрина в 6 томах (М.; Л.: ГИЗ, 1926—1928) с биографическим очерком и примечаниями Иванова-Разумника, в совокупности составляющими 30 печатных листов.

[2] Т. е. с возвращением из Ленинграда в Детское Село в тот же день. Четверг — 17 декабря.

[3] Возможно, подразумевается сборник Эллиса «Арго» (Арго. Забытые обеты. Мария: Две книги стихов и поэма. М.: Мусагет, 1914).

[4] См. п. 55, примеч. 4.

[5] См. п. 58.

[6] Анна Васильевна Ганзен (урожд. Васильева; 1869—1942) — переводчица со скандинавских языков. В 1920-е гг. вела большую организационную работу во Всероссийском союзе писателей (член Правления, казначей).

[7] См. п. 54, примеч. 3.

[8] Подразумевается: Пурпиши (см. п. 55, примеч. 3).

[9] Константин Александрович Сюннерберг (псевдоним Конст. Эрберг; 1871—1942) — теоретик искусства, художественный критик, переводчик; один из наиболее деятельных участников Вольной Философской Ассоциации. Упомянутое его письмо в архиве Иванова-Разумника не сохранилось.

[10] Е. Г. Лундберг был одним из инициаторов создания берлинского отделения Вольной Философской Ассоциации; в 1924 г. вернулся в СССР.

[11] О. Н. Черносвитова (урожд. Чеботаревская; 1872—1943) — сестра Ан. Н. Чеботаревской. После гибели жены Сологуб жил в одном доме с семьей Черносвитовых (наб. реки Ждановки, д. 3/1): он — в квартире № 22 на втором этаже, Черносвитовы — в квартире № 26 на четвертом этаже (см.: *Черносвитова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба / Вступ. статья, публикация и комментарии М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 224); позднее, в пору предсмертной болезни, Сологуб переехал в квартиру Черносвитовых.

60
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

20 января 1926.
Детское Село.
Колпинская, 20.

Дорогой Федор Кузьмич,
хотя и с опозданием, но поздравляю Вас с минувшими праздниками, с минувшим декабрем и с наступившим новым годом. Все это время собирался я к Вам, да и просбирался: обстоятельства так скрутили меня, в такие тиски зажали, что все время уходило на попытки высвободиться. Попытки оказались тщетными, а потому я, сказав по-турецки «Кисмет!»[1] — успокоился, предоставил решение всех финансовых дел на волю судьбы, почувствовал себя свободным, и теперь собираюсь к Вам уже «всерьез и надолго»[2]. К тому же и не один: Эрберг и Лундберг поручили мне узнать у Вас, не имеете ли Вы чего-либо против посещения Вас в четверг 28 янв<аря>, между 8 и 9 ч. веч<ера>? Ответа не требуется: молчание — знак согласия. Если же Вам этот день и час неудобны, то либо черкните мне об этом, либо сообщите Эрбергу по телефону (1 — 74 — 51).

В понедельник, послезавтра, буду на Салтыковском вечере в Союзе Писателей[3], но если будет все такой же мороз, то надеюсь, что Вы не приедете: самое простудное время. В квартире нашей мы опять мерзнем, несмотря на усиленную топку: Ваш второй преемник выехал от Пурпишей[4], прожив у них только две недели, и на самые трескучие морозы мы остались в соседстве с холодной, как ледник, квартирой. Таковы для нас последствия Вашего переезда в Петербург!

Привет и поклоны от всех нас; как-то на днях Варв<ара> Ник<олаевна> встретила в трамвае Ольгу Николаевну[5] и узнала, что Вы здоровы и благоразумно сидите дома. Следовательно — побываем у Вас. До скорого свидания!

Искренне любящий Вас Р. Иванов.

---

[1] Кисмет — в исламе судьба, участь, предопределенность.

[2] Выражение В. И. Ленина из доклада на IX Всероссийском съезде Советов 23 декабря 1921 г. «О внутренней и внешней политике республики» применительно к новой экономической политике: «...эту политику мы проводим всерьез и надолго» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1964. Т. 44. С. 311).

[3] Вечер 22 января 1926 г. был приурочен к 100-летию со дня рождения Салтыкова-Щедрина. В информационной заметке Арк. Селиванова «Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина (Вечер в Союзе писателей)» кратко излагались прочитанные на нем доклады А. А. Гизетти, В. Е. Евгеньева-Максимова, Р. В. Иванова-Разумника, Н. В. Яковлева (Красная газета (веч. вып.). 1926. 26 янв. № 23. С. 4).

[4] Ср. п. 59, примеч. 8.

[5] В. Н. Иванова и О. Н. Черносвитова.

61
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

7 февр<аля> 1926.
Д<етское> С<ело>.

Дорогой Федор Кузьмич,
простите, что пишу на открытке, но конверта нет, а сегодня воскресенье — и купить нельзя. В четверг был я в городе и с удивлением узнал из афиш, что 8/II выступаю на вечере Союза Писат<елей> памяти Есенина; а вчера вечером получил сообщение об этом в письме секретаря правления С<оюза> Пис<ателей>[1]. Но беда в том, что выступать с воспоминаниями о Есенине я не собирался и не собираюсь[2], так что афиши невольно ввели в заблуждение тех, которые придут послушать именно эти воспоминания. Но так как таких слушателей из тысячи будет наверное не более десятка, то во всем этом нет большой беды.

Справлялся на почте о Hachette'овских бандеролях[3] на Ваше имя: нет и не было.

Во един от четвергов февральских надеюсь навестить Вас, а пока передаю искренний привет от всех нас и остаюсь

Любящий Вас Р. Иванов.

---

[1] В информационной заметке о чествовании памяти С. А. Есенина сообщалось, что на вечере вступительное слово произнес Б. М. Эйхенбаум, выступали с воспоминаниями о Есенине А. П. Чапыгин, Н. Н. Никитин, Вл. Ричиотти, И. И. Садофьев, а также поэты «с посвящениями покойному», стихи Есенина читали А. Шварц и Ив. Приблудный («Памяти Есенина» // Красная газета (веч. вып.). 1926. 10 февр., № 36, С. 3).

[2] Ср. письмо Иванова-Разумника к Андрею Белому от 3 марта 1926 г.: «Смерть Есенина мне тяжело далась <...> выступать о нем — не хочу и не могу; на ряд предложений изд<ательств> написать о нем воспоминания — ответил отказом. Напишу, да не напечатаю, и читать не буду. Да и “нецензурно” все это, слишком лично, многих затрагивает» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 339). 12 января 1927 г. Иванов-Разумник сообщал З. Н. Райх: «Я за этот год закончил свои записки о С<ергее> А<лександровиче> — листов на 5 и совершенно не для печати, за исключением, быть может, нескольких страниц общего содержания» (*Карохин Л.* Сергей Есенин и Иванов-Разумник. «Человек, перед которым я не лгал...» СПб., 1998. С. 87). Текст воспоминаний Иванова-Разумника о Есенине, по всей вероятности, не сохранился.

[3] См. п. 55, примеч. 4.

62
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

30 марта 1926.
Царское Село.

Дорогой Федор Кузьмич,
вот уже месяц, как я был у Вас, — и за это время собирался к Вам не однажды; раз даже уже написал Вам письмо (— и не отправил), что для Ваших вторников[1] у меня есть доклад, по-видимому, подходящий для темы «классицизма»: о Пушкине и Гоголе (стиль и идеология). Не отправил потому, что «загриппился» и болел недели две с лишним; а теперь — недели на две еду (послезавтра) в Москву, в поисках работы[2]. В Петербурге мне пришел окончательный мат; впрочем, и на Москву надежда плохая.

Пишу Вам по делам «дачным»[3]. Несмотря на постоянные поиски, до сих пор не обнаружено ничего *совершенно* подходящего. Есть три квартиры: известного Вам Суслова, который сдает 2 небольшие, но уютные комнаты «с двумя самоварами и обедом»; минус их тот, что обе они — на теневой стороне. По Колпинской, наискосок от нас — две комнаты большие в квартире д<окто>ра Баранова, окна на запад (значит, опять без солнца), но комнаты эти мало того, что без солнца, но еще и «без услуг», — значит, совсем не подходят. Наконец, на Магазейной, через дом от Анненских[4], есть чудесная комната (одна), с балконом, залитая солнцем (2-й этаж), с обедом и «услугами», в «тихом семействе» (муж — англичанин, детей — нет), но и здесь есть «но»: хозяйка мнется, на назначает цены ни за комнату, ни за обед, а говорит: «пусть Ф. К. (Вас знает) приедет пожить у нас недельку—другую; если понравится — останется и на лето». Неделька—другая — это, очевидно, на пансионном положении. Отсюда вывод: необходимо знать, каковы Ваши финансовые расчеты, сколько «от и до» ассигнуете Вы ежемесячно на царскосельское житье. И хотя я уезжаю числа до 10—15 апреля, но все эти дела и без меня вершить будет Варв<ара> Ник<олаевна>, так что, получив от Вас сведения и инструкции, будет

продолжать новые поиски и даст ответ всем трем вышеназванным претендентам.

Тороплюсь кончать: перед отъездом незаконченных дел еще непочатый край. От всей нашей семьи — сердечный привет и пожелание — видеть Вас летом снова в Царском Селе и в близком соседстве.

До скорого свидания: вернувшись из Москвы, немедленно побываю у Вас. Кстати: если у Вас есть в Москву поручения и дела (Госиздат? и т. п.), то в четверг (1/IV) я от 2 до 4 ч. в «Колосе» (тел<ефон> 5—66—23)[5]; еду с вечерним поездом.

Любящий Вас Р. Иванов.

P. S. На днях проходил я по Литейной и около «Колоса» увидал Тинякова с плакатом на груди: «Подайте на хлеб писателю»[6]. — Деньги ему не помогут: он сейчас же все спустит, его запой — вряд ли излечим; но не мог ли Союз Писателей устроить ему ежедневные талонные обеды где-нибудь в столовой Кубу[7], «Дома Искусства»[8] и т. п.? Он стремительно катится к концу[9].

---

[1] По вторникам в квартире Сологуба проходили поэтические собрания кружка «неоклассиков» («Вечера на Ждановке»). См.: Л. И. Аверьянова-Дидерихс. Запись о «вторнике» «неоклассиков» 16 ноября 1926 года / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003—2004 годы. СПб., 2007. С. 545—553.

[2] Иванов-Разумник прибыл в Москву 2 апреля (поселился у Андрея Белого в Кучино под Москвой), возвратился в Детское Село «в 20-х числах» апреля (согласно сообщению в его письме к А. Н. Римскому-Корсакову от 30 апреля 1926 г. // РИИС. Ф. 8. Р. VII. Ед. хр. 216).

[3] Речь идет о поиске дачи для Сологуба в Детском Селе на предстоявшее лето.

[4] Сын И. Ф. Анненского — поэт и прозаик Валентин Иннокентьевич Анненский (псевдоним Валентин Кривич; 1880—1936) и его вторая жена Елена Александровна Анненская.

[5] Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» (1918—1926), руководимое П. Витязевым (Ф. И. Седенко); в нем вышли в свет несколько книг Иванова-Разумника. Располагалось по адресу: пр. Володарского (б. Литейный), д. 21, кв. 14.

[6] Александр Иванович Тиняков (1886—1934) — поэт, прозаик, литературный критик, публицист. Как сообщает в статье о нем М. П. Лепехин, «с 1926 Т<иняков> занимался профессиональным нищенством, сидя на Аничковом мосту или на углу Невского и Литейного проспектов с табличкой “Писатель” <...>» (Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиографический словарь. В 3 т. М., 2005. Т. 3. С. 496).

[7] Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) при Совете народных комиссаров, учрежденная в 1921 г.

[8] «Дом искусств» — общественная организация писателей, созданная осенью 1919 г.

[9] 22 марта 1926 г. Правление Всероссийского союза писателей рассмотрело заявление Тинякова с просьбой «считать его выбывшим из числа членов ВСП ввиду несовместимости, по его мнению, звания члена ВСП с нищенством, к которому он вынужден прибегать вследствие своего бедственного материального положения» и постановило: «Отклонить просьбу А. И. Тинякова и уведомить его, что Союз мо-

жет оказать ему небольшую материальную поддержку. Просить казначея выдавать А. И. Тинякову каждый раз, что он обратится за помощью, по пяти рублей, но не более 4-х раз в месяц» (приведено в примечаниях М. М. Павловой к публикации воспоминаний М. В. Борисоглебского «Последнее Федора Кузьмича»: Русская литература. 2007. № 2. С. 111).

63
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

12 апреля 1926.
Москва.

Дорогой Федор Кузьмич,
простите за открытку, — на бивуаке у меня здесь ничего другого под рукой не оказалось. Я застрял по делам в Москве на лишнюю неделю и вернусь в Питер не раньше числа 20-го[1]. Дела, — увы! — всё неудачные; приеду не солоно хлебавши. К сожалению, неудача постигла меня и с Вашими делами: «Мирейо» и Шевченко еще не вошли в ближайший производственный план и положены под сукно[2], а вследствие сокращения деятельности Гос<ударственного> Изд<ательст>ва — речь о переводе Беранже признана преждевременной в текущем году[3]; возобновить ее можно будет не раньше зимы 1926—27 г. — Так и всё в Москве. В Союзе Писателей не был, никого из них не видел, да и видеть не хотел. Вам шлет поклон Всев<олод> Эм<ильевич>, юбилей которого торжественно будет праздноваться целых три дня, 25—27 апр<еля>[4]. — По возвращении в Питер надеюсь скоро побывать у Вас, а пока — до скорого свидания.

Остаюсь любящий Вас Р. Иванов.

---

[1] См. п. 62, примеч. 2.

[2] См. п. 52, примеч. 5. Рукопись перевода поэмы Мистраля «Мирейо» («Mirèio», 1859) была получена Государственным издательством 31 декабря 1924 г. (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 855. Л. 12). Гонорар за переводы Шевченко и Мистраля выплачивался Сологубу с декабря 1924 по март 1925 г. (Там же. Л. 7, 20, 23), однако издание книг за этим не последовало. Сборник стихотворений Шевченко вышел в свет после смерти Сологуба (*Шевченко Т.* Кобзарь / Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба / Вступ. статья А. Старчакова и М. Новицкого <М. К. Зерова>. Л.: ГИХЛ, 1934). Перевод «Мирейо» остался неопубликованным, рукопись его отложилась в архивных фондах Сологуба (РГАЛИ. Ф. 482; ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 47).

[3] Видимо, Сологуб предложил Государственному издательству подготовить книгу стихов французского поэта Пьера Жана Беранже (1780—1857) в своем переводе. Тексты переводов Сологуба из Беранже не выявлены. Вышедшее несколько лет спустя Полное собрание песен Беранже в переводах русских поэтов (редакция Вс. А. Рождественского. Т. I—II. Л.: Красная газета, 1929) переводов Сологуба не содержит.

[4] В. Э. Мейерхольд (1874—1940). 25 апреля 1926 г. был торжественно отмечен 5-летний юбилей Театра им. Мейерхольда.

64
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

5 <июня> 1926[1].
Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Федор Кузьмич,
очень досадно мне было, что я вчера, приехав из города, не попал к Вам (по собственной несообразительности: не достучавшись с парадной, решил, что Вы уже уехали, и не попытался попасть через кухню). Хотелось мне рассказать Вам о кое-каких делах, а главное — о своем разговоре в четверг с Бор<исом> Ник<олаевичем>[2], которого я встретил в городе.

Он очень просил меня ни в коем случае не выступать в субботу (сегодня) со вступительным словом к чтению «Москвы»[3], — причем главной причиной является то обстоятельство, что по разным соображениям ему хотелось бы именно теперь обращать на себя как можно меньше внимания. О соображениях этих расскажу; основательны они или нет, но мне совсем неудобно идти наперекор авторскому желанию. Поэтому сегодня вечером я не явлюсь на чтение (хотя и очень хотел бы послушать его), а правлению Союза Писателей приношу извинение: очень хотел бы быть в чем могу полезным; надеюсь, впрочем, что к тому еще представятся случаи.

Так вот, дорогой Федор Кузьмич, — прошу простить меня за невольный обман. И еще раз досадую, что не рассказал Вам вчера обо всем этом лично, а должен писать окольным путем, via* «Мысль»[4] — полагая, что и Вы попадете сегодня в это изд<ательст>во, по тем же причинам, как и я[5].

Преданный Вам Р. Иванов.

---

[1] В датировке — описка в автографе: «5 апр.». Исправлено по указанию в тексте «сегодняшнего» дня недели (суббота — 5 июня) и времени пребывания Андрея Белого в Ленинграде и Детском Селе (10 мая — 17 июня 1926 г.).

[2] Андрей Белый.

[3] С чтением отрывков из своего романа «Москва» (М.: Круг, 1926; ч. 1 — «Московский чудак», ч. 2 — «Москва под ударом», вышли в свет соответственно в середине июня и в конце августа 1926 г.) Белый выступил в Союзе писателей. Иванов-Разумник ознакомился с романом в рукописи. В заметке «“Москва” Андрея Белого (Вечер в Союзе писателей)» Арк. Селиванов утверждал, что «предстоящий выход “Москвы” — одно из крупнейших событий русской литературы», а также извещал о вечере: «Первое и прочное впечатление — большого литературного праздника. Ленинградские “братья-писатели” устроили вчера московскому гостю горячую сердечную встречу. <...> Маленький зал Союза не вместил всех пришедших на вчерашний праздник, стояли на лестнице, сидели на коленях друг у друга и слушали, как необыкновенное мастерство романиста гармонически сливалось с изумительным искусством чтеца» (Красная газета (веч. вып.). 1926. 7 июня. № 132. С. 5).

---

* путь (*лат.*).

[4] Кооперативное издательство «Мысль» (1922—1929), располагавшееся по адресу: Ковенский пер., д. 11 (владелец — Л. В. Вольфсон, зав. издательством — А. М. Бильковский, зав. редакцией — А. М. Карнаухова).

[5] Видимо, подразумевается выплата гонорара. В издательстве «Мысль» была издана кн.: *Амп П.* Песнь песней / Перевод Р. В. Иванова. Под ред. Ф. К. Сологуба. Пг., 1925. В том же издательстве в переводе Иванова-Разумника были выпущены в свет романы «Банда» Франсиса Карко (Л., 1926) и «Власть лжи» Иоганна Бойера (Л., 1927).

65
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

25/IX 1926.

Дорогой Федор Кузьмич,
перевод с Вашей доверенностью получил только сегодня (суббота) утром; сегодня же пойду на почту. Деньги будут ждать Вас до вторника, когда рады будем видеть Вас в нашем Селе. Во вторник я уезжаю в город только в 5 ч. 33 м. вечера (о чем очень сожалею); если во вторник Вы не приедете, то в среду днем заеду к Вам и завезу деньги. За предложение займа — большое спасибо.

Сердечный привет.

Любящий Вас Р. Иванов.

66
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

30/IX 1926.

Дорогой Федор Кузьмич,
в среду волчий сын должен был уплатить мне гонорар вместо прошлой субботы (клялся, что уплатит)[1]; получив его, собирался проехать прямо к Вам, чтобы из рук в руки передать эти 25 р. вместо полученных мною за Вас («Очарование шахмат»[2]!) и с Вашего любезного разрешения растраченных Варварой Николаевной. Но в среду, конечно, не получил; обещано на эту субботу[3]. Буду в «Мысли» самолично около 11 ½ — 12 ч. дня, надеюсь встретиться там с Вами и, получив от Вольфсона, тут же передать Вам этот долг. Если же я получу деньги, а Вы в субботу в «Мысли» не будете, то часов около 3-х дня заеду с этой же целью к Вам. Если же, наконец, и в субботу меня волчий сын обманет, то выйду из последней терпимости и начну бить стекла. За этими твердо обещанными 25 рублями я и Вар<вара> Ник<олаевна> приходим уже в пятый или шестой раз.

Итак — до скорого свидания. От всех нас сердечный привет.

Любящий Вас Р. Иванов.

---

[1] Среда и суббота — соответственно 29 и 25 сентября. Подразумевается директор издательства «Мысль» Лев Владимирович Вольфсон («волчий сын» — перевод на русский его фамилии).

[2] Подразумевается аванс за статью Сологуба «В чем очарование шахмат», предполагавшейся к опубликованию в московском журнале «Шахматы». 7 сентября 1925 г. Иванов-Разумник писал Ф. И. Седенко (П. Витязеву): «Ф. Сологуб готов написать для “Шахмат” статью “В чем очарование шахмат” страницы на 2—3»; 24 сентября 1925 г. — ему же: «Передайте “Шахматам” мой совет: если они хотят получить от Сологуба (он отнесся с интересом к теме “В чем очарование шахмат”), то пусть за 3 страницы, которые он напишет, вышлют ему авансом 30 рублей. Я его знаю: он тогда сочтет себя обязанным немедленно сесть за статью и прислать ее» (*Зубарев Дм., Павлова М.* Об одном анонимном некрологе Федора Сологуба // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации. Материалы IV Международной научной конференции. СПб., 2010. С. 113—114). Статью в «Шахматы» Сологуб не представил, ее незаконченный текст («В чем очарование шахмат») опубликован Дм. Зубаревым и М. Павловой (Там же. С. 117—118).

[3] 2 октября.

67
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

18 октября 1926.
Ц<арское> С<ело>.
Колпинская, 20.

Дорогой Федор Кузьмич,
позвольте представить Вам «подателя сего письма», Арсения Августовича Крогиуса[1]. Студент саратовец, только что переселившийся в Петербург, начинающий поэт; я говорил Вам о нем, и Вы разрешили ему посещать Ваши вторники[2], которые могут принести ему большую пользу.

В пятницу (когда я был у Вас)[3] с утра до ночи мок под дождем, а потому, вернувшись домой, немного расклеился; сожалею, что во вторник не смогу попасть к Вам. Надеюсь склеиться до четверга или пятницы; тогда побываю у Вас (вероятнее всего — в пятницу[4] днем). Надеюсь также, что Вы уже поправились.

Сердечный привет.

Любящий Вас Р. Иванов.

P. S. Простите за бесконвертье: последний конверт извел, чтобы переслать в Питер это письмо «подателю сего».

---

[1] Арсений Августович Крогиус (1907—1937) по приезде в Ленинград стал студентом Педагогического института им. А. И. Герцена. Сын Августа Адольфовича Крогиуса (1871—1933) — психолога, преподавателя Петербургского университета, затем Саратовского университета; «старого моего приятеля», по аттестации Иванова-Разумника в мемуарах. Там же Иванов-Разумник указал: «Арсений умер в концентрационном лагере в 1938 году» (*Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. С. 271). Согласно введенным ныне в оборот документальным свидетельствам, Арсений Крогиус, заключенный Беломорско-Балтийского комбината НКВД, расстрелян 26 сентября 1937 г. в Ленинграде.

[2] См. п. 62, примеч. 1.

[3] 15 октября.

[4] 22 октября.

68
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

6 ноября 1926.
Ц<арское> Село.
Колпинская, 20.

Дорогой Федор Кузьмич,
весьма виноват перед Вами, хоть и не по своей вине: и Госиздат, и «Мысль» так меня подвели, что не мог вернуть Вам последнюю часть своего долга[1]. Оба эти почтенные издательства обещают теперь «непременно» огонорарить меня в субботу 13 ноября; надеясь, что из двух хоть одно да не обманет, собираюсь в ту же субботу побывать у Вас в середине дня.

В вечерней Биржевке прочел, что будет большой вечер памяти Блока, устраиваемый Союзом Писателей[2]; он уже был (судя по числу), но почему-то никаких дальнейших отзвуков в этой же Биржевке больше не встречал, а потому — недоумеваю: было или не было[3]?

Знаменитого издателя («Современника»)[4] не видал давно, но говорил с ним по телефону недавно; он сказал мне, что у Вас лежит какая-то сенсационная рукопись какого-то знаменитого беллетриста, подлежащая сокращению, а затем и изданию. Не очень обрадовался, потому что ведь это все по-прежнему «Жомини да Жомини»[5].

А вот насчет «водки» — очень туго теперь. Настолько туго, что даже и жутковато становится. Впрочем, я всегда утешаюсь мыслью, что волчий сын[6] не съест.

Сердечный привет.

Любящий Вас Р. Иванов.

---

[1] См. п. 64, примеч. 5. В Госиздате в 1926—1928 гг. печатались подготовленные Ивановым-Разумником «Сочинения» Салтыкова-Щедрина в 6 томах.

[2] Под «Биржевкой» (обиходное обозначение дореволюционной газеты «Биржевые ведомости», выходившей утренними и вечерними выпусками) подразумевается «Красная газета» (вечерний выпуск), поместившая информационное сообщение «Памяти А. А. Блока»: «Ленингр. отд. всероссийского союза писателей и Большой драматический театр устраивают 1 ноября в помещении Больш. драмат. театра вечер, посвященный памяти А. А. Блока по случаю 5-летия со дня смерти поэта. С докладами и воспоминаниями выступят: Федор Сологуб, П. Н. Медведев, Адр. Пиотровский; с чтением стихов Блока: жена поэта Л. Д. Блок; артисты: Н. Монахов, А. Комаровская, В. Чернявский и А. Шварц; с пением: арт. Ершов, Андреева-Дельмас, О. Бриан. Музыку на стихи Блока исполнят композиторы: Щербаков и Юдина» (1926. 31 окт. № 257. С. 3).

[3] «Было или не было (О романе В. Ропшина)» — заглавие статьи Иванова-Разумника (Заветы. 1913. № 4), посвященной анализу романа В. Ропшина (Б. В. Савинкова) «То, чего не было», опубликованного в «Заветах» в 1912—1913 гг.

[4] Подразумеваются петроградский журнал «Русский современник», выходивший в 1924 г., и А. Н. Тихонов.

[5] Строки из «Песни старого гусара» («Где друзья минувших лет...», 1817) Д. В. Давыдова: «“Жомини да Жомини!” // А об водке — ни полслова» (*Давыдов Д.* Стихотворения. Л., 1984. С. 86 («Библиотека поэта». Большая серия)). Генрих Вениаминович Жомини (1779—1869) — военный писатель и теоретик; с 1813 г. на русской службе.

[6] См. п. 66, примеч. 1.

69
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

30 декабря 1926.
Ц<арское> Село.

Дорогой Федор Кузьмич,
во вторник (28-го) я был в городе и собирался вечером завернуть к Вам, но узнал, что Вы больны и в постели, — а потому ограничился лишь тем, что позвонил по телефону и узнал, что Вам лучше. Но «лучше» — дело относительное, и я не знал, настолько ли Вам лучше, чтобы желать видеть посетителя, а потому и отложил посещение до следующего раза.

Когда Вы совсем поправитесь, то назначьте день, и мы (Замятин, Гизетти, я) соберемся у Вас для обсуждения нью-йоркского издательского предложения[1]. День мне безразличен, — любой, кроме субботы и воскресенья; а с Замятиным (6-31-17) и Гизетти (4-41-41) можно сговориться по телефону.

С конфузом получил от Союза Писателей 50 р. и ответил уже А. В. Ганзен[2]. А вот бумаги для Е. И. Зариной — не получал; старушка ходит ко мне и все спрашивает, когда же бумага? Если Правление вышлет ее, то может сделать это и по адресу самой Зариной: Д<етское> Село, Пролетарская, 17, комн. 10. Заодно позвольте уж поздравить Вас с Новым Годом на Антона; с Новым Годом на Онуфрия поздравлю через две недели[3]. Антон или Онуфрий, — но слава Богу декабрь на исходе, дни начинают прибывать. Скучная наша полоса земли, где природа «с великим трудом производит одни только веники»[4]

Варвара Николаевна шлет сердечный привет и поздравление с наступающими праздниками. В ожидании Вашего выздоровления и скорого моего у Вас появления

Остаюсь любящий Вас Р. Иванов.

---

[1] Каких-либо материалов, позволяющих установить суть этого предложения, обнаружить не удалось.

[2] Организацией материальной помощи Иванову-Разумнику со стороны Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей Сологуб (председатель Правления) и М. В. Борисоглебский (секретарь Правления) занимались с весны 1926 г. Об этом свидетельствует, в частности, письмо А. В. Ганзен к Сологубу от 11 мая 1926 г.:

> Вчера утром Михаил Васильевич <Борисоглебский. — *Ред.*> сообщил мне о Вашем разговоре с ним по поводу тяжелого положения Разумника

Васильевича, и я, зная, что как раз вчера же, в 3 ч. дня, должно было состояться последнее заседание Санат<орно>-эконом<ической> Комиссии Секции Научных Работников — в *старом* ее составе, в который кооптирована была я, — предложила нашему секретарю сейчас же составить от имени Правления просьбу об оказании Р. В. немедленной помощи единовременным пособием. Подписали эту просьбу мы оба, я передала ее лично секретарю Комиссии на заседании, и Р. В. назначено единовр<еменное> пособие в 30 р. Результат нашего вчерашнего вечера сегодня покажет, сколько мы можем дать нашему достойному товарищу в виде ссуды от Союза, и составится, я думаю, сколько-нибудь приличная сумма. Теперь просьба к Вам, чтобы Вы написали Р. В., предупредили его, что он получит от Секции извещение о пособии, и попросите его ни в каком случае от этого пособия не отказываться, на что он по своей необыкновенной деликатности способен! Пусть не идет за пособием сам, а даст доверенность жене или пришлет мне — как хочет. И еще одно: в бумаге нашей упомянуто «о болезненном состоянии» Р. В., — так полагается, ибо лишь под таким условием может Секция выдавать пособия; так пусть уж он не уверяет, что здоров! Он ведь и в самом деле больной человек! Затем, если бы он представил свидетельство врача о тех или иных своих недугах, то секция испросит для него более крупное пособие из центра. Все это, в ожидании долгого процесса исхлопотания постоянной пенсии, м<ожет> б<ыть>, несколько смягчило бы остроту материального положения Р. В. и его семьи (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 166. Л. 26—27 об.).

[3] Подразумеваются поздравления с Новым годом по новому и старому стилю. Выражение «на Антона и на Онуфрия» употребляется в случаях, когда дважды отмечается какое-либо событие, дважды получается плата за что-либо и т. п.; восходит к «Ревизору» Гоголя (действие 4, явление 10) — к словам купцов о городничем: «Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается. Нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что́ делать? и на Онуфрия несешь» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. <Л.>, 1951. Т. IV. С. 70).

[4] Неточно приводятся слова Автора в «Драматическом фельетоне о фельетоне и о фельетонистах» А. В. Дружинина, входящем в его цикл «Заметки петербургского туриста» (1855; ч. 2, I): «Природа Петербурга может с великими усилиями производить одни веники — скука, холод и гранит грезятся везде угрюмому мизантропу!» (*Дружинин А. В.* Собр. соч. СПб., 1867. Т. 8. С. 265).

70
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

9 янв<аря> 1927 .
Д<етское> Село.

Дорогой Федор Кузьмич,
еще раз поздравляю Вас и с минувшими праздниками, и с Новым Годом. После письма моего к Вам — дважды был в городе, справлялся о Вас и узнал, что Вы все еще хвораете. Собирался зайти к Вам в предстоящий четверг[1], но тут вдруг выяснилось, что сегодня вечером надо экстренно ехать в Москву[2].

Причины поездки: острый «безработный» кризис (авось Москва даст работу!), и — спешный вызов от Мейерхольда, которому буду

читать «Историю одного города»[3]. В Москве пробуду недели полторы; по возвращении заеду к Вам, надеясь застать Вас уже выздоровевшим (декабрь тогда уже пройдет).

Сердечный привет, поздравления от всех нас; главное Новогоднее пожелание — здоровья и бодрости.

Преданный Вам Р. Иванов.

---

[1] 13 января.

[2] Иванов-Разумник находился в Москве с 10 по 18 января 1927 г. (см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 447, 471).

[3] Речь идет об инсценировке «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, которую взялся подготовить для театра Мейерхольда Иванов-Разумник (под псевдонимом В. Холмский) в соавторстве с Е. И. Замятиным. После московской встречи Иванова-Разумника и Мейерхольда появилось информационное сообщение о готовящемся репертуаре Государственного театра им. Вс. Мейерхольда, где упомянута «“История одного города” по М. Е. Салтыкову-Щедрину, в переработке В. Холмского и Евг. Замятина и вещественном оформлении худ. Петрова-Водкина» (Правда. 1927. 18 февр. № 40. С. 8). Сообщая Н. Р. Эрдману о репертуаре сезона 1927—1928 гг., Мейерхольд замечал: «Щедрин будет готов, как нам сообщает Замятин, только в сентябре» (*Эрдман Н.* Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М., 1990. С. 268). Однако работа над инсценировкой затянулась и не была доведена до конца, постановка не состоялась. Фрагменты текста, написанные Замятиным, были опубликованы с предисловием, комментариями и послесловием А. Галушкина (Странник: Литература. Искусство. Политика. М., 1991. Вып. 1. С. 16—28); см. также: *Замятин Е.* Собрание сочинений: Лица. М., 2004. С. 487—535. Текст, подготовленный Ивановым-Разумником, видимо, не сохранился.

71
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

17 февр<аля> 1927.

Ц<арское> Село.

Колпинская, 20.

Дорогой Федор Кузьмич,

была у нас вчера Форш и сообщила, что, во-первых, посетила Вас, во-вторых — получает французскую визу, и в-третьих — я-де, Р. В., читаю в будущую субботу доклад о «Москве» в Союзе Писателей[1]. Боюсь, что в третьем пункте уважаемая писательница напутала: никакого доклада у меня не было и нет, и читать в Союзе в субботу не могу ничего, так что, если меня без меня женили, то сим ходатайствую о немедленном разводе в литературном ЗАГС’е[2].

Соответствует действительности только вот что: у меня накопилось несколько наблюдений и заметок о первой главке «Москвы»[3], которыми мог бы поделиться в небольшом кругу десятка человек, — например, на одном из Ваших вторников. Но и то — лучше не надо: слишком специально и представляет интерес лишь для очень немногих любителей Белого.

Я предпочел бы на одном из Ваших вторников доложить нечто более злободневное и в то же время вечное: о Гоголе. В Москве я дважды был на «Ревизоре»[4], и в связи с этой интересной постановкой всплыл ряд старых мыслей о Гоголе, очень спорных (но — тем лучше).

Недели через полторы собираемся с Варв<арой> Ник<олаевной> побывать у Вас; пока же шлем письменно привет и пожелания всего доброго.

Преданный Вам Р. Иванов.

P. S. Русскому американцу написал подробно, без особых надежд на реализацию этих широких литературных планов[5].

На конверте от письма — пометы Сологуба: «Получено 19 февр. 27 г.», «Отв. 21 февр.».

[1] Суббота — 19 февраля. Имеется в виду роман Андрея Белого «Москва» (см. п. 64, примеч. 3).

[2] Запись актов гражданского состояния и органы, где таковые регистрируются.

[3] Эти материалы частично сохранились в архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 78, 79).

[4] Премьера «Ревизора» Н. В. Гоголя (сценический текст, композиция вариантов — В. Э. Мейерхольд, М. М. Коренев) в постановке Мейерхольда состоялась в Государственном театре им. Вс. Мейерхольда 9 декабря 1926 г. См. обстоятельное описание спектакля в кн.: «Ревизор» в Театре имени Мейерхольда. Сб. статей А. А. Гвоздева, Э. И. Каплана, Я. А. Назаренко, А. Л. Слонимского и В. Н. Соловьева. Л.: Academia, 1927.

[5] См. п. 69, примеч. 1.

72
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

10 марта 1927.

Д<етское> Село.

Дорогой Федор Кузьмич,

простите за открытку, — ни конверта, ни марки нет под руками. Памятуя доброе отношение Ваше ко всем нам, хотел сообщить Вам о смерти Елены Павловны[1], проболевшей полторы недели после случившегося с ней удара. Не судьба была ей уехать из Д<етского> Села.

Две недели эти так перевернули все в нашей жизни, что вряд ли скоро войду в рабочую колею и догоню запущенное; очень хотел бы собраться к Вам поскорее, но не знаю, удастся ли сделать это в ближайшее время. Тем более, что и сам я что-то расклеился, затемпературился и вообще «замартился» (для меня март то же самое, что для Вас декабрь[2]).

Привет всем Вашим от Варвары Николаевны и от меня.

Любящий Вас Р. Иванов.

---

[1] Е. П. Оттенберг (урожд. Качальникова), мать В. Н. Ивановой.

[2] См. триолет Сологуба «Каждый год я болен в декабре...» (1913 // Сологуб Ф. Стихотворения. Л., 1975. С. 387 («Библиотека поэта». Большая сер.)). В мемуарном

очерке «Федор Сологуб», описывая кончину писателя (5 декабря 1927 г.), Иванов-Разумник неточно цитирует заключительные строки этого триолета: «Смерть меня погубит в декабре, // В декабре я перестану жить...» (*Иванов-Разумник*. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. С. 38).

73
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

12 июля 1927.
Песочки.

Дорогой Федор Кузьмич,
вот уже пять дней, как мы с Варв<арой> Ник<олаевной> живем в глухой деревушке, — хорошо нам знакомой, так как жили в ней два года подряд еще до революции[1]. Со станции вез нас мужик прозванием Иероплан (названный так за быструю езду), собака наших хозяев носит кличку Керзон[2]. Это — единственное веяние духа времени, которое за эти дни удалось подсмотреть в деревне; все остальное — нерушимо по-старому.

Пробудем мы здесь до конца июля и крепко надеемся, что, вернувшись, застанем Вас уже в Царском Селе. Вяч<еслав> Як<овлевич> Шишков должен был перед отъездом своим быть у Вас и устроить все хозяйственные дела по Вашему переезду[3]: перенести Вашу кровать, стоящую у нас на кухне, окончательно сговориться с Анной Леонтьевной (хозяйкой квартиры) и т. п. О том, что Вы поселите в маленькой комнате Надю (так, кажется, имя Вашей сиделки?) — она осведомлена; ей это, конечно, будет еще удобнее.

Не хочу утомлять Вас длинным письмом, а потому кончаю. Не спрашиваю о Вашем здоровьи, потому что твердо верю в скорое Ваше поправление (извините за «сквернологизм»); после тяжелых июньских дней Вы стали так скоро поправляться, что надеемся, вернувшись в Ц<арское> Село, найти Вас своим соседом и возобновить ежедневные встречи. Мы так прижились к Вам за три года жизни стена об стену, что хотелось бы опять быть соседями и быть Вам полезными, чем возможно.

На всякий случай, если бы Вы хотели известить о чем-либо, наш июльский адрес: ст<анция> Шимск, Новгородской губ<ернии>, дер<евня> Песочки, дача Ракова, мне. Варв<ара> Ник<олаевна> шлет искренний свой привет и лучшие пожелания; я — тоже.

Сердечно любящий Вас Р. Иванов.

На конверте — помета Сологуба: «Ответ послан 19—VII—27».

[1] В деревне Песочки Иванов-Разумник и В. Н. Иванова жили летом 1915 и 1916 гг.

[2] Джордж Натаниел Керзон, маркиз (1859—1925) — министр иностранных дел Великобритании в 1919—1924 гг.

[3] Прозаик В. Я. Шишков (1873—1945) проживал в это время в Детском Селе. Речь идет о предполагавшемся переезде Сологуба на жительство в Детское Село.

74
СОЛОГУБ — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ[1]

Дорогой Разумник Васильевич,
На основании Вашего последнего письма от 12 июля с<его> г<ода>, на которое я Вам отвечал своевременно в «Песочки»[2], думаю, что Вы уже вернулись на зимние квартиры, в Царское[3].

Я не оправдал Ваших надежд и до сих пор не смог выехать из душного города. Здоровье все еще неважно, без Вас бывало всяко: и хуже и лучше.

Приезжайте сами повидать меня, — я всегда рад Вам и Варваре Николаевне: за эти 1½ месяца мне сильно не хватало Вашей дружеской беседы и Вашего, всегда доброго, внимания по отношению ко мне.

Жду Вас в ближайшие дни.

Любящий Вас Федор Сологуб.

5 — VIII — 27.

Приписка О. Н. Черносвитовой (на отдельном листе)

Многоуважаемый Разумник Васильевич,

Федор Кузьмич в последние дни чувствует себя гораздо лучше. Проф<ессор> Аринкин[4] очень удачно, на мой взгляд, применил в последн<юю> неделю «голодную диету», вследствие кот<орой> значительно опали отеки. Он ждет Вас. Привет Вам и Варваре Николаевне.

О. Черносвитова.

5 — VIII — 27.

---

[1] В архиве Сологуба сохранился также черновик этого письма (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 2. Ед. хр. 6).

[2] См. п. 73, примеч. 1.

[3] 4 августа 1927 г. Иванов-Разумник писал Андрею Белому: «...только что (буквально — час тому назад) вернулся в Ц<арское> Село после месячного отсутствия <...>» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 524).

[4] Михаил Иннокентьевич Аринкин (1882—1950) — терапевт-гематолог, профессор Военно-медицинской академии в Ленинграде.

75
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

5 авг<уста> 1927.
Ц<арское> Село.

Дорогой Федор Кузьмич,
вчера вернулись мы в Ц<арское> Село, — на несколько дней раньше намеченного срока. Ближайшие два—три дня уйдут на приведение

в порядок квартиры, книг и запутанных летних дел, а в понедельник (8 авг<уста>) собираюсь к Вам, очень огорченный, что обстоятельства до сих пор не позволили Вам переехать в Ц<арское> Село. Впрочем, царскоселы говорят, что жара и пыль на нашей Колпинской улице были в июле столь же непереносны, как и в Питере.

Спасибо за память и за письмо, полученное мною в деревне. «Месяц в деревне»[1] мы провели совсем по-деревенски, даже не видели газет, — а по нынешнему времени это большой отдых.

От Варвары Николаевны сердечный привет и эгоистическое пожелание — поскорее увидеть Вас царскоселом; к этому присоединяюсь и я

Сердечно любящий Вас Р. Иванов.

---

[1] Обыгрывается заглавие комедии И. С. Тургенева (1850).

76
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

7 сент<ября> 1927.
Ц<арское> Село.

Дорогой Федор Кузьмич,
вчера вечером виделся с Мейерхольдом; когда я сказал ему о плане относительно «Кота в сапогах» сочинения Тика — Сологуба, то он пришел в восторг[1]. К сожалению, вся эта неделя у него очень «густо насыщена», и он побывает у Вас в начале будущей.

«Кот в сапогах» (в переводе Вас<илия> Гиппиуса) напечатан в журнальчике Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам» за 1916 г. в № 1-ом[2]. Надо этот № где-нибудь достать (нет ли в библ<иотеке> Союза Писателей?), тогда Варв<ара> Ник<олаевна> перепишет для Вашей работы эту пьесу в 2—3 экземплярах. Впрочем, быть может, Мейерхольд сам достанет для Вас экземпляра два печатных, если у него остались оттиски журнального текста.

Квартирный вопрос для заключения письма: квартиры, подлежащие осмотру, всё прибывают, к концу недели их, вероятно, наберется с десяток. Будем ждать в воскресенье утром Ольгу Николаевну для генерального осмотра[3].

Вяч<еслава> Як<овлевича> Шишкова увижу сегодня—завтра и переговорю.

У Вас побываю в самом начале будущей недели.

Варв<ара> Ник<олаевна> шлет сердечный привет; хочет сама побывать у Вас, чтобы привезти цветы.

До скорого свидания.

Любящий Вас Р. Иванов.

[1] Шуточную комедию-сказку «Кот в сапогах» («Der gestiefelte Kater», 1797, 1811; по сюжету Шарля Перро) немецкого прозаика Людвига Тика (1773—1853) предполагалось предложить для постановки В. Э. Мейерхольду в переводе (или переложении) Сологуба. Мейерхольд намеревался поставить «Кота в сапогах» еще в 1916 г. (см. его письмо к Вас. В. Гиппиусу от 29 июня 1916 г. // *Мейерхольд В. Э.* Переписка. 1896—1939. М., 1976. С. 182); обращаясь в Коллегию Наркомпроса и Главполитпросвета 14 января 1922 г. с заявкой на новый театр Главполитпросвета, он изложил репертуарный план, в котором значился и «“Кот в сапогах” по Людвигу Тику» (Там же. С. 213). В архиве Сологуба сохранились переведенные им «Предисловие издателя», «Лица» и «Пролог» пьесы («Кот в сапогах». Детская сказка в трех действиях, с междудействием (интермедией), прологом и эпилогом, Людвига Тика. Перевел Федор Сологуб // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 215). Замысел остался незавершенным.

[2] Василий Васильевич Гиппиус (1890—1942) — поэт, переводчик, критик, историк русской литературы. «Любовь к трем апельсинам. Журнал Доктора Дапертутто» — журнал режиссерского театра, издававшийся в Петербурге — Петрограде В. Э. Мейерхольдом в 1914—1916 гг. «Кот в сапогах» Тика в переводе Гиппиуса был опубликован в № 1 журнала за 1916 г., в том же номере была помещена статья В. М. Жирмунского «Комедия чистой радости (“Кот в сапогах” Людвига Тика. 1797 г.)». См.: Любовь к трем апельсинам (1914—1916): В 2 т. СПб., 2014. Т. II. С. 328—369, 383—389; *Жирмунский В. М.* Из истории западноевропейских литератур. Л., 1981. С. 76—80.

[3] О. Н. Черносвитова собиралась снять для Сологуба квартиру в Детском Селе.

77
ИВАНОВ-РАЗУМНИК — СОЛОГУБУ

27 сентября 1927.

Дорогой Федор Кузьмич,
я немного прихворнул и не знаю — попаду ли к Вам на этой неделе (хотя и всячески постараюсь). Как только немного поправлюсь — буду звонить по телефону Ольге Николаевне. Пока сообщаю только, что квартир на выбор по-прежнему несколько[1]; не сомневаюсь, что в ближайшие дни число их еще увеличится: теперь — самое «квартирное» время.

Варвара Николаевна шлет сердечный привет; я надеюсь все же на днях передать Вам его лично.

Любящий Вас Р. Иванов.

[1] См. п. 76, примеч. 3.

II

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

Е. А. Тахо-Годи

Ф. СОЛОГУБ И К. СЛУЧЕВСКИЙ — БИОГРАФИЧЕСКИЕ И ТВОРЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

То, что Федор Сологуб был лично знаком с поэтом Константином Случевским, посещал его литературные «Пятницы», регулярно проходившие в квартире К. К. Случевского на Николаевской улице с 26 октября 1898 года, давно известно. Это зафиксировано, во-первых, в документах самой эпохи — в мемуарах, письмах, дневниках, особо скрупулезно в дневнике Федора Фидлера, изданном и прокомментированном К. М. Азадовским[1], и в рукописном «Альбоме "Пятниц" Случевского», опубликованном на страницах журнала «Новое литературное обозрение» в 1996 году и прокомментированном С. В. Сапожковым[2]. Зафиксировано оно и в работах, посвященных истории кружка Случевского. Еще в 1965 году появилась публикация одного из близких к Ф. Сологубу в 1920-е годы человека — поэта и литературоведа В. В. Смиренского (1902—1977), чей интерес к «Пятницам» Случевского, возможно, был обусловлен и личными беседами с Ф. Сологубом[3]. Участию Сологуба в кружке Случевского посвящена статья Сапожкова 1995 года в журнале «Русская словесность» «Федор Сологуб на "Пятницах" К. К. Случевского»[4]. На сологубовской конференции 2003 года Т. В. Мисникевич делала доклад о читавшихся на «Пятницах» экспромтах Ф. Сологуба по поводу англо-бурской войны. Я в своей монографии «Константин Случевский: портрет на пушкинском фоне»[5], хотя и не выделяла в отдельный параграф историю взаимоотношений поэтов, писала об их контактах. Напомню конспективно, что помимо посещения «Пятниц» Случевского это и участие Сологуба в трех изданиях, предпринятых «пятничниками».

---

[1] *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения / Подгот. К. М. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 861 с. (Россия в мемуарах).

[2] *Сапожков С. В.* «Пятницы» К. К. Случевского (по новым материалам) // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 232—375 (на с. 281—352 воспроизведен альбом «Пятницы К. К. Случевского», хранящийся в РНБ).

[3] *Смиренский В.* 1) К истории пятниц К. К. Случевского // Русская литература. 1965. № 3. С. 216—226; 2) *К* истории «пятниц» К. К. Случевского (по воспоминаниям Т. Л. Щепкиной-Куперник о литературных вечерах) // Вопросы литературы. 1965. № 8. С. 254—255.

[4] *Сапожков С. В.* Федор Сологуб на «Пятницах» К. К. Случевского (по архивным материалам) // Русская словесность. 1995. № 5. С. 89—93.

[5] *Тахо-Годи Е. А.* Константин Случевский: портрет на пушкинском фоне. СПб., 2000.

Во-первых, в «Пушкинском сборнике» 1899 года, где в первом поэтическом отделе Сологуб поместил стихотворение «Заря-заряница...», написанное 11 октября 1898 года[6].

Во-вторых, в навеянном 100-летним юбилеем А. С. Пушкина альманахе «пятничников» «Денница», где были напечатаны стихотворения «В лесу кричала злая птица...» (под заглавием «Заклятие молчанья»), «Я верю в творящего Бога...», «Я напрасно хочу не любить...», «Побеждайте радость...». За это Сологуб, как и остальные авторы и редакторы альманаха, получил нагоняй от П. Якубовича-Гриневича (Якубовича-Мельшина) на страницах «Русского богатства», назвавшего участников альманаха «литературными покойниками» и поэтически бессильной «плевадой» в противовес пушкинской «плеяде»[7].

В-третьих, в юмористическом листке «пятничников» «Словцо». Ф. Сологуб был одним из «пайщиков» листка, числился среди 38 постоянных сотрудников, причем не только номинально — здесь напечатан под различными псевдонимами с десяток его текстов, перечень их можно найти в «Библиографии Федора Сологуба»[8].

Судя по записям Сологуба, аккуратно регистрировавшего всю свою деловую переписку в специально для этого предназначенной тетради, его первые контакты со Случевским относятся к январю 1896 года: 7 января, как помечает Сологуб, он отправил простой бандеролью свою первую книгу стихов на имя редактора «Правительственного вестника»[9]. Затем было письмо по поводу посылаемой книги «Тени» и стихотворения «Зоря-заряница» от 6 октября 1898 года[10], присылка 19 января 1899 года двух вариантов «Зори-заряницы»[11] и еще целый ряд писем того же года — от 16 мая, 21 мая, 15 июня, 12 июня и 29 декабря 1900 года, 19 июля 1901 года, встречные письма от Случевского, в том числе с просьбой о фотографии и приглашением посетить его дачу «Уголок»[12] и «Пятницы»[13].

Был Сологуб и членом возникших после смерти Случевского «Вечеров памяти К. К. Случевского». 30 сентября 1904 года прошло заседание кружка, был заведен альбом «Вечеров Случевского», куда

---

[6] Пушкинский сборник. В память столетия со дня рождения поэта. СПб., 1899. С. 51.

[7] *Гриневич П. Ф.* [*Якубович П. Ф.*]. Именем Пушкина (Денница. Альманах 1900 года, изданный под ред. П. П. Гнедича, К. К. Случевского и И. И. Ясинского) // Русское богатство. 1900. № 2. С. 41.

[8] Библиография Федора Сологуба: Стихотворения / Сост. Т. В. Мисникевич; под ред. М. М. Павловой. Томск; М., 2004. 351 с.

[9] РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 24.

[10] Там же. Л. 49.

[11] Там же. Л. 50.

[12] Там же. Л. 100 об.

[13] Там же. Л. 105 об., 106, 110.

вписали и первое постановление: «продолжать “пятницы” в тех же целях и в том же направлении», «стремиться к расширению кружка», прием новых членов «решать единогласным постановлением присутствующих на собрании»[14]. Обязанности «руководителя, секретаря, архивариуса» возложили на Ф. Ф. Фидлера.

Однако главная идея Случевского — объединение разных поколений и разных поэтических группировок — после смерти основателя кружка пошла прахом. Разъединяли и политические позиции: на одном из «Вечеров» Сологуб «имел личное столкновение с князем Ф. Н. Касаткиным-Ростовским», участвовавшим в расстреле рабочих 9 января 1905 года, и дело, как писал В. М. Грибовский, «чуть было не окончилось дуэлью»[15] (вскоре Касаткин был исключен из кружка[16]). Но еще в большей степени разделяли позиции литературно-эстетические. Сдерживаемые Случевским противоречия между «пятничниками-традиционалистами» и «пятничниками-новаторами» перешли в открытое противостояние. Не остался в стороне от этих баталий и Сологуб.

После закрытия Религиозно-философских собраний и прекращения журнала «Новый путь» Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус попытались завоевать «Вечера» на встрече 6 марта 1905 года у Сологуба. Большинство из собравшихся было неприятно поражено его появлением — уже с конца 1904 года Мережковскому не высылали приглашений. Н. М. Минский на вечер не пришел, но была его жена Л. Н. Вилькина. Эти двое и Поликсена Соловьева, как записывает Фидлер, «держались все время вместе и за ужином предложили избрать постоянными участниками наших вечеров Александра Блока и Владимира Гиппиуса»[17]. Такая явная попытка пополнить число своих приверженцев за счет «экстравагантных декадентов»[18] не встретила поддержки присутствовавших. Власть осталась за большинством. Правда, через год, 18 февраля 1906-го, несмотря на возражения Ап. Коринфского, отрицательно оценивавшего блоковскую поэзию, А. А. Блок все-таки прошел необходимую для избрания баллотировку[19], но на ситуацию в кружке это существенно не повлияло[20]. «Вечера Случевского» Блок посещать не стал.

---

[14] *Мазур Т. П.* Литературные «пятницы» Случевского // Страницы истории русской литературы. М., 1971. С. 268.

[15] Цит. по: *Азадовский К. М., Тименчик Р. Д. К* биографии Гумилева (вокруг дневников и альбомов Ф. Ф. Фидлера) // Русская литература. 1988. № 2. С. 180.

[16] Там же.

[17] *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов. С. 392.

[18] Там же.

[19] Там же. С. 431.

[20] См.: Из дневника Ф. Фидлера / Предисл. и публ. К. М. Константинова [К. М. Азадовского] // Лит. наследство. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 834.

Когда в апреле 1908 года кружок решили легализовать и он получил официальный статус, Сологубу как старому «пятничнику»[21] было предложено стать помощником нового председателя — Ф. В. Черниговца-Вишневского. Однако от места помощника председателя Сологуб отказался, мотивировав Фидлеру свое решение тем, что его «ближайшие литературные товарищи» М. А. Кузмин и А. М. Ремизов до сих пор не являются членами «Вечеров Случевского»[22].

На литературные разногласия ссылался Сологуб Фидлеру и в январе 1909 года, объясняя, что «поэтические “Вечера Случевского” он посещает теперь крайне редко, потому что ему там скучно (“Не услышишь ни одного нового слова”) и потому, что его друзья Блок, Городецкий и Кузмин <...> не приглашены в члены Кружка»[23]. В противовес старому кружку Сологуб призывал Фидлера создать «Союз современных поэтов»[24]. Не появился Ф. Сологуб даже на праздновании десятилетия кружка 5 февраля 1909 года[25].

Неудивительно, что кандидатура Сологуба в качестве председателя кружка не прошла, когда весной 1909 года ситуация вновь обострилась в связи с выборами нового председателя. Один из членов кружка, поэт А. А. Кондратьев, избранный одновременно с А. А. Блоком 18 февраля 1906 года, писал последнему 6 апреля 1909 года: «Спешу Вас также уведомить, что на ближайшем собрании Кружка Случевского будет происходить избрание председателя кружка взамен отказавшегося Черниговца-Вишневского, и поэтому следовало бы сговориться, а Вам явиться и подать свой голос. Мне кажется, что при избрании Сологуба, Кружок получил бы несколько иную физиономию, что устранило бы все препятствия для Вас быть действительным, а не номинальным только его членом...»[26]. На заседании 18 апреля 1909 года, как сообщалось в печати, «за отказом по болезни Черниговца, в председатели избран Н. Н. Вентцель (Бенедикт), а на его место товарищем председателя — профессор В. М. Грибовский. 2-й председатель (Фидлер) и секретариат (Уманов-Каплуновский, Соколов и Веселкова-Кильштет) остались по-прежнему»[27].

В итоге «старшие» символисты вынуждены были или покинуть «Вечера Случевского», как Мережковский и Минский, «младшие», как Блок и Вяч. Иванов, предпочитали после своего избрания там не появляться. Один Сологуб иногда туда наведывался.

---

[21] См.: *Сапожков С. В.* Федор Сологуб на «Пятницах» К. К. Случевского... С. 89—93.

[22] *Азадовский К. М., Тименчик Р. Д. К* биографии Гумилева... С. 176.

[23] *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов. С. 512—513.

[24] Там же. С. 513.

[25] *Азадовский К. М., Тименчик Р. Д. К* биографии Гумилева... С. 176.

[26] Литературное наследство. Т. 92, кн. 1. С. 560.

[27] Известия книжных магазинов Товарищества М. О. Вольфа. 1909. № 5. С. 83.

В выборах председателя кружка в апреле 1909 года принимал участие и Н. С. Гумилев[28]. Через четыре года, весной 1913-го, он будет одним из кандидатов на председательское место. Еще в 1908 году В. И. Кривич в письме к секретарю кружка М. Г. Веселковой-Кильштет характеризовал его как декадента «строгого рисунка», который не писал стихов «сологубовских настроений»[29]. Но и отсутствие «сологубовских настроений» не помогло — кандидатура Гумилева не прошла и 2 марта 1913 года новым председателем «Вечеров Случевского» был избран И. И. Ясинский.

Сологуб изредка приходил на заседания кружка, если верить некоторым косвенным источникам, вплоть до конца 1916 года. По не вполне достоверным воспоминаниям дочери Ясинского, З. И. Ясинской, он был на собрании кружка зимой 1916-го, когда в кружок принимали Сергея Есенина. И дата, и сам прием Есенина в постоянные члены кружка вызывают сомнения у исследователей[30]. По воспоминаниям З. И. Ясинской, Есенин ей заявил после окончания вечера: «А то сидит Федор Сологуб с бородавкой на щеке и думает, что я не читал Пушкина. А я Пушкина люблю. Но сейчас России нужны другие стихи, иная поэзия»[31].

Таковы основные вехи отношений Сологуба со Случевским и его окружением — близким и дальним, канва, которую можно уточнять, дополнять отдельными фактами и подробностями.

Однако помимо чисто биографических существовали или должны были существовать и творческие контакты. Ф. Сологуба могли привлекать не только «Пятницы» Случевского как место достаточно вольного (судя по записям Фидлера) времяпрепровождения литераторов, но и поэзия главы кружка — самого Случевского. Если не ошибаюсь, такой интересный ракурс отношений до сих пор остался непроясненным. Его-то мне и хотелось теперь коснуться и рассмотреть хотя бы на одном примере.

Обращу внимание на сохранившееся письмо Сологуба к Случевскому от 4 мая 1899 года, где он, несмотря на свои «антипушкинские» настроения[32], просит поспособствовать поездке на 100-летие Пушкина — на организованные при участии Случевского юбилейные торжества в Святых Горах. Письмо интересно не только этой «биогра-

---

[28] *Азадовский К. М., Тименчик Р. Д. К* биографии Гумилева... С. 181.

[29] Там же. С. 175.

[30] К. М. Азадовский пишет, что ни Н. Клюев, ни С. Есенин не стали членами кружка, несмотря на свое сближение с И. И. Ясинским в это время (см.: *Азадовский К. М.* Клюев и Есенин в октябре 1915 года (по материалам дневника Ф. Ф. Фидлера) // Cahiers du monde russe et soviétique. 1986. Vol. 26. № 4. P. 423).

[31] *Ясинская З. И.* Мои встречи с Сергеем Есениным // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 259.

[32] См.: Мир искусства. 1899. № 13/14. С. 37.

фической» подробностью, но в первую очередь пассажем, содержащим оценку творчества Случевского, вернее только что написанной им поэмы «Он и Она (реальные фантазии)».

Ф. Сологуб прослушал ее первую половину в субботу 1 мая 1899 года в авторском чтении, предназначавшемся для самого узкого круга. На чтении предполагалось присутствие помимо автора всего трех слушателей. В письме Случевского к Мирре Лохвицкой говорилось: «Соблаговолите, Мирра Александровна, в субботу вечером в 9 часов, пожаловать ко мне. Нас будет четверо — прочту 1/2 новой поэмы “Он и Она”»[33]. Третьим приглашенным поэтом помимо М. Лохвицкой и Ф. Сологуба был Ап. Коринфский, с которым и Случевский, и Сологуб особенно сблизились как раз в конце 1890-х — начале 1900-х годов. Однако в последний момент круг слушателей несколько расширился — к старшим присоединился сын хозяина и тоже поэт — Константин Случевский-младший, писавший под псевдонимом Лейтенант С., со своим двоюродным братом. Об этом свидетельствует запись в сологубовской «Тетради посещений»: «1 мая, суббота. Я: 9 ½ — 12 — Случевский. <Были:> Случевский сын, племян., Лохвицкая, Коринфский»[34].

Вторая часть поэмы читалась уже осенью, 15 октября 1899 года, на очередной «Пятнице»[35]. Как зафиксировано в альбоме «Пятниц», присутствовали: Д. Л. Михайловский, П. В. Быков, И. И. Ясинский, С. А. Андреевский, Ф. К. Сологуб, Д. С. Мережковский (в примечаниях Сапожкова к «Альбому» эта поэма почему-то ошибочно принята за опубликованную в 1880-е годы поэму Случевского «Без имени»)[36].

Вскоре поэма была опубликована тремя частями в первых трех номерах журнала «Книжки Недели» за 1900 год. Ее появление в печати восторженно встретил почитатель творчества Случевского Иван Коневской[37]. В «Северных цветах на 1901 год» в статье «Об отпевании новой русской поэзии» он восклицал: «Невозможно, наконец, говорить о том, что пропала наша стихотворная поэзия, и до тех пор, пока долголетний возраст не препятствует до последнего времени

---

[33] ИРЛИ. Ф. 648. № 55.

[34] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. См. с. 000 наст. изд.

[35] Сологуб получил повестку о чтении поэмы 14 октября 1899 г. (ИРЛИ Ф. 289 Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 101 об.).

[36] *Сапожков С. В.* «Пятницы» К. К. Случевского... С. 294.

[37] В письме Вл. Гиппиусу от 12 апреля 1900 г. Ив. Коневской, указывая на Бальмонта как на «самого популярного из современных русских поэтов», писал, что он более «известен в “большой публике”, чем из прежних Случевский, а из новых Сологуб» (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 97). Об отношении Коневского к Случевскому см.: *Лавров А. В.* Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2015 (именной указатель).

создавать лучшие свои, даже в крупном объеме, замыслы, как поэма Он и Она, К. К. Случевскому, единственному в своем роде из русских поэтов по буйной яркости, размаху и причудливой изощренности своей живописи»[38].

Хотя в 2009 году мне удалось републиковать эту поэму[39], думаю, она все равно мало кому известна, так что имеет смысл сказать о ней подробнее. Написанная в год 100-летия А. С. Пушкина, она имеет немало отсылок к пушкинскому творчеству. Здесь и реминисценции, и введение драматизированных сцен, напоминающих об одной из пушкинских «южных» романтических поэм — «Цыганах»: образ главного героя в определенной мере может быть соотнесен с гордым скитальцем Алеко. Очевиден и учет трактовок пушкинских героев Ф. М. Достоевским — явственен тот же призыв «гордому человеку» смириться.

Романтической эпохой веет и от самого сюжета. Любовь героя и героини недолга. Охладев к возлюбленной, герой увлекается женой Паладина. Случайно обнаружив измену Паладинши с Неизвестным, герой в схватке с соперником тяжело ранен кинжалом. Спасенный от смерти заботами прежней возлюбленной, он бросает ее, беременную, и отправляется странствовать. Побывав на войне полководцем, рабочим на заводе, вкусив науку в университетских стенах, депутатство в законодательной палате и во всем разочаровавшись, герой пробует найти себе место среди отверженных — на самом дне общества. В этом человеческом аду он, блудный сын времени, вспоминает о Ней, чистой и далекой, и решает вернуться в родные места. Став свидетелем кораблекрушения, спасая тонущих, он выносит на берег мертвого ребенка. Узнав, что умерший ребенок его собственный сын и что бывшая возлюбленная тоже мертва, поняв бесполезность испытывать или упрекать судьбу, герой смиряется. Поэма завершается размышлениями о «любви, объемлющей весь мир», об обманчивости покоя и тишины, о том, что «капля вод полна трагедий и неизбежности полна».

Очевидна связь этой поэмы с небольшой драматической сценой 1899 года Мирры Лохвицкой, вошедшей в ее третий сборник стихов 1900 года и озаглавленной практически аналогично: «Он и Она. Два слова». Тут тоже все предельно условно-романтично: терраса замка, старый муж, юная жена, убийство из ревности, стилизация под Средневековье — песня миннезингера о графе Бертране, о графине Сильвиане и влюбленном в нее паже. Но, признаюсь, с трудом верится, что излишне романтизированный сюжет Случевского мог породить тот восторженный пассаж в письме Сологуба, который я позволю себе процитировать целиком. Ф. Сологуб писал:

---

[38] Северные цветы на 1901 год. М., 1901. С. 187.

[39] *Случевский К. К.* Стихотворения, поэмы, переводы / Вступ. статья, сост. и примеч. Е. А. Тахо-Годи. М., 2009. С. 294—340.

> В субботу я ушел от Вас тронутый и взволнованный Вашею поэмою. В ней есть неотразимое обаяние истинного и глубокого, и великого человеческого чувства, которое выше и сильнее всего условного, случайного, — придуманных правил, навязанных мелочною жизнью симпатий. Ваше чтение заставило меня перечувствовать очень многое, — и, должно быть, сильное художественное настроение способно заражать: под впечатлением Вашей поэмы у меня сложился план повести, содержание которой никогда не представлялось мне до того вечера, — содержание странное, несколько дикое, и, может быть, более интересное, чем я смогу его написать. Я пишу Вам не для того, чтобы сказать Вам лесть: о моих впечатлениях я всегда предпочитаю молчать, — но Вы возбудили во мне столь исключительное настроение, что мне хочется сказать Вам об этом, и сказать Вам (выражаясь иносказательно), что одно из Ваших зерен зреет потихоньку во мне, — и еще я хотел бы благодарить Вас за это, но почти не могу, — не знаю, осветили Вы мне что-то, или еще раз сладко отравили меня[40].

Этот сологубовский пассаж вызывает по меньшей мере два вопроса.

Первый и самый очевидный — какой именно текст был навеян Сологубу поэмой Случевского? Ответить на такой вопрос однозначно нелегко. Не исключено, что посеянное зерно так и не взошло — и задуманная «повесть» просто не была написана. Но можно выдвинуть гипотезу, что это одно из первых указаний на замысел позднего сологубовского роман «Заклинательница змей».

В 1914 году «Вестник литературы» сообщал, что «Федор Сологуб заканчивает новый роман под заглавием “Заклинательница змей”»[41], однако книга увидела свет лишь в 1921 году. Героиня романа, фабричная работница Вера (она и есть «заклинательница змей»), мечтая о высоком деле и справедливости, решает уничтожить хоть одно «змеиное гнездо». В итоге она получает такую власть над богатым фабрикантом Гореловым, что он завещает ей фабрики, чтобы потом она могла реализовать свое желание — передать все рабочим, чтобы машины стали собственностью рабочих, и те работали на самих себя, а не на хозяина, пользуясь плодами своего труда. Однако Вера не успевает сама воплотить в жизнь свои социальные идеалы — завещание Горелова она получила, но убита приревновавшим ее женихом.

Казалось бы, какое отношение имеет этот сюжет и его героиня с ее рассуждениями не только о справедливости, но впрямую и о социалистах к только что пересказанному сюжету любовной поэмы Случевского? Однако именно в поэме Случевского мы находим схожий ход:

---

[40] ГИМ. Ф. 359. № 140. Щ. 151/353.

[41] Вестник литературы. 1914. № 3. С. 48.

работая на заводе, главный герой встречает заводскую девушку, как выясняется, она дочь убийцы (когда-то ради богатства убил родного брата), но ее собственные преступные планы иного плана: задумано получить завод для рабочих или убийством его хозяина, или покупкой завода, жребий застрелить хозяина выпал герою, но он предпочитает откупиться и добывает необходимую для покупки завода сумму[42]. В итоге завод переходит к рабочим, но «блудному сыну богатство не впрок» — обладание заводом счастья простому люду не приносит. О такой возможности развития событий сологубовскую Веру как раз и предупреждал другой персонаж романа, Разин, когда говорил ей, что человеческий эгоизм никуда не исчезает, что человеческая природа мгновенно не меняется и когда ее товарищи станут хозяевами, тогда «вместо одного крупного капиталиста появится тысяча мелких». Сходные рассуждения мы находим и у Случевского. У него это выражено так:

Сделана сделка и куплен завод.
Начал хозяйничать черный народ;
Вскинулись пламенем страсти людей;
Много родилось в них новых страстей;
Месяц один не успел миновать,
Начали люди людей угнетать...[43]

В поэме «Он и Она» история приобретения завода кончается пожаром, уничтожающим завод, и одновременным исчезновением из этих мест главного героя.

Как бы ни отличались детали, но сама сюжетная схема: замысел девушки-работницы выкупить завод для рабочих — несомненно, общая и в поэме Случевского, и в романе Сологуба. Но если у Случевского это лишь один эпизод, то у Сологуба — основная пружина всего повествования.

Второй и не менее трудный вопрос: что именно в поэме Случевского, помимо сюжета и «обаяния... великого человеческого чувства», заставило Сологуба почувствовать себя «сладко отравленным» в субботу 3 мая 1899 года?

Думается, во-первых, что Сологубу было близко само стремление Случевского смешать явь и фантазию, то, что Случевский называет «полной смесью представлений», когда нельзя различить «греза ли явью становится» или наоборот. Отсюда и оксюморонный подзаголовок его поэмы — «реальные фантазии».

---

[42] В печатном издании поэмы это первые главки «части второй» — XVII—XVIII, но мы не знаем, соблюдалось ли при устном чтении поэмы это деление.

[43] *Случевский К. К.* Стихотворения, поэмы, переводы. С. 316.

Во-вторых, можно предположить, что Сологубу была интересна предпринятая Случевским попытка абстрагироваться в поэме от конкретики реального исторического времени. «Но нет таких страниц былого / И не рождалась та страна, / Где б не звучало вечно ново, / Поверх всего: Он и Она!»[44] — утверждал Случевский. Отсюда отказ от именования героев — главных и второстепенных, придающий их фигурам и судьбам определенно символический характер. К. К. Случевский специально подчеркивает, что совершенно неважно, кто герой на самом деле — Протей или Прометей, скиталец, монах, средневековый рыцарь или обыкновенный человек. Совершенно неважно, кто на самом деле героиня — царица Востока, гетера из Афин, падший ангел, цветок Китая. Он и Она — это вечная пара, какие бы временные и внешние обличия — разных исторических эпох и народов — они ни принимали.

Эти идеи Случевского любопытно сопоставить с рассуждениями Сологуба о Дульцинеи и Альдонсе в статье «Демоны поэтов». По Сологубу, для лирического поэта, как для Дон Кихота, отрицавшего жизнь, необходимо «над мгновенною и случайною Альдонсою воздвигнуть иной, милый, вечный образ»[45]. Вот почему поэты надевали «на трудолюбивую и дебелую Альдонсу, — личины Афродиты или Медузы, Девы Марии или Астарты, Прекрасной дамы или Вавилонской блудницы, доброй Лилит или лукавой Евы, Татьяны или Земфиры, Тамары, дочери Гудала, или царицы Тамары»[46]. Однако есть и другой путь, «дело великой трудности», когда поэт, готовый сказать «да» «всякому высказыванию жизни», отказывается «собирать в один пленительный образ случайно милые черты», стремясь «принять и утвердить до конца все являемое»[47]. Тот, кто пройдет по этому трудному пути, не убоявшись «Дракона Вечного противоречия», кто познает «великий закон тождества совершенных противоположностей», тот «вступит в область вечной Иронии»: «Снимая покров за покровом, личину за личиною, Ирония открывает за покровами и личинами вечно двойственный, вечно противоречивый, всегда и навеки искаженный лик. За ангельским сладкогласием поэтов, за образами их золотого сна обличает она сонмище уродливых демонов»[48].

В-третьих, мог привлечь Сологуба в поэме Случевского и налет стилистической «бенедиктовщины»[49]. Бенедиктовская метафорика

---

[44] Там же. С. 294.

[45] *Сологуб Ф.* Демоны поэтов // Сологуб Ф. Собр. соч.: В 12 т. СПб., 1909—1911. Т.10: Сказочки и статьи. С. 174.

[46] Там же. С. 175.

[47] Там же.

[48] *Сологуб Ф.* Демоны поэтов. С. 176.

[49] Влияние В. Г. Бенедиктова на К. К. Случевского отмечал еще в 1860 г. И. С. Тургенев, упрекая поэта в письме от 24 октября 1860 г. за вычурность «a la Бенедиктов».

у Случевского чувствуется, когда поэт соотносит нападение героя на соперника с прыжком пантеры, льнущую возлюбленную — со змеей, звуки поцелуев звучат у него, «будто много лилось серебристых струй»[50], жизнь вьется над людьми как бабочка-сфинкс, а «Небо — синеокий зритель / Мертвой тишины»[51]. Напомню, что в тех же «Демонах поэтов» Сологуб положительно оценит В. Г. Бенедиктова, увидит в нем предтечу К. Д. Бальмонта[52], а Юлий Айхенвальд в своем очерке о Бенедиктове в «Силуэтах русских писателей» не только сошлется на это мнение Сологуба, но и сопоставит с Бенедиктовым тексты его самого, в том числе возведет к Бенедиктову сологубовскую любовь к эпитету «злой»[53]. Надо сказать, что этот эпитет любим и Случевским, хотя встречается в его поэзии значительно реже, чем у Сологуба: по моим подсчетам, около двух десятков раз, а в поэме «Он и Она» лишь дважды — «злого времени холодные уста»[54], «злое место»[55].

В-четвертых, Сологуба, как это ни парадоксально звучит, могло привлечь поэтическое мастерство Случевского. Парадоксальность здесь заключается в том, что из них двоих несомненным мастером стиха и стилистом был, конечно, Сологуб, тогда как поэзия Случевского вызывала у критиков нелицемерно-жесткие определения. Стих Случевского П. Якубович-Мельшин именовал «варварским»[56]. В. Я. Брюсов более осторожно писал в английском журнале «The Athenaeum», что версификация Случевского «не всегда красива», что поэт «даже не всегда владеет формой», хотя «бесформенность» его стихов «похожа на бесформенность кактуса», «индивидуальна и совершенно отличается от банальной»[57]. Выделяя из поэтов недавнего прошлого тех, «кто непосредственно влиял на поэзию модернистов», так сказать, «переходных поэтов», маркировавших переход «частью к упадку, частью к возрождению», Андрей Белый[58] в статье «Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом диметре» (1909) указывал на Мережковского и Случевского и подчеркивал, что «без них непонятны нам модернисты с их особенностями»[59]. Однако уже a priori он кон-

---

[50] *Случевский К. К.* Стихотворения, поэмы, переводы. С. 299.

[51] Там же. С.329.

[52] *Сологуб Ф.* Демоны поэтов. С.183.

[53] *Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. М., 1910. Вып. 3. С. 36.

[54] *Случевский К. К.* Стихотворения, поэмы, переводы. С. 298.

[55] Там же. С. 305.

[56] *Гриневич П. Ф.* [*Якубович П. Ф.*]. Именем Пушкина. С. 41.

[57] Цит. по: *Мазур Т. П.* Случевский К. К. Основные этапы творческой биографии. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. С. 146.

[58] О влиянии на самого Андрея Белого поэзии К. К. Случевского см.: *Пильд Л.* О литературном генезисе мотива «пляски смерти» в книге стихов Андрея Белого «Пепел» // Андрей Белый в изменяющемся мире: К 125-летию со дня рождения / Сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина, И. Б. Делекторская. М., 2008. С. 333—341.

[59] *Белый А.* Символизм. М., 1910. С. 370.

статировал их «зависимость от Пушкинских эпигонов»[60], а затем показывал, что в своем ритме они «носят черты сходства с Надсоном»[61]. В статье «Лирика и эксперимент» (1909) Андрей Белый подчеркивал особенную ритмическую бедность Случевского и по этому признаку относил его наряду с А. Н. Майковым, А. К. Толстым и Бенедиктовым к последней, 4-й категории поэтов[62] (напомню, что в первую категорию входили «величайшие русские поэты» — Ф. И. Тютчев, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Е. А. Баратынский, А. А. Фет). В автокомментариях к статьям он опять констатировал, что «поэты, бедные и неоригинальные в отвлеченном ритме, бедны и в ритме конкретном»[63]. При этом, давая сравнительную морфологию ритма русских лириков, Андрей Белый не находил никаких существенных ритмических совпадений между Сологубом и Случевским: «Вообще ритм Сологуба представляет собой сложное видоизменение ритмов Фета и Баратынского, с примесью некоторого влияния Лермонтова, Пушкина и Тютчева. Но родственность напевности Сологуба с напевностью Фета и Баратынского резко подчеркнута»[64].

Однако, с моей точки зрения, в поэме «Он и Она» именно версификация могла привлечь Сологуба. Дело в том, что поэма полиметрична. Большинство из составляющих ее 37 фрагментов отличается друг от друга стихотворным размером, способом рифмовки. Так, I фрагмент написан четырехстопным ямбом с перекрестной рифмой, II — четырехстопным хореем с рифмовкой aabccb, III и IV фрагменты — снова четырехстопный ямб с перекрестной рифмой, но V — уже пятистопный ямб с перекрестной рифмой, VI — четырехстопный ямб со сплошной мужской парной рифмой, VII фрагмент — шестистопный ямб со сплошной мужской парной рифмой, VIII — четырехстопный ямб с кольцевой рифмой, в IX — четырехстопный хорей с перекрестной рифмой и т.д. При этом очевидна сознательная игра стихотворными размерами, что особо явственно в написанном анапестом XIII фрагменте, когда герой узнает об измене Паладинши и бросается в бой с соперником. Благодаря стихотворному размеру схожесть сюжетных узлов этого фрагмента: измена, тайное свидание, убийство — с балладой Жуковского «Смальгольмский барон» становится более явственной. Думаю, что стиховедческий анализ поэмы, если бы за него взялись специалисты, был бы небезынтересен.

Очевидно, что тут не «традиционная» пушкинская полиметрия, когда, как в «Цыганах», песня Земфиры метрически выделяется на

---

[60] *Белый А.* Символизм. М., 1910. С. 371.

[61] Там же. С. 376.

[62] Там же. С. 275.

[63] Там же. С. 631.

[64] Там же. С. 342.

фоне авторского повествования. Поэма Случевского предваряет полиметрические опыты новой литературной эпохи, что и должен был почувствовать Сологуб, чье пристрастие к версификационному разнообразию текстов дает о себе знать с первых же поэтических сборников. Случайность или нет, что наиболее яркие примеры использования в одном произведении метрически разнородных фрагментов в лирике Сологуба появляются после поэмы Случевского? Стихотворение «Если есть Иной...» писалось в апреле — мае 1900 года; «Игру ты возлюбил, и создал мир играя...» — в марте 1902 года.

Думаю, что именно это своеобразие поэмы имел в виду Иван Коневской, когда писал о «размахе и причудливой изощренности живописи» новой поэмы Случевского «Он и Она». Вероятнее всего, именно «эта изощренная живопись» и вызвала восторженный отзыв Сологуба, действительно могла стать одной из отправных точек не только для того или иного сюжетного хода, но и для собственных сологубовских версификационных экспериментов.

О. Л. Фетисенко

«...В ЭТОЙ-ТО СЛАБОСТИ И СИЛА ЕГО» (ФЕДОР СОЛОГУБ В ПЕРЕПИСКЕ П. П. ПЕРЦОВА И В. В. РОЗАНОВА)

Один из ценнейших источников для изучения русской культуры 1890—1910-х годов представляет собой до сих пор не изданная в полном объеме[1] переписка Петра Петровича Перцова и Василия Васильевича Розанова, которая велась с начала ноября 1896 года (в этом году корреспонденты и познакомились — через Б. В. Никольского и Н. Н. Страхова) почти до самой смерти Розанова.

Исследователям жизни и творчества Федора Сологуба эта переписка едва ли покажется материалом первостепенной важности. Упоминаний о Сологубе здесь чрезвычайно мало, почти все они содержатся в письмах Перцова. Эти фрагменты не являют сколько-нибудь важных биографических подробностей. Разве что письмо («закрытка») от 27 февраля 1899 года, в котором Перцов сообщает Розанову, что посетит его в урочный день в сопровождении большой компании:

> В воскресенье к Вам собирается целое сонмище гостей. А именно:
> 1) З. Н. Мережковская (м<ожет> б<ыть>)
> 2) Д. С. Мережковский
> 3) Дм<итрий> Влад<имирович> Философов,
> 4) Сергей Павл<ович> Дягилев
> 5) Соллогуб[2]
> 6) Я.
> Итак, ждите[3].

В письме от 2 апреля того же года Перцов осведомляется, «интервьюировал» ли Розанов Сологуба у Мережковских и «весело» ли было там[4]. Ответа на это письмо, по-видимому, не было, потому что в этот период корреспонденты постоянно виделись в Петербурге (Перцов при этом почти каждый день писал Розанову, поскольку был занят подготовкой его сборников к изданию). В письме от 20 июня 1899 года из Севастополя Перцов откликается на известие о «пушкинском» номере журнала «Мир искусства»:

---

[1] А это более 500 писем.

[2] Первое время Перцов воспроизводит псевдоним Ф. К. Тетерникова именно так, с двумя «л».

[3] РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 14.

[4] Там же. Л. 26 об.

> Видел, что Вы и Д<митрий> С<ергеевич>, вместе с Минским и Соллогубом <sic!>, составили «пушкинский» № «Мира искусства». Мне интересно, что̀ Вы написали. Да и остальные интересны. Вероятно, Пушкину или вернее его юбилею досталось тут на орехи[5].

Итак, очевидно, что сведений для «летописи жизни и творчества» Сологуба мы здесь особых не почерпнем. Надо отметить, что письма Перцова интересны как дополнение к его «Литературным воспоминаниям», где (в главе «Первые символисты») есть довольно большой отдел, посвященный Сологубу[6]. Напомню, что именно в «Литературных воспоминаниях» рассказано забавное происшествие, когда «однажды рассеянный Розанов хотел было сесть на стул, уже занятый Сологубом, так как ему показалось, что стул пуст» (*Перцов*, 181).

Несмотря на незначительное количество отзывов о Сологубе в переписке, казалось бы свидетельствующее о том, что «кирпич в сюртуке»[7] мало занимал обоих ее участников, эти отзывы не всегда разрозненны и «случайны». Напротив, в эпистолярном диалоге Перцова и Розанова выделяется несколько связанных с Сологубом эпизодов.

Начать следует с истории «не-встречи»: не-включения стихов Сологуба в изданный Перцовым в 1895 году сборник «Молодая поэзия».

Напомним, что Сологуб уже с 1892 года жил в Петербурге и с февраля этого года печатался в журнале «Северный вестник», где, собственно, и получил свой псевдоним. Перцов там его, несомненно, читал (по крайней мере, совершенно точно это известно о романе «Тяжелые сны»), да и лично уже мог познакомиться с автором романа (через А. Волынского, к примеру, или через Мережковского), однако же не заинтересовался его стихами, вероятно считая их вторичными. Может быть, в то время он присоединялся к мнению В. Я. Брюсова, считавшего, что стихи Сологуба «слишком рассудочны»[8]; но и Брюсов очень скоро (в этом же 1896 году) стал относиться к Сологубу иначе, а З. Гиппиус уже в декабре 1895 года нашла в его книге несколько стихотворений, «которые достойны быть названы прекрасными» и были, на ее взгляд, «*почти* совершенны»[9]. Сейчас странно осознавать, что

---

[5] Там же. Ед. хр. 80. Л. 2 об. Об участии Сологуба в пушкинском выпуске журнала «Мир искусства» см.: *Павлова М.* Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007. С. 259—262.

[6] *Перцов П. П.* Литературные воспоминания. 1890—1902 гг. / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 179—182 (далее ссылки на это издание даются сокращенно: *Перцов с* указанием страницы).

[7] Это прозвище, как известно из воспоминаний З. Н. Гиппиус, Сологубу дал Розанов. См.: *Гиппиус З.* Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. Кн. II. С. 91.

[8] Эти слова из письма Брюсова от 20 марта 1896 г. Перцов привел в воспоминаниях (*Перцов*, 180).

[9] Цит. по: *Дикман М. И.* Примечания // Сологуб Ф. Стихотворения. Л., 1978. С. 589—590.

ни одно стихотворение Сологуба не вошло в сборник, где представлен ряд имен, которые очень скоро совершенно забылись.

Забегая вперед, скажем, что через пять лет Перцов представлял литературную «лестницу» иначе и поэтому иным образом планировал выстроить задуманное им второе издание сборника. 16 января 1900 года он писал Розанову:

> А я придумал новое предприятие для себя: 2-е издание «Молодой поэзии», совершенно переработанное. Будут взяты только лучшие и более или менее определившиеся поэты (пока намечено только 16) и расположены в две группы — «романтики» с Фофановым во главе и «декаденты-символисты» во главе с Соллогубом <sic!> и Минским. И всякому станет ясно, что последние-то и суть первые (по интересу и весу). Но — на словах, а то не расскажешь[10].

Сравните в «Литературных воспоминаниях»: «Года через три-четыре я подумывал о втором издании, но план его рисовался мне в иных чертах. <...> Мне рисовался сборник небольшого размера, разбитый на четыре отдела» (*Перцов*, 150). Далее мы узнаём, что Сологуба Перцов мысленно видел в третьем отделе, где должны были находиться «уже определившиеся» поэты: «Сологуб, Гиппиус и Бальмонт» (*Перцов*, 151).

А пока, в 1895 году, как вспоминал позднее Перцов, «отношение к этому дебютанту было весьма сдержанное даже в символических кругах» (*Перцов*, 179). «Как мало заметен был тогда Сологуб в литературе — так же, и даже еще незаметнее был он и лично в литературных сборищах» (*Перцов*, 181).

В декабре 1895 года (одновременно с «Молодой поэзией») выходит первый поэтический сборник Сологуба — «Стихи. Книга первая» (на титуле — 1896), в октябре 1896 года — книга «Тени. Рассказы и стихи». «...Тогда, — как писал Перцов, — в воздухе точно разлилась какая-то зараза символизма» (*Перцов*, 177). Когда в «Литературных воспоминаниях» Перцов пишет: «В том же 1895 г. сверкнули первые проблески созревшего под спудом символизма, еще никем почти не понятые в их истинном смысле...» (далее упомянуты первые сборники А. Добролюбова, Сологуба, первые стихи Гиппиус и «московские сборнички» Брюсова (*Перцов*, 149—150)), — то себя он включает, конечно, в это число «не понявших».

---

[10] 1900 год в неизвестной переписке, статьях, рассказах и юморесках Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра Перцова / Сост. А. П. Дмитриева; изд. подгот. А. П. Дмитриев и Д. А. Федоров. СПб., 2014. С. 33 (автограф: РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 5—5 об.; этот фрагмент приводится и в комментариях А. В. Лаврова: *Перцов,* 397—398).

Отголосок первоначального пренебрежительного отношения к Сологубу звучит в позднейшем письме Перцова (1909), которое будет процитировано ниже. (Интересно оно употреблением нарицательных имен: «сологубы и сологубки».)

Второй эпизод, который можно выделить, ознаменован изменением отношения Перцова к Сологубу-поэту. Он был по-настоящему поражен стихотворением «Помоги!»[11], чем поделился с Мережковским в не дошедшем до нас письме. Мережковский отвечал 16 сентября 1897 года равнодушно-спокойно: «Очень рад, что стихи Сологуба Вам понравились, Вы помните, я давно уже проповедую Сологуба. Хотя мне кажется, значение этих именно стихов Вы все же несколько преувеличиваете»[12].

В это время фигура Сологуба приобретает для Перцова значение символическое. Он и с Брюсовым начинает спорить, «доказывая, что Сологуб — настоящий и крупный поэт» (*Перцов*, 180), а чуть позже, в январе 1901 года, рекомендует выпустить томик стихотворений этого поэта: «Ведь это был бы презент всем “любителям поэзии”, и “Скорпион” этим заслужил бы себе их вечную благодарность». Он признавался Брюсову: «Жаль, что медленность моего издательского кровообращения лишает меня возможности самому ее выпустить» (там же).

Еще в самом начале знакомства у Перцова с Розановым завязался длившийся потом несколько лет диалог о русской и европейской культуре, о конце (как тогда казалось) эпохи позитивизма, которую в России представляли либералы-«шестидесятники», народники во главе с их идеологом Н. К. Михайловским[13] и полемизировавшие с ними новомодные теоретики-марксисты («марксята»). Чтобы окончательно сокрушить «ослиную» мертворожденную культуру, в качестве взрывной силы особенно хорошо пригодны «декаденты», а значит, и Сологуб. Отсюда и перемена в отношении к нему у взыскательного критика.

В 1897 году Перцов путешествует по Италии. С восхищением он сообщает в своих письмах о шедеврах искусства, романтически вздыхает о старине (его отец еще застал ее), когда на Форуме паслись козы, и с раздражением (до брезгливости) говорит о современной «буржуазной» Италии[14]. Откликаясь на одну из таких инвектив, Розанов шлет

---

[11] Так оно было озаглавлено в первой публикации — в июльской книжке ежемесячных литературных приложений к «Ниве»; стихотворение датировано 18 мая 1897 г.

[12] Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову / Вступ. заметка, публ. и примеч. М. Ю. Кореневой // Русская литература. 1991. № 2. С. 169—170.

[13] Перцов, хорошо знакомый с ним по «Русскому богатству», где когда-то сотрудничал как литературный критик, редко называл его иначе чем «осел», и Розанов перенял у него это словечко.

[14] См.: «Когда присоединят Рим к России?» (Письма П. П. Перцова к В. В. Розанову из Италии) / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисен-

Перцову в конце ноября — начале декабря 1897 года настоящий гимн декадентству:

> Да, мир пошлости, отвечу я на Ваши слова о Риме времен теперешних и 30—40 лет назад; это — опустошения культурные, которые наносит Европе либерализм. К великому счастью его эра кончилась. Да, батюшка, я стал любить декадентов; они своими «фиолетовыми руками»[15] сделали то, чего не мог сделать Катков своими громами, Страхов своею рассудительностью, образованностью и тихою борьбою[16]. Потянуло новым в воздухе; мы входим в эпоху «тривиум» и «квадривиум»[17], т. е. III—VI—VIII века по Р. Х. Все сумеречное и неясное нам нравится, все Аракчеевски-Спенсеровски-ясное — противно под самою язвительною для них формою: оно не опасно, не враждебно, оно просто *скучно*. Собственно я был яростным консерватором не по любви к консерватизму, но по ненависти к либерализму = Викт<ору>-Эм<мануилу>[18] и его «средненькому», «сладенькому с кислотцой», против этой отвратительно-культурно-политической маниловщины с ее «школками имени Виктора-Эм<мануила>», «больницами имени Гумберта»[19]. Но видя, что «фиолетовые» руки восторжествовали и либерализм сам «спасается куда можно» — я становлюсь внутренно свободным. Да, больше сумрака, больше неясности! больше поэтического, больше святого! К черту политика и да здравствует арфа; о, если бы не проклятый *холодный* север: я бы вышел со службы и стал lazzaroni[20]. А тут дрова, квартира, «стол» — и ведешь скотски-жуль-

---

ко // Archivio russo-italiano VII = Русско-итальянский архив. VII. Salerno, 2011. С. 67—100.

[15] Цитата из стихотворения В. Я. Брюсова «Творчество» (1895): «Фиолетовые руки на эмалевой стене...».

[16] Ср. в позднейшем, от 9 января 1913 г., письме Розанова к П. А. Флоренскому: «Вы пришли в счастливую пору, когда брюсовское “на таких-то зеленых латаниях — тень стен” и проч. повалило эту “ослиную самость” позитивизма, как говорит мой друг Женя Иванов (30 л.), “повалило именно БЕССМЫСЛИЦЕЙ и НЕПОНЯТНОСТЬЮ, но с — МУЗЫКОЙ”. Завыл Спенсер в могиле, когда “объявился Балтрушайтис”, люди сняли штаны и стали ходить на четвереньках. “Вот вам позитивизм”. Это было отлично. Лет на 15 все стали говорить “нечленораздельно”, и за 15 лет просто ***забыли***, что “человек происходит по мартышке Дарвина”. Это было превосходно» (*Розанов В. В.* Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.; СПб., 2010 Т. 29: Литературные изгнанники. Кн. 2. С. 291—292).

[17] Тривиум и квадривиум — учебные циклы средневековой школы. Первый включал в себя изучение грамматики, риторики и диалектики, второй — музыку, арифметику, геометрию и астрономию.

[18] Имеется в виду Виктор-Эммануил II (1820—1878) — первый король объединенной Италии (с 1861 г.).

[19] Умберто I (1844—1900) — король Италии (с 1878 г.), сын Виктора-Эммануила II.

[20] нищим, босяком (*ит.*).

нический вид существования. Ибо «госуд<арственную> службу»[21] я считаю положительным злоупотреблением: право, люди жили бы лучше и легче без государственных о них забот; главное — они были бы человекообразнее и подбористее, а то теперь, возложив все на государство, — превратились в совершенных свиней. Общество тоже тянется за государством и его «деловитостью» и потеряло уютность и теплоту прежнего быта.

Иные дни — иные сны[22].

Но мы тоже начнем

Иные сны

— и это меня удивительно одушевляет к литературе. <...>

Мережковского я знаю с исключительно теоретической, умственной стороны, и Вы знаете, как это недостаточно, чтобы завязать интимность. Он б<ыл> у меня, и мы провели вечер в очень интересной беседе, с полуслова понимая друг друга. Теоретически у нас есть много общих догадок. Я говорил с величайшим удовольствием, ибо только в этих случаях мгновенного угадывания мыслей друг друга беседа легка. И еще приятно потому, что наблюдаешь, до чего, до которых точек по известному пути другой дошел. Что́ Вы думаете о Соллогубе <sic!>: напишите мне; и что́ Вы к нему чувствуете. Мережк<овский> говорит, что это очень интересный человек, но я как-то не могу принудить себя заинтересоваться им. Стихи его — некоторые— мне нравятся; «*Тяжелые сны*»[23] — я нахожу глубокомысленною, хотя и не связною вещью[24].

3 (15) декабря Перцов отвечает из Рима большим письмом[25], в котором особое место уделено ответу на розановский вопрос об авторе «Тяжелых снов»:

---

[21] Розанову удастся оставить государственную службу только в 1899 г. — благодаря постоянному и хорошо оплачиваемому сотрудничеству у А. С. Суворина в «Новом времени».

[22] Измененная цитата из романа «Евгений Онегин» («Путешествие Онегина»). У Пушкина: «Другие дни, другие сны». В том же виде, как в письме к Перцову, цитата приводится в книге Розанова «Легенда о Великом Инквизиторе».

[23] Роман Сологуба, написанный в 1883—1894 гг., впервые опубликованный в «Северном вестнике» (1895. № 7—12) и вышедший отдельным изданием в 1896 г. На второе издание (СПб., 1906) Розанов откликнулся рецензией, оставшейся неизданной (НИОР РГБ. Ф. 386. К. 58. Ед. хр. 28). Эта рецензия выявлена и введена в научный оборот М. М. Павловой (см.: *Павлова М.* 1) Комментарии // Сологуб Ф. Тяжелые сны: Роман. Рассказы / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. М. Павловой. Л., 1990. С. 351, 353; 2) Писатель-Инспектор. С. 134). Обширная цитата из рецензии дана в словарной статье: *Фоминых Т. Н.* Сологуб Федор // Розановская энциклопедия. М., 2008. С. 920.

[24] РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 17 об. — 18.

[25] Развернутая цитата из него приводится А. В. Лавровым в комментариях: *Перцов,* 408—409.

О Соллогубе. Как человека, я его вовсе не знаю. Т. е. видел его много раз в разных местах, но Вы сами знаете, к<ак> мало можно вынести из этого. Помните, как Вы однажды чуть не сели на него у Мережковских? Это одно из самых забавных моих воспоминаний. Д<митрий> С<ергеевич> знает его близко — был у него на дому́, где он говорит. Впрочем, я не сомневаюсь, что это должен быть очень умный и оригинальный человек. Это видно по стихам. Стихи его я долго «отрицал», и даже не поместил в «Мол<одой> поэзии». Но потом, отчасти он стал писать увереннее, отчасти я сам подрос, и его вторая книга уже нашла во мне поклонника, а недавнее превосходное его стих<отворение> «Помоги!» даже привело меня в энтузиазм, испугавший самого Д<митрия> С<ергеевича>. «Тяжелые сны» я начал читать, но бросил на первых же страницах, т<ак> к<ак> они произвели на меня впечатление кошмара. Я и теперь думаю, что произведение это уродливое и *слишком* больное. Что̀ Соллогуб вообще больной человек — это ясно, но этого я ему не ставлю в вину: напротив — именно в этой-то слабости и сила его. Надоели эти здоровые и «здоровенные», к<ак> г<ово>рит Д<митрий> С<ергеевич>. В *стихах* его ненормальность уместна, *своевременна*, п<отому> ч<то> теперь стихи должны быть «декадентскими», чтобы быть чем-нибудь кроме перепевов. В этом смысле Вы правы — теперь пришел «александрийский» период: после ахейского[26] XVIII века, аттического Пушкинского и коринфского Фета как раз его время. И вот почему все эти фетовцы до Фофанова включительно нередко талантливы, но всегда скучны, а Соллогуб интересен, и за ним я считаю первое место в современной поэзии[27]. Даже более того (к<ак> я и писал Д<митрию> С<ергеевичу> по поводу «Помоги!») — он, Соллогуб, дает свое имя новому периоду русской поэзии — последнему, «упадочному», слабому и умирающему, конечно. Но в этом уж не его вина. А для меня теперь прямо существует лестница: Пушкин, Фет, Соллогуб. Тут, разумеется[28], не в величине талантов дело, но каждого другого русс<кого> поэта можно уложить в одну из этих трех хронологических рубрик, в к<ото>рых самые типичные представители эти трое. Вот и Зинаида Николаевна (она мне на днях прислала свою новую книжку[29], где сти-

[26] *Вписано над зачеркнутым*: эпического.

[27] «И за ним ~ в поэзии» *подчеркнуто карандашом либо Розановым, либо позднее самим Перцовым.*

[28] *От слов*: Но в этом *отчеркнуто карандашом слева на полях.*

[29] 23 ноября 1897 г. Гиппиус послала Перцову свой только что вышедший сборник рассказов «Зеркала» (на титульном листе выставлен 1898 г.). См.: Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. М. М. Павловой // Русская литература. 1991. № 4. С. 127, 129. Поскольку она долго не получала отзыва о книге, об этом напомнил Перцову Мережковский: «Отчего Вы не напишете самой Зин. Никол. о ее книге. Ее интересует ваше мнение» (Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову // Там же. № 2. С. 177).

хи лучше прежних) хороша тем, что она, к<ак> г<ово>рит Буренин, «упадочница»[30].

Но это в стихах. А для романа это, очевидно, еще рано. Ведь (справьтесь с историями литературы) роман всегда следовал *за* поэзией. Нарождается он позднее, след<овательно>, и умирать будет позднее. Да, кроме того, в беллетристике и не так удобно вдаваться во всю эту субъективность и изолированность, к<ото>рые составляют сущность «декаданса». Она слишком эпична.

Ну а вообще Ваши «александрийские» надежды мало основательны. Этим александрийским листом либеральных глистов не выживешь, ни у нас, ни тем паче на Западе. Вообще, откровенно-то говоря, по всему заметно, что Вы просто не читали моих очерков венецианской живописи[31]. <...> ...уж там все прописано — и о мистицизме, и о переходе его в реализм, и о смысле того и другого, и обо всех эволюциях реализма, и об сущности «декаданса» и пр. и пр.[32] <...>

Точно Вы не знаете, что́ следует за Вашим «квадривиумом»? — ведь кончина живота. Что́ же из-за либералов и декадентов умирать России прикажете? От глистов не умирают. А в то же время наличность Соллогуба и С° — несомненна. И они, точно, немного прочистят. Да это все так, «второстепенное» sub specie aeternitatis[33]. <...> Хотел было еще написать Вам о Гиппиус (т. е. З<инаиде> Н<иколаевне>) и о Мережк<овском> и пр. (т. е. о них, как о литераторах, конечно), да уж, я думаю, Вы читать устали[34].

---

[30] В. П. Буренин, который своими фельетонами и пародиями в «Новом времени» «усердно подогревал интерес к чете Мережковских», не обойден вниманием и в «Литературных воспоминаниях» Перцова (*Перцов*, 178). В посвященных непосредственно З. Гиппиус фельетонах и обозрениях нововременского критика выражения «упадочница» нам найти не удалось.

[31] Упрек шутливый, поскольку очерки еще только-только создавались, изданы будут в «Новом пути» в 1903 г., а в виде отдельной книги («Венеция») — в 1905-м.

[32] Перцов имеет в виду главы, посвященные истории венецианской школы живописи. «Сущность “декаданса”» рассматривается там на примере заката этой школы, а также иллюстрируется впечатлениями от проходившей в Венеции международной художественной выставки. Современная живопись, замечает Перцов, «вдруг оказалась точно в вассальных отношениях к своей счастливой сопернице — музыке. Уподобляясь композиторам, новый художник вместо символизации идеи в пространстве предпочитает символизацию во времени; вместо зрительного впечатления — нервную вибрацию» (*Перцов П.* Венеция. М., 2007. С. 234). Эти попытки «переступить свои пределы» оказываются, как показывает критик, неудачными. История живописи служит для Перцова моделью истории всей культуры и жизни народа в целом. Именно изучая итальянское искусство Средневековья и Возрождения, он пришел к мысли о параболическом развитии культур и был позднее удивлен почти полным совпадением своей теории с тем, что прочитал (сподвигаемый Розановым) о «триедином процессе развития» у К. Н. Леонтьева.

[33] с точки зрения вечности (*лат.*).

[34] РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 43—44.

В начале мая 1899 года Розанов пытается пригласить Сологуба в «Торгово-промышленную газету», где сотрудничает и Перцов, но делает это нетактично, поэтому Сологуб дает вразумляющую отповедь[35]. В переписке с Перцовым этот сюжет не нашел отражения, как не отражена там и предыстория помещения в «Новом пути», редактором-издателем которого был Перцов, нескольких произведений Сологуба[36], но косвенно затронута другая история — эпизодическое сотрудничество поэта в газете «Слово» — это и можно условно назвать третьим «сологубовским» эпизодом в эпистолярии Перцова и Розанова. (Именно к данному периоду относятся и четыре коротких письма Сологуба к Перцову, сохранившиеся в виде рукописных (карандашных) копий адресата и публикуемые в Приложении.)

С января 1906 года Перцов редактировал литературный отдел газеты «Слово» («понедельники», печатавшиеся отдельным листком), где «постарался сгруппировать, что было возможно, из “настоящей” литературы» (*Перцов,* 291; очерк «Ранний Блок»). Но сотрудничество его с газетой началось еще задолго до этого, ведь и основано издание было его двоюродным братом, Н. Н. Перцовым. Газета начала выходить в декабре 1904 года, и уже за месяц до этого Сологуб стал одним из первых приглашенных Перцовым авторов[37]. В «Слове» были напечатаны и ранние его стихи («Братья, любите друг друга...», 1891; «Какой-то хитрый чародей», 1896), и относительно новые («Собака седого короля», 1905), и новейшие («Догорела свеча...»; 1908). Основное число публикаций (девять из четырнадцати) приходится на апрель — сентябрь 1908 года[38], и, несомненно, сотрудничество бы продолжалось, если бы газета не была закрыта самим ее издателем (в то время уже М. М. Федоровым).

В первые же дни после того, как выход газеты был прекращен, Перцов вспоминал в письме к Розанову от 15 сентября 1908 года

---

[35] См. большую цитату из его письма от 6 мая 1899 г.: Розановская энциклопедия. С. 920. На это письмо Розанов ответил пушкинскими строками: «Как с Вашим сердцем и умом / Быть чувства мелкого рабом?» (Там же).

[36] «Как часто хоронят меня!..» и «Пойми, что гибель неизбежна...» в январской книжке (вышла в конце декабря 1902 г.), «В путь пора — ладья готова...» (1898) и другие стихотворения в февральской книжке 1903 г.; рассказ «Жало смерти» (1902) в сентябрьской книжке; стихотворения в первом номере 1904 г. В конце 1904 г. к публикации готовились и уже были набраны пять сказок Сологуба, которые были запрещены цензурой из-за обнаруженной цензором их «явно вредной тенденции» (см.: *Лавров А. В.* К истории журнала «Новый путь»: официальные документы // Габриэлиада: К 65-летию Г. Г. Суперфина. URL: http://www.ruthenia.ru/document/545658.html). Впрочем, к этому времени Перцов уже отказался от редактирования журнала.

[37] См. в Приложении письмо Сологуба от 13 ноября 1904 г.

[38] См.: Библиография Федора Сологуба. Стихотворения / Сост. Т. В. Миснике-вич; под ред. М. М. Павловой. Томск; М., 2004.

о «понедельниках» «Слова»: «В “Слове” я ведь в первый же месяц сделал из мертвого у Быкова[39] “приложения” свежий “молодой” листок (там были Брюсов, Сологуб, Блок, да много). А сейчас “суббота” у “Нов<ого> Вр<емени>” — набор случайной дряни. Для такой газеты можно бы и приличнее»[40]. В это время Перцов просил Розанова похлопотать, нельзя ли найти работу при редакции «Нового времени», например реанимировать приложение, выходившее в среду, сделав его литературным приложением — вместо теперешнего субботнего — и введя в него «молодую литературу»: «Ведь у меня есть в этом смысле опыт “Нового Пути” и “Слова” и вообще я тут чувствую скорее почву под ногами. Если бы осуществить в субботнем или “среднем” (Вы г<ово>рили, его закрыли, п<отому> ч<то> *некому* заняться) приложении нечто вроде *чисто литературного* листка, как это было по понедельникам в “Слове”. Тут бы нашлось дело вполне по мне. <...> А и “Нов<ому> Вр<емени>” самому не лишнее несколько “освежиться” в сторону “молодой” литературы — это самый в нем слабый пункт. Буренинство теперь отжило свой срок»[41].

Наконец, последний, четвертый связанный с Сологубом эпизод, который можно выделить в переписке Перцова и Розанова, локализован вокруг самого знаменитого прозаического произведения этого автора. После выхода романа «Мелкий бес» (1905; отд. изд.: 1907), прочитанного, по выражению А. Блока, «всей образованной Россией»[42], Сологуб становится одним из самых популярных писателей.

Перцов в свое время не взял этот роман в «Новый путь», руководствуясь опасениями, что журнал могут «закрыть за такую “порнографию”»[43]. Теперь же, 22 марта 1908 г. (т. е. после выхода первого отдельного издания), он писал Розанову из Ялты:

«А из Казани вот пишут, что там “зачитываются Сологубом” («Мелкий Бес») — книгу зачитали в клочья!! “*Сологуб популярен*” — да

---

[39] Редактором газеты «Слово» до 1906 г. был Петр Васильевич Быков (1844—1930).

[40] РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 46 об. Благодарю Е. И. Гончарову, познакомившую меня с отзывами о Сологубе в переписке Перцова и Розанова 1900-х гг.

[41] Там же. Л. 46.

[42] *Блок А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 2010. Т. 8. С. 42.

[43] Из письма к Д. Е. Максимову от 5 июля 1930 г. (цит. по: *Перцов*, 410). Ср. в «Литературных воспоминаниях»: «Хотя художественные качества романа были очевидны, но “Новый Путь” не имел возможности поместить его, ввиду тех особых общественных и цензурных условий, в которых находился этот журнал (подчиненный, кроме общей, еще духовной цензуре). Уже один эротический элемент романа, в его первоначальном виде гораздо более откровенный, нежели в теперешней редакции, устранял эту возможность — тем более, что дело происходило до 1905 г. и принесенного им разрешения скоромных блюд» (Там же. С. 182).

ведь это прямое contradictio in adjecto[44]! Как удивился бы покойный Шперк, один из его первых поклонников»[45].

Припоминая это свое удивление неожиданным превращением Сологуба в популярного писателя, Перцов признавался в «Литературных воспоминаниях»: «Трудно было ожидать в то время, что именно этот роман даст Сологубу известность, граничащую со славой, как и вообще было трудно думать, что Сологуб станет знаменитостью. <...> Признаюсь, не ожидал этого прославления для него и я, и оно до сих пор плохо вяжется с моими воспоминаниями о Сологубе тех лет» (*Перцов*, 182).

Почему же вообще в письме 1908 года речь зашла о Сологубе? Зачем вдруг Перцову понадобилось сообщать (пусть и в шутливой форме, пародируя старинные газетные хроники), что «из Казани пишут»? Это было далеко не случайным и связывалось с общим контекстом ответа на мартовское письмо Розанова, в котором тот рассуждал об «одолевании декадентов», разумея это в том смысле, что декаденты одолели всех своих литературных противников, пришло их время, и это было продолжением давней (1897) беседы об «александрийском периоде» (не обошлось и без вечного Михайловского, на которого оба корреспондента давно «валили все шишки»)[46]. Приведем сначала слова Розанова:

---

[44] противоречие в определении (*лат.*).

[45] РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 38 об. В «Воспоминаниях о В. В. Розанове» Перцов упоминает об увлечении Федора Эдуардовича Шперка (1872—1897) поэзией Сологуба (см.: *Перцов,* 261, 262). Несомненно, ему были известны и помещенные в «Новом времени» (1896. 17 апр.; 1897. 27 марта) рецензии молодого критика на первое отдельное издание романа «Тяжелые сны» и лейпцигское издание того же романа на немецком языке в переводе А. Браунера (см.: *Шперк Ф.* Как печально, что во мне так много ненависти... Статьи, очерки, письма / Науч. ред. А. Н. Николюкин; вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. Т. В. Савиной. СПб., 2010. С. 104—105; 120—121). Эти рецензии заметно отличаются друг от друга: если в первой, прежде чем прийти к главному выводу о том, что роман Сологуба — это «лирический дневник», в чем и состоит его своеобразие, критик перечисляет то, чего нет в романе («живых и цельных образов», «душевного развития» и т. д.), и отмечает другие недостатки («отрывочность» построения), то во втором отзыве в общем-то те же самые свойства текста оцениваются уже в совершенно иной тональности, гораздо более смягченно, а в авторе романа рецензент обнаруживает «столько же дар поэтического стиля, сколько и глубину чувства, и силу ума» (Там же. С. 121). Шперк был хорошо знаком с Сологубом, дарил ему свои книги (см.: Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 438), а осенью 1896 г. даже задумал издавать вместе с ним «двухнедельный журнал с тремя отделами: I беллетристика, II философия, III критика», для чего искал помощи Суворина (*Шперк Г.* Как печально... С. 68; письмо к Розанову от 6 октября 1896 г.).

[46] Перцов в своем ответе вновь обращается к мотиву «слабительного» как основной функции декадентского искусства (ср. в 1897 г. игру слов: «александрийский период» и «александрийский лист», который выведет «либеральных глистов»).

> Меня очень занимает «одолевание декадентов». Оказывается, по всей линии журналов, газет, *книг* идет сознание: «Декаденты победили». А помните *Мир искусства*, когда везде только хихикали? Когда всем казались «экзотиками». И помните неуспех «Весов» (600 подписчиков чуть не 6 лет). Яркой звездой из «стаи славной»[47] поднялся один Мережковский: но ведь это все равно. <...>
>
> А как «основательно» умер и забыт Горький?! Что̀ за судьба! А гремел больше Толстого! Чем это объяснить? Что за психика читателей? И что̀ такое вообще история? И как делаются исторические дела? Понимаете ли Вы в этом что-нибудь? Написали бы, поразмышляли бы. <...> А помните, Михайловский подтрунивал: и теперь вдруг и *он* забыт, и знаменит менее, чем Георгий Чулков, не говоря уже о Брюсове?[48]

Перцов охотно откликнулся на предложение поразмышлять о причинах победы «молодой литературы»:

> В успехе декадентов самое интересное, что он связан *как-то* с революцией. Ведь несомненно, что без нее еще долго Брюсов казался бы смешным, а Кузмин и С° были бы прямо невозможны. Революция бесспорно как-то отменила внутреннюю психологическую цензуру, вместе со внешней. Тут есть +, поскольку русские[49] вообще и всегда «несвободны» <...>. Всякие Михайловские застили нам свет в окне сколько десятилетий. Теперь сделалось возможным гласно отрицать самодержавие и «Эстетические отношения искусства к действительности»[50]. Это бесспорный +. Но есть и — <минус> в том, что едва ли этот внезапный модернизм не есть какой-то «развал души», психическое гниение, к<ото>рое еще Бог весть что̀ значит. Особенно это плохо для «революции», ибо декадентство явно химически «анэстезирует» все революционное. После «Крыльев»[51] не пойдешь на баррикаду. Это наверное. Тут получается какая-то атрофия «социального», какое-то «превращение вещества». Но вопрос в том, чего стоит получившийся в итоге «реактив» и надолго ли его хватит? Я лично убежден, что эпоха царствия Кузмина—Арцыбашева и даже Блока—Брюсова (в сущности, менее «видных») очень непродолжительна. Пожалуй, и имеет

---

[47] Крылатые слова из стихотворения Пушкина «Перед гробницею святой...» (1831).

[48] РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 182. Л. 29—29 об.

[49] *Вписано над зачеркнутым*: мы.

[50] Название диссертации Н. Г. Чернышевского (1855) — одной из «канонических книг» шестидесятничества. Можно отрицать и самодержавие, и его заклятых врагов, т. е. быть свободомыслящим, не будучи приверженцем узкого либерального начетничества. Вот позиция Перцова.

[51] Роман М. А. Кузмина, впервые опубликованный в ноябрьской книжке журнала «Весы» за 1906 г.

> она значение только «слабительного». <...> Россия кончила один том своей истории и еще не начала другого (если *будет* «продолжение»). В *промежутке* «все позволено»[52]. Ни к чему душа не прикреплена и ни к чему не тянется. Повторяю, успех декадентов есть опаснейший signum mortis[53] для «революции», по крайней мере для ее прежних форм. <...> А с «общей» точки, я думаю, надо ждать того же приблизительно, что̀ было в других местах после аналогичных эпох. Ведь не первые мы живем на свете (хотя обычно и думаем, что «первые» — признак юности души)[54].

Приведенный выше пассаж о популярности Сологуба появляется уже под конец этого большого письма. Удивляйся — не удивляйся «одолеванию декадентов», а дело обстоит именно так: «Сологуб популярен», и теперь с этой *его* популярностью соизмеряется литературное положение одного из участников переписки.

В письме из Казани от 1 июля 1909 года (в этом году, напомним, начато собрание сочинений Сологуба в издательстве «Шиповник») Перцов благодарит Розанова за сообщение важных литературных новостей и поздравляет с тем, что хорошо расходится его книга (по-видимому, «Итальянские впечатления»):

«Вот хорошо, что книга “пошла”. Наконец-то и Розанов “тронулся”. Vogue la galère![55] Не одним же сологубам и сологубкам процветать! Помните, я зимой Вам предсказывал, что очередь за Вами»[56].

Мы видим, что в эпистолярном диалоге почти всегда Сологуба припоминает Перцов. Второе (после 1897 года) упоминание о Сологубе обнаруживается в письме Розанова к Перцову и его жене Марии Павловне. Его можно датировать до 22 января 1910 года. Розанов откликается здесь на статью Перцова «Юбилей Чехова»[57]:

> П<етр> П<етрович> и М<ария> П<авловна>!!!
>
> Превосходно о Чехове: верно, дельно. Под конец (8-й столбец) скучнее. Я думаю, такая характеристика за ним и останется. <...> Да, Чех<ов> был «обыватель» и «средний интеллигент»[58].

---

[52] Отсылка к крылатым словам «Если Бога нет, то все позволено», которые в оригинале (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») звучат так: «Нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит, все позволено» (ч. 1, кн. 2, VII).

[53] признак смерти (*лат.*).

[54] РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 34—35.

[55] Была не была! (*франц.*). Крылатые слова, восходящие к анонимному французскому «Фарсу мэтра Мимена» (ок. 1450—1500).

[56] РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 21.

[57] Новое время. 1910. 17 янв. № 12159. С. 4.

[58] Перцов в своей статье замечал, что имя Чехова «может стать нарицательным для обозначения если не всей России, то русского интеллигентного слоя конца XIX века и первых годов XX века — “эпоха” Чехова» (Там же).

> Ужасно мне нравится, что Маша восхищена Передоновым: «Черт знает, что такое», — а нравится. И *во всех* бы не нравилось, а в ней нравится. Почему? Мы все немножко Передонов — и он нами прочтен, и как «свое дурное Я»: а Маша — в сущности — тургеневская барышня (ей-ей ошибся, *описался* «чеховская») — и восхищенье к Передонову придает ей остроту странности, как если бы Таня Ларина любила французские каблуки[59].

Через несколько месяцев после этого письма, в июне 1910 года, Розанов поместит в «Новом времени» статью «Бедные провинциалы», в которой будет доказывать, что роман Сологуба вовсе не является изображением провинции, как решили простодушные читатели. Он увидит в Сологубе «субъективнейшего писателя», «иллюзиониста» и «мечтателя»[60].

Пролистав переписку Перцова и Розанова в поисках высказываний о поэте, олицетворяющем собой, по мнению одного из ее участников, «третий период» в развитии русской поэзии, можно прийти к выводу, что Сологуб если и находился на периферии эпистолярного общения собеседников, никогда не выходил из поля их зрения. Даже беглое рассмотрение узловых эпизодов позволяет прийти к выводу, что если расширить круг привлекаемых источников и сформулировать тему шире (или «раздвоить» ее на линии «Розанов и Сологуб», «Перцов и Сологуб»), исследователей могут ожидать новые в ней повороты.

* * *

В Приложении печатаются письма Ф. Сологуба к П. Перцову по копиям Перцова (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 201) без воспроизведения всех его помет (номера писем, указания на то, от руки ли написан адрес или типографским способом, на почтовой бумаге — как в письмах 1 и 3) и с сохранением переданных в копиях авторских орфографии и пунктуации.

---

[59] РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 27—27 об.

[60] *Розанов В. В.* О писательстве и писателях. М., 1994. С. 444 (Собр. соч. <Т. 4>; впервые: Новое время. 1910. 11 июня).

Приложение

Федор Сологуб. Письма к П. П. Перцову (1904—1906)
Публикация и примечания О. Л. Фетисенко

1
13 ноября 1904 года[1]

Федор Кузьмич
Тетерников
(Федор Сологуб)
СПб. В<асильевский> О<стров>. 7 л<иния>. <Д.> 20
13 ноября.
Многоув<ажаемый>
П<етр> П<етрович>.

Вчера, в пятницу, вечером я зашел к Вам, но не застал Вас дома. Поэтому пишу.

Ваше письмо я получил. С большим удов<ольствием> приму предлагаемое Вами участие в газете «Слово».

Что касается материала, то стихов я пишу довольно много, и поэтому могу их Вам доставить, когда прикажете, — хотя, впрочем, большинство моих стихотворений окажется, пожалуй, слишком декадентскими для газеты. Прозы у меня меньше, хотя на днях, м<ожет> б<ыть>, закончу рассказ[2]. Вообще прозу я пишу гораздо медленнее стихов. Из объявления[3] сегодня вижу, что газета выходит в конце ноября; к этому времени стихи я Вам наверное доставлю.

Предан<ный> Вам
Федор Тетерников

---

[1] Помета Перцова: «Получ<ено> 1904 14/XI».

[2] По предположению М. М. Павловой, Сологуб мог предложить газете рассказы «В плену» или «Маленький человек». Ни одно из его прозаических произведений не было напечатано в «Слове».

[3] Объявление об открытии подписки на ежедневную газету «Слово», подписанное издателем-редактором И. В. Скворцовым и издателем Н. Н. Перцовым, было помещено 13 ноября 1904 г. в «Новом времени» (№ 10311. С. 1), а на следующий день в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» (1904. 14 нояб. № 589. С. 1).

2
29 ноября 1904 года[1]

СПБ. В<асильевский> О<стров>. 7 линия, 20.
29 ноября 1904.
Многоуважа<емый> П<етр> П<етрович>.

Посылаю Вам 4 стихотв<орения> в надежде, что которое-нибудь из них пригодится Вам для Слова[2]. Позвольте при этом просить Вас

вот о чем: не будет ли любезна редакция Слова высылать мне газету. — Недели три назад я получил Ваше письмо, тогда же заходил к Вам, но не застал, ответил письменно. Кажется, письмо мое до Вас не дошло. Сужу об этом потому, что в списке сотрудник<ов> Слова моей фамилии нет[3]. Но это произошло не от моего нежелания, конечно, — потому что изложение воззрений редакции Слова, как я их читал в газетах, мне весьма сочувственно[4].

Искренно преданный Вам

Федор Тетерников

---

[1] Помета Перцова: «Получ<ено> 1904 30/XI».

[2] Первой публикацией Сологуба в «Слове» стало стихотворение «Снежное поле бесшумно...» (1894; Слово. 1905. 5 янв. № 34 (Прил. № 2). С. 9). Всего в этой газете помещено 14 его стихотворений, из них в 1905 г. — четыре, что совпадает с числом, указанным в публикуемом письме, но из этого, конечно, еще не следует, что в ноябре 1904 г. были присланы *те самые* стихи, что были напечатаны в течение следующего года. Однако перечислим другие три, опираясь на указанный в примеч. 49 библиографический справочник: «Мечта любви неодолима...» (1894; Слово. 1905. 3 апр. № 114. С. 12); «Что говорить, что жизнь изжита...» (1902; Там же. 5 июня. № 162. С. 12); «Над усталою пустыней...» (1898; Там же. 28 авг. № 238 (Прил.). С. 9).

[3] Имена сотрудников «Слова» прибавились к тексту объявления о подписке именно 29 ноября (см.: Биржевые ведомости (утр. вып.). 1904. 29 нояб. № 618. С. 1). В разделе «Беллетристика», где только и могло бы появиться имя Сологуба, поскольку раздела «Поэзия» не было предусмотрено структурой издания, перечислены Л. А. Авилова (ее имя почему-то названо даже дважды, второй раз в середине списка), М. Н. Альбов, К. С. Баранцевич, П. В. Быков, З. Н. Гиппиус, И. А. Гриневская, А. В. Круглов, А. А. Коринфский и др.

[4] Программа газеты была сформулирована весьма размыто: «Основою деятельности нашей газеты является служение прогрессу родной земли на почве исторических и бытовых начал, согласованных с потребностями нашего времени и в духе полной терпимости к верованиям, языку и бытовым особенностям каждой народности. <...> редакция “Слова” охотно даст в газете место искренним, независимым голосам людей практики и опыта, сторонников света и гласности...» (Новое время. 1904. 13 нояб. № 10311. С. 1.). В 1905 г. под редакцией П. В. Быкова газета позиционировала себя как орган правых земцев, после манифеста 17 октября — октябристов. После того как она была закрыта (в июле 1906 г.) и возобновлена (с 19 ноября) М. М. Федоровым (у которого Перцов и Розанов на рубеже веков сотрудничали в «Торгово-промышленной газете»), политическое направление газеты определялось в духе конституционного центра: за сильную власть, действующую «на строго конституционной почве».

3

29 марта 1906 года

29 марта 1906 г.

Многоув<ажаемый> П<етр> П<етрович>.

Посылаю Вам три стихотв<орения>[1] на тот случай, если они пригодятся для Слова. Гонорар желал бы получить 75 к<опеек> за строку.

С истин<ым> уваж<ением> Ф. Т.

[1] Из всей посылки устанавливается только одно стихотворение, о котором идет речь и в следующем письме, — «Собака седого короля». Оно было единственным произведением Сологуба, помещенным в «Слове» в 1906 г. В следующем году там не появится ни одного его стихотворения, зато в 1908 г. — целых девять: «Братья, любите друг друга...» (1891; Слово. 1908. 13 апр. № 431. С. 2); «Благословляю сладкий яд...» (1906; Там же. 15 июня. № 484. С. 3); «Я слабею, я темнею...» (1897; Там же. 29 июня. № 496. С. 3); «Яркой одет багряницей...» (1898; Там же); «Догорела свеча...» (1908; Там же. 6 июля. № 502. С. 3); «Спеши, мое светило...» (1896; Там же. 8 июля. № 503. С. 2); «Цветет веселый сад...» (1896; Там же. С. 3); «Толпы домов тускнели...» (1895; Там же. 27 июля. № 520. С. 3); «К добрым людям нам идти ли...» (1906; Там же. 5 сент. № 554. С. 2).

4

Не ранее 30 марта — начала апреля 1906 года

Многоув<ажаемый> П<етр> П<етрович>.

Посылаю Вам согласно Вашему желанию, «Собаку седого короля»[1].

О гонораре скажу, что 10 к. за строку прозы и 25 к. за стих мне мало. Я очень нуждаюсь в деньгах и не имею ничего, кроме того, что зарабатываю. Пишу я немного, потому что пишу медленно и тщательно, — и я обладаю такою степенью искусства в писании прозы и стихов, к<ото>рая дает мне достаточные основания не довольствоваться нормами, установленными для всех. Брюсову могу только позавидовать, — очевидно, он богаче меня. Конечно, спорить против установленных редакцией норм не приходится, — но все-таки цыфра <sic!>, к<ото>рую я Вам писал, 75 к. за стих, представляется мне умеренною и за мелкие стихотворения, до 16 строк, я на меньший гонорар не могу согласиться. «Собака седого короля» — вещь сравнительно длинная, — в ней — 80 стихов, а потому относительно этой вещи я удовольствуюсь тем отклонением от нормы, которое будет признано возможным.

Искренно преданный Вам

Федор Тет<ерников>

P. S. Надеюсь, что Вы доставите мне удовольствие Вас видеть у меня в это воскресенье или в последующие.

[1] Стихотворение впервые опубликовано с подзаголовком «Из переживаний»: Понедельник газеты «Слово». 1906. 17 апр. № 10. С. 1.

П. В. Дмитриев

«НЕДОТЫКОМКА» М. Ф. ГНЕСИНА К ИСТОРИИ СОЧИНЕНИЯ

В 1908 году в московском музыкальном издательстве «П. Юргенсон» вышел вокальный сборник Михаила Гнесина (1883—1957), названный композитором «Из современной поэзии» (ор. 2) с подзаголовком «Музыка к стихотворениям». Он состоял всего из двух стихотворений: «Снежинки» Владимира Волькенштейна и «Чайка» Константина Бальмонта. Обращает на себя внимание подзаголовок, точнее, соотношение «название — подзаголовок», по этому соотношению можно судить об определенной композиторской практике. В течение восьми лет (с 1909 по 1916) Гнесин выпускает в том же издательстве еще три сборника под тем же названием: ор. 5 (1909, 1910), ор. 16 (1915) и ор. 22 (1915, 1916). Это «музыка к стихотворениям» (кроме уже перечисленных поэтов) Федора Сологуба, А. Блока, Софии Парнок, Анны Ахматовой и Сафо (в переводе Вяч. Иванова). Заголовок «Из современной поэзии», присутствующий тут четыре раза, свидетельствует, как нам кажется, о некоей подчиненной роли, взятой композитором по отношению к автору первоисточника, т. е. к поэту, что усиливается еще и упомянутым подзаголовком. И даже в тех своих вокальных сочинениях, которые имеют другие названия, как то: ор. 1 «Четыре пьесы для пения и ф-но» (1908), ор. 10 «Посвящения» (1913, 1916), ор. 15 «Розариум» (1914, 1916), последний написан на тексты Вяч. Иванова[1], все равно присутствует подзаголовок «музыка к...», и это недвусмысленно указывает на авторскую позицию Гнесина по отношению к поэтическому слову. Следует отметить, что культура «равноправного» отношения слова к музыке существует в России сравнительно недавно, с первой четверти XX века[2]. Но даже на фоне общего внимания культурного сообщества к «звучащему слову» позиция Гнесина выглядит несколько особой. Интерес к слову на театре и его театральной (и музыкальной одновременно) выразительности приводит Гнесина в Студию Вс. Мейерхольда, где он преподает в первый год Студии курс «музыкального чтения в драме». В первом же выпуске журнала Студии «Любовь к трем апельсинам» Гнесин поме-

[1] О прижизненных переложениях на музыку текстов Вяч. Иванова см.: Поэзия Вячеслава Иванова в русской музыке: Нотографический справочник прижизненных публикаций: 1913—1948 / Сост. П. В. Дмитриев. СПб.: Изд-во Тимофея Маркова, 2013. 96 с.

[2] Если судить по выбору текстов, их метафорической и стилистической «нагрузке», в результате чего слово зачастую выходит на передний план, иногда в ущерб некоторому «гедонизму», традиционно приписываемому вокальной лирике.

щает заметку «Образцы ритмической интерпретации стиха у русских композиторов»[3]. Мы знаем, что эта работа у Мейерхольда привела композитора к созданию музыки к древнегреческим трагедиям «Антигона» Софокла и «Финикиянки» Еврипида (в переводах Д. Мережковского и Инн. Анненского соответственно), представленных как учебные работы в той же Студии (а также «Эдипа-царя» Софокла в переводе Мережковского, очевидно написанного также для исполнения в Студии). В своей публикации в «Любви к трем апельсинам» (имеющей подзаголовок «К статьям о технике музыкального чтения») Гнесин ритмически разбирает («нотирует») три отрывка из произведений на стихи Пушкина «Для берегов отчизны дальной», «Медлительно влекутся дни мои» (на музыку Бородина и Римского-Корсакова) и Голенищева-Кутузова «Он смерть нашел» (на музыку Мусоргского). Конечно, эта работа в большей степени относится к практике драматического театра (нежели к собственно музыке), давая некоторое представление о своеобразных упражнениях по музыкальной читке в стенах Мейерхольдовской Студии, однако отметим участие в этих опытах композитора, а именно М. Ф. Гнесина[4].

Но вернемся к именам Гнесин — Сологуб. Тема «Федор Сологуб и русская музыка» представляется довольно обширной. Если посмотреть, на тексты каких поэтов писали охотнее всего русские композиторы в первой половине XX века, получается довольно любопытная картина. Здесь нельзя обойтись без справочника Игоря Глебова (Б. В. Асафьева) «Русская поэзия в русской музыке» (1921, 1922)[5]. Из него становится ясно, что тексты «модернистов», скажем так, были весьма востребованы музыкальным искусством. Абсолютным лидером в переложении на музыку был Бальмонт (ок. 170 стихотворений), за ним следует Блок (ок. 70), Вяч. Иванов (ок. 60) и Брюсов (более 40). В этом ряду Сологуб занимает примерно положение Брюсова, уступая в количественном отношении перечисленным по-

---

[3] *М. Ф. Г.* Любовь к трем апельсинам // Журнал Доктора Дапертутто. 1914. № 1. С. 48—51. См. новейшую перепечатку с примечаниями: Любовь к трем апельсинам (1914—1916): В 2 т. СПб., 2014. Т. I. С. 78—82.

[4] О музыкальных опытах Гнесина в Студии см.: *Бонди С.* О «музыкальном чтении» М. Ф. Гнесина // Гнесин М. Ф. Статьи. Воспоминания. Материалы / Сост. и общ. ред. Р. В. Глезер. М.: Советский композитор, 1961. С. 80—101.

[5] Мы пользовались изданием: *Глебов И.* [*Б. В. Асафьев*]. Русская поэзия в русской музыке. 2-е. изд. [Пг.]: Петроградская государственная академическая филармония, 1922. Сведения более позднего указателя также учтены, хотя последний источник страдает некоторой неполнотой. Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года): Справочник. Вып. I / Сост. Г. К. Иванов, вст. ст. Т. Н. Ливановой. М.: Советский композитор, 1966. Из него следует, что музыку на стихи Ф. Сологуба писали 28 русских композиторов.

этам, но несколько опережая Д. С. Мережковского, Зинаиду Гиппиус и М. Кузмина[6].

На тексты Сологуба писали музыку и последний «кучкист» Ц. А. Кюи (вокальные квартеты), и композиторы нового поколения — Александр Гречанинов, Артур Лурье, и будущие советские классики Р. Глиэр и М. Гнесин. Уделил внимание текстам Сологуба и классик XX столетия С. В. Рахманинов, написав романс «Сон» («В мире нет ничего вожделеннее сна...»).

Гнесин трижды (насколько нам известно) обращался к творчеству поэта: это вокальные миниатюры из упомянутых опусов 5 и 10 (соответственно «Недотыкомка» и «Он шел путем зеленым») и сочинение 21 (1913) — Два хора, из которых первый написан для женского хора на текст «Плачьте, дочери земли»[7].

Первое и наиболее своеобразное произведение Гнесина — «Недотыкомка», сочиненная в 1908 году и в следующем опубликованная Юргенсоном вместе с окаймляющими ее «Воздушной птичкой» К. Бальмонта и «Туманными вечерами» В. Волькенштейна[8]. Что же представляет собой «Недотыкомка» Гнесина в самом общем виде? Это сочинение для среднего голоса с ф-но (предпочтительнее для женского, но, вероятно, возможен и мужской)[9]. Музыка идет в среднем темпе (вступление andante misterioso длится шесть тактов, затем темп немного сдвигается, это обозначается пометой più vivo, а характер исполнения scherzando). Музыка идет попеременно то на 6, то на 9 восьмых (есть эпизоды и на ¾), тональность же определить довольно затруднительно, в музыкальной терминологии XX века можно сказать, что пьеса написана «в тоне ля», так как начинается с ля субконтроктавы (это первая клавиша на современной клавиатуре — самая низкая нота), а заканчивается аккордом (в основе которого также ля) с пропущенной терцией, так что нельзя сказать определенно что́ это — мажор или минор.

---

[6] Для сравнения (как представлен в указателе Б. В. Асафьева поэтический XIX век): Пушкин (210), Лермонтов (90), Фет (90), А. К. Толстой (80), Тютчев (60).

[7] За сочинение ор. 5 и дифирамб «Врубель» (ор. 8) Гнесину была присуждена премия им. Глинки (см.: Гнесин. Автобиография // Гнесин М. Ф. Статьи. Воспоминания. Материалы... С. 119).

[8] Вторая часть цикла (№ 4 и 5 на тексты К. Бальмонта) была опубликована в следующем, 1911 году.

[9] Ср., однако, программу концерта («Третий вечер из произведений М. Ф. Гнесина»), устроенного журналом «Музыкальный современник» 7 января 1916 г. в Малом зале Петроградской консерватории. В первом отделении концерта тенором И. А. Алчевским и пианистом М. А. Бихтером были исполнены 6 романсов (из соч. 1, 2, 5, 6) и среди них «Недотыкомка» (Собрание Музыкальной библиотеки Петербургской академической филармонии им. Д. Д. Шостаковича). Первое исполнение «Недотыкомки» нам неизвестно.

Эта неопределенность, незавершенность, отсутствие устойчивости во всем: и в тональном плане, и в ритмическом рисунке, и в динамике — дают гротескный образ, конгениальный оригинальному творению поэта. Отметим и несколько важных деталей в самой композиции. Членение Сологуба по четыре строчки (имеется в виду не графическое, а смысловое деление) у Гнесина несколько изменено. Музыкальные блоки, сопровождающие начальный и заключительный катрен, неизменны. У Гнесина в центре оказывается мольба лирического героя «Помоги мне, таинственный друг», и после строчек «Недотыкомку серую / Отгони ты волшебными чарами» в музыкальной интерлюдии происходит явное борение, но кульминация наступает, на наш взгляд, после слов «Или словом заветным каким», а в музыке (практически на pianissimo) идет поиск этого заветного слова. А в конце пьесы устанавливается тот же ритмический и графический рисунок, с которого все началось, и заканчивается, как уже было сказано, «пустым» (без терцового тона) аккордом, что свидетельствует о неуничтожимости Недотыкомки или (что не опровергает этого утверждения) о временном рассеянии морока, но вместе не оставляет надежды на его полное исчезновение. Такова возможная интерпретация этого «переложения на музыку» знаменитого стихотворения Сологуба. Отметим также значительную сложность фортепианной партии, берущую на себя главную функцию, как изобразительную, так и, если можно так сказать, смысловую.

Мы знаем, что бóльшая часть произведений русских композиторов в эту эпоху издавалась с параллельным переводом, чаще всего на немецкий язык. С издательством Юргенсона сотрудничали разные переводчики. Сам текст «Недотыкомки» был слегка изменен в 11-й строчке для удобства музыкальной просодии), а переведен А. Г. Левенталь[10]. Название она переводит как «Tückebold», что, вероятно, в обратном переводе могло бы быть переведено как «Кознодей», «Кознодейка» (от немецкого tücken, что значит «коварство», «козни»).

К этой пьесе сохранился и авторский комментарий, который Гнесин оставил в своих воспоминаниях, написанных, вероятно, после войны, а опубликованных уже посмертно, в 1961 году. Это ценное свидетельство, как кажется, еще не использовалось в литературе о Сологубе, и нам показалось уместным привести его в приложении к нашей заметке[11].

---

[10] Алиса Гуговна Левенталь (1895—1957) — искусствовед и переводчик, жена поэта и переводчика (с немецкого на русский и с русского на немецкий) Дмитрия Сергеевича Усова (1896—1943).

[11] Печатается по изд.: *Гнесин М. Ф.* Статьи. Воспоминания. Материалы... С. 136—140. Глава о сочинении «Недотыкомки» входит в цикл очерков Гнесина «Страницы из воспоминаний». Примечания составлены нами.

Приложение

М. Гнесин. «Недотыкомка» (ор. 5, 1908)
Федор Сологуб

Недотыкомка серая
Все вокруг меня вьется да вертится,
То не лихо ль со мною очертится
Во единый погибельный круг?

Недотыкомка серая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою,
Помоги мне, таинственный друг.

Недотыкомку серую
Отгони ты волшебными чарами
Или наотмашь, что ли ударами,
Или словом заветным каким.

Недотыкомку серую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтоб она[12], хоть в тоску панихидную,
Не ругалась над прахом моим[13].

Не помню, когда именно попало ко мне в руки это стихотворение Федора Сологуба. Вероятно, в 1904 или 1905 году, так как уже годом позже я бывал в кружке Вячеслава Иванова и с восхищением относился ко многому в поэзии символистов. До этого я любил только лишь раннего Бальмонта. Мой друг Владимир Михайлович Волькенштейн[14], сам — начинающий поэт, дольше меня сопротивлялся чарам новой русской поэтической школы и вследствие этого не питал пристрастия к кружку Вячеслава Иванова.

---

[12] Этой запятой у Сологуба нет.

[13] Приводимое в тексте воспоминаний М. Гнесина стихотворение Ф. Сологуба имеет ряд пунктуационных разночтений с текстом, опубликованным во 2-м томе Собрания стихов Ф. Сологуба (М.: Скорпион, 1904. С. 132), по которому, скорее всего, было сделано это музыкальное «переложение» (кроме того, и в нотах, и в тексте воспоминаний опущена дата написания — 1 октября 1899). Между тем текст, положенный Гнесиным на музыку, содержит и одно существенное разночтение: композитор изменил 11-ю строчку стихотворения Сологуба, которая с музыкальным сопровождением звучит «Аль наòтмашь, что ли, ударами» (таким образом, оригинальная сологубовская энклитика «или нá отмашь» исчезает).

[14] В. М. Волькенштейн (1883—1974) — поэт, драматург, теоретик театра.

«Недотыкомку», как я уже говорил, преподнесла мне старушка Любовь Николаевна Станюкович[15]. ...Трудно себе представить, чтобы ей, почитательнице Некрасова, очень нравился Бальмонт, который часто у них бывал в молодости и посвящал ее дочерям стихи. Сам К. Станюкович[16], кажется, с откровенным презрением смотрел на молодого поэта, но Любовь Николаевна не только лишь с прежним гостеприимством принимала у себя представителей новой поэзии и новой музыки, но, казалось, и искренно восхищалась их произведениями. Одно несомненно: она была горда тем, что люди творчества не переводятся на ее горизонте. Так вот — она переписала для меня это стихотворение и предложила в качестве текста для музыки. Однако мы с моим другом-поэтом отнюдь не пришли в восторг от этого произведения. Несколько раз оно было прочитано вслух, сопровождаемое веселым нашим смехом, к которому, впрочем, присоединилась тогда и сама Л. Н. Станюкович. Только дочери ее, Зинаида и Мария Константиновны, ранее приобщившиеся к поэзии символистов, отстаивали высокие достоинства и глубокую содержательность этого стихотворения.

Прошло 3—4 года, и я не только оценил эту вещь, но и на самом деле написал к ней музыку, сочиняя ее с большим воодушевлением. Произведение это посвящено Зинаиде Константиновне Станюкович. Нужно кое-что рассказать, чтобы была понятна совершившаяся перемена и чтобы понять самое мое произведение.

Мы теперь привыкли уже объяснять себе те настроения, в которых пребывала русская интеллигенция в годы 1906—1907 и далее, как последствие неудавшейся революции, как вынужденное сосредоточение внимания на утонченных субъективных переживаниях и т. д. Тогда, переживая все это, мы, конечно, не задумывались над тем, откуда идут все эти настроения, с какими фактами общественной жизни они связаны. Каждому из нас казалось, что это — его личное самобытное ощущение. Но надо признать, что действительно вопросы, связанные с посмертной жизнью, с чтением мыслей, сильно волновали тогда всех. Таинственный мир, мир призраков, волновавший воображение многих из нас в гимназические годы, стал снова сосредоточивать на себе наше внимание. Впрочем, эти настроения были сильны и в самом начале 1900 годов.

---

[15] «Позже она переписала стихотворение Сологуба “Недотыкомка”, предложив сочинить к нему музыку. Я сначала смеялся над этим текстом, но позже понял его и действительно написал музыку, также порадовавшую Любовь Николаевну» (*Гнесин М. Ф.* Статьи. Воспоминания. Материалы... С. 133 (очерк «О семье Станюкович (1904—1908)»).

[16] Константин Михайлович Станюкович (1843—1903) — писатель. Любовь Николаевна Станюкович (1845—1907) — его жена.

У меня лично остался мрачный след в душе от многочисленных смертей в среде близких или любимых людей. То самое чувство, которое у многих принимает форму так называемого страха смерти, проявилось у меня в ином виде, который скорее можно было назвать страхом жизни. Я говаривал тогда: мне сделана прививка смерти, и я не боюсь. Эта прививка смерти отравляла мне всякую радость жизни, оставляя мне лишь гордость свободного, бесстрашного и бесстрастного приятия мира, живущего и умирающего. Я помню, мне часто казалось, что я предчувствую те или другие события в окружающей жизни, порой они действительно осуществлялись, иногда мне задним числом казалось, что я то-то и то-то предчувствовал ранее. В общем, все же большая часть этих ощущений относилась к фактам умирания и к смертному началу вообще, поэтому я и считаю, что моя «прививка смерти» была разновидностью страха смерти, которому, между прочим, был подвержен в сильнейшей степени мой друг В. Волькенштейн. Обычно чрезвычайно веселый (в молодости), он порою впадал в состояния мрачнейшей сосредоточенности и неделями подряд не мог выбраться из этих состояний.

В 1904 году скончался дедушка Волькенштейнов, с которым мы все были очень дружны. Под кроватью, на которой он умирал, стояла моя корзина с книгами и нотами. После смерти дедушки Леша[17] попросил меня взять эту корзину и при этом добавил: «А Вы не боитесь, что из нее выскочит маленький дедушка?» Похороны дедушки были полны для меня впечатлений и переживаний, которые дали впоследствии краски для моей «Недотыкомки». Хоронили его на Преображенском кладбище[18], мы ехали поездом, к которому был прицеплен вагон с гробом. На вокзале, где-то около товарного депо, оказалось специальное помещение, куда направляли гробы до прибытия товарного вагона. Здесь люди в фартуках и рукавицах, казавшиеся мне просмоленными, хватали на руки подвозимые гробы и бросали их в свое помещение, как кули с углем. Было мучительно и жутко смотреть на эту картину. Когда приехали на станцию, к Преображенскому кладбищу, те же или подобные им субъекты выволокли из вагона 11 гробов. Затем все их гуськом потащили в кладбищенскую церковь.

Открыли гробы, церковь наполнилась смрадом, и началось богослужение. Пьяный дьякон по записке читал имена новопреставленных

---

[17] Вероятно, здесь речь идет об А. М. Волькенштейне (1886 — ?) — театральном критике, младшем брате В. М. Волькенштейна.

[18] Преображенское — кладбище в Невском районе Петербурга, получившее свое название по находившейся здесь церкви. В 1875 г. за полотном Николаевской железной дороги был открыт иноверческий участок, ставший впоследствии Еврейским (Преображенским) кладбищем. В советское время Преображенское кладбище было переименовано в кладбище Памяти жертв 9-го января, именно эта часть упоминается в очерке Гнесина.

рабов божиих, причем все время путал их, причиняя этим страдание близким. И дедушку он именовал то Авраамием (как его звали в действительности), то Валаамием. Я не знаю подробно ритуала панихиды, и не знаю, что это за молитву он произносил, обходя вокруг алтаря. Слова разобрать было невозможно, но сам он еле держался на ногах, икал, и эта его пьяная молитва разом за 11 умерших мне казалась настоящим поруганием, каким-то посмертным издевательством над недавно жившими и отстрадавшими людьми. И мне странно было, когда на обратном пути один из провожавших умершего, доктор Д., болтал что-то вроде: «Это еще что! Это смерть — по первому разряду! Мы с вами где-нибудь под забором умрем!»

Моя музыка к этому стихотворению Сологуба пытается передать мое воспоминание о кладбищенской церкви и об описанной панихиде.

Для того чтобы повествование о тогдашних моих настроениях и «Недотыкомке» было достаточно полным, я должен добавить следующее.

Остро отзываясь на «декадентские» ощущения эпохи, я все же никогда с ними совершенно не сливался. Одного не принимал рассудок, другому противилось основное чувство жизни. В моих музыкальных сочинениях эта двойственность сказывается особенно ярко.

Моя «Недотыкомка», острая и мучительная по существу затрагиваемых переживаний и ощущений, одновременно — формально здоровое, ритмически и тематически выдержанное произведение. Это — типичный гротеск в музыке. Вообще, склонность к музыкальному тематизму, к строгости гармонического плана оздоровляли импрессионистскую ткань в моих сочинениях. Участвуя в создании и будучи даже инициатором очень странных литературных произведений, я совершенно не мог сочинять к ним подходящую музыку.

Федору Сологубу моя «Недотыкомка» «понравилась». Он, впрочем, меня предупредил, что в музыке ровно ничего не смыслит[19]. «Люблю так, если во время обеда или ужина что-то, где-то зазвучит...» Он все же отметил, что из двух свойств Недотыкомки — колючести, ехидства и склизкости — у меня сильнее передано первое.

Станюковичи позже приобрели в Финляндии в Мустамяках дачу, впоследствии погибшую во время революции, и прозвали ее «Недотыкомка».

В настоящее время никого из этой семьи нет в живых.

---

[19] Несколько категоричное суждение Сологуба — «ценителя» музыки — не подтверждается, однако, другими свидетельствами, позволяющими предположить, что Сологуб любил музыку и до определенной степени разбирался в ней.

А. Л. Соболев

К ИСТОРИИ ЖУРНАЛА «ДНЕВНИКИ ПИСАТЕЛЕЙ» (1914)

Издававшийся весной и летом 1914 года журнал «Дневники писателей»[1] практически не оставил следа в истории русской литературы; единственное исключение — скупые строки в персональной библиографии его именитых вкладчиков. Между тем история и трансформации его замысла, тонкости появления и контекст бытования представляют значительный, хотя и специальный интерес, поскольку очевидным образом резонируют с ситуацией в области символистской журналистики и, шире, маркируют обстоятельства существования символизма в литературном и общественном контексте 1910-х годов.

Идея издания небольшого камерного журнала, преимущественно посвященного поэзии, постоянно присутствует в эпистолярии модернистов начиная с 1910 года[2]. Причины этого очевидны: после почти синхронного закрытия «Весов» и «Золотого руна» в России не осталось ни одного монопольно символистского периодического издания. С одной стороны, благодаря эволюции общественных вкусов перед писателями этого круга оказались распахнуты двери редакций, дотоле сугубо консервативных; с другой — ряд символистов был привечаем и в «Аполлоне» (многогранность обстоятельств слишком велика, чтобы упоминать их здесь иначе чем вскользь); несмотря на это, печатного органа, последовательно открытого для репрезентации символистской эстетики, не существовало. Кроме того, большинству был хорошо памятен тяжелый опыт затяжных конфликтов с журнальными инвесторами — от не слишком назойливого Линденбаума до исключительно энергичного Рябушинского.

Естественным выходом из сложившейся ситуации было бы издание на паях сугубо символистского журнала — и этот план, подсказанный логикой событий, начинает исподволь обсуждаться:

---

[1] Библиографическое описание см.: *Беляева Л. Н., Зиновьева М. К., Никифоров М. М.* Библиография периодических изданий России. 1901—1916 / Под общ. ред. В. М. Барашенкова, О. Д. Голубевой, Н. Я. Морачевского. Л., 1958. Т. 1: А—З. С. 463. В написании названия журнала мы здесь и далее следуем современной традиции; в оригинале оба слова печатались с прописной буквы. Пользуемся случаем принести благодарность Н. Н. Соболевой, В. Э. Молодякову, Р. Д. Тименчику и С. А. Чурилову за помощь в работе.

[2] Отдельной темой могло бы стать сопоставление этих замыслов с попытками их воплощения в несимволистской (или не полностью символистской) среде — «Сириус», «Остров», «Вечера», «Гиперборей», «Поэт» и др.

Я обдумал его, т. е. план журнала. Выходило, что Аничков, Блок и я должны были быть его редакторами-издателями. Л. Д. Блок была намечена мной и Аничковым в качестве ответственного издателя. Требовалось согласие ее и мужа. Вот, после долгого перерыва, поздней осенью 1910 года, с этими мыслями я направился в один прекрасный четверг (или — понедельник?) к А. А. Блоку, про которого слышал, что он опять поселился в своих местах, на Петербургской стороне, не вынесши чуждой ему — и мне — Галерной. <...>

А. А. Блок серьезно и горячо принял к сердцу мысль о журнале. В течение всей зимы мы обсуждали ее на все лады, — и у него на квартире, и — реже — у меня, и — чаще — во время прогулок по городу, совершавшихся вдвоем и каждым отдельно. Мы сейчас же согласились относительно «периферийной» редакционной коллегии, решив привлечь к ней Вяч. Иванова, Ю. Верховского, А. Ремизова и В. Княжнина. Московским членом коллегии был выбран нами обоими А. Белый. Формат и размер журнала, отделы в нем, состав сотрудников, — все это было решено совместно, без всяких споров. Мысли обо всем совпали. Некоторое разногласие вызвал только выбор заглавия. Мне почему-то чрезвычайно хотелось назвать журнал «Символист». <...>[3].

Эти петербургские обсуждения, происходившие в начале зимы 1910—1911 годов, Блок резюмировал в подробном письме к будущему московскому представителю редакции:

Сообщаю Тебе большую просьбу, заранее. Здесь затевается журнал. Ближайшие сотрудники: Вячеслав Иванов, Аничков, Пяст, Верховский, Ремизов, Княжнин и я. «Редакционная комиссия» — Пяст, Аничков и я. Затеяно все Пястом. Все это — проба, и, притом, с внешней т<очки> зр<ения> — очень непрактичная, потому что денег почти нет. Я лично считаю, что этот журнал будет только бескорыстным застрельщиком — наметит главные точки и расчистит место для будущего. Все мы принципиально изгоняем литературщину, «декадентство», жидовство, хулиганство и т. д., и т. д. Нумера (маленькие — листа 3 — 12 раз в год) будут состоять из 1) рассказа, 2) нескольких стихотворений, 3) трех-четырех статей. Перечисленные сотрудники — только «ближайшие». Рядом с ними, конечно, желательны еще некоторые — прежде всех — Ты. Совещаясь с Пястом, мы решили не звать в число этих «ближайших» Тебя, потому что: 1) Ты — в Африке и 2) о Тебе предполагается писать, если же Твое имя будет в числе наших, то выйдет, что мы сами себя хвалим. Если же Ты дашь нам — или рассказ, или статью, или стихотворения, или даже просто несколько

[3] *Пяст В.* Встречи / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Р. Тименчика. М., 1997. С. 127, 128.

> страниц тунисских впечатлений, — мы будем Тебе особенно благодарны. До лета должно выйти 6 №№ (каждые 20 дней с 15 февраля). Поддержи нас[4].

Почти сразу план претерпевает ряд существенных видоизменений, сокрытым двигателем которых становится один из потенциальных участников — Вячеслав Иванов, давно и безнадежно алкавший трибуны для монологических элоквенций:

> Мне только что пришло в голову вот что, — и мне захотелось немедленно же сообщить это Вам, без всяких разъяснений, потому что смысл моего предложения должен быть и будет Вам ясен без лишних слов. Если Вам думается, что Вам рано писать Дневник Писателя одному и ради этого Вы оглядываетесь по сторонам, ища — не найдется ли, хотя бы напрокат, какого-либо «мы», то... давайте издавать Дневник трех поэтов, в котором мы на первом месте заявим, что пишем вместе, под одним заголовком, потому что просто так хотим, но не стремимся ни к единогласию, ни даже к гармонии трех безусловно не зависящих один от другого отделов, — не боимся даже и тройных повторений одной мысли, если таковые случатся, одним словом — *не читаем друг друга*, и все это потому, что знаем, что жили и живем *об одном*. Трое, конечно, — Вы, Андрей Белый и я. Можем как-нибудь сложиться, что ли, Вы, «Мусагет», и «Оры» — или же, быть может, издание возьмет на себя «Мусагет». Ведь «Мусагет» и я давно, как Вы знаете, подумывали о периодическом издании совсем иного, чем обычно бывает, порядка[5].

Это предложение (позволяющее отсечь общественные темы и сосредоточиться на литературе и философии) Блок обдумывает 21—23 января. В первый из этих дней он пишет матери: «Журнал (т. е., проэкт его) влачит довольно жалкое существование под напором Вяч. Иванова и его несогласий. Я не могу разобрать, охладел я окончательно, или не охладел. После всех литературных чтений (как третьего дня), руки опускаются, и перестаешь понимать, зачем и для чего и для

---

[4] Письмо А. Блока к А. Белому от 17 января 1911 г. (цит. по: // Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919 / Публ., предисл. и коммент. А. В. Лавров. М., 2001. С. 385—386). Ср. в письме Блока к матери от 13 января 1911 г.: «Мы затеваем журнал, пока маленький, с будущего года — большой. Редакционная комиссия — Пяст, Аничков и я. Ближайшие сотрудники — Вяч. Иванов. Ремизов. Верховский и Княжнин и мы трое. Инициатор — Пяст. Всё это только разрабатывается, но 1 № должен выйти до 15 февраля» (Письма Александра Блока к родным. М.; Л., 1932. Т. II. С. 111).

[5] Письмо Иванова к Блоку от 20 января 1911 г. (цит. по: Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым / Публ. Н. В. Котрелева // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1982. Т. 41. № 2. Март—апрель. С. 173—174).

кого пишешь и читаешь? — Вячеслав убеждал меня издавать “дневник писателя”, а теперь, после моего отказа, предлагает издавать дневник трех писателей, с совершенно независимыми тремя отделами, объединенный только тем, что все три (А. Белый, он и я) “живут об одном”. Этот последний план всех заманчивей, конечно. Остается решать нам с Пястом. Аничков охладевает к журналу, а мы — к Аничковским пылким статьям...»[6].

23-го Блок окончательно решает отказаться, о чем сообщает (в неизвестной последовательности) Иванову («Да, спасибо за письмо, кажется, журнала не будет. “Во мне” его нет вовсе. Из всех, о ком мы говорили тогда и кого имели в виду, — “во имя” у меня только с Пястом — и вовсе не журнальное; мое к нему отношение — не “теплое”»[7]) и Пясту («Все эти дни я искал “в себе” журнала — и не нашел ни следа. Прочной связи нет. Из всех сотрудников (исключая Вячеслава Ивановича, который окончательно против, — сегодня я опять получил от него письмо) связаны *только* мы с Вами — но *не* журнально (о Княжнине не знаю). Рассказы Ремизова, Зиновьевой-Аннибал, Ивана Странника могут быть везде. В Верховском мы уже возбудили несвойственные ему чувства. С Аничковым нам не связаться никак»[8]). На этом магистральная часть этого сюжета практически завершена за исключением некоторых рефлексий: не получив своевременного уведомления, продолжал из Африки участвовать в построении планов Белый («<...> мне Метнер сообщал конфиденциально о желании Твоем и Вячеслава издавать “Дневник поэтов” втроем (Ты, Вячеслав, я — участники) <...> . У меня в Каире независимо от сообщения Метнера созрел аналогичный план. И вот прежде всего важно теперь за лето реализовать намерение; для этого нам следовало бы повидаться...»[9]) и несколько раз в письмах грустно сетовал о несбывшемся Пяст («<...> маленький журнальчик не помешал бы нам чувствовать снежную пустыню, — и, быть может, он был бы оазисом в ней»[10]; «Когда меня выгонят со службы, буду затевать свой журнал, Вас в редакцию впутывать не буду»[11] и т. д.).

---

[6] Письмо Блока к матери от 21 января 1911 г. // Письма Александра Блока к родным. М.; Л. 1932. Т. II. С. 112—113.

[7] *Белькинд Е. Л.* Блок и Вячеслав Иванов // Блоковский сборник. Т. II. Тарту, 1972. С. 377. Н. В. Котрелев исправляет его дату на 30 января (см.: Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым. С. 175); для нашего сюжета это не принципиально.

[8] *Блок А. А.* Собр. соч. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 327—328.

[9] Недатированное письмо // Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919. С. 401—402.

[10] Письмо В. Пяста к Блоку от 25 января 1911 г.: Переписка с Вл. Пястом / Вступ. статья, публ. и коммент. З. Г. Минц // Литературное наследство. Т. 92, кн. 2. М., 1981. С. 204. Здесь же на с. 183—184 — комментарий ко всему журнальному сюжету.

[11] Письмо В. Пяста к Блоку от 6 февраля 1911 г. // Там же. С. 204.

Прямо не воплотившись, эти обсуждения так или иначе отразились в ряде смежных проектов более позднего времени — в частности, близким по формату и кругу участников оказался журнал «Труды и дни»; одновременно с ним, по всей вероятности, обсуждался схожий проект его сугубо поэтического близнеца (судя по приписке Метнера на его послании Иванову: «Говоря о *Дневнике поэтов* я вовсе не имел в виду намека на то, что Вы хотели писать даром»[12]; не хватает данных, чтобы говорить хотя бы о контурах предполагавшегося издания). Одним из косвенных следствий этих планов и разговоров было появление аналогичного замысла в круге Сологуба:

«Журнал не осуществился; летом следующего года Вяч. Ивановым было выдвинуто, как говорится, “контрпредложение”: издавать “Дневники писателей” — трех писателей: А. Блока, А. Белого и Вяч. Иванова. Из этой мысли вышли “Дневники писателей”, но не трех, а многих, с Федором Сологубом во главе (кажется, уже во время войны)»[13].

Первое упоминание о будущем сологубовском журнале относится к весне 1913 года: Сологуб, Чеботаревская и Северянин во время южного турне[14] посещают среди прочих городов Симферополь[15], где знакомятся с местным поэтом и латифундистом Баяном-Сидоровым[16];

---

[12] Письмо Э. Метнера к Вяч. Иванову от 1 июня 1912 (н. ст.): В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров / Вступ. статья и публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. Вып. 2. С. 337.

[13] *Пяст В.* Встречи. С. 129. Несмотря на категорическое утверждение Пяста, мы не можем столь же решительно утверждать о прямом наследовании идеи. С одной стороны, круг участников во многом совпадает и (как мы увидим ниже) Вячеслав Иванов и в этом проекте мыслился среди идеологов. С другой — сама логика времени могла привести Сологуба к сходному решению параллельным и независимым путем, в таком случае конспект пренатальной биографии неслучившегося блоковско-пястовского журнала должен иллюстрировать тотальность хода истории.

[14] Краткий очерк его см.: Игорь Северянин. Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. Л. Н. Ивановой и Т. В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб., 2009. С. 706—709. Согласно договору, заключенному между Сологубом и Е. И. Якобсоном (о коем см. ниже), турне должно было продлиться с 1 марта по 5 апреля и охватить — из провинциальных городов — Минск, Вильно, Харьков, Екатеринослав, Севастополь, Симферополь, Ростов-на-Дону, Екатеринодар, Баку и Тифлис (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 39. Л. 9). Планы эти были ощутимо скорректированы.

[15] В Симферополе Сологуб, Чеботаревская и Северянин были 25—28 марта; ср. в письмах Чеботаревской к сестре: 19 марта (дата по почтовому штемпелю): «Сейчас ждем в Севастополе лошадей в Ялту — Ф.К. поехал в Полтаву один — там только лекция (4-ая нед.), а мы на 5 дней в Ялту — устали немножко от разъездов. 25-го будем в Симферополе — пиши туда»; 29 марта: «Из Симферополя уехали, утопая в цветах, сегодня в Ростове — потом Екатеринодар, Тифлис, Баку — и домой!» (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 173. Л. 17, 20).

[16] Ср. в поздней автобиографии Баяна, написанной от третьего лица: «Живет постоянно на юге, в Симферополе, где его нередко посещают литературные друзья писатели Федор Сологуб, Виктор Муйжель, Игорь Северянин, Н. Шебуев, Дмитрий

по отъезде их он вступает с ними в регулярную переписку. В одном из первых писем он среди других литературных планов и новостей говорит: «Помимо книги Анастасия Николаевна прислала мне письмо, в котором пишет — между прочим — о возникновении у Вас планов организовать литературное кабаре и издавать журнал “Дневник писателя”. Все это так интересно и особенно утешительно, что помимо таланта у Вас есть энергия делать жизнь и насаждать красоту»[17]. Письмо Чеботаревской не сохранилось, так что о контурах будущего проекта мы можем судить только по письмам к другим адресатам — и здесь, ради связности изложения, нам придется отступить от хронологии и полностью привести два наиболее подробные и принципиальные из них. Это — недатированные (но относящиеся к весне следующего, 1914 г.) письма Сологуба и Чеботаревской к Леониду Андрееву[18]. Первое из них было написано Чеботаревской:

Цензор и мн. др.» (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 332. Л. 3). Ср. в плане (невоплотившемся) мемуаров: «Также мог бы написать и о порочном салоне Федора Сологуба, где, помимо афинских ночей, практиковалась еще и травля незначительных писателей (специально приглашавшихся для этой цели по одной жертве на каждый раут) для услаждения извращенных habitué, от святоши Мережковского до откровенного грешника Анатолия Каменского» (письмо Баяна к В. А. Катаняну от 10 июня 1957 г. // РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 4—4 об.).

[17] Письмо от 25 мая 1913 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 622. Л. 1 об. — 2. Год спустя, когда журнал уже существовал, Баян отправил туда текст с краткой припиской: «<...> [Я] очень прошу Вас напечатать в “Дн<евниках> Пис<ателей>” “Свободный монолог”, который при сем посылаю» (письмо В. Баяна к Сологубу от 6 мая 1914 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 622. Л. 18); просьба его была проигнорирована, может быть потому, что отношения к этому времени успели разладиться; ср. в письме Баяна к Б. Богомолову от 19 июля 1913 г.: «Меня взвинтило то, что Чеботаревская посмеивается надо мной, а потому я прошу Вас немедленно отправиться к Игнатьеву найдя для этого предлог и разузнать дипломатично “что де она — мол — сказала о нем, над чем собственно посмеялась? Над его творчеством или просто над личностью, может быть — мол — над маниловской простотой?” — Так спросите и напишите мне. Мне, сами знаете, очень интересно знать дословно. Уж конечно из тактичности и деликатности а прежде всего из самолюбия я ни ей, ни Северянину и никому не скажу. Это Вы сделайте для меня пожалуйста поскорее и пришлите справку ибо 3—4го покидаю Евпаторию а почта от Петерб<урга> идет сюда 3 дня.

Вот, друг мой, какие нынче друзья! да! их мало, очень мало. Если еще она смеется над моим простодушием то ничего это поправимо я могу впредь не быть таким щедрым, но если над творчеством то право обидно и боюсь, что Сологуб не даст предисловия, скажет плохо пишешь. Но почему она прислала книгу с надписью “Милому, нежн<ому> поэту В. Б.” и он Сологуб написал “Милому В. Б. с дружеским приветом”, может быть побудила чисто женская ревность, что я писал о Тэффи, а не о ней в сборнике» (РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 6—6 об.). Этот сюжет имеет продолжение, подробный пересказ которого увел бы нас чересчур далеко.

[18] Отношения Сологуба и Андреева, переживавшие периоды отчуждения и холодности, переменились после обмена посланиями осени 1908 г.; ср.: «Ваше

СПб. Разъезжая, 31

Дорогой Леонид Николаевич,

Вы этому эпитету удивитесь — но право, — верьте — не верьте — *таким* Вы для Ф. К. и для меня — особенно после «Екат<ерины> Иван<овны>»[19] (нравится мне безумно — считаю все написанное о ней вздором) всегда — *интимно про себя* — а что в жизни, на людях, *внешне* — это всегда право не в счет и не важно для нас.

Теперь перехожу к делу (фу, какая фраза противная) Ф. К. с 1-го марта хочет издавать — давно уже об этом мечтает — Дневники писателей (орган «свободных мыслей»). Я думаю, и Вы, и многие другие (впрочем, пожалуй, немногие) тоскуете по свободному, чистому, незапакощенному ослами-хвостачевскими[20] Арабажиными[21] и пр. тупоумными «критиками» месту, где можно независимо высказать то, *что думаешь*. Ведь, в газетах, журналах кумовство, грязь, интриги, знаете хорошо в какой степени. Хотим также и «Почтовый ящик» отдел сношений с читателем. Уверяю В<а>с что *читатель* несравненно выше «публики» (это ведь разное!) и «критики» только робок и молчит. Просим у В<а>с (Ф.К. также *очень* просил меня написать Вам) не имени для подписки, на нее и не рассчитываем, а фактического участия — как, когда, в какой форме захотите. Для 1-го № *очень* желательно, если не успеете ничего другого (впечатления, листки «дневника» — что хотите) хотя бы ответ на анкету, нужны ли — считаете ли нужным эти «Дневники» т.е. этот журнал. Конечно, писать это будем «для души» — средств пока никаких. Обрадуйте своим *да*! Хорошо? С сердечным приветом Анс. Чеботар.[22].

письмо очень обрадовало меня. Так утешительно чувствовать время от времени, как протягиваются тонкие и нежные соединяющие нити сочувствия, понимания. В письме очень трудно сказать все, что хочется иногда сказать, — а и мне не раз хотелось придти и говорить с Вами. Разделяет людей, — и нас с Вами, м. б., — иногда многое, больше внешнее, — вот как Вы пишете, — как я пойду? не помешать бы? да захочет ли он? Но изо всех современных писателей Вы, может быть, тот, с кем наиболее интересно было бы мне поговорить, и много раз, и о многом: так много есть общих точек, но и так много расхождений во всем» (письмо Сологуба к Андрееву от 23 октября 1908 г. // РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 1).

[19] Пьеса Леонида Андреева. Первая публикация состоялась в Берлине (отд. изд., 1912), но Сологубы, вероятно, знакомились с ней по изданию 1913 г. (Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». СПб., 1913. Кн. 19. С. 103—278) либо посетив спектакль. Полугодом позже Сологуб решительно высказался против «литературных судов» над главной героиней пьесы: Суд над «Екатериной Ивановной» (Утро. 1913. 20 февр. № 1885. С. 3).

[20] Вероятно, уничижительное наименование критика Василия Львовича Львова-Рогачевского (1874—1930).

[21] Арабажин Константин Иванович (1866—1929) — критик.

[22] РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 222. Л. 1—2 об.

Получив принципиальное согласие Андреева[23], его благодарил и Сологуб:

> Дорогой Леонид Николаевич,
>
> Вы доставили мне очень большую радость Вашим любезным откликом на наше начинание. Засилие газетчиков становится нестерпимым. Правда, нашим крохотным журнальчиком трудно многое сделать, но тут важна та сторона, которую Вы так метко определили, — что эти люди — трусы, и достаточно на них прикрикнуть, чтобы они надели чистые манишки. За этот год, когда я пустился в свет, читаю лекции, езжу в разные города для этого, участвую в диспутах, я убедился в том, что прямое общение с читателями весьма не бесполезно. —
>
> Мы с Ан. Ник. будем бесконечно благодарны Вам, если Вы время от времени будете слать нашему журналу хоть несколько строк, хоть на открытке. У нас было большое искушение напечатать целиком Ваше письмо, — но, не имея на это Вашего прямого разрешения, мы все же решились взять из него несколько строк в двух местах, в надежде, что Вы не рассердитесь на нас за такое своволь<sic!>ство.
>
> Сердечно Вам преданный
>
> Федор Сологуб[24].

Из текста этих двух писем видны (описанные, впрочем, несколько апофатически) главные идеологемы чаемого журнала, первейшая среди которых — исключение посредника-«газетчика»/критика из диалога между читателем и писателем. Отчасти это резонировало и с самим названием журнала (утвердившимся в качестве константы еще с блоковского проекта[25]): помимо очевидного оммажа Достоевскому, одинаково чувствительного для всех участников, и тогдашнего и нынешнего обсуждения, оно подразумевало еще и новый уровень интимизации отношений обоих участников диалога. Эта тенденция, исключительно важная для эпохи начала 1910-х годов, заметна в нескольких возникающих почти одновременно начинаниях. С одной стороны, это масштабная лекционная деятельность[26], принимавшая в иных — в том числе и сологубовском — случаях форму обширных

---

[23] Письмо было напечатано в первом номере журнала: Дневники писателей. 1914. № 1. С. 45—46 («Из письма Л. Н. Андреева»).

[24] РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 5—6.

[25] К слову сказать, в 1907—1909 гг. в Москве издавался журнал под названием «Дневник писателя», позже переименованный в «Светоч и дневник писателя» и просуществовавший до 1914 г.

[26] Ср.: «В Питере наступила эра диспутов и лекций о футуристах, символистах, акмеистах. И все залы полны. Не обходится без свистков и небольших скандалов. Была неделя Вячеслава Иванова, потом неделя Маринетти. Перед тем появлялся

лекционных туров: для большинства читателей, особенно провинциальных, это была единственная возможная форма живого, чуть ли не тактильного контакта с покинувшим свою башню из слоновой кости писателем. С другой — заметная и продекларированная на рубеже 1900-х и 1910-х годов тяга писателей-модернистов к народности. С третьей — ряд спонтанно и независимо возникших образовательных и квазиобразовательных проектов, во главе которых встали символисты: «Академия стиха», «Ритмический кружок» и др. С четвертой — утверждение в читающем обществе мысли о тотальной ценности документов, выходящих из-под писательского пера; фоном для этого служит массированное введение в обиход литературных документов, изначально не предназначенных для печати. В первом номере сологубовского журнала помещено письмо-манифест, поясняющее этот взгляд: «Как ни искренни произведения писателей, все же есть в них и привкус официальности, принятой литературности. <...> Иное дело — письма писателей. <...> И — ах! — что же это за богатство, что это за роскошь — письма больших писателей, со стороны — мыслей, чувств, настроений, даже со стороны самого слова, красоты его. Горсти, груды драгоценных камней. <...> Взять хотя бы письма Чехова. Можно смело сказать, что письма Чехова не только лучше великого множества художественных произведений, но и произведений самого Чехова. <...> Дневник — почти то же, но еще интимнее. <...> И все мы знаем такие дневники выдающихся людей истории, знаем им цену, отдаем им все должное»[27] (что в свою очередь резонирует с типичным же модернистским воззрением на текст, заменяющий биографию: «Биография писателя должна идти только после основательного внимания критики и публики к сочинениям»[28]).

Отдельной рефлексии требовало противоречие, заложенное в названии будущего журнала: «дневник» по определению предполагал монологичность (как и было реализовано в издававшемся Достоевским прототипе[29]); сологубовский же проект, напротив, строился на

Георгий Чулков. Вспыхивал на мгновенье В. Пяст и еще мн.др.» (письмо В. Юнгера к Б. Садовскому от 9 февраля 1914 г. // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 243. Л. 1).

[27] Дневники писателей. 1914. № 1. С. 49—51.

[28] Письмо Сологуба к М. Гофману // Книга о русских поэтах последнего десятилетия / Под ред. М. Гофмана. СПб.; М., 1909. С. 240.

[29] История знает несколько примеров «моножурнала», полностью состоящего из произведений одного сочинителя (ср., кстати, замечание Шкловского: «Писателю-прозаику мысль издать одному журнал приходила довольно часто. Это не столько потребность остаться со своим читателем наедине,— так как эту потребность вполне удовлетворяет книга, — сколько интерес к журналу, осознанному как литературная форма» (*Шкловский В.* Гамбургский счет. М., 1990. С. 385)). Из примеров, наиболее хронологически близких, — «Мой журнал» Василия Каменского и «Мой временник» Б. Эйхенбаума.

принципах полифонии участников и должен был стать своего рода писательским, а в идеале и объединенным писательско-читательским хором[30]. На практике вышло не вполне так.

Одно из первых одобрений будущим планам было получено от лица, сугубо индифферентного к символистской составляющей проекта, но зато необыкновенно чувствительного к народническому его аспекту, — Анастасии Романовны Крандиевской-Тарховой (1865—1938)[31]. Знакомка Чехова и Горького[32], организатор финансовой помощи боевой организации эсеров, собеседница Розанова[33], заочная ученица одного Толстого и теща другого[34]; жена издателя «Бюллетеней литературы и жизни» была знакома с Чеботаревской как минимум с середины 1900-х годов[35]. Получив от нее письмо с планом предстоящего

---

[30] Впрочем, жанровое ожидание очевидным образом тяготело над критиками: «<...> между тем они имеют такое большое, такое обязывающее название. Название, с которым невольно ассоциируется великое имя Достоевского и его знаменитый “Дневник писателя”, порою полный консервативного бешенства, порой возмутительный по своим заблуждениям, но всегда — яркий и пламенный, всегда живой и страстный, всегда трепетный и волнующий. Тогда, полвека назад, “Дневник” вел один Достоевский, и каждая его статья жгла общественное самосознание и поднимала бурю в русском обществе; теперь десять-двадцать писателей сообща пишут “Дневники” и им не внемлют, о них почти не говорят и, строго говоря, никого они не волнуют» (*Вяткин Г.* Дневники писателей // Утро. 1914. 2 сент. № 2416. С. 7).

[31] См. о ней: *Полякова С. Г.* Крандиевская Анастасия Романовна // Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь. М., 1994. Т. 3: К—М. С. 127—128.

[32] Ср. в письме Горького к Чехову от первой половины сентября 1900 г.: «Видел писательницу Крандиевскую — хороша. Скромная, о себе много не думает, видимо хорошая мать, дети — славные, держится просто, вас любит до безумия и хорошо понимает. Жаль ее — она глуховата немного, и, говоря с ней, приходится кричать. Должно быть ей ужасно обидно быть глухой. Хорошая бабочка» (Письма М. Горького к А. П. Чехову 1898—1904 гг. // М. Горький. Материалы и исследования. <М.; Л.>, 1936. Т. II. С. 204).

[33] См. в воспоминаниях внука: «бабушка была большим философом и дружила с Розановым» (*Толстой Д.* Начало жизни // Нева. 1971. № 1. С. 118).

[34] Знакомство с будущим зятем было подробно и выразительно описано ею в посланиях к Чеботаревской: «Расписалась и не могу уняться: познакомилась с Толстыми (когда-то бывшие “ваши” Толстые). Он увалень ничего себе, забавный и милый, она же — нуль, ума видимо ни капли. Был у них огромный маскарад, там и познакомилась. Потом у нас было что-то вроде кабаре я когда увидала, до чего в нем в Толстом этом много земляного, звериного, детского, так веселился и так всех заражал, что не вечер это был, а сплошной хохот. Разошлись в пять часов, народищу и у нас было пропасть, и все молодежь, и все скоморохи, так всех Толстой взвинтил, распалил» и т. д. (недатированное письмо // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 136. Л. 9—9 об).

[35] В частности, перу Чеботаревской принадлежит сочувственная рецензия на ее повесть «То было раннею весною» (Журнал для всех. 1905. № 8). Материальный памятник ее знакомства с Сологубом — инскрипт на «Книге очарований» (М., 1909): «Анастасии Романовне Крандиевской Федор Сологуб» (собр. Л. М. Турчинского).

журнала и предложением участвовать, Крандиевская откликнулась подробным недатированным посланием:

> Милая моя Настасья Николаевна!
>
> Не могу не выразить вам глубокого своего удовольствия, что затеваете вы с Федором Кузьмичем журнал с такими интересными (пожалуй, даже исключительными) заданиями. Уж действительно — коли журнал, так чтобы это было что-нибудь такое, чтобы не требовало, говоря вульгарно, «конкуренции», чтобы не только в исполнении, но прямо даже и в заданиях в своих, в целях, было нечто оригинальное, не похожее ни на какие «журналы для всех», одинаково цепляющиеся за одни и те же имена, но, в сущности, ничего не значат в том своем «творчестве», кое, опять же, всем уже оскомину набило. Ведь вы своими заданиями, программой журнала и писателям открываете новую дорогу, даете простор, — и еще какой! — их самому индивидуальному, ибо самому сокровенному и интимному, в чем самая суть всего и для всех и заключена. Ведь странно в такой степени быть приверженным к «объективности», чтобы за нею и лица то пишущего не видать. «Мне решительно неинтересно знать, как ведет себя в интимной жизни Розанов». Фраза эта глубоко легкомысленна и не умна. Не то беда, что человек свою интимность вскрывает, а то беда, что человек ни во веки вечные самого интимного на люди не понесет и в этом горе для всех. Ибо «подполье» человеческое — горе как для подпольника <sic!> самого, так и для его окружающих. Когда-нибудь люди добьются-таки до того, что будут, как хрустальные. Все в них и для всех будет видно и все им и всячески будут близки. И вот именно шаг к этому будущему делаете вы своим журналом, хоть в программе у вас сказано только, что писатели будут откликаться лишь на явления общественности и литературы искусства. Это, впрочем, тоже хорошо, ибо облегчает путь к вскрытию себя даже и не в общественности, а в самом затаенном, что самое и главное. Одним словом, затеяли вы отличное дело, и я пророчу вам настоящий успех.
>
> Само собою разумеется, «Бюллетени» наши вам сочувствуют, ибо «Бюллетени» — это Василий Афанасьевич[36], а он и сам создал не шаблонный журнал, который нешаблонными людьми одобряется сильно. Шаблонные же до сих пор на него смотрят как на «перепечатки», но ничего, еще годок-другой и шаблон приучится к оригинальной мысли на оригинальное[37].

Вероятно, на рубеже 1913 и 1914 годов Сологуб подает заявление санкт-петербургскому градоначальнику:

---

[36] Крандиевский Василий Афанасьевич (1861—1928) — журналист, библиограф, издатель.

[37] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 136. Л. 8—8 об.

Его Превосходительству Г. СПб. Градоначальнику

Отст<авного> надв<орного> сов<етника> Ф. К. Т<етерникова> (по лит<ературному> псевд<ониму> Федора Сологуба), жит<ельствующего> по Раз. д. 31, кв. 4

Заявление.

Имею честь заявить В.П., что я желаю выпускать в свет, в СПб., новое повременное издание, под на[звани]именованием «Дневники писателей», по следующей программе: 1) статьи о литературе, искусстве и общественной жизни, 2) стихи и беллетристика. Издание будет выходить в свет 1 раз в месяц; подписная цена — 2 р. в год, 1 р. в полгода, и 20 к. за отдельный номер.

Обязанности ответственного редактора я принимаю на себя. Издание будет печататься в типографии[38].

С получением разрешения на издание журнала (оно не сохранилось или не разыскано) формальности закончились и можно было приступать к составлению первого номера.

Прямым следствием отказа от классического формата литературного журнала стала необходимость в привлечении нового круга авторов, не успевших (по молодости лет или уединенному положению) запятнать себя сотрудничеством с традиционной прессой. Существенная часть биографий безвестных вкладчиков «Дневников писателей» при современном состоянии документальной базы поддается реконструкции. Таков, например, Сергей Коммиссаров, чье письмо в редакцию (имеющее форму диалога двух студентов) было напечатано в № 2. Один из участников описанной беседы декламирует другому стихотворение «Была весна и утро. В небе чистом...»: именно это стихотворение за той же подписью «Сергей Коммиссаров» было напечатано в журнале «Весна»[39]. Не исключено (учитывая рачительность автора), что оно же было отправлено осенью того же года А. Блоку с просьбой оценить[40] (ответ Блока, написанный, судя по пометке, неделей позже, не сохранился).

28 марта 1914 года, отправляя указанный текст в редакцию «Дневников писателей», Коммиссаров присовокуплял: «Если Вас, глубокоуважаемый Федор Кузьмич, может удовлетворить, как ред<актора>-изд<ателя> “Дн<евников> Пис<ателей>” присылаемый мною “Разговор” — мысли о некоторых сторонах студенчества в отношении к искусству, то я был бы весьма рад быть гостем, — хоть и не званым,

[38] Цит. по черновику: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 26. Л. 1; рукопись оборвана на половине фразы.

[39] Весна. 1914. № 4. С. 32—33; под заглавием «Хрусталь девушки».

[40] РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 82.

дома “свободной мысли в свободной форме”. Может будете так добры и дадите мне ответ. Искренне преданный студ. Сергей Коммиссаров»[41]; убедившись в том, что текст принят, благодарил: «Прежде всего, приношу свою глубокую благодарность, многоуважаемый Федор Кузьмич, за то, что Вы напечатали мой критический этюд в виде письма в редакцию («Разговор» в № 2).

Ободренный этим, но с чувством страха оказаться назойливым, посылаю Вам два своих стих<отворения>. Не столько желание напечатать, сколько желание услышать Ваше мнение о них (хоть в самой короткой форме — двух трех словах) побудило меня к этому. Если Вас не затруднит, то много много <sic!> меня обяжете, если пришлете о них весточку»[42].

Оба эти письма помечены «Обводный, 49»; в петербургских адресных книгах по этому адресу числится заведующая смешанным начальным городским училищем Александро-Невской части Александра Васильевна Коммиссарова — скорее всего, мать вкладчика «Дневников». Дальнейшая атрибуция его затруднена, и в выборе между инженером Сергеем Федоровичем, появляющимся в справочнике «Весь Петроград» в 1917 году, актером Сергеем Михайловичем, примкнувшим к качаловской труппе[43], и лишенным отчества Сергеем, входившим в московскую анархическую группу, разгромленную в 1920-е годы[44], мы не можем определиться с приоритетами.

Чуть больше сведений сохранилось о другом авторе «Дневников» — Василии Филипповиче Матвееве. Сологуб познакомился с ним в феврале 1914 года в Воронеже, во время лекционного тура. 1 числа, отчитываясь жене о событиях прошедшего дня, он среди прочего писал:

> Гостиница здесь в Воронеже очень хорошая. Город так себе, — улицы широкие, много учащихся и военных. Зашел в редакцию «Дон», там поговорил с редактором. Он сказал мне, что автор статей в «Доне» — учитель пения в здешнем кадетском корпусе Матвеев. Зашел к нему. Живет он в казенной квартире в корпусе. Квартирка поганенькая. Сам он — человек 54 лет, хохол, с хохлацким акцентом говорит; здешний старожил, учился в Задонском духовном училище. В 1882—86 г. учился в Петербурге в консерватории. Тогда печатался в юмористических

[41] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 341. Л. 1.

[42] Там же. Л. 4.

[43] О нем см.: *Станиславский К. С.* Собр. соч. Т. 6. Ч. 1: Статьи. Речи. Отклики. Заметки. Воспоминания: 1917—1938. М., 1994. С. 146. Его сохранившаяся эпистолярия свидетельствует о некоторых знакомствах в литературно-философской среде (см., например, письмо к Дурылину: РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 599).

[44] См.: Орден российских тамплиеров. Т. II: Документы 1930—1944 гг. / Публ., вступ. статьи, комментарии, указатель А. Л. Никитина. М., 2003. С. 129.

> журналах: «Осколки», «Стрекоза», «Будильник». Потом не печатался, хотя посылал статьи Айхенвальду, Зинаиде Гиппиус. Пишет много, обо всем, что прочтет, — накопилось таких дневников 42 тетради. Года 4 назад овдовел. Шестеро детей, старший сын уже отдельно живет. Здесь я видел его 2<-х> гимназисток, 4-го и 8-го класса, да еще есть младшая девочка. Его адрес и имя: Василий Филиппович Матвеев, Кадетский корпус, Воронеж[45].

Выразительную его характеристику приводит в мемуарах один из сыновей:

> Все свободное время отец посвящал писанию. Запершись в своем кабинете, он до поздней ночи, а часто и до утра прочитывал все литературные новинки, занося свои впечатления в дневники. Умственный кругозор у него был широчайший. Не было книги, чтобы она прошла мимо его внимания. В большом дубовом шкафу, стоявшем в его кабинете, сосредоточилась литература и Запада и отечественная. Таков же <sic!> знаток он был и музыки, живописи, архитектуры. Последнее искусство он ставил наравне с литературным творчеством. Участвовал в столичной и местной прессе, печатаясь в журналах «Знание», «Русское богатство», «Современный мир», «Журнал для всех» и др. На перо был едок. Писал больше критические статьи. Самым уважаемым автором для него был Ф. Сологуб, за ним И. Бунин, Эрдели, Л. Андреев, критик Айхенвальд. Боготворил он и футуристов. Хлебников, Бурлюк, Пастернак, Петников были вполне понятными авторами и совершенно недоступными для всех нас остальных в его доме, что приводило отца в раздражение от этой нашей несознательности[46].

К этому можно прибавить, что Матвеев славился своим лирическим тенором[47], переписывался с Короленко[48] и пропал из поля зрения краеведов в 1929 году[49]. Согласно воспоминаниям его сына, он умер в 1938 году; его богатейший литературный архив погиб в 1943 году в одном из хуторов Полтавщины[50].

---

[45] *Сологуб Ф.* Письма к Анастасии Чеботаревской / Вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 332.

[46] *Жигулев Н.* Мозаика жизни. Рассказы. Буэнос-Айрес., 1954. С. 43.

[47] *Шухмин Г. И.* Воспоминания об архиерейском хоре // Воронежский епархиальный вестник. URL: http://www.vob.ru/public/bishop/ep_vest/2004/2—72/shuhmin.htm.

[48] См.: *Федорова В. М.* Описание писем В. Г. Короленко. М., 1961. С. 475.

[49] Воронежская историко-культурная энциклопедия. Персоналии. Воронеж. 2006. С. 260.

[50] *Жигулев Н.* Мозаика жизни. Рассказы. С. 48.

Приглашение участвовать в журнале он получил через несколько дней после знакомства — и немедленно отвечал Чеботаревской: «В “Дневниках”, конечно, буду с наслаждением участвовать. Это мне подходит. Ведь я постоянно пишу именно “дневник”»[51].

С другим автором журнала — Артуром Петровичем Тупиным (1889—1952) — Сологуб и Чеботаревская познакомились еще в начале 1910-х годов: первое из его сохранившихся писем датировано апрелем 1911 года[52] (судя по содержанию этого и последующих писем, возможно, он был их соседом по нарвской даче). В 1914 году он сдает экзамены («Сейчас сижу на Песочной за книжками, пугает меня весна с государственными, валится из рук Моммзен, лежит перед мной “Милый паж”, “Наивные встречи” Федора Кузьмича... Ум бежит от схоластики, а сердце... оно рвется к наивным встречам...»[53]) и грезит о литературной карьере («Моя мечта сделаться художественным критиком! Это трудно?»[54]); в эти же дни, случайно оказавшись в сомнительном заведении, подробно описывает свои переживания: «В понедельник был в “Бродячей собаке” — впечатление гнетущее. Выступала такая бездарь, что когда вспоминал Вас, Федора Кузьмича, Вяч. Иванова, то впечатление разницы: между небом и землей. Настроение было ужасное, хотелось плакать, как дорого настоящее, истинное искусство. Все эти Ахматовы, Ивневы, есть и еще бездарнее и ниже, полны лести к устроителям. И над всем этим царила гнусная бабья физиономия кастрата из Александринки, Давыдова. Я так безумно люблю Вас и Федора Кузьмича, что с ужасом думаю о тех минутах, когда я Вам надоем и Вы меня прогоните»[55]. Во второй половине 1910-х годов со-

---

[51] Письмо от 20 февраля 1914 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 158. Л. 26.

[52] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 291. Л. 1.

[53] Письмо от 5 января 1914 г. // Там же. Л. 4—5. *На Песочной...* — петербургский адрес Тупина в 1914 году — Песочная, 12.

[54] Там же. Л. 5.

[55] Письмо от 7 марта 1914 г. (дата по почтовому штемпелю) // Там же. Л. 7. Впервые этот фрагмент напечатан: *Тименчик Р.* О трудах и днях Ахматовой // Новое литературное обозрение. 1998. № 29. С. 418. Тупин был на «Музыкальном понедельнике» 3 марта, приуроченном к приезду К. Д. Бальмонта. Подробнее о вечере см.: *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 227—228. Давыдов Владимир Николаевич (наст. имя и фам. Иван Николаевич Горелов; 1849—1925) — актер Александринского театра; благодаря своеобразной внешности регулярно играл водевильные и комедийные роли, в т. ч. женские. Ср. в отзыве журнального хроникера: «Необыкновенно теплое и жизнерадостное впечатление оставил артист Александринского театра маститый В. Н. Давыдов, редкий гость интимной среды, который в конце концов, уступив настойчивым просьбам присутствующих, читал стихи, замечательно пел цыганские романсы и французские песенки» (Златоцвет. 1914. № 10. С. 13).

ставлял антологии и обзоры прибалтийской печати[56]; публиковался в «Новом времени»[57] и «Лукоморье»[58]; в 1917 году ушел на войну («Я уже ранней весною поступил добровольцем в один из латышских стрелковых батальонов»[59]); с 1917 по 1921 год жил в Париже; позже осел в Латвии, где работал корреспондентом (среди журналистских удач — нашумевшее интервью с Маяковским[60]); был издателем сомнительных журналов с тягой к сенсационности[61]; после — перебрался в Алжир[62]; умер в 1952 году[63].

Гораздо меньше известно об авторе полемической заметки, помещенной в последнем номере «Дневников», — Николае Шацком. В 1902 году он просил об аудиенции в Москве направляющегося туда Горького; с привычной приязнью к начинающим авторам тот отвечал: «Николай Михайлович — я буду очень непрочь посмотреть Ваши работы, да и Вас лично»[64] (о факте и обстоятельствах обещанной

---

[56] Прибалтийский край и война. Материалы из русской печати за август, сентябрь и октябрь 1914 г. Собрал и составил А. П. Тупин. С предисловием проф. К. И. Арабажина. Пг., 1914.

[57] В частности, в качестве сотрудника этой газеты он значится в петроградских адресных книгах 1916—1917 гг.

[58] Единственная публикация: *Тупин А. П.* Латышские стрелки // Лукоморье. 1916. № 27. С. 18—19.

[59] Письмо к Чеботаревской от 24 июня 1917 г. (год по смыслу) // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 291. Л. 15.

[60] *Тупин А.* Маяковский за границей // День (Рига). 1922. 9 окт. № 7. Экземпляр газеты оказался нам недоступен; текст интервью перепечатан: *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 13. С. 216 — 217.

[61] Например, «Иллюстрированный криминальный журнал» (принадлежность которого Тупину, впрочем, определена исследователем по адресу редакции; см.: *Абызов Ю.* А издавалось это в Риге. М. 2006. С. 100).

[62] См. упоминания его в письмах В. Торского к С. Маковскому: «Вы тоже, наверное, моих рассказов не будете читать...» (Материалы В. В. Торского в РГАЛИ). Обзор Е. В. Бронниковой // Встречи с прошлым. М. 2011. Вып. 11. С. 551, 553, 574; ср. в комментариях: «Тупин А. П. — лицо неустановленное. Предположительно литератор, автор книги “Смертная казнь: Отрывки из неизданного романа ‘В голубых оврагах’. На чужбине” (Париж, 1920)» (С. 574). Упомянутой книги не существует; это контаминация заглавия прозаического текста Тупина и названия альманаха (иногда квалифицируемого как журнал), где он был опубликован. Правильно: *Тупин А.* Смертная казнь (Отрывки из неизданного романа «В голубых оврагах») // На чужбине. Сборник произведений русских воинов. <Париж>, 1920. С. 21—24. В 1946 г. он предлагал журналу «Новоселье» для издания прозаический фрагмент «Зеленый паук» (фонд С. Прегель; Урбана-Шампейн).

[63] Справка административного отдела Министерства иностранных дел Латвии (выписка предоставлена Р. Д. Тименчиком).

[64] Письмо от 21 сентября 1902 г. // Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 3. Письма 1902 — ноябрь 1903. М., 1997. С. 103 (фамилия адресата ошибочно напечатана «Щацких»; в именном указателе — «неустановленное лицо»).

встречи сведений не сохранилось). Единственные биографические данные о нем, которыми мы располагаем, — содержащееся в московских адресных книгах указание на его службу в Государственной сберегательной кассе. Прозаическому месту службы противоречила возвышенность, с которой он обратился к Сологубу в 1914 году:

> Милостивый Государь!
>
> Очаровавшая меня идея издания такого журнала, как «Дневники Писателей», так отвечающая интимному голоду пишущих, заставляет чужого и неведомого и Вам, и миру поэта писать, может, и наивные строки. — Думается многим писателям, поставленным в известные рамки формальных путей выражения своих мнений и чувств, нашлось бы что сказать, если бы они смогли забывать цепи оковывающего их быта. Им-то, им-то особенно это нужно! Но и в их среде (себя считаю стоящим в стороне) большинство — и какое ужасающее большинство! — прямо и твердо шагает к вечности в негнущейся броне схоластической однотонности. <...>
>
> Теперь о себе. Я посылаю две рукописи скорее интимного характера, чем общежурнального. Хотя и думаю, что для Вас имеет смысл печатание дневников людей своего писательского круга, затем людей уже с именами; но попытки делаю потому, что ощущаю сильную потребность именно в интимных, лишенных строгой формы беседах. Главное, впрочем, обычное — плохо устроился в печати и негде говорить. <...>
>
> Основные работы сосредоточены около театра. Работаю над большой формой человеческого духа. Думаю, что вряд ли скоро где ее устрою. Пишу рассказы. Писал и стихи. Образец моих рассказов (правда, старых — еще до 1908 года) — журнал (петербургский) Свежие силы, № 1, 1914. Там три маленьких рассказа (экземпляр этого журнала я попрошу редакцию прислать Вам; он очень плох, особенно с редакционной стороны, — предисловие, повесть и «заметка»; но там есть, напр., Моравская, — прекрасная, кажется, поэтическая душа, так грустно и нежно позванивающая разбитыми колокольчиками мечтаний) <...>
>
> Во имя дерзновения духовного, поэтического я давно мечтаю о походе на дерзость лавочную, журнальную, рыночную, — ту, которая требуется миру, основанному на кулачном праве[65].

Около 1916 года он был на московской лекции Сологуба, прислав ему накануне витиеватое приветствие, которое было целиком — бисернейшим почерком — умещено на свободном поле визитной карточки:

---

[65] Письмо (от 23 апреля 1914 г.) хранится среди деловых бумаг, связанных с историей журнала: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 28. Л. 54—55.

> Я хотел бы, Сологуб, чтобы привет дошел с таким уличным адресом и попал в день лекции. По опыту знаю, что тяжело мечтателям («мечтатель — умри в подвале»...). Им нужен путь, озаренный склоненными чашечками звезд в радостной синеве их небес, а им приходится на земле упиваться страшными очарованиями нудных засценочных стонов, жить и верить обманам скорее души, чем жизни, — а вместо сладко-нежного напитка ее испивать горечь, которую только чудо их души обращает в ароматный ликер вечно юной сказки. — Идти по грязному тротуару мимо задымленных окошек участка и видеть впереди не разбитый газовый фонарь, а факел, освещающий «тропу мечтательную...»[66]. В разговоре я бы, верно, во многом не сошелся, и в лекции я, не очень увлекающийся подъемом современности, мечтатель больший, чем сами мечтатели, нашел бы зерно задора. Я — сварливый себялюбец и, как таковой, издали приветствую тем мирнее и ласковее. — Ах, как нужна ласка поэту! Приветствую Вас, как ближайшего, от всей истасканной души, — уже обрывка еще до крупного выхода, — но обрывка, ярко горящего мечтою. Может, когда-нибудь увидите удачный отблеск коснеющей души в печатных строчках (для этого мне бы постоянный в будущем адрес Ваш, чтобы указать, где что мое крупное появится). — Есть о Вас доброе слово (правда, туманно) в... «Журнале для Хозяек», отдел «Женская жизнь», № 6, 1915[67].

Здесь же содержался его выразительный автопортрет: «Мечтам моим внешность далека: если зорки — увидите в партере, 15-й ряд, № 427. Бородатый, волосатый и хмурый. Красную бы рубаху, топор за пояс да на Лобное место — картину пиши...»[68]. Далее сведения о нем обрываются на некоторое время; в 1918 году подписанный его именем обзор московской литературной и театральной жизни появляется в белгородской газете «К солнцу»[69].

Несмотря на продемонстрированное изобилие готовых к сотрудничеству начинающих авторов, журналу были необходимы участники более классического склада. Часть из них была, по всей вероятности, ангажирована при личном собеседовании в феврале 1914 года[70]; ино-

---

[66] Цитата из стихотворения Сологуба, напечатанного в «Дневниках писателей» (№ 2. С. 4).

[67] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 759. Л. 1.

[68] Там же.

[69] *Шацкий Н. М.* Московские заметы // К солнцу (Белгород). 1918. 14 апр. № 3. С. 1—2 (под текстом помета: 19 марта 1918 года. Москва). Несколько его публикаций под псевдонимом «Асаф» рассеяны по другим номерам этой газеты (см.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917—1920 гг. / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М., 2005. С. 101, 122).

[70] Сологуб был в Петербурге с 13 по 18 февраля (см.: *Сологуб Ф.* Письма к Анастасии Чеботаревской. С. 344), но график его встреч этого времени нам неизвестен.

городние (или находящиеся в отъезде) получали письменное приглашение — как правило, написанное Чеботаревской, хотя и со ссылкой на Сологуба, находившегося в этот момент в середине лекционного турне. Так, например, выглядело письмо Волошину: «Ф. К. очень просит меня передать Вам вместе с его сердечным приветом следующую просьбу: он с 1 марта издает небольшой журнальчик “свободных мнений” “Дневник <sic!> Писателей” и *непременно* хочет Вашего сотрудничества, которое он всегда ценил о<чень> высоко. Пришлите — если возможно, для 1-го № что-нибудь (по общим вопросам искусства и жизни) — заметку, впечатления, что хотите — эта форма “дневников” вместит, что угодно. Пока — конечно, средств нет, но мы ищем и надеемся со 2-го или 3-го №№ уже оплачивать труд сотрудников. Но, право, порой такая острая потребность чувствуется в таком “свободном” чистом от газетного кумовства и кружковщины местечке, что как-то не останавливает эта материальная трясина!»[71] Волошин откликнулся присылкой статьи «Блики. О наготе», за которую его благодарил уже сам Сологуб: «Дорогой Максимилиан Александрович, очень благодарю Вас за Вашу статью. Она очень интересна, и мне приятно, что первая книжка наших дневников имеет ее. Надеюсь, что Вы и впредь не будете забывать нас. Книжка Вам отправлена на днях, т<ак> ч<то> Вы получите ее, по всей вероятности, раньше этого письма. Желаю всего очаровательного. Ваш Федор Тетерников»[72]. Вероятно, в эти же дни приглашение получил Леонид Андреев (оно цитировалось выше) и Куприн; текст последнего не сохранился, но ответ Куприна был напечатан в первом номере журнала: «С удовольствием принимаю Ваше любезное предложение быть сотрудником “Дневников Писателей”. Ваша мысль и нова, и оригинальна, и для нас, писателей, очень лакома. В самом деле: все что мы думаем об искусстве и жизни — все это мы выбалтываем иногда нелепо, иногда чересчур щедро в личных разговорах. Закрепленное печатью, оно

---

[71] Цит. по коммент. Г. В. Петровой: *Волошин М.* Собр. соч. Т. 10: Письма 1913—1917. М., 2011. С. 178. Прежде усеченный фрагмент этого письма цитировался с более правильным написанием названия журнала: М. А. Волошин и Ф. Сологуб / Публ. В. П. Купченко // ЕРОПД на 1974 год. Л., 1976. С. 162. Волошин отвечал Чеботаревской: «Многоуважаемая Анастасия Николаевна, и Ваше письмо, и предложение Феодора Кузмича принять участие в “Дневнике Писателей” доставило мне неожиданную и настоящую радость. Именно о таком типе журнала я давно уже мечтал. А теперь, когда извергнут из большинства российских повременных изданий, мне это тем более приятно. Я постараюсь как можно скорее приготовить материал для первого номера и передать Вам. Буду очень благодарен, если Вы мне сообщите более подробно, в каком типе Вы думаете осуществить этот журнал и кого привлекаете к участию» (письмо от 7 февраля 1914 г. // Волошин М. Собр. соч. Т. 10: Письма 1913—1917. С. 176).

[72] М. А. Волошин и Ф. Сологуб / Публ. В. П. Купченко. С. 162.

уже становится серьезным и ответственным и, ах! как иногда хочется высказаться по душе без всяких рамок и условий»[73]. 12 февраля приглашение получает К. Сюннерберг: «Завтра, 13-го Ф. К. возвращается из поездки. Я была здесь и все хотела зайти к В<а>м, сообщить, что Ф. К. собирается издавать “Дневники писателей” — орган свободных мнений и очень просит Вашего сочувствия и содействия в какой угодно печатной (не *не*) форме»[74]. На фоне этих переговоров еще с конца 1913 года тянется сюжет с приглашением главного из потенциальных единомышленников и совопросников — Вячеслава Иванова.

По всем формальным обстоятельствам и по предшествующей истории отношений Иванов идеально подходил на роль ближайшего соратника Сологуба в «Дневниках писателей». Более того, одновременно с подготовкой первого номера Сологуб и Чеботаревская готовят еще один, столь же принципиальный для них литературно-общественный проект — большой диспут о символизме. Иванов с самого начала предполагался там на роль одного из главных ораторов:

> К В<а>м обратится н<а>ш устроитель лекций г. Долидзе, — вполне надежный и энергичный человек. Хотел бы устроить лекцию Вашу в конце января или вернее с 15 до 25 янв. Около этого времени (числа 20, 21 янв.) устраивается также собеседование о новой литературе, вернее об «итогах» последнего десятилетия. Доклады прочтут Блок и В. Гиппиус. Очень желательно было бы и Ваше хотя бы краткое (минут на 20!) суждение. Идейная задача — формулировать то положительное, что внесено в литературу движением т.н. символистов — то, что теперь отчасти замалчивается в общей неразберихе, или «экспроприируется» гг. футуристами. Блок дал маленький реферат о форме и о стихе — приблизительно. В. Гиппиус об идейной стороне движения. Не согласитесь ли Вы дать хоть небольшой реферат в области этой темы (Проезд — во всяком случае, будет оплачен). Если это совместить с лекцией г. Долидзе (мы его направили к Касс<андре>[75] для переговоров о В<а>ш<ей> лекции), то, может быть, это покажется В<а>м удобным?[76]

[73] Из письма А. И. Куприна // Дневники писателей. 1914. № 1. С. 45.

[74] Письмо от 12 февраля 1914 г. (дата по почтовому штемпелю и по смыслу) // ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 291. Л. 27.

[75] Домашнее имя Александры Николаевны Чеботаревской.

[76] Письмо Ан. Чеботаревской к Иванову от 18 декабря 1913 г. (дата по почтовому штемпелю) // РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 30. Л. 10—11. Долидзе Федор Яссеевич (1883—1977) — легендарный импресарио, организовывавший турне, вечера и лекции поэтов с начала 1900-х гг. О его деловых и личных отношениях с Сологубом см.: Игорь Северянин. Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской. С. 753—754. Фрагмент письма напечатан: Литературное наследство. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 428; там же подробный комментарий об отношении Блока

Из приведенного письма видны примерные контуры будущего собеседования, как они представлялись Чеботаревской: Иванову (наряду с Блоком и Гиппиусом) отводилась роль летописца отходящей символистской эпохи и защитника завоеванных ею ценностей. Но с течением времени (и, вероятно, не без влияния текущих размышлений о создающемся журнале) схема эта начинает меняться, а участие Иванова из желательного делается принципиально важным. В 20-х числах декабря Иванова в Москве навещает Ф. Я. Долидзе, имея с собой подписанные Чеботаревской верительные грамоты (на письме начертано: «Податель этого письма г. Долидзе, о к<о>т<ором> я В<а>м пис<ала>»):

> Дорогой Вячеслав Иванович, очень прошу В<а>с *поскорее* к<ак> можно ответить на мое письмо — согласны ли принять участие в диспуте на тему символизма (итоги новой литер<атуры>). Это будет 20 янв<аря> А Вашу лекцию можно устроить 18—19 янв<аря>. Очень важно знать теперь же — 29-го у нас собрание участвующих — очень важно знать: *Все просят* Вашего участия[77].

В эти же дни дополнительное увещание посылает Иванову и Сологуб:

> Дорогой Вячеслав Иванович,
>
> Очень прошу Вас принять участие в той беседе 20 января, о которой Вам уже писала Ан. Ник. Именно Ваше участие чрезвычайно ценно и дорого, потому что то течение искусства, которое я считаю наиболее ценным в наше время, ни в ком не имеет такого сильного и до конца верного защитника, представителя и истолкователя, как в Вас. В связи с этим можно было бы устроить в Петербурге и Вашу лекцию, числа 18, 19 или 21, 22 января. Очень прошу Вас не отказывать.
>
> Сердечно Ваш
>
> Федор Тетерников[78].

Весьма вероятно, что среди прочего на собрании 29 декабря (о котором у нас нет никаких сведений) шла речь не только о диспуте, но и о будущем журнале, и очень похоже, что отдельно на нем обсуждалась роль Иванова в обоих этих начинаниях. Во всяком случае, Сологуб, чьи тексты часто и живо резонируют с впечатлениями бытия,

---

к этим замыслам. Принципиальный для истории символизма сюжет с диспутом излагается нами далее в сугубо конспективной форме.

[77] РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 30. Л. 12—13. Лекция Иванова («О границах искусства») была устроена 22 января.

[78] РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 63. Л. 7.

в этот же день пишет стихотворение, непосредственно посвященное московскому единоверцу:

Розы Вячеслава Иванова —
Солнцем лобызаемые уста.
Алая радость святого куста —
Розы Вячеслава Иванова!
В них яркая кровь полдня рдяного,
Как смола благовонная, густа.
Розы Вячеслава Иванова —
Таинственно отверстые уста[79].

Три дня спустя Чеботаревская пишет Иванову письмо, по степени настойчивости превосходящее предыдущие:

> Дорогой Вячеслав Иванович! Очень прошу сообщить мне ответ на два мои письма, в кот<орых> мы, все участники диспута 20 янв<аря>: (Аничков, Сологуб, Вл. Гиппиус[80], Чудовский, Чулков и др.) просим убедительно приехать В<а>с к этому дню *председательствовать* и сказать хоть несколько слов — тема касается «итогов литературных движений последних десятилетий», гл<авным> обр<азом> символизма) и не быть Вам — это почти равняется отмене вечера. И так — уже многие разбрелись и бросили знамя свое... Дорога и проезд будет оплачена (50 р.); остановиться можете у нас — отведем две комнатки смежные и в стороне. Лекцию Вашу (о пределах искусства) можно устроить числа 22—25 янв. чтобы в этот же приезд; все уже спрашивают и интересуются. Поэтому не убивайте отказом — скажите *да* (хотя бы телегр<аммой>!), уверены в блестящем успехе Вашего выступления, просим от всей души не отказать *ради общего дела*[81].

За две недели расклад сил на предстоящем диспуте 20 января поменялся более чем решительно: в этой редакции вовсе не упоминается Блок, расширен круг выступающих, Иванову отведена центральная роль председателя, а само мероприятие представлено как защита заво-

---

[79] *Сологуб Ф.* Стихотворения / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. М. И. Дикман. СПб., 2000. С. 390. Впрочем, днем раньше были написаны стихотворения, посвященные Кузмину и Блоку, а в тот же день — дедикация Брюсову, так что, возможно, это просто совпадение.

[80] Гиппиус вскоре откажется от участия в проекте: «<...> к тем возражениям, которые у меня были против моего участия в диспуте 20-го января, присоединилось самое неотвратимое — я в последнее время серьезно болен <...>» (письмо к Ан. Н. Чеботаревской от 18 января 1914 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 80. Л. 7).

[81] РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 30. Л. 14—15 об.

еваний символизма. Здесь впервые звучит приглашение остановиться в сологубовском доме, предполагающее новую степень сближения.

Получив это письмо, Иванов отвечал Чеботаревской:

> Желал бы, далее, испросить Ваше прощение за свою неповоротливость в письменных ответах: мне очень стыдно, что ничего еще не написал Вам на Ваши запросы. Теперь к делу! Что до председательствования на вечере, естественно *отклоняю* это любезное предложение, ибо председательствовать должен не кто иной, как Федор Кузьмич, который и придаст этим собранию надлежащие блеск и достоинство. Мне же, как из Москвы приезжему, не подобает, уже в силу моей иногородности, руководить собранием. Выступать же с докладом или речью, в числе обсуждающих тему, мне также не хочется, и даже не в мочь! Ведь, я вообще немного *против* «подведения итогов»... К чему они, когда мы все действуем, не почивая на лаврах? Пусть другие подводят итоги за нас. Защищать наши позиции полемически ныне во всяком случае уже не следует, не «вместно» как-то. Нам надлежит утверждать провозглашаемые и осуществляемые нами ценности лишь положительной работой в искусстве и мысли. Тем не менее я бы приехал на этот вечер, если бы смогла состояться моя лекция «о границах искусства» в ближайшие после этого вечера дни; и я *согласен*, чтобы Дулидзе <sic!> ее устроил от 22 до 25 ч<исла>, как Вы пишете. М<ожет> б<ыть>, Вы его об этом спросите? Затем — сердечная Вам благодарность за предложенное дружеское гостеприимство и за Ваше милое ко мне отношение вообще и большой привет обоим от всех нас[82].

6 января, несмотря на то что принципиальное согласие было уже получено и подготовка к ивановской лекции началась, Чеботаревская отправляет ему следующее письмо, прибавляя к прежним аргументам о необходимости приезда еще один — особенно убедительный:

«Пересылаю В<а>м отчет о лекции Мережковского. Из него Вы увидите, к<а>к далеко зашел он по пути оклеветания и мертвых, и живых в своем “общественном” карьеризме. Тем более надо напрягать все силы в этой непомерной борьбе»[83].

Это придает всей истории дополнительную проекцию, накладывая отпечаток и на направление создаваемого журнала. Лекция, о которой идет речь, — «Тайна Тютчева», прочитанная Мережковским 5 января 1914 года; один из центральных ее моментов, подхваченный газетами и особенно возмутивший Сологуба, — косвенное обвинение русских

---

[82] Письмо от 3 января 1914 г. // Иванов Вяч. Письма к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской // ЕРОПД на 1974 год. Л. 1976. С. 145—146.

[83] Письмо от 6 января 1914 г. (дата по почтовому штемпелю) // РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 30. Л. 16.

декадентов (и стоящего за ними Тютчева) в эпидемии самоубийств. В газетном отчете (почти наверняка — именно том, что Чеботаревская отправила Иванову) этот фрагмент цитировался следующим образом: «Самоубийство и самоубийственное одиночество в России — такое же бытовое явление в России, как смертная казнь. Кто это сделал? Русские декаденты — Сологуб, Бальмонт, Блок, Брюсов, Белый, З. Гиппиус? Да, они. Но через них Тютчев. Самоубийцы не знают, что яд, которым они отравляются, есть “молчание” — “Silentium”»[84]. По этому поводу между Сологубом и Мережковским возник энергичный обмен открытыми письмами[85], зафиксировавший уже свершившийся к этому времени практически полный разрыв личных отношений. Таким образом, Чеботаревская, и без того представлявшая себе символизм в виде осажденного лагеря, оказывалась перед лицом нового врага, и союзничество Иванова, в котором она не без основания предполагала наличие сходных чувств к Мережковским[86], оказывалось тем

---

[84] Тайна Тютчева (лекция Д. С. Мережковского) // День. 1914. 6 янв. № 5. С. 4. При последующих переизданиях текста лекции Мережковский изъял из этого перечня имя Сологуба — и только его (см.: *Мережковский Д. С.* Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев. М., 1915. С. 13).

[85] Русские декаденты и самоубийства // День. 1914. 9 янв. № 8. С. 3. Довольно скоро дискуссия сделалась достоянием юмористов:

«Мережковский был очень удивлен.

— Выходит, — сказал он, — что многие из-за самоубийц не из-за Тютчева, Сологуба и Бальмонта... Их даже, по видимому, не знают...

— Как не знать! — обиделся студент: — Кто не знает Тютчева? “Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда”. Разве можно не знать Тютчева.

— Вы привели стихи Пушкина, — уныло сказал Мережковский.

— Разве? Впрочем, это не важно. У Тютчева тоже стихи не дурные. А Бальмонта? Его стихи “Каменщик! Каменщик! В фартуке белом”...

— Это Брюсова...

— Брюсова? А я думал Бальмонта. Ну, да Бог с ними.

Мережковский ничего ему не ответил, а, обратившись к собравшейся толпе, с кротостью произнес:

— Он не из-за Тютчева. Можете его бросить обратно в Фонтанку...

За ближайшим углом его поджидал Сологуб.

— Ну, что? — спросил он. — Тютчев? Бальмонт? Я?

Мережковский махнул рукой.

— Надули меня самоубийцы» (*Д’Ор О. Л.* Кто виноват? // День. 1914. 10 янв. № 9. С. 3).

[86] В этом смысле Иванов оправдал ее надежды: в тексте его выступления на диспуте 20 января содержался пассаж, прямо направленный против Мережковского: «Димитрий Мережковский, один из бывших символистов, оглашает воздух призывами к разрушению красоты вообще, искусства в частности, и символического искусства частнейшим образом. Конечно, он говорит это не серьезно. Слишком это искусившийся человек, чтобы я не чувствовал в его словах бессознательного притворства. Он не может серьезно верить, что Тютчевщина и Обломовщина — одно и то же, что от Тютчева пошли самоубийства. Все это он при помощи своих демаго-

более кстати[87].

В ближайшие несколько дней Чеботаревская отправляет Иванову череду напоминаний и уточнений:

«Посылаю В<а>м схему вступительного слова Ф. К. на литературном диспуте 20 января; на Ваше участие мы тоже смеем рассчитывать — тема диспута чрезвычайно широка и не сужена никакими рамками — от термина “итоги” решено отказаться. 15-го состоится еще одно собрание участников, к которому было бы *очень* желательно получить — хотя бы в двух словах тему, которой вы коснетесь на диспуте 20-го (хотя это может быть и экспромт!) Устроитель Якобсон (СПб. Бармалеева ул. д. 9) очень просит поторопиться с присылкой ему (или мне) тезисов лекции Вашей (зал — Тенишевский снят на 22 янв<аря>) т<а>к к<а>к надо спешить с разрешением — времени не слишком

гических приемов распространяет по России. Я говорю с некоторым негодованием, потому что самое существо дела возбуждает негодование. Я готов подчеркнуть и положительные стороны этого явления и помочь вам понять это патологическое состояние Мережковского, патологическое и только патологическое, потому что общественность при наших теперешних понятиях никоим образом не затронута вопросом, что Тютчев великий поэт или нет» (Символисты о символизме // Заветы. 1914. № 2. Отд. II. С. 82—83). При переиздании этого текста вся тональность пассажа была сильно смягчена: «Есть разные типы эстетической ереси; доселе жива, например, — как ни удивительна такая живучесть, — ересь общественного утилитаризма, нашедшая своего последнего, думаю, поборника на Руси в лице Д. С. Мережковского. Но слишком это искусившийся человек, чтобы легко верилось в здоровую искренность его демагогических выкликов о сродстве тютчевщины с обломовщиною и других подобных приведенному сопоставлений соображений. Интересно не содержание этой проповеди, но ее психология: как психологически возможен сам феномен Мережковского — символиста, ищущего возбудить подозрения против символизма?» (*Иванов Вяч.* Борозды и межи. М., 1916. С. 161).

[87] По поводу этих ожиданий Иванов был предуведомлен — с ведома ли сестры? — Александрой Николаевной Чеботаревской, которая 12 января писала ему: «За последние 3—4 недели (конечно, это подготовлялось и раньше, но теперь особенно ярко обнаружилось) литературный мир Петербурга пережил очень важные моменты и теперь идет такая перетасовка и перегруппировка, что страх. Много и недоразумений, много и тяжелого и полнейшее как всегда в такие минуты непонимание друг друга — а между тем надо выяснить кто с кем, против кого, кто уходит, кто остается, акмеизм ли, символизм ли, футуризм ли... Разумеется, во всем этом много и праздного и суетного, что не доходит до сердца искусства... Больше всех по обычаю шумит Сологуб-Чеботаревская (Анаст<асия>, конечно) и Д. Мережковский, с другой стороны. Лекция за лекцией, диспут за диспутом. 5-го янв. Д. Мережк<овский> чит<ал> о Тютчеве, Г. И. Чулков читает 16-го “Возрождаемся ли мы, мертвецы”, — ему будут оппонировать Д. Мережковский и много других. 20-го диспут, на который заручились Вашим участием и о кот<ором> афиши расклеены по всему Питеру.... В газетах полемика между Сологубом и Мережковским в кот<орой> оба *неправы*, и Сологуб выступает на защиту символизма, совсем его по существу и центрально его не понимая...» (РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 24. Л. 1—2).

много. Мы должны будем с 23 по 28 быть в М<оск>ве (22 все же хотим послушать В<а>с!). Квартира же наша к В<аши>м услугам когда пожелаете приехать, только сообщите день. ФК шлет сердечный привет — он вчера отлучился опять с лекцией на неск<олько> д<ней>»[88] (это недатированное письмо было, вероятно, отправлено 6 января).

7 января: «Лекция устраивается вышлите тезисы»[89] (телеграмма).

В тот же день вслед телеграмме было послано письмо:

«Очень обрадованы Вашему намерению приехать к 20-му, — если мы не ошиблись. Лекция Ваша состоится вероятно 22-го, я передала ее устройство Е. И. Якобсону <...> т<а>к к<а>к Долидзе не сразу отозвался. — Як<обсон> тоже н<а>м хорошо известен и вполне приличный человек. “Итоги” вовсе не обязательны — вообще уяснение роли символизма»[90].

16 января — уже за четыре дня до предполагаемого приезда — в Москву летит следующее послание:

«Посылаю напоминание о 20 и 22-м января — днях, когда мы Вас будем иметь удовольствие слышать. Все ждут с нетерпением диспута и лекции — очень интересуемся и темой, и изложением. Телеграфируйте о приезде — комнаты для Вас и Веры Константиновны будут готовы в любой день — только не опоздайте к *20-му*. Ф. К. шлет Вам сердечный привет, вместе со всеми Вашими друзьями. 21-го предполагаем устроить у себя “раут” — ради Вашего приезда»[91].

Между тем в этот план (воплощение которого, вероятно, должно было увенчаться предложением тотального союзничества и соредакторства в будущем журнале) вторглись сторонние обстоятельства. 15 января Л. А. Недоброво, приятельница Ивановых, исполнявшая роль душеприказчицы после их срочного отъезда с «башни»[92], прослышав о предстоящем петербургском вояже, отправляет в Москву подробное письмо:

> Дорогой Вячеслав Иванович, простите, что я смею вмешиваться не в свое дело, но я не могу не написать Вам этих нескольких слов. Мы сейчас узнали из вторых рук, что Вы собираетесь остановиться у Соллогуба <sic!>, и нас всех это как громом поразило. Ведь этот

---

[88] РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 30. Л. 22—23 об. Якобсон Евгений Исаакович. О нем см.: *Тименчик Р. Д.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: Эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Симферополь, 2007. Вып. 5. С. 185—186. Добавим, что в Петроградской адресной книге 1917 г. он значится кандидатом филологических наук.

[89] РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 30. Л. 17.

[90] Там же. Л. 19.

[91] Там же. Л. 20—21.

[92] См. ее подробные письма-отчеты к М. М. Замятниной: РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 53.

человек Вас терпеть не может и если бы Вы слышали хоть сотую долю тех гадостей, которые говорил о Вас в прошлый год Сологуб и теперь еще говорить продолжает, Вы бы его порог не переступили, а не то что жить у него. Ради Бога не делайте этого, мне подумать больно, как это все кончиться может и что вокруг Вас говориться будет. Ведь они оба Вас терпеть не могут, поверьте Вы нам, а зовут Вас теперь к себе потому что рассорились с Мережковскими и Вы им нужны как подкрепление в глазах публики, — они теперь мобилизуют всех кого могут. Но нельзя же чтобы Вы ширмой служили для таких людей и чтоб потом о Вас и они и другие плохо говорили.

И хорошенькая подробность, — два раза Анастасья <sic!> Ник. видела Александру Николаевну с субботы и все от нее скрывала, что они с Вами вели переговоры и сегодня сказала другой сестре, что уже в субботу получила от Вас ответ, что Вы у них жить будете. Неужто Вы им одолжаться станете и будете принимать их гостеприимство?! Нельзя, нельзя ни за что; мы Вас любим и потому говорим прямо, а другие шептать будут.

Ваш очень верный друг

Люб. Недоброво

Я не писала Вам, потому что не умею и ненавижу свой почерк, но я Вас очень люблю и в самом деле Вам добра желаю, даже рискуя Вас прогневать своим вмешательством[93].

---

[93] РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 52. Л. 1—2. В этот же самый день ее муж писал Иванову, не касаясь указанных коллизий вовсе, но явственно предлагая свое альтернативное гостеприимство: «Дорогой Вячеслав Иванович.

Узнав о Вашем скором приезде, я испытал огромную радость — так хорошо будет увидеть Вас в нашем доме после полуторагодового перерыва! Но сами же Вы всегда толкали меня на путь общественной деятельности и потому не досадуйте, если Якобсон немножко слинял и на меня. Как член совета Общества Ревнителей Художественного Слова и как таковое же должностное лицо Общества Поэтов, я очень озабочен тем, чтобы Вы выступили в обоих обществах. Как общественный деятель, я нуждаюсь в оказательствах <sic!> ценных отношений: желание похвастаться Вашей дружбою побуждает нас мечтать о приеме нескольких наших знакомых, среди которых Вы прочли бы какое-нибудь новое Ваше, возможно больших размеров, художественное произведение. И главное — я неистовый любитель словесности.

По всем этим основаниям привезите в Петербург все то, что можно привезти.

И потом — будьте отцом родным: приезжайте до 20-го. 20-го будет какое-то собеседование, в котором и я почему-то буду участвовать. Как-то целее <?>, если это будет при Вас.

Любовь Александровна от искреннего сердца приветствует Вас и всех Ваших. Я к этим приветствиям присоединяюсь.

Любящий Вас Недоброво.

Перечтите письмо, как это я только что сделал: Вы почувствуете, какая радость бьется под каждым словом» (Римский архив Иванова. Оп. 5. Карт. 8. Папка 6. Л. 26—26 об.)

Это меняет всю конфигурацию: Иванов приезжает в Петербург не с В. Шварсалон (что означало бы практически семейный визит), а с М. Замятниной и останавливается не у Сологубов, а в меблированных комнатах «Версаль» (Лиговский, 35): не слишком далеко (Сологубы живут на Разъезжей, 31), но все-таки и не совсем рядом. Благодаря переписке между Замятниной и Шварсалон мы знаем распорядок пребывания Иванова в Петербурге с почти исчерпывающей полнотой:

> <...> В воскр<есенье> по приезде Вяч. прямо после обеда у Сологубов поехал в Рел<игиозно->Фил<ософское> Общ<ество>[94]. Об этом ты уже из газет знаешь. В понедельник обедал у Юли[95], затем на диспуте символизм, где Вячесл<ав> прочел чудную речь, о ней вырезки везу[96]. Во вторник обедал у Палкина со Скалдиным[97], затем был у Беляевских, где читал автобиогр<афию>[98], затем в тот же вечер у Ростовцева[99] (во вторник), оттуда Вяч. поехал на вечер к Сологубу — в честь него <...> я же осталась у Ростовцева, где б<ыла> и Ал. Ник.[100] Она поссорилась с Сологуба<ми>, они не поделили Вячеслава. В среду обедал у Ростовцева и затем лекция Вячеслава, после которой Вяч. поехал к Вальтерам, где со Скалдиным, Вальтером и его женой проговорили до утра[101],

[94] 19 января в Религиозно-философском обществе выступал Г. И. Чулков с докладом «Оправдание символизма» (заявка и программа: РГАЛИ. Ф. 2176. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 1; повестка: РНБ. Ф. 353. Ед. хр. 305). Иванов и Мережковский участвовали в прениях по докладу (см.: В религиозно-философском обществе // Речь. 1914. 20 янв. № 19. С. 3), которому, в свою очередь, предшествовала оживленная дискуссия об исключении В. Розанова из числа членов общества.

[95] Юлия Александровна Беляевская, давняя подруга и соученица Замятниной; приятельница Иванова и устроительница его лекций.

[96] Например: Речь. 1914. 22 янв. № 21. С. 4 (информационная заметка); *Левин Д.* Наброски // Речь. 1914. 24 янв. № 23. С. 2.

[97] Палкин — петербургский ресторан. Скалдин на следующий день писал приятелю: «Вчера, вернувшись от Вячеслава Ивановича (он здесь — в Петербурге), после хорошей и радостной с ним беседы, я застал твое печальное письмо» (письмо к А. Г. Архангельскому от 22 января 1914 г. // ИМЛИ. Ф. 9. Оп. 3. Ед. хр. 87. Л. 1).

[98] Не вполне понятно, о каком тексте идет речь. К этому моменту Иванов уже давно получил письмо С. А. Венгерова с просьбой об обстоятельной автобиографии, но, насколько можно судить, к работе еще не приступал (см.: Переписка Вяч. Иванова с С. А. Венгеровым. Публ. О. А. Кузнецовой // ЕРОПД на 1990 год. СПб., 1993. С. 95—99).

[99] Ростовцев Михаил Иванович (1870—1952) — историк и филолог-классик.

[100] Александра Николаевна Чеботаревская.

[101] Вальтер Рейнгольд фон (Walter Reinhold von; 1882—1965) — филолог, переводчик и преподаватель немецкого языка. О нем см.: *Поляков Ф.* Автографы символистского круга в архиве Рейнгольда фон Вальтера (I) // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М., 2009. С. 574—582; *Поляков Ф.* Русский Берлин в архиве Рейнгольда Фон Вальтера // Vademecum. К 65-летию Лазаря Флейшмана. М., 2010. С. 291—306. Его жена — переводчица Елизавета Константиновна (урожд. Бауман; 1885—1933). Вскоре после этого ноч-

> в 8 ч. утра со Скалдиным пили вдвоем один чай на Никол<аевском> вокз<але> и лег Вяч. в 9 ч. В четверг обедал Вяч. у Аничкова (я не обедала) вечером в Общ<естве> Поэтов, где читал перевод Сафо и Алкея и Петрарки, было много народу[102].

Из приведенного «камер-фурьерского журнала» видно, что Сологуб в этот приезд отнюдь не был главным собеседником Иванова: собственно говоря, виделись они только на обеде 19 января, на диспуте 20-го и на устроенном в честь Иванова рауте 21-го. 26-го же (вероятно) Сологубы уже выехали из Петербурга в Москву: начинался новый лекционный тур. 27-го Чеботаревская писала Иванову из Москвы: «Сейчас узнала от Веры, что Вы думаете вернуться только в среду — не забудьте, что 30-го четверг — театральный диспут, в к<о>т<ором> Вы обещали принять любезно участие»[103] (кстати, посещая Веру Шварсалон на Зубовском бульваре, Сологубы в дверях могли столкнуться с Ф. Маринетти, гастролировавшим в Москве — именно в этот день он заходил с Г. Э. Тастевеном засвидетельствовать свое почтение Иванову[104]).

Спустя некоторое время, когда журнал стремительно близился к своему полиграфическому воплощению, Чеботаревская предприняла еще попытку привлечь Иванова к участию: «1-го марта предположен выход “Дневника писателей” — Ф.К. очень просит дать хотя бы небольшую статью»[105]. И месяц спустя: «Посылаю проспект “Дневников”. 1-ый № выйдет ок. 10-го марта — может все-таки найдете возможным

ного разговора она развелась с одним из собеседников и вышла замуж за другого, став отныне именоваться Елизаветой Скалдиной.

[102] Письмо М. Замятниной к В. Шварсалон от 25 января 1914 г. // РГБ. Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 5. Л. 3 об. — 4 об.

[103] РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 30. Л. 24. Театральный диспут 30 января состоялся в Москве; в общем обзоре дискуссий о театре Чеботаревская особенно подчеркивала единство взглядов Иванова и Сологуба: «К “демократическому театру, к театру широких масс идем мы”, говорит увлекшийся оратор <П. С. Коган>, не замечая, что повторяет, в вульгаризированной форме, давно выраженную Ф. Сологубом и Вяч. Ивановым мечту о *соборности* грядущего театрального *действа* <...>» (*Чеботаревская А.* О театральных диспутах // Любовь к трем апельсинам. 1914. № 2. С. 60). К 30-му января Иванов вернулся в Москву. См. датированное этим днем письмо Брюсову: «Пишу эти строки, только что вернувшись из Петербурга» (Переписка с Вячеславом Ивановым. 1903—1923 / Предисл. и публ. С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // Литературное наследство. 1976. Т. 85. С. 539), но был ли он на диспуте (о котором, кстати, сохранилось подозрительно мало свидетельств) — неизвестно.

[104] «Сегодня был у тебя Marinetti с Тастевеном, оставил карточку» (письмо В. Шварсалон к Вяч. Иванову от 27 января 1914 г. (дата по почтовому штемпелю) // РГБ. Ф. 109. Карт. 37. Ед. хр. 4. Л. 58).

[105] Письмо от 4 февраля 1914 г. (дата по почтовому штемпелю) // РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 30. Л. 25 об.

прислать хоть несколько строк? Сегодня приехал Минский — завтра его <чествуют?> у нас. 15-го снова литературный диспут; завтра лекция Бальмонта — словом жизнь идет... Касс<андра> мне все еще не простила моего “акта вежливости” по отношению к В<а>м — беда. Ф.К все разъезжает, послезавтра опять»[106]. Все это оказалось тщетным — и Иванов не дал для «Дневников писателей» ни единой строки.

Из приведенных документов приблизительно видна хронология работы над первым номером: первоначально установленные сроки (он предполагался выходом к 1 марта) сдвигались из-за обилия сопутствующих проектов и почти непрерывного пребывания Сологуба в лекционном турне. Предварительная рекламная поддержка журнала была довольно скудной и свелась, по сути, к одному несколько раз помещенному в газетах объявлению. Впервые речь о нем зашла в письме Сологуба к жене от 8 февраля: «Объявление о Дневнике Писателей дать недурно. В вагоне я подумаю и пришлю Тебе мой проект объявления»[107]. Рекламный текст предназначался для «Торгово-промышленной газеты»: модуль размером примерно со спичечный коробок, обошедшийся издателю в 2 руб. 26 коп. и содержащий текст: «Вышел № 1 нового ежемесячного журнала ДНЕВНИКИ ПИСАТЕЛЕЙ, издаваемого Федором Сологубом»[108] (далее следует содержание); по неизвестной причине там он помещен не был.

Вообще, согласно тогдашней практике большая часть рекламных объявлений помещалась на взаимной основе (естественно, обмен шел между изданиями со сходной аудиторией; количество публикаций рассчитывалось исходя из сопоставления тиражей); поскольку «Дневники писателя», будучи изданием новым, принадлежали все-таки автору со сложившейся репутацией, они еще при рождении были обеспечены некоторым количеством рекламных контрактов такого рода. Так, на обороте передней обложки № 1 «Дневников» были помещены объявления журнала «Любовь к трем апельсинам» и альманаха «Очарованный странник», на последней странице — реклама газеты «День»; на задней обложке — объявление о двадцатитомном собрании Сологуба, анонс книги «Любовь в письмах выдающихся людей», составленной Чеботаревской, и собственное объявление «Дневников писателей». В ответ

---

[106] Письмо от 2 или 3 марта 1914 г. (штемпель — «4 марта») // Там же. Л. 26—26 об.

[107] *Сологуб Федор*. Письма к Анастасии Чеботаревской. С. 343. В тот же день сведения о будущем журнале появляются в печати: «По приезду в Петербург, Сологуб начнет издавать непериодический журнал (1—2 раза в месяц) — “Дневник писателей — орган свободных мнений”» (К поездке Ф. Сологуба // День. 1914. 8 февр. № 38. С. 5).

[108] Макет рекламы отложился в бумагах Сологуба: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 28. Л. 1.

(проследим лишь один из сходных случаев) в № 2 журнала «Любовь к трем апельсинам» за 1914 год было помещено рекламное объявление:

> С марта 1914 года в С.-Петербурге выходит журнал нового типа, под редакцией и при ближайшем участии Федора Сологуба
>
> «ДНЕВНИКИ ПИСАТЕЛЕЙ»
>
> Журнал будет выходить ежемесячно тетрадками не менее 1 печ. листов <sic!>. К участию привлекаются поэты, беллетристы и критики. Задача журнала — знакомить читателей с современными взглядами писателей на события искусства и жизни — в свободной форме дневников и заметок.
>
> Подписка (2 р. за 12 №№) в редакции: Разъезжая, 31, кв. 4, от 3 — 6 дня[109].

С рекламной целью был отпечатан также проспект журнала (с таким же текстом).

В хорошо сбереженном архиве Сологуба практически не сохранилось документов, которые свидетельствовали бы о двух центральных аспектах физиологии журнала: печатании и дистрибуции. Из всех полиграфических подготовительных материалов в нашем распоряжении находится лишь корректура второго номера[110], подтверждающая и без того известный факт, что журнал печатался в типографии Моисея Ерухимовича Виленчика (Боровая, 11). Что касается распространения, то за исключением разовых требований из книжных магазинов в сологубовских бумагах сохранился лишь один, но принципиальный отчет. Это — письмо «Контрагентства А. С. Суворина», осуществляющего торговлю газетами, журналами и книгами на железнодорожных станциях; для большинства журналов это — один из главных путей розничной продажи (стоит только сказать, что железнодорожные киоски традиционно имели большую уступку от издательств, чем любые другие торговые точки). Этот отчет, представленный со значительным опозданием (12 мая 1916 года), выглядит так:

> 5 апреля 1914 принято 198 экз.
> 29 апреля 1914 принято 200 экз.
> 7 сентября 1914 принято 200 экз.
> Итого 598 экз. по 10 коп. = 59—80
>
> 12 Мая 1916 переведено 59=55 (за вычетом 25 коп.)[111]

---

[109] Любовь к трем апельсинам. 1914. № 2. С. [2] непагинированного приложения на цветной бумаге.

[110] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 27.

[111] Там же. Ед. хр. 28. Л. 2.

За неимением других свидетельств, мы можем аккуратно предположить, что даты поступления экземпляров на склад примерно равны датам выхода номеров (запаздывают на 7—10 дней, как будет выяснено ниже), а тираж журнала вряд ли превышал тысячу экземпляров (иначе для столь принципиального канала распространения были бы выделены бóльшие объемы). Запоздалым утешением могло служить то, что реализация экземпляров была равна ста процентам, правда, со значительной торговой уступкой (напомним, что подписная цена составляла чуть больше 16 копеек за номер; розничная — 20 коп.).

Первый номер журнала, по всей вероятности, вышел 25—26 марта: 27-го один из экземпляров, включенных в редакционную рассылку, уже достиг Воронежа[112], по поводу другого Чеботаревская в тот же день интересовалась у потенциального автора: «Любезный Поэт, получили ли Вы № “Дневников Писателей” — не дадите ли нам что-нибудь из стихов или заметки. Будете завтра на лекции Минского в Тенишевском доме?»[113] Спустя несколько дней появились первые отзывы.

29 марта в разделе «Литературная хроника» газеты «Утро России» была напечатана небольшая информационная заметка: «Вышел пер-

[112] «Дорогой Федор Кузьмич! Получил 1-й № “Дневников”. Еще больше убеждаюсь, что они в высшей степени нужны и им предстоит большая будущность. Я для них буду работать с наслаждением. Все еще занят. А рвусь всей душою к работе. Внутри — муки раздвоения. К будущей осени надо перестроить свою жизнь. Иначе невыносимо. Надеюсь на это» (письмо В. Ф. Матвеева к Ф. Сологубу от 27 марта 1914 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 477. Л. 1); здесь же — первое впечатление: «Такие №№ журнала слишком малы. Это — для недели. Для месяца надо по крайней мере в 4—5 раз больше. А то — проглотил в момент и конец».

[113] Письмо к А. И. Тинякову от 27 марта 1914 г. // РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 46. Л. 1. Лекция Минского «Новейшая литература» была назначена на 28 марта в зале Тенишевского училища; после лекции предполагались прения под председательством Сологуба (см. повестку: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 24). 29 марта Тиняков отвечал: «Позвольте мне еще раз горячо поблагодарить Вас за то, что Вы доставили мне возможность послушать лекцию Н. М. Минского» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 284. Л. 2); судя по затронутым далее в письме темам, Чеботаревская и Тиняков общались на лекции лично — и тогда, видимо, прозвучал (утвердительный?) ответ на вопрос о получении экземпляра «Дневников». Вероятно, одушевленный этой беседой, Тиняков постарался собрать уже распределенный по редакциям материал, чтобы отдать его в «Дневники»; ср.: «Очень прошу Вас написать мне два слова о судьбе моих стихов, которые я передал Вам у А. В. Тырковой. Если они не приняты в «Вест<ник> Евр<опы>», я постараюсь устроить их в другой журнал» (письмо Тинякова к И. Жилкину от 10 апреля 1914 г. // РГАЛИ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 1). В № 3/4 «Дневников писателей» напечатаны пять стихотворений Тинякова. На эти недели падает наиболее интенсивное общение Чеботаревской и Тинякова, ср. в письме А. Кондратьева к последнему: «Что у Вас нового? Не пленились ли Вы навсегда и бесповоротно госпожою Чеботаревской-Сологуб-Тетерниковой? Не пленился ли Вами ее супруг? Не знаю, право, чем объяснить Вашу пропажу» (письмо от 19 февраля 1914 г. // РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 20. Л. 20 об.).

вый № “Дневников писателей” под редакцией Федора Сологуба. Более всего характер записей в дневнике имеют заметки Ф. Сологуба, а также Анс. Чеботаревской — отклики на некоторые события дня и текущей литературы. Кроме этого, в первую тетрадь вошли заметки: И. Рукавишникова “О любви”, О. Миртова — о Вили Ферреро, Волошина — “Блики” и др. Напечатаны также письма Л. Андреева, Куприна и др. по поводу возникновения “Дневников писателя” <sic!>»[114].

Несколько дней спустя благодарственное письмо и новые материалы прислал один из вкладчиков первого номера — М. Волошин:

> Глубокоуважаемый Феодор Кузьмич,
>
> Благодарю Вас за доброе мнение о моей статье и моем сотрудничестве. Я лично нахожу, что она не подходит к тому, чем должны быть «Дневники»; впрочем, думаю то же самое и о других статьях, вошедших в состав 1 №, только Ваши «Заметки», что и естественно, дают ключ настоящего тона.
>
> Сотрудничество в «Дневниках» мне тем более приятно, что для меня сейчас закрыты все газеты и большинство журналов.
>
> Пока же позвольте мне послать Вам цикл из 8 стихотворений, их интимная портретность, кажется мне, подойдет к «Дневникам». Но мое условие, чтобы они были напечатаны вместе. Должен предупредить, что одно из них (III-е) было напечатано в одном провинциальном Альманахе, имени которого не помню. Мне было бы жаль его выбросить из цикла.
>
> На дня<х> пришлю Вам заметки прозаические, в которых постараюсь более приблизиться к тому тону, что мне кажется нужным для такого издания, как Ваше.
>
> Максимилиан Волошин[115].

В эти же дни был получен другой частный отзыв:

> Благодарю Вас за присылку «Дневников писателей». Откровенно говоря, я не думаю, чтобы это предприятие имело успех, как внутренний, так и внешний. Малый размер и, вероятно, бесплатность сделают то, что Вам будут отдавать кусочки и притом небрежные; будет ни журнал, ни интимность. Среди многого попадутся, конечно, и хорошие вещи, есть они и в этой книжке (напр. М. Волошин), но другое будет преобладать. Эта форма хороша только как единоличная: как «Дневник писателя» Достоевского; она была бы хороша, если бы Вы сами, один, заполнили бы всю книгу, а другую — другой, но всю целиком.

---

[114] Утро России. 1914. 29 марта. № 73. С. 6.

[115] *Волошин М.* Собр. соч. Т. 10: Письма 1913—1917. М., 2011. С. 239. Ни один из присланных материалов в журнале не появился.

И в этой книге Вами написанное не только есть по существу лучшее, но единственное имеет свой облик. — Так мне кажется, а может быть я и ошибаюсь[116].

Некоторое время спустя в газетной заметке подверг сомнению саму концепцию журнала А. С. Изгоев (Ланде):

На днях вышел новый «тонкий» литературный журнал <...> Ф. Сологуб приступил к изданию журнала под названием «Дневники писателей» с характерным девизом: «Свободные мысли в свободной форме». В кратком вступительном слове редакция поясняет свой девиз: «сказать только свое, только о том, что нас интересует».

Такова задача. Если есть у писателей нечто «свое», чего они вполне «свободно» ни в каком другом месте сказать не могут и они ради этого заводят свой особенный журнал, то их начинание можно только приветствовать. <...> Оригинальное слово свободных, независимых людей может покончить с застоем, вызвать бурю. Оно пробьет новые тропинки, а идущие следом расчистят их в большие дороги.

От всей души, без всякой задней мысли я готов приветствовать предприятие Ф. Сологуба. Но внимательно прочел первый выпуск «Дневников писателей» (март) и меня взяло сомнение. Весь он как бы программный. Все участники как бы высказывают, для чего им нужны «Дневники»... И получается какое-то сплошное недоразумение. <...>

Нужны новые, смелые, хотя бы и не всегда основательные, мысли. Но «интимное» из жизни писателя, если оно не имеет общечеловеческого интереса, нужно только любителям «анекдотов из жизни замечательных людей». Стоит ли для таких любителей издавать журнал?[117]

---

[116] Письмо М. О. Гершензона к Сологубу от 9 апреля 1914 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 177. Л. 4.

[117] *Изгоев А. С.* Дневники писателей // Одесский листок. 1914. 15 апр. № 98. С. 2, 3. Из других отзывов на первый номер стоит отметить подробный его разбор, сделанный критиком, укрывшимся за псевдонимом «Теорема»: «<...> [М]ожно было ожидать, что во всей книжке мы встретим перлы и бриллианты наших лучших писателей, встретим высокие мысли, не прикрашенные литературной школой и техникой, высокие мысли, очень часто встречающиеся в дневниках писателей, или в письмах этих писателей, письмах адресованных не для печати, а адресату Иксу или Игреку.

Ведь в письмах писателей мы очень часто встречаем такие бриллианты человеческого мышления, что невольно благоговеешь перед этими пожелтевшими клочками исписанной бумаги. <...>

“Дневники писателей”, по нашему мнению, не достигнут этой искренности, не получат этого голого, без оправы, бриллианта, ибо зная, что письмо попадет в руки критика, автор этого письма обязательно начнет громоздить его разными положениями, обстановкой, колоритными мазками. <...>

Однако, желаем новому журналу успех и процветание и надеемся, что сотрудники его в своих произведениях будут также искренны, как искренны они

Неожиданно в унисон критику-традиционалисту звучали претензии автора из ультрасовременного «Очарованного странника»: «Мы очень любим Сологуба-поэта и с радостью отмечаем прекрасные стихи его в № 1 “Дневников”, мы готовы слушать доклады поэта о символическом миропонимании, но зачем нам дневник Сологуба, газетного публициста, зачем нам его заметки о смерти Кальметта, о г-же Кайо, или другие “свободные мысли”?»[118]

Второй номер журнала, по всей вероятности, был собран к первым числам апреля — по крайней мере, В. Матвеев, 4-го числа предлагавший свой свеженаписанный текст[119], в него уже не попал. С дру-

---

в письмах к своим отдельным друзьям» (*Теорема*. Дневники писателей // Новости Александровска. 1914. 25 апр. № 577. С. 2). Ср. также: «<...> [В]от вышла первая тетрадка “Дневников Писателей”.

Инициатор этого новшества — неутомимый, многообразный и разносторонний Федор Сологуб. <...>

[З]начение “Дневников Писателей” не только временное, злободневное. Они сохранят свою ценность надолго, если только эта прекрасная затея встретит поддержку и писателей, и читателей» (*Власов В.* Писатель заговорил // Южный край. 1914. 20 апр. № 12007. С. 3). Статья была приязненно процитирована в № ¾ «Дневников писателей».

Почти одновременно вышел отзыв одного из будущих авторов журнала — Н. Чужака-Насимовича. Высоко оценив замысел и исполнение журнала, он отмечал: «Несколько неприятное впечатление производит только излишне задорный тон некоторых заметок, мало мотивированные нападки на критиков, неумеренная субъективность в оценках выступлений литературных лекторов и пр.» (*Чужак Н.* Дневники писателей // Минусинский край. 1914. 27 апр. № 23. С. 3). О Николае Федоровиче Насимовиче (1876—1937), выступавшем под псевдонимом «Чужак», см.: *Трушкин В., Щербаков Н.* Н. Ф. Насимович-Чужак // Литературная Сибирь: Писатели Восточной Сибири. <Иркутск>, 1971. С. 62—65. Сологуб обратил внимание на его статьи в начале 1910-х гг. (в частности, рекомендовал его Брюсову в качестве потенциального автора «Русской мысли»; см. письмо от 8 октября 1911 г. // Соболев А. Л. Летейская библиотека. М., 2013. Т. 2. С. 363). Лично они познакомились лишь в 1916 г., когда Сологуб был в Иркутске: «Познакомился с Чужаком. Молодой человек довольно жизнерадостного вида, по манерам нечто вроде смеси Минского и Луначарского. Заведует какою-то маленькою типографиею. В сибирских газетах не участвует. Принят в “Летопись”, но в Горьком разочарован: посылал ему критическую статью о Горьком без похвал, и не получил даже ответа» (письмо к А. Чеботаревской от 20 октября 1916 г. // Сологуб Ф. Письма к Анастасии Чеботаревской. С. 366).

[118] *Ховин В.* Дневники писателей. № 1. СПб. 14. г. Ц. 20 к. // Очарованный странник. Альманах интуитивной критики и поэзии. <Пг. 1914>. Вып. 4. С. 14. Кальметт Гастон (1858—1914) — главный редактор французской газеты «Фигаро»; был убит Генриеттой Кайо (1874—1943) — женой министра финансов Франции Жозефа Кайо (1863—1944), за вторжение в личную жизнь последнего. Судебный процесс над нею — одно из главных событий весны и первой половины лета 1914 г.

[119] «Кое-что начертил для “Дневников”. Вчерне. Когда крайний срок для присылки?» (письмо к Сологубу от 4 апреля 1914 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 477. Л. 2 об.). Судя по всему, ответа он не получил вовсе, поскольку две недели спустя

гой стороны, только 11-го числа Блок отправил Чеботаревской цикл стихотворений с присовокуплением записки: «Уважаемая Анастасия Николаевна. Позвольте предложить Вам эти два стихотворения для “Дневников писателей”. Прошу Вас, если есть место, напечатайте их поскорее»[120]. Ради этого материала пришлось переверстывать журнал — и сохранившаяся его корректура несет следы этого процесса: в частности, в оглавление имя Блока вставлено уже на завершающем этапе работы над номером[121]. Вышел он, судя по всему, 19—20 апреля, поскольку уже 22-го на него появился первый печатный отклик:

> Даже в самых искренних художественных произведениях есть неизгладимый отпечаток официальной «литературщины», которая заставляет читателя самостоятельно или с помощью критика связывать художественные образы с своими настроениями, вкладывать в чужие слова какое-нибудь содержание, хотя бы и не согласующееся с замыслами автора.
>
> И вот, в конце концов, назрела потребность в новом типе издания, посвященного *интимным* вопросам литературы, где писатели, не стесняясь формой изложения и требованиями литературной этики, могли бы искренно и непосредственно рассказать о себе, о своих замыслах, о тайнах своего творчества.
>
> Такие именно цели преследует новый ежемесячный орган «Дневники писателей», возникший в Петербурге под редакторством Ф. Сологуба. Вышли пока две книжки — мартовская и апрельская. Книжки — небольшого формата, изданы скромно, но изящно; стоимость их общедоступная (20 к.). На обложке — девиз: «Свободные мысли в свободной форме». <...>

переспрашивал: «Очень тревожусь, что от Вас нет известий. Здоровы ли? Может, случились какие-нибудь неприятности, — что — не от меня? Может разочаровались — надоело возиться со мной» (письмо от 15 апреля // Там же. Л. 6). В дальнейшем диалог восстановился, и предназначенная для № 2 статья «Без размера» перешла в портфель № 3/4, где и была напечатана. Чуть раньше в редакцию поступил вклад (вероятно, незаказанный) ростовского беллетриста П. А. Васильева: «Выслал рукопись под заглавием “Фразы в прозе” (переписана на машинке) Если полагается гонорарр <sic!>, то назначьте его по своему усмотрению» (письмо от 20 марта 1914 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 28. Л. 32 об.). О плодовитом и любопытном Васильеве, авторе опередивших свое время «футурэз» («Я не выношу усмешки луны, / Этой небесной русалки. / Сколько душ загубила она, / Эта холодная тварь» etc), см.: Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова. СПб., 2001. Т. 1. А—Л. С. 214).

[120] Письма А. А. Блока к Анастасии Чеботаревской. <Публикация Д. Е. Максимова> // Ленинградский государственный педагогический институт им. М. Н. Покровского. Ученые записки. Т. IV. Факультет языка и литературы. Вып. 2. Л., 1940. С. 278.

[121] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 27. Л. 9 (Блок вписан в корректуру оглавления).

> Содержание «Дневников писателей» интересно и разнообразно. Это — сокровищница художественных настроений и творческих намеков, служащих живым стимулом к самостоятельной работе воображения читателя.
>
> Большинство статей посвящено искусству, «его вечной жизни, единственно свободной и верной утешительнице нашей». Статьи эти — не литературные, не книжные произведения: — это наброски наощупь, рисунки углем, где под каждым штрихом ощущается глубокая важная не кричащая мысль.
>
> С внешней стороны статьи носят характер случайных заметок, отрывков из дневников или писем близкому человеку[122].

За счет одновременного присутствия в номере Блока, Верховского, Минского и Сологуба второй номер журнала в большей степени, нежели первый, был приближен к концепту единого общесимволистского органа, но, кроме того, в нем была реализована еще одна принципиальная для Сологубов идея: в его глубине пряталось полемическое острие, нацеленное на Мережковских.

Собственно говоря, аккуратные выпады по их поводу содержались уже в первом номере, но касались они все той же истории с коллективной декадентской ответственностью за эпидемию самоубийств:

«“Уж коли зло пресечь, забрать бы книги все, да сжечь”, — говаривал Фамусов. Загорецкий с кротостью возражал: “Нет-с, книги книгам рознь... Я... на басни бы налег”.

Христиански-кроткий Д. С. Мережковский не согласен с Фамусовым; он придерживается мнения Загорецкого, и налег не на все книги. Есть полезные книги, и есть вредные, полезные авторы и вредные. Полезен — Мережковский, вредны — Тютчев, Сологуб и другие. Почему? Они говорят о темном в жизни, стало быть, они отвращают от жизни и учат самоубийству»[123].

---

[122] *Тиванов С.* Заметки читателя. Писатель и читатель // Саратовский листок. 1914. 22 апр. № 87. С. 3.

Из других откликов стоит отметить заметку в «Петербургском курьере»: «Какая радость для писателя иметь возможность откликаться на интересующие его и волнующие вопросы дня. Откликаться не в больших статьях, а в непосредственно вылившихся строках, занесенных в дневник или записную книжку. И печатать это не с целью поучать кого-либо, а для того, чтобы укрепить связь между ним, писателем и читателем.

Перед нами вторая книжка первого в таком роде у нас журнала “Дневники Писателей”, во главе которого стоит Федор Сологуб. И эта книжка, как и первая, представляет большой интерес и доказывает лучше всяких деклараций, как нужен этот журнал и какое прекрасное будущее его ждет» (*Яр.* О своих путях // Петербургский курьер. 1914. 25 апр. № 98. С. 3).

[123] *Сологуб Ф.* Заметки // Дневники писателей. 1914. № 1. С. 13—14.

Мережковские (считавшие, вероятно, после обмена открытыми письмами полемику завершенной) никак не откликнулись на эти строки, и во втором номере «Дневников писателей» наступление было продолжено.

Внешне это выглядело как малозначительная оговорка в проходной статье одного из юных новобранцев журнала — Димитрия Крючкова[124]. В импрессионистической по стилю заметке, среди спутанных воспоминаний лирического героя возникает вдруг такая фраза:

«Вспомнился мне разговор мой с Мережковским о вере и эстетике: не хотел он понять, как важно, как насущно вечернее великолепие лампад перед громадными, темными очами, как близки сердцу и парчи и шелк и вздохи хора, поющие в темных и смутных углах. Неужели действительно *не мог* понять? А я хочу, всем сердцем моим хочу, чтобы эти домы безначального моего Отца были щедро и хитро украшены, чтобы в каждом пел отовсюду голос живой, творческой радости».

Этого оказалось достаточно для начала исключительно жесткой конфронтации: 10 мая в «Речи» появилась обширная статья Д. Философова «Пиршественный стол», посвященная тотальному разгрому первых двух номеров «Дневников писателей»[125]. Бегло законспектировав отдельные неудачи журнала («[м]ысли тут никакой», «провинциальная банальщина», «стиль Шебуева», «целомудренное косноязычие», «жалкие слова», «стертый пятиалтынный», «условная эстетика дурного вкуса» etc), Философов переходит к главному источнику раздражения:

«А вот размышления г-на Крючкова над исторической красотой, которая превратилась из правды в “красоту” для душ утонченных, а не простецких — фальшивы, риторичны и отвратительны. Потому что погрязший в чернильную красоту Крючков подменил жизненное творчество бумажным и в своем эго-футуризме, в своем хилом индивидуализме совершенно забыл, что творит не только личность, а и коллектив, что творчество народных масс может быть прекраснее, аристократичнее, нежели сонет Габриэля Д’Аннунцио, и что только ощущать измотанными нервами все “изломы и изгибы” — не значит творить»[126].

В заключительных абзацах автор высказывает осторожную надежду на то, что владелец и идеолог журнала найдет в себе силы избавиться от своего литературного окружения: «Сологуб заслужил лучшей участи. Настоящей свободы и тишины. А он, вместо того, чтобы серьезно бороться с серьезным врагом, все время обижается, читает газетные вырезки со своим именем[127], спорит с N и NN., и кро-

---

[124] Краткий очерк его биографии и роли в полемике см.: *Соболев А. Л.* Летейская библиотека. М., 2013. Т. 1. С. 188—200.

[125] Речь. 1914. 10 мая. № 125. С. 2.

[126] Там же.

[127] Этот пассаж изобличает хорошее знакомство с сологубовским бытом: он действительно был подписчиком «Бюро газетных вырезок», благодаря

ме враждебной ему “литературки” ничего не видит. Лучше совсем не издавать дневников писателей, нежели наполнять их пустяками, потому что эти пустяки заставляют думать, что сказать этим писателям, в сущности, нечего»[128].

Сологуб между тем эти строки увидел далеко не сразу.

Работе над последним номером журнала (сдвоенным № 3/4) существенно препятствовали житейские обстоятельства: 24 апреля Сологуб и Чеботаревская выехали из Петербурга[129], направляясь в Германию, Францию и Италию. Поездка проходила с непредвиденной коррекцией первоначальных планов («Вот мы и в Берлине — застряли на 2 дня. Ф. К. завтра читает здесь в пользу студенческого общества свою лекцию об искусстве»[130]). В первых числах мая Сологуб и Чеботаревская приехали в Париж (между прочим, разминувшись с Мережковскими и Философовым буквально на несколько дней[131]); спустя несколько дней срочная почта доставила им вырезку из «Речи» с дружеским присовокуплением: «Пользуюсь Вашим парижским адресом, чтобы послать Вам вырезку из сегодняшней “Речи” с фельетоном Философова. По пути домой напишите отповедь»[132].

Эта (вероятно, вполне ожидаемая) эскалация тлеющего, но принципиального конфликта во многом определила состав последнего из

чему собирал, хранил и внимательно изучал все упоминания в печати о своей персоне.

[128] Речь. 1914. 10 мая. № 125. С. 2.

[129] Дата отъезда устанавливается по письмам Чеботаревской к Тинякову: «В среду мы уезжаем, если свободны заходите в воскресенье вечером» (письмо от 19 апреля 1914 г. // РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 46. Л. 4); «Уезжаем в четверг, а не в среду. <...> К 5 июня думаем вернуться» (письмо от 22 апреля // Там же. Л. 6).

[130] Приписка А. Чеботаревской к недатированному письму Сологуба, адресованному И. М. Розенфельду // ГЛМ. Ф. 226. роф 5686. Листы не фолиированы. Ср. в письме Ан. Чеботаревской к сестре от 28 апреля / 11 мая (по почтовому штемпелю) 1914 г.: «Застряли в Берлине на 3 дня, читал Ф. К. вчера здесь лекцию русск<им> студ<ентам>, были в театре Рейнгардта на “Кор<оле> Лире”, видались с перев<одчицей> г<оспо>жой Фриш. Тепло, все цветет, масса цветов. Сегодня повидаю Коллонтай» (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 173. Л. 32). О лекции («Искусство наших дней»), прочитанной вечером 27 апреля (ст. ст.), см. хроникальную заметку: *Р. У.* Лекция Сологуба в Берлине // Театр и жизнь. 1914. 12 мая. № 348. С. 5. Фриш Фега Евсеевна (1878—1964).

[131] Ср. в письме Гиппиус к П. Е. Щеголеву от 24 апреля / 7 мая 1914 г.: «Мы сидим в Париже; приезжаем в СПб мая либо 2-го, либо 5-го, т. е. в будущую пятницу, либо в следующий понедельник» (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 712—726. Л. 15). 28 апреля / 11 мая они еще были в Париже, ср. в датированном этим днем письме И. И. Фондаминского к Б. В. Савинкову: «Мережк<овские> еще здесь — я их мало вижу» (ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Ед. хр. 208. Л. 124).

[132] Письмо К. Сюннерберга к Сологубу от 10 мая 1914 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 660. Л. 17. Несколькими днями позже Чеботаревская писала Тинякову: «Вчера читали гадкую, полную лжи и передержек ст<атью> Философова в Речи — но, конечно, смутить нас это не может» (РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 46. Л. 10).

вышедших номеров. Ответить Философову намеревался формально инициировавший полемику Крючков («Одновременно с этим письмом посылаю Вам кое-что в прозе и несколько стихотворений. Если найдете возможным поместить в “Дневниках” — буду очень рад; в особенности хотелось бы мне ответить Философову на его “критическую” статью»[133]), но его ответа — весьма язвительного — оказалось мало и главный полемический текст номера был написан Сологубом лично: он не стал, по совету Сюннерберга, дожидаться обратной дороги и приступил к написанию ответа (датированного 14 мая и помеченным «Париж») немедленно.

Сохранилась его черновая редакция, по которой видно, насколько жесткий тон критики предполагался изначально:

> В ответ на несколько слов в «Дневниках писателей» о Д. С. Мережковском, Д. В. Философов разразился длиннейшею, равною 10 страниц нашего журнала, статьею в Речи 10 мая, придирчивою, бранчливою, полною личных нападок, злословия и даже сплетен. Ответим Д. В. Ф. кратко, — плодить слова мы не любим, хотя Д. В. Ф. уличает нас в любви к полемике, но уж это, что называется, с больной головы на здоровую: в обоих уже вышедших книжках нашего журнала меньше полемики, чем в 400 строках его фельетона; что касается «семейных» счетов с критикой и газетных сплетен о писателях, т<о> Д. В. Ф. тут же дает образцы своей наклонности к этому роду литературы: уже самое взятое им в заглавие слово «семейные» пахнет сплетнею; дальше Д. В. Ф. сообщает читателям Речи, что Сологуб читает газетные вырезки со своим именем и кроме враждебной ему «литературки» ничего не видит. <...>
>
> Какими средствами хотите вы бороться? Провозглашением вредности неприятных вам писателей? Демагогическими приемами, которыми приобретаются громкие рукоплескания людей, легко поддающихся гипнозу громких фраз? Уже давно банальными в ваших устах обвинениями всех в пошлости и глупости? Кичливым самовосхвалением?
>
> Вы спрашиваете о Мережковском и его друзьях:
>
> «Почему же они предатели?»
>
> Потому что они плохие друзья, только потому. Были дружны с Розановым, — а теперь погнали его. Были дружны с Сувориным, — и злословили над его могилою. Работали вместе с П. Б. Струве, а теперь упрекаете Сологуба в том, что и он докатился до Струве. Давно

[133] Письмо к Сологубу от 12 мая 1914 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 1. Стихотворения Крючкова в последний номер журнала не вошли, статья была напечатана.

ли вашим другом был Блок, а уж вы дразните его «целомудренным косноязычием». Пока еще вы дружны с Андреем Белым, и потому сердитесь на Русскую Мысль за то, что там не напечатаны его романы.

Нет, вы даже не предатели, — вы просто суетные люди, жаждущие популярности, и постоянно на кого-нибудь, — лично, — сердитые. Потому, м.б., вам так долго и не удается в ясных и отчетливых формах установить ваше понимание истины, которою, по вашим словам, вы обладаете[134].

В печатном варианте текст этот, впрочем, был существенно смягчен: так, последний абзац в нем читается следующим образом: «Какими средствами хотите вы бороться? Провозглашением вредности неприятных вам писателей? Демагогическими приемами, которыми приобретаются громкие рукоплескания людей, легко поддающихся гипнозу громких фраз? Уже давно банальными в ваших устах обвинениями всех в пошлости и глупости? Кичливым самовосхвалением? Зачем все это?»[135] — вся же последующая, наиболее заостренная часть была опущена.

Второй из критических отзывов, вызвавших отповедь Сологуба, принадлежал перу Л. Н. Войтоловского — киевского врача и критика-марксиста[136] (соединение его с Философовым в заглавии сологубовской статьи должно было быть обоюдно оскорбительным). Вскоре после выхода второй книжки журнала он посвятил ей обширный фельетон в «Киевской мысли», подвергнув номер тотальному, буквально постраничному разбору:

«Вот грубая и рекламная книжка, которую невозможно пройти молчанием. Грубость ее не в словах и не в мыслях; она скорее ощущается обонянием: от этой книжки пахнет скверной и беззастенчивой спекуляцией.

Журнал — размером не больше печатного листа — открывается торжественным заявлением Сологуба, имя которого украшает миниатюрные страницы этой карликовой книжонки не менее, чем в двадцати местах.

---

[134] РГАЛИ. Ф. 2534. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 1—2, 3—4.

[135] <*Сологуб Ф.*> Нашим критикам (Ответ гг. Философову и Войтоловскому) // Дневники писателей. 1914. № 3/4. С. 75. В составленной Сологубом библиографии Чеботаревской этот текст значится как принадлежащий ее перу, однако процитированная выше черновая рукопись статьи полностью выполнена рукой Сологуба.

[136] Ср. выразительную реплику Чуковского: «Войтоловскому я очень обрадовался, т.к. он — 1) пошляк, 2) тупица. Мне нужен был именно такой читатель, представитель большинства современных читателей» (*Чуковский К.* Дневник. 1922—1935. М., 2011. С. 359). О нем см.: Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова. СПб. 2001. Т. 1: А—Л. С. 256; *Каган-Пономарев М.* Литераторы-медики. М.; Ижевск, 2010. С. 66.

“Сказать только свое, — гласит этот вступительный манифест, — только о том, что нас интересует, — к тому, что случается и что останавливает наше внимание, установить наше отношение, — кратко и просто, в свободной форме изложить наши свободные мысли, — вот чего мы хотим и ради чего начали этот журнал”.

Мы — это Сологуб в качестве редактора, Сологуб — в качестве издателя этих “Дневников”, Сологуб — в стихах, Сологуб — в заметках, Сологуб — в полемике, Сологуб — в комплиментах, Сологуб — в афоризмах, Сологуб — в объявлениях на обложке и Сологуб — в предчувствиях. Далее следует г-жа Анастасия Чеботаревская, в литературном формуляре которой имеется одна-единственная книга, составленная из чужих хвалебных рецензий о Сологубе. И наконец: Ив. Рукавишников и Максимилиан Волошин. Впрочем, созвездие “Дневников” не исчерпывается этими четырьмя именами. В будущем предвидится еще участие Леонида Андреева»[137].

В отличие от полемики с Философовым (разрыв с которым усугублялся общей памятью о десятилетии взаимной приязни и союзничества), здесь главным пунктом несогласия был — действительно несправедливый — пассаж о скудости собственного творчества Чеботаревской:

«Г. Войтоловский сознательно лжет, утверждая, что “литературный багаж г-жи Чеботаревской состоит из одной книги чужих статей о Сологубе”. Г. Войтоловскому, знакомому с <такими> журналами, как покойные “Образование”, “Правда”, надо бы знать, что г-жа Чеботаревская состояла постоянной сотрудницей этих журналов. <...> Таким образом, в статье г. Войтоловского мы имеем дело с обычной газетной неправдой, нисколько, по-видимому, не унижающей репутацию прогрессивного журналиста»[138].

Хронология подготовки последней книжки журнала при имеющейся документальной базе не может быть прояснена в подробностях. По всей вероятности, работа над номером (формально помеченным «май — июнь»), отложенная на время заграничного вояжа Сологубов, была закончена к первой половине августа. К этому времени иные из подписчиков начинали уже проявлять сдержанное беспокойство: «Я давно уже выписала 2-ю, 3-ю и 4-ю книжки журнала “Дневники писателей”. До сих пор почему-то не получаю»[139]. Первый зарегистрированный отклик на сдвоенный номер журнала появился 2 сентября:

---

[137] *Войтоловский Л.* Летучие наброски // Киевская мысль. 1914. 27 апр. № 115. С. 3.

[138] *<Сологуб Ф.>* Нашим критикам (Ответ г.г. Философову и Войтоловскому) // Дневники писателей. 1914. № 3/4. С. 75—76.

[139] Письмо Ю. Дроздовой к Сологубу от 2 августа 1914 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 3. Вероятно, это та же Юлия Дроздова, которая печаталась в «Весне» (№ 15. С. 8) и выпустила в 1913 г. отдельную книжку «Стихи» (Данков, 1913).

«Передо мною два последних номера “Дневников писателей”, издаваемых в Петербурге под редакцией и при ближайшем участии Федора Сологуба. Содержанию дневников предшествует эпиграф: “Свободные мысли в свободной форме”, а открывается книжка целым рядом стихотворений, причем на первой странице помещено стихотворение Федора Сологуба, на второй — посвященное Федору Сологубу, дальше — опять “Заметки” Федора Сологуба... А еще дальше — если не Сологуб, то Анастасия Чеботаревская, Иван Рукавишников, М. Кузмин... В предыдущих выпусках — то же самое. Невольно выносишь впечатление, что тут дело если не келейное, то семейное, и как-то странно видеть в первом выпуске имя А. И. Куприна, давшего, впрочем, незначительный отрывок из частного письма. <...>

Это не серьезный диспут, а салонный разговор, милая болтовня любителей литературы за вечерним чаем, ряд не лишенных остроумия и тонкости мыслей и парадоксов, брошенных в воду так, между прочим, красного словца ради. Поэтому и говорить по-настоящему, как хотелось бы, об этих дневниках не приходится. Приходится лишь высказать большое сожаление о том, что все это так»[140].

Последние числа августа и начало сентября Сологубы провели в Костромской губернии; вероятно, по возвращении в столицу, убедившись в явной неудаче журнала и учтя изменившиеся обстоятельства (прежде всего — начавшуюся войну), они приняли решение закрыть проект. Несмотря на то что в сдвоенном номере анонсирован выход № 5/6, никаких следов его подготовки не зафиксировано; впрочем, рукописи самотеком продолжали поступать для него и осенью: «Шлю 4 стих<отворения> для Сологуба. Передай пожалуйста. И поклоны тоже. Ан. Ник. просила для какого-то сборника»[141]. Разочарованные читатели и подписчики продолжали тревожить редакцию еще не один месяц:

«Покорнейше прошу объяснить, почему высылка издаваемого Вами журнала (“Дневники писателей”) приостановилась на третьей, двойной книжке. Если журнал продолжает выходить и следуемые мне книги были своевременно высланы, то настоящим заявляю, что они отнюдь <не> по моей вине мною не получены и прошу дослать следующие выпуски... Если же издание журнала прекратилось или приостановилось, то прошу объяснить, что Вы намерены предпринимать в дальнейшем, т.е. каким образом думаете закончить год и удовлетворить подписчиков»[142].

---

[140] *Вяткин Г.* Дневники писателей // Утро. 1914. 2 сент. № 2416. С. 7.

[141] Письмо К. Д. Бальмонта к Н. К. Бальмонт от 14 сентября 1914 г. // РГБ. Ф. 374. Карт. 3. Ед. хр. 9. Л. 8. Далеко не исключен, впрочем, вариант, что стихи предназначались и для одного из других — воплотившихся или не воплотившихся — проектов Чеботаревской.

[142] Письмо П. А. Попова (село Малая Чигла Воронежской губ.) от 21 декабря 1914 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 28. Л. 28 об.

Нам не удалось разыскать ни одного из ответных писем (содержащих, вероятно, важное для нас официальное объяснение приостановки журнала), но благодаря подписным купонам и последующим рекламациям открывается возможность предварительного очерка социологии читателей «Дневника писателей»[143]. В списке абонентов «Дневников писателей»[144] всего двадцать пять имен: Блохин В. Г. (Гельсингфорс), Бринном И. (Рачки Сувалкской губ.), Долинский Л. Г. (Рязань), Завалиевский В. В. (Козлов), Иванов П. П. (Новгород), Левашов Ю. В. (Н.-Новгород), Малеев Н. К. (Москва), Младов Г. Г. (Камышлов), Мосяков И. Н. (Мценск), Нестерук М. Д. (Кобрин Гродненской губ.), Николаев Г. Д. (Бугульминский уезд), Носкова Т. И. (Минусинск), Париенко В. (Царицын), Попов П. А. (Малая Чигла), Рафальский П. П. (Грубешов), Роот Н. Ф. (Псков), Ройзентул А. Г. (Новая Улица), Рязанов В. П. (Влодава), Синебрюхов С. И. (Москва), Слюсарев А. (Майкоп), Соболевский Г. В. (Батуми), Сперанский М. М. (Псков), Тяпкин Н. И. (Екатеринослав), Чеботарев А. (Бугульма), Шутович Б. (Конево Олонецкой губ.)[145].

О некоторых из перечисленных лиц у нас имеются лишь отрывочные сведения. Так, например, трое из них имеют отношение к ведомству народного просвещения: Нестерук и Носкова — гимназические преподаватели, а Николаев — заведующий городским училищем. Рязанов — военный, капитан артиллерийской бригады. Долинский Леонид Гаврилович — надворный советник. Учился в ИМТУ[146], которое окончил в 1892 году. Гласный Рязанской городской думы, член Ревизионной комиссии, надзиратель Окружного акцизного управления[147]; в 1910-е годы входил в Губернский кустарно-промышленный комитет и Комитет попечительства о народной трезвости[148]. След его интереса к литературе — статус подписчика «Весов»[149] и «Трудов и дней»[150].

---

[143] Очерк поневоле выйдет неполным: значительная часть читателей покупала его в розницу, знакомилась с журналом в публичных читальнях или приобретала номера непосредственно в редакции. Документально зафиксированы по преимуществу провинциальные подписчики.

[144] Учитываются только частные лица (кроме книгопродавцев), подписавшиеся или желающие приобрести номера.

[145] Составлен по письмам и подписным купонам, аккумулированным в архивной единице: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 28.

[146] См. превосходный онлайн-справочник выпускников: URL: http://people.bmstu.ru/.

[147] Календарь Рязанской губернии на 1907 год. Рязань, 1906. С. 187, 188, 190.

[148] Рязанский адрес-календарь <на> 1911 год. Рязань, 1911. С. 249, 305.

[149] Список приложен к № 12 «Весов» за 1906 г.

[150] РГБ. Ф. 167. Карт. 17. Ед. хр. 25. Сохранилось также письмо Долинского к В. Е. Чешихину-Ветринскому: РГАЛИ. Ф. 553. Оп. 1. Ед. хр. 414.

Существенная часть читателей имеет прямое отношение к литературе и журналистике. Так, В. Блохин, по всей вероятности, — соиздатель «художественно-просветительного» кронштадтского журнала «Новые силы»[151], а Ройзентул — писатель Авраам Генрихович Ройзентул, сотрудник журналов «Новости провинции» и «На берегах Невы» и вкладчик «Маленьких альманахов». Гораздо известнее Григорий Григорьевич Младов (1884/1885—1952) — выпускник Тобольской духовной семинарии и юридического факультета Санкт-Петербургского университета[152], очеркист, корреспондент В. Г. Короленко[153], сотрудник уральской прессы, переквалифицировавшийся после 1917 года в детского писателя (печатался под псевдонимом «Е. Кораблев»)[154].

Без труда поддается идентификации Н. Ф. Роот из Пскова — это художник Николай Федорович Роот (1870—1960), один из учредителей Общества учителей рисования в Петербурге; соавтор А. Ф. Гауша по изданию пособия «Рисунок русских художников» (СПб., 1904). В начале 1910-х годов он заведовал художественно-ремесленной мастерской в Каменец-Подольске; в 1912 году встречался с Горьким на Капри[155]; в 1913—1919 годах был заведующим Художественно-промышленной школой в Пскове (характерный эпизод этого времени зафиксирован в воспоминаниях ученика: «Осенью 1913 г. во Пскове открылась Художественно-промышленная школа им. Фан-дер-Флита. На фасаде школы была сделана рельефная надпись <...>, а над надписью парили две грации работы скульптора П. Спегальского и в руках держали два лавровых венка. Приехавший директор Н.Ф. Роот вызвал подрядчика и приказал немедленно убрать этих баб. Подрядчик пытался ему объяснить, что это “минфы” и помещены по желанию городского головы купца Агапова. Директор ответил, что это не “минфы”, а две лахудры и чтоб завтра же их не было. “Минф” соскоблили, место забелили, но

---

[151] Периодика по литературе и искусству за годы революции. 1917—1932 / Сост. К. Д. Муратова. Л., 1933. С. 179. NB: не он ли стоял у истоков проекта невышедшего театрального журнала «Арлекин» (анонс: Весна. 1908. № 7. С. 13)?

[152] URL: http://www.petergen.com/history/tobolsksem3.shtml.

[153] См.: *Юдина И. М.* Рукописи и переписка В. Г. Короленко. Научное описание // ЕРОПД на 1970 год. Л., 1971. С. 89.

[154] *Шмаков А. А., Шмакова Т. А.* Урал литературный. Краткий биографический словарь. Челябинск. 1988. С. 135.

[155] О встрече он сообщил Чеботаревской, с которой состоял в переписке: «Вчера познакомился с Горьким, обещал статью для моей книги» (письмо от 26 февраля 1912 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 249. Л. 1). Подробности см.: *Роот Н.* Воспоминания о великом пролетарском писателе А. М. Горьком // Советская Эстония. 1946. 18 июня. № 141. С. 3. См. также его мемуарный очерк о Репине: Новое о Репине. Л., 1969. С. 190—193.

их контуры еще много лет проглядывали сквозь побелку»[156]); позже перебрался в Таллин, где участвовал в деятельности кружка «Черная роза»[157] и преподавал рисование в гимназии[158].

Г. В. Соболевский из Батуми — наверняка Григорий Витальевич Соболевский (1867—1936) — врач-хирург и массажист[159], энтомолог и путешественник[160]; знакомый Вяч. Иванова и адресат его стихотворения «Гемма» («На античном сердолике...»)[161]; близкий приятель Ю. Н. Верховского, приглашавший его и Блока совершить в 1913 году большое морское путешествие[162]; на момент оформления подписки — старший врач городской больницы Батума[163]. Позже жил в Туле[164],

---

[156] Воспоминания А. А. Ивановского // Стерх (Псков). 2002. № 9. С. 6.

[157] Хроника литературной жизни русского зарубежья. Эстония (1918—1924) // Литературоведческий журнал. 2004—2005. № 18. С. 376.

[158] Ср. в воспоминаниях ученика: «Самыми забавными были уроки рисования, их у нас вел художник Николай Федорович Роот. Он был большой чудак и замечательно интересная личность. Чудесный представитель русской богемы. Великолепный театральный художник, отличный декоратор, он много делал для театра. Человек большой художественной и общей культуры, но педагог слабый. Не только мы, вся школа звала его “Ананас” за его рыжие волосы, и он это знал. Он всегда говорил тонким голосом: “Для того, чтобы изобразить предмет на плоскости вашего листа бумаги, надо прежде всего выяснить отношение высоты к ширине...” Это был его лейтмотив. Мы, однако, вполне справлялись с его нагрузками» (*Андреев Н. Е.* То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908—1982). СПб., 2008. С. 160). См. о нем также: *Исаков С. Г.* Странный справочник // Новое литературное обозрение. 2007. № 85. С. 441.

[159] См. многочисленные упоминания о его профессиональной деятельности в дневниках С. Танеева: *Танеев С. И.* Дневники. М., 1985. Кн. 3. С. 79, 267—276, 278—282 и сл.

[160] Маршруты его поездок лишь отчасти восстанавливаются по его ученым трудам, ср.: *Соболевский Г. В.* Сонная болезнь (из личных наблюдений и впечатлений в Конго и Бар-эль-Газале) // Труды и протоколы Императорского Кавказского Медицинского Общества. Октябрь 1908 — январь 1909. Тифлис, 1909. С. 113—131.

[161] О его отношениях с Ивановым см.: *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 73; *Лавров А. В.* Из примечаний к «Лепте» Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Творчество и судьба. К 135-летию со дня рождения. М., 2002. С. 190.

[162] Об этом сюжете см.: *Верховский Ю.* Улыбка Блока // Верховский Ю. Струны. Собрание сочинений. М., 2008. С. 713—714.

[163] Российский медицинский список, изданный управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел на 1912 год. СПб., 1912. С. 393.

[164] С пребыванием Соболевского в Туле связана, вероятно, последняя его встреча с Сологубом; ср. в письме к Чеботаревской от 23 октября 1915 г. (дата по почтовому штемпелю): «Из местных газет я узнал, что 6 ноября Федор Кузьмич будет у нас в Туле. Если Вы меня не забыли, то я буду несказанно рад видеть Вас у себя. В Туле нет ни порядочной гостиницы, ни сносного ресторана. Остановитесь у меня — я встречу Вас на вокзале. Об этом просит и моя жена» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 257. Л. 6).

участвовал в создании Общества по изучению Тульского края, заведовал хирургическим отделением губернской (позже областной) больницы[165].

С высокой вероятностью С. И. Синебрюхов из Москвы — книговед и библиограф Степан Ильич Синебрюхов (1886—1942) — участник Русского библиографического общества[166]; член литературного общества «Кифара»[167]; сотрудник издательства «Колос»[168]; впоследствии работал в Государственном литературном музее[169].

Отдельный интерес представляет личность Ивана Николаевича Мосякова, школьного учителя из Мценска. 3 марта 1914 года, еще до выхода первого номера журнала, он отправил на адрес редакции проникновенное письмо:

«Осмеливаюсь обратиться к Вам с моей покорной просьбой, вышлите мне бесплатно Ваш журнал “Дневники писателей”. На жалованье 28 р. 20 к. я едва свожу концы, еле удовлетворяю повседневные нужды семьи. Не хочется и страшно одичать, а Ваш журнал дает мне все лучшее, — жизнь наших писателей. Великодушно простите меня, что я прямо обратился к Вам, как к редактору — ведь не хочется быть только наемником своего дела...»[170].

Сологуб, пожалевший бывшего коллегу или просто из естественного сочувствия к потенциальным читателям, удовлетворил его просьбу, выслав дебютный номер. Пять месяцев спустя оказалось, что этого недостаточно:

«В марте с/г я обратился к Вам с покорною просьбою выслать мне бесплатно Ваш журнал. В марте же я получил первый номер. Не оставьте меня без второго, ¾ и последующих номеров. В моей жизни они много дадут: что мыслит и делает умственная аристократия нашей родины — певцы слова. Несказанно буду рад — если Вы найдете воз-

---

[165] См. комментарий к фотографии его надгробия на Всехсвятском кладбище Тулы. URL: http://mednecropol.ru/s/sobolevskiy-gv/sobolevskiy-gv.htm.

[166] Новая русская книга. 1922. № 5. С. 29.

[167] *Тименчик Р.* Культ Иннокентия Анненского на рубеже 1920-х годов // Культура русского модернизма. Статьи, эссе и публикации. В приношение Владимиру Федоровичу Маркову. М., 1993. С. 347; здесь же приводится ссылка на его автобиографию: РГБ. Ф. 369. Карт. 104. Ед. хр. 22. Л. 22.

[168] Ср. его характеристику: «Долго я не мог ничего найти и уже подумывал, что мне [делать], как вдруг самый усердный библиофил и замечательно усердный человек Синебрюхов из “Колоса” прислал мне связку моих сочинений» (*Пришвин М. М.* Дневники. 1923—1925. СПб., 2009. С. 23). Ср. также отзыв о нем Н. С. Ашукина: «Человек скромности необычайной — он был истинным книголюбом» (*Ашукин Н. С.* Писатель и книга // Неделя. 1967. № 24. С. 10).

[169] *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998. С. 224, 227.

[170] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 28. Л. 35 (дата по почтовому штемпелю).

можным поделиться Вашим сокровищем — книгами Вашего сочинения, не смею, конечно, мечтать о всех 20-ти кн., но хоть что-нибудь. Дайте мне возможность проводить счастливые минуты за Вашими книгами»[171].

Сологуб, бывший опытным писателем, но при этом сущим новичком в журнальном бизнесе, не знал, что его корреспондент — исключительно опытный и многолетний испрашиватель бесплатных даяний. Насколько мы можем судить, карьера его началась около 1901 года с письма Чехову:

«Сознавая, какую громадную духовную пользу приносят Ваши произведения, но не имея никакой материальной возможности выписать все Ваши сочинения, прошу Вас покорнейше, не найдете ли Вы возможным и необременительным для себя выслать мне их бесплатно. Я — сельский народный учитель, жалование получаю скромненькое, живу с семейством, да еще нравственно обязан иногда послать два-три рубля своим родителям. И вот приходится жить, но все-таки хочется жить, но не прозябать, а Ваши произведения могут дать мне многое, многое, если не все. Клянусь Вам богом, что я не имею никаких средств, иной раз приходится чуть не впроголодь сидеть с детьми, а все-таки не хочется затянуться в тину нашей серой жизни в глуши, ведь кругом-кругом тьма египетская...

С глубоким нетерпением жду от Вас Вашу фотографическую карточку и все Ваши произведения... и вдруг на моем бедном столике появятся томики Ваши — ведь это целое событие в моей тусклой жизни»[172].

Ответ Чехова не сохранился, но сам этот сюжет, выглядящий заманчиво для советской чеховской агиографии, привлек в 1964 году внимание ученого, который отправился разыскивать следы Мосякова по указанному в письме адресу (село Глинки Орловской губернии) и обнаружил там живого свидетеля:

«Восьмидесятилетний Никита Прохорович Бояков, глядя куда-то в сторону реки, начал вспоминать. <...> Да, Никита Прохорович помнит, как в Глинки приехал молодой учитель Мосяков. Был он худощав, высокого роста, бороду брил, одевался по-городскому. Жил Мосяков с семьей в здании школы.

Многое, конечно, не сохранилось в памяти, но Никита Прохорович помнит, что хороший это был человек. С народом любил говорить о безрадостной жизни, а по вечерам все писал, писал...»[173].

---

[171] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 28. Л. 34 об.

[172] *Анзимиров Г.* Две судьбы // Литературная Россия. 1964. 20 марта. № 12. С. 6.

[173] Там же.

В 1900-е годы Мосяков обращался с письмами к В. Г. Короленко[174], М. Н. Чернышевскому[175], В. И. Семевскому[176], В. Э. Мейерхольду[177], В. И. Саитову[178], В. Е. Чешихину-Ветринскому[179], А. А. Боровому[180], А. К. Дживелегову[181] и мн.др. Впрочем, он отнюдь не ограничивал себя писателями и философами; ср., например, его воззвание к В. И. Вернадскому:

«В июне я обращался к Вам с покорною просьбою относительно бесплатной высылки Вашей “Минералогии”. Вы были добры ответить мне, что хотя “Минералогия” издается студентами, но обещались выслать мне по возвращении Вашем в Москву и предложили об этом еще раз написать Вам. Не откажите в моей просьбе по причинам, которые я выставил в первом письме — вынужден беспокоить Вас»[182].

Последние следы его собирательской активности относятся к концу 1930-х годов[183]. Погиб он в Орловском концлагере

---

[174] «От сельского учителя.

Глубокоуважаемый Владимир Галактионович.

Крайняя нужда заставляет меня беспокоить Вас.

Благодаря дарованным “свободам” вынужден был и я отдать дань нашему святому освободительному движению и 6 мес. был не у дел.

Семья перенесла многое... В перспективе ничто не радует. Дайте мне возможность хотя на время забывать серую окружающую действительность, вышлите мне как-нибудь льготно Ваш многополезный журнал “Русское богатство”. Клянусь Вам, что и свободного-то рубля не видишь. Если все писать — злоупотреблять Вашим временем, кругом того нет, крик бедноты, все равно как побыли враги и растащили все...

Вам понятно мое политическое положение.

Уже не радостно стало жить на свете; прежде бывало (хотя не похоже на мещанское счастье — все равно бежал от него) — получаешь хорошую газету и книгу журнала, хотя издали следишь, что делают великие добрые люди.

Простите великодушно, что все вылилось из души наболевшей...

Если затруднительно в этом году выслать журнал, то хотя за прошлый год что-нибудь.

Все будет проглочено» (РГБ. Ф. 135/II. Карт. 30. Ед. хр. 19. Л. 1). Письма следующим адресатам (в основном довольно однотипные) не приводим и не цитируем.

[175] РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 412.

[176] РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Ед. хр. 1246.

[177] РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2050.

[178] РГАЛИ. Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 230.

[179] РГАЛИ. Ф. 553. Оп. 1. Ед. хр. 558.

[180] РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 522.

[181] РГАЛИ. Ф. 2032. Оп. 1. Ед. хр. 309.

[182] Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 1108. Л. 2.

[183] Письмо к К. А. Треневу от 2 мая 1939 г. // РГАЛИ. Ф. 1398. Оп. 2. Ед. хр. 405. В письме 1938 г. к В. Д. Бонч-Бруевичу с просьбой бесплатно выслать собрание сочинений Толстого он лаконично делится подробностями своей биографии: «О себе немного слов. Учительствовал с 1897 г., корреспондентом я с 1894 г., со школьной

в 1942 году[184].

Причины литературной и коммерческой неудачи проекта «Дневников писателей», при взгляде на историю журнала со столетней дистанции, кажутся очевидными: нежизнеспособный формат, хаотический подбор авторов, отсутствие внятной идеологии и рекламной поддержки и как следствие — провал подписки и розницы на фоне полного отсутствия читательского интереса. Августовские события 1914 года завершили крах предприятия, в частности, полностью переменив диспозицию литературных полемик: так, наиболее жесткое противостояние эпохи «Дневников писателей» было полностью нивелировано к концу года примирительным письмом из вражеского лагеря. Философов, приглашая Сологуба в редактируемый им журнал, особо оговаривал: «Вы состоите уже сотрудником журнала, и я бы ограничился лишь “кратким извещением” о происшедших переменах, если бы не некоторые особые обстоятельства, а именно моя бывшая полемика с “Дневн<иками> писателей”. Но полемика происходила до войны. И я по совести скажу, что ввиду переживаемых нами жарких событий все произошедшие между нами недоразумения кажутся мне потерявшими свою остроту. Я, по крайней мере, чувствую потребность ликвидировать этот инцидент»[185].

В качестве приложения помещаем полную аннотированную роспись журнала.

скамьи учительской семинарии. Для меня каждая строка Л. Н. целое откровение. На седьмом десятке мне хочется читать опять и перечитывать всего Л. Н. Толстого. Посылаю письмо на суд Ваш» (письмо от 8 мая 1938 г. // РГБ. Ф. 369. Карт. 303. Ед. хр. 60. Л. 3—3 об.).

[184] http://forum.vgd.ru/post/101/40358/p1106395.htm.

[185] Черновик письма к Сологубу // РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 87. Л. 3—4.

Приложение

Дневники писателей

Аннотированный указатель содержания*.

1914

№ 1. Март.

Б. п.

1. От редакции. С. [3]

[Общие принципы издания. Цитируется неназванный Н. Некрасов]

Балтрушайтис Ю.

[В тексте и оглавлении ошибочно: Бальтрушайтис. Исправлено: № 74]

2. Предчувствие («Предвижу разумом крушенье...»). С. 4

Сологуб Ф.

3. «Хорошо, когда так снежно...» С. 5

4. «Лиловато-розовый закат...» С. 6

[Дата: 17 февраля 1913 г.]

5. «И этот день такой же будничный...» С. 7

[Дата: 17 февраля 1913 г.]

Рукавишников И.

6. О любви. С. 8—11

Сологуб Ф.

7. Заметки. С. 12—18

[Пересказывается отзыв Д. Овсянико-Куликовского об А. Пушкине и М. Лермонтове. О профессоре Д. Гримме и его положении в Государственном совете. О пессимистических политических прогнозах И. Бодуэна де Куртенэ и тюремном заключении. Цитируется А. Грибоедов. О Д. Мережковском, его лекции «Тайна Тютчева» и высказанном в ней тезисе, что декаденты и Ф. Тютчев склоняют читателя к самоубийству. Цитируется В. Матвеев. О симпатии Д. Мережковского и З. Гиппиус к М. Горькому. О театрах в Вологде и эстонской деревне. Упоминаются Ж.-Б. Мольер и С. Пшибышевский. Об эстонском садовнике, соседе по даче, и его манере исполнять Ф. Шопена.

* Указатель построен на тех же принципах, что и напечатанные мною в предыдущие годы росписи журналов «Перевал», «Весы», «Весна», «Поэт» и др.

Упоминается Р. Вагнер. О М. Горьком. Упоминаются Н. Некрасов и Л. Толстой. Об А. Биду и его статье о смерти Г. Кальметта. О Ж. Кайо и его жене (Г. Кайо)]

Миртов О. <Котылева (Розенфельд) О. Э.>

8. О чуде Господнем (Из недавних впечатлений). С. 19—25

[О Вилли Ферреро. Упоминаются Я. Хейфец и М. Эльман. О музыке Л. ван Бетховена и Р. Вагнера. Цитируется неназванный Ф. Тютчев]

Чеботаревская Анс.

9. Из дневника (Искусство и жизнь). С. 26—33

[О взаимоотношениях литературы и критики в России и в Европе. Упоминаются Л. Толстой, И. Тургенев, Ш. Бодлер, М. Метерлинк, Г. Ибсен, Г. Д'Аннунцио. О деле Г. Кайо. Цитируется Homo Novus (А. Кугель). О постановке драмы А. Блока «Роза и Крест». О постановке мистерии Р. Вагнера «Парсифаль». Упоминаются Б. Луини, А. Островский. О докладе Г. Чулкова «Пробуждаемся ли мы», вызванном им диспуте и оппонентах докладчика: г-же Ортодокс (Л. Аксельрод), А. Карташеве, Неведомском (М. Миклашевский), П. Когане. Упоминается обвинение Д. Мережковского (сопоставленного с В. Пуришкевичем) в адрес символистов]

Волошин Максимилиан.

10. Блики. О наготе. С. 34—40

[О немецком обществе «Freya Bund» и его основателе д-ре В. Кюстере. Упоминаются А. Каменский, Перикл, Ч. Дарвин. Подробно — о выступлении А. Дункан]

Б. п.

11. К приезду Н. М. Минского. С. 41—44

[К статье сделано примечание: «Редакция "Д. П.", радостно приветствуя возвращение своего идейного единомышленника, Н. М. Минского, сочла своевременным дать в этом кратком очерке беглую характеристику поэтической и философской деятельности поэта». Краткий очерк биографии и творчества Минского]

Письма.

Б. п.

12. Из письма А. И. Куприна. С. 45

[Согласие участвовать в журнале]

Б. п.

13. Из письма Л. Н. Андреева. С. 45—46

[Согласие участвовать в журнале]

Крандиевская Анастасия.

14. Редакции «Дневников писателей». (Из письма). С. 46—47

[Согласие участвовать в журнале. Упоминается В. Розанов. Под текстом помета: Москва]

Читатель <Матвеев В. Ф.>

15. Редакции. С. 47—53

[Подробное изложение сочувствия задачам журнала. Цитируется неназванный А. Фет. Упоминается А. Чехов]

Вести о писателях и книгах. С. 54—55

16. [О пребывании Леонида Андреева в Риме. Приведена цитата из его письма]

17. [Об отъезде К. Бальмонта на Кавказ и в Западный край после лекций, прочитанных в столицах]

18. [Лекция А. Куприна в Киеве]

19. [Возвращение Н. Минского из Парижа в Петербург 2 марта. Участие его в диспуте о символизме 15 марта, анонс его лекции 28 марта]

20. [Поездка В. Мейерхольда и Е. Аничкова в Киев для участия 13 марта в диспуте о современной литературе]

21. [Диспут о символизме и реализме 15 марта в зале Калашниковской биржи. Доклад Ф. Сологуба; прения, руководимые Ф. Зелинским, речи Н. Минского, В. Мейерхольда, Е. Аничкова, оппонирующих П. Когану и В. Львову-Рогачевскому. Упоминается Д. Мережковский]

22. [Возвращение Ф. Сологуба из Вологды и Вятки, где он читал лекцию «Искусство наших дней»]

23. [Выход 2-го номера журнала «Любовь к трем апельсинам». Отдельно — о статье В. Мейерхольда и Ю. Бонди «Балаган»]

24. [О поэме Л. Андреева в № 2 журнала «Заветы»]

25. [Выход в издательстве «Сирин» томов 2 и 21 собрания сочинений В. Брюсова]

26. [Издание перевода М. Волошина из А. де Ренье]

27. [О книге П. Гогена «Путешествие на Таити»]

28. [О переводе драмы П. Клоделя, выполненном Л. Вилькиной]

29. [Лекции П. Фора в Петербурге и Москве]

30. [Выход книги Е. Аничкова «Язычество и древняя Русь»]

31. [Публикация романа Стендаля «Красное и черное» в переводе Ан. Чеботаревской]

№ 2. Апрель.

Блок Александр.

Из восьмистиший.

[Посвящение: Л. А. Д<ельмас>]

32. «Есть демон утра. Дымно-светел он...» С. 3
33. «На небе — празелень, и месяца осколок...» С. 3

Верховский Юрий.
34. «Не бойся, не мечись. Походкою степенной...» С. 4

Сологуб Федор.
35. «Где-то есть тропа мечтательная...» С. 4

Рукавишников Иван.
36. Курган (Полурифмы). («Влекомый белыми минутами...») С. 5

Гиппиус Вл.
37. Соблазн («Вода — живая или мертвая...») С. 6—7

Венгерова Зин.
38. Символизм в современном его понимании. С. 8—13
[Упоминаются Рафаэль, Леонардо да Винчи, Софокл, И. Гете, У. Тернер, М. Метерлинк, Данте, О. Уайльд]

Сологуб Федор.
39. Заметки. С. 14—23
[О роли женщин в общественной жизни. О смене общественной морали. Посещение выставки Н. Гончаровой. Упоминается Э. Карнеги. Диалог с чертом. Об упреках символистам. Доклад Ан. Чеботаревской 21 марта в собрании Всероссийского литературного общества о состоянии русской критики. Упоминаются В. Белинский, Ф. Шеллинг, П. Б. Шелли, А. Писемский, Г. Гегель, Н. Гоголь. Цитируется неназванный Л. Толстой. Выборы в совет Литературного общества 28 марта. Неприязнь к автору со стороны участников совета. О представлении пьесы А. Островского в Александринском театре. Приезд в Петербург «г-жи Ф.» <Фега Фриш>. Приезд П. Фора с Ж. д'Орфевр. Упоминается Л. Андреев. О мартовском номере «Русской мысли». Отдельно о статье П. Струве. Упоминается Д. Мережковский. О лекции П. Щеголева про М. Лермонтова, Ж. Дантеса и А. Пушкина. Упоминаются лорд Дуглас и О. Уайльд]

Минский Н.
40. Из записной книжки. С. 24—25
[Полемика с защитниками реализма. Упоминается Г. Ибсен. О «Заложниках жизни» Ф. Сологуба]

Чеботаревская Анс.
41. Две цензуры. С. 26—28
[О судебном процессе в Париже: обвинение А. Хирша в «оскорблении нравов» и его защита. Упоминаются О. Мирбо, А. Франс, М. Ме-

терлинк, Рашильд, М. Доннэ, Ю. Гойэ, О. Роден. О статье «Отрадный протест» за подписью «Каэль» <вероятно, — К. Ф. Лебедев> по поводу запрета на постановку пьесы М. Кузмина «Венецианские безумцы» в Московском литературно-художественном кружке. Упоминаются С. Судейкин, В. Серов, П. Ярцев и В. Мейерхольд]

42. Критика на критику. С. 29—33

[О реферате автора «Символизм перед лицом современной критики» и отзывах публики на него. Упоминаются В. Белинский, И. Тэн, Ш. Сент-Бев, Д. Писарев, Ф. Шеллинг и П. Б. Шелли, В. Кранихфельд, Е. Колтоновская, Ф. Батюшков. Подробно о статье Н. Николаева (известного критикой Л. Андреева) о театральном диспуте в Киеве. Упоминаются Е. Аничков и В. Мейерхольд. Отзыв о недавней статье Е. Колтоновской в «Речи». Упоминаются П. Боборыкин, В. Львов-Рогачевский, Ш. Сент-Бев, Б. Зайцев. Об отношении критики к И. Северянину. Упоминаются Ф. Сологуб, А. Блок, С. Городецкий, Вяч. Иванов, Н. Гумилев, В. Брюсов, М, Кузмин, Н. Клюев, Д. Философов. Упоминается (не называемая прямо) Р. Лемберк, Ю. Айхенвальд, О. Уайльд. Выступление Б. Столпнера. Упоминаются А. Чехов, Ф. Сологуб, Д. Писарев, М. Протопопов, А. Фет, Ортодокс (Л. Аксельрод), М. Горький, Н. Олигер, Е. Чириков, М. Арцыбашев, П. Я., И. Шмелев]

Из дневника.

43. Достоевский и Горький. С. 34—36

[О пьесе «Ставрогин» в Художественном театре. О декорациях М. Добужинского. Упоминается разговор с Н. Минским о новом театре. Об актерах И. Берсеневе, М. Лилиной, Н. Бутовой, В. Качалове. Упоминается М. Горький]

44. Балаганчик и Незнакомка. С. 36—38

[О лирических драмах А. Блока в постановке В. Мейерхольда (представление в Тенишевском зале). О костюмах Ю. Бонди, музыке М. Кузмина]

Рукавишников И.

45. Из моего дневника. С. 39—40

[Цитируется фрагмент стенограммы 126-го заседания Государственной думы 2 июня 1910 г. Упоминаются депутаты Ф. Тимошкин и Попов]

Крючков Димитрий.

46. Вечером на озере. С. 41—44

[Упоминаются А. Блок и Д. Мережковский]

Логвинович Л.

47. Элементарные мысли по дороге из Религиозно-философского общества. С. 45—47

[Упоминаются Д. Мережковский, З. Гиппиус, Ф. Достоевский, блаженный Августин, Р. Тагор, Ф. Сологуб]

Сологуб Ф.

48. Два слова о «Мысли». С. 48—49

[Посещение 13 апреля постановки пьесы «Мысль» Л. Андреева в Художественном театре. Об игре Л. Леонидова, И. Берсенева и В. Соловьевой]

Коммиссаров С.

49. Разговор (Письмо в редакцию). С. 50—53

Тупин А., студент.

50. «Когда мы мертвые воскресаем» (Письмо в редакцию). С. 54—55

[Сочувствие целям журнала. Впечатления от диспута о символизме]

Вести о писателях и книгах. С. 56—59

51. [Выход из печати романа И. Рукавишникова «Аркадьевка»]

52. [О книге К. Моклэра «De l'amoure sexuelle». Упоминаются А. де Тулуз-Лотрек, Т.-А. Стейнлен, П.-О. Ренуар, Э. Мане]

53. [Издание во Франции монографии об И. Гончарове А. Мазона. Его исследование форм русского глагола. Использование романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» для этой работы]

54. [Выход третьего выпуска альманаха «Сирин». Упоминаются Ф. Сологуб, А. Белый, А. Ремизов, Вяч. Иванов, А. Блок, З. Гиппиус, В. Брюсов. «Очевидно, символизм еще не собирается умирать». Анонс отзыва о романе А. Белого «Петербург»]

55. [Пьеса З. Гиппиус «Зеленое кольцо» принята к постановке в Александринский театр]

56. [В. Карачарова представила в Литературно-театральный комитет свою первую пьесу «Две любви»]

57. [О. Миртов закончил пьесу «Маленькая женщина»]

58. [Осенью в театре А. Рейнеке и К. Незлобина будет поставлена мистерия Э. Стукена «Рыцарь Гаванн». Пьеса в переводе Ф. Сологуба, декорации Н. Калмакова, режиссер П. Сазонов]

59. [28 марта Н. Минский прочел в Тенишевском зале лекцию «О любви к людям и предметам». О банкете и прозвучавших на нем речах Е. Аничкова, Ф. Сологуба, П. Щеголева, Г. Чулкова, Л. Габриловича]

60. [Окончание лекционного сезона: выступление редакции журнала «Любовь к трем апельсинам» и лекция П. Щеголева о дуэли А. Пушкина]

61. [О книге М. Волошина «Лики творчества». Упоминаются П. Клодель, Ф. Вилье де Лиль-Адан, А. Ренье]

62. [10-летие парижского журнала «Les Marges». Упоминается А. Франс]

63. [Выход 17-го тома собрания сочинений Ф. Сологуба]

64. [Выход 19-го и 20-го томов собрания сочинений Ф. Сологуба и книги «Белый зодчий» К. Бальмонта]

65. [Лекции К. Бальмонта на тему «Поэзия как волшебство» в Киеве, Минске, Риге, Харькове и Тифлисе. Лекции Г. Чулкова в городах Западного края]

66. [О мартовском номере «Русской мысли». Особо — о диалоге В. Брюсова, о его критике лекции Д. Мережковского о Ф. Тютчеве]

67. [«Балаганчик» и «Незнакомка» А. Блока в постановке В. Мейерхольда (Тенишевский зал, 7 апреля)]

68. [Болезнь Г. Чулкова. Подозрение на туберкулез]

69. [Вяч. Иванов и Н. Минский повторили в Москве лекции, предварительно прочитанные в Петербурге]

70. [Статья Н. Минского о С. Надсоне, основанная на материалах его собрания. Упоминается П. Струве]

71. [О публицисте С. Яблоновском как последователе Д. Мережковского и его клевете на новую литературу. Отпор, полученный им в Тифлисе от членов литературного кружка имени Ф. Сологуба]

72. [Вечер из произведений Ф. Сологуба в Тифлисском артистическом кружке. Режиссер М. Бецкий, знакомый Петербургу по театру В. Комиссаржевской]

Б. п.

73. <Анонс следующего номера>. С. 59

[Сдвоенный № 3/4 выйдет в июне]

Б. п.

74. Опечатки. С. 59

[В стихотворении Ю. Балтрушайтиса (№ 2)]

№ 3/4. Май — июнь.

Сологуб Ф.

75. Сонет («Как прежде улыбалась...») С. 3

Верховский Ю.

76. Федору Сологубу («Не радостно ль прочесть в гармонии стихов...») С. 4

77. Вячеславу Иванову («Я помню, старый друг, заветные слова...») С. 4—5

Тамамшев А.
Из итальянских писем.
78. «Сегодня день улыбчивей Лауры...» С. 6
79. «Как алчущий завоеватель...» С. 6—7
80. «Здесь, где утром розоперстым радость...» С. 7

Тиняков А.
81. Прелести земли («Прекрасен лес весною на рассвете...») С. 8
82. «Пасущийся в полях, беспечно-мудрый скот...» С. 9
[Дата: Март 1914 г.]

Рафалович С.
83. Ночная стража («Я не пророк и не учитель...») С. 10—11
[Эпиграф из А. Пушкина]

Кузмин М.
84. О пантомиме, кинематографе и разговорных пьесах. С. 12—16
[Упоминается Н. Брешко-Брешковский]

Рукавишников Иван.
85. Огонь-очиститель. С. 17—20
86. Из записной книжки. О новейших изданиях словаря Даля. С. 21—23
[Критический отзыв о третьем издании словаря. Упоминаются Л. Толстой, М. Горький, Н. Энгельгардт]

Тиняков Александр.
87. «Комплименты». С. 24—29
[Об О. Уайльде и Э. Верхарне. Упоминается Сарданапал. Критический отзыв о статье К. Чуковского, посвященной футуристам. Упоминаются И. Северянин, А. Крученых, Гесиод, А. Пушкин, А. Фет. Неприязненно о стиховедении. Упоминаются Ф. Тютчев, М. Лермонтов, Н. Некрасов, П. Вяземский, Антифил Византийский, Д. Писарев, Гомер, Ф. Виллон, Д. Бурлюк, А. Яковлева]

Матвеев В.
88. Без размера (Факты, мысли, настроения). С. 30—33

Крючков Димитрий.
89. Защитник коллектива и реставрация. С. 34—37
[Эпиграф из письма А. Чехова к А. Плещееву. Отзыв на статью Д. Философова о «Дневниках писателей». Упоминаются Д. Мережковский, А. Блок, И. Рукавишников, г-жа Ортодокс (Л. Аксельрод), Л. Толстой, У. Шекспир, Ф. Тютчев, Ф. Сологуб, А. Пушкин]

Чужак Н. <Насимович Н. Ф.>

90. Так ли это? К эстетике Н. А. Некрасова. С. 38—42

[Отзыв на статью Д. Тальникова «Эстетика и общественность» (Современный мир. 1914. № 2). Упоминаются А. Пушкин, К. Бальмонт, В. Брюсов, В. Короленко]

Шацкий Н. М.

91. Поэты и журналисты. Гротеск (из архива неизвестного поэта). С. 43—48

[Эпиграф из А. Пушкина. Цитируется Лермонтов. Упоминаются Флобер, Мопассан, Бодлер и Верлен. О Поле Форе и его лекции. Упоминается Л. Андреев, Ф. Булгарин, Н. Надеждин, В. Брюсов, М. Арцыбашев, И. Бунин, А. Измайлов, И. Северянин, К. Фофанов]

92. О встрече царевичей. Манифест к немногим (Из мечтаний, остающихся в записной книжке). С. 49—53

[Эпиграф из Гоголя. Упоминаются М. Линдер, Ж. де Нерваль, П. Верлен, К. Гамсун, Ф. Ницше, О. Уайльд, Э. По, В. де Лиль-Адан]

Крючков Димитрий.

93. О жизни, жизненности и любителях ясности и простоты. (Театральные горести). С. 54—56

[Обзор отрицательных отзывов на журнал «Любовь к трем апельсинам». Упоминаются В. Мейерхольд, А. Бобрищев-Пушкин (и его реплика об А. Блоке), Роб. и Раф. Адельгеймы, М. Арцыбашев, В. Рышков, Ф. Батюшков, С. Надсон, Ортодокс (Л. Аксельрод), В. Львов-Рогачевский]

Сологуб Федор.

94. Заметки. С. 57—61

[Впечатления от спектакля «Король Лир» в Берлине (26 апреля / 9 мая, Deutsches Theater). Театр Ж. Коппо в Париже. Упоминаются У. Шекспир, Ф. Достоевский, П. Клодель, Ж.-Б. Мольер. О русских евреях в Париже и Берлине. О пролетарской литературе. Упоминаются Ч. Диккенс и М. Горький]

Чеботаревская Анс.

95. Из дневника. С. 62—72

[Впечатления от европейского путешествия. Упоминаются Л. Блерио, Я. Тинторетто. О В. Пуришкевиче. О парижской моде. Упоминается маркиза де Помпадур. О смерти Н. Нордман-Северовой. Встреча с ней на собрании у Ф. Фидлера. Упоминается И. Репин. Спектакль 7/20 июня в парижской Опере. Упоминаются А. Антуан, Э. Ростан, П. Клодель, Ф. де-Кюрель, Ж. Ренар, Г. Ибсен, Л. Толстой; актеры Ф. Жемье, С. Гитри, Ж. Фероди, Брассер, Е. Лавальер, Кассив, Полэр. О мнении А. Кугеля. Упоминаются Е. Лавальер, Гаво. О деле

М. Бейлиса. О Д. Философове и И. Жилкине. Упоминаются М. Линдер, И. Сытин. Отзыв о книге Е. Лундберга о Д. Мережковском и З. Гиппиус. Упоминаются Ф. Ницше, М. Туган-Барановский, В. Богучарский, В. Розанов, Н. Минский]

<Сологуб Ф.>

96. Нашим критикам. (Ответ гг. Философову и Войтоловскому). С. 73—76

[Авторство определено по черновой рукописи: РГАЛИ. Ф. 2534. Оп. 1. Ед. хр. 44. Упоминаются Д. Мережковский, Г. Флобер, Г. де Мопассан, О. Мирбо, Ал. Н. и Ан. Н. Чеботаревские, В. Власов, Г. Кайо, О. Миртов, В. Ферреро]

Вести о писателях и книгах. С. 77—78

97. [Публикация рассказа О. Мирбо]

98. [Подготовка Луначарским книги о П. Клоделе и Э. Верхарне]

99. [Предложение М. Терещенко занять должность заведующего оперной и балетной труппой Императорских театров]

100. [В. Брюсов привлечен к участию в Литературно-театральном комитете при Императорских театрах]

101. [О переводе Новалиса, выполненном З. Венгеровой для книгоиздательства К. Некрасова]

102. [О выходе посмертной книги стихов В. Князева]

103. [О новинках издательства Г. Мюллера в Берлине: книги Ф. Сологуба и И. Рукавишникова в переводе Ф. Фриш]

104. [Ф. Сологуб закончил перевод пьес Г. Клейста для книгоиздательства К. Некрасова]

105. [Проездом через Берлин и Париж Ф. Сологуб прочел лекцию в пользу местных студенческих организаций]

106. [План книгоиздательства «Сирин» издать собрание сочинений А. Блока и двухтомник стихотворений А. Белого]

107. [Литературно-музыкальный вечер из произведений Ф. Сологуба в Тифлисе. Реферат прочел А. Я. Иоаннесиан, вступительное стихотворение — Ю. Верховский. Упоминаются М. Бецкий, В. Сенилов]

108. [В «Московском книгоиздательстве» вышел новый сборник И. Рукавишникова, а в издательстве М. Семенова — книга стихов М. Кузмина]

109. [В Париже издан дневник А. Антуана]

Б. п.

110. <Анонс следующего номера>. С. 78

[Сдвоенный № 5/6 выйдет в конце августа]

Илья Кукуй, Сергей Сигей

«ЧЕРНЫЙ СВЕТ»: Ф. СОЛОГУБ — Г. ЛЕБОН — А. КРУЧЕНЫХ

В 2009 году в посвященном Алексею Крученых выпуске журнала «Russian Literature» было впервые опубликовано письмо А. А. Шемшурина, отправленное Крученых, по всей видимости, в начале сентября 1915 года[1]. Кроме сообщения о ряде литературных новостей, Шемшурин останавливается на следующей идее из письма Крученых от предположительно 25 августа того же года: «В том что буква [и слово в поэзии] — есть рисунок — живопись все больше убеждаюсь — но пока это секрет для всего света. Если что выяснится окончательно — сообщу»[2]. Отношение Шемшурина к этой идее можно охарактеризовать как крайне скептическое. Критикуя замысел Крученых выделить в поэтическом слове графическую составляющую в качестве самостоятельной и едва ли не самой значимой единицы, Шемшурин описывает процесс восприятия поэтического языка как комплекс ощущений, в котором одни являются «важными», а другие нет. К последним он относит «ощущение рисунка-живописи в слове и букве» и пишет: «Рисунок в букве и слове — несомненно есть. Значит элемент этот будет в комплексе при чтении. Но по слабости нервной системы вы не можете удержать этот элемент в нейтральном состоянии, и он начинает играть первостепенную роль. Для того, чтобы создавать искусство, может это так и нужно, потому что это ведет к созданию новых форм и лежит в природе искусства, но для того, чтобы воспринимать искусство, к чему, собственно, Вы и клоните смысл Вашего открытия, — такое переустройство комплекса ни к чему»[3]. При этом Шемшурин отдает себе отчет в логической последовательности радикализма Крученых: «Раз ничего не существует, ничего не нужно и всё — наплевать, то к чему разбирать, что нужно и что не нужно! Важно: х о ч у ! <...> И вот я хочу выделить не важную часть комплекса и выделяю ее: пусть она доминирует. Получается что-то вроде “фаворского света”, и публике остается только завидовать тем, кто наделен способностью его видеть».

Использование Шемшуриным образа фаворского света представляется чрезвычайно важным, особенно учитывая то, что в том же письме он походя обращает внимание Крученых на один естественно-

---

[1] Крученых и Хлебников в архиве Н. И. Харджиева // Russian Literature. LXV-I/II/III (2009). С. 21—23.

[2] Письма А. Е. Крученых А. А. Шемшурину / Публ. А. Крусанова // Там же. С. 117.

[3] Крученых и Хлебников в архиве Н. И. Харджиева. С. 22.

научный труд, в котором основополагающая для всей модернистской топики проблематика света и разложения материи получает научное обоснование под необыкновенно интересным для кубофутуризма углом: «Читали ли Вы прекрасную книгу Лебона о разрушимости материи? Мир в действительности вовсе не таков, каким мы его знаем. Стены, оказывается, проницаемы, стулья — подобны паутине»[4]. В ответном письме Крученых на упоминание Лебона не отреагировал (хотя слова Крученых в письме о том, что он предпочитает книги «беллетристически-критические»[5], могли относиться и к Лебону), либо не придав этому значения, либо отложив разговор до того времени, когда он ознакомится с книгой. У нас нет доказательств того, что это знакомство когда-либо состоялось; тем не менее мы считаем нужным более подробно остановиться на том, почему Шемшурин счел книгу прекрасной и какое место она занимает в культурном пространстве эпохи между символизмом и авангардом. Не преследуя цели указать на конкретные интертекстуальные пересечения, мы считаем необходимым выдвинуть тезис о том, что авангардная стратегия диссимиляции поэтической материи и идея «мирсконца», к которым Крученых имел непосредственное отношение, были глубоко укоренены и в символистской поэтике (на чем мы кратко остановимся на примере Ф. Сологуба), и в естественно-научной мысли эпохи (на до сих пор практически не исследованном феномене Лебона).

Мы не можем с полной уверенностью утверждать, какую именно книгу Густава Лебона на указанную тему, изданную в то время в России в русском переводе, имел в виду Шемшурин. Несколько раз переиздавались лекция «Зарождение и исчезновение материи»[6], а также книги «Эволюция материи» (1905)[7] и «Эволюция сил» (1907)[8]. Сегодня Лебон, родившийся во Франции в 1847 году, известен в основном как социолог: его книги «Психология народов и масс» и «Психология со-

---

[4] Крученых и Хлебников в архиве Н. И. Харджиева. С. 21.

[5] Письма А. Е. Крученых А. А. Шемшурину. С. 118.

[6] *Лебон Г.* Возникновение и исчезновение материи / Пер. с фр. А. Чайкеля. Харьков: Новое время А. С. Суворина, 1909; *Лебон Г.* Зарождение и исчезновение материи: [Чит. в Остенде, в августе 1907 г.] / Пер. Б. Бычковского. СПб.: Тип. «Товарищества Андерсона и Лойцянского», 1909; Указ соч.: 2-е изд. СПб.: Тов-во «Общественная польза», 1910; Указ. соч. Харьков: Тип. журн. «Мирный труд», 1909.

[7] *Лебон Г.* Эволюция материи / Пер. с двенадцатого фр. изд. и предисл. Б. Бычковского. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1909; Указ. соч.: 2-е изд., 1911 [Научно-философская библиотека; Вып. 1]; Указ. соч.: 3-е изд., 1912 [Научно-философская библиотека; Вып. 1]; Указ соч.: 3-е изд. [Испр. и доп.]. СПб.: М. И. Семенов, 1914.

[8] *Лебон Г.* Эволюция сил: Ч. 2. Опыты над дематериализацией материи: [Эксперим. исслед. автора] / Пер. с десятого фр. изд. Б. Бычковского. СПб.: Общественная польза, 1910; Указ. соч.: 2-е изд., 1911. В 1-м изд. перед загл.: «Ч. 1. <...> Изд. является продолж. “Эволюции материи”».

циализма», впервые вышедшие на русском языке в 1896 и 1899 годах соответственно, переиздаются до сих пор[9]. О его трудах по физике, очень популярных в Европе и России в начале века, этого сказать нельзя — с 1914 года книга «Эволюция материи» на русском языке не переиздавалась. Постараемся в краткой форме, пользуясь по возможности формулировками Лебона, изложить ее основные положения.

Уже эпиграф книги — «Ничто не создается. Всё теряется» — с последующим разъяснением («Интра-атомная энергия, освобождающаяся при дематериализации материи, — начало большинства сил мира»), дает понять, в каком направлении движется мысль Лебона. Материя «не вечна, она обречена на старость и смерть» (2)[10]. Разложение материи не исчерпывается делением атомов: она «дематериализуется, проходя через последовательные фазисы, при которых она постепенно теряет свои материальные свойства» (7—8). Диссоциация атомов происходит под воздействием громадного числа энергии, имманентной самой материи и находящейся внутри ее, и заключается «в переводе разновидности энергии, называемой материей, в другую форму энергии, например, в электричество или свет» (10). Лебон называет эту энергию интра-атомной; на более ранней стадии развития своей теории он дает ей имя «черный свет». Именно черному свету обязано своим происхождением «большинство сил природы, электричество и особенно солнечная теплота» (9). «Материя, таким образом, постепенно превращается в энергию. Закон эволюции, применимый к живым существам, одинаково применяется к простым телам. Химические элементы, так же как и живые существа, изменяются» (9). Изменение это происходит по пути аннигиляции: материю нельзя создать, но можно разрушить, причем разрушить безвозвратно. Это разрушение материи имеет большое практическое значение, поскольку овладение интра-атомной энергией означает доступ к «почти бесконечному и даровому источнику энергии» (13).

Неудивительно, что образ «черного света» оказался необыкновенно привлекательным для катахрестического поэтического сознания модерна[11]. Этот образ родился у Лебона в связи с тем, что он предполагал наличие особого излучения, способного проникать через материальное вещество, и обнаруживал его в ряде опытов. Следует отметить, что заметка о черном свете, опубликованная Лебоном

---

[9] См.: *Лебон Г.* Психология социализма. М.: Макет, 1995; *Лебон Г.* Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2011.

[10] Здесь и далее указания на с. в изд.: *Лебон Г.* Эволюция материи. СПб., 1914.

[11] О катахрезе как основном тропе авангардистской поэтики см.: *Дёринг-Смирнова И. Р., Смирнов И.* «Исторический авангард» с точки зрения эволюции художественных систем // Russian Literature. Vol. VIII (1980). P. 403—468. О катахрезе в творчестве Крученых см.: *Ziegler R.* Алексей Е. Крученых // Russian Literature. Vol. XIX. 1985. P. 79—104.

в 1896 году в журнале «Comptes rendu de l'Academie des Sciences», на два года опередила опыты супругов Кюри, в результате которых была открыта радиоактивность. Тезис о высвобождении энергии в результате диссоциации материи и лучевая природа этой энергии, на уровне образа именуемой «черным светом», позволяли использовать естественно-научный дискурс для обоснования базовых художественных стратегий авангарда. Привлекательной оказалась также та черта теории Лебона, которая была подмечена одним из его приверженцев еще в 1905 году в журнале «Revue philosophique»: «Никакая теория не отвечала и лучше не ответит на наше стремление к единству, как теория Густава Лебона; она устанавливает самое полное единство, которое только мыслимо себе представить; она сводит всю совокупность наших знаний к следующему принципу: существует только одна субстанция, которая движется и своими движениями она творит все вещи» (55).

Той воображаемой линией, которая позволяет нам соединить символиста Сологуба, кубофутуриста Крученых и физика-провидца Лебона, является общая для всех троих концептуализация света. Именно на примере воздействия световых лучей на металлы Лебон приходит к выводу о существовании «черного света» как источника диссоциации материи. Другие виды энергии, как электричество и солнечный свет, являются производными продуктами этого процесса. Тем самым Лебон со своими идеями эволюции как распада материи, изоморфности материи и энергии, с одной стороны, и живой и неживой материи, с другой, и, самое главное, концептом черных лучей как не только альтернативной, но и первичной по отношению к солнечному свету энергии попадает в центральный нервный узел символистской и авангардной онтологии — мифологизацию света и солнца. И соположение творчества Сологуба и Крученых через теорию Лебона оказывается прекрасной иллюстрацией того, как самые разные, зачастую полярные и принадлежащие разным областям культуры и знания явления попадают в резонанс с духом времени.

Описание экземпляра первого издания «Эволюции материи» Лебона было занесено Сологубом в рукописный каталог его библиотеки[12]. Это одна из многочисленных книг по физике, оптике, теории электричества и другим отраслям естественных наук, находившихся в библиотеке Сологуба; среди них мы находим «Полный курс физики» А. Гана (1874), сборники «Новые идеи в физике» (1911—1912), ряд популярных изложений физических теорий[13]. Отдельно следует от-

[12] См.: *Шаталина Н.* Библиотека Ф. Сологуба (Материалы к описанию) // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. Павловой и А. Лаврова. М., 1997. С. 435—521.

[13] *Освальд В.* Электричество и его применение в общедоступном изложении / Пер. Т. Кравец. М., 1910; *Ауэрбах Ф.* Царица мира и ее тень. Энергия и энтропия. Пг., 1919.

метить художественные издания, вдохновленные научной тематикой[14]. Интерес Сологуба к физику и социологу Лебону возник, очевидно, во время работы над романом «Творимая легенда», сводящим в себе тематизацию солярной и социальной проблематик. Образ солнца как «пламенного Змия», возникший уже в раннем творчестве Сологуба, стоит в центре шестой книги стихотворений сборника «Змий» (1902—1906). Восемнадцать стихотворений этого сборника развивают образ солнечного «мстительного Дракона» («Я любви к тебе не знаю...»), «злого, золотого царя» («Трепещет сердце опять...»), «надменного Змея» («Высоко я тебя поставил...») и составляют своеобразный контрапункт «Творимой легенде», в которой тот же образ является центральным лейтмотивом: «Было тихо. Высоко, заслонясь от людей темно-лиловыми щитами, стоял пламенный Дракон. Он смотрел горячо и злобно из-за обманчивых, зыбких щитов, разливал яркий свет, томил — и хотел, чтобы ему радовались, чтобы ему слагали гимны. Он хотел царить, и казалось, что он недвижен, что он никогда не захочет идти на покой. Но уже багровая усталость начинала клонить его к западу. И он свирепел, и поцелуи его были знойны, и бешеный взор его багряно туманил девичьи взоры»[15].

Тот же мотив мы находим в стихотворении «В недосягаемом чертоге...» (1904) из сборника «Змий», словно иллюстрирующем судьбу одной из героинь «Творимой легенды», королевы Ортруды:

В недосягаемом чертоге
Жила царица красоты,
И с нею были только боги
И легкокрылые мечты.

Озарена святым блаженством,
И безмятежна, и ясна,
Невозмутимым совершенством
Сияла радостно она.

<...>

Но злой Дракон, кующий стрелы,
Свою и здесь насытил злость.
Однажды в дивные пределы
Вступил нежданный, странный гость.

---

[14] *Эден Р.* Эйнштейнова соната: Роман относительности / Пер. с нем. В. Онегина. Пг., 1923; *Карпов Н.* Лучи смерти: Фантастический роман. Л.; М., 1925.

[15] *Сологуб Ф.* Творимая легенда // Сологуб Ф. Собр. соч.: В 6 т. М., 2002. Т. 4. С. 16.

Смотрел он дико и сурово,
Одежда вся была в пыли.
Он произнёс земное слово,
Повеял запахом земли,

И пред царицею смущённой,
Охвачен вихрем злых тревог,
Мольбами страсти исступлённой
Он огласил её чертог.

Смутились радостные боги,
Померкли светлые мечты,
Всё стало призрачно в чертоге
Царицы дивной красоты, —

И в тяжкой муке отвращенья
Вкусила смерть Царица грёз, —
И Змей в безумстве злого мщенья
Свой лик пылающий вознёс[16].

Оге Ханзен-Леве отметил, что образ «солнца в качестве “змея” или “дракона” перенимает некоторые диаволические черты», отсылая к Апокалипсису (Откр. 12:9)[17]. В «Творимой легенде» заметны, однако, попытки ухода от эсхатологии раннего символизма, играющей «исключительно деструктивно диаволическую»[18] роль; функцию потенциального спасителя берет на себя Триродов, в образе которого соединяются естественно-научный и социальный утопизм[19].

---

[16] *Сологуб Ф.* Змий. СПб., 1907. С. 14—15.

[17] *Ханзен-Леве О.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999. С. 214. Там же см. подробную характеристику антисолярной проблематики у Сологуба и в старшем символизме в целом с ее обращением в солярный миф младосимволизма

[18] Там же. Начало линии ухода от одноплановой эсхатологии заметно уже в стихотворении «Два солнца горят в небесах...» (1904) из сб. «Змий»: «Два солнца горят в небесах, / Посменно возносятся лики / Благого и злого владыки, / То радость ликует, то страх. / Дракон сожигающий, дикий, / И Гелиос, светом великий, — / Два солнца в моих небесах. // Внимайте зловещему крику, — / Верховный идёт судия. / Венчайте благого владыку, / Сражайтесь с Драконом, друзья» (Указ. соч. С. 22).

[19] Книга Г. Лебона «Психология социализма» (СПб., 1908) также была во владении Сологуба. Имя Триродова присутствует в его библиотеке в неожиданном контексте: на издании лекции А. Риги «Об электрической природе материи» (СПб., 1910) мы находим дарственную надпись переводчика Николая Триродова <sic!>: «Привет тебе, Поклонник Света, / Что ни один не видел глаз, / Пророк Новейшего завета, / Дворец Божественных Зараз» (*Шаталина Н.* Библиотека Ф. Сологуба. С. 503).

В то время как Сологуб работал над «Творимой легендой» и частями публиковал ее под названием «Навьи чары» в альманахах изд-ва «Шиповник», А. Крученых только начинал свой литературный путь. На то, что Сологуб был одним из важных ориентиров для Крученых, указывалось неоднократно[20], и сам поэт не делал из этого секрета: свои ранние опыты он характеризовал как «нефтевание болот сологубовщины»[21], подразумевая под этим прежде всего проблематику романа «Мелкий бес». Важно отметить, что отношение Крученых к феномену Передонова и связанными с этим образом психосоциальными феноменами было глубже поверхностного обличительства и отличалось известной парадоксальностью. «Разоблачение обезьяньей сути передоновских рож, воспроизведение их гнусных ужимок и дряблых гримас было ниже моих устремлений и не растраченных еще возможностей», — писал Крученых о своих литографированных альбомах «Весь Херсон в карикатурах» (1908—1910)[22]. В то же время в 1913 году, выступая на «Первом в России вечере речетворцев», Крученых назвал Передонова «единственным положительным типом в русской литературе»[23].

Неудивительно поэтому, что, производя подобную ревизию «учительной» функции русской литературы и ее гуманистического потенциала, диссоциации которых Крученых посвятил не одно произведение, он в конце стихотворения в прозе «Путешествие по всему свету» из сборника «Мирсконца» упоминает «родную Варвару» из «Мелкого беса»: «цветы еще пахучи круча верная сиди в конце ямы ничего думка задумался куда спрятать карманы оттягивают танцуют родная варвара спаси ножницы режут родные племянницы подглядывают болен не выязть стреляются хорошо лишь раз веселие веселие»[24]. Крученых не случайно упоминает ножницы: ведь именно их Передонов использовал для манипуляций с игральными картами, пряча в карманы всякий раз, чтобы не заметили[25], и именно ими Ольгой Розановой была резана

---

[20] См.: *Красицкий С. О* Крученых // Крученых А. Стихотворения. Поэмы. Романы. Опера. СПб., 2001. С. 10; *Харджиев Н.* Судьба Крученых // Харджиев Н. Статьи об авангарде: В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 300.

[21] *Крученых А.* Наш выход // Крученых А. К истории русского футуризма. Воспоминания и документы. М., 2006. С. 79.

[22] Там же. С. 57.

[23] Красицкий С. Указ. соч. С. 10.

[24] *Крученых А., Хлебников В.* Мирсконца. [М., 1912. Б. п.]. Показательно возникновение в этом тексте апокалиптического образа убийственного света: «... разум давил Его но тогда земля помертвела и сморщилась всюду стали замечаться опечатки разлитый чай и много чудес которые убивали своим светом».

[25] «В последнее время за игрою ему все казалось, что карты ухмыляются, как Варвара. Даже какая-нибудь пиковая шестерка являла нахальный вид и непристойно вихлялась. Передонов собрал все карты, какие были, и остриями ножниц

игральная карта в «Заумной гниге»[26]. Розанова заменяет «целое картины» одним лишь ее элементом: фрагмент оказывается способным вытеснить собой все остальное. Картина (холст) становится «игральной картой», карта замещает собой «картинное предстояние» (А. Чичерин).

В «Мелком бесе» есть и другие моменты, акцентирующие мотив разложения материи слова и оказавшиеся важными для Крученых. Передонов, придя без предупреждения в гости, невольно будит служанку: «А вы дрыхнули тут, — сказал ей Передонов, — храпели во все носовые завертки. Теперь вы со сна»[27]. Крученых впоследствии оценил по достоинству тонкий слух Сологуба, не только развив эту цитату из «Евгения Онегина» в своих «500 новых остротах и каламбурах Пушкина», но и включив Сологуба в «Малохолию в капоте», где Сологуб как творец Передонова вместе с Акакием Акакиевичем открывает книгу.

Сдвигологические опыты предполагают (и являют) непременно другое членение авторских фразоформ на слоги, создавая путем сдвига атомов в периодической таблице текста новые элементы языка. Пушкинский текст преобразуется Крученых по схеме Сологуба, предложенной им в «Мелком бесе»: сдвигаются *безударные* части слов. В описании пьяного пения Сологуб приводит «доказательством» именно то распадение слов, о котором говорит позже Крученых: «“Мне мокротно молоденьке, Нигде места не найду”, — визгливо пела Дарья, искажая звуки и вставляя слоги, как делают простонародные певцы для пущей трогательности. Выходило, примерно, этак: “А-е-ех мне-э ды ма-а-екро-о-ты-на-а ма-а-ла-а-е-де-е-ни-ке-е-а-е-эх”. При этом растягивались особенно неприятно те звуки, на которые ударение

проколол глаза фигурам, чтобы они не подсматривали. Сначала сделал он это с игранными картами, а потом распечатал и новые колоды. Все это проделывал он с оглядкою, словно боялся, что его накроют. К счастью его, Варвара занялась в кухне и не заглядывала в горницы, — да и как ей было уйти от такого изобилия съестных припасов: как раз Клавдия чем-нибудь попользуется. Когда ей что-нибудь надобилось в горницах, она посылала туда Клавдию. Каждый раз, когда Клавдия входила, Передонов вздрагивал, прятал ножницы в карман и притворялся, что раскладывает пасьянс» (*Сологуб Ф.* Мелкий бес. СПб., 2004. С. 161). Ср. карточный лейтмотив в «Мелком бесе» с «Игрой в аду».

[26] О связи зауми и гниения писал Игорь Терентьев: «Удобрение языка (заумь — гниение звука — лучшее условие для произрастания мысли)» (*Терентьев И.* 17 ерундовых орудий // Терентьев И. Собрание сочинений. Bologna, 1988. С. 186). Тем самым книга, написанная на заумном языке, необходимо оказывается «гнигой». В подобном обозначении жанра смыкаются концепция зауми Крученых и словотворчество Хлебникова. См. карточный мотив у соавтора Крученых по опере «Победа над солнцем» К. Малевича («Авиатор»). Возможный исток авангардного остранения карт — «Алиса в Стране чудес» Л. Кэрролла. О аллюзиях из Кэрролла в опере «Победа над солнцем» см.: *Фиртич Н.* Льюис Кэрролл и русский алогизм // Русский авангард 1910—20-х гг. в европейском контексте. М., 2000. С. 245—252.

[27] *Сологуб Фю* Мелкий бес. С. 168.

не падает. Впечатление достигалось в превосходной степени. <...> Дарья пела и плясала, и глаза ее, неподвижные на лице, вращались за ее кружением, подобно кругам мертвой луны»[28]. Отметим здесь изобилие хиазмов: «Мелкий бес» оказывается одним из стимулов к созданию и «слогового письма», и «зияющих высот» знаменитой крученыховской лилии.

Тем самым все, что принадлежит у Сологуба плоскости омерзительного, становится для Крученых несколько загадочным образцом: скверное, отвратительное, мерзкое обращается в некий идеал или по крайней мере в инструмент, с помощью которого следует создавать «другую» или «новую» эстетику. От этого — один шаг не только к теории «мирсконца», но и к одному из важнейших текстов Крученых и всего кубофутуризма в целом — опере «Победа над солнцем» в комплексе словесного каркаса либретто и сценического осуществления, в центре которого сияет черное квадратное солнце Малевича, спустя некоторое время превратившееся в манифест супрематизма. Отметим убедительную гипотезу И. Кулик, связавшую Апокалипсис «Победы над солнцем» со сверхповестью В. Хлебникова «Дети Выдры» о начале времен[29]. В хлебниковской переработке мифа орочей дети Выдры обретают язык в победе сначала над красным, затем над черным солнцем; но если «Хлебников показывает рождение космоса из изначального магматического хаоса, проявление человеческого, отделение слова от космических шумов и обретение истории, Крученых описывает схлопывание этого мира, катастрофическое сминание времен и бунт против предзаданного порядка. <...> И солнце, что приносится в жертву у Крученых — белое солнце, единственное, оставшееся на небосводе в начале “Детей Выдры”»[30]. Мир оперы «Победа над солнцем» — это антимир, в котором обращенной оказывается и природа света: «Ликом мы темные, Свет наш внутри»[31].

Противопоставление черного и солнечного света у Лебона проходит под знаком всепроникаемости первого и конечности второго. Строение атома Лебон сопоставляет с солнечной системой (45) и считает «черный», а не солнечный свет истоком возникновения вещей. Именно диссоциация атомов поддерживает энергетический баланс Вселенной, который однако же со временем теряет силу. Лебон при-

---

[28] Там же. С. 117—118. Ср. «круги мертвой луны» с названием футуристического сборника «Дохлая луна».

[29] О влиянии «Навьих чар» Сологуба на «Детей Выдры» Хлебникова см.: *Баран Х.* Пушкин в творчестве Хлебникова // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993. С. 175.

[30] *Кулик И.* Три солнца русской поэзии (Солярная символика в русском авангарде) // Символизм в авангарде. М., 2003. С. 226.

[31] *Крученых А.* Победа над солнцем. М., 1993. С. 17.

водит следующий пример: «С течением времени запас интра-атомной энергии атомов некоторых светил истощался. Их диссоциация становилась всё более медленной. Эти атомы достигли, наконец, громадной устойчивости, очень медленно охлаждались и пришли в состояние атомов охлажденных светил» (46). Утопический проект Лебона связан с овладением источником этой почти бесконечной энергии. Сравним это с изложением героем романа «Творимая легенда» Триродовым его теории строения материи: «Атомы материи представляют собой многосложные системы энергий. Распадаясь, атомы освобождают скованные внутри них энергии и расточают их на громадные пространства. <...> Мир ныне организован в пассивные массы материи, состоящей из атомов, и в активные токи энергий, творимых медленным, незаметным для нас умиранием атомов. И потому мир состоит из множества стремящихся во все стороны тел разного размера и из бесчисленного множества со всех сторон повсюду стремящихся энергий»[32]. Неудивительно, что Триродов находит понимание у социалистки Елисаветы, чье сознание оказывается подготовленным для нового знания: «“Милое солнце”, — тихо сказала Елена. “Оно погаснет, — говорила Елисавета, — оно погаснет, неправедное светило, и в глубине земных переходов люди, освобожденные от опаляющего Змия[33] и от убивающего холода, вознесут новую, мудрую жизнь”»[34]. Пространством для этой новой жизни оказывается внутренняя поверхность стеклянной оранжереи Триродова — «громадный, великолепный хрустальный шар, подобный планете»[35] и преодолевающий земное тяготение. Не об этом ли говорил чтец в «Победе над солнцем»: «я все хочу сказать — вспомните прошлое полное тоски ошибок... ломаний и сгибания

---

[32] *Сологуб Ф.* Творимая легенда // Сологуб Ф. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. С. 525—526.

[33] Ср.: «“чур чур чурашки буки букашки веди таракашки” шептал Салогуб <sic!> и потом гнусаво запел о смерти <...> золотой дракон развернулся и спустился с неба чтобы одеть ему на голову горшок бывший в употреблении» (*Крученых А.* Чорт и речетворцы. [1913]. С. 13). «Грязное извращенное сладострастие», воспеваемое Сологубом (отсюда и каламбурное написание его фамилии — «Салогуб»), Крученых характеризует в «Чорте и речетворцах» как «не настоящее»: «у них не есть а лишь х о ч у . уж подлинно “символизм”» (Там же. С. 15). Поэтому естественной оказывается месть «золотого змея» — солнца в адрес поэта-символиста. Для будетлянина же «шалунья слава и богатства этого мира стали иными — стали пустым местом

меня венчали ***черным знаком***
и уксус лили на язык
копьей украсили и паки
вознесся дикий крик
(полуживой)»

(*Крученых А.* Чорт и речетворцы. С. 16. — *Курсив наш. И. К., С. С.*).

[34] *Сологуб Ф.* Творимая легенда. С. 26.

[35] Там же. С. 636.

колен... вспомним и сопоставим с настоящим... так радостно: освобожденные от тяжести всемирного тяготения мы прихотливо располагаем свои пожитки кк[36] будто перебирается богатое царство»[37].

Хотелось бы в заключение еще раз остановиться на следующем. Эпоха авангарда отличается необыкновенным числом синхронных пересечений и отражений сходных идей и концептов. Вопрос о первенстве и степени апроприации принадлежит сфере политики искусства — или, как писал Шемшурин, «идеологии»: «В действительности же идеология и искусство находятся в несоизмеримом отношении. Вот почему каждое последующее поколение смеется над идеологией предыдущего: вздор легко обнаруживается временем»[38]. Озарения физика Лебона и тот «фаворский» черный свет, который видел лишь он, уступили место в общественном сознании трудам его современников Резерфорда и Эйнштейна; тем не менее представляется, что образная сила его концепции «черного света» оказалась достаточной, чтобы непосредственно отразиться в творчестве Сологуба (по всей видимости, детально ознакомившегося с обеими имевшимися у него книгами Лебона) и опосредованно, через Zeitgeist эпохи, — Крученых. Безусловно, гораздо проще найти непосредственные источники вдохновения для Крученых в более очевидных местах, чем в далекой от «беллетристически-критического» жанра книге Лебона. Для живописных аналогов атомарной природы его творчества есть больше оснований привлечь пуантилизм Ж. Сёра и — как пример радикального доведения приема до логического конца — поздние точечные картины Ф. Пикабиа, чем оптические фотоэксперименты Лебона[39]. Нет также непосредственных

---

[36] В статье «В книжном углу (Заметки по частным и не вполне частным поводам)» (Новое литературное обозрение. 2010. № 106) Н. Богомолов указывает на то, что сокращение «кк» использовалось задолго до футуристической практики в рукописных, не предназначавшихся для публикации текстах (исследователь приводит в пример переписку М. М. Замятниной и «частные» тексты К. С. Шварсалона и В. Ф. Ходасевича). Нам представляется, что в случае В. Гнедова и А. Крученых, тексты которых *предназначались для печати*, а также К. Малевича («О новых системах в искусстве: статика и скорость, установление А», 1919) речь идет именно о художественном приеме, обнаженном в целом ряде произведений (не в последнюю очередь в «Малохолии в капоте»).

[37] *Крученых А.* Победа над солнцем. С. 19.

[38] Крученых и Хлебников в архиве Н. И. Харджиева. С. 21.

[39] В «Эволюции материи» (С. 196) Лебон упоминает об экспериментах Шарля Анри, оптические штудии которого послужили одним из источников вдохновения для Сёра. Франсис Пикабиа начинал свою живописную карьеру под влиянием пуантилизма К. Писсарро и в особенности А. Сислея, но уже к моменту первой выставки в Salon d'Automne (1903) отходит от импрессионистической манеры. К точечному письму он возвращается в конце жизни: одной из последних серий картин Пикабиа являлись минималистические изображения разбросанных по холсту точек (см.: *Mundy J.* Duchamp, Man Ray, Picabia. Tate Publishing, 2008).

оснований ставить погасшие светила Лебона рядом со схожими образами «Детей Выдры» или «Победы над солнцем». Однако тот факт, что столь поэтический на первый взгляд образ, как черный свет, мог возникнуть не только в оккультном, но и в научном дискурсе именно того времени, заслуживает всяческого внимания, как и то, что поэту Крученых было что противопоставить рациональному пессимизму физика Лебона: если книга французского ученого начинается со слов «Ничто не создается. Всё теряется», то последние слова силачей из «Победы над солнцем», как известно, таковы: «всё хорошо, что / хорошо начинается / и не имеет конца / мир погибнет а нам нет / конца!»

III

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Б. Стрельникова, В. В. Филичева

БИБЛИОГРАФИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ, ВЫПОЛНЕННЫХ Ф. СОЛОГУБОМ. НЕИЗДАННЫЕ И НЕСОБРАННЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

Переводческое наследие Федора Сологуба обширно и многогранно. Интерес к художественному переводу пробудился у него еще в школьные годы одновременно с увлечением стихосложением и затем не оставлял его на протяжении всей творческой жизни. Первые опыты поэтических переложений иноязычных текстов датированы 1879 годом, последний законченный перевод, над которым он трудился в 1923—1924 годах, — поэма Ф. Мистраля «Мирей» (с провансальского) — остался неизданным.

Сологуб работал с разными литературными жанрами, переводил стихотворения, поэтическую прозу, рассказы, новеллы, романы, драмы. Главным полем его творческих усилий всегда оставалась поэзия, приоритетными — французские и немецкие авторы, хотя он пробовал свои силы в переводах с новогреческого, болгарского, армянского, украинского, английского.

Первый опыт изучения и репрезентации поэтических переводов Сологуба был представлен в издании стихотворений, подготовленном М. И. Дикман в серии «Библиотека поэта» (1975), в специальном разделе, куда вошли избранные переводные тексты, в том числе и ранее не печатавшиеся. Вслед затем вышел сборник «Созвучия: Стихи зарубежных поэтов в переводе Иннокентия Анненского и Федора Сологуба» (М.: Прогресс, 1979), подготовленный А. В. Федоровым, в котором были приведены ранние и поздние редакции переводов из П. Верлена.

Новый этап в изучении темы обозначился с началом 1990-х годов в период активного освоения литературного наследия русских символистов. В работах В. Е. Багно, посвященных переводам Сологуба из П. Верлена, А. Рембо и С. Малларме, рассматривалась методика освоения оригинала, была определена значимость сологубовских переводов в литературном контексте начала XX века, опубликованы неизданные переводы французских символистов из архива писателя[1].

В последние годы появились работы, посвященные истории отдельных переводов: статья П. Р. Заборова о сологубовском «Кандиде»

---

[1] Артюр Рембо. Новонайденные переводы Федора Сологуба / Публ. В. Багно // Иностранная литература. 1990. № 9. С. 175—183; *Багно В. Е.* Федор Сологуб — переводчик французских символистов // На рубеже XIX—XX веков. Л., 1991.

Вольтера[2], исследования А. Б. Стрельниковой[3] и И. В. Булатовского[4] переводов П. Верлена. Специфика юношеских переводов/переложений Сологуба рассматривалась в работе М. М. Павловой[5]. Проблема разграничения оригинальных произведений и переложений иноязычных поэтических текстов получила освещение в статьях Т. В. Мисникевич[6].

Несмотря на внимание исследователей к переводческому наследию Сологуба, до настоящего времени не было проведено ревизии опубликованных и неизданных текстов, мы не располагаем библиографией выполненных им переводов. Большая их часть была издана при жизни, однако в архиве писателя, хранящемся в Пушкинском Доме, имеются рукописи неопубликованных и незавершенных переводов. Определение корпуса иноязычных произведений, к которым Сологуб обращался на разных этапах творческой жизни, представляется ценным для изучения его оригинального творчества в контексте интертекстуальности, литературных влияний и заимствований.

Библиографический указатель опубликованных и неизданных переводов, выполненных Ф. Сологубом, публикуется впервые. Сведения о поэтических переводах являются дополнением к опубликованной ранее библиографии оригинальных поэтических текстов автора[7].

Основой для составления библиографии послужили авторизованные источники: авторская библиографическая картотека переводов (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 544), авторская библиография («Библиография сочинений Федора Сологуба. Часть первая. Хронологические перечни напечатанного с 28 января 1884 года по 1 июля 1909 года». СПб., 1909).

---

[2] *Заборов П. Р.* «Кандид» в переводе Ф. Сологуба // Заборов П. Р. Россия и Франция. Литературные и культурные связи. Статьи и заметки. СПб.: ИД «Петрополис», 2011. С. 85—90.

[3] *Стрельникова А. Б.* Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. Томск: Изд-во ТПУ, 2010.

[4] См. комментарий И. В. Булатовского к текстам Сологуба в фундаментальном научном издании переводов русских поэтов: *Верлен П.* Стихотворения: В 2 т. / Изд. подгот. Г. К. Косиков, В. Е. Багно, И. В. Булатовский. СПб.: Наука, 2014 (Литературные памятники).

[5] *Павлова М.М.* Новые материалы из поэтического архива Федора Сологуба: Первая рабочая тетрадь. Неизвестные стихотворения 1877—1890-х гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009—2010 годы. СПб., 2011. С. 438—539;

[6] *Мисникевич Т. В.* «На мотив Верлена»: Перевод vs. оригинал //Текстологический временник: Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М., 2012. С. 241—261. Используя сведения картотеки переводов Верлена. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 543; *Мисникевич Т. В.* Дата как ключ к истории текста (По материалам к описанию рабочих тетрадей Федора Сологуба) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 693—704.

[7] Библиография Федора Сологуба: Стихотворения / Сост. Т.В. Мисникевич / Под ред. М.М. Павловой. Томск; М.: Водолей Publishers, 2004.

Указатель выстроен в алфавите авторов, переведенных Сологубом. В разделах по персоналиям в хронологической последовательности приведены опубликованные переводы (вышедшие отдельными изданиями, в виде томов собраний сочинений зарубежных авторов, в составе сборников или в периодической печати) и неопубликованные работы, отмеченные значком астериска перед заглавием. При первом упоминании перевода рядом в скобках приводится заглавие текста на языке оригинала.

Библиография сопровождается примечаниями, в которых дается краткая информация о работе над переводом и история публикации, если таковая имеется.

В Приложении помещена подборка из неизданных и несобранных поэтических переводов, напечатанных в периодике, но не включенных в авторские книги стихов. Публикация организована по принципу персоналий, в алфавите авторов, внутри персоналии — в хронологической последовательности переводов: от ранних к позднейшим. Опубликованные тексты воспроизводятся по первым и единственным публикациям, неизданные — по автографам из архива писателя.

В подборку вошли только законченные переводы. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной грамматической нормой, с сохранением некоторых особенностей авторской пунктуации.

Список принятых сокращений

АСЛ — Армянская средневековая лирика. Л., 1972 (Библиотека поэта, Большая серия, 2-е изд.).

БВ — Биржевые ведомости.

БП — Сологуб Ф. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. М. И. Дикман. Л.: Советский писатель, 1979 (Библиотека поэта. Большая серия); переизд.: СПб.: Академический проект, 2000 (Новая библиотека поэта).

вар. — вариант.

ВТГУ — Из неизданных переводов Ф. Сологуба: «Маленькие поэмы в прозе» Ш. Бодлера / Публ. А.Б. Стрельниковой // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 1 (21). С. 98—104.

Еврейская антология 1 — Еврейская антология: Сборник молодой еврейской поэзии / Под ред. В. Ф. Ходасевича, Л. Б. Яффе; Предисл. М. О. Гершензона. М.: Сафрут, 1918. Кн. 1.

Еврейская антология 2 — Еврейская антология: Сборник молодой еврейской поэзии. 2-е изд. М.: Сафрут, [1922].

Еврейская антология 3 — Еврейская антология: Сборник молодой еврейской поэзии. 3-е изд. Берлин: С. Д. Зальцман, 1922.

загл. — заглавие.

Кобзарь — Кобзарь: Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба. Л.: ОГИЗГИХЛ, 1934.

МГ — Молодая Германия. Антология современной немецкой поэзии / Под ред. Г. Петникова. Гос. изд-во Украины, 1926.

ММ — Мировая муза / Сост. С. Городецкий. Пб.: Т-во «Екатерингоф. печ. дело», 1913. Вып. I.

На рубеже XIX и XX — Федор Сологуб — переводчик французских символистов / Публ. В. Е. Багно // На рубеже XIX и XX веков: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1991. С.129—219.

НЖ — Новая жизнь.

НЖИЛ — Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки.

ПВ 1908 — Верлен П. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб: Факелы, Кн-во Д. К. Тихомирова, 1908.

ПВ 1923 — Верлен П. Стихи, выбранные и переведенные Федором Сологубом. 2-е изд., испр. и доп. М.; Пг.: Тип. 1-ой Петрогр. труд. артели печатников, 1923. 110 с.

ПВ 1992 — Верлен П. Стихи, избранные и переведенные Ф. Сологубом. Томск: Водолей, 1992.

ПВИС 1911 — Верлен П. Избранные стихотворения в переводах русских поэтов / Биогр. и характеристика творчества В. Изразцова. Учеб. пособие по иностр. лит. СПб.: Акц. общ. типогр. дела в СПб., 1911.

ПВИС 1912 — Верлен П. Избранные стихотворения в переводах Ин. Анненского, Валерия Брюсова, В. А. Мазуркевича, Н. Минского, Н. Новича, П. Н. Петровского, Д. Ратгауза, С. Рафаловича, Федора Сологуба, И. И. Тхоржевского, Зинаиды Ц., О. Н. Чюминой (Михайловой) и Эллиса / Сост. П. Н. Петровский. С биогр. очерком В. Брюсова. М.: Польза, 1912; переизд.: М.: Акц. о-во «Универсальная библиотека», 1915.

ПВС 1 — Верлен П. Стихотворения: В 2 т. / Подгот. Г. К. Косиков, В. Е. Багно, И. Булатовский и др. СПб.: Наука, 2014. Т. 1 (Литературные памятники).

ПВС 2 — То же. Т. 2.

ПЖ — Петербургская жизнь.

Поэзия Армении — Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в переводе русских поэтов / Под ред., с вступ. очерком и примеч. В. Я. Брюсова. М.: Моск. арм. ком., 1916.

РМ —Русская мысль.

СВ — Северный вестник.

Стрелец 1 — Стрелец. Сб. 1 / Под ред. А. Беленсона. Пг., 1915.

ФСПРП — Французские стихи в переводах русских поэтов XIX—XX вв. 2-е изд. М.: Прогресс, 1973.

ФСС — Сологуб Ф. Стихотворения / Вступ. статья и ред. О. Цехновицера. Л.: Сов. писатель, 1939 (Библиотека поэта. Малая серия).

Ш 1949 — Шевченко Т. Г. Собр. соч.: В 5 т. / Под ред. М. Рыльского и Н. Ушакова. М.: Гослитиздат, 1949.

Ш 1955 — Шевченко Т. Г. Собр. соч.: В 5 т. / Под ред. А. Дейча и др. М.: Гослитиздат, 1955.

ШБП — Шевченко Т. Г. Л.: Советский писатель, 1954 (Библиотека поэта. Большая серия).

ШБП 1939 — Шевченко Т. Г. Стихотворения / В пер. рус. поэтов под ред. Н. Брауна и А. Прокофьева, предисл. М. Зощенко, вступ. статья, ред. текста и прим. И. Айзенштока. Л.: Советский писатель, 1939 (Библиотека поэта. Малая серия).

Бальзак, Оноре де[1]

Озорные сказки (Les Contes drolatiques). Пб.: Полярная звезда, 1922. [Предисл. Ф. Сологуба]

Банг, Герман[2]

Её высочество (Ihre Hoheit) — Северные Сборники. Кн. 1. СПб.: Шиповник, 1907. С. 221—327.

Четыре беса (Die vier Teufel) — Северные Сборники. Кн. 1. СПб.: Шиповник, 1907. С. 146—221.

Четыре дьявола (Die vier Teufel) / Пер. Ф. Сологуб; автор предисловия А. Я. Левинсон. Пб.: Всемир. лит., 1919.

Четыре дьявола / Пер. Ф. Сологуба; Предисл. А. Левинсона. М.: Типолит. «Печатник» изд. ГИЖ, 1925.

Шарло Дюпон (Charlot Du Pont) — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 575.

Б**арятинский, Александр Петрович**[3]

Письмо Ивашеву («Бездельник милый мой, пустынник Пермской сени...») (**Épitre à Ivacheff**), *16 октября 1925* — См. с. 000 наст. изд.

П. Пестелю («Товарищ первый наш! Я думаю с тоской...») (**À P. Pestel**), *15 октября 1925* — См. с. 000 наст. изд.

Бенн, Готфрид[4]

Кариатида («От камня оторвись! Разбей...») (**Karyatide**), *19 декабря 1923* — См. с. 000 наст. изд.

Беранже, Пьер Жан[5]

Песнь труда («Слава святому труду!..») (**Les Gueux)** — См. с. 000 наст. изд.

Узник («“Царица волн, ты будишь чудным пеньем...”») (**Le Prisonnier**) — См. с. 000 наст. изд.

Бертэ[6]

Retif de la Bretone («Не вел и не учил никто; душой свободен...»), *15 августа 1923* — См. с. 000 наст. изд.

Бодлер, Шарль[7]

Каждому своя химера (Из «Маленьких поэм в прозе» Ш. Бодлера) (**Chacun sa chimère**) — *НЖИЛ*. 1905. № 9. С. 289.

Отчаяние старухи (**Le Désespoir de la Vieille**) — *ВТГУ*. С. 100.

Собака и духи (**Le Chien et le Flacon**) — *ВТГУ*. С. 104.

Толпа (Из «Маленьких поэм» Ш. Бодлера) (**Les Foules**), *20 февраля 1898 — НЖ*. 1914. Декабрь. № 12. С. 7.

Чужеземец (**L'Étranger**) — *ВТГУ*. С. 100.

Шут и Венера (**Le Fou et la Vénus**) — *ВТГУ*. С. 103—104.

Le confiteor de l'artiste (Le confiteor de l'artiste), *15 февраля 1898 — ВТГУ*. С. 101.

«Свободный человек, всегда любить ты будешь море...» — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 2—3.

Бялик, Хаим Нахман[8]

Al Ha'schchitah («О милости, небо, проси для евреев...»), *3 апреля 1916* — Еврейская жизнь. 1916. № 14. С. 24.

«Я знал, в глухую ночь я вдруг погасну, как звезда...», *26 сентября 1917 — Еврейская антология 1*. С. 100 — Иностранная литература. 1990. № 4. С. 146.

«Так будет, найдете вы летопись сердца...», *26 сентября 1917 — Еврейская антология 2*. С. 54—55 — *Еврейская антология 3*. С. 70—71 — Бялик Х. Н. Песни и поэмы / Пер. В. Жаботинского; с прил. переводов В. Иванова и др. СПб.: ЭЗРО, 1995. С. 185—186.

«И вот вслед за мною придет человек...», *26 сентября 1917* — См. с. 000 наст. изд.

Ван Годдис, Якоб[9]

Утренняя заря («Из яркой, желтой ночи кинуть дом...») (**Aurora**), *14 декабря 1923 — МГ*. С. 141.

Ванси, Рене[10]

Сонет («Дитя, ты так тонка, — ты кажешься мечтой...»), *28 июля 1891 — НЖИЛ*. 1900. № 7. С. 74.

Верлен, Поль[11]

Бедный молодой пастух («Поцелуя боюсь...») (**Poor young shepherd**), *25 июля 1893 — ПВ 1923*. С. 62 — *ПВ 1992*. С. 76—77 — *ПВС 2*. С. 253—254.

«Белая луна...» («La lune blanche...»), *13 июня 1893 — ПВ 1908*. С. 35—36 — Библиотека театра и искусства (прил. к журн. «Театр и искусство»). 1911. Кн. 6. С. 57 — *ММ*. С. 46—47 — *ПВ 1923*. С. 39 (*вар.* «Ночной луною...», *16 марта 1922*) — *БП*. С. 512 (*вар.* «Ночной луною...») — *ПВ 1992*. С. 25 — *ПВС 2*. С. 147 (*вар.* «Ночной луною...»).

Брюссель. Простые фрески. II («Вижу даль аллей...») (**Bruxelles. Simples fresques. II**), *24 февраля 1922 — ПВ 1923*. С. 56 — *ПВ 1992*. С. 73 (*загл.*: «Вижу даль аллей...») — *ПВС 2*. С. 226 (*загл.*: «Вижу даль аллей...»).

«Был воздух так нежен...» (**Beams**), *4 августа 1893 — СВ*. 1894. № 6. С. 218 — *ПВ 1908*. С. 69 (*загл.*: **Beams**) — *ПВ 1923*. С. 38 (*загл.*: **Сияния**) — *ПВ 1992*. С. 54 (*загл.*: **Beams**). — *ПВС 2*. С. 254 (*загл.*: **Сияния**).

«В зелено-алой дали...» (**Bruxelles. Simples fresques. I**), *25 марта 1893 — ПЖ*. 1898. № 273 (25 января). С. 2280 — *НЖИЛ*. 1904. № 11. С. 134 (*вар.* «В дали зелено-красной...», *11 мая 1893*) — *ПВ 1908*. С. 64, 63 (*вар.* «В дали зелено-красной...») — *ПВИС 1912*. С. 53 — *ПВ 1923*. С. 55 (*вар.* **Брюссель. Простые фрески. I** («И холмы, и долов дали...», *4 февраля 1922*)) — *ФСС*. С. 375—376 (*загл.*: **Простые фрески**) — *ПВ 1992*. С. 49, 48 (*вар.* «В дали зелено-красной...»), 116 (*вар.* «И холмы, и долов дали...») — *ПВС 2*. С. 225 (*вар.* «И холмы, и долов дали...»).

В лесах («Одни, наивные иль с вялым организмом...») (**Dans les bois**), *23 июля, 4 августа 1894 — ПЖ*. 1897. № 244 (6 июля). С. 2046 (*загл.*: В **лесу**) — *ПВ 1908*. С. 25—26 — *ПВИС 1911*. С. 34 — *ПВИС 1912*. С. 31—32 — *ПВ 1923*. С. 22—23 — *БП*. С. 508 — *ПВ 1992*. С. 19—20 — *ПВС 2*. С. 95—96.

В пещере («О, как вы мучите сердца!..») (**Dans la grotte**), *22 февраля 1922 — ПВ 1923*. С. 29 — *ПВ 1992*. С. 69.

«В полях кругом...» («Dans l'interminable...»), *26 марта 1893 — ПЖ*. 1898. № 291 (31 мая). С. 2426 — *ПВ 1908*. С. 59—60 — *ПВ 1923*. С. 53 — *ФСС*. С. 370 — *БП*. С. 516 — *ПВ 1992*. С. 43—44 — *ПВС 2*. С. 207.

«Возлагать не будем друг на друга путы...» («Il faut, voyez-vous, nous pardonner les choses...»), *7 августа 1893 — ПВ 1908*. С. 57, 58 (*вар.* «Научися, мой друг, забывать и прощать...», *13 мая 1893*) — *ПВИС 1912*. С. 49 — *ПВ 1923*. С. 52 (*вар.* «Знайте, надо миру даровать прощенье...», *24 февраля 1922*) — *ПВ 1992*. С. 41, 42 (*вар.* «Научися, мой друг, забывать и прощать...»), 114 (*вар.* «Знайте, надо миру даровать прощенье...») — *ПВС 2*. С. 197 (*вар.* «Знайте, надо миру даровать прощенье...»), 198 (*вар.* «Научися, мой друг, забывать и прощать...»).

«Вот осень наступила...» («La saison qui s'avance...»), *12 июля 1893 — ПВ 1908*. С. 77—78 — *ПВИС 1912*. С. 79—80 — *ПВ 1923*. С. 85 — *ПВ 1992*. С. 58 — *ПВС 2*. С. 433—434.

«Вчера, среди ничтожных разговоров...» («Hier, on parlait de choses et d'autres...»), *9 июня 1894 — ПВ 1908*. С. 38 (*загл.*: **Вчера**) — *ПВ 1923*. С. 41 — *ПВ 1992*. С. 27 — *ПВС 2*. С. 160—161.

«Душе какие муки, муки...» («O triste, triste était mon âme...») — *На рубеже XIX и XX*. С. 173—174 — *ПВ 1992*. С. 79 — *ПВС 2*. С. 203—204.

Женщине («Тебе мои стихи о ласке утешительной...») (**À une femme**), *12 июня 1898 — НЖИЛ*. 1904. № 10. С. 18 — *ПВ 1908*. С. 16 — *ПВ 1923*. С. 12 — *БП*. С. 505—506 — *ПВ 1992*. С. 11 — *ПВС 2*. С. 23.

«И красота, и слабость женщин, их печали...» («Beauté des femmes, leur faiblesse, et ces mains pâles...»), *1 марта 1922 — ПВ 1923*. С. 69 — *ПВ 1992*. С. 86 — *ПВС 2*. С. 273.

«Как нежно Вы меня ласкали...» («Les chères mains qui furent miennes...»), *28 февраля 1922 — ПВ 1923*. С. 72 — *ПВ 1992*. С. 89 — *ПВС 2*. С. 288.

Калейдоскоп («В том городе в мучительной земле...») (**Kaléidoscope**), *26—27 марта 1893 — ПВ 1923*. С. 79—80 — *ФСС*. С. 372—373 — *ПВ 1992*. С. 81—82 — *ПВС 2*. С. 366—367.

«Лети ты, песенка, скорей...» («Va, chanson, à tire-d'aile...»), *9 июня 1894 — НЖИЛ*. 1905. № 4. С. 27 — *ПВ 1908*. С. 37 — *ПВИС 1911*. С. 45 — *ПВ 1923*. С. 40 (*вар.* «Песня, улетай скорее...», *16 марта 1922*) — *БП*. С. 513 (*вар.* «Песня, улетай скорее...») — *ПВ 1992*. С. 26, 103 (*вар.* «Песня, улетай скорее...») — *ПВС 2*. С. 158—159 (*вар.* «Песня, улетай скорее...»).

Лунный свет («С изысканно убранным садом...») (**Claire de lune**), *8 июня 1894* — Образование. 1907. № 5. С. 128 — *ПВ 1908*. С. 47 (*вар.* «Твоя душа — как тот заветный сад...», *<до 27 марта 1922>*) — *ПВИС 1911*. С. 35 — *ПВИС 1912*. С. 35 — *ПВ 1923*. С. 27 — *ФСПРП*. С. 465 — *БП*. С. 509 — *ПВ 1992*. С. 33 — *ПВС 2*. С. 97.

«Меня в пути Беда, злой рыцарь в маске, встретил...» («Bon chevalier masqué qui chevauche en silence...»), *28 февраля 1922 — ПВ 1923*. С. 67—68 — *ПВ 1992*. С. 84—85 — *ПВС 2*. С. 259—260.

«Мне кротко грезится под шепотом ветвей...» («Je devine, à travers un murmure»), *6—7 августа 1893 — ПЖ*. 1897. № 264 (23 ноября). С. 2207 — *ПВ 1908*. С. 56 — *ПВИС 1912*. С. 47—48 — *ПВ 1923*. С. 50 (*вар.* «Я угадываю сквозь шептанья...», *10 марта 1922*) — *БП*. С. 515 (*вар.* «Я угадываю сквозь шептанья...») — *ПВ 1992*. С. 40, 113 (*вар.* «Я угадываю сквозь шептанья...») — *ПВС 2*. С. 181, 182 (*вар.* «Я угадываю сквозь шептанья...»).

La chanson des ingénues («Мы — невинные творенья...»), *12 июня 1894 — ПЖ*. 1898. № 273 (25 января). С. 2280 — *ПВ 1908*. С. 21—22 — *ПВИС 1911*. С. 31—32 — *ПВИС 1912*. С. 30—31 (*загл.*: **Песня простушек**) — *ПВ 1923*. С. 18—19 (*загл.*: **Песня наивных**) — *ПВ 1992*. С. 15—16, 94—95 (*вар.* «Мы наивны, синеглазки...», *25 февраля 1922*) — *ПВС 2*. С. 86—87 (*загл.*: **Песня наивных**).

«На солнце утреннем пшеница золотая...» («Le soleil du matin doucement chauffe et dore...»), *13 марта 1893 — ПВ 1923*. С. 35 — *ПВ 1992*. С. 72 — *ПВС 2*. С. 137.

На траве («Аббат хмелен. Маркиз, ого!..») (**Sur l'herbe**), *22 февраля 1922 — ПВ 1923*. С. 28 — *ПВ 1992*. С. 68 — *ПВС 2*. С. 104—105.

«Непорочна ты иль нет...» («Que ton âme soit blanche ou noir...»), *19 июня 1894 — ПВ 1908*. С. 79—80 — *ПВИС 1911*. С. 81 — *ММ*. С. 48—

49 — *ПВ 1923*. С. 87 (*вар.* «Не надо ни добра, ни злости...», *4 марта 1922*) — *БП*. С. 521 (*вар.* «Не надо ни добра, ни злости...») — *ПВ 1992*. С. 59—60, 112 (*вар.* «Не надо ни добра, ни злости...») — *ПВС 1*. С. 366—367 — *ПВС 2*. С. 436—437 (*вар.* «Не надо ни добра, ни злости...»).

«Ну-т-ка, спляшем джигу...» («Dansons la gigue!»), *25 июля 1893* — *ПВ 1908*. С. 67—68 — *ПВИС 1911*. С. 56 — *ПВИС 1912*. С. 54—55 (*загл.*: **Улицы. I**) — *ПВ 1923*. С. 59 (*вар.* «Станцуем джигу!..», *26 февраля 1922*) — *БП*. С. 518 (*вар.* «Станцуем джигу!..») — *ПВ 1992*. С. 52—53, 119—120 (*вар.* «Станцуем джигу!..») — *ПВС 2*. С. 243—244 (*вар.* «Станцуем джигу!..»).

«Океан трепещет...» (**Marine**), *3 апреля 1893* — *НЖИЛ*. 1905. № 2. С. 193 — *ПВ 1908*. С. 27 (*загл.*: **Marine**) — *ПВИС 1912*. С. 24 (*загл.*: **Марина**) — *ПВ 1923*. С. 14 (*загл.*: **Моряна**) — *ПВ 1992*. С. 21 — *ПВС 2*. С. 32 (*загл.*: **Моряна**).

«Она прелестна в свете нежном...» («Toute grâce et toutes nuances...»), *17 июля 1894* — *ПВ 1908*. С. 31—32 — *ПВИС 1911*. С. 44 — *ПВ 1923*. С. 36—37 (*вар.* «Все прелести и все извивы...», *2 марта 1922*) — *ФСС*. С. 366—367 (*вар.* «Все прелести и все извивы...») — *БП*. С. 510—511 (*вар.* «Все прелести и все извивы...») — *ПВ 1992*. С. 22—23, 99—100 (*вар.* «Все прелести и все извивы...») — *ПВС 1*. С. 84—85 (*вар.* «Все прелести и все извивы...») — *ПВС 2*. С. 139—140.

Осенняя песня («О, струнный звон...») (**Chanson d'autumne**), *20 февраля 1922* — *ПВ 1923*. С. 17 — *ФСС*. С. 364 — *БП*. С. 506—507 — *ПВ 1992*. С. 67 — *ПВС 2*. С. 63—64.

Отверженные («Не опасаясь ни лишений...») (**Grotesques**), *27 июля, 31 июля 1893* — *ПЖ*. 1897. № 264 (23 ноября). С. 2207. — *ПВ 1908*. С. 18—20 (*загл.*: **Grotesques**) — *ПВИС 1911*. С. 26—27 (*загл.*: **Grotesques**) — *ПВИС 1912*. С. 25—26 (*загл.*: **Гротески**) — *ПВ 1923*. С. 15—16 (*загл.*: **Посмешища**) — *ПВ 1992*. С. 13—14 (*загл.*: **Grotesques**) — *ПВС 2*. С. 44—45 (*загл.*: **Посмешища**).

Письмо («Далек от ваших глаз, сударыня живу...») (**Lettre**), *19, 22 июля, 9 августа 1894* — *ПВ 1923*. С. 31 — *БП*. С. 509—510 — *ПВ 1992*. С. 70—71 — *ПВС 2*. С. 122—124.

«Пока блестит твой бледный диск...» («Avant que tu ne t'en ailles...»), *19 июля 1893* — *ПЖ*. 1897. № 236 (11 мая). С. 1982 — *ПВ 1908*. С. 33—34 — *ПВ 1923*. С. 38 (*вар.* «Пока еще ты не ушла...», *6 марта 1922*) — *БП*. С. 511—512 (*вар.* «Пока еще ты не ушла...») — *ПВ 1992*. С. 24 — *ПВС 2*. С. 143 (*вар.* «Пока еще ты не ушла...»).

«Покорно приношу с цветами и плодами...» (**Green**), *25 июля 1893* — *ПЖ*. 1898. № 273 (25 января). С. 2280 — *ПВ 1908*. С. 65 (*загл.*: **Green**) — *ПВИС 1911*. С. 56 (*загл.*: **Green**) — *ПВ 1923*. С. 57 (*вар.* **Мурава** («Вои ветки с листьями, с цветами и с плодами...»), *24 февраля 1922*) — *БП*. С. 517 (*вар.* **Мурава**) — *ПВ 1992*. С. 50, 117 (*вар.* **Мурава**) — *ПВС 2*. С. 233, 234 (*вар.* **Мурава**).

«Послушай нежной песни лепет...» («Écoutez la chanson bien douce...»), *5 марта 1922 — ПВ 1923*. С. 70—71 — *ПВ 1992*. С. 87—88 — *ПВС 2*. С. 281—282.

«Почти боюсь, — так сплетена...» («J'ai presque peur, en vérité...»), *13 июня 1894 — ПВ 1908*. С. 41—42 — *ПВИС 1911*. С. 46 — *ПВ 1923*. С. 43 — *ПВ 1992*. С. 30—31 — *ПВС 2*. С. 164—165.

«Прошла зима, и теплое сиянье...» («L'hiver a cessé: la lumière est tiède...»), *3 июля 1894 — ПВ 1908*. С. 43—44 — *ПВИС 1911*. С. 47 — *ПВИС 1912*. С. 44 — *ПВ 1923*. С. 45 (*вар.* «Зима прошла: лучи в прохладной пляске...», *8 марта 1922*) — *ПВ 1992*. С. 32, 107 (*вар.* «Зима прошла: лучи в прохладной пляске...») — *ПВС 2*. С. 172—173 (*вар.* «Зима прошла: лучи в прохладной пляске...»), 173—174.

Пьерро («Уж не такой, как встарь, мечтавший под луной...») (**Pierrot**), *5 марта 1922 — ПВ 1923*. С. 81 — *БП*. С. 520 — *ПВ 1992*. С. 83 — *ПВС 2*. С. 363—364.

Раковины («У каждой раковины здесь...») (**Les coquillage**), *4 августа 1893 — На рубеже XIX и XX*. С. 173 — *ПВ 1992*. С. 78 — *ПВС 1*. С. 67.

Ребенок-женщина («Не понимали вы, как я был прост и прав...») (**Child wife**), *12 марта 1922 — ПВ 1923*. С. 61 — *БП*. С. 519 — *ПВ 1992*. С. 75 — *ПВС 2*. С. 251.

«Розы были слишком красны...» (**Spleen**), *16 июня 1894 — ПЖ*. 1897. № 264 (23 ноября). С. 2207 — *ПВ 1908*. С. 66 (*загл.*: **Сплин**) — *ПВИС 1912*. С. 54 (*загл.*: **Сплин**) — *ПВ 1923*. С. 58 (*вар.* **Сплин** («Алеют слишком эти розы...»), 26 февраля 1922) — *ФСС*. С. 371 (*вар.* **Сплин**) — *ФСПРП*. С. 475 (*вар.* **Сплин**) — *БП*. С. 517 (*вар.* **Сплин**) — *ПВ 1992*. С. 51, 118 (*вар.* **Сплин**) — *ПВС 2*. С. 239—240 (вар. **Сплин**).

Сбор винограда («Что там у нас в мозгу поет...») (**Vendanges**), *9 июля 1894 — ПЖ*. 1897. № 264 (23 ноября). С. 2207 — *ПВ 1908*. С. 83 — *ПВИС 1911*. С. 69 — *ПВИС 1912*. С. 69 — *ПВ 1923*. С. 82 (*вар.* «О, что в душе моей поет...») — *БП*. С. 521 (*вар.* «О, что в душе моей поет...») — *ПВ 1992*. С. 61 (*вар.* «О, что в душе моей поет...») — *ПВС 2*. С. 381—382 (вар. «О, что в душе моей поет...»).

Серенада («То не голос трупа из могилы темной...») (**Sérénade**), *9 апреля 1893 — ПЖ*. 1897. № 236 (11 мая). С. 1982 — *ПВ 1908*. С. 23 — *ПВИС 1911*. С. 33 — *ПВИС 1912*. С. 32 — *ПВ 1923*. С. 20—21 — *БП*. С. 507—508 — *ПВ 1992*. С. 17—18 — *ПВС 2*. С. 90—91.

«Синева небес над кровлей...» («Le ciel est par-dessus le toit...»), *1—2 февраля 1893 — СВ*. 1893. № 9. С. 202 — Жизнь. 1897. № 3. С. 464—465 — *ПВ 1908*. С. 89, 88 (*вар.* «Небо там над кровлей...», *24 сентября 1892*) — *ММ*. С. 47—48 — *ПВ 1923*. С. 75 (*вар.* «Над кровлей небо лишь одно...», *28 февраля 1922*) — *ФСС*. С. 377 (*вар.* «Над кровлей небо лишь одно...») — *БП*. С. 520 (*вар.* «Над кровлей небо

лишь одно...») — *ПВ 1992*. С. 63 (*вар.* «Небо там над кровлей...»), 64, 121 (*вар.* «Над кровлей небо лишь одно...») — *ПВС 2*. С. 332—333 (*вар.* «Над кровлей небо лишь одно...»), 333—334.

«Слезы в сердце моем...» («Il pleure dans mon cœur...»), *12 июня 1896 — ПЖ*. 1896. № 205 (6 октября). С. 1739 — *НЖИЛ*. 1904. № 11. С. 109 (*вар.* «В слезах моя душа...», *11 марта 1922*) — *ПВ 1908*. С. 53, 54 (*вар.* «В слезах моя душа...»), 55 (*вар.* «На сердце слезы упали...», *16 января 1893*) — *ПВ 1923*. С. 51 (*вар.* «В слезах моя душа...») — *ФСС*. С. 369 (*вар.* «В слезах моя душа...») — *БП*. С. 515 (*вар.* «В слезах моя душа...») — *ПВ 1992*. С. 37, 38 (*вар.* «В слезах моя душа...»), 39 (*вар.* «На сердце слезы упали...») — *ПВС 2*. С. 185 (*вар.* «В слезах моя душа...»), 186.

«Сын громадных поселений...» («Né l'enfant des grandes villes...»), *1 марта 1922 — ПВ 1923*. С. 73 — *ПВ 1992*. С. 90 — *ПВС 2*. С. 297—298.

«Тени ив погасли за туманною рекою...» («L'ombre des arbres dans la rivière embrumée...»), *18 июня 1896 — ПЖ*. 1896. № 205 (6 октября). С. 1739 — *ПВ 1908*. С. 62, 61 (*вар.* «Встает туман с реки, и тень деревьев тонет...», *2 июля 1894*), 62 (*вар.* «С реки туман встает, как дым...», *5 марта 1893*) — *ПВИС 1911*. С. 52 (*вар.* «Встает туман с реки, и тень деревьев тонет...») — *ПВ 1923*. С. 54 (*вар.* «Деревьев тень в реке упала в мрак туманный...», *24 февраля 1922*) — *БП*. С. 517 (*вар.* «Деревьев тень в реке упала в мрак туманный...») — *ПВ 1992*. С. 45 (*вар.* «Встает туман с реки, и тень деревьев тонет...»), 46, 47 (*вар.* «С реки туман встает, как дым...»), 115 (*вар.* «Деревьев тень в реке упала в мрак туманный...») — *ПВС 2*. С. 215, 215 (*вар.* «Деревьев тень в реке упала в мрак туманный ...»).

«Тесный, светлый круг под лампой; очага мерцанье...» («Le foyer, la lueur étroite de la lampe...»), *11 июля 1893 — ПЖ*. 1897. № 244 (6 июля). С. 2046 — *ПВ 1908*. С. 39 — *ПВИС 1911*. С. 43 — *ПВИС 1912*. С. 42—43 — *ПВ 1923*. С. 42 (*вар.* «Очаг, и тесное под лампою мерцанье...», *7 марта 1922*) — *ФСС*. С. 368 — *БП*. С. 513 (*вар.* «Очаг, и тесное под лампою мерцанье...») — *ПВ 1992*. С. 28, 104 (*вар.* «Очаг, и тесное под лампою мерцанье...») — *ПВС 2*. С. 161, 161—162 (*вар.* «Очаг, и тесное под лампою мерцанье...»).

«То будет жарким летом в полдень ясный...» («Donc, ce sera par un clair jour d'été...»), *18 июня 1894 — ПЖ*. 1897. № 244 (6 июля). С. 2046 — *ПВ 1908*. С. 40 — *ПВИС 1912*. С. 43 — *ПВ 1923*. С. 44 (*вар.* «Так, солнце, общник радости моей...», *16 марта 1922*) — *БП*. С. 514 (*вар.* «Так, солнце, общник радости моей...») — *ПВ 1992*. С. 29, 105 (*вар.* «Так, солнце, общник радости моей...») — *ПВС 1*. С. 99—100.

Тоска («Меня не веселит ничто в тебе, природа...») (**L'Angoisse**), *26 июля 1893 — ПЖ*. 1897. № 236 (11 мая). С. 1982 (*загл.* **Сонет**) — *ПВ 1908*. С. 17 — *ПВИС 1911*. С. 25 — *ПВИС 1912*. С. 21 — *ММ*.

С. 45—46 — *ПВ 1923*. С. 13 — *ФСС*. С. 363 — *ФСПРП*. С. 463 — *БП*. С. 506 — *ПВ 1992*. С. 12 — *ПВС 1*. С. 16.

Birds in the Night («У вас, мой друг, терпенья нет ни мало...») (**Birds in the Night**), *11 июня 1894 — На рубеже XIX и XX*. С. 174 — *ПВ 1992*. С. 80 — *ПВС 2*. С. 232—233.

Улицы. II («Как фантастично появленье...») (**Streets. II**), *26 февраля 1922 — ПВ 1923*. С. 60 — *ПВ 1992*. С. 74 (без *загл.*) — *ПВС 2*. С. 244.

Фавн («Плешивый фавн из темной глины...») (**Le Faune**), *4 августа 1893 — НЖИЛ*. 1904. № 8. С. 104 — *ПВ 1908*. С. 48 — *ПВИС 1912*. С. 36 — *ПВ 1923*. С. 30 — *ФСС*. С. 365 — *ФСПРП*. С. 467 — *ПВ 1992*. С. 34 — *ПВС 2*. С. 120.

«Это — нега восхищенья...» («C'est l'extase langoureuse...»), *19—20 марта 1893 — ПЖ*. 1896. № 205 (6 октября). С. 1739 — *ПВ 1908*. С. 51 — *ПВИС 1912*. С. 47 — *ПВ 1923*. С. 49 — *БП*. С. 514 — *ПВ 1992*. С. 35—36 — *ПВС 2*. С. 176—177.

«Я в черные дни...» («Un grand sommeil noir...»), *20—21 февраля 1896 — ПЖ*. 1897. № 264 (23 ноября). С. 2207 — *ПВ 1908*. С. 87 — *ПВИС 1911*. С. 63 — *ПВ 1923*. С. 74 — *ФСПРП*. С. 491 — *БП*. С. 519 — *ПВ 1992*. С. 62 — *ПВС*. С. 329.

«Я враг обманам туалета...» («Je ne t'aime pas en toilette...»), *7 июля 1894 — ПВ 1908*. С. 75—76 — *ПВИС 1911*. С. 80 — *ПВИС 1912*. С. 79 — *ПВ 1923*. С. 88 (*вар.* «Я не люблю тебя одетой...», *14 марта 1922*) — *БП*. С. 522 (*вар.* «Я не люблю тебя одетой...») — *ПВ 1992*. С. 57 — *ПВС 1*. С. 368—369 (*вар.* «Я не люблю тебя одетой...»).

«Я не имею...» («Je suis plus pauvre que jamais...»), *19 июня 1894 — ПВ 1908*. С. 73—74 — *ПВИС 1911*. С. 79 — *ПВ 1923*. С. 86 — *ФСС*. С. 374 — *ПВ 1992*. С. 55—56 — *ПВС 2*. С. 435—436.

Nevermore («Зачем ты вновь меня томишь, воспоминанье?..») (**Nevermore**), *9 ноября 1895 — ПЖ*. 1897. № 264 (23 ноября). С. 2207 — *ПВ 1908*. С. 15 — *ПВИС 1911*. С. 22 — *ПВИС 1912*. С. 22—23 — *ПВ 1923*. С. 11 (*загл.*: **Никогда вовеки**) — *БП*. С. 505 (*загл.*: **Никогда вовеки**) — *ПВ 1992*. С. 10 (*загл.*: **Никогда вовеки**) — *ПВС 2*. С. 11—12 (*загл.*: **Никогда вовеки**).

Верфель, Франц[12]

Улыбка, дыхание, стремление («Черпай, неси, удержаться могли бы...») (**Lächeln Atmen Schreiten**), *16—17 ноября 1923 — МГ*. С. 104—105.

Вольтер, Франсуа Мари Аруэ[13]

Кандид, или Оптимизм. Перевод с немецкого сочинения доктора Ральфа, с добавлениями, найденными в кармане доктора, когда он умер в Миндене в 1759 году по Р. Х. (**Candide, ou l'Optimisme**). СПб.: Пантеон, 1909.

Кандид / Под ред., с предисл. и примеч. Ф. Д. Батюшкова. Пб.: Всемир. лит., 1919. (Вып. № 16).

Кандид — Вольтер Ф. М. Философские повести и рассказы, мемуары и диалоги: В 2 т. / Пер. под ред. А. Н. Горлина и П. К. Губера. Вступ. статья П. С. Когана. М.; Л.: Academia, 1931. Т. 1. С. 135—266.

Кандид — Вольтер. Избранные произведения в одном томе / Под общ. ред. И. К. Луппола, комм. К. Н. Берковой. М.: Гос. изд. «Худож. лит.», 1938. С. 106—203.

Кандид — Вольтер. Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1947. С. 41—129.

Кандид, или Оптимизм — Вольтер. Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести. М.: Худож. литература, 1971. С. 409—489 (Библиотека всемирной литературы).

Кандид, или Оптимизм — Вольтер. Философские повести / Сост,. вступ. ст. и комм. А. Михайлова. М.: Правда, 1985.

Кандид, или Оптимизм. СПб.: Вита Нова, 2009.

Гауптман, Герхарт[14]

Лук Одиссея (**Der Bogen des Odysseus**) — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 208.

Гейм, Георг[15]

«Длинны твои ресницы...» («Deine Wimpern, die langen...»), *18—19 декабря 1923 — МГ*. С. 170—171.

Гейне, Генрих[16]

В Мае («Друзья, которых я любил...»), *24 мая 1879* — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 1а. Л. 27 об.

Весенний привет («Воздух радостью дрожит...»), *28 ноября 1879* — Там же. Л. 34 об.

Из Лирической Интермедии («Где мои горькие слезы надежды...»), *24 мая 1879* — Там же. Л. 27 об.

Лорелея («Мне память чудесную быль навевает...», «Я не знаю, что со мною...») — См. с. 000 наст. изд.

«Как молний луч, вдруг осветивший ...», *24 мая 1879* — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 1а. Л. 28.

Ночные мысли («Отчизну ль вспомню ночью я...») (**Nachtgedanken**), *23 мая 1879* — Там же. Л. 27.

Гейнике, Курт[17]

Народ («Мой род...») (**Volk**), *20 декабря 1923 — МГ*. С. 151—152 — *БП*. С. 530.

Труба бури («Голубых часов приманки...») (**Sturmposaume**), *16 декабря 1923 — МГ*. С. 153.

Гёте, Иоганн Вольфганг фон[18]

Находка («В лесу гуляя...»), *13 августа 1878* — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 1а. Л. 11—11 об.

Голл, Иван[19]

Демонстрация («О, как свято они несли в красном фонаре...») (**Demonstration**), *22 декабря 1923 — МГ*. С. 175.

Maternité («В любимых голосах сестер покой так кротко дышит...») (**Maternité**), *22 декабря 1923 — МГ*. С. 184.

Стикс («О ты, всеградный Стикс!..») (**Der Styx**), *14 декабря 1923 — МГ*. С. 185.

Лес («В чертополох был путь к тебе...») (**Wald**), *16—17 декабря 1923 — МГ*. С. 186—187 — *БП*. С. 531—532.

Канарейки («Нет печальнее в воскресный вечер этих канареек...») (**Kanarienvogel**), *22 декабря 1923 — МГ*. С. 188 — *БП*. С. 532.

Гомулицкий, Виктор[20]

«Пока невестин взор беспечный...», *25 декабря 1888* — См. с. 000 наст. изд.

Готье, Теофиль[21]

Двойственный рыцарь (**Le Chevalier double**) — Домашняя библиотека: Новые повести и романы русских и иностранных писателей. 1899. № 10. С. 149—158.

Двойная звезда (**Le Chevalier double**) — Речь. 1906. № 252 (25 декабря). Приложение. Рождественский выпуск. С. 4.

Двойственный рыцарь — Готье Т. Два актера на одну роль. Новеллы. М.: Правда, 1991. С. 191—198.

Фортунио (**Fortunio**) — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 182.

Гурмон, Реми де[22]

Лилит (**Lilith**) — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 209.

Г**юго, Виктор**[23]

«Гробницы Индии и храмы в звездной мгле!...» («Puits de l'Inde! tombeaux! monuments constellés!..»), *25—26 мая 1923* — Восточные мотивы: Стихотворения и поэмы / Сост. Л. Е. Черкасский, В. С. Муравьев. Послесл. В. В. Иванова. М.: Наука, 1985. С. 320—321 — *БП*. С. 502—503.

«Как в озере лесном, объятом сном до дна...» («Comme dans les étangs assoupis sous les bois...»), *26 апреля 1923 — БП*. С. 503.

«О, верьте, верьте! к жизни новой...» («N'importe, ayons foi! Tout s'agite...»), *4—5 июля 1894* — Наша жизнь. 1905. № 4. С. 25 — *БП*. С. 500—501.

«Порой, когда все спит, я с радостной душою...» («Parfois, lorsque tout dort, je m'assieds plein de joie...»), *3 декабря 1897 — НЖИЛ*. 1898. № 8. С. 130 — Гюго В. Избранные стихотворения в переводах русских поэтов. СПб.: АО тип. дела «Герольд», 1908. С. 54 — Гюго В. Собр. соч.: В 12 т. М.: Сытин, 1915. Т. 1. С. 109 — Гюго В. Собр. соч.: В 10 т. М.: Правда, 1972. Т. 1. С. 35 — *БП*. С. 501—502 — Гюго В. Собр. соч.: В 6 т. М.: Правда, 1988. Т. 6. С. 411—412.

«Всходили ль вы порой, в покое, в тишине...» («Ce qu'on entend sur la montagne...»), *20—22 марта 1923* — См. с. 000 наст. изд.

Гитара («Послушай песенку карабинера...») (**Guitare**), *7—8 июня 1923* — См. с. 000 наст. изд.

Другая гитара («Как сделать, спросили они...») (**Autre guitar**), *8 июня 1923* — См. с. 000 наст. изд. (*вар.* «Как быть, он спросил...», *8 июня 1923*)

«Не бойтесь, верьте! К жизни новой...» («N'importe, ayons foi! Tout s'agite...»), *4—5 июля 1894 — июнь 1923* — См. с. 000 наст. изд.

Прошедшее («Луи Тринадцатый, нам время сохранило...») (**Passé**), *7 мая 1923* — См. с. 000 наст. изд.

«Развивши паруса, в моря вам плыть, матросы...» («Matelots! matelots! vous déploierez les voiles...»), *4—5 июня 1923* — См. с. 000 наст. изд.

«Сидела, обувь сняв, по ветру косы взвея...» («Elle était déchaussée, elle était décoiffée...»), *14 марта 1923* — См. с. 000 наст. изд.

Слова в тени («Она сказала: — Да, чего ж бы мне хотеть!..») (**Paroles dans l'ombre**), *14 марта 1923* — См. с. 000 наст. изд.

Совесть («С детьми, одетыми в звериные покровы...») (**La conscience**), *24—31 марта 1923* — См. с. 000 наст. изд.

«Так надо, чтоб поэт, в лазурь и тень влюблен...» («Il faut que le poëte, épris d'ombre et d'azur...»), *12 марта 1923* — См. с. 000 наст. изд.

Жеффруа, Гюстав[24]

«Все улыбается в долине...», *2 июня 1923* — Жеффруа Г. Жизнь научила: Истор. драма / Пер. Ал. Чеботаревской. М.: Красная новь, 1923. С. 112, 114, 115.

Жилль, Андре[25]

Гороскоп («"Воротися!" — мать молит, рыдая...») (**Horoscope**), *3 августа 1891* — Живописное обозрение. 1898. № 4 (25 января). С. 70.

Икр, Фернан[26]

Договор («В вечерний час мудрец от чтенья оторвался...») (**Le Pacte**), *1 августа 1891* — Мисникевич Т. В. Дата как ключ к истории текста (по материалам к описанию рабочих тетрадей Федора Сологуба) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 697.

Каценельсон, Ицхак[27]

«В пламя солнце погрузилось...», *11 декабря 1917* — *Еврейская антология 2*. С. 159 — *Еврейская антология 3*. С. 175.

Кишфалуди, Карой[28]

«Приходи скорей...», *21 октября 1884* — См. с. 000 наст. изд.

Клейст, Генрих фон[29]

Пентезилея (**Penthesilea**) / Пер. Ф. Сологуба и Ан. Чеботаревской — *РМ*. 1914. Кн. 8—9. С. 150—240.

Пентесилея — Клейст Г. Собр. соч. / Под общ. ред. В.А. Зоргенфрея. М.; Пг.: Гос. изд., 1923. Т. 2. С. 97—219.

Разбитый кувшин (**Der zerbrochne Krug**) — Клейст Г. Собр. соч. / Под общ. ред. В. А. Зоргенфрея. М.; Пг.: Гос. изд, 1923. Т. 2. С. 7—96.

Разбитый кувшин (Отрывок) — *БП*. С. 526—529.

Кетхен из Гейльбронна, или Испытание огнем: Большое историческое рыцарское зрелище (**Das Käthchen von Heilbronn oder Die Feuerprobe entstanden**) — Собр. соч. / Под общ. ред. В. А. Зоргенфрея. М.; Пг.: Гос. изд., 1923. Т. 2. С. 221—349.

Клодель, Поль[30]

Возвещение, содеянное Марии (**L'Annonce faite à Marie**) — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 23.

Кохановский, Ян[31]

«На таком ли ложе, дочка дорогая...», *весна 1881* — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 1а. Л. 69 об.

Кро, Шарль[32]

«В житейской драме роль...», *25 октября 1891* — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 98.

Кучак, Наапет[33]

«Высоко ты ходишь — милой передай привет, луна!..» — *БВ*. 1916. № 15669, 10 июля. С. 2 (утр. вып.) — *Поэзия Армении*. С. 229 — *ФСС*. С. 361 — *АСЛ*. С. 286 — *БП*. С. 545 — Поэты Армении. Л., 1979 (Библиотека поэта. Малая серия. 3-е изд.). С. 181.

«Как красиво расцветали все кусты в бахче моей!..» — *БВ*. 1916. № 15669, 10 июля. С. 2 (утр. вып.) — *Поэзия Армении*. С. 229 — *ФСС*. С. 361 — *АСЛ*. С. 285 — *БП*. С. 544.

«По тебе, мой друг, тоскую, да и как не тосковать!..» — *БВ*. 1916. № 15669, 10 июля. С. 2 (утр. вып.) — *Поэзия Армении*. С. 229 — *ФСС*. С. 360 — *БП*. С. 544.

«Пожалей меня, голубка, — верный раб твой одинок...» — *БВ*. 1916. № 15669, 10 июля. С. 2 (утр. вып.) — *Поэзия Армении*. С. 229 — *ФСС*. С. 360 — *БП*. С. 544.

«Сердце здесь пред жарким сердцем, как осенний лист, дрожит...» — *БВ*. 1916. № 15669, 10 июля. С. 2 (утр. вып.) — *Поэзия Армении*. С. 229 — *ФСС*. С. 361 — *БП*. С. 544.

«Спорят с морем под Мерсой эти очи глубиной...» — *БВ*. 1916. № 15669, 10 июля. С. 2 (утр. вып.) — *Поэзия Армении*. С. 229 — *ФСС*. С. 362 — *АСЛ*. С. 286 — *БП*. С. 545.

«Ты сказала: я — твоя! Неужели это — ложь?..» — *БВ*. 1916. № 15669, 10 июля. С. 2 (утр. вып.) — *Поэзия Армении*. С. 229 — *ФСС*. С. 361 — *АСЛ*. С. 286 — *БП*. С. 545.

Ламартин, Альфонс де[34]

Умирающий христианин («Что слышу? Надо мной святой псалом звучит...») (**Le Chretien mourant**), *29 июня 1889* — См. с. 000 наст. изд.

Леконт де Лилль, Шарль[35]

Сонет («Угрюм, как дикий зверь, обвита цепью выя...») (**Les Montreurs**), *17 июля 1894 — НЖИЛ*. 1904. Т. 3. № 8. С. 120 — Чтец-декламатор. Т. 2. Изд. 7. Киев, 1916. С. 253—254 — *БП*. С. 504.

Лоррен, Жан[36]

Астарта (**Господин де Фокас**) (**Monsieur de Phocas**) / Пер. А. Чеботаревской, пер. стих. и предисл. Ф. Сологуба — Лоррэн Ж. Полн. собр. соч. М.: Сфинкс, 1911. Т. 1.

Малларме, Стефан[37]

Белый ненюфар (**Le Nénuphar blanc**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 203—206.

Бледный малыш (**Pauvre enfant pâle**), *27 сентября 1898 — На рубеже XIX и XX*. С. 196—197.

Будущий феномен (**Le Phénomène futur**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 192—193.

Верлен (**Verlaine**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 213—214.

Воспоминание (**Réminiscence**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 199—200.

Демон аналогии (**Le Démon de l'analogie**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 195—196.

Зимний озноб (**Frisson d'Hiver**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 194—195.

Некогда на полях Бодлера (**Autrefois en marge d'un Baudelaire**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 212.

Осенняя жалоба (**Plainte d'automne**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 193—194.

Отрывок, чтобы вкратце повторить Ватека (**Maurceau pour résumer Vathek**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 212—213.

Прерванный спектакль (**Un Spectacle interrompu**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 197—199.

Священник (**L'Ecclésiastique**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 206—207.

Слава (**La Gloire**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 207—208.

Столкновение (**Conflit**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 208—212.

Трубка (**La Pipe**), *28 сентября 1898 — На рубеже XIX и XX*. С. 197.

Ярмарочное объявление (**La Déclaration foraine**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 200—203.

Марро, Поль[38]

Уличная картинка («Я вижу: слабый и худой...»), *3 августа 1891* — Новый журнал для всех. 1912. № 8. Стлб. 29—30.

Метерлинк, Морис[39]

Молитва («О, пожалей мою усталость...») (**Oraison**), *3 декабря 1897* — Северные записки. 1915. № 2. С. 98.

Теплица («О, теплица в лесу!..») (**Serre chaude**), *4 ноября 1897* — Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 56.

Мистраль, Фредери[40]

Мирей (**Miréio**) [Поэма], *30 июня 1923 — 14 декабря 1924* — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 47.

Мопассан, Ги де[41]

Сильна как смерть (**Fort comme la Mort**) — Мопассан Г. де. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб.: Пантеон, 1909. Т. 5.

Сильна как смерть — Мопассан Г. де. Избранные сочинения / Под ред. Ф. К. Сологуба. Пг.: Всемирная литература, 1919. Т. 5.

Сильна как смерть. Л.: Сеятель, 1925.

«Я очень не люблю поэта с влажным взором...» («Je déteste surtout ce barde à l'œil humide...»), *17 октября 1909* — Мопассан Г. де. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб.: Пантеон, 1909. Т. 8: Сестры Рондоли / Пер. Ал. Чеботаревской. С. 4 — *БП*. С. 504.

Новалис[42]

Чудные крылья («Лишь спустится мрак ночной...»), *<до 30 мая 1889> — НЖИЛ*. 1904. № 11. С. 112.

Петефи, Шандор[43]

«Кашка полевая...», *21 октября 1884 — ФСС*. С. 359.

Проперций, Секст Аврилий[44]

«Зачем цветы вплелись в поток твоих кудрей...», *27 июня 1894 — БП.* С. 499.

Рембо, Артюр[45]

«Алмея ли она? На голубом рассвете...» («Est-elle almée?.. aux premières heures bleues...»), *17 марта 1908 — ФСС.* С. 358.

Античное (**Antique**) — *Стрелец 1.* С. 175.

Бродяги (**Vagabonds**) — *Стрелец 1.* С. 188.

Брюссель (**Bruxelles**), 1921 — *На рубеже XIX и XX.* С. 179—180.

Варвар (**Barbare**) — *На рубеже XIX и XX.* С. 190.

«Вдали от птиц, от стад, от буржуазок...» (**Larme**), *1921 — На рубеже XIX и XX.* С. 175.

Вечери (**Veillйes**) — *На рубеже XIX и XX.* С. 186—187.

Вечность (**L'Йternitй**), *1921 — На рубеже XIX и XX.* С. 178.

Вульгарный ноктюрн (**Nocturne vulgaire**) — *На рубеже XIX и XX.* С. 188—189.

Г. (**H.**) — *Стрелец 1.* С. 183.

Город (**Ville**) — *На рубеже XIX и XX.* С. 184.

Города (**Villes: L'acropole officielle**) — *На рубеже XIX и XX.* С. 185—186.

Города (**Villes: Ce sont des villes!**) — *На рубеже XIX и XX.* С. 184—185.

Грусть (**Angoisse**) — *На рубеже XIX и XX.* С. 189.

Движения (**Mouvement**) — *На рубеже XIX и XX.* С. 192.

Демократия (**Démocratie**) — *Стрелец 1.* С. 190.

Детство (**Enfance**) — *Стрелец 1.* С. 177—179.

Жизни (**Vies**) — *Стрелец 1.* С. 180—181.

Заря (**Aube**) — *На рубеже XIX и XX.* С. 187—188.

Золотой век (**Age d'or**), *1921 — На рубеже XIX и XX.* С. 179.

Исторический вечер (**Soir historique**) — *Стрелец 1.* С. 189.

Колеи (**Orniиres**) — *На рубеже XIX и XX.* С. 184.

Марина (**Marine**) — *Стрелец 1.* С. 182.

Метрополитен (**Mйtropolitain**) — *На рубеже XIX и XX.* С. 189—190.

Мистическое (**Mystique**) — *На рубеже XIX и XX.* С. 187.

Мишель и Христина (**Michel et Christine**) — *На рубеже XIX и XX.* С. 174—175.

«О, времена, о, города...» («Ô saisons, ô châteaux...»), *1921 — БП.* С. 524.

Отход (**Dйpart**) — *На рубеже XIX и XX.* С. 182.

Парад (**Parade**) — *На рубеже XIX и XX.* С. 181.

Песня с самой высокой башни (**Chanson de la plus haute tour**), *1921 — ФСС.* С. 356—357 — *БП.* С. 523.

Полуостров (**Promontoire**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 191.
После потопа (**Après le Déluge**) — *Стрелец 1*. С. 173—174.
Рабочие (**Ouvriers**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 183.
Разуму (**A une raison**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 182.
«Река настойки в даль чужих сторон...» («La Riviire de Cassis roule ignorée...»), *1921 — На рубеже XIX и XX*. С. 76.
Сказка (**Conte**) — *Стрелец 1*. С. 187.
Стыд (**Honte**), *1921 — На рубеже XIX и XX*. С. 180.
Сцены (**Scines**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 191.
«Тебя старей мы средь полей...» (**Comйdie de la soif**), *1921 — На рубеже XIX и XX*. С. 176—178.
Утро упоения (**Matinйe d'ivresse**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 182—183.
Фразы (**Phrases**) — *Стрелец 1*. С. 185—186.
Царствование (**Royauté**) — *Стрелец 1*. С. 176.
Цветы (**Fleurs**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 188.
«Что нам, душа моя, кровавый ток...» («Qu'est-ce pour nous, mon cœur, que les nappes de sang...»), *1921 — БП*. С. 525.
Being beauteous (**Being beauteous**) — *На рубеже XIX и XX*. С. 181.
Bottom (**Bottom**) — *Стрелец 1*. С. 184.

Ренье, Анри де[46]
Дважды любимая (**La Double maîtresse**) — Ренье А. де. Собр. соч.: В 17 т. / Пер. с фр.; Под общ. ред. М. А. Кузмина, А. А. Смирнова и Ф. Сологуба. Л.: Academia, 1926—1927. Т. 2 — Собр. соч.: В 7 т. / Пер. с фр.; Под общ. ред. М. А. Кузьмина, А. А. Смирнова и Ф. Сологуба. М.: Терра — Terra, 1992. Т. 1. С. 337—920.

Роллан, Ромен[47]
Волки (**Les Loups**) — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 213.

Рюккерт, Фридрих[48]
«Тужить о веке золотом...», *13 апреля 1894 — НЖИЛ*. 1900. № 7. С. 26.

Терьян, Ваан[49]
«Ты не горда, страна моя...» — *Поэзия Армении*. С. 411 — *БП*. С. 545—546 — Терьян В. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1980 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.). С. 201.

Тик, Людвиг Иоганн[50]
Кот в сапогах. Детская сказка в трех действиях (Пролог) (**Der gestiefelte Kater**) — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 215. <Перевод не завершен>.

Тычина, Павел[51]

Туман («Над болотом прядет молоком...») (**Туман**), *2 сентября 1925* — Поэзия народов СССР / Ред. С. Валятис. Л.: Московское товарищество писателей, 1927. С. 22 — Тычина П. Избранные стихи. М.: Гослитиздат, 1940. С. 25 — Тычина П. Стихотворения и поэмы / Ред. Л. Н. Николаенко. Л.: Сов. писатель, 1975. С. 91 (Библиотека поэта. Большая серия).

Кузнечная улица («В день пасхальный дождь...») (**Вулиця Кузнечна**), *15 августа 1925* — Тычина П. Избранное. М.: Гослитиздат, 1946. С. 128 С. 153 — Тычина П. Стихотворения и поэмы / Ред. Л. Н. Николаенко. Л.: Сов. писатель, 1975. С. 149.

Уайльд, Оскар[52]

Дом блудницы («Шум пляски слушая ночной...») (**The Harlot's House**) — Уайльд О. Полн. собр. соч.: В 4 т. / Под ред. К.И. Чуковского. СПб.: Издание Т-ва А.Ф. Маркс, 1912. Т. 2. С. 14 — Уайльд О. Избранные произведения: В 2 т. М.: Республика, 1993. Т. 2. С. 35—36 — *БП*. С. 534—535 — Уайльд О. Стихотворения. Собр. соч.: В 3-х тт. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2003. Т. 3. С. 13—14.

Стихотворения в прозе (**Poems in Prose**): **Художник** (**The Artist**); **Творящий благо** (**The Doer of Good**); **Поклонник** (**The Disciple**); **Учитель** (**The Master**); **Чертог Суда** (**The House of Judgement**); **Учитель мудрости** (**The Teacher of Wisdom**) — Уайльд О. Полн. собр. соч.: В 4 т. / Под ред. К. И. Чуковского. СПб.: Издание Т-ва А.Ф. Маркс, 1912. Т. 2. С. 213—222 — Уайльд О. Собр. соч.: В 3 т. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2003. Т. 3. С. 17—26.

Фрих, Эрве Рихтер[53]

Бессмертные карлики / Пер. Ф. Сологуб, А. Н. Иоргенсен. Л.: Кубуч, 1926.

Цех, Пауль[54]

Дома глаза раскрыли («Под вечер всяк предмет уже не слеп...») (**Die Häusern haben Augen aufgetan**), *19—20 декабря 1923 — МГ*. С. 316 — *БП*. С. 532—533.

Майская ночь («Не смолкли водоливы. Окна, светло-алы...») (**Mai-Nacht**), *21 декабря 1923 — МГ*. С. 317 — *БП*. С. 533.

Шатобриан, Франсуа Рене де[55]

Баллада Абенсерагов («Король Жуан с друзьями...»), *1 сентября 1911 — РМ*. 1917. Кн. 5—6. С. 116.

Романс Лотрека («Как мы сладко вспоминаем...»), *10 июля 1915* — Там же. С. 113.

Романс о Сиде («Уже готов отплыть к руинам Карфагена...»), *сентябрь 1911* — Там же. С. 114—115.

«Король Жуан холмами...», *сентябрь 1911* — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 172—174

Шевченко, Тарас Григорьевич[56]

N. N. («Как ты лилиею такою ж...») (**N. N.** («Така, як ти, колись лілея...»)), *25 июня 1924 — Кобзарь.* С. 275 — *Ш 1949.* Т. 1. С. 300 — *ШБП.* С. 634 — *Ш 1955.* Т. 2. С. 290 — *БП.* С. 542—543.

Батрачка (**Наймичка**), *20—31 июля, 3, 8—10 августа 1924 — Кобзарь.* С. 305—319.

«Бывали войны, войсковые свары...» («Бували войни й військовії свари...»), *3 июля 1924 — Кобзарь.* С. 302.

«Во Иудее во дни оны...» («Во Іудеї во дні они...»), *26 июня 1924 — Кобзарь.* С. 277—278.

Гайдамаки (**Гайдамаки**), *24 июня — 9 июля 1924 — Кобзарь.* С. 99—166.

Гимн черниц («Гром, ударь над этим домом...») (**Гімн черничий**), *19 июля 1924 — Кобзарь.* С. 288 — *ШБП 1939.* С. 287.

Гликерии («Моя ты люба! ты, друг мой милый!..») (**Ликері**), *23 июня 1924 — Кобзарь.* С. 289.

Гоголю («За думою дума роем вылетает...») (**Гоголю**), *24 июня 1924 — Кобзарь.* С. 184.

«Для чего мне черны брови...» («Нащо мені чорні брови...»), *28 марта 1924 — Кобзарь.* С. 303—304.

Доля («Ты не лукавила со мною...») (**Доля**), *17 июня 1924 — Кобзарь.* С. 274.

Думка («Течет река в сине море...») (**Думка**), *20 марта 1924 — Кобзарь.* С. 76—77.

Еретик, или Иван Гус («Запалили у соседа...») (**Єретик**), *12—14 июня 1924 — Кобзарь.* С. 185—195.

«Если б мне да черевики...» («Якби мені черевики...»), *27 июня 1924 — Кобзарь.* С. 249.

«Живу в неволе одиноко...» («В неволі, в самоті немає...»), *23 июня 1924 — Кобзарь.* С. 255 — *БП.* С. 539—540.

«За оврагом овраг...» («За байраком байрак...»), *14 июня 1924 — Кобзарь.* С. 236—237.

Завещание («Как умру я, схороните...») (**Заповіт**), *12 июня 1924 — Кобзарь.* С. 232 — Молодая гвардия. 1939. № 1. С. 111 — *БП.* С. 536—537.

«И Архимед, и Галилей...» («І Архімед, і Галілей...»), *23 июня 1924 — Кобзарь.* С. 290.

«И богата я...» («І багата я...»), *15 июня 1924 — ШК 1934.* С. 250.

«И здесь и всюду все погано!...» («І тут, і всюди — скрізь погано...»), *10 декабря 1925 — Кобзарь.* С. 299 — *БП 1939.* С. 380 — *БП.* С. 540.

«Иду однажды я в ночи...» («Якось-то йдучи уночі...»), *24 июня 1924* — Литературный Ленинград. 1934. № 11. С. 2 — *Кобзарь.* С. 301 — *БП 1939.* С. 383.

Кавказ («За горами горы, тучею обвиты...») (**Кавказ**), *15 июня 1924 — Кобзарь.* С. 214—218.

Катерина (**Катерина**), *10—19 июля 1924 — Кобзарь.* С. 79—98.

«Когда бы ты, Богдан наш пьяный...» («Якби-то ти, Богдане п'яний...»), *26 июня 1924 — Кобзарь.* С. 276 — *Ш 1949.* Т. 1. С. 305.

Л. («Поставлю маленькую хату...») (**Л.**), *23 июня 1924 — Кобзарь.* С. 291 — *БП.* С. 538—539.

Майский вечер («Вишневый садик возле хаты...») (**Майський вечір**), *19 июля 1924 — Кобзарь.* С. 239.

«Мать моя живет богато...» («Породила мене мати...»), *27 июня 1924 — Кобзарь.* С. 251.

Мертвым и живым, и нерожденным землякам моим, в Украине и не в Украине живущим, мое дружеское послание (**І мертвим, і живим, і ненарожденним землякам моїм в Украйні і не в Украйні моє дружнєє посланіє**), *15—17 июня 1924 — Кобзарь.* С. 219—226.

«Мне все равно, в Украйне ль буду...» («Мені однаково, чи буду...»), *13 июня 1924 — Кобзарь.* С. 238.

Молитвы (I—IV) («Царям, всесветным шинкарям...», «Царей, кровавых шинкарей...», «Зло-начинающих сдержи...», «Этим алчным очам...») (**Молитва** («Царям, всесвітнім шинкарям...», «Царів, кровавих шинкарів...», «Злоначинающих спини...», «Тим неситим очам...»)), *21 июня 1924 — Кобзарь.* С. 282—284.

«Нет, бога я не упрекаю...» («Не нарікаю я на Бога...»), *24 июня 1924 — Кобзарь.* С. 292—293 — *ШБП 1939.* С. 293—294 — *БП.* С. 541—542.

«О, люди бедные земные!..» («О люди! люди небораки!..»), *24 июня 1924* — Литературный Ленинград. 1934. № 11. С. 2 — *Кобзарь.* С. 300 — *БП 1939.* С. 381—382 — *ШБП 1939.* С. 298 — *БП.* С. 540—541.

«Огни горят, оркестр играет...» («Огні горять, музика грає»), *9 июля 1924* — Литературный Ленинград. 1934. № 11. С. 2 — *Кобзарь.* С. 256.

«Ой, баю, баю, сын мой единый...» («Ой люлі, люлі, моя дитино...»), *27 июня 1924 — Кобзарь.* С. 252.

«Ой, одна я, одна...» («Ой одна я, одна...»), *13 июня 1924 — Кобзарь.* С. 235.

«Ой, тесёмочки да строчки...» («Ой стрічечка до стрічечки...»), *26 июня 1924 — Кобзарь.* С. 240 — *БП.* С. 543.

Осии, глава 14 («Погибнешь, сгинешь, Украина!..») (**Осії глава XIV** (**Подражаніє**)), *3, 8, 9 декабря 1925 — Кобзарь.* С. 279—280.

«Отчего ты почернело...» («Ой чого ти почорніло, зеленеє поле?..»), *17 июня 1924 — Кобзарь.* С. 253.

Подземелье (**Великий льох**), *22—23 июня 1924 — ШК 1934.* С. 196—211 — *Ш 1949.* Т. 1. С. 281—296 — *Ш 1955.* Т. 1. С. 369—385.

Пророк («Господь, им созданных людей...») (**Пророк**), *14 июня 1924 — Кобзарь.* С. 248.

«Протоптала тропинку...» («Утоптала стежечку...»), *3 июля 1924 — Кобзарь.* С. 254.

«Проходят дни, проходят ночи...» («Минають дні, минають ночі...»), *23 июня 1924 — Кобзарь.* С. 230—231 — *БП.* С. 537—538.

«Росли вдвоем они, взрослели...» («Росли укупочці, зросли...»), *23 июня 1924 — Кобзарь.* С. 286 — *БП 1939.* С. 289.

Саул («В заснувшем навеки Китае...») (**Саул**), *20—21 июня 1924 — Кобзарь.* С. 294—297.

«Свет мой ясный, свет мой тихий...» («Світе ясний! Світе тихий!..») *23 июня 1924 — Кобзарь.* С. 287 — *БП.* С. 538.

Солдатов колодец (**Москалева криниця**), *18—20 июня 1924 — Кобзарь.* С. 257—268 (*загл.* **Москалева криниця**) — *Ш 1949.* Т. 1. С. 258—269 — *ШБП.* С. 592—602 — *Ш 1955.* Т. 2. С. 248—259.

Сон (**Сон**), *24 мая — 11 июня 1924 — Кобзарь.* С. 167—182.

«Стоит в селе Субботове...» («Стоїть в селі Суботові...»), *21—22 июня 1924 — Кобзарь.* С. 212—213 (*загл.:* **Субботово**) — *Ш 1949.* Т. 1. С. 297 — *Ш 1955.* Т. 1. С. 386—387.

«У Днепровского залива...» («Над Дніпровою сагою...»), *9 июля 1924 — Кобзарь.* С. 285.

Холодный Лог («Всем дано свое нам горе...») (**Холодний Яр**), *21 июня 1924 — ШК 1934.* С. 227—229.

«Хотя лежачего не бьют...» («Хоча лежачого й не б'ють...»), *1 апреля 1924 — Кобзарь.* С. 298 —*БП 1939.* С. 379 — *БП.* С. 539.

Цари («Стара сестрица Аполлона!..») (**Царі**), *17 июня 1924 — Кобзарь.* С. 241—247.

«Черноброва и красива...» («Дівча любе, чорнобриве...»), *20 июня 1924 — Кобзарь.* С. 281.

«Что же мне так тяжко? Что же мне так нудно?..» («Чого мені тяжко, чого мені нудно?..»), *24 июня 1924 — Кобзарь.* С. 183 — *БП.* С. 541.

Юродивый («Во дни фельдфебеля-царя...») (**Юродивий**), *25 июня 1924 — Кобзарь.* С. 271—273.

Шекспир, Уильям[57]

Буря. 5 действие, 1 сцена. Ариэль («Я одной питаюсь пищей с пчелкой золотой...»), *9 сентября 1878* — Ф. 289. Оп. 1. Д. 1а. Л. 15 об.

Король Лир. 3 действие, 4 сцена. Эдгар («Ночь лежала над землей...»). *8 сентября 1878* — Там же. Л. 12 об., 15 об.

Сон в Иванову ночь. 2 действие, 1 сцена. Песня эльфы («Через горы, чрез долины...»), *3 сентября 1878* — Там же. Л. 12 об. — 13.

Сон в Иванову ночь. 3 действие, 2 сцена. Оберон Деметрио («Пораженный стрелой Купидона...»), *9 сентября 1878* — Там же. Л. 15 об.

Сон в Иванову ночь. 3 действие, 2 сцена. Пук («Спи, влюбленный, спи...»), *3 сентября 1878* — Там же. Л. 13.

Сон в Иванову ночь. 5 действие, 2 сцена. Пук — Оберон — Титаниа, *3—4 сентября 1878* — Там же. Л. 13—14.

Сон в Иванову ночь. 5 действие, 2 сцена. Оберон («Рассыпьтесь эльфы в тишине...»), *3—4 сентября 1878* — Там же. Л. 12.

Штукен, Эдуард[58]

Гаван (**Gawân**) / Пер. Ф. Сологуба и Ан. Чеботаревской — *РМ.* 1912. Кн. XI. С. 1—48.

Эдда

Волу-Спа («Дочь могучего Одина...»), *начало августа 1880* — Федор Сологуб. Неизданные стихотворения 1878—1889 годов / Публ. Т. В. Мисникевич и М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2003. С. 178.

Неустановленный автор[59]

Стоян идет в Кирджали («На старую реку...»), *5 января 1891; 16 июля 1892; 11 апреля 1893* — Живописное обозрение. 1897. № 19. С. 310.

Швейцарский ландскнехт (Германская народная песня) («Я стоял на стене на часах...»), *июнь 1879* — Новые материалы из поэтического архива Федора Сологуба: Первая рабочая тетрадь. Неизвестные стихотворения 1877—1890 гг. / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009—2010 годы. СПб., 2011. С. 475—476.

Верба и терновник («— “Ну, что ты все цепляешься к прохожим...”»), *12 июня 1889* — См. с. 000 наст. изд.

«Встретясь на поле с кротом...», *14 июня 1889* — См. с. 000 наст. изд.

<Галицкая народная> («Гойіаго! Гойіаго! Гойіаго!..»), *16 апреля 1880* — Ф. 289. Оп. 1. Д. 1а. Л. 49.

«Здесь мой милый, чернобровый...», *16 июня 1880* — Там же. Л. 52.

«Как орех, кругла, сладка...», *16 апреля 1880* — Там же. Л. 49.

Король Савойи («Жил король в Савойе...»), *31 июля — 1 августа 1892* — См. с. 000 наст. изд.

Ненайденные тексты[60]

«Ах, пристрой меня, милая мама...», *27 марта 1893*

«Братцы, весело трудитесь...», *11 июня 1889*

Мальчику («Ваня, лелеемое дитятко!..»), *5 января 1891*

«Много ночей прогулял...», *27 марта 1893*

«На берегу морском брожу...», *29 июля 1881* — Ф. 289. Оп. 1. Д. 1а. Л. 80 об.

«Пошла Рада за студеною водой...», *5 января 1891, 6 августа 1897*

«Что прошло, то не вернулось...», *12 июля 1889*

---

[1] Цикл «Озорные рассказы» («Les Contes drolatiques») в переводе Ф. Сологуба представлен двумя рассказами — «Прекрасная Империя» и «Прекрасная Империя в замужестве», выбранными переводчиком из разных разделов оригинального издания. «Озорные сказки» предварены предисловием Сологуба, в котором он объясняет свой выбор, сообщает сведения об источнике (десятое издание «Les Contes drolatiques», 1884) и особенностях перевода (стилизация).

[2] Помимо указанных в библиографии новелл Г. Банга (H. Bang; 1858—1912) «Ее высочество» и «Четыре дьявола», в архиве Ф. Сологуба сохранился неизданный перевод «Шарло Дюпон» («Charlot Du Pont») с правкой Сологуба. Все три произведения входят в состав оригинального сборника «Эксцентрические новеллы» (на датском языке — «Excentriske Noveller», 1885). Перевод «Шарло Дюпон» был сделан с издания на немецком языке.

[3] А. П. Барятинский (A. P. Bariatinskoy; 1798—1844) — князь, поэт-декабрист, писал на французском языке. Стихотворения выбраны из сборника «Quelques heures de loisir à Toulchin» («Часы досуга в Тульчине» Moscou de l'imprimerie d'Auguste Semen, imp. de l'Académie Impériale chirurgicale, 1824).

[4] Г. Бенн (G. Benn; 1886—1956) — немецкий поэт и публицист. Вероятно, перевод предназначался для сборника «Молодая Германия».

[5] Переводы из творчества П. Ж. де Беранже (P.-J. de Béranger; 1780—1857) не отражены Сологубом в авторской библиографии и не датированы. В переводе стихотворения «Le Prisonnier» выпущена одна строфа (в оригинале — шестая) и следующий за ней рефрен:

L'eau te réfléchit grande et belle; Ton sein forme un heureux contour. À qui ta voile obéit-elle? Est-ce au Zéphyr? est-ce à l'Amour? Reine des flots, sur ta barque rapide Vogue en chantant, au bruit des longs échos. Les vents sont doux, l'onde est calme et limpide, Le ciel sourit: vogue, reine des flots.

[6] Источник оригинального текста и личность автора не установлены. Возможно, имеется в виду Эли Берте (1815—1891) — французский писатель, автор «сенсационных» и приключенческих романов, многие из которых были переведены на русский язык. Н. Ретиф де Ля Бретонн (N. Retif de La Bretonne; 1734—1806) — автор многочисленных новелл и романов, популярных во Франции конца XVIII в.

[7] К переводу «Маленьких поэм в прозе» Ш. Бодлера (Ch. Baudelaire; 1821—1867) Ф. Сологуб обращается в 1898 г. (точные даты переводов отдельных стихотворений неизвестны). Сохранились рукописный и машинописные

варианты текстов. Перевод «Свободный человек, всегда любить ты будешь море…» — не завершен, оригинальный текст не установлен.

[8] Сологуб переводит стихотворения Х. Н. Бялика (1873—1934) с подстрочника (Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 66). См. подробнее: *Лавров А. В.* Лейб Яффе и «Еврейская антология»: К истории издания // Художественный перевод и сравнительное изучение культур: Памяти Ю. Д. Левина. СПб., 2010. С. 120—138. Под заглавием «Al Ha'schchitah (О милости, небо, проси для евреев…)» стихотворение опубликовано в журнале, в архивных материалах перевод озаглавлен «Погром».

[9] Я. Ван Годдис (J. van Hoddis, наст. имя и фам. Hans Davidsohn; 1887—1942), немецкий поэт-экспрессионист.

[10] В журнальной публикации с подзаголовком: Из René Vinci. Текст-источник не установлен, имя автора неизвестно. По одной версии автор — один из поэтов-зютистов (Л. Валад, А. Жилль, Ф. Икр, Э. Кабане, Ш. Кро и др.). Другой возможный путь установления авторства поэтического текста — роман П. Бурже «Mensonges» («Ложь», 1888), в котором юноша-поэт носит имя René Vincy. В одном из критических эссе «La Vie littéraire» (1888—1892) А. Франс называет героя Бурже René Vinci, что орфографически совпадает с именем, указанным Сологубом, однако текст стихотворения в романе Бурже не обнаружен. В картотеке Н. Н. Бахтина (ИРЛИ) указан еще один вариант текста Рене Ванси «Дитя прекрасное! О призрак дорогой!..» (Русское обозрение. 1894. № 11. С. 375). Стихотворение включено в рассказ Жюля Леметра «Странный брак» (С. 372—378) в переводе В. Горленко.

[11] Поэзии из П. Верлена (P. Verlaine; 1844—1896) принадлежит центральное место в переводческом наследии Ф. Сологуба. Многие переводы представлены вариантами, которые печатались отдельно или сополагались при публикации. Помимо приведенных в библиографическом описании переводов, в авторской картотеке зафиксирован перевод «Печаль без меры…», помета на карточке «Иностранная литература, 6 декабря 1897» свидетельствует о вероятной отсылке перевода в журнал. Перевод не опубликован, текст в архиве Сологуба не обнаружен.

[12] Ф. Верфель (F. Werfel; 1890—1945) — поэт «пражского экспрессионизма». В сборнике «Молодая Германия» творчество Верфеля представлено стихотворениями в переводах Б. Пастернака, В. Пяста, Д. Выгодского, Г. Петникова, О. Мандельштама, Сологуба. Не изменяя кардинально семантику текста, Сологуб в формальном аспекте отступает от оригинала — отказывается от деления на строфы и вводит рифму.

[13] О переводе философской повести Вольтера (Voltaire; 1694—1778) «Кандид, или Оптимизм» («Candide, ou l'Optimisme», 1759) см. подробнее: *Заборов П. Р.* «Кандид» в переводе Ф. Сологуба // Заборов П.Р. Россия и Франция. Литературные и культурные связи. Статьи и заметки. СПб.: ИД «Петрополис», 2011. С. 85—90. Переиздавался множество раз — см., например: Вольтер.

Философские повести. М.: Гослитиздат, 1953; Вольтер. Философские повести. М.: Гослитиздат, 1954; Кандид / Вступ. статья. С. Артамонова. Илл. М. Полякова. М.: Гослитиздат, 1955; Вольтер. Философские повести. М.: Гос. из-во худ. лит-ры, 1960; Вольтер. Кандид. Простодушный. М.: Народная библиотека, 1965; Вольтер. Стихи и проза / Сост., вступ. ст. М. Кудинова, коммент. А. Михайлова. М.: Моск. рабочий, 1987; Вольтер. Философские повести. Орлеанская девственница Л.: Худож. лит. Ленингр. отд., 1988; Кандид, или Оптимизм — Вольтер. Избранное. М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998; Кандид, или Оптимизм — Вольтер. Философские повести. М.: Азбука-классика, 2006 и др.

[14] Перевод драмы в стихах Г. Гауптмана (G. Hauptmann; 1862—1946) сохранился в рукописи и машинописи (обе неполные).

[15] Г. Гейм (G. Heym; 1887—1912) — поэт раннего немецкого экспрессионизма, автор стихов, прозаических произведений и драм.

[16] Переводы из Г. Гейне (H. Heine; 1797—1856) относятся к первым опытам переложений иноязычных текстов. Подробнее см.: *Павлова М. М.* Новые материалы из поэтического архива Федора Сологуба: Первая рабочая тетрадь. Неизвестные стихотворения 1877—1890-х гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009—2010 годы. СПб., 2011. С. 438—539.

[17] К. Гейнике (K. Heynicke; 1891—1985) — немецкий поэт, автор пьес и новелл. В сборнике «Молодая Германия» в русском переводе опубликованы шесть его стихотворений, два из которых в переводе Ф. Сологуба.

[18] Единственный перевод из И. В. Гёте (J. W. von Goethe; 1749—1832), как и переводы из У. Шекспира и Г. Гейне, относится к долитературному периоду творчества (см.: *Павлова М. М.* Новые материалы из поэтического архива Федора Сологуба: Первая рабочая тетрадь. Неизвестные стихотворения 1877—1890-х гг.).

[19] И. Голл (I. Goll; 1891—1950) родился во Франции, писал на трех языках — немецком, французском, английском. Из восьми стихотворений, помещенных в сборнике «Молодая Германия», в переводе Ф. Сологуба представлены пять.

[20] В. Гомулицкий (V. Gomulicki; 1848—1919) — польский поэт, беллетрист и критик.

[21] Перевод новеллы «**Le Chevalier double**» — один из немногих переводов Ф. Сологуба из творчества Т. Готье (T. Gautier; 1811—1872). Наряду с данным, законченным переводом в архиве сохранились свидетельства работы над романом «Фортунио» (1837) — машинопись с предисловием и началом первой главы обрывается на середине предложения.

[22] Незавершенный перевод символистской драмы Реми де Гурмона (R. de Gourmont; 1858—1915) «Лилит» (1892), на титульном листе машинописи указан 1910 год.

[23] Ранние переводы стихотворений В. Гюго (V. Hugo; 1802—1885) были выполнены в 1890-е гг. и опубликованы в периодике. В 1923 г. Сологуб переводит

одиннадцать новых текстов и перерабатывает перевод стихотворения «О, верьте, верьте...» (от 4—5 июля 1894 г., в новой редакции — «Не бойтесь, верьте...»). Переводы предназначались для издательства «Всемирная литература» (на карточках авторской библиографии имеются пометы «В. Л.»).

Стихотворение «Другая гитара» переведено в двух вариантах: «Как быть, он спросил...» и «Как сделать, спросили они...». В автографе «Как сделать, спросили они...» (Ед. хр. 36. Л. 5) имеется порядковый номер 1, в автографе «Как быть, он спросил…» (Ед. хр. 36. Л. 6) — номер 2.

«Не бойтесь, верьте! К жизни новой…» — поздняя версия перевода стихотворения «N'importe, ayons foi! Tout s'agite…», представлена в архиве в виде машинописного текста ранней версии «О, верьте, верьте!..» с рукописными правками: слова и целые фразы зачеркнуты и заново переписаны поверх строк, ритмико-интонационная организация перевода не изменена. Вероятно, текст готовился к переизданию совместно с другими, вновь переведенными стихотворениями.

[24] Г. Жеффруа (G. Geffroy; 1855—1926) — французский писатель, журналист и критик.

[25] А. Жилль (A. Gill, наст. имя и фам. Луи-Александр Госсе де Гин; 1840—1885) — французский художник, карикатурист и шансонье.

[26] Ф. Икр (F. Icre, 1855—1888) — поэт, романист, драматург, примыкал к группе «зютистов», печатался под псевдонимом Фернан Крези. В картотеке переводов Сологубом отмечено, что стихотворение было отослано в журнал «Север» 24 октября 1891 г. Ответ редакции: «Не будут напечатаны. Стихи "Зима" (из Фр. Коппе), "Договор" и Сонет, О. Т-кова» (Север. 1891. № 50. Стлб. 3236).

[27] И. Каценельсон (1886—1944) — еврейский переводчик, поэт и драматург

[28] К. Кишфалуди (K. Kisfaludy; 1788—1830) — венгерский поэт. Перевод был отослан в 1884 г. в «Русскую мысль» (по указанию в авторской библиографии — Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 544. Л. 56), опубликован не был.

[29] Переводы из Г. фон Клейста (H. von Kleist; 1777—1811) выполнялись Ф. Сологубом и Ан. Чеботаревской (1876—1921) для издания собрания сочинений, которое планировалось, но не было выпущено издательством К. Ф. Некрасова.

[30] Перевод драмы П. Клоделя (P. Claudel; 1868—1955) выполнялся совместно с Ан. Чеботаревской для издательства «Всемирная литература». Опубликован не был, рукопись (рукой Ан. Чеботаревской) и машинопись сохранились не в полном объеме. В авторской библиографии переводов драма «Залог (Заложник)» («L'Otage», 1911), однако рукопись в архиве отсутствует.

[31] Я. Кохановский (Jan Kochanowski; 1530—1584) — польский поэт.

[32] Ш. Кро (Ch. Cros; 1842—1888) — поэт, прозаик, изобретатель, один из основателей кружка «Гидропаты» (1878). Сологуб переводит из Ш. Кро, проходя «переводческую школу», как и в случаях с Ф. Икром, А. Жиллем. Источник перевода не выявлен.

[33] Наапет Кучак — армянский поэт XVI в. Переводы выполнялись на основе подстрочника и транскрипции армянского текста, создающей представление о звуковой и ритмической специфике оригинала (перевод с подстрочника был официальной установкой данного проекта). В предисловии к сборнику Брюсов писал, что Сологубом переведены два стихотворения Н. Кучака и одно — В. Терьяна; в действительности же 7 текстов, переведенных Сологубом, являются отдельными стихотворениями (айренами), которые публиковались единым циклом под заглавием «Песни любви». Отдельные стихотворения включались в другие издания армянской поэзии: Армянская классическая лирика. Ереван: Советакан грох, 1977. С. 117; Средневековая армянская поэзия. М.: Худож. литература, 1981. С. 209; От рождения Ваагна до Паруйра Севака: В 2 кн. Ереван: Советакан грох, 1983. В фонде сохранились транскрибированные подстрочники стихов А. С. Исаакяна, возможно предназначенных для этого же сборника.

[34] А. де Ламартин (A. de Lamartine; 1790—1869) — французский поэт романтического направления.

[35] Ш. Леконт де Лилль (Ch. Leconte de Lisle; 1818—1894). Стихотворение «Les Montreurs» — из сборника «Poèmes barbares».

[36] Жан Лоррен (J. Lorrain, наст. имя и фам. Поль Дюваль; 1855—1906). Перевод романа «Астарта (господин де Фокас)» («Monsieur de Phocas», 1901) был выполнен Ан. Чеботаревской, предисловие и стихотворные тексты в романе переведены Сологубом, что зафиксировано и в авторской картотеке переводов.

[37] О переводах из С. Малларме (S. Mallarmé; 1842—1898) см.: *Багно В. Е.* Федор Сологуб — переводчик французских символистов // На рубеже XIX и XX веков: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1991. С. 129—219.

[38] П. Марро (P. Marrot; 1850—1909) — французский поэт и журналист. Оригинальный источник не установлен.

[39] В авторской библиографии переводов Сологуба упоминается перевод стихотворения М. Метерлинка (M. Maeterlinck; 1862—1949) «Искушения» («Tentations») 16 июля 1902 г. (по первой строчке — «В теплице темного ума…»). Текст перевода в архиве не обнаружен.

[40] Ф. Мистраль (F. Mistral; 1830—1914) — провансальский поэт и лексикограф. Поэма «Мирей» («Miréio», 1859) получила премию Французской академии. Произведение было написано на провансальском языке и сопровождалось французским переводом, выполненным самим Мистралем. Перевод на русский язык осуществлялся Сологубом в 1923—1924 гг. для Государственного издательства (сначала для «Всемирной литературы»). Перевод не опубликован. Текст перевода сохранился в полном объеме (более 6 тыс. строк) в рукописи и машинописи.

[41] Собрание сочинений Г. де Мопассана (G. de Maupassant; 1850—1893) выходило в издательстве «Пантеон» под редакцией Ал. Н. Чеботаревской,

перевод большого корпуса текстов был выполнен сестрами Чеботаревскими — Александрой, Анастасией и Ольгой (в замуж. Черносвитова). Подробнее об издании см.: *Голлербах Е. А.* Семейные ценности: Федор Сологуб в издательстве Пантеон // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации: Материалы IV Международной конференции / Сост. М. М. Павлова. СПб., 2010. С. 39—73. Помимо перевода романа, Сологубу принадлежит статья «Смертный лик Гии Мопассана», открывающая в качестве предисловия первый том собрания.

Позднейшие переиздания: Сильна как Смерть. М.: Росмэн, 2001; Сильна как Смерть. М.: Росмэн, 2003; Сильна как смерть. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

В перевод стихотворения «Я очень не люблю поэта с влажным взором…» вошли 12 строк — отрывок из стихотворения Л. Буйе (L. Bouilhet; 1822—1869) «J'aimai. Qui n'aime pas?» (Ħuvres de Louis Bouilhet, 1880, p. 35—37). Указанный фрагмент был включен Г. де Мопассаном в его рассказ «Сестры Рондоли» без указания имени автора этих строк, вследствие чего данный перевод был обозначен Сологубом как перевод из Мопассана.

[42] Новалис (Novalis, наст. имя и фам. Фридрих фон Харденберг; 1772—1801) — поэт немецкого романтизма.

[43] В авторской библиографии зафиксированы переводы еще двух стихотворений венгерского поэта Ш. Петефи (1823—1849): «К матери» и «Мадьярский дворянин». На карточках пометы об отсылке: «Русская мысль. 29 окт<ября> 1884». При жизни Сологуба переводы опубликованы не были, в архиве не выявлены.

[44] Перевод из С. Проперция (50—16 до н.э.). Зафиксирован в авторской библиографии с пометой об отсылке: «Всемирн<ая> илл<юстрация> 11 августа 1894». Текст опубликован не был.

[45] О переводах Сологуба из А. Рембо (A. Rimbaud; 1854—1891) подробнее: *Багно В. Е.* Федор Сологуб — переводчик французских символистов // На рубеже XIX и XX веков: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1991. С. 129—219).

[46] А. де Ренье (A. de Régnier; 1864—1936) — французский поэт и писатель, роман «La Double maîtresse» вышел во Франции в 1900 г. Перевод неоднократно переиздавался: Дважды любимая. М.: ИПФ «Зевс», 1992; Грешница: Романы. СПб.: Сов. писатель. С.-Петербург. отд., 1993. С. 7—202; Дважды любимая — Дважды любимая. Необыкновенные любовники. Ижевск: Квест, 1993. С. 3—280; Ренье А. де. Соч.: В 5 т. Т. 1: Необыкновенные любовники. СПб.: Северо-Запад, 1993. С. 15—332. Дважды любимая — Ренье А. де. Страх любви. СПб.: Амфора, 2012. С. 197—510; Дважды любимая. СПб.: Азбука-Аттикус, 2013.

[47] Перевод пьесы Р. Роллана (R. Rolland; 1866—1944) выполнялся совместно с Ан. Чеботаревской. Сохранились неполные экземпляры рукописи и машинописи с правкой Сологуба и Чеботаревской и корректура (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 213). На шмуцтитульном листе корректуры указано: СПб., 1918 и эмблема издательства «Скифы», печать — «Типография Николаевской

военной академии», а также подпись карандашом «25 янв<аря> 1918». Перевод пьесы опубликован не был, несмотря на предполагавшуюся постановку; в 1918 г. газета поместила анонс: «Театр “Аквариум” готовит к постановке “Волки”, военно-революционную пьесу Ромэн Ролана в переводе Федора Сологуба и Ан. Чеботаревской» (Газ. выр.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 15. Л. 33).

[48] Ф. Рюккерт (F. Rьckert; 1788—1866) — немецкий поэт, переводчик и учёный, профессор восточной литературы в Эрлангенском и Берлинском университетах.

[49] В. С. Терьян (1885—1920) — армянский поэт (см. комментарий к: Наапет Кучак). Перевод неоднократно воспроизводился в изданиях армянской поэзии: Советская армянская литература: Сборник поэзии и прозы. Ереван: Айпетрат, 1953. С. 47; Терьян В. Стихотворения. М.; Л.: Гослитиздат, [Ленингр. отд.], 1960. С. 146; Терьян В. Стихотворения. Л.: Худож. литература, Ленингр. отд., 1973. С. 219; В ладонях гор: Сборник произведений русских и армянских писателей. М.: Современник, 1983. С. 60—61; От рождения Ваагна до Паруйра Севака: В 2 кн. Ереван: Советакан грох, 1983. Кн. 2. С. 186.

[50] Л. Тик (L. Tieck; 1773—1853) — немецкий поэт, писатель, переводчик, драматург; перевод сохранился в виде машинописи с правкой.

[51] Перевод стихотворения П. Г. Тычины (П. Тичина; 1891—1967) «Кузнечная улица» выполнялся для сборника «Поэзия народов СССР», однако не был опубликован. Стихотворения неоднократно включались в другие издания: Поэзия советской Украины: Антология. М.: Гослитиздат, 1939; Тычина П. Избранное. М.: Гослитиздат, 1946; Тычина П. Избранные произведения: В 2 т. М.: Худ. лит., 1971. Т. 1; Тычина П. Избранное. М.: Худож. литература, 1981; Тычина П. Соч.: В 2 т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 1; Тычина П. Избранное. М.: Худож. литература, 1981 и др.

[52] Переводы произведений О. Уайльда (O. Wilde; 1854—1900) выполнялись Сологубом с подстрочника. «Стихотворения в прозе» — общее название для 6 стихотворений, впервые опубликованных единым циклом в июле 1894 г.

[53] В ряде современных изданий (Фрих Э. Р. Бессмертные карлики: Роман. М.: СП «Бук Чембэр Интернэшнл», 1994; Фрих Э. Р. Бессмертные карлики / Пер. с нем. Ф. Сологуба в лит. обработке Л. Соловьевой. М.; СПб.: Книжный клуб «Книговек Северо-Запад», 2010) в качестве переводчика с немецкого указан Ф. Сологуб. В действительности перевод «Бессмертных карликов» Э. Р. Фриха (Ø. Richter Frich; 1872—1945 — норвежский журналист и писатель) выполнялся Ал. Н. Черносвитовой-Иоргенсен, переводчицей с датского, племянницей Ал. Н. Чеботаревской. Сологуб выступал в качестве редактора: на титульном листе машинописи с правкой имеется надпись — «Перевод А. Н. Иоргенсен, под ред. Ф. Сологуба» (Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 560). Язык текста-источника не установлен.

[54] Из шести представленных в сборнике стихотворений П. Цеха (P. Zech; 1881—1946) Сологубом выполнены два.

[55] Все три текста — поэтические фрагменты из новеллы Р. де Шатобриана (R. de Chateaubriand; 1768—1848) «Приключения последнего Абенсерага» («Aventures du dernier Abencerage», 1826).

[56] Основной корпус текстов стихотворений Т. Г. Шевченко (1814—1861) Сологуб перевел в июне—июле 1924 г. При жизни переводы опубликованы не были. В 1935 г. вышло второе издание без изменений (Кобзарь: Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба. 2-е изд. Л.: ОГИЗГИХЛ, 1935). Вплоть до 1955 г. избранные стихотворения в переводе Сологуба регулярно включались в различные издания; см., например: Шевченко Т. Кобзарь: Избранные произведения. Перевод Ф. Сологуба. Саранск: Мордгиз, 1939; Т. Г. Шевченко (к 125-летию со дня рождения). Биографический очерк, избранные стихотворения. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939; Шевченко Т. Г. Кобзарь: Избранные стихотворения. Ростов: Ростиздат, 1939; Шевченко Т. Г. Кобзарь. М.: ОГИЗ, 1947. Из всех переводов Сологуба были выбраны четыре стихотворения («Солдатов колодец», «N. N.», «Подземелье», «Стоит в селе Субботове…»), в дальнейшем они традиционно входили в состав Собраний сочинений Т. Шевченко и отдельных изданий «Кобзаря» (в описание эти издания не вошли).

[57] Переложения из В. Шекспира (W. Shakespeare; 1564—1616) относятся к долитературному периоду творчества. Подробнее см.: *Павлова М. М.* Новые материалы из поэтического архива Федора Сологуба: Первая рабочая тетрадь. Неизвестные стихотворения 1877—1890-х гг

[58] В 1920-е гг. Сологуб планировал издать перевод пьесы Э. Штукена (E. Stucken; 1865—1936) во «Всемирной литературе» (произведение упомянуто в описи «Список рукописей, находящихся в портфеле “Всемирной литературы” на 1-е января 1923 года» — ЦГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 207), но опубликовано не было. В архиве писателя сохранилось письмо Э. Штукена к Сологубу, в котором он дал разрешение на авторизацию перевода.

[59] Авторы и сами тексты-источники перечисленных переводов не установлены. «Стоян идет в Кирджали» — перевод с болгарского, «Здесь мой милый, чернобровый…», «Гойіаго!», «Как орех, кругла, сладка…» — с украинского, остальные тексты помечены Сологубом как переводы с французского.

[60] Названия зафиксированы в авторской библиографии переводов, однако сами тексты не обнаружены. «Пошла Рада за студеною водой…» — перевод с болгарского, «Ах, пристрой меня, милая мама…», «Много ночей прогулял…», «На берегу морском брожу…» — с новогреческого, «Мальчику» — с сербского, остальные — с французского. «На берегу морском брожу…» — лист с текстом поврежден, текст восстановить невозможно.

* * *

НЕИЗДАННЫЕ И НЕСОБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

1

А. П. Барятинский

ПИСЬМО ИВАШЕВУ

Бездельник милый мой, пустынник Пермской сени,
Мой милый Ивашев, проснешься ль ты от лени?
Конечно, в чтеньи есть утех сладчайших мед,
Но словно мачеха, талант она скует.
Сказали б, видя, как тобой владеет книга:
Угаснул твой восторг, пиано свергло иго.
С Евтерпой за тебя ведет Ерато бой,
Тебя ль страшит ярмо работы небольшой?
Страшней тебе презреть их ласковое рвенье;
Спеши на мост двойной молить о вдохновеньи.

Как мило Лафонтен тобой переведен!
Ты знаешь? — милостив к тебе сам Аполлон,
Читал твои стихи; они ему приятны
(Парнасу языки племен земных невнятны).
И старец благостный успех твой увенчал,
И вдохновение свое в тебе узнал,
И, почивающий в своей покойной грезе,
Двойной рукоплескал своей метаморфозе.
…Смеялся он: пред ним заботливый «карвель»,
Томленья ревности, отрадная постель…
Но муза мне велит молчать: она — ребенок.
Для этих вольностей чужих язык твой звонок,
И как искусно ты перенести умел
На русский быт мужей обманутых удел!
Любовник вкрался в дом под обликом лакея.
Чтоб удалить позор и уличить злодея,
Седой супруг в саду за грушей сторожит…
По воле всех троих, твой стих летит, блестит
И мужа славного обманывая право,
Венчает старый лоб приметою лукавой.
А после твой восторг покойный сон облек.
Красней… но ты сердит на дружеский упрек.

Что ж, милый Ивашев, коль ты бежишь цензуры,
К пиано подойди изысканной структуры;
Мои стихи и мой урок забудешь вдруг,
Когда твой инструмент издаст чудесный звук.
Своими пальцами ты ловко так надавишь
На ряд склоненных вмиг и вновь подъятых клавиш.
Порой, чаруя слух, бежит твоя рука,
Доверив клавишам мечту твою, легка,
Вперед или назад вдоль пестрого их ряда,
И следует за ней блестящая рулада;
Порой звучит аккорд, замедлен, в тишине,
И отзывается в сердечной глубине.
Капризы яркие и нежные мечтанья
Наводят на душу нам всем очарованье.
О, вы, которым грусть успела сердце сжать,
Придите прелестям концертов тех внимать!
Ногою легкою ты трогаешь педали,
Чтоб за аккордами сладчайшие звучали.
Грозу ль, нептунов гнев ты нам изобразишь,
И вот вдоль клавишей ты громом прогремишь,
И руки легкие не ведают покоя,
Бежа одна другой, одна другую кроя.
Едва там каждый звук замрет и замолчит,
Другой легчайший звук в ответ ему летит,
И мысль твоя ясна, в весельи или в злости,
И жизнь твоя рука дарит слоновой кости.

Упреки тщетные! Напрасная печаль!
И вдохновенье спит, и смолкнул твой рояль.
Увы! Перед тобой в чернильнице чернила,
Но пыль твое перо бессильное покрыла.
Бумага близ него, нетронута, бела,
В порядке, пачками, на длинный стол легла.
Подперши голову небрежною рукою,
Ты книгой увлечен, неведомо какою;
Другая же рука над лаковым твоим
Протянута столом, недвижным и немым,
И пальцы заняты игрою машинальной
В бесплодной легкости и лености фатальной.

16 октября 1925

2

П. ПЕСТЕЛЮ

Товарищ первый наш! Я думаю с тоской:
Четыре месяца в разлуке я с тобой.
Спокойных вечеров ты не забыл, конечно:
К беседам искренним влекомые сердечно,
Мы утешалися содружеством умов.
Тогда ты отдыхал от множества трудов,
И к нашему ты шел от строгих дум союзу,
Тогда твоя рука мою ласкала музу.
Тебе начезов двух я начертал грехи.
Прости ошибки мне, особенно стихи.

15 октября 1925

3

Г. Бенн

КАРИАТИДА

От камня оторвись! Разбей
Пустое рабство! Устремися
Скорей в поля! Посмейся над карнизом…
Смотри, как бородатый пьян Силен,
Как из его всегда похмельных,
Громко-шумящих, неповторимых вен
Вино струится в плоть.

Наплюй на страсть колонн: полумертвые
Старые руки их трясли.
Закрытым небесам на гибель,
Храмы пред похотью твоих колен,
В которых алчет пляс.

Прямо стань. Цвети. Пусть к нежной грядке
Твоей струится кровь широких ран:
Смотри, Венера с голубями
Прикрыла розами врата любви,
Кончаясь, лето голубые вздохи
Шлет морю звезд к древесно-бурым
Далеким берегам; восходят
Последние часы, — обман счастья
Высоко.

19 декабря 1923

4

П. Беранже

ПЕСНЬ ТРУДА

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

На неподкупленной лире
Громкую славу споем,
Тем, кто живет в этом мире
Честным трудом!

Слава святому труду!
Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Жизни веселой наука
Не тяжела для простых…
Братья мои, вам порука —
В песнях моих.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Бедность несла для примера
В древности мудрость сама;
Вызвала песни Гомера —
Посох, сума.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Доле блестящей, великой
Тяжкий бывает конец;
В бочке с всемирным владыкой
Спорил мудрец.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Средь раззолоченных клеток
Веет уныньем пустынь;
Лучше уж есть без салфеток,
Спать без простынь!

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Бог легкокрылый порхает
Там, где не видит оков:
Полной хозяйкой влетает
К бедным любовь.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Дружба не знается с злыми;
Но в кабаке, где вино
Тянут служивые — с ними
Пьет за одно.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

5

УЗНИК

«Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!»

Так узник пел из-за решетки
Тюремной башни над водой;
Он видел, — каждый день на лодке
Являлась дева под стеной.

«Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!

Я молод, тяжки эти своды
В тьме заточенья моего,
Что день, страстнее, чем свободы,
Я жду явленья твоего.

Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!

Надеждой веет надо мною…
Меня рука твоя спасет!
Освобожденного тобою
Везде, я верю, счастье ждет.

Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!

Ты легкий челн свой замедляешь, —
И слезы у тебя в глазах…
Но, как надежда, ускользаешь
Ты вновь, — и я умру в цепях.

Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!

Меня схоронят эти своды…
Но нет, — ты машешь мне рукой.
Светило жизни и свободы
Заблещет завтра надо мной.

Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!»

6

Бертэ

RELIF DE LA BRETONE

Не вел и не учил никто; душой свободен,
И, заблуждаясь, он соперников дивит,
Природу любит он, подобно ей творит,
Подобно ей он прост, неровен, превосходен.

15 августа 1923

7

Ш. Бодлер

КАЖДОМУ СВОЯ ХИМЕРА

Под широким пасмурным небом, на широкой пыльной равнине, где ни дороги, ни травы, ни репейника, ни крапивы, я встретил людей, которые шли, согнувшись.

Из них каждый нёс на спине громадную Химеру, тяжёлую, как мешок с мукою или углём, или как ноша римского пехотинца.

Но чудовище не было неподвижною тяжестью: оно обнимало и давило человека гибкими и мощными мышцами; оно держалось на плечах своего носителя, зацепив на его груди один за другим два огромные когтя, — и чудовищная пасть над головою человека возвышалась, как один из тех страшных шлемов, которыми древние воители надеялись ужаснуть врага.

Я обратился к одному из этих людей и спросил его, куда они так идут. Он отвечал мне, что ничего не знает, ни он, ни другие; но что, конечно, они идут в какую-то страну, потому что непобедимое

стремление двигает их. И я заметил: никто из этих путников не казался раздраженным против свирепого зверя, повисшего на его шее и прильнувшего к его спине, — как будто каждый из них считал его частью себя самого. Все эти утомлённые и задумчивые лица не обнаруживали отчаяния; под печальным сводом неба, с ногами, погружавшимися в прах земли, такой же грустной, как это небо, они проходили с покорным выражением людей, которым суждено всегда надеяться.

И они прошли мимо меня и скрылись на горизонте, там, где округлённая поверхность планеты скрывается от любопытного взора.

И несколько минут я упорно думал об этой тайне; но вскоре непреодолимое равнодушие обрушилось на меня и отяготело на мне сильнее, чем на них самих — их пагубные Химеры.

8

ТОЛПА

Не каждому дана радость многолюдства: веселиться в толпе — искусство, и только тот может пиршествовать на счет человеческого рода, кому фея навеяла в колыбели вкус к переодеваниям и личинам, ненависть к домашнему очагу и страсть к путешествиям.

Многолюдство, одиночество: положения одинаковые и взаимозаменяющиеся для поэта деятельного и плодовитого. Кто не умеет населить свое одиночество, тот тем более не сумеет быть один в толпе занятых чем-нибудь людей.

Поэт пользуется тем несравненным преимуществом, что он может по воле быть или самим собою или иным. Как одна из тех блуждающих душ, что ищут себе тела, он входит, когда хочет, в личность каждого. Ему одному все открыто: и если иные места кажутся ему замкнутыми, так это потому, что на его взгляд их и посещать не стоит.

В страннике одиноком и размышляющем удивительный восторг производит это всемирное общение. Кто легко сочетается с толпою, тот испытывает лихорадочные радости, которых навсегда лишен эгоист, замкнутый, как сундук, и ленивец, спрятавшийся, как улитка. Ему как свои все занятия, все радости и все печали, которые покажет ему случай.

То, что люди именуют любовью, так мало, узко и слабо в сравнении с этим неизреченным разгулом, с этим священным распутством души, которая отдается всецело, со всею поэзией и благостью, непредвиденному и неизвестному, всему, что является и приходит.

Хорошо бы узнать иногда счастливцам этого мира, хотя бы для краткого уничижения их глупой спеси, что есть счастие более высокое, обширное и утонченное. Основатели колоний, пастыри народов, миссионеры, заброшенные на край света, причастны, без сомнения, этим таинственным восторгам; и на лоне обширной семьи, созданной

их гением, они должны иногда смеяться над теми, кто их жалеет за такую беспокойную судьбу и за такую непорочную жизнь.

9

Х. Н. Бялик

И вот вслед за мною придет человек,
Свободней меня и прямее, но если
И в семьдесят крат его жизнь будет краше,
И поймет, не поймет ли он весь мой лепет,
Одного не боюся — он трепета сердца не презрит,
Над болью души он смеяться не станет, —
Он с книгою жизни моей уединится,
Погрузится с головою в ее смуту,
Слова мои желчные выпьет, — и вольются
Горячей смолой они в его кости,
Чтоб затмить его душу и поднять из глубин
Вопли сжигаемого на костре.
И когда он будет влачить свою душу по строкам
Стезею пыланий и снега, облитого кровью,
И когда отшатнется от слов-скорпионов,
Терзающих в злобе сердечной свою же плоть
Зубами, точащими свою же отраву,
От бессилья и бешеной злобы, —
И когда он упьется гневом до презренья родительской муки,
До поношения имени Бога,
И глаза к дверям отвратит, — он увидит,
Душа моя там предстоит молчаливо,
Обнажая все язвы свои и все злые недуги,
Не тая своего униженья:
«Смотри, я стою пред тобою, смотри, какою я стала,
И что сила моя, и надежда моя, и мое возмущенье!»
И погаснет мгновенная искра презренья в его глазах,
И замрет на его устах укор,
И канет украдкой слеза, как выкуп за стыд моей жизни,
Искупленье за позор моей муки.

26 сентября 1917

10

AL HA'SCHCHITAH

О милости, небо, проси для евреев,
Когда тебе ведомы к Богу живому пути.
Я к Богу путей не умею найти.
О, небо, молись за евреев!

Молитвы в устах моих умерли, в сердце нет воли,
Убиты надежды, бессильно упала рука…
Доколе, доколе, доколе!

Пронзи же мне горло, палач, — ты не знаешь пощады.
Убей, как собаку! В руке твоей нож,
И нас ты повсюду найдешь, —
Мы — малое, слабое стадо.
По черепу бей, — невозбранны кровавые реки,
И детская кровь на одежде твоей, —
Она не сотрется вовеки, вовеки!

О, если есть правда, пусть явится ныне,
А если она воссияет потом,
Когда мы умрем,
Пусть трон ее рухнет в пустыне:
Пусть небо безмерною злобой истлеет,
А ваша, насильники, злость
Пусть вечно живет и тучнеет.

Не надо нам мщенья, не надо!
Отмщенья за муки невинных детей
Не знает и сам повелитель теней.
Пусть кровь просочится до ада!
Пусть падает тяжко на адские своды,
И медленно точит во тьме
Основы растленной природы.

3 апреля 1916

11

Якоб Ван Годдис

УТРЕННЯЯ ЗАРЯ

Из яркой, желтой ночи кинуть дом
Спешит обуться всяк, смущен и стар.
В холодном небе ярко-голубом
Сквозь наши фонари горит пожар.

Пятнистых, длинных улиц тяжкий ход
В широком блеске дня завьется живо.
Заря могучая нам свет несет
В озябших, толстых пальцах боязливо.

14 декабря 1923

12

Р. Ванси

СОНЕТ

Дитя, ты так тонка, — ты кажешься мечтой!
Тихонько говори, не расточай дыханья, —
Твоей незримой драмы близко окончанье,
Давно уж точит смерть тайком твой стан больной.

Не будем плакать! Гость обители земной,
Ты улетишь домой, неся с собою знанье
Свойств человека лучших, чистых: состраданья,
И непорочности, и нежности святой.

Исчезнешь ты, как исчезает запах розы,
Безвестными тебе останутся угрозы
Семейных горьких бед и хмурой жизни стыд.

Не оскорбим тебя печалью нашей мрачной,
Но всяк, кто знал тебя, навеки сохранит
Воспоминанье тени легкой и прозрачной.

28 июля 1891

13

Ф. Верфель

Улыбка, дыхание, стремление
Черпай, неси, удержаться могли бы
Многие воды улыбок твоею рукой!
Улыбка, блаженная влага, подъята
Все через облик.
Улыбка — не сгибы,
Улыбка — познанный свет!
В пространстве блещет свет, но его еще нет!
Не солнце — свет,
В нашем зреньи его расцвет,
И свет, как улыбка, родится.
Из легких, звучных, вечных врат мчится,
Из врат очей сквозь прозрачные глыбы
Весна в первый раз в пене небес,
Пожар гася улыбкой одной.
Полощет улыбкой старую руку пожар дождевой,
Черпай, неси, удержаться могли бы!

Напрягай внимание, не спуская взоров!
В созвучьи свободных дыханий ночных пребудь, —
Дышит стройно высокая грудь.
Носится дух
Над прозрачностью мрачных хоров.
Дыханием высший Дух познать!
Не ветер, что станет нырять
В лес, в куст, в луговую гладь,
Не веянье, пред которым листья дрожат…
В дыхании от божьего духа человек родится.
Из губ, что закрывают,
Тяжелея, темные, вечные врата, мчится
Божий дух, и мир покоряет.
Начинает парус меж бурных волн
Дыхания величаться в обаянии,
Беспредельного слова ночной нагруженный челн.
Не спускай взоров, напрягай внимание!
Смирись, склони колена, рыдая!
Смотри, любимая уходит по надзвездным стезям!
Стремись туда, исчезни в движении сам!
Спеши восхитить
Все к чистоте, где связь мировая.
Стремление больше, чем ход и скок,
Звездной сферы Вверх и Поперек,
Больше, чем пространств танцующих прыжок.
В стремленьи человека путь к свободе родится.
Божья прелесть и жизнь по всем сердцам и вратам
В стремленьи человека мчится.
Улыбка, дыхание, порыв по стезям
Больше, чем светы, ветры, звездный ток,
Миру начало — человеческий срок.
В улыбку, в дыханье, в стремленье любимой погрузися!
Рыдая, склони колени, смирися!

16—17 ноября 1923

14

Г. Гейм

Длинны твои ресницы,
В твоих глазах темные воды,
Дай погрузиться в них,
Дай в глубину войти.
Вот у шахт рудокоп
Качает тусклую лампу

Над входом в рудники,
Где высок вал теней.
Видишь, я нисхожу,
Чтобы забыть о твоем лоне,
Что сверху вдаль грозит,
Ясность, муку и день.
Вырастает в полях,
Где ветер кружит, зерном пьян,
Терн высокий, больной
Под синевой небес.
Руку дай мне;
Мы с тобою вместе срастаемся,
Ветру покорны,
Лету пустынных птиц.
Услышим летом
Орган утомленного грома,
Нырнем в осенний свет
На берегу синих дней.
Мы встанем иногда
Окрай земного колодца,
В глубокую тишь смотреть,
Поискать там любовь нашу.
Или мы войдем с тобой
Из теней золотого леса
В широкую зарю,
Твой ласкающую лоб.
О, печаль божья,
Крылья любви беспредельной,
Поднимай свой бокал,
Выпей сок сна.
На краю встанем однажды,
Где море, все в желтых пятнах,
Уже тихо идет
К гавани сентября.
И отдохнем
Вверху, в дому цветов увядших,
Где срывается со скал
Ветер вниз и поет.
А тополь ронит,
Колеблясь в лазури вечной,
Уже засохший лист
На твоей шее заснуть.

18—19 декабря 1923

15

Г. Гейне

ЛОРЕЛЕЯ

Мне память чудесную быль навевает,
И сердце встревожено странной тоскою.
Томлюсь я, волнуюсь, душа замирает,
Пленительный образ плывет предо мною.

Уже вечереет, и воздух свежеет,
На Рейне багрянец лежит над волнами,
Прибрежные гребни пурпуром алеют,
Облиты вечернего солнца лучами.

Одна есть вершина, — подъем туда страшен,
Такие под нею крутые откосы.
Там дева садится. Наряд весь украшен
Алмазами. Веют волнистые косы.

По ним золотой она водит гребенкой,
Смеется, и ноги с откоса спустила,
И вдруг раздается напев ее звонкий,
И в песне звенящей волшебная сила.

Рыбак в челноке, очарованный пеньем,
На деву плененные взоры подъемлет.
Он руль отпустил и, объят восхищеньем,
Опасному шуму прибоя не внемлет.

Разбился челнок, и несчастный в пучине
Уж тонет, в бесплодных усильях слабея, —
А там, на высокой блестящей вершине
Хохочет и звонко поет Лорелея.

15а

ЛОРЕЛЕЯ

Не понять мне, что со мною,
Отчего печален я.
Обаяньем старой сказки
Вновь полна душа моя.

Воздух свеж, река темнеет,
Тишь на рейнских берегах,

А вершины гор сияют
В ярких солнечных лучах.

В золотом своем наряде
Смело девушка-краса
Там вверху сидит и чешет
Золотые волоса.

Гребень золотом сверкает,
И поет себе она.
Эта песня так призывна,
Так чудесна, так нежна!

И пловец в убогой лодке
Внемлет ей, волненья полн.
Все глядит он на вершины
И не слышит шума волн.

Челн разбился об утесы,
И пловца уж нет, как нет, —
Это пенье Лорелеи
Приносило много бед.

16

К. Гейнике

ТРУБА БУРИ

Голубых часов приманки
Звездномило веют сны
Из твоих сердечных песен,
На сверхземлю порываясь,
Где сыны богов могучих
Хмельно солнце воспевают.

Грянь оттуда,
Голос бури,
Бледным душам прямо в уши,
Загоняй небесно вверх

К тебе!
Высь смеется,
Жизнь крушится
У твоих внесрочных ног!

В полных пригоршнях воспоминаний
Мчатся тысячи желаний диких,
Пляшет вечный год!

16 декабря 1923

17

И. Голл

ДЕМОНСТРАЦИЯ

О, как свято они несли в красном фонаре,
Качая на детской палочке сердце народа, дышащее светло,
За поднятым светом шумел океан.
Факелы лили елей мира на черных людей,
На каждого глянь, — вот первый избавитель.
Гордые слова чрез город проносились,
Рея предо всеми в облаке красном, как кровь,
Мужественная музыка бешено с медных ворот неслась.
В скверах люди, как кулаки, друг с другом плотно сжимались,
Огнем на воде ночи шипели вскрики толпы,
А рдеющая змея буравила себе путь сквозь бульварный туннель.
Яркими окнами расцветились все дома,
За опьяненным потоком шли
Дальше, дальше, туда, где оратор стоял, человек,
Что, как сеятель, ровным движеньем
Сеял в алчные борозды
Темного множества
Златые слова свободы.

22 декабря 1923

18

MATERNITÉ

В любимых голосах сестер покой так кротко дышит,
Далек дождливый будень, что за окнами там бредит.
А здесь они на облаке лежат, и на висках их впалых
Угрюмо-гладки косы, глаз больших светильники погасли.
Их мучит часто мужа зов глухой,
На божье слово в пении сестер.
И двери хлопают, и крик, как стаи вспугнутых галок,
Дрожат тела, и лилии ломаются от мук, —
Еще темно, еще заря окошек не напудрит,
Но что встает, встает, красно, кругло, тепло,
Как шар вскипающий из ярости ночной?

И мечется, как море, мать, и раковинка на песке блестит:
О, человек, сын родился.

22 декабря 1923

19

СТИКС

О ты, всеградный Стикс!
Вода призывная, что с рыбою ленивой в небе дышит!
К тебе, к тебе склониться приходят нищие в серые дни,
С тобою в нашем мире роднятся все!
На берегу кивают, словно тени, почти как древних теней их восторг,
Они, однако, не мертвее мертвых! Но устали очень!
В Харонов челн, где черный парус, им входить не надо!
Падут, лишь только б голову склонить на землю:
Колка довольно, кустик, семь травинок,
К земле нагим плечом прильнуть, да без полиции хоть час один.
Вода струит забвенье. Так спокойно в материнской зыбке.
Далеко позади, за гатями, тюрьмой, ночлежкой,
Встает железный мост, из недр земли тысячью тихо,
Радуга черная, надежда безмерная, в лунном злачении тучи!

14 декабря 1923

20

В. Гомулицкий

Пока невестин взор беспечный
Тебя волнует и томит,
То мукой жжет тебя сердечной,
То светлой радостью поит,
Пока готов, за ласку милой,
Лелея страстные мечты,
Вселится в ад с нечистой силой, —
Не говори, что отжил ты.

Пока невинным умиленьем
Ты наслаждаешься весной
Природы чудным воскресеньем,
Ее незрелой красотой,
Пока поешь ты, грусти полный,
Про лес, про звезды, про цветы,
Про ночь и день, про светлы волны, —
Не говори, что отжил ты.

Пока людские заблужденья
Печаль и гнев в тебе родят,
И жажда слез, и жажда мщенья
В душе встревоженной кипят,
Пока ты жадно рвешься к бою,
Тая надменные мечты
Перевернуть весь мир борьбою, —
Не говори, что отжил ты.

Пока томит капризной Славой,
Ее желаньем обуян,
Ты упиваешься отравой,
Лелеешь сладостный обман,
И был бы рад ты и могиле,
Когда б надгробные плиты
Впервые славу возвестили, —
Не говори, что умер ты.

Но если прелесть девы юной,
И славы блеск, и горечь слез,
И солнце, и краса подлунной
О сердце бьют, как об утес,
И, жизни усыплен потоком,
Забыл ты прежние мечты,
И смотришь вкруг холодным оком, —
Тогда-то отжил, умер ты.

25 декабря 1888

21

В. Гюго

Всходили ль вы порой, в покое, в тишине,
На горы, близкие к небесной вышине,
То берег Зунда был? иль берег был Бретани?
Подножие горы лежало ль в океане?
И там, к безмерности склоненному, к волнам,
В покое, в тишине, что слышно было вам?
Вот то, что слышим мы. — Когда над берегами
Носилась мысль моя, объятая мечтами,
И в бездну горькую ныряя с выси гор,
Здесь землю видела, и там морской простор,
Внимал и слышал я, — вовек не исходила
Из уст такая речь, и слуха не будила.

Сначала это был безмерный, смутный гул,
Как будто бы в лесах дремучих ветер дул,
То резких звуков полн, то сладостно журчащих,
Нежнее песни зорь, звучней мечей бренчащих,
Где схватка, конь о конь, стеснила строй врагов
И свищет, ярая, на медных ртах рогов.
И стал он музыкой, несказанной, глубокой,
Что без конца лилась, обвивши мир широкий,
И молодой волной на небесах пустых
Чертила ряд орбит, безмерно развитых
До грани, где ее прибой в ту бездну канет,
Где времени, пространств, числа и форм не станет.
Бессмертных гимнов строй стихийной пеленой,
Разлитой через край, покрыл весь шар земной,
И мир, окутанный покровом тех симфоний,
Как в небе он плывет, так плыл среди гармоний.

Эфирным арфам я задумчиво внимал,
И в этом голосе, как в море, был я мал.

И вдруг я различил, сливались поминутно
Два голоса в один, еще неясно, смутно,
И оба голоса, объемля песней мир,
От моря, от земли струилися в эфир;
И я их различал в глубоком их роптаньи,
Как видим мы двух струй в одной волне слиянье.

Песнь славы! счастья гимн! то голос был морской,
То было голос волн в беседе меж собой.
С земли, где мы живем, исполненной печали,
Всходил другой; людей роптанья в нем звучали.
От каждого из нас, от каждой там волны
Свой шум и голос свой и день и ночь слышны.

Но, повторю, звучал весь океан обширный,
И радостно он пел, торжественный и мирный,
Как арфа в храме том, что увенчал Сион,
И славил красоту творений божьих он.

И непрерывно вопль в дыханьи урагана
Торжественный всходил к Творцу от океана,
И каждая из волн, — их только Бог смирит, —
Возносит песнь, когда другая отзвучит.

Как лев, который был покорен Даниилу,
Порою океан смирял тех песен силу,
Тогда казалось мне, сквозь огненный закат
Под гривой золотой персты Творца сквозят.

Но там же, где звучат священные фанфары,
Иной, как ржавый крюк у двери в область кары,
Как ржанье в ужасе внезапном рысака,
Как скрип железных струн от медного смычка,
Скрежещет вопль; и крик, и слезы, и хуленья,
Отказы от молитв, отказы от крещенья,
Злословие и брань; проклятия и вой
Неслись крутящейся и ропщущей волной
Людской, как вечером в долины улетая,
Несется птиц ночных на черных крылья стая.
Стократных отзвуков был трепет чем рожден?
Увы! то был земли и человека стон.

Два голоса звучат неслыханно и странно,
И вечно падают и всходят беспрестанно.
Предвечный слушает их песнь из века в век
Природа! Песнь морей; земная: Человек!

Я размышлял тогда, увы! Мой разум верный,
Когда же ты дерзал на взмах такой безмерный,
Когда в твоей тени подобный свет блистал?
И долго я мечтал, и долго созерцал
Пучины мрачные, где волны исчезают,
Пучины, что в душе, бездонные, зияют.
Я спрашивал, зачем мы пребываем здесь,
К чему душа творит, и мир стремится весь,
Что лучше, быть землей иль покоряться мигу,
Зачем Господь, один свою читая книгу,
Сплетает без конца в хоралах роковых
И крик детей земли, и песни волн морских.

20—22 марта 1923

22

ГИТАРА

Послушай песенку карабинера
Гастибельза:
«Кто госпоже Сабине, кабальеро,
Глядел в глаза?

Танцуйте, пойте, граждане! За тьмою
Гор не видать. —
Нагорный ветер мне грозит бедою
Безумным стать.

Мою сеньору знали вы, Сабину?
Все вечера
Я слышу мать-старуху Мограбину
Д'Антекера,
Когда над башнею начнет совою
Она кричать. —
Нагорный ветер мне грозит бедою
Безумным стать.

Танцуйте, пойте! Радуйтесь той силе,
Что дал вам бог.
Веселье юное глаза струили
Родник тревог.
С ребенком старцу щедрою рукою
Спешите дать. —
Нагорный ветер мне грозит бедою
Безумным стать.

Чья, королева, вечером победа,
Твоя ль была,
Когда в корсаже черном мост в Толедо
Она прошла,
Чтоб четки королевские рукою
Перебирать? —
Нагорный ветер мне грозит бедою
Безумным стать.

От короля племянник слышит: «Краше
Не встретить нам.
О, дон-Рюи, отдам я царство наше,
Перу отдам,
Чтоб овладеть улыбкою одною,
Иль волос взять. —
Нагорный ветер мне грозит бедою
Безумным стать.

Любил ли я сеньору, я не знаю,
Но только взгляд

Сердечный кинула б, и, уверяю,
Я был бы рад
Десяток лет платить за то тюрьмою,
В цепях страдать. —
Нагорный ветер мне грозит бедою
Безумным стать.

Был ясный летний день, живой и нежный.
Она игрой
Развлечься вышла на песок прибрежный
С своей сестрой.
Колени милых стали над водою
Мелькать, плескать. —
Нагорный ветер мне грозит бедою
Безумным стать.

Я стадо пас тогда, и мне шептала
Моя мечта,
Что Клеопатра предо мной предстала,
Царица та,
Что Цезаря германского уздою
Могла сдержать. —
Нагорный ветер мне грозит бедою
Безумным стать.

Танцуйте, пойте, граждане, — стемнело!
Пора пришла,
Вот граф Салдань, — ему Сабина смело
Все продала,
Красу, любовь, чтоб цепью золотою
Пощеголять. —
Нагорный ветер мне грозит бедою
Безумным стать.

К скамейке старой прислонюсь устало,
Простите вы.
Да, убежала с графом, убежала
Она, увы!
В Сердань, потом дорогою какою
И где ж искать! —
Нагорный ветер мне грозит бедою
Безумным стать.

Все, что я помню, — проходила мимо
Моих оград.
Душа всегда болит невыносимо,
Полна досад,
В ленивых снах, с мечтою полевою,
Даги не взять.
Нагорный ветер мне грозит бедою
Безумным стать».

7—8 июня 1923

23

ДРУГАЯ ГИТАРА

Как сделать, спросили они,
Чтоб наши ладьи нас умчали
От этой дозорной клешни?
— Гребите! — они отвечали.

Как сделать, спросили они,
Чтоб ссоры забыть и печали,
Беду и опасные дни?
— Засните! — они отвечали.

Как сделать, спросили они,
Чтоб милые нас целовали
Без всякой волшебной стряпни?
— Любите! — они отвечали.

8 июня 1923

23а

ДРУГАЯ ГИТАРА

Как быть, он спросил,
Чтоб ладьи умчали,
Нé взял алгвазил?
— Гресть! — они сказали.

Как быть, он спросил,
Чтоб тоску, печали,
Скуку я забыл?
— Спать! — они сказали.

Как быть, он спросил,
Чтоб меня ласкали

Без волшебных сил?
— Полюбить! — сказали.

8 июня 1923

24

Не бойтесь, верьте! К жизни новой
Все устремилось, все спешит,
И берег древний и суровый,
Как сон промчавшийся забыт.
Из ночи к утренней улыбке
И от гробнице к звонкой зыбке,
От гидры к ласточкам бегут.
Безумцы мудры и полезны:
Они пытают эти бездны,
Что революцией зовут.

Пророки, тощие от бдений
Все, новых и былых времен,
Поэты гордых возвращений,
Исайя так, как Байрон,
Людей стремите вы к вершине,
Всегда такой же, как и ныне,
Но нам она всегда нова.
В дыханьи бурю вопиющей
Внимает вечно в путь идущий
Все те же вечные слова

Ваш глас трагически и строго,
Проникнет в ад и в райский свет.
Вы слова просите от Бога,
Чтоб сфинксу верный дать ответ.
Весь путь народов от Сиона
И через Рим жрецам закона
В смятенном рабском их уме
Является путем паденья,
Но ваше выспреннее пенье —
Провозглашение во тьме.

В набат вы бьете — сбор героям;
Но смерть измене — Ваш набат,
И ваши гимны бурным роем
То прозвучат, то отзвучат.

Летят пророческие звуки,
И с ними долгий путь и муки
Народам легче потерпеть.
Мечтанья, песни, мысли ваши,
Как опрокинутые чаши,
Откуда в ритмах льется медь.

На колеснице светлой Оры
Из мрака мчатся на простор.
Стремится все к лучам Авроры,
Хотя б себе наперекор, —
Кто сам идет, кто отступает.
Маяк свой странный воздвигает
Грядущее во тьме ночной,
Он мрачен, но горит звездами.
Там стаи ваших строф крылами
Бьют в черный колокол большой.

25

ПРОШЕДШЕЕ

Луи Тринадцатый, нам время сохранило
Тот замок дней твоих. Забыт, в закате ал,
Он, каждое окно в далекое горнило
Преобразив огнем бесформенного пыла,
Лучами, скрывшими всю кровлю, засиял.

Обломок древних слав, простерся парк пред нами,
Где травы поросли, куда мы ни пойдем,
И где в углу Зима с угрюмыми глазами
На серый пьедестал, прикрытая плющами,
Взошла и греется над мраморным огнем.

Большой дремотный пруд одели в траур годы;
Нептун покрылся мхом, к воде склонив чело,
Камыш таит волну, и землю гложут воды.
Деревья старые сплели угрюмо своды
Ветвей, где находил созвучья Буало.

Оленей видишь вдруг в лесу, как бы смущенных
Тем, что охотника уж не встречает взор;
В тени грабин, увы! В ограду обращенных,
Лишь белых статуй ряд, на пни дерев склоненных,
Венеру, Габриэль, все помнят тех сестер!

Рапирой длинной край плаща приподнимая,
Увы! В немом саду не ходит кавалер;
Тритоны словно спят, ресницы закрывая;
В тени, в лесной глуши окаменел, скучая,
Полураскрытый зев древнейшей из пещер.

Я вам сказал тогда: — На замке тень пустыни;
Любовь была свежа, как в сердце вашем, в нем;
И без конца пиры, и смех, и блеск гордыни —
От этой радости еще мрачней он ныне,
Как стертый весь сосуд, источенный вином.

Входили в этот грот, где мох скрывает глину,
Вздыхая трепетно и опустив вуаль,
С влюбленным королем, чтоб молвить властелину
При входе — Государь, — Луи, — сходя в долину,
Прекрасная Коссад иль юная Кандаль.

Тогда, как в этот день, в лазури тучи плыли,
Светлы, как пух, для них, Кандаль или Коссад,
Смеялось солнце им, мечты вокруг всходили,
И кровлю мрачную лучи легко златили,
И всеми окнами пылал для них фасад!

Тогда, как в этот день, единые сердцами,
Любовью светлые, входили в эту тень;
Он имя ангела давал прекрасной даме,
Сливалися один с другим, и взор, как пламя,
И взор сияющий, тогда, как в этот день.

Блаженства отзвуки, к ним эхо смех доносит
Иных любовников, там, где-то в глубине.
Порой на радость их любовь молчанье бросит.
«О чем вздохнула ты?» — ее он нежно спросит.
Ответит милая: «И вы скажите мне…»

И ангел, и король идут рука с рукою,
Надменны, радостны, зеленый мнут газон,
Меняясь взорами, дыханием, мечтою…
О солнце, скрытое за темною чертою!
Великолепие затмившихся времен!

7 мая 1923

26

Развивши паруса, в моря вам плыть, матросы,
Так часто мрачные, веселые порой,
И вы увидите при свете звезд утесы,
Иль берег, или порт, гонимы бурь игрой.

Завистники, вам грызть у статуй пьедесталы.
Вам, птицы, щебетать! Вам, ветви, зеленеть!
Плющом одетым, вам, врата, грозят обвалы.
Колокола, вам жить, мечтою нив звенеть.

Обычаи людей везде перенимая,
Вам, путники, толпой блуждающих светил
Задумчиво пройти, всю землю созерцая
И вспомнивши не раз о тишине могил.

Вам, дубы, возрастать в тиши долин пустынных.
В болотистой дали, в мерцаньи вечеров,
Вам, ивы старые, печалью веток длинных
Глядеться в зеркало печальное прудов.

Вам, борозды, дрожать зародышей движеньем,
Вам, гнезда, чувствовать крыл юных дрожь и шум;
Вам, светочи, метать пурпуровым круженьем
Рой искр мятущихся, как возмущенный ум.

Вам, громы, возвещать с морями имя Бога.
Ручьи, вам золотой питать весной цветок,
И отразятся в вас людские тени строго,
И человек пройдет, и протечет поток.

Все на земле и всё, предмет, душа и тело,
Свои преследуя закон, и цель, и страсть,
Свой камень принесут творенью без предела,
Вселенной, где наш род людской есть только часть!

А мне слагать хвалы Творцу, что жажде нашей
Небесный свод раскрыл над ночью и над днем
Той обожаемой, безмерно-полной чашей,
В который мы покой и ясность почерпнем!

4—5 июня 1923

27

Сидела, обувь сняв, по ветру косы взвея,
Склонились тростники к ее нагим стопам.
Я, мимо проходя, подумал: это — фея,
И ей сказал: — Пройти не хочешь ли к полям?

Взглянула на меня верховным взором власти,
Как смотрит красота, когда побеждена,
И я сказал: — Теперь пора любовной страсти,
И нас с тобою ждет лесная глубина.

Стопы свои травой прибрежной обтирала,
И, на меня опять свой устремляя взор,
Шалунья милая задумчивою стала.
Как сладостно звучал из леса птичий хор!

Как тихая вода ласкала берег нежно!
Она идет ко мне через камыш густой,
Наивно-счастлива, пуглива и мятежна,
Веселый смех прикрыв развившейся косой.

14 марта 1923

28

СЛОВА В ТЕНИ

Она сказала: — Да, чего ж бы мне хотеть!
Так ласково у нас за часом час проходит;
Вы здесь; я вам в глаза всегда могу смотреть,
И вижу там, как мысль другую вслед приводит.

Вас видеть — счастье мне; но не полно оно.
Конечно, милою я взыскана судьбою.
Что вам не нравится, узнала я давно,
Тревоге никакой я двери не открою;

Для вас голубка я, голубка любит льва,
Я маленькою быть близ вас в углу стараюсь;
Бумаги легкий шум мне слышится едва;
Перо ли упадет, поднять его склоняюсь;

Конечно, вы со мной, конечно, вижу вас.
Я знаю, мысль — вино, и в нем мечта хмельная,

Но все-таки хочу вниманья ваших глаз.
Когда весь вечер вы, к столу лицо склоняя,

В свой труд погружены, и ни полслова мне,
Восходит тень в душе, плененной страстно вами;
И для того, чтоб вас я видела вполне,
Взглянуть и на меня должны порой вы сами.

14 марта 1923

29

СОВЕСТЬ

С детьми, одетыми в звериные покровы,
Под бурей и грозой всклокоченный, багровый,
Бегущий Каин был гоним Иеговой
Сквозь даль больших равнин, и стал перед горой
Угрюмый человек при угасавшем свете;
Жена усталая, измученные дети
Сказали: — Ляжем здесь, и на земле заснем. —
Но Каин не заснул, в душе томясь, как днем.
Поднявши голову, в угрюмом небе око,
Высоко видел он, разверзлося широко,
И к Каину стремит упорный взор во тьму.
Он трепеща сказал: — Все близок я к нему. —
Усталую жену, детей он поднял сонных,
И в даль бежал опять от взоров непреклонных.
Безмолвно и таясь, так шел он тридцать дней,
И тридцать шел ночей, все становясь бледней,
Без отдыха, без сна, дрожа при каждом звуке,
Не озираясь вспять; и в той стране, что внуки
Ассуром назвали, пришел к морским волнам.
— Мы здесь останемся, приют здесь верный нам, —
Сказал он, — мы дошли до крайнего предела. —
И сел, и увидал, что око вновь глядело
Из той же вышины в угрюмых небесах.
Им снова овладел дрожащий черный страх.
— Укройте! — вскрикнул он; и палец к рту прижавши,
Глядели дети — был свиреп старик дрожавший.
Отца в глуши пустынь кочующих племен,
В палатках шерстяных живущих, вызвал он:
— Явал, укрой меня в тени твоей палатки. —
И вот над ним шатер свои колеблет складки.
Когда был прикреплен шатер к земле свинцом,

— Не видишь ничего? — так, светлая лицом
И, как заря, нежна, спросила внучка Селла;
И Каин отвечал: — Глядит, как там глядело! —
Ювал, отец племен, идущих в крепкий дом
Под рокот медных труб, под барабанный гром,
Вскричал: — Ограду я надежную построю! —
И Каина обнес он бронзовой стеною.
Но Каин говорит: — Все этот взор на мне! —
Тогда сказал Энох: — Воздвигнуть на стене
Вкруг города должны мы много грозных башен.
Построим город наш, чтоб он для всех был страшен.
Построим город наш, замкнем со всех концов. —
Тогда Тубалкаин, родитель кузнецов,
Безмерный град воздвиг, пригодный исполинам.
Пока работал он, ловили по долинам
Сынов Эносовой и Сифовой земли,
И ослепляли всех, кого бы ни нашли;
И стрелы вечером до звезд они метали.
На место пологов граниты крепко встали,
Связали каждый стык в железные узлы,
И город стал похож на город адской мглы;
От башен тень, как ночь, ложилась на просторы,
И стены толстые воздвиглися, как горы;
На двери высекли: «Вход Богу воспрещен».
Когда же был оплот оградный завершен,
Ввели его в покой, где камней твердь висела,
Но все он был угрюм и дик. Спросила Селла
Дрожащая: — Отец, здесь глаза не видать?
И Каин отвечал: — О, нет, он здесь опять. —
И он сказал: — Хочу я жить в земле глубоко,
Как тот, кто, в склеп войдя, живет там одиноко,
Чтоб на меня смотреть не мог никто, никак.
И яму вырыли, и он сказал: — Вот так!
Потом вошел один в пещеру под землею.
Когда же на скамью он сел, окутан мглою,
И в подземелье вход плитою был закрыт,
В могиле око вновь на Каина глядит.

24—31 марта 1923

30

Так надо, чтоб поэт, в лазурь и тень влюблен,
Надменный, кроткий дух, сияньем озарен,
Идущий впереди, сомненья побеждая,

Таинственный певец, пред кем дрожат, внимая,
Любовник и мудрец, мечтатель и жена,
С угрозой предстоял в иные времена.
Захочешь ли мечтать над книгою поэта,
Где лаской, тишиной, восторгом все согрето,
Где мед свой извлекать везде б душа могла,
Где рдеет свет небес из мрачного угла,
Среди поэзии высокой и смиренной,
Где цвет изысканный возрос в тени священной,
Где слышен тихий плач и легкий бег ручьев,
Где строфы яркие, как птицы ста цветов,
Летят воспеть любовь, надежду, ликованье,
Так надо, чтобы нас объяло содроганье,
Чтобы, грохочущий, из тени вдруг возник
Угрюмый, серый стих, ужасен, строг и дик.
Посевы тучные создать поэту надо,
Подобные лесам, где свежесть и прохлада,
Где ветры и лучи любовью сплел напев
Пленительный, и где пройдет внезапно лев.

12 марта 1923

31

Г. Жеффруа

Все улыбается в долине
Вкруг нас под ясной синевой,
Цветок на придорожной глине
Раскрыл румяный венчик свой.
Веселье солнца, струек ропот,
В полях муравки пелена, —
Во всей природе слышен шепот:
Влюбляйтеся, пришла весна!..

Но белы ль ветки
Под снежной сеткой,
Иль зеленеет весной трава, —
О, роза, вечно
Я твой сердечно, —
Любовь всегда хранит свои права!..

Прошла весна, ты пробегала
Вдоль спелых нив, и васильки
В колосья светлые влагала,
Плетя наивные венки.

Недолго мы жару терпели,
Малютка, — шли с тобой в леса;
С тем, что малиновки нам пели,
Сливались наши голоса…

Но скоро листья пожелтели,
И в рощах устилали мох.
Мечты, казалось, улетели;
Я слышал сожалений вздох.

2 июня 1923

32

А. Жилль

ГОРОСКОП

«Воротися!» — мать молит, рыдая.
Ты не слушай и дальше иди, —
Бьется смелое сердце в груди,
Не страшна тебе злоба людская.

Исполняй свой обет! Не щади
Своей жизни; восторгом пылая
И борьбой свои дни наполняя,
Прямо в очи несчастью гляди!

Бейся, мысли, страдай, одинокий!
Даст судьба тебе жребий высокий:
Сердце чистое, радостный взор,

К торжествующей силе презренье,
Всякой лжи — величавый укор,
Всякой скорби — слова утешенья.

3 августа 1891

33

И. Каценельсон

В пламя солнце погрузилось,
Дымно день мой догорает, —
Умерла моя надежда,
С нею сон мой угасает.

Будет ночь моя немою,
Ничего не даст, не скажет, —

И печаль моя безмолвна,
И молчанье сердце свяжет.

Завтра снова мир проснется,
Весь омыт в дневном сияньи,
А печаль бессмертна в сердце,
Нескончаемо стенанье.

11 декабря 1917

34

К. Кишфалуди

Приходи скорей,
Дорогой ты мой!
Дома нет моей
Тетки старой, злой.
На село она
Погостить ушла.
Кабы здесь она
Тебя, друг, нашла,
Изругала б нас,
На весь дом крича,
После целый час
Про себя ворча.
Рот открою я, —
Уж она кричать…
Призамолкну я,
Так начнет ворчать.
Ее нет теперь,
Я зову тебя.
Поцелуй, любя,
Да скорей за дверь.
Да потом за мной
Присылай сватов,
Дорогой ты мой,
К свадьбе будь готов.

21 октября 1884

35

А. де Ламартин

УМИРАЮЩИЙ ХРИСТИАНИН

Что слышу? Надо мной святой псалом звучит,
Толпа молящихся и плачущих стоит.

Зачем светильник бледный и напев унылый?
О, смерть! Не твой ли голос поражает слух
В последний раз! Итак, я здесь проснулся вдруг
Перед своей могилой.

Ты, искра светлая священного огня,
Мой прах живившая до гибельного дня,
Разбей мой страх, — лети, душа, в святые дали!
Несет свободу смерть. Идет она разбить
Оковы. Умереть — не значит ли сложить
Ярмо мирской печали?

Да, счета темным дням не буду я вести.
К каким обителям хотите вы нести
Меня, блестящие послы святого рая?
Уж я плыву, охвачен светлою волной,
В простор: внизу земля кружится подо мной,
Как будто убегая.

Но что я слышу? В сладкий пробужденья миг
Печальный хор рыданий до меня достиг.
К чему ваш плач, друзья земного заточенья!
Забвенье зол я пью из чаши золотой.
Душа моя летит, ликуя, в рай святой,
В блаженном упоеньи.

29 июня 1889

36

П. Марро

УЛИЧНАЯ КАРТИНКА

Я вижу: слабый и худой,
Как черный факел погребальный,
Калека жалкий и печальный
С трудом бредет оп мостовой.

Пока протягивает руки
Он за подачками, жена,
Одета в рубище, бледна,
Ведет смычок, и льются звуки.

На перекрестки и дворы
Его влечет, влечет усталость.

Он в нас такую будит жалость,
Что мы прощаем фальшь игры.

Да, притупились наши чувства.
Помочь ли даром беднякам?
Пусть прежде поиграют нам,
Хотя б и вовсе без искусства.

3 августа 1891

37

М. Метерлинк

МОЛИТВА

О, пожалей мою усталость
В преддверьи моего пути!
В душе бессилие и вялость, —
Трудов ей, бледной, не снести.

Моя душа бледна от скуки,
Моя душа глядит в слезах
На утомившиеся руки
На нераскрывшихся цветах.

И между тем, как в сердце бродит
Мечта лиловой стороны,
На руки бледные низводит
Душа усталый свет луны,

Тот свет луны, где цвет сирени
Пророчит утро в тишине,
Тот свет луны, где только тени
От рук рождаются одни.

3 декабря 1897

38

ТЕПЛИЦА

О, теплица в лесу!
И твои навеки замкнутые двери!
И все, что под сводом твоим!
И в душе моей твои подобия!

Мечты голодной царевны,
Тоска матроса в пустыне,
Громкие трубы под окнами труднобольных.

Иди в самые прохладные углы!
Не женщина ли там, усталая в страдный день?
Не стоят ли почтальоны на больничном дворе?
Вдали не проходит ли охотник, ставший больничным слугою?

Испытуй при лунном свете!
(О, тогда ничто не на месте!)

Не безумная ли перед судьями?
Не крейсер ли мчится вдоль канала?
Не ночные ли птицы на лилиях?
Не заупокойный ли в полдень звон?
(Там, под этими колоколами!)
Не больные ли на привале в степи?
Не эфиром ли пахнет в знойный день?

Боже мой! Боже мой! когда же дождь пойдет,
И будет снег в теплице и ветер!

4 ноября 1897

39

Новалис

ЧУДНЫЕ КРЫЛЬЯ

Лишь спустится мрак ночной,
Я окошко отворю,
И на млечный путь смотрю
С ожиданьем и мольбой.
Как, дорога, ты светла!
Чтобы дух взлететь к ней мог,
Два чудесные крыла —
Ум с любовью — дал нам Бог.
Распахну ж их широко,
И помчусь я далеко,
И сольет с природой вновь
Душу, разум и любовь.

<до 30 мая 1889>

40

Ф. Рюккерт

Тужить о веке золотом,
Твердить, что время к нам сурово, —
Что за нелепость! Мы найдем
Вокруг нас много золотого.

Сменяя золото зари,
Нам светят звезды золотые.
Они погаснут — посмотри:
Зовут уж нас лучи дневные.

Сияет кубок золотой,
И золотая плещет влага.
Ты пьешь, — и с пенною волной
Струится в грудь твою отвага.

А россыпь — золото кудрей,
А взор невесты! Эти очи
Светлее солнечных лучей
И кротче звезд глубокой ночи.
Итак, не плачься, человек,
Гляди бодрей на жизнь земную, —
Чтоб золотой соткался век,
Возьми основу золотую.

13 апреля 1894

41

Р. Шатобриан

БАЛЛАДА АБЕНСЕРАГОВ

Король Жуан холмами
Куда-то ехал; вдруг
Он видит над горами
Гренады полукруг.
Он вздумал подольститься:
— Мой милый городок!
Со мною обручиться
Не хочешь ли, дружок?

С тобою повенчаюсь,
У ног твоей горы

Сложить я обещаюсь
Жемчужные дары,
И лучшую обнову
Тебе я припасу:
Севилью и Кордову
В подарок поднесу.

Ответила Гренада:
— Да у меня уж есть
Супруг; тебя не надо,
Благодарю за честь.
Меня, король Леона,
Прельщать тебе к чему ж?
Есть у меня корона,
Отважный мавр — мой муж.

Вот как ты говорила,
Но верить ли словам?
Так скоро изменила,
Коварная, ты нам.
Нас не спасла отвага, —
Берет испанец злой
Чертог Абенсерага:
Так велено судьбой!

Хаджи из дальней Мекки
Уж не спешат сюда,
И на родные реки
Не взглянут никогда.
Нас не спасла отвага.
Живет испанец злой
В домах Абенсерага:
Так велено судьбой!

Прекрасная альгамбра!
Святилища Аллы!
Долин цветущих амбра!
Зеленые холмы!
Чертог Абенсерага
Сквернит испанец злой.
Нас не спасла отвага:
Так велено судьбой!

Сентябрь 1911

41а

БАЛЛАДА АБЕНСЕРАГОВ

Король Жуан с друзьями
Катался не спеша.
Вдруг видит, над холмами
Гренада хороша.
— Прекрасная Гренада, —
Он так промолвил ей,
— Тебя-то мне и надо.
Знай, будешь ты моей.

Тебе для обрученья
Готовлю я дары.
Рассыплю украшенья
У ног твоей горы.
Прекрасную обнову
Для свадьбы припасу, —
Севилью и Кордову
Тебе я поднесу.

Гренада возразила:
— Не буду я твоя.
Уж с Мавром заключила
Союз навеки я.
Даров твоих не надо.
К чему такая честь?
Есть у меня ограда,
Детей немало есть. —

Ты гордо говорила,
Но как ты солгала!
Гренада изменила,
К неверным перешла.
Ушли Абенсераги,
Наследье их в руках
У проклятой ватаги:
Так писано в веках!

С верблюдами Медины
Хаджей усталых вновь
На милые равнины
Не приведет любовь.

Ушли Абенсераги,
Наследье их в руках
У проклятой ватаги:
Так писано в веках!

Нигде не будет краше
Фонтанов и долин,
Но нас с мечети нашей
Не кличет муедзин.
Ушли Абенсераги,
Наследье их в руках
У проклятой ватаги:
Так писано в веках!

1 сентября 1911

42

РОМАНС ЛОТРЕКА

Как мы сладко вспоминаем
Край, где утро дней встречаем!
Грустно мы в чужом краю
Умираем.
Я про Францию мою
Пропою.

О сестра, мой ангел ясный!
Песню родине прекрасной,
Песню Франции моей,
В день ненастный
Я пою. Будь веселей,
Слез не лей.

Нас ласкала мать родная,
Деток к сердцу прижимая,
И заботой, и трудом
Украшая
Утром, вечером и днем
Бедный дом.

Помнишь пламя нашей печки,
Помнишь сказки на крылечке,
Травы в росном серебре,

Плеск на речке,
Звуки рога на горе
По заре?

Помнишь, — темны были боры,
Сини горные озеры.
Раздвигая тростники,
На просторы
Выносились челноки,
Так легки!

Ах, в тоске неутолимой
Как забыть нам край родимый,
Как забыть наш милый край?
Край любимый,
Ты в душе не умирай,
Ясный рай.

10 июля 1915

43

РОМАНС О СИДЕ

Уже готов отплыть к руинам Карфагена,
Вооружившися на праведную месть,
Берет гитару Сид, — и слушает Химена, —
У ног ее поет, ему диктует честь.

Химена мне твердит: ты должен, славный воин,
Опять над маврами победу нам принесть.
Ты, Родриг, потому любви моей достоин,
Что предпочел любви ты рыцарскую честь.

Несите мне мой шлем, копье мое несите.
Увидите вы все, — у Сида доблесть есть.
На битву славную за мною поспешите.
Мой громок будет клич, — за даму и за честь.

Пускай любезностью своею мавр гордится, —
Услышишь про меня, Испания, ты весть.
Чья голова тогда восторгом не вскружится?
То будет песнь любви, одушевившей честь.

И в Андалузии, среди долины милой,
Мне старцы поспешат венец похвал заплесть.
Они споют: сойти он рад к дверям могилы
За Бога, короля, Химену и за честь.

Сентябрь 1911

44

Неустановленный автор

СТОЯН ИДЕТ В КИРДЖАЛИ

На старую реку
Сбирались кирджали:
Разграбить Тырново
Они замышляли, —
Казну поубавить
Турецкой державы,
И девиц турецких
Увесть для забавы.
Подросток Стоянко
К ним хочет пробраться,
А мать его плачет
И молит остаться:

«Останься, мой милый!
Тебе еще рано
О битвах и думать,
О, Стано мой, Стано!
Как дол омрачится
Завесой тумана, —
Томиться я буду,
О, Стано мой, Стано!
Убъют тебя турки, —
Глубокая рана
В груди зазияет,
О, Стано мой, Стано!»

Стоян не боится
Недоброго слова,
Оделся и вышел
Седлать вороного.

5 января 1891; 16 июля 1892; 11 апреля 1893

45

ВЕРБА И ТЕРНОВНИК

— «Ну что ты все цепляешься к прохожим,
И платья им дерешь?
Ведь ни себе, ни бедным кожам
Ты этим выгоды не принесешь!» —
Так терну верба говорила.
— «Вот, — отвечает он, — не в этом сила!
Приятно поцарапать мне людей!
Ведь и тебя, признайся, забавляют
Гримасы, крик и плач детей,
Как твои ветки их стегают
В руках отца и матерей».

12 июля 1889

46

Встретясь на поле с кротом,
Говорила мышка:
— У тебя, бедняк, не дом,
А плохой домишка,

И возможно в нем едва
Повернуться мыши.
Мне тебя, сердечный, жаль.
Погляди повыше:

Видишь там дворец какой!
В нем с царем живу я. —
Отвечает крот слепой,
Зависти не чуя:

— В этой норке счастлив я.
Чем она не хата?
Ведь она — совсем моя,
Хоть и не богата.

14 июня 1889

47

КОРОЛЬ САВОЙИ

Жил король в Савойе,
Добрый до крестьян.

Слышит он: востоком
Завладел султан.

— Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело.
Нутка в битву смело,
Смело, смело, господа!

— Говорят, востоком
Завладел султан,
Да и притесняет
Бедных христиан.

— Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело.
Нутка в битву смело,
Смело, смело, господа!

— Как он притесняет
Бедных христиан!
Будет нами скоро
Усмирен султан.

— Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело.
Нутка в битву смело,
Смело, смело, господа!

Будет очень скоро
Усмирен султан:
Взял король Савойи
Двадцать пять крестьян.

— Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело.
Нутка в битву смело,
Смело, смело, господа!

Взял король Савойи
Двадцать пять крестьян, —

Каждый за плечами
С пивом тащит жбан.

— Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело.
Нутка в битву смело,
Смело, смело, господа!

Каждый за плечами
С пивом тащит жбан.
Каждому осленок
Для поклажи дан.

— Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело.
Нутка в битву смело,
Смело, смело, господа!

Каждому осленок
Для поклажи дан,
На осленке каждом
Резаный баран.

— Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело.
Нутка в битву смело,
Смело, смело, господа!

На осленке каждом
Резаный баран.
Вот они на горке
Разбивают стан.

— Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело.
Нутка в битву смело,
Смело, смело, господа!

Вот они на горке
Разбивают стан.

— Мир-то как обширен!
Гляньте: океан.

— Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело.
Нутка в битву смело,
Смело, смело, господа!

— Мир-то как обширен!
Гляньте: океан.
И глядят в восторге
Двадцать пять крестьян.

— Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело.
Нутка в битву смело,
Смело, смело, господа!

И глядят в восторге
Двадцать пять крестьян
На ручей ничтожный.
Вот так океан!

— Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело.
Нутка в битву смело,
Смело, смело, господа!

Тот ручей ничтожный
Им за океан!
Вдруг король воскликнул:
— Вот и сам султан!

— Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело.
Нутка в битву смело,
Смело, смело, господа!

Вдруг король воскликнул:
— Вот и сам султан

С армей несметной
Злобных мусульман.

— Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело.
Нутка в битву смело,
Смело, смело, господа!

— С армией несметной
Злобных мусульман. —
Вброд переходила
Кучка поселян.

— Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело.
Нутка в битву смело,
Смело, смело, господа!

Вброд переходила
Кучка поселян,
А король Савойский
Побоялся ран.

— Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело.
Нутка в битву смело,
Смело, смело, господа!

Да, король Савойский
Побоялся ран,
И помчался к дому
С армией крестьян.

31 июля — 1 августа 1892

1. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 36. Л. 52—55.
2. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 36. Л. 56.
3. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 36. Л. 79.
4. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 36. Л. 116—117.
5. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 36. Л. 118.
6. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
7. Печ. по: *НЖИЛ*. 1905. № 9. С. 289.
8. Печ. по: *НЖ*. 1914. Декабрь. № 12. С. 7—8.

9. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 36. Л. 58.
10. Печ. по: Еврейская жизнь. 1916. № 14. С. 24.
11. Печ. по: *МГ.* С. 141.
12. Печ. по: *НЖИЛ.* 1900. № 7. С. 74.
13. Печ. по: *МГ.* С. 104—105.
14. Печ. по: *МГ.* С. 170—171.
15. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 1.
15а. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 3.
16. Печ. по: *МГ.* С. 153.
17. Печ. по: *МГ.* С. 175.
18. Печ. по: *МГ.* С. 184.
19. Печ. по: *МГ.* С. 185.
20. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 1—3.
21. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 7—8.
22. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 42—43.
23. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 27.
23а. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 26.
24 Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 33—35.
25. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 29—32.
26. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 44—45.
27. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 46.
28. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 40.
29. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 47—48.
30. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 49.
31. Печ. по: Жеффруа Г. Жизнь научила: Истор. драма / Пер. Ал. Чеботаревской. М.: Красная новь, 1923. С. 112, 114, 115.
32. Печ. по: Живописное обозрение. 1898. № 4. С. 70.
33. Печ. по: *Еврейская антология 3.* С. 159.
34. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 36. Л. 95—96.
35. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 36. Л. 108.
36. Печ. по: Новый журнал для всех. 1912. № 8. Стлб. 29—30.
37. Печ. по: Северные записки. 1915. № 2. С. 98.
38. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 36. Л. 5—6.
39. Печ. по: *НЖИЛ.* 1904. № 11. С. 112.
40. Печ. по: *НЖИЛ.* 1900. № 7. С. 26.
41. Печ. по: Русская мысль. 1917. Кн. 5—6. С. 114—115.
41а. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 172—174.
42. Печ. по: Русская мысль. 1917. Кн. 5—6. С. 113.
43. Печ. по: Русская мысль. 1917. Кн. 5—6. С. 116.
44. Печ. по: Живописное обозрение. 1897. № 19. С. 310.
45. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 36. Л. 122.
46. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Д. 36. Л. 123—124.
47. Печ. по: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 125—132.

В. В. Филичева

ДОПОЛНЕНИЯ К ОПИСАНИЮ БИБЛИОТЕКИ Ф. СОЛОГУБА[1]

Публикуемый перечень новонайденных книг из библиотеки Ф. Сологуба фиксирует тома из книжного собрания писателя, не учтенные в описании Н. Н. Шаталиной[2], выявленные сотрудниками библиотеки Пушкинского Дома в позднейшее время.

На обложке и титульном листе книг имеется владельческая помета — инициалы «Ѳ. С.». Благодаря криптониму картотека личной библиотеки Сологуба продолжает пополняться.

Новонайденные книги — всего 203 наименования (137 русских и 66 иностранных) — не зафиксированы в источниках, послуживших основой для работы Н. Н. Шаталиной, то есть в «Журнале Ф. Сологуба с перечнем книг, которые были ему подарены авторами, с копиями их автографов» (1892—1912)[3], в составленной неустановленным лицом «Машинописной описи книг Ф. Сологуба», доведенной до записи «П. А. Катенин» (1912—1927)[4], а также в «Описании библиотеки Ф. Сологуба», составленном Р. В. Ивановым-Разумником[5].

Часть книг, возможно, была утрачена или продана при жизни Сологуба, как, например, коллекция редких изданий XVIII—XIX веков[6]. В дневниковой записи от 9 ноября 1919 года К.И. Чуковский заметил: «Блок как-то на днях обратился ко мне: не знаю ли я богатого и глупого человека, к<ото>рый купил бы у него библиотеку: “Мир искусства”, “Весы” и т. д. Деньги очень нужны»[7]. В ту пору Сологуб находился в не менее бедственном положении и, как известно, также продавал книги. Тома из его личной библиотеки встречаются в основном фонде БАН, РНБ и у частных владельцев[8].

---

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 15—34—11047.

[2] *Шаталина Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба: Материалы к описанию // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 435—521. На материале этих документов было составлено описание, которое не было опубликовано и хранится в фонде Сологуба на правах рукописи: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 184.

[3] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 59.

[4] Там же. № 103.

[5] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 33.

[6] *Шаталина Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба. С. 436.

[7] *Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2006. Т. 11. С. 264.

[8] А. Ф. Марков рассказывает о находящейся в его коллекции переплете из двух книг с дарственной надписью Ан. Н. Чеботаревской (*Марков А. Ф.* Мания старой книги: Записки библиофила. М., 2004. С. 362—366); в РНБ хранится именной экземпляр Сологуба: *Ремизов А. М.* Что есть табак: Гоносиева повесть. СПб., 1908 (шифр: 18.340а.2.2).

Приобретения, сделанные после 1912 года, — это прежде всего книги тех издательств, с которыми Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская сотрудничали в конце 1900-х —1910-е годы: «Дешевая библиотека», «Универсальная библиотека», а в последние годы жизни — «Всемирная литература», «Мысль», «Academia».

Книги хранились так, как покупались, то есть не переплетались (за исключением тех, что были переплетены прежними владельцами). В редких случаях Сологуб заказывал владельческий переплет. Среди книг, описанных Шаталиной, владельческий переплет имеется у томов из собраний сочинений Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева, а также у отдельных изданий Д. С. Мережковского, Н. М. Минского, П. Верлена. В выявленном «дополнении» переплетенные тома отсутствуют.

Постоянным источником пополнения библиотеки были книги, подаренные современниками: в 1890 — начале 1900-х годов это сочинения соратников, с которыми поэт выходил на литературное поприще, в позднейшее время — товарищей, почитателей и «учеников». Среди новонайденных книг пять с автографами: А. И. Ходасевич (жены В. Ф. Ходасевича), Иванова-Разумника, В. П. Калицкой (1882—1951), Р. Р. Орбели (1910—1985), В. Т. Юрезанского (1888—1957).

Ценным дополнением к описанию библиотеки являются книги А. Блока. Помимо сборников, вышедших после 1912 года («Стихи о России», «Соловьиный сад», «Седое утро»), у Сологуба имелись именной экземпляр поэмы «Возмездие» (1922) и «Неизданные стихотворения. 1897—1919» (1926) с автографом составителя П. Н. Медведева[9], а также несколько сборников, посвященных Блоку и приобретенных после его смерти, — «Памяти Блока» и биография, вышедшая в 1922 году[10]. В воспоминаниях современников зафиксированы двойственные и противоречивые высказывания Сологуба о Блоке; сологубовская «блокиана» — еще один немаловажный штрих к истории взаимоотношений двух крупнейших поэтов-символистов[11].

Подавляющая часть новонайденных изданий коррелирует с основным корпусом личной библиотеки, в котором широко представлены

---

[9] О П. Н. Медведеве см.: Павел Медведев о Федоре Сологубе / Публ. и предисл. Ю. П. и Д. А. Медведевых; примеч. М. М. Павловой // Звезда. 2013. № 7. С. 94—115.

[10] Памяти Блока / П. Медведев, С. А. Венгеров. Пг.: Полярная звезда, 1922. 119 с.; *Княжнин В. Н.* Александр Александрович Блок. Пб.: Колос, 1922. 136 с., табл. (Биографическая библиотека).

[11] См.: *Тэффи Н. А.* Федор Сологуб // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 90; *Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2006. Т. 12. С. 38; *Клейнборт Л. М.* Встречи. Федор Сологуб // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 113; *Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 190—261; Федор Сологуб в Вытегре (Записи В. П. Абрамовой-Калицкой) / Вступ. статья, публ. и коммент. К. М. Азадовского // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 261—289.

книги по отечественной и мировой литературе и истории, а также гуманитарным наукам.

Вместе с тем в публикуемом списке представлены издания, которые дают новую или дополнительную информацию о круге чтения владельца и, возможно, привлекут внимание исследователей его творчества.

В собрании западноевропейской литературы это прежде всего коллекция книг Артура Шницлера («Графиня Мицци, или Семейный съезд», «Греческая танцовщица», «Марионетки», «Последняя воля», «Сумеречные души», «Часы жизни»). В 1900—1910-е годы драматургия австрийского писателя пользовалась успехом на русской сцене, его пьесы шли в постановке В. Мейерхольда и А. Таирова (в эти же годы Мейерхольд ставил пьесы Сологуба).

Большое количество книг по истории литературы и театра, изданных в 1910—1920-е годы, среди них работы А. Н. Веселовского, Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского. К последнему Сологуб, видимо, особенно прислушивался[12]. На экземпляре переводов из Верлена (1923), подаренном Жирмунскому, поэт сделал сопроводительную запись (на шмуцтитуле): «Виктору Максимовичу Жирмунскому, — прочитавши книгу — Композиция лирических стихотворений — с большим вниманием, я очень захотел послать Вам эту книгу. Федор Сологуб. Октябрь 1923»[13]. Как известно, для этого издания Сологуб переработал книгу своих переводов и перестроил ее.

В описании, составленном Ивановым-Разумником, сообщается: «из них шахматная литература — 32», в другом месте он пишет о «шахматной полке» Сологуба[14]. В Пушкинском Доме сохранились несколько номеров журнала «Шахматный листок», приобретаемого, видимо, от случая к случаю, и небольшая брошюра о шахматах с пометами[15].

Среди книг общественно-политической тематики обращают на себя внимание две, отчасти позволяющие судить об отношении Сологуба к произошедшим в стране переменам, обе остались неразрезанными: Программа Российской коммунистической партии (Большевиков). Принята 8-м съездом партии 18—23 марта 1919 г. Пг.: Изд. Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, 1919;

---

[12] См. воспоминания о восприятии разбора В. М. Жирмунским стихотворения А. С. Пушкина «Для берегов отчизны дальной...»: *Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2006. Т. 12. С. 39—40 (29 апреля 1922).

[13] Библиотека ИРЛИ РАН, шифр: 115.5/225.

[14] *Зубарев Д. И., Павлова М. М.* Об одном анонимном некрологе Федора Сологуба // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации: Материалы IV Международной конференции. СПб., 2010. С. 114.

[15] *Греков Н. И., Ненароков В. И.* Руководство к изучению шахматной игры. Вып. 1. М., 1924. 17 с.

Николаев Б. В защиту русской письменной речи: По поводу упрощения русского правописания. Пг.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1918. VII.

Во всей коллекции такие случаи единичны, что является подтверждением «всеядности» Сологуба и его творческого отношения ко всему написанному. М. В. Борисоглебский, например, вспоминал: «Это хорошо. Учиться придется до конца. Вот видите, — и показал мне книгу Бухарина — политграмоту. Поля ее были мелко исписаны карандашом. — Читаю. И вам советую. Не пренебрегайте книгами. В каждой книге есть что-нибудь полезного. Я вот читаю, так на каждой странице для меня тема, повесть, проекция романа. Каждая строка повод для стиха. Читайте так, чтобы и для Вас каждая строка звучала»[16].

Книг со следами чтения Сологуба в нашем распоряжении оказалось немного. Зачастую это исправления ошибок, подчеркивание стилистически неудачных выражений, в редких случаях — пометы, отражающие личное отношение к прочитанному тексту. Книги с пометами могли бы многое открыть в работе Сологуба, как, например, его пометы на книгах П. Верлена[17]. Весьма трудно удержаться от желания интерпретировать некоторые из отчеркиваний[18]. Однако всякий раз встает вопрос об аутентичности авторских помет, потому что книги, поступив в библиотеку Пушкинского Дома, использовались читателями.

Заметную часть личной библиотеке писателя — приблизительно треть — составляют книги Анастасии Николаевны Чеботаревской. Она отмечала свои книги инициалами: «АСЧ»[19]. Эти издания отражают круг интересов владелицы. Прежде всего это коллекция книг на французском языке, в основном писателей XIX века. Здесь представлены романы и поэтические сборники, а также книги по истории литературы Франции и собрание «литературных портретов» писателей, коллекция путеводителей, словарей и трудов по истории французского языка.

Помимо следов чтения, книги сохраняют и другие «фрагменты жизни». Так, в разных книгах были оставлены автограф перевода

---

[16] *Борисоглебский М. В.* Последнее Федора Кузьмича / Подг. текста, примеч. М. М. Павловой // Русская литература. 2007. № 2. С. 109.

[17] См. о работе над переводами Верлена и книгах из личной библиотеки: *Стрельникова А. Б.* Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. Томск, 2010. С. 50—65.

[18] Например: *Соллогуб В. А.* Большой свет // Соллогуб В. А. На сон грядущий: Отрывки из вседневной жизни. Т. 1—2. СПб.: Андрей Иванов, 1844—1845. Т. 1. 1844. С. 393: «Я вырос в одиночестве, без родных ласок, которые так сильно привязывают нас к первым годам нашей жизни».

[19] *Чужак Н. Ф.* К эстетике марксизма. Иркутск: Комерч. электро-тип., 1916. 30 с. На кн. надпись: «Анастасии Николаевне Чеботаревской. Критикоеду от критика. 4.XII.16 г.». — Инициалы АСЧ. Разрезана. Пометы.

из Верлена[20], программа лекций Института истории искусств (с исправленными опечатками), вырезанный из газеты рецепт или два высушенных цветочных лепестка[21].

Дополнение к описанию библиотеки Сологуба печатается двумя каталогами, в первом представлены книги на русском языке, во втором — на иностранных языках. Оба каталога построены в алфавитном порядке. Сначала приводится краткое библиографическое описание издания, затем сообщаются дополнительные сведения: особо оговариваются случаи, когда книга не разрезана, переплетена и имеет отметки бывших владельцев; содержит пометы; имеет криптоним «АСЧ».

КНИГИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Автографы. М., 1921. [16 с.]. Факсимиле.

Шифр: 1939в/686

2. Адамович Г. В. Чистилище: Стихи. Пб.: 15-я гос. тип., 1922. Кн. 2. 95 с.

Шифр: 1939и/1529

3. Александровский В. Д. Избранные стихи. М.: Огонек, 1926. 32 с. (Б-ка «Огонек»; № 129).

Шифр: 1932а/1019

4. Английско-русский карманный словарь / Сост. Э. Гокинс. 7-е изд. Киев: Тип. В. С. Кульженко, 1912. 741 с. — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1953и/731

5. Андерсен-Нексе М. Дитя человеческое: Роман / Пер. с датск. Э. Л. Вейнбаум; ред. А. В. Ганзен. Кн. 1—5. М.; Пг.: Гос. изд., 1923—1924. Кн. 1: Детство. 1923. 172 с.; Кн. 2: Маленькая хозяюшка. 1923. 151 с.; Кн. 3: Грехопадение / Пер. с датск. А. В. Ганзен. 1924. 192 с.; Кн. 4: Чистилище. Л., 1924. 163 с.; Кн. 5: К звездам. 1924. 232 с.

Шифр: 1939и/3343 (1—3, 4—5)

6. Андреев Л. Н. Первая ступень. (О еврейском вопросе). М.: Тип. акц. о-ва «Московское издательство», 1915. 16 с.

Шифр: 1935б/606

7. Андреев Л. Н. Письма / Авт. предисл. и послесл. Г. И. Чулков. Л.: Колос, 1924. 48 с. — Пометы.

Шифр: 1938а/823

8. Аристофан. Богатство (Плутос): Комедия / Пер., авт. предисл. В. Холмский. Л.: Колос, 1924. 120 с. (Б-ка худож. лит.).

Шифр: 1938к/2209

---

[20] *Багно В. Е.* Федор Сологуб — переводчик французских символистов // На рубеже XIX и XX веков: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1991.

[21] *Baudelaire C.* Las fleur du mal / Précédées d'une notice par Theophile Gautier. Paris: Calmann-Levy, [s. a.]. 411 p. Пометы, два лепестка. Инициалы АСЧ.

9. Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: Материалы для биографии. М.: Синодальная тип., 1891. Кн. 1. — Сохранилось только: IV с.; 1 л. фронт. (портр.)

Шифр: 1936в/428

10. Бедный Д. В огненном кольце. Пг.: Изд. Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, 1919. 48 с.

Шифр: 1939б/343

11. Белый А. Поэзия слова. СПб.: Эпоха, 1922. 135 с. — Пометы.

Шифр: 1938и/2291

12. Бенелли С. Рваный плащ. Ужин шуток / Пер. А. В. Амфитеатров, И. Гриневская, В. Нардуччи; авт. вступ. статьи А. В. Амфитеатров, А. В. Луначарский. Пб.; М.: Гос. изд., 1923. 253 с. — Разрезана до с. 143 («Ужин шуток» не разрезан).

Шифр: 1938к/2339

13. Берлин. Описание города и его окрестностей и путеводитель по музеям. СПб.: П. Копельман, [б. г.]. 7, 128 с.; ил., 16 планов (Русский Бедекер). — Экз. деф.: План Берлина отсутствует.

Шифр: 1953и/722

14. Бертельс Е. Э. Персидский театр. Л.: Academia, 1924. 93 с., ил. (Восточный театр; вып. 4).

Шифр: 1931и/225

15. Блок А. А. Возмездие. СПб.: Алконост, 1922. 111 с. — В библиотеке два экземпляра книги, один — именной.

Шифры: 1938к/2560 (именной экз.), 1938к/2561

16. Блок А. А. Двенадцать. 4-е изд. Пб.: Алконост, 1921. 34 с.

Шифр: 1939а/417

17. Блок А.А. Неизданные стихотворения. 1897—1919 г. / Ред., авт. примеч. П. Н. Медведев. Л.: Жизнь искусства, 1926. 175 с.; портр. — На об. листа с портр. надпись: «Глубокоуважаемому Федору Кузьмичу Сологубу от составителя. 22.1.<1>926. Пб.». — Пометы.

Шифр: 1937и/147

18. Блок А. А. Седое утро. Пб.: Алконост, 1920. 99 с. — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1939и/237

19. Блок А. А. Соловьиный сад. Пб.: Алконост, 1918. 26 с.

Шифр: 1939а/418

20. Блок А. А. Стихи о России. Пг.: Изд. журн. «Отечество», 1915. 45 с. — Пометы.

Шифр: 1939б/724

21. Боратынский Е. А., Веневитинов Д. В. Собр. соч. / Авт. вступ. статьи В. Дороватовская. СПб.: Жизнь для всех, 1913. 367 с.; портр.

Шифр: 1935к/2681

22. Браудо Е. М. Э. Т. А. Гофман: Очерк. СПб.: Парфенон, 1922. 56 с.

Шифр: 1935а/677

23. Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 6 т. Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1915. (Приложение к журн. «Нива» на 1915 г.). Т. 1. 254, 4 с.; Т. 2. 246, 1 с.; Т. 3. 244, 3 с. — Частично не разрезана; Т. 4. 220, 1 с. — Частично не разрезана; Т. 5. 342, 1 с.; Т. 6. 332, 3 с.

Шифр: 1939к/1449

24. Вестник литературы. Пг., 1919. № 8.

Шифр: 1719 (2)

25. Война в русской лирике: Сб. / Сост. В. Ф. Ходасевич. М.: Польза, В. Антик и К., 1915. 112 с. (Универс. б-ка; № 960). — На тит. листе надпись: «Ф. Смирнов. Октябрь 1915» и штамп «Библиотека Ф. М. Смирнова №».

Шифр: 1933и/457

26. Гейне А. Морис Метерлинк: Биография-характеристика / Пер. с нем. Н. Хмельницкий. СПб.: Акц. о-во типографского дела, 1912. 59 с.; портр. (Всеобщая б-ка; № 51). — Не разрезана.— Инициалы АСЧ.

Шифр: 1939а/459

27. И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского дома / Авт. предисл., примеч. Б. М. Энгельгардт. Пб.: Academia, 1923. 108 с. — Пометы.

Шифр: 1937к/810

28. Готье Т. Клуб гашишистов: Рассказы / Пер. с фр. А. Перхурова. М.: Акц. о-во «Универс. б-ка», 1916. 82 с. (Универс. б-ка; № 1189). — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1933а/462

29. Гофман В. В. Книга вступлений. Искус: Стихи. М.: В. В. Пашуканис, 1917. 242 с. (Гофман В. В. Собр. соч. Т. 2). — Пометы.

Шифр: 1938и/2589

30. Греков Н. И., Ненароков В. И. Руководство к изучению шахматной игры. М.: Изд. авторов, тип. «Красный пролетарий», 1924. Вып. 1. 17 с. — Пометы.

Шифр: 1937б/638

31. Древние русские стихотворения / [Собр. Киршею Даниловым]. М.: В тип. С. Селивановского, 1804. [10], 324 с.

Шифр: 1938к/2048

32. Детская книга, или Общие мнения и изъяснение вещей, коим детей обучать должно. М.: В университетской тип. у Н. Новикова, 1780. 82 с.

Шифр: 1938к/631

33. Джонсон Б. Эписин, или Молчаливая женщина / Авт. пер. Е. Блох, Р. Блох; авт. предисл. Я. Блох; ред. С. К. Боянус, Я. Н. Блох; рис. и чертежи А. В. Рыков. Пб.: Петрополис, 1921. 54, 155 с. (Театр. Памятники мирового репертуара; вып. 1). — Пометы.

Шифр: 1938к/2695

34. Добролюбов А. М. Собрание стихов / Предисл. И. И. Коневского и В. Я. Брюсова. М.: Скорпион, 1900. 70, 1 с. — Переплетена с № 51. — Пометы. — На тит. листе печать: «Ард<алион?> ...нович Стадлин Студент Филолог Импер. Москов. Университета Анастасьевская ул. Д<ом> Орнатской».

Шифр: 1939к/1119

35. Евсевьев А. П. Постоялый двор: Записки покойного Горянова, изданные его другом Н. П. Маловым: В 4 ч. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1835. Ч. 1. 315 с.; Ч. 2. 282 с.; Ч. 3. 249 с.; Ч. 4. 249 с. — Наклейка Императорской Эрмитажной Русской библиотеки (только на ч. 4). — Переплет.

Шифр: 1939и/1320

36. Жемчужников А. М. Стихотворения: В 2 т. 3-е изд. СПб.: М. М. Стасюлевич, 1901. Т. 1. 15, 227 с.; портр.; Т. 2. 4, 256 с. — Переплет.

Шифр: 1938к/2618

37. Заря: Иллюстрированный еженедельный журнал. 1914 (год II). № 5 (2 февр.).

Шифр: 2030

38. Зощенко М. М. Рассказы. М.: Огонек, 1925. 37 с. (Б-ка «Огонек»; № 29). На обл.: Избранные юмористические рассказы.

Шифр: 1933а/263

39. Иванов В. В. Когда расцветает сосна: Рассказы и сказки. М.: Огонек, 1925. 48 с. (Б-ка «Огонек»; № 24).

Шифр: 1931а/458

40. Иванов-Разумник Р. В. Испытание огнем. Пг., 1917. 48 с. (Партия Социалистов-революционеров; № 70). — На тит. листе надпись: «Дорогому Федору Кузьмичу Сологубу — эпиграфа ради! Р. Иванов». (Эпиграф: «...Теперь взгляни же / И пойми, хотя на миг, / Кто в Берлине и Париже / Торжество свое воздвиг. Ф. Сологуб»).

Шифр: 1935б/1292

41. Инбер В. М. Тосик, Мура и «Ответственный коммунист»: Рассказы. М.: Огонек, 1925. 47 с. (Б-ка «Огонек»; № 15).

Шифр: 1932а/721

42. Искусство: Журнал театра, литературы и живописи. 1916. № 1/2 (6/7), 3/4 (8/9).

Шифр: 267

43. Искусство и народ: Сб. / Ред. К. Эрберг. Пб.: Колос, 1922. 231 с.

Шифр: 1939л/728

44. К новым далям: Современная лирика / Сост. Л. Д. Свербеева. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. 117 с.

Шифр: 107.1/18

45. Калицкая В. П. Беглецы: Рассказы для детей. М.; Пг.: Гос. изд., 1923. 84 с. — На тит. листе надпись: «Глубокоуважаемому Федору

Кузьмичу Сологубу на память и в благодарность за доброе отношение. В. Калицкая. 26 мая 1925 г.».

Шифр: 1936б/470

46. Капитолий, или Собрание жизнеописаний великих мужей с их портретами / Авт. предисл. Ф. В. Булгарин. СПб.: Тип. Н. Греча, 1841. 4, 331 с.; ил.

Шифр: 1935л/521

47. Катаев В. П. Бездельник Эдуард: Рассказы. Л.: Гос. изд., 1925. 152 с. — Пометы.

Шифр: 1939к/17

48. Княжнин В. Н. Александр Александрович Блок. Пб.: Колос, 1922. 136 с.; табл. (Биографическая б-ка).

Шифр: 1939и/1945

49. Кордэ М. За кулисами войны (Дневник дикарки): Роман / Пер. с фр. А. Н. Чеботаревская; ред. Б. К. Лифшиц. Л.: Гос. изд., 1925. 202 с. (Новости иностр. лит.). — Разрезана до с. 109.

Шифр: 1939и/1938

50. Кудрявцев П. Н. Римские женщины: исторические рассказы по Тациту. Агриппина старшая и Мессалина. СПб.: Тип. «Герольд», 1908. Вып. I. 66 с. (Всеобщая б-ка; № 14). — Инициалы АСЧ. — Пометы.

Шифр: 1935а/832

51. Ланге К. Г. Эмоции: Психофизиологический этюд / Пер. В. Н. Линда. М.: Тип. А. Г. Кольчугина, 1896. 95 с. — Переплетена с № 34.

Шифр: 1939к/1119

52. Ласковский В. П. Путеводитель по Новгороду: Пособие при обозрении города и его ближайших окрестностей, его святынь и древностей. С прилож. плана города, 15 рис. и 4 указ. 2-е изд., испр. Новгород: Изд. Новгородского о-ва любителей древности, 1913. 302, 50 с.; ил. — Оборван тит. лист и первые четыре страницы.

Шифр: 1936и/1188

53. Латинско-русский словарь, приспособленный к гимназическому курсу / Сост. Г. Шульц. 13-е изд. Пг.: Тип. Тренке и Фюсно, 1915. 606 с.

Шифр: 1939л/748

54. Лейкин Н. А. Неунывающие Россияне: Рассказы и картинки с натуры. СПб.: Тип. д-ра М. А. Хана, 1879. 320 с. — На корешке переплета надпись: «Н. Д.». — Пометы.

Шифр: 1939к/3480

55. Литературные записки: Лит.-общественный и критико-библиогр. журнал. Пг.: Логос. 1922. № 1 (25 мая). — Надпись: «О. Черносвитовой»; № 2 (23 июня); № 3 (1 авг.).

Шифр: 358

56. Лондон Д. Бог его отцов: Рассказы / Пер. с англ. З. Д. Львовский. М.; Пг.: Гос. изд., 1923. 93 с. (Всемирная б-ка; № 69).

Шифр: 1933а/306

57. Лосицкий А. Община и указ 9-го ноября. — Вырезка из журн. «Образование» (1907. Янв. С. 61—77). — На с. 61 надпись: «Анастасии Николаевне Чеботаревской от автора. 7.II.1907».

Шифр: 1936б/1198

58. Маран Р. Батуала: Негритянский роман / Пер. В. Я. Брюсов. Пб.; М.: Гос. изд., 1922. 125 с. (Всемир. лит. Новости иностр. лит.).

Шифр: 1939а/631

59. Монголо-ойратский героический эпос / Пер., авт. вступ. статьи, примеч. Б. Я. Владимирцов. Пб.; М.: Гос. изд., 1923. 255 с. (Всемир. лит. Монголы). — Разрезана до с. 105.

Шифр: 1939к/3325

60. Мопассан Г. де. Доктор Ираклий Глосс: Неизданная повесть / Пер. с фр. Е. В. Мечникова; ред., авт. предисл. Н. О. Лернер. Пг.; М.: Книга, 1923. 78 с.

Шифр: 1939а/967

61. Мопассан Г. де. Монт-Ориоль / Пер. с фр. М. А. Шишмаревой. 4-е изд. М.: Универс. б-ка, 1918. 402 с. (Универс. б-ка; № 1011—1014).

Шифр: 1939и/3379

62. Мюллер В. К. Драматический театр эпохи Шекспира. Л.: Academia, 1925. 169 с.; ил. (Российский институт истории искусств).

Шифр: 1939к/3367

63. Некрасовский сборник: Произведения, не вошедшие в полное собрание сочинений Н. А. Некрасова / Ред., авт. вступ. статьи К. И. Чуковский, В. Е. Евгеньев-Максимов. Пб.: Полярная звезда, 1922. 75 с.

Шифр: 1939в/494

64. Ненашев А. П. Французская Ривьера: Практический путеводитель. М.: И. Дейбнер, 1914. 174 с.; 2 карты, 4 плана, 4 рис. (Гид-Дейбнер).

Шифр: 1938и/3046

65. Несчастие от лишнего поцелуя / Вольный перевод с нем. С. Истомина. СПб.: Тип. Шнора, 1809. 4, 96 с. — На тит. листе надпись: «Из книг Петра <нрзб.> Виктор Николаевич прочитайте книгу <3 нрзб.>».

Шифр: 106.5/58

66. Никитин Н. Н. Камни: Рассказы. Пг.: Былое, 1923. 36 с.

Шифр: 1939а/1038

67. Николаев Б. Н. В защиту русской письменной речи: По поводу упрощения русского правописания. Пг.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1918. 7, 42 с. — Не разрезана.

Шифр: 1937б/287

68. Нилли Н. Глаза, обращенные к солнцу: Привет первый: Стихи. Симбирск: Типо-литогр. ГСНХ № 2, 1922. 32 с.; ил. Литогр.

Шифр: 1939б/1409

69. Новая русская книга: Ежемес. критико-библиогр. журнал / Под ред. проф. А. С. Ященко. Берлин: И. П. Ладыжников. 1922. № 4, 5, 6, 7.
Шифр: Пи—592

70. Норрис Ф. Омут / Пер. А. Г. Л.: Мысль, 1925. 373 с. На обл. год издания: 1926.
Шифр: 1939и/3227

71. Овидий Публий Назон. Героини / Пер. проф. Ф. Ф. Зелинского. СПб.: М. Г. Корнфельд, 1913. 223 с. — Разрезана до с. 11.
Шифр: 1939к/3358

72. Орбели Р. Веселая арифметика: Умножение и деление. М.; Л.: Радуга, [б. г.]. 10 с. — На с. 1 надпись: «Глубокоуважаемому Федору Кузьмичу от автора. 1927».
Шифр: 1933а/425

73. Отечество: Илл. летопись. Пг.: З. И. Гржебин. 1915. № 1.
Шифр: 496

74. Павлов М. Г. Повести в стихах. СПб.: Тип. при Императорской Академии наук, 1838. 94 с.
Шифр: 104.10/55

75. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны / Пер. с фр., предисл. М. Павлович. М.; Пг.: Гос. изд., 1923. 316 с.
Шифр: 85.9/34

76. Памяти Блока / Ред., авт. предисл. П. Н. Медведев. Пг.: Полярная звезда, 1922. 119 с., 2 л. ил.
Шифр: 84.10/21

77. Пантеон и репертуар русской сцены. СПб.: Ф. А. Кони. 1848. Т. 1: Январь. Кн. 1. Февраль. Кн. 2; Т. 2: Март. Кн. 3. Апрель. Кн. 4; Т. 3: Май. Кн. 5. Июнь. Кн. 6; Т. 4: Июль. Кн. 7; Т. 5/6: Август—сентябрь. Т. 8/9; [кн. 11—12].
Шифр: 570

78. Папалаги: Речи тихоокеанского вождя Туйавии из Тиавеи / Изд. Э. Шеурман; пер. с нем. Б. Л. СПб.; М.: Гос. изд., 1923. 86 с. (Новости иностр. лит.). — Пометы.
Шифр: 1939б/990

79. Папини Д. Конченный человек / Пер. Р. Да-Ром; ред. А. Л. Волынский. М.; Пг., 1923. 280 с.
Шифр: 1939и/2592

80. Песни русского народа / [Собр. И. Сахаров]. СПб.: Тип. Сахарова, 1839. Ч. 5. 16, 484 с.
Шифр: 1939и/3470

81. Петербургский альманах. Пб.; Берлин: З. И. Гржебин, 1922. Кн. 1. 235 с.
Шифр: 1939к/2729

82. План города Екатеринодара / Сост., чертил и издал Н. С. Иваненков. Екатеринодар: Типо-литогр. С. Казарова, [б. г.].
Шифр: 1938а/457

83. Платонов С. Ф. Смутное время: Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском Государстве XVI и XVII веков. Пб.: Время, 1923. 168 с.

Шифр: 1939к/2734

84. Полный русско-английский словарь / Сост. А. Александров. 6-е изд., испр. и доп. Пг.: Военная тип. императрицы Екатерины Великой, 1917. 765 с. — Инициалы АСЧ. — Частично не разрезана.

Шифр: 1997л/53

85. Полонская Е. Г. Под каменным дождем (1921—1923): Стихи. Пб.: Полярная звезда, 1923. 54 с.

Шифр: 1939а/697

86. Поэты Бельгии: Сб. / Ред., вступ. статья С. Н. Дурылин. М.: Акц. о-во «Универс. б-ка», 1915. 79 с. (Универс. б-ка; № 1089).

Шифр: 1933а/464

87. Принципы художественного перевода. Пб.: Всемир. лит., 1919. 31 с. — Пометы.

Шифр: 1938б/1705

88. Пришвин М. М. Длинное ухо: Рассказы. М.: Огонек, 1925. 63 с. (Б-ка «Огонек»; № 56).

Шифр: 1932а/454

89. Программа Российской коммунистической партии (Большевиков). Принята 8-м съездом партии 18—23 марта 1919 г. Пг.: Изд. Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, 1919. 63 с. — Не разрезана.

Шифр: 1938а/1017

90. Пу Сунлин. Ляо-Чжай. Лисьи чары: Из сборника странных рассказов Пу Сунлина / Пер., авт. предисл. В. М. Алексеев. СПб.: Всемир. лит., 1922. 159 с. (Всемир. лит. Китай).

Шифр: 1939к/591

91. Пу Сунлин. Ляо-Чжай. Монахи волшебники: Из сборника странных рассказов Пу Сунлина / Пер., авт. предисл. В. М. Алексеев. М.; Пг.: Гос. изд., 1923. 277 с. (Всемир. лит. Китай).

Шифр: 1939к/590

92. Ранние славянофилы: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы / Сост. Н. Л. Бродский. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1910. 206 с. (Истор.-лит. б-ка / Под ред. А. Е. Грузинского; вып. 5). — Инициалы АСЧ. — Пометы.

Шифр: 1938к/2541

93. Распе Р. Э. Удивительные приключения, путешествия и военные подвиги Барона Мюнхгаузена: Сокр. изд. для детей среднего возраста, с рис. Г. Доре / Пер. с англ. под ред. К. И. Чуковского. СПб.; М.: Всемир. лит., 1923. 87 с.

Шифр: Бр.567/18

94. Реймонт В. С. Мужики: Современная повесть: В 4 ч. / Пер. с польск. В. Ф. Ходасевич. М.: Польза, В. Антик и К., [б. г.]. (Универс. б-ка; № 321—323, 366—369, 411—414, 754—757). Ч. 1: Осень. 272 с.; Ч. 2: Зима. 317 с.; Ч. 3: Весна. 389 с.; Ч. 4: Лето. 331 с. — Инициалы АСЧ (на ч. 2—4).

Шифр: 1939и/3327 (1, 2, 3, 4)

95. Ренье А. де. Героические мечтания Тито Басси / Пер. Б. А. Кржевский. Пг.; М.: Гос. изд., 1923. 101 с. (Всемир. лит. Франция). — Пометы.

Шифр: 1939к/3418

96. Рессель Д. Язычник. Приработок Мак-Кеона: Рассказы / Пер. Б. И. Исаков. Л.: Сеятель, [б. г.] (Общедоступная б-ка «Сеятель». Отдел худож. лит.; № 39). На тит. листе название: «Язычник».

Шифр: 1939а/847

97. Ретиф де ла Бретонн Н. Ночи революции / Пер. с фр. А. Н. Чеботаревская. М.; Л.: Молодая гвардия, 1924. 128 с. — Не разрезана.

Шифр: 1935к/3167

98. Роденбах Ж. Мертвый Брюгге: Роман / Пер. с фр. А. Мирэ. 3-е изд. М.: Акц. о-во «Универс. б-ка», [б. г.]. 84 с. (Универс. б-ка; № 118). — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1933и/145

99. Россия и Запад: Ист. сб. / Ред. А. И. Заозерский. Пб.: Academia, 1923. Вып. 1. 212 с. — Пометы.

Шифр: 1939к/3856

100. Руккет Л. Ф. Ураган / Пер. Л. М. Вайсенберг, Е. М. Калужский. Л.: Мысль, 1925. 283 с.

Шифр: 1939и/3218

101. Румянцева Е. М. Письма графини Е. М. Румянцевой к ее мужу фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому (1762—1779). СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1888. 14, 259 с. — Разрезана до с. 14.

Шифр: 1939к/2748

102. Русская поэзия: Собрание произведений русских поэтов, частью в полном составе, частью в извлечениях, с важнейшими критико-биографическими статьями, библиографическими примечаниями и портретами / Ред. С. А. Венгеров. СПб.: Типо-литогр. А. Э. Винеке, 1901. Вып. 7: I. Полное собрание стихотворений Ю. А. Нелединского-Мелецкого. II. Полное собрание стихотворений Н. М. Карамзина. 143 с. — Пометы.

Шифр: 1936л/37 (7)

103. Русско-французский карманный словарь / Сост. П. Г. Спиваков. 15-е изд. Киев: Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Иогансон, 1910. 732 с. — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1939и/1561

104. Сандомирский Г. Б. Сестра Беатриче: Записки каторжанина. Пг.: Былое, 1923. 60 с.

Шифр: 1939а/982

105. Свиридова С. А. «Тристан и Изольда» Рихарда Вагнера: Общедоступный очерк для краткого ознакомления / В стихотв. выдержках текста пер. С. Свириденко и И. Ершова. СПб.; М.: В. Бессель и К., 1909. 24, 8 с.; ноты.

Шифр: Бр.567/5

106. Сезаи С. П.-З. Сергюзешт. Кючюк Шейлер: Роман / Пер. и авт. предисл. Е. Э. Бертельс. Пб.; М.: Гос. изд., 1923. 132 с. (Всемир. лит. Турция. Избр. соч. Сами Паша-задэ Сезаи).

Шифр: 1939к/2292

107. Синклер Э. История американского миллионера / Пер. с англ. Пг.: Полярная звезда, 1923. 85 с. На обл.: «Синклер Уптон».

Шифр: 1939а/624

108. Синклер Э. Принц Гаген: Драма в 4-х действиях / Пер. с англ. А. В. Лучинская. Пг.; М.: Петроград, 1923. 99 с. (Б-ка худож. лит.). На обл.: «У. Синклер». — На тит. листе запись карандашом: «СПб. 1 июня (19 мая) 1923». — Пометы.

Шифр: 1939к/2343

109. Случевский К. К. Вниз по Волге. М.: Университетская тип., 1891. 50 с. — На обл. надпись: «О. Чеботаревская».

Шифр: 2007а/2

110. Соллогуб В. А. Суд истории: Драматическая поэма в стихах. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1869. 15 с.

Шифр: 1939б/882

111. Сологуб Ф. К. Сочтенные дни. — Вырезка из альманаха книгоиздательства «Творчество» (М.; Пг., 1918. Кн. 2. С. 79—101).

Шифр: 1939в/687

112. Стендаль. Ченчи: Итальянские хроники / Пер. с фр. Н. Соболевский; авт. предисл. Ю. И. Айхенвальд. М.: Польза, В. Антик и К., [б. г.]. 144 с. — Инициалы АСЧ. — Пометы.

Шифр: 1939и/2100

113. Струг А. Деньги: Роман / Пер. Е. Гонзаго; ред. Н. О. Лернер. Пб.; М.: Гос. изд., 1923. 388 с. (Всемир. лит. Новости иностр. лит.).

Шифр: 1939и/2025

114. Тагор Р. Новые рассказы / Пер. с англ. С. А. Адрианова. Пг.; М.: Петроград, 1923. 120 с. (Б-ка худож. лит.).

Шифр: 1939к/3414

115. Тагор Р. Четыре: Роман / Пер. Е. С. Хохлова; ред. В. А. Азова; авт. вступ. статьи Р. Роллан. Л.: Гос. изд., 1925. 110 с. (Новости иностр. лит.).

Шифр: 1939и/3223

116. Таро Жер., Таро Ж. Слава Дингли: Роман / Пер. с фр., авт. предисл. А. Чеботаревская. М.: Польза, В. Антик и К., [1908]. 88 с. (Универс. б-ка; № 96).

Шифр: 1933а/466

117. Тацит Гай Корнелий. Летописи / Пер. с лат. Ч. 1—2. СПб.: Тип. Шнора, 1805. Ч. 1. 422 с.; Ч. 2. 234 с. На тит. листе название: Летописей К. Корнелия Тацита. — Переплетено в одной книге. — На тит. листе экслибрис: «Андрей Энгельгардт». — На корешке надпись: «А. 25».

Шифр: 1938к/269

118. Тупиков Н. М. Заметки к истории древнерусских личных собственных имен. [Ч.] I—VIII. СПб.: Изд. ред. журн. «Библиограф» (Н. М. Лисовского), тип. В. С. Балашева, 1892. 26 с.

Шифр: Бр.561/178

119. Тютчевский сборник. 1873—1923. Пг.: Былое, 1923. 136 с.

Шифр: 1939к/3475

120. Унру Ф. фон. Драмы: Род. Площадь / Пер. С. С. Заяицкий, Б. Мориц; авт. предисл. Б. И. Ярхо. Пб.; М.: Гос. изд., 1923. 244 с. (Всемир. лит. Новости иностр. лит.).

Шифр: 1939и/3207

121. Усама ибн М. Книга назидания / Пер. М. А. Салье; ред., авт. вступ. статьи, примеч. И. Ю. Крачковский. Пб.; М.: Гос. изд., 1922. 208 с. (Всемир. лит. Арабы). — Разрезана до с. 49.

Шифр: 1939к/3981

122. Федерер Г. Прометей и другие рассказы / Пер. А. Ф. Даманская; ред. А. Н. Тихонов. Пб.: Гос. изд., 1922. 132 с. (Всемир. лит. Германия; вып. 33).

Шифр: 1936и/624

123. Феникс: Сб. худож.-лит., науч. и филос. М.: Костры, 1922. Кн. 1. 191 с. — Пометы.

Шифр: 1939к/3852

124. Фет А. А. Полн. собр. стихотворений: В 3 т. / Ред. Б. В. Никольский. СПб.: А. Ф. Маркс, 1901. Т. 1. CXII, 496 с.; портр.; Т. 2. 18, 654 с.; портр.; факс.; Т. 3. 8, 486 с.; портр.

Шифр: 1935к/2899

125. Ходасевич В. Ф. Тяжелая лира. М.; Пг.: Гос. изд., 1922. 60 с. — На кн. надпись: «Дорогому Федору Кузьмичу на память от жены автора этой книги. А. Ходасевич». — Утрачена.

Шифр: 1935а/1223

126. Цеплер В. Проблемы женской жизни / Пер. с нем. М.: Типолитогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К., 1906. 31 с. — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1935а/1233

127. Шахматный листок: Орган Всероссийского шахматного союза / Орган Всесоюзной Шахматной Секции Высшего Совета Физической Культуры. Л., 1924. № 16; 1925. № 2, 11, 13—14; 1926. № 10, 13.

Шифр: 775

128. Шевченко Т. Г. Кобзарь / Ред. М. Славинский; пер. Б., Н. Берг, Н. Гербель и др. СПб.: М. М. Стасюлевич, 1911. 23, 252 с. — Биогр. очерк не разрезан. — Пометы.

Шифр: 1937л/277

129. [Шекспир В.]. Макбет. Трагедия Шакспира / Пер. А. Ротчева. СПб.: В тип. департамента народного просвещения, 1830. 116 с. На русский язык перевод сделан с немецкого перевода Ф. Шиллера.

Шифр: 1937к/1061

130. Шеридан Р. Школа злословия: Комедия в 5-ти действиях / Пер., авт. биогр. Ч. Ветринский. СПб.: А. С. Суворин, [1894]. 136 с. (Дешевая б-ка; № 317).

Шифр: 1933и/460

131. Шницлер А. Графиня Мицци, или Семейный съезд: Комедия в одном действии / Авторизов. пер. с рукописи З. А. Венгерова. М.: Польза, В. Антик и К., [1909]. 52 с. — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1936а/896

132. Шницлер А. Греческая танцовщица: Новеллы / Пер. с нем. В. Восходов. 2-е изд. М.: Польза, В. Антик и К., [1909]. 62 с. (Универс. б-ка; № 134).

Шифр: 1934а/10

133. Шницлер А. Марионетки: Трилогия [Пьесы] / Пер. с нем. Н. И. Бронштейн. М.: Польза, В. Антик и К., [1908]. 75 с. (Универс. б-ка; № 106).

Шифр: 1934а/13

134. Шницлер А. Последняя воля: Комедия в 3-х действиях / Пер. с нем. С. М. Антик. М.: Польза, В. Антик и К., [1909]. 96 с. (Универс. б-ка; № 157). — На обл. надпись: «Ф. Шнейдер».

Шифр: 1934а/11

135. Шницлер А. Сказка: Драма в 3-х действиях / Пер. с нем. З. М. Мейерович. 3-е изд. М.: Польза, В. Антик и К., [б. г.]. 96 с. (Универс. б-ка; № 16).

Шифр: 1933и/142

136. Шницлер А. Сумеречные души: Новеллы / Пер. с нем. С. М. Антик. 2-е изд. М.: Польза, В. Антик и К., [1908]. 93 с. (Универс. б-ка; № 39).

Шифр: 1933и/456

137. Шницлер А. Часы жизни: Тетралогия / Пер. с нем. А. Гретман, Е. Ю-ге. М.: Польза, В. Антик и К., [1908]. 91 с. (Универс. б-ка; № 95). — На обл. надпись: «Е. Лешениз».

Шифр: 1934а/12

138. Штернгейм К. Четыре новеллы / Пер. В. А. Зоргенфрей; ред. Е. И. Замятин. Пб.; М.: Гос. изд., 1923. 126 с.

Шифр: 1938и/145

139. Юрезанский В. Т. Ржи цветут: [Рассказы]. Винница: 1-я Винницкая гос. тип., 1924. 112 с. — На форзаце надпись: «Федору Кузьмичу Сологубу с глубоким уважением Владимир Юрезанский. 31.VIII.<1>925 Харьков».

Шифр: 1935б/1345

КНИГИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

1. Abélard P. Lettres d'Abélard et d'Héloise. / Traduction littérale par le bibliophile Jacob, précédée d'une notice littéraire, historique et bibliographique par M. Villenave. 1-e éd. compète. Paris: Libr. de C. Gosselin, éd. de la bibliothèque d'Elite, 1840. 363 p. — Пометы.

Шифр: 1938к/1805

2. Apollinaire G. [Méditations Esthétiques]. Les Peintres Cubistes. Première série. 3-me éd. Paris: E. Figuère, 1913. 84 p.; 46 л. ил. — Инициалы АСЧ. — Пометы.

Шифр: 1936к/2285

3. Balzac H. de. Modeste Mignon: Scène de la vie privée. T. 1—2. Bruxelles: Meline, Cans et Cie, 1844. 162 p. (Omnibus littéraire). — На корешке: «N. H.».

Шифр: 1935и/333

4. Balzac H. de. Œuvres illustrées. Ed. ill. par T. Johannot, Staal, E. Lampsonius, Bertall, H. Monnier, etc. Paris: Chez Marescq et Cie, et chez G. Havard, 1851—1852. Переплет. Аллигат.

(Lelysdanslavallée. 1851. 62 p.; Eugénie Grandet. Lechef-d'œuvre inconnu. 48 p. — Пометы; Le vicaire des Ardennes / Edition illustrée par E. Lampsonius. 1854. 64 p.; La peau de chagrin. El Verdugo. 1852. 62 p.; Modeste Mignon. 1852. 64 p.; Un début dans la vie. Maitre Cornélius. 1852. 48 p.; Le contract de marriage. 1852. 32 p.; Les célibataires. Pierrette — Le cure de tours. 1852. 48 p.; Les célibataires. Un ménage de Garçon. 1854. 64 p.).

Шифр: 1935л/166

5. Barbey d'Aurevilly J.-A. Poésie et poètes. Paris: A. Lemerre, 1906. 327 p. — Пометы.

Шифр: 1935к/589

6. Baudelaire C. Les fleurs du mal / Précédées d'une notice par T. Gautier. Paris: Calmann-Lévy, [s. a.]. 411 p. — Инициалы АСЧ. — Пометы, вложены два лепестка.

Шифр: 1935и/520

7. Bazin R. La terre qui meurt. 126-me éd. Paris: Calmann-Lévy, [s. a.]. 337 p. — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1935к/1321

8. Béranger M. P. J. de. Chansons. Nouv. éd., augmentée de plusieurs chansons qui ne se trouvent dans aucune autre éd. T. 1—3. Bruxelles: Galaud et Legeune fils, 1826. T. 2: 270, 5 p.; T. 3: 30, 192, 4p. — Пометы в содержании. — На тит. л. факсимиле: «Н. Дивов».

Шифр: 1938и/423 (2, 3)

9. Boigne E. Mémoires de la C<om>tesse de Boigne née D'Osmond / Publiés par M. Charles Nicoullaud. Paris: Plon-Nourrit et Cie. (Récits d'une

tante), [s. a.]. T. 2: (1815—1819). 18-me éd. 1908. 434 p.; фронт. (портр.), 1 л. факс.; T. 3: (1820—1830). 17-me éd. 1909. 448 p.; T. 4: (1831—1866). 15-me éd. 1908. 547 p.; портр. — На обложке владельч. наклейка «В. Дорошевич». — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1939к/2846 (2, 3, 4)

10. Bonneff M. Didier homme du peuple. 2-me éd. Paris: Libr. Payot et Cie, 1914. 300 p. — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1935к/640

11. Bourget P. Sensatios d'Italie (Toscane — Ombrie — Grande-Grèce). Paris: A. Lemerre, 1891. 342 p. — На корешке:«W. L.». — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1935и/400

12. Brachet A. Grammaire historique de la langue française / Préface par E. Littré. 42-te éd. Paris: J. Hetzel et Cie, [1872]. 19, 297 p. — Пометы. — Приплетен каталог книг.

Шифр: 1938и/3147

13. Bungener L.-F. Voltaire et son temps. Études sur le XVIIIe siècle. 2-e éd. T. 1—2. Paris: Joël Cherbuliez, 1851. T. 1. 331 p.; T. 2. 344 p.

Шифр: 1939и/1319

14. Les cahiers d'aujourd'hui. 1914. № 9. Février. 441—490, III p.; ил. — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1936в/811

15. Choiseul E.-F. Mémoires de M. le Duc de Choiseul, ancien ministre de la marine, de la guerre & des affaires étrangères; Écrits par lui méme et imprimés sous les yeux, dans son cabinet, à Chanteloup, en 1778. T. 1—2. Paris: Buisson, 1790. T. 1: 180 p. — Инициалы АСЧ. T. 2: 192 p. — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1938к/891

16. Claretie J. Portraits contemporains. T. 1. Paris: Libr. ill., 1875. 388 p.

Шифр: 1937к/430

17. Claudel P. L'otage: Drame. 5-me éd. Paris: Nouv. revue française, M. Rivière, [s. a.]. 205 p. — Инициалы АСЧ. — Пометы.

Шифр: 1935к/631

18. Corneille P. Le Cid — Horace / [Биогр. очерк] N. David. Paris: Libr. de la Bibliothèque Nationale, N. Camus, 1912. 191 p. (Bibliothèque Nationale. Collection des meileurs auteurs anciens et modernes). — Инициалы АСЧ. — На обложке надпись: «M. Mamantoff».

Шифр: 1940и/446

19. Cournos J. Gordon Craig & the theatre of the future. Надпись на л. 1: «Из журнала Крэга "Mask", Firenze». [8] p. (An Article reprinted from «Poetry & Drama». September 1913).

Шифр: 1939в/309

20. Daudet A. Jack: Moeurs contemporaines. 16-me éd.Vol. 1—2. Paris: E. Dentu, 1879. Vol. 1. 384 p.; Vol. 2. 360 p.

Шифр: 1938и/2704

21. Delavigne M. Casimir. Messéniennes et poésies diverses. 9-me éd. Paris: Chez Ladvocat libr., 1824. 293 p.; ил., 13 л. грав. — На корешке: «B. L.». — На обл. владельч. наклейка: «Из книг Графа Александра Александровича Апраксина».

Шифр: 1935к/699

22. Diderot D. Chefs-d'oeuvre / Avec préface, notices, notes et variantes par L. Asseline et A. Lefèvre. T. 1—4. Paris: A. Lemerre, 1879—1880. (Nouv. collection Jannet-Picard). T. 1. 1879. 246 p.; T. 2. 1879. 263 p. — Не разрезана; T. 3. 1880. 255 p. — Не разрезана; T. 4. 1880. 311 p. — Не разрезана. Инициалы АСЧ.

Шифр: 1940и/29 (1, 2, 3, 4)

23. Elaroff J. B. Saint-Pétersbourg et ses environs. St-Pétersbourg: Meller et Cie, 1892. 241 p.; 2 плана, 1 карта. — Пометы.

Шифр: 1939и/1407

24. Évian-les-Bains et ses environs. Paris: Administration des Guides Conty, [s.a.]. 76 p.; 5 карт., 1 план. (Guides Pratiques Conty).

Шифр: 1939и/1440

25. Farrère C. Une jeune fille voyage a...: Roman. Paris: E. Flammarion, 1925. 248 p.

Шифр (ы): 1935к/1325

26. Feller F. E. Neuestes tachen-wèrterbuch franzèsisch und deutsch. Vol. II. Deutsch-franzèsisch. Leipzig: B. G. Teubner, 1899. 377, 44 p. (Collection Feller). — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1939и/1558

27. Fraycourt P. De la charrue à la pourpre. Paris: P.-V. Stock, 1906. 384 p.

Шифр: 1935к/801

28. Fühner durch Wiborg seine umgebung und Imatra. [Wiborg]: Wiborgs bok & Stentryckeri A. B., 1912. 68 p., 3 карты.

Шифр: 1939а/311

29. Funck-Bretano F. La mort de la reine (les suites de l'affaire du collier). D'après de nouveaux documents recueillis en partie par A. Bégis. 4-me éd. Paris: Libr. Hachette et Cie, 1904. 268 p.;фронт. (портр.), 9 л. грав.

Шифр: 1935к/515

30. Glatigny A. Joyeusetés galantes et autres du vidame Bonaventure de la Braguette. Luxuriopolis: A l'enseigne du beau triorchis. 1866. 141 p. — На корешке: «W. D.».

Шифр: 1940и/967

31. Halévy L. L'abbé Constantin. Paris: Calmann-Lévy, [s. a.]. 272 p. — На шмуцтит.: «V. Frison».

Шифр: 1935и/1008

32. Hellens F. Les Clartés latentes: Vingt contes et paraboles. Bruxelles: Association des écrivains Belges, 1912. 349 p. — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1935к/847

33. The Holy Bible, containing the old and new testaments: translated out of the original tongues; and with the former translations diligently compared and revised, by his Magesty's special command. Edinburgh: Sir D. Hunter Blair and M. S. Bruce, 1829. — На л. за обл.: «C. E. Borisow».

Шифр: 1936и/1594

34. Hugo V. Les contemplations. T. 1—2. Paris: J. Hetzel, [s. a.]. T. 1: 236 p. (Œuvres complètes de Victor Hugo. Poésie).

Шифр: 1939и/2816

35. Hugo V. Les feuilles d'automne. Paris: J. Hetzel, [s. a.]. 254 p. (Œuvres complètes de Victor Hugo. Poésie). — Разрезана до с. 217.

Шифр: 1939к/440

36. Jacolliot L. La mythologie de Manou. 1-re partie. Paris: Collection Lacroix et Cie, 1881. 368 p. — На корешке: «H. C.».

Шифр: 1939к/837

37. Lanson G. Conseils sur l'art d'écrire: Principes de composition et de style a l'usage des élèves des lycées et collèges et de l'enseignement primaire supérieur. 2-me éd. Paris: Hachette et Cie, 1896. 12, 250 p. — Пометы.

Шифр: 1935и/703

38. Lanson G. Manuel bibliographique de la littérature française moderne (1500—1900). P. 1—3. Paris: Hachette et Cie, 1911. T. 3: 18 siècle: 15, 531—937 p. — Частично не разрезана. — Пометы.

Шифр: 1939к/3301

39. Linguet S. N. H. Mémoires sur la Bastille, et la détention de l'auteur dans ce château royal, depuis le 27 septembre 1780 jusqu'au 19 mai 1782. Londres, 1783 & se trouve à Hambourg chez J. G. Virshaux. 168 p.; фронт.

Шифр: 1938к/1132

40. Lemaître J. La chapelle blanche. М.: Школа, 1913. 16 p. (Lisons seuls! Lectures faciles et graduées. Annotées par A. Maillot; I).

Шифр: 1939а/805

41. Loliée F. Les femmes du Second Empire (Papiers intimes). Paris: Libr. F. Juven, 1905. 11, 369 p.; 40 л. грав. — Инициалы АСЧ. — Переплет. — Экслибрис В. Дорошевича.

Шифр: 1939к/2942

42. Loti P. Le livre de la pitié et de la mort. 15-me éd. Paris: Calmann-Lévy, 1891. 4, 321 p.

Шифр: 1935и/1074

43. Loti P. Le roman d'un spahi. 27-me éd. Paris: Calmann-Lévy, 1890. 380 p. — Пометы.

Шифр: 1935к/984

44. Maeterlinck M. Théâtre. T. 1—3. Bruxelles: Paul Lacomblez, 1908—1912. — Инициалы АСЧ.

T. 1: La princesse Maleine. L'intruse. Les aveugles. 1908. XVIII, 301 p.

T. 2: Pelléas et Mélisande. Alladine et Palomides. Intérieur. La mort de Tintagiles. 1912. 245 p.

T. 3: Aglavaine et Sélysette. Ariane et Barbe-Bleue. Soeur Béatrice. 1912. 301 p.

Шифр: 1935к/1004 (1, 2, 3)

45. Maugras G. Le duc de Lauzun et la cour de Louis XV. Ouvrage couronné par l'Académie française. Prix Guizot. 11-me éd. Paris: Plon-Nourrit et Cie, 1907. 469 p. Перед загл.: La fin d'une société. — Инициалы АСЧ. — Пометы. — В книге оставлены вырезки с кулинарными рецептами.

Шифр: 1938к/565

46. Maupassant G. de. Yvette / Illustr. de Cortazzo; grav. sur bois parde G. Lemoine. Paris: P. Ollendorff, 1902. 315 p.; л. ил. (Œuvres complètes ill. de Guy de Maupassant).

Шифр: 1935к/1046

47. Mérimée P. Carmen. Arsène Guillot. L'abbé Aubain. La dame de pique. Les bohémiens. Le hussard. Nicolas Gogol. 22-me éd. Paris: Calmann-Lévy, 1893. 358 p. — За обложкой наклейка с № 288 бывшего владельца.

Шифр: 1935и/1161

48. Merson O. La peinture française: Au XVIIe siècle et au XVIIIe. Paris: L.-H. May, [1901]. 351 p., грав. (Bibliothèque de l'enseignement des beaux-arts). — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1935к/107

49. Mirbeau O. Le Calvaire. Paris: P. Renouard, [s. a.] 355 p.; ил. — Нет обл. и тит. л. — Пометы.

Шифр: 1938и/3141

50. Molière. Œuvres complètes. Nouv. éd. accompagne de notes tirées de tous les commentateurs / Avec des remarques nouvelles par M. Felix Lemaistre; précédée de la vie de Molière par Voltaire des appreciations de la Harpe et D'Auger. Ornée de 20 gravées sur acier par Massard et F. Delannoy d'après les dessins de Staal. Paris: G. Frères [s. a.]. 36, 667 p., grav. В пер.

Шифр: 1935л/170

51. Nouveau choix de lettres de Madame de Sévigné. Spécialement destiné / Aux petits séminaires et aux pensionnats de demoiselles par l'abbé Allemand. 12-me éd. Tours: A. Mame et fils, 1874. 384 p., 1 л. грав., 1 фронт. (портр.) (Bibl. de la jeunesse chrétienne approvée par l'archevêque de Tours. 1-re ser.). — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1935к/1407

52. Nouveau dictionaire de poche français-italien et italien-français. Leipzig: B. G. Teubner, [s. a.]. Vol. 2. Français-italien. 14, 325 p. (Collection Feller). — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1939и/1559

53. Nyrop K. Grammaire historique de la langue française. T. 1—2. Copenghague; Leipzig; Paris: E. Bojesen, 1899—1903. T. 1: 1899. 16, 488 p.; T. 2: 1903. 8, 453 p.

Шифр: 1937к/151 (1, 2)

54. Potocka A. Mémories de la C<om>tesse Potocka (1794—1820) / Publiés par C. Stryienski. 2-me éd. Paris: Plon-Nourrit et Cie, 1911. 31, 424 p.; фронт. (портр.). — Инициалы АСЧ. — Пометы.

Шифр: 1939к/2865

55. Réau L. Les primitifs allemands: Étude critique. Paris: H. Laurens, [s. a.]. 128 p.; 24 л. ил. — Инициалы АСЧ. — Частично не разрезана.

Шифр: 1936к/2286

56. Reboux P. «Vient de Paraître»: Notes de critique littéraire (1903—1905). 2-me éd. Paris: P. Soc. d'éd. littér. et artist, 1906. 339 p. — На шмуцтит. и тит. л.: «V. Frison». — Пометы бывшего владельца на французском.

Шифр: 1935и/961

57. Régnier H. de. Les Rencontres de M. de Bréot: Roman. 10-e éd. Paris: Soc. du Mercure de France, 1904. 316 p. — Инициалы АСЧ. — На листах каталога пометы.

Шифр: 1935к/1160

58. Ronsard P. de. Poésies choisies / Publiées avec notes et index concernant la langue et la versification de Ronsard par L. Becq de Fouquières. Paris: Charpentier et Cie, 1873. 36, 396 p. — Пометы.

Шифр: 1938и/99

59. Schiller F. von. Geschichte des dreissigjèhrigen Kriegs. Leipzig: Ph. Reclam jun, [s. a.]. 306 p. На обл.: Ph. Reclam's billigste classikerausgaben. — Разрезана до с. 41.

Шифр: 1938и/2619

60. Staël G. de. Delphine. Paris, 1817. T. 3—4. T. 3: 295 p.; T. 4: 259 p.

Шифр: 1940и/987

61. Stendhal. Le rouge et le noir: Chronique du XIXe siècle. T. 1—2. Paris: Calmann-Lévy, [s. a.]. T. 1: 249 p. — Инициалы АСЧ. — Пометы; T. 2: 259 p. — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1935к/1411 (1, 2)

62. Suisse: Les routes les plus fréquentées. 9 cartes et 5 plans. Paris: Libr. Hachette et Cie, 1912. 52, 25, 270, 152 p.; ил.; 9 карт; 5 планов (Collection des guides-Joanne. Guides-diamant).

Шифр: 1936и/1593

63. Toursier G., Donéval R. de. Guide pratique de Monte-Carlo et de la principauté de Monaco. Lyon: Société des guides Pol, [s. a.]. 80 p.; 5 планов, 5 карт, 25 грав. (Collect. des guides Pol). — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1939а/320

64. Trirodoff N. In Italiano: Note di un impressionista. Roma: Tipografia Editrice Nazionale, 1914. 45 p.

Шифр: 19376/1003

65. Wilde O. The poems. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1909. 276 p. (Collection of British authors; vol. 4096: The poems of Oscar Wilde in one volume). — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1935и/1840

66. Wilde O. The poems. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1911. 270 p. (Collection of British authors; vol. 4290: The poems of Oscar Wilde in one volume). — Инициалы АСЧ.

Шифр: 1935и/1841

М. М. Павлова

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ АН. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ
Литературная, художественная и театральная критика. Публицистика. Рецензии

Литературная, художественная и театральная критика и публицистика Ан. Н. Чеботаревской в настоящее время почти не изучены, эта область ее трудов по большей части остается для исследователей русского модернизма terra incognita. Имя спутницы Сологуба в истории отечественной словесности представлено главным образом переводами из французских авторов и всевозможными компиляциями, в том числе составленным ею сборником «О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки» (1911) и несколькими художественными текстами, созданными в соавторстве с супругом. Ее журналистская деятельность в справочниках и библиографических указателях практически не отражена[1].

В 1916 году в заметке «Моим “критикам”» Чеботаревская заявила, что за девять лет литературной работы ею было «составлено и переведено более 15 книг и напечатано более 50-ти рассказов и статей по искусству»[2]. Заявление по меньшей мере скромное, поскольку в те годы она уже напечатала в периодике десятки и десятки статей, очерков, заметок и рецензий (наряду с оригинальными произведениями и художественными переводами).

В общей сложности, как удалось установить в процессе собирания библиографии, за период с 1904 по 1918 год имя Чеботаревской появлялось на страницах столичной и провинциальной прессы более 200 раз, нередко в контексте актуальных газетных полемик (например,

---

[1] В библиографическом указателе «История русской литературы конца XIX — начала XX века» (под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л.: АН СССР, 1968) отсылки на отдельные литературно-критические статьи Ан. Чеботаревской приводятся в указателях по персоналиям («Л. Н Андреев», «З. Н. Гиппиус» и др.), всего 19. В картотеке А. Д. Алексеева (ИРЛИ) за персональным разделителем автора следуют 27 карточек с данными о публикациях в журналах (1904—1917) и газетах (1917—1918), 8 журнальных публикаций из этого перечня — художественные произведения. Небольшое дополнение к «журнальному» корпусу (сведения о 8 газетных публикациях) имеется в «Студенческой картотеке» (собрана под руководством Алексеева студентами филфака Ленинградского университета в 1970-е гг.).

[2] Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 8 апр. № 15490. С. 5.

дискуссии вокруг постановки «Заложников жизни» на Александринской сцене[3], полемики о военной беллетристике[4] и др.).

Многие статьи были напечатаны за подписью Федора Сологуба и запомнились современникам как публикации известного писателя. Имя Сологуба Чеботаревская использовала на столбцах газет более или менее регулярно начиная с 1912 года, фактически как псевдоним, точнее один из многочисленных псевдонимов (лишь некоторые из них учтены в словаре И. Ф. Масанова)[5]. Она подписывала свои публикации: *А. Ч., А. Ч-ая, Ал. Чеб., Ан. Ч., Ан. Чеб., Анс. Чеб-ая, Ан. Чеб-ская, Анс. Чеб-ская, А. Че-ская, Анатолий Курский, Бродяга, Гаэтан, Мисс Лиль, Молодой друг, Один из немногих, Театрал, Федор Сологуб.*

Высокий удельный вес газетной и журнальной критики и публицистики в трудах писательницы побуждает пересмотреть объем и реальное содержание ее творческого наследия, степень ангажированности в литературном процессе и в работах Сологуба, скорректировать представление о действительном масштабе ее общественно-публицистической и критической деятельности, творческом имидже и личном вкладе в современную журналистику.

Газетные и журнальные статьи Чеботаревской, до настоящего времени не собранные и не представленные в отдельном издании, несомненно, заслуживают иной судьбы, как своего рода литературно-исторический памятник эпохи. Публикация материалов к библиографии послужит необходимым подспорьем в этом начинании, равно как и в изучении истории некоторых газетных и журнальных баталий начала XX века.

Публикуемые материалы мы рассматриваем как первый шаг к изданию полной библиографии литературных трудов Ан. Н. Чеботаревской, где наряду с газетными и журнальными публикациями будут представлены книги, художественные произведения и переводы, а также рецензии на выпущенную ею продукцию.

Данный раздел включает литературную, художественную и театральную критику и публицистику: статьи, очерки и рецензии на книги, напечатанные в газетах, журналах и сборниках в 1904—1919 годах. Неподписанные объявления в газетах (например, о вечерах учрежденного Чеботаревской и Сологубом общества «Искусство для всех» и т. п.) не включались. Раздел не претендует на полноту, в будущем он может быть дополнен (преимущественно за счет газетных публикаций 1917—1918 гг.).

---

[3] Подробно см. в публикации Ю. Е. Галаниной «Ф. Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с В. Э. Мейерхольдом (1906—1924)» (с. 000—000 наст. изд.).

[4] См.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская: Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 262.

[5] *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. Т. 4. С. 467, 510.

Источники

1. Авторская библиография: «Перечень напечатанных сочинений Анастасии Ник. Сологуб-Чеботаревской»: РГАЛИ. Ф. 482 (Ф. Сологуба). Оп. 3. Ед. хр. 8.

Библиографический перечень состоит из нескольких разделов: 1) художественные произведения: стихотворения, рассказы, драмы; 2) «Статьи по искусству» (всего 14); 3) «Статьи по литературе и искусству (театру)» (всего 26); здесь же приведен список изданий, в которых в 1905—1916 годах помещались рецензии и обзоры; 4) «Статьи по вопросам общественности и быта» (всего 42); 5) «Работы последнего времени» — книги, составленные Чеботаревской; 6) «Переводы»; здесь же переводы под ее редакцией.

Статьи, опубликованные за подписью Федора Сологуба, отмечены в перечне значком астериска (*), статьи, написанные в соавторстве, — двойным значком астериска (**).

2. Библиографическая картотека опубликованных и неопубликованных работ (в составе авторской библиографической картотеки Ф. Сологуба): ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 546.

Картотека (всего четыре конверта с карточками) сохранилась не в полном объеме, часть карточек утрачена.

Библиографический материал сгруппирован в три раздела: отдельные издания (книги); публикации в периодической печати, альманахах и сборниках; переводы.

В разделе периодики помещены сведения о произведениях, опубликованных в газетах и журналах, независимо от их жанровой принадлежности; они расположены в алфавитном порядке. В общей сложности Сологуб зафиксировал 178 опубликованных и предназначавшихся для публикации, но не напечатанных отдельно текстов названной тематики (статей и рецензий).

Многие карточки содержат неточные или неполные библиографические сведения, например: «В. Башкин. Стихотворения. — Рец. Напеч. в СПб. газете. Подп.: Ан. Ч.»; «Великий поворот во французском искусстве XIX в. — Правда? (не раньше осени 1904)», «Художник Нестеров. Товарищ», «Из воспоминаний о Шингареве. Опубл.» и т. п.

Помимо библиографических данных, в картотеке имеются пометы Сологуба об авторстве Чеботаревской целого ряда текстов, опубликованных под его именем, а также о соавторстве с ним в ряде публикаций, не отраженном в печати. Как правило, в таких случаях Сологуб сопровождал библиографические записи пометами: «моя подпись», что означало авторство Чеботаревской, «со мною» — то есть написано в соавторстве с нею.

3. Собрание газетных и журнальных вырезок со статьями Ан. Чеботаревской (1904—1918): ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 49—51. В со-

брании представлен значительный массив публикаций, большое число вырезок сохранилось без библиографических данных (в ряде случаев источник публикации установить не удалось).

4. Рукописи статей Ан. Чеботаревской и статей Ф. Сологуба (в случае их наличия) как источник установления авторства текстов, подписанных Сологубом: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Оп. 4.

5. Библиографический список Чеботаревской «Мои труды»: ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгерова). Оп. 7. Ед. хр. 3806.

Список датирован 1913 годом и включает полный на то время перечень выпущенных автором книг — ее переводы и компиляции. Журнальные и газетные публикации в списке не отражены, в то же время в справке содержатся сведения о газетах и журналах, в которых в разные годы Чеботаревская печатала свои статьи (например, в «Сыне Отечества», «Товарище», «Новой волне» (Елисаветград) и др.). По большей части эта информация отсутствует в библиографической картотеке и в собрании газетных вырезок. Фронтальный просмотр указанных изданий имел положительный результат.

6. Подшивки актуальных и доступных периодических изданий.

Структура

Материалы к библиографии представлены двумя реестрами: общим списком публикаций в алфавите заглавий и хронологическим аннотированным реестром публикаций. В списке публикаций рядом с заголовком статьи сообщается порядковый номер, соответственно отсылающий к данной статье в хронологическом реестре.

Библиографическое описание включает: полное заглавие публикации, далее в квадратных скобках сообщается жанровая характеристика текста: статья, очерк, обзор, рецензия; затем приводятся библиографические сведения и, в случае наличия, псевдоним. Если публикация подписана именем автора или одним из вариантов, как то: Анастасия Чеботаревская, Анаст. Чеботаревская, Ан. Чеботаревская, Анс. Чеботаревская, то об этом в описании не сообщается.

В тех единичных случаях, когда источник публикации не выявлен, но факт публикации подтверждается наличием газетной/журнальной вырезки (без выходных данных), используется помета: «Неуст. ист.». При отсутствии в архиве газетной вырезки тексты, зафиксированные в одном из вышеназванных библиографических источников, но не найденные, как, например, в случае со статьей «Из воспоминаний о Шингареве», в библиографию не включались.

Значком астериска (*) в реестре отмечены статьи Чеботаревской, опубликованные под именем Сологуба; двойным значком астери-

ска (**) — написанные в соавторстве с Сологубом и опубликованные под его именем.

Объем аннотации определялся степенью актуальности текста для литературно-критического и публицистического контекста, а также для творчества автора.

Из всего массива опубликованных в периодике статей Чеботаревской в настоящее время востребованы немногие, главным образом посвященные произведениям Ф. Сологуба. Наиболее известные из них, как, например, «“Творимое” творчество», мы не сопровождали аннотациями. В тех случаях, когда текст был републикован в современном издании, например ряд статей периода Первой мировой войны, как правило, вместо аннотации введена отсылка на переиздание текста.

В свою очередь, мы сочли целесообразным привести более или менее пространные цитаты из целого ряда статей, которые, на наш взгляд, позволяют составить некоторое представление не только об их содержании и стилистике, но также об эволюции эстетических взглядов автора, общем мировоззрении и общественно-политической позиции. Исключительное место в этом ряду отведено первой публикации — статье «Ваятель жизни» (1904) о творчестве Огюста Родена, в которой Чеботаревская сформулировала критерии оценки личности художника, остававшиеся для нее существенными в последующие годы. С этими же критериями она подходила к творчеству наиболее почитаемых ею современников: Л. Андреева, А. Блока, М. Врубеля, М. Добужинского, М. Метерлинка, О. Мирбо, Ф. Сологуба, К. Сомова и др.

Всякий раз, аннотируя ту или иную статью, мы руководствовались разными, подчас субъективными критериями. Так, например, цитаты из статьи «М. А. Врубель» (1910) могут быть интересны в сравнительном аспекте — в контексте откликов современников на кончину художника. В некоторых случаях пространные аннотации эксплицировали малоизвестные биографические факты, как, например, воспоминания Чеботаревской о дружбе с поэтом И. Игнатьевым («К самоубийству Ивана Казанского», 1914) или рассказ о присутствии на московской лекции Т. Маринетти («На лекции Маринетти», 1914).

Без аннотации оставлены малосодержательные, незначительные, а также неразысканные публикации.

Все выделения в цитатах (полужирным, разрядкой, курсивом) мы даем курсивом.

В Приложении в алфавите названий приведен предварительный неполный перечень художественных произведений и переводов Ан. Чеботаревской, напечатанных в газетах и журналах (работа по выявлению текстов продолжается).

Указатель названий

Айседора Дункан в прозрениях Фридриха Ницше. — 56
Актриса-женщина. — 96
Л. Н. Андреев. В сей грозный час. Статьи. — 120
[Антокольский.] Марк Матвеевич Антокольский, его жизнь, творения, письма и статьи. — 29
Артисты — о пьесе Федора Сологуба. — 83
М. Арцыбашев. Рассказы. Том I. — 13
Ф. Д. Батюшков против Федора Сологуба. — 86
В. Башкин. Стихотворения. Гражданские мотивы. Лирика. — 49
*Беседы с друзьями. — 174
Брюгге. — 115
В защиту военной литературы. — 131
В кривом зеркале. — 196
В парижской школе. — 145
В поисках роз. — 151
*В стране хлеба и здоровья. — 127
В тусклый день. — 148
Ваятель жизни. — 1
Великий поворот во французском искусстве XIX века. — 3
[Венгерова.] Зинаида Венгерова. Литературные характеристики. — 12
*Верная семья. — 137
Весенняя ностальгия. — 200
Вести о писателях и книгах. — 105
*Власть мечты (ответ М. О. Гершензону). — 126
Впечатления. — 179
М. А. Врубель. — 55
Вселенская пошлость. — 92
Встреча Луначарского с Союзом деятелей искусства. — 199
Вынужденный ответ. — 208
Выставка М. В. Нестерова. — 36
Выставка С.-Петербургского общества художников. — 39
Газетное антука. — 136
З. Н. Гиппиус. Лунные муравьи. Шестая книга рассказов. — 72
*Горение души (Памяти В. Я. Богучарского). — 119
*Два пути. — 125
«Две души». — 139
Две повести XVI альманаха «Шиповник». — 67
Две цензуры. — 107
Д. А. Девор. Слепое поколение — безумие. Трагикомедия в 3 д. — 37
Рихард Демель. Собр. соч. т. I. — 81

День всех святых. — 114
*Деревенское. — 168
*Дерзание до конца. — 169
Дневник Алексея Николаевича Вульфа. 1828—1831 гг. — 211
М. В. Добужинский и его произведения. — 74
*Дружная и недружная. — 181
*Есть честность! — 156
*Жемчужина без оправы. — 160
Женщина настоящего и женщина будущего. — 58
*Жорж Буайе. — 152
Журнальная хроника. — 4
Журнальное обозрение. — 5
Журнальное обозрение. — 9
Журнальное обозрение. — 17
Журнальные заметки — 19
Журнальные заметки — 20
Журнальные заметки — 22
Журнальные заметки — 26
За-границу. — 203
[Зайцев.] Борис Зайцев. Рассказы. — 40
Звериный вопль. — 132
Зеленый бум. — 99
Н.Н. Златовратский. Собр. соч. Т. I и Т. II. — 69
Л. Зиновьева-Аннибал. Трагический зверинец. — 48
Л. Зиновьева-Аннибал. Тридцать три урода. — 41
Вячеслав Иванов. Эрос. — 35
Иго войны. Признание маленького человека о великих днях. Новая повесть Леонида Андреева. — 150
Издания г-жи Вербицкой. — 6
Из дневника: Балаганчик и Незнакомка. — 110
Из дневника: Достоевский и Горький. — 109
Из дневника. — 112
Из дневника: Искусство и жизнь. — 106
Из новейшей беллетристики. — 10
Иркутские вечера. Стихи. — 164
*Искусство наших дней. — 138
История повторяется. — 202
К выставке картин Н. К. Калмакова. — 95
К деятелям искусства. — 170
К инсценировке пьесы «Мелкий бес».
К открытию петербургского театрального сезона. — 78
К приезду Н.М. Минского. — 104
К самоубийству Казанского. — 100

Как относилась Великая французская революция к искусству. — 191
Как попадают авторы на казенную сцену? — 82
Когда же, наконец? — 171
Колючие розы. Ответ Д.С. Мережковскому. — 84
А. Крандиевская. «То было раннею весной». — 8
А. Крандиевская. «То было раннею весной» и др. рассказы. Ничтожные» и др. — 14
Гордон Крэг. Искусство театра. — 89
[Криницкий.] Марк Криницкий. Случайная женщина. Роман. Женщина в лиловом. Роман. — 210
Критика или донос? — 122
Критика на критику. — 108
Кто же они? — 182
А. Куприн. Т. III. Рассказы. — 32
* Лекарство впрок. — 153
Вл. Лидин. Трын-трава. — 163
У. Д. Локк. Где любовь. — 161
[Локк.] Уильям Дж. Локк. Случайность. — 165
Луначарский и союз деятелей искусств. — 198
**Любовь и Смерть. — 167
Томас Манн. Смерть в Венеции. — 140
Маразм или обывательщина. — 133
*В.А. Мгебров. — 123
Д. С. Мережковский. Петр и Алексей. — 15
Мечтатель о театре. — 141
[Мирбо.] Октав Мирбо. Вор, пьеса. Бумажник, пьеса. — 23
[Мирбо.] Октав Мирбо. Жан и Мадлена. — 16
*Модерн-мораль. — 194
Моим «критикам». — 149
*Мой сад. — 178
[Мур.] Потусторонние искания. Роман Джорджа Мура. — 31
Мысли вслух (По поводу выборов). — 175
[Мюлау.] Елена-фон-Мюлау. Исповедь глупой женщины. — 79
*Мятежные музы. — 172
На выставке в Академии. — 192
На выставке «Мира искусств». — 63
На выставке «Мира искусства». — 187
На выставке петербургских акварелистов.
На выставке «Салона». — 60
На выставке финского искусства. — 212
На лекции Маринетти. — 101
На очереди. — 44

На очереди. — 184
На празднике «нового» искусства. — 25
**Наблюдения и мечты о театре. — 189
**Над классами. — 177
*Над свежею могилою (Памяти М.М. Ковалевского). — 147
*«Наживают, кто может». — 158
Нашим критикам (Ответ гг. Философову и Войтоловскому). — 113
Неверный признак. — 201
Ненаписанная рецензия или «Зеленое Кольцо» З.Н. Гиппиус. — 118
*Не отнимайте цветов. — 154
Несколько слов к новой драме Сологуба «Заложники Жизни». — 66
Несколько слов о литературе детской. — 68
Нетленный образец. — 204
Нечаянная радость. — 155
Нечто вроде театра. (О театрах миниатюр**). — 80
[Новиков.] Иван Новиков. Между двух зорь. (Дом Орембовских). — 159
Новый журнал «Былое». — 24
О кризисе искусства. — 88
О русской женщине — сестре милосердия. — 117
**О Союзе деятелей худож<ественной> литературы. — 207
О театральных диспутах. — 102
Оазис среди пустыни. — 180
Обзор журналов. — 57
*Обывательское. — 124
*Озорство. — 183
Опрос писателей. Анкета «Нового вечернего часа» по поводу декрета об авторском праве и госуд. монополии классиков. — 185
*От Невских берегов. — 176
От редакции. — 103
Очередная выставка академии художеств. — 51
Очередные недоумения. — 94
Палка о двух концах. — 188
Памяти Н.А. Карышева. — 2
Памяти М.И. Писарева. — 18
*Памяти М.Г. Савиной (К 40-му дню кончины). — 128
Парадоксы с пути: I. Мы и они. — 142
*Парадоксы с пути: IV. Родная стихия. — 146
*Первый сборник издательства «Товарищества Писателей». — 70
Петербургские впечатления («Заложники жизни»). — 87
Письмо в редакцию. — 65
Письмо в редакцию. Негодование Интимному театру. — 98

*Письмо в редакцию. — 129
Письмо из Петербурга. — 64
Полное собрание сочинений Д. С. Мережковского. Томы I—XV. — 90
По поводу некоторых юбилеев... — 93
*По широкому раздолью. — 121
Постановка с «человеческими» жертвами. — 85
**Поэт-витмеровец. — 206
*Права и обязанности. — 157
Право убить. (Ответ на анкету). — 166
Предчувствия Парижа. — 195
**Прощание с Петроградом. — 173
Психология. — 197
Рассказы Вазова. — 7
Рассказы В. Стефаника. — 42
Ритм Парижа. — 193
*Россия в мечтах и ожиданиях. — 130
[Рукавишников.] Проклятый род. Роман Ивана Рукавишникова. — 75
Русская сатира наших дней. — 28
Сборник товарищества Знания. XIV. — 33
[Стриндберг.] Август Стриндберг. Барышня (Юлия). — 209
17-ый альманах «Шиповник». — 73
С. Сергеев-Ценский. Т. I. Рассказы. — 38
[Синклер.] Уптон Синклер. Испытания любви. — 77
Скрябин. Текст В. Каратыгина, рисунки Калмыкова. — 144
*Следует ли авторам отвечать критике? — 135
Следует ли авторам отвечать критике? — 134
[Сологуб.] Федор Сологуб. «Мелкий бес». — 47
[Сологуб.] Федор Сологуб. «Книга разлук. Рассказы». — 52
[Сологуб.] Федор Сологуб [Биографический очерк]. — 116
К.А. Сомов. — 62
В.В. Стасов. Николай Николаевич Ге. Его жизнь, произведения и переписка. — 10
Стрельба по своим. — 186
«Творимое» творчество. (О Федоре Сологубе). — 53
Только в России. — 205
Трагедия ли «Мелкий бес»? — 59
XXXVIII Сборник Т-ства Знание. — 71
XXXV-я выставка передвижников и весенняя академическая. — 43
Тэффи. И стало так... Юмористические рассказы. — 76
*Удел поэта. — 162
Утренняя звезда. Сборник стихов для отрочества. — 97

«Факелы». Книга первая. — 27

[Фибих.] Клара Фибих. Ради хлеба насущного. Роман. — 21

Художник-друг. (Посмертная выставка произведений М.В. Якунчиковой).

Художник-идеалист: Н. Н. Ге. — 61

*Художники как жертвы. — 143

Художники Монмартра. — 54

Художник С.Ю. Судейкин. — 111

[Цензор.] Дмитрий Цензор. Старое гетто. — 50

4-я выставка картин нового общества художников. — 45

Чья победа? — 91

[Шлаф.] Враги мещанства. Роман И. Шлафа. — 30

[Юшкевич.] Семен Юшкевич. Том IV. Очерки детства. — 34

[Янтарева-Вилькина.] Нервные дети. Униженные и оскорбленные. Дети-феномены. Детские типы в произведениях Достоевского. Янтаревой-Вилькиной. — 46

Аннотированный указатель статей

1. **Ваятель жизни**: [ст.] // Журнал для всех. 1904. № 9. С. 545—555.

Очерк творчества Огюста Родена; с иллюстрациями.

Рассматривает эволюцию, особенности авторской манеры, особое внимание уделяет скульптурам: «Поцелуй», «Врата Ада» (бронза), «Граждане Кале», «Мысль», «Бальзак» и др.

> ...Родэн добился ценою многолетнего упорного труда обновления скульптуры. ...его имя должно стоять во главе нового направления, наряду с именами Манэ, Вагнера и Ибсена, в истории живописи, музыки и драмы. <...>
>
> Берет ли Родэн сюжет из истории или мифологии, изображает ли он Иоанна Крестителя, Леду или фавна, — он отбрасывает все условно-анекдотические аксессуары, сохраняя и углубляя только внутреннюю идею сюжета, как «душу». <...> В сущности, в работах Родэна мы имеем дело не с новым воспроизведением того или другого сюжета, а лишь с интерпретацией этого сюжета великим скульптором. В своих произведениях он дает нам свое понимание того или иного лица, мифа, положения, и всякий раз мы видим эти сюжеты, быть может, уже тысячи раз эксплуатировавшие другими художниками, в новом освещении, носящими отпечаток гениального артиста. <...> Что касается собственно формы, техники, то здесь Родэн является таким же самостоятельным и смелым новатором, как и в области сюжета. Он удивительно упрощает и в то же время углубляет техническую сторону пластического искусства. Основные его тенденции в этой области: всем

жертвовать для силуэта, сокращать, опускать детали, создавать сферу соприкосновения поверхностей между собой. <...>

Как истый символист, Родэн предлагает свои мысли в несколько скрытом виде, не навязывая их нам, а лишь скромно приглашая нас предаться на несколько мгновений благородному полету ума и фантазии. В сущности Родэн вообще освобождает свое искусство от сюжетов и форм, действуя непосредственно на душу зрителя комбинациями линий и рельефов, подобно тому, как действует симфония, состоящая из сочетания звуков и ритмов.

2. **Памяти Н. А. Карышева**: [некролог] // Русские ведомости. 1905. 13 февр., № 42. С. 5.

По случаю кончины Николая Александровича Карышева (1855—1905), видного экономиста, статистика, земского деятеля, публициста.

3. **Великий поворот во французском искусстве XIX века**: [ст.] // Правда. 1905. Февр. № 2. С. 139—152.

Очерк творчества Ж. Ф. Милле и Г. Курбе. О революционной роли полотен французских мастеров в развитии реалистического искусства. С иллюстрациями и пояснениями к картинам.

4. **Журнальная хроника**: [обзор] // Правда. 1905. Февр. № 2. С. 243—247. Подпись: *Бродяга*.

В обзоре: «Новый путь», «Вопросы жизни», «Русское богатство», «Журнал для всех», «Мир Божий».

5. **Журнальное обозрение**: [обзор] // Правда. 1905. № 3. С. 304—308. Подпись: *Бродяга*.

В обзоре: роман П. Боборыкина «Изгои», рассказы Н. Тимковского («Человек с системой»), И. Наживина («Ложь»), статья К. Бальмонта «Тайна одиночества и смерти» (о творчестве М. Метерлинка) и др.

6. **Издания г-жи Вербицкой.** «Полуживотное», — ром. Е. Белау. «Курсистки», — ром. Габриэли Реваль. «Женщина, которая осмелилась», — ром. Грант-Аллена. «Из хорошей семьи», — ром. Габриэли Рейтер: [рец.] // Правда. 1905. Апр. № 4. С. 180—186.

То же // Журнал для всех. 1905. Июнь. № 6. С. 391.

Критический обзор переводных романов, посвященных «женскому» вопросу.

7. **Рассказы Вазова.** Перевод и вступительная статья Андрея Сиротинина: [рец.] // Журнал для всех. 1905. Апр. № 4. С. 262.

Общая характеристика сборника, отмечены лучшие рассказы: «Дочь Пилата», «Звезда», «Во мраке», «Спустя 20 лет».

Природа, любовь и Бог — вот основные мотивы творчества болгарского поэта и беллетриста Вазова. <...> По природе и основным тенденциям своего дарования Вазов отнюдь не боец, в активном, боевом значении этого слова. <...> он принадлежит к разряду тех — увы! быть может «утопистов», которые пламенно верят в то, что мир может быть перестроен на началах гуманизма — любви, милосердия,

взаимного понимания. В пятнадцати небольших рассказах <...> ярко вырисовывается гуманистическая тенденция автора.

8. **А. Крандиевская. «То было раннею весной»**: [рец.] // Сын Отечества. 1905. 21 марта. № 27. С. 4. Подпись: *Ал. Чеб.*

9. **Журнальное обозрение**: [ст.] // Правда. 1905. Апр. № 4. С. 289—294. Подпись: *Бродяга.*

В обзоре: журналы «Вестник знания», «Искусство», «Мир Божий», особое внимание уделено рассказу С. Сергеева-Ценского «Лиза Виноградова».

> Много писалось в русской художественной литературе на тему «погибшего но милого создания» <...> но г. Сергееву-Ценскому удалось и этот затасканный сюжет поднести читателю в свежем виде, расцветив его сочными красками <...>. Мучительно-яркий, жизненно-обнаженный рассказ <...>, на наш взгляд, много бы выиграл в своей художественной законченности, если бы автор, уже раскрывший нам зияние пропасти, поглотившей бедную «спокойную» Лизу, закончил бы его шумом падения тела в эту бездну...

10. **Из новейшей беллетристики**: [обзор] // Правда. 1905. Май. № 5. С. 289—294.

О беллетристике на тему «кровавого воскресенья» и революции 1905 г.

В обзоре: «Последние игрушки» В. Дмитриевой, «В стране отцов» С. И. Гусева-Оренбургского, «Ужас» М. Арцыбашева, «Потянуло» и «Дунайские волны» В. Башкина.

11. **В. В. Стасов. Николай Николаевич Ге. Его жизнь, произведения и переписка.** Издание «Посредника». М., 1905: [рец.] // Сын Отечества. 1905. 10 мая. № 71. С. 5. Подпись: *Анс. Чеб-ая.*

> ...редко приходится видеть книгу, полную такого обильного содержательного материала <...>. Самым большим достоинством книги Стасова является, конечно, его восторженный энтузиазм, его пламенный *идеализм* в вопросах жизни и искусства, которыми дышат здесь все страницы, которыми жил и горел изображенный им художник.

12. **Зинаида Венгерова. Литературные характеристики.** Спб., 1905. Книга вторая: [рец.] // Сын Отечества. 1905. 21 июня. № 107. С. 4. Подпись: *Анс. Чеб-ская.*

Отмечает заслуги автора в деле ознакомления русской публики с современными западноевропейскими поэтами и писателями — М. Метерлинком, Э. Золя, Г. Сенкевичем и др. Особое место уделяет статье «Метерлинк как художник и мыслитель», критикует эстетические взгляды Венгеровой с позиции реализма.

13. **М. Арцыбашев. Рассказы. Том I.** Изд. С. Скирмунта: [рец.] // Правда. 1905. № 7. С. 191—193.

То же // Сын Отечества. 1905. 6 июля. № 120. С. 4.

Общая характеристика сборника (состав, проблематика); отмечает влияние Л. Андреева и Л. Толстого на Арцыбашева.

...автор, пожалуй, поторопился с отдельным изданием своего сборника. Действительно, ни основного мировоззрения автора, ни особенно жгуче-излюбленных им тем и вопросов нельзя отметить по прочтении всей книги. <...> Несмотря на отсутствие основной руководящей нити, характеризующей мировоззрение автора во всех рассказах его, мы отметили общность энергичного и мощного протеста против условностей и ненормальностей современного общественного строя <...> формы и мотивы протеста <...> порой носят анархический оттенок.

14. **А. Крандиевская. «То было раннею весной» и др. рассказы. «Ничтожные» и др.** Изд. С. Скирмунта, 1904: [рец.] // Журнал для всех. 1905. Авг. № 8. С. 519. Подпись: *Ан. Чеб.*

Содержание обеих книжек г-жи Крандиевской составляет обыкновенная, *заурядная жизнь* обыкновенных людей. Ни в одном из всех этих рассказов мы не встретим типа выше среднего, типа современного интеллигента, с его обычными запросами и стремлениями. Тоскуют, страдают, мучаются, погибают все эти девушки, мужчины, подростки; тоскует и страдает вместе с ними и автор, глубоко чувствующий пошлость и ужас жизни и ее темных, скучных будней... <...> Книга об исстрадавшейся *интеллигенции*, мысли и настроения которой изображаются автором с глубокою *вдумчивостью* и сердечной *человечностью*.

15. **Д. С. Мережковский. Петр и Алексей.** Издание Пирожкова, Спб., 1905: [рец.] // Сын Отечества. 1905. 7 сент. № 176. С. 3. Подпись: *Анс. Чеб—ская*.

В его произведениях слишком много ума, рассудочности, объективности, лишающих их непосредственности, на которую претендует автор. С другой стороны, у г. Мережковского есть дар изобразительности, заменяющий отчасти недостаток истинного чувства, трепета жизни, своего художественного я. Благодаря этому в романе г. Мережковского вся описательная часть хороша, а некоторые места, — сцены Петра с сыном, самосожжение раскольников, смерть царевича, празднество Венеры — превосходны. <...> в историческом романе мы должны, признавая и уважая творчество и фантазию автора, искать прежде всего логической правды и эта правда есть у г. Мережковского. <...> Жаль, что все это испорчено туманными мистико-философскими претензиями и бьющими на сценический эффект сопоставлениями.

16. **Октав Мирбо. Жан и Мадлена.** Драма в пяти действиях. Пер. М. В. Ватсон: [рец.] // Сын Отечества. 1905. 7 сент. № 176. С. 3. Подпись: *Анс. Чеб—ская*.

Пьеса французского романиста-публициста была издана несколько лет назад, под названием «Дурные Пастыри», но вскоре изъята

из обращения. Тем более должны мы приветствовать ее появление вновь в момент, когда описываемые в ней события являются как бы иллюстрацией к сценам, разыгрывавшимся так недавно в наших фабричных центрах. Написана пьеса со всеми обычными достоинствами и недостатками Мирбо; язык сильный, колоритный, образный; типы очерчены ярко, смело, размашисто; некоторые впадают в шарж, столь свойственный Мирбо. Стачка, ночное собрание рабочих в лесу и последний акт — кровавый финал ее, производят очень сильное впечатление; массовые сцены вообще удачнее диалогов, которые порой напыщенны и мелодраматичны. Но главное и неоспоримое достоинство пьесы это идея классовой борьбы, красной нитью проходящая через все ее пять актов.

17. **Журнальное обозрение**: [обзор] // Правда. 1905. Сент.—окт. № 9—10. С. 368—374. Подпись: *Бродяга*.

В обзоре: «Вестник знания», «Мир Божий», «Русское богатство», «Русская мысль»; рассказы: «Молчальники» С. Сергеева-Ценского, «Мертвые люди» В. Письменной; статьи об аграрном вопросе и земельной собственности: «Хроника внутренней жизни» А. В. Пешехонова, «Великий грех» Л. Толстого.

18. **Памяти М. И. Писарева**: [некролог] // Голос Юга. 1905. 11 (24) окт. № 237. С. 3. Подпись: *Молодой друг.*

По поводу кончины Модеста Ивановича Писарева (1844—1905) — актера, педагога, критика, мужа актрисы П. А. Стрепетовой, одного из организаторов «Товарищества русских актеров».

19. **Журнальные заметки** («Мир Божий», «Вопросы Жизни», «Образование», «Журн. для всех»): [обзор] // Голос Юга (Елисаветград). 1905. 14 (27) окт., № 205. С. 2—3.

О произведениях, отразивших изменения в общественном климате в первый год революции.

В обзоре: «Гнев» Д. Айзмана, «Счастливец» О. Дымова, «Сирень» А. Федорова, «Призраки» Л. Андреева. Упоминаются: В. Башкин, А. Бистром, И. Бунин, А. Крандиевская, А. Куприн, М. Горький, Ф. Сологуб, А. Чехов.

Впервые упоминает о Сологубе:

> Мощным, победным гимном труду и освобождению звучит «песнь швеи» Федора Соллогуба <sic!>: «Белым шелком красный мечу»; две сказочки Соллогуба, прелестные, наивные и не без смысла... Особенно первая, называющаяся «Белые, серые, черные и красные».

20. **Журнальные заметки** («Правда», «Мир Божий», «Журнал для всех» — окт.): [рец.] // Голос Юга. 1905. 19 нояб. № 268. С. 2.

Рецензирует: «Мебель» Анат. Каменского, «Лакей» Н. Тимковского, «Скучная жизнь» Вл. Сидорова, «Вернулся» А. Дермана, «Махаон» А. Федорова, «Больные» В. Башкина и др.

21. **Клара Фибих. Ради хлеба насущного.** Роман. Пер. с нем. Кошевич. Изд. «Посредника». М., 1904: [рец.] // Наши Дни. 1905. 5 дек. № 39. С. 3. Подпись: *Ан. Чеб.*

...Роман Клары Фибих можно рекомендовать только как материал для знакомства с бытом низов общества.

22. **Журнальные заметки** («Русская Мысль», «Образование», «М<ир> Божий», «Вопросы Жизни», «Журнал для всех» — ноябрь, декабрь): [обзор] // Голос Юга. 1906. 21 янв. № 17. С. 2—3.

О литературной ситуации после отмены свобод, дарованных царским манифестом 17 октября. Осуждает писателей за тенденциозность и скуку («шаблон и рутинность», «гора родила мышь»).

В обзоре: «Охранитель» А. Крандиевской и др., «Сад» С. Сергеева-Ценского, «Махаон» А. Федорова, «Тени утра» М. Арцыбашева, «Больные» В. Башкина, «На путях» Письменной. Упоминаются: Горький, В. Короленко, Е. Милицина.

...Сама разделяю социально-политические взгляды того мировоззрения, о котором идет речь... Разделять известную систему мировоззрения, имеющую под собой общепризнанное *научное* обоснование, не означает, конечно, безусловного соглашения с его вождями по всем вопросам минутной и преходящей тактики. Смешно думать, что Марксист, т. е. человек, исповедующий доктрину научного социализма, изменяет делу партии, если не признает необходимости слишком частых забастовок при неблагоприятно складывающихся конъюнктурах остальных политических условий.

Выделяет «Пруд» А. Ремизова (Вопросы жизни. 1905):

...Несмотря на утомительность особой формы описания и диалога, роман этот, несомненно, оригинальный и творческий, читается с захватывающим интересом; отдельные места восхитительны.

23. **Октав Мирбо. Вор, пьеса. Бумажник, пьеса**. Перевод с франц. Л. Вилкиной. Изд. М. Малых: [рец.] // Прометей. 1906. 7 марта. № 1. С. 15.

О социальной проблематике пьес О. Мирбо.

Как и все остальные пьесы Мирбо, данные пьесы имеют, главным образом, *социальное* значение, обличая недостатки и уродливости современного буржуазно-капиталистического строя. На фоне этого заживо разлагающегося строя произведения Мирбо кажутся уже не красивыми «парадоксами», а жизненно-неумолимыми обвинениями, которые автор беспощадно бросает в лицо ненавистному ему «старому порядку».

24. **Новый журнал «Былое»** (Журнальная заметка): [рец.] // Новороссийский курьер (Елисаветград). 1906. 12 марта. № 1. С. 2.

Приветствует первый выпуск нового журнала, посвященного истории освободительного движения в России, в появлении «Былого»

видит «знамение времени». Рецензирует публикации воспоминаний М. Ю. Ашенбреннера, М. Р. Попова, М. Ф. Фроленко.

> Пора, наконец, русскому «гражданину» знать *действительную* историю своей страны, пора вынести на свет груды материала, накопившегося в наших архивах и департаментах. <...> Все эти борцы, герои, мученики, принадлежат нам, всему народу, во имя которого они шли не колеблясь на казни, муки, пытки, и масса должна, наконец, услыхать слово правды о жизни и смерти своих апостолов, увидать их лица, узнать личные взгляды, вкусы, характеры... <...> Читая этот журнал «внепартийный и исторический» проникаешься самой жгучей ненавистью к тому режиму, на фоне которого могли разыгрываться подобные издевательства над живыми людьми.

25. **На празднике «нового» искусства**: [ст.] // Прометей. 1906. № 2. С. 29—31.

О выставке «Мира искусства». О картинах Б. Анисфельда, М. Врубеля, Л. Бакста, В. Серова, И. Грабаря, Ф. Малявина, А. Бенуа, М. Добужинского, Е. Лансере, И. Билибина: «громадный переворот в области формы», «торжество искусства».

> Никогда еще «Мир искусства» не имел такой богатой и радостной выставки. Никогда еще не были так блестяще представлены изумительные и свежие дарования наших молодых русских художников. <...> От искусства мы требуем, прежде всего, экстаза, этой «любви к жизни», которой переполнены художники «Мира искусства», которая передается точно электрический ток взволнованному зрителю.

26. **Журнальные заметки** («Правда», «Современные Записки», «Ж<урнал> для всех», «Мир Божий», «Образование» — янв.—март): [обзор] // Новая Волна (Елисаветград). 1906. 7 мая. № 27. С. 2—3; 9 мая. № 28. С. 3.

О произведениях, отразивших события революции 1905 года. Рецензирует рассказы: «Губернатор» Л. Андреева («первое место по художественному исполнению»; у автора «необычайно тонкое художественное чувство меры», «маг и чародей нашей современной беллетристики»), «Кошмар» В. Муйжеля, «Кровавое пятно» М. Арцыбашева (№ 27), «Штабс-капитан Рыбников» А. Куприна, «Записки врача» В. Вересаева (№ 28).

О Вересаеве:

> Нельзя не радоваться возвращению в жизнь и литературу этого вдумчивого, необычайно интеллигентного и добросовестного писателя. У меня, когда я читаю вещи Вересаева, такое чувство безусловного доверия ко всякому его слову, что можно только радоваться при мысли, что именно ему выпало на долю описывать факты, которые мы знали в очень ложном и неправильном освещении.

27. **«Факелы». Книга первая.** Под редакцией Г. Чулкова: [рец.] // Новая Волна. 1906. 28 мая. № 43. С. 3.

Характеризует сборник как «изящный, тщательно изданный», в отличие от «множества неряшливо-барабанных изданий последнего времени». Положительно оценивает смену настроений в поэзии символистов. В беллетристическом отделе приветствует «*реализм* содержания»; рецензирует рассказы: «Так было» Л. Андреева («великолепен»), «Проталина» С. Сергеева-Ценского, «Медвежата» Л. Зиновьевой-Аннибал («хороши»), «Серебряные ложки» Ремизова («своеобразны и интересны»).

> «Парнасцы» спустились, наконец, с Олимпа и заговорили... <...> Слишком носились они со своим индивидуальным *я*, слишком мало значило для них огромное, как мир, мощное, как стихия, *мы*. <...> с большой искренностью и энтузиазмом бросились они к этому мы, когда оно вышло на улицу с рдяными стягами, и слагают свои звонкие, боевые гимны нарождающейся свободе и ее жрецам — мученикам.

28. **Русская сатира наших дней**: [ст.] // Образование. 1906. Май. № 5. Отд. II. С. 37—45.

О новой политической сатире: журналах «Зритель», «Стрелы», «Сигнал», «Пулемет», «Жупел». Характеризует общественно-политическую позицию и содержание этих изданий.

29. **Марк Матвеевич Антокольский, его жизнь, творения, письма и статьи.** Под ред. В. В. Стасова. Изд. М. О. Вольф: [рец.] // Образование. 1906. № 6. Отд. II. С. 103—105.

По поводу публикации архивных материалов в жизнеописаниях выдающихся людей; выступает против обнародования документов без предварительного критического отбора (на примере рецензируемого издания).

30. **Враги мещанства. Роман И. Шлафа.** Перевод Н. П. Дадоновой. 1906. Изд. г-жи Вербицкой: [рец.] // Образование. 1906. № 11. Отд. II. С. 136—137.

Отрицательный отзыв. Акцентирует проблему современного брака.

> Самый интересный момент романа, на наш взгляд, концентрируется вокруг попытки «брака втроем», новой формы сожительства, совершенно не укладывающейся в старые рамки буржуазного семейственного быта. <...> браки втроем, вчетвером, может, еще сыграют когда-нибудь, но только не теперь, не в буржуазном, а грядущем, освобожденном, новом строе жизни и семьи. Вероятно, исчезнет брак совсем — останется одно сожительство и, освобожденное от уз и пут мещанской кабалы, оно станет более гибким, подвижным и красивым.

31. **Потусторонние искания. Роман Джорджа Мура.** Перевод с английского Н. Дадоновой. Под редакцией и с предисловием А. Вербицкой: [рец.] // Образование. 1906. № 11. Отд. II. С. 138—139.

Полемизирует с трактовкой романа, предложенной А. Вербицкой.

32. **А. Куприн. Т. III. Рассказы.** Книгоиздательство «Мир Божий», 1907: [рец.] // Книга: Еженедельный критико-библиографический журнал. 1907. 4 янв. № 9. С. 19—20.

Положительный отзыв, выделяет рассказы: «Штабс-капитан Рыбников», «Река жизни» («великолепные»), «Конокрады», «Корь», «Жидовка».

> ...Философия и мировоззрение Куприна расплывчаты и парадоксальны... И не в них сила, красота и размах его творчества... <...> И пафоса его мы не любим — размеренного, деланного и нехудожественного. Близок и дорог нам Куприн — бытописатель Куприн — красочник и язычник, на палитре которого столько ярких, трепетных, смеющихся, плачущих, горячих и огненных красок, теней, переливов...

33. **Сборник товарищества Знания. XIV**: [рец.] // Книга. 1907. 18 янв. № 11. С. 18.

О пьесе Горького «Враги» и драме Юшкевича «Король».

> Изо всех пьес Горького «Враги» самая бледная, самая неудачная. Ни одной сцены, ни одного яркого, характерного лица, ни одного красивого (в техническом смысле) положения, никакого намека на драму... Голо, обнажено и безнадежно скучно... <...> Везде, где он хочет изобразить интеллигенцию, у него фигурируют какие-то манекены, «люди без лиц», отъявленные мошенники, мерзавцы, идиоты...

34. **Семен Юшкевич. Том IV. Очерки детства.** Изд. Тов-ва «Знание»: [рец.] // Книга. 1907. 25 янв. № 12. С. 13.

То же: Образование. 1907. № 3. Отд. III. С. 101—102.

О теме детства в прозе Ю.

> В двенадцати небольших очерках г. Юшкевич дает ряд картин детской жизни, наивной, ребяческой психологии, первых бессознательных пробуждений детской души. Больше всего удались автору те места, где он изображает изумленное смятение детски-беспомощного ума, впервые столкнувшегося лицом к лицу с мировыми проблемами — понятия Бога, вечности, бесконечности.

35. **Вячеслав Иванов. Эрос.** Издательство «Оры», 1907: [рец.] // Книга. 1907. 1 февр. № 13. С. 12.

О новаторстве Вяч. Иванова: внес в поэзию «свежую струю эллинской жизнерадостности и правды»; о поэтическом языке: «бог любви все-таки, пожалуй, должен говорить более легким, воздушным и грациозным языком». Среди лучших названы стихотворения «Змея», «Сад роз», «Заря любви», «Печать».

36. **Выставка М. В. Нестерова**: [ст.] // Товарищ. 1907. 8 (21) февр. № 186. С. 2—3.

> ...Ни одному художнику, кроме Нестерова, не удалось так воспроизвести то глубоко-печальное, сосредоточенно-молитвенное, благоговейно-молчащее, чем полна русская жизнь и русская природа... <...> у Нестерова они сливаются, — природа аккомпанирует жизни и наоборот — и этот мотив его творчества роднит его с молодым бел-

летристом Борисом Зайцевым. От этого иногда кажется, что художник немного подтасовал, немного увлекся красивостью вместо настоящей мятежной красоты, но в большинстве случаев это и прекрасно и характерно и художественно правдиво.

37. **Д. А. Девор. Слепое поколение — безумие. Трагикомедия в 3 д.** СПб., 1907: [рец.] // Книга. 1907. 8 февр. № 14. С. 16.

38. **С. Сергеев-Ценский. Т. I. Рассказы.** Книгоиздательство «Мир Божий»: [рец.] // Книга. 1907. 15 февр. № 15. С. 13—14.

О мотивах скуки и обиды, порицает выбор однотипных сюжетов («нелепые случайности и ненужные смерти»).

39. **Выставка С.-Петербургского общества художников**: [обзор] // Товарищ. 1907. 18 февр. (3 марта). № 195. С. 3.

О картинах И. Вельца, М. Малышева, Г. Кондратенко, Егорова, К. Маковского, П. Геллера, В. Верещагина, Н. Бунина и др. О Маковском: «Это главный мастер кукольных дел».

> Мне показалось, что по ошибке я попала в огромный, очень дорогой магазин игрушек <...>. В больших витринах из деревянных и золоченых рам на меня смотрели неподвижные лица хорошеньких кукол, румяные, с подрисованными бровями и стеклянными глазами <...>. Стыдно за размалеванных кукол <...> за этих людей, пришедших сюда отдохнуть от тягости действительности, ищущих в искусстве успокоения, развлечения <...> Художники с.-петербургского общества — последние могикане отживающего искусства изобразительно-реалистической школы, позабывшие заветы старых художников, и не научившиеся у новых.

40. **Борис Зайцев. Рассказы.** Книгоиздательство «Шиповник»: [рец.] // Образование. 1907. № 2. Отд. II. С. 96.

Отмечает лиризм повествовательной манеры («поэт “тихих зорь”, неясных, мечтательных сумерек и “светоносных” созерцательных настроений); сравнивает рассказы со стихотворениями Бунина и Тютчева.

41. **А.** <sic!> **Зиновьева-Аннибал. Тридцать три урода.** Повесть. К-во «Оры»: [рец.] // Книга. 1907. 8 марта. № 18. С. 14.

Оспаривает решение цензуры (повесть изъята как «неприличная»). Отмечает изобразительный талант автора («Хорош диалог, красивы частности, ярки детали описаний»), недостаток — надуманность сюжета.

42. **Рассказы В. Стефаника.** Пер. с украинского В. Казиненко, предисловие Г. Алексинского. Книгоиздательство «Дорога»: [рец.] // Книга. 1907. 15 марта. № 19. С. 11.

43. **XXXV-я выставка передвижников и весенняя академическая**: [ст.] // Товарищ. 1907. 25 марта (7 апр.). № 225. С. 3.

Аттестует обе выставки как вчерашний день в искусстве. В обзоре: картины Н. Дубовского, К. Маковского, А. Киселева, С. Жуковского,

Г. Мясоедова, В. Сурикова и др., противопоставляет их жизнеутверждающим полотнам И. Репина.

> Движение, когда-то бывшее «красным», когда-то «страдавшее», когда-то молодое и жизнеспособное — *тридцать пять* лет тому назад, — давно отошло в прошлое... Но пережившие его сподвижники упорно не хотят сдаться, не хотят закрыть лавочку. <...> Вот и теперь у нас гостит XXXV-я выставка передвижников... Я обхожу ее с чувством невыразимой грусти и тоски чему-то давно умершему, сгоревшему, — только внешним образом еще сохранившему вид и облик <...>. Весенняя выставка мало чем отличается от выставки близких ей по духу передвижников. <...> Условность, академизм, бесконечная монотонность сюжетов и красок, вот главные и основные черты весенней выставки. <...> О картинах И. Репина не хочется говорить наряду с произведениями академического и передвижинского <sic!> искусства. Это что-то до того смелое, яркое и радостное, что хочется громко смеяться, глядя на светлого ребенка «Моей жены» или фигуры катающихся на взморье. Ради них стоит пойти на весеннюю выставку, <...> простить всю эту тоскливую убогость, потому что это произведения всегда великого, всегда радостного искусства.

44. **На очереди**: [ст.] // Русское Слово. 1907. 28 марта (10 апр.). № 71. С. 2. Подпись: *А. Че-ская.*

О проблеме «пола» в современной беллетристике. Упоминаются М. Арцыбашев, М. Кузмин, Л. Зиновьева-Аннибал, А. Каменский, Вяч. Иванов, Н. Бердяев, М. Волошин.

> Буржуазные писатели нашего времени, плоть от плоти гнилого общественного строя, не в силах приподнять занавес, за которым скрыто от их взоров будущее преобразованных социологических форм, решение проблемы «пола» придет из низов, куда еще не проникла тлетворная отрава гниющих верхов, которым не нужно обращаться назад ко временам Лесбоса и Содома.

45. **4-я выставка картин нового общества художников**: [ст.] // Товарищ. 1907. 1 (14) апр. № 231. С. 3.

Отмечает картины Н. Крымова, А. Савинова, А. Мурашко, П. Кончаловского, Е. Кругликовой, К. Богаевского, К. Сомова, А. Средина, Лансере, Д. Кардовского, Т. Луговской-Дягилевой, скульптуру Д. Стеллецкого.

> После утомительно бесплодных странствований по выставкам академического и передвижнического искусства идешь с радостью на выставку нового общества. <...> Сразу чувствуется иная атмосфера, сразу охватывает иное, новое настроение...

46. **Нервные дети. Униженные и оскорбленные. Дети-феномены. Детские типы в произведениях Достоевского. Янтаревой-Вилькиной**: [рец.] // Товарищ. 1907. 4 (17) мая. № 257. С. 5.

Полемизирует с автором по поводу причин возникновения нервных заболеваний у детей; о роли наследственности и среды в развитии детей.

> Среда, в которой возможно появление подобных аномалий, общественные условия, при которых 14-летние дети выбрасываются из окон на мостовую, — вот где завязка того чудовищного узла, который стиснулся мертвой петлей над головами нашего подрастающего поколения.

47. **Федор Сологуб. «Мелкий бес»**: [рец.] // Образование. 1907. № 7. Отд. III. С. 126—127.

О главном герое романа в контексте общей полемики в прессе вокруг «Мелкого беса».

> Не знаю, существует ли где-нибудь даже и в глухом провинциальном углу реальная и точная копия сологубовского Передонова? Пожалуй, что и нет. Вероятно, что Сологуб выдумал этот образ, сочинил, слепил его из множества полу-Передоновых, из всех подобий и возможностей его, рассеянных по белу-свету <...> Большой талант, огромное мастерство... <...> страшная, жуткая... и прекрасная книга.

48. **Л. Зиновьева-Аннибал. Трагический зверинец.** Рассказы. Издательство «Оры»: [рец.] // Образование. 1907. № 7. Отд. III. С. 127—128.

Отмечает «изобразительный талант» автора.

> ...«Реалистический дух», гораздо более родственный ее яркому и сильному письму, чем те тенденциозные попытки символизма, которые исказили интересный замысел «Тридцати трех уродов».

49. **В. Башкин. Стихотворения. Гражданские мотивы. Лирика.** Книгоиздательство «Дело»: [рец.] // Товарищ. 1907. 1 (14) июня. № 281. С. 3. Подпись: *Ан. Ч.*

Аттестует Б. как поэта «предреволюционного», а не «революционного»: его гражданские стихи уступают лирике «мечтательной, полупрозрачной <...>, окрашенной в еще Чеховские настроения».

50. **Дмитрий Цензор. Старое гетто.** Книгоиздательство «Eos», 1907: [рец.] // Товарищ. 1907. 22 июня (5 июля). № 299. С. 3.

> Кажется, что автор, которому вообще легко дается стихосложение, не искал, не старался найти для своих мыслей то единственное слово, которое существует для выражения каждого образа, а брал зачастую первое попавшееся.

51. **Очередная выставка академии** <sic!> **художеств**: [ст.] // Товарищ. 1907. 11 (24) нояб. № 421. С. 3.

Критика академической системы обучения художников.

> ...Нужно знать, что эти «ученики» пребывают в звании таковых по целым десятилетиям, нужно чувствовать атмосферу тоскливого бессилия и окаменелого бездушия, царствующих в унылом желтом здании «императорской академии», нужно понять всю условность

и рутинность мертвых, отживших форм, систем и приемов <...> и тогда... принять конкурсную выставку премированных художников. <...>

На выставке «Мира Искусства», — новых, независимых, мы часто видели влюбленность художников, в известные настроения, цвета, штрихи, но эксцессы этой влюбленности только подчеркивали, только выдвигали на первый план главное, основное, *душу* предмета... Ничего подобного не замечаем у всех этих учеников Маковского, Репина, Беклемишева и т. п. Что они любят, чем живут, что ищут — да ищут ли? — остается для нас неизвестным. Если можно выделить за скобки одно общее для всех настроение, это будет скука, — некрасивая, обыденная, бесцветная и тягостная... И отсутствие вкуса — тишины, гармонии линий, музыки настроения, симфонии красок, всего того, что составляет красоту произведения искусства... <...> Лучше остальных работы учеников Кардовского.

52. **Федор Сологуб. «Книга разлук. Рассказы»**: [рец.] // Образование. 1908. № 6. Отд. III. С. 104—105.

О понимании образов жизни и смерти в творчестве Сологуба.

53. **«Творимое» творчество. (О Федоре Сологубе)**: [ст.] // Золотое руно. 1908. № 11—12. С. 56—62.

То же: О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. СПб., 1911. С. 79—95.

О философском содержании творчества Сологуба.

54. **Художники Монмартра**: [ст.] // Северное сияние. 1908. Дек. № 2. С. 37—48.

«Путеводитель» по Монмартру: история, артистические кружки и кабаре, Монмартр как центр модернистского Парижа, которым «завладели» художники Т. А. Стейнлен, А. де Тулуз-Лотрек, А.-Л. Виллет, Ш. Леандр, Ж.-Л. Форэн, певица И. Гильбер, Ж.-К. Гюисманс и др.

С иллюстрациями.

55. **М. А. Врубель**: [ст.] // Солнце России. 1910. Апр. № 11. С. 2—3; Искорки. 1910. № 14. С. <2—3>.

О творчестве Врубеля и его значении для русской живописи (в связи с кончиной художника).

Искусство он любил так религиозно, идеалистично и эстетично, как, быть может, любили только великие мастера Ренессанса, подвижники и жрецы. <...> жизнь и творчество Врубеля это — синонимы. <...> художественное тайновидение (я не знаю другого слова) Врубеля влекло его к заданиям мирового характера, к замыслам космической значительности <...> фантазия была так мощна и крылата, дух так стихийно мятежен. <...>

Идея «Демона», занимавшая Врубеля много лет, ставшая лейтмотивом всех произведений последних лет его жизни, явилась как бы завершением всей его творческой концепции, направленной на

конечное самоутверждение верховной личности, — идеи *крайнего индивидуализма* в искусстве. <...>

Говоря о технике Врубеля, нужно ли напоминать о его колорите, о его чудесных, пылающих всеми огнями радуги гаммах, краски которых он черпал из одному ему открытой сокровищницы природы, — пурпура заката, перламутра зари, рдения ночи... Техника его рисунка чрезвычайна оригинальна, — в этом смысле у него нет предшественников.

56. **Айседора Дункан в прозрениях Фридриха Ницше**: [ст.] // Золотое руно. 1909. № 4. С. 81—83.

Рукопись с правкой автора и Сологуба: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 61.

О символическом содержании танца А. Дункан («пляска будущего»).

Ее, открывшую нам эти святые, радостные поля крылатых плясок, ее, теперь такую нам близкую и родную, предчувствовали близкие, родные нам поэты — Федор Сологуб, дарящий нам радость освобожденной плоти в своих светоносных босоногих девушках, Вячеслав Иванов, призывающий народы к всемирно-братским пляскам. Поэтому, воистину можем мы смотреть на нее, как на великий намек, прекрасную зарю, радостную прелюдию к великой, прекрасной, несказанно-радостной Симфонии Будущего.

57. **Обзор журналов** // Северное сияние. 1909. Май. № 7. С. 133—135. Подпись: *Ч.* (в Содержании журнала: *А. Ч-ая*).

В обзоре: «Вестник Европы», «Современный мир», «Русская мысль»; произведения: «Аметистовая слезка» А. Ястребова, «Вещь» Боборыкина, «К жизни» Вересаева, «Муж» М. Криницкого, «Ливерпуль» К. Бальмонта, «Женское» З. Гиппиус, «Ночь у Вия» А. Ремизова, «У стен града невидимого» М. Пришвина; воспоминания А. П. Ленского; статьи: М. Неведомского «Об искусстве наших дней и искусстве будущего», Д. Мережковского «Поэт сверхчеловечества», Л. Шестова «Великие кануны», А. Изгоева «Политическая провокация», рец. Г. В. Плеханова на кн. А. Бергсона.

58. **Женщина настоящего и женщина будущего**: [доклад] // Труды Первого всероссийского женского съезда. СПб., 1909.

Текст доклада, прочитанного на женском съезде 14 декабря 1909 года.

О задачах женского движения, роли социал-демократии в деле освобождения женщины. О «гетеринстве» как идеале феминизма.

59. **Трагедия ли «Мелкий бес»?**: [ст.] // Утро России. 1910. 4 мая. № 137. С. 4.

То же, под заголовком: К **инсценировке пьесы «Мелкий бес»** // О Федоре Сологубе. С. 330—336.

Анализ постановки пьесы в театре К. Н. Незлобина. Основные вопросы: бытовая или символическая пьеса «Мелкий бес», удалось ли современному театру воплотить авторский замысел (показать «разложение и постепенное превращение быта в собственную противоположность: безумие и ужас»).

> В постановке Незлобина, — вообще очень тщательной в плоскости принятого им реалистического плана, — выдвинута на авансцену *передоновщина*, а не тип Передонова, и возможно, что такое понимание пьесы верно: в общественно-психологическом генезисе «Мелкого беса» страшно не «сумасшествие» Передонова <...>, а то, что сделало его сумасшедшим... в постановке на сцене хотелось бы выявления не только реальной и бытовой стороны, но и гораздо больше элементов *символической* фантастики — кошмарного перехода действительности в бред, призрачность, *ирреальность*. И Людмилу, и всех сестер Рутиловых, и Сашу, не говоря уже о Недотыкомке и сценах сна, бреда и маскарада, хотелось бы видеть инсценированными более *отвлеченно*, более *утонченно*; такая постановка выявила бы, без сомнения, символическую сущность всех этих образов.

60. **На выставке «Салона»**: [обзор] // Солнце России. 1910. Май. № 15. С. 8—9.

О выставке современного искусства, организованной В. А. Издебским.

Обзор французского раздела выставки (о картинах А. Матисса, Ж. Брака, М. Дени и др.).

> Для уяснения впечатления Матисса, которого мне все-таки хочется назвать «гвоздем» выставки, придется сказать несколько слов о его направлении, объединяющем в настоящий момент группу молодежи, явившейся на смену импрессионистам, задачи которых, блестяще выполненные в свое время Монэ, Писсаро, Ренуаром, Дегазом и др., перестали, однако, удовлетворять художественные запросы нового направления. Если мы всмотримся в выставленные в «Салоне» картины Брака, Ле-Фоконье, Маркэ, Валлотона, Мориса Дени, Ван-Донжена (Кеес ван Донген. — *М. П.*), Вильяра и др., нас поразит, прежде всего, совершенно ясное устремление к систематизации, к обобщению, к синтезу, выраженное в упорядоченности линий, в подчеркивании и выделении главного, типического, — души предмета <...>. Отсутствие, опущение деталей <...>. В настоящий момент распространение этих неосинтетических тенденций явилось как бы реакцией против крайностей импрессионизма, в конце концов, замкнувшегося в своем объективизме и переоценке зрительного настроения.

61. **Художник-идеалист: Н. Н. Ге**: [ст.] // Жизнь для всех. 1910. Июль. № 7. С. 103—112.

Очерк творчества.

62. **К. А. Сомов**: [ст.] // Солнце России. 1910. Окт. № 36. С. 10—11; Новая жизнь. 1912. № 2. С. 118—127.

Очерк творчества. Отмечает характерные черты авторской манеры: интимность сюжетов, трагическое начало, психологизм; подробно останавливается на своеобразии женского портрета («Дама в голубом»).

63. **На выставке «Мира искусств»**: [обзор] // Солнце России. 1911. Февр. № 10. С. 6—7.

> Прекрасная выставка! Около 300 полотен безусловно грамотных, отлично выполненных, подчас эффектных и интересных по трактовке. <...> очаровательный нежный Сомов, певец любовной грусти, выставивший на этот раз, кроме картин, два портрета-шедевра — М. Добужинского и Федора Сологуба... Красив Бенуа, порадовавший сверх обычного для него Версаля, очаровательным «Венецианским садом» и эффектным эскизом декорации к балету «Жизель», ярко представлен выросший за последний год Кустодиев, эффектны цветы и натюрморты Анисфельда и Сарьяна, интересна серия голландских эскизов Добужинского, благороден и прост Рерих («Варяжское море»), музыкальны в своих колоритных симфониях Судейкин, Милиоти и Сапунов... И уже без всяких оговорок нужно принять изумительную женскую голову Серова, трактованную с редким вкусом, и скульптуру этой ученицы Родэна, с ее не женской экспрессией и мощной простотой...

О задачах искусства:

> Живопись <...> должна, на мой взгляд, особенно широко пользоваться формами искусства идеалистического, *воссоздающего* мечты и видения художника. Ибо — как иначе явится миру новая Красота, представляющая собою нечто до тех пор в искусстве не существующее.

64. **Письмо из Петербурга**: [ст.] // Газ. выр. (неуст. ист.). 1911. <?> Февр.

О театральном сезоне 1910/1911 гг.

Упоминаются В. Мейерхольд, Н. Евреинов, А. Левант, Н. Калмаков.

65. **Письмо в редакцию** // Речь. 1911. 4 (17) марта. № 61.

Просьба исправить неточности в отчете рецензента о вечере 1 марта, посвященном произведениям Сологуба, устроенном Ан. Чеботаревской и Е. Филькеннштейн.

66. **Несколько слов к новой драме Сологуба «Заложники Жизни»**: [ст.] // О Федоре Сологубе. СПб., 1911. С. 351—354.

Об основной идее и художественном замысле драмы.

> Новая пьеса Ф. Сологуба «Заложники Жизни» в стройном построении и строго-логическом развитии мысли являет все ту же основную идею автора — идею вечной антиномии Мечты и Действительности.

67. **Две повести XVI альманаха «Шиповник»**: [рец.] // Голос Земли. 1912. 26 янв. (8 февр.). № 17. С. 2.

О романе Л. Андреева «Сашка Жегулев» (аналитический разбор) и рассказе А. Ремизова «Петушок» (рекомендует читателю как образец ремизовского стиля и чувства художественной меры).

О причинах неуспеха романа:

> ...Полное отсутствие художественной убедительности... отсутствие всякого стиля... Андреев *не верит сам* многим, если не всем концепциям и положениям своего «Жегулева», и это неверие, этот внутренний холодок, «скепсис» невольно передается и читателю, несмотря на шумливую трескучесть и риторическую пышность иных эффективных мест повести. <...> не верит автор, а с ним и читатель, основе всей фабулы повести, превращению кроткого «бесталанного» юноши, без всяких данных и, что важнее, без всяких притязаний на это, — в «атамана» и вождя армии «экспроприаторов», «лесных братьев», «вольницы», довольно примитивной, весьма расплывчато-революционной окраски.

О Ремизове:

> С этим автором, — одним из талантливейших представителей новейшей русской литературы, знатоком древне-русских легенд и сказаний, превосходным чеканным стилистом, заслуживающим всяческого внимания от всех любителей русской старины и чисто-русского художественного образного языка, — происходит одно из тех обидных недоразумений <...> широкая публика почти не знает Ремизова.

68. **Несколько слов о литературе детской**: [рец.] // Голос Земли. 1912. 30 янв. (12 февр.). № 21. С. 4.

По поводу выхода в свет первого детского альманаха «Шиповника» «Жар-Птица» (СПб., 1912).

Отмечает красочное оформление сборника и работу художников С. Судейкина, М. Добужинского, В. Белкина, С. Чехонина и др. Критикует издание с позиции педагогических взглядов Сологуба: искусство для детей должно воспитывать у детей «творческие устремления», самостоятельность, волю и героический дух («Рассматриваемый именно с этой точки зрения, первый детский альманах “Шиповника” оставляет желать много лучшего»).

69. **Н. Н. Златовратский. Собр. соч. Т. I и Т. II.** Спб., 1912. Книгоизд. Т-во Просвещение: [рец.] // Новая жизнь. 1912. № 4. С. 246—247.

> ...Народник Н. Н. Златовратский — весьма интересная и своеобразная фигура на общем фоне нашей идейной литературы. Произведения его устарели — и по содержанию, и по форме. Они не блещут художественным талантом и далеки от «правды» нашего дня, особенно от правды деревенской. Но кое-что в них есть нужное и полезное современному читателю. Это — избыток бодрости, необыкновенная душевная цельность, которая чувствуется в любом из многочисленных рассказов и романов Златовратского. Он — органический оптимист.

70. **Первый сборник издательства «Товарищества Писателей».** СПб., 1912: [рец.] // Новая жизнь. 1912. № 4. С. 246—247.

Отзыв о рассказе С. Сергеева-Ценского «Медвежонок» («лучшая вещь сборника») и повести А. Толстого «Хромой барин» («отмечена всеми недостатками и достоинствами этого автора»).

71. **XXXVIII Сборник Т-ства Знание**: [рец.] // Новый журнал для всех. 1912. Апр. № 4. С. 122—123.

> Читая сборники «Знания» можно вынести твердое убеждение, что в русской литературе существуют по сию пору только два беллетриста: Максим Горький и Гусев-Оренбургский и один единственный поэт — Черемнов. Произведения этих трех авторов преподносятся читателя на протяжении 38 сборников в довольно объемистых дозах: так, в рассматриваемом сборнике повесть Гусева-Оренбургского «В глухом уезде» занимает целых 218 страниц. Все это было бы, конечно, в порядке вещей, если бы названные произведения представляли известные *художественные* ценности <...> произведения русских реалистов, — в частности, группы «Знание» не удовлетворяют нас, прежде всего потому, что авторы отказываются в них от высокой задачи *творца*.

72. **З. Н. Гиппиус. Лунные муравьи. Шестая книга рассказов.** Книгоиздательство «Альциона»: [рец.] // Новая жизнь. 1912. № 5. С. 269—270.

Рассматривает сборник в контексте творческой эволюции Г., одобряет сдвиг в сторону современности («почти все рассказы затрагивают те или иные явления послереволюционных настроений»); отмечает связь рассказов с религиозно-философскими идеями автора; особое достоинство — «прекрасный, чисто-русский литературный язык». Среди лучших: «Женское», «Нет возврата».

73. **17-ый альманах «Шиповник».** СПб., 1912: [рец.] // Новая жизнь. 1912. № 5. С. 270—271.

По поводу романа О. Дымова «Томления духа».

> Начиная с первого своего сборника блестящих новелл «Солнцеворот», обнаружившего в авторе и вкус, и наблюдательность, и изобразительный талант, Дымов, однако, не пошел дальше более или менее удачных изображений моментов, настроений, случайностей — словом «миниатюр» жизни. <...> Эти соображения по поводу общего характера Дымовского творчества пришли мне в голову при чтении его романа «Томление духа» <...>. Мелькают-мелькают на экране лица, лица, где-то, кажется, и виденные, знакомые, так что приходится даже участвовать в споре — кого из общих знакомых имел в данном случае автор? Но это все — лишь лица, а не образы; не типы, художественно обобщенные, а фотографии, порою бледные и расплывчатые и потому, вероятно, так быстро «поднадоедающие» читателю. <...> задумчиво и углубленно лицо великой Жизни в подлинных переживаниях, не укладывающиеся

в моментальные снимки щелкающего кодака. И в романе Дымова есть такой момент, возвышающийся над плоским уровнем всего повествования. Я говорю об истории любви офицера Щетинина к актрисе Семиреченской и последовавшем затем сумасшествии Щетинина.

74. **М. В. Добужинский и его произведения**: [ст.] // Солнце России. 1912. № 24. С. 6—7.

Очерк творчества.

Я бы назвала Добужинского художником *вещественной*, предметной стороны жизни, поэтом вещей. <...> Он по преимуществу художник материального быта. <...> Манера писать Добужинского скорее графика, чем живопись, иногда может показаться суховатой, но в этих прямых четких линиях есть какое-то особо присущее ему благородство, какой-то очень хороший уверенный вкус.

75. **Проклятый род. Роман Ивана Рукавишникова**: [рец.] // Новая жизнь. 1912. № 6. С. 265—267.

Анализирует роман; отмечает недостатки — название «как-то тенденциозно предвосхищает заранее смысл и тему автора», стиль — «манера нанизывания диалогов»; «произведению не хватает стройности плана, известной “архитектурности”»; достоинства: «стихийный размах, подлинное знание быта, яркие до рельефности типы», «одна из интересных и характерных книг нашего времени».

76. **Тэффи. И стало так... Юмористические рассказы.** Издание М. Г. Корнфельда. СПб., 1912: [рец.] // Новая жизнь. 1912. № 7. С. 255.

О своеобразии юмора Тэффи и соприродности ее юмористических рассказов чеховским.

...мы видим у г-жи Тэффи подлинный художественный юмор, чистый, незлобивый *смех* — но никогда злорадствующую насмешку или самодовлеющее хихиканье... С какою-то тонкою, художественною тактичностью и женственной мягкостью она не решается признать своих персонажей, очутившихся в смешном положении, виновниками данного грустного или комического инцидента: нет, она всегда словно хочет найти для них смягчающие обстоятельства <...>. Нет — мы не гадкие, не злые, не глупые, — а только жалкие, несчастные... как бы повторяет она на каждой странице рассказов, весьма близких по элегическому тону и глубокой человечности сюжетов к лучшим образцам «Чеховского» юмора.

77. **Уптон Синклер. Испытания любви.** К-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. Пер. М. Брусяниной: [рец.] // Новая жизнь. 1912. № 8. С. 268—269.

Горячо рекомендует прочитать книгу, считает ее настоящим художественным достижением автора по сравнению с прежними тенденциозными романами «Деньги» и «Джунгли».

78. К **открытию петербургского театрального сезона** (Письмо в редакцию): [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1912. 21 сент. № 13155. С. 5. Подпись: *Театрал*.

Критический отзыв о деятельности Театрально-литературного комитета императорских театров во главе с Ф. Д. Батюшковым; полемизирует с Д. В. Философовым по поводу репертуара и «падения» Александринского театра.

79. **Елена-фон-Мюлау. Исповедь глупой женщины.** Универсальное книгоиздательство Л. А. Столяр. М., 1912. Пер. М. Кадиш: [рец.] // Новый журнал для всех. 1912. № 9. С. 122—123.

Плохой, художественно-беспомощный роман.

80. ****Нечто вроде театра.** (О театре Миниатюр): [ст.] // Театр и искусство. 1912. 7 окт. № 41. С. 786—788. Подпись: *Федор Сологуб*.

О современном театре.

Я не вижу на сцене Миниатюр ни настоящих чувств, ни подлинных переживаний, ни быта, ни символизма <...>. Ни радости глаз, ни радости уму или сердцу. <...> Театр должен стать воспитывающим зрелищем, но прежде — строго-художественным и литературным. Пример такого воспитывающего и общедоступного зрелища мы имеем в многих парижских и мюнхенских кабачках и театриках, сохранившихся до наших дней. Рассыпаются там перед публикою не Бог весть, какие художественные перлы, но все же можно просидеть вечер без этических и эстетических ушибов.

81. **Рихард Демель. Собр. соч. т. I.** Книгоиздательство К. Ф. Некрасова. Пер. Л. Горбуновой: [рец.] // Новый журнал для всех. 1912. № 10. С. 256—258.

82. **Как попадают авторы на казенную сцену?** (Беседа с председателем Театрально-литературного комитета Ф. Д. Батюшковым): [ст.] // Петербургская газета. 1912. 11 окт. № 286. Подпись: *Театрал*.

По поводу включения в репертуар пьесы Сологуба «Заложники жизни», отвергнутой Театрально-литературным комитетом.

83. **Артисты — о пьесе Федора Сологуба**: [опрос] // Петербургская газета. 1912. 7 нояб. № 308. С. 7. Подпись: *Театрал*.

Отвечают: Н. Н. Ходотов, Ю.М. Юрьев, В.А. Мичурина, режиссеры: А. Л. Загаров, А. И. Долинов.

84. **Колючие розы. Ответ Д. С. Мережковскому** (Письмо в редакцию): [ст.] // День. 1912. 10 нояб. № 39. С. 3.

О постановке «Заложников жизни».

Ответ на статью Мережковского «Осёл и розы» (Речь. 1912. 9 нояб. № 308. С. 2). Возражает по поводу его трактовки образа Лилит.

...Образ Лилит остался так же непонятым Мережковским, как и теми «друзьями» петербургского критика, что доказывали ему в каждом антракте: — то Лилит — Смерть, то она — Луна, то — Солнце и т. д.

Между тем образ Лилит обрисован в тексте Сологуба с достаточной яркостью и рельефностью, дававшей достаточные указания и для воплощения на фоне реальной постановки лунного и нежного образа Мечты-Утешительницы, вдохновительницы всех тоскующих, оставленных и покинутых мачехою-жизнью. <...> Оружие Лилит, конечно, не воинствующий меч, не рукопашная битва, — а лира поэта, греза Творца, — Идеал, Мечта, Искусство, все то, чем движется Человечество в поступательном своем шествии.

85. **Постановка с «человеческими» жертвами**. Артисты, пострадавшие на постановках Мейерхольда [опрос] // Петербургская газета. 1912. 11 нояб. № 311. С. 11. Подпись: *Театрал.*

По поводу инцидента в Александринском театре во время представления «Заложников жизни»: заслуженная артистка Н. В. Васильева упала с помоста и получила серьезную травму. Опрос актеров М. Л. Сибирякова, А. В. Смирнова, доктора С. А. Камчатова (лечил Васильеву).

86. **Ф. Д. Батюшков против Федора Сологуба**: [ст.] // Петербургская газета. 1912. 17 нояб. № 317. С. 5. Подпись: *Театрал.*

Комментирует доклад Батюшкова о постановке «Заложников жизни» (состоялся 16 ноября во Всероссийском литературном обществе), в котором он назвал драму «тенденциозной, психологически неубедительной», оказавшейся «в резком разногласии с реальной и с отвлеченной правдой жизни».

Провокационная статья с целью развернуть шире полемику вокруг пьесы Сологуба.

87. **Петербургские впечатления («Заложники жизни»)**: [ст.] // Рампа и жизнь. 1912. 18 нояб. № 47. С. 4—5.

По поводу статьи Д. В. Философова «Заложники жизни» (Речь. 1912. 7 (20) нояб. № 206. С. 2) и доклада Ф. Д. Батюшкова о драме Сологуба во Всероссийском литературном обществе.

88. О **кризисе искусства**: [ст.] // День. 1912. 30 нояб. № 59. С. 5 (рубрика «Из читательских писем»). Подпись: *Один из немногих.*

В защиту «литературы последнего десятилетия».

Какое странное, какое непостижимое и какое характерное для русской жизни явление! В стране, <...> выбросившей за последнее десятилетие на мировой рынок такую бездну художественных ценностей, — раздаются вопли об упадке, кризисе, оскудении искусства. <...> Неужели поняты и усвоены религиозная мистика Мережковского, оригинальное творческое мировоззрение Сологуба, искание художественных идеалов «вне канона» Гиппиус, сложное психологическое мировоззрение Шестова, Розанова, Вяч. Иванова, Минского и др.? Что, собственно говоря, известно толпе о новой литературе, кроме «бледных ног» Брюсова, «Крыльев» Кузмина, «тихих мальчиков» Сологуба <...>?

89. **Гордон Крэг. Искусство театра.** Изд. Н. Бутковской: [рец.] // Новая жизнь. 1912. № 11. С. 275—278.

Знакомит со сценической системой Г. Крэга и его эстетическими взглядами, отмечает сходство с эстетикой театра Сологуба («Противоположение искусства жизни, суверенность иллюзии, мечты над действительностью, идеального над реальным» и др.).

90. **Полное собрание сочинений Д. С. Мережковского. Томы I—XV.** Изд. Т-ва М. О. Вольф, 1911: [ст.] // Новая жизнь. 1912. № 12. С. 217—223.

Дает общую характеристику творчества Мережковского; высоко оценивает его литературно-художественную критику, его статьи о писателях называет «*образцом* критического исследования»; скептически отзывается о религиозно-философских исканиях последних лет.

> Во всякой другой стране, кроме России, пятнадцати томов сочинений, содержащих изумительную по изобразительному мастерству трилогию, поразительные по глубине и богатству мысли критические исследования, новеллы, стихотворения и статьи на религиозно-философские темы, — этой тридцатилетней напряженной работы ума и таланта было бы достаточно, чтобы обеспечить, если не «бессмертие», то спокойное и почетное положение в обществе, подобное тому, какое занимает в культурной Франции Анатоль Франс. Но в варварском нашем отечестве, умеющем устраивать своим лучшим сынам только пышные похороны, Д. С. Мережковский не только не отличен еще нашей Академией, венчающей Веру Рудич и т. п., но даже в уединении работы своей не гарантирован от тех бесцеремонных вторжений, которые во всякой культурной стране уже давно отошли в область легенды. <...> мы остановимся, главным образом, на анализе Мережковского, как художника-критика, считая эту сторону его таланта поистине исключительной и, пожалуй, менее всего оцененной. <...> Религиозно-философские искания и связанные с ними темы — вот что волнует душу Мережковского в последние годы <...> К сожалению, на мой взгляд, эти статьи гораздо менее способны зажигать читателя тем художественным восторгом, который почти физически ощущаешь при чтении критических статей того же автора.

91. **Чья победа?** Письмо в редакцию: [ст.] // Новая жизнь. 1913. № 1. С. 269—282.

О художественном замысле драмы Сологуба «Заложники жизни» и его воплощении в постановке Мейерхольда на сцене Александринского театра. Анализ центральных образов, о символическом значении образа Лилит.

92. **Вселенская пошлость**: [ст.] // Против течения. 1913. 2 (15) февр. № 15 (67). С. 7. Подпись: *Мисс Лиль*.

По поводу скандального выступления В. Н. Давыдова на представлении пьесы Т. Л. Щепкиной-Куперник «Кулисы» в Александринском

театре, а также публикации пародии Измайлова на роман «Творимая легенда» (*Измайлов А.* «Дым и жупел» (Творимая легенда в 6 частях да еще с терцинами) // Огонек. 1913. 20 янв. (2 февр.). № 3. <С. 13>.

Обличение современных нравов литературно-художественной среды.

Всегда, во все времена и везде существовала и будет существовать желтая пресса, хулиганство, базарная пошлость, старческое брюзжанье, шипенье на все новое и талантливое, бездарные паразиты, примазавшиеся к чужому творчеству и амплуа «пародистов», но никогда эта ржавая зараза не проникала так глубоко в среду самих представителей искусства, как в настоящий момент идейной и общественной свистопляски. Попробуйте возмутиться на товарищеском собрании тем, что безусый младенец с пеною у рта требует упразднения Рафаэлей и Пушкиных, мешающих ему проявить свою «индивидуальность», или тем, что публичные пощечины приходятся по лицу тех, кого вы, в силу элементарных корпоративных чувств, считаете своим товарищем, или попробуйте заявить, что уважающий себя журнал не должен печатать наряду с произведениями своего сотрудника пошлую на него пародию: на вас замахают руками, зашикают, объявят педантом, старовером, отсталым. Растет и захлестывает все и всех круг вселенской пошлости.

93. **По поводу некоторых юбилеев**...: [ст.] // Очарованный странник. Альманах интуитивной критики и поэзии. 1913. № 2. С. 10—11.

О праздновании пятидесятилетия газеты «Русские ведомости», столетнего юбилея актера М. Щепкина и чествовании К. Бальмонта.

94. **Очередные недоумения**: [ст.] // Очарованный странник. Альманах интуитивной критики и поэзии. 1913. № 2. С. 13—14. Подпись: *Гаэтан*.

О постановках театра Незлобина: «Фауст» (по трагедии В. Гете), «Турандот» (по сказке К. Гоцци), «Ревность» (по повести М. Арцыбашева).

95. К **выставке картин Н.К. Калмакова**: [ст.] // Солнце России. 1913. № 13, 23 марта. С. 13—14.

О выставке в зале Поощрения художеств (открылась 1 марта).

Краткий обзор театральных постановок Калмакова: пьес Уайльда, Андреева, Сологуба. Об основных чертах авторской манеры: экзотичность, яркость, привязанность к изображению сверхреального мира, фантастическому.

96. **Актриса-женщина**: [ст.] // Театр и искусство. 1913. № 3. С. 61.

По поводу журнальной полемики вокруг доклада А. И. Гидони о положении русской актрисы, произнесенного на женском съезде.

97. **Утренняя звезда. Сборник стихов для отрочества.** Стихи Бальмонта, Брюсова, Блока, Гиппиус, Сологуба, Фета, Мережковского, Тютчева и др. По выбору Н. и С. Тамамшевых <1912>: [рец.] // Заветы. 1913. № 9. 2-я паг. С. 229.

...большая радость сознавать, что эту хрестоматию, в которой нет ни одного слова бесвкусного, фальшивого, вульгарного, будет читать новое поколение людей, юные, чистые души, которых жадно вберут в себя лиризм, образность, аромат поэзии Тютчева, Фета, Гиппиус, Бальмонта, Блока!.. Как много сулит это отрадных перспектив...

98. **Письмо в редакцию. Негодование Интимному театру** // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1913. 11 нояб. № 13850. С. 4.

Коллективное письмо в защиту Бальмонта в связи с инцидентом, произошедшим в «Бродячей собаке». Подписи: Сологуб, Анс. Чеботаревская, Аничков, Азов, Кондратьев, Каратыгин, Мейерхольд, Лундберг, Потемкин, Ремизов, Глебова-Судейкина, Щеголевы.

99. **Зеленый бум** // Небокопы. СПб.: Петербургский глашатай, 1913. VIII Эдиция. С. 6—7.

Об отношении к футуристам. По поводу манифеста «Пощечина общественному вкусу» и книги «Неофутуризм» (Казань, 1913).

100. К **самоубийству Казанского**: [ст.] // День. 1914. 24 янв. № 23. С. 3. Подпись с опечаткой в инициале: *А. Ж. Чеботаревская*.

Воспоминания о поэте-эгофутуристе Иване Васильевиче Игнатьеве (псевд. Казанский; 1892—1914), главе издательства «Петербургский глашатай» (19 января женился, 20-го — покончил счеты с жизнью).

Драма была заложена отчасти в характере Ив. Вас. — очень цельном, порывном, непримиримом, отчасти в обстоятельствах последних месяцев его недолгой жизни. Одно за другим обрушились на 22-летнего юношу печальные события — смерть любимой бабушки, — прекращение издательства «Петербургский глашатай», которому Ив. Вас. отдавал всю свою жизнь и средства, развал «эго-футуризма», одним из основателей которого он себя считал не без основания. Осенью этого года Ив. Вас. не раз говорил своим друзьям: «Место я уж себе в Лавре приготовил, возле бабушки, и доску заказал “И. В. Игнатьев — основатель ‘Петербургского глашатая’”» — и в его устах это звучало шуткой. Пишущей эти строки пришлось этим летом встревоженно просить оставшихся в городе друзей «поберечь» Ив. Вас., остро переживавшего в это время горечь распада своей «группки» и «измен» покидавших его сотрудников. Но не уберегли.

101. **На лекции Маринетти**: [ст.] // День. 1914. 30 янв. № 29. С. 4.

По поводу лекции Т. Ф. Маринетти, состоявшейся в Москве 27 января в Политехническом музее.

Когда, высоко подняв вульгарным жестом руку, беспрестанно вытирая лицо смокшимся платком, бунтующий мещанин объявил всю поэзию прошлого — романтику, лирику, символику — сестрою милосердия («soeur de Charité»), призывая искусство воспевать жестокость, насилие, братоубийство, становилось ясно, что этой упрощенной «брютальной» <sic!> психике, этому — о, какому скудному, уныло скучному!

тупику мысли органически несвойственны все великие движения души — вера, любовь, сострадание, во все времена одушевлявшие человека в его поступательной борьбе не излюбленных лектором механизмов, а духовных ценностей. И еще мне казалось величайшим абсурдом вся эта проповедь невежества, жестокости, анти-интеллектуальности в нашей, только что просыпающейся к культурной жизни стране...

102. О **театральных диспутах** (СПб., 27 ноября и 21 декабря 1913 г.; Москва, 30 января): [ст.] // Любовь к трем апельсинам. 1914. № 2. С. 60.

Перепеч.: Любовь к трем апельсинам (1914—1916): Научно-исследовательский проект по творческому наследию В. Э. Мейерхольда: В 2 т. СПб., 2014. Т. 1. С. 166—169.

103. **От редакции**: [предисл.] // Дневники писателей. 1914. Март. № 1. С. 3.

Корректура с правкой Сологуба: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 51.

104. К **приезду Н.М. Минского:** [ст.] // Дневники писателей. 1914. Март. № 1. С. 41—44.

По поводу возвращения Минского из эмиграции, приветствует «идейного единомышленника». Краткий биографический очерк.

105. **Вести** о **писателях и книгах**: [хроника] // Дневники писателей. 1914. Март. № 1. С. 54—55. *Без подписи*; № 2. Апр. С. 56—59. *Без подписи*; Май—июнь. № 3—4. С. 77—78. *Без подписи.*

Упоминаются: № 2: К. Бальмонт, В. Брюсов, М. Волошин, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, Н. Калмаков, В. Карачарова, А. Мазон, Д. Мережковский, Н. Минский, О. Миртов, И. Рукавишников, П. Сазонов, Ф. Сологуб, Э. Штукен, Г. Чулков, П. Щеголев, С. Яблоновский и др.;

№ 3—4: А. Антуан, Андрей Белый, А. Блок, В. Брюсов, З. Венгерова, Ю. Верховский, А. Иоаннесиан, Вс. Князев, М. Кузмин, О. Мирбо, И. Рукавишников, Ф. Сологуб, М. Терещенко,

106. **Из дневника: Искусство и жизнь**: [заметки] // Дневники писателей. 1914. Март. № 1. С. 26—33.

Заметки о современной критике (упоминается Homo Novus, наст. имя А. Р. Кугель); о выстреле Генриетты Кайо (жены министра финансов Франции Жозефа Кайо) в главного редактора газеты «Фигаро» Гастона Кальметта; о двух постановках — драмы А. Блока «Роза и Крест» и опере Р. Вагнера «Парсифаль»; по поводу диспута о символизме в Калашниковой бирже (упоминаются А. Карташев, М. Неведомский, Г. Чулков).

107. **Две цензуры**: [ст.] // Дневники писателей. 1914. Апр. № 2. С. 26—28.

Выражает возмущение по поводу запрещения преподавателями Училища живописи и ваяния постановки в стенах училища пьесы М. Кузмина «Венецианские безумцы», признанной ими «порногра-

фической», хотя и одобренной цензурой. Деньги от постановки художник С. Судейкин предназначал в пользу фонда стипендии имени В. А. Серова при училище.

Упоминаются Ю. Гойэ, М. Доннэ, М. Метерлинк, О. Мирбо, О. Роден, А. Франс.

108. **Критика на критику**: [ст.] // Дневники писателей. 1914. Апр. № 2. С. 29—33.

Ответ на критические выпады в прессе по поводу реферата «Символизм перед лицом современной критики», прочтенного Чеботаревской в Литературном обществе 21 марта 1914 г.

Упоминаются Ю. Айхенвальд, Л. Андреев, Е. Аничков, М. Арцыбашев, В. Белинский, А. Блок, П. Боборыкин, В. Брюсов, С. Городецкий, Н. Гумилев, Б. Зайцев, Н. Клюев, Львов-Рогачевский, Е. Колтоновская, В. Кранихфельд, В. Мейерхольд, Д. Мережковский, Д. Писарев, И. Северянин, Ш. Сент-Бёв, Ф. Сологуб, Б. Столпнер, И. Тэн, О. Уайльд, Д. Философов, И. Шмелев и др.

109. **Из дневника: Достоевский и Горький** // Дневники писателей. 1914. Апр. № 2. С. 34—36.

О постановке «Бесов» на сцене Московского Художественного театра.

Упоминаются И. Берсенев, В. Качалов, М. Лилина и др.

110. **Из дневника: Балаганчик и Незнакомка**: [рец.] // Дневники писателей. 1914. Апр. № 2. С. 36—38.

Корректура с правкой Сологуба: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 49. Л. 121—122; машинопись с правкой и подписью Чеботаревской: Там же. Л. 123—128.

О постановке В. Мейерхольдом лирических драм А. Блока в зале Тенишевского училища (апрель 1914 г.).

> Признаюсь, не слишком понравилась мне «Незнакомка», пожалуй, чересчур «реальная», не проникшаяся истонченностью драмы, «дышащей духами и туманами». Зато «Балаганчик», к мягкой иронии которого больше идет гротесковый стиль, выдержан с большею стройностью и разыгран совсем хорошо.

111. **Художник С. Ю. Судейкин**: [ст.] // Новая жизнь. 1914. № 2. С. 167—171.

Очерк творчества. Об авторской манере: «стремление к идеалистическим сюжетам», «стилизации», декоративности и красочности.

112. **Из дневника**: [заметки] // Дневники писателей. 1914. Май—июнь. № 3—4. С. 62—72.

Пять заметок: 1) о заграничных впечатлениях в связи с поездкой вместе с Сологубом в Европу весной 1914 г.; 2) воспоминания о скончавшейся Н. Б. Нордман-Северовой (1914), жене И. Е. Репина; 3) о современном французском театре (упоминается А. Антуан);

4) о банкете столичных либералов в честь незаслуженно осужденных адвокатов — комментаторов процесса Бейлиса (упоминаются И. Жилкин, Д. Философов); 5) рецензия на кн. Е. Лундберга «Мережковский и его новое христианство» (СПб., 1914).

113. **Нашим критикам** (Ответ гг. Философову и Войтоловскому): [ст.] // Дневники писателей. 1914. Май—июнь. № 3—4. С. 73—76.

Черновой автограф рукой Сологуба: РГАЛИ. Ф. 2534. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 1—2, 3—4.

Ответ на статью Д. В. Философова «Пиршественный стол» (Речь. 1914. 10 мая. № 125. С. 2), в которой он дал резкую критическую оценку двум первым выпускам «Дневников писателей», и на разгромную статью Л. Войтоловского по тому же поводу в «Киевской мысли» (1914. 27 апр. № 115. С. 3).

114. **День всех святых**: [очерк] // Голос жизни. 1914. 22 нояб. № 7. <на обороте обложки>.

О парижских женщинах, поминающих погибших.

115. **Брюгге:** [очерк] // Голос жизни. 1915. № 3. С. 3—4.

Рассказ о достопримечательностях Брюгге, уцелевшего во время продолжающейся войны в отличие от целого ряда других бельгийских городов.

116. **Федор Сологуб [Биографический очерк]** // Журнал журналов. 1915. № 2. С. 20.

117. О **русской женщине — сестре милосердия** (Анкета «Биржевых ведомостей») // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1915. 1 апр. № 14758. С. 5.

О сестрах милосердия из художественно-артистической среды, актрисах, женах писателей и художников, помогающих в лазарете.

> Я лично близко стою к лазарету деятелей искусств, где объединились художники, писатели, артисты, и могу сказать, что у деятелей милосердия в этой области, кроме чисто гуманитарных стремлений, я могла подметить только чисто художественный интерес, — соприкоснуться в психологическом контакте с теми, кто заглянул в лицо Великого Стихийного, с теми, кто дышал атмосферой великих подвигов и великих страданий. Назову для примера из нашего круга артисток: Рощину-Инсарову, Потоцкую, Тиме, Мусину-Озаровскую, г-жу Мейерхольд, жену поэта Блока, г-жу Ремизову, жену артиста Качалова, художниц: Зальманову и Бутковскую, дочь художника Бенуа и других, движимых исключительно чувством познавательности каждого в общем и великом деле.

118. **Ненаписанная рецензия или «Зеленое Кольцо» З. Н. Гиппиус**: [рец.] // Отечество. 1915. № 5—6. С. 111.

О премьере на Александринской сцене пьесы З. Гиппиус «Зеленое кольцо» (18 февраля 1915 г.). Считает пьесу серьезной неудачей автора,

«изменой самому себе», упрекает в «художественной неискренности» («слащавая, надуманная, тенденциозная»).

119. ***Горение души (Памяти В. Я. Богучарского):** [некролог] // Русские ведомости. 1915. 16 мая. № 111. С. 5. Подпись: *Федор Сологуб*.

120. **Л. Н. Андреев. В сей грозный час. Статьи.** Изд-во «Прометей». Н. Михайлова: [рец.] // День. 1915. 4 июня. № 151. С. 3.

Характеризует сборник как «литературный памятник» первого года войны, среди лучших статей называет «Крестоносцы», «Бельгия», «Слово о Сербии».

> ...Ряд психологических, импрессионистских набросков, свежих, искренних, всегда ярких. <...> в них отражена большая душа и благородная мысль чисто русского — не бойтесь этого выражения — характера без малейшего уклона к шовинизму, но с твердым и ярко выраженным чувством национального осознания. <...> Быть может, статьи Л. Андреева и не удовлетворяют требованиям «наджизненного искусства», которое так дорого некоторым, напр. г-же Гиппиус, но это произведения талантливого, взволнованного, честного и достойно выдерживающего свою роль в настоящий исторический момент писателя.

121. ***По широкому раздолью**: [очерк] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 21 июня. № 14917. С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*.

Беловая рукопись рукой Сологуба, машинопись: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 416.

Впечатления о поездке по Волге. Агитационный очерк в поддержку: 1) идеи переноса российской столицы на Волгу; 2) организации в Поволжье курортной зоны.

> Да не вернуться ли тебе, великая Россия, на Волгу? Не оставить ли окраинам их естественное назначение быть приграничными областями, местами для внешнего торга и внешних сношений? Не на берегах ли Волги избрать тебе новую столицу, новое средоточие обновленной, возвеличенной и свободной страны? <...> Основать бы новую столицу хотя бы в древнем, тихом и благочестивом Ярославле.
>
> ...Те, кому всегда была противна или наконец надоела суетная и шумная жизнь европейских курортов, какими они были до великой войны, и какими суждено им, быть может, стать снова после великой войны, те должны торопиться вдохнуть легкий воздух волжских приволий и вкусить успокоительный мир ее тихих просторов.

122. **Критика или донос?** (Письмо в редакцию): [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. Авг. [газ. вырезка].

Машинопись: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 68. Л. 296—298; газетная вырезка: Там же. Л. 300—301.

> С величайшим отвращением беру на сей раз перо, ибо дала себе слово не вступать на время войны ни с кем в полемику, зная обычные мотивы, увы! не меньшинства наших литературных критик <sic!>. Но

прочтя «критику» г. Философова в № 207 «Речи», не могу удержаться, чтобы не ответить на это литературное безобразие.

Мне уже пришлось назвать однажды г. Философова критиком «антука», — иначе говоря дилетантом во всех областях, однако весьма развязно высказывающегося по всякому — ему надобному — поводу. Лица, вглядевшиеся в литературную физиономию г. Философова, отлично знают, *как*, *за что*, *и почему* накидывается этот — ко всему в сущности глубоко равнодушный «барич, в три месяца раз берущийся за перо» (это звание не мешает г. Философову, однако, употреблять словечки, звучащие далеко не по-барски!) — то вдруг на Леонида Андреева, то на Иг. Северянина, то на Ф. Сологуба, то на П. Струве и т. д. Еще свежо в нашей памяти редактирование г. Философовым нынешней зимою еженедельника «Голос Жизни». Сейчас г. Философов мечет громы и молнии в редакцию «Огонька», осмелившегося напечатать «в дни Варшавы рассказ на тему неудовлетворенного материнства» — рассказ, быть может, несовершенный (к слову сказать, написанный задолго до войны). Но сколько было, есть и будет несовершенных рассказов вообще, на которых, однако, не задерживается благосклонный взгляд г. Философова! — тут, очевидно, где-то, как говорят немцы, «зарыта собака»... И не только «в дни Варашавы», а в течении всего прошлого года <...> г. Философов в своем журнале культивировал исключительно восхваление во всех видах «близких ему по духу», и непристойную полемику и травлю писателей, не угодивших ему своим общественным порывом и настроением.

123. ***В. А. Мгебров**: [некролог] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 3 сент. № 15065. С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*.

Перепеч.: Федор Сологуб. Публицистика Первой мировой войны / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. М. М. Павловой // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 68—69. Далее сокращенно: Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны...

124. ***Обывательское**: [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 17 сент. № 15093. С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*.

Перепеч.: Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны... С. 69—70.

О «сахарной» панике в связи с военным продовольственным кризисом.

Возлагает ответственность на литературно-художественную критику за укоренение в обществе обывательской психологии.

125. ***Два пути**: [очерк] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 1 окт. № 15121. С. 4. Подпись: *Федор Сологуб*.

Перепеч.: Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны... С. 73—74.

По поводу споров о сроках окончания войны.

126. *__Власть мечты (ответ М. О. Гершензону)__: [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 5 окт. № 15129. С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*.

Ответ на статью Гершензона «О мещанстве духа и русской критике» (Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 25 сент. № 15109. С. 2), в которой он оспорил основной тезис статьи «Обывательское».

> ...М. О. Гершензон весьма, на мой взгляд, «дульцинирует» действительность, говоря, что у нас наблюдается повышенный интерес к вопросам искусства, к спорам о направлениях поэтических школ и пр. Если М. О. Гершензон припомнит, при каких обстоятельствах устраивались недавние лекции и собрания, то он должен будет признать, что все это совершалось не благодаря, а вопреки критике, ведь иные из этих диспутов обращались в словесные поединки поэтов с критиками. <...> На явном недоразумении основано утверждение М. Гершензона, будто «нигде литература не пользуется таким исключительным почетом, как в России». Лучше бы почтенный автор не противополагал Россию Западу, — уж очень это рискованный шаг. Запад давно предоставил художнику выбор тем, сюжетов и форм изображения, и произведения искусства признаны вне публицистических велений и норм. У нас же до сих пор изображение зла смешивается с самим злом, и пишущему эти строки неоднократно приходилось встречать в критике отождествление его героя Передонова с автором, творцом этого образа.

127. *__В стране хлеба и здоровья__: [очерк] // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1915. 9, 12, 13 окт. № 15137, 15143, 15145. Подпись: *Федор Сологуб*.

Впечатления о поездке по Волге (Ярославль, Кострома, Плес, Кинешма).

О необходимости обустройства отечественных здравниц и курортов в Поволжье.

> Из каменных пленов, из нервного, голодного и злого Петрограда торите пути на Волгу, к этому океану животворного воздуха, к этим могучим вместилищам хлеба и здравия. И хорошо, что это уже начали делать. Первый опыт поездки выздоравливающих воинов на пароходах по Волге оказался удачен.

128. *__Памяти М. Г. Савиной (К 40-му дню кончины)__: [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 17 окт. № 15153. С. 7. Подпись: *Федор Сологуб*.

Машинопись: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 68. Л. 421—423; черновая рукопись Чеботаревской, 2 машинописи, одна с правкой Сологуба:

Там же. Ед. хр. 40. В газ. вырезке подпись Сологуба зачеркнута (Там же. Оп. 6. Ед. хр. 11).

> Оглядываясь на блестящую сценическую карьеру М. Г. Савиной, хочется отметить в ней как в артистке, женщине и человеке, одну черту, проходящую красною нитью через всю богатую жизнь. Савина, кроме своего огромного таланта и артистического темперамента, представляла еще колоссальную *индивидуальность*, крупнейшую *личность*, пронизывающую трепетом своего удивительно-яркого и обаятельного я все, с чем ей приходилось соприкасаться. <...> Как никто, знала Савина тайну перевоплощения, тайну мастерства, тайну Искусства, претворяющего своими чарами камни в алмазы и жезл в цветущий посох...

129. ***Письмо в редакцию** // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 1 нояб. № 15180. С. 7. Подпись: *Федор Сологуб*.

По поводу коллективного выхода одиннадцати писателей (в т. ч. Сологуба) из числа сотрудников «Лукоморья» (изд. М. А. Суворин), поскольку журнал принял тенденциозное направление (в частности, из-за публикаций В. Буренина и А. Бурнакина). Ответ на статью: Homunculus. Экс-лукоморцы // День. 1915. 31 окт. № 300 («Одиннадцать писателей пили из суворинского колодца, а теперь туда же наплевали. Право же, колодец не виноват, и Бурнакин с Бурениным не заслуживают упрека. Они верны себе и также неприличны теперь, как неприличны были всегда»).

> Как и во время моего сотрудничества, так и сейчас я убежден, что ничего предосудительного в печатании моих стихов или рассказов в чисто-литературном журнале «Лукоморье» не заключается. Статьи Бурнакина о литературе ничем не хуже многого, появляющегося на страницах наших «прогрессивных» изданий.

130. ***Россия в мечтах и ожиданиях**: [ст.] // Вечерний курьер. 1915. 8 нояб. С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*.

Черновая рукопись Чеботаревской, машинопись с правкой Сологуба: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 40.

Статья написана на основе тезисов одноименной лекции, читанной Сологубом во время лекционного турне 1915—1916 гг.

131. В **защиту военной литературы**: [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 4 дек. № 15249. С. 2.

Машинопись, правленная Ан. Чеботаревской и Ф. Сологубом: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 27.

По поводу критики военной литературы, полемизирует с З. Гиппиус, Е. Колтоновской, М. Неведомским <М. П. Миклашевским>, А. Ожиговым <А. Н. Ашешовым>; защищает Андреева, Сологуба, Ремизова, Гумилева и мн. др.

132. ***Звериный вопль**: [ст.] // Утро России. 1915. 6 дек. № 335. С. 2. Подпись: *Федор Сологуб*.

Машинопись: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 68. Л. 218—222; газ. вырезка: Там же. Л. 223.

В тексте использованы письма С. А. Соколова к Ф. Сологубу с фронта (см. публикацию Н. А. Богомолова в наст. изд.).

133. *__Маразм или обывательщина__: [ст.] // Утро России. 1915. 8 дек. № 337. С. 1. Подпись: *Федор Сологуб*.

Автограф (черновые рукописи Чеботаревской с правкой Сологуба): ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 68. Л. 325—330.

О провинциальном обывателе, его низменных интересах (жажде наживы, неумеренных увеселениях во время войны, равнодушии к всеобщему бедствию и т. п.), отсутствии гражданской совести.

134. **Следует ли авторам отвечать критике?** Анкета «Бирж. Ведомостей» // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1915. 8 дек. № 15258. С. 5.

Ответ на анкету.

> Наша критика имеет в прошлом за собой столько грехов, столько отравленных и, быть может, сокращенных жизней, — что, казалось бы, могла уже чему-нибудь научиться. Вспомним судьбу Пушкина, Гоголя, Достоевского, Надсона, тернистый путь первых символистов! Но в настоящее время, более чем когда-либо критика в лучшем случае — немощная и бесцветная, а в худшем — самым беззастенчивым образом искажает писательские замыслы и физиономии. Надо ли отвечать на часто явно клеветнические провокации, являющиеся под видом «критики»? <...> Бороться с этим явлением можно только повышенными требованиями к образовательному и художественному цензу гг. критиков. <...> Сейчас же, мне кажется, мы вступили в полосу беспросветной грубости и безвкусицы. Наглость и бездарность подняли головы и, что удивительнее, — даже отчасти импонируют растерявшимся руководителям печати и мнений.

135. ***Следует ли авторам отвечать критике?** Анкета «Бирж. Ведомостей» // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1915. 8 дек. № 15258. С. 5.

Ответ на анкету Ф. Сологуба.

136. **Газетное антука** (Письмо в редакцию): [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 9 дек. № 15259. С. 6.

Ответ на выпады критиков против статьи Чеботаревской «В защиту военной литературы». [Антукá — от *франц.* en-tout-cas — на всякий случай, на все случаи; пригодный на все, на многое.]

> ...В Германии есть хорошие поэты и хорошие стихи; а во Франции <...> *все* писатели, все лучшие поэты, романисты *только и живут* войною, только и пишут о ней, чуть ли не только дышат ею. Анатоль Франс пишет передовицы, воззвания к солдатам, прославляет, проклинает и ненавидит все то, что диктуют ему сейчас разум и сердце поэта и гражданина; то же самое делают и пламенный Верхарн и мистичный Метерлинк, и никому в голову не приходит заподазривать их

в подлаживании к моменту, в лжепатриотизме, *вне-художественности*. <...> Надо собирать, множить и укреплять всякий намек на твердое, бодрое и достойное настроение, а никак не раздроблять и ослаблять его мелочными придирками и разъедающим брюзжанием.

137. ***Верная семья**: [очерк] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 29 дек. № 15294. С. 2. Подпись: *Федор Сологуб*.

Машинопись с правкой Сологуба (первонач. загл.: Впечатления): ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 233

О начале войны и отношении к мобилизации. Патриотический очерк.

138. ***Искусство наших дней**: [ст.] // Русская мысль. 1915. № 12. С. 35—62. Подпись: *Федор Сологуб*.

Перепеч.: Сологуб Федор. Собр. соч.: В 6 т. М., 2002. Т. 6. С. 411—444.

В основе статьи тезисы лекции, читанной Сологубом во время лекционного турне 1913—1914 гг. по городам России.

139. **«Две души»**: [рец.] // Утро России. 1916. 9 янв. № 9. С. 5.

О первой книжке журнала «Летопись» (1915, декабрь) и помещенной в ней «программной» статье М. Горького «Две души». Аттестует журнал как узкопартийный, тенденциозный, демагогический, «скучно-интеллигентного вида». Осуждает «пораженческую» позицию «Летописи», полемизирует с Горьким в связи с его западнической ориентацией по вопросу самоопределения России («Запад олицетворяет собою в его глазах всяческий прогресс, а Восток — всякую реакцию, и только»).

...Нетерпимость к чужим мнениям, та же варварская оценка явлений искусства публицистической и утилитарной меркой <...> то же недопустимое искажение чужих идеологий, то же «непущание» и демагогическое оберегание «молодой демократии» от якобы соблазнов и козней злосчастной новой литературы и поэзии.

Тенденции автора «Двух душ» и его единомышленников показались мне вдруг явственно окрашенными теми самыми ядами Востока, с которыми они намерены бороться. Ведь среди общих коренных переоценок и мировой ломки одряхлевших идеологий одни наши интеллигенты-западники щеголяют неподвижностью, косностью и бездеятельностью своей безрелигиозной и безотечественной программы.

140. **Томас Манн. Смерть в Венеции. С** критическим очерком Эрн. Бертрама: [рец.] // Утро России. 1916. 16 янв. № 16. С. 5.

...Моралистико-публицистический финал в духе современной германской «мужественности» решительно противоречит интересному художественному замыслу повести и всему писательскому облику Т. Манна. Автор прежде всего идеолог «познания», которое он кладет в основу всей современной художественности.

141. *__Мечтатель о театре__: [ст.] // Театр и искусство. 1916. № 1. С. 11—15. Подпись: *Федор Сологуб*.

Машинопись с правкой Сологуба: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 68. Л. 331—347 (на л. 347 рукой О. Н. Черносвитовой вписано: «Напечатано в журн. “Театр и Искусство” № 1 19...г., стр. 11—15 за подп. Ф. Сологуб»).

О современном театре, театральной публике, репертуаре и театральных критиках.

О бытовом и условном театре.

Упоминаются Н. Н. Евреинов, А. Р. Кугель, Л. Андреев (его пьеса «Тот» и др.).

> Из современных театров приятно выделить только: в Москве Камерный с его тяготением к романтике и стилю, и театр Ф. Коммиссаржевского, тяготеющий к сказке, к вымыслу, две лаборатории исканий новых сценических воплощений, образцы новых отношений к автору, смыслу и стилю пьесы; в Петрограде, пожалуй, только «Кривое зеркало», где принцип условной постановки не позволяет принимать «всерьез» гримасы действительности. Ни пресловутая Музыкальная Драма, ни прославленная Московская Студия не заключают для меня никаких сценических очарований; они основываются на грубом сценическом натурализме.

142. ***Парадоксы с пути: I. Мы и они**: [очерк.] // Биржевые ведомости (утр. вып. 1916. 10 февр. № 15376. С. 4. Подпись: *Федор Сологуб*.

О национальном характере и хозяйственном укладе как «оружии» во время войны.

143. *__Художники как жертвы__: [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 27 февр. № 15408. С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*.

Машинопись: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 68. Л. 581—593.

Об О. Уайльде.

144. **Скрябин. Текст В. Каратыгина, рисунки Калмакова.** Изд-во «Современное Искусство» Н. И. Бутковской: [рец.] // Утро России. 1916. 19 марта. № 79. С. 6.

Дает высокую оценку изданию, особо отмечает статью Каратыгина, в которой прослежена эволюция музыкальных идей Скрябина.

145. В **парижской школе**: [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 25 марта. № 15462. С. 3.

То же: Вестник знания. 1916. № 3. С. 220.

Воспоминания о Высшей русской школе общественных наук и ее основателе М. М. Ковалевском (в связи с кончиной).

Упоминаются профессора Ю. С. Гамбаров, Е. В. де Роберти, Е. В. Аничков, А. Е. Лосицкий.

146. *__Парадоксы с пути: IV. Родная стихия__: [очерк] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 26 марта. № 15464. С. 2. Подпись: *Федор Сологуб*.

Машинопись: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 401.

О значении национального характера и хозяйственного уклада. Сравнивает цивилизованный европейский быт и российский (осуждает лень, пьянство, взяточничество, казнокрадство, некультурность и т. д. — «родную стихию»).

> Господа горожане, обитатели городов, имейте в виду! Война идет не только на фронте, она идет повсюду — в канцеляриях министерств, в советах обществ (не исключая и ученых и художественных ‹...›), за кулисами театров, в редакциях журналов — везде, во всех областях, и не с июля 1914 г., а гораздо раньше начался и идет этот смертный бой честности с плутоватостью, свободы с холопством, таланта с бездарностью, мужества с малодушием, отваги с трусостью мыслей, чувств, традиций и систем.

147. *__Над свежею могилою (Памяти М. М. Ковалевского)__: [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 31 марта. № 15474. С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*.

По поводу кончины М. М. Ковалевского.

148. *__В тусклый день__: [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 1 апр. № 15476. С. 2—3. Подпись: *Федор Сологуб*.

Машинопись: ИРЛИ: Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 68. Л. 114—119.

По поводу литературных нравов. Об «издевательствах неведомых псевдонимов над писателем с репутацией Л. Андреева», в поддержку его требования обязать редакторов повременных изданий к ответственности за публикуемые ими статьи и материалы.

149. **Моим «критикам»** (Письмо в редакцию): [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 8 апр. № 15490. С. 5.

Ответ на статью О. Л. д'Ор (И. Л. Оршера), напечатанную в газете «День» (1916. 30 марта), в которой он иронически отозвался о статье «В парижской школе».

150. **Иго войны. Признание маленького человека о великих днях. Новая повесть Леонида Андреева**: [рец.] // Утро России. 1916. 7 мая. № 127. С. 4.

Перепеч. (под заглавием: «Шиповник» Альманах. Кн. 25-я. 1916. П.): Бюллетени литературы и жизни. 1916—17. Сент. № 2. С. 32—33.

Анализирует повесть в контексте современной военной прозы, называет ее «единственно значимым художественным произведением, порожденным великими днями мировой войны»; отмечает психологическую достоверность «эволюции психики маленького человека в связи с личными потерями и бедствиями».

> Лично я считаю избранную автором форму дневника очень удачною, ибо ради верности событиям приходится упоминать о всех фазисах войны, часто в рамках голых фактов. Чрезвычайно выпукло, почти одними фактическими штрихами, в новых для автора суровых,

почти blanc et noir, тонах изображен переход маленького человека из объективного, почти злорадствующего наблюдателя событий во взволнованного ими соучастника.

151. *__В поисках роз__: [ст.] // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1916. 11 мая. № 15552. С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*.

Машинопись: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 68. Л. 93—98.

О прекращении торговли цветами.

...К различным и многообразным кризисам в роде мясного, сахарного, дровяного и прочих в настоящее время еще присоединился кризис... розовый?

152. *__Жорж Буайе__: [очерк] // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1916. 6 июня. № 15602. С. 2. Подпись: *Федор Сологуб*.

Рассказ о юноше (сыне французских друзей автора), выпускнике Сорбонны, перспективном ученом, погибшем на фронте. О благородстве культурного слоя молодых французов — истинных патриотов родины.

153. *__Лекарство впрок__: [ст.] // Биржевые ведомости. 1916. 13 июня. № 15615. С. 4. Подпись: *Федор Сологуб*.

О государственной политике сглаживания классовых противоречий в странах Западной Европы, проводимой в целях консолидации общества и успешного восстановления послевоенной экономики. О необходимости для России встать на этот же цивилизованный путь классового примирения.

154. *__Не отнимайте цветов__ // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 19 июня. № 15627. С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*.

По поводу закрытия в Петрограде оранжереи.

155. __Нечаянная радость__: [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 28 июня. № 15615. С. 4.

О Школе народного искусства для девушек, открывшейся в Петрограде, программе обучения и ученицах.

156. *__Есть честность!__: [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 26 июля. № 15641. С. 4. Подпись: *Федор Сологуб*.

О росте дороговизны, взяточничества, хищничества и наживы во время войны.

157. *__Права и обязанности__: [очерк] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 14 авг. № 15739.С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*.

По летним костромским впечатлениям.

О негативных проявлениях национального характера: безответственности, пренебрежении трудовой дисциплиной, неумении вести хозяйство.

158. *__«Наживают, кто может»__: [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 11 сент. № 15795. С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*.

О росте наживы и спекуляции во время войны.

159. **Иван Новиков. Между двух зорь. (Дом Орембовских**). Москва. Кн-ство К. Ф. Некрасова: [рец.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 23 сент. № 15819. С. 5.

Характеризует роман как «правдивый документ», материал для изучения эпохи, отмечает недостатки: «не хватает творческого напряжения, искусства претворения фактов, слов и наблюдений в художественные образы»; фигуры «всех этих новиковских юношей и девиц бледны, однообразны, все говорят одним и тем же языком, у всех один и тот же нерельефный сбивчивый профиль». Удачным признает романтический сюжет (историю любви главных героев): «Здесь автор сумел подняться на высоту остро-напряженного лиризма», «психологически метко изображена их жертвенная друг другу обреченность»; неудачей — «изображения отзвуков революционного периода, <...> безжизненность и схематичность шаблонных фигур экс-революционеров».

О Новикове: «приятный писатель», с литературным вкусом, художественными традициями, «много от Бориса Зайцева».

160. ***Жемчужина без оправы**: [очерк] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 23 окт. № 15879. С. 3—4. Подпись: *Федор Сологуб*.

Впечатления о поездке по Волге в октябре 1916 г.

161. **У. Д. Локк. Где любовь. Перевод г. Ландау.** Ром. Изд. «Северные Дни». Москва, изд. второе: [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 17 нояб. № 15931. С. 5.

Сдержанный отзыв о романе, отрицательный о переводе: «непозволительно неряшлив и не отделан».

162. ***Удел поэта**: [ст.] // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1916. 23 нояб. № 15942. С. 4. Подпись: *Федор Сологуб*.

Перепеч.: Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны... С. 76—78.

По поводу трагической гибели Э. Верхарна.

163. **Вл. Лидин. Трын-трава.** Изд. «Северные Дни». Москва. 1916: [рец.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 27 янв. № 16064. С. 6.

Машинопись: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 68. Л. 313—315.

> Книжка носит общее название первого рассказа, настроение которого как бы предопределяет тон всех остальных. <...> Можно подумать, что автор специализировался на изображении «лишних людей» в их современном аспекте, если бы все это не встречалось уже у Чехова <...>. При всей безотрадности своей мрачной идеологии, автор одарен, по нашему мнению, незаурядным писательским талантом.

164. **Иркутские вечера. Стихи.** Альманах первый. Издание группы поэтов в Иркутске. 1916. Багульник. № 1, 2, 3: [рец.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 6 янв. № 16022. С 7.

Приветствует выход нового литературно-критического журнала, основанного группой молодых, «совсем юных поэтов» Сибири. Упоминается В. Пруссак.

165. **Уильям Дж. Локк. Случайность.** Роман. Пер. З. Журавской. Изд. «Северные Дни»: [рец.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 10 февр. № 16050. С. 7.

> Многочисленные романы Локка в сущности все сводятся к одному содержанию, все, несмотря на разницу положений и сюжетное имеют одно плоско-мещанское лицо, на котором написана одна забота, одно устремление, характерное для мещан всего мира: Никакой трагедии, как было, так будет, каждый найдет себе на свете теплый уголок (home) или друга сердца!

166. **Право убить. (Ответ на анкету)** // Жизнь и суд. 1917. 19 февр. № 8. С. <9>.

Тема опроса: имеет ли женщина право на аборт или отказ от ребенка в случае, если беременность была следствием насилия во время войны.

Ответ: «...не понимаю женщин-убийц. Оставим это дело мужчинам!»

167. ****Любовь и Смерть**: [ст.] // Биржевые ведомости. 1917. 24 февр. № 16118. С. 6. Подпись: *Федор Сологуб*.

Машинопись, ранняя ред. под заглавием «Мудрость Метерлинка»: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 358.

О философском содержании творчества М. Метерлинка.

168. ***Деревенское**: [очерк] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 16 марта. № 16138. С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*.

Рукопись неустановленного лица, вероятно переписчицы, с правкой (на л. 1 сверху вписано рукой Сологуба: *Анс. Н. С.-Ч.*): ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 276.

О настроениях в деревне, по костромским впечатлениям.

> Переход от политики к экономике сразу поражает вас, как только оставите город с его митинговыми беседами и сядете на пароход или на деревенский экипаж. <...> Деревня здоровее, трезвее, разумнее, терпеливее, вдумчивее, чем город <...>. Деревня хорошо видит вред и опасность максимализма, и когда-нибудь, может быть, скоро, выскажет свое отношение к анархии. Всем органическим укладом своего здорового, земляного нутра она тяготеет к порядку <...>. К мирному труду, к высшей правде и справедливости.

169. ***Дерзание до конца**: [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 16 марта. № 16138. С. 5. Подпись: *Федор Сологуб*.

Перепеч.: Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны... С. 83—85.

170. К **деятелям искусства**: [обращение] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 3 мая. № 16214. С. 2.

То же: Ко всем деятелям искусства (Открытое письмо писательницы А. Чеботаревской) // Театр (Москва). 1917. 6 мая. № 2012.

Призыв к творческой интеллигенции поддержать «Заем свободы» Временного правительства, организовать и художественно оформить уличные шествия и процессии в поддержку займа, выпустить однодневную газету с публикацией агитационных стихов, интервью, статей.

171. **Когда же, наконец?**: [обращение] // Во Имя Свободы. Однодневная газета Союза Деятелей Искусства. 1917. 25 мая. С. 3.

Призыв к интеллигенции поддержать «Заем Свободы».

172. ***Мятежные музы**: [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 30 мая. № 16256. С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*.

Перепеч.: Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны... С. 88—91.

О революционной роли искусства в истории и миссии художников в эпохи катастроф, войн и революций.

> Война только выявляет органическое зло мира, достигшее высокой степени напряжения, и из этого зла извлекает сладчайший сок самопожертвования; в явлении войны мировое зло само себя истощает и преобразуется в некоторую форму положительного блага. Революция довершает дело войны, доводя самопожертвование до степени героического восстания во имя совершенного преодоления зла, во имя претворения его энергии в наивысшую степень гражданской доблести. Искусство же подготовляет душу человека к восприятию того катастрофического потрясения и того трагического очищения, которые даны в грозном и святом явлении революции. Неразрывна связь между этими тремя мятежными силами человеческой истории.

173. ***Прощание с Петроградом**: [очерк] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 6 июня. № 16268. С. 3—4. Подпись: *Федор Сологуб*.

По случаю митинга Временного правительства, который совпал с отъездом С. и Ч. на лето под Кострому. Выражает поддержку членам Временного правительства.

> Жаль тех <...> которые не уедут и которым нельзя уехать из Петрограда, этих наших подлинных граждан, наших русских жирондистов, — благородного седовласого Родичева <...>, Милюкова, осунувшегося, исхудалого, но все еще спокойного, владеющего собою <...>, Шингарева, такого постаревшего за короткое время своего министерствования <...>. Жаль стариков «Единства», так нерадостно встреченных отчизною-мачехою и принужденных растрачивать благородный пыл своего страстного порыва к родине на ядовитую борьбу с внутренним врагом. А более всех, может быть, жаль Керенского,

юношу в черной куртке, нашего русского Демулэна, так волшебно выросшего, так чудесно прозревшего на вершинах трагического, с которыми фатально соприкоснулись его судьба и власть. Бледный, постарелый на 20 лет, с рукою на повязке и вдохновенно горящим взором, он показался мне символом обреченности, существом, далеко перешагнувшим за грань обычной жизненной судьбы.

174. ***Беседа с друзьями**: [очерк] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 9 июня. № 16274. С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*).

Рукопись Чеботаревской с правкой Сологуба; газ. вырезка: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 226.

Перепеч.: Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны... С. 91—93.

175. **Мысли вслух (По поводу выборов)**: [ст.] // Народная свобода (Кострома). 1917. 25 июня. № 45. С. 2. Подпись: *Анс. Чеб-ская*.

О предстоящих выборах в Городскую думу и в Учредительное собрание. Агитирует голосовать за список № 2 — Партию народной свободы, «счастливое сочетание *внеклассовых* интересов и *надклассовой* психологии».

176. ***От Невских берегов**: [очерк] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 29 июня. № 16308. С. 2. Подпись: *Федор Сологуб*.

Путевой очерк — о переезде из Петрограда в Кострому. Описывает беспорядки на железной дороге; разговоры солдат, простолюдинов и интеллигентных пассажиров на «самые современные темы: большевики, буржуазия, в окопах и в тылу, наступление, разруха»; споры об отношении к войне, Временному правительству, Ленину и Керенскому, о классовом разделении.

<ординарный профессор>, старик с благородным профилем и мягким выражением глаз спокойно объяснял белобрысому, курносому очень самоуверенному матросу, что такое буржуазия, и как ошибочно валить в одну кучу банкиров, писателей, фабрикантов, профессоров.

177. ****Над классами** // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 8 авг. № 16376. С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*.

Черновая рукопись Чеботаревской: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 32.

Перепеч.: Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны... С. 97—98.

Об опасности насаждения классовой идеологии.

178. ***Мой сад**: [очерк] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 29 сент. № 16467. С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*.

Два черновых автографа рукой Сологуба и Чеботаревской; две машинописи, правленные Сологубом, под заглавием «Наш сад»: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 369.

Лирический очерк о летних месяцах, проведенных в Княжнино под Костромой.

Этот возделанный клочок земли — малая часть моей родины, моей России, страны предков наших <...> ...в самые благостные дни

и часы нашего мирного до-военного бытия не были нам так милы и сад простодушный за бедною оградою, и эти шири и дали, родные просторы, и наша родина, безумная, больная, милая Россия, — и от одного звука имени ее мучительно замирает сердце.

179. **Впечатления**: [очерк] // Народная свобода (Кострома). 1917. 4 окт. № 122. С. 4.

О посещении общественной столовой, организованной городским Союзом хозяек в Костроме.

180. **Оазис среди пустыни**: [ст.] // Народная свобода (Кострома). 1917. 6 окт. № 123. С. 4.

Обзор художественной выставки Костромского художественного общества.

Упоминает работы Е. Кругликовой, В. Васнецова, А. Линдеман, Н. Орлова и костромичей: <П.> Захарова, <Г.> Трегубова, Б. Царнаха и др.

Пробегая в последний раз необширные покои этой, в общем милой, выставки, невольно удивляешься неотзывчивости костромичей к культурным запросам и художественным приобретениям. Очень мало посетителей, ничтожное количество проданных вещей. Неужели все-таки все время и все средства 60-тысячного города уходят на покупку продуктов для питания тела, и ничего не остается на питание души?

181. *__Дружная и недружная__: [ст.] // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 8 окт. № 16483. С. 5. Подпись: *Федор Сологуб*.

182. **Кто же они?**: [ст.] // Петроградский голос. 1917. 5 дек. № 5. С. 3. То же: Вечерний звон. 1917. 20 дек. № 13. С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*.

Машинопись с правкой Сологуба (первонач. заглавие «Где же истина?»): ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 68. Л. 307—312.

И невозможно угадать, долго ли удержатся у власти «рабочие и солдаты» с фамилиями Бронштейнов и Розенфельдов, или провалятся в бездну безвестности те предприимчивые господа <...>

Власть проходимцев и честолюбцев, выступающих под защитою громозвучных лозунгов.

...В эти дни какою-то ловкою передержкою искусных шарлатанов сразу был объявлен мат всем, не входящим в социалистические партии, и чьими-то краплеными картами сыграна была заранее обещанная игра, приведшая к давно намеченному срыву Учред. Собрания. Читатель, и мы с них вправе спросить: Кто же они, наконец?

183. *__Озорство__: [ст.] // Вечерний звон. 1917. 9 дек. № 4. С. 3. Подпись: *Федор Сологуб*.

Автограф Чеботаревской, машинопись с правкой Сологуба, газ. вырезка: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 389.

По поводу декрета о запрещении партии народной свободы и объявлении ее членов врагами народа.

Неужели далеко не глупый Ленин и совсем не простодушный Троцкий верят тому, что враг народа — графиня Панина, так славно работавшая, как никто из них в глухую, темную пору самодержавия, на ниве народного просвещения? <...> Или враги народа — честнейший земский врач Шингарев, или бывший учитель гимназии и профессор истории Милюков, или крестьянский сын, гуманнейший религиозный искатель Карташев? Все это — подлинно честные граждане, связанные всею своею жизнью, всею своею деятельностью, своим прошлым и своим настоящим с историею России. Они все в ее самые тягостные минуты не думали уклоняться от неблагодарного на Руси труда «либеральных» профессий. <...> Страшно подумать, что кто-нибудь сознательно губит Россию. Может быть, все делается с наилучшими намерениями. Но как же объяснить это ужасное, злое старание обезглавить Россию, лишить ее значительной и лучшей части ее интеллигенции, вывести из ее рядов такое большое количество образованнейших, умнейших, честнейших людей?

184. **На очереди**: [ст.] // Неуст. ист. <конец 1917 — нач. 1918>. Подпись: *Анс. Чеб—ская*.

Газ. вырезка с правкой автора: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 51.

О необходимости со стороны государства озаботиться организацией эстетического образования пролетариата по примеру стран Запада, сделать доступными для широких масс музеи, концерты, театры.

Революция, совершающаяся на наших глазах в искусстве, едва ли не значительнее революции политической. Какие-нибудь пять лет назад слово «декадент» было синонимом всего бездарного и нежизнеспособного. <...> За последние два-три года — огромная перемена. Казна приобретает произведения художников, над которыми издевались еще на наших глазах, адепты «нового искусства» проникают во все «толстые» и серьезные журналы, Художественный театр и дягилевские выставки вызывают во всей «культурной» Европе изумление. <...> Культурные страны Запада давно уже поняли, что предметы роскоши и произведения искусства не одно и то же, и разграничили эти области, предоставив первую — имеющим капитал, а вторую — всем обладающим пятью человеческими чувствами. <...> у нас в этом направлении сделано еще очень мало или почти ничего. Художественные издания по цене недосягаемы даже и не для пролетариев... Музеи, выставки открыты в часы и дни, когда огромное большинство населения занято работой.

185. **Опрос писателей**. **Анкета «Нового вечернего часа» по поводу декрета об авторском праве и госуд. монополии классиков** // Новый вечерний час. 1918. 4 янв. № 3. С. 3.

Ответ Анс. Чеботаревской:

Комиссар по просвещению т. Луначарский, кажется, так долго вел жизнь заграничного рантьера, что утратил всякое представление

о быте интеллигентного пролетариата, каковым, разумеется, является всякий профессиональный писатель у нас на Руси. <...> под видом «социализации авторских прав» совершается невежественными демагогами, всячески подольщающимися к толпе, грубейшее покушение на трудовые гроши работников мысли и самое циничное издевательство над правами личности, о которых не прочь пролить слезу гуманнейший г. Луначарский. <...> Разумеется, декрет об авторском праве — такая же «поденка», как и прочие произведения гг. комиссаров. Но отвратительно, что они и в этом случае не останавливаются перед искажением истины, внушая темным массам лживое представление о «буржуях-писателях», купающихся в золоте, тогда как положение писателя в России всегда было, есть, да, по-видимому, и впредь будет одним из самых бедственных и гонимых. Достаточно сказать, что за лист перевода и библиографии до сих пор работники получают 40 и 80 р., тогда как наборщик за набор того же листа получает уже свыше 400 рублей.

186. **Стрельба по своим**: [ст.] // Новый вечерний час. 1918. 29 янв. № 20. С. 3. Подпись: *Ан. Чеб-ская.*

О политическом расколе интеллигенции.

По поводу статьи Иванова-Разумника «Две России» (Скифы. Сб. 2. Пг.: Скифы, 1918) и ст. А. Блока «Интеллигенция и революция» (Знамя труда. 1918. 19 янв. № 122).

Выступает против «пораженческой» позиции «скифов». Обвиняет И.-Р. в клевете «на безответного сказочника Ремизова, оплакивающего на своем языке, своими потрясающими словами и образами гибель земли русской» (по поводу публикации «Слова о погибели русской земли» в сб. «Скифы»); защищает писателей, которых И.-Р. осудил за их патриотические выступления во время войны.

Г. Разумник Иванов ведь сознательно говорит неправду, утверждая, что Бальмонт, Брюсов, Гумилев, Сологуб, Л. Андреев и др. «славословили мировую бойню». Всякий грамотный читатель знает, что славословили и Пушкин, и Лермонтов, и Языков, и Баратынский, и Тютчев и все те, в ком билось сердце поэта, отнюдь не бойни, а те эмоции огромного духовного подъема, в которые облекаются в эпоху войн чувства героизма, подвига, самопожертвования во имя чести, во имя родины, во имя защиты земли своих предков.

Раскройте страницы альманаха, листы газеты, на вас пахнет таким букетом гнойно-моральной заразы, таким запашком полицейского застенка, от которого вы уже совсем, было, отвыкли за последние годы, когда, казалось, уже смолкли последние идейно-эстетические разногласия. Идет та же война — всех против всех, русский фронт на русском фронте, та же пальба по своим.

187. **На выставке «Мира искусства»**: [обзор] // Новый вечерний час. 1918. 16 (3) февр. № 25. С. 4.

Сравнивает выставку с прежними вернисажами «Мира искусства»: «Выставка бедна, пуста, сиротливо прячется, попав впервые

в огромные античные залы академии художеств. Где столпы еще недавно блестевшей плеяды “мирискусников”?» В числе «нескольких отличных вещей» называет работы В. Шухаева, Б. Анисфельда, С. Чехонина, А. Гауша, Е. Лансере, М. Добужинского, Б. Григорьева; отмечает отсутствие молодых.

> Но ведь все перечисленные — уже законченные мастера, почти старики <...>. Новых, молодых, талантливых что-то не видать, не идут на смену.

188. **Палка о двух концах**: [ст.] // Новый вечерний час. 1918. 13 марта (28 февр.). № 32. С. 3.

По поводу введения декрета о правах домашней прислуги.

> Если бы наши домашние служащие усвоили себе понятие, что никакой труд не унижает человека, и сознательно повысили бы интенсивность работы, всецело лежащую в их интересах, и вопрос о «вековом рабстве» утратил бы значительную часть своей обостренности.

189. ****Наблюдения и мечты о театре**: [ст.] // Русская мысль. 1918. № 1—2. Отд. II. С. 1—20. Подпись: *Федор Сологуб*.

По поводу современного театрального репертуара. О значении драматургии символистов для театра современного и будущего.

> Мир должен преобразиться путем трагическим, посредством бесчисленных искупительных жертв: ведь цель человечества — не достижение счастья, а только достойное отношение к явлениям жизни и к величайшему из них — смерти. Этот основной мотив новой драматургии выявлен нам в творчестве символистов: Вячеслава Иванова (трагедии «Тантал» и «Прометей»), Алексея Ремизова («Иуда», «Прение Живота со Смертью», «Действие о Георгии Непобедимом» <sic!> — прекрасные чисто-русские мистерии), Александра Блока («Роза и Крест», с ее основным мотивом «Радость — Страданье — одно», «Незнакомка», «Балаганчик», «Король на площади»), Валерия Брюсова («Земля»), Леонида Андреева («Царь-Голод», «Черные Маски», «Анатэма», «Мысль», «Тот, кто получает пощечины»), в моих пьесах («Дар мудрых пчел», «Победа Смерти», «Заложники Жизни», «Любовь над безднами») — вот репертуар, однако, почти целиком упорно отвергаемый.

190. **Союз деятелей художественной литературы** // Новый вечерний час. 1918. 15 (2) марта. № 34. С. 1. Подпись: *А. Ч.*

191. **Как относилась Великая французская революция к искусству**: [ст.] // Театр и искусство. 1918. № 10—11. С. 115—118.

Рецензирует книгу Ж. Тьерсо «Празднества и песни Французской революции» (пер. К. М. Жихаревой. Пг., 1918) с проекцией на современность.

> ...Несмотря на удаленность от нас эпохи Великой революции более чем на 120 лет, деятели ее гораздо отчетливее представляли себе взаимоотношение искусства и государства, чем наши современные

преобразователи. Главное же, они были проникнуты беспредельным пиететом к деятелям искусства <...> Отсюда огромный размах их деятельности, заключавший в себе, помимо нескольких неизбежных революционных вандализмов, целый, стройный и отчетливо разработанный план воздействия на душу народа <...> Окинув же на прощание ретроспективным взглядом историю этих величественных памятников народного пафоса и не повторявшегося потом нигде в истории героического подъема, сковавшее разодранное тело мятежной Франции в одно мощное целое, мы должны признать, что все это чудо возможно только при наличии грандиозного общенационального порыва. Деятелям современности, базирующимся на разжигании классовых антагонизмов, не мешало бы задуматься над этим явлением и понять, как это поняла революционная Франция, что «под словом патриотизм понимается любовь к общественному строю, основанному на началах справедливости, и что патриотизм есть вера настолько пламенная, что и сама по себе способна предотвратить всякую контрреволюцию». Они поняли также, что нужно поддерживать эту веру между прочим и частыми гражданскими церемониями, — отсюда и родилась идея патриотических празднеств.

192. **На выставке в Академии**: [обзор] // Новый вечерний час. 1918. 30 (17) марта. № 47. С. 2.

Отрицательный отзыв; протестует против решения новой власти (по сообщению газеты) закрыть Академию художеств.

...Плохая выставка. Плохая даже на редкость, даже и по нынешним временам. Даже столпам изменила твердость руки и зоркость взгляда, а молодежь и вовсе бесцветная, как на подбор.

Я думаю, что, может быть, скоро в Рафаэлиевском зале будет устроена столярная мастерская, в угоду псевдодемократическим тенденциям новых пришельцев, захвативших явочным порядком власть над делами искусства (имена этих захватчиков, образовавших самочинную бюрократическую «коллегию», вершащую судьбы искусства: гг. Штеренберг, Чехонин, Ятманов и, кажется, Матвеев).

193. **Ритм Парижа**: [очерк] // Новый вечерний час. 1918. 3 апр. № 50. С. 4.

Ностальгические воспоминания о годах, проведенных в Париже. Скорбит о бомбардировке Парижа немецкой авиацией. Выражает сочувствие союзным войскам, вынужденным продолжать оборонительную войну (после заключения сепаратного мира между Россией и Германией).

194. *__Модерн-мораль__: [ст.] // Новые ведомости (веч. вып.). 1918. 7 (20) апр. № 52. С. 5. Подпись: *Федор Сологуб*.

О произошедшей в условиях большевистского режима смене морали и отказе от общепринятых нравственных норм.

195. **Предчувствия Парижа**: [очерк] // Новый вечерний час. 1918. 12 апр. № 57. С. 4.

Воспоминания о поездке вместе с Сологубом в Париж весной 1914 г.

196. В **кривом зеркале**: [ст.] // Новый вечерний час. 1918. 13 апр. № 58. С. 3.

По поводу газетной утки о якобы введенном саратовскими коммунистами декрете о социализации женщин (разговор в трамвае). Ч. воспринимает эту новость как первоапрельскую шутку, но при этом допускает введение подобного декрета.

> Почему же, в самом деле, это несерьезно? Черты декрета налицо, — механичность, бездушность, деревянность <...>. Точно писала его не рука живого человека, а рука манекена из папье-маше. Точно все высчитано, вымерено, и очередь, и внеочередность бывших мужей, и куда явиться на медицинский осмотр, и что и куда доставлять на исследование; предусмотрены и случаи беременности и рождаемости: «младенцы в возрасте одного месяца передаются в народные приюты, где и воспитываются на счет государства до 17 лет». Человек приравнивается к какой-то изнашивающейся, нуждающейся в ремонте машине за номером таким-то; дети — к щенкам или цыплятам, выводимым в инкубаторах. Почему бы и не вменить в непреложную гражданскую обязанность, под угрозою объявления «саботажницею» и «контрреволюционеркою» служить своим телом коммуне?

197. **Психология**: [очерк] // Новые ведомости (веч. вып.). 1918. 16 (3) апр. № 48. С. 2.

Критика марксистской доктрины классовой борьбы и большевистской классовой идеологии.

> Ужаснее всего то, что все это построено на каком-то преступном легкомыслии, упоении словами, на поверхностности, которой нет имени, и от которой гибнет ведь целая страна!

198. **Луначарский и союз деятелей искусств**: [ст.] // Новая жизнь. 1918. 21 апр. № 73. *Без подписи*. См.: Встреча А. В. Луначарского с Союзом деятелей искусства.

199. **Встреча Луначарского с Союзом деятелей искусства**: [ст.] // Вечерний час. 1918. 23 апр. № 66. Подпись: *А. Ч.*

О политике большевиков в области искусства.

200. **Весенняя ностальгия**: [ст.] // Новый вечерний час. 1918. 30 апр. № 70. С. 4.

О национализации дачи и приусадебного участка Сологуба и Чеботаревской под Костромой (в Княжнине), которую они арендовали с 1916 г. О разграблении хозяйства, возделанного ими сада и огорода.

201. **Неверный признак**: [ст.] // Новый вечерний час. 1918. 8 мая. № 74. С. 4.

Статья в защиту интеллигенции: разделение общества по классовому принципу, при котором трудовая интеллигенция отождествлялась с буржуазией, должно быть заменено делением, принятым в цивилизованном обществе, — на талантливых и трудолюбивых и бездарных и не любящих труд.

202. **История повторяется**: [рец.] // Новый вечерний час. 1918. 10 мая (2 апр.). № 76. С. 4.

Развернутая рецензия на книгу Ан. Франса «Боги жаждут» (М.: «Универсальная б-ка», [1918]). Проводит параллель между событиями Великой французской революции и октябрьским переворотом: насилие и массовые убийства — «Боги жаждут одинаково, и одинаково утоляют жажду...».

> Превосходно передано также настроение безразличной пассивности, овладевающей массами в результате психики, насыщенной террором до отказа.

203. ***За-границу**: [очерк] // Петроградский голос. 1918. 12 мая. Подпись: *Федор Сологуб*.

Машинопись: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 68. Л. 171—174.

О прекращении выдачи заграничных виз.

204. **Нетленный образец**: [очерк] // Новый вечерний час. 1918. 25 мая. № 78. С. 4.

Выражает беспокойство по поводу проекта снесения памятников, оплакивает былой Петербург («совершенный образец искусства нетленного»), утративший при большевиках свой царственный облик; возмущается «внешней разрухой и зрелищем агонии северной столицы».

> Город Петербург с его чудесными, нигде в мире не повторенными гигантскими пропорциями, <...> с его величественными зданиями, над монументальною архитектурою которого трудились гении всех наций, есть не только создание искусства, но еще и образец величайшего достижения волевого темперамента гениальной личности. <...> Петербург явил миру невиданное зрелище — создание человеческого гения, образец великого нетленного искусства. Суждено ли ему после нынешних горчайших испытаний снова расцвести, или обратиться в «вольную гавань» торгующих мещан всего мира, — не все ли равно! Он был, он есть, он будет образцом искусства сотворенного и нетленного.

205. **Только в России**: [ст.] // Новые ведомости (веч. вып.). 1918. 8 июля (25 июня). № 104. С. 5—6.

Глазами зарубежных друзей (французов и англичан) сравнивает российский и европейский хозяйственный уклад, отношение к трудовой дисциплине, образ жизни.

> Чудеса нашего социалистического лицедейства все больше ставили в тупик наших милых друзей. Что ни день, то новый декрет, — для

них новая загадка, новое огорчение. Французов больше всего изумляла атрофия нашего патриотизма, англичан — отсутствие чувства долга и травля интеллигенции.

206. ****Поэт-витмеровец**: [ст.] // Новые ведомости (веч. вып.). 1918. 31 июля. № 124. С. 6. Подпись: *Федор Сологуб. Кострома.*

Черновая рукопись Чеботаревской под заглавием «Памяти В. В. Пруссака», машинопись, правленная Сологубом и Чеботаревской: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 400.

Памяти Владимира Пруссака. Воспоминания о ссыльном поэте, с которым Сологуб познакомился в Иркутске в 1916 г. во время своего лекционного турне по городам Сибири, и затем встречался в Петрограде.

207. ****О Союзе деятелей худож<ественной> литературы**: [ст.] // Вестник литературы. 1919. № 4. С. 10—11. Подпись: *Федор Сологуб.*

Dubia

208. **Вынужденный ответ** // Отечество. 1914. 25 дек. № 7. С. 1—2. *Без подписи.*

Не найдено

209. **Август Стриндберг. Барышня (Юлия).** Натуралистическая трагедия. Перевод Ф. П. Шипулинского. СПб., 1908: [рец.] // Неуст. ист.

210. **Марк Криницкий. Случайная женщина. Роман. Женщина в лиловом. Роман.** Московское книгоиздательство. <М., 1915>: [рец.] // Неуст. ист.

Машинопись: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 68. Л. 292—295.

211. **Дневник Алексея Николаевича Вульфа. 1828—1831 гг.** С пред. и прим. М. Л. Гофмана. Петроград, 1915: [рец.] // Неуст. ист.

Машинопись: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 68. Л. 153—156.

212. **На выставке финского искусства**: [ст.] // Неуст. ист. 1918. <Февраль?>.

Так трепетал в первые дни переворота наш Императорский балет, прослышав, что грозный «Совет» собирается его «отменить» и произносил умильные пред солдатами речи балетмейстер Фокин. <...>. Унизиться перед кем-то захотелось и г. Алекс. Бенуа, совершившему, пустяковый по нынешним дистанциям пробег, из кадетствующей «Речи» в большевистскую «Новую Жизнь». Я бы не стала касаться этого явления в политическом отношении достаточно незначительного, если бы г. Бенуа и его сподвижники по устройству финской выставки в петроградском бюро Добычиной не внесли бы в это простое и казалось бы не требующего комментарий дело, целый фейерверк какой-то псевдо политической шумихи и суетного пустословия, долженствующего знаменовать собою отныне общественно-художественное содружество двух соседствующих наций.

Приложение

Художественные произведения и переводы, опубликованные в периодике

Оригинальные произведения

В сумерках: [рассказ] // Русское богатство. 1905. № 6. С. 159—164.

Вечером («В тихий лунный вечер...»): [рассказ в стихах] // Товарищ. 1907. 5 (18) авг. № 337. С. 3.

Две Зины: [рассказ] // Голос жизни. 1915. № 11. С. 10—14.

Дома. Из недавнего прошлого: [рассказ] // Голос Юга. 1906. 2 февр. № 27. С. 1—2.

На высоте: [рассказ] // Товарищ. 1907. 26 апр. (9 мая). № 251. С. 3.

На елку: [рассказ] // Вершины. 1915. № 6. С. 10—13.

На рассвете: [рассказ] // Журнал для всех. 1903. № 7. С. 791—798.

На светлом фоне (Картинка с натуры): [рассказ] // Новая волна. 1906. 7 апр. № 1. С. 2.

На чужбине: [рассказ] // Русская мысль. 1915. № 10. С. 95—101.

Накануне: [рассказ] // Новое слово. 1906. № 22—23. С. 388—389.

Осеннее: [лирическая миниатюра] // Товарищ. 1907. 19 авг. (1 сент.), № 349.

Пир: [рассказ] // Голос Юга. 1905. 13 нояб. № 263. С. 3.

Рассказ старого художника: [рассказ] // Вестник жизни. 1907. № 6. С. 36—37.

Таинственный гость (Принц Карнавал). Пьеса в 1 действии. [Из Понтопидана] // Б-ка «Театра и искусства». 1915. № 6. С. 36—46.

Переводы

[Арокур Дж.] Приветствие. Рассказ Эдмонда Арокура / Пер. А. Н. Чеботаревской // Наши дни. 1904. 25 дек. № 8. С. 2.

[Верлен.] Осенняя песня (из Поля Верлена): [стих.: «Рыданья и стоны...», «Луна свой свет...»)] // Товарищ. 1907. № 403.

[Жамм.] Франсис Жамм. Дорога жизни // Вершины. 1915. Май. № 23.

Клейст. Пентезилея / Пер. Ф. Сологуба и Анс. Чеботаревской // Русская мысль. 1914. № 8—9. С 150—240.

[Метерлинк.] Intérieur. «Внутри». Драма Мориса Метерлинка / Пер. А. Чеботаревской // Журнал для всех. 1904. Сент. № 9. С. 538—543.

[Мирбо.] Октав Мирбо. Осенние силуэты. Новелла / Пер. Анс. Чеботаревской // Наша жизнь: Иллюстрированная и литературная неделя. 1905. 25 июня. № 8. (Прил. к газ. «Наша жизнь»). <В газетной

вырезке рукой Чеботаревской зачеркнуто заглавие, вписано: «можно назвать “Язвы пролетариата”».>

[Мирбо.] Париж ночью. Рассказ Октава Мирбо / Пер. Анс. Чеботаревской // Голос Юга. 1905. 11 дек. № 286. С. 2.

[Печ.] Друг народа Жан-Поль Марат. Очерк Гуго Печа / Пер. с нем. Анс. Чеботаревской // Знание — сила, Сила — знание. 1906. Март. № 1. С. 1—14.

Стукен. Гаван. Мистерия / Пер. Ф. Сологуба и Ан. Чеботаревской // Русская мысль. 1912. № 11. С. 1—48.

[Элькон.] Звезда упала. Софии Элькон / Пер. Анс. Чеботаревской: [рассказ] // Сын Отечества. 1905. 17 июля. № 129. С. 3.

[Элькон.] Навстречу смерти. Софии Элькон / Пер. Анс. Чеботаревской: [рассказ] // Там же. 1905. 11 сент. № 180. С. 2.

Указатель имен

Содержание

От составителя 5

I
ПУБЛИКАЦИИ

«Тетради посещений» Федора Сологуба. (1889—1907, 1912, 1913, 1915). *Вступительная статья, публикация и аннотированный указатель имен М. М. Павловой и А. Л. Соболева*.....9
Письма С. А. Соколова и Л. Д. Рындиной к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской (1904—1915). *Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. А. Богомолова* 140
Ф. Сологуб и АН. Н. Чеботаревская. Переписка с В. Э. Мейерхольдом (1906—1924). *Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Ю. Е. Галаниной* 238
А. В. Лавров. Новонайденные письма Анастасии Чеботаревской к Федору Сологубу (1907—1916) 399
Письма Ан. Н. Чеботаревской к Е. А. Ляцкому (1912—1917). *Вступительная статья, публикация и примечания Дж. Меррилла* 422
Иванов-Разумник в переписке с Федором Сологубом и Анастасией Чеботаревской (1910—1927). *Вступительная статья, публикация и комментарии А. В. Лаврова* 438

II
СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

Е. А. Тахо-Годи. Ф. Сологуб и К. Случевский — биографические и творческие контакты..... 517
О. Л. Фетисенко. «...В этой-то слабости и сила его» (Федор Сологуб в переписке П. П. Перцова и В. В. Розанова)..... 530
Приложение. Федор Сологуб. Письма к П. П. Перцову (1904—1906). *Публикация и примечания О. Л. Фетисенко*..... 544
П. В. Дмитриев. «Недотыкомка» М. Ф. Гнесина. К истории сочинения..... 547
Приложение. М. Гнесин. «Недотыкомка» (ор. 5, 1908). Федор Сологуб..... 551
А. Л. Соболев. К истории журнала «Дневники писателей» (1914)..... 555
Приложение. Дневники писателей. Аннотированный указатель содержания. *Сост. А. Л. Соболев* 605

Илья Кукуй, Сергей Сигей. «Черный свет»: Ф. Сологуб — Г. Лебон — А. Крученых 615

III
БИБЛИОГРАФИЯ

А. Б. Стрельникова, В. В. Филичева. Библиография художественных переводов, выполненных Ф. сологубом. Неизданные и несобранные поэтические переводы 629
В. *В. Филичева*. Дополнения к описанию библиотеки Ф. Сологуба 710
М. М. Павлова. Материалы к библиографии Ан. Н. Чеботаревской. Литературная, художественная и театральная критика. Публицистика. Рецензии 733

Указатель имен 793